

Историческая библиотека

Николай Осокин

**ИСТОРИЯ
АЛЬБИГОЙЦЕВ
И ИХ ВРЕМЕНИ**

**Издательство «АСТ»
Москва
2003**

Осокин Н. А.

О-75 История альбигойцев и их времени / Н.А. Осокин. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 896 с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-018393-3

Автор этой книги, Николай Алексеевич Осокин, — один из самых одаренных историографов России, обладавший поистине поразительной способностью обращать сухие исторические факты не просто в научные труды, но в книги — живые, интересные, увлекательные для широчайших кругов читателей.

Перед вами — самое капитальное из исследований, посвященных истории альбигойской ереси и альбигойских войн. Исследование уникальной философской концепции альбигойцев — людей, веривших, что истинное человеческое бытие намного превосходит повседневный, привычный мир.

УДК 94(44) ББК 63.3(4Фра)
© ООО «Издательство АСТ», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора

Книга первая История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III

Глава первая. ВВЕДЕНИЕ

Глава вторая. АЛЬБИГОЙСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ

Глава третья. ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЙНА

Глава четвертая. ТОРЖЕСТВО МОНФОРА

Книга вторая Первая инквизиция

Глава первая. ЛАНГЕДОК В 1216-1229 гг.

Глава вторая. НЕТЕРПИМОСТЬ И ИНКВИЗИЦИЯ

Глава третья. ПОСЛЕДСТВИЯ ЕРЕСИ И ЗАВОЕВАНИЯ

Обзор источников и пособий

Указатель важнейших персонажей

Примечания автора

Приложение

Предисловие научного редактора

Затем в укрепленный город зашел наш граф, и как добрый католик, желающий, чтобы каждый получил спасение и приобщился к знанию истины, он пошел туда, где были собраны еретики, принявшись уговаривать их обратиться в католическую веру. Но поскольку не последовало никакого ответа, он приказал вывести их за укрепления; там было сто сорок еретиков в сане «совершенных», если не больше. Был разведен большой костер, и всех их туда побросали. Нашим не было необходимости даже их туда бросать, ибо, закоренелые в своей ереси, они сами в него бросались.

Петр Сернейский

За что еретики бросались в огонь? За убеждение в том, что тело и плоть Христову вкушать во время причастия грешно? За веру в то, что душа Евы — это ангел Вторых Небес, а душа Адама — ангел Третьего Неба? За догмат о создании мира Сатаниилом? За преданность подлинной церкви, которая должна быть церковью нестяжателей, не имеющей собственности, привязывавшей бы ее к этому миру?

Легче всего было бы назвать прыжок еретика в огонь, уже охвативший его товарищей, фанатизмом. Фанатизм может быть вызван ненавистью, бездумной преданностью идее или человеку, страхом. Но ни того, ни другого, ни третьего, судя по всему, не было у людей, сжигаемых крестоносцами Симона де Монфора на братских кострах — «так, что потом останки мужчин и женщин перемешивались между собой». Во всяком случае, мы должны отличать изворотливость и даже приспособленчество рядовых альбигойцев от непреклонного принятия мученичества их духовными наставниками, «совершенными», каждый год пополнявшими списки жертв Симона де Монфора, а затем инквизиции в течение большей части XIII столетия...

Вскоре после того, как миновал 1000-й год от Рождества Христова, год ожидаемого многими

конца света, по Европе прокатилась волна увлечений странными верованиями. Их общий источник лежал на Востоке, в отрогах Закавказья, где за несколько веков до этого существовало настоящее княжество еретиков-павликиан, сохранивших здесь, в укрытии от множества исторических бурь, представления тех поколений людей, что были свидетелями возникновения христианства, представления, которые теперь совсем не казались христианскими. Павликиане верили в то, что мир создан при участии злого бога, что Христос лишь принял облик человека, нисходя в юдоль страданий; они требовали от церкви принципиальной отделенности от государства, они не принимали православную обрядность и авторитет как восточных, так и западных пап-патриархов. Понятия прошлого и будущего были для них абстракцией, ибо все, ради чего жил человек, происходило сейчас и здесь. Они не искали полутонов, пастельных оттенков; их мир был расцвечен всего лишь двумя красками — даже не красками, а крайними полярностями бытия, — белой и черной.

Когда византийские императоры одолели-таки странных еретиков, часть пленных павликиан поселили во Фракии, где те смешались со славянскими племенами, а затем оказались в сфере влияния Болгарского царства.

Именно там, в Болгарии, и сложилось учение богомилов — первый вал бури, впоследствии обрушившейся на христианскую Европу. Патарены Италии, альбигойцы юга Франции почитали богомилов как старших и мудрых братьев, хранящих нить некоей, уже неизвестной нам Традиции.

Однако самой знаменитой ветвью этой Традиции стали-таки альбигойцы — и из-за связи своей истории с возникновением инквизиции, доминиканского и францисканского орденов, и из-за героической, чисто рыцарско-средневековой борьбы, на которую оказались подвигнуты местные виконты, бароны, графы и даже три короля — французский, арагонский и английский. Альбигойские войны не являются историей сугубо религиозных противоречий, они вплетены в общую историю европейской культуры того времени, они прямо связаны с процессом складывания французской нации и французского государства.

Имена Раймондов, графов тулузских, Иоанна Безземельного, Педро Арагонского, Симона де Монфора, Людовика Святого придают судьбе альбигойцев флер рыцарского героизма. Действительно, в Лангедоке, на прекрасной земле юга Франции, в первые четыре десятилетия XIII столетия произошло немало событий, достойных пера авторов рыцарского романа. Чего стоит одна смерть Педро Арагонского, которого в решающий момент сражения с французами подвела слабость, вызванная ночными утехами с дамами!

Однако глубинный нерв событий лежал не в рыцарской героике, воспетой провансальскими трубадурами, не в кропотливой работе французских королей по собиранию земель, а римских пап — по обузданию своеволия епископов и архиепископов, не в отстаивании городскими республиками своей самостоятельности и древних, с римских времен еще хранящихся, привилегий. Основным нервом и причиной происходящего было неожиданное и массовое появление людей, не боящихся противоречить папе, стремящихся навстречу огню аутодафе как к награде.

Юг Франции тех лет производит на историка очень странное впечатление. Альбигойство, с его тягой к воздержанию, с требованием беспорочности, существует в среде городов-республик и феодальных дворов, чьи певцы воспевают куртуазию и прелести жизни. Его духовенство идет на смерть, а его адепты, не чувствуя противоречия своих действий действиям учителей, многократно отрекаются от верований для того, чтобы выжить при полумонашеских порядках, которые пытался завести здесь Симон де Монфор. Альбигойцы, достигшие чина «совершенных», не берут в руки оружия даже для того, чтобы защитить свою жизнь. Зато на их защиту встают такие люди, как графы тулузские, графы де Фуа, Педро Арагонский, отличающиеся воинственностью нрава и далеко не монашеским поведением.

Пожалуй, объяснить все эти противоречия может одно. Лангедок тех десятилетий одним из первых ощутил прелесть свободы — не только поведения, но и мысли. Лишь здесь, где города закрывали ворота перед своими сюзеренами, если те в чем-то не угождали им, где поэт упоминал имя возлюбленной прежде имени Мадонны, где бароны вели войны не ради добычи, а ради славы, где относительно спокойно жили евреи и даже арабские купцы, где устраивались рыцарские турниры, не уступающие тем, что проводил Ричард Львиное Сердце, где один из членов семьи мог быть пилигримом-крестоносцем, отправившимся в Святую землю, а другой — еретиком, смеявшимся над претензиями папы на всеобщую власть, и могло существовать альбигойство.

Ему и Традиции, что возрождалась в его лице, нужна была свобода. Свобода не только от внешних авторитетов, но и от истории, ибо для того состояния духа, в котором он стремится вырваться за пределы привычного существования, нет истории, есть лишь одно обжигающее «сей-

час», в котором только и можно совершить этот скачок.

Почему альбигойцы проиграли борьбу? По многим причинам, но в том числе и потому, что они жили этим «сейчас», не ставя цели утвердить себя на веки вечные как социальный институт, как земную власть.

Не стоит задаваться вопросом, насколько верно было учение альбигойцев, тем более что мы знаем о нем на самом деле не так уж и много. Да, из отчетов инквизиторов и сочинений католических историков до нас дошло изложение отдельных альбигойских мифов, истолкований Библии, догматов. Но очевидно, что не следует сводить одушевлявшую альбигойцев идею к учениям об избранности подлинных людей — ангелов небесного воинства — и о душепереселении, хотя бы потому, что и то и другое далеко не так эзотерично и оригинально, как это представляется на первый взгляд.

Пожалуй, есть одно слово, которое подсказывает причину внутренней силы альбигойцев, шедших на костер. Это — «чистота», то состояние, в котором человек ощущает свою нравственную свободу от любых привычных мнений, бытовых надобностей и угроз меча и огня. Свободу даже от времени. Та самая «чистота», которой не хватало более точным и правым догматически католическим инквизиторам и крестоносцам.

Альбигойцы имели чистоту своей высшей целью — и находили ее либо на костре, либо в горных пещерах, где принимали верующих, решавшихся посещать их вопреки угрозам властей. Они были не от мира сего — не пустые мечтатели и фантазеры, а люди, самой своей жизнью доказывающие, что человеческое бытие намного превосходит повседневный, привычный для большинства, мир.

Ибо, если забыть об этом, история человеческого духа превратится в последовательность странных, раздражающе-тревожных заблуждений, непонятных, а следовательно, и неинтересных людям нынешнего, крайне просвещенного века.

* * *

Книга Николая Алексеевича Осокина (1843—1895) — единственное имеющееся на русском языке исследование, посвященное истории альбигойской ереси, альбигойским войнам и первым десятилетиям существования инквизиции. Автор, доктор исторических наук, профессор Казанского университета, писал этот труд в течение шести лет. Для того чтобы получить материалы во всей необходимой полноте, он по ходатайству министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого ездил в Париж, где ему разрешили пользоваться архивами Национальной библиотеки.

Каждый из предлагаемых вниманию читателей томов представляет собой особое, самостоятельное исследование. Более того, первый являлся магистерской диссертацией, второй — докторской. Диссертации поставили Н.А. Осокина в совершенно особое положение в отечественной исторической науке — уже хотя бы потому, что автору удалось рассмотреть и изложить историю альбигойцев без всякого влияния современной ему идеологии, а ведь мы должны помнить о том, насколько сильно было влияние в России XIX столетия церковного сознания и церковных оценок. После выхода второго тома Н.А. Осокин становится известен также и на Западе, где его труд отмечается в ряде научных обзоров как превосходный.

После выхода второго тома «Альбигойцев» Н.А. Осокин продолжает много писать — теперь уже по проблемам европейской истории: от Древнего Рима до эпохи Наполеона. Он создает не одни лишь исторические труды. Ему принадлежат статьи по еврейскому вопросу («Роковое недоразумение», Казань, 1891 г.), доклады о делах Казанского уездного совета по училищам, отзывы о музыкальных вечерах. Характерной чертой всего, что выходило из-под его пера, было умение не только глубоко, по существу, раскрыть материал, но и преподнести его жизненно, увлекательно. Сочинения Н.А. Осокина ценны не только как исторические исследования, но и как познавательные книги, написанные человеком с широким кругозором.

Вот как сам Н.А. Осокин определяет цель исследования истории альбигойцев в предисловиях к первой и второй книгам:

«Подавление первой Реформации, сопровождавшееся уничтожением целой национальности, долго не перестанет быть притягательным и интересным предметом для исследователей. Но таково свойство этого вопроса, что при литературных занятиях им западные ученые не могли не проявить в данном вопросе свои личные чувства и страсти. Альбигойская вера возбуждает в католичестве ряд неприятных воспоминаний. Судьба альбигойцев неразрывно связана с историей папства и католицизма; погибая, они будто увлекали

за собой ту теократическую систему, которую так страстно ненавидели. Это послужило причиной того, что после истребления богословских и исторических памятников сектантов на веру и историю альбигойцев лежала таинственность, мало способствовавшая основательному изучению вопроса. В то же время протестантские исследователи не могли не видеть в реформаторах XII и XIII столетий своих единоверцев. Припоминая горькую участь, постигшую лангедокских мучеников веры, они окружили их религию ореолом, в каком желали ее видеть, не проникая глубоко в имевшиеся источники и не делая должного различия между разными направлениями религиозного свободомыслия. Только в последнее время появились отдельные исследования, которые смогли пролить более ясный свет на альбигойские секты, уяснив их догматическое учение, хотя западная наука не имеет связанной и общей истории альбигойцев, которая бы проследила судьбы средневековых сектантов, катаров и вальденсов, от их возникновения до исчезновения, вместе с политическими и религиозными последствиями крестовой войны в пределах Лангедока.

Русская наука в вопросе альбигойском, как и во многих других, стоит на особенно благоприятной, независимой почве. Мы не причастны к тем религиозным и национальным интересам, которые, невольно прорываясь в исследователя, могут затмить чистоту исторического взгляда. Отдаленные веками от тех событий, чуждые им по нации, мы можем отнестись к ним спокойно и примиренно. Мы не католики и протестанты, чтобы в дело науки вносить жар той или другой религиозной страсти. Для нас каждое историческое явление важно лишь в том отношении, сколько пользы оно оказывает прогрессу человечества и успехам цивилизации.

Автор должен предупредить, что богословский элемент, положенный в основание альбигойских вероучений, интересовал его не со стороны своей близости к истинному правоверию, а со стороны своего влияния на цивилизацию в целом, но, исходя и из такой оценки, он одинаково должен был прийти к выводам, для ереси неблагоприятным. Поэтому автор полагал, что было бы несообразно ни с его сведениями, ни с целью его чисто исторического труда при изложении альбигойских вероучений вступать в какую-либо полемику с ними или в какой-либо богословский анализ».

(Из предисловия к первой книге.)

«Являясь продолжением истории альбигойцев в ее втором, более долгом, но менее наполненном событиями периоде, настоящая книга имеет вместе с тем и отдельное, самостоятельное содержание. Она повествует о том времени, когда альбигойская ересь перестала быть целостной, энергичной оппозицией, когда она стала предлогом для осуществления политических задач французского правительства и когда для искоренения ее последних представителей прибегли к применению орудий религиозной нетерпимости. Таким образом, исследование об альбигойцах должно было обратиться в рассказ о приобретении Лангедока и Прованса французами и в историю начальной, т. е. южнофранцузской инквизиции.

Начало инквизиции — вопрос весьма неразработанный и темный в церковной истории, хотя ее учреждения были описаны не раз с достаточной подробностью. Автор полагает, что элементы этих учреждений коренились издавна, подготавливая почву для стройной системы. Дух, вдохновлявший инквизицию, не мог быть внесен одним человеком, он развивался под влиянием исторических судеб Западной Церкви. Инквизицию можно понимать в самом широком смысле как нетерпимость вообще и в более узком, непосредственном — как судебно-полицейское учреждение, наблюдавшее за чистотой католического учения и каравшее любое уклонение от нее. В истории инквизиции как карательного органа важнейшую роль сыграл Доминиканский орден. Потому, говоря об инквизиции вообще, мы не могли игнорировать историческое развитие религиозной нетерпимости на Западе, но вместе с тем, разбирая и опровергая все прежние теории касательно открытия первых церковных судилищ, мы искали более точную дату для начала доминиканской инквизиции. Опираясь на неизданные протоколы провансальских трибуналов, которых доселе не имели в виду, автор должен был остановиться на новой, более поздней дате.

Исходя из той мысли, что вопросы церковной истории не могут быть изучены и поняты без знакомства с политическими и общественными реалиями, мы по возможности связывали их с последними. Автор не хотел, чтобы его книга приняла характер мартиролога альбигойцев, да и независимо от этого он должен был часто обращаться к папской истории и к политическим событиям на Западе в XIII столетии (а более всего к внутренней истории Лангедока, поскольку она входила в круг задач этого сочинения), потому что инквизиционные институты создавались

под влиянием и того и другого.

Но один рукописный материал, послуживший источником для многих страниц предлагаемой книги, не мог бы сам по себе обусловить необходимость изучения провансальской и вообще первой инквизиции в глазах русской публики. Автор смеет думать, что, соединив в своем изложении историю первой инквизиции с историей нетерпимости Римской Церкви вообще, он несколько оградил себя от такого упрека. Он хотел показать, как терпимость содействовала росту и могуществу Западной Церкви и как обращение к нетерпимости повлияло на ее внутреннее и внешнее падение. С тех пор как инквизиция, явление совершенно чуждое духу христианства, стала необходимым элементом папской системы, последняя подорвала всякое уважение к себе в общественном мнении Запада и стала близиться к гибели. Инквизиция была гангреной католицизма, его злым гением. В этом отношении история нетерпимости всегда будет интересным предметом для изучения. Те охранительные, полицейские меры, которые порождает преследование протеста, всегда представляют собой орудие весьма обоюдоострое. Гонение на чужую мысль есть проявление боязни за прочность собственной, сознание внутренней несостоятельности. Нетерпимость вызвала крушение даже такой могучей силы во всемирной истории, какую была Римская Церковь. Альбигойство, явление болезненное, пало бы само собой от внутреннего разложения и от противоречий, которыми оно страдало. Трибуналы же, преследуя ересь, вызвали против себя общественное негодование, обратившееся позже на само католичество, и тем косвенно подготовили более решительную оппозицию, т. е. великую Реформацию».

(Из предисловия ко второй книге.)

При подготовке текста книги к изданию мы постарались снабдить его необходимыми комментариями уже по той хотя бы причине, что современное состояние исторических дисциплин позволяет по-иному взглянуть на многие из поднятых Н.А. Осокиным проблем. Поскольку издания прошлого века представляют собой воспроизведение рукописей магистерской и докторской диссертаций, мы несколько «облегчили» их, убрав ту часть примечаний самого автора, где Н.А. Осокин полемизирует с авторами, чьи точки зрения безусловно устарели.

Текст печатается по изданию: Н.А. Осокин. История альбигойцев и их времени. Казань, 1869—1872 гг.

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ АЛЬБИГОЙЦЕВ ДО КОНЧИНЫ ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ III

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Папа Иннокентий III. Политическое состояние Европы в начале XIII столетия. Обзор феодальной, государственной и социальной истории Лангедока в связи с причинами альбигойских ересей

18 июня 1209 года в Сен-Жилле, одном из городов Лангедока, совершался торжественный обряд церковного покаяния над тулузским графом Раймондом VI. Толпы народа окружали площадь перед городским собором; среди горожан находились рыцари и вассалы графа как невольные свидетели унижения своего сюзерена. Могущественный государь, родственник королей арагонского, английского, французского, смирялся перед силой непреклонного папы. Три архиепископа, девятнадцать епископов, все окружное духовенство присутствовало при церемонии. Впереди всех стоял папский легат Милон, представитель первосвященника и исполнитель наказания.

Граф, в одной рубашке, босой, со свечой в руке, опустился на колени перед легатом. На паперти, против церковных дверей, возвышался аналой, на котором лежали дары Христовы и священные реликвии. У ног легата Раймонд молил о пощаде. Он сам прочел длинный список своих преступлений перед Церковью, обязываясь и теперь и впредь во всем беспрекословно подчиняться повелениям папы и его легатов; граф тулузский отказывался от всякой свободы в действиях. Шестнадцать вассалов тут же подтвердили присягу своего государя. Тогда легат поднял Раймонда на ноги, накинул веревку ему на шею, взял концы ее в руку и повел его в церковь, на ходу хлестая графа пучком розог.

В слезах покаяния, а может быть и горького оскорбления, Раймонд распростерся на церковном амвоне. Тогда легат дал ему отпущение именем «господина папы Иннокентия III». Народ напирал на вошедших в церковь верующих; выйти из нее в те же двери было невозможно. Высеченный, в одной рубашке, граф невольно должен был пройти мимо гробницы блаженного Петра де Кастельно. В духовенстве пробежал говор о справедливом суде Божьем; память святого была отомщена...(1)*

Так карала Церковь того, кого она подозревала в отступничестве или хотя бы в нерадении к католицизму. Граф же тулузский совершил самое ужасное преступление для того времени — он покровительствовал еретикам.

Это происходило в начале XIII столетия. То было временем полного господства церковно-католических идеалов. Папская гегемония приобрела тогда силу исторической реальности. Не только граф тулузский, но и все европейские государи преклонялись перед авторитетом римского первосвященника.

Известно, какие образы соединяются с понятием о средних веках вообще. Но то столетие, в котором главным образом совершается череда событий, излагаемых в нашей книге, было полным их выражением. Средние века будто воплотили в нем свою культуру, которая являет в те моменты лучшие свои стороны. Вместе с богатством явлений в сфере политической и юридической этот век насыщен замечательным духовным творчеством. Если количеством великих умов определяется культурное значение эпохи, то XIII столетие имеет право называться наиболее важным в развитии европейской цивилизации, в нем сосредоточились все типичные стороны средневековой жизни.

Это был век общин, университетов, цехов, соборов, век философов, юристов, поэтов, художников, святых. Это век Иннокентия III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X Кастильских, Филиппа Августа, Людовика IX и Филиппа Красивого, Иакова Арагонского Завоевателя, покорителя мавров, век арагонской конституции и английского парламентаризма, век богатства городов и славы цехов, век Ганзы и городских союзов в Германии, век феодальной расправы и тайных судов в Вестфалии, век римского права и статутов, обоготворения женщин и философии. В духовной истории этого столетия за именами Альберта Великого, Роджера Бэкона, Фомы Аквинского идет величественное имя Данте. Но такова сила исторических явлений, что с периодом процветания неразлучны и первые признаки упадка. После тринадцатого столетия начинается разложение не только идей, выработанных им, но средневековых вообще.

Столетие это кончается трагическим падением папства, заключавшимся в поражении папы Бонифация VIII в его борьбе с королем Франции Филиппом IV, что привело к Авиньонскому пленению пап, и непосредственно предшествовавшим этому событию сожжением римской буллы.

Стремление сохранить старые начала и устранить наплыв противоположных идей неизбежно ведет к борьбе. И действительно— XIII век дышит борьбой. Борьба проникает в каждую идею и к концу века видоизменяет ее, так что в Европе XIV столетия слышится наступление иных начал, начал скорее нового времени.

В продолжение всего XIII века идет борьба: здесь и борьба церкви с ересями, накопленными прежними веками; борьба клерикального гнета с проявлениями свободной мысли; борьба пап с императорами за мировое преобладание; борьба римской теократии с национальностями; старых «правд» с подавляющей идеей римского права; феодализма с королевской властью; кулачной расправы с правильным судебным процессом; патрициев с цехами; номиналистов с реалистами; народного творчества с аристократической поэзией рыцарства; язвительных миннезингеров с сентиментальностью трубадуров.

Предметом этой книги будет замечательнейшее из противостояний. Предлагаемое сочинение имеет задачей проследить первые проявления оппозиции Римской Церкви, особенно сосредоточившиеся в южной Франции. Исходя из этого оно должно указать причины и

* Примечания автора имеют сквозную нумерацию в пределах главы и приведены в конце тома.

обстоятельства, благоприятствовавшие такой оппозиции, изложить преимущество в ересь, появившихся вообще до XIV столетия, рассказать судьбы последователей этих учений, подробно описать предпринятые против них крестовые войны и, наконец, исследовать влияние и определить историческое значение религиозных сект, известных под общим названием «альбигойцев». Показав происхождение главнейшей из них от свободомыслящих славян восточного вероисповедания, это сочинение раскроет ведущую роль славянского племени во влиятельнейшем событии средневековой духовной и политической истории.

Дело альбигойцев, как увидим в дальнейшем, было проиграно. Рим недаром вел борьбу с таким ожесточением: он опасался за самые существенные свои интересы. Ереси разного характера и разных оттенков развивались и гораздо ранее X столетия, они имели огромное число последователей во всех краях католического мира. К началу XIII века насчитывалось уже более сорока различных религиозных сект, в положениях которых присутствовали всевозможные отклонения от ортодоксии. Опасность грозила и от характера вольнодумства еретиков, и от их численности.

Существовали признаки, по которым можно судить о возможности образования в тогдашней католической Церкви нескольких новых Церквей, как это произошло позднее, в эпоху Реформации.

Уступок и примирения не могло быть уже и потому, что обе стороны являлись представителями направлений крайне противоположных. Вступив в борьбу фактически за собственное существование, Рим совершил жестокие насилия над еретиками. Но с падением альбигойцев не пропала нравственная сила их протеста, так сильно действовавшая на проявления свободной мысли дальнейших поколений.

Восторжествовать еретики не должны были еще и потому, что история была против них, их слишком смелые убеждения мало соответствовали эпохе, далеко не все из них выражали собою поступательный шаг цивилизации, так как большая часть еретиков уклонялась с чисто христианского пути. Дело в том, что слово «альбигойцы» не обозначает последователей какого-либо целостного учения — в то время это был термин, обозначающий всех, несогласных с ортодоксией.

Между альбигойцами резко выделялись две ветви, которые мы назвали бы восточной и западной. Первая связана с традицией гностицизма и азиатских философских систем в их синтезе с христианством — это собственно альбигойцы, или катары, точнее дуалисты^{*1}. Вторая же представляет евангелический, строго христианский протест — это предшественники кальвинизма, вальденсы. Между собой те и другие имели мало общего, хотя судьба свела их вместе на благодатной земле Лангедока, породившей, собственно, одних вальденсов, ибо дуалисты, имевшие несравненно более долгую историю, непосредственные преемники болгарских богомилов, помнили своих предков на берегах Черного моря, откуда ересь, продвигаясь на запад, достигла Атлантического океана.

Историк альбигойцев должен иметь дело с той и другой ветвью во всех их проявлениях, но ему следует заметить, что последователи дуалистического учения, большие числом, не могут считаться реформаторами в лучшем смысле этого слова, хотя историческая наука часто признавала их таковыми. В борьбе с ними папы стояли за интересы, более близкие будущему.

Для людей того времени католический идеал являлся символом всего лучшего в жизни, таким является он и в истории. Папство взяло на себя управление всем западным миром. Такова была теократия Гильдебранда^{*2}. Его мечты и планы стали заветом для его преемников. Папство по самому существу своему, как власть чисто духовная, пользовалось магической силой, пока не уклонилось с той дороги, которую открыло ему его удивительное могущество и счастье. Но в борьбе с альбигойцами Рим прибегнул к физическим средствам — беспощадным и кровавым. Дурной способ ведения борьбы унизил нравственный авторитет первосвященников, как

^{*1} Это — традиционная, особенно для прошлого столетия, точка зрения, согласно которой древний гностицизм имел дуалистическую природу. Между тем собственно дуалистический характер скорее присущ манихейству и производным от него верованиям, с которыми и следует генетически связывать данную ветвь альбигойцев.

^{*2} Имеется в виду папа Григорий VII (1073-1085 гг.), провозгласивший программу подчинения светской власти духовному авторитету папы («*Dictatus papae*»). В политической сфере папа претендовал на исключительные права, включая право низлагать законных государей (в том числе и императоров Священной Римской империи). Особенно известна борьба Григория VII с германским императором Генрихом IV.

произошло это позже в деле с императором Фридрихом II^{*1}. Оба эти столкновения, сопровождаемые одинаковыми условиями, привели к одному исходу — быстрому и бесславному падению некогда неодолимой силы. Тем не менее в борьбе с альбигойцами католические интересы восторжествовали.

Так как история альбигойцев тесно связана с судьбами папства, с характером той политики, какой держался относительно их Рим, то будет уместно предпослать непосредственному изложению предмета обзор того состояния римских дел, в котором застают их первые годы XIII столетия, годы альбигойских войн. Из этого обзора станут ясны силы, которыми мог располагать Рим в предстоящих крестовых походах, а равно определится место, какое должны они занимать в ряду других политических событий своего времени.

Папа Иннокентий III

Торжеству католической Церкви в борьбе с альбигойцами главным образом способствовала личность человека, возглавлявшего ее. Когда папству грозила смертельная опасность, искусством этого вождя оно вдруг приобрело невиданную внутреннюю и внешнюю крепость. Гениальный государственный деятель, он будто нарочно был призван на историческую сцену в критическую минуту. Превосходной системой стала заправлять рука человека, именем которого обозначается целая эпоха. То был папа Иннокентий III.

Он — главный деятель той драмы, которая скоро должна занять нас, и потому прежде всего следует изучить этого человека с момента, когда он становится главой католической Церкви^{*2}.

Ему шел тогда тридцать восьмой год. Редкий первосвященник надевал тиару так рано, и редкий выступал на историческую сцену более готовым к этому.

Иннокентий III принес с собой на папский престол грандиозную идею, которая, правда, была выработана предшественниками, но в нем нашла своего полного и лучшего выразителя. Он призван был завершить и создать величавое, хотя не совсем чистое, здание католицизма, и потому его симпатии лежали в идеалах прошлого. Целью Иннокентия III было закрепить владычество пап над Европой.

В то время авторитет первосвященников пал даже в их собственном государстве^{*1}. Папы последних десятилетий XII века были бессильны в своей собственной столице и находились в зависимости от городских аристократических партий. Тесно связанные с ними, они были не в силах умиротворить город. Такое бессилие вызывало тем большую ярость, что всему Западу их сила казалась столь грозной. Предшественники Иннокентия III почти всегда избирались в первосвященники уже в преклонных летах, они были сильны не как личности, а как представители наследственной политики римской курии.

Не таков был человек, который занял папский трон в 1198 году. Иннокентий III происходил из древнего римского рода графов Конти, известность которого уходит в баснословные времена. Смелые исследователи генеалогий насчитывают двенадцать столетий преемственности этого рода (2). Знаменитого папу считали потомком первого герцога Сполетского, получившего свои владения от лангобардского короля Гримоальда еще в VII веке^{*2}. Достовернее, что знаменитый префект Рима Крешенци^{*3} был его предком. Вопреки генеалогии, наследственные владения

^{*1} Имеется в виду борьба пап Григория IX и Иннокентия IV с императором Священной Римской империи Фридрихом II (1220-1250 гг.), известным своей образованностью, покровительством наукам и, в частности, организацией шестого крестового похода, результатом чего явилось освобождение Иерусалима в 1229 году.

^{*2} 1198 год.

^{*1} В так называемой Папской области, включавшей в себя Лациум, Умбрию, Романью и ряд других областей средней Италии с центром в Риме. Образовалась в 756 году, когда франкский король Пипин Короткий совершил ряд земельных пожалований римскому папе Стефану II. Следует отметить, что «Пипинов дар» включал ряд областей, так реально и не бывших в руках пап, однако являвшихся в средние века объектом их претензий: Венецию, Истрию, Мантую, даже остров Корсика.

^{*2} Лангобардское герцогство Сполето было образовано еще раньше, в 571 году. После завоевания Лангобардского королевства франками, а затем распада империи Карла Великого герцоги Сполето одно время претендовали на гегемонию среди италийских государств. Герцог Гвидо Спо-летский носил в 891—894 годах императорскую корону.

^{*3} Городской префект в Риме — должность, восходящая к республиканскому Древнему Риму. В свое время восстановлена при императоре Окта-виане Августе для ведения городских дел и надзора за

графов Конти не давали им ни особой славы, ни достаточного богатства (3). В ряду древней аристократии граф Фра-симундо, отец будущего папы, не имел особого значения, его оттесняли на второй план оказывавшие влияние на выборы пап римские фамилии — Орсини, Колонна, Франджипани, Савелли.

Род Конти суждено было возвысить Джиованни-Лотарю (впоследствии Иннокентию III). Он родился около 1161 года. Мать дала ему возможность получить воспитание в школе святого Иоанна Латеранского, которая в то время была центром подготовки католических проповедников. Он продолжил свое образование в Парижском и Болонском университетах — там он погрузился в занятия современной философией (4), но из его сочинений видно, что он хорошо изучил и классиков. Париж славился богословием и схоластикой, Болонья правом — это были знаменитейшие очаги средневековой культуры. В Париже вместе с Конти получали образование многие впоследствии прославившиеся политики и поэты (например, знаменитый немецкий миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде). Здесь Джиованни-Лотарь близко сошелся с будущим кардиналом Стефаном Лангтоном и многими другими. Через десятилетия товарищи детства послужили орудием выполнения далеко идущих замыслов Иннокентия III.

Он возвратился в Рим при папе Луции III, который дал ему несколько ответственных поручений, успешно исполненных, что послужило началом блестящей карьеры. Папа Григорий VIII делает его, еще молодого, субдиаконом (1187 г.). Джиованни-Лотарь Конти выдвигается вперед благодаря некоторым фамильным связям, но главным образом — вследствие своих способностей. Было время Ричарда Львиное Сердце и Саладина, шел третий крестовый поход с Барбароссой во главе^{*1}, у римской канцелярии было полно забот.

Климент III, дядя Джиованни-Лотаря, назначил его в 1190 году кардинал-диаконом, что равнялось званию государственного секретаря; будущему папе было тогда 29 лет. Это назначение вызвало общую радость в церкви и в народе, «возбудило большие надежды» (5), что свидетельствует о том, какую популярность уже тогда приобрел Джиованни-Лотарь. Молодого кардинала хватало на все, он строил грандиозные планы и не упускал из виду никаких мелочей.

В 1191 году на папском престоле воцарился Целестин III из враждебного Конти рода Орсини, который сместил Джиованни-Лотаря с должности. Будущий преемник Целестина III воспользовался вынужденным безделием, чтобы в уединении и думою, и литературными занятиями развить свои духовные силы. За эти шесть лет у него созрели те теократические замыслы и та многосторонняя политика, которая может возбуждать протест, но, как полезная для того времени, имеет право на исторический смысл. В сочинениях, написанных за это время, будущий тираносец томится миром, ищет покоя и уединения, хотя более, чем кто-то другой, он был способен к деятельности. В то время как он, окруженный лишь книгами, проживал в Ананьи, отрекаясь от мира, этот мир уже завязывал узлы, которые впоследствии пришлось распутывать именно ему.

Император Германии Генрих VI стремился к обладанию королевством обеих Сицилии. Целестин III соглашался утвердить его за ним лишь на унижительных для Генриха условиях, так как это королевство уже давно было под покровительством церкви — оно считалось римским вассальством и более соответствовало такому названию, чем все другие мнимые апостольские феодалы. После второго похода на юг Италии Генрих завоевал вожделенное королевство, истребил членов старой норманнской династии и с такой жестокостью подавил восстание норманнских баронов, что возбудил негодование всей рыцарской Европы. Целестин III многократно предостерегал Генриха, требовал, чтобы тот прекратил свои зверства. В конечном итоге папа отлучил императора от Церкви^{*1}. Генрих VI погиб в сентябре 1197 года, находясь еще в зрелых годах и полный замыслов мести Риму и мечтами об единой империи. Он оставил четырехлетнего римского короля Фридриха Роджера (после так знаменитого под именем Фридриха II), общую ненависть к своей памяти и междинастические распри за престол в Германии.

населением столицы. Существовала и в средневековье.

^{*1} Здесь и ниже перечисляются деятели эпохи III крестового похода — последовательно сменявшие друг друга на папском престоле Луций III, Григорий VIII, Климент III, Целестин III, а также английский король Ричард Львиное Сердце, германский император Фридрих Барбаросса, египетский султан Салах-ад-Дин.

^{*1} Речь идет о последствиях брака Генриха VI, сына Фридриха Барбароссы (император с 1191 года), на наследнице престола королевства Обеих Сицилии Констанции. Генрих лишь после второго похода на юг Италии завоевал основанное некогда норманнами королевство Обеих Сицилии и жестоко подавил восстание норманнских баронов.

Папа торопился действовать, чтобы не потерять старых приобретений в предстоящих замешательстве и безначалии. Приобретение обеих Сицилии Гогенштауфенами^{*2} казалось Риму угрожающим вызовом. Папы могли быть сдавлены с двух сторон: из Германии и южной Италии. Риму хотелось во что бы то ни было разорвать эту связь, эту грозную силу, или, по крайней мере, умалить ее, над чем папы последовательно бьются всю первую половину XIII столетия. Им необходимо было удержать вассальство над Сицилией, повлиять на вопрос о германском престолонаследии и в то же время поддерживать римский авторитет в начавшемся споре с королем французским из-за развода с Ингеборгой^{*3}.

Тогда же в Европе готовился новый крестовый поход, и тогда же до римских государственных людей стали доходить грозные слухи из южной Франции о быстром распространении ереси и о безуспешности всех соборных решений, принятых против нее. И в Риме стали серьезно думать о двух единовременных крестовых походах: один предполагался в Азию на неверных, другой — на непокорных вольнодумцев, зажиточных и веселых обитателей Гаронны, Роны и Дюранса^{*1}.

Быстрота и продуманность в действиях требовались тем более, что от неудачи прежних крестовых походов ослабевало религиозное рвение католиков. Слухи об успешном развитии многообразных ересей доходили с разных мест Европы. Ересь шла от востока к западу и прочно укрепилась в католических землях.

В Риме прекрасно осознавали всю важность настоящей минуты, вражда партий замолкла. Курия кардиналов всегда возлагала большие надежды на графа Конти, и он был призван, когда скончался Целестин III.

Умирая, папа продолжал указывать на своего друга Колонну, но его не слушали. Целестин III умер 8 января 1198 года. На следующее утро, после короткого совещания, почти единогласно был избран папой кардинал-диакон Джiovанни-Лотарь Конти. Он сопротивлялся этому на заседании коллегии — он молил, он плакал, он говорил о своей молодости. Старший из кардиналов подошел к нему и наименовал его Иннокентием III. Джiovанни-Лотарь еще не был епископом, он даже не имел рукоположения. Для него было сделано такое редкое исключение, священнический сан он принял уже после.

Для папского трона он казался весьма молодым, что не прошло незамеченным. Торжественная коронация привлекла массу народа, в среде которого новоизбранный был очень популярен. Рим горел огнями, на папскую процессию сыпались цветы. В первой же проповеди папа обратился к народу, будто призывая его на освящение своих планов; он льстил толпе и очень скоро получил существенные знаки ее расположения.

Аристократия, наоборот, мешала свободе действий первосвященника, она привыкла заправлять народной силой. В Риме властвовали нобили, императорский префект был их орудием — он передал свои права сенату, который, часто идя врозь с пожеланиями народа, юридически действовал от его имени, будучи независим от папы.

Иннокентий с первых же дней подчинил себе все враждебные ему и враждовавшие между собой элементы. Префект поклялся служить ему беспрекословно и отдавать полный отчет во всех делах — императорский меч заменила папская чаша. Иноземные претензии, хотя и номинальные, были уничтожены совершенно: город стал папским. Народ поддержал такое начало, исходившее от столь популярного лица. Сенат стал действовать уже не от имени народа, а от лица папы: первый сенатор дал присягу оберегать личность папы. Монархическое начало восторжествовало. Упрочив свою власть в столице, Иннокентий обратился к делам в Италии. Немецкие бароны, посаженные Генрихом VI, были вынуждены покинуть папскую область. Флорентийские города организовали свой союз, но и там были сильны папские симпатии. Не прошло и года, как папская область достигла своих крайних пределов, в Италии было возрождено национальное чувство. Но укрепляя свои материальные средства, Иннокентий III тем самым показывал, что в своей теократической системе он будет держаться решительного образа действий. Что честолюбие присуще ему, это заявил он еще с первых дней, но его эгоизм был эгоизмом великой души: он хлопотал не в личных интересах, а во имя торжества своей веры; он не обещал мира своей политикой, хотя стремился к нему. Свою систему папа проводил в жизнь с пылом человека, обуреваемого светским честолюбием.

^{*2} Род, из которого происходили германские императоры.

^{*3} Сестрой датского короля Кнута.

^{*1} То есть долин рек, текущих в южной Франции.

Иннокентий III, как и другие папы, для достижения своих целей злоупотреблял религией. Следуя римской политике и забываясь в увлечении, он порой уклонялся от прямой дороги, но в нем никогда не угасало понятие о высшей справедливости. В первые же дни своего папства он следующим образом высказывал свою политическую доктрину:

«На нашем попечении, лежит забота о процветании церкви. И жизнь и смерть наша будут посвящены делу справедливости. Мы знаем, что наша первая обязанность блюсти права всякого, и ничто не заставит нас уклониться с этого пути... Перед нами великое обилие дела, ежедневные заботы о благе всех церквей, мы потому не более как служители слуг божьих, согласно с титулованием нашим. Но мы верим, что волею Божией возведены из ничтожества на этот престол, с которого будем творить истинный суд и над князьями, и даже над теми, кто выше их» (6).

Иннокентий сдержал свое обещание. После Гильдебранда он был самым смелым деятелем на папском престоле, но он был гораздо счастливее Григория VII. Наряду с решительностью и отвагой он обладал редкой чистотой побуждений, чуждый личных стремлений и честолюбия. Великие исторические деятели, которые претворяют в жизнь свои идеи и политические системы, не стесняются в способах достижения цели и исполнения возложенной на них роли, их воодушевляет один помысел — воплотить свои идеалы в реальность. Благо тем политикам, которые с блеском подвигов соединяли безукоризненность его выполнения, но нельзя осуждать и тех, которые не могли найти иных средств, не выходя из условий современности. Иннокентий III не составляет исключения в ряду великих людей истории. Нравственная чистота его личного характера не подлежит сомнению, она принесла ему высокий духовный авторитет и способствовала успеху его теократических планов.

В то время для исполнения предназначений папской власти требовался именно политик с талантами Иннокентия, ум которого охватывал всю громадную арену деятельности — от Исландии до Евфрата, от Палестины до Скандинавии. То, что составляло предмет душевных дум Гильдебранда, было совершено Иннокентием III. За все время его восемнадцатилетнего правления не было факта европейской истории, который бы прямо или косвенно не испытал на себе влияния папы.

Всевидящее око первосвященника проникало как во дворец императора, так и в дом робкого горожанина на краю Европы. Поэтому переписка Иннокентия служит главнейшим источником для изучения истории его времени; миновать этот источник, имеющий достоинство государственных актов, нельзя, о какой бы то стране ни шел разговор. Для Иннокентия на всем Западе не существовало человека слишком бедного, слишком ничтожного, и, наоборот, властителя слишком влиятельного. Могущество папы в большинстве случаев опиралось на силу духовного авторитета и лишь в том деле, которое послужит предметом данного сочинения, было подкреплено силой оружия.

Таков был человек, с которым предстояло бороться альбигойцам и который сыграл главную роль в их истории.

Познакомившись с Иннокентием III, сделаем по возможности сжатый обзор тех отношений, которые сложились у него с европейскими государями.

Политическое состояние Европы в начале XIII столетия

То было время, когда судьбы государств нередко подчинялись политике пап. Император германский не мог быть императором, не будучи коронован папою. Отношения к королям французскому и английскому слагались под влиянием расчетов римской политики, а не из почтения к их силе. Ненасытное честолюбие Иннокентия III, возбуждаемое его сердечной верой в свое призвание, однако, не довольствовалось этим. Он обратил внимание на славянские страны, а в случайном основании Латинской империи видел хороший повод к соединению греческой Церкви с западной^{*1}. И все это развивалось одновременно с полной трагизма историей альбигойцев.

В выполнении своих планов по отношению к властителям современной ему Европы Иннокентий встретил сильное сопротивление. Влияние в Германии, Англии, Франции, Леоне^{*2},

^{*1} Латинская империя была основана в 1204 году, после того как участники IV крестового похода захватили Константинополь. Первый ее император — граф Балдуин Фландрский.

^{*2} Королевство Леон — в то время наиболее могущественное из христианских королевств тогдашней Испании.

Португалии, наконец, Лангедоке^{*3} папа упрочил после тяжелой борьбы с духом национальной самобытности.

Иннокентия сильно поддерживало общественное мнение, этот богословский тон эпохи. Папе приходилось в большинстве случаев защищать, по крайней мере в принципе, начала современного ему христианства, он стоял, по понятиям многих современников, на страже самых дорогих для них интересов. Но люди передовых убеждений, а также зарождавшееся городское сословие иначе относились к папским устремлениям. В Лангедоке, как увидим, из-за влияния исторических условий и по причине наличия ересей сама религия была в презрении и тем более презиралось духовенство. Но то было по духу своему явление слишком раннее, хотя даже его Рим смог сокрушить только силой оружия^{*4}. В других же странах папство имело весьма ощутимую поддержку общества. Сами политические обстоятельства способствовали осуществлению папских претензий на роль верховного судьи и решителя европейских дел.

В Германии было полное смятение: шла борьба за императорский престол. Надежды партий определялись намерениями Иннокентия III, многое зависело оттого, кого именно поддержит папа из трех претендентов: Филиппа Гогенштауфена, брата покойного императора, Фридриха Гогенштауфена, сына Генриха VI, или Оттона IV, герцога Брауншвейгского, второго сына Генриха Льва, вождя вельфов^{*5}.

Филипп и Оттон IV были выбраны на престол германскими князьями почти в одно время, каждый своей партией. Между соперниками началась война. На прямого наследника, сына императора, первое время не обращали внимания. Когда из Германии потребовали наконец решить вопрос о престолонаследии, Иннокентий был в глубоком раздумье. В конце концов он высказался в пользу Оттона.

Большинство князей желало Филиппа Гогенштауфена. Почти вся средняя и южная Германия протестовала против Оттона. В жестком тоне прогесса слышится протест вообще прогив римского гнета. В литературно-юридической форме он предварил протест альбигойцев. В письме, представленном папской курии, подвергалось осмеянию именно то, что так ненавидели еретики, за что они так жестоко пострадали.

«Может быть, святая курия, — так значилось в этом документе, — в своей родительской нежнoсти считает нас за дополнение к Римской империи. Если так, то мы не можем не заявить о несправедливости всего этого... Если избрание будет незаконным, на то есть высший судья, который разберет дело. Нет, лишь одни князья могут избирать себе государя. Божественный посредник между небом и людьми, Христос-Богочеловек разделил обе власти и каждой предназначил раздельное бытие. Тот, кто служит Богу, не должен заниматься мирскими делами; тот, кто посвящает себя делам мира сего, не должен вмешиваться в духовные».

За Филиппа ругались, что он окажет папе и Церкви все должное почтение настойчиво требуя коронации именно его. Иннокентию пришлось защищать свои замыслы, он повторил доводы Григория VII и мoгивировал их с убеждением в собственной правоте:

«Вы согласны, — писал он, — что папа коронует императора? А если нам принадлежит такое право, то вы должны знать, что мы можем по всей справедливости иметь свой взгляд на избираемого. Это уже общее право, что последнее слово принадлежит тому, кто возводит, кто посвящает. Если бы князья, хотя и единодушно, избрали святотатца, отлученного, помешанного, еретика либо язычника — разве мы обязаны короновать такого?»

Князья между тем защищали права свои и Филиппа. Дело Гогенштауфена казалось нераздельным с вопросом о существовании независимой Германии. Настойчивость Иннокентия, его угрозы только придавали силы противостоящей партии. Гогенштауфена неожиданно стал поддерживать сильный голос со стороны: в его пользу заговорил король французский, перед тем, как увидим ниже, только что подвергнутый церковному наказанию.

«Это несправедливо, — пишет Филипп-Август Французский, — относительно всех государей. Мы спокойно перенесем многое, но никогда не, что позорит нашу честь и унижает

^{*3} Юг Франции; территории к югу от Луары, названные так согласно особенностям диалектов южан. Здесь и был центр альбигойского движения.

^{*4} Автор слишком подгоняет движение альбигойцев под времена Реформации с ее не только религиозной, но и национальной идеей. В действительности богомильско-катарско-альбигойская ересь не была представительницей идеологии какой-то из возникающих наций. Да и в южной Франции языковое единство было весьма относительным.

^{*5} Вельфы — германский княжеский род, известный еще в VIII столетии. В конце XII столетия владели Баварией и Саксонией, претендовали на императорский престол.

достоинство короны. Если вы будете упорствовать в ваших намерениях, то мы со своей стороны примем такие меры, которых потребуют наше положение и обстоятельства дела».

Иннокентий в ответ прибегнул к той же ловкой риторике, наполненной прозрачными угрозами: он закончил послание пожеланием, «чтобы никогда король французский не оставлял Римской Церкви, а Римская Церковь королевства франков».

Твердость боролась в Иннокентии с политической гибкостью; он подумывал о переговорах. Гогенштауфен предлагал свою дочь в замужество одному из Конти, Иннокентий, со своей стороны, напоминал Оттону о необходимости уступок. Но неожиданное событие резко изменило ситуацию: 23 июня 1208 года Филипп был убит в Бамберге своим личным врагом Оттоном Виттельсбахом, баварским пфальцграфом. Причиной мести было оскорбленное самолюбие. В убийстве принимали участие еще несколько князей, имена которых неизвестны.

Оттон IV осгалься без соперника. Некоторое время он был в тесной дружбе с Римом; женитьбой на дочери Филиппа Беатрисе он увеличил число своих приверженцев в Германии. Будущее улыбалось ему. Но его императорская власть погибла, когда он нападением на итальянские и даже папские земли вооружил против себя Иннокентия^{*1}. Впрочем, в тот год, когда готовилась альбигойская драма, отношения Оттона к Риму были самые покорные. В 1209 году Оттон был коронован папой на условиях окончательного изменения в пользу Рима вормского конкордата, некогда покончившего спор за инвеституру. Оттон отказался от императорского права регалий^{*2}. Церковь достигла своих непосредственных целей. Вопрос с империей был, таким образом, покончен, он не занимал более Рима, и появилась возможность сосредоточить все свои силы и внимание на опасных сектах.

Папство будто предчувствовало беду, которая ему грозила, теперь оно особенно старалось запасгись силами. Властители христианского мира подчиняются в это время Риму как его вассалы — иные добровольно, иные вынужденные обстоятельствами.

Иннокентий III уничтожил всякий королевский авторитет в Англии. В бесхарактерном, дурно развитом Иоанне Безземельном Иннокентий имел противника весьма неопасного. Политикой своего короля Англия была унижена до того, что сделалась данницей Рима. Иоанн упорно держался симонии^{*1}; из-за чего постоянно возникали разногласия с папским двором. Впервые серьезный конфликт возник в 1205 году из-за выбора архиепископа Кентерберийского. Священники избрали на это место приора Реги-нальда и просили утверждения папы. Королю стало известно об этом, и по обыкновению он пришел в ярость. Иоанн отменил папское утверждение и велел выбрать другого архиепископа. Иннокентий не одобрил ни того, ни другого кандидата: в выборе духовников он увидел самовластие, а в выборе короля — пристрастие. Папа велел произвести третьи выборы в Риме, и из пятнадцати английских духовных лиц он указал на бывшего своего товарища по Парижскому университету Стефана Лангтона как на способнейшего. Король отказался принять его и в порыве злобы послал двух отчаянных рыцарей в Кентерберийское аббатство на грабеж. Иннокентий начал с увещаний, которые поручил местным епископам. Королю Англии стали грозить отлучением. Иоанн отвечал им на это заявление желанием изгнать все духовенство из Англии, если только кто посмеет произнести проклятие и отлучение, всех итальянских священников и легатов грозил изуевчить. Он прогнал всех увещателей прочь под страхом истязаний и казни. Ответ был ясен: знавшие характер Иоанна рассудили, что он способен привести в исполнение свое обещание.

Но авторитет Рима был пока слишком велик, чтобы можно было состязаться с папой. Как увидим, около того времени Иннокентий заставил смириться сильного Филиппа Французского.

Интердикт^{*2} в Англии был все-таки произнесен; вся страна впала в мрачное состояние.

Нельзя судить о впечатлении папского интердикта по нашим современным представлениям, необходимо мысленно перенестись в средние века, чтобы понять всю его ужасающую силу. Для барона и для виллана сельская церковь была одинаковой отрадой в жизни, во время бесправия

*1 В 1210 году Отгон попытался захватить королевство Обеих Сицилии и был отлучен.

*2 В 1122 году в Вормсе было заключено соглашение между римским папой Калликстом II и императором Генрихом V, согласно которому император присутствовал при выборе и посвящении папой епископов и прелатов для службы на территории Германии, оказывая, таким образом, некоторое влияние на их выбор. Теперь же император лишился такого права.

*1 То есть продажи за деньги церковных чинов.

*2 Буквально «запрещение» — запрещение церковного богослужения на определенной территории без отлучения от церкви.

лишь в ней было примирение. Теперь она была под запретом. Народу казалось, что в самом воздухе носится что-то тяжелое, жизнь везде замирала, удовольствия прекратились, о пирах не было слуха, прохожие при встрече боялись приветствовать друг друга. На всем лежала печать покаяния, все носили траурные одежды, не брили бороды. Церковные торжества не радовали более народа, двери храмов были закрыты, кресты на них опрокинуты, колокола сняты, образа завешаны, мощи убраны. Гробовое молчание наводило всеобщее уныние: нельзя было ни родиться, ни венчаться, ни умереть, всему этому не было религиозного напутствия. На кладбище крестили умирающего младенца, изредка кого венчали около могил; мертвых или оставляли гнить в надежде отпевания, или хоронили при дороге. Ужас за будущее овладевал тогда сердцами. Только крестоносцу было спасение — его напутствовали благословением, но отправляли умирать в чужую землю, и люди завидовали, что он умрет в земле святой, а не на проклятой родине.

Естественно, это ужасное состояние должно было вызывать народный гнев: религиозные обряды, как казалось народу, были попорчены королем, он ослушался высшее духовное лицо на земле и вовлек в гибельную пучину всю страну. Таков был неодолимый дух века. Для того чтобы сколь-либо сопротивляться силе истории и народного настроения, необходимо иметь особые дарования, которых Иоанн был лишен. Он думал одолеть противника жестокостью, но вся тираническая система оказалась бесполезной, пролив только лишние потоки крови.

Король Англии велел хватать, изгонять, вешать и резать тех духовных лиц, которые подчинятся интердикту. Король не довольствовался конфискацией их имений, в порыве безумия он поощрял разбои и грабежи собственных подданных, особенно если то вредило духовным лицам. Он не замедлил ополчиться и на светскую аристократию, все сословие которой заподозрил в проримских симпатиях. Он отнимал владения у кого только мог, брал в богатых семействах заложников, всячески притеснял подданных. Тем самым, одновременно настроив против себя все сословия Англии, Иоанн прекрасно подготовил будущую «Великую хартию» (см. гл. 4), а с ней свободу и парламентаризм^{*1}.

Народ волновался от тяжести церковного отлучения, а Иннокентий между тем шел дальше. Его энергия и непреклонность в достижении целей ярко отражаются в английских делах. В самый год начала альбигойской войны он произнес анафему на короля Иоанна и на всякого, кто поддержит его. В 1212 году Иннокентий отрешил Иоанна от престола. Это было последнее и самое решительное средство, оно со всей силой показывало теократические претензии пап. Иннокентий освободил английских вассалов от присяги, данной ими Иоанну, и дарил английское королевство всякому, кто возьмется наказать тирана. Честолюбивый французский король Филипп-Август взялся за эту роль.

Лишенный всяких государственных способностей, Иоанн Безземельный сумел вооружить против себя всех и с удивлением узнал, что его королевством распоряжается как собственностью человек, который некогда казался ему таким бессильным. И тогда его гнев сменился полнейшим раболепством перед папой. Он изъявил желание не только смириться перед силой духовного оружия, но и отдаться во власть папы как государя. Он отказался от Англии в пользу Рима. Он по доброй и свободной воле, как гласит акт, передавал «Англию и Ирландию на всех правах Богу, апостолам Петру и Павлу, Церкви Римской и своему владыке папе Иннокентию III и его католическим преемникам» (7).

Отдав государство Иннокентию, Иоанн получил обратно свое бывшее королевство уже как «человек» папы, с обязательством ежегодной дани в количестве 1000 марок. В Дувре повторились Каносса и Кентербери^{*1}. 15 мая 1213 года в дуврском соборе Иоанн торжественно сложил корону и скипетр перед алтарем. Папу заменял его суровый легат Пандольфо. Король опустил перед ним на колени, и легат прочел над ним молитву. Король на коленях же громко произнес ленную присягу. Тогда легат передал ему из своих рук корону и скипетр обратно, но уже милостью папы.

И не одну английскую корону держал в своих руках Иннокентий III. И раньше и после он принимал и передавал из рук в руки королевские короны.

На Пиренейском полуострове шла борьба с маврами. В это время там образовалось несколько самостоятельных государств, все они были слишком слабы порознь, пока не объединились в более обширные королевства.

^{*1} Имеется в виду ограничивавшая королевскую власть Великая хартия вольностей, вынужденно подписанная Иоанном Безземельным в 1215 году.

^{*1} В январе 1077 года папа Григорий VII вынудил отлученного от церкви германского императора Генриха IV в течение трех дней стоять под стенами североитальянской замка Каносса.

Португалия была отдельным государством уже с 1139 года. В начале XII века королем ее был Санчо Земледелец (Lavrador), демократ в душе, человек труда, без рыцарских увлечений и весьма способный правитель. Его реформы в народном хозяйстве не могли обойтись без столкновения с духовенством. Он остановил платеж в Рим обещанной еще давно дани и стал облагать монастыри поборами. Для политических видов Иннокентия Португалия не представляла особой важности, и потому папа ограничился в этом случае лишь замечаниями. Он не видел ущерба для католицизма в проведении системы Санчо, так как и сам часто ограничивал привилегии духовенства в денежном отношении, требуя прежде всего исполнения духовных обязанностей.

Для папы гораздо важнее было направление политики других пиренейских государей. Леон, Кастилия, Наварра, Каталония, Арагон^{*1}, независимые графства и города, мусульманские княжества вели отдельное существование на полуострове. История христианских государств Испании представляла много общего с Югом Франции. Сходство начиналось с самих языков. На историю альбигойцев особенно оказывал влияние Арагон. Тогда зарождались арагонская конституция и «comunidades»^{*2}; под звуки песен «веселой науки» (gaya ciencia) испанцы вдохновлялись то любовью, то боевой жизнью с непрерывными походами на неверных. Альфонс VIII Кастильский (1185—1214 гг.) особенно прославил себя ревностной борьбой с мусульманами.

Уже несколько десятилетий христианские королевства Иберийского полуострова воевали с армиями альмохадов — марокканских правителей, призванных на помощь испанскими мусульманами. Обычно государи Леона, Наварры и Кастилии выступали плечом к плечу, Однако заносчивость Альфонса VIII Кастильского привела к тому, что в решающем столкновении на полях Аларкоса (1195 год) в его армии не оказалось вспомогательных войск из Леона и Наварры. В результате войска альмахадского правителя Юсуфа аль-Мансура имели огромный численный перевес, но Альфонс VIII принял бой, в котором кастильцы были разбиты наголову^{*3}. Так вредило делу реконквисты соперничество перинейских государей. Немного оправившись от поражения, пылая жаждой мести, Альфонс VIII кинулся на Леон и Наварру. Жестоко теснимая им, Наварра вынуждена была искать защиты у арабов.

На Европу это произвело ужасное впечатление. Папа Целестин III тотчас же отлучил от церкви наваррское королевство.

Между тем Альфонс VIII помирился с леонским королем Альфонсом IX (1188—1230 гг.) и, чтобы сделать мир более прочным, отдал свою дочь Беренгарию в замужество своему недавнему противнику. Между этими двумя королевскими домами были старые родственные связи, что нарушало каноническое правило брака.

Целестин III не признал этот брак, и Иннокентий III также не решился санкционировать его, для него интересы публичной нравственности были выше политических интересов. Дело Беренгарии совпадало с подобным же делом Ингеборги, жены французского короля, из-за которой интердикт постиг Францию. При первых же угрозах духовными наказаниями леонский король уступил и Беренгария вернулась к отцу.

Иннокентий признал, впрочем, ее сына— это был будущий король Фердинанд III, соединивший Леон с Кастилией и прославившийся своей удачей в войнах с мусульманами, где он действовал в союзе с Иаковом Завоевателем, королем Арагонским. Предок Иакова, Раймонд Беренгарии IV, граф Барселонский, еще в первой половине XII века брачным союзом присоединил Арагон к поэтической Каталонии: он обручился с Петронильей, тогда еще малолетней племянницей знаменитого Альфонса Батальядора, отец которой, Рамиро II, отказался от престола и ушел в монастырь (1137 г.). Внук Раймонда Беренгария Педро II (1196—1213 гг.) был поклонником Иннокентия III. Увлекся ли он планами папы о мировой теократии, руководствовался ли чувством благодарности за благотворное влияние Иннокентия на его раздор с матерью, подчинялся ли он влиянию других побуждений, но только у него появилось желание стать одним из орудий папского всевластия. Он первый хотел показать пример добровольного подчинения Риму. В 1204 году он приехал в столицу первосвященника, где торжественно дал следующую клятву:

«Я, Петр, король Арагона, обещаю и торжественно клянусь всегда быть верным и

*1 С 1137 года Арагон и Каталония представляли собой единое королевство.

*2 Арагонские кортесы впервые собрались еще в 1071 году, то есть раньше, чем какой-либо представительский орган в других средневековых государствах Европы.

*3 19 июля 1195 года арабско-берберские войска Альмохадов разбили кастильскую армию и отбросили христиан из центральных земель полуострова.

послушным моему господину папе Иннокентию III и его преемникам, клянусь употреблять все усилия, дабы сохранить мое королевство в послушании святой Церкви, обещаю защищать католическую веру, преследовать злоухищрения ереси, покровительствовать свободным правам Церкви и во всех землях мне подвластных содействовать миру и правосудию» (8). Присягнув над Евангелием, король отправился в собор святого Петра, сопутствуемый папой. Там он снял с себя корону и скипетр, отдал все это Иннокентию и получил от него назад вместе с мечами. Король положил на алтарь грамоту, в которой была засвидетельствована его покорность. Этот документ очень важен для характеристики того времени.

«Веруя, — так начинался он, — что римский первосвященник есть истинный преемник апостола Петра и наместник того, волею которого царствуют все государи, я поставил свое королевство под кров верховного апостола и обязался для спасения души моей, а также моих предков платить тебе, верховный господин Иннокентий, и твоим преемникам ежегодную дань, за которую даю обещание вместе и именем моих преемников. В ответ на это папа примет под свой кров меня, мои земли и будущих королей Арагона» (9).

У короля Педро была в высшей степени увлекающаяся натура. Этого папского вассала мы встретим после в рядах альбигойцев; теперь же он своим унижением усиливал и без того грозное обаяние Иннокентия III.

К началу альбигойских войн не один Запад был охвачен политикой и сетями папства. Тогда же именем Иннокентия латиняне овладевали Византийской империей. Жестокости, совершенные при штурме Константинополя победителями, произошли вопреки самым строгим наказаниям папы. Иннокентий даже не предполагал такого неожиданного исхода предприятия, начатого им с совсем иной целью. Узнав о диких злодеяниях французов и венецианцев, он наказал виновных отлучительной буллой. Для него во всем этом деле важна была пропаганда не политических идей Запада, а чисто католических. Он до последней минуты мнил себя надеждой, что новая империя^{*1} станет великой посредницею примирения Церквей. Но тут его желания не осуществились, все усилия оказались напрасными. Римское влияние успело при нем приобрести некоторые выгоды лишь в отношениях с отдельными славянскими государствами, и то вследствие случайных политических обстоятельств. Впрочем и такое влияние было непродолжительно, хотя восточная Церковь не встречала противника более опасного, чем Иннокентий III.

Прежде всего были благоприятны тому духу непрерывной пропаганды, который одушевлял папа, события в Сербии. Один из великих жупанов династии Неманичей, Вукан, из личной вражды к Стефану изменил своей вере и народу, он заключил тайный договор с Андреем Венгерским и пригласил к себе папских легатов^{*2}. Он сделался ленником римским, Иннокентий его везде титулует: *illustrer rex Dalmatiae et Diocleae*^{*3}. (10) Далмация окончательно закрепилась за католичеством и сделалась полуйтальянской страной. От политики Иннокентия III, начатой еще Григорием VII, во многом зависела историческая судьба этой страны, хотя введением ее в систему католических государств папство само помогало своим непримиримым врагам — альбигойцам. Как увидим, секта распространилась на Западе через деятельное посредство Далмации и вообще славянского элемента, игравшего в ней огромную роль. Однако Далмация не годилась для влияния на славянские православные государства. Напрасно дарил Иннокентий королевский титул Стефану Сербскому^{*1} и пытался обратить его народ в католичество. Здесь он встретился с решительным сопротивлением со стороны православной религии.

Но счастье по возможности сопутствовало Иннокентию. В Болгарии политические расчеты заставили царя Ивана Асеня временно примкнуть к Риму. В 1203 году папа послал благословение духовенству болгарскому, а царю — титул короля. В ноябре 1204 года совершилась коронация и заключено соглашение между Римом и Болгарией. Царь, принимая спорные догматические пункты, подчиняясь Иннокентию, не давал, однако, больших прав Риму в своих внутренних делах. Религиозное ренегатство имело в Болгарии немного примеров, и то лишь в высшем сословии.

Все попытки действовать на русских князьях оказались безуспешными (11). Падение

^{*1} То есть Латинская империя.

^{*2} Династия Неманичей была основана в Сербии Стефаном Неманей в 1170 году. В 1196 году, приняв монашеский обет, Неманя передал престол сыну Стефану Первовенчанному. С последним и боролся другой сын Неманя, Вук. В 1202-1203 годах последний даже владел великожупанским престолом.

^{*3} «Сиятельный король Далматинский и Диоклеаский» — по названию римской провинции, на которой располагалась часть территории сербского жупанства, а также по резиденции архиепископа.

^{*1} Стефану Первовенчанному в 1217 году.

Византии стало одним из предлогов для таких шагов. Извещая русское духовенство о взятии Царьграда, Иннокентий отправил на Русь кардинала для проповеди и убеждения князей. В булле, написанной вообще очень сдержанно, указав на падение Византии, папа советовал русским не сопротивляться и не отпадать от единой паствы Христовой (12). Результаты деятельности Иннокентия по отношению к России ограничились успехами его проповедников-крестоносцев в Прибалтике, также охваченной его замыслами. Епископ Ливонский Альберт принудил к подданству Двинского князя Всеволода, сделавшегося его наместником в Герсике.

Просвещение язычников прусских и ливонских, неразлучно связанное с именем и эпохой Иннокентия III, еще раньше альбигойцев показало, как опасно употреблять для достижения духовных целей оружие. Истребительной системой католицизм столь же опозорил себя в крестовых походах на Юге, как и в вековой крестовой войне на Севере^{*2}. Но и тут и там не должно приписывать Иннокентию террор, против которого он всегда возражал. Рожденный нравами духовенства, сложившимися раньше, террор принес огромный вред католицизму. Приобретения самого Иннокентия истекли из его политического искусства и авторитета его имени. Так, Армения, например, подчинилась ему без всякого насилия. Ее князь Лев получил за это титул короля^{*1}, а католикос армянский — священные одежды от папы.

Таким образом осуществлялись замыслы Гильдебранда. Теократия далеко раскинула свои границы. Единая воля руководила многообразными странами единой веры. Небольшой человек, с гордым взором, древний римлянин лицом и характером, управлял этим величавым государством. Он мог гордиться тем, что среди миллионов своих подданных мог назвать имена государей. Англия, Арагон, Болгария, Армения только увеличили этот длинный список римских ленников, который папы хранят в библиотеке Ватикана. В нем ряды королей, а также князья, графы, епископы, бароны, города.

Поразительная деятельность требовалась для создания и исполнения такой системы. И ею вполне обладал Иннокентий. Три раза в неделю собирался совет кардиналов под его председательством. Он сам вникал в каждое дело до мелочей, невзирая на то, было ли оно политическое или частное. Нельзя не удивляться массе оставленных им писем, декретов, булл, даже если не все они составлялись собственно им самим. А между тем он имел еще время и желание лично с судейского кресла разбирать дела римских граждан и своих непосредственных подданных. Доступ к нему был открыт для всех; словесный судья мелких тяжб, он обсуждал в то же время во всех подробностях огромные государственные дела.

«На совещаниях кардинальской коллегии, — писал про Иннокентия Раумер, — он изучал и разбирал всякое показание с такою честностью и проницательностью, обнаруживал такое беспристрастие и благородство, что и теперь дошедшие до нас его письма, как по форме, так и по содержанию, могут служить образцом юридических разборов и решений» (13).

Иннокентий гармонично совмещал в себе величавость стремлений и хладнокровие исполнения.

Еще более мы убедимся в блестящем состоянии внешней папской политики и еще скорее пойдем упоение Иннокентия победами и властью, его веру в неизменность торжества, когда обратимся к другим европейским государям.

Филипп II Август, одно прозвание которого обозначает могущество и счастье (14), не избежал нравственного подчинения Риму и претерпел унижения от Иннокентия III. Дело с Ингеборгой^{*1} по своему смыслу должно занять одну из лучших страниц в далеко не всегда светлой истории папства.

«Кудесничеством ли волшебников, наветами ли дьявола, — говорят хроникеры, — только король с некоторого времени без ужаса не мог видеть своей жены, которую так любил невестой» (15).

Эта непонятная ненависть завладела сердцем Филиппа на другой же день брака; в самый

^{*2} Именно при Иннокентии начались завоевательные походы Тевтонского ордена на территории расселения пруссов и ордена меченосцев в землях ливов. И в Пруссии, и в Ливонии крестовые походы сопровождалось беспощадным опустошением земель, чьи жители сохраняли верность язычеству, и массовыми народными восстаниями против католических завоевателей. Из русских княжеств ордену меченосцев удалось подчинить только мелкие владения в нижнем течении Западной Двины. В 1234 году меченосцы были разбиты отцом Александра Невского Ярославом Всеволодовичем при Юрьеве, а в 1236 году литовцами и земгалами при Шауляе.

^{*1} Речь идет о царе Киликийской Армении Левоне I (1187—1219 гг.).

^{*1} Супруга Филиппа Августа, сестра датского короля Кнута.

момент коронации зародилось в нем чувство отвращения к молодой жене. Когда на предложение развода со стороны короля Ингеборга ответила отказом, Филипп заключил ее в строгий монастырь, где ей, по его распоряжению, отказывали даже во всем необходимом. Ее брат, датский король Кнут IV, пожаловался в Рим. На представления Целестина III Филипп ответил женитьбой на красивой Агнессе де Меран, дочери одного из тирольских князей. Целестин отменил постановление о королевском разводе; ни на что большее он не решался. Не таков был Иннокентий III. Тут уступки и снисхождения быть не могло. Иннокентий твердо и строго потребовал, чтобы король возвратился к своему долгу и удалил от себя наложницу.

В декабре 1198 года в Париж прибыл кардинал Петр Капуанский. Он был готов к самым решительным мерам, ему были предоставлены все необходимые полномочия. Он вступил в переговоры с королем. Легат папы просил, убеждал, наконец грозил, Филипп не соглашался ни на что.

«Если позволить королю французскому, — говорил Иннокентий, — развестись с женой, то и прочие государи, наконец сами граждане последуют такому примеру. Таинство, освящаемое Церковью, делается простым наложничеством. Зло надо остановить в самом начале».

В решительных выражениях он писал Филиппу:

«Внушаемые Богом, мы непреклонны духом и неизменны в намерениях. Ни мольбы, ни могущество, ни любовь, ни ненависть не заставят нас уклониться с прямого пути; идя по царственной стезе, мы не свернем ни направо, ни налево, без страстей, без лицепрятия. Как бы ты высоко ни ставил свой сан и могущество, все же ты не можешь противостоять перед лицом не говорю нашим, а Божьим, которого мы, хотя и недостойные, считаемся на земле представителями. Наше дело есть дело правды и истины» (16).

Это было написано в первые месяцы его папского сана. Ровно год прошел в переговорах. Когда все убеждения были напрасны, легату было разрешено приступить к действительному исполнению угрозы. В январе 1200 года французское духовенство собралось на собор в Вьенну. Колокола звонили погребально; иконы покрывали трауром; мощи убрали под спуд; у епископов и священников были в руках факелы. Легат в черных ризах объявил, что именем Иисуса Христа вся Франция предана отлучению от Церкви за грехи своего короля.

Это было первое приведение в исполнение высшего церковного наказания для Франции. Подобный интердикт, примененный к месту, заменял для папы блистательное генеральное сражение. В Риме убедились, что это средство, как ни мало было в нем христианского, полностью достигало своей цели.

Интердикт во Франции должен был иметь силу до тех пор, пока король не прервет незаконных связей с Агнессой.

«Как только решительное слово было произнесено, — рассказывает очевидец, — стон печали, рыдания стариков и женщин, даже плач детей — раздирающие звуки раздались под сводами портиков вьеннского кафедрала. Казалось, настал день последнего суда».

Общий ужас овладел всеми. Вспомним, что тогда все жило религией с ее обрядами, и теперь целому народу было в них отказано. На французов это произвело тем более ужасное впечатление, что Франция впервые подвергалась такому отлучению.

Как ни препятствовал Филипп исполнению интердикта, как ни грозил конфискацией и смертью тем духовным лицам, которые будут вводить его, все это не принесло успеха, и наконец он должен был уступить папе и духу своего времени. В сентябре 1202 года восьмимесячный интердикт был снят и вся страна вздохнула свободно — зазвонили колокола, открылись храмы. Исполняя волю Иннокентия, король с горечью произнес:

«Как счастлив Саладин, что у него нет папы».

Агнесса была удалена, но Ингеборга, конечно, не могла заменить ее в сердце короля. Он по-прежнему ненавидел ее и вторично посадил ее в заключение, когда Агнесса умерла во время родов. Пораженный смертью любимой женщины, Филипп последовательно вымещал свои несчастья на жене.

Иннокентий опять вступился за ее права. Его переписка с ней дышит теплотой чисто родительского чувства. Только спустя десять лет политические обстоятельства и необходимость папской поддержки заставили Филиппа примириться с женой. Но ей не суждено было испытать счастья, призрак Агнессы всегда стоял между ней и королем. Если Филипп Август и решился забыть на время о своей возлюбленной, то лишь под влиянием честолюбивых замыслов овладеть английским королевством.

Это событие происходило в разгар альбигойской войны, а об отношении Филиппа к ходу

последней мы будем говорить в своем месте. Теперь же необходимо указать на то состояние, в котором находилась Франция перед началом альбигойских походов, сыгравших такую важную роль в ее истории.

Тогда наступала пора могущества королевской власти, шло дело собирания франко-галльской земли. Филипп Август обладал всеми качествами, необходимыми для свершения такого назначения. По своему личному характеру, он способен был и на явное насилие, и на беззастенчивый произвол. Он прекрасно усвоил ту политику, которую лишь смутно понимали два его предшественника^{*1}. Он первым из средневековых государей преследовал чисто государственные цели новой истории. Еще более ярко освещается его лик, когда сравнивают с ним другого знаменитого современника, Ричарда Львиное Сердце. Тип своей эпохи, царственный искатель приключений, Ричард был именно королем феодализма. Вся его слава в рыцарской чести и в личных подвигах — он действует с пылом средневекового юноши, который грезит войнами, турнирами. Филипп перед ним — муж, в широком смысле этого слова, в нем отвага сменяется системой, храбрость — политическим искусством, увлечение — расчетом. Со своим ясным планом, твердой волей, гибкостью характера, с замечательной настойчивостью и терпеливостью, Филипп II — человек иной эпохи.

У него были именно те качества, которые обещают торжество в борьбе, хотя и не быстрое, не ослепительное. И действительно, в аквитанской войне Филипп утомил Ричарда, хотя и не победил окончательно. Тем скорее он мог остаться победителем в борьбе с его братом и преемником Иоанном^{*2}. У Иоанна не было ни чувства сословной чести, ни тем более героической отваги Ричарда. Без всякой системы и последовательности в действиях, он страдал от Филиппа II так же, как от Иннокентия III.

Филипп Август сделал бы, вероятно, и больше, если бы в знаменитом папе не встретил блюстителя политического равновесия. Филипп получил государство с границами, оставленными Людовиком Толстым. Еще тогда, в первой половине XII века, складывалось убеждение в преимуществах королевской власти перед феодальной. «Известно, что у королей долгие руки», — писал аббат Сугерий^{*1}.

Вместо исключительной свободы рыцарей и отчасти горожан там, где последние успели добыть ее, королевская власть приносила надежды на некоторое обеспечение низшего сословия в ту эпоху безначалия, когда, по пословице, каждая колокольня имела особый звон. Феодализму не доставало единства и верховной власти. Совсем отдалиться королям общество того времени не могло, признание новой власти невозможно было без борьбы, которая продолжалась столетия и долго не давала решительных результатов.

Филипп сделал заметные успехи по объединению Франции. Свои собственные домены король увеличил покупкой во время крестового похода^{*2}, а также умением пользоваться обстоятельствами: города за деньги просили его утверждать договоры со своими владельцами или покупали у него привилегии и вольности. Таким образом, Филипп II, получив от отца тридцать пять превоств, уже в 1217 году имел шестьдесят семь; они давали ему сорок три тысячи ливров годового дохода. Эти средства, обаяние побед, ряд законодательных и распорядительных мер возбуждали национальный дух. Мы видели сейчас, как король пытался сопротивляться Риму, создавая в своих думах идеал вполне независимого государства. Тем не менее Иннокентий настоял на своих требованиях.

Для достижения поставленных государственных целей Филипп пользовался и другими путями. Он становится первым законодателем Франции. При первых Капетингах^{*3} не видно законодательных актов, никто не пытался ввести порядок в колебавшийся организм, создав что-либо прочное среди местного произвола. Среди ордонансов французских королей Филиппу II

^{*1} Имеются в виду Людовик VI Толстый (на престоле с 1108 по 1137 гг.) и Людовик VII (король с 1137 по 1180 гг.). Наиболее известной политической ошибкой последнего был развод с Элеонорой Аквитанской в 1152 году. После брака Элеоноры с Генрихом Плантагенетом Аквитания перешла в домен английских королей.

^{*2} В 1204 году Филипп отвоевал у англичан Нормандию, а затем несколько герцогств и графств в центральной и южной Франции.

^{*1} Духовник Людовика VII, бывший регентом, пока король участвовал во втором крестовом походе.

^{*2} Покупкой имений баронов, отправлявшихся в Святую землю и рассчитывавших получить там новые земли.

^{*3} Династия, правившая во Франции, начиная с 987 года.

принадлежат пятьдесят два указа, большая их часть относится к вопросам государственного управления. Его завещание перед отправлением в крестовый поход приносит честь его государственному уму.

Характерны изменения, введенные им в систему государственного и церковного управления. Правителям провинций и бальи поручалось избрать для каждого превоства четырех человек из «граждан хорошей известности». Без участия двух таких депутатов бальи не мог разбирать дела; в Париже должно быть шесть выборных. Раз в месяц бальи приглашал к себе тяжущихся. Если освобождалось епископское или настоятельское место, то церковные каноники и монахи сами избирали, в присутствии регентши и архиепископа, «такого пастыря, который нравится Богу и хорошо служит государству»; по посвящении ему вручались регалии.

Королевские доходы собирались в три срока ежегодно к главным церковным праздникам. Сбор же налогов во время отсутствия короля был воспрещен, кроме случаев чрезвычайной важности. Запрещено было также наказывать тех обвиненных, которые изъявят желание апеллировать к суду самого короля. Филипп вел дело государственного управления как искусный и рассудительный хозяин. Его меры вызвали благодарность народа, который под рукою короля чувствовал себя менее сдавленным, нежели в тисках феодализма. Его подвиги дали материал для целой эпопеи — «Филиппиде» Вильгельма Бретонского. В ней можно видеть, как стало крепнуть национальное чувство французов с самого начала XIII столетия и какую важную роль играл при этом сам король. Он искусно пользовался значением и симпатиями городов: те, которые отдавались под его покровительство, если не по искреннему убеждению, то из необходимости, утверждались в своих правах.

Короли вообще не могли сочувствовать пестрой общинной жизни. Средневековая коммуна, взращенная больше трудом и горем, стоившая часто так дорого своим гражданам, не могла не сознавать себе цены и, естественно, носила тот дух строптивости, беспокойства, который не мог нравиться королям с их ровной системой. Целью каждого средневекового города было выработать у себя коммунальное устройство, но рост королевской власти во Франции заставлял большую часть из них останавливаться на половине пути и довольствоваться лишь льготами и некоторыми исключениями из образа управления короля или феодала.

Автор истории города Лаона, живший в начале XII века, аббат Гвиберт, отзывается про общину тоном ненависти и презрения. Он удивляется потворству баронов простому народу. «Горожане, — замечает он, — избавлены от сбора налогов, кроме положенного однажды в год, и от всяких повинностей, которым обыкновенно подлежат рабы».

Но в общине были не одни льготы, пожалованные бывшим владельцем; община имеет значение столько же политическое, сколько моральное, ее надо рассматривать как целостное государственное явление и вместе с тем как живой пример, зовущий к свободе и самоуправлению. Ее создавала не милость владельца, а право, добытое кровью, оружием и большими материальными пожертвованиями.

Хотя в городах северной Франции господствовал демократический дух, тем не менее общины в строгом понимании этого слова существовали только на Юге. В Лангедоке, Гиенни и Провансе благоприятные условия коренились в римском прошлом, там общинное устройство сжилося с историей страны и сделалось неотъемлемым ее достоянием.

Не то было в собственно Франции. В ней возникло два рода городских учреждений — в северных ее провинциях самоуправление оказалось выработано ходом внутренних событий, в средних оно было даровано владельцами и утверждаемо иногда королями (17). Однако эта частная городская жизнь с мэрами-заседателями сильно отразилась на государственной истории Франции. Учреждения средневековых городов изменили уклад общественной жизни.

В продолжение всего XIII столетия шла борьба городского права с феодальным, новых понятий с привычками старого времени. Сперва новизна наступает боязливо, потом смелость защитников ее увеличивается и они сокрушают феодальное бесправие вместе с феодальными замками под эгидою вернувшегося из давних веков римского права. В перепетиях этой борьбы развивается и крепнет сила третьего, торгово-городского, сословия, а обычаи его из городского круга переносятся в государственную практику. Особенно важно влияние коммунального права на законодательство о семье, состояниях и наследстве. Оно устанавливает имущественное равенство между всеми детьми, равенство братьев и сестер в гражданских правах, общность имущества, приобретенного во время супружества.

При всем сходстве целей монархическая власть не совсем дружелюбно была расположена к коммунам. Богатство фландрских городов и блистательная жизнь городов лангедокских

возбуждали жадность королей. В основании общины лежал принцип, неблагоприятный монархическому, поскольку она создавалась благодаря предприимчивости и отваги ее обитателей, которые прекрасно владели оружием, которые бились до последнего и погибали за свободу и самостоятельность. Звук вечевых колоколов, вид муниципального ополчения, выборы городских властей, с которыми горожане свыкались с первых воспоминаний детства, имели на них магическое влияние.

Филипп Август терпел неудачи в борьбе с общинами, поскольку близость к северу давала энергию защитникам общинного начала: торговцы Фландрии били железных рыцарей. Короли XIII столетия посвятили себя уничтожению опасного республиканского начала с одной стороны — во Фландрии и соседних северных провинциях, с другой — в Лангедоке. Альбигойцы подали повод к осуществлению последней цели, и потому крестовые походы против них служат выражением политических унитарных стремлений французских королей. Но государству пришлось остановиться на компромиссе: короли поняли, что община, лишенная полной самостоятельности, может послужить для них помощницей в другой борьбе, которую они одновременно предприняли против врага более закоренелого — феодализма. В своих владениях король давал вольности городам, но не допускал введения коммунального устройства. Такие города, как Париж, Орлеан, Бурже, Этамп, Моррис, никогда не были общинами. Мане составлял исключение, оправдываемое близостью Нормандии. Дальнейшее расширение французской территории должно было, следовательно, идти вразрез с интересами республиканской городской жизни, придавшей столько республиканского очарования средним векам.

Между тем Филипп II был счастлив в завоеваниях. В продолжение 1199-1205 гг. он отвоевал от Иоанна Английского его французские феодалы: Нормандию, Анжу, Мен, Пуату и Турень. Был даже предлог, который санкционировал за ним эти владения. В 1203 году Иоанн убил своего племянника Артура, владетеля Бретани. Филипп потребовал Иоанна, как одного из вассалов^{*1}, к суду пэров и до окончания процесса объявил Нормандию своей. Иоанн отправил к Филиппу посольство, которое просило ручательства в том, что королю английскому дозволено будет беспрепятственное возвращение из Франции. «Всеми святыми французскими клянусь, — воскликнул король, — что это может быть только с решения суда» (18). Иоанн не решался ехать, а суд баронов заочно приговорил его к лишению ленных владений. Таким образом Филипп II вернул большую часть земель, считавшихся некоторое время, вследствие брака его отца^{*1}, в числе ленов французского королевства.

Замыслы Филиппа простирались теперь на другую часть приданого королевы Элеоноры, а затем и на весь остальной юг Франции, его соблазняли богатства и роскошная жизнь пышных князей, рыцарей, торговцев Аквитании.

Альбигойская война послужила средством к осуществлению таких замыслов.

Эта война — самая страшная в истории Юга Франции. Она залила кровью страну и вместе с тем принесла с собою полное изменение ее политического, общественного, духовного и экономического состояния. Чтобы постичь результаты и характер альбигойской войны, нужно знать, в каком положении находилась южная Франция до нее, и особенно Лангедок, а для этого следует бросить взгляд на судьбы страны, которую лучше всего определить как отчизну языка романского, мелодичного наречия «d`ос».

Обзор феодальной, государственной и социальной истории Лангедока в связи с причинами альбигойских ересей

Там, где только говорили этим языком, всегда сохранялась своя цивилизация и собственная культура. Этот плодородный край с роскошным климатом уместается между Францией, Италией и Испанией. Два великих моря, избородив его берега удобными гаванями, призывают обитателей к промышленной и торговой жизни. Сама природа определила ему это назначение, сделав его посредником между южными краями Европы и ее северо-западными государствами; она же придала подвижность, предприимчивость, поэтичность, страстность и вместе с тем легкомыслие тому народу, который населял эту страну. Римляне имели здесь две большие провинции: то были Галлия Аквитанская, позднее Гиеннь, и Галлия Нарбоннская, впоследствии Лангедок с

^{*1} Иоанн был его вассалом, поскольку владел наследственными землями Плантагенетов, лежавшими в синьории Капетингов как французских королей.

^{*1} На Элеоноре Аквитанской.

Провансом. Как государственное тело, оно, естественно, не могло быть крепким и прочным: мелкие владения, а еще лучше независимые, самоуправляющиеся города, — это более согласовалось с местными географическими и общественными условиями. Нельзя даже обозначить с точностью тот народ, который постепенно здесь сложился. Язык был один, но он не только не способствовал объединению племени, но даже не стал именем страны, в которой был в употреблении.

Наименования Аквитании, в ее широком смысле, и после римлян были неустойчивые и неопределенные: Готия, Романия, Прованс, Лангедок, Аквитания. Каждое из них относимо к большей долей справедливости к ее отдельным частям. Сам язык назывался то провансальским, то лемузенским (19), но чаще и раньше — собственно романским. Этот язык призван был играть большую роль в духовной истории средневековой Европы. Границей его распространения на севере была линия, проведенная через Сентонж, Перигор, Лемузен, Овернь, Лионнэ и До-финэ; на юге он проникал в глубь Испании, захватывая Каталонию (20); этим же языком говорили в пределах Савойи и даже Женева, Лозанны и южного Валлиса. Образованность будто всегда была сроднившейся с южной почвой. Когда Париж был еще жалкой бургадой^{*1}, Тулуза, Нарбонна, Арль, Бордо считались населенными и цветущими городами, украшенными всем блеском римской цивилизации и утонченностью жизни. О школах Марселя говорит Тацит; в Отене и Бордо учили Евмен и Авсоний; с которыми они свыкались с первых воспоминаний детства. Тулуза, царица южных городов, считалась Афинами Галлии — там блистали лучшие риторы римского времени, в ней воспитывались родственники императорского дома. Ювенал предлагал поэтам искать убежища в Галлии.

Христианство быстро прижилось в долинах Роны, Гаронны и Луары; здесь пылкий темперамент жителей ознаменовал первые годы его мученичеством и отшельническими подвигами. В то же время в высшем сословии христианство сумело совместиться с обычаями старой античной жизни лучших времен Империи, тем более что галльская аристократия сделалась уже вполне римской. Епископы и сенаторы нарбоннских и аквитанских провинций проводят жизнь в своих роскошных поместьях так, как некогда проводил ее Цицерон, удаляясь в свое тускуланское уединение. Лампридий, Севериан, Дом-нул, Феликс, Консенций, сам Сидоний поют хвалу наслаждениям и природе в то время, когда их родина переходит незаметным путем в руки варваров. Клермон-ский епископ и нарбоннский вельможа, будто веселые трубадуры, воспевают стихами прелестный климат страны, а музыканты Нарбонны и Безьера торопятся предложить свои мелодии. Весело и беззаботно-счастливо проходила жизнь романцев даже тогда, когда Гонорий уступил часть их земли вестготам и варвары постепенно захватывали страну. Вестготское королевство со своей столицей Тулузой раскинулось по обе стороны Пиренеев.

В массе своей вестготы были ариане, и вот один из альбигойских элементов уже с первых времен самостоятельности Юга прививается на его почве^{*1}.

Столетие спустя франки одолевают вестготов и оттесняют их к югу; только одна часть Септимании, названная Готией (именно Лангедок без диоцезов Тулузы и Альби, или по римскому счету *Narbonnes prima*^{*2}), остается за ними по сию сторону Пиренеев, и она-то делается ареной всех тех войн, которые совершались впоследствии из-за обладания этой заманчивой страной.

В начале VII столетия арабы разрушили царство вестготов; Карл Мартелл в 732 году с трудом остановил их уже в самом сердце Галлии, Эд, герцог Аквитанский, помогал ему в войне с мусульманами.

Пипин Короткий окончательно очистил от арабов весь Лангедок и присоединил его к своей монархии (около 760 г.).

А между тем мусульманство уже успело оказать свое влияние на нравы страны, тем более что, и изгнанное, оно заняло соседнюю Испанию. Естественно, что южанам и теперь и после придется быть в постоянных столкновениях и сношениях с людьми иной цивилизации, иных понятий, иной религии.

^{*1} Городком.

^{*1} В 418 году вестготы образовали самостоятельное государство, занимавшее большую часть Аквитании. К этому времени они приняли христианство в его арианском варианте. Арианство названо по имени александрийского священника Ария (умер в 336 году). Основное догматическое отличие учения Ария от православия заключается в признании Христа сотворенной сущностью, посредником между Богом и миром.

^{*2} «Нарбоннская первая».

В обширном государстве Пипина герцоги и графы сделались королевскими наместниками, исполнителями его повелений. Некоторую самостоятельность успела приобрести с давнего времени династия аквитанских герцогов, получившая владения от одного из древних королей франкских — Хариберта^{*3}.

Карл Великий в 778 году образовал особое королевство из Аквитании со столицей в Тулузе. Более столетия Аквитания имела свое независимое существование, Лангедок входил в нее некоторое время, пока не был соединен под одно управление с испанскою маркой (818 г.). Будущий император Людовик был ее королем в продолжение 778—814 годов. Он провел эти годы в борьбе с арабами и гасконцами. Когда наступило время распада империи Карла, она выработала в себе новые политические формы.

Понятно, что после Карла Великого монархия не могла удержать своих обширных пределов, как не могла объединить разнообразные национальности. Людовик Благочестивый предоставил юг своей империи в управление сыну Пипину под именем Аквитанского королевства; туда входила Аквитания собственно, то есть нынешняя Гиенна, герцогство Гасконь, марка Тулузская и графство Каркассонское. Наместники домогаются самостоятельности. Из прибрежной полосы Лангедока вместе с маркой Испанской составляет герцогство Септимания, вверенное императором другому сыну, Лотарю; его столицей была Барселона.

В сущности и тут управляли наместники, мало-помалу сжившиеся со страной и укоренившиеся в ней. Так, например, славился герцог Бернард, игравший такую важную роль в междоусобиях царствования Людовика и выигравший от них больше других. Он присоединил к Септимании Тулузу.

Аквитанцы настаивали на своей самостоятельности под властью династии Пипина; император взялся за оружие и, несмотря на противодействие из Германии, усмирил недовольных. Малолетний Пипин II был увезен из Аквитании. «Он слишком юн и неспособен, — говорит Людовик Благочестивый, — чтобы управлять народом, которому более всего свойственно легкомыслие и страсть к новизне. Его присутствие в стране тем более опасно, что главнейший недостаток аквитанцев заключается в их отвращении к иностранцам, так как они любят управляться сами собою под властью того государя, который им придется по нраву».

Император умер в 840 году. Лотарь, поддерживавший своего племянника, возвращает аквитанцам их государя. Их патриотизм, поддерживаемый Италией, способен был устоять в переменчивой борьбе с соединенными силами Карла Французского и Людовика Немецкого. Хотя по Верденскому договору (843 г.)^{*1} Пипин был лишен престола и Аквитания должна была отойти к Карлу Лысому, но национальный дух, уже и тогда чувствовавший свою особенность от Франции, отстоял независимость страны. Голод, зараза, стаи хищных зверей опустошали страну, а война не прерывалась; южане с геройством сражались за права своего государя.

После небольшого перемирия с Пипином Карл Лысый кинулся на Тулузу; ее оборонял герцог Бернард, Короля франков встретило энергичное сопротивление. В одной из вылазок храбрый защитник города попал в плен к Карлу, который собственноручно заколол его кинжалом. Однако город не капитулировал. Два раза приходил Карл осаждать Тулузу, и все напрасно. Но в третий раз начальник города Фределон отворил ворота, за что получил от Карла тулузское графство в собственное владение.

Пипин II же пока был признан королем на условиях верховного покровительства короля франков. Карл мечтал об итальянской короне и ради нее торопился приобрести дружбу отдельных государей и баронов. 12 июня 877 года в собрании вассалов в Керси он узаконил формальным актом феодализм, хотя на деле тот существовал уже ранее. В результате королевская власть становится одной тенью. Отныне наследственность наместников Аквитании признана юридически. С керсийского акта идет самостоятельный род тулузских графов, который тянется вплоть до XIII столетия.

Аквитанцы борются со своим королем и с врагами христианства арабами и норманнами. Обманутые, они всюду ищут себе государя. От Карла Лысого переходят к Людовику Баварскому,

^{*3} Хариберт — один из четырех сыновей Хлотаря I, поделивших наследство последнего. Правил в 561—567 годах.

^{*1} Верденский договор завершил междоусобные войны наследников Карла Великого (от первой жены — Лотарь, Людовик, Пипин, от второй, Юдифи, — Карл Лысый) разделом его империи на три государства: Западнофранкское Карла Лысого, Восточнофранкское (будущая Германия) и держава Лотаря (целый ряд будущих полунезависимых территорий от Фрисландии до Италии).

потом предлагают корону его сыну, потом одному из сыновьев Карла Лысого, потом опять Пипину, наконец не хотят звать никого. Пипин, дважды плененный войсками императора Карла, умер в монастыре; он почти обезумел под конец жизни. Карл Лысый успел заставить признать свои права в стране и поставить в ней своего сына Людовика Косноязычного. В год своей смерти он грамотой упрочивает новый великий авторитет Европы: римский епископ получает могучий титул «*papa universalis*». Так европейские государи сами сооружают и признают над собой силу, которая в страхе заставит их склонить головы.

Смерть Карла Лысого, умершего через несколько месяцев после этого, открыла папскому престолу ряд блистательных возможностей. Везде мы видим отсутствие королевской власти и множество постоянно ссорившихся между собою властителей.

Людовик Аквитанский становится королем Франции и соединяет в одно оба королевства, и таким образом мысль Карла Великого о самостоятельном южном государстве в его потомстве не была осуществлена. Феодализм уже был так могуч, что без соглашения с князьями и баронами сын Карла Лысого не решается на коронацию. Королевская власть становилась совершенно бессильной. Бернард, маркиз Готии и Оверни, свирепый, неукротимый, уже давно отлученный церковью, был самым опасным врагом короля, и он же был опекуном королевских детей!

В это время анархии на берегах Роны возникает новое государство — Арелатское, или Провансальское. С давних пор нижняя Бургундия состояла из двух отдельных частей, разделенных рекою Дюранс, — то были на севере маркизат Арелатский и на юге между Роной, Дюрансом, Альпами и морем — графство того же имени. Королем стал Бозо, родственник итальянского короля Гуго. Он сам происходил из царского рода; честолюбие его жены, поддержка папы, симпатии вассалов и епископов наделили его короной восточной части Юга^{*1}.

Следует заметить, что на судьбы Лангедока значительно влияли также многочисленность и могущество духовных феодалов. В IX столетии за Церковью было почти две трети всех поземельных владений. Понятно, что духовенство, обладая такими богатствами, не чувствовало особого призвания к подвижнической жизни и не служило примером умиротворения страстей. Своими светскими склонностями духовенство давно пришло в разлад со своим назначением. Еще Людовик Благочестивый, будучи королем Аквитании, боролся против такого явления и по возможности устранял его, хотя достичь полного торжества не смог.

Во многом то, что вызвало альбигойскую войну, создал Людовик Благочестивый. Уже с его времени начинает развиваться в стране та цивилизация, которая после послужила образцом для других средневековых народов. Дух южан издавна находил себе выражение в литературе. Склонные к удовольствиям, но многосторонние по характеру, романсы первые стали вдохновляться идеей креста. Настроенные мыслить свободно в вопросах веры, они же пока со всею пылкостью темперамента преклоняются перед католической догмой и обрядностью.

Для нас важно указать на эту подвижность, внезапную переходчивость, на эти крайности народного характера лангедокцев. Более, чем в ком-нибудь после кастильцев, в них зарождаются типичные черты будущего рыцарства; в устах этого народа в эпоху духовного сумрака слышатся родные поэтические стансы, и в его литературе появляются памятники, что особенно важно, на народном языке. Тогда как варварская, едва понятная латынь царила в остальном мире Запада, преграждая свободу и свежесть мысли, провансальцы уже пишут на своем мелодичном наречии. Такое явление дало в некоторой степени справедливое основание патриотам Юга считать свой язык, ранее других получивший грамматику, отцом всех романских языков. Оставляя в стороне верденский памятник провансальской письменности второй половины IX века (21), заметим, что в течение X столетия появляется несколько литературных эпических произведений на народном языке. В одной позднейшей рукописи дошла большая песнь о Боэции в двухстах пятидесяти семи стихах, составленная около середины X века. Поэма «О страстях господних» и легенда о святой Лео-дегари написаны на языке полупровансальском, полуфранцузском; в некоторых латинских стихотворениях прорывается народная речь Юга.

С течением времени провансальские литературные памятники начинают появляться чаще и чаще, а в XII столетии за ними уже упрочивается высокое художественное достоинство. Скоро язык романский делается языком трубадуров, и тогда он получает глубокий исторический смысл, как орудие того протеста, который способствовал подрыву всемогущего папского авторитета. Так, вследствие подвижности племенного характера народная литература радикально изменила свое

^{*1} Интересно, что папа Иоанн VIII обещал Бозо императорскую корону в обмен на помощь против феодальных родов, соперничавших с ним в Риме.

направление, сделавшись еретической.

До того времени, пока сложилось рыцарство и пока трубадуры стали воспевать его вместе с наслаждениями, издеваясь над предметами священными для многих, страна лангедокская успела пройти через все степени анархии. Повторим, что для ясного понимания положения и условий страны в какой-либо момент надо знать предшествовавшие ее судьбы, по крайней мере в общих чертах. Оттого мы так рано начали политический очерк Лангедока, предварив даже время возникновения феодальных государств, опрокинутых на Юге только альбигойской войною. Эти государства появились во времена, когда династия Карловингов уже была близка падению.

Самым деятельным соперником падавшей династии был Эд, внук упомянутого Фределона Тулузского, сын Раймонда I (852—865 гг.) и брат своего предшественника Бернарда (865—875 гг.). В качестве государя Тулузы он назывался графом, как наместник марки Септимании — маркизом, как владетель части Аквитании, т. е. Альбижуа и Керси, — герцогом. Эд около 878 года успел присоединить к Тулузе альбигойскую землю, названную так по имени города Альби, страну, получившую после столь громкую известность как центр знаменитой ереси. Там Карлом Великим был поставлен граф Раймонд; после в Альби и Лотреке сидели виконты. Династия собственно альбийских феодалов идет от Одона I с середины X века. Раймонд Бернард (с 1062 года) придал ей особенную славу. Браком и наследством он прибавил к землям Альби и Нима графства Каркассон и Разес с виконством Безьер. Это был самый сильный из вассалов тулузских.

Вообще графам тулузским выпала счастливая роль быть поддерживаемыми блеском и могуществом своих вассалов. Они воспользовались наследством Каролингов, и, когда каждая земля, лежащая вокруг какого-либо замка, стремилась сделаться самостоятельной, когда в городах Юга, связанных столькими республиканскими преданиями с далеким прошлым, возрождался дух самостоятельности, наследники Одона успевают получить верховный надзор за всем этим движением, захватить сюзеренитет. Они дали Тулузе тот авторитет, который простирался на все области политической, духовной и особенно церковной жизни. Действительно, немного спустя тяготение ереси из альбигойской области переходит в Тулузу, эту столицу Юга. Перед закреплением феодализма Тулуза видела в своих стенах съезд чинов феодальных, духовных и светских, под председательством местного епископа — это было замечательное государственное собрание, на котором юридически в такую раннюю пору (начало X века) были положены основания политической жизни Лангедока, разрушенные только альбигойскими крестовыми походами.

Уже тогда графу тулузскому были подвассальны другие бароны Лангедока. В то время, когда во Франции сидел Карл Глупый^{*1}, дети Одона тулузского недаром именуют себя государями и маркизами Готии, подразумевая тем власть над Руэргом, Керси и Альбижуа. В силу феодальной чести они не отвергают сюзеренство французское, но никакой современный феодал Франции не мог сравняться в ту пору с графами тулузскими по могуществу. Политические события как нельзя более благоприятствовали усилению независимости и могущества тулузских государей.

В союзе с Вильгельмом Овернским тулузский граф Раймонд II в 923 году уничтожил в большом сражении силы норманнов, которых погибло за раз до двенадцати тысяч человек; там же пал и сам победитель. Родственник тулузского дома водворяется около этого времени на французском престоле^{*2}. Однако преемникам Карла III пришлось выдержать борьбу с Раймондом III Тулузским, умершим в 950 году, последним титулярным герцогом Аквитании. Рауль Бургундский пришел с большим войском на Юг; избегая сражения, граф Тулузы принес ему обыкновенную феодальную присягу в верности. Когда впоследствии права и власть Капетингов упрочились, эта присяга по наследству перешла к ним^{*1}. Она ничем не умаляла господства тулузских графов внутри государства; имена северных королей украшали только заглавия государственных актов.

Все более и более отчуждались два народа, их цивилизации, их государи. Номинальная связь не могла мешать полной отдельности и обособленности Юга в эпоху, избранную нами, и такая связь становилась одним преданием. Французские короли напоминают ее, но лишь для того, чтобы

*1 В 898-923 годах.

*2 Людовик IV «Заморский».

*1 Первые короли из рода Роберта Сильного, графа Парижского, оказывались на французском престоле еще в конце IX столетия. Однако окончательно королевская власть приходит им в руки в 987 году, когда, свергнув Людовика Ленивого, корону Карла Великого захватил Гуго Капет.

поработить страну северному абсолютному началу.

Между тем, обеспечивая графов тулузских с севера, феодальная присяга давала им возможность закрепить свои отношения с собственными феодалами, которые иногда, как, например, при Вильгельме III, получали поддержку из Франции. Жена Вильгельма принесла ему в наследство часть Прованса, отчего его наследники имели титул маркизов провансальских. Его сын Понс (1037—1060 гг.) прибавил к тому еще титул палатина, как воспоминание о происхождении династии наместников Аквитании^{*2}.

Пользуясь постоянным смятением, духовенство укрепляет свою власть и увеличивает церковные бенефиции. Но попытки Церкви утвердить мир и спокойствие в стране, выказавшиеся особенно на съезде в Велэ, не привели ни к чему, — знак, что духовенство Лангедока всегда имело мало влияния на общество. Только организованная центральная власть могла бы несколько умиротворить страну и дать ей хотя бы внешний вид порядка. В конце XI века спланиваются в окончательные формы владения тулузских графов, конечно в смысле феодальном, как владения через полунезависимых держателей земли (с 1088 года). К тому времени и руэргские земли, успевшие объединить вокруг себя еще и другие домены, за прекращением династии снова собираются в одно нарбонно-тулузское государство, пределы которого лежали от верхней и средней Луары до Пиренеев, Средиземного моря и Роны.

Претензии же местных государей были еще большими. Раймонд IV, первый герцог Нарбоннский (1088—1105 гг.), брат бездетного Вильгельма IV Благочестивого (1060—1088 гг.), умершего на пилигримстве в Палестину, открывает эту новую эру могущества в тулузской истории.

Средние века к тому времени уже сложились в своеобразную, но целостную систему. Начинались крестовые походы. Идея войны за веру воспламенила впечатлительных южан, народные поэты поддерживали ее в своих страстных и энергичных стихах. Три тулузских герцога умирают за нее. Раймонд IV и его сыновья Бертран (1105—1112 гг.) и Альфонс Иордан (1112—1148 гг.) не вернулись из Палестины, святая земля стала их могилой. На Раймонда IV крестоносцы хотели возложить венец Иерусалима^{*1}. Одно из четырех христианских княжеств в Палестине^{*2} принадлежало роду герцогов тулузских и перешло преемственно к младшей линии их потомства.

С именами тулузских графов связана вся история первых крестовых походов. Их соседи, достаточно сильные, такие как герцог аквитанский, владевший нынешней Гиенной и Пуату, пользовались тем в своих интересах. Сражаясь в Палестине, графы тулузские часто получали известия, что сама их столица подвергается опасности попасть под власть герцогов Аквитании.

В связи с этим нам следует рассмотреть феодальную историю аквитанских герцогов, владения которых занимали большую половину Юга. Они были известны уже в середине IX столетия. Тогда Райнульф, происходивший из рода графов овернских, водворился в Гиенни — по договору с Карлом Лысым он получил власть на Гиеннь и на Пуату. Ему не стоило большого труда свергнуть своего титулярного повелителя; Пипин II был посажен им в темницу. Но тогда он не воспользовался своим успехом; его дети были лишены наследства. Потомство династии прежнего наместника (от Альбона с конца VIII века) вступило во владение Аквитанией. Эта династия не прервалась даже тогда, когда в роду не оказалось законных наследников. Райнульф II был отравлен Одоном Парижским, когда стал опасен для Севера; его владения были отданы послушному овернскому дому (Вильгельм I Благочестивый^{*3} и Вильгельм II Юный). Но у Райнульфа был талантливый сын Эбл, рожденный вне брака; его способностям и энергии обязана продолжением своего существования и могуществом своим династия Альбона, родством с которой были связаны французские и английские короли. Эбл прогнал пришельцев и временно соединил под своей властью не только родовые владения, но даже земли своего соперника: Овернь и Велэ. Новые полчища двинулись с Севера, едва Эбл стал мечтать о самостоятельности Юга. На этот раз опекуны Каролингов пробудили честолюбие возникавшей тулузской династии. Эбл бежал в Пуату, и Раймонд III Тулузский в 932 году стал государем Пенни, Оверни и собственно

^{*2} От сына Карла Великого.

^{*1} Раймонд Тулузский сам отклонил свою кандидатуру, и государем Иерусалимского королевства был избран Готфрид Бульонский.

^{*2} Имеются в виду Иерусалимское королевство, а также Антиохия, Эдесса и Триполи. Последнее княжество и стало принадлежать наследникам Раймонда (сам Раймонд умер в 1105 году при осаде Триполи).

^{*3} Именно при нем было основано в 910 г. знаменитое Клунийское аббатство — сердце будущего церковного обновления.

Лангедока, или, короче, повелителем целого Юга, т. е. Лангедока в обширном смысле.

Это был самый удобный момент к возрождению политической жизни Юга, но он продолжался недолго. Хотя Тулуза пользовалась популярностью между баронами и городами Аквитании, а особенно в Оверни, тем не менее господство ее графов было принесено извне, они не считались местными, полноправными государями. Вильгельм III, сын Эбла, восстановил права династии Альбона. Из Оверни и Велэ составилась впоследствии отдельный феодал под властью клермонских баронов. Вильгельм III (950—968 гг.), хотя и побежденный в борьбе с превосходящими силами французов, успел примириться с Гуго Великим и даже вступить в родство с первым Капетингом на французском престоле. Вильгельм IV (968—996 гг.) лишился Оверни, но тем счастливее был его сын Вильгельм V, прозванный Великим (996—1030 гг.). При нем впервые настало некоторое успокоение на Юге, взволнованном внутренней борьбой и постоянными нашествиями французов, норманнов, арабов.

Современники признавали государственный ум и величие Вильгельма; ему предлагали императорскую корону после Генриха II. Вильгельм соглашался лишь на особых условиях и требовал обеспечения ее действительной силы, так как искал не славы, а пользы. Посетив Ломбардию, он убедился, что среди борьбы итальянских партий императорство не может быть прочно^{*1}. Выгодным браком с Брискою, дочерью гасконского герцога Санчо, он открыл своим преемникам надежду на расширение герцогства. Счастливый воин, правитель, политик, он закончил свою жизнь в черной рясе монаха.

Его сыновья — Вильгельм VII (1030—1037 гг.) и Эд (1037—1040 гг.) отражают нападения усилившегося графа анжуйского Жоффруа, прозванного Молотом (1040—1060 гг.). Это был предок английских Плантагенетов, и его подвигам графы анжуйские обязаны своим политическим счастьем^{*2}. У Жоффруа Вильгельм VI около года пробыл в плену; жена Евстахия выкупила его церковными сокровищами. Эд, опираясь на права своей матери, действительно вступил в обладание герцогством Гасконью и графством Бордо, но сильнейшему вассалу Франции, по примеру его предшественника, не посчастливилось в войне с Жоффруа. Те же неудачи постигли и Вильгельма VII (1040—1056 гг.), при котором произошло первое собрание чинов в Аквитании, созданное его матерью по поводу отделения одного феодала. Вообще в графах анжуйских аквитанская династия приобретает опасных соперников, которые своими победами словно бы завоевывают себе право на будущее обладание ее государством. Зато аквитанские герцоги в свою очередь пытаются утвердиться в Тулузе, их наследственном герцогстве.

С Вильгельма VIII (1058—1086 гг.) начинается ряд таких попыток. Они продолжают непрерывно при Вильгельме IX Старом (1086—1127 гг.) и Вильгельме X Юном (1127—1137 гг.). Последние — типы феодального времени и тех страстных натур, которых только оно могло произвести. В Вильгельме IX дикая свирепость чередовалась с минутами тяжелого покаяния; после необузданного разврата наступали блестящие победы над маврами. «Я тебя слишком ненавижу, чтобы допустить тебя до рая», — сказал он одному епископу, опуская из рук меч, занесенный над его голову.

Но его преемник, удачливый в войне с Людовиком VI, склонился пред Церковью и могучим духом святого Бернара. В Аквитанию по приказанию папы Иннокентия II прибыл аббат Клерво (святой Бернар). Пораженный ужасом, герцог пал к ногам святого во время самой церемонии церковного отлучения, отдавая в полную его волю. Бернар необходимым условием прощения поставил пилигримство в Палестину. Вильгельм X умер в дороге. Его внезапная смерть повергла страну в смятение, о причине смерти ходили темные слухи. Известно только то, что Людовик VI первый узнал о смерти герцога и поспешил обручить своего сына с дочерью покойного Элеонорой, столь знаменитой между тогдашними трубадурами. Брак Людовика VII был несчастлив и непродолжителен, хотя им осуществлялась династическая мечта французских королей. Скоро другой государь воцарился в Аквитании. Разведенная Элеонора, предмет искательства государей Европы, отдала свою руку красивому Генриху графу Анжу, который позже возвел свою жену на английский престол. Тем опаснее становилось положение тулузских графов — ведь уже отец и дед Элеоноры домогались власти над этим заманчивым городом. Война

^{*1} После смерти в 1024 году Генриха II, последнего представителя Саксонской династии на престоле Священной Римской империи, при папском дворе рассматривалось несколько претендентов на корону. В конце концов императором стал основатель Франконской династии Конрад II.

^{*2} Плантагенеты — династия английских королей (1154 — 1399 гг.), происходившая от анжуйских графов.

с тулузскими графами могла обещать им некоторый успех, потому что, как было замечено, интересы и помыслы последних теперь сосредоточиваются в Палестине.

Столица наследников Раймонда была предоставлена своему счастью, но оно не обмануло ее. Неприятель овладел городом, однако не до конца и вскорости покинул его. Трудно было как-либо взять «великую, красивую Тулузу», потому что это «царица и цвет всех городов в мире», потому что это «благороднейший» город, как говорили о ней тогда.

Такому представлению о Тулузе способствовало явление, которое вместе с рыцарственным настроением феодализма составляет существенное содержание истории тогдашнего Юга. Оно в сильнейшей степени способствовало распространению альбигойской ереси и образованию в ней того политического духа, который она приняла. Это было создание республиканского городского самоуправления, общинного строя городской жизни, породившего настолько же политическую свободу народа, насколько религиозную, в такой же степени развившего его экономические силы, в какой содействовал развитию всех духовных сил,— словом, явление, составляющее один из жизненно важных аспектов средневековой истории.

Изучить политическое и социальное положение городов на Юге Франции — значит открыть ключ к познанию основных причин Альбигойской ереси. Вслед за обзором исторических событий мы обратимся к такому изучению. При общем обзоре правления Филиппа Августа были уже указаны побудительные причины зарождения самоуправления и организации коммун во французских городах. Тогда же мы указали на целый ряд особого вида городских политических учреждений, которые собственно следует называть муниципиями. Это были города Юга, ведущие традиции от древних римских муниципий. Их поддерживала близость Ломбардии, классической страны древних коммун. Эта-то коммунная жизнь и накладывает общий отпечаток на французский Юг и средневековую Италию. Апеннинскому полуострову принадлежит почин в возрождении таких учреждений.

Понятие о свободе и внутренней самостоятельности в них никогда не замирало, а между тем оно породило ряд серьезных последствий. Идея гражданской свободы подстрекала жителей муниципий к свободе в суждениях даже в вопросах религии. Города лангедокские подражали ломбардским, а итальянские общины прямо вели свою генеалогию от римских предков времен республики. Их свобода никогда не угасала и после падения Римской империи — даже варвары, которые отчасти привнесли и собственные общинные начала, уважали эту свободу.

Хаотическое состояние Европы темных веков, подавление всякой законности, забвение необходимых начал порядка и отсутствие какой-либо системы в человеческом общежитии — все это стало исходной причиной организации новых коммун и закрепления старых.

В ту эпоху, которой современно появление и особенное распространение альбигойской ереси, Италия вступала в период городских общин. То же движение, подготовленное собственной историей, начинается в Гиенни, Лангедоке и Провансе. Юг Франции в государственном отношении можно определить страной консульств, в юридическом же — страной права, писанного по преимуществу, «*ordre de dreg*», — как говорят провансальцы. Внутреннее управление городов, выходящих из-под власти епископов, строилось почти по одному образцу. Разница в большем или меньшем числе сановников; распределение же функций законодательной, судебной, административной одинаково.

Муниципальное городское управление с перевесом консульского элемента существовало с теми же признаками в Лангедоке, Венессене, Провансе, Гаскони, Беарне, Наварре, Фуа и Руссильоне, как в Гиенни, Перигоре, Оверни, Лемузене и Ла-Марше. Идея муниципии не замирала на Юге, когда за нее боролись граждане с епископом, стремившимся к абсолютизму, и потом феодальный барон, соперничавший с тем же епископом, за право господства над нею. Впрочем, чаще епископам суждено было поддерживать в городах начало избирательное. Они сжились с долгой историей южных муниципий и служили защитниками тех римских форм, которые в них преимущественно передавались. С епископами городам чаще всего приходилось иметь дело; они утверждали своей святой санкцией должностных лиц и самое право выбирать их. Так было, например, в городе Альби еще в 804 году.

Графы, хотя и посаженные Каролингами, не всегда могли одолеть эту нравственную и политическую силу. Тем более крепок был союз, что в иных местах сами епископы были выбираемы общинами, ибо этот обычай проистекает в сущности из евангельского учения. Так было в первых веках в Арле, Авиньоне, Апте, Эре, Бордо, Бурже, Клермоне, Гаппе, Лиможе, Узесе, Везоне, Вивьере, Магеллоне (22). Упомянуты в документах также Альби, Нарбонна и Тулуза. Позже это стали главные центры ереси.

После отнятия Римом прав выбора среди южных республик образовалась глухая оппозиция. Не санкционированные папой выборы епископов народом продолжались до середины XII столетия; последний записанный в источниках выбор народом был в Узесе в 1150 году*¹. Четвертый Латеранский собор 1215 года своей 24-й статьей счел нужным канонически уничтожить это право, так дорогое лангедокцам. Но до него и после историческая традиция южан самостоятельно избирать епископов служила одной из причин к протесту против Рима.

Сами епископы ценили этот обычай: выборные, они лривыкли иметь дело непосредственно со своим городом и потому не всегда исполняли папские распоряжения относительно еретиков, которыми были полны города Юга. Примером такой привычки, обратившейся в обычай, служат акты, заключаемые епископом в разгар альбигойской войны и по окончании ее прямо с городскими сановниками, между которыми, конечно, были и еретики, так как устав не отчуждал их от исполнения общественных и гражданских обязанностей.

Альбижуа был центром ереси, там при святом Бернаре Клервоском почти все граждане были еретики, и вместе с тем эта страна была средоточием гражданской свободы. Раньше всех городов лангедокских в Альби в 1035 году узнают сословие буржуазии, и постепенно этот термин из города Альби переходит в акты южных общин. В Каркассоне буржуа известны в 1107 году; в Кастре говорят о них в 1150 году. Здесь же дольше всех сохранилась апостольская взаимная дружба между общиной и ее епископом, который является ее защитником и представителем. Потому местные епископы легко могли забывать свои духовные обязанности, и тем быстрее католическая Церковь могла смениться иноверным исповеданием. Такие характерные явления засвидетельствованы документами. До нас дошли: договор 1220 года между городским епископом и консулами Альби относительно общественной безопасности; документ 1236 года между епископом Дю-рандом, по воле и с одобрения мудрых мужей и всей общины Альбигойской о налогах и многие другие.

Опираясь на сочувствие епископов к установившемуся самоуправлению, южная община, подчинившая себе гордых феодалов, выросла без тех кровавых внутренних потрясений, которые сопровождали рост общин северной и средней Франции. Управление везде было разделено между дворянами и горожанами мирным образом; и те и другие одинаково служили общине. Без кровопролития не обошлось только в Тарасконе, где междоусобия продолжают ах до XIII столетия, и только в одном Бринолле исключительно господствовала дворянская партия.

Тем не менее на южных коммунах лежит аристократический отпечаток. Здесь демократия не восторжествовала как в итальянских республиках, где часто человек знатный за заслуги возводится в торговое сословие (*popolo grasso*) и где список купеческий в глазах общества был почетнее рыцарского. В Провансе, напротив, бывали обратные примеры. Здесь видим торжество аристократических принципов, здесь демократия пользуется только уступкой. И в политической, и даже в литературной деятельности выступают на первый план бароны, рыцари, вельможи. Они и трубадуры, они и защитники особенностей Юга, они и еретики. Оттого здесь раньше замер республиканский дух, оттого он не дал столько экономических и духовных богатств и такой обильной государственной практики.

То, что близость Италии известным образом действовала на государственную жизнь Лангедока, подтверждает эпоха образования консульских должностей в городах. Близость к Ломбардии ускоряла эту реформу. В Арле консульство было введено в 1131 году, в Монпелье — в 1141, в Ниме — в 1145, в Нарбонне — в 1148. Но во всех этих и других городах до итальянских консульств были свои учреждения и сановники, которые отправляли такие законодательные, административные и полицейские обязанности, которые позже сосредоточились в консульствах. Было и то влияние большой силы на малую, которое заставило тяготеть к большим городам малые общины и десятки деревень, спешивших вместе с соседними замками образовать из себя общину,

*¹ " Вот что говорится о выборах в 1030 году епископа города Пюи Петра: «Non solum clerussed etiam populus et militia elegerunt» — «Выбран не только духовными лицами, но еще и народом и воинами» (*Gallia christiana*; II, 69B). Последнее указание на этот древний апостольский обычай, который так укрепился в земле лангедокской, относится к 1150 году, по поводу выбора епископа в Узесе, Петра, который «electus est a clero et populo» — «выбран духовными лицами и народом» (*Ca1. Chr. VI, 620*). — Позднейшие канонические конкордаты Франции при Людовике IX и Франциске I отменили такое избрание, но Карл IX в 1560 году по представлению Собрания Генеральных Штатов повелел, чтобы на вакантную епископскую кафедру избирались три кандидата особым советом из епископов провинции, двенадцать депутатов со стороны горожан и двенадцать со стороны дворян. Одного из представляемых утверждало правительство. Это была уступка старому и популярному обычаю. — Примечание Н.А.Осокина.

избрать сановников, советы и примкнуть под сильный покров Марселя, Бордо, Нар-бонны или царственной Тулузы. По примеру этих больших и могучих вождей складывались внутренние учреждения и жизнь малых городов. Для нас особенно важно ознакомиться с таковыми учреждениями города Тулузы, как центра ереси.

Тулуза еще при римском владычестве имела сенат и нечто, напоминающее консулов (*capituli*). Облик тогдашних учреждений сохраняется в течение всей истории средних веков. Известно, что городские власти могли не признавать графов и могли менять их по своему произволу. Эта укоренившаяся особенность давала городу претензию на полную независимость; Тулуза была скорее республиканским городом, нежели общиной. С незапамятных времен городской капитул был судьей гражданских и уголовных дел; он творил суд и расправу; он «создает гражданскую справедливость», как гласит старая латинская надпись на воротах консистории. Императорские министры, агенты правительства отказывались от вмешательства во внутренние дела города. Курия могла даже продавать городские домены, не испрашивая предварительного разрешения от правительства; только она могла возводить общественные здания, публичные места, водопроводы, строить дороги, мосты, укрепления, давать привилегии медикам, профессорам. Вестготские короли всегда гордились честью быть сберегателями римских законов и обычаев. Они не нарушили ничего из порядков Тулузы. Еще с императорской эпохи город получает дефензора^{*1}, напоминающего по правам римского трибуна, обязанности которого перешли после на синдика, существовавшего до 1789 года. Живучесть местных учреждений была удивительна; их смогла уничтожить только Великая французская революция и беспощадный террор комиссаров Конвента. В городских должностях XVIII столетия можно узнать учреждения Рима и средних веков; они исчезли, обогранные кровью, чтобы после вернуться с тою же идеей, но в обновленной форме.

С какого именно времени главные городские сановники стали называться консулами — неизвестно. Именной их список сохранился с 1147 года, но они могли так называться еще раньше. Во главе этой должностной аристократии стоит имя Понса де Вильнева, вигуэра Тулузы. *Prohomies*, «мудрые мужи», судили под таким именем с 1152 года, но из акта уже видна стародавность их должностей. Из документа 1188 года следует, что они заменяли консулов и давали ту же клятву. В то время, когда альбигойцы достигли власти в этом городе, им управляли двадцать четыре консула, выбираемые по два в каждой из двенадцати городских частей или капитулов, отчего и самое название сановников; двенадцать назначались для бурга и двенадцать для города. Ни в какой другой южной общине не было столько высших чиновников. По роду их обязанностей один документ распределяет их так: шесть капитулариев, четыре судьи, два советника. Они созывали общее народное собрание, когда то требовалось обстоятельствами, на поле Карбонельском, иногда за городом, чаще же всего в городской церкви святого Петра. Граф Раймонд бывал простым свидетелем таких собраний. Относительно графа тулузские сановники назывались «господа спутники (комиты) и куриальные советники, капитулы». Вместе с судьями они составляли муниципальный совет; из представителей родов образовался большой городской совет. Это были итальянские «*consiglio maggiore*», «*consiglio minore*» и «*del popolo*»^{*2}.

Муниципалитет заправлял как внешними политическими делами, так полицейскими и судебными. Войско принадлежало непосредственно городу; его водили в бой консулы; они же заключали договоры, мирные условия. Эти же сановники нанимали рыцарей к себе на службу, обязывая их, прежде всего, ничем не нарушать городского спокойствия и порядка (23). Город объявлял войну и вел ее от своего имени, иногда помимо графов и даже в эпоху французского владычества посылал свой отряд в армию короля, как совершенно независимый, с собственными начальниками. Так, еще в 1294 году вздумалось городу совершенно неожиданно послать вспомогательное войско на войну с англичанами. Филипп IV избавил тулузцев от военной повинности, но и в XIV столетии они всегда сражались под своими знаменами и под начальством своего вождя.

Много других особенностей и привилегий представляет тулузская земля. Она была избавлена от налогов и тех податей, которые стесняли экономический быт средневековых людей; унижительные феодальные повинности, натуральные и денежные, не были и в помине во владениях республики; иностранцам давалась льгота в таможенном сборе. Рабы, становясь на

^{*1} Латинское «заступник», один из древнеримских юридических и политических чинов, выступавший в роли представителя чьих-либо интересов.

^{*2} «Большой совет», «малый совет» и «народ».

тулузскую почву, тем самым приобретали свободу. По своим понятиям подданные тулузские не могли принадлежать никакому феодалу ни на каких условиях. Графу и королю тулузцы только служили на своей территории под командой своих начальников или самих консулов, которые и под французской короной всегда пользовались правом высшего дворянства на основании королевских патентов. Еще в XII столетии была в ходу поговорка, что нет высшей знати, как из капитула тулузского. Тем крепче стояли тулузцы за свои суды. Они сложились одинаково в южных городах.

Документ XIII столетия для города Альби, который может служить образцом таких актов, дает картину судопроизводства. Присяжные числом двадцать и более избираются из лиц, которые не были бы ни друзьями, ни врагами, ни родственниками обвиняемого. Их созывает бальи, главный судья. Перед ними прочитывается обвинительный акт; обвиняемый выслушивает его. Потом судья спрашивает по очереди каждого из присяжных, виновен преступник или нет; если виновен, то какое наказание рисудить ему. Собравши все мнения, он решает большинством; присяжному, не явившемуся или не желающему отвечать, угрожает пеня или подозрение в гражданской нечестности. Независимый и скорый суд составлял драгоценнейшее достояние лангедокцев и придавал высокую цену вольностям страны, бороться за которые каждый считал себя призванным.

«Если князя земли, — говорил один епископ конца XII столетия, — позволят себе изменять или насиловать стародавние обычаи страны, то они призовут на себя тем гнев Всевышнего, потеряют расположение народное, а души свои обрекут вечной гибели». И много позже того повторяло само духовенство с кафедр церковных выборным властям городов: «Божественный Законодатель отвечал вопрошавшим его: воздадите кесарева кесареви, а Божья Богу. А мы вам скажем, следуя тому же примеру, — вам, которые в одно время и подданные Бога и вожди народа: "Возвратите Божье Богу, а народу воздайте все то, что подобает ему"» (24). Но, как узнаем, благородная речь тулузского духовенства слышалась не везде.

Завершим прежде обзор политического состояния городов этой страны Юга, чтобы потом обратиться к ознакомлению с экономическими и духовными результатами такого политического строя, известным образом связанными с причинами появления и развития альбигийских ересей. Характер юридических учреждений на еретическом Юге везде остается одинаков; они отличаются только в составе инстанций и сановников. В собственно Лангедоке, после Тулузы, пользовалась большим значением Нарбонна. Здесь до половины XIV столетия шла борьба между магистратами замка (как всегда называлась самая крепость) и собственно города; две коллегии консулов, по шесть в каждой, вели независимое существование; приверженцы их часто вступали в борьбу, подобно враждебным политическим партиям итальянских городов. Ввиду этой вражды в замке нарбоннском организовалось общество мира, которое в 1219 году, во время общей опасности от крестоносцев, двинутых на Юг Римом, побудило сановников составить законодательный акт, в котором муниципалитеты и подписавшиеся клялись споспешествовать всеми силами миру и порядку. Каждый обязывался помогать другому во всех делах его, защищать друг друга денно и ночью, на море и на суше, в городе Нарбонне, вне его и повсюду, как самого себя, и каждый по мере сил своих обязывался сверх того хранить и защищать верно, честно и законно права города и замка (25). Соглашение было заключено на три года, но могло иметь силу и после того. Всякий нарушитель его объявлялся лжецом и клятвoprеступником. Подобные же междоусобия совершались в Ниме между замком и городом. Раздоры были прекращены шесть лет спустя после нарбоннского договора. Условлено было, чтобы соперники при посредстве своих консулов сошлись между собою. Собравшись в большом количестве, они говорили о мире и прекращении раздоров, клялись в дружбе и соединялись против всякого, кто попытается разорвать этот союз, объявляя того «пред Богом и людьми злодеем, изменником и клятвoprеступником». Такой договор до некоторой степени достиг цели, хотя не сгладил следов местной враждебности в городе, оставив в нем разделение муниципалитетов.

Подобное разделение могло иметь и религиозное значение. Уже по хартии 1197 года, данной городу графом тулузским Раймондом V, избрание консулов предоставлено было коллегии двадцати «добрых мужей». Весь народ или по крайней мере в большинстве сзывался графским наместником под звуки труб и рогов. Из каждой городской части выбирались пятеро в эту коллегию, а она в своем собрании назначала четырех консулов, «на пользу графа и общины», для всего города. Несколько сложнее совершались выборы в Альби. Там в XIII столетии было двенадцать консулов и двенадцать советников, по два из каждой части города; после число консулов уменьшилось вдвое. Совет двадцати четырех выбирал двенадцать кандидатов и пят-

надцать почетных граждан на текущий год. Новые консулы вместе с прежними советниками выбирали членов совета. Этим устранялось волнение в общегородских сходках. В Монпелье вместо консулов существовали «честные люди». Консульский магистрат между тем был так популярен на Юге, что немедленно упрочился, как только город попал под власть Арагона. Это совершилось в начале XIII столетия, внутреннее богатство города требовало более сложной организации управления. Потому, кроме двенадцати обычных консулов, там было двенадцать морских для таможенных сборов, для сношений внешних и дел торговых, и двенадцать коммерческих консулов с юрисдикцией нынешних консульских судов; наконец, по одному цеховому для семи городских ремесленных корпораций.

Особенности существовали в устройстве каждого города. В графствах Фуа и Руссильоне господствовал исключительно консульский элемент; в других местах — он же, но вместе с началом консилиумов (советы из двенадцати, шестидесяти, девяноста человек). В Эг-Морте, например, четыре консула были наделены правом собирать совет присяжных.

По мере удаления на север Лангедока города начинают являть собой борьбу различных начал; в большинстве случаев консульства их теряются, смешиваются с мэрством французской общины. Так, в Оверни, которая с 932 года стала вассальством тулузских графов, пока в 1295 году не сделалась леном французских королей, исчезает понятие о консулах, должность которых исполняют сановники, назначаемые епископом, аббатом, графами. В Ла-Марше консульство сделалось простым титулом. Иное явление было в пределах древней Аквитании.

В Пенни, попавшем через второй брак Элеоноры под власть английской короны, появляются мэры, а общины пользуются тем же демократическим самоуправлением, какое было в коммунах северной и средней полосы Франции; жители Перигора, прежде раздробленные, теперь по примеру Нарбонны и Тулузы называют себя «государями-гражданами». В Бордо мэрство, введенное здесь в конце XII столетия, одолевает древнейшую магистратуру юратов, которые господствовали от Жиронды до Пиренеев. В XIII веке в Бордо было два больших совета юратов (пятьдесят, а потом двадцать четыре) и дефензоров (триста, а потом сто). Таким образом, выгоды централизаторства северной системы и совещательного характера южной были совмещены. Так было в Гаскони и графствах припиренейских. Беарн и Наварра управлялись своими статутами; юраты имели в своих коммунах полную власть в решении полицейских, гражданских и уголовных дел. В Байонне возникла община по образцу англо-норманнской, будто целиком перенесенной из Пуату.

Государем в Аквитании был тогда английский король Генрих II. Опасаясь абсолютизма королевского, против него поднялись местные бароны. Графы Ла-Марша, Ангулема, Лузиньяна были во главе восстания. Король Генрих II неотступно теснил феодалов, добился ряда успехов и уехал в Англию, оставив страну по видимости успокоенную. Но пораженный феодализм снова вооружился. В сыне короля Ричарде Львином Сердце, который доселе был любимцем Генриха, бароны впоследствии встречают себе сочувствие. Сын поднялся на отца. С невыразимой быстротой Генрих поспекает везде; из Шотландии он кидается в Руэрг. Ненависть к чужому игу в тот момент откликнулась и в духовенстве.

«Орел аквитанский, — восклицали монахи с кафедр, — когда ты разрушишь наши узы? Северный король тебя держит в страхе, возвысь же твой голос, чтобы он раздался подобно трубе мстителя».

Но свергнуть английское господство южные бароны были не в состоянии. Если сами они тяготели к Франции, то в романском народе были элементы, очень неблагоприятные французской власти. В свою очередь король английский должен был бороться с французскими претензиями на Юг и политикой Филиппа II Августа.

От английской гегемонии остались свободными только республики Прованса — эти «младшие дети Рима», как они называли себя, справедливо гордятся тем. Марсель среди них был древнейшей общиной; она представляла с первых годов XII столетия корпорацию трех городских ленов: епископа, аббата и виконта. Богатства этой общины, нажитые морской торговлей, давали ее внутренней жизни такой блеск, какого не имел никакой другой город. Система внутреннего управления этой колонии фокейцев, любимого галльского города римлян^{*1}, послужила образцом не только для Прованса собственно, но вообще и для всего Юга. В этом многолюдном городе с давних времен правили двенадцать консулов; сорок мужей сидели в малом совете и сто пятьдесят

^{*1} Марсель (античная Массалия) был основан в VI веке до нашей эры выходцами из греческого города Фокея.

в большом. Консулы, выбираемые торжественно при звуках колокола Мариинской церкви, властвовали над всей той окрестной территорией, которая была подчинена некогда фокейской республике.

Марсель пользовался большим авторитетом в Европе. Его корабли оказывали большие услуги крестовому делу. Иерусалимские короли дали Марселю свободу торговли и неоднократно подтверждали то грамотами. Непременно в каждом городе Иерусалимского королевства одна улица и церковь принадлежали марсельским торговцам. Королям последние обещали платить четыреста золотых монет, за что были освобождены от налогов.

«А вы, граждане Марселя, за все эти льготы, — писали короли, — постарались бы служить и помогать нам на море и на суше да не забывать нас и наших преемников» (26).

То же самое было подтверждено хартией 1152 года. Вассальное подчинение города было только номинальное.

Обстоятельства феодальной истории Прованса сложились вообще очень благоприятно для республиканских интересов. Мы отметили уже, что Бозо в начале X столетия провозгласил самостоятельность графства Провансальского. В 948 году графы дали присягу германским императорам, но в середине следующего века Конрад II владел только маркизатством Арльским; Прованс же освободился от инвеституры. Графиня Стефанида и ее зять Жильбер, граф Гаводана, много содействовали спокойствию и процветанию страны (рубеж XI—XII веков). Во время общего безначалия Прованс был счастливейшим уголком Европы. Две дочери Жильбера связали судьбу Прованса с Барселоной и Тулузой. Старшая браком с графом барселонским Раймондом Беренгарием отделила графство. Северную же часть от Дюранса до Изеры получил граф тулузский Альфонс Иордан по наследству, закрепив это приобретение трактатом^{*1}. Графы тулузские хотели быть единими обладателями восточной части Юга; их честолюбие привело к войнам в Провансе.

После объединения Барселоны и Арагона графом Прованса становится король Арагона. Он передавал Прованс как феодал своим братьям и сыновьям. Перед началом альбигойской войны графом Прованса считался дон Санчо Арагонский. Современный ему тулузский граф Раймонд долго не оставлял своих династических расчетов на Прованс. Лишь альбигойская война нанесла ему ряд страшных ударов, изменив прежние политические отношения. До вмешательства Тулузы города Прованса и особенно Марсель, таким образом, пользовались не только независимостью, но, благодаря характеру своих сюзеренов, даже спокойствием, что было одиноким явлением в период общей анархии и раздоров. Ограничение власти княжеской доходило до того, что Монтобан, могущественный феодал, клялся над Евангелием не продавать города Монпелье, ни дарить, ни отдавать его в феодал, ни отчуждать, а обязывался присягой следовать решениям и советам мудрых мужей во всем, что касается общины и ее синьории. Поэтому в Провансе так прочно водворилось муниципальное начало и притом в чистейшей, древнеримской, форме.

Арль в этом отношении занимал первое место после Марселя. Некоторое время он был резиденцией римских императоров, он же был столицей независимого графства Бозо, который ничего не делал без согласия муниципального городского совета. Двенадцать высших сановников переименованы были в консулы в середине XII столетия; они избирались из всех сословий; между ними были четыре рыцаря, четыре горожанина, два купца и даже два деревенских жителя (*de bougian*, от *boğa* — пастбище). Архиепископ как бы посвящал в эту должность избираемых; он давал за них клятву народу. Жалования должностным лицам в Арле не полагалось, тогда как в Авиньоне консулы из дворян получали сто солидов, а купеческие — пятьдесят солидов. В Арле же, напротив, консул, хоть раз получивший деньги, лишался своего сана. Зато оскорбление, нанесенное им, наказывалось со всей строгостью: виновник отдавался в их полное распоряжение. Вместе с «мудрыми мужами» они разбирали уголовные дела.

Для изменения конституции и объявления войны требовалось согласие общинного совета. Раздоры между консулами разрешал архиепископ; каждый гражданин должен был, вступая в общину, давать клятву в повиновении консулам и обещать не противиться собственному избранию в консулы. Когда Прованс попал под власть императоров, то один из них передал свои вассальные права арльскому архиепископу^{*1}. Граждане не желали становиться в подчиненное отношение к духовному лицу; они всегда полагали видеть в нем советника, но не властителя. Духовенство тогда не пользовалось уважением провансальского общества. Между тем папы

*1 1113 год.

*1 После 1033 года.

Целестин III и Иннокентий III своими решениями по этому вопросу еще более вооружили граждан Арля против архиепископской власти. Это было причиной к постоянным неудовольствиям, к столкновениям с духовенством — элемент, благоприятный для усиления последователей альбигойских ересей.

Подозрительное отношение к духовенству существовало и в Авиньоне, там в городской конституционной хартии было постановлено доносить на тех священников, которые с кафедр будут говорить что-либо неблагоприятное для городских властей. Вообще, горожане, будущее третье сословие, представляют собой элемент, который не всегда может быть в ладу с Церковью. Политическая свобода и богатство приносили городам самостоятельность, а она удаляла их от подчинения тому высшему авторитету, который представляло духовенство, противореча притом своей же жизнью претензии на нравственный авторитет. Церковь вырастила опасную для себя организацию; она предлагала народу вольности, и они прекрасно укоренялись в нем; она сочувствовала им до тех пор, пока не заметила важности той моральной и физической силы, которая в них заключалась. Тогда Церковь стала пытаться отобрать назад эти вольности и сопротивляться всем новым.

В Дофинэ, например, духовенство решительно заявило об изменениях в своей политике. В Гренобле и Вьенне продолжали существовать остатки слабой муниципальной организации; цеха там долго отстаивали коммунальное начало среди общего преклонения провинции пред Церковью и феодализмом. Но прошло два поколения, и свобода там была уничтожена. На Юге это было не так легко. Там слишком сжились со свободой и идеей коммуны. Там надо было сражаться оружием, и война альбигойская достаточно потрясла городское самоуправление, в чем и заключается ее политико-государственный смысл.

Таким образом, как раз к тому времени, когда в самом религиозном убеждении граждан и дворян совершалось некоторое брожение, поддерживаемое патриотической пропагандой, легкостью нравов, богатством, тяжелым впечатлением от неудачи крестовых походов, в успех которых прежде так слепо верили, сеть больших и мелких городов, промышленная и торговая деятельность которых наполняла Юг такую пестротой жизни, представляет, с государственной стороны, следующие явления.

Каждая община могла вооружаться для защиты своей чести и безопасности, как против соседних общин, так и против феодальных баронов, которые имели замки в пределах ее территории. Община сама заключала торговые трактаты и союзные договоры с другими городами, равным образом с чужеземными, например итальянскими. Суд отправлялся консулами, независимыми от графов и феодалов. Консульство наблюдало за порядком, за общественной безопасностью, одним словом, сосредоточивало в себе все административные обязанности; оно было потому облечено властью делать все необходимые распоряжения. Оно вникало во все отношения граждан между собой и всюду привносило в частную жизнь необходимый порядок и законность.

Консулы имели при себе советы, более или менее многочисленные и составленные из разных классов общества. Консулам подчинялись чиновники, назначенные ими же для исполнения разных обязанностей по делам муниципии; они представляли собой в общем власть исполнительную, подобно тому, как консулы, взятые в целом, обладали законодательной функцией. Верховенство графов и баронов оказывалось потому только номинальным. Это были почетные люди, жившие будто на жалованье у городов, которые содержали их вместе с двором и семейством, титуловали их ради древнего происхождения родов, но в сущности обращались к ним самим, к их вассалам и рыцарям только в случае внешней опасности.

Эти сюзерены, имевшие свои виды и цели относительно вассалов, были весьма снисходительны, когда дело касалось городов. Тут честолюбивые попытки вызывали волнения и часто наказывались скорой и жестокою расправой. Граждане Безьера в 1161 году убили в церкви своего виконта Тренкавеля, который, вероятно, стал стеснять их свободу, причем жестоко избили своего епископа. Жители Лиможа выгнали английского короля из своего города. В Марселе среди белого дня один зажиточный горожанин напал на виконта Тюрэнна и посадил его в башню. Как бы в предостережение другим, иногда площади городов орошались кровью буйных дворян и рыцарей, хотя редко доходило дело до тех диких схваток, которые составляли обыкновенное явление в современных республиках итальянских.

Будто в благодарность за умеренный дух и политическое бескорыстие своих властителей, города были расположены к их интересам, если они не касались вопросов о внутренней свободе общины. Они поддерживали их в таких случаях всеми силами. Когда у тех и у других вышел

разлад с Церковью, силы, враждебные Риму, естественно, должны были сплотиться, как никогда прежде. Соединенные, они оказали героическое сопротивление, полное высоких подвигов храбрости и примеров самоотвержения. Опасность от Рима грозила одинаково и государям Юга, и его городам. За графа тулузского, заподозренного в ереси, его верные города погибали среди пожара и разрушения, грабежей и потоков крови. Поэты-горожане плачут об унижении и падении могущественных графов, а благородные трубадуры, дети гордых феодалов, государей Юга, грустными и полными отчаяния стансами провозглашают величие «царственной» Тулузы, порабощаемой папским Римом.

На частном быту городов, вследствие их самостоятельной истории, отразился, в общем, совершенно своеобразный среди окружающих явлений феодального насилия и произвола отпечаток. В общинах все введено в рамки законности. Обычные постановления старых коммун сохранились в городских сводах законов настоящего времени — от должности мэра до выборных органов. Но тогда они поражали обаянием новизны и теми благами, которые получало от них общество. Кутюмы, хартии, статуты дают ясную картину лангедокских городов XII и XIII столетий. Все, жившие в стенах общины, могли продавать, покупать, приобретать и отчуждать свое имущество, по произволу, без платежей, без всякого ограничения. Для продажи вещи требовалось предварительно вынести ее на городскую площадь. Вступать в брак всякий горожанин и всякая горожанка могли с кем угодно, но община хотела обеспечить их собственное безбедное существование. Вникая в домашний быт семьи, она, по примеру римскому, обращала много внимания на имущественное право. Каждый, получивший в приданое тысячу солидов, должен был по крайней мере половину дать жене в виде свадебного подарка. Если жена умирала, то этот дар возвращался мужу, тогда как приданое переходило в род жены. Завещание, хотя бы словесное, но сделанное перед людьми, достойными доверия, имело силу писанного и законно засвидетельствованного.

Южная община сжилась со всеми такими юридическими правилами; замена их другими, появившимися в условиях иной жизни, была знаком падения свободы, порабощения иному народу. Городское полицейское законодательство было на юге особенно подробно и обстоятельно. Проступки против порядка наказывались пеней. Ее величина определялась характером и важностью преступления.

Правительство в эту эпоху цехов и монополий должно было иногда принимать вид коммерческой агентуры; оно следило за рынками, равно за правильностью мер и веса, обман в которых вел за собою самую большую пеню, а в Виллафранке, например, уличенный в обмане, за неимением средств к уплате, должен был обнаженным пройти по главной улице города. В некоторых общинах продолжали существовать даже божьи поединки. Кровавопролитие в городе было запрещено законом; даже угроза мечом влекла штраф (двадцать солидов). Убийца лишался имущества и изгонялся из общины.

Город мог гордиться своей обширной свободой: всякий, кто селился на его территории, уже тем делался свободным. Потому община была единственным светилом для земледельца, обреченного на несчастную участь, для этого раба, бывшего собственностью своего господина, и виллана, лично свободного, но прикованного к своей несвободной земле. Оттого вне общины ему не представлялось в будущем ничего отрадного и он должен был бы тяготиться своей жизнью, родясь, работая и умирая для своего господина. Когда барон из страха мучения ада, боясь Бога или чаще из земной корысти, освобождал крестьянина от крепости, тогда, радостно вступая в ворота гостеприимной общины, он делался равноправным и даже страшным для своего бывшего господина. В общине нивелировались средневековые сословия, и тем более это можно сказать про общины лангедокские, история которых и есть история Юга. Блеск ежегодных торжеств и праздников общины особенно поражал после суровых, повседневных впечатлений. Он был предметом восторгов и наслаждений в годы детства горожанина; он же занимал его под старость, как символ крепости и долговечности его родного города. С торжественным выбором консулов, с этими звуками вечного колокола, знакомыми слуху каждого ребенка, с пышными процессиями, пестротой и яркостью цветов в нарядах мужчин и женщин, с этими античными багряными тогами, украшенными горностаем, были связаны лучшие воспоминания горожанина. Когда он венчался, то опять священный обряд приводил его к ногам консула, которому молодая пара приносила дары из цветов и плодовых ветвей, с соблюдением целого этикета по старому обычаю. Во всех случаях жизни он встречался с той же властью, в которой признавал силу самого себя и которая была его гордостью. Высоко поднимался гнев народа, когда задевали его интересы, когда затрагивали его богатства. Еще сильнее становился народ, когда грозили его свободе. И, конечно, отчаянное

мужество должно было явиться в нем, когда оказались задеты его самые дорогие убеждения, без которых немислима жизнь сердца, — убеждения религиозные.

Эти города, прекрасно награжденные природой, веками предоставленные самим себе, привыкшие пользоваться свободой, достаточно обеспеченные, стали напрягать все усилия к удовольствиям жизни, к обогащению. Богатство могло еще более возвысить их политическое положение. Каждый из них думал о собственных выгодах и в окружающих политических обстоятельствах привыкал видеть верное и удобное к тому средство.

Двенадцатому столетию, в которое организовалась община, современно великое крестовое движение, охватившее целым потоком святого чувства всю западную Европу. Этому движению суждено было не только сберечь общину, но и дать ей большое процветание. Действительно, дух и характер крестовых походов сильно благоприятствовали обогащению и потому усилению городов. Все, что в Палестину стремилось за небесными благами, оставляло в пренебрежении земные блага. Если крестоносцы были люди восторженные, если святое увлечение двигало их существом, то оставшиеся дома принадлежали скорее к числу хладнокровных натур, к категории материалистов века. Они, движимые совершенно иными побуждениями, более преклонялись перед земными идеалами. Потому имущества и владения крестоносцев, большею частью погибавших в походах, переходили целиком в их руки за ничтожные суммы. На эти средства граждане могли приобретать себе от феодалов и новые льготы, и новые источники доходов. Всякому коммерческому предприятию открывался тогда удобный исход; всякий практический расчет осуществлялся во время экстаза и общего увлечения любимой идеей.

Города Апеннинского полуострова особенно выиграла благодаря своей врожденной предприимчивости. Но и лангедокские республики, ученицы итальянских, воспользовались долей, предоставленной некоторым из них выгодами географического положения, близостью моря и судоходных рек, а всем прочим — счастливым соседством и агитацией политической деятельности. Добыть деньги, сделавшиеся тогда конечной целью всех стремлений, не было также особенно трудно. Перевозить крестоносцев, снабжать их всевозможными припасами было обязанностью городского класса. Отвечая меркантилизму, тогда всецело охватившему всякого, это обстоятельство в то же время развивало торговлю и промышленность. Капитал, труд, искусство становятся силой общественной и политической. Предприимчивость купца берет верх над храбростью рыцаря, знание — над физической силой; жизненный комфорт может привлечь скорее, чем железные доспехи. Часто самые фанатичные рыцари возвращались из Палестины с иными обычаями, склонностями и понятиями, весьма нехристианскими. Для большинства Палестина представлялась Эльдorado, раем земным.

Между тем, не стесняемая никакой посторонней силой, торговая и промышленная деятельность с XII века начинает расти с возрастающей быстротой. Корабли Венеции, Генуи, Марселя, Арля, привозившие крестоносцев в Азию, возвращались назад с богатыми товарами малознакомого Востока. Эти товары преимущественно сосредоточивались в Италии, но оттуда они прежде всего передавались на берега Роны, Гаронны и Геро, течением которых достигали дорог Оверни и Велэ. В Марселе, Арле, Монпелье, Тулузе, Сен-Жилле, Нарбонне, Безьере, Люнеле и Бокере возникли склады азиатских продуктов и изделий. Сюда же доставлялись товары итальянцев и испанских арабов, опередивших лангедокский Юг в мануфактуре, как и во всех других сферах жизни. По делам торговым вся земля провансальского языка должна была жить в постоянном общении с евреями и мусульманами. На образованном Юге они пользовались большими правами, чем где-либо; они невольно настраивали местных жителей на иноверие или по крайней мере на вольное толкование христианства.

Позже мы покажем, что альбигойская ересь была подготовлена духом других стран, что она была в большинстве случаев привнесена в Лангедок; но дело в том, что в лангедокских областях ересь встретил ряд благоприятных для нее условий, которые мы и излагаем. Евреи и сарацины, жившие во всех городах Прованса, со своей стороны значительно развивали успехи экономической жизни. Причиной широкого распространения материального благосостояния была, кроме политических условий и торговли, сама организация цехов и таможенных уставов.

Материального процветания страны не могли сдержать ни отсутствие научно-хозяйственных теорий, ни монопольные системы, ни стеснения в роде *portaticum*, *pontaticum*, *ripaticum*^{*1}, ни разнообразие денежных знаков, из которых только в одном Альбигуа ходили мельгориены (около

*1 «Воротные», «мостовые», «береговые» деньги — названия налогов, взимаемых с купцов в Лангедоке да и вообще по всей средневековой Европе.

1 франка), рэмондены (62 сантима), местные солиды тюренские (90 сантимов), тулузские (2 франка), руэргские, денарии (8 сантимов), мелы или обоы (1/2 денария)— монеты неопределенной и неустановившейся ценности, вместе с которыми на рынках обращались без разбора монеты всего света.

На всех этих рынках в торговое время можно было видеть смешение племен, языков и вер. Тут вместе с мусульманами были все народности, подвластные некогда империи римской. Мавры, армяне, египтяне, сирийцы мешались с православными греками, с католическими римлянами, скандинавами, ломбардцами, французами, каталонцами, венецианцами, англичанами, пизанцами, немцами, генуэзцами. Тут говорили на всех языках тогдашнего мира. Сюда сносились предметы и необходимости, и изысканной роскоши, шелка и шерстяные ткани Азии и Италии, оружие Дамаска, зеркала, драгоценные камни, золотые и серебряные вещи. Вообще в городах Лангедока и Италии, так же как в зарождавшихся комунида-дах христианской Испании, можно было наслаждаться благами жизни, в то время как в других христианских странах нельзя было ручаться за личную безопасность.

Понятно, что быстрое развитие цивилизации не может совершиться без некоторого потрясения нравственных идеалов. Процветание, наслаждения, приносимые им, легко могут вести к уклонению от чистых начал нравственности к пороку, который представляется в таких случаях облеченным в изящную, соблазнительную форму. Роскошь и изысканность новой жизни, созданной счастливым экономическим переворотом, не всегда может удовлетворить требованиям строгого, нравственного суда. Впрочем, ввиду общего увлечения такой суд производился редко.

До нас дошел весьма интересный взгляд одного акви-танского духовного лица на своих современников второй половины XII века. Готфрид, приор Везона, не принадлежит к числу аскетов в строгом смысле этого слова; их тогда даже не могло быть в земле лангедокской, но тем не менее он судит с высоты нравственного идеала старого времени; он сторонник преданий Гильдебранда и последователь старой клюнийской реформы, которая только разве могла бы нанести удар распространению ересей. Оставаясь равнодушным к удобствам материальной жизни и иронично отзываясь о них, Готфрид рисует верную картину домашнего и общественного быта тогдашних аквитанцев. Напомним, что строгий настоятель презирает блеск и удовольствия жизни.

«Некогда, — говорит он, — благородные бароны не стыдились носить плохих бараньих шкур, любили и лисьи меха; теперь того не наденет человек следственного состояния. Теперь изобрели дорогие и разнообразные наряды, в которых люди более походят на разрисованных дьяволов; этим нарядам понадавали много новоизобретенных названий (*Chlamides vel cappas perforaverunt, quas vocabant Aiot*). У платьев теперь понаделали такие рукава, что они стали походить на церковные ризы. Молодежь обоих полов покрывает голову тремя уборами: сперва колпаком, потом полотняной шляпой и уже поверх всего верблюжьей. У молодых длинные и остроконечные башмаки, а сапоги, которые могли носить только знатные, теперь сделались обыкновенною обувью простого народа. Я уж умолчу о длинных шлейфах, с которыми женщины появляются на улицах (заметим, кстати, со своей стороны, что в Провансе городскими статутами длина и качество платьев определялись в точности происхождением, чего не знали в республиках Италии). Цены на сукна и меха удвоились. Теперь публичные женщины носят одежду более ценную, чем прежде носили бароны, которые держали в былое время открытый стол, кормили горожан и могли расточать милостыню. Теперь бесприютные иностранцы поселились в домах граждан. Каждый хочет жениться и выделиться, а имущества между тем дробятся. Хотя в народе строго соблюдают посты, не едят масла по пятницам и мяса по субботам, но пусть они больше бы ели мясо, да меньше грешили... А между тем князья и рыцари разрушают церкви, которые созидали их отцы. В старину смотрели на процентщиков как на преступников; теперь же это ремесло так распространилось, что дает законный доход, будто плод земной. Все преисполняется пороками. Между родственниками зачастую совершаются браки и знатных и простых, так что кара Божья определила вредным животным истребить поля Аквитании» (27).

Тогдашнее общество должно было представлять с христианской точки зрения много ненормального. Развитие цивилизации шло в ущерб патриархальным идеалам, как бы те ни были благотворны в некотором смысле. Однако исторический суд не может исходить из одних пуританских начал, из одного нравственного ригоризма. Открывалась почва для посева семян новой мысли. Когда христианский авторитет поколебался в жизни, тем легче стало подрывать его в теории. Это дело взяла на себя литература, и преимущественно поэтическая.

Кипучая жизнь и материальное благосостояние страны вызвали в ней утонченность образования. Земля кельтов, басков, карфагенян, греков, римлян, германцев, Лангедок был ареной

борьбы между христианством и мусульманством. В этой борьбе были совершены героические подвиги, способные возбудить самый пламенный энтузиазм. На них, как бы на последний звук рога умирающего Роланда, откликнулась своеобразная и блистательная поэзия. Толчок ей дан был испанскими арабами, чья культура давно создала изящные и пылкие стихи. Арабские рыцари были наставниками христианских если не в храбрости, то в гуманности, честности, изяществе, образованности, а также в умении пользоваться жизнью.

Германское начало уважения к женщине совместились с теми духовными явлениями, какие выработало христианство и мусульманство. На провансальской почве вырос европейский рыцарь; он заговорил прежде всего на языке Юга, и скоро ему стала подражать вся западная Европа. Его храбрость, его великодушие, его идеалы чести и любви, его набожность выразились лирическими песнями жонглера и трубадура. С этой чистотой поэтического вдохновения, этой красотой звуков могла соперничать только древняя эллинская лирика. Общественная и духовная жизнь арабов, их жизнелюбивая наука становятся предметом зависти и подражания христиан-победителей еще с XI века. В Лангедок незаметно переходят и нравы мусульман, где принимается все их обаяние новизны и прелести.

Под влиянием всех этих обстоятельств сложилась жизнь южной знати. При многочисленных феодальных дворах, склонных к гостеприимству, рассказывают поэмы о старых подвигах и поют песни в честь дам, во славу их красоты. Там думают о наслаждениях и завидуют счастливому положению арабских рыцарей и многим другим сторонам мусульманства. Вместе с рыцарскими турнирами соединились приятные забавы дворов и судов любви, дававшие возвышенный полет стремлениям рыцарства, а иногда возбуждавшие и чувственность. Вместе с идеализмом трубадуров, принадлежавших преимущественно к высшему сословию, сосуществует и приземленный материализм. Центр поэзии был при дворах арагонском, провансальском, тулузском. Тут блистательнее всего проходила жизнь высших сословий, и тут удобнее всего развились духовные явления, противоположные воззрениям христианства.

Дамы, поля битвы наполняли собою все помыслы трубадуров. «Единственная обязанность мужчины, — говорил Бернард де Вентадур, — иметь свободное и доброе сердце, чтобы обожать всех дам» (28). В самих личностях трубадуров, их характерах, подробностях их жизни рисуются духовные стороны, одушевлявшие эпоху.

Каждый трубадур прежде всего посвящал себя избранной даме. Если не всегда такой привязанностью руководило платоническое чувство, то тем не менее оно характеризует эпоху лучшего времени рыцарства и его историю. «Это уже не любовь, которая ищет награды», — говорили трубадуры, и такое убеждение подтверждается жизненными приключениями знаменитых трубадуров. Богатый и счастливый владетель своего замка трубадур Рудель влюбился в графиню Триполи, хотя никогда не видел ее; пилигримы из Антиохии занесли весть об ее красоте и доброте. Он стал воспевать эту даму, потом решился увидеть ее и посвятить ей себя. После многих приключений на море он, едва живой, с трудом доехал до владений своей дамы. Графиня, узнав о приезде знаменитого рыцаря, навестила его. Услыхав ее голос, умирающий поднял глаза, возблагодарил Бога, что тот дал ему возможность увидеть предмет своей идеальной любви. Он был счастлив тем, что мог умереть на ее руках.

Видал, отвергнутый своей дамой и позорно наказанный из ревности сеньором сенжилльским, — что, впрочем, случалось весьма редко, — от печали и безнадежной любви потерял рассудок. Ему казалось, что он император византийский. В раззолоченном бумажном венце, предмет потехи в замках баронов, он занимал своими песнями и своим несчастьем дворы английский, тулузский, арагонский.

Бернард де Вентадур, горя о смерти Раймонда V Тулузского, к которому он был сильно привязан, пошел в монастырь.

Но если при изучении эпохи нельзя забыть ее идеального фона, то тем важнее для нас открыть непосредственно практический, социальный элемент в поэзии трубадуров и жонглеров, сопровождавших своих учителей летом, а зимой внимательно выслушивавших курс веселой науки. Сборник Ренуара (*Choix des poesies des troubadours*) представляет интересные доказательства такого характера южной поэзии в эпоху альбигойских ересей.

Чувство любви в стихах южных трубадуров становится выше интересов религии и часто бесцеремонно смешивается с ними. «Сам Бог бы изумился, когда бы я осмелился покинуть свою даму, — поет один из них. — Всевышний не знает, что если бы я потерял ее, то никогда и ни в чем не нашел бы счастья, и что Он сам не знал бы, чем утешить меня». Другой трубадур, выказывая чувства к своей даме, признается, что, поглощенный всецело этим чувством, он

забывает все остальное на свете. «Я забываю самого себя, чтобы думать о Вас, и даже когда хочу молиться, то только ваш образ занимает мои мысли» (29). В лирических порывах южных певцов прорывается если не их равнодушие, то, по крайней мере, непочтительное отношение к религии. Потому простые любовные стансы своими намеками, сравнениями, оборотами, вообще складом служат материалом для характеристики нравов высшего сословия на Юге.

«Моя возлюбленная, — говорит Рамбо д'Оранж, — смотрела на меня с такой нежностью, что казалось, будто сам Бог улыбался мне. Один такой взор моей дамы, делая меня счастливейшим на свете, приносит мне больше радостей, чем попечительнейшие заботы четырехсот ангелов, которые пекутся о моем спасении» (30).

В тех стихотворениях, где прорывается чувственная страсть, намеки становятся еще решительнее:

«Когда сладкий зефир повеет в тех незабвенных местах, которые некогда Вы осеняли вашим присутствием, мне кажется, я чувствую обаяние рая... Когда я наслаждаюсь счастьем созерцать Вас, ощущать прелесть вашего взгляда, я не думаю о другом блаженстве. Тогда я владею самим Богом» (31).

«Ваш обольстительный стан, сладкая улыбка на устах, нежность, изящество, вся неодолимая прелесть вашего тела вечно в моих мыслях и в моем сердце. Если бы так я думал о Боге, если бы я к нему имел такую чистую привязанность, то, конечно, раньше кончины моей, даже в продолжение целой жизни был бы помещен им в раю»(32).

«Не думайте, чтобы я от гордости твердил о своем счастье. Нет — я люблю свою даму со всей нужной страстью, ей посвящены самые пылкие желания мои, и если смерть застигнет меня внезапно, то последняя молитва моя к Богу будет не о рае. Нет! Я буду молить его наградить меня, вместо его рая, еще ночью в ее объятиях» (33).

Издавка над церковными обрядами слышится в легкомысленном взгляде на характер семейных отношений, проявившийся тогда в лангедокских землях:

«Так как обеты и клятвы любви, некогда данные нами обоюдно друг другу, могут впоследствии помешать новым привязанностям и случайностям любви, то гораздо лучше отправиться теперь же к священнику и просить его о новом благословении. Разрешите меня от моих обещаний, а я Вас разрешу от ваших, скажем мы друг другу. И тогда, по окончании церемонии, каждый из нас будет вправе дозволить себе новую любовь. Если я в порывах ревности сделаюсь преступным в оскорблении Вас — простите меня, со своей стороны и я искренно прощаю вас» (34).

С еще большей смелостью прорываются некатолические чувства трубадуров того времени в сонетах Гюго Башелери и Бонифация Кальво:

«Да, я клянусь святым Евангелием, что ни Андрей Парижский, ни Флорис, ни Тристан, ни Амалис^{*1} не имели такой чистой страсти, такой верной привязанности, как моя. С тех пор как я посвящаю сердце своей даме, я не читаю *pater noster*, чтобы в словах *qui est in coelis* не подумать всем сердцем о ней»^{*2} (35).

«Она была так чиста в своих речах, так разумна в поступках, — поет Кальво о своей даме, — что я просил Господа принять ее в свою святую райскую обитель. И нисколько не сомневался в том, ибо, как думаю, без моей дамы в раю не будет совершенства»(36).

Во всем этом нельзя видеть одни метафоры, одно увлечение певцов своими дамами. Вовсе не свидетельствуют эти строки в пользу религиозности, как то полагает Ренуар. Трудно поверить тому, чтобы, «служа в одно время Богу и даме, они хотели оставаться верными и культу Церкви и культу любви» (37). В эпоху религиозного экстаза, доходившего в остальной Европе до дикого суеверия, подобные литературные приемы, незнакомые прежде нигде, обнаруживают по меньшей мере религиозное легкомыслие на Юге Франции, легкомыслие, общее с Италией. Это были признаки того, что почва уже подготовлена к восприятию еретических грез.

Со своей стороны и содержание эпической поэзии, полной чародейств германской мифологии, волшебства арабской сказки и преданий таинственной эпохи друидов, не всегда способно было воспитывать христианское мирозерцание. В то же время из академий Кордовы и Гренады^{*3} проливались лучи нового просвещения. Там зарождались попытки к объяснению начал

*1 Наиболее популярные герои любовно-рыцарских циклов песен.

*2 Речь идет о молитве «Отче наш» и о словах «сущий на небесах».

*3 Имеются в виду академические центры философии, богословия, науки, которые имелись в Кордове и Гренаде и находились под покровительством арабских властителей.

бытия, и, пользуясь творениями мыслителей классической древности, арабские философы приходили к интересным и своеобразным выводам, легко и с увлечением воспринимаемым на христианском Юге.

Вместе с арабской наукой провансальцы могли ознакомиться с поучениями иудейских раввинов. Еврейские школы были особенно многочисленны; на гуманном и просвещенном Юге евреи пользовались тогда свободой, большей, чем где-либо. Врачи, философы, математики, астрологи Прованса были по преимуществу из евреев. Медицинская школа в Монпелье в XII столетии была наполнена арабскими и еврейскими профессорами, последователями Авиценны и Аверроэса; по всем большим городам Лангедока имелись еврейские коллегии. Особенно славилась нарбоннская и после нее — в Безьере, Монпелье, Люнеле, Бокере и Марселе. В академии Бокера славился доктор Авраам, в Сен-Жилле — еврейский мудрец Симеон и раввин Иаков, в Марселе — Фирфиний и его зять, другой Авраам. Преподавание в их училищах было бесплатное. Курсы иногда бывали публичные. Не имевшие необходимого достатка ученики и слушатели пользовались бесплатным содержанием за счет профессоров. Это был большой повод к соблазну и одно из средств к распространению ереси. Католическое духовенство было бессильно тому воспрепятствовать.

Под благотворным влиянием евреев и у христиан было учреждено собственное бесплатное обучение: так было в школе города Альби для предметов первоначального обучения, о чем можно заключить из одного документа позднейшего времени (38). Но ересь уже слишком упрочилась в этих городах, чтобы подобное учреждение могло принести пользу интересам католичества. Иноверное влияние было могущественно по всей стране. В городском сословии евреи еще при арабском владычестве составили элемент, сильный богатством и деятельностью. Замечательно, что в тех городах, где их было особенно много, как в Монпелье и Нарбонне, муниципальный устав назывался «*thalamus*», что, по Фориелю, представляет филологическое сходство с наименованием законодательного кодекса Иудеев*¹ (39).

Не только светские ученые, но и духовные, заимствовали из мудрости арабов и евреев. Арнольд, епископ Агеллонский в конце XI века, славился разнообразием сведений и знанием арабского языка. Манфред Безьерский, рассуждая об астрономии, исключительно цитирует восемь арабских астрономов. И арабская наука, и красноречие пользовались в Провансе обширным кредитом. Пьер Кардинал уже много спустя говорит, что он хотел бы обладать храбростью татарина и красноречием сарацина. Многие события библейской истории приняли на Юге легендарную окраску под влиянием восточного воображения. Таинство искупления даже у католиков облеклось в аллегорическую сказку. На провансальский язык было переведено с арабского апокрифическое Евангелие «*Детства Спасителя*».

Находясь под таким иноверным влиянием, трубадуры школ Аквитании, Оверни, Родеса, Лангедока и Прованса до того резко говорят в своих сирвентах о пороках католического духовенства, что захватывают и самые догматы, невольно или намеренно оскорбляя их, как уже было замечено. Обратимся теперь собственно к тем памятникам поэтического и чисто исторического характера, которые рисуют тогдашние нравы католического духовенства.

«Церковь, — восклицает трубадур де ла Гарда, — пренебрегает самыми священными обязанностями своими. Удовлетворяя корыстолюбию и жадности, она за низкую цену прощает все преступления. Священники неумолчно твердят с кафедр, что не следует желать благ земных, но они весьма непоследовательны. Они защищают убийство и кощунство, так как сами повинны в том и другом. По несчастью, наш век идет по их следам» (40).

«Священники стали инквизиторами наших поступков. Я не за то порицаю их, что они судят, но за то, что они властвуют по своим капризам. Пусть они сокрушают заблуждения, — говорит Монтаньян по поводу строгих мер, принятых Римом относительно еретиков, — но без злобы, одной силой убеждения. Пусть они с добротой приводят к истине тех, что отклонились от веры. Пусть они даруют милость и пощаду кающемуся, дабы виновный и невинный одинаково не делались несчастными. Напрасно твердят они, что золотые парчи неприлично носить дамам; если они не сделают другого зла, если они не возгордятся чем-либо, то красивый наряд никогда не лишит их милости Божьей. Те, которые исполняют обязанности свои к Богу, не отталкиваются им потому только, что роскошны их одежды! Точно так же и священники и монахи не заслужат еще награды от Бога, если ничего лучшего не сумеют сделать, как вырядиться в черные рясы и белые капюшоны» (41).

*¹ То есть с Талмудом.

Так выражалось общественное мнение по поводу крутых мер Церкви, предпринятых против ересей, и еще ранее их. В то же время, когда начались войны, голос трубадуров, полный ненависти и мести, поднялся еще выше. Своей роскошью, богатством, недоступностью высшее духовенство того времени само возбуждало против себя общее негодование. Веселая и роскошная жизнь вельмож и купцов лангедокских всегда служила предметом соревнования в духовенстве. Если их жилища были убраны бархатом, шелком, самшитом, если камни и жемчуга блестели на их женах, если одежды их кидались в глаза великолепными украшениями, а головные уборы изысканной странностью, то еще большею пышностью и роскошью отличались красные и белые наряды духовных лиц. Их поместья, десятины приносили им мешки стерлингов и соли-дов. На их конюшне стояли тысячные лошади, лучшие среди всей знати. Тогда как буржуа прекрасно умели прожить сутки на два солида и только двенадцать денариев обходился хороший стол, священники растрчивали сумму в двадцать раз большую за одни покои с расписными плафонами, за ячменный хлеб, так любимый в то время, за редкого лосося, за изысканное кушанье вроде соуса с индийским перцем и шафраном. Духовные лица не стеснялись ежегодно первого мая дарить своим возлюбленным кольца, ожерелья, браслеты, драгоценные запястья.

От такой жизни нетрудно было начаться распущенности нравов, так понятной при всякой утонченной цивилизации. Эту жизнь уже давно изобличали трубадуры вроде Вильгельма де ла Фабр и Вильгельма Лиможского. Их сирвенты звучат грустью и страданием за общество, но после них безнравственность в этом обществе еще более упрочилась, преимущественно в сословии духовном, которое даже превзошло светскую знать. Сирвенты трубадуров, беспощадные к феодалам, презиравшие императора, с заносчивыми выходками поучавшие всех государей Европы, тем смелее карали пороки духовенства.

«Чтобы излить свой гнев и печаль сердца, я, сильный моей надеждой на Бога, начинаю сирвенту против великого безумия, которое, прикрываясь обманчивой внешностью, овладевало этим двуличным племенем, — так поет марсельский трубадур при самом наступлении XIII столетия, — племя это любит расточать хорошие слова, но делать привыкло иначе. Те, кто должен был бы ходить по пути Господнем, подвизаться в жизни, по слабости человеческой уклоняются и погибают... Проповедник, внушающий надежду на Бога и убеждающий к добродетельной жизни, говорит прекрасные вещи; но на деле выходит другое. Истинная вера не нуждается в мече, чтобы рубить, разить. О вы, лукавые, вероломные, клятвопреступные грабители, развратные и нечестивые, вы столько уже совершили зла, что одним примером своим способны заразить всякого. Святой Петр не дал вам права золотом уравнивать грехи преступного. Но не подумайте, чтобы я восставал против всех духовных лиц, с которыми они свыкались с первых воспоминаний детства, я порицаю только дурных между ними, не подумайте, чтобы я позволял себе сомнительно коснуться догматов святой Церкви. Нет, мое страстное желание, чтобы мир водворился между враждующими государями христианскими и чтобы теперь же они вместе с папою (Иннокентием III) спешили за море прославить христианское оружие» 42.

Несколько позже, когда война уже началась, карающий тон трубадуров становится тем беспощаднее:

«К чему выражаются клирики, к чему эта роскошь, к чему эти камни, когда Бог жил так бедно и просто! Зачем клирики так любят брать чужое добро, когда они знают хорошо, что, отнимая крохи бедняка для своих яств, для своей роскоши, они поступают не по Писанию!»(43)

«Я не испугаюсь и не оставлю бичевать гнусных клириков; моими стихами да накажется низость этих душ, это коварное поповское племя, которое чем больше имеет силы, тем больше выказывает зла и неистовства. Все эти ложные проповедники вводят свой век в заблуждение; они совершают смертные грехи, и те, которые учатся у них, подражают тому же. Пастыри наши сделались волками, грабителями; они грабят везде, где могут, и всегда с видом ласковой дружбы. Они повергают свет еще новому, а Бога еще большему унижению. Сегодня один из них переспит с женщиной, а завтра оскверненными руками касается тела Спасителя нашего. Это страшное еретичество. Может ли священник ночь свою посвящать женщине, когда наутро он будет совершать таинство Христово? А между тем, если попробуете возвысить голос против него, то будете отлучены, и если не оплатитесь, то не ждите ни любви, ни дружбы от них; никто из них не станет молиться за вас. Пресвятая Дева Мария! Дай мне хотя день прожить в ладу с ними и избегнуть их господства. А ты, моя сирвента, лети и спеши успокоить лукавых пастырей; уверь их, что тот подлежит смерти, кто осмелился бы не уважить их могущество» (44).

Точно таким же тоном высказывалась литература XVI столетия, в эпоху Реформации. И в том и в другом случаях литература берет на себя обличительную роль; и в XIII и в XVI столетиях

ее протестом руководит как порыв свободной мысли, так и чисто христианское желание остановить падение Церкви. И XIII век мог привести к тем же последствиям, что и Реформация, если бы не крепость папской теократической системы, только что утвержденной Иннокентием III.

Торжество пап над императорами в XII веке, выгоды, приобретенные римской курией в ее вековой борьбе, придали немалые силы и авторитет клерикальному элементу. После векового напряжения и труда наступила пора пользоваться победой. Приобретенные выгоды соблазнительно вели клир к злоупотреблению торжеством и властью.

Идеалы Гильдебранда были забыты. Высокие идеи, высказанные рядом пап — исправить духовенство самоотречением, — были благородной утопией, не оцененной современниками. В среде самих католических духовных лиц в разное время появляется ряд сочинений с нескрываемой печалью о порче Церкви. Мы не будем говорить о том, что предшествовало Гильдебранду в самом Риме и среди духовенства. Нравственной реформе, предпринятой Григорием, нельзя отказать в успехе. Но когда прекратилось действие инерции, данной католическому миру этим человеком, тогда стало грозить возвращение прежнего нравственного разложения. Симония еще господствовала в полной силе; свидетелем тому является Ивон Шартрский, который сообщает о том через двадцать лет после кончины Гильдебранда. Гильдеберт, епископ Турский, писавший в начале XII века, изображает правящее духовенство в своем «*Curiae romanae descriptio*» как такое сословие, которого надо опасаться.

«Они везде стараются посеять раздор и пользоваться смутами», — говорит он (45). Другой немецкий аббат сообщает о том же в особом сочинении: «Порча Церкви при папе Евгении III». «Неслыханное дело, — восклицает автор, — теперь вместо Церкви римской стали говорить курия римская!»(46)

Англичанин Иоанн (Джон) Солсберийский, не щадивший ни друзей, ни недругов, в своей «Поликратике, или О лжи духовных» между прочим рассказывает, что при свидании с суровым папой Адрианом IV он осмелился, увлекаемый побуждением свободы и истины, откровенно высказать все, что дурного говорят в провинциях про него и Римскую Церковь: «Она, мать всех Церквей, стала теперь не матерью, а мачехой. Заседают в ней книжники и фарисеи, они возлагают невыносимые тяготы на плечи людей, а сами не дотронутся до них пальцем... раздирают Церковь, возбуждают вражду, воздвигают народ на духовенство. Они не сочувствуют несчастьям и страданиям оскорбленных, они радуются унижению Церкви... Чаше всего они приносят вред, подражая бесам, обитающим в них и которые только тогда их оставляют, когда те перестают вредить; исключение составляют немногие — те, кои преисполнены понятия о долге и обязанностях пастырских. Но и сам первосвященник римский ужаснее всех и почти невыносим... Дворцы блистают духовными особами, и в руках их помрачается Церковь Христова. Они добывают богатства, провинции, думая сравниться с богатствами Креза; епархии часто преданы на разграбление самым низким людям. И я полагаю, что до тех пор, пока они будут блуждать в такой дебри, бич Божий не перестанет грозить им» (47).

Несколько позже, в конце XII столетия, те же голоса, те же латинские стихи слышатся из Англии и Германии. Это известное «*in Romanam Curiam*», которая, по словам автора, стала не чем иным, как рынком, где с аукциона продаются сенаторские места и в консистории все делают за деньги: «Если не уделить от имущества, Рим откажет во всем. Тот, кто даст больше, будет выбран за лучшего» 48.

Еще большее значение имеют свидетельства французских современников. Одному из них, строгому иноку клюнийскому, приписывают главнейшее, написанное около 1203 года, в форме поэмы, носящей заглавие: *La Bible de Provins*. Это памятник высокого достоинства для ознакомления с той эпохой. Автор особенно напал на высшее духовенство, кардиналов и легатов, которые своим появлением во Франции и особенно Лангедоке возбуждали, как позднее в эпоху великой Реформации, сильное негодование. «Все пропало и смешалось, когда наедут кардиналы, всегда алчные, ищущие добычи. Они приносят с собою симонию, показывая пример нечестивой жизни; как бы неразумные, без веры, без религии, они продают Бога и его мать» (49). А несколько далее идет обличение даже столпов католичества, хотя то нельзя относить к личности самого папы, это скорее отражение старых воспоминаний, плоды старой накипевшей злобы, привычка и разочарование в возможности поворота к лучшему.

«Всем видно, что Рим унижил наш закон. Князья, герцоги, короли должны о том безотлагательно подумать. Рим нас язвит и пожирает; он разрушает и умерщвляет всех. Рим — это канал нечестия, откуда изливается преступный порок, это бассейн, полный гадов. В те же самые годы аббат Иоахим Флорский, мистик и аскет, называет Римскую Церковь вавилонской

блудницей. «Насколько она удалась от чистоты первоначальной Церкви, явствует из многого». Он уподобляет Церковь греческую Израилю, а латинскую — Иуде, из которых «первую можно назвать противоборствующею, а вторую вероломной, ибо иное дело уклоняться от веры и другое изменять ее» (50).

Еретики прямо заявляют главной причиной своей оппозиции нравственное падение западной Церкви, и апологеты последней, полемисты с ересью, сделавшиеся инквизиторами по убеждению (как, например, Райнер Сакколи), сами сознаются в том. Правда, что с самого начала XIII столетия новый Гильдебранд воцарился в Риме, но ему досталось наследие слишком запущенное, чтобы плоды его деятельности можно было ощутить немедленно. Иннокентий III положил лучшие усилия к исправлению нравов духовенства, но ересь выросла под влиянием условий, уже до него накопленных историей. Он успел достигнуть своей цели уже впоследствии, когда факт совершился, когда альбигойство было побеждено насильем; самая ересь далеко опередила его появление, и не он виновник развития ее. Потому понятно, что образованные лица, принадлежащие к духовному сословию, и при нем продолжают рисовать жизнь духовенства мрачными красками.

Мы имеем два свидетельства такого рода, оба они, как слова современников начала XIII века, требуют внимания. Одно из них, несколько раннее, заключающееся в хронике приора Готфрида, касается непосредственно социального быта Аквитании и Прованса и потому имеет большое значение для альбигойского вопроса, тем более что, записанное в 1185 году, представляет картину нравственного разложения духовенства в эпоху особенного процветания ереси.

Уже тогда между католиками составилось убеждение, что совершать таинство Евхаристии некому, так как достойных для того лиц во всем духовенстве не имеется. О святости жизни в духовных пастырях теперь не слышно.

«Монахи, — говорит по этому поводу настоятель везонской обители, — покидают свое прежнее платье и ходят по улицам одетыми по новой моде; мясо они едят, когда хотят. Самые неприличные раздоры совершаются в монастырях при избраниях. Так, я знаю монастырь, в котором правят четыре аббата. Цистерцианцы еще чем-нибудь заслуживают похвалу^{*1}, они расточают большие милостыни, изучают церковное песнопение, творят много добрых дел. Но и они искусны силой или хитростью присваивать себе имущества и доходы других орденов. Епископы же требуют от приходов большие взятки, а места продают за деньги. Они не дают даром церквей священнослужителям, а прежде требуют подарков, потому те и стригут своих прихожан, как торговцы овец. Последствия бывают еще ужаснее, когда священники подают пастве пример безнравственной жизни. Все преисполнилось пороков, и, как видно из слов приора, побудительная причина заключается в безнравственной жизни духовенства» (51).

Еще большим аскетизмом характеризуется взгляд другого высокопоставленного духовного лица, свидетеля самого разгара альбигойских войн и проповедника крестового похода. Надо, впрочем, заметить, что личности вроде Якова Витрийского, епископа города Акконы, появляются благодаря исключительным обстоятельствам. Полуаскет в жизни, носитель идеалов духовного и телесного подвижничества, суровый епископ не хочет ничего видеть в современной ему эпохе, кроме зла. Он был из тех служителей Церкви, которые оказались закалены борьбой Иннокентия III со старыми порядками, борьбой за идеалы нравственной чистоты, борьбой, породившей много неукротимых ригористов, которые, с вечными текстами на устах, в пылу ломки, думая вернуть неуместную патриархальность нравов, впали в противоположную крайность.

Тем не менее уже одно качество обличений автора «Иерусалимской истории» дает право вполне поверить ироническим и озлобленным трубадурам. Заметив, что весь мир потерял понятие о добродетели, что все гибнет среди «пьянства, обжорства, пороков нравственных и утех чувства, которое не кладет даже границ различием полов», что религия падает от нечестивого кощунства, суровый епископ, переходя специально к духовным лицам, так отзывается про монахов:

«Отказавшись от света и от самого века, связанные одним долгом молитвы и веры, они тем более пали нравственно после своих обетов. Вечно беспокойные, никого не признающие над собой, терзая друг друга, они носят крест Христов будто налог и, нечестивые, невоздержные, живут по плоти, а не по духу».

*1 Цистерцианцы — члены цистерцианского ордена, основанного в 1098 году фактически как ветвь бенедиктинского ордена. Отличаясь большей строгостью дисциплины и аскетизмом. Наибольшую известность цистерцианцам принес Бернар Клервоский.

Тем резче епископ акконский говорит о своих высших собратях по сану, об этих «ненасытных прелатах, которые из-за пламени страсти никогда не видят солнца, справедливости... Грабители, а не пастыри, новые Пилаты, а не прелаты, они не только пускают волков в стадо, но даже дружат с ними. Им надо сказать вместе с Апостолом: врач, исцели сам себя; проповедуя не красть, ты крадешь, говоря не прелюбодействуй, ты сам прелюбодействуешь (Поел, к Рим. II, 21—22). Невеста Христова, Церковь Божья так отдана была на поношение и любодейство теми, кои призваны были оберегать ее. Снова, распиная Сына Божья и ругаясь ему, они, в своем алчном корыстолюбии, не только обличают самих себя, но и со священных предметов снимают всякую благость и позорят их примером своей преступности. У них ночь в доме разврата, а утро пред алтарем; ночью они касаются публичной женщины, а утром Сына Девы Марии».

Тоном решительного памфлета написана его характеристика нравов и жизни французского духовенства. Тогда Париж в своем духовном сословии развращен был, по его словам, более, нежели в остальном народе (52). В столичной жизни, частной и публичной, в продолжение второй половины XII века позорные явления стали общим правилом. Так, знаем, что черное духовенство, как и белое, приобщало отлученных от церкви за деньги, что больных навещали и напутствовали из вознаграждения, что монахини выходили из монастыря, бродили по всем площадям, посещали публичные бани вместе с мужчинами (53). Священники жили с любовницами и часто покидали свои приходы ради женитьбы. Многие клирики, не довольствуясь тем, прибегали к содомскому греху, что давало повод потешаться народному остроумию.

Значительная часть среди духовных лиц имела лучшие намерения и, состоя из людей справедливых и богобоязненных, соблюдала правила своих орденов, насколько это было тогда возможно среди них, «но нечестие развращенных и злонамеренных одерживало верх. Их неправда была велика до того, что они часто допускали к священному сану тех, на кого прелаты налагали запрещение. Оттого могущественные узы церковной дисциплины ослабли; миряне и отлученные смеялись над приговорами своих прелатов и презирали церковное правосудие».

В достовернейшем историческом памятнике альбигойской эпохи — письмах Иннокентия III встречаем несколько примеров безнравственного поведения духовенства вообще и, между прочим, провансальского. Из них можно заключить официально, что священники сделались торговцами, процентщиками, фальшивомонетчиками. Они пьянствуют, разбойничают, святотатствуют и в то же время совершают всевозможные насилия над подчиненными. Из Бордо доносили о кровопролитных схватках между священниками, из Прованса — об азартных играх, причем обвиненный объяснял, что нет причины отказываться от поживы и не пользоваться счастьем, тем более что это укоренившийся обычай во всем французском духовенстве (54). Иннокентий принимал все меры для уничтожения и предупреждения зла при каждом случае. Он увещевал, наказывал, лишал сана, отлучал. Его проповедь, сказанная вскоре по вступлении на престол, в момент самый решительный для альбигойства, объясняющая будущую систему его внутренней политики по отношению к духовенству, служит вместе с тем одним из материалов при изучении нравов духовенства в данное время. Рисуя идеал священника, с авторитетностью государственного документа она показывает присутствие в духовенстве тех же самых пороков, против которых восставали трубадуры, Готфрид и Яков Витрийский.

«Побуждения плотские, соблазны глаза и личная гордость — вот тройные узы греховного человека, — говорит Иннокентий. — Они опутывают и духовных лиц. Под тяжестью плотских страстей духовник не краснеет, что держит у себя женщин, которые, к вящему позору клириков и священников, бывали уже наказываемы за разврат. Узы похотей глаза в том, что влекомые ими не стыдятся вести торговлю и предаваться ростовщичеству, причем все от самых высоких лиц до малых, совершают тысячи обманов; они забывают, что священник, жадный к деньгам, служит не Богу, а идолу. А те, которые должны бы сдерживать других, как собаки немые, боятся лишиться своих приношений, десятин, богатств. Из гордости происходит то, что мы склонны более служить суете, чем смирению, выступая горделиво, разукрашенные нарядами, более приличными людям светским, чем духовным...»(55)

Содержание папской проповеди полностью применимо к положению лангедокского католического духовенства перед альбигойскими войнами.

Там в это время католическая Церковь находилась в страшном унижении. Там раздаются горькие жалобы, что опустевшие храмы разрушены или заросли мхом, что духовенству не платят десятин и что оно обречено на нищенство, что сильные феодалы спешили обложить церкви и монастыри налогами (56). Епископы не заботились об интересах своей паствы, а, отправляясь в крестовые походы, оставляли священников в жестоких тисках баронов. Бывали примеры еще

хуже. Один епископ нарбоннский, у которого, по словам Иннокентия, богом были деньги, подрядился на войну с разбойничьей шайкой (57). В храмах народ часто вместо молитвы предавался танцам, сопровождая их эротическими песнями.

Авиньонский собор 1209 года должен был составить особый канон по этому поводу. Наконец около 1200 года при дворе маркиза монферратского, друга Раймонда VI, графа тулузского, в присутствии большого числа окрестных феодалов была представлена комедия под названием «Ересь попов», где в лжеучении обвинялось само духовенство. Полная самых резких намеков, она вызвала одобрительные рукоплескания зрителей (58). Ее успех показывает полное отчуждение от Церкви баронов и горожан Юга. Все обстоятельства и условия тогдашней жизни шли в разлад с непосредственными интересами католицизма и приводили к ситуации для них самой неблагоприятной.

Такую же картину представляет и один из средневековых историков этой войны. Из нее видно все унижительное положение духовенства среди пышных феодалов и богатых граждан, духовенства, бессильного ввиду пропаганды свободных мыслей, занимательной ясности альбигойской философии и живых примеров нравственной чистоты последователей Петра де Брюи, Генриха, Петра Вальдо. Та причина, которая казалась особенно важною для капеллана тулузского двора, человека довольно беспристрастного, должна быть указана и в настоящее время, притом по возможности со слов самого автора, современника великих событий в истории Лангедока. Краски его самые мрачные. Он говорит тоном отчаяния за Церковь. В этом тоне вся земля провансальского языка предрасположена была к ереси.

«Она была недалеко от проклятия, — говорит Вильгельм из Пюи-Лорана. — Грабители, разбойники, злодеи, убийцы, прелюбодеи, ростовщики покрывали ее. А духовные лица между тем были в великом презрении у мирян».

Из слов летописца видно, что их жадность, разврат и невежество вошли в пословицу. Их считали в обществе ничем не лучше жидов. Так, вместо того чтобы сказать: «Пусть буду я жидом», обыкновенно говорили: «Лучше я стану попом, чем сделаю это».

Репутация духовного сословия в пределах языка провансальского сильно компрометировала католицизм. Показываясь в обществе, священники старались скрыть тонзуру на голове; с ними не хотела мешаться светская феодальная аристократия; они часто не решались показываться на улицу. Знатные рыцари стыдились посвящать Церкви своих детей, для того предназначались дети бедных вассалов. Епископы потому должны были без разбора довольствоваться теми священниками, какие имелись в их распоряжении. В Лангедоке рыцарство по своему произволу следовало без всякой помехи той или другой еретической секте.

«Еретики были в таком большом почете, что имели свои собственные кладбища, где торжественно хоронили соvrащенных ими»(59).

Еретики пользовались большими гражданскими выгодами: они меньше платили налогов своим феодалам, в большинстве принадлежавшим к их вероисповеданию. В их общинах было больше спокойствия и общественной безопасности. Между собой семьи, села и целые города еретические жили мирно. Крепкой стеной стояли они друг за друга, хотя их мнения и различались друг с другом. И вскоре Рим увидал на юге Франции страшное общество с крепкой организацией, сильное чистотой жизни, дерзкой речью, смертельной ненавистью ко всему католическому.

То была новая вера, смесь гностицизма и манихейства с практической и гражданской философией. О новой Церкви знали не одни провансальцы. Не было страны в Западной Европе, где бы не следовали догматам, таинствам и обрядам этого нового вероисповедания. Оно имело свое богословие, своих проповедников, свой нравственный и практический кодекс. Рядом с ним существовали другие ереси, меньшие числом своих последователей, близкие к рационализму, христианские по принципу, позднейшие кальвинисты по догмату, но так же страстно ненавидевшие папство.

То были ученики реформаторов столь же пылких, сколько сильных собственным убеждением в своем призвании, — это люди, опередившие идеи Гуса, Лютера, Кальвина. Рим не хотел различать тех и других; для него все еретики были одинаково опасны. Он знал только то, что на юге Франции страшный центр тех и других, что в Альбижуа скрывался узел всякой оппозиции и под влиянием страха Рим смешал лангедокских катаров с протестантскими вальденсами, назвав тех и других общим именем «Albigeois», альбигойцев. Это слово сделалось символом враждебного лагеря, с которым хотели покончить смертельной борьбой, так как обоюдное существование Рима и альбигойства, столь желательное во имя прав человечества, во имя свободы мысли, при условиях тогдашней истории и при личном характере человека,

носившего тогда папскую тиару, было невозможно. Философское равнодушие к отдельной церковной фракции послужило бы сигналом распада католицизма и извне и изнутри.

Новая Церковь и ее пропаганда до того усилились, что папа Иннокентий III должен был в одном из своих эдиктов официально настаивать на необходимости внутренней реформы духовенства, дабы удержать дальнейшее распространение ереси и отнять у оппозиции один из предлогов к восстанию против католицизма (60). В то же самое время, в начале XIII столетия, один из католических проповедников с ужасом говорит о ничтожном числе защитников Церкви и об огромном числе нападающих на нее (61). То же повторил немецкий инквизитор позднейшего времени.

«Во многих городах Ломбардии и Прованса, — говорит Райнер, — а равно и в других землях и странах было множество еретических школ, как для подготовки к проповеди, так и для учащихся. В них публично дебатировали, и на торжественные диспуты сходилась народ. На площадях, на полях и в домах не было никого, кто осмелился бы им помешать, по причине могущества и многочисленности их последователей» (62).

В сопредельных странах во всеуслышание говорили, что в Лангедоке больше учеников Мани, чем Иисуса.

Надо заметить, что необходимость реформы в духовенстве была осознана в Риме; в самый год начала альбигойского крестового похода о ней заявляет каноническое постановление; она проникает в сознание участников соборов. Но об этой мере спохватились слишком поздно; вместо нее уже вступило в дело оружие.

А между тем негодующие крики продолжали раздаваться на языке провансальском, на этом орудии и ненавистном органе ереси, заклеяном даже именем языка вальденского. Крик этот шел из уст трубадуров Лангедока и нес вызов непримиримой борьбы с католицизмом.

«Рим! Апостолы и ложные учителя твои погубили святую Церковь и возбудили гнев самого Господа. И столько нечестия и греха исходит из-за гор, что ересь да восстанет на тебя!»(63)

Этот голос будет зловещим для Рима, если не теперь, то после...

Однако в те дни, когда он раздавался, католическая сторона имела еще запас свежих сил и находилась под предводительством гениального вождя. На первых страницах этой книги мы видели, как силы эти были громадны, как весь запад Европы готов был повиноваться одному слову Иннокентия III.

Во имя чего, во имя каких убеждений, каких религий, каких жизненных правил, каких философских теорий сражались протестанты этого периода средних веков? Оставили ли они в истории следы своего существования? Во благо ли человечеству пронеслись они на сцене мира?

Отвечая на эти вопросы, надо обратиться к догматической стороне вероисповеданий, которые занимают нас, вероисповеданий, известных разным странам тогдашней Европы. Так как имя альбигойцев имело значение собирательное, то предметом изложения должны быть разнообразные ереси, подошедшие под общее понятие «альбигойских». Узнать содержание и смысл их можно только путем изучения исторических предпосылок. А приступив к такому изучению, мы откроем зарождение альбигойства с самых первых веков христианства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АЛЬБИГОЙСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ

Развитие дуалистической догмы в трех ее направлениях: восточном, славянском и провансальском (гностики, манихеи, присциллиане, павликиане, ариане. Дуализм славян. Богомилы Болгарии. Патарены Италии). Ереси Франции и Лангедока до 1170 года. - Догматика альбигойских дуалистов: крайних и умеренных. Их обряды, иерархия, нравы. Отношение к ним вальденсов. Реформаторы XII столетия. Вероучение вальденсов. История альбигойцев с 1170 до 1198 года.

Развитие дуалистической догмы в трех ее направлениях: восточном, славянском и провансальском

Появление и распространение ересей современно самому началу христианства. Возникновение христианской религии совершалось при таких обстоятельствах, которые не могли

не поставить ее в условия борьбы.

Борьба с иудаизмом и язычеством оставила глубокие следы на истории Церкви первых и всех последующих веков. Она благоприятствовала образованию в единой христианской догме других толкований, других учений.

Гностики

Гностицизм был результатом стремления постичь и уяснить философским путем, началами древнего мира, религию нового времени. Зороастризм персов, Каббала евреев, неоплатонизм александрийских греков — все это послужило источником гностического философствования^{*1}. Оно зародилось весьма рано, шло рядом с победами собственно христианского вероучения, и, уже при императоре Адриане, в теории Сатурнина, ученика Менандра, успело сложиться в отчетливые формы, отмеченные как мечтательностью, блеском воображения Востока, так и пытливостью Запада. Непрерывная традиция связывает первых гностиков — Евфрата, Симона, Менандра, Керинфа и особенно сирийской школы Сатурнина, Кердона, Маркиона, египетского Василида^{*1} — с теми катарами, против которых в XIII столетии Рим поднялся на бескомпромиссную войну. Два Бога — добрый и злой; борьба духа и материи; победа над демоном, над телесной темницей человека, отречение от плоти, воздержание от супружества, вина, мяса — все эти признаки дуалистического альбигойского верования были высказаны еще Сатурнином^{*2}(1).

Василид объясняет загробную жизнь так, как объясняли ее некоторые альбигойцы: хорошие души возвращаются к Богу, злые переселяются в создания низшие, тела же обращаются в первобытную материю. Прочие гностики прибавляют к этому целую самостоятельную космогонию, которая не могла не оказывать непосредственного влияния на историю позднейшего сектантства.

В эпоху, современную развитию гностицизма, появилось столько других самостоятельных теорий, сколько не производил никакой век ни до, ни после. Количество ересей увеличивалось удивительным образом. Некоторые церковные писатели первых веков христианства занимаются исключительно изучением ересей, они насчитывают огромное количество мистических и обрядовых христианских сект. Иероним (2) знает их не менее сорока пяти, но Августин насчитывает уже восемьдесят восемь, Предестин — девяносто, а Филастрий, писатель конца IV

^{*1} Автор придерживается точки зрения на гностицизм, который существовал еще в первые века христианской апологетики (например, у Климента Александрийского) и к которому были склонны и европейская, и российская наука в прошлом столетии. А именно, гностицизм понимался как реакция античного мира на уже возникшее, совершенно новое явление (христианство). Между тем в нашем столетии, особенно после находки гностической библиотеки в Наг-Хаммади (Египет), становится ясно, что гностическое мировоззрение имеет более самостоятельное значение. Хотя первым гностиком традиционно считается современник апостолов Симон Маг, нет сомнений, что истоки гностицизма исторически лежат там же, где и истоки христианства: в Палестине, точнее же — в иудаизме времен Рождества Христова. Протогностицизм имел иудейские корни. И если собственно иудаизм после событий I-II веков, после кровавых восстаний против римского господства, закрылся, вернулся к состоянию племенной религии, то христианство и гностицизм оказались широко распространенными именно благодаря идее надплеменного характера откровения Божества. Мимикрия гностицизма под христианство началась только во II столетии, однако точно так же в это время гностицизм принимает отдельные стороны античного философствования, египетской религии и зороастризма. В этом столетии граница между гностицизмом и христианством тонка, порой до неуловимости. Можно вспомнить, например, что катализатором процесса собирания Нового Завета стал гностик Маркион (а скорее христианин-«паулист», то есть признававший исключительный авторитет апостола Павла). Христианство самоопределяется в догматическом и церковном смысле именно во время полемики II столетия, причем принимает некоторые идеи, впервые высказанные гностиками. Из большого количества литературы порекомендуем следующие книги на русском языке: Послов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской религии над ним. Киев, 1917. Трофимова М.К. Историко-философские проблемы гностицизма. Москва, 1979. Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади. Москва, 1991.

^{*1} , Симон Маг и Менандр происходили из Самарии. Маркион же, например, происходил из Малой Азии, из Синопа. Поле деятельности Кердона и Маркиона преимущественно был Рим.

^{*2} Автор базируется на истолковании учения Сатурнина Епифанием, в то время как по древнейшему ересиологу Иринею Лионскому у Сатурнина, как и у большинства гностиков, нет строгого «манихейского» дуализма. Происхождение зла объясняется как ошибка, зависть, отпадение неких созданных Богом существ (в данном случае — ангелов), в свою очередь создавших человека.

столетия, живший в эпоху арианства, находит возможность указать более ста пятидесяти (3). Исидор, епископ севильский, один из авторитетных свидетелей, насчитывает в VII веке около семидесяти сект, большая часть которых вела свое начало с первых веков, и замечает, что «есть другие без основателей и без названий»(4).

В эпоху возникновения христианства были самые разнообразные общества, секты, всевозможно толковавшие каждый церковный догмат, следовавшие самым противоположным правилам жизни. Многие из них отличались странностью, невежеством, суеверием. Антропоморфиты придавали верховному Существо человеческие члены; артотириты^{*1}, следуя примеру первых людей, принимали в пищу исключительно хлеб и сыр, как «плоды земли и стада»; адамиты, следуя тому же указанию, ходили нагими, как мужчины, так и женщины; николаиты^{*2} предавались крайнему разврату, по примеру вождя, который предлагал свою жену всякой общине, и т. п. Одни поклонялись исключительно Каину, другие считали Сифа Спасителем, третьи спорили о Мельхиседеке^{*3}, четвертые, точно следуя нищете апостольской, отказывались от собственности. Но в большинстве этих сект господствовали учения, которые содержали в себе дуалистический элемент позднейшего катарства^{*4}.

Под этим наименованием существовала секта еще в первый век христианства, хотя система ее дошла до нас смутно и отрывочно. Катары (kataros — греческое «чистый»; латинское — «пуританин») времени святого Августина называли так себя вследствие той чистоты жизни, которую они проповедовали. Они восставали против любодения, брака, отрицали необходимость покаяния (5). По имени Новата, восстававшего против перекрещения и принятия отступников, с учением которого первые катары представляли нечто сходное, их часто называли новатианами^{*5} и смешивали с этими последними. Но из слов источников не видно, чтобы тогдашние катары следовали основам системы альбигойского дуализма. Полагают, что эти первые катары или исчезли в IV столетии, или слились с донатистами^{*6}. Тем не менее, разбросанные элементы позднейшего альбигойства можно проследить во множестве гностических и других сект эпохи, современной как веку языческих императоров, так и веку Исидора Севильского.

Верования в борьбу доброго и злого начала, восточная космогония и вместе с тем воздержание составляли в тогдашних системах явления далеко не редкие.

Мы отмечаем уже общие основы гностицизма. Они удерживались во всех ответвлениях этой обширной системы, во всех созданиях ее последователей, положивших начало собственным теориям. Каждый из них приносил с собою какое-либо новое понятие, что вместе послужило материалом для позднейшей мысли. Менандровцы, Василидовцы, Кердони-ане, Маркиониты и другие гностики, а также Архонтики не признавали мир созданием Бога^{*1}; Валентин считал Христа прошедшим через святую Деву и не оскверненным — как вода проходит через канал; тогда как Карпократ и Павел Самосатский, напротив, развивали теорию о человечестве Христа. Татиане и Севериане запрещали пить вино, а Гераклитовцы отвергали брак⁷. В учении Оригена были также гностические понятия, следы влияния неоплатонической философии⁸. В своем сочинении «О началах» он допускает, что души человеческие первоначально принадлежали ангелам и в наказание за грехи были заключены в плотские тела. Патрикиане же решительно утверждали, что плоть человеческая есть создание дьявола^{*2} 9. По их представлениям только тот

^{*1} То есть «хлебодцы». Автор перечисляет секты по изложениям у поздних латиноязычных («малых») ересиологов.

^{*2} Адамиты почитали носителем откровения Адама, николаиты (одна из древнейших сект, что видно по Апокалипсису Иоанна) вели свое учение от диакона Николая — одного из диаконов, поставленных еще апостолами.

^{*3} Перечисляются иудеогностические учения (каиниты, сефиане), в которых носителями Откровения почитались различные персонажи Ветхого Завета.

^{*4} Еще раз повторим: дуализм был характерен для манихейства, но не для гностицизма I—II веков.

^{*5} Новатиан — представитель крайнего крыла христианского духовенства, возражавшего после гонений императора Деция в 251 году против возвращения в церковь людей, смывших с себя крещение.

^{*6} Движение донатистов (от имени карфагенского епископа Доната) возникло в 311 году под лозунгами, схожими с лозунгами новатиан.

^{*1} Перечисляются секты первой половины II столетия, названные либо по их создателям, либо («архонтики») по тому, что они разделяли Бога-Создателя и Архонта, правившего созданным миром.

^{*2} Автор смешивает собственно гностических авторов — Валентина, Кар-пократ, Гераклита, Патрикия — и христианских учителей II—III вв. (Ориген, Павел из Самосаты), создавших концепции, которые позже были отвергнуты ортодоксальным христианством. Что касается влияния неоплатонизма на

может быть совершенным христианином, кто способен к самоумерщвлению; они искали смерти и ненавидели жизнь. Эта ересь была особенно распространена в Нумидии и Мавритании.

Христиан первых веков волновала та же мысль, над разрешением которой бились дуалисты XII и XIII столетия и из-за которой они вызывали столько отвращения к себе у католических современников.

Бог, создавший вселенную и человека, всеблагой Бог, полный любви к своим созданиям, — мог ли он быть виновником того зла, которое так обильно разлито по земле в людях; тех бед, которые ищут случая поглотить все живущее; тех препятствий, какие воздвигаются судьбой перед всем добрым?

В ответ на этот вопрос Коллуф, александрийский священник, прямо утверждал, что Бог никогда ничего злого не создавал 10. Противники указывали коллуфианам на тексты Библии: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» 11, и также: «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» 12 Коллуфиане же между тем могли сослаться на место из книги Бытия о первых днях творения: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (13).

В связи с подобными спорами появилась противоположная теория. Другой пресвитер, Флорин (валентинианец), живший в конце II века, доказывал, что Бог создал только одно зло. Последователи учения Флорина, выходцы преимущественно из военного сословия (вот почему эти сектанты часто именовались «miles» — воины), отрицали, кроме того, суд и воскресение мертвых, рождение Христа от Девы и, следуя гностикам, считали плоть Христа взятой из небесной Материи (14).

В их собраниях существовал обычай, совершенно сходный с тем, в котором, впрочем, бездоказательно, католические памфлетисты обвиняют альбигойских катаров и который по настоящее время совершается на чрезвычайных «радениях» одной из русских беспоповских сект, у так называемых «Людей Божьих»^{*1}. Флориниане под конец собрания, в глубокую ночь, погасив огни, мужчины и женщины, без разбора возраста и родства, предавались свальному греху, думая исполнить завет Бога «раститися и множитися».

Впрочем, своей односторонностью противоположные мысли, высказанные Коллуфом и Флорином, не могли приобрести большого числа последователей. Оба ересиарха, видимо, чуждались дуализма, хотя дальнейшее развитие их теорий непосредственно вело к этой мысли.

Получив таким образом раздробленное и извращенное понятие о Боге, последующие сектанты были недалеко оттого, чтобы в целях примирения и приобретения большей популярности признать двух верховных существ, враждебных между собой и противоположных по своей сущности. Из множества бродивших идей, под непосредственным влиянием гностиков, составлялись последовательно учения манихеев, присциллиан, ариан, павликиан и позднее болгарских богомилов — тех сект, которые, с большей или меньшей вероятностью, разными авторитетными учеными признаются за непосредственных родоначальников позднейших альбигойцев дуалистичес-эго или, как мы называем, восточного направления.

Рассмотрим прежде всего историю развития верования альбигойских дуалистов, составлявших большинство между еретиками XIII столетия.

Корень этого учения лежит в степях Средней Азии, и Мани, может быть, являлся первым альбигойцем (15).

Манихеи

Чтобы обстоятельнее изучить судьбы альбигойских дуалистических идей с самого

Оригена, то оно не имело места совершенно — уже хотя бы потому, что Ориген умер в 254 году, когда римский кружок Плотина, основателя неоплатонической концепции, только создавался.

^{*1} Люди божьи (христововеры, хлысты) — одна из форм старого русского сектантства, возникшая в последней трети XVII века в крестьянской среде. Основателем секты считается костромской крестьянин Даниил Филиппович. Для идеологии христововеров характерна проповедь аскетизма, вплоть до отказа от семьи и брака. Последователи учения объединились в общины (так называемые «корабли»), во главе которых стояли «христы» или «богородицы», — по учению христововеров, Христос может вселиться в каждого верующего. Христововеры отвергали церковь, Священное Писание, во имя Святого Духа, который, по их мнению, может снизойти на каждого. Ради последнего и совершались так называемые радения (то есть коллективные моления), представлявшие собой пляски с самобичеванием, глоссолалиями и пророчествами. — Примечание К. Е. Нетужилова.

появления их в истории, надо подробнее познакомиться с последовательными системами манихейства.

Восточная и греческая философия заметно влияли на решение заманчивых и темных вопросов, встававших в первые века христианства. Основателю манихейской секты открывалась возможность воспользоваться богатейшим материалом, системами разнообразного характера.

Родившись в Индии, Мани большую часть жизни провел среди магов Персии, неоплатоников и гностиков Александрии. Из далекого Востока этот страстный эклектик, полужычник, полухристианин, полубрамин^{*1} принес с собой понятие о борьбе двух начал — демонов добра и зла. Он готов был верить в Ормузда и Аримана^{*2}, как искренне верил в каббалу и магию. Посвятив себя всецело поприщу творца новой религии, он отказался от дел торговых, от своих богатств и весь отдался христианскому богословию, греческой науке и еврейской каббале. Идеи Эмпедокла и Пифагора; также оказали заметное влияние на его систему.

Мани считал себя призванным объяснить то, что доселе так противоположно толковалось, тем более что тогда, в конце III века, когда христианская религия готовилась стать религией государственной, было создано особенно много различных воззрений и систем. Он внимательно изучал каббалиста Скифиана, жившего при апостолах и склонявшегося к гностицизму. Учение Зороастра не могло во всей своей полноте удовлетворить Мани, который предпочитал верования более древних магов.

Вообразив себя призванным свыше очистить помраченное христианство, он назвался паранимосом (греческое — «утешителем»). Книги евреев и Евангелие христиан он судил с высоты собственной теософии. Он отвергал Ветхий Завет целиком, как творение божества второстепенного; Новый же он подвергнул критике и, откинув многое, составил собственное Евангелие, которое после выдавал за посланное с неба. Он не всегда верил Откровению, предпочитая философию классических мудрецов.

Из своей колыбели, из пределов Индии и Китая, Мани вынес пантеизм, который так присущ был всем гностическим сектам. Он говорил, что не только причина и цель всего существования в Боге, но одинаковым образом и Бог присутствует везде. Все души равны между собой, а Бог присутствует во всех них, и такое одухотворение свойственно не только людям, но и животным, даже растения не лишены того. Но старый азиатский дуализм несколько искажал это благородное воззрение Платона. Повсюду на земле нельзя не видеть преобладания или добра или зла; примирение — это вымысел, в действительности его не существует. Добрые и злые существа враждебны уже с самого дня своего создания. Эта враждебность вечна, как вечна преемственность созданий, населяющих мир. Так как в добрых и злых явлениях, физических и духовных, нет ничего общего, то они должны происходить от двух различных корней, быть созданием двух божеств, двух великих духов: доброго и злого, Бога собственно и Сатаны, ему враждебного. У каждого из них есть свой Мир, оба они внутренне независимы, вечны и враги между собой, враги по самой природе своей.

Такого рода дуализм не ведет происхождения непосредственно от Зороастра. В нем нет общего, хотя неведомого никому, отца мира, может быть, и благодетельного божества (Зрван-Акарна, отец Ормузда и Аримана, согласно некоторым зороастрийским сочинениям), которому подвластны оба великих духа. Это объединяющее Существо Мани не признает, желая избежать трехначалия. Его чистый дуализм безусловен, как безусловен он был в школе древних магов, к которым принадлежал Мани, и убеждения которых он так решительно высказывал, поддерживаемый всеми гностиками Сирии.

Власть доброго Бога, толковал Мани, можно уподобить свету, злого — мраку; один царь правит всем чистым во вселенной, другой, царь тьмы, всем злым.

Между тем как по Зороастру Ариман, начало зла, есть худшая степень добра, наказанная

^{*1} Автор рассказывает совершенно баснословную историю жизни Мани. Известно, что последний родился в 216 году в знатной парфянской семье, проживавшей в Вавилонии. Здесь он пребывал в иудео-христианской секте элкасаитов, где и познакомился с гностическими учениями. Влияние зороастризма и буддизма на него относится к более позднему, зрелому периоду. В северной Индии и Средней Азии Мани был дважды, но уже как проповедник собственного учения, а не как ученик. Что касается «древних магов», чей дуализм он якобы проповедовал, то нужно сказать, что дозороастрийские верования иранских ариев, судя по всему, были близки индоарийским с их разделением асуров и лемов по функциям и космогоническому старшинству, но не с точки зрения моральной оценки. Таким образом, строгий дуализм «древних магов» — преувеличение.

^{*2} Благой и злой боги зороастризма.

сочетанием с материей, для Мани его Сатана есть непосредственное состояние материи. В ней все зло, и человек, скованный ею, только победой над ней, подвигами самоумерщвления, подавлением страстей, чувств, любви и ненависти получает надежду высвободиться из царства зла. Во всяком случае, Бог света должен быть выше Бога мрака, и врожденное этическое чувство подсказало творцу системы победу первого над вторым. Самая борьба совершается согласно теории Зороастра. Тут участвует и Мать Жизни, которая призвана Богом охранять небо от слуг Сатаны и которая производит первое божественное существо, имеющее, таким образом, по своей природе родственную связь с великим духом добра. Существо это, опираясь на средства пяти стихий (свет, воздух, воду, землю и огонь), борется с орудием тьмы, но безуспешно. Только внезапное содействие «животворного духа», ниспосланного Богом, дарует ему победу, когда оно, истомленное, уже отчаивается в собственном спасении и готово потерять в борьбе своего сына.

Здесь миф выходит на христианский путь, с той разницей, что роль Митры играет Христос. При помощи его, то есть чисто небесного света, князь тьмы творит первого человека, чье тело из земной материи, а разум из небесной. Имя ему «Адам» — он одинаково принадлежит двум богам; оба начала ведут в нем свою вечную борьбу. Но животворный дух, сотворив новую небесную материю, заставляет ее вытягивать и присоединять к себе родственные элементы из небесной материи, захваченной Сатаной. Это и есть вечное тяготение материального человека к духовному совершенству, к освобождению из телесной темницы, из объятий дьявола. Душа первого человека уже готова была одолеть тело, когда демоны запретили ей касаться плодов знаменитого дерева знаний; один из ангелов нашел средство устранить этот запрет, но час падения Адама уже был близок. Демоны, для его соблазна, решили создать Еву; ее прелести увлекли Адама, и он совершил любовный акт, который опять отдалил его от совершенствования, уже достигнутого, и отдал во власть материи и духа тьмы. Поэтому люди должны сторониться этих губительных чар и земных наслаждений, которые, обессиливая их, делают неспособными к принятию духа. Высокое призвание человека — в нравственной чистоте, вот почему иногда манихеи называли себя катарями, то есть чистыми 16.

Земля, видимый мир, созданный Богом при посредстве животворного духа, должен был послужить ареной духовных подвигов первых людей, свидетелем их борьбы с телом. Видимый мир потому исполнен тех же противоположных элементов, в нем — все степени истечения существ; из него должна постепенно извлекаться материя. Между тем грехи увеличились, и искушения рода человеческого стали велики. Оставалось нанести решительный удар по князю тьмы. Бог света, ревнуя о торжестве своего царствия, решил сам идти на спасение рода человеческого. Тело его было лишь видимое, призрачное. Христом, Мессией он назвался, чтобы исполнить давнишние ожидания евреев. Тогда, по словам Евангелия от Иоанна, «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (17), — эта буквальность удачно соответствовала догматике манихеев. Князь тьмы, напуганный победами нового Освободителя, устроил так, что евреи распяли его. Смерть Христа, хотя только видимая, послужила символом освобождения всех душ. Вместо тела Иисусова остался крест света, который есть логос гностиков, Христос католиков, жизнь, истина, благо.

Такому толкованию верили «непосвященные слушатели», как они назывались в общине; избранные же поднимались до идеального созерцания предметов. (Подобное деление было и у альбигойцев.) Избранным или совершенным предлагался и более тяжелый практически кодекс морали, сходный с правилами сирийских гностиков и их суровым образом жизни. Очищение, освобождение от привязанностей земных, чистота и святость — цель бытия; такой человек после смерти вступает в царство луны, где в большом озере очищается в продолжение пятнадцати дней, — это небесное крещение водой. После этого душа очищается огнем в царстве солнца — это небесное крещение огнем. Допущенная до созерцания Искупителя, восседающего в солнце среди ангелов, душа достигает верха блаженства; она свободна от тела. Но душа, еще не вполне очистившаяся, помраченная удовольствиями земными, переходит в другое тело, дабы опять посвятить себя очищению, совершенствованию. Все души достойных призваны со временем занять свое место в царстве добра, демоны же будут заключены в свои жилища, а материя, лишенная всякого света и постороннего влияния, будет превращена огнем в мертвую массу, и души, не высвободившиеся от мрака, будут приставлены охранять ее. Это — Плерома гностиков^{*1}, в

^{*1} Плерома — «полнота» (греческое), идеальное место, в котором находятся высшие существа (зоны), созданные Богом прежде возникновения мира, и в которую возвращаются все отпавшие духовные (световые) частицы.

которой Сатана не находит, однако, успокоения, какое давала ему система Зороастра^{*2}.

Воскресения мертвых Мани не принимал и стоял на воззрениях дуализма. Однако он внес в свое учение многое, непосредственно принадлежавшее христианству. С ним проповедовало двенадцать апостолов, семьдесят два епископа; у него были пресвитеры и диаконы для религиозного служения в различных местах.

Так были созданы манихейские богословие и Церковь, или, лучше, манихейская философская система. Пределы ее распространения были обширные, она с удивительной быстротой появилась на Востоке и Западе. Рядом с христианским воздвигался новый, манихейский молитвенный дом, и это было тогда, когда сама христианская религия еще не получила права на звание государственной. Церковная внешность и ортодоксальные приемы способствовали распространению манихейства. Подобно альбигойцам, манихейцы искусно умели пользоваться характером новых adeptов, их ревностью к обряду, к букве. Поначалу они делали уступки, склоняя на свою сторону католиков евангельскими текстами, которые после начинали перетолковывать аллегорически. Будучи философами по убеждениям, они не отказывались от Крещения, но приводили его к простой обрядности и напоминали слова Спасителя: «*Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять; А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную*» (Евангелие от Иоанна, IV, 13—14). Под Причащением они подразумевали евангельское представление о духовном хлебе.

Основатель секты мученически погиб в 274 году от рук персидского царя, осужденный собором магов^{*1}. Для позднейших поколений Мани стал человеком-легендой. Для своих последователей он был то Зороастром, то Буддой, то Митрой, то, наконец, Христом. Как увидим, влиянию его мыслей трудно будет определить пределы. Могущество его духа проявляется тем решительнее, тем замечательнее, что его система была плодом лишь личных, и исключительно его, размышлений. Дуализм видоизменялся и развивался в разные эпохи в результате самостоятельного творчества, но в первой и самой влиятельной своей манихейской форме он был делом одного ума. Гнозис сирийской школы дал Мани особенный авторитет на Востоке, утвердив на Западе в следующем, четвертом, столетии дуализм его ученика, Присциллиана^{*2}.

Присциллиане

Присциллиане опирались на догму египетского гностицизма. Испанец родом, будущий аквилейский епископ, Присциллиан учился в школах Мемфиса и Киренаики. Там же он познакомился с теориями магов и Мани, подобно которому увлекся богатством и воображением восточной философии. Но в противоположность Мани он всегда хотел исходить из христианских понятий, но не мог избежать влияния теорий гностицизма и манихейства.

Первые свои мысли Присциллиан посеял между женщинами; тут удобнее всего было приобрести силу и поддержку. Скоро он собрал вокруг себя не только множество простых граждан, но и некоторых епископов. Центры его учения были в Испании и Аквитании (18). Он написал тогда множество сочинений, от которых теперь не сохранилось даже заглавий.

Известно, что при объяснении Нового Завета Присциллиан принимал апокрифы, вроде апостольских записок, в которых ученики задают Спасителю ряд вопросов. Из персидской системы Мани присциллиане удержали понятия о борьбе добра и зла, Бога и Сатаны, но с тем отличием, что не давали статуса самостоятельного божества Ариману, делая его творением материи, согласно учению валентиниан, и от материи же производя ангелов и демонов. Другое главное отличие — в создании видимого земного мира, который, по Присциллиану, выходит из рук не Бога, а сатаны. Земля управляется, таким образом, духом тьмы и его ангелами, чем объясняются хаос и зло между людьми.

Все эти положения целиком вошли в космогонию крайних альбигойских дуалистов, сходство простирается от религиозных обрядов до понятий о человеческой душе.

Если в мире столько злых начал, то человек по присциллианам имеет более высокое происхождение. Его душа исходит от Бога, она той же божественной субстанции и прежде

^{*2} 'Согласно зороастризму Ариман либо уничтожается полностью, либо навечно заключен в аду.

^{*1} 'В данном случае под магами следует понимать зороастрийских священников, противившихся распространению манихейства в Персии. Шах Бахрам I заключил Мани в тюрьму, где тот и умер в 276 году.

^{*2} 'Осужден епископским синодом в Трире в 386 году.

появления в каком-либо человеческом теле пребывает в особом небесном мире. Демоны зла соблазном выманивают ее оттуда, мрачные духи подхватывают ее, влекут по всем мытарствам звездным и земным, облачают ее в телесную оболочку и столько приобретают власти над нею, что заставляют ее впоследствии переменить несколько тел, если сразу она не могла приобрести умерщвлением страстей во плоти должной и совершенной чистоты. Только тогда душа может вернуться к Богу и утвердиться в царстве света или, точнее, как полагал Присциллиан, в одной из звездных сфер.

Секта предлагает изучение астрономии, знаков зодиака, так как приписывает звездам особенное влияние на тело человека и даже на каждую часть его. Того же требовала и каббала. Если души поселяются на звездах и имеют некоторую связь с ними, то изучение последних дает основания судить о самой душе, об ее заслугах и страданиях. Так как материя заключает в себе губительное начало, то Христос не мог иметь ее, он не что иное, как то же Божество, которое послало его, он предвечен и несотворен, он не есть второе лицо. Удаляться от материи должно каждое существо, которое ищет очищенного места на хорошей звезде. Поэтому строгая жизнь, воздержание от мяса и вина, посты, молитвы, целомудрие составляют основу нравственности сектантов. Как флориниан, так и присциллиан противники обвиняли в тайном разврате, но утверждать то нет достаточных оснований, публичная нравственность их была безукоризненна.

Католики жаловались на них за пародию святого таинства при Крещении и Причащении, где они произносили какие-то непонятные, мистические слова, подобно гностикам, а также на то, что у них женщины допускаются к системе публичного обучения, что строго запрещено соборами. Вообще еретики в этот век разложения западной империи представляли собой общество более образованное, более крепкое своей нравственной силой. К ним часто обращались лучшие умы времени. Многие риторы, поэты, ученые, весьма знаменитые женщины и, наконец, священники, епископы принадлежали к этой секте, блиставшей дарованиями и красноречием своих основателей. Это учение было широко распространено в Испании и Галлии; Аквитания и Нарбоннская провинция скоро сделались центром присциллианской ереси. Собственно манихеи не могли бы удерживать за собой такого количества последователей, потому что не представляли христианской Церкви в строгом смысле этого слова.

Присциллиане на юге Галлии, а также и павликиане имели и то и другое. Их распространение было до того широко, что скоро пришлось действовать против христиан Зо-роастра мерами строгости и соборами. В Сарагосе в 380 году и через пять лет в Бордо было осуждено учение Присциллиана. Император Максим, уступая настояниям святого Мартина, сам казнил присциллиан и приказал везде предавать еретиков казни в случае сопротивления (19).

Это были первые соборы против еретиков. Для тогдашних мечтателей и утопистов в религии, смотревших на богословский спор, как на вопрос исключительно философский, такое административное и церковное преследование было неожиданным. Но эта новость послужила примером, которому стали подражать слишком часто. Из-за преследований еретики поспешили соединиться в более крепкие и дружные общества. Секта приняла таинственность обрядов и сделалась недоступной для непосвященных, тем заманчивее увлекая последних. До середины VI века она держится как отдельное и сильное вероисповедание, и только собор в Браге нанес решительный удар по ее существованию. Но, тем не менее, идеи присциллиан, так счастливо посеянные, нашли себе поддержку в скептицизме народного лангедокского характера. Эти идеи не исчезали а, обогатившись новым материалом, растили будущую, гораздо более сильную оппозицию альбигойцев.

Павликиане

Около того же времени в тот же Лангедок были занесены с Востока сходные воззрения павликиан — секты, родственной сирийскому гностицизму, того же греческого происхождения, с теми же неоплатоническими началами, но потерявшей многое из манихейских преданий^{*1}. Провансальские павликиане даже проклинали память знаменитых ересиархов древности, они предавали анафеме Скифиана, Будду и самого Мани (20). В Галлии они назывались публиканами. Они сходились с манихеями только в понятии о дуализме и борьбе начал, отвергая, подобно

^{*1} Павликианство возникло в Армении в середине VII столетия. Названо, видимо, по имени апостола Павла, возможно, имеет генетическую связь с паулистскими церквями I—II веков. Основатель движения — армянин Константин Сильван.

будущим вальденсам, всякий внешний культ, придавая Крещению и Причастию одно лишь обрядовое значение произнесением известных слов. У них не было иерархии, никакого следа церковной организации, как не будет ее у вальденсов. Подобно последним, они признавали брак, не отвергали мяса. Собственно, на павликианскую систему надо смотреть не иначе, как на ту уступку, которую сделал азиатский дуализм европейскому рационализму в христианстве, как на первообраз будущих реформаторов XII столетия, смутно колебавшихся в вопросах веры и балансиравших между рационализмом и христианским богословием.

Поэтому если павликиане и занимают место в общей истории альбигойцев, то было бы жестокой ошибкой производить от них дуалистов альбигойских (катаров), хотя это делают даже такие представительные авторитеты, как Боссюэ, Риччини, Муратори, Мосгейм, Гиббон, наконец, некоторые историки ересей новейшего времени, такие, как Ган, русский исследователь духоборов Новицкий и англичанин Майтланд (21). Такую непоследовательность можно объяснить только недостаточностью разработки истории альбигойцев. Дело в том, что из стремления объединить сектантов эти историки не хотели убедиться в двойственности религиозного направления альбигойцев, из которых каждое не имело почти ничего общего с другим, хотя оба они жили вместе, объединенные общими материальными и духовными интересами, а главное, единой опасностью, которая угрожала всякому уклонению от ортодоксии, установленной Отцами, канонами и соборами.

В отношении же догматическом поздние катары имели с павликианами столько же общего, сколько масилиане (от Массилии, Марселя), эти «полупелагиане»^{*1}, названные так; потому, что составляли исключительное достояние Прованса, где появились в конце IV века с догматикой, развитой учеником Пелагия Кассианом и поддерживаемые марсельскими священниками и несколькими епископами Аквитании (22). Совершенно чуждые дуализма, масилиане стояли на католической почве и приносили лишь собственный взгляд на благодать, необходимость которой если не совсем отвергали, то, во всяком случае, придавали ей второстепенное значение, содействующее человеку верующему. В манихейских обрядах упрекали только собственно пелагиан. Против масилиан же вооружились соборы в Арле и Лионе (475 г.), а аравийский собор в 529 году наложил на них проклятие (23).

Ариане

Это было примерно в то время, когда в Азии и в Европе, а особенно на Юге Галлии с невероятной силой распространилось более влиятельное учение Ария, наводившее трепет на защитников православной Церкви. Арианство крепко внедрилось в Гиенни, Лангедоке и Провансе, сделавшись там государственным вероисповеданием в эпоху падения Рима и вестготского владычества, оно предрасположило целую страну к торжественному уклонению от правоверия и тем самым дало пример следующим поколениям. Хотя знаменитый Арий, пресвитер Александрии, опирался более на односторонние выводы разума, чем на сокровища воображения, однако и он не смог избежать влияния со стороны гностических учений^{*2}, восточная философия скрывается и в арианстве.

Последователи Зороастра и каббалы говорили о ряде существ, эонов^{*3}, истекающих одно из другого, они утверждали, подобно Арию, что совершеннейший из эонов низошел в человека Иисуса после его крещения в Иордане.

Тонкой, едва заметной струей манихейство вливается в арианство, и восточная философия, преследуемая основателем этой обширнейшей из ересей, тем не менее, часто служит материалом для систематических построений Ария. У Ария, наконец, встречаются слова «Логос», «София»; у него Бог-Сын — чуть ли не демиург, создавший первых людей вместе с Духом, который позже содействовал ему в делах творения. Тонкости и трудности системы, отсутствие ясности и точности, особенно в определении субстанции Сына, — те же признаки гностицизма; эти стороны особенно способствовали падению ереси. Арианские же соборы непрерывно проклинали своих

*1 Христианский монах Пелагий (360—420 гг.) утверждал, что любой человек без помощи Церкви в состоянии добиться совершенства и спасения.

*2 Скорее следует говорить о влиянии на Ария Оригена с его интеллектуализмом и опасениями многобожия в почитании Троицы.

*3 Эоны — мистические живые существа, населяющие Плерому и олицетворяющие отдельные стороны божественной природы.

собратьев по вере, если только они не сходились в философских тонкостях понимания Логоса, тогда как само это понимание давало возможность самым различным толкованиям, часто доходившим до обычных препираний, напоминавших состязания в школах Антиохии и Александрии и потому нередко уклонявшихся в космогонию Востока и вымыслы магов.

Это обстоятельство и самостоятельность Сына, как бы равнозначного Отцу и потому в некоторой степени похожего на второго Бога дуалистов, давали возможность заподозрить непосредственную связь ариан с альбигойскими катарами^{*1}.

Современнику альбигойской войны, английскому летописцу Роджеру Говедену провансальские еретики прямо представлялись потомками ариан (24). Такими же они казались знаменитому автору арианской церковной истории — Христофору Санду (25).

Но если в учении Ария скрывается гностический элемент, то далеко не в такой степени, чтобы без особенной натяжки он мог создать абсолютный дуализм, которым отличается главная ветвь катаров, и чтобы можно было находить какую-либо традицию, кроме косвенной, то есть той, какую оказывают на образование религиозных и философских систем события прошлого. В этом смысле арианство заметно повлияло на альбигойских еретиков, хотя ариан, как отдельных сектантов, в XIII столетии в пределах Лангедока не существовало.

Из всех вероисповеданий, уже рассмотренных нами, наиболее широкое влияние на альбигойство оказали манихейство и присциллианство. В средние века многие безусловно верили в тождество религии Мани с либеральными воззрениями провансальцев. Так как это вопрос первой важности, то надо остановиться на свидетельствах источников об отношении манихейской системы к альбигойской.

Роже, епископ Шалонский, живший в середине XI века, пишет об убеждении альбигойцев, что Святой Дух передается только через Мани и что ересиарх этот ниспослан самим Богом (26). По Экберту, писавшему памфлет на катаров, «секта эта несомненно берет начало от еретика Манихея» (27). В Италии полагали, что манихейство никогда не прерывалось и по документам можно проследить историю мер против него от Льва Великого до Бонифация VIII, тем более что другого имени для дуалистов там не существовало. Альбигойство являлось местным термином, вследствие ряда событий сделавшимся родовым названием манихейской секты.

Под именем манихейства дуализм известен в постановлениях ряда пап. Мы знаем о мерах, принятых против манихеев папами Геласием (492—496 гг.), Симмахом (498—514 гг.) и Гормиздом (514—523 гг.). Григорий Великий (590—604 гг.) два раза указывал на них в своей переписке и предписывал епископам обращение еретиков в католичество. Столетие спустя то же повторяет Григорий II (715—731 гг.) в послании от 723 года к клиру и народу Тюрингии. В фамотах к трем итальянским епископам, Герберту Капуанскому от 978 года, одному из его преемников Атенульфу от 1032 года и Альфану Салернскому от 1066 года, напечатанных в «Священной Италии» Угелли, сектанты называются тем же манихейским именем (28).

Наконец, что всего важнее, сам Иннокентий III, искусный в богословии и церковной истории, считает катаров манихеями. В этом же был убежден также автор главнейшего источника в изучении альбигойской догмы — доминиканец, лично допрашивавший еретиков, страстно добывавшийся истины, основательно знавший учение альбигойцев, Монета Кремонский, написавший свою знаменитую книгу в самой середине XIII столетия. Он называет ее «Adversus Catharos et Waldenses» («Против Катаров и Вальденсов»), отличая тем самым различные корни еретиков, но решительно признает манихеев за предшественников дуалистов, ему современных, замечая только, что и другие сектанты не остались без влияния на них манихейства (29).

Такое же убеждение возникло в Германии, что видно на примере упомянутого Экберта, писавшего после 1163 года и хорошо изучившего рейнских катаров. У Экберта видно даже намерение направить все свои тринадцать речей непосредственно против Мани (30). Во французских хрониках, говоря про еретиков, всегда стараются указать на манихеев, как, например, делает в своих мемуарах аббат Гвиберт (31) и другие. Рауль Арденнский, капеллан аквитанских герцогов, в своих проповедях высказывает общее убеждение о происхождении окружных еретиков (32). На рейнском соборе 1157 года за альбигойцами утверждено наименование манихеев (33).

Наконец, французский памфлетист, доминиканец Стефан Бурбон, или Бельвиль, инквизитор, действовавший около 1250—1260 годов, в своем сочинении о семи дарах святого Духа говорит,

^{*1} Подобная связь, конечно же, надумана, ибо различия между Отцом и Сыном у ариан приводило не к равноначалию их, а к строгой субординации в Троице.

что он старался по возможности точнее изложить заблуждение сектантов и пришел к убеждению, что Мани оказал главное влияние на содержание секты (34).

Испанский инквизитор Лука Тюиский, яростно преследовавший катаров в Галиции, во второй части своего сочинения об Исидоре Севильском, рассказывая тоном памфлетиста много интересных подробностей о катарах, главным образом он производит их от манихеев (35).

Рим долго был убежден в том и в позднейшее время.

В новой литературе ученый издатель Монеты, Риччини, столько же влияния на альбигойских катаров приписывает Мани, сколько и Присциллиану, но больше родства он находит с манихеями. Французские ученые не проводят глубокой параллели и, не утруждаясь полным изложением той и другой системы, ограничиваются указанием видимого сходства. Но такие немецкие исследователи, как Гизелер, Ган, Баур, склоняются на сторону непосредственного влияния манихейства на альбигойскую ересь.

Что касается преимущественного влияния присциллианства, черты подобия альбигойцев которому мы имели случай отметить, то в его пользу если и нет указаний источников, мало вникавших в догматические подробности ересей, то имеются суждения таких компетентных критиков, как бенедиктинские авторы знаменитой истории Лангедока (36). Представляется, что этот вопрос заслуживает гораздо большего внимания историков. Следует заметить, что не всегда отличают точным образом манихеев от присциллиан, хотя такой прием нельзя назвать чисто научным. Во всяком случае, мысли Мани являются существенным источником, если не первообразом дуалистических воззрений.

Разобрав обстоятельно альбигойскую систему, мы окончательно подтвердим нашу мысль о близких соотношениях между присциллианами и альбигойцами; теперь же покажем верность основного положения о том, что формации всех дуалистических систем, а следовательно и альбигойской, коренятся в манихействе.

Мы видели, какое множество свидетельств, взятых из самых разнообразных источников, говорит в пользу этого вывода. Это не могло бы произойти без серьезных причин. Впоследствии мы покажем, что в систему альбигойцев вошло из манихейства отвержение Ветхого Завета, осуждение брака, вообще аскетический и пуританский принцип, теория традучионизма и метемпсихоза^{*1}, наконец, деление сектантов на два разряда по степени большего или меньшего знакомства с верой. Если мифологический характер манихейства исчез у средневековых катаров, то это естественно объясняется условиями иной цивилизации, тогда как астрологическое начало, присущее присциллианству, удержано было вообще согласно идеям, господствовавшим в средние века.

Дуализм славян

Одним из решительных моментов в истории образования альбигойской дуалистической догмы было обращение ее в греческие формы «павликиан и эвхитов» и славянские тенденции «богомиллов». В этих своих обликах манихейство еще на одну ступень приблизилось к альбигойству. Между собой оба названных явления находились в тесном взаимодействии и возникли в соседних географических регионах. Рожденный на Востоке, распространившись оттуда на Запад, дуализм на своей родине искал запаса новых сил и, обновленный, спешил совершить вторичное шествие по тому же пути. Теперь он приносит на Запад мысли молодого племени, только что вступившего тогда на историческую сцену, племени славянского.

Византийская империя, сумевшая сохранить свою внутреннюю государственную целостность, часто стояла на краю гибели от борьбы политических партий в государстве и в столице. Скоро к политическим фракциям присоединились церковные; они также не замедлили начать не менее жестокую междоусобную борьбу. Богословское состязание стало обычным занятием жителей Царьграда и предметом любопытства для народа. Еретиков в Восточной империи распространилось более, чем в Западной. Что они там составили политическую фракцию, это видно из истории восточных павликиан, которых следует отличать от западных, где эта секта далеко не имела такого значения (37).

Павликиане вышли из Армении. Когда часть их исчезла на Западе Европы, остальные

^{*1} Традучионизм — учение о передаче человеческой душой своей природы душе, рождающейся от нее. Таким образом, родители живут в детях, затем в детях детей и так далее. Метемпсихоз — учение о душепере-селении, о возрождении души после смерти в ином теле.

представили тем более грозную силу в пределах Византийской империи. Они рано создали структуру своей религии под влиянием теологических идей Востока и позже своих западных братьев выступили на сцену истории. Некогда они называли себя детьми солнца, то есть его слугами. Их проповедники, Константин (в VII веке) и его преемники Симеон, Павел, Иосиф (в VIII веке), постепенно распространили павликианскую догму в Малой Азии, учредив административный центр своего общества в Фанорее на Геллеспонте. Они прекрасно умели ладить с арабами и греками; пользуясь тогдашними политическими событиями, они приобрели себе самостоятельность. Когда императоры приказали преследовать павликиан, то встретили в лице их вождя и пророка Карвеаса энергичное сопротивление. Все мелкие секты соединились вокруг него и сделали даже нападающей стороной.

Исповедники павликианства составляли как бы государство в государстве, они имели своего вождя, свое почти независимое общество, свою землю для поселения. Они вели прямую войну с императором Василием, но их полководцы, после многих неудач, подчинились правительству^{*1}.

Позже император Иоанн Цимисхий дал им землю для поселения, обязав защищать ее от набегов скифов, предоставляя за то павликианам свободу веры. Это была большая страна во Фракии, около Филиппополя, имевшая особенное значение в глазах альбигойцев как центральный источник еретического учения. «Скоро, — говорит Анна Комнина, — все вокруг Филиппополя стало еретическим» (38). Страна эта стала местом спасения всех преследуемых и гонимых за убеждения, преимущественно религиозные.

Эвхиты^{*2} или мессалиане были одним из таких обществ, ветвью павликиан. Лукапетра и его ученика Сергия они считали своими ересиархами, создавшими их догму. Сергий считался также общественным реформатором. Для доказательства своих убеждений еретики перетолковывали некоторые места Евангелия от Матфея. Новый Завет они принимали не вполне, офаничиваясь четвероевангелием, четырьмя посланиями Павла, посланиями Иакова, Иоанна, Иуды и Деяниями. Скорее католики, чем дуалисты, они не остались, однако, чуждыми некоторых обрядов и обычаев манихейства и магии. Их упрекали между прочим в сношениях с духами, которых они истребляли молитвой и изгоняли, совершая различные телодвижения. Но, придя в страну дуализма, они вынуждены были заимствовать элементы чужого учения, смешать с ним свое и составить систему, которая вышла в некоторых частях мистической, в остальных же манихейской. Крещение они отвергнули, церковная обрядность была для них делом посторонним. В каждом человеке, по убеждению эвхитов, присутствуют демоны, с самого дня рождения — исцелиться от них можно только неустанной молитвой. Потому качество пищи не казалось важным, воздержание от мяса не было обязательным. Но аскетизм, иноческая жизнь требовались этой системой более, чем какой-либо из манихейских. Страна скоро покрылась монастырями, около которых стали появляться отшельники. Догматика секты состояла в той же борьбе Сатанаила с добрым Богом, в исчезновении души на звездных сферах, в необходимости отчуждения злого духа. Православные феки рассказывали про их тайные собрания много ужасного, упоминали про свальный фех, про умерщвление младенцев, кровь и золу которых они-де истребляли, но подобные рассказы передавались и про первых христиан, и про другие общины, уклонившиеся от правоверия, если только оба пола участвовали в таких собраниях.

Зороастрийцы, сирийский гностицизм, манихейство — все эти стороны азиатской мудрости оказали влияние на фанатическое учение эвхитов, этот плод богомилства Болгарии (39). С ними мы вступаем во второй период альбигойства, период славянский.

Третьим и последним периодом будет альбигойство собственно провансальское.

Богомилы Болгарии

Возникновение дуализма богомилов находится в тесной связи как с историей взаимных отношений между Римом и Византией, так и с существованием самостоятельной болгарской Церкви.

Сам склад первобытных религиозных верований древних славян-язычников безусловно повлиял на дальнейшую судьбу христианства в Болгарии. Нельзя объяснить распространения ереси между славянами исключительно одной пропагандой павликиан. Во многих частях Балканского полуострова, не только в окрестностях Филиппополя, дуалисты имели свои церкви,

^{*1} Павликиане как политическая сила были окончательно разгромлены в 872 году.

^{*2} Буквально: «молящиеся» — от греческого «молитва».

имели их еще раньше. Так было в западной Македонии, в городах Колонии и Кавоссе, в городе Филиппах, даже в Ахайе, то есть собственно Греции. Но тем не менее манихейство упрочилось в Болгарии и переплавилось там в новую систему. Более того, существуя в стране издавна, оно противодействовало введению в ней христианского вероучения. Великие просветители и апостолы славянские, даже по обращению царя Бориса, оставили в некоторых местах Болгарии язычество не искорененным. Так оно продолжало существовать до самого царя Петра Симеоновича^{*1}.

Это было результатом деятельности манихеев, имевших своих проповедников и влиятельных представителей во всех пределах империи. Еретики отличались радушием, общительностью, красноречием.

Иоанн, известный экзарх болгарский, в своем Четвертом Слове смешивает язычников с еретиками: «Да ся срамляют убо вси пошибени исквернии Манихеи и вси погани Словени и вси языцы зловернии», — говорит он (40).

Не успел еще умолкнуть последний звук поучения просветителей Болгарии, как туда прибыли павликианские миссионеры из Армении (41). Они повели дело с необыкновенным успехом, и скоро их заблуждения стали грозить православию. Если не стало язычников, то появилось несравненно более опасное и страшное общество, члены которого обладали большими средствами и нравственным авторитетом.

Еще опаснее стали павликиане, когда в их среде появился один из тех вождей, которые призваны быть ересиархами. Он совершил реформу в манихействе и создал особый вид этой ереси, названный по его имени. Это был поп Богоумил, о котором заметил православный обличитель: «а по истине Богу не мил» (42).

Богоумил жил в конце X века, в царствование Самуила. Успехам этого славянского Мани способствовали те самые политические обстоятельства, о которых мы говорили выше. Болгары и прочие славяне стали предметом столкновения претензий двух церковных властей — папы римского и патриарха константинопольского. Польский историк права Мациёвский убедительно доказал, что первый свет на славян был пролит с Востока и что они издавна вошли в состав восточного патриархата, но папы со своими светскими устремлениями насильственно вовлекали их в лоно римско-католической Церкви (43). Характер проповедей тех и других миссионеров значительно различался в приемах. Речь западных проповедников была на непонятном языке, она часто приносила с собой только притеснения и нищету для обращаемых, в то время как греческая проповедь обладала тайной успеха. Славяне, обитавшие близ границ Греции, охотно принимали христианство, потому что святые апостолы объясняли им таинства веры на понятном для них языке. Хотя они и любили языческие обряды, продолжая следовать им даже будучи христианами, но никогда не защищали их с оружием в руках. Потому арена проповеди греческих монахов расширялась до далеких пределов. Католическим же ученым, и особенно Мациёвскому, принадлежит честь осознания, что во всех славянских землях, до гор Татры, первоначальным христианством было восточное и что только искусством и политикой Рима оно заменилось латинским. Оно первым было посеяно в Моравии, Чехии, Хорватии, Силезии, даже в Польше и, наконец, в Венгрии. Но зато римская курия отличалась удивительной прозорливостью. Она не только уничтожила здесь следы греческого миссионерства, но даже умела склонить болгар к отторжению от восточной Церкви, только что усыновившей их.

Едва успел император Михаил удалить римско-католического епископа^{*1}, как поспешил дать большие права болгарской Церкви, чтобы удержать ее за собой. Болгарский архиерей получил второе место после константинопольского, а около середины X века стал независимым патриархом, но, впрочем, ненадолго (44). Болгария, возбуждавшая зависть пап, долго была предметом вражды двух великих Церквей, она послужила, наконец, одной из причин их разделения. Важно то, что в отношении Болгарии столько же играли роль экономические интересы пап, сколько претензии германских императоров. В болгарской стране, где дьявол и немец стали синонимами, вместе с римской пропагандой грозило и онемечение, уничтожение национальной культуры. Папская политика заключалась в упорном сопротивлении введению отечественного языка в богослужение в то время, когда немецкая цивилизация напрягала со своей

^{*1} Православие было принято в Болгарии в 865 году. Однако до тридцатых годов следующего столетия в ней оставалось сильно дуалистическое движение.

^{*1} Вероятно, все-таки имеется в виду болгарский царь Борис (в крещении — Михаил), который некоторое время колебался, какому иерарху — римскому или константинопольскому — поручить крещение страны.

стороны усилия к уничтожению славянского языка и народности между западными славянами^{*1}.

Поспешим заметить, что такая неприязненная политика, как мы увидим далее, должна была сильно способствовать образованию славянского дуализма, который в свою очередь был непосредственным предшественником альбигойско-манихейского верования. Принятие славянами из Царьграда христианства вызывалось характером византийской церковной пропаганды, которая никогда не претендовала на полное уничтожение местной самостоятельности. «Восточное христианство никогда не превращало обращаемых в рабов, проповедуя слово Бога на их языке и охотно позволяя перелагать его на всевозможные глаголы человеческие» (45).

Не так поступала Римская Церковь имевшая, на основании исторических традиций великие унитарные цели.

Когда в результате разногласий с греками болгары стали колебаться между верховными Церквями, а чехи и мораване совершенно подчинились Риму, эта политика пап, проводимая со всем искусством, послужила причиной зарождения оппозиции, отклонявшейся от чистого христианства и ради любви к национальному культу выбравшей сторону манихейского вероучения, которое не переставало до и после богомилов вести свою пропаганду.

Ряд папских грамот был направлен против славянских языков. Первые из них еще делают некоторые уступки, тогда еще живы были просветители^{*2}, тогда необходимо было заручиться расположением новообращаемого племени и отвратить его от враждебных греков. Такой снисходительной политики держались Адриан II (46) и Иоанн VIII, из которых последний сперва запретил славянский язык, но потом, после принесения оправдания, защитил Мефодия от постоянных нападков немецкого духовенства (47). Стефан V (885—891 гг.) восстает против местного языка с такой решительностью, которая показывает всю важность его для славянского населения, неправильно понимавшего догмат о Троице.

Культ славянского богослужения был распространен даже в тех странах, которые всегда имели связь с Римом своим духовным просвещением. Иоанн X (914—928гг.) в послании к спалатрскому духовенству требует неперменного употребления латинского языка и в грамоте к Томиславу, королю хорватскому, замечает, что в славянских книгах много неправильных толкований (48).

Далмация и Славония, о которых папа так заботился, действительно служили позже посредствующим звеном в передаче богомильских воззрений в Италию к патаренам и в Лангедок к альбигойцам. Рим, таким образом, давно предчувствовал опасность. В той же Далмации сплитский собор в 925 году постановил, что «епископ не может посвящать в какой-либо церковный сан того, кто знает только славянский язык» (49). Иоанн XIII (964—972 гг.) в послании к Болеславу II Чешскому, разрешая ему учредить свою епископию, обязывает его неперменным условием совершать богослужение «не по обряду и секте народов болгарского или русского, и притом не на славянском языке, а следуя в точности учреждениям и постановлениям апостольским» (50).

В середине следующего столетия новый сплитский собор считает должным подтвердить запрет славянского церковнослужения, постановив при этом, что ни один славянин не может быть возведен в священнический сан. Столь же серьезные причины для оппозиции латинству должны были существовать в славянских странах и при Гильдебранде, который исходил из воззрений о католической исключительности.

Мы заметили также, что с самых древних времен славяне были предрасположены к дуалистическому представлению о верховных силах. Дуализм был сроден славянской натуре; еще язычником славянин знал о нем, о чем свидетельствует славянская мифология, которая не объединяла понятие о божестве, а, напротив, раздробляла его. Славянское человечество издревле привыкло выражать свое счастье белым цветом или светом, а несчастье черным или темнотой. В основе этого лежала холодная метафорическая мысль о причинах. Поэтому, олицетворив неведомую причину, славянин основал свое верование на мысли, что «доброе начало всегда производит для человека только добрые последствия, а злое всегда только пагубные». От этой мысли произошло разделение и самих олицетворений на «белых богов», которые уже никогда не делали зла, и «черных», которые никогда не приносили добра (51). Между собой они всегда

^{*1} Во второй половине IX столетия Германское (Восточно-франкское) королевство, особенно при Людовике Немецком, вело постоянный натиск на восточных своих соседей — поморских славян, Великоморавское и Болгарское царства.

^{*2} Имеются в виду Кирилл и Мефодий.

враждуют: добрые и злые духи соблюдают и защищают свои интересы. Доказательством этого служат произведения славянской народной поэзии (52).

Дуализм, присущий религиозно-христианским верованиям славянского племени, был замечен священником Гельмгольдом, путешествовавшим между померанскими славянами во второй половине XII века.

«Удивительно заблуждение славян, — говорит Гельмгольд в своей хронике. — На своих сходбищах и играх они обносят круговую чашу, возглашая над ней слова не скажу благословения, но проклятия, именем богов доброго и злого, ибо они ожидают от доброго Бога счастливой доли, а от злого несчастливой; потому злого бога и называют на своем языке дьяволом или чернобогом, то есть богом черным, а доброго белобогом» (53).

Славянские Белобог и Чернобог были обоготворением противоположных начал, столь влиятельных в судьбе человека: первое как символ развития, второе — увядания.

«Такое двойственное воззрение, — говорит один из русских специалистов славянской науки, — воззрение на природу, в царстве которой действуют и добрые и злые силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на все религиозные представления. Поклоняясь стихийным божествам, одни и те же явления человек различал по мере участия их в создании и разрушении мировой жизни, по степени ближайшей или отдаленнейшей связи их с элементами света и тепла. Так, опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы — рыщущими по полям бесами. Тогда как весенние ветры, пригоняющие дождевые облака и очищающие воздух от вредных испарений, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками в битвах со злыми духами» (54).

Через некоторое время славянин перенес власть злой силы на все имеющее подобие мраку, разрушению в мире нравственном, подобно тому как с Белобогом он слил понятие о Свентовиде, на основании тождества представлений о белом и светлом. Древняя дуалистическая система принадлежала всему славянскому племени. В странах, им занимаемых, даже в России, сохранились свидетельства о том в остатках географических названий. В земле лужичан, близ Будишина, есть гора Чернобог, и неподалеку от нее другая — Белобог. Здесь по преданию были места языческого служения (55), следовательно, каждому богу полагался отдельный культ.

Наконец, убедительное доказательство того, сколько благоприятных элементов для дуалистического христианского культа имелось в язычестве, представляет место из Густинской Летописи, где старинным славянским волхвам приписывается убеждение: «два суть бози: един небесный, другой во аде» (56). Все это показывает, какое предрасположение к дуалистической ереси было в славянском духе^{*1}, а, в свою очередь, политические события и происки пап объясняют, что неустойчивость тяготения Болгарии к Византии, ее колебание между Восточной и Римской Церковью со своей стороны побуждали к серьезному выражению недовольства между болгарами.

И действительно, в Болгарии из манихейско-павлики-анских воззрений образовалась Церковь с той иерархией и догматикой, которые послужили после образцом для провансальских сектантов.

Богомил, по иным сведениям он же и Иеремий, вождь первых еретиков Болгарии, создал эту Церковь, базируясь на манихейско-павликианских основаниях. «Синодик царя Бориса», предавая всех их анафеме, перечисляет имена проповедников и распадников славянского дуализма. То были Михаил, Феодор, Добря, Стефан, Василий и Петр (57). Каждый из них выдавал себя за Иисуса, окружая себя апостолами, а иногда и простыми учениками.

Наиболее известным из них был Василий: он давно прославился искусством проповеди и тайной влияния на человеческие сердца. Он был уже в летах, когда вышел на проповедь. Василий носил иноческую рясу, но оставался врачом по ремеслу во все продолжение своей пятидесятилетней проповеднической деятельности. Он назывался то апостолом Петром, то самим Спасителем (58). Тогдашний император Алексей Комнин^{*2} отличался ревностью прозелита к

^{*1} ^{*1} На наш взгляд, говорить о славянском дуализме следует более чем осторожно, ибо он легко вписывается в обычную архаическую систему оппозиций, через которые древний человек описывал Космос. В таком случае любое противопоставление (Зевс — титаны у древних греков, Перун — Белес у тех же славян) может быть проинтерпретировано как дуалистическое. Между тем, как показывают источники, Белобог и Чернобог оба являлись предметами культа, чего не могло бы быть в случае строгого дуализма. К тому же эти боги не выступали в качестве глав славянского пантеона или же предельных обобщений всего мироздания.

^{*2} Алексей Комнин правил в 1081-1118 годах. Борьба с манихеями ему пришлось уже в первые годы

православию. Еще в Филиппополе, пользуясь своим пребыванием в этом городе, он принял меры против павликиан. Негодование императора усилилось, когда он узнал, что еретики, последователи и ученики Василия, скрываются в самом Царьграде.

Император велел захватить престарелого проповедника и решил лично побеседовать с ним на духовные темы. Но напрасно он истощал все свое красноречие, он разочаровался в возможности когда-либо убедить его. Василий был осужден на сожжение, а его ученики заключены в тюрьмах, где император лично навещал их. Тем не менее, мученическая судьба Василия нисколько не потрясла Церкви Богомила. Центром ереси продолжал оставаться Филиппополь. Отсюда-то богомилство распространилось за Балканы, успев, между прочим, пустить вместе с греко-христианской проповедью слабые отголоски и в Россию, но главным образом тяготея к Западу, где ему предстояла целая история, полная грустного и вместе с тем драматического содержания.

Теснимое и гонимое властями богомилство не думало совершенно покидать своей отчизны, где следы его, как отдельной организации, простираются в глубь XII столетия. Богомилы называли себя также и греческим словом «катары», тем именем, которое, как мы видели, еще с первых веков христианской веры прилагалось ко всем движениям, имевшим одним из требований к своим участникам воздержание. Чтобы жизнь вполне соответствовала такому названию, дух должен осуществить полную победу над грубым материальным бытием, победу над дьяволом, который хочет быть совершенно равным Богу. Признание Нового Завета, переведенного с греческого текста на славянский, отвержение Ветхого, как изобретения дьявольского, общедоступная проповедь на отечественном языке, отрицание Крещения и Причастия, мысль, что Христос имел только видимое тело, неприятие образов и креста, соблюдение неко-торых практических обрядов — все это связывало богомилство с предшествовавшими ему манихейством и восточным павликианством, из которых оно органически развилось.

Собственно богомилами выработан обряд возложения рук для сообщения Духа Святого, впоследствии заимствованный у них альбигойцами (*consolamentum*). Фактическое разделение сектантов на два толка, безусловного дуализма и смягченного, повторилось в непосредственной истории собственно альбигойцев.

Уже Зороастр, как было замечено, решился смягчить не-утешительную, фатальную основу дуализма иранских магов. Он полагал, что искони существовало только одно божество, которое произвело из себя Христа и Сатанаила, доброе и злое начало. Сатанаил создал первого человека и весь видимый мир, Христос же открывает человеку путь к спасению.

В Болгарии манихейство и павликианство, существовавшие издавна, получили самостоятельное развитие. Это были две Церкви, которые инквизитор Райнер считает отдельными в ряду прочих Церквей, исповедовавших катарство. По предположению некоторых русских ученых, их самостоятельность доходила до того, что еретики имели даже особую азбуку, так называемую глаголитскую, которую будто бы они изобрели еще в IX столетии вместе со своим вероисповеданием, враждебным греческому. Это предположение принадлежит «к числу вопросов пока безответных, однако же возможных для филологии славянской» (59).

Двумя сказанными толками не ограничивались Церкви еретиков Балканского полуострова. Как ни неохотно говорит о них католический монах, он находит, однако, необходимым насчитать число всех дуалистических Церквей, современных ему, до шестнадцати. Необходимо заметить, что вся разница ограничивалась одной местностью, что внутренних различий в большинстве случаев не существовало. Из слов Райнера видно, что многие из этих Церквей существовали еще и в его время между славянами и греками. Это были: Церковь Славянская, Церковь Латинская Константинопольская, Церковь Греческая Константинопольская (со знаменитым патриархом Никитой, ставившим в XII столетии епископов альбигойских епархий), Церковь Филадельфийская Римская, Церковь Болгарская, Церковь Дуграницкая (60). Две последние, послужившие, по словам Райнера, источником всех последующих дуалистических вероучений, и обозначают смягченный и крайний толки богомилского учения или славянского катарства, что, по нашему мнению, равнозначно. Слово же «Дуграницкая» обозначает, судя по всему, область Дреговичей. Место, где жили последние — в Македонии около Солуны и во Фракии вокруг Филиппополя, — достаточно объясняет крайности их философской системы (в отличие от других богомилов, чье название «кон-кореецкие» идет от далматинского города Горице). Павликиане селились и проповедовали в

своего правления, когда «манихейские» войска отказались служить ему и даже создали во Фракии подобие самостоятельного государства. Описанные события относятся к самому концу XI столетия.

этих местах с давних пор, сюда они принесли свой жесткий, безотрадный взгляд на мир, сюда насильственно их переселяло греческое правительство, к вреду государственной религии. Здесь павликиа-не внедрили фантастичный дух восточных систем, оставивший столько следов в истории ересей.

Неизвестно, каковы были первоначальные верования болгарских дуалистов, но несомненно, что исторические источники застают их в видоизмененном облике. Воображение играет большую роль в этой богословской эпопее славян (61).

Злое и доброе начало богомилы, будучи в массе своей умеренного толка, считали порожденным от высшего, особого верховного Существа и притом так, что Сатанаил был старшим его сыном, а Иисус — младшим. Все вместе они составляют Троицу, над которой витает еще вторая, явно гностическая, из Бога, Слова и Духа святого. Троица столь же духовна, как и само Существо, которое пребывает бестелесным, но человекоподобным. Сатанаил властвует над миром видимым. Полный гордости, он возмутил ангелов против Бога, отца их, и последний принужден был низвергнуть дерзких с неба. Сатанаил только этого и ждал. И вот он, довольный видимым успехом своих замыслов, основывает из новых подданных новое царство, мир телесный. Из материи, при помощи земли и воды, он создает Адама. Первый человек уперся ногой в землю, и из ноги его истекла влажность, принявшая форму змея, затем потек духовный эфир, но свойства нечистого; Сатанаил думал обратить его на человека, но он попал в змея. Тогда Сатанаил обратился с молитвой к верховному Богу и просил его дать ему для человека одну из запасных душ; потом понадобилась еще одна для Евы. Но прежде чем допустить Адама до Евы, Сатанаил сам совокупился с ней. Сын Евы Каин и дочь Каломена были плодом этого совокупления; в них семя великого нечестия. От Адама Ева родила Авеля. Если тело людей губительно, то в душах наследственно продолжает присутствовать часть небесного эфира, как ни старается мрачный Сатанаил ввести род человеческий в гибельное падение.

Верховное Существо сжалилось над людьми. Господь послал другого сына своего, Христа, чье имя Слово или архангел Михаил. Он вселился в одного из ангелов, в Марию, и, пройдя через ее ухо, как говорит тот же Евфимий, остался чист и свят по-прежнему, с тем же небесным, призрачным телом, чуждым земных ощущений, какое было у него всегда. Он погиб ради спасения людей, долго гонимый и наконец убитый своим могучим братом. Снизойдя в ад, Иисус приковал Сатанаила, но не избавил род человеческий от его происков. Отныне людям, дабы достигнуть спасения, необходимо бороться с плотью. Совершив свою спасительную миссию, Иисус вернется к пославшему его, с которым он и святой Дух сольются воедино, зло исчезнет, никакого иного Бога не станет, кроме бестелесного, но человекоподобного верховного Существа.

Вскоре мы увидим, что все это учение, конспект которого приведен нами, почти дословно было перенято большинством альбигойцев. Мы убедимся, что в форме религиозного вольнодумства проявился великий вклад славянской мысли в дальнейшую общеевропейскую историю.

Но прежде чем перейти к изучению альбигойства в его последнем и главнейшем виде и к его распространению под двойственным влиянием старого манихейства и нового богомилства, мы должны остановиться на одном интересном литературном и историческом памятнике, дающем ключ к сравнительному изучению богомилства и альбигойства. Труды богомилских богословов до нас не дошли, так как книги последнего из великих его проповедников, Константина Хризмата, были сожжены по определению константинопольского собора 1140 года, но «слово» пресвитера Козьмы, современника славной эпохи болгарского царя Самуила^{*1}, согласное со свидетельствами латинскими и греческими, своим складом, типичной манерой обличения, может достаточно заменить отсутствие других документов, особенно с нравственно-практической стороны учения. Памятник этот, дошедший до нас в русской редакции, может быть, еще XI века, издан отрывочно в «Загребском Архиве», а целиком и с тщательностью в «Православном Собеседнике». Он распадается на две существенные части: «Слово святого Козьмы пресвитера на еретики препрение и поучение от божественных книг» и «О церковном чину слово». Для нашей цели необходимо рассматривать их как одно целое. Обличение Козьмы, как современника, довольно ясно решает вопрос об отношении богомилов к провансальским еретикам и о непосредственной связи последних с первыми.

С первых же строк Козьмы виден серьезный и опытный взгляд на ересь, ему современную. Автор жил во время самого широкого распространения ереси, он помнил самого Богомила и

*1 Самуил — царь Западно-Болгарского царства, правивший в 997-1014 годах.

экзарха Иоанна. Он сознает искусство еретиков и тайную силу их влияния. Они «словно овца образом, кротки и смиренны, и молчаливы, бледны обликом от лицемерного поста, лишнего не рекут, не смеются громко, не любопытствуют, хранятся от чужих, и все творят тайно, так что, не узнав их, крестим с правоверными, хотя изнутри они суть волки и хищники». Сам обличитель сознается в их искусстве действовать на людей, сознается, что «многие пойдут за нечистотой их. Ибо мнят себя сведущими в глубинах книжных и хотят толковать, на свою пагубу».

Эти отверженные, опасные для православных своим умением проникать в душу обращаемого, часто твердили в укор им:

«Отчего живете не так, как то велено, как к Тимофею писал Павел. Не видим вас такими, но все противное тому творят попы, упиваются, грабят, и нет никого, кто воспрепятствовал бы их злым делам... Но что, говорят еретики: мы Бога призываем молениями... Мы более вас Бога молим, и бдим, и молимся, а не живем в лености, как вы».

Главные догматы богословского вероучения о самостоятельности и могуществе дьявола, создавшего мир, приводят обличителя в ужас:

«О некотором немного поведав, об остальном помолчу... рассказывают некие басни, которым учит отец их диавол, неподобно будет лжи их перед вами открывать». «Вам же, еретики, кто сказал, что Бог не сотворил всю сию тварь? Бог и нас и все видимое и невидимое сотворил. Ваши же мысли и словеса диавол всеял, не найдя места под небесами, он свил гнездо в ваших сердцах...» «Больше того, — замечает он в другом месте, — и над свиньями диавол не имеет власти, тем более над человеком, сотворенным рукой Божьей. Часто слышим от ваших, беседующих: почему Бог попускает власть диавола над человеком? Но эти словеса — суть детские и нездравы умом. Ради своих целей Бог попустил диаволу сеять мысли злые в человеческих сердцах... По воле диаволовой, они говорят, существует ныне все: небо, солнце, звезды, воздух, земля, человек, церковь, кресты, и все достояние Божье диаволу передают, и все, что движется на земле, и одушевленное и бездушное, называют созданным диаволом... Христа называют старейшим сыном, меньший же, который изменил Отцу, диаволом стал... И того дьявола нарицают творцом и создателем земных веществ, и его же считают тем, кто повелел человеку иметь жену и есть мясо и пить вино; и просто похулив все наше, сами себя считают небесными жителями, а женившегося человека и живущего в миру зовут слугами маммоны».

Желая доказать всю неосновательность таких требований от мирского человека, Козьма обращается к своему любимому источнику, посланиям Павловым, убежденный в успехе довода, и говорит:

«Видите ли, еретики, святого Духа речь сию, глаголющего, насколько законный брак чист и разрешен Богом, и что пища, и питье в меру не послужат к осуждению человека».

Так же основываясь на авторитете апостолов, аргументируется и осуждение отрицания богомилами Ветхого Завета. «Если и апостолам не имеете веры, то вы более неверны, чем поганые, и зловреднее бесов».

Ввиду свободомыслия противников и имевшегося у них разнообразия доводов обоюдное положение борющихся сторон было неравносильно.

«Какую неправду вы видите в пророках, почему хулите их и не принимаете книг, написанных ими? Каким образом называете себя любящими Христа, а прорицания о нем святых пророков отменяете? Пророки ведь от себя ничего не говорили, но как им велел святой Дух, так и возвещали нам».

О кощунстве еретиков над Богоматерью, «которую они не чтут, но много о ней лгут, их речи и ложь нельзя даже излагать в этой книге», сообщает одно из мест. Как ни подобны бесам еретики, но, впрочем, бывают они злее самих бесов:

«Бесы ведь креста Христова боятся, еретики же ломают кресты и делают из них свои орудия. Бесы боятся образа Господня, на доске изображенного, еретики же не кланяются иконам, называя их кумирами. Бесы боятся костей праведников Божиих, не смея приблизиться к ковчегам, в которых лежит бесценное сокровище, данное христианам на избавление от всякой беды; еретики же ругаются на них и над нами смеются, мы видим, что они не кланяются им и не просят от них помощи... И не хотят славы дать святым, и Божий чудеса хулят, которые творят мощи святых силой святого Духа, и говорят: не по воле Божией творятся чудеса, но диавол то творит на прелесть человекам, и многое иное о них лгут, кивая главами своими, как жида, распинающие Христа».

По поводу насмешки сектантов над чудесами Христа обличитель предпочитает держаться одной иронии, как и по отношению к вопросу о крещении, необходимость которого они отрицали.

Так как в младенцах олицетворяется исключительно телесное начало, это зло творения, то богомилы, исходившие во всем из своей центральной идеи, гнушались их.

«А еще если доведется им увидеть младенцев, то как смрадного зла гнушаются, отворачиваются, плюются».

Подробнее «Слово» останавливается на святом Комкании, то есть Причастии.

«Что же эти говорят о святом Комкании? Что не Божиим повелением творимо Комкание, не есть, как они говорят, само тело Христово, но то же, что и вся обычная пища...» В ответ еретикам обличение восклицает: «Слушай меня, безбожный еретик, о чем рек Господь к апостолам, хлеб давая им... Тем же и тех самых жидов, распинавших Христа, еретики грешнее: они ведь над телом надругались, а эти — над божеством».

Изворотливость еретиков, их готовность к лицемерию, если то требовалось интересами веры, не укрылось от пронизательности обличителя. Известно, что богомилы, как и альбигойцы, и последователи тайных русских сект, позволяли себе скрывать перед православными свои убеждения и обряды, оправдывая то необходимостью.

«Еретики же, слыша слова апостола Павла о кумирах, говорят: не подобает нам повиноваться золу или серебру, сотворенному хитростью человеческой, мнят, что то сказано об иконах, и по причине этих слов не кланяются иконам, но лишь от страха человеческого и в церковь ходят и крест и икону целуют; если же о них узнают, что они обратились в нашу истинную веру, то говорят: все это делаем по человеческому, а не по сердцу, в тайне же храним свою веру».

Ожидание Антихриста еще более уподобляет их со средневековыми альбигойскими и русскими беспоповскими сектами нашего времени.

«Авраама же, друга Божия, и Даниила, и Азарии и прочих пророков не приемлют, их же и звери свирепые убоятся и огонь угаснет. Иоанна же Предтечу, эту зарю великого Солнца отрицают, называя его антихристовым предтечей... Сами еретики по истине — антихристы», — заключает обличитель. Он не находит предлога объяснить изменения, сделанные ими в обрядах и постановлениях церковных. Евангелие и Апостол «не просто пересказывают, но извращают все на свою пагубу». Их тайные собрания, эти радения раскольников, не рассказаны подробно, ибо это — «тысячи соблазнов, поклоняются же в своих, затворившись, храмах четырежды днем, и четырежды ночью, и все пять врат своих отверстыми имея, которые ведено держать затворенными; кланясь же говорят: Отче наш иже еси на небеси. Кланясь, не творят креста на своем лице». Исповедь их была такой же, какую требовали позднейшие кальвинисты: «Еретики же сами в себе исповедь творят и принимают, сами являясь связанными узами диавола; не только мужи ее творят, но и жены...»

«Кто вам указал, — вспоминает обличитель, — в день воскресения Господня поститься и кланяться и ручные дела творить? Вы говорите: человеки то установили, а не написано того в Евангелии. И все Господни праздники и память святых мучеников и отцов не чтете».

Учение еретиков было слишком радикально, ибо автор счел должным прибавить: «Прочие же их гнусные словеса оставлю; слишком многие лжи в них сплетены. Их только тем подобает говорить, кто ума не имеет» (62).

Элементы будущей церковной оппозиции были, таким образом, весьма грозны.

Сторона социально-гражданского быта богомилов представляла явления не менее резкие. Славянские еретики далеко не чужды были государственных идеалов и утопий. Они проповедовали политическое учение в таких формах, что обличитель должен защищать перед ними необходимость государственной власти. Надо полагать, по этому важному памятнику, что предшественники альбигойцев были, в наших терминах, коммунисты. Республиканские стремления альбигойцев, их тяготение к городской конституции, их борьба, направленная столько же за веру, сколько за гражданскую свободу, — все это в значительной степени объясняется политическим характером ереси, предшествовавшей им.

«Учат же своих не повиноваться властителям своим, хулят богатых, царя ненавидят, ругают старейшин, укоряют бояр, мерзостью перед Богом считают работать на царя и всякому рабу не велят работать на своего господина» (63). В результате обличитель весьма долго старается доказать, что «цари и бояре Богом поставлены».

Вследствие своей склонности к скрытности и лицемерию богомилы, как и альбигойцы, всегда обладавшие тактом, умели искусно прятать свой политический цвет, который ничем не обнаруживали, пока не рассчитывали на верный успех. Именно эту политическую струну,

оживлявшую все их учение, они передали своим последователям на Западе Европы ^{*1}.

Патарены Италии

Посредницей в такой передаче должна была стать северная часть Италии. Там почва для распространения ереси была подготовлена самой историей страны. Там когда-то жгли манихеев; там в начале VI века против них издавались указы остготского короля Теодориха; там боролся с ними Григорий Великий. Обитатели долин Ломбардии долго были арианами; католические римляне по привычке презирали их. А в десятом столетии, когда славяне почувствовали потребность поделиться своим катарством, духовенство Ломбардии находилось в весьма жалком положении. Оно большей частью было настолько невежественно в делах религии, что вряд ли могло ясно увидеть противоположность новых воззрений по отношению к ортодоксии. Большинство веронских клириков тогда не знало Символа Веры, а в Виченце иные священники простодушно представляли себе Бога с человеческими членами.

Новое учение было заманчиво: непонятное в Евангелиях оно проясняло самым простым образом, жизнью своих последователей оно внушало стремление к подражанию. Дуализм начал распространяться в Ломбардии и готовить проповедников для соседней Галлии. Нельзя измерить духовное движение точными цифрами, идея способна разноситься с особенной быстротой и притом в самых широких пределах. Оттого во Франции почувствовали присутствие болгарской системы почти в то же время, как в Италии, что объясняется сходством манихейских учений старых и новых. В Италии, и именно в северной, болгарское присутствие запечатлело свое движение даже географическими терминами. В округе Туринском еще ранее 1047 года одно место носило название *Vulgaro*. Замок того же имени существовал и в диоцезе Верчелли. Одна знатная фамилия в Турине именуется Булгарелло, еще прежде 1116 года; рода с фамилиями *Vulgaro*, *Vulgari* жили в Болонье, Сиене и других городах (64).

Около первой четверти XI века дуализм заявляет себя решительнейшим образом. Тогда у него нашлось немало влиятельных приверженцев в среде ломбардской аристократии. Замок Монтефорте близ Турина, соименный домену будущего истребителя ереси ^{*1}, был местом убежища проповедников учения, между которыми выделялся Джерардо, пылкий энтузиаст, отличавшийся дарованием и успехами. Он разносил воззрения альбигойских дуалистов, хотя умел прикрывать их видимым сходством с христианской догматикой. Он твердил, что жизнь — это нескончаемое покаяние, что, чем оно суровее, тем более спасает человека. Рай открывается только ценой земных самоистязаний, подавлением плоти и крови. Не только всякое чувственное наслаждение губительно, но соучастие со святым Духом само по себе требует скорейшего разлучения души с телом, отчего мученическая смерть представлялась отрадным блаженством. Особенно сильно восставали последователи Джерардо против папства и соблазнов Римской Церкви.

Архиепископ Миланский Эриберто да Канту, ненавидимый в стране, поднял против еретиков окрестных баронов. Готовность, с какой последние спешили осадить замок, куда отовсюду стали сходить еретики, объясняется тем, насколько новое учение стало популярно среди крестьян. Слова Козьмы о богомилах: «учат не повиноваться властителям своим, хулят богатых... и всякому рабу не велят работать на своего господина» — можно применить и к монтефортским еретикам. Против них были озлоблены именно феодалы, которые и разрушили замок. Монтефортцам предстояло или отречься от своей ереси, или умереть на костре. Почти все с радостью бросились в огонь ^{*2} (65). Это были первые мученики, таким образом, пример провансальцам был подан из Италии, дуалисты которой только кбдним именем «патаренов» отличались от альбигойцев (66). Впрочем, они назывались разными именами: *Gazari*, *Arnoldisti*, *Giuseppini*, *Insavattati*, *Leonisti*, *Bulgari*, *Circoncisi*, *Publicani*, *Comisti*, *di Bagnolo*, *Vanni*, *Tursci*, *Romulari*, *Ceruntani* — так приводит их самоименования итальянский историк Канту.

Церковь патаренов имела постоянные сношения с Болгарией и Византией. Из Болгарии сюда был доставлен апокриф Евангелия святого Иоанна (67). Известный еретический патриарх Никита

^{*1} К сожалению, автор не упоминает о таком интересном явлении, как боснийская Церковь, сложившаяся к середине XIII столетия под влиянием богомилства. Против ее сторонников организовывались крестовые походы, высылались церковные миссии, однако Боснийская церковь просуществовала до завоевания Боснии турками, то есть до второй половины XV века.

^{*1} Симону де Монфору (господин *Monteforte*).

^{*2} Это происходило уже в семидесятых годах XI столетия.

посылал к патаренам епископов, таких как Марка, Иоанна Еврея. Часто архиереи богомильские сами появлялись в Ломбардии для проповеди. Постепенное усиление ереси показывает всю важность посредствующей роли Ломбардии в истории альбигойцев.

Например, Милан около середины XII века был скорее еретическим городом, чем католическим. Проповедники патаренов публично произносили речи на площадях столицы. Местный архиепископ напрасно боролся с торжеством ереси, за которую были все городские власти. Даже женщины, увлекаясь общим духом, делались проповедниками и главами ереси. Так, в Орвието властвовали Милита и Джульетта, своей чистой жизнью внушавшие уважение и удивление. Из Феррары пришлось удалять еретиков при помощи оружия. Короче, в конце XII века католики принуждены были сознаться, что города и замки наполнены лжепророками, что ересь стучит в ворота самого Рима, что «пора идти на помощь Богу». Райнер Саккони приводит список итальянских еретических Церквей, ему современных; вариации их учений были весьма разнообразны, число последователей постоянно росло.

Меньше всего было исповедников крайней ветви. Ветвь Конкорце преобладала в Ломбардии. Баньольцы, признававшие сотворение человека прежде вселенной, имели храмы в Мантуе, Милане, по всей Романье и Тоскане. В свою очередь, провансальские дуалисты впоследствии посылали своих миссионеров в Ломбардию.

Кипучая жизнь Апеннинского полуострова, занятого исключительно экономическими и чисто гражданскими интересами, не дала возможности сосредоточиться ереси в виде отдельной плотной массы, как произошло в Лангедоке. В Италии слишком развита была индивидуальность, вообще частный интерес, так что религиозный вопрос часто растворялся в ряду других, это и делало из Ломбардии удобный посредствующий орган. Поэтому Италия считалась рассадником дуалистического учения во Франции и Фландрии, а Джерардо Монтефортский мог восклицать, что единомышленники его рассеяны по разным странам и что Дух Святой невидимо и ежедневно посещает их 68. Неудержимо шла ересь по итальянской почве, только Океан мог остановить ее.

Ереси Франции и Лангедока до 1170 года

Та страна, где ересь должна была невольно остановиться в своем течении, представляла собой самые благоприятные условия к восприятию славянского катарства. Все изложенное нами выше, смеем думать, достаточно поясняет такой вывод. На юге Галлии знали о катарах еще с первых веков христианства, здесь было царство манихеев, ариан, присциллиан. Здесь еретики держались долее всего и уступали только после кровавой борьбы. То, чему хотели поучать теперь, здесь уже привыкли видеть и слышать. Еще несколько веков тому назад священник Вигилий и епископ Марсельский Серен здесь ломали образа и мощи, не молились святым (69).

Страна эта прошла через горнило всех верований и обрядов. Она, как мы знаем, обладала выгодными для ересей политическими условиями, скептический дух народа, склонного к фантастическим учениям, заранее был предрасположен сочувствовать всякому свободомыслию в религии, философия должна была пленить одних, а аскетический пример укрепить других. Все соединилось таким образом, чтобы средневековая оппозиция Римской Церкви сосредоточилась, как в фокусе, именно здесь.

Итальянские миссионеры не заставили себя долго ждать. Они застали наклонность и вкус к богословским препираниям, множество верований, оттенков, несогласий. Прибыв в столь удобное время, проповедники дуализма приобрели быстрый и полный успех. Они избрали Тулузу центром будущей религии и разошлись по Аквитании и Сеп-тимании. Скоро их учение нашло множество последователей в этих краях.

В римской епархии о катарах знают документально с 991 года. Герберт, бывший учитель рейнской школы, избранный в архиепископы, должен был дать клятву, что не разделяет убеждений еретиков, которые, следовательно, уже тогда были известны. Как явствует из официальной клятвы, еретики провозглашали разницу между добрым и злым началом, у Христа принимали только призрачное тело, отвергали Ветхий Завет, как изобретение демона, восставали против брака и животных яств (70). Недоставало только отвержения таинств да братского возложения рук на посвящаемых, чтобы появился будущий альбигоец.

Однако через двадцать лет тип альбигойского еретика появился на юге от Луары, и началась история непосредственных альбигойцев.

Она открылась мучениями и гонениями — они шли в ответ на быстрый полет вольнодумства. Епископ Лиможский принимает меры против них еще в 1012 году. Через восемь

лет на площадях Тулузы казнили еретиков, а еще несколько лет спустя герцог аквитанский Вильгельм созывает собор в Сен-Кароффе для «искоренения нечестивой заразы». Но ничто не помогало. В двадцатых годах XI столетия ересь распространилась по всей Франции, и источник ее указывали в Орлеане.

После 1017 года об еретиках знают уже на юге от Луары, в Перигоре, Лемузене, Пуатье. Впрочем, в летописях останавливаются особенно на Орлеане. Здесь еретиков было особенно много, возможно потому, что в Орлеане они были носителями новой идеи, тогда как на Юге уже давно привыкли ко всяким еретикам. Теперь и здесь появился догмат, решительно отрицающий таинства Крещения и Покаяния.

Современник описываемых событий, монах Рауль Лысый, оставил подробное описание их учения. «Рассказывают, — говорит он, — что эта безумная ересь была начата в Галлии какой-то женщиной, явившейся из Италии и преисполненной дьявола, с помощью которого она увлекала всякого, кого хотела, не только людей глупых и бессмысленных, но даже таких, которые с виду казались ученейшими между духовенством» (71). С 1017 года учение имело в Орлеане верных адептов и сильных покровителей. На первое время ее руководителями стали двое из известных духовных лиц города: Гериберт и Лизой, люди, уважаемые в Орлеане, славные родом, ученостью, чистотой жизни, близкие к королю^{*1} и любимые им. Гериберт, прозванный девственником, заведовал церковной школой; Лизой жил в монастыре. Через них ересь проникла ко двору Роберта и нашла там в лице Стефана, королевского духовника, крепкую защиту. Из Орлеана рассылались миссионеры катаров, они совращали духовенство в Руане. Скоро, говорили еретики, их учение будет принято всем народом.

Руанский священник, к которому пришли с таким известием, мало был расположен верить тому. Он сообщил об этом герцогу нормандскому Ричарду II, а тот королю Роберту. Это было уже в 1022 году. Добрый и христианнейший король «жестоко опечалился, опасаясь гибели государства в стольких душах человеческих». Он немедленно прибыл в Орлеан, где велел собрать собор из духовных и светских лиц. Подозрение падало на самих пастырей. На соборе решено было допрашивать порознь каждого из духовных лиц. Все чтит символ веры и заявили свое католическое исповедание; но когда дошла очередь до Лизоя и Гериберта, то, к общему удивлению, эти надежнейшие люди торжественно отреклись от католичества и высказали такие мысли, которые ужаснули все собрание. Тогда поднялись и многие другие их последователи, из светских и духовных. Они дружно объявили, что никогда не покинут своих учителей. Король и епископы допросили обоих священников, пытаясь по-дружески убедить их отречься от своих заблуждений. На вопрос, откуда и когда они узнали это учение, допрашиваемые отвечали: «Мы уже давно следуем этому учению, которое вы только сейчас узнали. Мы верили и верим, что вы и все другие, какого бы закона и какой бы веры ни были, присоединитесь к нам».

Учение орлеанских еретиков представляло смесь нового катарства с остатками павликианских воззрений. Они начинали с того, что давали мистическое объяснение смысла Библии, в своих ночных тайных собраниях толковали ее при помощи аллегорий и уподоблений. Рядом силлогизмов они отрицали всякую буквальность в понимании Библии и доходили до того, что отвергали реальность Христа, которому давалось только призрачное бытие.

«Христос никогда не рождался от девы Марии, — говорили они, — никогда не страдал для людей, во гроб не был положен и из мертвых не воскресал».

Отсюда они выводили бесполезность Причастия и Крещения как таинств.

Поколебав прочность католической догматики, они устроили свою собственную. Вместо христианской Троицы они привносили дуализм. Земля и небо, учили они, существовали предвечно, никто их не сотворил. Благодетель-Бог не мог быть творцом порочного. Чтобы отделить духа злобы, царя плоти, должно отказаться от телесных удовольствий, от брака, от мясной пищи.

Народ между тем говорил, будто они предавались тайным наслаждениям, пели песнопения в честь дьявола, который показывался в виде разных чудовищ; что детей, прятых на ночных собраниях, они сжигали, а пепел их съедали. Все это, естественно, возникало в умах по причине гадочности новых иноверцев, сильно занимавших народ, который окружал их толпами. Собор, видимо неискusstный в богословской полемике, был скорее расположен верить тем слухам и сказкам, ходившим в толпе. Уже восемь часов продолжался допрос. Геройство обвиненных привело членов собора еще в больший ужас. Им предложили покаяться, а иначе, по приказанию

^{*1} В это время Францией правил Роберт II (996-1031 гг.).

короля, грозили сожжением. «Заканчивайте скорее ваши допросы и делайте с нами, что хотите, — отвечали еретики. — Смотрите, мы видим там Царя нашего небесного, он простирает к нам руки, чтобы вести нас в вечное блаженство».

Смертный приговор был произнесен над всеми; пощадили только монахиню и клирика, которые отреклись от учения. Раздраженная чернь хотела своими руками разорвать демонов; королева, бывшая тут же, предупредила толпу и, замахнувшись тростью, выколола глаз своему бывшему духовнику. Сначала думали утратить осужденных, так как погибали люди, любимые королем и знатью за свой ум и чистую жизнь. Но один из догматов их веры требовал мученичества за убеждения. По дороге они сами торопили стражу, желая насладиться собственными мучениями. Все тринадцать человек, а именно десять каноников городского монастыря, предводимые Лизоем, Герибертом и Стефаном, отважно вошли в пламя костра. Еще долго оттуда раздавались их крики (72).

Летописцу, описавшему эти сцены в Орлеане, казалось, что впредь католичество будет нерушимо во Франции и что ересь исчезла с лица земли. В сущности, она только начиналась, внезапно перекинувшись отсюда в Люттих и Аррас. Там схватили еретиков, пытали, но ничего не узнали и только изменой добыли тайну учения, которое оказалось тем же орлеанским с примесью практических наставлений о делах милосердия, молитвы и воздержания.

Епископы Юга были настороже, они отовсюду получали извещения о симптомах, опасных для Церкви. Катаров видели везде — одна бледность лица, истомленный вид казались испуганным властям достаточным свидетельством в пользу еретичества.

Так, в сороковых годах шалонский епископ советовался с Вазоном Льежским о мерах против еретиков его епархий. Он получил от умного и кроткого епископа Льежа самое разумное наставление по этому поводу, которое, по-видимому, принесло благотворные последствия.

«Бог не хочет смерти грешника, — писал Вазон, — он ищет лишь покаяния и жизни его».

Между тем успех ереси так возрастал, что в 1049 году большой собор в Реймсе из двадцати епископов, пятидесяти аббатов и прочего духовенства должен был постановить отлучение на еретиков и всех тех, кто «чем бы то ни было будут оказывать содействие новому учению» (73).

Со второй половины XI века история катаров принадлежит исключительно Югу Франции. В 1056 году в Тулузе новый собор отлучил еретиков и их покровителей, которые скрывались даже между вельможами, но он же обличал духовенство в симонии и порочной жизни. Тогда же епископ Безьерский отлучает весь город Сен-Жилль, и, когда один приор этого города не послушался распоряжения епископского, папа Александр II подтвердил отлучение вторично в 1062 году, причем приказал вырыть из земли трупы умерших во время интердикта и вынести их с кладбища за черту города (74).

Мы не имеем сведений о мерах против еретиков во второй половине XI века. К началу следующего столетия число катаров столь увеличилось, что они стали населять целые города в Аженуа и проповедовать столь открыто, что капеллан Вильгельма IX Аквитанского Рауль Арденнский должен был писать против них особое слово. Катарам вторили другие голоса, разделившие ту же оппозицию против Рима, но основывавшиеся исключительно на Библии, подобно позднейшим кальвинистам.

Деятельность Петра де Брюи и Генриха, предшествовавших Петру Вальдо, относится именно к этому рубежу между XI и XII веками, но мы оставим ее пока, как не причастную чисто дуалистическому движению, которое в это самое время окончательно утверждается в Альбижуа.

Свидетельство о последнем записано по следующему поводу: епископ города Альби Сикарт и аббат Кастра Годафруа хотели заключить в тюрьму отлученных еретиков, но народ воспротивился этому, власти города и даже рыцари оказали энергичную поддержку во имя своей муниципии. По всей вероятности, духовенство уступило перед соединенной и крепкой силой (75). Это обстоятельство достаточно показывает, что ересь в Альбижуа составляла тогда явление обыкновенное и признанное, если уже не охватившее большинства торгового и рыцарского сословия.

Это происходило около 1115 года, а через четыре года тулузский собор, состоявший из южных епископов, под предводительством самого папы должен был произнести анафему катарам и отлучить всех, кто, обязанный преследовать, допускает их к своим владениям или защищает как сообщников. Эту самую формулу вместе с обличением пороков в среде духовенства повторил латеранский собор, происходивший в 1139 году (76).

Упрочившись в Лангедоке, уже успев обратить на себя усиленное внимание римской курии и ее главы, ересь перекинулась к Северу. В Шампани, в замке Монтвимере (позднее Montaine),

уже давно видели ее приверженцев. Там учение, подобное альбигойству, высказывал около 1000 года некто Лейтард. В XII веке ересь имела в Шампани более значительный успех: ею заразилось высшее сословие, она проникла в села и города, из-за нее жены покидали мужей и мужья жен. Многие священники не в силах были устоять против красноречия проповедников и покидали свои паствы, хотя авторитет духовенства не пал здесь так низко, как на Юге.

Граф суассонский считался покровителем ереси, главными учителями которой были два крестьянина окрестной деревни: Клементий и Эблар, родные братья. Они были выданы церковным властям народом, ничем не похотившим здесь на склонных к новизне южан, и посажены в заключение. Их, как коноводов, решено было попытать водой^{*1}. Один из братьев утонул, другой побоялся и отрекся. Когда епископ отлучился из города, то чернь приготовила костер, кинулась на темницу, куда посадили Клементия, и сожгла его.

Тогда же на побережье северной Галлии, в нынешних Бретани и Нидерландах, новые миссионеры распространяли особый вид альбигойской ереси. То были Танхелин и Эон де Стелла, полуманихеи, полурационалисты (77). Они действовали в первой половине XII столетия. Танхелин (Tanchelinas, Tanchelnus, Tandemus), любимый народом фландрским, одетый в монашеское платье, ходил, окруженный телохранителями, перед ним носили меч и знамя. Огромные толпы слушали его поучения, произносимые под открытым небом на полях и площадях. Его считали за пророка или ангела, ниспосланного с неба, он сам полагал себя носителем Духа Святого. Он был в Риме и там возымел еще большее негодование против жадности и богатства духовенства. В Утрехте он сидел в заключении, но ходатайством влиятельных покровителей был освобожден, это был апофеоз его карьеры — он не встречал никакого противодействия себе, потому что во всем Антверпене был лишь один священник, и то подававший весьма дурной пример своею безнравственностью. Тысячами ходил к вероучителям народ и совращался в ересь.

Здесь Танхелин сменил рясу монаха на царскую багряницу. С короной на голове он ходил во главе трех тысяч человек, фанатически преданных ему. Обоготворение Танхелина доходило до того, что воду, в которой он искупался, пили, считая ее святой.

Когда он умер в 1125 году, то лишь проповеди и увещания святого Норберта вернули в православие совратившихся. Впрочем, иноверие прочных корней на севере иметь не могло. Это тем более относится к арианскому толкованию святой Троицы, принятому Танхелином. Главные доводы, приводимые им и сделавшие его популярным, были направлены против римского главенства и развратных священников, которых Танхелин считал недостойными совершать таинство, тем более что последнее было отвергаемо им. Ненавистью к господствующей Церкви он походил на другого современного ему ересиарха Эона де Стеллу, который своим царственным блеском, своим красноречием возбуждал подобный же энтузиазм в Бретани как раз в то самое время, когда из аббатства Клерво громили еретиков обличения Святого Бернара (1146 г.).

Стелла происходил из царского рода, привычка к роскоши осталась его слабостью. Его телохранители всегда были великолепно одеты, пища их была изысканна, жизнь не требовала никаких трудов. Изумленным современникам личность Стеллы представлялась демонической; говорили, что он питает воздухом своих многочисленных спутников, что в каждое мгновение он по своему желанию может иметь хлеб, рыбу, мясо, но эта пища не насыщает, а только возбуждает голод, и что каждый, кто только раз попробовал ее, уже тем самым попадает под его власть. Стелла выдавал себя за ангела и даже Христа, а учеников — за апостолов. Когда пленного, связанного на реймском соборе 1148 года, его стал лично допрашивать папа^{*1}, то получил в ответ: «Я тот Зон, который должен был прийти в мир судить живых и мертвых, а вселенную преобразовать огнем». В руке он держал жезл в виде вил с двумя зубцами наверху. «В этом посохе заключена великая тайна, — внушал ересиарх членам собора. — Как высоко вверх уходят два зубца, так высоко распространяются два Мира могущества Божьего, оставляя третий мне. А если бы я захотел повернуть этот жезл, то Богу бы внизу осталась одна доля, а мне стали бы принадлежать две трети вселенной» (78).

Собор, который был развлечен этими странностями, может быть, искусно прикрывавшими нечто более существенное, снисходительно осудил Стеллу на пожизненное заточение, предоставив исполнение приговора аббату Сугерию, регенту государства, который посадил его в башню Святого Дионисия. Там Стелла вскоре умер, внушив надолго своим последователям глубокую ненависть ко всему католическому и посеяв в стране семена дуализма. Говоря, что Бог,

^{*1} То есть опускать под воду и держать до того момента, пока человек не начинал захлебываться.

^{*1} Папа Евгений III (1145-1153 гг.).

пославший его, был Богом света, он указывал на существование второго божества, символически выражаемого его жезлом. Другие пункты учения еще сильнее сближали его с южными альбигойцами смягченного толка, последователем которых он, вероятно, и был в действительности.

Подобно им, он отрицал воскресение мертвых и христианское крещение, понимаемое им как дар Духа Святого, сообщаемый лишь преемственным возложением рук. Подобно всем протестантам, он бичевал Римскую Церковь, как блудницу, и духовенство, как позорящее ее своими нравами.

«Вы хотите, — говорил он католическим священникам, — изображать собой Церковь Божью. Докажите же нам, что вы заслуживаете того, покажите, где она и что такое Церковь Божья и почему она именуется так. Вы хотите казаться чистыми, но глаза наши напрасно ищут свидетельства тому, а неочевидному мы не верим. Нет, вы поступаете совсем иначе, вы не из Церкви Божией» *(79). За такие речи его ученики сгорали на кострах, на которые вступали с фанатичным торжеством. Только одно желание вдохновляло их в эти минуты — послать проклятие своим врагам, так страстно ненавидимым ими.

Если самые напряженные усилия Святого Бернара оказывались бесполезными, если и его могучее слово не действовало на еретиков, то никакие иные убеждения и доводы не могли достигнуть цели. Правда, биографы знаменитого проповедника говорят, что еретики бежали при его появлении даже из Альби и Тулузы, что народ встретил его восторженно, но эти уверения принадлежат к числу общих мест и не подтверждаются ни другими свидетельствами, ни последующими событиями. Тем более это относится к Лангедоку, где, повторяем, отступничество от католичества и даже христианства сделалось тогда явлением довольно обыкновенным, а переход в ересь — обыденным.

Крайний, так называемый албанский, толк катарства господствовал в епархиях Тулузы, Альби, Каркассона, Комминга и Аженуа, короче, во всей старой Готии, и в области Альбижуа по преимуществу. Смягченных воззрений здесь держались немногие. Народ, сочувствуя катарам за их чистую жизнь, назвал их «добрыми людьми» — *Bonshommes*, и это столь лестное для них название еретики навсегда оставили за собой. Их враги, думая уязвить их любимое занятие, прозвали еретиков ткачами — *Tisserands*, *Texerands*, а на севере их часто называли публиканами, ошибочно смешивая это учение с павликианским, о котором католики знали со слов крестоносцев, вернувшихся из Малой Азии (80). Общим и часто употребляемым названием для того времени было «еретики тулузские». Несколько позднее их стали изредка называть болгарами, в знак происхождения учения, сделав в следующем столетии из этого слова сокращенные формы: *Vigages*, *Vigges*, так как и название Болгарии звучало как «*Bougrie*». Когда дело еретиков уже было проиграно, то их имя стало позорным прозвищем. Наконец, в 1181 году впервые появляется знаменитый термин «альбигойцы» в хронике лемузенского аббата Готфрида (81), для обозначения главного и самого обширного центра ереси.

Но в середине XII столетия, на котором мы остановили рассказ о распространении ереси на Юге, тамошние ее последователи всех толков пока и чаще известны были под именем «еретиков тулузских» или «провансальских», так как они говорили на языке Прованса. Так их называет и собор, состоявшийся в Туре в 1163 году. Здесь епископам и всем духовным властям предписано с особенной бдительностью наблюдать за верующими, ограждать их от общества зараженных, и особенно от проповедников ереси, которые сим каноном предавались в руки светской власти, лишались имущества и вообще покровительства законов. Самое легкое наказание для еретиков было заключение. Это, впрочем, относилось к Северу, где ересь еще можно было «подавить определенными мерами. В свою очередь, католическое духовенство Прованса решило оказать сопротивление альбигойской пропаганде. Силой бороться было нельзя. Оставалось сразиться словом. Знаменитые вожди, отцы и учителя катаров, были призваны в 1165 году на публичный диспут в город Ломбер.

Ломбер, расположенный неподалеку от Альби, был любимым центром окружных еретиков. В нем находились их духовные власти, такие их проповедники, как Сикард, Селлерье и Оливье, архиереи катаров. Этот-то город, или, как тогда называли, замок, и был назначен местом состязания. По приглашению епископа Альбийского Жеральда туда прибыли: Констанция, жена Раймонда V Тулузского, Раймонд Тренкавель, виконт Альби, Безьера и Каркассона, Сикард, 'виконт Лотрека и много других феодалов. Почтенные горожане из Альби и окрестных мест, консулы и члены муниципалитета, богатые торговцы постепенно стекались на это увлекательнейшее зрелище, столь живо всех интересовавшее и своей оригинальностью и великими

последствиями, которых от него ожидали. В самом деле, на чьей стороне правда, кто одолеет, кто завтра приобретет успех, а с ним и будущее? Между духовными лицами было только лангедокских епископов шесть человек и много аббатов. Альбийский епископ Жеральд председательствовал на собрании.

Напрасно упоминать, что из массы присутствовавших вельмож и граждан значительная часть открыто исповедовала учение катаров и такая же часть симпатизировала им в душе, красноречие пророков могло привлечь остальных. Между тем, зная крутой и неуступчивый нрав ересиархов, щожно было сказать, что собор не приведет к благоприятному исходу. Ненависть еретических проповедников ко всему атолическому была слишком велика, чтобы противники могли прийти к какому-либо компромиссу или тем более примирению.

Действительно, еретики с первых же слов показали свою решительность. Католики хотели вести дело в форме допроса, противная партия гордо отвергла это и потребовала равноправного состязания. Католическое духовенство не смело сопротивляться и, уступая общему желанию присутствовавших, согласилось даже назначить посредников с той и другой стороны. Наконец, условившись о правилах диспута, председатель объявил собор открытым.

Тогда поднялся епископ Жоселин, один из католических ораторов, и спросил еретиков, принимают ли они Библию; ему отвечали, что принимают только Новый Завет, а Ветхий отвергают. «В чем же состоит ваше верование?» — спросили их. Они не хотели отвечать. Потом были предложены вопросы о крещении детей, о таинстве Причастия. Альбигойцы заявили, что последнее может быть совершаемо одинаково как духовным лицом, так и мирянином; подробнее они не пожелали распространяться. Так же сдержанны они были в вопросе о браке. Наконец, они доказывали, что больной может исповедаться даже у мирянина. На вопрос же, достаточно ли только одного раскаяния или необходимы добрые дела в смысле искупления, они отвечали текстом из послания апостола Иакова: «Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтоб исцелиться: много может усиленная молитва праведного» (Послание Иакова, V, 16), прибавляя, что, точно следуя наставлению, они не могут считать себя выше апостола, как делают некоторые епископы католические. Дождавшись, таким образом, удобного предлога, они излили всю свою ненависть к духовенству. Пророки их поднялись со своих мест и начали громовые речи против господствующей Церкви. Епископы и священники, говорили они, вовсе не имеют тех качеств, которые некогда завещал им апостол Павел: это жадные волки, соблазнитель, тщеславные люди, они ищут только богатств и почестей, им нужны только поклоны на улицах да первые места на пиршествах вельмож, вся их забота в золотых кольцах с камнями да в пышных нарядах, во всем они идут наперекор заветам Христа, и народ потому не должен им повиноваться.

Это обвинение впервые было высказано во всеуслышание. Напрасно епископы пытались защищаться. Страстная речь произвела свое действие. Архиепископ нарбоннский, епископ нимский и аббаты пустили в ход всю риторику, все богословские знания, чтобы оправдать свое сословие от возводимых на него обвинений. Но противники непреклонно стояли на своем, усиливали обвинение и объявили, что диспут может производиться на основании книг Нового Завета.

Когда спор соскользнул из системы манихейской и перешел в область моральной жизни духовенства, то катары должны были значительно выиграть в глазах присутствовавших.

Когда возражения стали достаточно убедительны, то тот же Жоселин, открывший заседание, поспешил составить протокол, в котором противники были прямо названы еретиками за высказанные ими убеждения. Католическая Церковь и ее посредники одобрили проект обвинения. Так называемые добрые люди были названы последователями ересиархов Селлерье, Оливье и их учениками. Тогда еретики стали кричать: «Не мы, а ваш епископ альбийский, наш враг, от которого идет это решение, еретик; это волк и лицемер, так же как и бдругие епископы и священники. Мы отказываемся признавать то, что здесь написано, все это только предлог, чтобы эвинить нас. Мы не против на основании Нового Завета сейчас же подтвердить все сказанное и доказать, что враги наши вовсе не добрые пастыри, а злые наемники».

В свою очередь епископ Жоселин пришел в азарт и обещал торжественно подтвердить свои обвинения перед папою, при дворах тулузском и французском. Тогда Оливье, следуя обычаю и изворотливости альбигойского учения, обращаясь к своим последователям и к народу вообще, стал читать свое исповедание:

— Послушайте, добрые люди, — начал было он, — наше исповедание, которое мы высказываем из любви к вам.

— Вот и правда наша, — перебили его голоса между католиками. — У них нет Бога. Они

говорят не по благодати и любви Божьей, а лишь по любви к народу.

— Нет, неправда, мы верим в истинного Бога, в его сына Иисуса Христа, в сошествие Святого Духа на апостолов, в Воскресение, в необходимость Крещения, в возможность спасения и для мужчины и для женщины, даже для состоящих в супружестве.

Когда католики, пользуясь случаем, предложили Оливье подтвердить клятвой то, что он сейчас сказал, то ересиарх отказался, ссылаясь на запрет божбы самим Спасителем. Надо заметить, что высказанное признание не было несправедливо, оно было лишь замечательно уклончиво; это не могло не знать и католическое духовенство. Действительно, еретики, собравшиеся в Ломбере, верили в Бога истинного, но они также признавали и Бога зла; они верили в Воскресение, но не тела; у них было и Крещение, но не по обряду католической Церкви. Они не отрицали, что живущие в браке могут быть спасены, но при этом они требовали, чтобы ищущие спасения принесли покаяние и перешли в секту, хотя бы в последний предсмертный час.

В конце заседания католикам удалось настоять на своем. Было постановлено, что убеждения, высказанные катарями, не что иное, как ересь, что засвидетельствовали все духовные лица и некоторые из светских баронов, хотя это нимало не повредило авторитету и успехам еретиков (82).

Так кончился ломберский собор, знаменитый публичным заявлением ереси, решившейся выступить на торжественное состязание с представителями господствующей Церкви, в первый раз на глазах всего Запада. По некоторым авторам, альбигойцы получили самое имя свое вследствие того, что манифестация была сделана в Ломбере, то есть в пределах Альби.

Произнесенное на этом соборе решение вызвало новую манифестацию. Катары явно заявили свое полное отторжение от Римской Церкви, свою собственную организацию, свою связь с иною властью, с иным источником. Богомильский патриарх Никита прибыл в Альбижуа из далекой Болгарии. Он долго пробыл в Италии, где было много последователей секты Конкорцео. Неподалеку от Тулузы, в мае 1167 года, в Сен-Феликс-де-Караман, происходил торжественный съезд духовенства альбигойской Церкви со всех провинций, на котором Никита председательствовал. Тот же Селлерье представлял собственно альбигойский дистрикт. Тут были и епископ Ломбардии Марк, и французский дуалистический сектант в Италии Роберт Спероне. Оттуда, где не было епископов, были просто местные консистории духовенства, как, например, из округов Тулузы, Арена и Каркассона. Тулуза тогда же получила отдельного епископа: Никита посвятил ей наложением рук Бернара Раймонда. В Аренах был таким же образом посвящен Раймонд де Казалис, в Каркассон — Жеральд Мерсье. Между всеми церквями богомильскими, жившими отдельно, был заключен союз. То были Церкви: греческая, македонская, болгарская, далматская, ломбардская, французская. Здесь были решены также частные вопросы о разделе Церквей Тулузы и Каркассона. Раздельная линия шла из Сен-Понса на Кабаред, Отпуль, Сейсак, Верден, Монреаль и Фанжо. Под этим кадастровым актом подписались известнейшие из катаров; он был написан в двух копиях и положен на хранение в городской архив (83).

После такого съезда существование новой Церкви среди католицизма приняло вид исторической реальности. Ее организация, заявленная столь торжественно, словно требовала признания себя от своих противников, с которыми предчувствовала вероятность борьбы и у которых настойчиво требовала равноправия. Эта новая Церковь сосредоточилась в Лангедоке, хотя ее проявления существовали и в других местах Франции. В графстве Невер, например, община Везелэ грозила целиком отторгнуться от католицизма. В нее проникли выходцы из Юга; они приносили вместе с религией своей страны ее республиканское начало. Во главе их стоял Гуго де Сен-Пьер; у него происходили тайные собрания катаров, число которых возросло до того, что местный аббат мог лишиться даже своей светской власти. Заговорщики связались с графом и выхлопотали у него признание общины с политическим устройством южных республик. Они уже хотели провозгласить свержение аббата. Аббат пожаловался королю и папе. Граф за деньги отказался от своих намерений. Еретики и республиканцы были выданы; они были обличены в павликианской ереси и на допросах в 1167 году торжественно признали ее. Когда они были осуждены на смертную казнь, двое из них решились засвидетельствовать истину своего учения испытанием водой^{*1}. Один из них выплыл, но при повторе испытания на другой день утонул. Остальные были сожжены.

В Шампани оставались прежние следы ереси. В Реймсе в нее были вовлечены и женщины.

^{*1} Во время испытания водой людей бросали в воду связанными, иногда—с грузом на шее. Предполагалось, что лишь вмешательство высших сил, радеющих за праведников, может спасти их.

Одна девушка, встреченная на улице клириком, отказала его наглым предложениям, ссылаясь на то, что за такой поступок последовало бы вечное осуждение; это был предлог заподозрить ее в ереси. При допросе девушка указала на старуху, которая посвятила ее в учение катаров. Обе они были сожжены; толпа причислила их к мученикам Христовым.

В той же епархии, в пределах Фландрии, в городе Аррасе, также жгли еретиков (1182 г.). То же повторилось в Бонне, в Кельне (1163 г.), где один старец, вступая на костер, полный фанатизма и веры, благословляя своих друзей, говорил: «Будьте непреклонны в нашем учении; отныне вы мученики Христовы».

Из Кельна и Фландрии альбигойство проникло в центры Англии — в Лондон и Йорк. В Оксфорде Генрих II Плантагенет созвал собор против катаров (84).

Перед королем и епископом Англии катары не скрывали своего учения. Повторились ломберские сцены. Герард, глава еретиков Оксфорда, по словам летописца, одолел католических ораторов. Последним оставалось лишь угрожать силой. В ответ они услышали от еретиков: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

Собор велел выгнать еретиков на лбах клейма; их выгнали из города палками. Они же, бичуемые, весело шли по улицам и пели громким голосом слова Евангельские: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах». Всюду гонимые и преследуемые в Англии как прокаженные, они умирали от голода и жажды на чужой земле, не изменив своей вере.

Это было в то самое время, когда в Везелэ проявилось религиозно-политическое движение и когда под Тулузой торжественно съезжалось духовенство богомильское, патаренское, альбигойское. Все это побуждает считать конец шестидесятых годов XII столетия началом полной самостоятельности новой Церкви, к специальному и всестороннему изучению которой следует перейти именно с этого времени.

Догматика альбигойских дуалистов: крайних и умеренных. Их обряды, иерархия, нравы. Отношение к ним вальденсов

Ознакомимся прежде с вероучением большинства альбигойцев, с их восточной ветвью, с догматикой религии дуалистов. Приступая к такому изучению, исследователь оказывается в несколько странном положении. Он должен судить об еретиках, об их обычаях, их учении со слов их противников. Оппозиция католицизму истолкована самыми страстными его адептами. До нас не дошло ни одного сочинения, написанного самими французскими катарами о своей вере, хотя мы знаем, что таковые существовали. Они принадлежали перу ученых, докторов своего дела, знакомых как с католической схоластикой, так и с философией древнегреческой и арабской. Нам известны только их имена. То были Петрик или Теодорик, бывший каноник неверский, Арнольд, плодовитый писатель провансальский (*scriptor velocissimus*, по словам католиков), итальянец Джованни де Луджио, строивший отчасти собственную систему. У провансальских катаров была обширная философская энциклопедия: *Perpendicularium scientiarum*^{*1}, наконец, катехизис, гимны и молитвы на их национальном языке.

Все это было уничтожено отчасти самими еретиками и дотла сожжено инквизицией, допускавшей еще кое-где книги вальденсов, но беспощадной относительно катаров. Например, маркиз Монферрата в продолжение сорока лет собирал сочинения всех учителей и философов альбигойских и перед смертью велел сжечь все эти книги. Таким образом, непосредственным и единственным источником при изучении альбигойства являются обличения еретиков, написанные инквизиторами, источники памфлетного характера. Таковы латинские обличения Еврара (*liber antihaeresis*), Эрменгарда, Бернара, Алана, Стефана Бурбонского, фанатичного монаха Сернейской долины и историка альбигойских войн, Петра, дона Изарна. Все, перечисленное выше, написано во Франции. К этому списку следует добавить рукописи немца Экберта, испанца Луки Тюиского, миланца Бонакорсо, флорентийца Григория и особенно знаменитые сочинения Райнера Саккони из Пьяченцы (*Summa de Catharis et Leonistis*) и Монеты из Кремоны (*adversus Catharos et Waldenses*).

Все эти авторы были по преимуществу инквизиторами, производившими следствия над

*1 «Взвешенные учения».

еретиками, и исключительно духовными лицами: епископами, аббатами, приорами и проповедниками. История рассудила так, что именно они должны предоставить науке данные для изучения системы своих заклятых врагов.

Канонические книги, принимаемые катарями, известны нам с их же слов. Замечено было, что славянские и французские катары отвергали Ветхий Завет. Новый Завет южане имели в провансальском переводе, сделанном, по всему вероятно, не с латинской вульгаты, а с греческого текста, если не со славянского кирилло-мефодиевского перевода. В еретических евангелиях, ходивших в Италии и Провансе, были те же уклонения от латинского текста, какие встречаем в византийском и славянском. Так, например, Молитва Господня кончается у них словами, смысл которых: «яко твое есть царство, сила и слава во веки веков», чего нет в переводе Святого Иеронима (85). Многим местам они придавали мистический смысл и, видимо, выводили учения не из священного Писания, а, наоборот, Евангелием объясняли свою систему (86).

Кроме Нового Завета они держались еще апокрифов, и именно тех, которые возникли под восточным влиянием. Они принимали «Видение пророка Исайи о существе Троицы и искуплении рода человеческого», любимое гностиками, богомилами и крайними дуалистами, дошедшее до альбигойцев в итальянской редакции. Они принимали также евангелие Никодима и сильно цитировали апокрифическое «Сказание о вопросах Иоанновых и ответах на них Христовых». Последнее было очень важно для них: там Иисус беседует со своим любимым учеником о тайнах творения совершенно в духе альбигойского философа; в его ответах дуалистически толкуется о творении Мира, и разрешаются вопросы о его конце и общем суде (87). Греческий оригинал этого апокрифа был занесен из Болгарии в конце XII столетия. Вообще характер канонических книг совершенно отождествляет ересь Богомила с альбигойством.

Альбигойцы были прежде всего высокие идеалисты. Односторонние в своем увлечении, они сохраняли логичность в выводах до крайних следствий. Поклоняясь бессмертному духу, они тем самым презирали смертное тело. Потому искреннейшие из них, так называемые «совершенные», и шли с такой охотой на казнь, что их жизнь за рубежами смерти освещалась тем новым бесконечным сиянием, перед обаянием которого ничтожны были земные страсти, страдания, наслаждения.

Альбигойская философия проистекала из представления о борьбе противоположных начал мира. Альбигойцы уверовали бы в Бога безусловно доброго, безусловно совершенного, но в то же время, встречая в области творения много несовместимого с величием Его, они признавали бытие другого Существа, совершенно противоположного первому. Гнушаясь телом, имея вообще слишком мрачный взгляд на вселенную, щедрую на несчастья, требующую борьбы, они этому другому Существо, этому врагу Бога и приписали творение вселенной. Этим объяснялось присутствие на земле зла, мрака, элементов, враждебных человеку. Довольные своим выводом, они спрашивали: можно ли говорить, чтобы всеблагой Бог был творцом существ вредных, начиная со змеи, отравляющей своим жалом, и кончая мошкой, причиняющей столько беспокойств, начиная с наводнений, истребляющих тысячи, и кончая пожарами, безвозвратно уничтожающими последнее имущество бедняка (88). Если благодетельный Бог создал человека, то за что же он дал ему немощное тело, которое погибает, претерпев бесполезно при жизни столько истязаний всякого рода?

Спор шел только о том, всегда ли существовал демон. Надо полагать, что прежде господствовал исключительно положительный ответ на этот вопрос. С течением же времени появился более мягкий, примиряющий взгляд, благодаря чему секта приобрела скорейший успех. Демон зла, созданный Богом, уклонился из-под его воли, восстал против него, сделался злым гением и положил начало всему дурному. Последователи первой системы (Дреговичи на Балканах, Албанцы для итальянцев) являлись крайними дуалистами; последователи второй, более многочисленные, умеренными дуалистами. Последние придавали более светлые краски мрачным теориям абсолютного дуализма. Вторая система была порождением первой или, скорее, уклонением от нее. Потому первая должна быть рассмотрена прежде.

Злой гений положительных дуалистов, занесенный с Востока, знакомый Болгарии, назывался дьяволом, Люцифером. Он был супругом двух жен: Колланты и Коллибанты, этих Огола и Оголива Иезекииля, двух сестер-развратниц, «и блудили они в Египте» (89). Произношение этих имен альбигойцами показывает заимствование такого понятия непосредственно с Востока. Люцифер — творец первоначальной материи, всего телесного и видимого, доступного материальным очам; потому небо, солнце, звезды также принадлежат ему. Он создает бури, громы и прочие природные катаклизмы. Он дает животворную силу земле,

производящей растения, так как добрый Бог не причастен ничему земному. От жен своих дьявол наордил сыновей и дочерей — от них и пошел род человеческий.

Космогония альбигойцев не была чужда и поэтических образов. Злое начало — солнце, луна — его жена; встречаясь каждый месяц, они производят росу, которая падает на землю; звезды — это низшие демоны. Впрочем, этот миф принят был между итальянцами.

Некоторые французские альбигойцы верили, что злой дух произвел землю любовным сожительством. Ему обязано бытием своим все безнравственное, варварское, несправедливое в обычаях, постановлениях, даже в государственных учреждениях, любое кровопролитие — хотя бы по судебному решению. Сотворив человека, он же породил первый грех. Злой рок гнетет человека; порок прирожден ему уже его телом.

Альбигойцы искали подтверждения основаниям своей теории в Библии. Они ссылались на место из Иисуса, сына Сирахова (XLII, 25): «Вся сугуба едино противу единого», на Премудрость (XII, 10), Иеремию (XIII, 23) и особенно часто на Новый Завет. Иисус у Матфея говорит: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Евангелие от Матфея, XV, 13), и там же: «Никто же может служить двум господам» (Евангелие от Матфея, VI, 24). Подобным же образом в начале Евангелия от Иоанна различаются творения: «Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Евангелие от Иоанна, I, 13), или далее: «Царство мое не от мира сего» (Евангелие от Иоанна, XVIII, 36), подразумеваемая, как казалось еретикам, иное царство, особый мир, создание иного духа.

Наконец, они упоминали все столь частые в Новом Завете указания на борьбу плоти и духа. Под именем последнего они понимали владыку всего невидимого, Бога света, источника душ, беспредельная область которого совершенно отдельна от царства мрака и материи. С высоты своей святости Он, чистый по природе, гнушается всего осязаемого, плотского и порождает только то, что доступно единому духовному, просветленному оку, отрешившемуся от мира. Он не имеет даже свободной воли (90) в нашем смысле этого слова, как и существа им созданные. Для него нет прошедшего, настоящего и будущего. В неведомом царстве его живут небожители. В их мире нет ничего похожего на наш мир. Там нет ни меры, ни числа, ни времени. У них тело сплетено из тончайших нитей духа, из которых состоит также их душа, их ум. Созданы они в единое мгновение, в начале всех вещей, и с первого же дня своего появления они сподобились лицезреть Бога, творца своего, во всей его славе. Это Иерусалим небесный, народ Бога, овцы Израиля по Писанию. Высшие ангелы, подобие божественного ума, блюдут за каждым из небожителей.

Признавая такой особый мир, альбигойцы всегда могли подразумевать его, говоря о своей вере в христианского Бога; скрывая главную сторону своего дуализма, они вносили аллегорическое понимание в сказания Библии. Бог сотворил, говорили они, не небо, а небесные души, не землю, а души земных людей, еще не освященных добродетелью, не море, а чистую воду спасения и веры.

Той же Библией альбигойцы подтверждали выводы о верховном владыке зла. Это Бог Ветхого Завета, ибо вообще Бог Евреев во многом противоречит Богу новозаветному. А если последний — добрый гений, то первый будет скорее злой. Противоречия они старались открыть в самой Библии. В начале Бытия говорится: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Бытие, I, 2), а первое послание Иоанна: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Первое Послание Иоанна, I, 5). Бог Моисеев по своим качествам во многом отличен от Бога новозаветного; он, вероятно, даже иного существа. Ему приписываются человеческие члены; он грозен, гневен и мстителен.

Бог, кощунствовали альбигойцы, который произвел потоп, разрушил Содом и Гоморру, дал законы возмездия и обрезания, истреблял так беспощадно врагов своих, не может быть Богом добрым. Этот Бог запретил Адаму есть с древа познания. Быть не может, чтобы он не знал, что последует за тем. Это значило бы, что он несовершенно; если же он предвидел губительный исход, то, следовательно, намеренно, полный зла, ввел в преступление первого человека — черта, вовсе не подходящая к понятию о творце благодетельном. Последний не стал бы внушать Моисею свирепых законов, не стал бы возбуждать страсти, проповедовать ненависть.

И Моисей, по словам альбигойцев, — обманщик, кудесник, достойный осуждения за повиновение наставлениям злого божества, обманщика же, убийцы, сжегшего Содом и потопившего египтян, чуждого любви и предписывавшего ненавидеть врагов. Он был заменен иным божеством, проповедовавшим добро, кротость, миролюбие и прощение, — божеством новозаветным.

Находя в Моисеевых и других исторических книгах свидетельства о злом божестве, дуалисты всех толков отвергали их, а крайние принимали Пророков, Псалмы, Иова, Соломона и Иисуса Сирахова как сказания о неведомом мире, предшествовавшем видимому, о мире духовном.

Вместо истории грехопадения по Библии крайние альбигойцы предлагали свои вымышленные, мифологические объяснения: злой Бог, завидуя тому, что добрый царствует над народом святым и блаженным, мучимый ненавистью к бесконечному счастью, появился в небе, обратился в ангела и, сияя светом и красотой, прельстил собой небесных духов, не подозревавших его хитрости. Тысячами соблазнов он убеждал их последовать за собой на землю, где обещал им наслаждения, более обаятельные, более сладостные, чем радости неба. Они послушались и оставили истинного Бога. Вскоре дьявол, довольный первой победой, явился вторично на небо, но уже с целой толпой демонов, вызывая своего великого соперника на бой. Пораженный небесными легионами и архангелом Михаилом, он был низвергнут с неба и с тех пор поселился на земле, где управляет новым царством по примеру небесного, теперь умаленного. Но эфирные тела увлеченных душ не достигли земли; ангелы-хранители также не последовали за отверженными. Дьявол тотчас же поспешил принять меры, дабы укрепить за собой приобретенное. Он дал гнусную, телесную оболочку погибшим душам. Материя, порождение дьявола, приковала их к земле, и в этом их наказание за грехопадение. Однако бессмертные души земных Людей еще связывают их с небом. В человеке таким образом две природы: добрая (это его дух, то есть ум и душа) и злая (его тело); одной он подвластен Богу, другой — Люциферу. По сие время в людях присутствуют частицы прежних душ, низринутых с неба (когда-то о них, об этом предсуществовании душ учил и Ориген). Первого человека, следовательно, не существовало, как нет постепенного создания душ. Добрый Бог спокойно взирает на падших, допустивших свою гибель. Он не воспрещает им возвращения в прежнюю обитель; он готов освободить их от уз, предательски наложенных на них его завистником и соперником. Но есть души, уже навсегда осужденные, не видевшие никогда небесного мира не способные увидеть его, созданные прихотью дьявола. Это души тиранов, изменников, непримиримых врагов Бога и его истинной Церкви. Сатанаил сам вложил в их тела существа подчиненных ему демонов.

Ношение тела, пребывание на земле и есть тот ад, которым пугает Писание. Призвание человека — рано или поздно избавиться от него. Крайние дуалисты думали, что все люди вернуться со временем в ту горнюю обитель, в которой нет печалей, нет этого тлетворного тела. Они полагали, что все без исключения будут спасены, ибо от рук доброго божества не может выйти ничего пагубного, ибо Христос послан освободить всех их без исключения (91). Никакое предопределение, вроде Августиновского, не может иметь места. Обречь одних на мучение, освободить других было бы ужасной ошибкой, в которую Бог совершенства вовлечен быть не может; поступив так, утверждали еретики, он стал бы хуже самого дьявола. Редкий догмат христианский они ненавидели так страстно. «И если бы такой Бог, который позволил себе из тысячи людей, им сотворенных, спасти одного и осуждать остальных, попался в мою власть, то я сокрушил бы вероломного, разорвав его на части руками и зубами...» (92)

Потому учение катаров искренно признает миссию Спасителя. Христос призван искупить души человеческие и обратить их к Господу. Он послан Богом, значит подчинен ему. Но будучи, следовательно, ниже его по существу, он состоит с ним в духовном родстве. Можно заподозрить, что катары приняли гностическое объяснение эманации Иисуса из Отца, но, с другой стороны, Монета Кремонский положительно утверждает, что их Христос есть творение доброго Бога и, следовательно, сам же Бог, причем они будто бы перетолковывали в свою пользу место из послания апостола Павла к Галатам^{*1} (93). Их Христос — это совершеннейший из ангелов Божьих. Догмат о воплощении они отвергали как «противный здравому смыслу и законам природы», но точнее и справедливее было бы сказать — вследствие собственных заблуждений относительно происхождения человеческого тела и вообще о существовании человека. Могло ли Божество принять на себя гнусное тело, могло ли вечное облечься в тлетворную материю и не позорно ли Богу быть заключенным в чреве жены?

По другим сообщениям, впрочем маловероятным, еретики несли страшную хулу на Христа: Марию-Магдалину считали, например, его любовницей.

Еще ниже Христа они помещали третье лицо Троицы — Духа Святого. Он отличен от Бога по существу, и деятельность его направлена в иную сторону, к миру. Сам Спаситель, по их

^{*1} «Но, когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены...» (IV, 4).

словам, отличает его и от Отца, и от себя, как видно из Евангелия Иоанна^{*2}. Дух Святой — это тот Верховный Ум (гностический «нус» — греческий «ум»), частицы которого были заключены в каждом создании небесного мира. В том царствии он ближе всех к Богу, и он несказанной красоты, ангелы радуются, созерцая его. Поставленные некогда для охранения душ человеческих, они, хотя и потеряли свою паству, тем не менее сами не поддались ухищрениям дьявола и оставили за собой право именоваться святыми. Они ждут, чтобы покинувшие их души перестали скитаться во мраке, стали искать истины, то есть вступили в альбигойскую секту. В это самое мгновение их небесный ангел-хранитель нисходит на землю и осеняет на все время жизненной борьбы.

Своеобразно толкуя христианскую Троицу, катары считали должным возносить ей молитвы. «Мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу», — говорили они, понимая между тем иное под вторым и третьим лицом.

Отрицая могущество и воплощение Спасителя в христианском смысле, но сознавая необходимость искупления, они должны были дать свое объяснение посланничеству Христа. По их мнению, Он имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чистым, столь же чуждым материи, каким был прежде. «Что Мне и Тебе, Жено?», то есть что общего между мной и тобой, говорил Он матери своей в Кане Галилейской (Евангелие от Иоанна, II, 4). Христос не имеет надобности ни в чем земном, и если он ел и пил, то делал это для людей, чтобы не открыть себя перед сатаной, который искал случая погубить Избавителя. Чудеса, которые творил Он, надо понимать духовно. Он не лечил болезни тела, потому что должен был радостно взирать на них, как на средства к скорейшему разрушению последнего, к освобождению души. Гробница, из которой Он вывел Лазаря, была гробница духовная, мрак, который опутывает грешную душу. Хлеба, число которых столь таинственно возросло, были хлеба духовные, то есть слова жизни. Бури, которые укрощал Он, — это страсти, возбуждаемые злым демоном (94). А когда евреи, племя сатанинское, стали мучить его и распнули на кресте, то небесное тело Спасителя, конечно, пострадать ничем не могло, ибо дух немедленно отделился от него, а на третий день, низойдя вторично, воскресил Иисуса. Тела теперь не существовало, если ученики осязали его, то в результате помрачения, которое Господу угодно было низвести на них. Воскресение с плотью и костями никогда существовать не могло, ибо это было бы унижение, посрамление Божества.

Необходимо заметить, что между некоторыми французскими катарами, вероятно от общения с иудеями, рассеянными во многих местах Юга, в начале XII века существовали совсем иные представления о Христе. Его считали творением демона, он нарочно пришел в мир, чтобы обмануть людей и тем помешать делу спасения, что действительно настоящий Христос существовал, но на земле не появлялся, так как не пил, не ел, не имел плоти, а жил, страдал и умирал в особой земле, невидимом мире, в небесном Иерусалиме (95).

Впрочем, такая теория принадлежала к числу фантазий, почти чуждых земле; ее последователи должны были считать подобного таинственного Христа не человеком, а воображаемым предметом. Многие же катары верили, что Христос, лишь по видимости пострадавший от демона зла, неуязвимый своим эфирным телом, призван был спасти живым примером весь человеческий род, научить людей отрешаться от тела, дабы они могли вернуться к истинному Богу и образовать истинную Церковь, то есть альбигойскую секту, которая только и живет по законам евангельским, духовно понятым ею.

Понимание Евангелия, иное альбигойским толкованиям, не может быть допущено, говорили еретики. Все, что только имело связь с материей, лишалось права на божественное освящение. Поэтому Иоанн Креститель, крестивший водой, а не духом, был слугой и посланцем сатаны, как говорили инквизиторам еретики, или, по апокрифическому евангелию, на которое часто любили ссылаться еретики, лживым пророком Helia.

Дева Мария, так тесно связанная с понятием о Божестве, была одним из ангелов, одним из духов небесных. У нее не было земных родителей, и ни в одной канонической книге не сохранилось их имен (96). Обликом она была женщиной, но в сущности у нее нет тела, как нет и никаких человеческих потребностей. Она была послана Богом на землю, чтобы предшествовать Иисусу. Христос прошел через ее ухо и вышел тем же путем, как говорит сам Спаситель в апокрифическом евангелии от Иоанна. Впрочем, это предположение выдуманно не катарами, оно

^{*2} «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духи истины...» «Когда же придет Он, Дух истины...» (XIV, 16-17; XVI, 13).

встречается и в старых латинских служебниках, а также в греческих и латинских проповедях и сочинениях древних Отцов, где имело метафорический смысл.

Катары заимствовали от гностиков и иное толкование, согласно которому Слово Божье не могло миновать уха Его ангела. Тогда как большинство признавало в Марии только видимость, призрачность женщины, в Болгарии и Италии верили в действительное ее существование, указывали ее родителей или же признавали ее рожденной «*de sola muliere sine virili semine*» (от одной женщины, без мужского семени), то есть согласно с католическим догматом беспорочного зачатия, или же, наконец, как кое-где во Франции, не считали ее ни за ангела, ни за женщину, а просто за метафору альбигойской Церкви, которая родила всех верных сынов ее, как для христиан она родила Иисуса (97).

Настаивая на необходимости спасения всего рода человеческого и указав вместе с тем исходный ключ к нему исключительно в альбигойской Церкви, крайний дуализм впал в невольное противоречие. Если все люди должны быть спасены, то чем вызвана судьба тех, которые имели несчастье жить раньше появления секты, и какова участь тех, кто не принимает альбигойских верований? Здесь доктрина дуалистов из далекого Востока приносит учение о метемпсихозе и переселением душ разрешает возникшее в системе противоречие. Небесная душа, не успевшая покаяться до исчезновения тела, в которое она была заключена, переходит в другие тела до тех пор, пока в какой-либо из моментов не принесет покаяния, не причастится к Церкви сектантов и тем не освободится от гнета материи. Таким образом, настоящий мир состоит из тех же небесных душ, какие угодно было создать доброму Богу. Ни одна душа со дня творения не погибла, она или мучается и пребывает на земле, или уже вернулась в царство неба, если уверовала в альбигойское учение. Этой примирительной гармонией доктрина воздавала награду своим последователям, и ею объясняется тайна быстрых успехов ереси. У Магомета ее заменяли райские наслаждения, утехи чувства, а здесь была, напротив, одна вера в покаяние, одна уверенность в достижение земной чистоты и в победу над чувством.

С этой мыслью катары подходили к Евангелию, которое всегда было для них основой системы, и находили указания на нее в воскресении мертвых в минуту смерти Спасителя (Евангелие от Матфея, XXVII; 52, 53). Система не сходилась в определении количества тел, доступных странствию одной души, но надо полагать, что это количество было безграничным (98). Оно не ограничивалось телами человеческими. Те, кто упорно отказывались от покаяния, в наказание были помещены в животных или в птиц. Это было чистилище католиков. Предполагалось, что душа и в этой оболочке не теряет знания о своем происхождении и о своей связи с эжеством. Наказанная, она терзается мучениями своего падения и доводит себя до покаяния. В каждом животном, кроме гадов, может быть заключена одна из душ, поэтому геретики не убивали никаких зверей, кроме пресмыкающихся, потому и пища у них вегетарианская. Горько было человеку думать, что он снизошел до такого ужасного наказания, но еще горше было благодетельному Богу связывать свое творение с низкой материей. Одно желание спасти человечество от врагов его, от демона, руководило им при этом: погибшее от плоти да будет наказано плотью. Наказанное, оно очищалось и восходило до своего первообразного состояния.

При таком взгляде на творение, на судьбу душ не имелось надобности, рассуждали еретики, ни в загробной жизни по христианским понятиям, ни в общем торжественном воскресении, ни в страшном суде. Катары не могли понять, зачем плоть, творение демона, потребует к созерцанию Божию. Они отрицали догмат самим авторитетом Писания. «Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе. Сеется тело душевное, восстает тело духовное», — говорил апостол Павел (Первое Послание к Коринфянам, XV, 42—44).

Если бы даже тело не было созданием дьявола, рассуждали еретики, то уже само по себе оно есть только орудие души, оболочка ее. Оно подчиняется душе и не действует самостоятельно, без нее оно ничто, взятое отдельно, оно бессильно. Никому не придет в голову обвинять инструменты, а не ремесленника за дурную работу, но ведь столь же нелепо привлекать плоть к суду за действия духа. Наконец, что судить: пепел костров, разорванные куски мяса на полях битв, пыль, землю, успевшую произвести новые творения? Но действительное воскресение тел — это обновление их в ту эфирную оболочку, которую некогда они покинули, это возвращение их в небесный мир, в небесные тела. Сто сорок четыре тысячи ангелов, низошедших вместе с Христом на землю, поджидали в особом небе возврата погибших душ, дабы приять там, где кончаются страдания и страсти, где не знают материи, где совершается возвращение к блаженной первобытной жизни.

По словам Эбрара, еретики не допускали, чтобы там существовало разделение полов и чтобы

женщины возвращались туда в виде женщин же, причем основывались на словах Спасителя: «Придите, благословенные», относящихся только к мужчинам (Евангелие от Матфея, XXV, 34), а более на том, что все плотское создано демоном, а не истинным Богом (99).

Так как исходная цель для всякой души — переселиться на небо уже в силу того, что такова ее природа, то понятно, что никакие молитвы земной Церкви не могут оказать помощи. Души, сотворенные демоном, не могут быть спасены ею, а для прочих она бесполезна, ибо и без нее они будут участниками небесной жизни. Добрые дела живых, заслуги святых столь же бессильны по причине неизменного и неумолимого закона бытия. Согласно самому Новому Завету несправедливо заслугами одних выкупать грехи других, ибо там прямо сказано (Послание к Римлянам II, 6; Первое Послание к Коринфянам III, 8; Второе Послание к Коринфянам V, 10; Послание к Галатам VI, 5), что каждый должен быть судим по делам своим. Так из основного воззрения сектантов последовательно вытекает рационализм.

Это учение было слишком сурово, чтобы приобрести себе массу поклонников или покорить толпу. Требовалось смягчить, сделать его популярнее, доступнее. Иоанн де Луджио, родом итальянец, отчасти принял эту задачу на себя. Его толкование возникло одновременно с появлением теории смягченного дуализма. Он учил о постоянной взаимной борьбе двух начал, доброго и злого. Создать — не значит сделать что-либо из ничего, не значит вызвать бытие из небытия; творение людей было одарением обликом, формами уже существовавшей материи. Ни Бог, ни демон не были раньше ее, они так же неразлучны с ней, как солнце неразрывно соединено с лучами света, истекающими из него. Не было минуты, когда бы можно представить демона без материи или Бога без мира. Как вечны оба верховных духа, так вечны мир земной и небесный. Лишенные свободы воли, небесные души подчинились проискам дьявола, и тем началась их грустная судьба, аллегорически рассказанная в истории еврейского народа.

Таким образом, учение Луджио уже отличается от основных положений дуализма примирением с Ветхим Заветом. Вечность материи между тем означала представление о неустанной борьбе верховных духов, в которой добрый Бог часто играет страдательную роль и где, лишенный своих совершенных атрибутов, он не представляется уже абсолютным, возвышенным, бесконечным. Дьявол не имеет здесь творческой силы над материей; он лишь комбинирует ее элементы. Он сам не что иное, как падший из-за собственной гордыни дух неба. «Видение Исаяи» рисует картину его обиталища^{*1}. К престолу Божию воздымаются семь небес, одно выше другого, одно чище другого, на последнем из них восседает Господь. Под небом же четыре стихии: облака, воды, земля и огонь. Каждую из них блюдет собый ангел, а Люцифер, красивейший и чистейший между ними, до падения своего господствовал над всем небесным воинством. Постоянно имея возможность созерцать Бога, он, обуреваемый гордыней, восхотел сравняться с пресветлым. Он стал совращать четырех ангелов, властвовавших над стихиями, к ним присоединились другие, и реть небесных душ попала под влияние Люцифера. Господь наказал их изгнанием с неба, а на земле они были Лишены чистого света, который заменило теперь сияние Огненное. Мучимый угрызениями совести, демон воззвал к Господу: «Прости меня, я покоряюсь тебе». На семь лет, то есть на семь веков обрек его Господь пребывать вне неба вместе со своим воинством. Тогда ангелы Люцифера создали землю. Сам демон снял корону с одного из них; из одной половины вышло солнце, из другой луна, а из ее драгоценных камней блестящие звезды. Животные, растения, камни сделаны из влаги земной. Но не надо думать, чтобы демон мог создать весь этот мир, он только преобразовал его. Следует отличать в этом случае понятие творения и изготовления. Творцом был Бог, демон же был демиургом^{*1}. Пророки были обманщики и слуги демона, которым Господь, впрочем, согласно своему промыслу мог дать силы предсказания.

Но если демону легко было устроить землю, мир видимый, то первые люди создали множество затруднений. Он быстро вылепил их тело из грязи морской, но создать душу не мог^{*2}. После напрасных попыток он предстал пред Господом и молил того низвести душу на новое творение, для чего просил двух ангелов. Ангелы второго и третьего неба прельстились честолюбивой мечтой разделить с дьяволом его могущество. Они молили Господа отпустить их, обещая скоро вернуться в небесные сферы. Господь разрешил, но напомнил, что обратный путь

^{*1} Смотри: Исаяя, VI.

^{*1} Греческое, буквально — «ремесленником». Люцифер лишь обрабатывает наличный материал, не создавая ничего собственно нового.

^{*2} Что вполне естественно: душа, индивидуальное начало — нечто принципиально новое, в то время как демиург лишь видоизменяет уже существующее.

труден, что необходимо бодрствование, дабы не потерять дороги к небу, и что если они заснут на бесконечном пути, то только через семь тысяч лет могут надеяться на возвращение. Выслушав это, они отправились в странствие. По воле дьявола они погружаются в глубокий сон, во время которого обессиленные ангелы вселились в человеческие тела. Ангелом третьего неба был Адам, а второго — Ева. Очень нескоро они проснулись и, увидев на себе гнусные тела, залились горькими слезами. Они узнали, что бессмертные слиты теперь со смертной плотью. Тогда, чтобы утешить их, дьявол создал рай, но поклялся никогда не расставаться с соблазненными. Он посадил яблоню в середине его и запретил касаться нее, зная, чем погубить человека, заключает апокрифическое евангелие Иоанна.

Таковы были первые дни человека, по учению умеренных дуалистов. Некоторые добавляли к этому легенды о составе человеческого существа. Дьявол слепил тело из глины, но когда пришел к Господу просить душу для него, то Бог заметил ему: «Если ты сделаешь человека из глины, то он будет крепче тебя и меня, возьми лучше морскую грязь».

Дьявол в точности последовал совету. «Теперь человек будет ни крепок, ни слаб», — сказал Господь, подавая ему душу, ибо без нее дьявол не мог заставить человека говорить. Когда Бог сам вдунул в него душу, человек тотчас встал на ноги и воскликнул: «Теперь, дьявол, я уже не твой!» (100).

Цель всех этих мифов одна — показать, что душа человеческая принадлежит Богу и его ангелам.

Дьявол не мог примириться с этим, он задумал осквернить ее во что бы то ни стало. Обратившись в змея, он прельстил Еву на грех вкусить запрещенного плода, то есть, без аллегорического смысла, вступить в плотскую связь. Сперва он сам наслаждался женой, и с тех пор сыновья дьявола и сыновья змеи начали подражать преступлению отца, утверждает апокриф. Плотское наслаждение, таким образом, есть источник первого и всякого греха. Совершенное по свободной воле — в противность учению крайних дуалистов, — оно было одновременно и актом восстания души против Бога, и попыткой возвеличить Церковь тьмы, власть демона.

От ужасной связи демона с Евой родился ужасный под — Каин, а от него собаки; их привязанность к человеку показывает скрытое родство с ним. Указание на происхождение Каина от дьявола еретики находили в Библии (Бытие IV, 1 и далее)^{*1}. Таким образом, естественное отличие умеренного дуализма от абсолютного состояло в принятии двух первоначальных душ, от которых рождаются все последующие, подобно тому как из одного тела происходит другое, «ибо, сказано в Писании, рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух».

Другое важное отличие умеренных от крайних — в догмате о спасении. Здесь Христос показывает только кратчайший путь спасения. Так как преступление совершено по свободной воле, то спасение приобретает заслугами, хотя принятие альбигойства и есть неперемное условие спасения, к осуществлению которого служило посланничество Христа.

Тело Иисуса, как и его Матери, — не из плоти Адама. Оно может терзаться, страдать, творить чудеса, воскреснуть, но не может вознестись на небо, оно не должно расставаться с материальным миром. В так называемом Вознесении Иисус сложил свою брэнную одежду в высших частицах эфира и вновь наденет ее в день страшного суда. Согласно другим еретикам, Христос носил только призрачное тело, иначе апостол Павел не сказал бы про него: «Но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» или «Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти» (101). Дева Мария представлялась им настоящей женщиной, и только немногие считали ее ангелом, спустившимся с неба вместе с Иисусом. Иоанн Креститель, в противоположность крайним дуалистам, здесь является посланником Бога, а не дьявола и родился от Елизаветы нисхождением Святого Духа, а вообще-то он принадлежит к числу ангелов неба.

По представлениям катаров тот суд, о котором беседовал Спаситель со своими учениками на горе Масличной, свершится, но при этом не будет разделения по преступлениям и по его качествам. Тогда все придет в собственную гармонию и первоначальный порядок нарушится. Троица исчезнет и вернется к единому божеству. Зло будет побеждено, виновник его навсегда будет низвергнут в пропасть, и лишь один вездесущий Бог останется на земле. Это — конец борьбы, торжество добра над злом, общее примирение (102).

Такая утешительная мысль должна была дать офомное число последователей умеренному

^{*1} «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: *приобрела я человека от Господа...*»

дуализму. Лишь стройная организация неприятеля— католической Церкви, общий нравственный принцип, одушевлявший культ того и другого толка, уравновешивали силы обоих и заставляли забывать различия.

Обратимся теперь к нравственной и практической стороне альбигойства. Катары в глазах самого строгого нравственного суда отвечали тому названию, которое они возложили на себя. Только аскетическое подвижничество в католической Церкви могло быть поставлено вровень с теми, кто являлся обыкновенными последователями альбигойства. Целью земного существования катар являлось высшее духовное совершенство, тяжелый путь вел к ее достижению. Смертный фех во всем виделся суровому альбигойскому ригористу. Даже на намерения эта секта смотрела как на преступление. Ее кодекс воспрещал под страхом исключения, вместе с убийством, нанесением кровавых ран, всякое обладание земными благами, этой ржавчиной души (*rubigo animae*).

Кодекс катаров предписывал воспитание души возвышенным созерцанием. Отсюда закон еретиков о совершенном нищенстве, по которому сектанты часто называли себя нищими во Христе (*non pauperes Christi*). Общение с людьми, не принадлежащими секте, привязанными к миру, могло быть только с целью обращения таковых к альбигойскому учению. Отступничество от убеждений в принципе преследовалось, но тем не менее риторика и уклончивость по примеру богомилов — практическое искусство хранить свою веру и избегать преследований — встречались нередко и между французскими катарами, хотя, с другой стороны, часты были примеры геройской честности и твердости.

Божба и клятва в альбигойских общинах не существовали. Тут еретики возвышались до идеального величия героев древности. Клятва не дозволялась даже при тех обстоятельствах, которые могли обещать непосредственные выгоды для ереси. Один альбигоец заявил перед трибуналом ; инквизиции, что если бы его клятва в святости исповедуемого им учения могла обратить к нему весь мир и из религии гонимой сделать религией царствующей, то и тогда он <не решился бы дать такую клятву.

Запрещая убийство, альбигойцы запрещали всякое кровопролитие, войну. Даже истребляемые за учение «совершенные» альбигойцы должны были терпеливо сносить раны и смерть, не поднимая руки в свою защиту. Хотя бы за самое святое дело проливалась кровь, «она не угодна Богу» (103). Потому только непосвященные, простые верующие участвовали в тех страшных сценах, которые вскоре облили кровью поля Лангедока. Избегая убийства вообще, альбигойский кодекс запрещал убивать всех животных, кроме гадов, бывших вместилищем демонов и не приносивших ничего, кроме вреда. Принятие мясной пищи, как дело чревоугодия, считалось тем же смертным фехом: мясо, сыр, молоко служили орудием и порождением дьявольской силы. Наконец, поедая мясо, катар мог помешать покаянию какой-либо души, облеченной в этот момент в плоть животного. Они ссылались на апостола Павла, который писал: «Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой соблазнится» (Послание к Римлянам, XIV, 21). Совершенные катары скорее умирали от голода, нежели позволяли себе вкусить мяса. Рыба не запрещалась отчасти потому, что в средние века полагали, что рождение рыбы чуждо плотского акта, а также следуя указанию Христа, вкусившего рыбы и хлеба и той же пищей насыщавшего других. Дозволялось питаться хлебом, плодами, оливками, овощами, вообще растительной пищей, хотя некоторые полагали, что и это все — порождение дьявола. Прекратить жизнь голодом нельзя было уже потому, что тем мог остановиться процесс покаяния.

С той же точки зрения горькой необходимости катары смотрели на брак. Сам по себе он вреден, ибо брак узаконивает сладострастные наслаждения, но, говорили крайние дуалисты, если запретить размножение тел человеческих, то куда после смерти очередного тела поместиться душе, жаждущей покаяния? Зато когда весь мир примет чистую веру, брак потеряет всякий смысл, поскольку организация новых тел из прежних прекратится.

Между тем большинство умеренных еретиков, исходя из мысли о происхождении греховных душ из первой пары, не находило повода к оправданию брака, к этому умножению зла, и проповедовало его запрещение. В Новом Завете они встречали свидетельства и за и против. Всегда злоупотребляя Евангелием, они все неблагоприятное своей системе перетолковывали в аллегорическом смысле, говоря, что брак евангельский означает соединение души с небесным телом или с Духом Святым, а запрещение брака во плоти высказано у Павла: «хорошо человеку не касаться женщины» (Первое Послание к Коринфянам, VII, 1). «Не плотские дети суть дети Божий; но дети обетования» (Послание к Римлянам, IX, 8). Наконец, говорили они, сам Христос сказал:

«Чада века сего женятся и выходят замуж; А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых, ни женятся, ни замуж не выходят, И умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божий, будучи сынами воскресения» (104).

Если цель жизни всякого человека — покаяние, слитое с пребыванием в Церкви альбигойской, то принятие в нее, как важнейший акт жизни, должно было знаменоваться особым обрядом. Крещение водой катары отвергали как материальное, взамен того принимая «крещение духом», называемое «*consolamentum*», то есть утешение души на время земного пребывания посредством духовного обетования. Весь обряд состоял в возложении рук с произнесением символических слов. Получивший *consolamentum* и, следовательно, отрешившийся от власти демона, от угождений плотских, назывался другом Божиим, добрым человеком (*lo bos homes*), добрым христианином, но чаще «совершенным» (*perfectus*). Метафорическими наименованиями их, принесенными со славянской и греческой почвы, были отцы по Господу и «утешенные» или параклеты. Эту центральную силу секты католики ненавидели особенно и называли «совершенных» еретиками по преимуществу; даже малосведущие писатели строго отличали их от вальденсов. Остальную же массу катаров называли обыкновенно верующими или верными.

Совершенные считали себя непосредственными преемниками апостолов, свое призвание они ограничивали распространением и проповедью истинной веры. Они отрешались от мира и общества, их имущество принадлежало всей церкви и шло на ее цели так же, как и вклады, которые они получали от верующих и от новообращаемых, удостоенных «утешения» во время болезней или хотя бы в минуту смерти. Их жизнь была рядом аскетических подвигов. Они отрекались от семейных и родственных уз. Они давали обеты целомудрия и нищеты. Четыре раза в год они соблюдали великие сорокадневные посты, три раза в неделю они не ели ничего, кроме хлеба и воды. За каждым из них следил неотступный глаз другого.

Подобно позднейшим иезуитам, «совершенные» не оставались наедине ни во время отдыха, ни во время занявший, ни в путешествии, ни в молитве. Им часто сопутствовали «непосвященные».

«Как овцы среди волков, — говорили они о себе, — блуждаем мы из города в город, жизнь наша трудная и скитальческая, но святая и подвижническая. Мы терпим преследование и поношение, подобно апостолам и мученикам, проводим время в подвигах уничижения, в молитвах и в трудах, которые ничто остановить не может, но все это не трудно нам, ибо мы не принадлежим сему миру» (105).

Черная одежда, кожаная сумка через плечо с романским переводом Нового Завета являлись приметами странствующего проповедника. Они узнавали друг друга по особым жестам и символическим фразам (*per solam loquelam et per solas gestas*). Их дома также имели особые знаки, загадочные для других, но понятные еретикам. Женщины также принимались в число посвященных. Они могли совершать *consolamentum*, но только в крайних случаях, проповедовать же они не имели права. Они или жили отшельнически в отдельных домах, или составляли особые общины, в которых занимались рукоделием или воспитанием девочек, принимая также на свое попечение больных. Это было нечто напоминающее католический монастырь. Женщинам не дозволялось сидеть за одним столом с посвященными. Даже враги признают, что посвященные никогда не позволили себе даже прикоснуться к женщине рукой (106).

Число посвященных того и другого пола один из инквизиторов середины XIII столетия насчитывает около четырех тысяч человек, но тогда многие были истреблены войной и кострами, ибо преследования всегда с особенной силою направились на них (107). Понятно, что они пользовались безграничным уважением среди альбигойцев. Их появление в селе было праздником; широко растворялись перед ними ворота феодального замка, гостеприимный владетель его велел нести все лучшее для них и их спутников, зная, что деньги и яства будут сбережены для бедных и больных общины; знатный и гордый барон сам служил при столе «утешителя», он и его вассалы окружали плотной толпой проповедника, его поучения народ ловил с жадностью, его советов нельзя было не исполнять, он обладал сверхъестественной силой. Внешность таких людей, величая походка, их манера говорить напоминали жрецов Востока и судей еврейских. Они назывались иногда диаконами. Они, как увидим в дальнейшем, являлись и духовными и светскими властями в альбигойской Церкви.

Благословение утешителя считалось милостью неба. В обряде благословения видны славянские истоки. Склонив голову и поклонившись земным поклоном, подходил к проповеднику альбигоец и говорил: «Добрый христианин, благослови меня» — и, обнявшись три раза, склонялся головой к его плечу; женщины же складывали на груди руки и также склоняли голову. «Да

благословит вас Господь Бог», — было ответом. Перед женщинами, удостоившимися благодати утешения, складывали крестообразно руки и, преклонив голову, но не подходя близко, в таком положении ждали благословения, которое ценили столь же высоко. Входя в чье-либо жилище и оставляя его, эти святые люди наделяли дом своим благословением (108).

Вся остальная масса дуалистов делилась на верующих (*credentes*) и слушающих (*auditores*), то есть обучающихся. Последние представляли третью, низшую степень, они были новичками в альбигойской вере и имели только элементарные сведения о ней, философия учения, символика обрядов — все это было закрыто для них. Но надо полагать, что такое испытание не являлось необходимостью для каждого, переходившего в альбигойство. Иногда предоставлялась возможность сразу вступить в число «совершенных»; иные же только на смертном одре принимали *consolamentum*, и о таких нередко упоминают памятники.

Большинством всегда были верующие. Они могли жениться, носить оружие, им прощалось многое ради одного исповедания учения. Но тем не менее они должны были хотя бы под конец жизни принять посвящение, если этого не удавалось, то обряд совершался в последнюю минуту жизни, чтобы умереть с «хорошим концом». Бывали примеры, что над умершими младенцами совершали обряд посвящения, дабы не дать напрасно погибнуть душе. *Consolamentum* заменяло для еретиков и крещение и причастие вместе, в последнем случае оно называлось *convenza*, «согласие» («Встать в согласие с Богом»), Этот обряд совершался над больными, особенно если болезнь грозила смертельным исходом. При легких болезнях диаконы не всегда соглашались на обряд, опасаясь, что если больной останется в живых, то не будет в состоянии исполнять строгие правила посвященных. Впоследствии вошло в обычай придавать столь высокое значение этому обряду, что никто не решался принимать его иначе как в самый час смерти подобно тому, как в IV столетии христиане крестились толь ко умирая, так как таинству этому приписывали силу очищать все прежние грехи^{*1}. Так как в дальнейшей жизни принявшему утешение грозила опасность совратиться и тем потерять полученную благодать, то во избежание соблазна допускалось самоубийство, основанием к которому было твращение к материи. Это так называемая *endura* (109).

Такое добровольное самоубийство, предпринятое ради спасения души, бывало двух родов: или мученическое или исповедническое. В первом случае принято было удушение, во втором — голодная смерть. Часто прибегали к самоубийству для избежания пыток и костров инквизиции: резали вены в ваннах, принимали яд, пили толченое стекло. Такая решимость считалась признаком святости. Самоубийство не было доступно для всех, и, напротив, к нему запрещалось прибегать иначе чем в крайних случаях. Жизнь альбигойцев строга, как узаконенный срок покаяния, как пример истинной Церкви, истинных последователей христианства, среди царства мрака и дьявола.

Достоинство этой Церкви, ее превосходство перед католической еще более увеличивались тем кротким духом, чуждым насилия и гонений, который был положен в ее основание, а также нравственной чистотой ее членов. Обладая множеством действительно замечательных достоинств, альбигойская Церковь считала себя вправе поносить соперницу. Еретики упрекали католицизм за блеск богослужения, театральность обрядов, обольщающих воображение и отвлекающих помыслов о Боге, за пышность и богатства прелатов, за почести, требуемые ими. Они указывали на корыстолюбие, жадность, насилие, чему так предавались прелаты католические. Падение началось, по их словам, со времени папы Сильвестра, которого еретики считали Антихристом, человеком беззакония и сыном погибели^{*1}.

Теперь же Церковь стала великая блудница, о которой говорится в Апокалипсисе (главы 17 и 18), и крещение духом в новой Церкви, принятие *consolamentum* — единственное спасение от козней демона. Согрешивший после того уже не может получить прощение покаянием или воздержанием, для него нужно вторичное утешение; тогда оно называлось *reconsolatio* (110). Оно могло повториться и в том случае, если не было преподано с должным благоговением, омрачено каким-либо нечистым помыслом, а это случалось очень часто. Тем только и можно объяснить, что некоторые «совершенные», склонные к сомнению, принимали два и три *consolamentum*. Этот

^{*1} Так, Константин Великий принял крещение именно на смертном одре

^{*1} Имеется в виду папа Сильвестр I (314—335 гг.), на понтификат которого падает превращение при императоре Константине христианства в государственную религию и союз Церкви с императорской властью. Именно в это время Церковь начинает становиться богатым собственником, сам же Сильвестр принимал от императора огромные подарки, практически не сопротивляясь Константину, даже когда тот стал клониться к арианству.

обряд, возведенный в степень таинства, представлял единственное в своем роде явление в Церкви, внешней простотой напоминавшей Церковь позднейших кальвинистов и, подобно им, не признававшей необходимости собственно храмов.

Альбигойцы сходились на молитву везде, где представлялись к тому некоторые удобства. Они собирались в замках, хижинах, на полях и долинах, в пещерах и лесах. Имелись и особые молитвенные дома — там, где альбигойство пользовалось уже признанным авторитетом. В них не было ни малейшей роскоши. Все убранство состояло из скамейки и простого деревянного стола, накрытого белой скатертью, на нем лежал Новый Завет, открытый обыкновенно на первой главе Евангелия Иоанна. В молельнях не было кафедры для проповедника, колокольный звон не раздавался. Христос прислан был освободить людей от идолопоклонства, потому не пристало в местах, посвященных его памяти, поклоняться статуям, иконам и крестам, последние особенно должны бы быть отвратительны для взора христианина, как орудие торжества Сатаны над Богом.

Еретики употребляли все усилия, чтобы поселить отвращение к предметам, обожаемым у христиан. Они делали более, чем отвергали иконы. Они осмеивали в собственных рисунках образа и лица, изображаемые на них. Богородицу они писали с одним глазом и столь безобразно, что зрителям предоставлялось вообразить все унижение Христа, ставшего ее сыном. Эти рисунки, конечно, не помещались в молитвенных домах, но преднамеренно распространялись в книгах, назначенных для обращения в народе. Они должны были приучить думать о духе, а не о теле. Молитвенными собраниями еретиков руководил один из священнослужителей или старший между присутствовавшими «совершенными». Они открывались чтением какого-либо места из Нового Завета, проповедники толковали его в альбигойском смысле, причем объясняли отличия от латинского богословия и показывали, насколько католицизм отступил от Евангелия. После проповеди наступало так называемое благословение. Обыкновенные «радения» русских людей Божьих и молоканской секты^{*1}, имеющей разительное сходство по характеру и учению с альбигойцами, напоминают собрания, описанные в актах инквизиции XIII столетия и в сочинениях Эрменгарда, Алана, Еврара, Райнера и Монеты Кремонского. Взявшись друг с другом за руки, все верующие падали на колени, делали три земных поклона перед своими старшими и говорили им после первого и второго поклона: «Благословите нас», и после третьего прибавляли: «Молите Бога за нас грешных, дабы он сделал из нас истинных христиан и даровал нам блаженную кончину». Священники и другие из утешенных на каждый поклон отвечали словами: «Бог да благословит вас», и в завершение: «Да соделает Господь истинных христиан из вас и да сподобит вас блаженной кончины».

От немецких катаров мы имеем даже подлинную молитву, составленную рифмованной прозой: «Nimmer musse ich esterben, Ich musse um each erwerben, Dass mein end gut werde», а священник, заканчивая, произносил: «Und werdest ein gut mann».

После того собрание начинало петь молитву Господню, «единственно указанную истинным христианам». Молитва вообще, по их мнению, должна быть по возможности короче и никоим образом не обращаться к святым и Богородице или к Сыну и Духу, она должна призывать только одного благого Бога. «Отче наш» они пели по греческому образцу, заменяя слова «хлеб наш насущный» словами «хлеб наш сверхъестественный» и прибавляя в конце «яко твое есть царство» и так далее, что принято восточной Церковью. После молитвы священник провозглашал христианскую формулу, хотя совсем иначе понимал ее: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а собрание отвечало: «благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с нами». Служба кончалась коленапреклонением и вторичным благословением, причем иногда священник произносил: «Отец, Сын и Дух Святой да сжалятся над вами и да простят прегрешения ваши». Никаких обоготворений, подобных обычаям некоторых тайных русских сект, здесь не происходило, хотя намеки памфлетистов приписывали это альбигойцам, но акты инквизиции,

^{*1} Молокане — одна из разновидностей духовного христианства в России. Основателем молокан был бродячий деревенский портной Семен Уклеин, назвавший свое учение «чистым молоком духовным» (отсюда и название молокане). Молокане отрицали церковную иерархию, монашество, иконы, мощи святых и тому подобное. Вся внешняя обрядность отвергалась, как не подлежащая рациональному истолкованию. В качестве единственного источника истины рассматривалась Библия, на основе которой составлялась четкая регламентация веры, быта, общественного поведения. Ценностные ориентации молокан предусматривали умеренность, труд, трезвость, верность семье и домашнему очагу. Предпичивалось избегать контактов с государством в виде присяги, военной службы и тому подобного, а также крепостной зависимости. Религиозный культ молокан сводился к молитвенным собраниям, проповедям и пению духовных песен. Роль священнослужителей исполняли так называемые «старцы». — *Примечание К.Е.Нетужилова.*

приведенные К. Шмидтом, не дают права на такое заключение.

Перед священниками еретики преклонялись потому, что считали их одержимыми Духом Святым и стоящими ближе рядовых членов секты к Богу. Целью собраний было получить благословение этих людей, благословение, по верованию секты, мог сообщать Дух благодати, дух доброго Бога — так мистически перемешивали альбигойцы Евангелие со своей восточной системой.

С гораздо большим торжеством совершался другой обряд, имевший огромное значение, заменявший для еретиков, как было замечено, и крещение, а отчасти и причастие — *consolamentum*. Во время гонений и опасностей этот обряд был окружен всевозможной таинственностью и совершался в уединенных местах, среди немногих присутствующих, дабы не привлечь внимание, тем более что раз принявший *consolamentum* уже тем самым заслуживал непременной смерти в глазах католиков, к такому человеку инквизиция была беспощадна. Впоследствии, когда альбигойство заняло в Лангедоке положение, в некотором смысле равноправное с господствующей Церковью, оно сосредоточило в этом обряде весь блеск, какой только оно могло допустить при своей обрядовой сдержанности. К нему готовились при помощи строгого поста и молитвы, бывали примеры, что не ели по три дня.

Длинная зала, в которой происходил обряд, горела бесчисленными огнями, будто знаменуя огонь крещения; в середине стоял жертвенник, то есть стол, покрытый белой скатертью, и на нем — книга Нового Завета. Священники готовились к таинственному обряду омовением рук. Собравшиеся становились в круг по старшинству, соблюдая глубокое молчание, кающийся стоял посередине, неподалеку от огня. Священник держал в руке Новый Завет, он начинал рассказывать неофиту о суровости жизни, которую тот избрал для себя, наставлял его никогда не возлагать надежды на Римскую Церковь, но терпеть до последнего часа за веру альбигойскую. Потом священник неожиданно обращался к неофиту с решительным вопросом: «Брат, твердо ли ты решился принять нашу веру?» После утвердительного ответа обращенный становился на колени и, склонив голову между руками, испрашивал благословение. За этим следовала формула клятвы: «Я обещаю, — говорил коленопреклоненный, — служить Богу и Его Евангелию, никогда не обманывать, не клясться, не прикасаться к женщине, не спать раздетым, не убивать какое-либо животное и не есть ни мяса, ни молока, ни растений, ни рыбы, ничего не делать без молитвы, не путешествовать, не спать, не есть без спутника. А если попаду в руки неприятеля, то непременно в продолжение трех дней воздерживаться от пищи и никакими угрозами не отрекаться от своей веры». Он заканчивал призывом: «благословите меня», и все собрание вместе с ним падало на колени. Тогда приближался священник, давал испытываемому целовать еретическое Евангелие возлагал на него руки, потом подходили другие «совершенные» и также возлагали на принимаемого руки, один на голову, другой на плечи. Все собрание восклицало: «Славим Отца, Сына и Св. Духа», после чего священник просил Бога, чтобы Дух (параклет) низшел на неофита. Следом за тем все собрание читало молитву Господню. Служба подходила к концу, священник прочитывал первые семнадцать глав из любимого сектантами апокрифического евангелия от Иоанна. «Утешенному» в память о столь знаменательном для него событии давали шерстяную или льняную нитку, которой он должен был перепоясываться. Прежде чем разойтись, все священники обнимали новообращенного и давали ему два поцелуя мира, он, в свою очередь, целовал одного из стоявших около него «совершенных», а тот передавал лобызание всем присутствующим. Если же обряд совершался над женщинами, то священники ограничивались прикосновением к плечу Библией, и таким же образом посвященная передавала поцелуй своему соседу. После поздравлений собрание, полное радости, расходилось. Посвященный, едва выдержав предварительный трехдневный пост, обрекался на новый, уже сорокадневный, весьма тяжкий — только хлебом и водой.

Если *consolamentum* следовало дать больному или умирающему, то блеск торжества значительно уменьшали. Священник с немногими спутниками входил в комнату больного. Требовалось, чтобы обращаемый был в памяти и мог читать должные молитвы, редкие исключения делались разве для раненых, сражавшихся за веру и дело альбигойцев с католиками. Обыкновенно при входе «добых людей» все присутствующие падали ниц и получали благословение, священники спрашивали больного, хочет ли он служить Богу и Его Евангелию. Тогда на грудь ольного клали белый покров, два «совершенных» становились в изголовии и в ногах; один клал правую руку на голову больного, не касаясь, однако, ее, если то была женщина, в левой же держал Евангелие и читал начало Евангелия от Иоанна. Заканчивался обряд призыванием Святого и молитвой Господней, после которых следовали те же лобызания.

На степень простого обряда низводилось у альбигойцев таинство Причастия. Это было просто-напросто благословение хлеба. Один из старших летами принимал на себя исполнение этого обряда, по примеру вечери первых христиан преломив хлеб. Сопровождая это обыкновенной застольной молитвой и благословением, он произносил, разделяя и раздавая куски: «Благодать Господа нашего да будет всегда между вами». Целью этого обряда было не воспоминание о смерти Христа, а подчеркивание братского общения между членами альбигойской Церкви. Наконец, этот хлеб не предназначался для исключительных целей, как в Церкви христианской, это скорее был освященный хлеб, его ели во всякое время и постоянно.

Один документ свидетельствует, что освященный хлеб заготавливался в огромном количестве для дальнейшего употребления (111). Там, где еретиков сильно преследовали и где открытое совершение обряда было немислимо, такими хлебами дорожили и вкушали его лишь в торжественных случаях. Надежные лица тайно разносили его по городам и деревням, там он был символом единения и надежд всех рассеянных и гонимых.

Католики, зная об этих встречах, верили молве, что еретики едят пасху, приготовленную из пепла православных детей, которых будто бы они ловили и жгли. Вино на вечерах альбигойцы не пили, отвергая необходимость его не потому, что они, подобно манихеям, восставали против напитков вообще, а на том основании, что Христос и прямо, и аллегорически говорит только о хлебе: «Я семь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Евангелие от Иоанна, VI, 35).

Отрицая всякое таинство в обряде благословения, еретики, конечно в силу своей догматики, должны были восстать против торжественного вкушения хлеба верующими, так как в их глазах тело не имело никакого значения, а тем более тело Спасителя, считавшееся только призрачным. Привычка во всем искать аллегорический смысл и своеобразная манера пользоваться Евангелием привели их к такому пониманию этого обряда.

Правда, Христос сказал: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни; Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Евангелие от Иоанна, VI, 53), но он там же прибавил: «Дух животворит, плоть не пользует нимало» и, наконец, ясно заключил: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Евангелие от Иоанна, VI, 63).

Альбигойцы рассуждали: потому не может быть сомнения после таких слов самого Спасителя, что дело не в теле, а в словах Его, в Его учении. Вкушать хлеб — значит вразумляться высокими, божественными наставлениями, изложенными через ангела Иисуса. Тело Христово, чуждое материи, никогда не бывало и быть не может в руках священника, ибо это есть Церковь Божия. «Да и как хлеб и вино, эти произведения демона, могут обратиться в плоть и кровь небесного архангела, одного из ангелов?» Если Христос говорил когда-то: «Сие есть тело мое», то это относится к хлебу, который олицетворял как бы Его плоть, но никакого фактического смысла слова эти иметь не могут. Наименование простого хлеба телом Христовым, продолжали еретики, продажа его, самая обедня — все это дерзкая выдумка попов. «Да и каких невероятных размеров должно быть это тело, насытившее и насыщавшее столько миллионов людей? Скалы Эренбрейтштейна, самые Альпы ничто в сравнении с ним», — говорили еретики Бонна и Лангедока (112).

Для принятия святого хлеба вовсе не требовалось предварительного очищения от грехов посредством покаяния, хотя обряд этот признавался необходимым в альбигойской Церкви. На исповедь катары смотрели с точки зрения так называемой евангелической Церкви. Обыкновенно кто-нибудь один от имени всех перечислял грехи перед собранием «совершенных», особенные преступления высказывались наедине старейшему. Эти многочленные собрания происходили по обыкновению раз в месяц. Желавший исповедоваться обыкновенно говорил, стоя на коленях: «Я пришел, чтобы здесь перед вами, как бы вперед лицом Божиим, исповедать все грехи, одолевавшие меня, и все зло присущее мне, дабы через ваше посредство получить прощение от Бога». Тогда священник клал Новый Завет на голову кающегося, другие «совершенные» подавали ему правую руку и, при пении молитвы Господней, даровали ему прощение и разрешение от грехов. За некоторые тяжкие грехи, по католическому придеру, следовали церковные наказания, епитимьи. Обряд исповеди назывался службой («appareillementum»), так как при посредстве его жизнь катара направлялась по прежнему пути.

Таким образом, не став религией вполне самостоятельной и в то же время слишком отделившись от католицизма, чтобы вступить на путь примирения, альбигойство заключало в себе вместе с догматикой полухристианскую, полулиберальную обрядность, заимствованную во

многом из культа, столь ей враждебного. Катары не отказывались от христианских праздников: Рождества, Пасхи и Троицы, но не праздновали еженедельные воскресенья.

В великие праздники говорились особенно торжественные проповеди, и те еретики, которые не могли почему-либо присутствовать на этих собраниях, отмечали празднество дома вкушением освященного хлеба. Конечно, еретическая догматика придавала совсем иной смысл празднествам христианским. Рождество означало Пришествие Христа в царство зла; Пасха — победу Христа над Сатаной; день Троицы служил воспоминанием об основании Церкви катаров, о нисхождении Святого Духа на «совершенных», духовном соединении с «утешителем».

Приготовление к этим празднествам сопровождалось десятидневными постами; первый начинался 23 ноября и продолжался до Рождества; второй — неделей позже христианского и заканчивался вместе с ним; летний пост — с Троицы до Петрова дня. Последняя неделя каждого поста называлась священной и сопровождалась особенно изнурительным воздержанием. Об особом осеннем празднике еретиков ходили мрачные слухи; он назывался *Malilosa* — слово непонятное и до сих пор не разъясненное. Некоторые приписывали ему манихейское происхождение.

Из христианской иерархии еретики взяли только два чина — архиерея и священника, или диакона (113). Обязанности и пределы епископской власти были те же, как и в христианской Церкви. Епископ был и более почетным лицом и имел предпочтительное право в присутствии диаконов (соответствовавших христианским священникам, пресвитерам) на проповедь, *consolamentum*, *appareillamentum*, приготовление хлеба, раздачу благословений. Они посвящали в диаконы, только им принадлежала власть прощать так называемые смертные грехи. При каждом из них было два наперсника из диаконов, старший сын и младший сын, непременная обязанность которых состояла в посещении как «совершенных», так и верующих, принадлежащих дистрикту и ведомству епископа.

Диаконы делились на диаконов и иподиаконов. Они рассылались по тем местам, где не было епископов. По степени они стояли ниже наперсников епископских, старший из которых всегда сменял епископа после его смерти, а младший занимал место старшего, которого посвящали в епископы тем, что клали на его голову Новый Завет, а над книгой кто-либо простирали руки.

Впоследствии, с начала XII столетия, вошло в обычай, чтобы епископ сам указывал себе преемника, который еще при его жизни считался облеченным властью. При этом встречаемся с обычаем, подобный которому повторился в «кораблях» русской секты людей Божьих (114). Будущий епископ готовился с детства к своему званию, хотя и не отличался своим рождением, как бывало у молокан. С самого рождения его отнимали от груди матери, его редко поили молоком животных, предпочитая миндальное. Впоследствии ему ничего не давали, кроме рыбы и растительной пищи. Таким образом его сберегали вдали от мира и мирских наслаждений до совершеннолетнего возраста, когда его посвящали возложением рук.

Такой епископ отличался достоинствами епископского сана. Случалось иногда, что община посылала его в один из университетов, где он, знакомясь с силами и наукой враждебной Церкви, приобретал против нее оружие. Количество епископов-еретиков равнялось количеству католических епископов. В Лангедоке и Ломбардии получилось так, что всякий округ имел двух епископов. С течением времени диаконы исчезли и были заменены старшинами из числа «утешенных» (*anciens* во Франции, *anciani* в Италии); они имели ту же обязанность и стали последними, кто отстаивал альбигойскую Церковь.

Самый темный вопрос в истории катаров — это вопрос о верховенстве папы. Некоторые католические источники, такие как Экберт и Стефан Бурбонский, ошибочно приписывают альбигойцам церковную организацию манихеев, с их папой, двенадцатью апостолами и семидесятью двумя учениками (115), что приносит мало чести наблюдательности этих авторов. Другие, с большим авторитетом, приписывают еще с XII столетия верховенство одному лицу, называя его то папой, то апостолом (116). Мы знаем, что такой папа заседал в соборе под Тулузой, он ярибыл из Болгарии и принадлежал к дуалистам умеренного толка. Об этом в своем донесении писал в Рим легат Гонория III. Во всяком случае, это было авторитетное лицо в богомильской Церкви, хотя и не имевшее юридических прав. Но то, что в самом Лангедоке не существовало старшего между еретическими епископами, доказывается отсутствием подобного рода известий в главных источниках для изучения ереси катаров. Ни Райнер, ни Монета, ни акты инквизиции не говорят ничего, что дало бы основание заключить о централизации альбигойской Церкви. Ее епископы были соединены между собой узами братства и взаиморасположения, ее соборы собирались вполне самостоятельно, в альбигойстве было столько элементов, опиравшихся на

одни рациональные теории, что необходимость в единой связывающей и правящей власти отсутствовала.

При обзоре предварительных элементов альбигойского дуализма мы встречали частые указания на особый характер ночных собраний, который, по словам некоторых источников, был близок многим прежним сектам, как, например, манихейству, присциллианству и другим. Невозможно принимать на веру свидетельства, всегда исходящие из уст крайне враждебных альбигойству, из уст, не чуждых той клевете, жертвой которой были, между прочим, и христиане первых веков. То же самое повторилось и с альбигойцами. Их тайные оргии словно списаны с присциллиан, и если мы приводим здесь те слухи, которые вызывали они между современниками, то лишь с целью показать непрерывность дуалистических традиций, продолжающихся отчасти в некоторых беспоповских русских сектах, и вместе с тем древность альбигойского вероисповедания.

На своих ночных собраниях еретики якобы вызывали дьявола, который и являлся им преимущественно в виде животного. Тогда, перечислив каждого демона поименно, они начинали петь гимны в их честь. Очевидно, источник этих предположений лежит в веровании альбигойцев в демона как второго начала. Между прочими бытовали слухи, что они лобызали кошек, жаб и других животных, что, погасив свечи, они предавались свальному греху, где побуждения плоти якобы не удерживались никакими пределами: попадалась ли мать, сестра, монахиня, говорит один памятник, пощадить никому не было. Детей, здесь зачатых, через шесть дней после рождения сжигали, и пепел их служил вместо христианского Причастия. Если, говорит другой документ, еретики осуждали законный брак, то позволяли иной, предписывая соблюдение его по неистовым правилам секты. За кровосмешение с матерью полагалось восемнадцать денариев: шесть за то, что зачала, шесть за то, что выносила, и шесть за то, что выкормила младенца. За преступление с сестрой платилось шесть денариев, вместе с матерью — девять денариев.

Обо всех этих сказках ни слова не говорят писатели достоверные и непосредственные источники. Допросы тоже не подтвердили этого ни в Италии, ни во Франции (117). Дело в том, что католиков смущала чистота жизни альбигойцев, и, завидуя, они обвиняли их в тщеславии и притворстве: чисты-де они были днем, ночью же выказывали всю свою необузданность. Но, повторяем, вся эта клевета — вымыслы мелких памфлетистов, неспособных стать на более высокую позицию и рабски следовавших за невежественной толпой. Образованные католики, враги их веры, отдают должное чистоте, патриархальности и легальности их нравов, столь противоположных с нравственным обликом тогдашних католических прелатов, которые, по словам одного стихотворного памятника, «прямо говорят, криво идут, обманывая простотой и благочестием имени, которое носят» (118).

Печаль всегда рисовалась на бледных, истомленных воздержанием и омраченных суровой думой лицах катаров, как замечал еще святой Бернар (119). Они ничего не начинали без молитвы, без благословения Божия; и в отдыхе и в болезни они мечтали о небе; между ними не было ни слишком высоких, ни слишком малых; великий Бог, перед взором которого все умирало, уравнивал всех между собою. Ровный, тихий голос, скромная походка, смиренный вид, поникший взор были признаками катара.

«Облик патарена печален, голос наполнен слезами», — справедливо характеризовали итальянских сектантов. По самому духу своего учения еретики (подразумеваются «верные», то есть те, кто не посвятил себя исключительно духовным делам) призваны были к труду и деятельности. Работа была единственным источником, который мог дать альбигойцу средства к существованию и одновременно содействовать успеху учения секты. Оттого они блюли свое хозяйство и, ведя умеренную жизнь, были часто упрекаемы в скупости, в жадности к прибыли. Оправданием им может быть то, что, подобно евреям, они должны были заботиться о будущем, должны были ожидать, не обеспеченные в настоящем, ежедневного грабежа своих мужеств, даже изгнания в чужие края. Тысячи мелких оскорблений могли смягчаться разве что деньгами. Экономическое развитие Лангедока многим обязано характеру его обитателей вообще, но еще более характеру и личным свойствам последователей альбигойских сект. «Верные» должны были усиленно трудиться еще и потому, что в их обязанности входило содержание «совершенных», духовенства, больных и бедных братьев. Их пожертвования, а также и деньги на требы собирались в особую казну, которая была на попечении архиерея, в опасное время ее прятали в погреба в лесах, зарывали в землю и употребляли на общественные нужды.

Еретики — это сброд бедняков, тунеядцев, невежд, глупцов, — говорили монахи-хроникеры и восклицал святой Бернар. После всего сказанного очевидно, насколько это несправедливо.

Создать стройную философскую систему, бороться с учеными богословами — дело ума далеко не невежественного. Полемисты сознавались, что противники их весьма искусны в знании святого Писания. Множество «совершенных» получило образование на скамьях Парижского и Болонского университетов. Церковь католическая не страшилась бы безграмотных невежд. Вернее было сказать, что еретики были интеллигенцией Юга. Все, чему мы были свидетелями в первой главе, являлось отражением религиозного свободомыслия.

Альбигойцев упрекали также в лицемерии. Святой Бернар, немец Экберт, испанец Лука говорят, что «верные» альбигойцы продолжали для вида посещать католические храмы, что они подходили к причастию, но бросали незаметно облатки в угол или прятали в молитвенник. В этом же обвиняли их манихейских и присциллианских предшественников. Не стоит думать, что к такой мере они должны были прибегать постоянно даже в дни, счастливые для своей веры, но, с другой стороны, нельзя отрицать, что необходимость в первое время часто ставила их в такое положение. Во всяком случае твердая энергия и неустрашимость — черта не тех, кто умеет лишь лицемерить, скрывая свои убеждения, а свидетельством тому, что еретики не только лицемерили, служит сама история или, лучше, способ распространения альбигойства.

Искусство и умение еретиков пропагандировать свое учение, их изворотливость, разнообразие средств, к которым они прибегали, — все это заслуживает особенного внимания. Вот какой-нибудь «верный», сопутствуемый искушенным в назиданиях духовным лицом или «совершенным», минуя замок, пробирается по живописной лангедокской деревне, населенной католиками. Время идет к ночи. У верного здесь есть знакомые, здесь его всегда считали за католика. Страннику охотно отворяют ворота. Завязывается тихий разговор, который незаметно, мало-помалу переходит к вопросам веры и необходимости спасения. Благоговейным тоном верный начинает говорить, как трудно достигнуть этого спасения. В разговор вмешивается старец, его незнакомый спутник, скорбный и крепкий вид которого внушают уважение и невольно располагают к себе. Он ведет красивую речь о Боге и Евангелии, говорит так набожно, так красноречиво, что назавтра хозяева не отпускают гостей и соседи, наслышавшись о старце, приходят послушать его. Он задерживается в деревне. Из его уст так убедительны уверения о зле, заразившем нынешних пастырей, о порче, которую они внесли в христианское учение, что остается только отступить перед доводами, преисполненными текстов Писания на родном языке, притом истолкованных так ясно. Тогда он начинает называть свое дуалистическое учение истинным учением евангельским, пока скрывая демоническое основание его. Убежденные искренностью гостя, евангельской простотой слова, слушатели просят проповедника продолжать. А между тем его товарищ начинает, со своей стороны, внушать хозяину необходимость спасения и соединения с Богом.

— Как достигнуть того?

— Если захочешь, то очень просто. Ты знаешь, какие преследования и мучения терпел Христос за нас, следовательно, если мы хотим достигнуть спасения, то должны брать пример с тех, которых гонят за него и казнят вслед за ним.

Собеседник хочет посмотреть этих подвижников. Его приводят в собрание «добрых людей», он все чаще посещает эти вечера, слушает «мудрые речи» и увлекается ими. Прежде всего ему открываются истины житейской мудрости, внушается презрение и ненависть к католическому духовенству и «идолопоклонству, которое оно ввело». Истинной Церковью, ведущей к блаженной кончине, окажется только одно альбигойское общество, пропаганда которого незаметно проникала всюду, пользуясь всеми обстоятельствами, часто прибегая к хитрости, не пренебрегая никакими средствами.

Лишь только становилось известным, что на собрании присутствуют посторонние, то двое еретиков, притворившись, вступали в богословский спор, один из них играл роль католика. «Католик», конечно, оказывался побежденным, чем готовил в слушателях будущих прозелитов. Еретики принимали все меры к распространению своих сочинений. Часто находили поучения их проповедников, катехизисы, памфлеты прибитыми на перекрестках, на мостах, у перевозов. На улицах дети католиков распевали гимны, сочиненные в альбигойском духе, изложенные красивыми, легко запоминающимися стихами.

Еретики знали, как и на кого действовать в целях вернейшего успеха. Очевидный пример строгой жизни, которую можно было разве что оклеветать, но не опорочить, безошибочно действовал на людей мыслящих, предпочитавших духовное совершенство земным благам. Бедным вилвланам же они напоминали, что по завету Спасителя не должно быть богатых и бедных, что в апостольской Церкви не было разницы в имуществе, ибо все было общим, все сносили к ногам

апостолов (Деяния Апостолов, IV, 32, 34—35). «Если ты хочешь избавиться от твоего несчастного положения, — говорил альбигойский диакон бедняку, — приди к нам, мы берем на себя заботу о твоём благосостоянии, и больше не придется бороться с судьбой, ты должен будешь только почитать и слушать твоих наставников и уважать верных. Богатства земные в этом веке и вечная жизнь в будущем станут твоей наградой» (120).

Дар убеждения был в высшей степени присущ проповедникам альбигойства, самые стойкие и неподатливые католики опасались за себя. Один немецкий монах сказал, что он согласился бы лучше пробыть целый год между пятьюстами чертей, нежели четырнадцать дней в доме, где есть хотя бы один альбигоец. В иных местах секта принимала наступательный образ действий, так, в немецких городах на улицах распевались песни, полные кощунственного издевательства над христианской догматикой; о католических святых публично рассказывались самые скандальные анекдоты; служители господствующей Церкви во всеуслышание подвергались язвительной сатире.

В Германии доминиканцы опасались встречаться на улицах с еретиками, которые вообще редко выходили из дома без оружия. Напротив, еретики Лангедока и Италии отличались смирением, может быть потому, что тут они видели за собой целые массы и могли действовать на остальных кротостью и спокойным сознанием своей силы. Многих они увлекли своей геройской твердостью перед лицом инквизиторов, равнодушием к страшным пыткам, пафосом мученичества, жаждой умереть за свои религиозные убеждения. На допросах они говорили: «Мы переносим много трудов, много бед в нашей судьбе. Вся жизнь наша — это суровое покаяние. Друзья Бога преследуются Римской Церковью. Но путь в рай нелегок, он достигается ценой отречения от плоти и крови».

И самые заклятые католики не могли сказать, чтобы это были одни слова. Католическая Церковь причислила некоторых катаров, таких как итальянца Арmano Пунджилово, к лику святых (121).

Вот те данные, которые сохранились в источниках об альбигойских дуалистах и которые мы, по возможности сжато, изложили. Жизнь, нравы этих еретиков вызывают симпатию; борьба, которую они вели, заслуживает полного сочувствия. Но несомненно, что основание системы, предложенной ими, вносило в христианскую сферу философию далекого Востока, уже прожившего отмеренное ему историей время. Грустный взгляд на мир во многом преграждал прогресс и развитие учения. Делая помыслы односторонними, он отвлекал их от земли и, требуя идеального совершенства, хотел того, что возможно только для избранных натур.

Альбигойство нападало на христианство, которое между тем, допуская бесконечную надежду на Бога, вносило уже одним этим примирение с жизнью. Мы еще будем иметь случай поговорить об историческом значении и заслугах этого верования, а теперь обратимся к другому направлению, которое, не будучи связано с отдаленной древностью, возникло само по себе из критического взгляда на католичество.

Если дуализм протягивал руку Зороастру и персидским магам, считая своим непосредственным творцом Мани, а организаторами славянских попов Болгарии, пробуждал фантазию вместо мысли, то рационализм, возникший как законный протест против всякого извращения религии и руководимый реформаторами и подвижниками XII столетия, оставил глубокий след во всей новой истории человечества.

Будто бы для того, чтобы сокрушить католицизм, оба враждебных меча были направлены на него в одно время на одной и той же почве.

Современники, как мы указывали, не всегда отличали лодно направление от другого, смешивая их под именем альбигойских ересей и чаще приписывая катарам черты, принадлежавшие собственно рационалистам вроде вальденсов, а иногда даже прямо называя их вальденсами. Такая ошибка встречается даже у авторитетных специалистов, у церковных историков, у многих старых, новых и современных писателей французских, немецких, английских (122). Такая же огромная ошибка, между прочим, присутствует во всех русских исторических учебниках, что в особенности заслуживает внимания, ибо является совершенным извращением истины в элементарном факте большой важности именно для славянского племени, заявившего в альбигойском вопросе некоторое влияние на историю Запада.

Именем «альбигойцы», правда, довольно часто обозначаются и в исследованиях и пособиях собственно дуалисты, но тот же смысл, в котором мы употребляем это имя, то есть как общий объединяющий термин для оппозиции средневековому Риму в Лангедоке, встречается и в Главнейших источниках, современных альбигойским походам.

Изложение Петра Сернейского показывает, что дуалистов было большинство во всей области романского языка и большинство столь значительное, что для него альбигойцы не кто иные, как дуалисты, что видно из его второй главы. Но все манускрипты его сочинения озаглавливают главу: «О различных еретических сектах», хотя автор зывает таковые то альбигойцами, то провансальскими еретиками, включая в них и рационалистов. В шестой главе он описывает диспут с вальденсами и замечает, что одна из сестер графа де Фуа держится этого исповедания. В девятнадцатой главе, рассказывая о разграблении Монфором владений Ратьера Кастельно, Петр имеет случай заметить, что крестоносцы повесили семерых вальденсов, так как последователи рационалистов находились в одном лагере с катарами (123).

Подобный же факт встречается и в латинской летописи 1214 года «О славных подвигах французов», об истреблении еретиков. Гильом из Пюи-Лорана, перечисляя еретиков Альби, говорит, что между ними были «одни ариане, другие манихеи, иные же вальденсы или лионцы» (124), хотя следующая, фраза «и, конечно, иные вальденсы против других ожесточенно диспутируют» заставляет подозревать, что автор не умел отличить их от дуалистов. Неизвестный провансальский поэт, так хорошо описавший Юг во время крестовой войны, рассказывает, что на латеранском соборе прелаты, защищая Монфора, говорили, что он изгнал из Каркассона еретиков (катаров), бродяг, разбойников и вальденсов (125).

В свою очередь, и религию вальденсов было бы ошибочно принимать за целостную и самостоятельную. Она также является общим термином для многих сект рационалистического или реформатского направления. В противоположность дуалистической Церкви, начало которой исчезает в древности, каждая из сект реформатских имела своего основателя, давшего ей догмат, практический и моральный кодекс.

Реформаторы XII столетия

Петр де Брюи, как он назван по месту рождения, был одним из числа ересиархов. Свою проповедническую деятельность он начал примерно в 1105 году. Он принадлежал к духовному сословию, и им руководило искреннее убеждение в необходимости церковной реформы. В Гиенни и Лангедоке его учение быстро достигло успеха. Он действовал и поучал одновременно с известным нам Танхелином, с которым был дружен некоторое время, пока в лице своего ученика Генриха не нашел себе верного продолжателя. Жестоко гонимый, Петр де Брюи был схвачен и сожжен в 1125 году в том самом Сен-Жилле, где позже наказывали Раймонда VI (126). Тогда его заменил Генрих, получив в свое попечение большое пространство, охватывавшее всю южную Францию.

Учение Петра де Брюи изложено в пяти пунктах одним из католических историков, аббатом Петром Достопочтенным (127). В первом пункте запрещается крестить младенцев, как еще не понимающих значения этого таинства. А если крещение, совершенное в детстве, недействительно, то не только прежнее человечество, но самые Отцы Церкви, мученики, тем более все папы, епископы и прочие должны быть осуждены как не христиане. Во втором пункте запрещается постройка храмов, ибо Церковь Христова складывается не из стен, не из камней, а из единения верующих, и притом единения духовного. Можно столь же удобно молиться в таверне — как в Церкви, на площади — как в храме, перед алтарем — как перед стойлом, и всегда быть услышанным Богом. В третьем пункте утверждается, что кресты должны быть сломаны и сожжены, как орудие, на котором так мученически пострадал и так жестоко был умерщвлен Спаситель. Никакого почитания или, что ужаснее, поклонения им не должно быть оказываемо, а, напротив, позор, меч и огонь надобно воздвигнуть на них. То же самое утверждали и катары.

Упомянутый противник ересиарха, имеющий обыкновение текстами возражать против положений Петра де Брюи, восклицает по поводу этого столь одностороннего взгляда: «Если уничтожить крест, то не уничтожится ли тем имя распятого и где останется память о крестных страданиях?» Но как бы в ответ на это еретики, назвавшиеся петробрусианцами, после казни своего учителя публично сожгли огромное количество крестов. Доводам о чудесах, творимых крестом, они также не могли поверить, потому что были столь же непримиримыми противниками чудотворства.

В четвертом пункте учения Петра де Брюи утверждалось, что хлеб и вино в тело и кровь Христовы ни силою божественной, ни заслугами священников не претворяются и потому все, что при совершении этого таинства делается в алтаре, излишне и бесполезно; так отвергалось все таинство Причастия.

Наконец, в пятом положении брюиский реформатор смеивает все остальные таинства, отрицает необходимость молитвы, милостыню и все то, что делается живыми, чтобы спасти мертвых. Все это ни малейшим образом не может быть полезно мертвым; ни умалить, ни уменьшить их наказание оно не может, ибо душа заранее предназначена к осуждению или к вечной жизни.

Еще больше сходства с позднейшим кальвинизмом представляла антипатия еретиков ко всякому церковному убранству, к украшениям, музыке, католическим органам, даже гимнам и молитвам, хотя бы обращенным к Богу; их собственные молитвы не допускали мелодики. Петробрусианцы, подобно катарам, принимали непреложным только Евангелие, но Ветхий Завет, равно как деяния и послания Павла, отрицали — либо потому, что считали излишними, либо подозревали его недостоверность.

Полная независимость Петра де Брюи от тенденций дуализма, совершенная самостоятельность его учения во многом опередили великих реформаторов XVI века. Это подтверждается еще и тем, что в противоположность катарам он отрицал необходимость плотского воздержания, признавал брак, последователи этого учения всегда ели мясо и не имели понятия о католических постах.

Отрицание Петром де Брюи Крещения и Ветхого Завета вызывалось совсем иными побуждениями, чем у дуалистов, и потому нет необходимости видеть в брюиском реформаторе посредника между манихейством и евангелизмом. Это было бы возможно сказать про Танхелина, Бона-корсо, Стеллу. Несомненно, что Петр де Брюи и его ученики подготавливали почву для альбигойцев, но общее значение и смысл его проповеди в истории человечества пока оценены мало. Он стоит в ней особняком, и в отдаленное время, на иной почве этот уроженец Юга блистательно формулирует те идеи, перед которыми через четыре столетия склонилась половина германской расы и могучую силу которых признал весь цивилизованный мир. Он же первый пострадал на костре за свои религиозные убеждения. Учение его приобрело большое количество последователей и вдобавок нашло нового вожда, который, идя по следам великого учителя, придавал его идеям стройность и привлекательность.

Откуда был родом этот человек, по настоящее время не определено. Он назывался Генрихом и действовал еще при жизни Петра. Когда он появился в Лозанне, его принимали то за швейцарца, то за итальянца. Прежде он жил в клюнийском монастыре, где отличался воздержанием и достиг звания диакона. Очень скоро заговорили об его благочестии, больших дарованиях, даре пророчества и чудотворстве. В черной рясе, истомленный бдением, с длинной бородой, с крестом в руке, всегда поучающий, он уподоблялся апостолам. Слухи о нем через учеников дошли до жителей Манса. Они просили у своего епископа разрешить Генриху проповедовать в городе. В 1116 году Генрих прибыл в Манс и, восторженно принятый, первой же проповедью произвел фурор. Клирики сидели у ног его, толпы народа теснились вокруг кафедры. Пылкая речь очаровывала слушателей. Проповедник столь ярко говорил о порче и фарисействе духовенства, что народ тут же кинулся на присутствовавших священников, которые, избитые, едва спаслись бегством.

Городские клирики и власти обратились за помощью к епископу, которого до этого в городе уважали. Однако при его торжественном въезде в город, когда епископ расточал свои благословения направо и налево, в народе говорили: «Не надо нам твоих благословений, святы и благословляй эту грязь. У нас есть свой отец епископ, заступник, который не тебе чета, а ведет святую жизнь и знает больше тебя. Твои попы его оклеветали, потому что он обнажил их ересь, их разврат» — и так далее в том же роде. Как ни снисходительно выслушивал добрый епископ этот ропот, однако не преминул лично навестить Генриха и переговорить с ним. Результатом было удаление Генриха из города — по словам епископа, он оказался недостаточно сведущим в богословии и предметах духовных, чтобы поучать паству. Хотя позже духовенство и сумело унять народ, память о Генрихе еще долго продолжала жить среди обитателей Манса.

Генрих между тем отправился искать себе другое убежище. Через Пуатье и Бордо он прибыл в Лангедок. В нарбоннской епархии он встретился с Петром де Брюи. Как выяснилось, их убеждения сходились и цели были одинаковы. Генрих объявил себя учеником и апостолом Петра. Когда его наставник был сожжен, Генрих вернулся в Гасконь, здесь его в 1134 году схватил епископ арльский. Ересiarх был отвезен в Италию и представлен пред папой Иннокентием II на пизанском соборе. Его учение было осуждено, но поступили с ним снисходительно, хотя аббат Бернар сильно ратовал против еретиков. Именно его присмотру и исправлению был поручен Генрих.

Бежал ли ересиарх из заключения или был освобожден, только он внезапно опять появился в Лангедоке и снова начались его блистательные проповеди; особенно сильно было его влияние в Тулузе. Граф тулузский Альфонс открыто объявил себя на стороне Генриха. Понятно, что Риму «некогда было разбирать содержание учения новатора. Знали, что в Тулузе много тех самых еретиков, которыми славятся города Альбжуа, и Генриха причислили к тем же альбигойцам, к тем же манихеям. Знаменитый город открыто объявил себя за ересь, в Риме всполошились. Легат Евгения III, кардинал остийский Альберик в сопровождении нескольких епископов прибыл на Юг. На помощь призвали и красноречие святого Бернара.

Отправившись в Тулузу, Бернар в дороге послал письмо графу Альфонсу, в котором позволил фанатизму увлечь ребя до извращения истины.

«Неужели неизвестно тебе, государь, — пишет аббат, — сколь великие раздоры причинил еретик Генрих святой Церкви! В твоих владениях этот хищный волк принимает вид смиренного агнца, но попытайся узнать его по последствиям, какие производит его проповедь. Ни души не видно более в храмах Лангедока; духовные власти не уважаются; над святыми Таинствами кощунствуют; умирают без покаяния; детей не крестят. Может ли, после всего этого, причиной столь великого зла быть Божий человек? Без сомнения нет, а между тем этого человека слушают. Этот лживый «доктор» успел уверить, что отцы наши обманывались, что мы заблуждаемся, что смертью Иисуса не искупляется смерть христиан и что спасется только тот, кто последует новому учению. Вот почему я решился предпринять странствие, несмотря на великие немощи мои. Я отправлюсь в страну, где чудовище это произвело более всего опустошений и где никто не смел воспротивиться ему. Хотя его нечестие достаточно известно во множестве городов королевства, однако он находит у тебя пристанище и под кровом благорасположения твоего безбоязненно опустошает стадо Христово. Не удивляюсь однако, да и удивляться нечему, что сей змий обманул тебя, ибо он имеет облик добродетели. Познай же его! Это — отступник, избегающий власти начальников того ордена, к которому он принадлежит. Некогда он просил подавание, после же стал проповедовать, дабы тем снискать себе пропитание. Все, что оставалось у него за издержками на необходимое, он или проигрывал или употреблял на самые преступные удовольствия — в продолжение дня упиваясь восторгами слушателей, он проводил ночи у развратниц. Осведомись, государь, о причинах, которые побудили еретика оставить Пуатье и Бордо, и тогда ты узнаешь: потому он не смеет вернуться туда, что оставил там самые постыдные следы своего разврата. Ты надеялся, государь, что такое древо даст тебе добрый плод, а из него не вышло ничего, кроме порчи, способной погубить твои начинания. И если я отправляюсь в Тулузу, то не по собственному желанию, а вследствие повелений Церкви, возложивших на меня долг исторгнуть плевелы, павшие на ниву Господню, — если только на то есть надежда. Но не я, недостойный, исторгну их; я сам по себе ничто. То сделают прелаты, которых я имею назначение сопровождать и между которыми значительнейший — кардинал легат Альберик, епископ Ос-тии».

В сущности, последние слова были излишней скромностью. Рим надеялся именно на проповедь Бернара. И знаменитый аббат с блеском оправдал эти ожидания. По свидетельству католических летописей на граждан Тулузы слово Бернара оказало огромное влияние. Мужчины и женщины плакали в церкви и публично каялись. Странствие Бернара по земле Лангедока уподоблялось победному шествию триумфатора. Бернар писал, что в Тулузе нет больше еретиков (128), а между тем их оставалось слишком много. Но вследствие мер, принятых римской курией и местным епископом, Генрих был снова схвачен и на соборе в Реймсе в 1148 году осужден на пожизненное заточение. Вскоре после этого он умер.

Своим примером и деятельностью Генрих, естественно, должен был увеличить число последователей евангелического учения. Сила оказанного им влияния обнаруживается в том взгляде, который имели на него католические историки Церкви. Петробрусианцев называли также ген-рисианами. В Генрихе совмещали все еретические учения. Из него выводили всякое зло, всякую оппозицию католицизму. В сущности это далеко не справедливо. Если, например, система Арнольда Брешианского возникла под влиянием лангедокского реформатора^{*1}, то подобного нельзя сказать о различных ересьях того же Лангедока. Догматика Генриха была той же, за которую пострадал Петр де Брюи; он только обогатил и уяснил ее проповедью, но не внес новых оснований. Доказательством того служит молчание памятников. В них какое-то смутное, хотя и сильное, впечатление оставляет личность Генриха; но они не знают, в чем, собственно,

^{*1} Арнольд Брешианский, казненный папой в 1155 году, критиковал стяжательство церкви, проповедовал евангельскую бедность, расходился с традиционными трактовками причастия и крещения.

заключается ересь знаменитого проповедника, хотя подробно передают все мелкие случаи его жизни, особенно указывая на дружественные отношения с Петром де Брюи и на сходство учений того и другого. На самом деле в Генрихе в совершенстве воплотилась религиозная мысль так называемых вальденсов, названных по имени своего непосредственного учителя, но в сущности наследников Петра и Генриха. Говоря о догматике вальденсов, мы должны помнить об учении их отдаленных предшественников.

Когда явился Петр Вальдо, бедняк Лионский^{*2}, память о Генрихе уже начинала исчезать, о нем знали только по славному преданию. Оттого реформу Петра и Генриха связали с именем Вальдо. Это было в конце XII века, на том же Юге, где так развита была ересь катаров, хотя название последних куда больше могло подходить к последователям евангелического учения. Впечатлительную натуру Вальдо увлекала непреклонная верность евангелическому догмату в последователях Генриха. Богатый Лионский негоциант, Вальдо из любви к Богу и ближним распродал и роздал все свое имущество и стал «нищим во Господе».

Фамилия Вальдо встречается издревле, но так как два документа показывают существование имени вальденсов еще появления упомянутого Вальдо, то возможно принять «нение Мютона о том, что благодаря торговым сношениям Петр имел случай заимствовать идеи петробрусианских обитателей долин Пьемонта (именовавшихся Vallenses, Valdenses) (129). Добровольно сделавшись нищим, Петр посвятил себя проповеди Евангелия. Его сильно беспокоила мысль о недоступности святого Писания для верующих.

Провансальский перевод Евангелия ходил по рукам, старательно распространяемый катарами. Пророков и Деяния апостольские Петр Вальдо перевел сам, при помощи католического священника Стефана со многими местами из святых Отцов, дабы убедить, что его учение вовсе не новое, а издревле было принято христианской Церковью. Он начал толковать Евангелие на улицах Лиона, народ осаждал его на площадях. Архиепископ запретил ему проповедь, но Петр лично оправдался перед ним и вернулся в Лион. Папа полагал, что это совершенный глупец, который не может отличить «credere aliquid» от «credere in aliquid»^{*1}. А он между тем продолжает говорить, что в деле религии надо повиноваться одному Богу, а не людям, что Церковь римская отказалась от истинной веры и от учения Христова и стала блудницей вавилонской и той бесплодной смоквой, которую некогда проклял Иисус и повелел уничтожить. Он учил, что не следует повиноваться ни папе, ни епископам, что католические монахи ведут дьявольскую жизнь, что их обеты целомудрия — только предлог позорить юношей, что латинские священники носят на себе все следы зверя, упоминаемого в Апокалипсисе. Он отрицал чистилище, обедню, святых, молитву за усопших, называя все это изобретением сатаны.

Его проповедь наделала в городе много шума. Народ увлекся новой верой, многие перестали посещать Церкви — этих людей охватила жажда узнать истинное Евангелие.

«Большие и малые, — говорится в летописи, — мужчины и женщины дни и ночи стали проводить в том, что учили, учились и учились».

Работник, натрудившись днем до усталости, ночью слушал или читал Евангелие. Другой переплывал в бурю реку, чтобы прочесть приятелю главы Писания. Были и такие, которые знали наизусть многие места из Нового и Ветхого Заветов. Дух искания, появившийся в народе, смутил католические власти. Архиепископ Лионский (Jean de Belles-Maison), видя, что и вельможи и бедняки оставляют католичество, донес Риму. Уже в 1179 году на латеранском соборе Петр был объявлен еретиком, а позже, в Вероне, в 1184 году Луций III предал его анафеме вместе с последователями, коих велел изгнать из лионской епархии.

В 1188 году Вальдо уже не было в Лионе, он ушел во Фландрию. В Пикардии он имел особенный успех, торговцы и богачи шли по его стопам. Филипп Август в одном из своих походов во Фландрию разорил до трехсот еретических семейств. Из Пикардии в 1197 году Петр и его ученики направились в Германию и Богемию; здесь вальденсов прозвали пикардами. Всюду гонимые, преследуемые, ограбленные, они не находили себе приюта, пока не рассеялись в долины Пьемонта, где и прежде было немало последователей Вальда. Здесь они занимали дистрикты собственно Прованса (долины на западных склонах Приморских Альп: Pragela, Meane, Matthias, маркизатство Салуцкое) и Пьемонта (долины на восточных склонах Keiras, Cezane, Freisiniers, Val Louise, Suse и др.), где пережили все другие ереси и даже Реформацию, навсегда

^{*2} Проповедовать Вальдо начал около 1175 года.

^{*1} Этим папой был Александр III.

сохранив свое отдельное существование^{*1}. Дальнейшая участь их вождя осталась неизвестной.

К вальденсам примкнули все секты, исповедовавшие чисто евангелическое учение. Именем Вальдо стали обозначать петробрусианцев, генрисиан, сперонистов, лионцев и прочих. Религия вальденсов всегда была символом протеста против католичества. Благоприятные политические условия страны, в которой они поселились, способствовали сохранению не только чистоты учения, но даже его литературных памятников. Как последние были совершенно затеряны у катаров, так они вполне сохранились в долинах Пьемонта с самого первого появления петробрусианства. Когда во время возобновившихся гонений в XVII веке им стало грозить истребление, самые важные рукописи были переправлены в Англию к Кромвелю, который считался главой и покровителем протестантства («саро е пропетторе», по словам венецианских реляций). С 1658 года они хранятся в библиотеке Кембриджа. Это множество памятников богословского, назидательного, исторического, обрядового и чисто поэтического характера. Часть целиком, частью в извлечениях, они, как и остальные документы, перепечатаны в книгах двух гугенотов Лежера и Перрена. Теперь эти издания довольно редкие, но они имеются в библиотеке Казанского университета (130).

Поэтому, в противоположность катарам, в материалах для всестороннего изучения религии вальденсов нет и никогда не было недостатка. Мы имеем Катехизис, «Книгу добродетелей», заключающую в себе объяснение заповедей; «Сокровище веры» — толкование молитвы Господней; «Духовный альманах» — их нравственный практический кодекс; «Книгу о дисциплине», написанную с той же целью и еще более обстоятельной разработкой; такого же направления дидактико-историческую поэму под заглавием «Благородное поучение» («La Nobla leuson») — замечательнейший памятник между всеми и по полноте изложения правил практической нравственности, и по художественности исполнения; наконец, книгу о Таинствах и множество других.

Вероучение вальденсов

«Исповедание веры» в ранней редакции компактнее всего передает нам ту евангелическую религию, которую исповедывали как ученики Вальдо, так и его предшественники XII столетия. Прежде, полагаем, следует указать на отличие и несходство в учениях катаров и вальденсов. Первые верили в двух богов, доброго и злого; вальденсы признавали только одного, который создал вселенную. Катары отрицали Троицу, а «Благородное поучение» с первых же строк прославляет ее.

В поэме «Вечный Отец» написано: «Ты, единый в трех, напиши на челе моем имя твоей троичности».

Догматика вальденсов в этом вопросе была безусловно католической, даже Духа Святого они считали исходящим от Отца и Сына^{*1}. Троица именуется, говорит их катехизис, вследствие различия лиц, но не в смысле сущности Божества, ибо, будучи в трех лицах, она не перестает быть единым существом. Катары принимали разницу между Духом Святым, Утешителем, Верховным Духом, а вальденсы — нет.

Они отрицали свободную волю, а «Nobla leuson» говорит об Адаме: «Бог предоставил ему на волю поступать хорошо или дурно» (131).

Тем более вальденсы не разделяли учений крайних и умеренных катаров о природе человеческого существа, о небесных и земных телах, о количестве душ и их переселении. У них не было столь сильной антипатии к Ветхому Завету, о котором они отзывались не без сочувствия, они не принимали только те книги Ветхого Завета, достоверность которых была сомнительна даже для господствующей Церкви. Воплощение Спасителя они признавали и формулировали догмат точно так же, как и католики.

Лучше всего уясняется *compendium* их религии из упомянутого «Исповедания веры». Вот содержание этого памятника в дословном переводе: «Мы веруем и твердо уповаем во все то, что содержится в двенадцати членах Символа, называемого апостольским, и считаем за ересь все, что противоречит и что не подходит к этим двенадцати членам. Мы веруем в Бога Отца, Сына и Святого Духа. Мы считаем за святое Писание, за каноническое, книги святой Библии (132). Все

^{*1} Общины вальденсов существовали еще в начале XX столетия.

^{*1} В отличие от православия, отрицающего исхождение Духа от Сына (что является главным догматическим основанием раскола восточной и католической церквей).

вышеперечисленные книги говорят, что Бог всемогущ, премудр, всеблаг, все соделавший своей благостью. Ибо он создал Адама по своему образу и подобию, но завистью дьявола и непослушанием сказанного Адама грех вошел в мир, и мы стали грешниками в Адаме и Адамом. Христос завещал отцам, которые получили закон, чтобы, сознав сердечно свои прегрешения, недостаток истинной правды, свою слабость, они просили бы пришествия Христа. Христос, рожденный во время, указанное Богом Отцом, и увидав, сколько развелось нечестия, низошел на землю, но никак не из-за одних добрых дел людей, ибо все были грешники, а с тем, чтобы оказать нам благость и милосердие. Христос для нас истина, жизнь, правда и мир, пастырь, заступник, жертва и искупитель; он умер за всех верных и воскрес ради нашего оправдания. Потому мы твердо постановляем, что нет другого Посредника и Заступника перед Богом, кроме Иисуса Христа; одна дева Мария была святая, кроткая и полная благодати; а также мы веруем во всех других святых, которых ожидает на небе воскресение их тел перед судом. Также мы верим, что после этой жизни есть только два места— одно для спасенных, которое называем раем, и другое для осужденных, которое именуем адом; совершенно отвергаем мы чистилище, придуманное дьяволом вопреки истине. Также мы не перестанем веровать, что поношением было бы говорить пред Господом о предметах, изобретенных людьми, каковы суть: праздники, вечера святых и вода, называемая благословенной, а также воздержание в известные дни от плотских наслаждений, от мяса и подобных вещей, а особенно об обеднях. Мы презираем предания человеческие, как изобретения антихристовы, возмущающие нас, и как противоречащие свободе духа. Мы верим, что Таинство— это знак, видимая сторона святых дел, и сознаем необходимость время от времени прибегать к этим символам, если то возможно. Однако мы верим, что верующий может спастись и не прибегая к означенным средствам, если, например, для того нет места и не оказалось средств. Мы не знаем другого такого Таинства, кроме Крещения и Евхаристии. Мы должны шочитать светскую власть, подчиняться ей и повиноваться со всей готовностью» (133).

Церковь вальденсов, прозванная «бедняками лионскими», согласно своему исповеданию, отрицала всякие внешние институты. В ней не было ни установившихся обрядов, ни прелатов, ни монахов, ни десятин, ни церковных имений, ни привилегий, брак священников был дозволен.

Священники вальденсов, которых именовали «барбы» («barba»), посвящали всю свою деятельность проповеди. Их объяснения таинств, запрещение крестить детей напоминает подобное же учение русских духоборов^{*1}. Последние имеют столь же близкую связь с евангелической ветвью альбигойцев, как люди Божьи с их дуалистическим крылом.

Практический кодекс нравственной жизни вальденсов и обязанности их духовенства предписываются стихами той же «Nobla leuson»: «Пастыри церковные не должны проклинать и убивать лучших людей и оставлять жить в мире злых и обманщиков, этим узнается только, что они пастыри недобрые, что они любят овец только для того, чтобы стричь их. Но Писание гласит, да и видеть теперь можно везде, что есть добрые люди, любящие Бога и Христа, которые не хотят ни злоречить, ни клясться, ни лгать, ни злодействовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своим врагам: это-то и есть вальденсы, за это-то их и влекут на казнь. Те злые пастыри совершают много грехов, за сто, за двести, за триста ливров они дают разрешение^{*2}, а доверчивая паства не знает, что этим впадает в смертный грех, ибо я могу сказать вам, что все папы, после Сильвестра до настоящего времени, все кардиналы, епископы и аббаты, все вместе не могут дать ни одного искупления и простить смертных грехов кому бы то ни было. Ибо один Бог прощает, никто другой не может, а истинные пастыри должны проповедовать народу и непрестанно внушать ему божественное учение, очищать его добрым примером и добрыми увещаниями и так заставить его покаяться, дабы идти по следам Иисуса Христа, исполняя его волю, неуклонно соблюдая все, что повелел он. Только тем можно избежать антихриста и не подчиниться его делам и словам, а по Писанию уже много антихристов, ибо «антихрист» означает все противное Христу» (134).

^{*1} Духоборы — одно из направлений старого русского сектантства, относящееся к духовным христианам. Первые духоборы появились в Воронежской губернии в середине XVIII века. Духоборчеству была чужда сектантская исключительность, и принадлежность к их обществу не полагалась ими в качестве непреложного условия спасения (оно достигалось всеми людьми, избравшими образ жизни, принятый в духоборчестве) Духоборы отвергали духовенство, монашество, храмы, церковные таинства. Библии противопоставляли так называемую Животную (то есть Живую) книгу, состоявшую из псалмов, сочиненных самими духоборами. «Книга» была устной, передаваемой из рода в род и постепенно обобщаемой. — *Примечание К.Е. Нетужилова.*

^{*2} Имеется в виду индульгенция.

Частная жизнь этих сектантов была безупречна, она напоминает пуритан XVII столетия^{*1}, с которыми вальденсы имеют удивительное сходство. Подобно им, они доходили до ригоризма и, живя на Юге, будто принесли туда начало северной стойкости и неодолимой крепости духа перед соблазнами мира. Подобно им, они любили говорить ветхозаветным языком, а кротость и молчание тех и других могли обратиться в неудержимое негодование только при виде иконы или католической статуи.

Барбы вальденсов старались принимать облик еврейских судей. Все это дало повод одному из несведущих французских романистов (135) совершенно превратно перенести весь культ вальденсов на массу альбигойцев-дуалистов, с которой вальденсы имели мало общего.

Великой и общей, как у вальденсов, так и у пуритан, была ненависть к светским удовольствиям. Танцы — это шествие дьявольское, и пришедший на бал присутствует на позорище дьявольском. Дьявол в начале, в середине и в конце всякой пляски. Сколько шагов человек сделает на балу, столько таковых он ступит по дороге к аду. В танцах грешат разными способами: излишним и долгим хождением, прикосновением к женскому стану, блеском украшений и нарядов, слухом, зрением, разговором, пением, мечтами и суетой. Бал — это несчастье, грех и суета, а мы хотим еще отличаться в плясках. О вреде танцев практический кодекс распространяется особенно долго. Женщины на балах прельщают тремя способами: своим прикосновением, взорами, слухом, и этими-то тремя средствами они увлекают людей маломудрых. На это позорище дьявол является со всей своей пышностью, точно католики на мессу. И женщина, поющая на балу, — игуменья дьяволова, а вторящие ей — клирики римские; зрители же — прихожане, а звуки и флейты — колокола, а гудочки — слуги дьявола. Суждение о вреде бала является, таким образом, поводом, чтобы разить ненавистные обряды католичества. Участвующие на бале грешат против всех десяти заповедей вместе и каждой отдельно. На нескольких страницах упорно доказывается и развивается это положение (136).

Управлять своими чувствами, подчинять тело духу, умерщвлять плоть, избегать праздности — вот четыре основных положения, к осуществлению которых должен стремиться всякий истинный христианин. Но ограничение потребностей тела, как мы видим, проистекало не из тех основ, которыми руководствовались в этом случае славянские и альбигойские дуалисты.

Столь же одинаковы с дуалистами были у вальденсов положения жизненного кодекса, составляющего последнюю главу их «Дисциплины». Она настаивает на том, что необходимо презирать этот мир, избегать дурного общества, жить в ладу со всеми, избегать всяких тягб, любить своих врагов, переносить клевету, поношения, угрозы, претерпевать пытки, все мучения за истину, не предаваться дурным поступкам и мыслям и питать особенное отвращение ко всему, что напоминает идолопоклонство, вроде молитв к святым, которые в таком случае становятся выше Бога, вроде украшений храмов и вообще блеска и пышности в жизни светской (137). Никто не мог заподозрить исповедующих вальденство в безнравственной жизни.

Государственная сторона учения вальденсов была далеко не революционной. Используя тексты Ветхого и Нового Заветов, евангелисты XII века предписывают повиновение властям. Все люди, вредные обществу, должны быть искоренены, особенно обманщики, обмерщики, фальшивомонетчики; как похитители общественного блага, они по заслугам обречены, согласно Писанию, мучиться в кипящем масле. Игроки в их общинах также были преследуемы, поскольку игра есть «гробница живого человека» (138).

Такова была догматическая и моральная сторона религии вальденсов, этой западной ветви альбигойства. Ее поразительное сходство с будущим евангелизмом слишком очевидно, чтобы нуждалось в дальнейших разъяснениях, как и их несходство с альбигойцами восточной ветви, с дуалистами славянскими.

«В нашей вере вальденсов нет ничего, чтобы было несогласно со словом Божиим, — с чувством говорит историк, смешавший по незнанию оба альбигойских направления. — Вальденсы исповедовали грехи одному Богу со всеми признаками истинного смирения, великой ревности и святой надежды на милосердие Божье... Они призывали Бога в своих нуждах, как Иисуса Христа, нашего Спасителя. Таинство они совершали с верой, покаянием и без изменения обрядов. На брак они смотрели как на учреждение святое, завещанное Богом. Они познавали, сколько любви надо

^{*1} Пуритане — английские кальвинисты, протестовавшие против недостаточной, на их взгляд, реформы церкви, происходившей в Англии в XVI—XVII веках. Критиковали англиканскую обрядность, стремились к чистоте и простоте нравов, не отрицали возможности получения честным трудом богатств, которые, впрочем, не должны были идти на удовольствия. В конце XVII столетия подверглись гонениям; многие из них бежали в английские колонии Северной Америки.

иметь, чтобы утешать, посещать и наделять больных и угнетенных. И неужели за все это они должны были быть осуждены на смерть как еретики, осуждены за то, что с чистотой учения соединяли набожную жизнь, осуждены за повиновение и за святую кротость?» (139)

Так говорил гугенот, родственник по духу вальденсам, говорил четыреста лет спустя после ужасных событий, совершившихся на юге Франции, говорил под живым впечатлением окружающей его реальности религиозных войн, нечто подобное которой он изображал в своей истории. Картина, нарисованная им, верно передает духовные черты исповедников евангелического учения, составлявших, во всяком случае, меньшинство среди манихеев, густыми полосами заселявших шумные города и плодоносные долины Лангедока. Эти-то люди и пугали Рим своей силой, странностями своего учения. Латинское духовенство, папские легаты имели дело с большинством, то есть с катарами; с вальденсами они встречались редко и то только со второй половины XII столетия.

Поэтому они судили об альбигойстве, как о манихействе, хотя, при непреложности своих принципов, папская курия не могла дружелюбно отнестись и к пуританам вальденсам. Они для них были теми же еретиками. «Манихей — еретик, следовательно всякий еретик — манихей» — вот принцип, по которому жили папские легаты.

История альбигойцев с 1170 до 1198 года

Альбижуа, имя страны, быстро перенеслось на все секты без разбора. Еретики обитали преимущественно в Альбижуа, следовательно все еретики альбигойцы. В каких бы краях Европы еретики ни жили, их хочется назвать альбигойцами, хотя бы их учение ничем не походило на лангедокские учения. Отсюда такая путаница в понятиях, этот хаос многообразных имен с противоположными определениями, хаос взглядов и суждений; отсюда такая долгая неясность истории «альбигойцев» и церковно-политических отношений того времени.

Риму, ввиду наступления противников, некогда было отличать последователей чистого Евангелия от последователей фантастического гностицизма, да там и не хотели этого. Для вождя католицизма была опасна смелость протеста, каков бы ни был характер последнего. Евангелие, к да еще на народном языке, не могло служить ни защитой, ни оправданием. Оно было тут почти тем же, чем был для дуалистов апокриф Иоанна. Чистая жизнь еретиков тоже не искупала их смелости мысли, их попытки философски объяснить или евангельски очистить католическую религию.

И Рим приготовился поднять кровавое знамя. Тогда казалось, что он принужден защищать свое существование. Так были велики силы противников.

Мы оставили альбигойцев в годы торжества и прояснения собственных целей. Возвращаемся же к прерванному рассказу.

Семидесятые годы XII столетия наступили для альбигойцев под благоприятными предзнаменованиями. В Тулузе был блистательный центр ереси. Здесь дуализм открыто исповедывался двором, муниципалитетом, рыцарством; богатые купцы, множество цеховых ремесленников составляли его силу. Католические храмы были в запустении. В некоторых деревнях и замках, отступивших от католичества, храмы просто уничтожали. Правда, граф Раймонд V из политических интересов считал необходимым поддерживать папские интересы, а с ними и теснимую Церковь. Но это было делом непопулярным. В столице особенно агитировал знатный богач Петр Моран. Он считался покровителем ереси, в его крепком замке происходили торжественные собрания совершенных и верных, здесь совершались публичные моления и благословения хлебов.

Граф желал подавить столь популярную ересь. Он писал аббату Сито, что прольет последнюю каплю крови за католическое дело. Он начал переписку с папой Александром III, с королями французским и английским. Людовик VII и Генрих II обещали лично прибыть на Юг и уничтожить ересь, но прежде советовали папе отправить своего легата в Тулузу для исправления дел католичества. С этой целью в столицу Лангедока прибыл в сопровождении огромной свиты кардинал Петр. Это было в 1178 году. Кардинал знал, что кроме проповеди ему и его спутникам, людям ученым, обладающим даром убеждения, придется выдерживать публичные состязания с еретиками. Еще в дороге легат мог убедиться, как шатко положение католичества в стране, в Лионе тогда гремела слава Петра Вальдо, напоминавшего своим обаянием времена Генриха; казалось, что единая Церковь здесь распалась. При въезде в Тулузу лицо кардинала должно было еще более нахмуриться: толпы горожан всех сословий теснились в воротах; сам граф, виконт

Тюренн, граф де Капельно и их рыцарская свита почтительно сопровождали легата, народ же выказывал процессии явное нерасположение. Легат мог прочесть на лицах толпящихся презрение, ненависть и даже угрозу.

«Вот они-то и есть отступники, лицемеры, еретики!» — кричали в толпе, указывая пальцем на легата и его длинную свиту.

— Это, кажется, еще меньшее из того, что предстоит увидеть, граф, — заметил кардинал, приехав во дворец Раймонда. — Полагаю, что нам придется столкнуться с нечто большим, чем с одной уличной бранью.

Вскоре был отдан приказ местному епископу и капитулу представить поименный список всех исповедующих ересь.

Сделать это было нетрудно. Имя Петра Морана красовалось впереди всех. На нем надо было показать пример строгости. Легат понимал, что всякие убеждения, уговоры народа были бы бесполезны. Противники опирались на права философской мысли, проповедники же должны были цитировать латинскую вульгату. Поэтому надеялись запугать страхом.

Вождь и защитник тулузских еретиков был поставлен Глред лицом легата. Когда его потребовали к папскому посланнику, он не отказался идти. На другой день его привели под стражей, посланной графом.

— Тебя обвиняют в арианской ереси, ты заражаешь ею своих сограждан, — сказал легат.

— Это неправда, — ответил, немного подумав, Моран.

— Поклянись, что тебя оклеветали.

— Это невозможно. Христос Спаситель запретил нам клятву.

После новых уговоров окружавшего его духовенства, быть может опасаясь быть обвиненным в еретичестве, Моран согласился дать присягу. Принесли реликвии, положили на аналой, начали петь гимн Святому Духу. Моран побледнел. Совлаладав с собой, он дал клятву. Но когда его спросили, верит ли он в таинство Причастия, то Моран решительно отвечал, что хлеб, освященный в алтаре, вовсе не есть тело Христово. «Все члены собрания поднялись с мест при этих словах. Этого было довольно. Морана без дальнейших оправданий предали в руки светской власти. Кардинал даже заплакал от его кощунства. Хотя народ волновался, граф посадил осужденного в строгое заключение. Морану объявили, что имущество его конфисковано, что от замка его скоро не останется и следа. Чувство самосохранения и корыстолюбия взяло свое. Моран попросил помилования. Был назначен день публичного церковного наказания.

Кающегося привезли в церковь святого Сатурнина, легат сидел у алтаря. От самого порога до кардинальского места полуобнаженного обвиненного бичевали с двух сторон епископ тулузский и церковный аббат. Стоя на коленях перед легатом, Моран просил пощады и объявил, что сам проклинает всех еретиков, своих вчерашних братьев. Граф Раймонд V, присутствовавший в качестве зрителя при этой церемонии, не знал, что то же самое повторится через тридцать лет и с его сыном. Спустя сорок дней Моран должен был оставить Тулузу и отправиться в Иерусалим, со смирением грешника молить небо о прощении. До отъезда же его присудили каждый день босым ходить по городским церквям, и так водили его, бичуя по плечам. После сорока дней унижения он отплыл в Палестину, где пробыл около трех лет. Вернувшись, Моран получил остатки своего богатства, кроме замка, башни которого были уже срыты, заплатив графу четыреста ливров штрафа. Его и после три раза подряд продолжали выбирать в капитул, несмотря ни на что, альбигойство осталось наследственным в этой фамилии.

Следом за Мораном потребовали к легату двух архиереев альбигойских, заправлявших Тулузой и Ареном. Их звали Бернар Раймонд и Раймонд де Баймиак. В то время их не было в столице. Чтобы встреча состоялась, им дали охранную грамоту. Со всех концов Лангедока съезжались совершенные и верные посмотреть, как будут состязаться их вожди. В церкви святого Стефана было назначено торжественное и долгожданное собрание. Одних духовных лиц и всяческой знати было до трехсот человек, тысячные толпы народа собрались возле церкви. Еретические архиереи прочли свое исповедание по обыкновению с таким евангельским обликом, что придраться было невозможно. Еретиков стали допрашивать относительно догматов, в их ответах, казалось, не было ничего вольнодумного. Восторг народа не знал пределов.

Через несколько дней было созвано новое собрание в церкви святого Иакова.

«Как же вы, — спросили обвиняемых, — считаете себя правоверными, а между тем верите в двух Богов, не признаете святого Таинства Причастия, отрицаете брак?»

Как прежде в Ломбере, так и теперь альбигойцы отказались от клятв, ссылаясь на то, что божба запрещена Спасителем. Тогда легат со всей торжественностью предал их церковному

отлучению, что на них, конечно, весьма мало подействовало. Насилия над ними не смели сделать никакого, за свою свободу они не опасались. Граф Раймонд помог кардиналу только тем, что поклялся ни в чем не оказывать им содействия (140). Ввиду популярности преследуемых должно было казаться наивным циркулярное послание легата о том, что тулузские граждане Бернар Раймонд и Раймонд де Баймиак преданы анафеме и потому должны быть изгоняемы отовсюду. В то же время, чтобы чем-нибудь поднять римский авторитет в главном центре ереси, в пределах Альби, туда были посланы двое приближенных легата — епископ Бата (в Альбижуа) и Генрих, аббат Клерво. Оба они соответствовали бы своему назначению, если бы только человеческие усилия могли вернуть в Альбижуа ситуацию двухсотлетней давности. Феодалы — виконт Тюрени и граф де Кастельно — взялись со своими рыцарями сопровождать посланцев. Они рассчитывали оказать посильную помощь католическому делу.

Виконт Безьера, Альби, Каркассона и Разеса Роже II сочувствовал еретикам. В его семействе открыто исповедовали учение добрых людей. Виконтесса Аделаида в этой вере воспитывала своего сына, она была окружена диаконами и проповедниками, мужами «утешенными». Роже вдобавок сильно враждовал с графом Тулузским, своим сюзереном. 1178 года он держал в плену католического альбийского епископа, хотя в то же время, следуя принципам веротерпимости, оказывал различные льготы малочисленным католическим храмам и монастырям. Узнав о скором прибытии тулузского посольства и не желая явно обнаруживать свое отступничество, он удалился в соседние горы. В Кастре оставалась его жена, этот идеал восторженных песнопений трубадуров. Во всей окрестности почти не было католиков, но пассивность альбигойства несколько не препятствовала путешественникам проклинать доругой еретиков и их покровителя, называя его обманщиком, клятвопреступником. Наконец прелаты добрались до Кастра и отлучили виконта Роже в присутствии его жены и некоторых вассалов, тут же провозгласили, что папа, короли французский и английский отрекаются от него (141).

Но если Роже действовал уклончиво, то жена его была гораздо решительнее. На убеждения красноречивого аббата отказаться от ереси она отвечала, что, напротив, будет верной своему учению. Римские громы и торжественные отлучения потеряли в этой стране всякую силу. Посольству оставалось удалиться.

Аббат Клерво католическая партия в вознаграждение за его усилия предложила вакантную тулузскую кафедру, но он отказался, уступив свое место Фулькранду, позже приобретшему известность. Легат Петр также должен был вернуться в Италию ввиду общего равнодушия Лангедока к католическому учению. Он увозил с собой подозрение даже на самого графа Раймонда, все старания которого действовать вопреки большинству и угодить Риму оказались бесполезны. Кардинал рекомендовал папе аббата Генриха, как единственного человека, от деятельности которого можно ждать каких-либо успехов. В ожидании будущих побед аббату пожаловали кардинальство и епископство Альбано.

Генриху скоро пришлось проявить свои таланты. Из Лангедока вслед за отбытием легата писали, что не только виконт Безьерский, но и Бернар Аттон Нимский, Луп, барон Рабатский, Роже Таррагонский оказались в числе защитников ереси.

В следующем же году (1179) был созван собор в Риме. Это был третий латеранский или одиннадцатый Вселенский, он главным образом был направлен против еретиков Юга, называемых тогда «аженойцами» вместо альбигойцев, от области Аженуа. Количество присутствовавших доходило до тысячи человек, в их числе было более восьмисот епископов. На собор вызвали всех трех лангедокских архиепископов: нарбоннского, арльского, из Э и их викариев.

Двадцать седьмое постановление собора содержит строгие меры против еретиков: «Хотя Церковь, следуя святому папе Льву, довольствуется часто одним судом первосвященническим и не принимает кровавых мер, однако он может быть вспомоществуем и мирскими силами, дабы страхом казни побудить людей следовать духовному врачеванию. А так как еретики, которых одни называют катарами, другие патаренами, прочие публиканами (павликанами), добились великих успехов в Гаскони, Альбижуа, земле Тулузской и иных местах и поскольку они явно распространяют свое заблуждение, пытаясь развратить слабых, мы предаем анафеме их с их покровителями и сообщниками и запрещаем всякому, кто бы то ни был, иметь с ними общение. Если они умрут во грехе, то никогда не поминать их и не хоронить между христианами» (142).

Этим постановлением еретики приравнивались к разбойникам и всяким бродягам. Порядочный христианин мог без раздумий поднять руку на тех и других, изгоняя их как «нечистую язву»; избиение еретиков только ставится в заслугу. Даже самому заклятому грешнику прощаются два года покаяния, если он убьет еретика. Епископы всеми силами должны

покровительствовать таким убийцам, которые отныне считаются крестоносцами, и их семейства и имущество объявляются под защитой Церкви.

Архиепископ нарбоннский первый поспешил привести в исполнение угрозы латеранского собора. Он разослал по всем епархиям громовые циркуляры о гонении на еретиков, где предписывал привести в немедленное исполнение против них самые строгие меры.

«Если какой-либо дистрикт окажется еретическим, то повелеваю с соблюдением обычных торжественных церемоний предать всю такую землю отлучению, прекратить там службу, не совершать таинств, кроме крещения и покаяния...»

Мертвых запрещалось хоронить в городе, а тех, которые допустят это, — также отлучать. Главные покровители еретиков: граф тулузский, виконты безьерский, нимский, бароны рабатский и таррагонский, даже владетель Наварры отлучены, как участники зла (143). Влияние решений, принятых на третьем латеранском Соборе, быстрее всего отразилось на французском правительстве. Королю Филиппу Августу было только пятнадцать лет, но он уже успел издать строгие указы против так называемых публикан. Вильгельм Бретонский, воспевавший его жизнь и подвиги, с некоторой гордостью говорит: «Король не позволял никому жить вопреки законам церковным, никому, кто бы осмелился чем-либо оскорблять католическую религию, никому, кто бы пытался отрицать таинства» (144).

И действительно, во Франции еретиков уже начали жечь. Тем более беспокойные вести приходили из Лангедока. Сам ход политических событий был не совсем благоприятен для папской курии. Дело шло к тому, что король арагонский вскоре станет врагом Рима. Поводом к тому было одно из местных феодальных столкновений, к которым слишком привыкли в средние века.

У графа тулузского пошли раздоры с сильными еретическими вассалами: виконтами Безьера и Нима и виконтессою нарбоннской. Не прибегая почти к войне, одной искусной политикой граф тулузский сумел вооружить против виконтов несколько их собственных вассалов, которым пообещал от собственного лица владения еретиков; многие феодалы он раздарил надежным друзьям. Тогда виконтам, лишенным почти всего, оставалось обратиться к Альфонсу II Арагонскому (1162—1196 гг.) и его брату Раймонду Беренгарии, графу Прованса. И Альфонс и Беренгарий лично прибыли в Лангедок со своим рыцарством в октябре 1179 года. Виконт нимский отдал в Безьере все свои города арагонскому королю и тут же получил их от него обратно в лен с обязательством стоять за короля и в мире и в войне, равно как за графа барселонского и его ленников — стоять за всех и против всех (145). То же самое через несколько дней (2 ноября 1179 года) произошло и в Каркассоне. Виконт извинялся перед королем, что некоторое время считался вассалом Тулузы, за Каркассон и другие домены, «которые я должен бы, по примеру моих предшественников, признать полученными от вас, с которым я вел часто войны и которого должен был часто оскорблять своим поведением. Посему, признавая себя виновным, прошу Вашего прощения и отдаюсь в вашу волю» (146). В случае смерти брата виконт объявлял своим наследником короля. Оставив своей собственностью город Минерву, Альфонс все остальное возвратил виконту, провозгласив его своим вассалом, который обязался, между прочим, не заключать мира и не вести войны с графом Тулузы и Сен-Жилля иначе как с согласия короля. За некоторые замки он становился одновременно вассалом графа прованского.

Во всем путешествии по Лангедоку Альфонса сопровождали виконтесса нарбоннская и сын его Педро, будущий защитник альбигойцев. Здесь он впервые проявил свою рыцарственность, здесь он впервые мог проникнуться симпатией к еретикам.

Война с Раймондом Тулузским продолжалась в течение 1180 и 1181 годов, хотя подробности ее не сохранились, известно только, что Альфонс осадил замок Фурк и совершил набег в Руэрг. Эта война привлекла на сторону Альфонса симпатию еретиков и обнадежила их по поводу поддержки со стороны Арагона, хотя обстоятельства скоро изменились и в своем враге, в Раймонде Тулузском, они нашли себе того сильного соратника, которого видели в короле арагонском. Война особенно разгорелась с той минуты, когда Альфонс получил горестное для него известие о трагической смерти брата, графа прованского. Беренгарий попал в плен к одному из католических тулузских баронов, который, вопреки обычаям страны, умертвил своего пленника в самый день Пасхи 1181 года (5 апреля). Альфонс ответил на это яростным вторжением в тулузские владения. Он подступил к самой столице: Раймонд спрятался за стенами, народ не поддерживал его. Граф понял тогда, что бороться за католичество среди альбигойцев невозможно. Война с Альфонсом могла обещать хоть какой-то успех на иной почве, там, где король не встретил бы поддержки от местного населения.

К счастью для Раймонда такое столкновение произошло в том же году. Альфонса пригласил

к себе на помощь Генрих II Английский. Его младший сын Генрих, обойденный отцом при разделении феодов, искал себе удела. Из Нормандии он кинулся в Аквитанию, где правил Ричард Львиное Сердце, и присоединился к той партии вельмож, которой предводительствовал тогдашний противник Ричарда, знаменитый Бертран де Борн. Отец поспешил помочь Ричарду. Король арагонский, пройдя сквозь Лангедок, внезапно появился в Аквитании. Тогда Раймонд Тулузский, продолжая вражду с Альфонсом, объявил себя сторонником молодого Генриха. Французский король и бургундский герцог были за него же; образовалось два больших неприятельских лагеря. Гонимый сын погиб на руках у графа тулузского, который после этого вернулся домой.

Между тем английские наемники опустошали страну — и эта опасность постепенно сблизила Тулузу с Арагоном. Война закончилась официальным миром лишь в феврале 1185 года, скрепив те неожиданные дружбу и союз между Раймондом и Альфонсом, плоды которых обнаружались впоследствии так значительно. С этого трактата начинается крутой поворот Раймонда в пользу альбигойцев.

Вмешательство Альфонса могло только усилить подозрительность Рима и ускорить решительные меры. Посылая в 1180 году на Юг нового легата, Александр III снабдил его полномочиями прибегать где надобно к силе оружия и, призывая к службе светских князей. На этот пост был назначен Генрих, недавно избранный кардиналом, бывший аббат Клерво.

Везонский хроникер рассказывает, как среди огромного собрания Генрих проповедовал крестовую войну против еретиков Альбижуа — альбигойцев, впервые здесь официально названных таким именем. Он собрал первых крестоносцев, число их неизвестно (147). Весной 1181 года Генрих прибыл во владение Роже Безьерского. В то время как неприятель приближался, архиереи альбигойские, так безвредно для себя всегда осуждаемые, продолжали жить в замке Лавор. Виконтесса Аделаида предводительствовала его защитниками. Самого Роже в замке не было, так что папскому легату и его пестрому воинству, набранному отовсюду, пришлось иметь дело с женщиной.

Крестоносцы, предводимые легатом, кинулись на приступ. Осажденные отбились. Однако атаки продолжались, и Аделаида вынуждена была сдать замок.

Архиереи попали в плен, их привели к легату. Рядом с ним сидели архиепископ Оша и епископ Кагорский. Под страхом смерти еретиков принудили отказаться от их веры. Они должны были заплатить большие штрафы в пользу двух тулузских церквей. Виконт Роже, узнав о взятии Лавора крестоносцами, запросил мира. Первым условием было поставлено отречение от ереси. Роже, оставшийся один на один с крестоносцами, не мог не согласиться. Он не находил больше средств для борьбы. Вся его страна была опустошена. Примеру Роже последовало множество местных рыцарей. Впрочем, отречение их было притворно, дело ереси еще серьезно не пострадало.

Так кончился первый крестовый поход на альбигойцев. В сущности он был попыткой, пробой сил. О нем, как видим, сохранилось немного сведений, его никто не отображал обстоятельно (148). Тем не менее последствия его для страны были серьезны. Один французский аббат, сопутствовавший кардиналу Генриху, рассказывает, что легат со своими воинами проник в Гасконь до самых Пиренеев и везде встречал следы опустошения от басков, арагонцев и разбойничьих шаек.

«Я следовал за легатом, — пишет аббат, — через горы и долины, посреди пустынь. Везде я встречал города, пострадавшие от пламени, разрушенные дома. Опасности, которые меня окружали, будто напоминали присутствие смерти. Но в Септимании, подъезжая к Тулузе, я был свидетелем сцен, ужасных более самой смерти. Я видел сожженные и почти разрушенные церкви; места, которые некогда служили обиталищем людей, сделались убежищем для зверей» (149).

Если крестоносцы жгли города, замки и села, населенные альбигойцами, то последние не щадили католических храмов. Папское правительство со своей стороны, приняло меры чтобы чем-либо гарантировать на будущее успехи католической проповеди в стране. Бездеятельные и потому ненадежные архиепископы нарбоннский и лионский были сменены. Один из баронов лионельских, Бернард Госелен, прежде епископ Безьера, был назначен в Нарбонну, а епископ Пуатье посажен в Лион. На местных соборах в Пюи (15 сентября 1181 года), в Базакле (8 декабря 1181 года) и в Лиможе (март 1182 года) речь главным образом шла об еретиках, против которых было решено прибегать к силе оружия. Но в сущности все попытки, направленные из Рима против лангедокских ересей, были бесполезны. Опустошение страны еще более усилило ненависть торгового и промышленного класса, призывая его к мести. Новые архиепископы оказались не полезнее прежних.

Предписания соборов были неисполнимы. Как только легат с крестоносцами покидал местность, в ней все принимало прежний порядок.

Папство попробовало испытать еще одно средство. В Риме решили выдвинуть императорское имя, как знак той власти, с которой в умах средневековых людей долгое время соединялось представление о высшей на земле светской силе. В декрете, изданном против еретиков в год возвращения Генриха из легатства, папа Луций III, указав на «непрестанное развитие еретического яда», замечает следующее:

«И потому мы, опираясь на могущество и славнейшего сына нашего Фридриха, знаменитого и августейшего императора Римлян, и в его присутствии, а также с общего совета братьев наших кардиналов и всех других патриархов, архиепископов и многих князей, съехавшихся с разных концов вселенной, тех самых еретиков, лживые слова коих, а равно и их исповедание, полное всяческой лжи, силой настоящего декрета, утвержденного общей санкцией, а равно и всякую ересь, каким бы именем она ни называлась, властью нашей апостольской и содержанием сего постановления, мы осуждаем. И прежде всего катаров и патаренов, а также и тех, которые себя ложно именуют смиренными и лионскими бедняками, а также Пассагийцев, Иозефинцов, Арнольдистов, и навсегда объявляем всех таковых подлежащими анафеме. Осуждаем также всех, которые о Таинстве ли тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, либо о Крещении, либо о браке, либо об остальных церковных таинствах толкуют не так, как святая Римская Церковь проповедует и наставляет, а равно и тех, которых она еще прежде сего признавала за еретиков, или если их таковыми считали отдельные епископы в своих диоцезах, с согласия своего клира, или сами клирики, когда кафедра состояла вакантной, с одобрения, если они того желали, соседних епископов, — всех таковых равно предаем анафеме. Их укрывателей и защитников, а равно и всех, которые вышеназванным еретикам оказывали какое-либо покровительство или расположение, были ли то «утешенные», или «верные», или «совершенные», или одержимые иными позорными именами, подобным же образом объявляем подлежащими таковому же осуждению» (150).

Все эти громы на Юге никого не напугали; к ним слишком привыкли, как и к тем мерам, которыми они сопровождалась. Епископы и архиепископы напрасно объезжали свои приходы и увещевали еретиков. Распоряжениям католических священников во всем противодействовали местные феодалы. Судьба насмеялась над усилиями римской политики. Лангедокское духовенство должно было снова допускать публичные диспуты католических священников с еретиками. Такой диспут провел аббат Бернар де Фонткод с вальденсами около 1190 года, в пределах нарбоннской епархии. Свои доводы он позже изложил в особом сочинении (151).

Когда Роже, покровитель ереси, скончался, епископ безьерский Жоффруа попытался через свое влияние на опекуна молодого Раймонда Роже (которому суждено было позже погибнуть за новую веру) по имени Бертран де Сейсак обеспечить по крайней мере безопасность личности и имущества католического духовенства в стране. Был заключен договор между опекуном и епископом. Поклялись друг другу в верности, обещая быть добрыми и верными помощниками против всех.

Впрочем, альбигойцев все это очень мало занимало. Епископу папским актом было предоставлено право издать новый эдикт об изгнании еретиков из графства Безьера, Альби и Каркассона. Кажется, епископ не прибегнул к этому средству, сознавая его бесполезность. Изгонять альбигойцев из Альби, когда папские власти вместе с Целестином III ничего не могли сделать у себя в Италии против патаренов, которые как раз произвели настоящую революцию во Флоренции; изгонять на бумаге из страны, на которую были обращены тогда взоры всех ревнителей мысли на Западе и где эта мысль была свободна, — означало бы для католиков лишний раз показать собственное бессилие и ничтожество своего морального влияния в Лангедоке. Но подобные договора с епископами заключал еще покойный виконт, которого нельзя было заподозрить в пристрастии к католицизму. Не желая, вероятно, предпринимать серьезной войны с Римом, он хотел казаться добрым католиком, предоставив епископу судебную и полицейскую власть в Безьере, оставляя за собой дела исключительно по убийствам и прелюбодеянию. Все такие акты имели лишь формальное значение.

В Тулузе же даже светская власть, а не только духовная, оказывалась бессильной. Когда Ричард, ставший английским королем, возобновил старую вражду и произвел вторжение во владения Раймонда V, отняв у того семнадцать замков, то одновременно с этим вспыхнуло восстание в столице. Здесь, вероятно, не обошлось без интриг Ричарда, хотя восстанием руководила могущественная альбигойская партия, выдвинувшая девизом восстания коммуное знамя. Известно только, что в присутствии всего народа тулузского граф должен был поклясться,

между прочим, в следующем: под опасением суда никто не может впредь убить кого-либо из жителей, оскорблять их, делать им малейшую обиду. Суд же должен производиться консулами, а за отсутствием — их мудрыми мужами Тулузы. Сам граф отказывался от всякого суда, а обязывался только в точности исполнять то, что решат епископы и консулы. Их приговор имеет полную силу и на этот раз, в деле оскорбления графа, который обязан довольствоваться приговором правящих консулов.

«Я, граф Раймонд, клянусь над святым Евангелием, по моей собственной воле и из любви к тулузцам, исполнять все сказанное, именно потому, что я сам того желаю, сохраняя неприкосновенными все мои права и владение в том виде, как я их имел прежде и как должен иметь» (152).

Только после этого консулы и вельможи присягнули ему в верности. Все предприятия Раймонда V в последние годы его жизни не увенчались успехом. Какие-то невидимые преграды становились ему на пути. Филипп Август примирил его на время с Ричардом, но и в отсутствие последнего^{*1} война между баронами соседних стран, прежде столь мирных, не прекращалась. Само государство тулузское вместе с Провансом, германский император Генрих VI уступал врагу Раймонда Ричарду в вознаграждение за пленение последнего^{*1}. Император имел феодальное право на Прованс, переданный ему бургундскими королями^{*2}, на Тулузу или на графа Сен-Жильского, как называли англичане Раймонда V, на что со стороны Германии были высказаны претензии. От такого бессильного подарка даже Ричард отказался.

Почти в последние дни жизни старик Раймонд должен был делать оскорбительные для его достоинства уступки своим вассалам, направляемым интригами его врагов. Среди этих неудач в 1194 году на шестьдесят первом году жизни Раймонд умирает в Ниме, почти одновременно со своей сестрой Аделаидой Безьерской. Он оставил своим преемником сына, Раймонда VI. На воспитание и образ мыслей нового государя еретики могли положиться.

Как ни искренно был расположен Раймонд V к католицизму, однако он вполне мог быть упрекнут в безбожии. Для трубадуров при нем было золотое время. Они разносили веселье и легкомыслие по городам и замкам. Кроме того, католики уличали Раймонда V в святотатстве, за разграбление Сен-Жильского храма он считался отлученным около трех лет. Как бы желая оправдаться, он в то же самое время преследовал и жег еретиков, думая выслужиться перед Римом и обеспечить себе новые средства к обогащению. Корыстолюбие, рыцарство, война, песни — все это причудливо соединялось в нем.

Вскоре после смерти Раймонда V в Тулузу прибыл новый папский легат Михаил, и в декабре 1195 года был созван новый собор в Монпелье. По-прежнему повелевалось по епархии нарбоннской проклинать каждое воскресенье в каждой приходской церкви защитников и покровителей ереси, хотя бы то были сами князья и государи, все подозреваемые в ней осуждаются на изгнание. Разбойники опять приравниваются к еретикам (153). Особенно странно звучало это распоряжение, когда все три сильные престола лангедокские в Тулузе, Безьере и Фуа были заняты друзьями ереси. Ко всему этому успели привыкнуть. Все это успели осмеять.

Казалось, спокойствие должно было наступить в земле улузской. Англичане и арагонцы более не показывались.

Шайки разбойников не терзали страну. Ричард Английский, заключив мир с Филиппом Августом, повел переговоры с новым государем Тулузы. Он отказался от всех претензий на тулузское графство, отдавая Раймонду замуж свою сестру, вдову сицилийского короля тридцатилетнюю Иоанну и в приданое за ней Аженуа и Керси, с тем чтобы Раймонд и его дети считались вассалами аквитанских герцогов. Теперь Раймонду VI принадлежали герцогство Нарбонна, графства Венессен, Сен-Жиль, Фуа и Комминг, виконтство Альбжуа, Виварэ, Геводан, Велэ, области Руэрг, Аженуа и Керси. Раймонд поспешил развестись со своей третьей женой и в октябре 1196 года при английском дворе обвенчался с четвертой. Вернувшись в свою столицу после свадьбы, граф присягнул тулузским консулам за городские вольности. Раймонд был счастлив и доволен судьбой; он избавился от самого сильного врага и не видел других.

^{*1} В 1189 году Ричард Львиное Сердце отправился в крестовый поход.

^{*1} В 1192 году, по возвращении из Святой земли, Ричард был веролом-захвачен в плен австрийским герцогом Леопольдом V, передавшим) Генриху VI. Предложение германского императора отдать Ричарду земли в южной Франции, которыми Генрих в реальности не владел (как вы в качестве компенсации за «моральный ущерб»), не отменяло того огромного выкупа, который был вынужден заплатить Ричард.

^{*2} После 1033 года.

Образование и сердечные симпатии влекли его к еретикам. Казалось, и альбигойцы имели в этот момент обеспеченное будущее и даже могли надеяться на торжество своей веры. До сего времени ереси упорно и постоянно разрастались среди романцев Юга, теперь на горизонте открывались новые перспективы...

Но сердца еретиков невольно смутились, когда по Лангедоку пронеслась весть, что умер папа Целестин III и что 9 января 1198 года на папский престол избран кардинал-диакон Джованни-Лотарь Конти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЙНА

Отношение Иннокентия III к альбигойским ересям до 1208 года. Легаты и Раймонд VI. Убийство Петра де Кастельно. Воззвание папы. Политика королей французского и арагонского. Крестоносное воинство. Симон де Монфор. Ход крестовой войны с альбигойцами до первой осады Тулузы.

Отношение Иннокентия III к альбигойским ересям до 1208 года

Зная личность нового папы, его энергичный, упорный характер, его прежнюю деятельность, его всесторонние способности, его тщеславные мечты соединить в своем лице высшую духовную и политическую власть всего Запада, нетрудно предположить какими чувствами к еретикам Лангедока был одушевлен Джованни-Лотарь Конти в ту минуту, когда надевал на себя тиару Григория VII.

Опасность для католицизма была велика, но Иннокентий III казался выше этих опасностей. Впервые облаченный в епископские одежды, среди конклава кардиналов и всего римского духовенства, с высоты кафедры, он первой же проповедью возвестил миру те начала, которых будет держаться:

"Царь царей, Владыка владык, имя которому Господь, в полноте могущества своего установил превосходство апостольского престола, дабы никто не дерзал сопротивляться порядку, им предначертанному, - говорил Иннокентий. - А так как он сам положил основу этой Церкви и так как он сам - ее основа, то никогда врата адавы не сокрушат ее, и корабль Петров, в котором почитает Христос, никогда не погибнет, как бы ни пытались сокрушить его бури. Да не печалится престол апостольский перед теми бедами, которые грозят ему, да утешится он божественным промыслом, повторяя вместе с Пророком: "в скорби распространил мя еси", да утвердится в нем упование на завет Спасителя, данный им апостолам: "и се я, с вами до скончания века". А если Бог с нами, то кто против нас? А так как папская власть исходить не от человека, а от Бога, или лучше от Богочеловека, то напрасно еретик и отступник, напрасно волк-похититель старается опустошить виноградник, разрывает розы, опрокидывает камины, гасит светильники. Так сказал некогда Гамалиил: если это творение рук человеческих, оно погибнет, если же Церковь от истинного Бога, вы не можете ее разрушить, и только поднимете войну против Бога.^{*1} Господь - упование мое и я не боюсь ничего, что люди против меня могут сделать. "Я - тот раб верный и благоразумный которого Он поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время." Да, я раб, раб рабов, но да не пребуду я из тех, о которых говорит Писание: "всякий, делающий грех, есть раб греха." Я слуга, а не господин^{*2}... Какая почеть! Я приставлен к дому Господню, на всякое иго; я слуга этого дома, слуга мудрых и разумных. От вас всех, братья и дети мои возлюбленные, я жду одной лишь благодарности - чтобы вы подняли к Господу руки чистые от всякого раздора и неприязни, с верой вознесли бы ему молитву, дабы он дал мне благодать достойно исполнить обязанности апостольские, возложенные на слабые рамена мои, во славу имени его, на спасение души моей, для счастья вселенской Церкви и торжества всего

^{*1} Как говорится в "Деяниях апостолов", Гамалиил - "законоучитель, уважаемый всем народом" (V. 34). Во время разбирательства после ареста апостолов он призывает синедрион отпустить пленников, в качестве основания к тому произнося фразу, цитируемую Иннокентием III (там же, 35-40).

^{*2} См. Евангелие Матфея, XXIV, 45; Евангелие от Иоанна, VIII, 34.

христианства" (1).

Будущая политика Иннокентия III полностью высказалась в этих словах, исполненных тщеславия и, вместе с тем, сознания собственной силы. Между ним и альбигойцами должна была начаться борьба не на жизнь, а на смерть. Ни та, ни другая сторона не могла уступить. В этой кровавой драме обе стороны были поставлены в критическое положение. И та и другая заслуживает сочувствие. Враги и их литературные защитники осыпали Иннокентия проклятиями, а он воодушевлялся мыслью, что ведет борьбу во имя исторического прогресса, соединяя с представлением о нем католицизм. Он стремился увенчать и завершить здание католицизма, а лангедокские и итальянские противники уже думали о его разрушении. Поставленный в такое положение, Иннокентий должен был бороться против свободной мысли, руководившей ересью, и переносить за это порицания потомства. Но закон истории свидетельствует в его пользу. Мы не спроста в начале труда посвятили столько страниц личности Иннокентия, его характеру, его политической, общественной и частной деятельности, чтобы те события, до которых дошли мы теперь, не представили бы его только с одной стороны, может быть единственно омрачающей его исторический образ.

Самым первым распоряжением Иннокентия после выбора в первосвященники, как знаем, было нравственное увещание королю французскому о соблюдении общественного приличия, а предметом более важных помыслов и мер не могли не быть еретики Лангедока, восставшие не против-каких либо нравственных начал, но против всей системы папства, против всего католичества, даже против догматики христианства. Их почтенная частная жизнь, их собственные нравственные устои уходили в тень перед значением проповедуемого ими учения. Иннокентий застал более тысячи городов, объятых различного толка ересями (лишь с частью из которых мы ознакомились).

Он застал аристократию Юга и Ломбардии почти открыто отложившейся от католичества. Он видел симпатии к ереси даже в собственных владениях, отступничество в духовенстве между аббатами и священниками (2).

Но основная черта его характера, чуждого насилию, не могла не проявиться в той борьбе, которая предстояла ему. Он думал, что она будет окончена лишь силой слова.

"Когда врачи узнают содержание болезни, - говорил он, - тогда лишь начинают ее исцеление. И мы думаем, что союз еретиков разрушится после солидного и приличествующего увещания, ибо Господь сказал: не хочу смерти грешника, но да обратится он и живет. Только проповедью истины подрываются основы заблуждения" (3). Он говорил: "пусть только священники дружно возвещают истину на серебряных трубах; стены Иерихона, проклятые Богом, сами падут при их приближении".

Он верил, что слова увещания и проповеди глубже проникают, чем меч, всегда надежный, но всегда и обоюдоострый. Он полагал действовать так даже тогда, когда в итальянских городах альбигойское учение возвещалось открыто, когда богомильские архиереи имели резиденцию в Виченце, Сорано, Коризе, Брешии, Мантуе, Милане, когда семнадцать разных сект обладали столицей Ломбардии, когда еретики наполняли Флоренцию, Феррару, Прато, Орвието (откуда они хотели выгнать всех католиков), Комо, Кремону, Верону, Парму, Плаценцию, Фаенцу, Римини, даже Витербо, и имели смелость учить в самом Риме. С увещаний начал он сношения с альбигойским вероучением Лангедока, присоединяя к ним в то же время угрозы использовать светскую силу, если бы слово снова не привело к цели. Интересно проследить по папским актам, как постепенно развивалась эта политика и как дело дошло до той бойни, которой ознаменовалась альбигойская война.

В январе Иннокентий вступил на престол и первого апреля подписал первую грамоту по вопросу о еретиках на имя архиепископа д'Э.

"Среди множества бурь, - писал в ней Иннокентий, - которые носят корабль Петров по бурному морю, ничто так глубоко не печалит наше сердце, как вид жертв порчи дьявольской, которая враждует с истинным учением, совращая простодушных, увлекая на путь гибели, пытаясь ослабить единую Церковь католическую. Насколько мы знаем из твоих донесений и слов многих других, чума этого рода особенно распространена в Гаскони и соседних землях. Мы надеемся, что, ревностью твоей и прочих епископов, будет остановлено распространение этой болезни, которая постепенно развивается в виде язвы, тем более опасной, что гибнет много сил и помрачаются умы верных. И потому просим твое братство этим посланием принять меры к искоренению всяких ересей и к изгнанию из пределов твоей епархии тех, кто уже заражен ею. Ты примешь меры против них и против тех, кто был вовлечен с ними в явные и тайные сношения: все те меры,

которые будут в рамках духовно-церковной власти. В случае же, если ересь будет препятствовать тебе, ты можешь прибегать к строгим мерам, и даже, но только если того потребует необходимость, можешь обращаться при посредстве государей и народа к силе светского меча" (4).

На первых порах Иннокентий хотел показать доверие к южным феодалам, в том числе и самому могущественному из них, Раймонду VI Тулузскому, этому защитнику ереси. Через легата Райнера, он известил его письмом от 22 апреля, что снимает с него отлучение.

"Будучи присоединен к Церкви, от которой тебя отделяло множество грехов, ты должен теперь смыть прошедшие преступления соответственным покаянием", - писал он графу Тулузы в ноябре того же года. Как искупительное средство Иннокентий предлагал Раймонду крестовый поход в Палестину, предлагая идти по следам предков, погибших за Господа. Если бы он сам не мог поднять креста, то папа предлагал ему вооружить известное число вассалов и ратников и направить их за море, "дабы через других совершить то, что не по силам предпринять самому" (5).

Крестовый поход на мусульман занимал все помыслы Иннокентия. Всецело поглощенный им, он как будто забывал иногда, что Церкви надо самой обороняться, обороняться в собственных пределах, а не думать о торжестве над неверными. Те епархии, против неверия которых Церковь скоро должна была поднять меч, призываются пока к священной войне за католическую веру. С такой целью были разосланы циркуляры (15 августа 1198 г.) к архиепископу нарбоннскому, епископам, аббатам, приорам, всем церковным прелатам, а также графам, баронам и всем людям нарбоннской провинции.

Легаты и Раймонд VI

Иннокентий сильно надеялся на успех мер, принятых им. Два цистерцианских монаха, Райнер и Гвидон, уже прежде вели проповедь в Лангедоке. Надо сказать, что члены этого братства в большинстве случаев в точности следовали преданию основателей орденов, в отличие от остальных монахов. Те же люди, которые действовали среди еретиков, своими жизнью и характером во многом напоминали суровые аскетические типы первых католических миссионеров христианства. К этим чертам они добавляли фанатизм позднейших францисканцев. По отзыву Иннокентия, Райнер был муж испытанной честности, могучий божественными делами, а Гвидон - богобоязненностью и ревностью к добродетели. Во всяком случае, неограниченное рвение того и другого не подлежит сомнению.

Исполнители планов Иннокентия всегда были людьми террора, деятелями беспощадными, и в этом выборе людей заключается весь внутренний разлад личности Иннокентия. Неумоимо деятельный, исполненный безграничных планов, папа находил лиц, столь же энергичных, непреклонных, но не всегда свободных от тщеславия, эгоизма и корыстолюбия. Подобно многим великим людям, он мало смотрел на нравственный характер исполнителей. Он набрасывал общий план, а им предоставлял исполнение, не анализируя тех средств, к которым они могли прибегать и действительно прибегали.

Между тем люди, подобные Райнеру и Гвидону, были облечены огромной властью, неограниченным правом интердикта над людьми и землей. Архиепископу нарбоннскому циркуляром от 13 апреля 1198 г. предписывалось оказывать им во всем содействие, все их распоряжения заранее одобрять. Все что они не постановят против вальденсов, катаров, патаренов и других еретиков, их последователей и защитников, местные духовные власти должны смиренно подтверждать. Светские же власти, - графы, бароны и вельможи должны содействовать проповедникам, а именно конфисковывать имущества отлученных, изгонять их, сперва приказом, а потом, если еретики будут презирать отлучение Райнера, то и силой оружия, "помощью светского меча" (6).

О том же были посланы циркуляры архиепископам д { Э, вьеннскому, арелатскому, таррагонскому, лионскому и их епископам, и также всем князьям, графам и баронам южных областей.

Только притворным спокойствием папы, его верой в несокрушимую крепость Церкви, можно объяснить предложение баронам тулузским гостеприимно принимать легатов-цистерцианцев. Не прошло и месяца проповеднической и административной деятельности Райнера, успевшего произнести несколько интердиктов и удалить многих духовных лиц с их мест, как папа отправил его в Испанию по тем же церковным делам, и обязанности его всецело поручил Гвидону, послав о том (13 мая 1198 г.) циркулярное извещение по всем южным епархиям.

Через год Райнер вернулся; его полномочия на вторичное легатство были подтверждены 12 июля 1199 года, и в тоже время всему местному духовенству предписывалось удвоить наблюдение за еретиками (7).

Прошло полтора года опыта. Мирные распоряжения не приводили ни к чему; усердие бернардинских фанатиков в Лангедоке, оскорблявшие тамошнюю традицию свободы, только возбуждали ненависть в народе, безразлично - в католиках ли, или еретиках.

Ересь по прежнему стучалась в ворота Рима. Первосвященник римский не решился приехать в Витербо - город наполнен еретиками.

Влияние еретиков усиливалось, можно сказать, на глазах у папы, в его вотчине и было способно привести Иннокентия в негодование. Однако и тут он только повышает тон; дух относительной умеренности и теперь не покидает его.

В послании к жителям Витербо от 25 марта 1199 года он, под угрозой проклятия, запрещал им повиноваться еретическим сановникам. Как ленный государь, он освобождает их от клятвы и лишает должностей тех консулов, которые позволяли себе заседать рядом с еретиками. Патаренов он повелевает выгнать в течении е пятнадцати дней, и лишь на случай послушания грозит им войной и гневом, который покажет им всю силу апостольского меча (8).

Все эти угрозы, как оказалось впоследствии, не оказали должного впечатления; всякое отлучение было бессильно; прекращение церковного католического богослужения только радовало большинство. Лишь одно личное прибытие папы могло поправить католическое дело, побудив еретиков удалиться из города.

Сцены в Витербо поэтому демонстрируют неизбежность той политики, принять которую Иннокентий мог только в силу исключительности обстоятельств.

Ни о каком участии Юга в католических интересах нельзя было и думать. Одна партия никак не могла понять другой. У каждой были противоположные пути, сойтись на которых было невозможно. Каждая имела своих борцов, героев и вождей. Чем был для католичества Иннокентий III, тем для альбигойства в некотором отношении служил Раймонд VI. Мог ли он думать об уступках и смирении, даже если бы при его дворе верили слухам о крестовом походе? На него были обращены надежды последователей нового вероучения. Он не скрывал своего покровительства ереси. В церковь он водил своего шута, который подпевал священнику, кривлялся, гримасничал и, стоя спиной к алтарю, благословлял народ. Граф во всеуслышание говорил, что цистерцианские монахи не могут оставить свою роскошь, что он сам хотел бы походить на альбигойских проповедников и мучеников. Цистерцианский аббат жаловался ему на еретика Гуго Фабри, который хвастался тем, что осквернил католический храм в Тулузе и, между прочим, рассказывал, что в священнике, совершающем таинства, присутствует демон. Граф в ответ на это сказал, что за подобные пустяки он не накажет и последнего гражданина в своем государстве. Все знали, что в его свите были проповедники, утешенные и диаконы альбигойские. Раймонда часто видели на торжественных собраниях еретиков. Иногда эти собрания устраивались в его собственном дворце. Он преклонял колена, выслушивая молитвы утешенных или принимая их благословение. Его желанием было умереть на руках "добрых людей".

"Ради них, - говорил он, - я готов лишиться не только всего государства, но и самой жизни".

Все знали, что своего сына он хотел отдать на воспитание альбигойским архиереям. Он презирал католические уставы, хотя не особенно следовал и альбигойским. Он по примеру своего отца поменял пять жен; три из них пережили его. Раймонд мало стеснялся католическими приличиями, хотя официально держал капеллана. Раз, играя с ним в шахматы, в ответ на его замечание, он сказал: "Бог Моисеев, которому ты веруешь, тебе не поможет, а меня истинный Бог не оставит". Он прямо высказывал свои убеждение, мало стесняясь окружающих. "Сразу видно, что дьявол создал мир, ничего в нем не делается по-нашему", говаривал он, когда бывал в раздраженном состоянии духа (9).

Между тем, по своему характеру, это был типичный средневековый рыцарь; трубадуры воспевали его в песнях; он сам не забывал дам в своих сонетах. В войне он отличался блеском, пышностью и храбростью. Но, неукротимый на поле битвы, он терялся среди кабинетных рассуждений. Он не был создан для дипломатической деятельности, для государственных дум. Его двойственный характер сложился под воздействием тех условий, в какие его поставило альбигойство. Он веровал в ересь, но, опасаясь католической Церкви, не смел высказаться. Такого же поведения он заставлял держаться и своих вассалов, еще более ревностных поклонников ереси, таких, как виконтов Раймонда - Роже безьерского, Гастона VI беарнского и графов Раймонда-Роже де Фуа, Жеральда IV Арманьяка и Бернарда IV Коммингского. Своей нерешительностью

тулузский граф парализовал их и все дело альбигойцев.

Натура неравномерно одаренная, Раймонд, захваченный новыми обстоятельствами, бесплодно растратил свои силы и под конец жизни с болью в сердце, обесчещенный, сдался курии, которую так ненавидел. У него не доставало ясности политики, потому что не доставало твердости воли; это был его неисправимый порок. Он в одно время казался и способным и сильным, смелым, и робким, когда надо было действовать. Он старался постепенно раздражить Иннокентия. Однако лишь до самой решительной минуты, когда у него непременно опускались руки - не от недостатка смелости, но от того, что он не понимал смысла борьбы и клонился к переговорам. Он, вместо четкой определенности поведения, кокетничал со своим врагом, с могущественнейшим человеком тогдашней Европы, с этим царем над царями.

А Иннокентий продолжал приписывать весь неуспех дела выбору легатов. К 1200 году кардинал Сан-Поль был послан сменить бернардинцев. Для образца ему указали в Риме инструкцию по делам в Витербо. Конечно это ни на йоту не изменило положение дел. К тому же новый епископ в Тулузе, Раймонд де Рабастен, избранный одной из городских партий и находившийся под покровительством графом, стал новым поводом для опасений. Находятся двое искусных к легатству людей - опять цистерцианцы, Петр де Кастельно и Рауль. Они, казалось, не должны были обмануть надежд курии, - и их послали в Лангедок.

Они были простыми монахами в аббатстве Фонфруа в пределах нарбоннской епархии. Оба они родились на Юге. Первый славился энергией характера и подвигами, второй имел степень доктора. Непреклонный фанатик, Петр искал мученического венца. Рауль был более рассудителен, спокоен, враг крайностей. В конце 1203 года оба они начали исполнять свои обязанности в Тулузе.

Легаты решили воздействовать на демократический дух народа, ибо папа, определенном смысле, являлся покровителем и защитником республиканских начал в Европе. 13 декабря были созваны члены капитула и именитые жители столицы. Они принуждены были дать клятву блюсти католичество; а легаты, именем папы, обещали защищать свободу и привилегии города. Те, кто впредь будут давать такую клятву, всегда найдут покровительство и защиту в Риме; тем же, кто стал бы сопротивляться ей, заранее объявлялось об отлучении. При этом присутствовали бальи и вигуэры тулузского графа, все местное духовенство и 20 консулов (10). Последние приложили свою подпись к акту без всякой охоты.

Впрочем, пока уничтожить еретиков было очень трудно, даже невозможно; в это время их духовенство было влиятельнее католического. Оно отличалось не менее стройной организацией, чем латинское. Четыре епископа сидели в Тулузе, Альби, Каркассоне и Ажене. То были: Жоселин, Сикард, Селлерье, имевший резиденцию в замке Ломбере, и Бернард де-Симорр в Каркассоне. У Жоселина тулузского "старшим сыном" был Жильбер, проповедник, заведовавший собраниями в замке Фанжо. "Младшие сыновья" и диаконы, рассеянные на всех пунктах, поддерживали постоянную связь с народом.

Множество проповедников с даром убеждения, вроде Тетрика (Теодорика), Аймерика, Годфрида вели блистательную пропаганду, противодействуя искусству и усилиям легатов. Вдобавок, последние поссорились с местной духовной администрацией. Петр де-Кастельно доносил в Рим на архиепископа нарбоннского, что он и его епископы ничего не делают против ереси, что они предаются симонии, продают должности, наконец мешают деятельности самих легатов (11).

Между тем архиепископ нарбоннский, в свою очередь, жаловался на легатов; говорил, что они стесняют его, вмешиваются не в свое дело; что, не ограничиваясь увещанием еретиков входят в круг епископских обязанностей, позволяя себе наказывать лиц, принадлежащих к Церкви и подотчетных исключительно ему.

Поняв, что эти раздоры не принесут ничего, кроме вреда католическому делу, Иннокентий, в мае 1204 года, решил назначить третье лицо, с тем же званием легата, но с полномочиями, еще более обширными. Его выбор пал на Арнольда, настоятеля главного цистерцианского монастыря, прозванного потому аббатом аббатов.

Арнольд имел огромную славу в церковном мире как ученый и искусный проповедник, перед словом которого не мог устоять самый закоренелый еретик. Сцена предстоящих подвигов была хорошо ему известна. Арнольд был родом из Нарбонны. Говорили, что он происходил из герцогского рода. Долгое время он был аббатом в Тулузе. Католики считали его своей лучшей опорой; альбигойцы видели в нем весьма опасного соперника. Он не был так страшно фанатичен, как Петр; но поэтому-то он был опаснее его. Он умел властвовать над сердцами силой слова, то

громового и сурового, то легкого и лукавого. Его действиями руководили расчет и хитрость; в его глазах любые средства пригодились ради великой цели. На арену действий он принес с собой честолюбие, опытность и несомненный политический гений. Но все это омрачалось страстью к обогащению. Тщеславный аббат, подобно многим даровитым современникам своего сословия, не мог устоять перед мирскими соблазнами. Он поддавался подкупу ради блеска, наслаждений жизни, которую любил и возвыситься в которой поставил себе целью. Но его католический фанатизм не позволил ему, цистерцианцу, сделок с альбигойцами.

Указом Иннокентие все три легата должны были действовать вместе. Папа тогда же просил короля французского Филиппа Августа, а также его сына Людовика, подняться против феодалов Лангедока и оказать посильное содействие легатам к искоренению ереси. "Во имя власти, которую вы получили с неба, побуждайте графов и баронов конфисковывать имущество еретиков и употреблять общие усилия против тех, кто откажется изгнать их из своих земель".

Вместе с тем, желая показать свое доверие Петру и Раулю, Иннокентий велел легатам сменить Беренгария, архиепископа нарбоннского, на которого они жаловались, дозволив им самим выбрать другого, если капитул вдруг окажет сопротивление. Петр де-Кастельно приказал Беренгарию оставить Нарбонну. "Как последнего клирика, вы, отцы Петр и Рауль, без совещаний с аббатом Сито, гоните меня из собственного диоцеза, под страхом отлучения и лишения бенефиции", - так жалуется гонимый архиепископ, сообщая о самоуправстве легатов на имя папы (12).

Но за Беренгарием было преступление – он дал возможность сосредоточиться ереси в своем диоцезе, ибо Тулуза и Альба всегда принадлежали его ведомству; а здесь, благодаря его нерадению, во всей архиепископии почти не существовало искренних католиков. Очевидно, что он был не на своем месте.

Суровый Петр между тем просил папу или вернуть его в монастырь, если он виновник прежних раздоров, или же оказать ему свою поддержку. Иннокентий подтвердил его распоряжение, а Беренгарию повелел повиноваться. Вместе с тем папа вновь побуждает Филиппа Французского и его сына прибыть на Юг и исполнить "его волю над баронами", сочувствующими ереси, то есть побудить их к изгнанию альбигойцев или лишить их владений.

Между тем легаты успели вооружить против себя уже не одних альбигойцев: с ними столь же решительно боролся местный католический элемент в лице своего духовенства. Отлучив архиепископа нарбоннского, легаты вслед за ним за такое же нерадение к церковному делу отлучили епископов безьерского и тулузского. Отлучаемые сильно сопротивлялись и вооружили против легатов свои города. Напрасно духовенству и властям запрещались повиноваться епископам. Для муниципалитета это был предлог усилить торжество ереси, которая не смела восставать так явно, как именем закона и папы это делала епископская партия. Ясно, что куда бы легаты не повернулись, везде они встречали нерешительность, слабость, неуверенность, если не глухое противодействие и подземную борьбу. Эти чувства Петр де Кастельно высказал в откровенном письме к папе.

"Святой отец! - взывал де-Кастельно к Иннокентию. - Никакие легатства не в силах более остановить зло; церковные сосуды и священные книги встречают в Провансе ужасное кощунство над собой. Еретики публично крестят на манихейский лад; они не стесняются проповедывать свои преступные заблуждения. Раймонд де Рабастен, епископ тулузский, преемник благочестивого Фулькранда, - человек жадный и беспокойный, которому никогда не ужиться со своими прихожанами. Уже три года он, помазанник Господа, продолжает войну с каким-то дворянином, своим вассалом, вместо того, чтобы обратить оружие против еретиков, усиления которых вовсе не замечает. Мало этого; он обесчестил себя, торгуя церковными предметами. Архиепископ нарбоннский и епископ безьерский, утраченные возрастающим волнением в своих епархиях, или забывают о своей пастве, или отказываются от всяких карательных мер по отношению к еретикам. Если говорить правду, то надо сознаться, что раздоры между духовенством здесь стали столь вопиющими, что нельзя смотреть на этих недостойных пастырей иначе, как на воинов, случайно забредших в овчарню Иисуса Христа. Феодалы тулузские и безьерские отказали нам в своем содействии. Все они - явные или тайные сторонники и покровители еретиков. Только угрозы французского короля могут побудить их исполнить свой долг..."

Неизвестно, чем бы кончилась эта вражда легатов с местными духовными и гражданскими властями, если бы не умерли оба епископа, тулузский и безьерский, уже собиравшиеся лично ехать в Рим, для оправдания. Того же желал Беренгарий нарбоннский. Папа дал свое согласие выслушать его впоследствии; если же он "по болезни, по старости или другой уважительной

причине, не мог бы прибыть в Рим, то обещался расследовать дело через особых посредников, понимающих и надежных". Своего арагонского аббатства Беренгарий был лишен навсегда, а архиепископство осталось за ним, "дабы дать ему время покаяться в преступлениях, которые он совершил" (13).

Епископ вивьерский не был так счастлив. Легаты низложили его, ссылаясь на то же нерадение, и тем обеспечили себя от новых опасностей.

Новым епископом тулузским легаты утвердили Фулько, известного трубадура, друга и поклонника графа Раймонда, человека пылкого характера, родом марсельского негоцианта, некогда блистательного красавца, автора девятнадцати песен, преимущественно посвященных графине Монпелье, "этой царице всякой доблести, вежливости и ума". После смерти ее и своих друзей, Ричарда английского и Раймонда V тулузского, он пошел в цистерцианцы; его жена последовала примеру мужа. Счастье вывело Фулько из тесных стен аббатства Торонэ на широкую арену деятельности в сане тулузского епископа. Обряд посвящения Фулько должен был совершать епископ Арля. Местные жители ожидали, что новый епископ поладит с графом, хотя последний и сочувствовал Раймонду де-Рабастену, его предшественнику, - но вышло совершенно противное. Вряд ли в ком, после папы и легатов, альбигойцы приобрели себе врага более опасного, как в лице этого некогда веселого трубадура.

Католики надеялись, что красноречивый Фулько, будет привлекать в церковь своими проповедями так же, как привлекал некогда рыцарей своими песнями. Но лишь только бывший трубадур переменял тон и вместо нежных стансов любви стал цитировать псалмы, среди тулузцев его популярность пала. Храмы по-прежнему оставались пусты. Арнольд был в отлучении. У легатов и его товарищей опустились руки. Петр и Рауль хотели уже отказаться от возложенного на них дела и удалиться в монастырь. Но тут их выручило неожиданное обстоятельство.

В это самое время случилось проезжать через Тулузу епископу кастильского города Озмы, дону Диэго. Его, в сопровождении нескольких монахов, послал король Леона Альфонс VIII в Скандинавию сватать невесту инфанту Фердинанду. Один из спутников епископа, его любимец, кафедральный приор, по имени Доминик, еще во время первым проезда через Тулузу успел заставить говорить о себе. Сказывали, что он в одну ночь успел обратить закоренелого еретика, у которого им пришлось остановиться. Теперь путешественники возвращались из домой. Дон Диэго, увидавшись с легатами в Монпелье, с первого слова стал говорить об еретиках, которые, после византийского похода^{*3}, тогда всецело занимали Церковь.

- Увы! - говорил Рауль, весь в слезах. - Здесь мы совершенно бесполезны. Наше пребывание только унижает достоинство святейшего отца и величие Церкви. Время нам удалиться на гору для молитвы с Моисеем, так как биться с врагами в рядах Иосии мы больше не можем.

- Братья, - отвечал дон Диэго, помните, что врач только тогда и напрягает все усилия, когда велика опасность для больного. Чтобы восстановить сокрушенную веру, надо, мне кажется, употребить те самые средства, которые содействовали ее торжеству.

- Какие же?

- Вспомните, как проповедовали апостолы. Они питались милостыней, ходили пешие, блистали не царским блеском, а добродетелями, были сильны силой возвещения истины. Нам следует подражать их святому примеру.

Легаты почувствовали намек на характер своих действий, на свою гордость, пышность, честолюбие. На этот раз в их внутренней борьбе одержал победу их католический энтузиазм.

Кастельно молчал. Рауль продолжал говорить.

- О, Боже! Чего бы мы не сделали для славы имени Твоего, для торжества Твоего дела. Но кто же направит нас по этому новому пути, по евангельской стезе? Ведите нас, епископ, помогите нам сокрушить еретиков.

- Мне ли, грешному, указывать путь спасения другим! Нет, я никогда не буду вашим вождем; но во мне вы найдете брата и помощника. Вместе мы станем трудиться, дабы изгнать демона, который овладел этой несчастной страной (14).

И, следуя своему обещанию, епископ тот час же распустил свою свиту, слуг, отослал экипажи. Показывая пример легатам, подобно нищему, он остался без всяких средств к существованию, обрекая себя на милостыню. При нем остался тот самый Доминик, которому когда-то удалось здесь совершить чудо и о котором ходила молва как о святом.

Этому человеку суждено было играть немаловажную роль в будущем прозелитизме

*3 То есть после взятия в 1204 г. Константинополя.

католичества, а системе его, косвенным путем, в искоренении альбигойства.

Жизнь святого Доминика (1170-1221 г.), как и не менее знаменитого современника его, св. Франциска, не лишена налета легендарности. Он происходил из богатого кастильского дома д'Аца, из местечка Каларнога, недалеко от Озьмы. С шести лет он был определен к духовной должности. Он пошел в Налепсию, в тамошнее высшее училище, послужившее родоначальником саламанкского университета. Здесь он выказал большие способности и, вместе с тем, склонность к созерцательной жизни. Вернувшись домой, во время голода он раздал все, что имел, и тем подал пример другим. Епископ, отдавая ему должное, сделал Доминика каноником и записал в августинское братство, только что открывавшееся; в монастыре вскоре его избрали приором (15). Обладая энергией и красноречием, он видел свое призвание в проповеди и нашел свое поприще в Лангедоке. Он стал руководителем того дона Диего, который позже стал руководить другими.

Самоотречение епископа, провозглашенное в беседе с легатами, подготавливалось и совершалось под влиянием Доминика. Босой, истекая кровью от острых камней, Диего иногда терял энергию, тоскуя о привольных палатах своего аббатства. "Смелее, веселее, - тогда раздавался голос его спутника. - Бог обещает нам победу; кровь наша льется за грехи наши". В Монреале проповедники, с трудом добывавшие себе дневное пропитание, встретились с аббатом Арнольдом, который привел с собой 12 других аббатов, ходивших за ним, "наподобие апостолов". Здесь повторилась монпельерская сцена с той разницей, что убеждал на этот раз не епископ, а Доминик.

"Вы путешествуете с целыми обозами мулов, полными нарядов, и всяких яств - с чего бы еретики стали верить вашим поучениям! Они и без того ищут предлоги для обличения разврата наших духовных лиц, а особенно монахов. "Посмотрите, - скажут они, - как эти пышные люди поучают о Спасителе, который ходил босым; послушайте, как эти богачи презирают бедных." Если вы хотите что-нибудь сделать, то прежде всего бросьте ваш суетный блеск, ступайте босыми, поучайте собственным примером." Арнольд вполне сочувствовал тому. Он разослал своих апостолов по всей стране, предписав им искать диспутов с еретиками.

Рвение же Доминика росло постоянно. Среди католиков не переставали говорить о его чудесах. После одного богословского диспута он изложил свои доводы на бумагу и вручил ее еретикам. Те на первом же своем собрании решили ее сжечь. Трижды бросали ее в огонь, но бумага не занималась пламенем. Один солдат, пораженный этим, якобы поспешил обратиться в католичество. Но не только подобными чудесами достигал усмеха Доминик. Когда ему приходилось сталкиваться с неминуемой опасностью во время споров с ожесточившимися альбигойцами, он поражал их тем же хладнокровием, каким они привыкли поражать католиков. Вообще Доминику его поприще казалось недостаточно обширным: он говорил, что пойдет искать мученического венца за неведомым морем (16).

При перемене целей и способов борьбы и при таком новом деятеле, каким был Доминик, удаление Диего не могло повредить успеху католиков. На обратном пути в Испанию, в Памьере, Диего встретился с вальденсами, с которыми имел большой диспут, в присутствии епископов тулузского и каркассонского. Свидетелем его стал сын графа де Фуа, Раймонд Роже, один из могущественных покровителей альбигойцев; жена его и сестра были рьяными последовательницами Вальдо. Граф отвел для состязания свой дворец. Католическая летопись говорит, что Диего остался побежденным, но граф, посредник при диспуте, как ни расположен был к еретикам, принужден был обличить их и приговорить к светскому наказанию (17).

Диего не суждено было увидеть родину; он умер через несколько дней. Новым проповедником стал французский аббат Гюи, дядя историка альбигойских походов. Перемена системы проповедей смогла несколько поднять упавшее католичество, хотя и не надолго.

Среди непрестанной борьбы, в голове Доминика зародились новые замыслы. Он давно понял, что духовный способ воздействия на ересь скорее всего приведет к цели. Братство, состав и характер которого он уже представил, могло, по его мнению, реализовать цели Иннокентия.^{*1} Назидание и христианское воспитание согласовывались с помыслами папы. Но доминиканцам не суждено было соблюсти свою миссию в чистоте. Прежде чем просить разрешения Рима на утверждение общины с ее широкими задачами, Доминик захотел испытать его на деле. Недалеко от Монреала, в земле тулузского епископа, он основал монастырь de Prouille, где поместил для обучения 11 девиц известных фамилий; девять из них прежде были в альбигойской вере. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось отгонять скуку работой.

^{*1} Речь идет о будущем ордене доминиканцев, утвержденном в 1216 году папой Гонорием III.

Потом, там же появляются и мужские школы, весь настрой которых был на проповедь. Открылось и общество бедных католиков; основателем его был испанец Дюран де-Гуэска, душой же - Доминик.

Постепенно монастыри этого братства появились в разных местностях. В них учились между прочим и полемике, искусству обращения еретиков; братья и ученики их жили милостыней, ходили в белых или серых рясах.

Иннокентий был в восторге от них; он принял монастыри под свое верховное покровительство. Из этих монастырей и вырос впоследствии доминиканский орден. Развивать риторические таланты было необходимо тем более, что на больших диспутах с еретиками католики нередко оставались побежденными. Так, незадолго до этого времени, произошло знаменитое состязание с вальденсами в Монреале, где сошлись талантливые борцы той и другой стороны. Тут были все легаты, Гюи де Во-Серне, сам Доминик и столпы ереси: Арнольд, Оттон, Жильбер Кастрский, Бенуа де Терм, Павел Иордан. Толпами любопытных, помпой и блеском диспут напоминал Ломбер, но разница была та, что здесь посредники были лицами, не питавшими к ереси отвращения. В нем заседали бароны и князья. Увлечение спорящих было до того сильно, что они не могли закончить спора в продолжении 15 дней (18). Было решено продолжить его путем богословско-литературной полемики.

Таково было направление римской политики на Юге, когда случились события, потрясшие всю Европу и послужившие непосредственным толчком альбигойских войн.

Петру де-Кастельно однажды удалось встретиться с графом Раймондом VI. В последнее время Раймонда, поглощенного феодальными войнами в Провансе, увидеть было трудно.

Между тем Петр искал его давно, ибо о сути происходящего следовало объясниться открыто. Между ними произошел следующий разговор, воспроизведенный позднейшим историком из летописных данных.

- Граф, вам пора наконец объявить, кто вы, друг или враг наш, - начал легат. - Если вы - покровитель ереси, то присоединяйтесь явно к еретическим баронам; если же вы не расположены к ней, то разите ересь в сердце, ибо иначе она, как язва, пожрет все ваши домены.

- Я так бы и сделал, господин легат, если бы некоторые провансальцы не причинили мне тяжкого зла, думая отложиться от своего законного сюзерена.

- Но они предлагали вам мир.

- Знаю; но на каких же условиях?

- Вам, конечно, герольды передавали их.

- Да, хороши условия! По нашему, господин легат, такой мир во сто крат хуже войны. Они хотят мне связать руки и ноги и заставить ходить на их помочах. Клянусь Сен-Жиллем! Нет, я достаточно хитер, чтобы не попасться на зубы волку, которого сам же затравливаю. Дайте нам кончить эту войну; тогда, в качестве феодального сеньора, я сделаю для Церкви все, что могу.

- Если так, то сейчас же удалите из вашей армии осужденных еретиков, которые заражают остальных воинов.

- Никогда, государь легат, никогда. Вальденец ли, католик ли, - все одинаково храбрые служаки в день битвы.

- А! Теперь я вижу, вы прямой защитник ереси.

- Ничуть. Я терплю ее, и только.

- Вздор! Тот, кто не за нас, - тот против нас! Читайте, - воскликнул, теряя самообладание легат и, положив сверток, запечатанный папской печатью, вышел из комнаты (19).

Раймонд развернул грамоту и прочел следующее.

"Благородному мужу Раймонду, графу тулузскому, дух мудрого совета! Если бы мы могли раскрыть твое сердце, то нашли бы в нем и увидели гнусные мерзости, совершенные тобой. Но так как сердце твое крепче камня, то можно еще пробить его словом благодати, но невозможно проникнуть в него. О! какая гордыня овладела твоим сердцем, сколь велико твое безумие, язвительный человек; ты не хочешь знать мира с соседями и нарушаешь законы божеские, желая присоединиться к врагам веры. И кто ты такой, один противящийся миру, чтобы подобно врагу кинуться на труп в то время, когда могущественнейшие государи и сам король аррагонский клялись блюсти мир по приказу легатов апостольского престола. Не краснеешь ли ты, нарушив клятву, которую дал, обещая изгнать еретиков из своих владений? Когда, во главе разбойников арагонских, ты свирепствовал по всей арелатской провинции, епископ оранский просил тебя пощадить монастыри и хотя бы в праздничные дни воздержаться от опустошения страны, а ты клялся в это самое время, что не будешь уважать ни праздников святых, ни воскресных, и что

лишишь бенефиций всех тех, кто служит Церкви. Клятву, или лучше клятвopеcтупление, тобой совершенное, ты держишь гораздо крепче, чем твои клятвы, вынужденные обетованием блаженной кончины. Нечестивый, жестокий, варварский тиран, не ты ли себя покрыл позором покровительство ереси, не ты ли отвечал на эти упреки, что найдешь среди еретиков епископа, вера которого лучше католической? Не тебя ли обвиняют в вероломстве, когда ты, презирая просьбу Кандельских монахов восстановить истребленные тобой виноградники, тщеславно оберегал имущество еретиков? Легаты по справедливости отлучают тебя и налагают интердикт на твою страну. Поскольку ты предводительствовал шайкой арагонцев, презирал дни поста и праздников, в которые должен был заботиться о безопасности и мире, поскольку ты отказываешься поступать честно с твоими врагами, клятвенно предлагающими тебе мир, поскольку даешь общественные должности жидам, к стыду имени христианского, поскольку опустошаешь монастыри и церкви, храмы обращаешь в укрепления, увеличиваешь налоги, поскольку изгнал нашего почтенного брата, епископа Карпантра из его епархии, - за все это мы подтверждаем их распоряжение и сим повелеваем, чтобы оно было приведено в исполнение, если ты немедленно не дашь нам должного удовлетворения. Но, несмотря на тяжелейшие прегрешения твои, как против Бога и против Церкви вообще, так и против нас в частности, мы, следуя данной нам власти исправлять заблудших, обращаемся к благородству твоему и увещеваем, напоминанием суда Господня, принести скорее покаяние, сообразное твоим преступлениям. Однако, не будучи вправе оставить без наказания столь великие несправедливости против вселенской Церкви и против самого Господа, даем тебе знать, что мы накладываем интердикт на земли, которыми ты владеешь от Римской Церкви. Если же и подобное наказание не заставит тебя вернуться к своему долгу, тогда мы примем меры, чтобы все соседние государи поднялись против тебя, как против врага Христова и гонителя Церкви, и удержали бы за собой те земли, которые захватят, дабы исторгнуть их из твоей власти, потворствующей еретической заразе. И всем этим не истощится гнев Господень над тобой; рука его, доселе над тобой распростертая, раздавит тебя и покажет, что трудно избежать гнева Его, так преступно вызванного. Написано в Риме, у Святого Петра, 26 мая, лето же папствования нашего десятое от Рождества Христова год 1207 (20)."

Так, ровно с середины первосвященничества Иннокентия, изменилась его политика. Все паллиативные меры отжили в его глазах свое время: он успел потерять веру в пользу той системы, которую создали Диего и Доминик, не угрозой, а собственным примером и увещанием действовавшие на заблудших. Папа, доселе гуманный, с высоты своего престола грозит оружием. Как объяснить эту резкую перемену?

Дело в том, что Иннокентий наконец понял: компромисс с альбигойцами невыносим, на его убеждения его они, сильные своим духом, не сдадутся; папа понял, что вскоре католицизму грозит борьба за существование. Если не он, то его преемники должны будут действовать против ереси оружием. Оказавшись перед этой горькой необходимостью, Иннокентий III осознал свою миссию. Трагичность истории поставила его в положение, противное принципам его характера, но совершенно соответствовавшее чертам той мировой теократической системы, которую он хотел создать.

Внезапной переменой его убеждений объясняется и редакция буллы. Она полна натяжек, и потому доводы убедительные в ней чередуются с ничтожными; в ней заметно желание придаться, по возможности мотивировать свое дело, отыскать какие бы то ни было доводы, взять количеством аргументов и характером их подачи. Указав на распоряжение легатов, булла выражается: "Итак, поскольку одновременно с тем и перед этим и т.д.", будто дальнейший перечень нов, будто он не исчерпан самой сущностью прежней формулы, будто не ясно просвечивает желание поразить одним количеством видимо разнообразных преступлений. Виноградники кандельские слишком не важны сравнительно со всей системой оппозиционных действий тулузского графа. Судьба одного епископа была незаметна в сравнении с систематическими гонениями на католическое духовенство в Лангедоке. Частная феодальная тяжба наскоро привязана к религиозному и мировому вопросу. Папа изображает себя защитником политических прав свободного народа цветущей страны, только кое-где терзаемой шайками арагонцев, но, если демократизм Иннокентия не противоречил римской политике, и тем более его личным убеждениям, то здесь он - одно из орудий к страстным нападкам на графа тулузского.

Но Раймонд VI в душе прекрасно понимал, что он, в глазах Рима, вполне заслуживает и такой буллы и ее угроз. Он знал, что ему давно уже следовало ждать их исполнения, и все-таки теперь, в решительную минуту, когда пришло время расквитаться с папой и католицизмом, у него

по-прежнему не было отваги. Разлад, слабость личного характера взяли свое. Он испугался борьбы как раз когда надо было обнажить оружие, - и губил тем самого себя, как и всех остальных альбигойцев.

Убийство Петра де Кастельно

Раймонд спешит заключить требуемый мир и принимает условия провансальских католических баронов. С горечью в сердце он приехал в Сен-Жилль, где ждало его все семейство. Там же произошла неожиданная встреча с вечно преследующим его, подобно тени или мрачному духу, Петром де Кастельно. Петр один во всей стране бурно работал на католическую партию. Он, вместе с Арнольдом (Рауль умер вскоре после смерти дона Диего), подтвердил мирный трактат и обязательство графа принять решительные меры против еретиков. Но он вновь не видел их исполнения. Началось крупное объяснение. Теперь легат наступал решительно, со всем самозабвением фанатика. Присутствие многих свидетелей побуждало графа смягчать свои высказывания, а на легата, напротив, действовало возбуждающе. Петр повысил тон до последней возможности, как бы стирая в прах Раймонда и всех его единомышленников, и, наконец, разошелся так, что звуки его голоса проникали в отдаленные части готической залы, заполненной баронами и рыцарями.

- Теперь, граф, я объявляю тебя клятвopеступником; гнев Божий да разразится над тобой. Я отлучаю тебя от Церкви. На всех землях твоих отныне объявлен интердикт. С этого дня ты враг Бога и людей. Подданные твои освобождены от присяги. И, - сказал он, возвысив голос, так что его гул наполнил высокую залу замка, - тот, кто свергнет тебя, поступить справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком!

- Повесить негодяя! - закричал в бешенстве граф, делая движение в сторону легата.

- Именем святого посланничества моего, - произнес Петр с яростным вдохновением, - я запрещаю всякому поднимать руку на помазанника Господня!

Раймонд еще продолжал грозить легату, когда тот вышел из залы. В свите было сильное движение графа, ибо тут большей частью присутствовали люди, явно или тайно исповедывавшие ересь. Проклятия и смелость Петра вызывали в них лишь чувства негодования и мести. Раймонд, со своей стороны, имел неосторожность заметить, что наглец не выйдет живым из его владений. Нашлось немало людей, готовых услужить графу, хотя известно, что аббат Сен-Жилльский, консулы и даже многие влиятельные граждане приняли все меры, чтобы утихомирить страсти.

Легату дали спокойно выехать из города. Он торопился перебраться через Рону. Утром на другой день, 15 января 1208 года, он был у переправы и отслужил короткую мессу; с ним оставалось несколько монахов. У берега стояла лодка; в ней находились двое людей, по-видимому гребцы.

- Если вы не еретики и не иудеи, - сказал он, - садясь в лодку, - то не откажитесь дать убежище проповеднику Святого Евангелия, который бежит с земли гонения.

Он уже занес ногу в лодку, как-то один из гребцов поднялся, будто желая пособить ему, и одним ударом кинжала опрокинул Петра. Смертельный удар попал в бок возле сердца. Несколько взмахов весел - и убийцы были в безопасности; лодка скрылась по течению.

Обливаясь кровью, легат на руках своих спутников, твердя, едва шевеля губами: "да простит их Господь, как я их прощаю." Он успел передать еще несколько наставлений и тихо скончался со словами молитвы на устах (21).

Мнимые гребцы были из числа тулузских придворных. Граф Раймонд, видимо, являлся соучастником этого преступления. По слухам, он даже наградил убийцу.

С ужасом узнал об этом товарищ Петра, Арнольд; с неменьшим ужасом узнали о страшном убийстве и в Тулузе. Арнольд донес обо всем Иннокентию и крестовый поход был предreshен.

Воззвание папы

Негодование папы и римской курии не знало границ. За всю историю католической Церкви подобного случая не бывало. Гибель первых апостолов Христовых от руки язычников производила впечатление гораздо более слабое. Только убийство древних римских послов некогда волновало площади вечного города с той же силой, как теперь весть о злодействе над легатом. Неприкосновенность легата была делом свято узаконившимся. Ею определялось все могущество, все влияние курии на мир. У папы не было легионов чтобы охранять своих послов и доселе в том

не виделось надобности.

Провансальским епископам и всему католическому миру возвестилась воля Иннокентия. Через несколько недель в Тулузе читали следующую грамоту:

"Иннокентий, епископ, раб рабов Божиих, нашим возлюбленным детям, благородным мужам, графам, баронам и всем рыцарям, находящимся в провинциях: Нарбонны, Арля, Эмбрюна, Э и Вьенны, а также архиепископам их, передает привет и апостольское благословение.

Мы услышали ужасную весть, которой принуждены были поверить лишь вследствие общей печали, овладевшей всей Церковью. Мы узнали, что брат Петр де-Кастельно, блаженной памяти монах и священник, муж добродетельный между всеми людьми, знаменитый своей жизнью, знанием, славой, предназначенный вместе с другими к евангельской проповеди мира и к утверждению веры в Окситанской провинции, - узнали, что этот труженик, достойно исполнявший обязанности, возложенные на него, и не перестававший работать, как вполне постигший в деле Иисусовом то, чему учит оно, умерщвлен."

Описав со всеми подробностями это убийство, булла продолжает:

"Хотя несчастное общество заблудшихся провансальцев не заслуживает, при всем желании своем, того, чтобы на нем запечатлелось мученичество брата Петра, мы все-таки склонны думать, что он смертью своей хотел искупить души, дабы не погибла вся страна, которая, терзаемая ересью, могла бы только кровью мученика исцелиться от своего заблуждения. Такова была, и вечная заслуга Иисуса Христа, такова и чудодейственная тайна Спасителя, который, будучи видимо побежден на земле, в сущности торжествует той благостью, в силу которой Он, умирая, разрушил смерть, продолжая давать своим слугам торжество над победителями, некогда поражаемыми. Семя пшеницы, упавшее на землю, но не взросшее, остается одиноким, а исчезнувшее дает обильные плоды. И потому, пребывая уверенными, что плод от этого обильного посева должен произрасти в Церкви Христовой... и в тоже время не теряя надежды на то, сколь великая потеря будет для Церкви в пролитии крови, и сколь великий успех обещал Господь его проповеди в стране, за которую мученик пал, мы сами рачительнейше приказываем нашим почтенным братьям, епископам и их суфраганам^{*1} известить по их диоцезам, что отныне убийцу слуги Господня, а вместе и тех, кто помогал его ужасному преступлению, делом, словом и помышлением, тем более его укрывателей и защитников, именем Всемогущаго Бога, Отца, Сына и Святого Духа, властью блаженных апостолов Петра и Павла и нашей, - считать всех таковых отступниками и пораженными анафемой. Отныне церковному интердикту подлежит всякое место, где покажется убийца или какой-либо из его соучастников. Об этом епископы и все духовенство должны объявлять по воскресениям и по праздникам утром при звоне колоколов и при зажженных факелах, пока отлученный не осознает преступление и не склонится к Церкви римской. Мы приказываем им, епископам, вместе с тем объявить безопасное отпущение грехов именем Бога и его наместника тем, кто одушевлены или ревностью к вере православной, или мстью за кров праведника, вопиющей от земли к небу; а также и тем, кто мужественно опояшется и вооружится на зачумленных нападающих на веру и истину. Труд, начатый ими, да будет для них искуплением грехов, за которые, они должны были принести Господу сокрушение своего сердца и искреннее покаяние. Мы пребываем уверенными, что зачумленные провансальцы думали не только отнять у нас паству нашу, но и совершенно сокрушить нас самих и что не удовольствуясь изощрением ругательств на гибель душ христианских, они простирают руки даже на сокрушение телес, будучи таким образом развратителями одних и убийцами других.

Что же касается до вышеупомянутого графа, то, хотя он уже с давних пор поражен ножом анафемы по причине многочисленных и великих преступлений его, о которых рассказывать здесь было бы слишком долго, но, поскольку, на основании достоверных свидетельств, он оказывается виновным в смерти святого человека, не одним тем, что грозил публично умертвить его и подготовил засаду, но еще и потому, что убийцу подвижника принял под свое покровительство, наградив его большими дарами, повелеваем архиепископам и епископам торжественно объявить его преданным анафеме. И так как, следуя каноническим постановлениям Святых Отцов, вера не должна быть хранима для того, кто не хранит ее для Бога, то сказанного графа отлучить от общения с верными и, желая скорее удалять от него, чем привязывать к нему, властью апостольской приказываем объявить освобожденными всех тех, кто связаны с этим графом клятвами верности, общности, союза и другими подобными причинами, и предоставляем всякому католику не только преследовать его, но даже занять и держать его земли и домены с

^{*1} То есть избирателям (лат.).

соблюдением прав его государя - сузерена, дабы этими средствами завершить очищение от ереси, силой и умением, земли, которая но сей день была позорно повреждаема и попираема злодейством сказанного графа; ибо не будет несправедливым, если руки всех поднимутся на того, кто сам на всех поднимал свои руки. Если же такое осуждение не заставит его опомниться, то мы будем вынуждены сильнее наказать его. Но если, каким бы то ни было способом он будет обещать нам удовлетворение, то следует принудить его в знак раскаяния употребить все усилия к изгнанию последователей еретического нечестия.

В силу того, что, по гласу истины, должно бояться не тех, кто убивает тело, а скорее тех, кто могут послать тело и душу в геенну огненную, мы, веруя и уповая на того, кто, стремясь избавить верных от страха смерти, умер и в третий день воскрес, - надеемся, что умерщвление раба Божия Петра де-Кастельно не только не внушит никакого страха ни нашему почтенному собрату епископу консеранскому, ни нашему возлюбленному сыну Арнольду, аббату Сито, легату апостольского престола, ни другим православным последователям истинной веры, но, напротив, воспламенит их любовью. И пусть они, одушевленные примером того, кто счастливо заслужил жизнь вечную ценой смерти временной, не поколеблются пожертвовать ради Христа, если бы то оказалось необходимо, и самую жизнь свою.

Посему, мы сочли за благо советовать архиепископам и епископам, чтобы они, увещевая свои паствы молитвами, а также наставлениями и дружным подчинением спасительным распоряжениям и повелениям наших легатов, содействовали последним во всех тех случаях, в которых они решат дать им повеление по желанию своему или их храбрых соратников; сим извещаем их, что всякое обнародованное постановление легатов не только против мятежных, но и против ленивых, мы повелеваем признавать как бы одобренным нами и выполнять беспрекословно.

Написано в Латеране, шестого марта, лето же папствования одинадцатое" (10 марта 1208 г.) (22).

Римская государственная канцелярия, как и надо было ожидать, проявила необычную деятельность в дни получения известия об убийстве Петра. Тем же числом были помечены и другие буллы, написанные по данному поводу и содержавшие ряд мер и распоряжений, имевших великие последствия.

Архиепископ лионский должен был требовать от своей епархии содействия "в столь святом деле, в службе достойной Господа". Аббат Арнольд получил вместе с ободрением и извещение о назначении ему помощника в лице епископа консеранского, с которым вместе он "должен благоразумно и неотступно ведать дело вселенской Церкви, как укажет Господь".

Среди конклава и в голове его вождя создавались различные политические соображения и планы. Архиепископу турскому и епископам парижскому и нивернскому было поручено действовать к возбуждению французского короля и вельмож против еретиков. Все графы, бароны и народ французский получили подобное же послание, как и сами южане (23). Епископу турскому и местным цистерцианским аббатам предписывалось употреблять все усилия, чтобы короли французский и английский как можно скорее помирились или хотя бы немедленно заключили перемирие, дабы тем не подавали дурного примера своим поведением ввиду церковных бедствий^{*1}.

Политика королей французского и арагонского

Но важнее всего и, вместе с тем, труднее было убедить Филиппа Августа содействовать Церкви и целям папы, а без него все планы расстраивались. Читатели могут припомнить, в каких отношениях находился с ним Иннокентий по поводу дела Ингебурги. Возмущенный вмешательством Рима, своей вынужденной уступкой, интердиктом, рядом оскорблений, находившийся и теперь под каким-то гнетущим взором Иннокентия, король мог или решительно отказать в помощи, или поставить доставить римской курии затруднения. Но Иннокентий, всегда счастливый, не терял надежды на успех и когда писал к Филиппу. Он смотрел на эту грамоту как на воззвание к фанатичному духу средневековых народов. Оттого-то в этой булле использованы особые приемы, то обличительные, то делающее ее скорее грозным обращением могущественного

^{*1} Как раз в это время Филипп Август отвоевал у английского короля (тогда уже Иоанна Безземельного) Нормандию (к 1204 г.) и вел успешную борьбу за наследственные земли Плантагенетов - Мен, Пуатье, Анжу, Турень.

государя ко всему миру, чем посланием представителя высшей духовной власти. Эта булла - один из лучших литературных памятников европейской теократии.

"Если твоя королевская ясность, обозревая своим взором всех государей мира, сознает себя преимущественно перед другими осененным покровительством Господа, который по благодати своей, а также по заслугам, которые ты и предки твои сделали перед врагами его, и так как многократно имя твое достойно прославления, то и почитает на тебе благодать в настоящем и уготовалась слава в будущем, особенно потому, что, доверяясь одной святой католической и апостольской Церкви, ты всегда ненавидел и чуждался секты еретического нечестия". Затем, изложив все подробности убийства легата и сделав указание на необходимость крестового ополчения, папа обращается прямо к королю, восклицая: "Итак, гряди, воин Христов, гряди христианнейший государь, да подвигнется благочестивейший дух твой стоном святой вселенской Церкви и да будешь ты самым ревностным в отмщении столь великой несправедливости к Богу твоему. Услышь, как взывает к тебе кровь праведника и побуждает стать щитом Церкви против тирана и врага веры. Если кто до сих пор со славой вооружался за мирское дело, то тем более достоин хвалы ополчившийся за Христа, который тяжко гоним своими недостойными рабами. Восстань в удобное время для совершения праведного суда и не отврати ушей своих от вопля Церкви, неумолчно взывающей к тебе: "Восстань и суди дело мое (Псал. LXXIII)..." Посему, возлюбленный сын, возьми меч против злодеяний, и прими славу добрых от Господа, соедини меч свой с нашим, дабы мы отомстили столь позорным и дерзновенным злодеям. Последуй Моисею и Петру, этим двум отцам обоих Заветов, обозначивших единство между царством и священством, из которых один основал царство священническое, а другой наименовал царственное священство... И князь Апостолов говорит: "вот два меча" (Лука XXII) и, наконец, сам Господь ответом своим показал, что есть два меча, вещественный и духовный, содействующие друг другу, из которых один помогает другому. А так как, после убийства сказанного праведника, Церковь в странах тех находится в тоске и печали, без помощи и утешения, вера же погибла, мир исчез, а еретическая язва и ярость вражеская восторжествовали, и также принимая в соображение, что, с начала бури, нет достаточного утешения в религии и что корабль церковный представляется совершенно погибшим в крушении, мы обращаемся к твоей королевской честности и увещиваем тебя, отпуская тебе прегрешения твои, с доверием на благодать Христову, дабы в такой крайности и великой необходимости, ты не замедлил прийти на помощь... Мы же не перестаем ожидать, что ты будешь напрягать все усилия к умиротворению тех народов, ибо твое призвание царственное в государстве своем - водворять дело мира, подобно мудрейшему из царей, Соломону, который, пред лицом Бога вечного, призван был быть миротворцем. Всеми путями, какими направить тебя Господь, ты будешь стараться уничтожить вероломство еретическое, как и последователей нечестия, сражаясь с ними рукою могучей и дланью далеко простертой, суровее чем с сарацинами, ибо они суть хуже их. Помимо этого, повелеваем тебе, если вышеназванный граф Раймонд, который, заключив союз с духовною смертью, пока продолжает грешить и пока не отказывается от своих преступлений, вздумал бы избрать иной путь в покаянии, определенном ему, и, с лицом покрытым бесчестием, воспринял бы намерение снова искать имя Божье и дать должное удовлетворение нам и Церкви или, скорее, Богу, то все-таки желаем тебе не переставать пользоваться над ним предоставленными тебе королевскими правами, изгоняя его самого и последователей его из замков и лишая их земель, им принадлежавших. Очистив долины от еретиков, ты водворишь католических жителей, которые, следуя уставам твоей православной веры и пребывая в святости и справедливости, под твоим счастливым правлением, не перестанут служить пред Господом" (24).

Теперь Рим становится неумолимым и сторонится всяких дальнейших сделок с еретиками. Не доверяя им более, он отказывается от увещаний, вместо которых направляет на Юг армии крестоносцев.

Впрочем, на Филиппа II столь решительное послание подействовало мало. Практичный король предпочитал пользоваться готовой добычей, кровью и трудами других, чем рисковать всем, чего он успел достичь, уклоняясь от задачи восстановить единовластие в феодальном королевстве, и без Лангедока представлявшем собой пеструю смесь элементов. Самое большее, что он обещал сделать для крестового дела, - это не мешать вооружаться своим подданным. Раймонд, по жене, приходился ему двоюродным братом. Есть свидетельства, что король продолжал поддерживать с ним дружеские отношения. Еще в мае 1208 года король писал ему о церковных бенедикциях (25).

Когда, после римского воззвания, авантюристы и фанатики, из простого народа и рыцарства,

стали собираться во Франции для похода на Юг, то Раймонд при личном свидании просил Филиппа Августа воспрепятствовать тому. Как у близкого родственника он просил у него совета. В ответ, король предлагал ему помириться с папой. Понимая затруднительность положение своего сузерена, Раймонд обратился к сопернику Филиппа, императору Оттону^{*1}, чем вызвал против себя естественное негодование французского короля.

Устранить или задержать крестовое ополчение Филипп не мог, даже если бы и захотел. Католическое духовенство и народ явились деятельными помощниками папской политики. Легаты успешно вели свое дело, дело пропаганды. Главному из них, аббату Арнольду, поэтическая провансальская летопись приписывает даже мысль о самом крестовом походе, и это место важно для нас, ибо оно выражает общее убеждение того времени. Будучи в Риме, он якобы сказал Иннокентию:

«Святой Отец, скорее пишите ваши латинские грамоты, поднимите великий шум, а я разнесу их по Франции, по всему Лемузену, Пуату, Оверни, до самого Перигора. Объявите повсюду индульгенции от здешних стран до самого Константинополя, по всей земле христианской, что тому, кто не вооружится, будет запрещено пить вино, есть за столом по утрам и вечерам, одеваться в ткани пеньковые и льняные, и что если такой умрет, то будет похоронен, как собака».

И все сделалось по этим словам, прибавляет хроника, по этому совету. Папа с грустным видом сказал аббату:

«Брат, поезжай в славную Тулузу, раскинувшуюся на берегах Гаронны. Ты поведешь туда ополчение крестоносцев против неверующего племени. Именем Иисуса Христа прощай верным их грехи, и проси и увещевай их от меня изгнать из среды себя еретиков».

Вот что говорит летописец:

«И настолько далеко, насколько простирается земля христианская, во Франции и во всех других королевствах ополчались народы, лишь только узнавали о прощении грехов и никогда, как родился я, не видал столь великого воинства, как то, которое отправилось на еретиков и иудеев. Тогда надели крест герцог бургундский, граф неверский и другие многие синьоры. Не стану я перечислять тех, которые нашили себе кресты из парчи и шелка, наколов их на правой стороне груди; не стану описывать их вооружение, доспехи, гербы, их коней, закованных в железо. Еще не родился на свете такой латинист или такой ученый клирик, который из всего этого мог бы рассказать половину или треть, или переписать одни имена всех священников и аббатов, которые собрались в лагере под Безьером, за стенами города, на полях окрестных" (26).

Нет сомнений, что перед таким движением, при таких приготовлениях, отвага Раймонда тулузского пала. Он хотел отклонить удар новым изъявлением папе своей покорности. Он пытался просить о заступничестве даже Арнольда. "Я ничего не могу сделать для вас без папы, да это и не в моей власти", было ответом легата.

Тем более ничего не могли сделать в его пользу новые легаты, ни Наварр Консеранский, ни Гуго-Раймонд, епископ Рицеа, только что уполномоченный Иннокентием. Тогда Раймонд отправил в Рим знатное посольство из архиепископа Бернарда д'Э и Раймонда Рабастана, бывшего епископа тулузского (27). Они имели целью ходатайствовать перед папой о милосердии и принести жалобу на бессердечие легата Арнольда и его крайнюю суровость.

Примерно в это время из Рима выехали Фулькон, епископ тулузский и Наварр, епископ консеранский. Как местные католические верховные власти, они со своей стороны успели представить дело Иннокентию в своих красках и по-прежнему требовали удаления Раймонда. При всем том, Иннокентий еще был настолько беспристрастен, что принял доверенных послов графа, откровенно беседовал с ними и видимо снова думал о примирении.

Послы привезли ему формальную уступку графства Мельгейль, за которое Раймонд обещал присягнуть папе, "как за собственность Святого Петра" (28). Папа, нуждаясь не в территории, а в приобретении ручательства за будущую верность Раймонда, отказался от этого дара. Он обнаружил некоторую благосклонность к графу. Прощаясь с послами, Иннокентий III сказал им:

"Мы и вся курия апостольская довольны смирением графа тулузского. От него самого зависит подчиниться Церкви и ее приказанием; мы же, со своей стороны, обещаем поступить с ним справедливо. Пусть он докажет свою невинность - и прощение тотчас же будет дано ему; отлучение будет снято. Но прежде того, в доказательство искренней веры, его непритворного благочестия, пусть он даст в залог семь своих крепких замков. По окончании суда они немедленно будут возвращены ему. Ему кажется подозрительным аббат Арнольд, - мы устраним и его. Граф

^{*1} В том же, 1208 г.

непосредственно будет иметь дело с новым легатом a latere^{*1}; это Милон, наш секретарь, которого мы теперь же посылаем в Прованс" (29).

Граф был доволен, когда узнал об этом. Сам хорошо не зная Милона, он почему-то рассчитывал на него. В советники к легату послан был каноник из Генуи по имени Феодосий, он слыл за человека энергичного и весьма ученого. Прежние легаты не были подчинены Милону, как и он не был подчинен им. В то же время папа, не оставляя своей решительной политики, писал им со всей тонкой хитростью какого-нибудь итальянского дипломата эпохи Возрождения. Решившись на чисто светскую, политическую борьбу, он обладал достаточным искусством для успеха в ней. Понятно, что одно уклонение от идеала ведет к другому, одно снисхождение к средствам ведет к дальнейшим и соблазн с возрастающей силой ставит под сомнение всю политику.

"Посоветовавшись с легатами и вождями крестоносцев, - предписывал Иннокентий легатам, - вы должны порознь нападать на еретиков, начиная с тех, которые отделились от остальных. Вы не должны трогать графа тулузского, если увидите, что он не старается помочь другим и что поведение его стало более обдуманым; вы оставите его на время в стороне, дабы тем удобнее было вести войну с прочими еретиками; поскольку все они будут разъединены, можно, руководствуясь благоразумной скрытностью, надеяться покорить их. Не рассчитывая на помощь от графа, они тем скорее будут побеждены и тогда сам граф, видя поражение, может быть почувствует раскаяние; если же он будет коснеть в своем лукавстве, гораздо легче обрушиться на него, когда он остался один и будет лишен всякой помощи со стороны своих друзей. Мы предлагаем вам эти мысли на всякий случай, и просим скрывать их. Вы же, как свидетели всего происходящего и потому знающие его обстоятельнее нас, будете действовать так или иначе, смотря по ситуации и внушениям с неба: вы вмешаетесь в дела графа и тогда, благоразумно обдумав все предприятие, увидите, что будет полезнее всего для чести Божьей и выгод Церкви" (30).

Тогда же папа писал всем "архиепископам, епископам и прочим прелатам королевства французского", предписывая им увещевать своих прихожан идти против еретиков. Он давал индульгенции тем духовным и светским лицам, которые примут в том хотя бы некоторое участие. Он обещал, если они были должниками, выплачивать за них проценты до самого их возвращения. Наконец он увещевает всех прелатов следовать примеру архиепископа сеннского и его помощников, которые заставили всех тех, кто имел владения в землях графа бургундского, графа неверского и других именитых крестоносцев, платить десятину с их доходов на содержание войска, предназначенного к походу. Духовным же лицам, которые окажут содействие тем или другим способом в войне с еретиками Прованса, обещаны были все церковные доходы за два года. Крестоносцы брались под защиту святого престола (31).

В феврале 1209 года Иннокентий просил французского короля назначить главнокомандующего над армией, которая должна идти против провансальских еретиков, чтобы соблюсти порядок и единство в действиях. Он сам, в особом послании к этим "всеобщим опорам в послушании ко Христу", призывал крестоносцев сражаться за дело Божие и вечную славу (32).

Число крестоносцев постепенно увеличивалось. В их рядах, помимо рыцарей, были целые толпы виланов и крестьян; по одному стихотворному преданию - более двухсот тысяч (33). В отличие от тех, кто собирался на мусульман и нашивал кресты на плечах, новое ополчение нашивало кресты на правой стороне груди.

Папа так надеялся на Арнольда, хорошо знавшего край, что и Милону приказал совещаться с ним в важных случаях. Свидание двух легатов произошло в Осере. Арнольд чувствовал, что должен стать к Милону в отношении несколько подчиненные. Он изложил ему письменно свои планы и соображения по поводу предстоящих событий и передал в запечатанных пакетах. Тут же указал на необходимость собора, при чем назвал надежных и умных прелатов, советами которых можно пользоваться.

Вместе с Милоном, Арнольд отправился к Филиппу II. Он стоял тогда лагерем при городке Вильнев-ле-Руа на реке Ионн. Тут были и крестоносцы, - герцог бургундский, графы Невера и Сен-Поля и множество других феодалов. Легаты вручили королю папское послание: в них заключалась просьба или лично прибыть на Юг, или прислать сына Людовика. Филипп отвечал, что и без того два льва сидят у него на шее, немецкий (Оттон Гордый) и английский (Иоанн)^{*1}, что

^{*1} Лат. "со стороны". Подразумевается, что новый легат, Милон, будет беспристрасным.

^{*1} В это время союзником Иоанна Безземельного выступал германский император Оттон IV

Францию ни ему, ни сыну покидать нельзя и что самое большее, что он может сделать, - это не препятствовать своим баронам действовать против "возмутителей мира и врагов веры". Популярность войны среди северян была столь сильна, что 15 тысяч человек тогда же оставили французский лагерь (34).

Переговорив с королем, легаты расстались. Арнольд остался во Франции, чтобы наблюдать за сбором и движением крестоносцев. Милон прибыл на берега Роны в городок Монтелимар, где назначил большой собор для совещания, как о предстоящей экспедиции, так и о судьбе графа тулузского. Он просил подать советы в письменном виде. Впрочем, все они оказались похожими: Раймонд должен был предстать пред Милоном в городе Валенсии.

Граф исполнил наставление собора. В первых числах июня Раймонд был в Валенсии. Он поклялся выполнить все повеления легата и в залог соблюдения своих обещаний передал ему семь исправных замков. Кроме того он согласился, что консулы Авиньона и Сен-Жилля дадут за него клятву легату, в случае же его дальнейшего неповиновения, откажутся от подчинения ему, а графство Мельгейль навсегда останется во власти Римской Церкви. Раймонд присягнул перед Милоном и вручил документы, содержание которых было следующее:

"Да будет ведомо всем, что в лето от воплощения Господня 1209, месяца июня, я, Раймонд, Божией милостью герцог Нарбонны, граф Тулузы, маркиз Прованса, передаю вместе с собой и семь замков: Оппед, Монферран, Бом, Морна, Рокмор, Фурк и Фанжо, - милосердию Божию, и полной власти Римской Церкви, папской и вашей, господин Милон, легат апостольского престола, дабы замки эти служили порукой исполнения тех статей, за которые я пребываю отлученным. Я обязуюсь отныне держать эти замки именем Церкви Римской, обещая немедленно возвратить их тому, кому вы укажете и кому присудите, а также не препятствовать ничему, что вы прикажете их правителям и жителям и вообще в точности охранять их в то время, как они будут во власти Римской Церкви, несмотря на верность, которую они мне должны и не щадя на то никаких средств" (35).

Тотчас же Милон послал своего помощника Феодосия принять эти замки, раскинутые по обоим берегам Роны, в пределах Арля и Монпелье. Сама же церемония прощения, обряд торжественного покаяния, назначена была в Сен-Жилле, в том месте, где Раймонда должны были тяготить воспоминания, близ той церкви, в которой хранились теперь мощи убитого Петра, причисленного к лику блаженных.

Там произошла та знаменитая сцена, которую мы описали в начале этой книги...

Несоблюдение клятвы, данной здесь графом столь торжественно, при обстоятельствах, еще не вызванных насилием, всегда приводилось историками в укор Раймонду VI. Но условия клятвы были слишком тяжелы. Редакция этой клятвы, как и всех других присяг, произносимых на торжественном собрании сен-жилльском, была составлена усердным Милоном, в выражениях, которые унижали самые тонкие чувства Раймонда. Вот ее содержание:

"Во имя Господа Бога. Двенадцатый год первосвященства господина папы Иннокентия III; четырнадцатый день июльских календ. Я, Раймонд, герцог Нарбонны, граф Тулузы, маркиз Прованса, перед находящимися здесь святыми мощами, дарами Христовыми и древом честного креста, полагаю руку на святое Евангелие Господне, клянусь повиноваться всем приказанием папы и вашим, учитель Милон, нотариус господина папы и легат святого апостольского престола, а равно и всякого другаго легата или нунция апостольского престола относительно статей всех вообще и каждой порознь, за которые я отлучен папой ли, легатами ли его, или самым законом. Сим обещаюсь, что чистосердечно исполню все, что будет приказано мне самим папой и его посланиями по предмету всех упомянутых статей, а особенно следующих, которые называю:

- 1) В том, что когда другие клялись соблюдать мир, я, как говорили, отказался от клятвы.
- 2) В том, что я, как считали, не хранил обещаний, которые дал относительно изгнания еретиков, и их последователей.
- 3) В том, что, как полагали, я всегда потворствовал еретикам.
- 4) В том, что всегда считался подозрительным в вере.
- 5) В том, что содержал шайки разбойников.
- 6) В том, что, как считали, нарушал дни поста, праздников и четырехдесятницы, которые должны ознаменовываться спокойствием.

Брауншвейгский (Гордый), кстати коронованный Иннокентием в императоры в 1209 же году. Одной из причин союза с Англией было то, что Оттон являлся племянником Ричарда Львиное Сердце, воспитывался при английском дворе и имел титул графа Пуату, что ставило его в сложные феодальные отношения и с Филиппом-Августом и с Иоанном.

- 7) В том, что не хотел оказывать справедливости моим врагам, когда они предлагали мир.
- 8) В том, что поручал иудеям общественные должности.
- 9) В том, что удерживал домены монастырские Святого Вильгельма и других церквей.
- 10) В том, что укреплял церкви, которые служили у меня вместо крепостей.
- 11) В том, что брал недозволенные подати, а также возвышал и возвышаю налоги.
- 12) В том, что изгнал епископа Карпентра из его епархии.
- 13) В том, что заподозрен в убийстве Петра де-Кастельно блаженной памяти, преимущественно потому, что в последствии я укрыв убийцу.
- 14) В том, что пленил епископа Везонского и его клириков, что разрушил его дворец вместе с домом каноников и опустошил замок Везон.
- 15) Наконец в том, что мучил в плену церковных особ и совершил многие злодеяния (*multas rapinas*).

Я присягаю за все эти пункты, а также за все другие, которые могут мне предложить; я присягаю за все те вышеупомянутые замки, которые даль в залог.

Если же я нарушу эти статьи и другие, которые мне могут предлагать, то соглашаюсь, что эти семь замков будут конфискованы в пользу Римской Церкви и что она войдет во все те права, которые я имею над графством Мелгейль. Я хочу и беспрекословно соглашаюсь в таком случае считаться отлученным. Тогда пусть предадут интердикту все мои домены; пусть те, кто присягал вместе со мною, консулы или иные, даже их преемники, будут освобождены от верности, обязанностей и службы, которой они обязаны мне, и пусть тогда они принесут и станут хранить присягу в верности Римской Церкви, за те феоды и права, которые имею я в городах и замках.

Также я обещаюсь заботиться о безопасности дорог. Если все вышесказанное или что-либо из перечисленного не соблюду, то вновь желаю подвергнуться тем же наказаниям".

Вместе с Раймондом подобную же присягу дали его шестнадцать обличенных в ереси вассалов, присутствовавшие здесь (36). Они послушно обещали исполнять все приказания папских легатов. Они обещали изгнать все разбойничьи шайки из страны, всех бунтовщиков, которым прежде покровительствовали, уволить евреев от всех общественных должностей; не увеличивать налогов и податей, соблюдать Божий мир^{*1}, по распоряжению и назначению папского легата; блюсти католические храмы, уничтожить все укрепления, какие они сделали в некоторых церквях, никогда не возводить новых и вознаграждать убытки, которые они делали храмам и монастырям; заботиться о сохранении порядка и сохранении общественного имущества. И, наконец, что было вместе и самое новое: беспощадно действовать против еретиков, их защитников и укрывателей, явных и тайных, против всех, на кого укажут легаты и местные духовные власти.

Кроме того Рим выговорил себе право, пользуясь обстоятельствами, исключительного распоряжения церковными бенефициями, назначения епископов и прелатов на вакантные места.

Унижение, которому подвергся тулузский граф, все еще казалось недостаточным. В следующие два дня, после снятия отлучения, ему были предложены еще новые условия, едва ли не более тяжкие. Он обязывался отныне ни единым словом не вмешиваться в судьбу еретиков, предоставляя их полному произволу и "милосердию" крестоносцев; свято исполнять все дисциплинарные постановления последнего латеранского собора о праздниках, постах, воскресных днях, оказывать правосудие церквям, монастырям, богоугодным домам, бедному люду; предоставить духовенству церквей и монастырей полную внутреннюю свободу, не накладывать на эти бенефиции никакой денежной тяготы, не захватывать епископского наследия; не вмешиваться в церковное правление и в дела прихода и ничем не влиять на избирателей. Также было подтверждено запрещение повышать подати и налоги земные и водные в сравнении с теми, что были утверждены королем и императором, постройку хлебных амбаров на чужой земле, обязательство беспрепятственного пропуска путешественников на море и на суше, обязанность заботиться о безопасности дорог, блюсти мир и перемирие. Граф должен был заранее обещать беспрепятственно принять все распоряжения легатов относительно него, без возражения считать еретиками или укрывателями и защитниками всех тех, на кого в таком смысле донесут легаты, бальи или другие церковные власти, заранее обязаться не нарушать настоящего мира, предписанного легатами, или того, какой предпишут они, заранее присягнуть и исполнить все

^{*1} Божий мир - период времени, в течение которого церковь налагала запрет на военные действия. Это мог быть срок, специально оговоренный папским указом, или указом местного иерарха. Помимо него военные действия запрещалось вести во время и в канун церковных праздников, а также в обычные дни - с вечера субботы до утра понедельника.

статьи, которые после им вздумается приказать ему.

Наконец, 22 числа, Раймонд, положив руку на Евангелие, обязывается повиноваться всем приказам, которые дадут ему вожди крестоносцев, прибывшие в его землю (37).

Легат, педантичный законник, хотел заручиться обязательством муниципальных властей. Консулы Авиньона, Нима и Сен-Жилля поклялись действовать всеми силами, чтобы побудить графа верно исполнять его торжественные обязательства перед легатом, а в противном случае лишить его всякой помощи и перестать смотреть на него как на законного государя, объявив свое подданство Римской Церкви с теми же условиями, на которых присягал граф. Тогда ежегодно перед лицом своего епископа, консулы будут приносить обычную вассальную присягу и всякого отказывающегося от нее будут считать за еретика (38). Блюстителями городов и уступленных замков были назначены духовные лица, которые, в свою очередь, присягнули не передавать их обратно графу иначе, чем после особых распоряжений или папских булл; собираемые с доменов доходы они пока должны употреблять на военные

Со своей стороны и Милон обязался блюсти мир в стране, устраняя всякую вражду между графом и его баронами. В случае несогласий и недоразумений, Милон предлагал им духовное посредничество легата Гуго, архиепископа арльского и других церковных лиц, связывая тем графа по рукам и ногам, лишая его всякой самостоятельности и теперь и впредь.

Так было использовано все искусство римской политики, чтобы разделить Раймонда и еретиков. Цель была достигнута, хотя и временно.

Слабохарактерный Раймонд согласился принять крест и идти на своих друзей; причем его примеру последовали только двое вассалов.

Выполнив свои поручения, Милон вернулся в Рим, поручив дальнейшее ведение дела аббату Арнольду, а Феодосий поехал навстречу крестоносной армии, уже собранной в Лионе и готовой к наступлению.

Крестоносное воинство

Со всех концов Франции собрались на зов Рима охотники побороть провансальских еретиков. Двадцать тысяч рыцарей и двести тысяч вооруженного простого народа (даже если эта цифра преувеличена) были страшной силой. Тут были воины Оверни, Бургундии, Иль де-Франса и Лимузена; тут же были немцы, пуатийцы, гасконцы, руэргцы. И не родилось еще такого искусного клирика, - говорит современный походу провансальский поэт, - который мог бы переписать всех их за два или даже за три месяца.

Ради прощения грехов сошлись сюда люди Прованса и всей Вьенны от Ломбардии до Родеса. Их высокие хоругви, - а они шли широким строем, - наводили страх не на одного каркассонца. Они хотели взять Тулузу, но благородная Тулуза была спокойна юлагодаря клятве графа; тогда они решили покорить Каркассон и всю Альбиджу. Водой, на кораблях, плыли припасы и снаряды этого воинства.

Навстречу крестоносцам поспешно выезжает граф тулузский, так как он обещал действовать с ними заодно.

А из Аженуа приближается другая армия крестоносцев, хотя не столь многочисленная, как французская. Уже месяц войска были в дороге. С ними шли: граф Гюи, галантный овернец, виконт Тюрэнн, епископ Лиможа и Базаса, добрый архиепископ бордосский, епископы когорский и агдский, Бертран Кардальак и Бертран де-Гордон, Бертран де-Кастельно и вся Керси. Воины эти прежде всего взяли Пюи-ла-Рок, не встретив там сопротивления; они разрушили Гонто и опустошили Тоннейнскую страну, но долго не могли взять Шаснейля. Эту хорошую крепость отважно защищал гарнизон, который еще прежде туда поставил граф тулузский. Но как ни храбро защищались осажденные, замок был взят крестоносцами. Из-за обладания городом у графа Гюи с архиепископом произошел раздор. Победители осудили на сожжение нескольких еретиков; между прочим была сожжена одна красивая девушка; она гордо отринула предложение пощады и с презрением отвергла все убеждения отречься от своей веры.

Жители Вельмура, который лежал на пути шествия армии крестоносцев были напуганы ложным слухом, что неприятель идет на город. Услышав об том, граждане, исполненные самоотвержения, решились сжечь свой город. Под вечер они зажгли замок и разбежались в разные стороны. Так велик был ужас, наводимый крестоносцами (39).

Главная армия шла прямо на Безер. Виконт и его жена более всех других феодалов возбудили против себя негодование католического духовенства своим явным отступничеством.

Его самого не было в это время в городе, который, по его распоряжению, укрепляли днем и ночью. Он выехал навстречу армии и, подобно своему дяде, стал оправдываться перед Милоном; он сваливал все покровительство еретикам на консулов и на своих баронов.

В неприятельском стане, однако, ему не поверили. Когда крестоносные полчища переправились через Рону и заняли Монпелье, Роже оставил их стан. Он велел седлать боевого коня и на заре примчался в Безьер. Здесь он встретил граждан взволнованными; "и старые и молодые, и бедные и знатные, все спешили к нему." Виконт успел только ободрить их храбро сражаться, обещал скорую поддержку, и поспешно уехал. "Я поеду в Каркассон, сказал он при прощании; - я проберусь туда старой дорогой, - а там ждет меня помощь".

Только он уехал, как католический епископ Гено стал агитировать в городе в пользу крестоносцев. В городском кафедральном соборе епископ велел сзывать всех граждан, будто на совет. Когда они сели, он стал увещевать их покориться крестоносцам, если они не хотят быть побежденными и перебитыми. Но на северных неприятелей смотрели как на врагов городской свободы и независимости; в этой ненависти соединилось и вероисповедание. Красноречивых убеждений епископа не послушали; еретикам он предлагал по крайней мере войти в переговоры с вождами армии и с легатами. Граждане о всем этом и слышать не хотели. Тогда епископ, сопровождаемый городским латинским духовенством, решил выехать из города; с ним ушло совсем немного католических граждан. При свидании с аббатом Сито, главным лицом в армии, он представил ему безьерцев, как народ мятежный и злобный (40).

Безьер между тем готовился достойно встретить неприятеля. Энтузиазм овладел всеми, так что думали справиться со столь громадным войском, которое 15 дней сходилась и занимало позицию в окрестностях Безьера, на пространстве одного лье, раскинувшись по всем дорогам и тропинкам. Никогда Франция не видела такой огромной армии. Осажденным казалось, что со времен Менелая, у котораго Парис похитил Елену, не сходилась столько воинства, не раскидывалось столько богатых шатров, "блеском подобных стану Микенскому".

В этом войске отличались так называемые рутьеры (бродяги) - своим пьяным, наглым видом, неумолкаемой бранью, белыми полотняными хоругвями. Этих разбойников было тысяч до пятнадцати. Подъезжая к стенам города, они вызывали горожан на поединок громким криком, кривляниями и оскорблениями. Без доспехов, в одних рубашках, с диким криком, предводимые своим "королем", стремительным натиском они внезапно кинулись на стены и опрокинули защитников и горожан, которые, увлекая своих жен и детей, бежали в церковь и ударили в набат, не находя другой защиты. Общий крик "к оружию, к оружию" раздался в рядах крестоносцев. Их регулярные силы начали вливаться в город; на улицах резали граждан, церковь окружили. Под звуки колоколов и клики умирающих немногие священники запели похоронную мессу; двери церковные рухнули и разбойники ворвались в храм. Их товарищи в это время рассеялись по домам; все они думали о поживе. Богатств нашли множество; каждый брал, что хотел.

«Разбойники эти алчны до грабежа, - говорит очевидец, - они не боятся смерти, они бьют и убивают все, что попадается им под руку» (41).

Действительно, рутьеры убивали всех, кто попадался под руку, не разбирая даже монахов и священников; крестоносцы же искали еретиков. Ни женщина, ни младенец не были пощажены. Вряд ли кто из безьерцев остался в живых после этого штурма, приобретшего позже столь печальную известность. Их богатый город в несколько часов сделался бедным. Французские рыцари имели по крайней мере ту заслугу, что не дали рутьерам истреблять напрасно сокровища, бывшие в их руках; мечами они разогнали их и на лошадях своих и ослах стали свозить добычу. Тогда в рядах разбойников пробежал крик: "Огня! Огня!"; их король готовился отомстить соперникам. Зажженные пуки соломы, дымящиеся факелы и лучины были брошены в разные места, - и город запылал. Гибель города свершилась в день св. Магдадины, годовщину оскорбления епископа. Весь Безьер горел и вдоль и поперек; тогда каждый из грабителей и воинов почувствовал опасность; каждый кинулся бежать, оставляя граждан и их богатства добычей пламени. Горели дома и дворцы, горели доспехи, сложенные в них, горели склады сукон и ремесленных изделий, горели кольчуги, шлемы, деланные в Шартре, Блуа и Эдессе. Сгорел и старый кафедральный собор; прочные арки его долго не поддавались, наконец и они рухнули.

"Никогда, я думаю, - говорит провансальский певец, - со времен самых сарацинов, такого избиение не было ни задумано, ни исполнено" (42).

По официальному донесению легата папе, погибло до 20 тысяч человек. Безьерцы, замечает католический историк, "хотели лучше умереть еретиками, чем жить христианами" (43).

Теперь путь крестоносцев лежал на Каркассон. Простояв три дня на богатых полях под

Безьером, они выступили. Шли они широкой долиной; ничто не остановило их; только многочисленные значки воинства развивались в воздухе. Замки, расположенные на дороге, были пусты; и бароны и народ собирались в Каркассон, где был сам виконт, готовившийся к обороне. Между тем слух о безьерском побоище давно дошел до Каркассона и привел в ужас жителей. Здесь, среди суматохи и приготовлений, произошел первого августа военный совет. Враг приближался; его передовые толпы уже располагались на холмах. Одни на совете предлагали всей массой кинуться на неприятеля; другие - сделать это завтра, когда он решит отрезать снабжение города водой и для этого подойдет к самому оврагу. В конце концов был принят второй вариант.

Ночью виконт почти не спал. С первой же зарей он вышел из шатра, осмотрел стены и старался разглядеть неприятельский лагерь. Французы зажгли предместье, взяв его штурмом, причем особенно отличился граф Симон де Монфор, позже столь знаменитый. Один, стоя на краю стены, он долго оборонялся, пока не получил подкрепление и не ворвался в улицы.

Тогда, к стенам второго предместья крестоносцы подкатили камнеметальные машины. Первое время, безуданно день и ночь, они громили из осадных машин город, хотя несколько не поколебали отваги и стойкости защитников. Когда, по вечерам, в крестовом лагере католики пели псалмы и гимны св. Духу, граждане Каркассона заделывали пробоины. На решительную вылазку они не решались, хотя у виконта было чеиыре сотни превосходных рыцарей. Крестоносцы также не решались на штурм.

В таком выжидательном положении прошло несколько дней. Но однажды в середине августа, осажденных смутило внезапное движение в стане крестоносцев. Это была встреча короля Арагона.

Дон Педро приехал с сотней испанских рыцарей, рассчитывая примирить католических вождей с местными феодалами. Если альбигойцам он не сочувствовал, называя их пустяшным племенем, то с романцами его поэтическую натуру связывало сходство языка, этнических корней и симпатий. Виконт получил позволение переговорить со своим царственным посредником. Он прибыл в католический лагерь с небольшой свитой. Он жаловался королю на свирепость крестоносцев, на опустошение страны.

- Я предупреждал вас, что следует изгнать еретиков; вы сами накликаете на себя опасность, - ответил король виконту. - Из-за чего было подвергаться такому риску? Но мне очень жаль вас. Я не вижу другого исхода для вас, как помириться с французами. Не рассчитывайте на сражение. Армия крестоносцев столь многочисленна, что вам на удасться долго держаться против нее. Вы говорите, что город ваш крепок, но другое бы дело, если бы вы в нем не было столько народа, столько женщин и детей. Горько, горько мне за вас, барон; но нет ничего, на что бы я не рушился из любви моей к вам, из сострадания; клянусь в том. Предоставьте мне вашу участь.

- Государь, - отвечал виконт, - сделайте что хотите с городом и со всеми нами. Мы все люди ваши, как обещали еще вашему отцу, который так любил нас.

Король тотчас же отправился в легату Арнольду Амори, который в католической армии был первым по влиянию лицом. Педро просил о снисхождении. Аббат наотрез требовал безусловной сдачи города, обещая свободный пропуск только виконту и одиннадцати баронам. Раймонд-Роже благородно отвечал, что он скорее перебьет сам всех жителей, после чего умертвит самого себя, нежели позволить себе согласиться на подобные условия. Король был очень опечален (44). Ему оставалось ни с чем вернуться в Арагон. Но он возвращался с затаенной злобой на крестоносцев. Он уносил с собой сочувствие к бедам еретиков; в этот момент из покоронного папского вассала, он в душе делается врагом Рима.

Между тем долгая засуха и жара засушили реку. В городе недоставало припасов и воды, а у католиков, благодаря распорядительности Арнольда, прозванного за это чудотворцем и волшебником, не испытывали нужды ни в чем. Крестоносцы предприняли сильное нападение на второе предместье, но были отбиты и, расстроенные, бежали далеко за свои прежние позиции, хотя число регулярных крестоносцев доходило под Каркассоном до 50 тысяч.

Монфор вторично отличился при этом; под мечами, направленными на него, он вынес из оврага раненного рыцаря.

После этой неудачи крестоносцы подкатили к стене новую машину, четырехколесную; она могла подкапывать стены и, наполненная людьми, была защищена от огня бычьими шкурами. Если верить католическому историку, то к другому утру католические саперы успели сделать брешь и обрушить часть стены: таким образом, крестоносцы по готовому пролому ворвались в город. По другому же сообщению, со слов противной стороны, крестоносцы и этим не достигли цели, а взяли город хитростью.

"Легат, - рассказывает автор тулузской хроники, - понимая, что он никаким образом не

утвердился в Каркассоне, решил послать рыцаря в город под предлогом переговорить с виконтом о мире, а на самом деле разузнать положение осажденных. Этот посланный прибыл к городским воротам в сопровождении 30 человек свиты и изъявил желание видеть виконта, который и приехал. С ним было 300 человек. Незвестный рыцарь открыл виконту, что он из близких к нему людей, что его не может не печалить судьба виконта, и что Роже, оставленному без всяких средств, остается только немедленно заключить мир с легатом.

- Я полагаюсь на вас, - отвечал ему виконт. - Я сам пойду к легату и к вождям армии; я согласен принять их условия, если только они обеспечат мою безопасность; я докажу им, что невиновен, и что вынужден был так действовать.

- Господин виконт, - сказал в ответ парламентар. - Я клянусь вам рыцарским словом, что если вы пойдете за мной, то я доставлю вас в совершенной безопасности в стан крестоносцев и с вами не приключится никакого зла.

Легковерный виконт после клятвы рыцаря, последовал за ним в поле и с той же небольшой свитой явился в шатер легата, где были собраны все главные лица крестовой армии. Они давно домогались видеть храброго защитника города и потому приняли его со всей возможной вежливостью. После взаимных приветствий он начал говорить в свою защиту, доказывая, что ни он, ни его предшественники никогда не разделяли еретических заблуждений, что он не утаивал еретиков и всегда чистосердечно следовал католическому исповеданию, верно исполняя повеления Церкви.

- Если, - прибавил он, - еретики и находили прибежище в моих городах и на моей земле, то это вина должностных лиц, которых отец назначил моими опекунами и которым поручил управлять нашими доменами на время моего малолетства.

Он говорил далее, что не сделал никакого преступления, за которое заслуживал бы столь ужасного наказания, и, наконец, отдавался со всеми своими доменами в руки Церкви и просил только, чтобы его откровенному объяснению было оказано какое-либо внимание. Когда виконт кончил, продолжает та же хроника, легат отвел в сторону вождей армии, которые ничего не знали о готовившейся измене, и стал совещаться с ними относительно виконта.

Было решено удержать его в плену до тех пор, пока не сдастся город. Виконт со всей свитой был отдан под стражу солдатам бургундского герцога. Каркассонцы же, как только узнали о пленении виконта, пали духом и решили искать спасения в бегстве. Они давно знали о подземном ходе, который вел от Каркассона до городка Тур де-Кабардэ, находящегося на расстоянии трех лье. Когда настала ночь, то все осажденные хлынули этим проходом и в городе не осталось никого. Одни бежали к Тулузе, другие по направлению к испанской границе.

На другой день в лагере были чрезвычайно удивлены, не видя никого на валах; сперва думали, что это хитрость осажденных и, чтобы убедиться в том, стали готовиться к приступу. Не встречая ни малейшего сопротивления, крестоносцы овладели городом, и, изумленные, не могли понять, каким путем исчезли жители. После напрасных поисков их объяло горе, ибо они рассчитывали, полагает провансальский историк, поступить с беглецами так, как они поступили с безьерцами. Всю добычу по приказанию аббата Сито собрали в кафедральном соборе. Когда легат въехал в город, то велел посадить виконта Раймонда-Роже в одну из толстых башен и держать под стражей (45).

В этом рассказе мало достоверного и много сказочного. Он не подтверждается даже тем поэтом, у которого главным образом и заимствует подробности автор приведенного рассказа. Видимо, на этот раз, он хотел отличиться и блеснуть собственным полуарабским воображением. Верен только основной мотив, т. е. что виконт был задержан обманом и заключен в темницу.

Далее известия разноречивы. Провансальский поэт и монах Петр сходятся на том, что жители капитулировали и согласились выйти из города без всякого имущества - лишь в одних рубашках, с той лишь разницей, что Петр говорит о задержании виконта на определенных условиях, а провансалец объясняет это обманом крестоносцев. Источники более беспристрастные, хотя и монашеского сословия (французы Робер и Вильгельм Нанжисский), склоняются на сторону последнего, боязливо обходя факт обмана, историки же, более заинтересованные в походе, такие как Вильгельм из Пюи-Лорана и автор "Славных деяний" (46), повторяют слова Петра Сернейского и все они единогласно утверждают, что жители вышли из города полунагие. Большинство, довольно авторитетное, соглашается в том, что виконт был задержан хитростью, как давнишний и опасный враг католического дела; сам он сдать, очевидно, не мог. Крестоносцев нужно было содержать; добыча была одной из целей легата, так как она заменяла жалование сотысячной армии.

"Я запрещаю вам именем Господа захватывать себе хоть малей-шую вещицу из добычи под страхом вечного проклятия", проповедывал он по взятии города.

В то время как добыча и богатства города делились между крестоносцами, пока виконт томился в башне, в ожидании казни или подлого удара в спину, который действительно вскоре настиг его, - легат Арнольд созывал к себе всех вождей и знаменитостей армии на очень важное дело. Рим не хотел довольствоваться взятием двух сильных городов. Долго собирая силы, он хотел нанести решительный удар, после которого ересь должна была исчезнуть навсегда. Многочисленное и разноплеменное, разнохарактерное воинство следовало объединить одной волей. Для продолжения войны следовало духовную власть дегата заменить искусной военной рукой. Легат прямо предложил вождям выбрать между собой одного начальника, в награду которому предстояло получить целые домены на Юге. Арнольд указал на герцога бургундского, но тот отвечал, что у него много своих земель, чтобы он решился обидеть виконта Роже, что уже и без того последнему слеано достаточно сделано. Легат взглянул на герцога неверского, тот отвечал почти теми же словами. Он обратился к графу Сан-Полю и получил тот же благородный ответ.

Тогда Арнольд назначил комиссию из двух епископов и четырех рыцарей. Они избрали французского графа Симона де-Монфора (47), который теперь становится главным героем альбигойской драмы. С ним связан политический смысл крестовых войн, - подчинение самостоятельных южан северным французам.

Симон де Монфор

Граф Монфорский давно славился католической ревностью, безумной храбростью, своеобразным благочестием и доходившим до болезненности фанатизмом. Таких людей могла производить только теократия. Это был "атлет веры", по выражению его историка, «Иуда Маккавейский XIII столетия». Даже в век господства католических идеалов, подобные личности встречались редко.

Предметом гордости Симона был знатное происхождение. Он вел свой род с X века, по мужскому колену через графов Гено, от которых собственно и происходил, а по женскому - генеалогия Монфоров терялась среди первых варварских поселений на берегах Сены. Старинный замок Монфор, в 8 лье от Парижа, на берегу Сены, в самом центре французской земли, пережил многие поколения. Когда, к X столетию, пресекалась линия его владельцев, то молодая наследница этой фамилии, последняя в роде Монфоров, вышла замуж за Вильгельма, графа Гено; их сына звали Амори. Он присоединил к своему имени исчезнувший титул фамилии Монфоров. Альбигойский герой был его правнуком.

Сила этого дома росла при помощи удачных браков. Отец нашего Симона, именовавшийся бароном Монфора и графом д'Эвре, женился на английской графине Лейчестер. Знаменитый барон, придавший такую историческую, хотя и печальную известность дому Монфоров, был последним плодом этого брака (48). Симон женился на Алисе Монморанси, женщине мягкого характера, довольно умной, принесшей ему богатое приданое и много детей, но не сумевшей смягчить характер своего задумчивого, упрямого и жестокого мужа. В Симоне не исчезал родовой тип полудикого франка, будто сейчас со всей страстностью воспринявшего религию. В его жилах текло немного галльской крови.

Симон успел ознаменовать себя подвигами во время византийского похода 1204 года. Когда он хотел, Симон мог казаться разговорчивым, даже утонченным в обращении. Но в большинстве случаев, он казался недоступным. В его характере было много энергии, но еще больше честолюбия.

Чувствуя себя призванным и способным к власти, он был вдвойне опасен, ибо мог прикрываться маской набожности, если того требовала ситуация. Впрочем его религиозность почти всегда была неpritворной. Он был создан повелевать и словом и страхом. Его строгость доходила до жестокости и даже свирепости. За честолюбие и жестокость, его упрекает даже ультракатолический историк, Райнальди, который считает смерть, постигшую Монфора, справедливым наказанием Божьим. Провансальский поэт угадал скрытые замыслы крестоносного героя, влагая в его уста слова, сказанные, якобы, при избрании: "Я принимаю власть под одним условием: при всех крайностях присутствующие здесь бароны всюду пойдут за мной." На войско и рыцарство он производил впечатление своею величественной наружностью, гордым взором и редкой физической силой даже для того железного века. Он не был чужд военных талантов, хотя

часто руководствовался необдуманной храбростью и слепым презрением к опасностям.

Теперь была достигнута заветная цель его жизни. Он собирался стать государем всех земель, которые крестоносцы отвоюют от еретических феодалов. Именно таковы были обещание и условие легата.

Ход крестовой войны с альбигойцами до первой осады Тулузы

Первым делом Симона, по избрании в военачальники, было издать грамоту, в которой он достойным образом награждал духовенство, так возвысившее его. В ней господин Монфора называет себя "графом Лейчестером, виконтом Безьера и Каркассона" (49). Тогда же он распорядился обложить десятиной, в пользу церкви, всех без исключения лангедокцев, объявив что всякого, кто того не исполнит, он будет считать своим врагом. Вместе с тем он установил ежегодный налог в три денария на дом (очаг), в пользу собственно Римской Церкви.

В то же время последовало оригинальное постановление, показывавшее, как истощились средства крестоносцев. Ересь была обложена штрафом. Все отлученные, т. е. еретики нераскаявшиеся в продолжении 40 дней, должны откупаться смотря по званию: рыцарь 100 солидов, гражданин 50, ремесленник 20 солидов. В благодарность, Монфор, со своей стороны, обязался платить св. Петру ежегодную лепту, подобно королям английскому и арагонскому.

Между тем, в крестовом стане происходили раздоры и неурядицы. Герцог бургундский, граф неверский и многие другие считали себя оскорбленными, когда увидели своим начальником монфорского барона. Все они объявили, что оставят лагерь и уведут свои отряды. Легат с трудом упрямился остаться бургундского герцога. Тем не менее, силы крестоносцев значительно уменьшились; впрочем, с другой стороны, они выиграли в единодушии. Герцог бургундский поступал великодушно; он видимо обладал талантом полководца; советы, данные им Монфору, отличаются благоразумием, знанием всех обстоятельств - и Симон исполнял их беспрекословно. К счастью альбигойцев, герцог скоро уехал. Но под его руководством, Монфор успел предпринять поход в самый центр ереси, в Альбижуа.

Укрепления Минервы, Терма и Кабарета, было трудно взять; поэтому их решено было блокировать особыми отрядами, что продолжалось целую зиму вплоть до будущего лета. Вторжение же в Альбижуа с главными силами было более удачно.

Выйдя из Каркассона вместе с герцогом бургундским и миновав Альбонну, Симон, на другой же день, взял замок Фанжо, который заняли арагонцы. Далее, по дороге, он встречал пустые села и покинутые замки; движение крестоносцев наводило на еретиков вполне понятный страх. Вдобавок, граф тулузский, следовавший за католической армией, нарочно советовал Монфору опустошать страну, рассчитывая поднять против крестоносцев население без различия вероисповедания (50).

В эту страшную минуту вполне проявилась переменчивость альбигойского характера.

Депутаты самих еретических городов, Кастра и Ломбера, приезжают в лагерь к Монфору и не просят пощады, а безусловно сдают ему. Симон принимает их условия; он не думает мстить целому городу за ересь, выбирая для того лишь "совершенных", как самых опасных; в этот момент его волнуют лишь политические замыслы. Он оставил герцога позади, а сам поспешил занять Кастр; в Ломбер же даже и не заехал, и почему-то внезапно повернул назад, приняв покорность города на словах.

Подробности описанной кампании определяют весь будущий характер альбигойских войн. В тактическом отношении они состоят из подобных экспедиций, маршей по лангедокским областям, всегда направленных из одного и того же центра. С каждым разом радиус вторжения увеличивался, постоянно сопровождаясь теми же последствиями для страны. Поэтому особенному опустошению подверглись области смежные с дистриктами Безьера и Альбижуа. На "совершенных" еретиков всегда обрушивалась одна и та же кара; они обрекались костру; с «верными» же Монфор поступал снисходительно, может быть потому, что сами условия их исповедания позволяли им скрываться и искусно лавировать между соблюдением наружных обрядов католичества и сердечной верой.

Хотя Кастр сдался безусловно, однако казнь, совершенная в городе, полным еретиков, была явлением настолько исключительным, что обратила на себя внимание католического историка. Решено было сжечь для примера только двух еретиков, которые очевидно не считали нужным следовать общей покорности граждан. Их привели на суд к Монфору. Один из них был "совершенный", другой – «верный»; первый гордо смотрел на судей, второй стал плакать, молить

и, каясь, обещал перейти в католичество. Многие из присутствовавших баронов требовали пощадить молодого еретика. Голоса разделились; некоторые говорили, что раскаяние его притворное, из страха костра, что казнь он заслуживает уже тем одним, что прежде позволил себя совратить с истинной веры. Монфор согласился с этим доводом, прибавив, что костер заменит ему искупление. Осужденных тут же связали между собой лицом к лицу; руки каждого были привязаны к спине. На пути к костру молодого еретика в последний раз спросили: в какой вере он хочет умереть. "В католической", - было ответом. Пламя охватило костер. Тем бы дело и кончилось, но легенда добавляет, что искреннее покаяние было вознаграждено. Когда старый еретик уже обратился в пепел, раскаившийся остался невредимым; только концы его пальцев обгорели; на теле даже не видно было следов ожогов. Подобные костры, даже немногочисленные, были непременным знаком того, что город занят крестоносцами.

Вернувшись в Каркассон из похода на Альбижуа и намереваясь покорить его вторично, Монфор вздумал в промежутке совершить диверсию против владений графа де-Фуа. Он быстро взял замки Мирепуа, Памьер и Савердюн. Уважая права духовенства, он согласился дать присягу памьерскому аббату, который считал, что имеет больше прав называться феодалом города, чем граф де-Фуа (51). От столицы графа Монфор был таким образом не далее как в трех лье. Но, держась своей обыкновенной политики утомлять противника, веря, что тот не уйдет его рук, Симон свернул с дороги и направился на Альби. Католический епископ Вильгельм принял его с понятным торжеством и присягнул ему.

И вот Монфор в краткое время увидел себя обладателем главных притонов ереси, тех центров, которые пользовались особенным уважением у всех еретиков Европы. В короткое время были заняты города Лиму (старая столица графства Разеса) и Прейссан (в нарбоннском диоцезе), принадлежавшие графу де-Фуа; наконец и сам граф явился к Монфору, обещая во всем следовать повелениям Церкви, а в доказательство верности оставил заложником своего сына.

Так важнейшие покровители провансальской ереси оказались в руках католиков. Между тем Раймонд тулузский продолжал жить в лагере крестоносцев и действовать с ними заодно против собственных подданных. В последнее время он унизился до того, что просил руки дочери Монфора. Можно было думать, что он рассчитывал при помощи этого сохранить свои обширные домены и достигнуть прежнего преобладания на Юге. Но у Симона было много родных сыновей. Брак этот не состоялся; на Раймонда католики продолжали смотреть подозрительно.

В армии постоянно происходили столкновения. Граф тулузский объявил, что будет жаловаться на вождей крестоносцев и легата французскому королю, императору и наконец самому папе. Монфор послал в Тулузу инквизиционную комиссию; она должна была потребовать всех лиц, подозреваемых в ереси, оправдываться перед армией, в ставке ее главнокомандующего и легата. Консулы и Раймонд отвечали, что они уже получили прощение и отпущение за себя и всю столицу, что никаких дальнейших расследований не нужно. В ответ Монфор грозил войной. Тогда-то Раймонд и решился обратиться прямо к папе, а Арнольд между тем, пользуясь своей властью, отлучил консулов и сенаторов Тулузы за неповиновение Церкви. На город был наложен интердикт (52).

В это же время легат Милон, опять начавший действовать в Лангедоке, отлучил виконта марсельского Росселина, как отступника и клятвопреступника, за покровительство ереси; под интердиктом оказался весь Марсель (53). Между прочими заботами авиньонского собора, проходившего в то же время (а на него собрались все местные архиепископы и епископы), главной было принять меры против еретиков собственно Прованса. Оба легата председательствовали на этом соборе, происходившем в сентябре 1209 года. Духовные власти должны были принять дисциплинарные меры против светских; евреи были удалены от должностей; подозреваемые в убийстве Петра де-Кастельно и других духовных лиц, были отдалены от церковных бенефиций до третьего поколения. Но все это далеко не ново. Новым было то, что увеличился список отлученных городов. Граф тулузский был также предметом толков членов собора.

«Не верьте, ваше святейшество, хитростям этого графа, - писал Милон Иннокентию; - Он продолжает по-прежнему быть врагом Бога и Церкви; не уменьшать, а увеличить надо нам тяжесть церковного наказания, ибо он заслуживает того. Он не соблюдает ни одного из 15 обязательств, данных им мне. Потому-то и конфискованы в пользу Церкви четыре из заложенных им замков. Граждане Авиньона, Нима, и Сен-Жилля готовы принести ту же присягу».

В другом письме он так формулирует причины нового отлучения графа тулузского. "Раймонд по настоящее время не возвратил домены епископов Карпентра и Вэзона с их клиром, как он обещал под клятвой мне, Милону. Он не изгнал из своих государств еретиков и

покровителей и не отдал их в распоряжение крестоносцам, Он не сделал подношений храмам, благородным дамам и бедным, как ему было приказано. Он не назначил посредников, которые должны бы были разобрать его раздоры и недоразумения с духовенством. Он не срыл укреплений, построенных им при церквях, вопреки приказаниям местных епископов. Он не уничтожил лишних налогов и других несправедливых домогательств. Мы однакоже смягчаем по возможности строгость приговора: если Раймонд предстанет перед нами раньше праздника Всех Святых и исполнит все условия, мною с ним заключенные, то не будет более связан этим отлучением, но если того не последует в сказанный срок, то все домены его будут подлежать интердикту. Мы узнали, что граф собирается в скором времени ехать в Рим, дабы заступничеством короля Оттона, короля французского и многих других, дружбой которых он льстится, выпросить у вас возвращение замков данных им нам, что было бы ошибкой злейшей. И если это так, то мы считаем должным надеяться, что, коли государь этот получит аудиенцию у вашего святейшества, то найдет в вас твердость, достойную преемника Петрова."

Описав причины отлучения марсельского виконта, - бывшего монаха, основавшего монастырь, однако вступившего в брак, а теперь друга и защитника ереси, -легаты (Милон и Гуго, епископ Риена) в конце письма снова оправдываются по поводу своих распоряжений относительно тулузцев.

"Господин аббат (Арнольд), с согласия всех прелатов, которые находятся в армии, отлучил тулузских консулов и советников и подвергнул весь город интердикту за то, что они отказались выдать крестоносцам еретиков и «верных», которых такое множество в стране, со всем их имуществом"(54).

Раймонд VI не отказался от своего решение апеллировать в Рим и лично объясниться с Иннокентием. Перед этим он хотел переговорить с французским королем. Отправляясь в далекое путешествие, опасаясь неизвестного будущего, он счел нужным составить завещание в пользу своего сына. Подробности его важны для знакомства с политикой Раймонда и его истинным отношением к Церкви. Сына, так же по имени Раймонд, он объявил законным и единственным наследником; опекунами и защитниками ему он назначал брата Балдуина, кузена Бернарда, графа Комминга и консулов Тулузы. До тридцати лет он не властен был что-либо отчуждать от своих земель, и даже достигнув зрелого возраста, всегда должен был подчиняться советам Балдуина, которого просил не оставлять племянника и помогать ему против всех. Балдуин получил земли в Руерге на условиях вассальства тулузского и 10 тысяч солидов ренты с доходов государства. В случае прекращения потомства Балдуина графы тулузские становятся его полными наследниками. Король французский и император германцев Оттон объявлены протекторами малолетнего Раймонда. Первый был опасным протектором; в добавок, Филипп Август был объявлен наследником доменов французской короны, если Раймонд и Балдуин умрут без законного потомства; немецкие земли, по ту сторону Роны, должен был наследовать император Оттон.^{*1} Большие даяния он завещал тамплиерам и госпитальерам^{*2}; все натуральные поборы хлебом и вином во время его отсутствия предоставлялись в их распоряжение; свое оружие, доспехи он также отдал тамплиерам. Приняв таким образом меры на будущее, граф Раймонд отправился в путь.

Если верить свидетельству провансальской хроники, всегда сочувствующей Раймонду, то он встретил ласковый прием у французского короля. Однако кроме обещаний, никаких выгод не последовало. Тот же памятник говорить о пребывании Раймонда при разных французских дворах

^{*1} Поскольку, как мы уже видели, владения Раймонда охватывали земли как французской короны, так и (в левобережном Провансе) императоров Священной Римской империи.

^{*2} Тамплиеры (фр. - храмовники), члены рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме в 1118 г. Для защиты паломников. Названы так, поскольку их резиденция была расположена рядом с церкви, находившейся на месте храма Соломона. Представляли собой наиболее реальную силу в крестоносных государствах Ближнего Востока, обладали огромными богатствами, вели торговую, банковскую деятельность. С XIII века начинают основываться в Европе (прежде всего - Франции), где их богатство и эзотеризм некоторых обрядов начинают вызывать настороженность. В 1307 г. тамплиеры будут обвинены в ереси; несмотря на массу исторических исследований, процесс 1307 г. против тамплиеров скорее ставит вопросы, чем раскрывает истинный характер деятельности членов ордена.

Госпитальеры (или "иоанниты") - названы по госпиталю Святого Иоанна в Иерусалиме. Орден госпитальеров был основан примерно в то же время, что и орден тамплиеров и со схожими обязанностями. Уже в начале XIII столетия имели немалые земельные владения в Европе (в том числе и во Франции). После того, как в 1530 г. иоанниты становятся владыками Мальты, орден часто называют Мальтийским.

(55). Он был у герцога бургундского, графа неверского, у графини Шампани и у многих других сеньоров и владетелей. Особенно ласковый прием был оказан ему и его спутникам графиней Шампани. Раймонд жаловался на оскорбление и домогательства, которые причиняли ему в его государстве легаты вместе с графом Симоном.

Все государи эти приняли в нем участие и дали ему рекомендательные письма для папы. Заехав ненадолго в Тулузу, граф взял с собой несколько баронов, городских депутатов, консулов и отправился в Рим. Напрасно уговаривал его легат Арнольд, показывая ему всю бесполезность столь далекого путешествия; напрасно он предлагал ему на месте решить все недоразумения. Граф ни минуты не колебался. Он надеялся на справедливость Иннокентия III.

Ожидания не обманули его. Разнообразные свидетельства сходятся в том, что папа отнесся справедливо к несчастному положению графа. Опасался ли Иннокентий, что, отвергнутый, граф явно пристанет к церковной и политической оппозиции, или действовал исходя из чувства человеколюбия, только римское правительство взглянуло на жалобы Раймонда внимательно.

Раймонд прибыл в Рим в середине января 1210 года. Торжественную аудиенцию у папы старый граф получил вскоре после своего приезда. Иннокентий принял его, окруженный кардиналами и всем двором. Он выслушал его весьма любезно, как истинного государя; седины венценосного просителя тронули Иннокентия.

Граф изложил перед собранием причины своих расхождений с легатом и Монфором, говорил, "что они не перестают терзать его", несмотря на разрешение, которое он получил от первого и формальный договор, который он заключил со вторым. Тогда Иннокентий взял Раймонда за руки и сказал ему, что он заново расследует это дело, сделает все что предписывает ему долг, если найдет справедливыми жалобы графа, и, в знак доверия к нему, теперь же во всеуслышание произносит отпущение всех его грехов. И папа, положив руки на голову графа Раймонда, опустившегося на колени, торжественно повторил над ним формулу отпущения.

Иннокентий в вине тулузского государя принимал только два пункта: участие его в убийстве Кастельно и сочувствие к ереси. Только эти стороны он велел принять в соображение при переписке, которая снова возникла по делу Раймонда с лангедокским духовенством.

Между тем графу оказывали в Риме всевозможное внимание. Папа велел показывать ему все исторические и священные достопримечательности вечного города. Он допускал его до интимных бесед; оба они казались искренними друзьями. При прощании, столь же торжественном, как и прием, Иннокентий подарил Раймонду графскую мантию, дорогого коня с своей конюшни и золотой перстень, один камень которого стоил 50 марок. Они расставались в полном согласии (56).

Через Париж, где Раймонда постигло горькое разочарование со стороны французского короля, недовольного успехом своего вновь сильного вассала, и где потому он пробыл только один день, Раймонд вернулся в Тулузу с обычным торжественным въездом. Великая радость настала в те дни у тулузских граждан.

Иннокентий исполнил свои обещания. В интересах графа он разослал грамоты легатам и лангедокскому духовенству.

"Раймонд, граф тулузский, - писал папа архиепископам Нарбонны и Арля, от 25 января 1210 года, - представ перед нами, жаловался на легатов, которые причинили ему много зла, хотя он уже исполнил большую часть тех тягостных обязательств, которым господин Милон, блаженной памяти (тогда легат этот уже умер) нотариус наш, счел нужным подвергнуть его. Он представил нам свидетельства (*testimoniales litteras*) от разных церквей в знак сделанного им удовлетворения, прибавив к тому уверения, что он исполнит в последствии все те свои обещания, которых не удалось ему привести в исполнение теперь же.

Он просил нас также дозволить ему оправдаться перед нами касательно его католической веры, в которой он с давних пор заподозрен, хотя не совсем справедливо (*licet injuste*), и, по принесении им, в нашем присутствии, законного оправдания, просил возратить ему заложенные замки, ибо действительно было бы несправедливо удерживать без конца то, что дано только на сохранение (*sub praestitae cautiois*). Хотя и уверяют меня, что эти замки должны считаться за Римской Церковью в силу неисполнения графом условий договора при их передаче, но, так как Церкви не приличествует обогащаться за счет чужого имущества, то мы решили отнестись в означенному графу с апостольской благосклонностью (*eumdem comitem apostolica benegnitae tractantes*), и, с согласия наших братьев, постановили, что граф не должен быть лишен тех прав, которые он имеет над замками, если он по справедливости исполнит все, что было ему приказано. Но так как мы должны быть вполне внимательны к интересам веры, то мы предлагаем легатам

созвать спустя три месяца по получении этих распоряжений собор в удобном для того городе, куда пригласить архиепископов, епископов, аббатов, князей, баронов, рыцарей и других лиц, присутствие которых они сочтут необходимым. Если во время соборных заседаний явится обвинитель на графа и докажет, что он погрешил против православной веры (*super divinatione*) и повинен в убийстве блаженной памяти Петра де-Кастельно, тогда легаты, выслушав обе стороны и учинив следствие до окончательного мнения, представят нам на рассмотрение это дело, тщательно со-ставленное, и известят подсудимых о времени, когда они должны будут предстать перед нами и выслушать решение. Если же не явится никакого обвинителя, то легаты известят нас, каким образом они постановят свой приговор по сказанным двум пунктам, и дело в таком случае должно кончиться там, где оно началось.

Если граф приведет свидетельства в доказательства своей невинности, следуя тому порядку при производстве дела, какой будет указан ему легатами, то пусть они употребят все усилия его к оправданию. Но если придется обвинить его, то легаты не преминут известить нас, всегда удерживая в своих руках обладание замками, которые заложил он; они сообщат нам также, доволен ли граф способами оправдания, ему указанными, и станет ли он жаловаться на притеснения и несправедливость. В том и другом случае, легаты имеют ожидать решение апостольского престола. Если граф оправдается законным образом, ему указанным, по суду каноническому, легаты торжественно и всенародно объявят его католиком и непричастным к смерти Петра де-Кастельно; ему будут возвращены его замки, по исполнении всего того, что ему будет приказано... " (57).

Так исполнил Иннокентий все, что мог требовать от него долг чести, насколько позволяли ему это обстоятельства и условия, в которые было поставлено тогдашнее папство. Исполнителям его распоряжений оставалось поступить таким же образом. Но в том-то и заключалось историческое несчастье Иннокентие III. Корысть крестоносцев и местного католического духовенства взяла свое и на этот раз.

Монфору нельзя было допускать оправдание своего соперника, на богатые страны которого он рассчитывал. Легаты поддались его влиянию. Если их корыстолюбивые расчеты не подтверждаются фактами, то они могли проявляться незаметно, после смерти сурового и честного Милона. Так, Арнольд весьма мало блистал подвигами добродетели, хотя папа продолжал верить в него. Арнольд был дорог своей преданностью католицизму и теократии, своими способностями, основательным знанием края. Но какое-то темное подозрение закралось в последнее время в душу Иннокентие. Повидавшись с Раймондом, пана перестал быть в такой степени легковерным к своим исполнителям. Он понял, что личные счеты играют большую роль в отношениях старого феодала и Арнольда. Поэтому он решил избавиться Раймонда от хитрого и искусного аббата, хотя тем и становился к последнему в положение весьма неловкое. Чувствуя это, он старается и оправдаться в послании своем к Арнольду и вместе уколоть его под ласковыми фразами, полными благодарности к его деятельности (58).

Самому Феодосию и другому легату, епископу Риеча, почти словами грамоты к архиепископам, предписывалось через три месяца созвать собор, на котором принять способы к беспристрастному суду над Раймондом и, если можно, то к оправданию его. Через несколько дней была отправлена Феодосию экстренная записка, где высказывалось решительное желание видеть графа тулузского оправданным. Легаты и Феодосий особенно должны выслушать от Раймонда все жалобы на оскорбления и несправедливости, причиненные ему во время его отлучения (59).

Арнольд не мог не почувствовать оскорбления, косвенно нанесенного ему из Рима. Скрыв досаду в сердце, он хотел по крайней мере приписать себе одному те мягкие меры, которые теперь требовались, его самолюбию было больно полномочное вмешательство и даже контроль со стороны его подчиненного. Он изъявил желание сам ехать в Тулузу и лично отменить иитердикт, им же наложенный.

Граждане столицы сумели заключить соглашение с легатом, по которому их собственный епископ Фулькон, человек коварный, притворившийся другом Тулузы, даст им разрешение, а Арнольд получит сумму в тысячу тулузских ливров. Если бы даже достоверность этого известия и подлежала сомнению, как опирающаяся на свидетельство полупоэтического провансальского источника, однако обстоятельства, подавшие повод к тому, сами по себе дают повод заподозрить изворотливого Арнольда в корысти.

Далее тот же источник замечает, что в выдаче суммы, при раскладке на тулузцев, произошло затруднение, что легату дана была только половина и что потому де он снова наложил

интердикт, на город и отлучил от Церкви консулов. Тулузцы испугались и решились покориться. Они обещали повиноваться епископу и папе во всем, что касается Церкви, и в залог того дали в руки епископа, по его желанию, знатных заложников. Фулькон отослал их в Памьер под надзор Монфора. Отлучение было снято легатами, хотя о получении ими полной суммы уже больше не упоминается.

Тот же Фулькон и вторично открыл перед Тулузой свое отступничество от интересов города, имевшего слабость довериться ему. Во время пребывания легата в Тулузе, Раймонд уже успел вернуться в свою столицу. Силой прекрасных речей, льстивый Фулькон добился расположения графа.

-Государь, - говорил он ему, - теперь наступила дружба и любовь между вами, легатами и графом Монфором. Я могу ручаться вам, что если бы теперь чья-либо рука поднялась против вас, дабы причинить вам зло и неприятность, то оба они положат жизнь и имущество, чтобы защитить вас и вашу землю. Мне кажется, государь, что вы поступите прекрасно, если в знак дружбы дозволите легату жить в нарбоннском замке.

Граф Раймонд, убежденный притворным добродушием епископа, согласился допустить своего злейшего врага к обладанию столицей, поселив его в крепости (60). Легат занял крепость, надежным гарнизоном, а "народ тулузский, от мала до велика, как только узнал о том, пришел в неопишумый гнев". Он видел себя в полной власти беспощадного Монфора.

В то время, когда граф тулузский испытывал на себе все превратности судьбы, когда он от отчаяния переходил к надежде, а потом, благодаря хитрости своих врагов, опять становился их игрушкой, Монфор, руководимый лишь практическим расчетом, преодолевал все препятствия и упорно домогался своей цели. Он, при внешней рыцарственности, представлял собой тип полной политической безнравственности, нарушая самые священные права, не разбираясь в средствах.

Мы оставили его во время успехов, за покорением графства Разес. Тогда Раймонд собирался ехать в Рим, а король арагонский, Педро, понимая опасность, которая грозила бы ему, если бы на его границе появилась централизованная, абсолютно-теократическая монархия, обещал содействие лангедокским феодалам. Сперва он мог оказать им лишь моральную поддержку; он подстрекал их к борьбе и давал надежду на помощь. Вероятно, этой таинственной поддержкой и объясняются успехи, которых именно в это время добилась альбигойско-национальная партия.

Замки, недавно покоренные Симоном в пределах Альби, Каркассона и Безьера, отлагаются от Монфора; католические гарнизоны или оставляют их или осаждены лангедокскими отрядами. Так, два знаменитых католических барона Амори и Вильгельм Писсаки должны были сдать почти на глазах самого Монфора, который напрасно пытался переправиться через реку Оду. Также напрасны были попытки друга и любимца Монфора, Букхарда де-Марли овладеть замком Кабарет, местом весьма важным и в стратегическом и в церковном отношении. Теперь уже ясно обнаружился интерес крестоносцев; кроме католических целей, французы имели свои собственные; северные бароны, с берегов Сены и гор Нормандии, хотят водвориться на берегах Гаронны и в долинах Лангедока. Лишь только они получили в свои руки исполнение церковного наказания, как стали в глазах провансальцев чужеземцами и поработителями южных республик вместе с их религией.

В Кабарете засел один из рьяных бойцов альбигойского вероисповедания, старик Петр-Роже; он приходился родственником виконту безьерскому. Выждав приближения неприятеля, он приготовил засаду и Букхард, разбитый на голову, потеряв убитыми многих товарищей, был взят в плен и посажен в башню замка, где альбигойцы держали его в цепях в течении 16 месяцев, пока тот же самый Петр-Роже не освободил его.

Монфора в продолжение этой зимы вплоть до поста преследовали мелкие неудачи и причиной всего было отсутствие главных сил крестоносцев. Такова была вся система альбигойских войн; первый год служить ее прототипом. Зимой, Монфору приходится прибегать к хитрости и интригам, так как его отряды расходились по домам; к весне, они приходили вновь и увлекали своим примером других. Но неприятнее всего подействовала на Монфора измена одного из близких ему. Жерар де-Пепье, особенно любимый Симоном, умел скрывать свои религиозные убеждения перед суровым графом.

Этот француз, человек жестокого характера, втайне исповедывал альбигойство. Раз, он был отправлен в экспедицию; дорога шла через замок Пюисергье, занятый крестоносным отрядом. Жерар, въехав в замок со своей небольшой свитой, к которой присоединились еретики, объявил гарнизон военнопленным. Жители восстали. Рыцари Монфора сдались на том условии, что им будет сохранена по крайней мере жизнь. Между тем сам граф Симон, узнав об измене, спешил к

замку; с ним был Амори, барон Нарбонны. Но он отказался помочь Монфору при осаде замка, а без него дело устроиться не могло.

Пока Симон, удалившись на ночь в соседний замок, обдумывал месть, Жерар ушел со своим отрядом. Он увозил с собой двух главных пленников; 50 остальных были опущены в ров. Ускользнув от Монфора, он прибыл в еретический замок Минерву.

Жерар по своему сдержал слово; он оставил пленникам жизнь, но лишил их зрения и, если верить католическому историку, свирепо наругался над ними. Он обрезал им уши, нос, верхнюю губу и раздев донага, отпустил к Монфору. Зима стояла довольно холодная; один из них погиб, другой, едва живой, повстречался с нищим, который привел его в Каркассон (61).

Так, в короткое время, Монфор потерял 40 замков. Еще сильнее должна была подействовать на него весть о смерти легата Милона, скончавшегося в Монпелье, ибо это был его надежнейший друг. Счастье как будто отворачивалось от Симона.

Однако даже при таких неудачах, положение Монфора на Юге не стало критическим. К началу 1210 года в его руках было до 200 замков, а также несколько городов. Постоянные передвижения, прилив, а чаще отлив, в лагере крестоносцев, более всего занимали сторонников католического дела в Лангедоке. Вторым важным вопросом было удержать за графом Симоном владения, приобретенные им пока скорее номинально. Для этого необходимо было папское утверждение. Посольство и просительное письмо самого Монфора, отправленное как бы в противовес поездке графа тулузского, не могло иметь особенного успеха. Рыцарь Роберт де-Мовуазен вез это письмо и конечно в Риме он должен был ступать рядом с старым Раймондом, некогда столь могущественным, блистательным и теперь еще хранившим прежнюю гордость.

Монфор писал папе Иннокентию III, что посвятит себя всецело во славу Божию, на преуспевание веры и на гибель еретиков.

"Но дело это требует больших усилий, по двум причинам, - писал Монфор. - С одной стороны, бароны, принявшие участие в этой войне, оставили меня почти одного против еретиков, блуждающих по горам и скалам. С другой, я буду не в состоянии управлять сколько-нибудь продолжительное время страной, почти обедневшей от опустошений, ее постигших. Еретики покинули большую часть своих замков, или расхитив или разрушив их; они прочно берегут те, что достаточно укреплены, имея намерение защищать их. Мне приходится делать огромные затраты, не в пример других войн, на те отряды, которые при мне; едва за двойную плату я могу удерживать около себя необходимое число солдат".

Он просил папу подтвердить за ним право на завоеванные владения и извещал при этом, что в пользу Римской Церкви он ввел налог по три денария с дома, что в ее же пользу, он определил обычные десятины с еретиков. "За все это я прошу ваше святейшество оставить за мной обладание этой страной, которая поручена мне и наследникам моим Богом и вами, через посредство легата вашего аббата Сито и с согласия всей армии. Я прошу вас также оказать таковую же милость тем, кто разделяли мои труды и в вознаграждение чего получили часть страны" (62).

О том же просили Иннокентия и его легаты, откровенно добавляя к тому, что финансовые дела крестоносцев в дурном положении, и надобность в деньгах дошла до крайности. "При содействии и того небольшого числа рыцарей, которые остались около него, граф Монфор отвоюет все остальное в стране; надо только, чтобы Церковь, за которую он борется, приняла на себя материальные издержки. Хотя он, кроме городов, обладает уже двумястами весьма надежными замками и держит в цепях виконта безьерского, защитника еретиков, он тем не менее сильно нуждается в помощи, как для того чтобы укрепить уже приобретенные пункты, так для того чтобы делать новые завоевание".

Письмо Монфора равно как и ходатайство легатов имели свою долю успеха. Тот самый Роберт де-Мовуазен, который был послом воителя Юга, привез ему ответную грамоту папы. Иннокентий выказывал свою радость по поводу побед Монфора над еретиками и согласно желанию графа утверждал его в обладании завоеванными землями и городами; он обнадеживал его в борьбе с остатками еретичества и уверял, что он всегда найдет в нем совет и должную помощь.

Но помощью, в системе понятий Иннокентия III, чаще называлось моральное влияние на европейских государей, подчиненных его авторитету. И действительно, с этой целью он писал императору Оттону, которого уверял, что за то добро, какое делает тот на пользу Господа, Оттон "получит воздаяние в жизни настоящей и славу в будущей". О том же шла речь и в письме к королю арагонскому. Иннокентий не знал, что последний уже давно переменял свои убеждения,

что из слуги Рима он готовился стать в ряды его врагов. К выгодам Монфора были сделаны указания лангедокскому духовенству. Местные власти должны были еще раз опросить еретиков и, если они откажутся перейти в католичество, предать их светскому наказанию, т. е. конфискации имущества, которое переписать на Монфора. Баронов, помогающих Монфору, он особо просил, не оставлять его до конца дела; он писал, что к Пасхе придет им помощь, а теперь пока пусть они примут издержки на себя. Консулам Арля, Авиньона, Сен-Жилля, Нима, Монпелье и Тарасконы, а также барону нарбоннскому со всеми гражданами, графам Форкалькье, Савойи, Женева, Масона и Русильона, новым циркуляром напоминалось об их обязанностях относительно католической веры. Но Иннокентий предупредил Монфора, что главные феодалы не лишаются своих владений; только явное отложение от Церкви и вооруженный образ действий против нее подвергают их такому наказанию (63).

Все это были, к счастью, прежние бесконечные сделки. Мы должны признать, разбирая ход альбигойской войны с ее первого года, что, или Иннокентий не хотел прибегать к крайним мерам, или средневековая римская теократия из идеи никогда не переходила в область факта, или что у большинства католиков XIII столетие было достаточно человечности и снисходительности, чтобы не резать братьев ради веры.

Те неудачи, которые испытывал Симон, должны были сильно подействовать на его тщеславие; они привели его к совершению преступления, если уже весь его образ действий не был сам по себе великим преступлением.

Мы сейчас читали, насколько легаты ценили плен старого безьерского виконта. Раймонда-Роже содержали строго. Он сидел в тесной башне своего собственного дворца, что еще больше должно было мучить его все шестнадцать месяцев. Он не видел никого, кроме стражей. При условиях средневекового плена, трудно было выдержать такое заключение человеку, даже менее привыкшему к привольной роскоши провансальской аристократии. Есть достаточные подозрения, что тюремщики старались ускорить смерть виконта, если не прямым убийством, то иными мерами. Смерть его была необходима в интересах нового виконта, в интересах страшного для Прованса Монфора.

Католические историки говорят, что Раймонд-Роже умер от дизентерии; они как-то боязливо проходят около тени человека, ненавистного им (64). Все знали также, что перед смертью мнимый еретик принял Причастие из рук епископа каркассонского. Монфор, желая по возможности оправдать себя, велел выставить тело с открытым лицом в кафедральной церкви. Народ собирался толпами и молча плакал вокруг гробницы любимого государя. Торжественные похороны также не могли заглушить подозрений.

После Раймонда тулузского и виконта безьерского, граф де-Фуа составлял третье сильное лицо между феодалами Лангедока. По необходимости, он покорился Монфору и даже заключил с ним союз, но при первых неудачах ненавистного француза изменил ему (65). Монфор понимал, что положение его самое непрочное. Его армия вынужденно обессиливала себя сама. По взятии какого-либо замка приходилось оставлять в нем гарнизон, но завтра нельзя было ручаться, что этот гарнизон не будет вырезан или изгнан. При приближении Симона некоторые местности покорялись, но, уходя, он всегда оставлял в тылу у себя опасных врагов.

Однажды, в январе 1210 года, возвращаясь из экспедиции в свой лагерь под Каркассоном, он не нашел и следов своих сооружений: машины были сожжены, склады уничтожены, здания разрушены, караулы перерезаны. В его отсутствие восстали окрестные жители, вооружились и отомстили за свои страдания; тут, вместе с религиозной ненавистью, в равной степени действовала и патриотическая.

В негодовании Монфор хотел выместить свой гнев на тулузцах. Он потребовал, чтобы столица выслала в его лагерь людей и денег. Муниципалитет отказал. Действовать силой Монфор не решался; папские распоряжения в этом отношении стесняли его. Легаты, проживавшие в Тулузе, тогда только что сняли отлучение; убеждения Фулькона, державшаго, как знаем, сторону крестоносцев, также не привели ни к чему. Монфору оставалось скрыть свою обиду. Если бы он имел дело с каким-нибудь замком, то конечно поступил бы не так.

Кинувшись на городок Бром после тулузского поражения, он в три дня овладел им, без всяких машин. Первым делом он ослепил более 100 человек, которым в добавок были обрезаны носы; один глаз нарочно был не вполне поврежден, чтобы, изуродованные, они могли вести своих остальных товарищей в Кабарет. Достоинно внимания то оправдание поступков Монфора, к которому прибегает по этому поводу его католический историк.

"Граф поступил так не потому, чтобы нанесение таких уродств (*talis detruncatio membrorum*),

ему доставляло удовольствие, но оттого, что противники его, сами первые прибегая к тому, умерщвляли и резали в куски всех наших, которые попадались к ним, точно жестокосердые палачи (историческое беспристрастие должно подтвердить справедливость этих слов). И действительно, падая в яму, которую еретики сами себе выкопали (Пс. VII), они иногда пили из той чаши, которую слишком часто предлагали другим, что не было несправедливо. Что же касается до благородного графа, то он никогда не предавался никаким жестокостям, никаким истязаниям, ибо он был самый кроткий из людей (*omnium siquidem mitissimus erat*)"(66).

Если есть правда в первой половине этой заметки, если действительно лангедокцы, гонимые иноверцами и чужеземцами, в пылу борьбы, слабейшие, не пренебрегали никакими средствами и весьма часто, как увидим, не уступали в жестокости и свирепости крестоносцам, то только особым складом взглядов и односторонностью Петра Сернейского можно объяснить наивный панегирик его предводителю крестоносцев.

Но подходило лето, а с ним могли прибыть новые отряды северян. При таких условиях местные феодалы не могли уже рассчитывать на счастливый исход своей обороны. Тогда все их усилия были направлены на поиск надежного союзника. Преследуемые Римом, они не могли найти сочувствия и поддержки у европейских государей. Взоры их могли остановиться разве только на короле арагонском. Кстати, дон Педро был тогда в Лангедоке; он возвращался из Прованса.*¹ Вассалы графа тулузского, его родственника, надеялись найти в нем если не защитника, то ходатая. По этому поводу в Монреале, у сеньора Амори собрались бароны Кабарета и Терма. Они отправились в качестве лангедокской депутации навстречу королю. Они просили его принять их под свою защиту, добровольно подчиняясь ему в качестве вассалов, очевидно отстраняя тем законного сузерена своего, короля французского. Казалось бы, не было ничего проще, как просить защиты у последнего. Филипп был во всяком случае сильнее и влиятельнее арагонского государя; он уже проявил самостоятельность, непокорность в борьбе с Римом по делу Ингебурги, тогда как Педро не нашел другого выхода, кроме полурабской покорности. И теперь, сойдясь с Филиппом теснее, он мог рассчитывать на его решительную поддержку.

Но тут-то и проявляется вся ненависть лангедокцев к французам, все родство их с тогдашними испанцами. Понимая, что Филипп выручит их из беды, они не менее того сознавали, что воинственная французская раса поглотит их собственную национальность, что и случилось вскоре. Они искали других союзников и в этом отношении обстоятельства не могли предложить им иного, как короля Арагона.

Но личный эгоизм лангедокских вельмож иначе направил ход событий. Педро готов был протянуть им руку помощи. В последнее время у него часто происходили раздоры с Римом; он, вследствие крайностей характера своих соотечественников, готов был сделаться столь же сильным врагом Иннокентия, сколько верным другом его он был до того времени. Но вместе с тем он хотел верных ручательств; он был настолько благоразумен, что не решался проливать кровь подданных, не ожидая успеха. Он прежде всего спросил, сдадут ли они ему свои замки на время ведения войны, т. е. сделают ли его хозяином в стране. Получив на то сперва нерешительный, а потом отрицательный ответ, король не мог взяться за рискованное предприятие. Он не хотел ссориться с папой, не имея оснований ввериться тем людям, которые только нуждались в его содействии.

Монфор же, как бы желая показать, с каким соперником арагонцы будут иметь дело, упорно осаждал замок Бельгард в то самое время, когда король подъезжал к Монреалу. Бароны, сопровождавшие Педро, просили его въехать в замок, обещая там принести обычную присягу, но король желал хотя временно быть неограниченным властителем страны. Он отказался от всяких дальнейших переговоров. Увидевшись на пути с Монфором, король просил его снова снизить к графу де-Фуа и не трогать его до Пасхи. Симон обещал исполнить желание короля. Но еще более безуспешны, чем альбигойские, были попытки легатов склонить Педро на свою сторону. Мы увидим, что только год спустя им удалось достигнуть своей цели, и то только необходимость и исключительные обстоятельства заставили короля уступить я настояниям легатов и принять вассальную присягу новаго виконта Каркассона, оставив ему в залог своего малолетнего сына. Теперь же король возвращался из Арагона если и безутешным в своих мечтах пособить делу симпатичных ему провансальцев, то по крайней мере с убеждением, что он своим влиянием не склонил весов счастья в пользу Монфора.

Когда Монфору изменяла сила, он прибегал к интриге. В этом ему от души содействовал

*¹ Значительные территории Прованса, как мы знаем, находились в его ленном владении.

епископ Тулузский Фулькон. Благодаря последнему, в столице возникли междоусобия. Епископ успел составить в городе ультракатолическую партию, вероятно из низших классов; он образовал общество из 5000 человек под названием "белого товарищества." Члены этого братства посвящали себя надзору за соблюдением церковного устава и католических приличий: они же должны были разыскивать еретиков и искоренять их даже силой оружия. Начальниками братства были двое дворян и двое купцев; они составляли никем не признанный комитет, в котором рассматривали преступления против нравственности и особенно по делам ростовщиков. Комитет этот самовольно присвоил себе право исполнять свои приговоры. Его вооруженные агенты наказывали виновных разрушением и грабежом домов. Общество считало себя одним из отрядов Монфора. В ознаменование своего тождества с крестоносцами, члены братства носили белый крест и давали ту же присягу быть верными и всегда служить Церкви.

В противовес этому обществу образовалось другое, уже в самой крепости, в бурге, и называлось "черным товариществом". Последнее было гораздо многочисленнее и могущественнее, так как опиралось на общий дух, господствующий в столице и подогреваемый ее властями. Часто на улицах сталкивались вооруженные пешие и конные соперники, начинали свалку и обгаляли кровью городские площади, как позднейшие религиозные партии во Флоренции, во время Савонаролы. "Этими раздорами, - с горьким чувством говорит певец провансальский, - граждане губили друг друга, тогда как, если бы они были соединены, никакие крестоносцы на свете не могли бы сделать им зла. А теперь они готовы погибнуть все и с ними вся страна, опустошенная, обезлюденная. Ибо французы, итальянцы и все другие преследуют их с большим озлоблением, с большею ненавистью, чем саррацины" (68). Напрасно граф тулузский пытался прекратить эти междоусобицы; напрасно впоследствии, он сопротивлялся удалению в неприятельский лагерь 5000 белых, когда те решительно заявили о таком намерении. Они сумели-таки настоять на своем с помощью обмана; переправившись через Гаронну под Базаклем там, где их ожидали менее всего и где их не стерегла тулузская милиция, они явились на поле лаворском и соединились с отрядами Монфора.

Летом 1210 года, силы Монфора были сосредоточены в другом месте, за восточной границей тулузского графства, недалеко от Кабарста, а именно - под замком Минервой. В крестоносном лагере были все три легата: Арнольд, епископ Рицеа и Феодосий. Выгодное стратегическое положение Минервы уже давно обращало на себя внимание Монфора. В прошлом походе крестоносцы миновали этот пункт; недоступность замка делала его основной базой для еретиков; сюда последние стеклись во множестве и находили здесь много заготовленных средств для существования.

Вся местность вокруг Минервы, некогда носившая имя графства Минервуа, изрыта горами; здесь главный узел этих хребтов, возвышающихся во всех частях Старого тулузского графства к югу от Гаронны и неприметных только в северной стороне. В самой возвышенной точке так называемых Черных гор, скалы растут над скалами и поднимают на себе угрюмую и до-вольно обширную крепость, вокруг которой цепляются дома вилланов. Стремнины, овраги, пропасти, делают едва доступным этот замок, извилистая дорога к которому известна только обитателям его, да немногим окрестным жителям. Охранял Минерву значительный гарнизон; он находился под личным начальством своего владельца, барона Вильгельма.

Симон де Монфор, понимая всю трудность дела, усилил свое войско отрядами виконта нарбоннского. В его лагере была жена, недавно прибывшая из Франции и везде почетно встречаемая французами как будущая властительница Лангедока. Крепость была обложена со всех сторон; сам Симон стоял с запада, гасконцы с востока, нарбоннцы с севера, - а с юга был назначен штурм. Приготовили метательные машины. Особенно в этом деле отличились гасконцы; они изготовили особый по величине снаряд; камень, которым заряжали его, был невероятной тяжести; содержание артиллеристов, которые обращались с этим огромным сооружением, ежедневно стоило более 20 ливров. Эту диковинную машину Монфор взял к себе. Стрельба производилась первое время день и ночь.

Раз, когда уже первый жар крестоносцев остыл, и когда губительные действие машины несколько приостановились, ночью на воскресенье, осажденные незаметно сделали вылазку с пучками пакли и сухой соломы, подложили их к самой машине и зажгли ее. Удушливый густой дым распространился в воздухе и без того накалившемся от постоянной июльской жары. В лагере спали все, даже караулы; только один солдат вышел из палатки и, поняв, в чем дело, пронзительно закричал. В это самое мгновение копье, метко направленное, опрокинуло его мертвым на землю. Но некоторые уже успели проснуться и через минуту весь лагерь был на ногах; осажденные

отступили; пламя успели потушить. Машина стала действовать по-прежнему; прочие неустанно поддерживали ее.

У осажденных не доставало припасов; они начали думать о переговорах. Граф Монфор отказался вести их от своего имени; так объявил он барону Вильгельму при свидании с ним. Без совета и благословений папских легатов, а особенно аббата Арнольда, он ничего не предпринимал, ни на что не решался. Положение же аббата Сито было очень затруднительно; как крестоносец, он считал своей обязанностью отбить врагов Христа; как священник и духовное лицо, он не мог обречь смерти часть жителей Минервы. Арнольд предложил заключить письменную капитуляцию, но когда, условия со стороны барона были прочтены, легат не одобрил их и объявил возобновление военных действий. Арнольд настаивал на безусловной капитуляции, на выдаче всех еретиков - "верных" и "совершенных", которым обещал жизнь только на том условии, если они обратятся в католичество; самый замок легат предназначал Монфору; Вильгельму же обещал жизнь.

Замечательно, что в лагере крестоносцев были такие лица, которые считали очень снисходительными условия, предложенные легатом. Рыцарь Роберт де-Мовуазен душевно сожалел, что нечистым еретикам предлагают пощаду; он боялся, что они из страха согласятся на притворное отречение и тем избегнут костра, который уже давно был присужден им храбрым французом. Легат успокоил его, заметив, что бояться нечего.

"Я полагаю, что очень немногие из них обратятся", - сказал Арнольд (68).

Между тем необходимость заставила осажденных принять условия, как они ни были тягостны. Ворота были отворены неприятелю. С хоругвями, крестами и распущенными знаменами вступило в город крестоносное воинство, предводительствуемое легатом. Монфор на этот раз отказался от участия в процессии; он остался в своем лагере. Один из проповедников, аббат сернейский, "с особенной ревностью работавший над делом Христовым", узнав, что множество еретиков собралось в своем молитвенном доме, направился прямо к ним; он думал обратить их в католичество. Сопутствуемый стражей, он вошел в длинную залу, наполненную мужчинами, преимущественно из "совершенных" альбигойцев; они понимали, что это последняя их дружеская беседа в жизни. Католический аббат стал говорить с ними в своем духе. - "Зачем пришел ты сюда проповедывать? - говорили ему. - Нам не надо вашей веры; мы проклиная Церковь Римскую. Напрасно трудитесь вы, ибо ни смерть, ни жизнь, как гласит Апостол, не могут отлучить нас от той веры, которую мы исповедуем." После таких слов аббату оставалось только удалиться. Он пошел в другой дом, где собрались одни женщины, но нашел их еще более непреклонными и еще более решительными. Тогда-то вступил в город сам Монфор. Первым его распоряжением было согнать на одну площадь всех еретиков. "Этот истинный католик, - говорит его летописец, - хотел всех их спасти и привести в лоно истины." Но, так как все такие попытки оказались напрасными, то Монфор приказал выдти вперед "совершенным"; те безмолвно повиновались. Их оцепили солдатами и повели за городские ворота. Тут, на скалистой площадке, был приготовлен огромный костер. Более полутора десятка человек мужчин и женщин было перевязано и кинуто в огонь. Они, благословляя имя Божие, радостно приветствовали свою участь. "Даже не было бы необходимости прибегать к силе, - замечает католический летописец, - ибо закоснелые в своем нечестии, они с веселой сердечностью кидались в пламя" (70). Только три женщины были выпрошены одной католической баронессой для обращения их в католичество. Остальные еретики, т. е. "верные", как будто были обращены в католичество; конечно такое обращение альбигойцев было притворное. С Вильгельмом Монфор поступил довольно великодушно, хотя объявил себя государем Минервы, согласно условиям договора: он дал Вильгельму в вознаграждение несколько доменов в окрестностях Безьера. Духовные на радостях получили награды, как например, епископ безьерский Регинальд, которому достался замок, конфискованный крестоносцами. За то он должен был признать своим прямым государем Монфора. Непосредственным следствием падения Минервы было подчинение Амори, владельца Монреала. Он прислал депутацию Монфору и сдал ему свой замок, в замен чего получил домен не столь надежный, без укреплений и открытый для нападений.

Все такие подчинения не были прочны. При первом же случае покорившиеся лангедокские бароны поднимались и снова становились врагами пришельцев.

Кроме Монреала, подчинились следом за Минервой и другие окрестные замки. Пейриаки защищались только два дня; Рье неделю. Венталон сдался добровольно, хотя Монфор тем не менее приказал срыть замок в наказание за его помощь осажденным в Минерве. Когда же прибыли новые крестоносцы под предводительством рыцаря Вильгельма Капка и когда известили о скором

прибытии бретанцев, то надежды Монфора должны были сильно возрасти. Теперь он задумывал уничтожение самых крепких баз национальной оппозиции, а вслед за этим - о решительном движении на Тулузу. К тому обнадеживало его одобрение из Рима, как раз теперь высказанное в папской булле от 28 июня 1210 года; она пришла в лагерь крестоносцев после взятия Минервы. В ней Иннокентий III "апостольской властью" подтверждает за Монфором и его наследниками обладание "государством альбигойским" со всем, что относится к нему. В этот же день была подписана булла к лангедокскому духовенству нарбоннской и других епархий с приказанием отдавать в распоряжение Монфора все имущество еретиков, которые не обратятся в католичество. Легатам своим, Арнольду и епископу Рицеа, папа предписывал собрать денежные пособия на крестовое дело в диоцезах Безансона, Бордо, Вьенны, Памплоны, Лиможа, Клермона, Пюи, Кагора и Родеца; кроме того им предлагалось принять меры к сбору приношений и по другим провинциям (71). Надеясь на успех таких мер, Монфор мог предпринять осаду того крепкого пункта, который всего более всего страшил его после Минервы, а именно замка Терм.

На скатах гор, которые идут параллельно морскому берегу по направлению от северных границ нарбоннского графства вплоть к Пиринеям, замок Терм представлял единственно сильную крепость после Минервы. Взятием его обеспечивался тыл крестовой армии; ранее же того нельзя было приступить к осаде самой столицы. Терм возвышался на гребне высокой горы, окруженной с трех сторон скалами и стремнинами; доступ к замку был открыт только с одной стороны, по высокой ложбине высохшего потока, подниматься по которой было весьма затруднительно и опасно. Два предместья, отделенные одно от другого стенами, окружали крепость. Стены возвышались одна над другой; наружная, со стороны доступной нападению, упиралась в искусственный бастион из обрыва огромной скалы; проникнуть в крепость можно было только через тройную битву у каждой стены. Издали вся эта масса природных и искусственных укреплений представлялась гигантской чалмой. В замке давно ждали нападения; потому гарнизон был усилен каталонцами, привыкшими к войне; здесь же во множестве из окрестного края, по примеру Минервы сосредоточились альбигойцы. Барон термский, Раймонд, славился на всем Юге своим строптивым и отважным характером. О нем ходила молва, что он имел обыкновение выражаться: "народы боятся виконта безьерского, графа тулузского и короля арагонского, а король арагонский с графом тулузским и виконтом безьерским боятся господина Терма". И Раймонд термский искусно соответствовал такому изречению; он прекрасно лавировал между сильными соседними государями и до сих пор не признавал ничьей посторонней власти над собой. Без королевства, без графства, он был сам себе королем и графом. Седины его, прямота и честность характера внушали уважение. Как задорный провансальский феодал, он считал за долг чести покровительствовать местной вере, делавшейся (так казалось) национальной. Говорили даже, что он открыто присоединился к альбигойству; уже 30 лет, как в Терме дуализм был признанной религией. Тем большая досада и злоба овладела им, когда он узнал о пришельцах французах, которые свои честолюбивые цели освящали крестом. В Монфоре для него воплощалось всё ненавистное и злоба душила его, когда он услышал, что крестоносцы идут на Терм.

Оставив Каркассон под формальной властью своей жены, граф Симон со всеми силами пошел на замок. Крестовое воинство было тогда в полном сборе. При всем том, когда армия приблизилась к цели похода, то оказалось, что она не в состоянии будет обложить со всех сторон город, расположенный на такой местности. Жители знали все тропинки, все пути из замка и по прежнему имели свободное сообщение с окрестностями. Из за своих стен они посмеивались над крестоносцами и часто делали нападения на неприетельский лагерь. Ряды Монфоровых войск заметно убывали. Но с прибытием бретонцев его надежды снова поднялись. Бретонцы считались лучшим войском; дорогой они перенесли много бедствий и лишений; их числом достигало пяти тысяч. За ними прибыли отряды двух воинственных и славных рыцарей - Роберта Дре и его брата, епископа Бове, по имени Филипп. Последний славился своей храбростью; духовное платье он надевал редко; его всегда видели в шлеме и кольчуге; на своем коне в бою он наводил ужас. Он прославился в Палестине и в войнах с англичанами на юге и севере Франции; тогда редкая битва происходила без его участия. Пример знаменитого прелата, предложившего свой меч и услуги Монфору, при-влек в лагерь войско епископа шартрского и крестоносцев Абевиля.

Теперь, оглядевшись вокруг себя, Монфор увидел достаточно сил, чтобы действовать решительнее. Он приказал готовить штурм. Но личная храбрость оказалась бессильной против условий местности, столь удобной для обороны и так губительной для нападающих. Цепляясь один за другого, крестоносцы лезли по скалам на стены, но, опрокинутые, летели со страшной

крутизны; их трупы наполнили пропасти, которые служили естественными рвами для осажженных. Оставалось отступить.

После этого успеха, уверенность осажженных в собственной недоступности и непобедимости стала еще большей. Еретики начали появляться на городских стенах без всякого вооружения; они смеялись над крестоносцами и кричали им: "бегите, скройтесь от лица нашего" (71). В свою очередь, энергия Монфора не остывала; к храбрости надо было добавить искусство. И в его стане нашелся человек, который под церковной рясой скрывал таланты полководца.

Это был Вильгельм, архидиакон парижский. Он более всех других ревновал о соблюдении в лагере церковного благочиния и об исполнении духовных треб; он же в решительную минуту первый нашелся и первый предложил тот план действий, который только и мог сокрушить неодолимый замок. Его деятельность была неутомимой; не знали, когда он ел, когда спал; его всегда заставляли за работой. Он ободрял баронов и воинов, упавших духом от постоянных неудач. Он то устраивал новые машины, то поправлял старые; часто он работал сам с топором в руках, если работники не умели привести в исполнение его указаний. Мало того; на машины нужен был лес; доставать его было не безопасно: альбигойцы чутко сторожили своих врагов в лесу, где их резали целыми партиями. Вильгельм сам взялся предводительствовать этими охотниками и, видя его впереди себя, последние отважно кидались в бой. На первом военном совете он предложил изменить систему осады; надо было действовать долгим трудом. Глубокие овраги решено было засыпать и наносной почвой заменить отсутствие природной; исполнить такой замысел было уже само по себе гигантским предприятием. Поневоле взялись все; сперва смеялись, потом роптали, наконец увидели, что дело подходит к концу, что упорную природу можно одолеть - и из армии Монфора поскакали гонцы с известием, что падение Терма неминуемо, как ни тяжки труды и усилие, положенные для того (72). Огромные машины были поставлены на созданном для них месте; из них была открыта беспрестанная пальба. В первой стене была пробита брешь; через нее крестоносцы ворвались в нижнее предместье. Тогда защитники отступили во второе предместье, заманивая за собою уже расстроенные ряды неприятеля. Атака второй стены была отбита и, осыпаясь камнями и огненными зарядами, крестоносцы скоро оставили даже первое предместье, будучи горячо преследуемы. После новой неудачи Вильгельм и Монфор направляют все усилия на башню Термет, которая особенно вредила осаждающим; из нее сыпалась масса снарядов. Овладеть ею значило обладать всем замком. У самых ее стен были поставлены охотники, которые взялись прервать всякое сообщение башни с городом. Они не только сумели продержаться, будучи всегда между двух огней, но успели даже поставить в промежутки большую стенобитную машину, которая стала действовать против башни. Тогда осажженные видвинули против нее свою машину, метавшую тяжелые камни. Но во всяком случае сообщение между башней и городом было прервано; отряду грозила голодная смерть и ему оставалось только темной ночью незаметно от стражей пробраться к предместью. Пустая башня на следующее утро была занята воинами епископа шартрского.

Еретики употребили в свою пользу все, что могла дать им храбрость, изобретательность и стойкость. Каждый из жителей, решившийся или спастись или погибнуть, хотел во время этой достопамятной пятимесячной осады сделаться героем. Когда часть стены обрушилась, то следом за ней воздвигалась другая, из камня и дерева; историк Монфора сознается, что альбигойцы Терма не теряли ни минуты даром и как бы предупреждали и устраняли всякий вред, который старались делать им противники; мгновенно появлялись у них запасные стены. Архидиакон Вильгельм, неусыпной бдительности и искусству которого приписывали все ведение и весь успех осады, велел поставить еще одну метательную машину на возвышенном и недоступном месте. С высокой скалы она метала в город тучи камня. Знали, что неприятель постарается уничтожить ее - поэтому Монфор в охрану дал 300 солдат с 5 рыцарями. Когда, однажды утром, 50 человек из города, вооруженные длинными копьями, со множеством зажигательных снарядов, кинулись на машину, то крестоносцы, обуянные паническим страхом, бросились бежать, опасаясь сгореть или быть свергнутыми в пропасть. Только один молодой рыцарь остался и долго геройски оборонялся против нападавших, пока не дождался помощи; он четыре раза скидывал головы, неуязвимый за стеной машины от копий.

Наконец Монфор, узнав, что во многих местах сделаны проломы, приказал новый генеральный штурм, но, встретив везде двойные стены, пораженные страхом и потерявшие энергию, крестоносцы везде повернули назад и отступили. Дух армии Монфора падал, когда однажды совершенно неожиданный звук рога и белое знамя возвестили, что неприятель просит мира. Что было причиной того? Крестоносцы не подозревали, что если у них истощились

припасы, что если сам граф Симон стыдился обедать при посторонних, потому что часто за его столом не было ничего, кроме сухого хлеба, то в осажденном городе началось самое ужасное бедствие. В Терме уже несколько дней не было ни капли воды, хотя вина, оставалось месяца на два или на три. Как нарочно настала засуха и всему городу оставалось или сдаться или умереть от жажды. При таких обстоятельствах сам гордый Раймонд решился на переговоры с ненавистным ему врагом. Монфор назначил Гюи де-Левиса для подписания соглашения от своего имени; они были очень кротки и снисходительны. Раймонд в самый день Пасхи обязывался сдать город Монфору и взамен Терма получить какое-либо другое владение. На другой же день договор был подписан и утвержден. Изнуренные католические вожди обрадовались окончанию этой тяжелой осады; сам епископ Бовэ, привыкший к боям и штурмам, спешил ехать домой; также снялся с места епископ шартрский и светские вельможи и рыцари, уже пропустившие обыкновенный срок отъезда. Напрасно Монфор уговаривал баронов повременить; только епископ шартрский согласился подождать некоторое время.

Предчувствия не обманули Монфора. Через несколько дней пошел проливной дождь; каналы и бассейны городские обильно наполнились водой и граждане тотчас отказались от сдачи; их свободный дух воскрес. Монфор думал подействовать на их совестливость, послал к ним самого Левиса, чтобы побудить их исполнить обещания. Раймонд отвечал, что сами крестоносцы не держат своих обещаний, что они изменнически погубили виконта безьерского. Надо было начинать осаду снова. Между тем строптивые вожди пилигримов выходили из подчинения; епископ шартрский, не смотря на всю важность настоящей минуты объявил, что он более оставаться не может. Скрыв досаду, Монфор даже отправился провожать епископа. В его отсутствие, альбигойцы сделали яростное нападение на неприятельский лагерь; они проникли до самых палаток и зажгли их. Огонь уже начал распространяться по линиям, как крики "Монфор, Монфор!" раздались на той и другой стороне. То был он сам, в железе, на огромном коне, с тяжелым мечем, страшно разившем направо и налево. Альбигойцы теперь в свою очередь повернули назад и побежали в город. Темь не менее надо было возобновлять осаду с ее прежними жертвами.

На этот раз Монфор собрал всю неодолимость своих физических сил, всю крепость своего закаленного характера. В окончании термейской осады как бы сосредоточились и обнаружилось все богатые способности его природы, достойные иных подвигов, лучшей деятельности. Настала зима, довольно суровые холода, снега и бури; казалось надо было отступать, но крестоносцы продолжали дрожать на холоде и не двигались из своих просыревших палаток; Монфор не решился ни на один шаг назад, а с радостью приветствовал прибытие лотарингцев с графом Баром. Зато и положение осажденных было самым печальным. Дождевая вода, которую они с жадностью собирали в бочки и всевозможную посуду, стала портиться и гнить. На ней пекли хлебы, готовили пищу, и, в результате, такой изнурительный понос распространился между жителями, что никто не мог узнать себя.

"И все они решились бежать, чем умирать в таком положении", - как рассказывает современник (73). Они собрали женщин в центральной башне и, когда настала глубокая ночь, вышли из замка, оставляя в нем свои сокровища и унося самое дорогое - свои семейства. Это было на 23 ноября 1210 года. Пройти незамеченными в таком большом количестве мимо неприятельского лагеря они не могли. Их услышали - и тогда, в ночной темноте, на обрывистой местности, началось побоище. По одним известиям все беглецы погибли; по другим, более достоверным, потеря заключалась всего в нескольких убитых и пленных. Раймонд благополучно миновал крестоносцев, но ему отчего-то понадобилось вернуться в город. Он вторично выбрался из него, но тут наткнулся на пилигрима шартрского отряда, который нанес ему несколько ран. Истерзанного Раймонда привели к Монфору. Победитель не смеялся над ним, но, в наказание за измену, велел заключить барона в каркассонскую тюрьму, где некогда томился и погиб славный виконт безьерский. Барон Терма недолго переносил заключение. Он скоро скончался от душевной боли и суровости содержания (74).

Монфор, въехав в город, объявил прощение женщинам, вернувшимся из бегства, и велел поместить их в безопасное место.

Непосредственным следствием падение Терма было занятие замков Констанса, Абаса, Пюиверта. Несмотря на неудобное время, Монфор пошел на Альбижуа. Кастр и Ломбер покорились добровольно. В начале декабря 1210 года, Монфор уже был обладателем всего леваго берега Тарна.

Такие успехи должны были невольно смутить старого государя Лангедока. Всякий приросток

в завоеваниях Монфора уязвлял сердце Раймонда тулузского; каждый счастливый шаг Симона на почве Лангедока грозил будущему этого несчастного государя, попавшего в сердцевину борьбы религиозных и политических интересов. Прежде всего Раймонд, как и все соотечественники его, видел в Монфоре иноземца, пришедшего завоевать страну для тех французов, с которыми доселе она была связана формальными и вассальными отношениями или точнее узами союзничества. Зимой 1210 года никто не сомневался, что Монфор пойдет на Тулузу, чтобы прогнать старого графа и сесть на его престол. Никто не догадывался, что борьба затянется надолго и что не Монфор распутает ее узел. Недоставало только юридических причин к свержению Раймонда, но и они не замедлили явиться. Легаты взяли на себя труд доказать Раймонду, что он совершенно не на месте. Вспомним, что прежние их сделки с графом не привели ни к чему. Легаты продолжали говорить, что Раймонд не исполняет условий договора, что милости папской он не заслуживает и что отлучение с него снято быть не может. Раймонд в свою очередь жаловался, что домогательства легатов явно своекорыстны, что они имеют целью поставить его в затруднительное положение перед римским двором, что ему не дают оправдаться. Прелаты писали в Рим, что граф тулузский не исполняет постановлений сен-жилльского съезда, что он по прежнему потворствует ереси.

Тогда Иннокентий отправил Раймонду, которому в душе не мог не сочувствовать, следующую грамоту: "Неприлично мужу столь высокого имени, писал папа, не исполнять законных обещаний, им данных, особенно когда он сам желает; чтобы другие исполняли те, которые даны ему. Так как ты обещал изгнать из земель твоих еретиков, то мы сильно изумились, узнав, что они живут еще на тех же местах вследствие твоего нерадения, чтобы не сказать, вследствие твоего дозволения. Кроме опасности для твоей души, так как и имя твое может сильно пострадать, мы просим благородство твое, приказываем и увещеваем сим апостольским посланием, во что бы то ни стало и безотлагательно изгнать еретиков из твоей земли, согласно твоему обещанию, данному нам лично. В противном случае их имущество и земли, по суду праведному, будут отдалены тем, кто возмет на себя труд искоренения еретиков" (75). Это было написано в середине декабря 1210 года.

Намек прямо был направлен на Монфора. До сего времени папа противился узурпаторству французов. Он наградил Монфора виконством безьерским, но никогда не думал отнимать непосредственный домен Раймонда VI. Теперь ход событий вел к более решительным результатам. Замыслы французов-крестоносцев грозили осуществиться вполне. Но что было делать Раймонду в таком безвыходном положении? На что решиться? Он хотел пойти на сделку с Монфором, но это было бы по меньшей мере напрасно. Легаты и другие духовные власти явно встали теперь, после папского намека, на сторону католического воителя. В таких обстоятельствах Раймонда застало, в январе 1211 года, приглашение на нарбоннский съезд. Тут присутствовал король арагонский, Монфор и все три легата; был также приглашен и другой феодал, столь же заподозренный Церковью, граф де-Фуа. Целью съезда было найти средства к примирению с этими вождями национальной партии, - цель, в случае достижения ее, очень неприятная для французов и Монфора. Легаты на этот раз испытали последние средства, зависевшие от них. За изгнание еретиков Раймонду обещали не только ручательство в сохранении всех его владений, но еще сверх того прибавку четвертой, или даже третьей части всего завоеванного крестоносцами. Это был тонкий и искусный подкуп. Благородный Раймонд отвергнул его и не согласился предать альбигойцев из-за корысти. Столь же неудачны были попытки легатов склонить на свою сторону графа де-Фуа. Король арагонский в этом деле был искренним посредником. Благодаря его стараниям, было постановлено утвердить за графом де-Фуа его прежние и нынешние владения, исключая замка Памьер, если только он поклянется в повиновении Церкви и в дружбе с крестоносцами. Но граф, подобно другу своему Раймонду, не принял этих условий. Король между тем клятвенно обязался перед легатами наблюдать за поведением графа и, в случае неповиновения и возмущения, сдать легатам или Монфору замок Фуа в вассальное владение, так как он, король, считался его верховным сюзереном (76).

Педро был почти вынужден к тому, чувствуя сродство с лангедокцами; он не мог сочувствовать французскому владычеству в стране. Легаты стали просить его принять присягу графа Симона за Каркассон, который фактически уже давно считался за ним. Король отказался. Арнольд вместе с епископом д'Узеса ие теряли надежды. Назавтра они возобновили свои просьбы; они пали на колени пред королем и самым униженным образом молили Петра не отказать в своем признании нового владения. Отказаться при такой оригинальной настойчивости, королю было невозможно; он дал свое согласие и Монфор тут же присягнул ему.

Это стоило Педро известных сил. Когда заседание было перенесено в Монпелье, то король почти против воли ехал туда. Действительно, ему было в высшей степени неловко на этих заседаниях. Он едва мог выдержать внутреннюю борьбу с самим собою, это мучительное колебание, борьбу клятв и обязательств повиновения папским легатам с привязанностью к угнетаемому Лангедоку и Раймонду. Его просили отдать своего младшего сына Монфору, с тем, чтобы позже женить его на дочери графа; у короля отняли трехлетнего сына Иакова и отдали его на воспитание человеку, которого отец ненавидел в душе. Но, чтобы показать лангедокской партии, что его симпатии к ней не остыли, что такой поступок вызван лишь нежеланием разрывать связи с папой, он тут же обещал Раймонду женить его сына на своей сестре донне Санче, дабы тем перед целым миром скрепить узы между двумя государями. Этим поступком, который через год был приведен в исполнение, Педро протестовал против церковных претензий на Лангедок и показал, каково будет его отношение к гонимому графу тулузскому и Риму. Что же касается до Раймонда, то он уже не мог выносить всех мелочных домогательств и решительных настояний со стороны легатов. Он долго отмалчивался; наконец согласие его было получено.

На другой день назначено было подписание условий и принесение присяги. К торжеству готовились всюду, но графа уже не было в городе. Он убежал!

Наивный монах думает объяснить это обстоятельство несчастливым пророчеством: птица пролетела слева от него, а граф тулузский по примеру сарацин, верил в гадание (77). В сущности же, Раймонда поставили в такое положение, что долее нельзя было уворачиваться; надо было назваться или католиком, или еретиком, - а он все еще не хотел сказать последнего слова.

В его отсутствие, заседания не могли продолжаться в том же Монпелье; надо было дать им более торжественную обстановку. Новый собор был назначен в Арле, в пределах собственно Прованса. Легаты прибыли сюда с решительным намерением покончить с Раймондом. Ему было через вестника послано приглашение прибыть в Арль. Он не приехал, хотя до того времени считался одним из крестоносцев и всегда имел свое знамя в их лагере. Надо заметить, что в небольшой промежуток времени между соборами в Монпелье и в Арле, оба симпатизирующих еретикам государя успели увидеться и переговорить между собой. Они встретились в Нарбонне; король Педро тогда уже собирался вернуться домой; беглый граф просил его о помощи. Они пробыли несколько дней вместе в глубокой грусти и разъехались, не придумав никакого примирительного исхода, - а к войне Педро не был еще готов.

Король, расставшись с графом, печальный, поехал по дороге в Арагон, где его застало приглашение легата немедленно прибыть в Арль по важному церковному делу. Он повиновался вместе - как и Раймонд. Духовенство сочло за нужное прибегнуть к полицейским мерам. И тому и другому государю запрещено было, без особого разрешения, удаляться за черту города. Король Арагона и граф Тулузы очутились под домашним арестом. Скоро граф получило ультиматумы от легатов и членов собора. Ему предлагали войну или мир; в противном случае безотлагательно требовалось исполнить предложенные условия, а условия, между прочим, были таковы:

1) Граф тулузский распустит немедленно свои войска, собранные им, и остановит те, которые находятся в походе.

2) Он отдаст в руки аббата Сито и Монфора, в продолжение этого года, всех, на кого ему укажут легаты, и не будет ни в чем препятствовать относительно их участи.

3) Все граждане его доменов не будут отныне носить ценных нарядов, им дозволяются только черные плащи и шляпы.

4) Граф срет до основаша все укрепления в своих замках.

5) Его вассалы и рыцари будут отныне жить в своих деревнях, а не в городах.

6) Новых налогов и податей в казну графа не будет; останутся только те, которые существовали издревле.

7) Государство облагается податью: каждое семейство платит по четыре тулузских денария ежегодно легату или его доверенному.

8) Графу Монфору и его крестоносцам будет открыт беспрепятственный доступ в тулузское государство, где все они будут содержаться за счет жителей.

9) Приняв все эти условия, граф Раймонд отправится за море, в орден госпитальеров, рыцарей св. Иоанна Иерусалимского, и не вернется в свое государство без позволения легата.

10) Его государство объявляется под властью Церкви и все замки синьории будут возвращены легатом и графом Монфором тогда, когда они признают то возможным (78).

Когда призванный капеллан прочитал графу эти условия, Раймонд разразился смехом "будто от великой радости" и показал бумагу своему кузену, королю арагонскому.

- Вот дикие предложения, которым меня заставляют повиноваться, - проговорил он с негодованием.

Пробежав глазами бумагу, король горько улыбнулся.

- Вам прекрасно оплачивают за вашу верность, - заметил дон Педро.

Недолго думая, Раймонд решил бежать; король одобрил это и сам согласился сопутствовать ему. Оставив у себя хартию, не сказав ничего легатам, король и граф, в эту же ночь, тайно исчезли из города (79). Чрез Монтабан и Муассак Раймонд поскакал без оглядки в Тулузу. Теперь легаты считали себя вправе произнести последнее слово. Собор отлучил Раймонда и торжественно объявил его отступником и врагом Церкви; его владения и имущество объявлялись собственностью каждого желающего ими воспользоваться. Но собор знал, что, в силу прежних предписаний Иннокентия, всякие дальнейшие меры легатов относительно Раймонда должны быть утверждены самим папой.

Потому они послали в Рим одного аббата с донесением о всем происшедшем в последнее время и о своих решениях. В апреле 1211 года Инокентий отвечал согласием на меры легатов в циркулярах к архиепископу арльскому и всему местному духовенству. "До сих пор, - пишет папа, - мы были убеждены, что благородный Раймонд, граф тулузский, последует нашим увещаниям и окажет Церкви то почтение, какое должен оказать ей всякий католический государь. Между тем, прельщенный дурным советом, он не только обманул наше ожидания, но со злобой противился всяким предначертаниям Церкви и без стыда презрел свои обещания и клятвы. Потому наш почтенный брат, епископ Узеса и возлюбленный сын аббат Сито, легат Церкви апостольской, произнесли против него отлучение, согласно совету многих прелатов, вследствие его явного слушания; мы же сим апостольским посланием приказываем вам как можно успешнее распространить это решение по вашим диоцезам и непременно привести его в исполнение согласно требованиям церковного устава" (80).

В тот же день, в Риме сделаны были распоряжения об удалении архиепископа д'Оша, Бернара де-Лабарта, и епископов Каркассона и Родеца. Инокентий писал лично архиепископу о том, что действия его слабы, что теперь епархия его, наводненная еретиками, нуждается не в таком пастыре, что теперь, к сожалению, настало время, когда надо напрягать одинаково и светские и духовные орудия. Легат Арнольд должен был предложить архиепископу очистить место и искать другое лицо, более энергичное и деятельное. Епископ Родеца получил такого же рода послание; курия ссылалась на его старость, как причину бездеятельности. Действительно, ему было уже за 60 лет; в случае сопротивления ему грозили принятием дисциплинарных мер. Одному из местных епископов было поручено принять вместе с легатом должные меры по этому вопросу. Ему же было приказано свергнуть епископа каркассонского, на которого, как видно из письма, он же и доносил в Рим. Через 8 дней, капитул должен был законно избрать нового епископа, более полезного; все сопротивление и всякие возмутители должны караться церковными мерами (81).

Капитул Каркассона получил такую же грамоту с напоминанием, что он должен избрать себе пастыря по существующим законам и каноническим обрядам, именно такого, который мог бы вынести не только почести, но и всю тяжесть своего звания (82). Из всех этих распоряжений Иннокентия видно, что он действовал в пределах законности, что он смещал епископов, как не соответствовавших тогдашним стремлениям Церкви, что, считая себя за верховного цензора, он не позволял себе поступать самовластно, предоставляя по всем юридическим формам избрать тех лиц, которых пожелают на месте. Такому примеру следовали и позднейшие первосвященники. Замечательно, что если предписания Иннокентия относительно епископов были исполнены, то архиепископ продолжал еще сидеть на своем месте несколько лет. В Риме между тем принимались все необходимые меры к успешному окончанию войны с тулузским государем, войны, теперь неминуемой.

Раймонд также со своей стороны не оставался без дела и не допускал застать себя врасплох. Он хорошо понимал, что теперь у него с Монфором начнется смертельный бой. Только теперь, зимой 1211 года, ясно очертились интересы и пути противников, только теперь Монфор бесцеремонно раскрывает свою политику. Раймонд понимал радость своего врага, которому теперь была открыта дорога в его государство, и перед неприятельским нашествием тулузский граф сделал воззвание ко всем подданным своих доменов. На его зов откликнулись прежде всего тулузцы. Тотчас по приезде в столицу, он велел особым глашатаям читать грамоту легатов по всем рынкам и площадям своих городов. Когда в Тулузе услышали ее позорные условия, то чувство оскорбленного негодования в одно мгновение охватило все сословия. И рыцари, и граждане, и

простые вилланы говорили единогласно, что они лучше согласятся погибнуть или лишиться свободы, чем так страдать и обратиться в ничто.

Горожане понимали, что грамота делает всех их рабами Монфора и католических прелатов. Грамоту эту успели прочесть во всякой деревне, считавшейся в зависимости от графа тулузского, во всяком замке, ему подвассальном. Католики и еретики соединились в одном патриотическом чувстве, в любви к своей родине. Жители Муассака и Агена объявили, что они скорее своей родной рекой поплывут в Бордо, чем признают власть попов, или французов (*ni barrau, ni Franses*), и, если графу угодно, то они выселятся вместе с ним в другую страну, всюду, куда он хочет. В Монтабане и других городах говорили в том же духе. Граф велел благодарить их за такие чувства. Он приказал изготовить письма во все концы своего государства насчет приготовлений к войне. Он поднимал Альбигуа и Каркассон против Монфора; он просил помощи у самостоятельных графов Беарна, Комминга, де-Фуа, аквитанских синьоров, Саварика и Молеона. Все они тогда же предложили ему свои услуги от всего сердца (83).

Тулузских католиков в этом общем патриотическом движении занимало одно - церковное отлучение. По настоянию властей, оно было снято епископом Фульконом (86). Приготовления Раймонда были закончены к началу поста, но он не хотел первым приступить к военным действиям.

Такую же деятельность развивали и в лагере крестоносцев. Арнольд, понимая, что предстоящая кампания важнее всех прочих, заботился об увеличении войска. Он послал епископов вербовать крестоносцев во Францию и Германию. Тот самый епископ тулузский, который только что снял отлучение со своих сограждан, прибыв к легатам, принял на себя поручение проповедывать новый поход во Францию. Фулькон был типом ловкости и изворотливости провансальца. Он, умея льстить и ладить с тулузцами, также сумел найти для них страшных врагов. В лагерь Монфора прибыл славный между тогдашним рыцарством епископ парижский. Вместе с ним приехали и другие вельможи, известные своими подвигами, приключениями, храбростью. То были: Петр, граф д'Оксеры; Роберт де-Куртнэ; Адольф, граф Монса; Юлий, граф Майэнна и Энгерран де-Куси, потомок знаменитых сенских баронов. Вслед за их отрядами шли и ехали новые толпы воинов и пилигримов, блистательные рыцари, бароны, князья и графы, в парче, золоте, камнях, но чаще в железе, на высоких боевых конях. И главной приманкой, поднявшей это воинство, была проповедь Фулькона тулузского (85). Плоды его измены должны были стать ощутимы для тулузцев. Между знатными рыцарями появился, наконец, хотя и ненадолго, угрюмый, злой и вечно одетый в броню пленитель Ричарда Львиного Сердца - Леопольд, герцог австрийский^{*1}. Весь этот блеск тогдашних военных знаменитостей сосредоточился в Каркассоне почти в одно время, около первых чисел марта. Пост уже давно начался и в это время обыкновенно открывались кампании против альбигойцев, обязательные для каждого крестоносца по крайней мере в течении сорок дней.

Готовы были на той и на другой стороне; и Раймонд и Симон были вооружены. Но, в последнюю минуту, меч как будто не желал появляться из ножен соперников. Монфор давал вид, что продолжает заниматься прежним усмирением уже покоренных феодалов и уничтожением их еретиков. Начало похода должно было непременно быть толковым. Монфор собрал все именитое рыцарство на совет и предложил пока заняться осадой Кабарета. Родственник замученного виконта безьерского, Петр Роже, по-прежнему неприступно сидел в своем замке и держал в заключении неосторожного Бухарда де-Марли. Уже 16 месяцев томился пленник в оковах, ожидая освобождение. Его властелин не решался на преступление, понимая, что для него содержание пленника всегда будет выгодно. Имея его в своих руках, барон Кабарета мог выгадать для себя многое.

Но теперь, когда Монфор готовил столь ужасные для местных феодалов действия и когда первой жертвой начатой им бури готовился стать Кабарет, вся отвага старого барона мгновенно пропала. Им овладел невольный испуг; он, при первых же слухах о появлении неприятеля, велел призвать к себе пленника, в душе решившись на капитуляцию. Бухард был уже не в цепях, а в богатой одежде. "Синьор, - сказал ему барон, - вам предстоит получить не только свободу, но даже и самый замок мой; вы должны со своей стороны принять на себя посредничество для заключения мира между мной и легатами вместе с графом Симоном. Я обещаю им служить против всех и на всех и прошу только об одном, сохранить за мной мои домены." Бухард согласился на роль

^{*1} Захвативший, как мы уже указывали, Ричарда Львиное Сердце во время возвращения того из Третьего крестового похода.

примирителя. Барон сам проводил его за город; его сопровождали паж и оруженосцы на дорогих конях. Прощаясь, он обещал достойно отблагодарить барона по окончании войны. Букхард встретил армию Монфора на подходе. "Мадонна оказала нам величайшую милость (*gran proeza e granda cortezia*), какой во Франции никогда не бывало, - говорил он в порыве радости. - Но, государь, я должен предупредить вас об одном; я обещал старому барону, что он не потерпит никакого вреда, что все будет прощено ему, а он за это обещал честью служить вам и покориться." Монфор и легаты приняли предложение, но только с тем, что Петру Роже дадут какой-нибудь другой домен. Вестник поскакал в Кабарет уведомить обо всем феодала.

Ночлег прошел весело. Наутро главные силы повернули на Каркассон, а Монфор с легатами приехал в Кабарет, где и водворил свое знамя, заняв город сильным гарнизоном (88). Таким образом сильный пункт достался крестоносцам без пролития капли крови. Примеру Кабарета, как всегда бывало, последователи многие мелкие окрестные замки.

Следуя заранее составленному плану, поход на тулузские домены должен был открыться нападением на сильную крепость Лавор. Лавор теперь принадлежал женщине, знаменитой по всей стране, по имени Жиро. Она была вдовой владетеля, вассала виконта безьерского, а через него и графа тулузского. Еретические убеждения владительницы Лавора далеко не были тайной. Ее город был самым, может быть после Тулузы, опасным центром ереси во всей Европе. Недаром в Лаворе собирались соборы; недаром здесь всегда устраивались дебаты между альбигойскими и католическими богословами. Жиро еще была молода; ее красота, вместе с грациозностью и внешней представительностью, обаятельно действовала на многих; добрый характер, привлекательное обхождение заставляли любить и привязываться к ней. Но о любовных похождениях молодой вдовы не было слухов. Она в точности следовала альбигойской нравственности; для того она имела достаточно твердости и мужской энергии характера. С общиной баронесса была в ладу. При ее дворе было убежище церковной и политической оппозиции, убежище всех новых гражданских и религиозных идей, выработанных эпохой. Понятно, что много рыцарей, даже католиков готовы были служить ей. Она была "целомудренной Аспазией" альбигойства; судьба определила ей быть и чистой мученицей своей веры. Можно было предсказать, какой отпор встретят крестоносцы в этой героине.

Граф тулузский прислал своему верному вассалу искусных в военном деле рыцарей, и между прочим своего собственного сенешаля, Раймонда де-Рекальда. Ограбленный Монфором, бывший владетель Монреала, храбрый и блистательный Амори, приходившийся Жиро братом, начальствовал над ее войском. Восемьдесят рыцарей нетерпеливо ожидали случая состязаться в бою и получить благодарность из уст или очей прекрасной и знаменитой дамы.

Тот город, на который устремлялось теперь крестовое воинство, расположен в пяти лье от Тулузы, на среднем течении неширокого Агута, который, вытекая из возвышенностей Кастра, стремится к Тарну, чтобы влить воды свои в Гаронну. Город был хорошо укреплен; крепостные стены были толсты; рвы глубоки. Местность была такова, что окружить город со всех сторон для армии Монфора было затруднительно. Главнокомандующий расположил свое войско против одной стороны, в тоже время разделив его на две половины. Со своей всегдашней быстротой он велел приставить машины, пробить брешь и кинуться на штурм. Встреча, оказанная неприятелем, была такова, что Монфор остановил все дальнейшие попытки к штурму; он говорил, что у осажденных более войска, чем у него, и сознавался, что и сражаются его солдаты не очень храбро. Выморить их голодом нельзя было и думать, пока не удалось оцепить город со всех сторон. Съестные припасы привозились осажденным из Тулузы, а в лагере осаждающих, при всей дороговизне, чувствовался крайний недостаток. Так как война Раймонду еще не была объявлена, то Монфор просил его не помогать осажденным и, конечно, напрасно. Раймонд просто приказал своим подданным поступать осторожнее.

С прибытием новых подкреплений, циркумвляционная линия крестоносцев начала раздвигаться^{*1}, а когда чрез Агут был перекинут мост, то город был оцеплен и подвоз припасов должен был прекратиться. В то же время "белое товарищество" католиков вышло из Тулузы, изменило своему родному городу и перешло окольной дорогой в лагерь Монфора. Скоро, около самых стен города, показались насыпи с небольшими деревянными башенками (*castella quaedam de lignis*) и над ними крестовое знамя. Ни что не возбуждало такой ненависти в альбигойцах, как вид креста. Машины лаворцев стали успешно действовать по сооружениям неприятеля; кресты

^{*1} То есть линия обложения вокруг города, прерывающая возможность каких-либо связей осажденных со своими союзниками.

были сбиты; на самом большом Распятии была отбита рука. Граждане и воины со своих стен громко поносили предметы, так им ненавистные. "Они кричали и смеялись так, - говорить католический историк, - как бы одержали совершенную победу" (87). Монфор, не достигнув цели, велел строить т. н. "кат" (провансальское guate), огромную катапульту, катившуюся на колесах. Ее подкатили к самому рву крепости. Из нижнего этажа этой машины накидали фашины в ров до самого верха и думали таким путем взобраться на стены. Но крестоносцы не знали, что ров подкопан. Подземными ходами проникли лаворцы до оврага и снизу обрушили фашины. Их охотники, из своей засады, крюками стали вылавливать смельчаков, которые продолжали работать в овраге. В следующую ночь, они, тем же подземным путем, добрались до самой машины, думая зажечь ее; у них с собой были пенька, жир, и другие легко воспламеняющиеся вещества. На этот раз около машины дежурили два немецких графа; они велели трубить тревогу. Пока крик: "к оружию!" оглашал воздух, и пока прошла паника в крестовом лагере, лаворцы захватили обоих графов и много других немцев, храбро защищавшихся и увлекли их пленными. Много крестоносцев было переранено и убито благодаря этой вылазке лаворцев.

Тогда и крестоносцы, после всех своих неудач, захотели отличиться хитростью. Стоить заметить, что они приписывали свою простую выдумку особому хитроумию, тогда как к ней надо было прибегнуть уже давно. Они догадались засыпать ход и заминировать его сухим и зажигательным материалом, таким как сало, пенька, жир, дерн и бревна, которые было сдвинуть не так легко, как простые фашины. Они наложили все это снаружи и в подкопе распространился удушливый дым; с тех пор он сделался недоступным. Пользуясь этим, Монфор велел всем работать над засыпкой оврага. Засыпав его почти сполна, крестоносцы подкатили по твердому грунту машину к самой стене; напрасно со стен кидали камни, колья, наконец зажигательные снаряды, - рыцари и воины, сидевшие в башне, не отступали ни на один шаг. Назначен был штурм. Духовенство всем хором запело "Veni creator Spiritus"*¹ - и под эти звуки крестоносцы пошли на штурм. Брешь, особенно в результате усиленной пальбы последней ночи, была довольно велика. Неприятель проник через нее и город был взят, в праздник св. Креста, как бы в ознаменование того, что еретики так позорили изображение креста.

Все 80 альбигойских рыцарей, вместе со своим предводителем Амори, без дальнейших рассуждений, были присуждены к повешению. Наскоро приготовили за городом виселицу; крестоносному воинству хотелось скорее насладиться кровью. Первым подвели Амори. Когда его вздернули, столбы виселицы, неплотно вбитые, закачались и рухнули. Тогда Монфор велел просто перебить всех осужденных. Пилигримы и крестоносцы с радостью дикарей спешили исполнить поручение. Началось ужасное побоище... Геройские защитники Лавора погибли мученически. Но это было только началом варварских распоряжений Монфора. Владетельницу города, эту прелестную даму, он велел побить камнями. "Монфор велел взять Жиро и поставить ее живой в колодец; и когда она встала на его дне, на нее накидали столько камней, что совершенно завалили ее..." "Наконец, - лаконично восклицает один из победителей, наши крестоносцы с превеликой радостью сожгли бесчисленное множество еретиков (88)." Эта выходка свидетельствует о всей силе религиозной идеи над человеком, доводящей его до забвения самых обыкновенных понятий; она же показывает, в какие условия к католической Церкви была поставлена новая религия, объясняет характер и губительную для человечества безысходность крестовой войны.

До конца света станут говорить о казнях лаворских, предсказал поэт провансальский. Тут сожжено было, но крайней мере, 100 человек (89). Им предложили жизнь на условиях возвращения в католичество, но они были люди, не менявшие убеждений. Они с радостью бросились в огонь. Сколько погибло, кроме того, мужчин, женщин, детей на улицах города, во время и после штурма, нельзя определить даже приблизительно. Крестоносцы резали с наслаждением. Между ними мало было истинных рыцарей. Как исключение, записан один пример, весьма замечательный при тех обстоятельствах. Куртуазность не забывалась средневековым рыцарством даже в самые ужасные минуты. Во время кровопролития, одновременно начавшегося на всех пунктах, какой-то рыцарь направился к Монфору и сказал ему, что собирается передать на его попечение женщин и малолетних детей, которых он спас в разных местах. Граф предоставил распоряжаться рыцарю своей добычей по его желанию. Он и рыцарь велели особой страже охранять жизнь женщин; под страхом смерти, стража должна была наблюдать, чтобы пленницам не было сделано ни малейшего оскорбления. Приказание было в точности исполнено. По окончании побоища, рыцарь навел своих дам и предложил им идти

*¹ Начало молитвы Св. Духу.

куда угодно. "С его стороны это было делом истинного благородства и куртуазности" (*que fuit una grand noblessa et cortesia faicta*), замечает провансальский историк (90). Тем более выделялся такой поступок рядом с резней и грабежом остальных. Весь город был разрушен. В нем не было ничего, чтобы не перерыли крестоносцы. Огромные богатства этого торгового города достались Монфору. Говорили, что все они перешли в руки его банкира, купца кагорского, Раймонда де-Сальваньяка, которого он после сделал бароном (91). Это было наградой за небольшие суммы, занятые Монфором. Лавор оплачивал вождя католиков. Никакой город, после Безьера, не вынес на себе столько свирепостей католиков; нигде в эту войну не было пролито столько крови. Особая причина подстегивала ярость крестоносцев при побоищах и разграблении Лавора; в ней виновны были сами альбигойцы. Для объяснения этого, мы должны рассказать о событии, которое случилось несколько ранее и которое послужило одним из поводов страшной мести, обрушившейся на Лавор.

Во время осады, когда силы и средства крестоносцев ослабли, на помощь к ним шел пятитысячный немецкий отряд. Он был уже в нескольких переходах от Лавора. Эти крестоносцы миновали Пюи-Ларан и расположились ночевать в замке Монжуа, несколько не подозревая, что поблизости их сторожит сильный отряд графа де-Фуа. Во всем Лангедоке не было человека более ненавистного для крестоносцев. Он чистосердечно платил им той же ненавистью. Он говорил, что для него нет большего удовольствия, чем убить крестоносца. Он разорял и жег монастыри и храмы. Бесконечны были его преступления; злодейства графа против Церкви превышали всякую меру, говорили католики. Он сумел овладеть замком Памьером, который недавно был покорен Монфором. Теперь, вместе с своим сыном и Жераром де-Пепье, граф де-Фуа расположился в засаде, намереваясь перебить немецких гостей. Его план удался вполне (92). Большая часть крестоносцев (по крайней мере до 1500 человек) была перерезана. В тесноте и паническом смятении, воины Фуа произвели побоище. Пощады не давалось и, при всем том, много пленников они повели за собой в Тулузу. Согласно преувеличенному провансальскому свидетельству, из всей массы немцев прорвался только один, который и привез ужасную новость в лагерь под Лавором. Окрестные крестьяне добивали раненых (93). Монфор с главными силами кинулся в Монжуа, но провансальцев и след простыл. Монфор мог видеть множество мертвых и умирающих, кучами покрывавших окрестные луга. Он велел собрать раненых и отвести их в свой лагерь, а сам - бессильный что-либо сделать, хотя при нем было 14000 человек, - остался на несколько дней хоронить мертвых. С той минуты в его душе сложился страшный план мести альбигойцам Лавора. Резня лаворская была отплатой за Монжуа.

Падение Лавора было сигналом для последовательного падения соседних городов, менее сильных; а именно Пюи-Лорана, владетель которого добровольно покинул свой замок и бежал в Тулузу, а, после этого, Рабастена, Галвака, Монтагу, Латгарда, Пюисельза. Сан-Антонина и Сан-Марселя. Вся альбийская страна теперь была приведена к повиновению, благодаря своему епископу, который был помощником Симона и действовал с ним заодно. Теперь Монфор стал явно действовать против графа тулузского, хотя войны еще объявлено не было. Разрушив до основания замок Монжуа, навевавший неприятные воспоминания, Монфор двинулся на город Кассер, находившийся в прямой зависимости от графа тулузского. Раймонд выступил на помощь, но дошел только до Кастельнодарри. Узнав о силах Монфора и не решаясь на столкновение, он зажег этот замок и оставил Кассер на произвол судьбы. Гарнизон капитулировал на условиях свободного отступления и выдачи всех еретиков. Монфор пошел в город для католического увещания, но оно было отвергнуто и 60 совершенных сожгли с той же превеликой радостью (*cum ingen-ti gaudio*), каоторая впервые обнаружилась в Лаворе (94). Затем Монфор двинулся на замок Монферран, где сидел брат графа тулузского, Балдуин, человек отважный и смелый, "один стоивший Роландов и Оливье", способный к разнообразной деятельности, но не имевший средств для нее (95). Замок был не из особенно крепких. Но у Монфора уже не было славных соратников; его армия значительно уменьшилась. Такие знаменитые воители, как епископ Парижский, барон Куси, Роберт Куртенэ и другие оставили его. Но у него было еще тысяч до десяти войска; с ним он и подступил к замку. Гарнизон был довольно значителен и Балдуин сумел бы дольше продержаться, если бы только крепость была надежнее. Орудия и машины крестоносцев не испугали рыцарей, которые скоро успели поломать многие из них и разрушить труды неприятеля. Убедившись тогда, что отвагу осажденных можно одолеть только терпением или хитростью, Монфор остановился на последней мысли. Он послал передать Балдуину, что хочет переговорить с ним, и на рыцарское слово просил его приехать в свой лагерь. Балдуин согласился и отправился в ставку Монфора в сопровождении всего лишь одного спутника. Симон принял его почтительно

и со всеми знаками уважения. Он начал говорить о храбрости Балдуина и его сподвижников и перешел к тому стесненному положению, в которое его повергает брат, забывший о нем и оставивший его, как на острове, среди войск неприятеля. Он прибавил, что, как рыцарь, сочувствует ему и желает помочь. Он предлагал ему в полное владение замок с окрестной страной, требуя только полного нейтралитета. Он так растрогал Балдуина своим по видимости искренним участием, что тот дал ему слово впредь ни в каком случае ни воевать с ним, ни помогать его врагам. По другому известию, он дал ему обещание помогать во всякое время и против всех (98). Более того: будто очарованный Монфором, он взял на себя труд вновь склонить Раймонда на сторону крестоносцев. Заключив договор с Монфором, Балдуин действительно поехал к брату с монфоровой свитой и пересказал ему обо всем происходившем. Как только Раймонд услышал из уст брата все эти подробности, то пришел в такое негодование, будто потерял все свое государство, - так это его огорчило и изумило. Он сказал Балдуину и его свите, чтобы они убрались с его глаз и прибавил брату, что отныне он его недруг, так как заключил союз с его непримиримыми врагами и, что ужаснее всего, принес клятву в верности тому человеку, который беззаконно начал с ним войну.

Балдуин уехал. Долго после этой сцены никто не смел показываться на глаза Раймонду; так был он страшен и печален. Единственная надежда его, родной брат изменил ему. Но в эту решительную минуту он не отступил. Когда Балдуин постыдно присягал Монфору и из слуги дьявола делался слугою Христовым (97), Раймонд взывал к своему народу.

Противники дождались наконец открытого боя. Монфор становился нападающей стороной. Причиной объявления войны графу тулузскому, он называл вмешательство последнего в лаворскую осаду. Говорили, что в городе нашли вспомогательный отряд, посланный тулузским графом (98). Все знали, что Раймонд запретил осажденным давать присягу. Но главный повод заключался в том, что Раймонд был отлучен легатами и что Монфору, с французами и немцами, надлежало "исполнить над ним месть Божию".

Формального вызова и теперь не было. Крестоносцы шли прямо на Тулузу потому, что теперь иначе им некуда было идти.

Всему Лангедоку не могло не казаться, что это движение будет роковым во всей истории альбигойских войн.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРЖЕСТВО МОНФОРА

Ход альбигойской войны от первой тулузской осады до подчинения Лангедока и Тулузы Симону Монфору. Памьерские постановления. Дипломатические сношения. Битва под Бувином. Четвертый латеранский собор. Смерть Иннокентия III. Заключение

Ход альбигойской войны от первой тулузской осады до подчинения Лангедока и Тулузы Симону Монфору

Тулуза давно уже привлекала к себе крестоносцев своим богатством, стратегическим положением, а главное – значением центра провансальской ереси. Столица Лангедока была союзницей альбигойцев. Искоренить ересь было нельзя, не поколебав ее столпа. Можно было разрушить еще сотню замков и городов, но не нанести такого удара ереси, каким была бы одна сдача Тулузы. Это событие стало бы сигналом к сокрушению ереси во всей Европе. Все средневековые протестанты Запада обращали свои взоры к этой царственной общине. Подчинение Тулузы и без этих причин соответствовало замыслам Симона де Монфора – оно делало его повелителем Лангедока. Его французам предстояло здесь окончательно восторжествовать над провансальской расой. Множеству простых крестоносцев взятие Тулузы принесло бы деньги, богатства, удовольствия и спокойный приют. Фанатичным монахам она сулила наслаждения видом костров с еретиками; по их убеждению, лишь пепел самых опасных распространителей нечестивого учения мог дать им спокойствие за будущее католицизма. Легатам взятие Тулузы

возвещало окончание их трудов, достойное вознаграждение и долгу славу в той теократической монархии, которая должна была основаться на развалинах блестящего, веселого и свободного царства Раймондов.

Такие мысли воодушевляли армию крестоносцев, когда она шла осаждать Тулузу.

А столицу тогда охватил самый искренний энтузиазм. Религиозные и политические страсти всплыли наружу и смешались между собой. В самом деле, мало кто не понимал, что Монфор столько же, если не более, желает стать государем Тулузы, сколько искоренить ересь. Республиканский интерес мог явно пострадать, если такой честолюбивый и деспотический государь сядет на престол тулузских графов. Никакая из северных и центральных французских общин, которым естественно было сочувствовать тулузской, не пожелала бы видеть в стенах своих Монфора и его рыцарей и не пожелала бы того Тулузе.

За республиканским принципом в столице скрывался религиозный. Призывая сограждан защищать знамя свободы, многочисленная альбигойская партия видела в том спасение своей веры. Она успела уже показать свою силу, изгнав из города католического епископа, явно тяготевшего к крестоносцам.

Фулькон был злым гением Тулузы. Если он не переставал действовать против альбигойцев, то это было, конечно, его долгом, как католического пастыря, но этот некогда веселый трубадур стал фанатиком и другом крестоносцев, когда надел рясу монаха. У него постоянно происходили столкновения с Раймондом, отлученным Церковью, готовившимся к обороне города и теперь явно поддерживавшим еретиков. Понятно, что епископ стал беспокоиться за свою личную безопасность, когда увидел, что альбигойское вероисповедание восторжествовало, что еретики появляются на всех городских должностях, что католичество здесь скоро станут преследовать. Фулькон чувствовал, что он виноват перед городом. На страстной неделе великого поста в 1211 году, в то время когда Монфор стоял еще под Лавором, епископ объявил, что не может приступить к католическому праздничному богослужению в городе, где находится отлученный, заражающий своим присутствием всякое место, на которое ступит. Он просил Раймонда на время Пасхи удалиться за город. Граф прогнал посланного и отвечал, что епископ сам может совершить такую прогулку, и прибавил притом, что еще лучше тот поступит, если навсегда оставит Тулузу. Тогда епископ объявил, что готов перенести все гонения за веру, что готов даже умереть за нее, что безоружный отдастся он палачам Раймонда и мести еретиков...

...И тут же поторопился уехать. Он направился прямо к Монфору и в лагере крестоносцев оказался столь же хорошим воином, сколь счастливым проповедником и дипломатом. По его следам покинуло Тулузу и все католическое духовенство. Согласно одному свидетельству, сам епископ, видя, в какое положение были поставлены в столице его подчиненные, приказал всему духовенству собором выйти из города. Босые, неся святые Дары на головах, длинной вереницей священники и монахи вышли из ворот Тулузы, направляясь под защиту крестоносцев (1).

В лагере Монфора разрушение Тулузы было уже решенным делом. Это советовали и вновь прибывшие рыцари, французские и немецкие, которые с разных сторон стекались под знамена Монфора. Между ними особенно отличались графы Бар, отец и сын, и граф Шалона. Тибо де Бар особенно настаивал на скорейшем движении к Тулузе. Под Монтобаном его отряд соединился с армией Монфора – великолепная столица Юга была всего в нескольких дневных переходах.

Неожиданно, перед самым выступлением, в лагерь прибыло посольство от тулузских граждан. Многие в рядах крестоносцев боялись, что эти переговоры вырвут у них добычу, что легаты останутся перед решительным ударом и удовольствуются некоторыми уступками. Но опасаться снисходительности легатов было излишне; думать, что тулузская депутация привезла решительные предложения, было по меньшей мере наивно. Целью посольства было выиграть время, это обнаружилось из общих выражений, с которыми оно обратилось к легатам. При аудиенции присутствовали епископ Фулькон, сам Монфор и все вожди армии. Послы старались доказать, что вторжение крестоносцев в тулузские пределы несправедливо и незаконно, что, со своей стороны, город сделал все, чтобы отстранить от себя ужасы войны, что он присягнул по требованию легатов и дал заложников. Легаты отвечали, что главная причина похода в том, что тулузцы продолжают держаться Раймонда, послушника и еретика, что если они откажутся от него и возьмут в государи того, кого им укажет Церковь, то повод к войне устранится. Иначе на всех тулузцев без исключения будут смотреть как на таких же еретиков (2). Напрасно добавлять, что такое предложение было отвергнуто. Посольство достигло своей цели уже тем, что дало время Раймонду придвинуться с большим отрядом к месту расположения неприятеля.

Крестоносцы снимались с позиции. Они начали переправу через Лер. Вестники полетели

сообщить о том Раймонду. Он стоял на берегу реки с шестью сотнями рыцарей; с ним были графы Фуа и Комминга. Когда неприятель показался перед крестоносцами, то последние, не решаясь прорываться на его глазах, стали искать брод в другом месте. Они наткнулись на мост и частью по нему, а частью вплавь стали переходить на другой берег. Раймонд успел встретить их, но был опрокинут после кровопролитной схватки. Погибло около двухсот рыцарей с той и другой стороны. По богатым пашням, виноградникам и садам, окружавшим Тулузу, Монфор теснил Раймонда до самых стен города. Несколько десятков вилланов, спасавших свои имущества, погибло под копытами лошадей. Крестоносцы, не разбирая, рубили всех, кто попадался под руку. Через несколько часов все окрестные селения, сады и поля были уничтожены огнем и копытами; благоустроенный край обратился в пустыню.

Когда перед взорами Монфора развернулся живописный вид огромного города, то он тотчас же понял, что обложить Тулузу со всех сторон его армия не в состоянии. Скоро Симон на опыте убедился, что и долгой осадой, и штурмом взять Тулузу одинаково затруднительно, что Тулуза не принадлежит к категории тех замков, брать которые вошло в привычку Монфора. Для начала он решил взять укрепленное предместье святого Сернина. Его орудия беспрерывно громили камнями двое ворот предместья. Осажденные же, чтобы показать Монфору, как они равнодушны к его пальбе, день и ночь оставляли ворота отворенными. Монфор приказал начать штурм, но встретил такое стойкое и блестящее сопротивление, что велел отступить.

Раймонд в ответ сделал вылазку. До глубокой ночи продолжалась схватка. Графы тулузский и де Фуа блистали среди боя. Сражение было беспощадное, в стане крестоносцев было большое количество убитых и раненых.

После такого поражения дух в крестовом лагере упал: к горечи поражения присоединились утомление от жары и недостаток в воде.

Раймонд готовил между тем вторую генеральную вылазку. Сенешаль Аженуа, Генрих д'Альфар, кинулся на главный отряд Монфора, а граф де Фуа на войска графов Бар. Смятение распространилось по неприятельскому лагерю. Крики «Тулуза, Фуа!» смутили крестоносцев. Рассеянные войска едва успели спастись. С богатой добычей и множеством пленников вернулись храбрые горожане, предводимые альбигойскими рыцарями, в родные стены.

На третий день Монфор перед рассветом с досадой, доходившей до бешенства, покинул лагерь, не успев забрать даже всех раненых (3). Есть известия, что его соратники по тулузской осаде, столь же, как и он, опечаленные неудачей, при отступлении напоминали ему о незаконности войны и советовали заключить мир с тремя сильными феодалами Юга, но епископ Фулькон был категорически против этого.

Оставленный многими крестоносцами, Монфор пошел на землю графа де Фуа, рьяного друга Раймонда. Не более недели продолжалось ее опустошение, но оно оставило по себе немало следов. Монфор успел занять Готрив, Памьер и кинулся на столицу графов Фуа. Но штурм крепости не удался, хотя предместья были заняты и сожжены дотла, окрестности города опустошены, виноградники и плодоносные деревья вырублены с корнем.

В это же время крестоносный гарнизон Готривской крепости был заперт окрестными альбигойскими отрядами, которые у католиков назывались не иначе как разбойничьими. Жители крепости сговорились тайно впустить своих друзей и уничтожить крестоносцев, но не успели. Гарнизон, лишенный всяких припасов, не мог выдержать сколь-либо продолжительной осады. Альбигойцы же торопились занять город и согласились отпустить гарнизон, сохранив ему жизнь. Еретика исполнили условие в точности, они никому не причинили вреда.

Монфор тем не менее по возвращении жестоко наказал город, Готрив был обращен в пепел (4). Устроив в Памьере свой временный лагерь, граф Симон предпринял поход в Керси. Эта область, как мы уже знаем, считалась подвассальной тулузским графам. В ней не было почти ничего провансальского, она имела вид земли чисто французской. Население ее, тяготея к Монфору, вероятно, с удовольствием желало видеть его своим государем вместо Раймонда. С этой целью местный епископ и знатное дворянство отправили к Симону депутацию. Подлинного расположения горожан и народа к владычеству Монфора крестоносцы не знали, но полагали, что армии предстоит прогулка, а не поход. Граф Бар отказался сопровождать Монфора и уехал домой, немецкое же рыцарство не оставило своего вождя.

Легат Арнольд шел другой дорогой к Роквемадуру. Не увлекаясь династическими интересами Монфора, он думал только об еретиках, разыскивая их повсюду. Ему сопутствовали самые фанатичные крестоносцы. Он знал, что в Кассере много «совершенных» еретиков, и потому кинулся на замок, взял его и к великому удовольствию своих монахов и воинов сжег восемьдесят

заклятых альбигойцев (5). Сам город Кассер был опустошен до того, что в нем ничего не осталось. Совершив такой подвиг, легат отступил в Роквемалур, где расположился отдыхать на осень и зиму, между тем как Монфор пожинал дешевые лавры в Керси.

При первом вступлении в пределы этой области, граф, впрочем, встретил неожиданное сопротивление. Замою Келюс он должен был взять и сжечь; зато в Кагоре его приняли с радостью. Прожив несколько дней в этом городе, получив присягу и проводив своих немецких соратников до самой границы, он, уже отправляясь в обратный путь, узнал, что граф де Фуа пленил двух знатных крестоносцев— французского рыцаря Тюрси и английского Готьера Лангтона, брата знаменитого кентерберийского архиепископа^{*1}. Монфор бросился на владение Фуа, взял еще один небольшой замок, перебил его гарнизон, а в Памьере между тем узнают, что Пюи-Лоран вернулся под власть своего прежнего барона Сикарда.

Барометр военных действий опустился: крестоносцы разъезжались, многие от усталости, другие, отбив условленные сорок дней. Монфор полагал, что причиной капитуляции Пюи-Лорана была неприятельская сила, но каково стало его изумление, когда он узнал, что город просто продан самим рыцарем, которому он поручил его охрану. Подобный поступок способен был произвести изумление во всей Европе. Изменника звали Гюи де Люс. Ему предложили оправдаться поединком^{*1}, но он отказался и по приказу крестоносных баронов был повешен.

В это же время в Тулузе завязывались дипломатические и военные узлы, имевшие большое влияние если не на развязку, то на дальнейший ход войны. Избавившись от Монфора и так счастливо отразив неприятеля, тулузцы не могли надеяться, что подобное счастье всегда будет сопутствовать им. Между тем рано или поздно надо было ожидать вторичного появления крестоносцев под стенами столицы. Значительное увеличение сил в неприятельском лагере было бы сигналом к новой осаде, за исход которой нельзя было поручиться. Поэтому тулузцы должны были, в ожидании будущих событий, приобрести себе сильного союзника.

В Лангедоке и Провансе его быть не могло: лангедокские государства, кроме тулузского графства, покорились, лишь изредка напоминая о себе восстаниями, которые вспыхивали в разных концах края. Сами феодалы или носили французское ярмо, или бежали к Раймонду. Заронскому Провансу предстояла та же участь: Монфор уже собирался нагрянуть туда. Рассчитывать на короля французского тулузцам было более чем бесполезно: Филипп Август, у которого возникла мысль централизовать будущую монархию, недолго любил свои собственные общины и, конечно, не стал бы поддерживать оппозиционно-республиканский дух Юга, зараженного ересью. Взоры тулузского муниципалитета остановились на рыцарственном короле родственного Арагона.

Дон Педро пока был рьяный католик, но, давно бывший не в ладах с римской курией, а особенно с Монфором, должен был внять голосу справедливости. Городские власти Тулузы, освободившись от осады, послали ему письмо. Перед глазами католика, всегда привязанного к интересам Церкви, перед глазами человека, преклоняющегося перед Иннокентием III, государя, может быть искренно восторгавшегося идеей теократии, тулузский муниципалитет должен был предстать, искренно или притворно, во всей католической обстановке. Надо было скрыть в собственных интересах всякое подозрение в ереси и казаться страдающими чуть ли не за сам католицизм.

И действительно, прошение тулузцев составлено в таком духе, что исследователю, кажется, нет и причин сомневаться в религиозном чувстве авторов письма. Он должен только удивляться, как можно было таких искреннейших католиков считать за альбигойцев. Преследования легатов выставляются исключительно своекорыстными, если в этом есть много правды, то также правда и то, что сущность дела в этом прошении скрыта. Иного средства судьба не предоставляла, а альбигойство «верных» оправдывало средства, дозволяя и явную ложь, если она приносила пользу. Показывая себя искренними католиками, тулузцы будто с удивлением узнают, что их могли и могут еще считать за друзей ереси, от которой они отрекаются чистосердечными клятвами:

«Мы переспрашивали всех, которых нам указали как последователей ереси, и они нам постоянно отвечали, что они не были еретиками, и обещали жить без всяких уклонений, под властью и наставлениями Церкви. И сами мы никогда не считали их за еретиков, ибо они живут между нами как люди преданнейшие христианской вере. Когда по приказанию и воле легатов

^{*1} Стефана Лангтона, друга молодости Иннокентия III, избранного на должность Кентерберийского архиепископа в 1205 году (смотри первую главу).

^{*1} То есть путем так называемого Божьего суда.

господина папы, отца Петра де Кастельно и отца Рауля, весь город наш клялся в подчинении святой римско-католической вере, они также принесли клятву, а легаты сами же объявили, что все, давшие, согласно их воле, присягу, считаются в вере католической и истинными христианами».

Сделав так кстати и так искусно намек на вынужденность и формальность присяги, тулузские власти продолжают:

«Тем сильнее и глубже мы поражены всем происшедшим, что знали, как отец нынешнего графа, следуя повелению исправить народ тулузский, актом, изданным по этому поводу, предписал, что если хоть один еретик найдется в крепости и предместьях Тулузы, то он казнит его вместе с тем, кто его укрывал, и имущество обоих конфискует. Вследствие чего мы и сожгли многих и не перестаем это делать каждый раз, как только таковых находим».

После таких оговорок тулузцы переходят к своекорыстию легатов, указывая на грамоту Иннокентия еще 1202 года, которая не была приведена в исполнение, так как заключала в себе приказание снять интердикт и впредь поступать по-божески. Далее раскрывается все дело по порядку, с большими и часто новыми подробностями, как Тулуза просила папу вторично, как за тысячу ливров легат Арнольд согласился снять отлучение, как, получив пятьсот ливров, и «только из-за этого», не обвиняя ни в чем другом, он подверг отлучению городских консулов, как консулы, не желая прослыть изменниками, снова присягнули, как город дал заложников, как тулузцы помогали (?) крестоносцам при осаде Лавора, как их отблагодарили за это разорением графского замка, как два раза (?) Раймонд пытался призвать Монфора к примирению, причем чуть не был захвачен при помощи обмана, как, наконец, Фулькон принуждал их отречься от своего графа. Описав тулузскую осаду и поражение крестоносцев, авторы письма заключают:

«Не успев исполнить, благодаря Божественному всемогуществу, всего того, что они желали, крестоносцы, от печали, которой они были объаты, учинили великую несправедливость. Более озлобленные, чем когда-либо, они, удаляясь, грозили нам бедствиями — гораздо более ужасными, чем те, которые мы перенесли. Вот почему мы настоятельно просим ваше королевское благоразумие и благоволение отнестись с негодованием к оскорблениям и несправедливостям, которые нам незаконно причинены, и если вам ложно будут внушать противное тому, что мы говорили, то не верьте. А так как мы готовы исполнить все, что следует по отношению к Церкви, все, чего требует справедливость, то мы просим вас и ваш народ не вредить нам никаким образом, ибо нет сомнения в том, что все уже сделанное ими или еще предпринимаемое против господина нашего графа и против нас они предпримут и против остальных государей и князей, против горожан и буржуа, ибо когда соседняя стена запылала, то пламя пойдет и дальше. Не следует обходить молчанием столь несправедливую, столь пристрастную жестокость духовных пастырей по отношению к нам. Они гонят нас и отлучают из-за рутьеров и рыцарей, которых мы наняли не для чего иного, как для того, чтобы защититься от смерти, когда же рутьеры покидают нас из-за денег и начинают проливать нашу кровь, то те же пастыри не преминут разрешить их от всякого греха. Случается и то, что в их ставке, за их столом, сидят те разбойники, которые своими руками убили аббата из Она и варварски изуродовали монахов из Больбона, обрезав им нос, уши, выколыв глаза, не оставив им даже подобия человеческого образа» (6).

Последний факт, рассказанный так просто, так откровенно — что всегда отличало акты общин, красноречивые в своей ясности, — если в нем есть хоть доля истины, уже сам по себе достаточно показывает корыстолюбие и произвол папских послов. Они имели неограниченную власть и были слишком честолюбивы и алчны, чтобы не злоупотреблять ею. Жалуясь королю Педро на папских легатов, тулузцы хотели прежде всего поколебать его католические привязанности, и они достигли своей цели. Еще несколько дипломатических бумаг и объяснений с Римом — и король готов будет лично содействовать утесняемой ереси, принимаемой им за национальность, поддерживаемый в борьбе своими подданными, рыцарями Арагона.

А пока значительный удар успел нанести непобедимому Монфору и сам граф тулузский. Симон хотел идти Прованс, когда узнал, что Раймонд оправился, собрал силы и на исходе августа 1210 года предпринял поход на тные замки, теперь подчинявшиеся Монфору.

Раймонд получил неожиданное и сильное содействие из Аквитании. Сенешаль Савари де Молеон, английский вассал, привел ему двухтысячный отряд басков, живших в пиренейских горах и сочувствовавших альбигойской вере. Раймонд шел на крестоносцев, и монахи утешали всегда победоносного Монфора.

«Вы думаете, что я боюсь чего-либо, — отвечал он им. — Нам нужно заботиться о деле Христовом, вся Церковь молит за меня, и я не опасюсь, чтобы кто-нибудь одолеет нас» (7).

Монфор спешил занять Кастельнодарри, названный так потому, что его укрепления были

построены еще вестготами-арианами. Раймонд шел на тот же город другой дорогой. Монфор отовсюду узнавал о гибели своих гарнизонов. Наконец он пришел в Кастельнодарри, где его армию осадили со всех сторон графы Беарна, Фуа с их басками и сам владетель Тулузы. Крестоносцам казалось, что город окружен «тучами саранчи», они насчитывали до ста тысяч неприятелей. Жители предместья отдались осаждавшим, но Монфор выбил их из города.

Тулузцы заняли позиции на неприступных горах. Вечером они вновь штурмовали предместья, Монфор отбросил альбигойцев и пытался сам ворваться в неприятельский лагерь, но был отбит. Раймонд велел готовить осадные машины, а его союзники приводили под руку своего главы окрестные города и замки, в том числе — Кабарет.

Стенобитные машины вовсю использовались по разрушению укреплений, во время одной из вылазок против них Монфор едва не погиб. Опасаясь превосходства неприятеля, Симон отправил своего маршала Гюи де Левиса в Каркассон за подкреплениями. Однако виконт Каркассона отказался идти на помощь северянам. Изменил даже один ближайших, как казалось Симону, его сподвижников, провансалец Вильгельм Кат. С тех пор Монфор поклялся не верить лангедокцам.

Гюи де Левис привел скудную помощь — всего несколько сотен человек. Правда, к нему присоединился Букхард де Марли. Монфор выслал навстречу подкреплениям почти все свои силы, оставив в городе лишь сорок рыцарей и пехоту. Раймонд Роже, граф де Фуа, хотел устроить засаду на пути крестоносных подкреплений. Однако Гюи и Букхард узнали о ней, послали гонца к Монфору и остановились, слушая мессу и принимая Причастие. От города также подходили крестоносцы. Они тесным строем сходились с противоположных сторон. Тогда де Фуа построил свое войско в боевой порядок: в центре стояла кавалерия, на флангах — пехота. Монахи тем временем благословляли крестоносцев на бой. Вожди дали сигналы, и французские рыцари понеслись на неприятельские ряды. Их встретило стойкое сопротивление. Французы были отбиты. Выдержав натиск, альбигойцы, в свою очередь, набросились на крестоносцев. Началась рукопашная схватка, строи смешались, десятками падали рыцари с той и другой стороны. Когда один знатный француз упал с коня, епископ кагорский заставил его встать снова.

Французы были неистовы, как львы, и дрались, как добрые воины. Но после отважного сопротивления крестоносцы отступили, потеряв множество солдат убитыми. Альбигойцы не щадили католиков, Преследование было стремительное. Арьергард крестоносцев не успел еще приготовиться к отступлению, как был рассеян провансальцами, кричащими: «Фуа, Тулуза!»

Монфор был зрителем битвы, когда она, приближаясь ближе и ближе, подошла наконец к лугам Кастельнодарри. Он стоял с гарнизоном в задних воротах города, со стороны, противоположной тулузскому лагерю. Он не мог равнодушно видеть поражение своих бойцов. Оставив в городе только пять рыцарей, он бросился на помощь. Его отборные рыцари неслись на своих конях с предельной скоростью, но все же опоздали.

Гюи решил снова сразиться с альбигойцами; его смяли вторично, а Монфора еще не было. Граф де Фуа торжествовал, но его воины, вместо того чтобы приготовиться к новой битве с Монфором, кинулись грабить убитых и добивать раненых. Епископ кагорский воспользовался этим и снова повел свои отряды на неприятеля.

Раймонд Роже предпринял всевозможные усилия, чтобы оставить за собой поле сражения, от ударов его меча летели головы знатнейших крестоносцев, но его многочисленная армия потеряла всякий порядок. Пехотинцы, захваченные врасплох, побежали сломя голову кто куда.

Тогда-то и примчался Монфор. Ему не стоило большого труда добиться победы теперь, когда он привык одним своим появлением изменять ход битв. Бурей налетел он на бегущих с криком: «Дева Мария!» Возгласы «Тулуза, Фуа!» уже слабели. Погибая под копытами коней, альбигойцы стали кричать: «Монфор, Монфор!» Они думали спастись, обманув этим паролем крестоносцев. Но Монфора трудно было обмануть. «Если так, то бейте передних!» — кричал им Симон, и из чувства самосохранения каждый из несчастных резал своего товарища, чтобы очистить себе дорогу. Груды трупов, граждан и вилланов Лангедока, покрыли черной массой поля Кастельнодарри.

«И никогда вы не услышите описания таких страшных битв, небывалых со времен Роланда и Карла Великою, когда он победил Галафра, славного эмира земли испанской»^{*1}, — замечает провансальский трубадур (8).

Между тем, во время всего боя, тулузская армия про должала стоять в своем лагере,

^{*1} Имеется в виду кордовский эмир Абдуррахман, с которым Карл сражался во время похода 778—779 годов, ставшего знаменитым благодаря битве в Ронсевальском ущелье.

выжидая исхода сражения, кипевшего в противоположной стороне. В самом конце дсч Савари де Малеон пытался совершить нападение на город, но так слабо, что был отбит ничтожным количеством рыцарей. Когда же в лагере узнали о поражении графа де Фуа, то Раймонд не мог понять, как это случилось. «Ведь наших было вдсятеро больше», — твердил он. В тулузском лагере царил паника. Раймонд хотел сниматься и отступать, но Савари остановил его. «Господа, будьте спокойны, — говорил он баронам, — не собирайтесь, не снимайте палаток, иначе вы погибнете в одно мгновение» (9). Его послушались и повременили.

Между тем Монфор победителем возвращался в город. Его встретили кресты и хоругви. В воротах он сложил свои доспехи «в знак того, что Господь даровал ему победу» и босым пошел в церковь. Дорогою пели *Te Deum*.

«Наши, — рассказывает католический летописец, — возносили молитвы со всем благоговением и энтузиазмом, благословляя гимнами Милосердного Бога, знаменуя тем благочестивую преданность Тому, Кто сотворил великие дела для своего народа и дал ему торжество над врагами» (10).

Граф де Фуа после поражения первым делом разослал во все концы гонцов с ложным известием о своей победе. Про Монфора говорили, что он пленен и повешен...

Действительно, против всякого ожидания Монфор ушел из Кастельнодарри раньше, чем осаждающие оставили свой лагерь. Препятствовать его отступлению Раймонд не решался, тогда как вступить в битву, если бы на него напали, он был в состоянии. Путь на Нарбонну был открыт. Узнав о выступлении Монфора, Раймонд велел жечь машины, бараки и приказал сниматься. Столкновения с крестоносцами он теперь, конечно, не искал, так как не решился показываться из своих укреплений, пока действительно не убедился в том, что Монфор ушел.

Впрочем, Монфор скоро вернулся в Кастельнодарри. В Нарбонне к нему присоединился новоприбывший отряд французов, и поход возобновился. Из дальнейшего хода событий видно, что причиной внезапной слабости действий Монфора был недостаток средств. Раймонд значительно превосходил своего противника, даже после поражений. Все усилия Монфора обращены теперь на возвращение городов, быстро и почти одновременно отпавших от него. Все его внезапные диверсии не достигают цели. Не успеют крестоносцы куда-либо прийти на помощь своим, как узнают, что город уже сдался. Таким образом, в короткое время Монфор потерял более пятидесяти замков в пределах Альби и Тулузы; между ними были Рабастен, Гальяк, Пюи-Лоран, Сен-Феликс и Монферран.

Поставленные Монфором бароны или изменяли, или были бессильны ввиду восстания жителей, большая часть которых были еретиками. Покоренные лангедокские феодалы возвращались в прежнее подданство графу тулузскому.

При таких обстоятельствах два красноречивых проповедника, Вильгельм, архидиакон парижский, и Яков, епископ витрийский, начали вербовать новых крестоносцев. Они застали за той же деятельностью Фулькона Тулузского и аббата из Во-Сернэ. Суровый епископ витрийский отличался особенной ревностью к своей миссии; с его фанатизмом мы знакомы уже из первой главы, когда говорили об обличении, написанном им на современное ему светское и духовное сословие. Он уже не первый раз брался за крестовое дело, не первый раз он приносил на его алтарь свои таланты и свое счастье. Иннокентий именно от его красноречия ожидал иного поворота альбигойской войны. Местное лангедокское духовенство обращало на французских проповедников взоры, полные ожидания.

Всю зиму 1211/12 года епископ с архидиаконом громили еретиков в городах и селах Франции. Из Франции они перешли в соседние земли Германии.

«Они завербовали невероятное множество воинов Христа, — говорит официальная летопись, — и, после Бога, им более всего обязана вера христианская во Франции и Германии» (11).

Скорее всего, эти слова надо понимать в том смысле, что одной из целей проповеди было удержать распространение ереси в этих землях. И судя по всему, эта цель была достигнута.

Но если во французской земле шла успешная вербовка крестоносцев, то ее король не выказывал особенного расположения к подвигам этого воинства в подвассальных ему странах. Есть известие, что скрытая досада Филиппа Августа на Монфора, существовавшая всегда, около этого времени обнаружилась явно. Король французский жаловался папе, что Симон не воздает должного своему сюзерену. Иннокентий в ответном письме, еще осенью 1211 года, разъясняет королю дело графа тулузского, а также права нового государя Лангедока. Папа считает нужным опран даться в пристрастии к Раймонду, в котором могли бы его заподозрить. Он пишет, что граф

тулузский не соответствовал в точности тем задачам, которые были перед ним поставлены.

«Мы вполне убеждены, что он не оправдал ожиданий, но мы не знаем, зависело ли это от него самого, хотя вообще он считался в стране за еретика. Вследствие неисполнения предложенных задач он и потерял свои домены, которые мы приказали нашим легатам тщательно беречь для тех, кому они принадлежат. Мы и теперь пишем им, стараясь сделать все то, что соответствует твоим выгодам и твоей чести» (12).

Это послание было написано осенью, во время действий под Тулузой. В самый разгар борьбы Иннокентий не сходил с почвы законности; он не увлекся ненавистью к ереси настолько, чтобы забыть человечность и вторить диким выходкам легатов и епископов Лангедока. Несколько раз, разочарованный в Раймонде, папа, видимо, терял всякую надежду сойтись с ним, но Иннокентий часто возвращается на прежний путь примирения. Все уже считали Раймонда развенчанным государем, однако папа выказывает прежнее чувство сожаления к нему. Он входит в его положение. Действия легатов были снова взяты под контроль. И к тому был достаточный повод, притом слишком явный. Арнольд в мае 1212 года сделался архиепископом Нарбонны вместо Беренгария, наконец низложенного. Но с первого же дня избрания он принял на себя функции не духовного лица, а нарбоннского герцога. Это было слишком смело, если не нагло.

Тогда же епископом Каркассона был назначен аббат из Во-Сернэ, в награду за услуги крестовому делу (13). Теперь стало видно, что легаты прекрасно, нисколько не стесняясь, умеют сами награждать себя, что их труды не проходят даром. Завеса больше и больше спадает с глаз Иннокентия. Он пишет тому же Арнольду:

«Хотя Раймонд, граф тулузский, и найден виновным по многим статьям против Бога и против Церкви и хотя легаты наши, вследствие его неповиновения и восстания, сами постановили отлучить его самого, а землю передать тому, кто окажется достойным ее, следуя их собственным побуждениям, но даже если доказано, что сказанный Раймонд еретик, еще не доказано, что он соучастник в убийстве блаженной памяти Петра Кастельно, хотя в том и очень заподозрен. Вот почему мы и повелели, что если в известное время явится против него законный обвинитель, то назначить определенный день для оправдания, но по нашему предписанию не было исполнено ничего. Впрочем, мы не понимаем, каким бы образом мы имели право отдавать другим его владения, которые юридически не были отняты ни от него, ни от его потомства. Апостол не желает, чтобы и тень зла была сделана ему, а следовательно, не должно обманом лишать его тех замков, которые он нам доверил. Потому, если последует против графа решение по этим двум пунктам, то в какую бы форму оно ни было облечено, не должно придавать ему никакой силы. По всему надзору твоему, сим апостольским посланием приказываем тебе употребить все усилия к тому, чтобы покончить это дело как можно справедливее и осмотрительнее, так как мы не желаем следовать твоему совету, не хотим и передавать владений сказанного графа кому-либо другому. Мы приказываем также епископу Рицеа и господину Феодосию, канонику Генуэзскому, поступать сообразно нашему предписанию. Если же причиной несоблюдения наших повелений служит граф, то должно сообщить ему и прочим, что мы намерены поступать так, как того требуют блага мира и веры, ибо поучать истине мы призваны всегда» (14).

В письме к другим легатам Иннокентий, рассматривая сделанные ими распоряжения, находит их преждевременными, пристрастными, вообще несправедливыми. Он не подтверждает отлучения графа, его изгнания и насильственную передачу его владений другому лицу. Он сам не соглашается признать нового архиепископа Нарбонны в звании герцога, чего так бесцеремонно домогался Арнольд, ссылавшийся на свою верховную власть как легата. Иннокентий был отнюдь не расположен прикрывать узурпацию легатами светской власти авторитетом своего имени. Папа продолжал удерживать за собой только замки, данные Церкви в залог, а также графство Мельгейль, которое считал вассалом Рима, передав его теперь Иоанну Бокадосу непосредственно от своего имени с правом собирать доходы, за чем должны были надзирать духовные власти.

Папа и впоследствии, как, например, в июне 1212 года, продолжал сноситься с новыми подданными, которые, конечно, только в письмах благословляли ненавистную им римскую власть. Графство Мельгейль было единственным непосредственным приобретением, которым воспользовался Иннокентий, чтобы вознаградить издержки, понесенные им в альбигойских войнах.

В то время, когда сомнения в правоте действий запал и в душу Иннокентия и когда он стал склоняться на сторону Раймонда, графу тулузскому готовилась поддержка с другой стороны, от Педро Арагонского, только что прославившегося подвигами в войне с маврами. Он был

деятельным соратником Альфонса VIII Кастильского в великой битве под Толозой^{*1}. Новый архиепископ нарбоннский Арнольд принимал главное участие в битве. Две тысячи рыцарей, десять тысяч конных и пятьдесят тысяч пеших составляли французскую вспомогательную армию.

Христианские силы, предводительствуемые кастильским королем, были огромны. Мусульмане одолели было первым натиском; христиане подались назад, но архиепископ Арнольд, подобно старому Турпену^{*2}, сам повел рыцарей в бой. Строй африканцев был прорван, сам Мухаммед ан-Насир едва избегнул плена^{*3}. Произошло страшное побоище, армии Мухаммеда больше не существовало, шестьдесят тысяч сарацин покрывало поле битвы. Это было великим днем торжества христианского имени, днем, радостно отозвавшимся во всех концах Западной Европы. Аларкос был блистательно отомщен^{*4}.

Королю Педро битва принесла еще более славы, блистательно продемонстрировав его верность христианству и чести. С тем большим авторитетом он мог теперь вступить за правое дело тулузского графа.

С наступлением лета удача опять повернулась лицом к Монфору: к нему прибыли новые отряды крестоносцев, преимущественно из Франции. Надо было вернуть старые завоевания и сделать новые. Симон отправился на Отпуль. Город был взят на четвертый день после сильного сопротивления жителей, которые разбежались лишь тогда, когда удары таранов сделали дальнейшее сопротивление бессмысленным. Укрепления были разрушены, город разграблен, не успевшие бежать перебиты. Так как дело происходило ночью, сумятица была страшная. В довершение всего крестоносцы сожгли замок (15).

Вслед за падением Отлуля были возвращены многие другие замки и между ними Сен-Феликс, Монферран, Сен-Мишель, который был разрушен до основания. Кинувшись на Пюи-Лоран, Монфор вызвал было против себя графа тулузского, который, заняв город своими войсками, видимо, решил защищать его. Но отвага Раймонда исчезла, когда крестоносцы стали сходить к городу; он поспешно оставил Пюи-Лоран, а жителей повел за собой в Тулузу.

Монфор нашел город опустевшим. Через десять дней армия снялась с окрестных долин и, увеличив свою численность новыми французскими ополчениями, направилась в путь. Высшее французское духовенство меняло пастырский посох на меч: архиепископ руанский, епископ лаонский и знаменитый проповедник, архидиакон парижский Вильгельм привели Монфору свои и набранные из добровольцев отряды.

Города Рабастен, Монтегю и Гальяк сдались без сопротивления. Граждане Сен-Марселя выслали депутацию, но она не была принята, потому что Монфор решил никогда впредь не вступать ни в какие переговоры с лангедокскими баронами и общинами. Граждане предчувствовали беду, но сохранили геройскую твердость духа. Они не хотели, чтобы их богатства стали достоянием ненавистного врага, — одни спешно вывозили все, что казалось им ценным, другие разрушали свои дома. Монфор нашел опустевший город. Он велел сжечь его, а стены и башни разрушить.

Крестоносцы пошли на соседний замок Гэпи, но, к своему удивлению, и там не нашли «присутствия жизни» (16). Монфор велел и здесь исполнить то же самое; город был разрушен и зажжен, а армия двинулась на осаду Сен-Антонина.

Когда дела Монфора шли так легко и счастливо, он не подозревал, что его юный сын подвергается сильной опасности от рук непокорных горожан, не привыкших сносить рабство, которое предлагали им французы. Молодой Амори вместе со своим дядей Гюи, недавно прибывшим из Палестины, был оставлен в Нарбонне. Заняв со своей свитой герцогский дворец, в котором всегда имели обыкновение жить тулузские графы, он уже тем одним навел на жителей

^{*1} Имеется в виду битва при Лас-Навас-Де-Толосе (к северу от Кордовы), где войска испанских королевств Кастилии, Леона, Арагона и Наварры, а также многочисленные вспомогательные войска из Европы нанесли 12 июля 1212 года поражение армии династии Альмохадов. Это сражение считается переломным в Реконкисте: отныне стратегически инициатива принадлежала христианским государствам.

^{*2} Турпен, архиепископ Реймса, жил в 753—794 годах. Неизвестно, участвовал ли он в походах Карла Великого. Однако в «Песне о Роланде» он — один из спутников Роланда, ободряющий рыцарей во время битвы в Ронсевальском ущелье и разящий мавров сам.

^{*3} Мухаммед ан-Насир правил государством альмохадов в 1199-1211 годах. Автор называет противников христиан «африканцами» потому, что исторический центр государства альмохадов, как и основные их владения, лежал в Северной Африке (охватывая территории от Марокко до Ливии).

^{*4} В 1195 году при Аларкосе (также к северу от Кордовы) Абу Юсуф Якуб аль-Мансур, тогдашний халиф альмохадов, победил кастильскую армию.

много невыгодных для себя воспоминаний. Альбигойцы, распуслав слухи, что вооруженные французы производят насилия, приучили граждан смотреть на них, как на опаснейших врагов, от которых надо ежеминутно ждать вреда. Однажды молодой Амори хотел открыть старое готическое окно дворца, которое уже давно не открывали; рама от ветхости разбилась и обрушилась на людную улицу. Очевидцы происшествия воспользовались случаем, подняли шум, и в народе заговорили о каких-то страшных событиях, о насилиях, совершившихся во дворце. В результате в Нарбонне началось восстание. Толпы бросились ко дворцу, осадили его и принудили графа удалиться в одну из башен. Двое из оруженосцев Монфора были убиты; лишь с трудом одному из посторонних лиц удалось успокоить возмущившихся (17). Народ разошелся по домам, но это происшествие показало пришельцам, как непрочно их положение в стране, за которую они так упорно воевали.

Многим баронам, еще не успевшим столкнуться с Симоном де Монфором, даже не верилось, чтобы они могли быть побеждены. «Никогда крестоносцы не возьмут моего замка», — говорил барон Адемар Иордан, наместник Сен-Антонина.

Об этих словах сообщили Монфору тогда, когда его армия уже шла на замок. Сен-Антонин расположен у подошвы высокой горы, омываемый позади водами реки, делающей его с этой стороны неприступным, спереди он лежал перед обширной равниной, на которой и расположились лагерем крестоносцы. Как только в городе это заметили, из замка была произведена вылазка. Отразив ее, французы кинулись на приступ и завладели тремя наружными бастиями городской стены. Наступившая ночь разлучила сражающихся, но на горожан этот стремительный натиск крестоносцев произвел такое впечатление, что они начали падать духом и многие немедленно покинули город через задние ворота. Монфор послал отряды в обход — кровопролитие и схватки не прекращались и ночью.

Но Симон вряд ли ждал столь легкого успеха, когда на следующее утро к нему явилась депутация от города, который недавно так презрительно отзывался о крестоносцах. Дело в том, что в городе кроме Адемара, наместника Раймонда, одинаково начальствовал и виконт Понс, непосредственный владетель его.

Виконт хотел выговорить свободное отступление. Монфор отказал в свободном пропуске, требуя безусловной сдачи города. Его желание исполнилось. Наместник не успел заранее оставить город и оказался таким же пленником Монфора, как и виконт Понс. Крестоносцы помпезно вступили в замок. Тридцать именитых жителей были немедленно казнены, город разграблен; по признанию самого католического историка не были пощажены ни монастыри, ни церкви. Граждане после произведенных казней были прощены, потому что Монфор не собирался разрушать город. Наместник Раймонда и другие тулузские рыцари были под стражей отправлены в Каркассон, где заключены в тесное подземелье (18). Изгнанник Балдуин, родной брат графа тулузского, был оставлен в качестве барона и представителя Монфора, который теперь направился в область Аженуа.

Эта земля была таким же средоточием ереси, каким некогда славилась Альбижуа. Она досталась тулузской короне по наследству от матери Раймонда VI, Иоанны, сестры Ричарда Английского. Местный епископ давно уже призывал Монфора. Главной целью похода был замок Пеннь; все, что встречалось крестоносцам на пути, они истребляли. В названном замке начальствовал родственник Раймонда Тулузского, Гуго д'Альфар. С четырьмя сотнями альбигойских воинов он решился погибнуть в своей крепости, но не сдаваться неприятелю.

Место было довольно укрепленное, окрестности плодоносные; взять эту крепость значило повелевать над страной. Монфор хотел прежде занять Ажен, где надеялся на более радушный прием (19). Действительно, в столицу области его пустили беспрекословно, и, отдохнув в ней, он двинулся на осаду Пеннья. Гуго находился в положении очень затруднительном. Он не получал никаких вестей от Раймонда и был отрезан от него линией осаждающих. Тем не менее он героически защищался. Крестоносцам жестоко досталось от его вылазок. В продолжение всего июня Монфор ничего не мог сделать, хотя окрестные бароны добровольно съезжались в его лагерь и приносили ему присягу. Симон не рассчитывал на удачный исход осады и шел необходимым просить помощи брата Гюи, который с успехом действовал в диоцезах Альбижуа и Тулузы.

Разгромом замка Анаклет, где он распорядился вырезать весь гарнизон, Гюи навел ужас на всю область. С обаянием вандала он подходил и к пригородам Тулузы, но так как столица была не из числа тех замков, с которыми привыкли справляться оба Монфора, то Гюи миновал ее и осадил было один из городков неподалеку, как прискакал к нему от брата гонец с предложением прибыть на помощь в лагерь под Пенньем. С Гюи был архидиакон Вильгельм, епископ лаонский и

достаточное число других известных воителей.

Армия Гюи расположилась с восточной стороны Пеннья, Симон стоял на противоположной. Приказано было строить новые машины больших размеров, так как прежние не приносили почти никакой пользы. Но едва от действия этих новых баллист, упорно бивших по одному месту, стала появляться брешь, как многие крестоносные бароны, особенно из духовных лиц, задумали разьезжаться из лагеря, видимо разочарованные в удаче предприятия.

Убеждения и просьбы Монфора подействовали только на архиепископа руанского. Между тем осажденные проявляли еще большую решимость и самоотвержение, но это была уже последняя агония. Из города выслали тех жителей, которые были в нем бесполезны, но Монфор не принял их; они радовались тому, что вообще остались целы и неприятельском лагере. В замке же гарнизон умирал от жажды — река, огибавшая город, была отрезана от осажденных; как нарочно, жара стояла невыносимая. Все соединилось, чтобы стойкие защитники Пенньи потеряли присутствие духа, а о графе тулузском не было и слухов. Гут д'Альфар рисковал погубить весь гарнизон самой мучительной смертью. Чтобы этого не произошло, он начал переговоры с Монфором и получил согласие на свободный выход. Через семь недель после начала осады крестоносцы заняли Пеннь, оставленный еретиками.

Отряд, посланный Симоном, успел взять замок Марманд, а сам Монфор, выступив далее, осадил и разбил машинами город Бирон (20). Альбигойские воины геройски защищались. Вытесненные из города, они заперлись в замке. Существовала особая причина решимости и отваги осажденных — их начальником был рыцарь Мартин д'Альгэ. Эш был тот самый д'Альгэ, который уже два раза изменял родине: он продался Монфору и обманом увлек виконта безьерского в подземелье Каркассона. Он оставил католиков и таким образом изменил в третий раз. Снисходительный граф тулузский доверил ему замок Бирон. На этот раз он не ошибся, ибо Мартин должен был бороться до последней крайности. Между тем привязать к себе гарнизон он был не в состоянии.

Монфор не преминул воспользоваться этим и склонил к себе многих биронских рутьеров. Его впустили в крепость, где, вытесненный из города, засел со своими воинами комендант. Крепость была взята и Мартин захвачен живым. Он предчувствовал, что ему предстоит страшное наказание от рук беспощадного Монфора, и его предчувствия сбылись.

На другой день к десяти часам утра все крестоносное воинство было в полном сборе перед крепостью. Назначено было совершить обряд лишения чести, а потом смертную казнь над пленным изменником, которого только теперь постигла месть за Роже Безьерского. На платформе возвышался эшафот. Д'Альгэ привели со связанными руками. Вряд ли у него были какие-либо искренние религиозные убеждения, но когда-то альбигойцы видели в нем одного из своих; во всяком случае, он рисковал жизнью на службе их делу. Монфор между тем не хотел считать его еретиком, поэтому осужденный вошел на подмости в сопровождении двенадцати католических священников в белых одеждах; по одну сторону от него шел герольд в полном вооружении, по другую — палач огромного роста, весь в красном. Когда все бароны заняли свои места около эшафота, герольд развернул пергамент, на печати которого был изображен крест. Герольд прочел приговор, которым обвиненный присуждался к смертной казни за измену, предательство и клятвопреступление. По прочтении приговора епископ каркассонский поднялся со своего места и предал осужденного анафеме; двенадцать священников запели похоронным голосом псалом: *Deus laudem meam non tacueris*^{*1}, осуждавший изменников. Пение кончилось; герольд трижды воскликнул:

— Палач, кто этот человек?

— Рыцарь Мартин д'Альгэ, — произносил палач в ответ на каждое воззвание герольда.

— Нет, — отвечал герольд, — клятвопреступник и обманщик не может быть рыцарем. Да не будет он более рыцарем!

Палач вырвал меч у осужденного и воскликнул:

— Вот меч изменника!

Потом он стал сдирать с него все рыцарское вооружение и каждый раз возглашал громким голосом:

— Вот латы, поручни, наколенники, набедренник, вот кинжал изменника!

Когда сорван был шлем, герольд взял склянку с горячей водой и вылил ее на голову осужденного: это было позорное крещение — символ того, что этой водой с чела преступника

^{*1} Псалом 27: «К тебе взываю, Господи, не будь безмолвен для меня!...»

смывалось помазание, а со щеки его рыцарский поцелуй. Потом палач разрубил топором щит д'Альгэ, герб его выпачкал грязью. На д'Альгэ накинули веревку; палач в таком виде стащил его до подножия эшафота, положил на носилки и накрыл их гробовым саваном. Обесчещенного рыцаря отнесли в церковь. Двенадцать священников окружили живого покойника и пели погребальные гимны, как бы прощаясь с человеком, умершим для рыцарства. После такой торжественной церемонии д'Альгэ положили на дровни, привязали к лошадиному хвосту и в таком положении, среди толпы народа, поволокли по городу. Наконец, уже около четырех часов вечера, его повесили. Труп оставили висеть на виселице, как пример позорной казни за измену, предоставив его на съедение хищным птицам (21).

Побудительной причиной падения замка Бирон были измена, а непременным условием—выдача д'Альгэ, так как известно, что почти весь гарнизон вышел из Бирона невредимым. Сдача этого города служила сигналом уничтожения самостоятельности Аженуа. Получив обладание над целой областью, Монфор выступил на покорение Керси.

К нему присоединилось пятнадцать тысяч крестоносцев. Ими начальствовал другой изменник, брат графа тулузского Балдуин, прозванный за то «отступником». Соединенная армия Монфора прежде всего устремилась на Муассак. Этот город, расположенный у подошвы горы, и плодородной долине Гарна, был окружен обильными водами. Поэтому его трудно было осаждать, еретики же явно издевались над многочисленными католиками. В городе, пораженном интердиктом, постоянно раздавался насмешливый колокольный звон кафедрального собора. Когда началась осада, граждане Муассака имели все причины презирать силы Монфора.

Огромные машины не могли разбить городской стены; епископ каркассонский и архидиакон Вильгельм уцеплялись все свои знания и усилия, но долгое время все было бесполезно. Даже гомеровская храбрость Монфора должна была отступить перед силами природы и стойкостью. Осажденные в одной из вылазок опрокинули Симона; мало того, вождь рисковал собой, подвергаясь опасности погибнуть или попасть в плен. Под ним была убита лошадь, кто-то из альбигойцев направил на него копье, которое ранило героя в ногу. В этой схватке в плен к альбигойцам попал племянник архиепископа римского. Его дядя перенес несчастье с твердостью и, узнав о том, показал окружающим пример терпения и самопожертвования ради службы Христовой.

Скоро осада превратилась в блокаду, ибо условия местности были таковы, что гарнизон мог свободно выходить на гору и оттуда пускать в крестоносцев стрелы. Чтобы еще более утратить неприятеля, а вернее, из чувства мести и религиозной ненависти, альбигойцы ежедневно показывались на городском валу и истязали пленных кинжалами и копьями.

Наконец к крестоносцам стали подходить из Франции новые подкрепления. Значительные силы вел Регинальд, епископ Туля, но он едва было не потерял их, столкнувшись под Кагором с графом де Фуа, который заставил его укрыться в ближайшем замке. Граф Балдуин был послан принять над ними начальство и привести их в лагерь. С того времени осада пошла деятельнее. Был изготовлен большой «кат»^{*1}, покрытый воловьими шкурами; он был подвезен к самому рву крепости. На горе между тем альбигойцы уже не смели показываться. Тогда они попытались зажечь кат. Со всеми зажигательными снарядами и с луками, которые у них были, они устремились на неприятеля. Отважнейшие из крестоносцев бросились защищать машину, но удушливое пламя распространилось в воздухе, и осаждавшие были приведены в невольное расстройство. Симон и Гюи Монфоры были среди тех, кто защищали машину своими мечами.

Во время боя монахи и все невооруженное духовенство босыми молилось с воздетыми руками, их головы были посыпаны пеплом. Их гимны все еще раздавались, когда дружно нападавшие альбигойцы неожиданно отступили и скрылись за городскими стенами. Попытка прорваться за ними была неудачна. Монфор понял, что этот город можно взять только выжиданием, и потому занялся рекогносцировкой и захватом соседних замков.

Вскоро вся область Керси, кроме замка Монтобан, подчинилась оружию крестоносцев, и только тогда граждане Муассака поняли, что их дальнейшее сопротивление бесполезно, тем более что брешь делалась день ото дня значительнее. Из города просили о свободном выходе для гарнизона; крестоносцы же требовали безусловную сдачу, Монфор обещал пощадить город от разграбления, если ему заплатят сто марок золотом. Сложность ситуации заставила согласиться и на это.

На альбигойских защитников французские бароны не хотели смотреть как на рыцарей.

*1 То есть стенобитная машина, укрытая навесом.

Симон Монфор стал таким же государем Муассака и всей Керси, каким был граф тулузский. В грамоте было сказано, что «Господь лишил графа тулузского власти за грехи его и бесконечные бедствия, причиненные им Церкви и вере католической» (22). Прежде город зависел от аббата; владетели Тулузы считались лишь сюзеренами его. Монфор же, вероятно, приносил с собой иную систему, иные взгляды, ибо с первых же дней своей власти вооружил против себя аббата, который так умел ладить с Раймондом. Аббат отправил от себя послание королю французскому, как верховному сюзерену, с жалобой на вымогательства крестоносцев и особенно их предводителя (23). Соглашаясь признать себя непосредственным вассалом короля, он просил у него защиты.

Ввиду этого Монфор счел удобным обратиться к дру« тому защитнику. Он всегда любил выставлять себя представителем Церкви, исполнителем ее велений. И в этом случае он старался всеми мерами заискивать перед местным духовенством, не скупясь на подарки, десятины, а также на ежегодные ренты в Рим, которые по обычаю приезжали собирать чиновники папской канцелярии. Одному из таких лиц приказано было получить с вождя крестоносцев тысячу серебряных труаских марок; деньги эти предназначались в подарок папе, нисколько тем не компрометируя его нравственных идеалов (24). Ежегодные расходы римского двора составлявшие, согласно бюджету кардинала Ценция, несколько тысяч марок, часто пополнялись такими внешними ресурсами (25).

Случалось, что на Юге некоторые феодалы добровольно отказывались от своих владений, делились доходами с Римом и становились под покровительство Церкви, избавляя тем себя от преследований. Все эти доходы папы вместе с данью королей Англии, Скандинавии, Дании, Арагона уходили на расходы по управлению Церковной областью, на содержание двора, а главное, на осуществление замыслов той мировой теократии, которыми увлекся Рим. Крестовые походы и предприятия (вроде альбигойского или ливонского^{*1}) поглощали значительные суммы папского казначейства. Монфор не останавливался перед материальными издержками, всегда надеясь окупить их с лихвой. В это время он стремился дать решительное сражение своим сильнейшим противникам — графам тулузским и де Фуа.

Граф де Фуа беспрестанно беспокоил крестоносцев партизанскими действиями и в то же время избегал всякой решительной встречи с армией Монфора. Раймонд был в Савердене, когда туда кинулся Монфор с немецкими крестоносцами. Тулузцы покинули этот замок, тотчас же занятый неприятелем. Монфор полагал столкнуться с графом де Фуа, владения которого он уже заранее уступил французскому рыцарю Энгеррану де Бовэ, но по-прежнему безуспешно преследовал графа. Жители Готрива, пропустившие через свой город альбигойцев де Фуа, разбежались при приближении крестоносцев. Город опустел, но для Монфора он был очень важен как укрепленный пункт между двумя столицами Лангедока — Тулузой и Фуа. Узнав о вооружении графа Комминга, Монфор решил опустошить его земли и, двинувшись на них, встретил на пути крепкий и довольно обширный город Мюрэ.

Мюрэ лежит в привлекательной долине Гаронны, по соседству с Тулузой. Многие жители, узнав о наступлении Монфора, разбежались, но тем не менее крестоносцы должны были встретить сопротивление. Первым делом было решено сжечь деревянный, большой мост на Гаронне, через который проходили неприятельские коммуникации. Хотя в Мюрэ почти не было кавалерии и хотя наступление католиков было стремительно, однако альбигойцы сопротивлялись как могли и задержали неприятеля на той стороне реки. Неудачи крестоносцев продолжались до тех пор, пока сам Монфор не показал примера. Он вместе с храбрейшими крестоносцами кинулся в воду и переплыл реку. Появление такого ужасного воина на городской стороне изумило мюрэйцев и заставило их запереться в городе. Но положение небольшого отряда Монфоровых героев сделалось довольно опасным, когда проливные дожди переполнили Гаронну.

Гарнизон, обрадованный этим и заметивший затруднение Монфора, решил дать сражение, отправив между тем в Тулузу гонца с изложением всех обстоятельств и намерений мюрэйцев. Тулузцам предлагали воспользоваться оставшейся на их долю крестоносной армией без ее страшного вождя. Монфор видел свое воинство с другого берега, а между тем не мог и думать об оказании какой-либо помощи. Крестоносцы, как показал опыт, были сильны только им; без него им грозило совершенное истребление. Мысли, одна другой смелее, возникали в голове героя, но никто из крестоносцев не полагал, что он решится на единственный исход, который предстояло

^{*1} Как раз в то же время, как мы видели из первой главы, происходило завоевание и освоение Ливонии — территорий прибалтийских язычников (в частности, Рига была основана как орденское укрепление в 1201 году).

выбрать ему перед опасностью полного проигрыша всего крестового похода.

Ему дали знать, что тулузское войско наступает. Прошло несколько часов, и он сам увидел знамена, доспехи и оружие тулузских альбигойцев. Он был отделен от неприятеля и от своих Гаронной. Как нарочно, поднялся сильный ветер; река закипела. Монфор порывался кинуться в волны, братья, сыновья и свита удерживали его. Но препятствия в тот момент для него были ничтожны. На мольбы удерживавших его он пригрозил мечом.

— Я должен спасти их, они гибнут за меня. Если же я погибну — значит так угодно Богу! — воскликнул Монфор и, дав шпоры своему коню, опрокинул Гюи, перескочил через него и ринулся в ревушие и кипящие волны.

Началась борьба между рекой и героем-всадником. Неукротимая стихия оспаривала победу у человека и часто, как бы издеваясь над всеми его усилиями, увлекала на дно, волны скрывали его... После страшных для крестоносцев мгновений, в которые жизнь Симона висела на волоске, он достиг-таки цели, к несчастью альбигойцев. Крестоносцы наблюдали за борьбой своего вождя внимательно и с гробовым молчанием. Вдруг оглушительное «Vive Montfort!» раздалось на противоположном берегу. Тяжелый конь, скользя, взбирался по покатуму берегу. Он нес торжествовавшего всадника.

Пятеро рыцарей вышли вслед за ним. Восторг и крики долго не умолкали, они должны были грустно отозваться в сердцах жителей Мюрэ и Тулузы. Но альбигойские воины того и другого города были обмануты — они полагали, что крестоносцы нашли где-нибудь брод и тем заявляют свою радость; никому из них в голову не приходило, чтобы Монфор решился на переправу при таких условиях. Тулузцы поспешили отступить, а крестоносцы стали спокойно исправлять мост. Как только постоянная переправа была приготовлена, вся католическая армия появилась у стен Мюрэ. Это было в тот же вечер.

На следующее утро армия приготовилась к приступу, город был взят (26). Монфор учредил в нем свою главную квартиру; из нее он стал тревожить соседнюю Тулузу Раймонда, у которого в руках только и оставались столица да замок Монтобан — за исключением их, вся тулузская область была покорена Монфором. Кроме нее французскому победителю в конце 1212 года принадлежали Альбжуа, Каркассон, Разес, Минервуа, Аженуа. Каркассон был назван столицей этого нового государства.

Стремясь покончить с графом Комминга, который после графов Тулузы и Фуа был единственно сильным противником, и дорожа временем, Симон сделал из Мюрэ экспедицию в его область. Ему содействовал в том епископ Комминга, который, прибыв в крестоносный лагерь, поднимал Монфора против своей непокорной паствы, настаивая на немедленной кампании. Епископ также хотел принять участие в экспедиции, но ему поручили сидеть в Мюрэ и укреплять город. Взятие города Сен-Годана в Комминге имело результатом то, что вся местная знать явилась к Монфору на поклон — альбигойство там было непрочно. Местные бароны радовались возможности получить свои земли от Монфора обратно.

Вернувшись из Гаскони, Симон усилил свои операции против Тулузы; его отряды часто появлялись у самых ворот города. Нельзя было знать, откуда ожидать его. Тут напал изменник Балдуин, там — Гюи Монфор, здесь внезапно являлся сам Симон, всегда неодолимый, которого боялись альбигойцы и который наводил на них ужас. Граф Раймонд утомился в этой блокаде. Положение его, столь безысходное, столь мучительное, выводило его из себя. Он решился наконец прибегнуть к последней мере, о которой думал давно и которая, как ему казалось, принесет лангедокцам победу.

В октябре 1212 года граф Раймонд Тулузский со свитой галантных баронов ехал по направлению к Пиренеям. Он пробирался в Арагон — просить прямой помощи у короля дона Педро. Тогда же пышный кортеж выехал из Тулузы по направлению к нижним Альпам. Это было торжественное посольство к папе Иннокентию с последними объяснениями тулузцев.

И тогда же новый могущественный повелитель Юга граф де Монфор созывал своих верных друзей и союзников, светских рыцарей и духовных прелатов, а также усмиренных баронов провансальских в город Памьер.

Памьерские постановления

Здесь предстояло дать прочную административную организацию завоеванию, предстояло закрепить за собой все отнятое от законного графа и распорядиться добычей. Симон не был настолько государственным человеком, чтобы в тех политических идеях, которые он спешил

осуществить теперь, быть способным следовать новому духу, начинавшему тогда веять во Франции. Монфор далеко не обладал преобразовательным гением своего государя Филиппа Августа. Он действовал в духе средних веков, воплощая общий государственный идеал своего времени.

Тем не менее акты, составленные на этом собрании, весьма важны. Памьерские ордонансы и статуты 1212 года — важнейшие из правовых памятников средних веков. То был новый кодекс Юга, некоторое обновление феодальной, государственной и социальной жизни Лангедока, и потому эти любопытные документы должны привлечь наше особенное внимание.

Но прежде следует взглянуть на общую государственную реформу, произведенную нашествием французов. Если рассматривать дело проще, без его церковного обоснования, то завоевание Лангедока Монфором является таким же фактом, каким в свое время было нашествие саксов на бриттов, норманнов на саксов, норманнов на южную Италию или попытки латинян захватить области Византийской империи. Пришельцы должны были вносить в завоевываемые места новые государственные и социальные начала.

Феодально-государственный быт северной Франции того времени мало чем отличался от южной, хотя централизация уже заявила о себе; те Монфоры, которые некогда были жертвой французских королей XII века, в Лангедоке сами уподобляются Людовику VI^{*1}. Но другое дело было влияние социальное. Из вечно веселого, смеявшегося Юга памьерские статуты создали угрюмый монастырь, из царства трубадуров — царство прелатов с невыносимейшим из гнетов — клерикальным. Государство Монфоров стремилось поработить и стереть местную светскую аристократию, заменив ее французской, назначаемой победителем. Эю государство было разделено в политическом отношении на две области: Каркассэ и Аженуа. С новой столицей, Каркассоном, этим первым завоеванием крестоносцев, столицей сенешаля, оно вносило в страну не только незнакомое государственное начало, но делало из нее нечто вроде французской области, находившейся на военном положении. В руках этого сенешаля, который из Каркассона переезжал в Безьер и Лимож, сосредоточивалась и военная и судебная власть; он совершал неограниченную расправу с тем же самовластием, с каким созывал ополчение. Устройство Аженуа было таким же. Изменник Букхард де Марли из рода баронов Монморанси был первым сенешалем в Каркассоне; он властвовал от пределов Фуа до города Монпелье, творя суд над баронами, прежде независимыми и склонявшимися разве только перед городскими властями. Сперна сенешаль властвовал один, но впоследствии получил двух помощников или наместников, из которых один вел уголовные дела, другой гражданские, так что на его долю остался надзор над совершением судебных функций, да и то к судьям был приставлен королевский прокурор. Апелляция на их решения передавалась, по французскому обычаю, в парламенты, которые стали утверждаться около того времени. Вообще Юг в судебном отношении был приравнен к Северу (27).

На социальный быт, то есть на нравы и общественную жизнь Юга, нашествие сподвижников Монфора имело или по крайней мере хотело иметь фатальное влияние. Католическому историку знаменитого воителя казалось, что социальные и административные реформы его героя имели в виду разрушить какое-то зло, господствовавшее до него в Лангедоке; под этим злом подразумевались образованность, блеск общежития, изысканность нравов, богатство страны.

«С прежних времен области эти были жертвой грабительства и хищений всякого рода, вельможа терзал бедняка, сильный теснил слабого. Потому-то благородному графу угодно было определить все порядки, а также известные пределы, которые никто не должен нарушать, указать, насколько по справедливости рыцари имеют право пользоваться законными доходами и при каких условиях меньшие люди могут существовать под крылом господ, не будучи обременены их чрезмерными вымогательствами» (28).

Читатель знает из первой главы этого сочинения, были ли на самом деле неблагоприятными сословные условия, на которые счел нужным указать сернейский монах. Реформа, замысленная Монфором, предназначалась совсем для другой цели — для удовлетворения более практических интересов завоевателей.

Монфор хотел оправдать себя перед историей, предоставив исполнение дела не себе, а парламенту чинов. В парламенте участвовали епископы, рыцари и горожане, число их неизвестно. Монфор предложил собранию статут для государственного управления; парламент поручил его

*1 Имеется в виду, что Монфор, чьи предки пострадали от Людовика VI Толстого, начавшего объединение феодалов, расположенных в среднем течении Сены, вел себя на Юге подобно древнему врагу своего рода.

редакцию особой комиссии из двенадцати членов. В ней участвовали четыре духовных лица: епископ Тулузы, епископ Консеррана, один тамплиер и один госпитальер, четыре французских рыцаря и четыре местных уроженца — два барона и два горожанина. Введением в собрание последних хотели замаскировать его цели и характер. Эти немые члены должны были беспрекословно одобрять и принимать для своей родины кутюмы, действовавшие в окрестностях Парижа.

Симон был заранее уверен в том, что офранцузит страну, что его первая преобразовательная мера будет самой деятельной. Поэтому перед началом заседаний комиссии он вместе со своими товарищами дал клятву на Евангелии никогда не нарушать того, что будет постановлено ее членами. К 1 декабря они закончили свои заседания и составили акт «Ордонансы и Регламенты», получившие после известность под именем Монфоровых.

Этот акт, написанный на пергаменте, был скреплен печатью самого графа и всех епископов, присутствовавших на съезде. В нем было написано следующее, с таким предисловием:

«Именем Господа нашего Иисуса Христа мы устанавливаем генеральное судилище к подавлению всего, что противно Богу, Римской Церкви и справедливости, к искоренению ереси, к уничтожению всех преступлений, грабителей и других злодеев. Мы, Симон, Божьей милостью граф^{*1} Лейчестера и Монфора, виконт Безьера и Каркассона, сеньор д'Альби и Родеца, преисполненные желания совершить это предначертание и удержать государство и мир и покое, в честь Господа, святой Римской Церкви, нашего господина короля французского и для пользы наших подданных, с совета почтенных сеньоров, архиепископа Бордо, епископов Тулузы, Каркассона, Аженуа, Перигора, Консеррана, Комминга, Бигорра, мудрых мужей, баронов и именитых вассалов наших, обнарудуем по всем землям нашим, что следующие пункты повелеваем всем народам нашим хранить ненарушимо, а именно:

I) Привилегии и свобода церквей и молитвенных домов, освященных каноническим ли, гражданским ли правом, должны быть всеми уважаемы и оберегаемы. Мирянам воспрещается обращать в замок или крепость какую либо церковь или считать ее себе подвластной. Приказываем также, чтобы все таковые церкви были срыты или переданы в руки епископов, которые никогда не должны допускать, чтобы эти храмы оставались укрепленными и замках или в других городах.

II) Все обеты, данные церквям, должны быть исполняемы без всяких затруднений, сообразно обычаям кал дои страны; все десятины следует платить, как предписано и поведено святым отцом нашим, папой.

III) Никакой клирик, хотя бы при получении наелся ственного состояния, не может быть подвергнут налогу, разве если только он считается за купца или состоит в браке. Так же должно поступать и относительно бедных вдовиц.

IV) Никогда базар или ярмарку не следует открывать в день воскресный. Пусть всюду, где имелось обыкновение торговать в этот день, изберут какой-либо другой день согласно указанию местного владельца и государя-графа.

V) Кто уличит клирика в каком бы то ни было преступлении, то, если бы даже этот клирик имел одну простую тонзуру, того должно безотлагательно представить епископу или архидиакону или их представителям. За неисполнение этого, за удержание имущества при себе, виновный подвергается немедленному отлучению.

VI) Каждый дом в стране должен платить ежегодно три мельгорских денария нашему святейшему отцу папе и нашей святой Матери Церкви Римской в ознаменование и постоянное напоминание того, что помощью его (папы) земля эта отнята от еретиков и навсегда предоставлена графу и преемникам его. Дань эта должна быть отбываема от начала великого поста до дня Пасхи.

VII) Бароны и рыцари не смеют принуждать платить налоги тех вассалов или те феоды (вилланы и деревни), которые даром или уступкой приобретены церквями и молитвенными домами от королей, князей и других господ и которые всегда считаются изъятными от всяких поборов со стороны тех господ, в областях и городах которых эти вассалы живут. Если такой род владения сомнителен вследствие проделок еретиков и других злых людей и если сомнения в вопросах платежа не выяснены, то истина должна быть безотлагательно отыскана и справедливость восстановлена.

VIII) Прихожан должно принуждать ходить в церковь в воскресные и праздничные дни,

^{*1} Далее в памятнике везде под именем Графа подразумевается Монфор. — Примечание автора.

когда прекращается всякое будничное занятие, и слушать там обедню и проповедь. Если же случится, что в эти дни господа и госпожи города или деревни не будут в церкви, без достаточных оснований в виде болезни или других уважительных причин, — то такие подвергаются штрафу в шесть денариев ходячей монеты, из которых половина принадлежит сеньору города или деревни, другая же часть делится между церковью и приходским священником.

IX) Во всех тех деревнях, где нет церкви, а вместо того имеются молитвенные дома еретиков, то одно пригодное на то здание предназначается для церкви, а другое на жительство священнику; если же есть церковь, а нет священника, то ближайшая еретическая молельня отводится для жительства священнику.

X) Кто впредь отважится дозволить за деньги или другим каким образом проживать еретику на своей земле, тот, побежденный, теряет навсегда всю свою землю, а его личность отдается в полную власть сеньора, который поступает с ней по всей своей воле.

XI) Предлагается каждому, кто бы он ни был, рыцарь или простолюдин, жертвовать из собственного имущества пятину на милостыни, согласно кутюмам Франции и обычаям парижской области, исключая из счета баронии, замки и подобные домены, разве только сюзерен проживает в стране, наследованной им и населенной прежде еретиками.

XII) Во всяком процессе и решении судья не может, ни под каким видом, ни по каким кутюмам, прибегать к какому-либо вымогательству над тяжущимися сторонами. Суд производится безвозмездно, и съезд сам дает защитника тому, кто не мог его приобрести.

XIII) Еретик, хотя бы и возвращенный Церкви, не может быть ни превотом, ни бальи, ни судьей, ни заседателем, ни свидетелем, ни защитником. Так же поступать и с иудеями; впрочем, иудей может быть свидетелем против своего соплеменника.

XIV) Еретик, если он еще не обращен к Церкви, не может проживать в том городе, где он считался еретиком. Он должен жить лишь там, где графу угодно будет указать ему.

XV) Все клирики и монахи, равно пилигримы и орденские рыцари, проходя через наши земли, если только они не занимаются торговлей, свободны от всяких побором.

XVI) Бароны и рыцари французские обязаны служить графу Монфору всегда и везде, где ведется война против него, по поводу земель покоренных и впредь имеющих быть покоренными, вместе с теми рыцарями, на которых господин граф давал им земли и лены, хотя бы по соглашениям они и пользовались вполне самостоятельно землями, им данными. А если надел обусловлен в точности, то вассал служит графу с теми рыцарями, которые написаны на землях, порученных вассалам. Если же граф без явной необходимости, не вынужденный защищать себя или свои земли, а добровольно, захочет оказать военную помощь соседу или кому другому, — то ни вассалы, ни их люди не могут быть принуждаемы служить ему, разве если того захотят по доброй воле, из любви к нему.

XVII) Французские ленники, обязанные военной службой графу Монфору, в продолжение двадцати лет должны непременно служить с французским же рыцарством, если не получают особого разрешения заменить французов рыцарями покоренной страны (то есть провансальцами). По истечении же двадцати лет всякий служит с теми рыцарями, которых найдет годными к войне.

XVIII) Рыцари, получившие отпуск во Францию, не должны оставаться там долее срока, назначенного графом Монфором, без уважительных причин. Граф может, по прошествии срока и после семимесячной отсрочки, не обращая ни на что внимания, лишить ленника земли, с которой поступает по своему усмотрению.

XIX) Все бароны, рыцари и другие владельцы в государстве графа Симона должны, по требованию его, без замедления и без противоречия, возвращать ему замки и укрепления, полученные от него. Граф же должен, как надлежит то доброму государю, вернуть эти замки и укрепления в том же виде.

XX) Все бароны и военные люди должны являться по первому зову графа Симона на помощь ему туда, где он будет терпеть осаду или утеснение. Если будет доказано, что кто-либо отказался идти на помощь графу во время его затруднений, и если не окажется оснований к достаточному оправданию, то земля, которой владеет такой ленник графа, будет конфискована в пользу последнего. Что касается прочих служилых военных людей, как горожан, так и простолюдинов, то они должны являться на помощь графу по зову его: по два человека с дома или один, если больше мужчин в доме нет. Те, кто не явятся и не принесут достойного оправдания, лишаются половины их движимого и недвижимого имущества, которое конфискуется в пользу сеньоров, их повелителей.

XXI) Бароны, рыцари и другие ленники, которым наступает очередь отбывать службу графу

Монфору в продолжение узаконенных пятнадцати дней, должны являться в свой срок, если же замедлят и не явятся на назначенный пункт, то повинны заплатить пятую часть из годового дохода с земли, данной им графом. А если они явятся с меньшим числом рыцарей против положения, то платить вдвойне за каждого недостающего рыцаря до полного числа. Такая же пеня полагается с баронов и рыцарей провансальских, если они не будут являться на службу, которой они обязаны графу.

XXII) Никто из подданных графа не станет сооружать новых укреплений в земле своей без его согласия, не станет даже возобновлять разрушенных крепостей.

XXIII) Католические рыцари, уроженцы Юга, остаются в тех же отношениях службы к своим сюзеренам, в каких они находились до крестового похода. Но те, кто придерживался ереси, обязаны служить графу и своим сеньорам по их требованию.

XXIV) Бароны, рыцари и другие ленники, наделенные землями государем-графом, не могут требовать более тех поборов, какие определены ордонансами их сеньора графа, каковы бы эти поборы ни были, как-то: налоги, сыски, жертвования, подати и другие доходы с земель, виноградников, домов и всяких иных достояний и прав. Ибо эти поборы учреждены и установлены так, что вне их никто бы не мог требовать и домогаться чего иного. А если кто решится поступить вопреки тому, то граф имеет право принудить такого уступить и возратить все взятое против хартии, которая должна быть уважаема и соблюдаема всеми.

XXV) Дозволяется всем подданным менять по их произволу сюзерена, под тем лишь условием, что люди свободные берут с собой только движимое имущество, оставляя ему все недвижимое, от него ли или от другого полученное; рабы же, то есть люди господина, оставляют ему как движимое, так и недвижимое, требовать которого они лишаются права с тех пор, как переселились в другую сеньорию.

XXVI) Всякий заключенный или задержанный не лишается своих гражданских прав, если только может дать достаточных поручителей.

XXVII) Никакой сеньор не может удерживать заложников или других ручающихся за своих людей, если имеют намерение удалиться в чужой домен, по общепринятым законам.

XXVIII) Сеньоры получают оброк со своих людей сообразно старому обычаю земель, городов и деревень и согласно таковым же их содержат.

XXIX) Принимая во внимание то, что подданные князей и сеньоров, родившиеся в этой стране, чрезмерно обременены налогами, на что они уже жаловались графу Симону, наши сеньоры и рыцари соберутся еще раз в парламенте, дабы приискать более справедливые основания в распределении налогов и взносов. Если сеньоры рыцари от того откажутся, то граф может их принудить к тому.

XXX) Горожане и крестьяне сохраняют за собой права на леса, воды и дороги в том виде, как было тридцать лет назад лет от настоящего времени. Если же возникнут споры между ними и их сеньором, то действительный владелец сохраняет свое владение до тех пор, пока дело не решится клятвой старейшин или иным каким способом.

XXXI) Никакой подданный не может быть взят за долги своего господина, если он не поручитель и не действительный должник.

XXXII) Никакой барон, рыцарь, горожанин или крестьянин не может силой отнять чужое имущество, но тот, над кем будет совершено такое насилие, может мстить лишь с согласия своего сеньора, которому будут приноситься все подобные жалобы. Тот, кто осмелится совершить насилие, должен заплатить в пользу своего сюзерена двадцать ливров, если он барон, десять ливров, если он рыцарь, и сто солидов, если он буржуа. Кроме того, по приказанию своего сеньора виновный должен возратить похищенное и вполне удовлетворить того, кому нанесена обида. Тот же, кто решится на самовольную расправу, равно должен быть подвергнут пене и сверх того заплатить шестьдесят солидов тому, кому он отомстил, и вернуть ему то, что он взял у него, с вознаграждением убытков. Исключается тот случай, если кто отражает силу силой.

XXXIII) Бароны, рыцари, горожане и крестьяне не должны сметь принимать участие в каком-либо заговоре ни словом, ни клятвой, даже под предлогом простого братства, хотя бы и с доброй целью, без согласия и желания государя-графа. Если же кто сговорился действовать против него, то жизнь и имущества таковых в его власти. А когда заговор направлен не против него, а против всякого другого лица, то заговорщики подвергаются пене в десять ливров, если они бароны, в сто солидов, если они рыцари, шестьдесят солидов, если они горожане, и двадцать солидов, если они селяне. Этой пене не подлежат общества герольдов и пилигримов, которые дают временную клятву быть во взаимном общении ради собственной безопасности.

XXXIV) Кто впредь, без ведома и желания графа, будет доставлять припасы или другие предметы потребления, а также помощь людям тулузским или другим врагам графа, тот теряет навсегда свою землю вместе с остальным своим имуществом; если же то будет сержант или балли, решившийся на содействие без ведома и против воли своего господина, то последний конфискует все его имущество, а самого его передает на расправу графа Монфора. Все предметы и лица, взятые при этом, без всякого умаления и протеста достаются тому, кто успел завладеть ими.

XXXV) Кто, имея возможность взять во владениях графа врагов католической веры, того не сделает, то, побежденный, передаст свою землю и личность милосердию графа. Так же будет поступлено с тем, кто не будет явно восставать против врагов и преследовать их по искреннему побуждению, согласно обычаям земли.

XXXVI) Хлебопеки пекут и продают хлеб согласно порядку, мере и весу, указанным их сеньором. В случае неисполнения того их хлеб конфискуется. То же постановление действует и в тавернах.

XXXVII) Публичные женщины, проживающие в городах, будут изгнаны из них. Пошлины, установленные князьями и другими сеньорами, будут уничтожены через двадцать лет.

XXXVIII) Владения, подлежащие цензу^{*1}, не могут быть даримы и продаваемы ко вреду союзеренитета.

XXXIX) Налоги, в известные сроки, должны быть выплачиваемы своим сеньорам и представляемы в их курии. Всякий раз, когда такие должники не представят суммы в известный срок, они будут оштрафованы на пять солидов за каждый пропущенный срок, а если они не заплатят следуемого в продолжение трех лет, то сеньор властен, не обращая внимания на протест должника, отдать или про дать его собственность другому лицу, а если сеньор пожелает сам удержать ее и даже возратить ее должнику, то, тем не менее, последний заплатит по пять солидов за каждый пропущенный срок.

XL) Как бароны и рыцари, так горожане и сельчане, приобретая права, получают свои наследства, по правам и обычаям Франции, господствующим около Парижа.

XLI) Жены изменников и неприятелей графа Монфора должны оставить пределы своей страны, хотя бы они и считались за католиков, дабы на них впоследствии не пало какое-либо подозрение. Они могут оставить за собой доходы с их земель и приданных, если поклянутся, что не принимали никакого участия в тех войнах, которые вели их мужья против христианства и графа.

XLII) Ни вдовы, ни другие благородные дамы, ни иные невесты, ни наследницы, обладающие крепостями и замками, не осмеливаются выходить замуж по своему желанию за уроженцев Юга без согласия графа, впредь до истечения десяти лет, во избежание опасностей, какие могут приключиться с их землями. Но им дозволяется вступать и брак с теми французами, которых они изберут, хотя бы и без согласия государя-графа и других господ. По истечении же десяти лет им дозволяется вступать в брак по их желанию и с французами, и с южанами.

Дано в Памьере, во дворце нашем, первого декабря 1212 года».

К этим статьям было прибавлено три следующих, предписанных Монфором его вассалам, а именно:

«XLIII) Как бароны и рыцари, так буржуа и крестьяне наследуют свои владения согласно обычаям, установившимся в окрестностях Парижа.

XLIV) Бароны, рыцари и сеньоры не допустят поединков в своих куриях, исключая проступков измены, похищения и грабежа.

XLV) Граф обязуется хранить относительно баронов французских и других, которым он пожалует земли в этой стране, обычаи и порядки, господствующие во Франции, около Парижа, касательно жалоб, судов, тяжб, ленов и феодальных дел.

Подписано тем же днем, первого декабря 1212 года» (29).

В этом статуте совместились все тайные желания Монфора. В нем он предусмотрел все, что могло быть полезно как в интересах Римской Церкви, так и в его собственных. Привнося полумонастырские нравы на веселый Юг (статьями IV, VIII и XI), упрочивая по возможности выгоды духовенства как местного (статьи 1—111, V и VII), так и римского (статьи VI и XV), Монфор не забыл гарантировать и себя (понимая непрочность завоевательной системы) целым

*1 То есть еще не оцененные, подлежащие только оценке. В случае продажи еще не оцененных центральной властью владений процент, взимаемый графом, мог оказаться меньше того, который он получил бы при правильной оценке.

рядом статей (XVI—XXI, XXXIII), часто даже стеснявших тех людей, которые были его друзьями и помощниками в покорении Лангедока. Не говоря о том, что всякая возможность национальной местной оппозиции была предусмотрительно отстранена, что ересь не имела и возможности возродиться вследствие французского террора, господствовавшего в стране, нельзя не заметить, что в памьерском акте оказалось заранее узаконено то, что должно было фактически совершиться гораздо позже, — это лишение Юга его особенностей, объединение его с Францией и подчинение новым государственным идеям, которые уже с того времени начинают развиваться на севере от Луары; парижские кутюмы провозглашаются обязательными для Лангедока (статьи XL, XLIII, XLV), отныне страны завоеванной, которой можно повелеть изменить свои хозяйственные и юридические традиции.

После таких мер вся дальнейшая история альбигойских войн имеет лишь один смысл — добиться торжества государственных начал, провозглашенных в памьерском дворце Монфора, в многознаменательный для Лангедока день декабря 1212 года.

Борьба, сопротивление этому нашествию — отныне борьба слабого против сильного, хотя она продлится еще более полувека. Все военные силы Франции придут оружием насадить в стране памьерский статут.

Дипломатические сношения

Покоренные, офранцуживаемые лангедокцы думают найти единственное спасение в чужой помощи, в народе, который только один во всей Европе был близок к ним по родству и по истории, который только один во всей Европе мог симпатизировать им, — в народе арагонском и его рыцарственном короле. Высшее общество Арагона должно было сочувственно откликнуться на вопль трубадуров. Дон Педро уже давно громко высказывал свое сочувствие альбигойцам. Вспомним, как он, раздраженный, оставил лагерь крестоносцев.

Теперь к нему направлялся сам граф тулузский просить заступничества и помощи, оставив свою столицу на попечение графа де Фуа, боровшегося вместе с ним. Педро радушно принял своего несчастного родственника, он обещал Раймонду все, что было в его власти. Политические дела короля шли как никогда прежде хорошо: он победил мусульман и слыл героем толосской битвы. Обещая Раймонду всякое содействие войском и деньгами, король хотел последний раз попытаться решить вопрос переговорами с могущественным противником ереси, папой Иннокентием. Граф тулузский знал, что это ни к чему не приведет, но король тем не менее отправил от своего лица посольство в Рим. Оно состояло из двух почетных духовных особ.

В январе 1213 года послы короля арагонского уже беседовали в Риме с Иннокентием. Папа был склонен выслушать голос оправдания, исходивший из Тулузы, центра ереси. Он уже не раз делал замечания легатам. Тем более теперь он должен был склониться к заступничеству постороннего короля, который был его вассалом и которого он не имел оснований подозревать в отступлениях от католицизма. В ответ на уважительные речи арагонских послов папа велел немедленно подготовить послание к легатам, продолжавшим действовать в Лангедоке от его имени. Это были: Арнольд, теперь пышный архиепископ Нарбонны, епископ Риеца и тот же каноник Феодосии. Из их действий было видно, что они забыли и о своем звании, и о цели назначения в Прованс. Они совершенно предали светской жизни и, в упоении успехов и счастья, спокойные со стороны Монфора, который иногда становился простой их креатурой, стали для страны главным предметом ненависти и страха. Недаром, думал папа, послы дона Педро так резко изобразили поведение легатов, уверяя, что вся кое дальнейшее ведение крестовой войны излишне, что оно только служит предлогом утолить алчность местного духовенства и французских пришельцев, похожих на сброд сподвижников Монфора, что ересь исчезла, что такие лангедокские феодалы, как графы Комминга, Фуа и Беарна, ничем к ней не причастны (30).

Папа поверил доводам послов. Феодалы, считавшиеся оскорбленными в своем лице и в лице короля арагонского, будучи вассалами графа тулузского, только частью своих владений подлежали сюзеренитету дона Педро; это был результат политики его предшественников, графов барселонских^{*1}. Тем не менее феодальное право было оскорблено, крестоносцами и Иннокентий

^{*1} Речь идет о том, что часть феодалов, которыми владел Раймонд Тулузский, находилась в опосредованном ленном владении короля Арагона как преемника прав Барселонского графства. В результате Раймонд в некотором смысле был ленником и Филиппа Августа, и Педро. Последний мог считать себя оскорбленным поведением Монфора против его опосредованного вассала.

счел должным принять на себя посредничество. Но от этого дела он отделил другое, в котором еще резче обнаружилось самовольство Монфора.

Граф Симон не хотел признать себя вассалом короля за Каркассон, уступленный Педро. В этом поступке француза нельзя было не видеть явного нарушения права, бесцеремонного неуважения к установившемуся обычаю. Так как в вопросе о Каркассоне не осталось никаких сомнений, а дела пиренейских баронов римская курия хотела обдумать, то Иннокентий прежде всего предписал вождю крестоносцев присягнуть арагонскому королю за Каркассон.

«Сим апостольским посланием повелеваем тебе, чтобы ты не преминул исполнить относительно короля то, чем ему был обязан прежний граф, ибо как мы ни любим тебя во Господе, не желаем и не должны желать, чтобы король потерпел что-либо или чтобы справедливость была нарушена» (31).

Это распоряжение было написано 15 января 1215 года, а через три дня было отправлено к тому же Монфору такое резкое по тону послание, к которым не привык этот католический из католических баронов и которое достаточно показывает, что Иннокентий убедился в реальности страшных насилий, совершаемых на Юге его именем, и в наглости французских завоевателей и всех крестоносцев.

«Любезнейший сын наш во Христе, Петр, знаменитый король арагонский, изъяснил нам через посланников своих, что ты, оружием своим обратив в католичество тех, среди которых распространилось еретическое нечестие, тем не удовольствовался, а обратил крестоносное воинство на пролитие неповинной крови и на насилия против непричастных ереси, отняв земли таких королевских вассалов, как графов Фуа, Комминга и Гастона Беарнского, чем причинил ему, королю, тяжелое оскорбление, тем более что в землях тех не жили еретики и обитатели их никогда не осквернялись ужасами еретической заразы. Сверх того, королевские посланники объявили, что ты взял с тех обитателей присягу на верность и, следовательно, дозволил еретикам свободное проживание, выдавая их за католиков и тем делая себя последователем ереси. В самом деле, как не считать тебя покровителем ереси, когда ты незаконно взял и присвоил себе их землю. Послы жалуются преимущественно на то, что в то время, когда король, их государь, вел войну с сарацинами, ты несправедливо завладел имуществом вассалов его, и что именно тогда ты, зная, что король не может оказать помощи последним, ибо он отвлек все свои силы против вероломного племени сарацин на помощь народу христианскому, устремил все свои усилия на порабощение тех вассалов. Так как король имеет намерение продолжать войну с сарацинами и так как тем деятельнее он может действовать против них, чем более будет уверен за спокойствие другой части своих доменов, то он требует, чтобы спокойствие и его самого, и вассалов его было обеспечено апостольским престолом. Потому, не желая лишить его прав, ему принадлежащих, и не желая препятствовать исполнению его похвальных намерений, мы повелеваем тебе возратить ему и вассалам его все те земли, которыми ты завладел, дабы, в случае несправедливо го их удержания, ты не оказался бы ревнующим более для собственной выгоды, чем общей, то есть блага католической веры» (32).

Столь же резкой грамотой папа разразился относительно легатов. Иннокентий снова стал сомневаться в нравственном характере действий своих представителей, и сомнения свои вместе с видимым неодобрением поступков легатов выразил в следующей к ним грамоте, отправленной на другой день после письма Монфору (33):

«Хотя пораженные части тела должны быть усекаемы, дабы язва не распространилась на здоровые места, однако надлежит искусно и благоразумно прилагать врачующую руку, дабы вместе с зараженными частями не были, по неблагоразумию, поражены и части неповрежденные. Письма и послы нашего возлюбленного сына во Христе Петра, славного короля арагонцев, достаточно убедили нас, что он, король Петр, не согласился оказать помощи вассалу своему, виконту безьерскому, который просил о ней в то время, когда, после издания апостольской буллы на ерестиков провансальских, крестоносцы вступили во владения этого виконта, и что он же король, не вняв мольбам о помощи со стороны виконта и в то же время не желая препятствовать исполнению предначертаний Церкви, решился вовсе не помогать католикам, дабы тем самым не оказать содействие и находящимся между ними еретикам. Потому названный виконт, лишенный поддержки, потерял свою землю и был наконец, к несчастью, умерщвлен Ты же, брат архиепископ, вместе с благородным мужем Симоном де Монфором, приведя впоследствии войско крестоносцев во владение графа тулузского, не только занял все те места, где находились еретики, но алчным образом оба вы захватили и те, которые никак нельзя было заподозрить в еретичестве. Нельзя же думать с какой-либо вероятностью, чтобы те народы, которые принесли клятву и

получили дозволение оставаться на местах прежнего жительства, были еще заражены ересью. Те же самые уполномоченные сказали нам, что вы захватили против всяком справедливости чужое имущество с таким хищничеством что у графа тулузского едва остались только замок Монтобан да город Тулуза. Сверх того в числе владений, несправедливо захваченных вами, как извещает король, находятся те земли, которые Ричард Английский, славной памяти, дал в приданое сестре своей, выдавая ее замуж за вышеупомянутого графа, а также владения графов де Фуа, Комминга и Гастона Беарнского. Король обращает также особенное внимание на то, что ты, архиепископ, и упомянутый Монфор в тех землях, которыми вы завладели, вынудили подданных трех означенных графов дать присягу на верность другому, хотя графы те — вассалы короля арагонского. Государь этот присовокупляет еще, что, по возвращении его после побед над сарацинами, вышеназванный граф тулузский, увидевшись с ним и изложив все притеснения, нанесенные ему крестоносцами, объявил, что отказ Церкви в принятии от него, графа, удовлетворения, им предлагаемого, он приписывает грехам своим и готов, насколько то будет возможно для него, исполнить наши повеления. Впоследствии граф сказал, что не только понесет ярмо того наказания, но что он передаст ему, королю, владения свои, сына, жену свою, дабы он, король, по усмотрению своему или взял их под защиту, или оставил на произвол судьбы. Потому король, ожидая немалого ущерба себе в этом предмете и в то же время не считая справедливым, чтобы наказание превышало преступление, униженно просит оставить тулузское графство во владение сыну вышеназванного графа (Раймонда), который никогда не был и, при помощи Божьей, никогда не будет заражен ересью. Король обещал сверх того держать во власти своей как сына тулузского графа, так и самого графа во все то время, пока нам угодно будет, дабы первого из них воспитали в вере и благочестии, равно и обратить все свое внимание на истребление ереси в королевстве арагонском, с тем что во исполнение всего этого будет представлено такое ручательство, какого мы потребуем. Король присоединил к тому, что граф тулузский соглашается, в очищение прежних прегрешений своих, подвергнуться такому духовному наказанию, какое назначим мы, и служить против неверных, как за морем, так и в пределах Испании, около границ, против вероломного племени сарацин. Но так как дело это было затруднительно и, благодаря Богу, приведено уже к счастливому концу, то и надлежит поступать в сих обстоятельствах с большой осторожностью и должной обдуманностью, дабы не разрушить того, что совершено с таким великим трудом. А потому мы повелеваем созвать собор в месте безопасном и благонадежном, пригласив на него архиепископов, епископов, аббатов, графов, баронов и тех сановников, присутствие которых на этом соборе вы сочтете необходимым, и, изложив им беспристрастно просьбы и желание короля арагонского, решительно отстранив при этом всякое личное раздражение, ненависть, страх, привязанности и все плотское, вы тщательно донесете обо всем, что будет предусмотрено и решено относительно сказанных пунктов, или доставите хотя бы и частное, но разумное мнение, дабы мы, согласно вашим донесениям, приняли решение, которое считали бы согласным с волею Божьей, покончив тем или другим образом вон рос о лучшем управлении упомянутых земель. "Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" *1».

Заканчивая свое послание евангельским текстом, папа выказал со своей стороны непритворное желание завершить распрю справедливым исходом. Эта грамота снимаем с него долю ответственности за нелюбезные и корыстолюбивые действия его легатов, которые должны были убедиться теперь, что дальнейшая их политика должна быть направлена лишь к чистым интересам веры.

Наконец, папа высказывал сомнение в необходимости продолжать крестовые войны. Из его слов можно было заключить, что католицизм на Юге снова восстановлен и восстановлен вполне, что теперь настало время умиротворения страны, никаким образом не нарушая однако же старых условий ее государственной и юридической жизни; по край ней мере, в папских грамотах нет распоряжений в таком смысле. По мнению Иннокентия, силы соединенного христианства должны быть направлены теперь на неверных, так как ересь представлялась уже вполне подавленной. И в Кастилии сам король униженно просил папского содействия и помощи европейского рыцарства для дружного изгнания сарацинов.

Как бы в ответ на мольбы Альфонса VIII, Иннокентий в том же январе приказывал своим легатам употребить все усилия, чтобы двинуть крестоносцев против испанских мусульман. «Мы приказываем тебе, — писал папа легату Арнольду (архиепископу нарбоннскому), — связаться с возлюбленным сыном нашим Педро, королем арагонским, как и с графами, баронами и другими

*1 " Евангелие от Матфея XVIII, 20.

мудрыми мужами, которых ты созовешь, дабы возвратить мир и спокойствие Провансу, дальнейшую безопасность которого долженствует обеспечить основательным договором. Раздав индульгенции апостольские, какие полагаются тем, кто боролся с еретиками, ты ничем иным более не должен обременять христианский народ» (34).

В то самое время, когда писались эти бумаги, в Лангедоке происходили совсем другие сцены. Если Иннокентий считал войну оконченной, если он, довольствуясь торжеством католицизма, человечно относился к Югу, то его легаты еще не считали оконченной свою миссию, еще не хотели проститься с теми материальными выгодами, которые она им доставляла. Теперь все помыслы легатов, их честолюбивой креатуры и Симона Монфора, узнавших об арагонском посольстве в Рим, направлены к тому, чтобы затемнить дело, запутать его и снова сделать крестовую войну орудием мести и личной выгоды. И они достигли своей цели.

Альбигойцы благодаря эластичному характеру своей догматики уже были подавлены; в Лангедоке трудно было указать «верных», там не знали даже, где скрываются «совершенные», эти агитаторы, плоть и кровь альбигойства. Надо было отыскать их, и тогда нашелся бы предлог к возобновлению войны. Опыт показал, что лучше всего замутить дело, перетолковать истину на соборном единомышленников, людей одних стремлений. Собор католического духовенства лангедокского был полезен для этого, тем более что на него намекал сам папа.

Король Педро между тем прибыл в Тулузу лично; он виделся с Арнольдом и с Монфором и предложил им свое посредничество в споре с альбигойской партией. Этому прямо не противились, заметив, что согласие будет делом собора. Король требовал восстановить домены графов тулузского, коммингского, беарнского и Фуа в их прежнем виде. Ему опять дали понять, что раньше собора об этом не может быть и речи (35). Собор еще в конце прошлого года предполагался в Авиньоне, во исполнение прежних папских предписаний закончить дело о графе тулузском и простить его после канонического наказания, но заседания того собора не могли состояться по причине заразы, господствовавшей в городе.

Теперь наконец собор собрался в Лаворе, некогда ознаменованном славным диспутом альбигойских и католических богословов. Несчастный для альбигойской партии поворот дела заключался в том, что заседания в Лаворе открылись раньше получения папских предписаний от 18 января.

Этот город значительно изменился с тех пор, как в нем прошел знаменитый альбигойский съезд. Некогда кипевший альбигойцами, он теперь оглашался звоном вечерних колоколов католических церквей; альбигойство сделалось семейной тайной, наружу оно появляться не смело. На лаворском собрании заседали архиепископы Нарбонны и Бордо, все епископы тулузской епархии, множество аббатов, председательствовал Арнольд. Дон Педро выговорил себе право участвовать при открытии собора. Он потребовал, чтобы было объявлено перемирие на время переговоров или, по крайней мере, на восемь дней. Это было совершенно справедливо; Монфор не мог с тем не согласиться, хотя тому и противились хищные французские бароны.

— Вы, видимо, не перестанете вредить тулузцам, — говорил ему Петр.

— Да, государь, не следовало бы переставать, но из почтения к Вам я удержусь от этого доброго дела на восемь дней (36).

Это было все, что смог выхлопотать король. В душе он не ждал от собора ничего доброго; с самого открытия заседаний собрания, понимая, каковы будут их последствия, он обдумал собственный образ действий — и, внезапно оставив Лавор, уехал в Тулузу. После разных формальностей на соборе хотели приступить к решениям по поводу прежнего папского предложения (последние же в этот день только составлялись в римской государственной канцелярии).

Однако в этот момент от короля прибыло посольство из духовных лиц и привезло собранию меморандум под скромным заглавием: «Петиции короля арагонского к прелатам, собравшимся на собор в Лаворе». Вот его текст:

«Так как святая мать наша, Церковь, не только наказует, но и милует, то я, почтительнейший сын ее, Педро, милостью Божьей король арагонский, униженно и настоятельно прошу вашу святость за Раймонда, графа тулузского, который желает возвратиться в недра матери нашей Церкви и обязуется исполнить все то, что вы ему предпишете сделать во очищение прегрешений его и в вознаграждение за поношение и оскорбление, причиненные им как самой Церкви, так за убытки и обиды, сделанные им разным храмам и прелатам, и если на то будет милосердие этой святой матери, то просит он, граф, милостиво восстановить его во владениях и в других ущербах. Если же Церковь не соблаговолит внять нашей просьбе королевской, ради

личности графа, то король настаивает и просит за сына его, ибо отрок никоим образом отвечать лично не может за все случившееся, — под тем условием, что сам он (старый граф тулузский) обязуется, во очищение грехов своих, с рыцарством своим служить или в помощь испанским христианам на сарацинской границе, или в заморских странах, сообразно тому, что сама Церковь признает лучшим. За поведением же юноши, дабы он поступал как следует во славу Господню и Святой Римской Церкви, будет иметься строгий при смотр, а управление его землями предоставлено будет ему не прежде того, как он предоставит явные свидетельства своей доброй жизни.

Так как граф Комминга не только никогда не был еретиком или их единомышленником, а скорее врагом их, и так как он притом уверяет, что лишился владений своих единственно потому, что оказал помощь графу тулузскому, своему родственнику и сюзерену, то король ходатайствует за него, как за вассала, и просит возвратить ему земли его с тем, чтобы он сделал удовлетворение Церкви, если бы оказалось, что он в чем-либо погрешил против нее.

Равным образом, так как граф де Фуа не причастен ереси и никогда еретиком не был, то король ходатайствует также и за него, как за возлюбленного родственника, которого оставить по справедливости он не может без поношения себе самому, и просит, из почтения и любви к нему, королю, возвратить графу де Фуа его земли, обязав его, графа, исполнить в удовлетворение Церкви все то, чему присудит его милосердие матери Церкви, если окажется, что он погрешил против нее.

Равным образом тот же король ходатайствует за вассала своего Гастона Беарнского и убедительно просит возвратить ему землю и сюзеренские права, тем более что он готов повиноваться решению Церкви и беспристрастных судей, если вы не согласитесь допустить нас к расследованию и решению по этому делу.

В заключение король, считая должным взывать скорее к состраданию, чем к суду, касательно всего вышеупомянутого, и предлагая вниманию вашему своих клириков и баронов, посланных к вам для переговоров, обещается, со своей стороны, утвердить все, о чем вы условитесь с ними. Король просит вас отнестись к послам с радушием и вниманием и не задерживать их, дабы с тем большей пользой помощь этих баронов, равно как и самого графа Монфора, могла быть употреблена в земле испанской на дело всего христианства, в честь Господа и распространения святой матери нашей, Церкви» (37).

Эта грамота была подписана в Тулузе 16 января, по странному стечению событий за два дня до того, как была доставлена из Рима, за печатью Иннокентия, приведенная нами инструкция легатам, составленная в том же самом духе. Дон Педро опередил Иннокентия, не имея сведений от своих послов, — и это оказалось одним из несчастных обстоятельств для альбигойцев, для Раймонда и для всего Лангедока. События могли развернуться иначе, если бы Педро выждал время и не предупредил распоряжений Иннокентия; иное бы впечатление на прелатов лаворских произвело послание папы, открыто объявлявшего себя на стороне короля арагонского и требовавшего удовлетворения для его вассалов и, между прочим, для графа тулузского.

Когда же на соборе прочли королевскую грамоту, то поняли, что заступничество короля за еретиков и его самого делает причастным ереси, против которой направлены все крестовые усилия. Легаты догадались, что Арагон и короля его можно втянуть в войну и сделать предметом новых походов, которым не предвиделось конца и которые всегда могли поддерживать суеверие и фанатизм. Решено было потребовать мнение каждого члена собора по поводу королевского вмешательства, а пока покончить с вопросом о прощении и разрешении от наказания тулузского графа, так как имеющееся папское предложение было сделано в слишком общих выражениях.

Понятно, что при таких обстоятельствах напрасно было рассчитывать на исход, сколько-нибудь благоприятный для графа Раймонда. Об январском послании Иннокентия прелаты лаворские никак не предполагали. Архиепископ нарбоннский потому не имел причин смягчаться относительно арагонского короля, а тем более относительно тулузского графа. Вместе с епископами альбигойским, коммингским и тулузским он прочел от имени всего собора заявление в жестких тонах. Он говорил, что нет причины оправдывать тулузского графа от обвинений в ереси и в смерти легата де Кастельно, что в том и другом случаях граф достаточно не оправдался. В подтверждение этого Арнольд приводил следующие причины:

1) Граф Раймонд много раз под присягой обещал изгнать еретиков и всяких рутьеров из своих владений и ни разу не сдержал клятвы.

2) Вернувшись из Рима, где он встретил такой прием, какого не заслуживал, граф увеличил поборы, жертвовал интересами Церкви ради обогащения еретиков и рутьеров, которым продолжал

покровительствовать.

3) Эти рутьеры погубили более тысячи крестоносцев, духовных и светских.

4) Граф держал в своих темницах более года аббатов Муассака и Монтобана и, будучи во главе разбойничьей шайки, изгнал епископа аженского из его епархии; лишни этого прелата всех его доменов, он, не довольствуясь этим, подвергнул его штрафу в пятнадцать тысяч солидов.

5) В продолжение столь долгого времени подозрение и его еретичестве нисколько не уменьшилось.

По всем этим причинам, заключило собрание, и «по многим другим, которые было бы долго исчислять» нет оснований простить графа тулузского и примирить его с Церковью. Только по особому повелению святейшего папы отлучение могло бы быть снято с него, — так решили члены собора, а январские бумаги были близки к такому исходу!

Теперь собор взялся за ответ королю арагонскому.

«Мы с удовольствием заметили, — написано в ответной грамоте, — что ваша королевская светлость именует себя преданным сыном Церкви, отчего мы и благодарим Господа Иисуса Христа и вас, короля, и во всем, где можно было бы поступить по Божьему, мы согласны были бы склониться к вашим просьбам, по причине той постоянной любви, которую Святая Римская Церковь вам оказывает. Что же касается до ходатайства вашего за графа тулузского, то мы должны ответить вашей королевской светлости, что все относящееся до дела графа и его сына, который зависит от своего отца, нашему ведению не подлежит, тем более что с согласия самого графа тулузского дело его, под известными условиями, предоставлено господином папой епископу Рица и отцу Феодосию. Мы знаем, что в этом деле, господин папа, невзирая на все многочисленные преступления графа, оказал ему многие милости; известно также, что легат апостольского престола, почтенный архиепископ нарбоннский, тогда аббат Сито, вследствие нашего посредничества и в уважение к вашим ходатайствам, уже сделал ему, графу, два года тому назад выгодные предложения в Нарбонне и в Монпелье. Тогда легат соглашался на то, чтобы сохранить в целости и неприкосновенности все владения графа и все его права и оставить неприкосновенными его права над замками прочих еретиков, составлявших часть его доменов. Что же касается до тех замков, которые принадлежали иным еретикам и не составляли его феода и число которых, по его же словам, доходило до пятидесяти, то легат соглашался, чтобы четвертая часть их, и даже третья, подчинилась ему же, графу (38). Между тем граф, презрев эту великую милость господина папы, его легата и Церкви Господней, стал действовать вопреки всем клятвам, которые он сам прежде приносил легатам и, совершая насилие за насилием, преступление за преступлением, зло за злом, продолжал преследовать Церковь Господню и наносить великое бедствие христианству, сговариваясь и соединяясь с еретиками и рутьерами, — чем оказался совершенно недостойным каких-либо милостей и благодеяний.

Что касается до просьбы вашей за графа Комминга, то мы постановили ответить вам касательно его, что он, после многих преступлений и клятвопреступничества, заключив союз с еретиками и их покровителями, вместе с ними гнал Церковь, не будучи ничем оскорблен ею, а после, увещиваемый вернуться на лоно Церкви и присоединиться к католичеству, упорствовал в своем злочестии, — по всем тем причинам он не может быть разрешен от отлучения и проклятия. Известно даже, что граф тулузский неоднократно указывал на графа Комминга как на подстрекавшего его к войне, из чего можно заключить, что он-то и был причиной многочисленных бедствий, перенесенных Церковью. Впрочем, если он окажется заслуживающим отпущения, то, дав ему возможность оправдаться, Церковь не преминет оказать ему справедливость.

Кроме того, ваше королевское величество ходатайствует за графа Фуа. На это мы ответим вам, что с давних пор он считается покровителем еретиков и еще по сие время он самый рьяный из их последователей, ибо несомненно, что к их числу принадлежат так называемые «верные». Этот граф, после многих преступлений, после всех клятв его, после разрушения и грабежа церковей, после пленения духовных лиц, которых он содержал по тюрьмам, и разграбления имуществ, был наконец предан анафеме. Легат едва простил ему — и то по вашим настояниям, — что он перерезал крестоносцев, духовных и светских, которые беспечно шли к Лавору. Вашему величеству небезызвестно, насколько велика была снисходительность легата, если он в таком деле решился уступить вашему заступничеству; заблуждения самого графа являются причиной того, что это обстоятельство не привело к иным последствиям. Еще по сие время хранятся ваши письма, адресованные графу Монфору и скрепленные вашей королевской печатью, и которых между прочим написано: «Мы соглашаемся, что, если граф де Фуа не примет этих условий и если вы не захотите позже выслушать наших предложений в его пользу, не настаивать на продолжении

мира». Впрочем, если это: граф окажется достойным получить отпущение и если он заслужит того, то, в случае его просьб, Церковь не откажет ему в должной справедливости.

Вы ходатайствуете также за Гастона Беарнского и просите возвратить ему его домены и восстановить его сюзеренские права. На это мы вам ответим, что он известнейший враг и гонитель церквей и духовных лиц, не говоря про другие многочисленные или, лучше, бесчисленные: о преступлениях и про союзы его против Церкви и крестоносцев с еретиками, их последователями, и защитниками. Он помогал тулузцам в битве под Кастельнодарри, он держал при себе убийцу Петра де Кастельно, легата апостольского престола, он долго держал в своих войсках рутуров и имеет их еще по сие время. В прошлом году он привел их с собой в кафедральный собор Олерона, где, порвав шнур, который поддерживает завесу алтаря, он бросил на землю — что ужасно и произнести, — тело Господа нашего Иисуса Христа. Вдобавок, нарушив все клятвы свои, он совершил насилие против клириков. Поэтому-то и по многим другим причинам, о которых мы теперь умолчим, он и повергнут в узы отлучения и анафемы. Тем не менее, если он даст должное удовлетворение Церкви и если заслужит отпущение, то его жалобы будут удовлетворены, в случае, если он их представит. А вашему королевскому величеству, государю столь знаменитому, не следовало бы вступаться за отлученных, не принесших оправдания, ибо пока мы не можем ничего иного сказать про этих людей и их дела. Мы молим Бога сохранить надолго вас, в честь Господню и всей Римской Церкви. Если же ваше королевское величество не останетесь довольным этим решением, то мы вынуждены будем донести обо всем господину папе, ради почтения и любви нашей к вам» (39).

Так были отвергнуты петиции арагонского короля. Казалось, настал час разрыва, но столь велико было влияние католических идей на умы современников, что и теперь еще дон Педро не прервал сношений с людьми, явно к нему нерасположенными. Он до последней минуты скрывал мысль о возможности войны между ним и крестоносцами, действовавшими под могучей эгидой Рима. Видимо, он хотел выговорить мирным образом интересы своего друга и потому использовал любые возможности. Он отправляет новых послов на собор; им поручено было выхлопотать перемирие до Троицы или по крайней мере до Пасхи.

Получив извещение из Рима, что некоторые надежды есть, он рассчитывал хотя бы выиграть время, полагая, что легат скоро должен получить папское предписание, благоприятное для тулузцев. Но собор дурно принял арагонское посольство, и легат поспешил отказать ему. Только теперь дон Педро решился на разрыв. Он объявил себя покровителем гонимых Церковью феодалов — графа тулузского и его друзей, заявив при этом, что донесет папе о действиях собора. Но было уже поздно: собор предупредил его.

Так новая жертва была впутана в тонкие, но крепкие сети Арнольда. Могущественный легат спешил закрепить силки.

Собор отвечал на вызов короля грозной грамотой — если выражения ее были пока дипломатические, то смысл должен был навести на невольное раздумье всякого католического государя первой половины XIII столетия.

«Вы решились принять под свое покровительство город Тулузу и замок Монтобан, вы решились защищать против армии крестоносцев земли, преданные Сатане, земли, за ужасные злодеяния отлученные от всякого общения с Церковью... И если это так, то это не только повредит вашему спасению, но и вашему королевскому достоинству, вашей чести, вашей славе... Потому мы заклинаем вас от такого соучастия, заклинаем всей нашей властью, дабы таким покровительством вы не попали под позор анафемы. Наконец, мы не скроем от вашего величества, что если вы позволите кому-либо из ваших баронов защищать эти страны, вследствие отлучения лишившиеся всяких прав,— то мы вас, король, торжественно объявим защитником ереси» (40).

Тогда же собор, слепо повиновавшийся указаниям Арнольда, отправил с депутацией донесение папе о всем происходившем, составленное в известном духе. Отец Феодосий, архидиакон Вильгельм, епископ Консеррана, могли как нельзя лучше перетолковать дело перед римской курией. Пока Иннокентий узнал об этом и пока донесение дошло до него, арагонская политика успела раскрыться окончательно и крестоносцам пришлось бороться с новым врагом, явно ставшим на сторону еретиков.

Угрозы легата уже не могли остановить короля. Он тем теснее сблизился с гонимыми владетелями, графом тулузским, коммингским, де Фуа, виконтом беарнским и их вассалами. В Тулузе, 27 января 1213 года он торжественно принял всех их под свое подданство и принес присягу сюзерена. Граф тулузский с сыном передали здесь самих себя, замок и город Тулузу,

замок Монтобан с их правами, бывшими и имеющими быть, все домены свои, своих вассалов и подданных в волю короля Педро и его наместников (41). Знакомый с условиями феодального государственного строя поймет, что этим тулузское графство не стало одним из подданных Арагона; оно имело известные отношения только с личностью ее государя, и то через своего прирожденного графа. Королю было предоставлено сноситься с папою и ратовать за тулузское государство.

Собрался капитул. Присутствовали все наличные консулы из крепости и города. Они не лишались своей свободы, когда отдавались королю; они только сближались с арагонским народом, почти единокровным тулузцам. Они читали свою клятву без горького чувства; если между ними и были альбигойцы, то они не могли оскорбиться видом реликвий, замененных Евангелием, к которому они всегда относились с благоговением. Этим «священным Евангелием», а не Римской Церковью, клялись они, не на папскую, а на Божью помощь полагались они (42). Впрочем, ввиду силы и интересов своего державного покровителя, они обещали следовать велениям папы и не противодействовать им. Следом за ними выступил граф де Фуа, храбрый воин, легкомысленный, всегда любимый и теперь такой же веселый, как в своем дворце в обществе провансальских дам. За себя и за сына отдавал он свои замки, которые при этом перечислил, арагонскому королю, которого назвал своим господином. Потом выступил Бернард, граф пиринейского Комминга, и прочел формальный акт с тем же почтительным воззванием к матери Церкви и к господину Иннокентию, и отдавался королю вместе с сыном своим, Бернардом же. Он и Гастон Беарнский уже давно считались вассалами Педро, давно, собратья по оружию и походам, они питали к нему одинаковое рыцарское чувство, полное преданности и особой искренности.

Король должен был скоро оставить Тулузу. Его с нетерпением ждали в Арагоне, где быстро узнали о всех приключениях дон Педро и о важных событиях, сделавшихся предметом напряженного внимания арагонского рыцарства. Общее впечатление было хорошее: рьяные католики, арагонцы видели в тулузцах людей, гонимых жадностью духовных феодалов. Между светской и духовной аристократией в Лангедоке всегда был раздор, из-за сходства культур и умонастроений он передавался и за Пиренеи. Короля встретил восторженный прием.

— С тысячей моих рыцарей я уничтожу крестоносцев, — говорил король, и арагонцы откликнулись на эти слова (43).

Дон Педро объявил съехавшимся баронам, что он решился воевать за Тулузу.

— Он мой брат, а сын его женат на моей сестре. Я должен идти против этого подлого племени, которое хочет лишить его законного наследия. Попы и французы желают изгнать его из родной земли ради своего удовольствия. Я прошу вас, друзья мои, собрать и вооружить своих людей, через месяц мы пойдем в поход.

— Государь, — отвечали бароны, — все, что вы говорите, совершенно справедливо, и мы ни в чем не будем противиться вашим намерениям.

И вслед за этими словами по всему Арагону началось вооружение.

Между тем, желая по возможности оправдать себя перед римским правительством, король отправил в Рим протест против поступков легатов. В то же время, пользуясь наступающим летом, он спешил открыть военные действия и, приготовившись к ним, хотел идти на Монфора, которого ненавидел и как личного врага, и как непокорного вассала, и как чужеземца. Но Монфор предупредил его своим вызовом. Он отправил от себя с этой целью в Арагон дворянина Ламберта де ла Тура, своего приближенного. Впрочем, ему поручалось вести себя осторожно, и если можно, то даже склонить короля к миру.

Ламберт был представлен Педро в большом собрании баронов. Его предложения запоздали. После первых объяснений король прочел письмо Монфора, оно вызвало негодование собрания.

Посла Монфора посадили под стражу. На другой день его потребовали снова. Некоторые настаивали, чтобы Монфор приехал к королю с повинной.

— Государь, — сказал посол королю, — позвольте заметить вам, что мой властитель ничем не провинился перед вами, он по-прежнему готов исполнить все свои вас сальские обязанности.

— Теперь уже я избавлю его от этого.

— Но если ваше величество недовольны тем, что граф, по повелению папы и при помощи католических пилигримов, завоевал земли еретиков, то он предлагает вам пере нести дело на суд в Рим или, наконец, предоставить спор решению легата, архиепископа нарбоннского.

— Славных судей выбирает Монфор! Это, по правде сказать, означает: разбойники будут судить разбойника. Впрочем, вестник, если вы приехали для переговоров, то можете сесть на коня

и вернуться в Каркассон.

— Нет, король, я имею передать вам еще несколько слов. Слушайте, государь! Граф Лейчестера, Монфора и Каркассона, виконт безьерский и государь нарбоннский извещает вас через меня, что отныне вы не сюзерен его, а он не вассал ваш. Отныне он не считает себя обязанным вам ни службой, ни повиновением и будет биться с вами всюду и всяким оружием. И если при дворе вашем есть какой-нибудь рыцарь, который скажет, что граф Монфор оскорбил вас несправедливо, я вызываю этого рыцаря на поединок, лицом к лицу, пешим, на коне, на копьях, на мечах, на секирах или на кинжалах, как ему будет угодно...

В собрании при этих словах, которые были сочтены дерзостью, поднялась буря. Оскорбительный вызов отчаянного де ла Тура, высказанный так смело, никто из арагонских баронов не хотел принять. Только Педро откликнулся на него.

— Ламберт, скажи твоему государю, что скоро мы сами принесем ему ответ на конце нашего копья.

Разгоряченные рыцари едва ли выпустили бы поели живым из залы, несмотря на его благородное звание. Но некоторые из королевских приближенных, знавшие Ламберта лично, просили короля взять его под защиту и скорее выслать из пределов Арагона. Не без опасности герольд вернулся к Монфору (44).

Перед выступлением в поход король получил послание от Иннокентия, чье содержание было довольно грозным. Папа грозил королю за поднятое против воинов креста оружие и за покровительство еретикам.

Дело в том, что Иннокентий уже успел получить донесение лаворского собора, пристрастно составленное в интересах легатов, и выслушал посольство, в котором, между прочим, участвовал отец Феодосии и архидиакон Вильгельм. Это донесение заключало в себе оправдание того терроризма, которого легаты считали нужным держаться по настоящее время и всю ответственность которого по-прежнему продолжали приписывать тулузскому графу.

«Язва ереси, посеянная здесь с древних времен, в последние годы дошла до такой высоты, что всякое богослужение впало в поношение, что еретики и рутьеры делали открытые насилия духовенству и грабили церковное добро. Виной всего был и есть граф тулузский, хотя побежденный Монфором, но еще владеющий убежищами, из которых он может проливать яд свой. С тех пор как он удостоился быть у вашего святейшества и был ободрен снисхождением и приемом, которого он не заслуживал, стало очевидно, что ангел сатаны вселился в его сердце; оплачивая неблагодарностью за ваши милости, он не исполнил ничего, что обещал в вашем присутствии».

Далее, доказывая нерасположение Раймонда к Церкви, собор указывает на его дружбу с Оттоном, этим мятежником против Церкви и Бога, и от сношений графа с мнимым императором зависело его отношение к еретикам.

Действительно, Оттон в это время находился во враждебных отношениях с Римом, который выдвинул против него другого претендента на престол в лице Фридриха II Гогенштауфена^{*1} (45). Преследуемый император приглаголивал к себе всяческую оппозицию римскому правительству. Раймонд, видевший явное нерасположение к себе со стороны Филиппа Августа, принявшего на себя обязанность уничтожить Оттона, должен был, естественно, видеть в последнем своего союзника. В качестве преступления ему также вменялись переговоры с Савари, английским сенешалем, союз с которым ясно обнаружил приязнь графа с английским королем, тогда союзником Оттона. Раймонда укоряют в том, что он призывал на гибель христианству марокканского короля^{*1}.

«Изгнав епископа Ажена, граф Раймонд ограбил все имущество его. Захватив аббата Муссака и аббата Монтобана, он почти целый год продержал их в своих тюрьмах. Ею рутьеры и единомышленники всячески истязали пилигримов светских и духовных в неисчислимом количестве; многих из них держали подолгу в тюрьмах, других держат и по сие время. Всем этим еще не ограничилась его злоба. Рука его всегда распростерта над нами, с каждым днем он становится все ужаснее и творит Церкви и Богу всякое зло, какое только в состоянии сделать он сам, его сын и друзья его, такие как графы Фуа, Комминга и Гастон Беарнский, преступнейшие из людей и столь же развращенные, как и он сам».

^{*1} Разногласия Оттона Брауншвейгского с папой были вызваны попыткой императора в 1210 году захватить Сицилийское королевство, которое папа считал своим леном.

^{*1} То есть альмохадского халифа Мухаммеда ан-Насира.

Содействие же, теперь оказываемое ему королем арагонским, собор считает последним препятствием, каким враги Господа хотят расстроить его святое дело.

«Знайте, ваше святейшество, — так заканчивается послание, — что если страна, отнятая от этих тиранов, так справедливо и с таким пролитием христианской крови, будет возвращена им же, то не только новые заблуждения восторжествуют там с возрастающей силой, но настанет! неминуемое падение духовенства и Церкви. Нельзя в этом донесении исчислить бесконечных злодейств и других проступлений их, — это вышла бы целая книга. Поэтому мы поручили посланцу словесно передать о многих предметах, сердечно желая, дабы их речь достигла до святого слуха вашего» (46).

Понятно, что Иннокентий расположен был больше верить своим легатам, на которых он полагался вместе со всей курией. Мы знаем, как он враждебно был настроен относительно легатов до представлений арагонских посланцев, что он велел снять отлучение с обвиненных графов и вочевратить им земли, но знаем также, что папская слабость Иннокентия III, исходившая из всех преданий и условий папской политики, заключалась в излишней доверчивости к легатам, злоупотреблявшим его именем и авторитетом.

Но теперь как будто сами обстоятельства восстали на альбигойцев и их державного покровителя. Не одни легаты делают представление Иннокентию против Раймонда. Около того же времени в том же духе пишет архиепископ арльский Михаил к епископам своей епархии, в порыве католической ревности он предлагает уничтожить Тулузу, как пораженный член. Города еретиков, которые сравниваются с Содомом и Гоморрой, он советует искоренить вместе с обитателями.

Архиепископ Бордо Вильгельм приносит тогда же благодарение папе за все добро, оказанное крестоносцами провинции Нарбонны и Оша, и впредь просит продолжать оказывать те же благодеяния (47).

Епископ Безьера Бертран просит папу разрушить до дна город Тулузу с окрестностями, где пребывают последние еретики, дабы тем отнять у графа Раймонда возможность вредить Церкви.

«Если бы король арагонский, — добавляет епископ, — стал испрашивать у вашего святейшества милости и возвращения земель графу и его сообщникам, то тогда он оказался мятежным сыном, который содействует еретикам, разбойникам, святотатцам, убийцам и людям, обремененным всякими преступлениями. Действительно, если Тулуза, это убежище еретиков, бывшее таковым издревле, останется жилищем этих вероломных людей, то из нее выйдет пламя, которое пожрет наши страны и области, с ними соседние» (48).

Архиепископ д'Э Бернар прямо говорит, что теперь ересь столь же опасна, как была прежде.

Так глубока была вражда лангедокского духовенства к светской феодальной аристократии. Но не одни эти известия должны были вооружить Иннокентия на Петра Арагонского. К этому времени поспело разводное дело короля с его женой Марией, которое должно было кончиться так, как кончались подобные же дела с Беренгарией и Ингеборгой.

Дон Педро давно уже не любил Марию, принесшую ему в приданое Монпелье, и давно уже не жил с нею. К решительным и несправедливым поступкам он прибегнул в то время, когда задумал поддерживать альбигойскую партию. В бытность в Тулузе он в январе 1213 года, презирая права своего сына Иакова (будущего Короля-Завоевателя), торжественно окруженный всеми независимыми феодалами Юга и рыцарством Арагона и Каталонии, передал в лен город Монпелье пасынку Марии — Вильгельму V вместе с доменами, принадлежащими ему, короче все графство Монпелье, за исключением области Мельгейль, феодально принадлежавшей Тулузе, и теперь считавшейся за Церковь. В это же время Педро отправил послов к королю французскому и просил у него руки его дочери.

Но Иннокентий, победивший самого Филиппа, не мог смягчиться относительно короля арагонского, тем более при настоящих обстоятельствах, когда Педро обнаружил желание предпринять наступательные движения против Церкви. Иннокентий не любил отступать от своих нравственных принципов. При дворе французском уже знали о предстоящем решении папы. Арагонских послов встретил отказ. Епископ Памплоны, которому вместе с южными легатами папой было поручено вести это дело, из-за феодальных отношений к королю и из-за епархиальных занятий обращал на него мало внимания. Но теперь легат Арнольд имел основания иначе отнестись к разводу короля.

Сама Мария, недовольная медлительностью, решила ехать в Рим и лично объясниться с Иннокентием. Дон Педро послал своих представителей, но его доводы не были приняты во внимание. В заседании консистории постановлено было объявить брак законным и узы Марии неразрешимыми; 19 февраля 1213 года папа уведомил о том короля. Он напоминал ему, что

бесчестно покидать женщину, с которой он прижил сына, притом женщину, славную святой жизнью и любимую всеми. Но недолго Мария скорбела о своем горе. Через два месяца ее не стало; развенчанная королева не видала более ни Монпелье, ни Арагона, ни мужа, ни сына. Она скончалась в Риме от лихорадки и от душевных потрясений. Перед смертью она успела изменить завещание, приказав похоронить себя в базилике святого Петра. Скорбно проходит ее женственный образ среди тех кровавых событий. Эта «лучшая дама на свете, эта святая женщина» (как называет ее поэт) будто унесла с собою счастье и саму жизнь своего мужа, оттолкнувшего ее. Только в Иннокентии она нашла симпатию и защиту.

Заметим, что папское распоряжение по поводу развода было сделано только месяц спустя после январской буллы Иннокентия. В ней Иннокентий действует в силу одних нравственных начал, погранных в его глазах. Папа не имел причины ждать наветов на Педро; он пока сочувствовал ему, как государю, как сюзерену, как другу Раймонда. Навет лаворского собора только что составлялся в те дни. Но в следующий месяц все переменялось.

Беседы с лаворской депутацией создали у папы другое представление об арагонском короле. Феодосии, Вильгельм и им подобные обладали тайной склонять на свою сторону Иннокентия, всегда доверявшего им. Неизвестно, что происходило в тайных беседах папы с депутацией собора. Мп жет быть, он лишь высказал недоверие к образу действий последнего, и легатов в особенности. Тогда тем более дурно, что под конец он уступил приносимым оправданиям; может быть, он заявил полное нерасположение к легатам, доносы на которых происходили довольно часто, — топи еще хуже для него, что он, вопреки собственному убеждению, разразился угрозами по поводу короля, которому он прежде так сочувствовал.

Как бы то ни было, Иннокентий изменяет свое отношение к арагонскому королю и грозит ему отлучением за дальнейшее покровительство еретикам. Видимо, его снова сумели убедить, что ересь далеко не подавлена, что к ее одолению теперь даже требуется больше усилий, так как еретики, изгнанные из своих городов, разбежались и сосредоточились в одной Тулузе, сделавшейся теперь, по словам папы, клочком ереси, — оттуда альбигойцы могли оказать сопротивление, которое по настоянию легатов можно уничтожить только новым напором крестовых сил.

Иннокентий с согласия своего кардинальского совета предписывает арагонскому королю, ради его собственных интересов, ради его спасения, во имя божественной и апостольской благодати, оставить тулузцев и, пока те будут еретиками, не оказывать им ни совета, ни содействия, ни благоволения.

«Если они пожелают возвратиться в лоно единой Церкви, — пишет папа, — как нас уверяли посланцы твои, то мы дадим об этом наставление нашему почтенному брату Фулькону, епископу тулузскому, человеку искренних мыслей и праведной жизни, который заслужил такую славу не только от соотечественников, но и от чужестранцев. Мы поручаем ему сообща с двумя легатами обратиться к Церкви тех, кто пожелает того чистым сердцем и истинной верой и дадут на то достаточные ручательства. Что же касается тех, кто упорствует во мраке заблуждений, то тот же епископ должен изгнать их из города за еретическую развращенность и конфисковать все их имущество, с тем чтобы они никогда не возвращались в Тулузу, или по крайней мере до тех пор, пока добрыми делами не покажут, что они истинные христиане, согласно правому исповеданию. Когда же этот город будет примирен с Церковью и очищен, то будет принят под покровительство апостольского престола, дабы впредь ни Монфор, ни иные католические бароны не угнетали его, а скорее защищали и помогали».

Свое мнение о преследуемых графах Иннокентий теперь решительно изменяет. Он говорит, что они действительно принесли много вреда Церкви и справедливо заслужили отлучение; прощение им можно дать лишь тогда, когда они чем-либо особенным, а не простой поруккой, которая уже нарушена ими, докажут свое католичество. Устроить их дело поручается тому же архиепископу нарбоннскому, этого, по мысли Иннокентия, требовало доверие к его системе. Но то, что внутреннее недоверие к Арнольду продолжало существовать в Иннокентии, доказывается следующим распоряжением.

«Когда предварительные условия будут исполнены в доказательство их благочестия, — писал папа королю Арагона, — мы, согласно твоей просьбе, не преминем послать в те пределы нашего кардинала, легата "со стороны", человека честного, осмотрительного и твердого, который, но уклоняясь ни вправо, ни влево, а идя по прямой стезе, подтвердит и одобрит все сделанное правильно, исправит и уничтожит заблуждение, который, наконец, выкажет полное беспристрастие как относительно всех феодалов, так относительно противной стороны».

Папа обещает тулузцам и графам продолжать войну ними до тех пор, пока не искоренит среди них ересь.

«Мы не можем думать, чтобы ты, король, поступил вопреки нашим наставлениям, ибо тогда ты понес бы тяжелый и неотвратимый ущерб, не говоря о негодовании Божьем, которое обрушится на тебя вследствие такого образа действий, и то, если бы мы даже желали, мы не могли бы щадить тебя, несмотря на всю нашу любовь к тебе, не могли бы отнестись равнодушно, вопреки интересам веры христианской. А сколь великая опасность угрожает тебе, если ты воспротивишься Богу и Церкви, во всем, что касается веры, и если ты пожелаешь воспрепятствовать успеху святого дела, ты можешь убедиться не только из прежних примеров, но видеть и на примерах, тебе очевидных». Последний намек на горькое положение Раймонда VI и гонимых феодалов резко заканчивал письмо (49).

Но дон Педро не смутился темного предчувствия, которое должно было запасть в его сердце с этой минуты. Он был готов к войне; рыцарство ждало его со всем нетерпением и боевым пылом, а сам король и не думал отказываться от нее. Он объявил поход. В чувстве светлой радости мчались арагонцы на подвиги, они не хотели верить в несчастье.

В то время, когда они переходили Пиренеи, Монфор перенес истребительную войну в пределы тулузские. Он опустошил дотла семнадцать феодальных замков окрест Тулузы. В Пюжоле, на два лье к югу от Тулузы, он поставил сильный гарнизон под командою Пьера де Сесси, которому первому должно было выдержать напор арагонцев. Сам же Монфор отправился в Кастельнодарри, где торжественно совершил церемонию посвящения в рыцари своего сына Амори. Ареной первых подвигов новопосвященного были выбрана Гасконь. Там с успехом действовал его дядя Гюи, которому на помощь теперь спешил Симон с сыном.

Отбытие главного воинства из католического лагеря давало графу тулузскому надежды на успех. Раймонд выступил с целью отнять у католиков замок Пюжоль, из которого неприятель всегда и всячески мог беспокоить соседнюю Тулузу. Французские рыцари сопротивлялись отважно; но шаг за шагом, после кровопролитных схваток, они уступали осаждающим. Наконец Раймонд стеснил замок до крайности. Стало известно, что Симон и Гюи Монфоры спешат на помощь своим, и тулузцы стали напирать еще с большей стремительностью. Замок вынужден был сдаться при условии сохранения жизни гарнизона. Однако в пылу национальной и религиозной ненависти альбигойцы не сдержали условия, и в данном случае на Раймонда трудно возложить ответственность за это.

Пленных рыцарей и их вождей вывели из города; альбигойская армия стояла перед стенами взятого замка. Как только увидели французов, всякая дисциплина была потеряна. Альбигойцы прежде всего кинулись на Пьера де Сесси и разорвали на куски вместе со многими рыцарями, остальные пленники с трудом были перевезены в Тулузу. Их хотели посадить в тюрьму и беречь для размена, но народ не допустил этого — толпа отняла их и начались истязания. Многих привязывали к хвосту коней и пускали в поле, других просто вешали. Не осталось в живых ни одного француза, ни богатого, ни бедного, одни были повешены, другие погибли от меча. Шестьдесят самых славных рыцарей закончили жизнь мучительно и страшно.

Упившись мстостью и насладившись ею, народ пошел дальше. Уличные толпы разломали тюрьмы, поливая их кровью пленных католиков (50). Этот день был несчастливейшим для крестоносцев. Ненависть к ним провансальских альбигойцев обнаружилась со страшной силой. Этим дням не скрывают и писатели альбигойской партии.

Что касается других обвинений католических авторов, то их нужно принимать, естественно, условно. Только одно из них бросает достаточно мрачную тень на знатнейшего из альбигойцев, сына графа де Фуа, Роже Бернара. Он, а это было перед памьерским заседанием, якобы без нужды тиранил пилигримов, которых захватил в плен из засады, когда они проходили безоружные; убив многих и немалое число истерзав, он остальных привел в Фуа, где, надев на них оковы, тщательно изобретал самые изысканные пытки, придумывал новые мучения, прежде неизвестные, словом, «уподоблялся Диоклетиану и Максимилиану, если не превосходил их» (51). Но дело в том, что этот факт не записан у других историков, тогда как пюжольских и тулузских сцен не скрывает хроникер, даже расположенный к альбигойцам.

Монфор торопился из Гаскони помочь Пюжолю, но не успел. Брат шел впереди его, но и Гюи Монфор был только в Авиньоне, когда чернь неистовствовала на тулузских улицах. Гонец прямо поехал в капитул сообщить это известие, которое сперва держал под секретом, чтобы не испугать народ, который по провансальской натуре мог впасть в противоположную крайность. Говорят, что когда Гюи услышал о гибели французов, он не мог подавить в себе слез: «На сердце

его залегла с тех пор великая печаль и тоска, он плакал от стыда и от поношения, которое теперь обрушилось на него» (52).

В то же самое время дон Педро со своими арагонцами спускался с Пиренеев. С ним было до тысячи рыцарей. Где он проходил, там свергал иноземное иго. Амори уже оставил Гасконь и спешил к своим. Альбигойцы в припиренейских областях торжествовали вновь. Монфор решил не сопротивляться первому натиску; он оставил открытой дорогу в Тулузу.

В сентябре Педро прибыл в столицу, где сосредоточились все гонимые феодалы, все эмигранты и патриоты. Соединенная альбигойская армия имела две тысячи рыцарей; пехотинцев можно было набирать только из одних тулузцев; их набрали, однако, до сорока тысяч. Нужно было приступить к делу скорее, так как, будто в ожидании великих событий, все лето прошло в одних переговорах. Провансальские феодалы и рыцари, собравшиеся в Тулузе и составившие из себя род военного совета, решили двинуться в Мюрэ, откуда производились частые нападения на столицу.

Осада Мюрэ одновременно открылась на всех пунктах 10 сентября 1213 года. Король арагонский продолжал начальствовать над всею армией. Первое предместье было взято штурмом на следующий же день. Альбигойские колонны в чаду успеха кинулись на второе. Они уже врывались с победными криками на улицы предместья, уже дон Педро приписывал себе полное торжество, как на другом берегу Гаронны показались знамена крестоносцев. Известно, какое влияние на самых храбрых альбигойцев производило одно имя Монфора. В тулузских рядах произошло замешательство, лишь только узнали, что Монфор близко. Присутствие духа, которое дает победа, было потеряно, и началось отступление. Теперь все старания короля направлены были на то, чтобы не допустить сообщений Монфора с гарнизоном. Но дон Педро обладал талантами рыцаря, а не полководца, чтобы искусно совершить такой маневр. Ему следовало бы встать между замком и движениями Монфора, немедленно разрушив мост на Гаронне, но дон Педро или боялся, или не успел на то решиться.

Лишь только крестоносцы перешли мост, они становились победителями своим нравственным влиянием. Король не только допустил их до того, но сам отступил. Из-за этого недостатка смелости и решительности, даже робости было проиграно будущее. При первом столкновении Монфора и короля, еще без пролития капли крови, Симон уже торжествовал.

Открыв крестоносцам дорогу и добровольно предоставив им возможность соединиться с гарнизоном Мюрэ, дон Педро не распорядился даже занять Дефиле, лежащего по пути, около Савердена. Он сосредоточил свой лагерь с противоположной стороны и надеялся взять город отсюда, хотя бы то требовало отчаянной храбрости.

Между тем Монфор поспешно приближался на выручку города; с ним была вся армия. Его не останавливали ни помехи, ни предчувствия беды. Еще перед началом экспедиции графине Алисе приснился сон, сильно напугавший ее: она видела свои руки обгаженными кровью. Она предостерегала Симона, но он отвечал ей так:

— Вы говорите, графиня, как женщина. Неужели мы — испанцы, которые верят всяким снам и гаданиям? Если бы я увидел во сне, что в эту ночь буду убит в экспедиции, которую начинаю, и то не стал бы остерегаться, чтобы посмеяться над глупостями испанцев и провансальцев, которые верят всяким предчувствиям и сновидениям.

Путь лежал на Саверден. Монфор свернул с дороги и заехал в ближайшее цистерцианское аббатство Больбон. Здесь настоятель стал пугать его королевскими силами.

— Ваши силы недостаточны в сравнении с королевскими, — говорил он ему. — Сам король арагонский предводительствует ими, а он человек опытный и искусный. С ним все графы.

Вместо ответа Симон вынул записку и показал ее собеседнику.

— Прочтите, — сказал он.

Это было письмо короля к одной даме, жене тулузского дворянина. Дон Педро писал, что из любви к ней он выгонит французов из Лангедока.

— Что же из того? — спросил монах.

— А то, что Бог будет помощником моим и что не следует мне бояться человека, который из-за прелестницы идет разрушить дело Божье.

Вероятно, кто-нибудь из домашних той дамы снял копию с королевского письма. Оно оказало большую услугу истории; благодаря ему можно судить о различии нравов и рыцарского тона во Франции и Лангедоке.

Уединение аббатства больбонского, его лесистые окрестности располагали к молитве. Монфор вошел в церковь и преклонил колена пред алтарем. Он долго молился молча, потом,

вынув свой меч и положив его на алтари, сказал:

— Великий Боже, Ты избрал меня, недостойного, воевать за Тебя. В этот день я кладу оружие свое на Твой алтарь. Сражаясь за тебя, я хочу, чтобы меч сей вел меня во славу Твою (53).

Уезжая из монастыря, он поручил себя и своих воином молитвам больбонских иноков.

Ночлег был в Савердене. Здесь подоспел к армии легат Арнольд; он был противником этой экспедиции. Она, по его мнению, началась слишком рано, когда еще не закончились дипломатические переговоры. Видимо, он был напуган неблагоприятием папы. Монфор не чувствовал усталости и хотел в эту же ночь быть в Мюрэ, но спучники его требовали отдыха. С рассветом следующего дня (11 сентября) Симон призвал к себе священника, исповедовался и приобщился. Приору больбонскому он велел передать свое завещание и приказал обнародовать его только в случае смерти. Все рыцарство с духовенством отправилось в церковь. После мессы было громогласно произнесено отлучение графов де Фуа, Комминга и Раймонда Тулузского со всеми их сообщниками, покровителями и защитниками.

Армия крестоносцев была выстроена на полях Савердена. Она двинулась в бой в то самое время, когда в арагонском лагере было приказано штурмовать крепость. Миную Готрив, крестоносцам оставалось только лье до Мюрэ; здесь дорога, уже сама по себе узкая и гористая, была размыта дождем. Альбигойцы не догадались сделать засаду. Монфор же, рискуя собою, не упустил случая заехать в уединенную часовню. Лил проливной дождь; небо было мрачно. Когда Симон вышел из часовни, небо прояснилось, дожди перестал. Фанатики приписывали это чуду, явному покровительству неба над «апостолом господним».

Крестоносцы появились в виду неприятеля именно тогда, когда второе предместье было уже занято тулузцами и когда передовые отряды готовы были ринуться через стены. Появление крестовых знамен и Монфоровой орифламмы заставило победителей отступить назад в лагерь и очистить предместье. Легат для формальности, а частью по причине не совсем решительного настроения папской политики, хотел предварительно объясниться с королем. Он посылал к королю, заклиная его отказаться от еретиков, но дон Педро благородно не покидал своих вассалов и друзей. Самые рьяные из рыцарей между тем требовали у Монфора позволения теперь же ринуться на арагонцев. Назначен был военный совет в замке Мюрэ. Мнения разделились; военная партия требовала боя, духовная хотела переговоров, опасаясь взять на себя ответственность за войну с королем, считавшимся так долго другом Церкви и вассалом папы; припоминали его путешествие в Рим и его присягу. Не прошло еще десяти лет, а на этого самого государя, католического из католических, призывается меч Христова воинства.

Между тем к крестоносцам стали прибывать отставшие, наконец показались подкрепления, не успевавшие нагнать армию на походе и теперь прибывшие в самую важную минуту. Надежды пылких рыцарей увеличивались, но прелаты твердо стояли на своем. Они сказали, что скорее пойдут босыми и, отложив в сторону свой сан, униженно, на коленях, станут молить короля не восставать против Церкви, чем допустят крестоносцев обнажить меч на него, не получив прямых повелений папы.

Тем и кончилось это бурное заседание, где впервые светский и клерикальный элемент крестоносной армии не нашли взаимопонимания, впоследствии этот разлад стал еще большим. Прелаты не шутили и хотели было уже привести в исполнение свое обещание, но, лишь только мост был спущен, передовые каталонские пикеты с такой быстротой кинулись на него, что едва не прорвались в крепость.

— Видите! Ничего вам не удастся сделать, — сказал Монфор легатам. — И будет еще не то, довольно оскорблений мы перенесли, пора дать позволение воинству сразиться.

— Лучше умереть со славой, чем жить опозоренным! — воскликнул рыцарь Балдуин, и слова его повторили все французы (54).

Легаты согласились. Мост был поднят. Войско начало готовиться к бою. На открытом воздухе была совершена последняя месса. Симон стоял на коленях и усердно молился, два дурных предзнаменования не смутили вождя, при всем его суеверии. Во время молитвы его наплечники лопнули и кираса упала, но он спокойно велел принести другую. Когда он встал и сел на лошадь, конь взвился и опрокинул всадника на землю. При колоссальной фигуре Монфора это могли видеть из неприятельского лагеря — они подумали, что атлет погиб, и воздух огласили крики радости.

Это обстоятельство послужило только на пользу Монфору.

— Вы видите, — говорил он своим, оправляясь, — я остался жив. Значит Богу угодно даровать мне победу. А вы, — указал он на тулузцев, — вы кричите и радуетесь, но, клянусь

Господом-победителем, я оглашу воздух криком, который настигнет вас у самых стен Тулузы (55).

Ему предлагали сосчитать крестоносцев.

— Не надо, — отвечал он. — Нас достаточно, чтобы с Божьей помощью победить неприятеля.

Действительно, силы были далеко не равны. Надо отметить, что на бурном заседании тулузского капитула решено было идти всем владеющим оружие в лагерь королевский; многие последовали этому зову, как ни пугали их оробевшие, что французы страшны на войне, что у них «львиные сердца». Таким образом, в альбигойской армии вместе с пехотой собралось более пятидесяти тысяч. У Монфора же не было и одной тысячи рыцарей, пеших он вообще не вводил в дело, да и было их очень мало — несколько сотен; им приказано было охранять мост.

Епископ тулузский Фулькон благословил крестовых рыцарей, каждого отдельно. Но епископ Комминга прервал его и, осеня крестом все воинство, воскликнул громким голосом:

— Грядите во имя Христа, я поручаю вам, что в день последнего суда грехи каждого, павшего в этом бою, буду прощены, глава его покроется венцом мученическим, а сам он причастится жизни вечной.

Рыцари начали обниматься, как в предсмертный час, и поклялись помогать друг другу во время боя. Ворота растворились, и крестоносцы, распустив знамена, встали против альбигойцев.

А там, на совете, благодаря настояниям короля, ибо он прекрасно умел говорить, решено было немедленно дать сражение. Предложение Раймонда окопаться не было уважено.

В это время в арагонском стане совершалась необычная сцена. Какая-то неодолимая сила увлекла дона Педро в решительные часы; он хотел сражаться как простой всадник и не признанным померять свои силы с Симоном Монфором, который стал так ненавистен ему. Потому он предложил своему приближенному рыцарю Гомесу обменяться мантией, броней и оружием^{*1}.

— Я найду тебя, Монфор! — воскликнул он, с обнаженным мечом поскакав к своим благородным рядам, блестящим сталью шлемов и доспехов.

По примеру крестоносцев король разделил ряды своей кавалерии на три части: в авангарде стал граф де Фуа, в центре сам король, а в резерве Раймонд Тулузский. На возвышении, за рядами войск, виднелась стройная фигура еще очень молодого человека, но уже в рыцарских доспехах, окруженного небольшой свитой с тулузскими гербами; это был сын графа тулузского, будущий Раймонд VII. Он наблюдал за ходом битвы, нетерпеливо ожидая начала боя.

Монфор же, как опытный полководец, встал в арьергарде своей армии, дабы контролировать ход боя. Впереди крестоносных знамен носился Верль д'Энконтр, в центре командовал изменник Букхард де Марли.

Вот подан сигнал, и альбигойцы, предводимые графом де Фуа, уверенные в многочисленности своих войск, заранее рассчитывавшие на успех боя, атаковали французов; за ними неслись каталонцы. С привычным искусством встретили крестоносцы этот налет и отразили его. Граф де Фуа повторил атаку, но крестоносцы, точно испуганные, не допустили его до рядов, повернули коней и понеслись назад в предместья Мюрэ. По тесным улицам города они выехали в поле и помчались в тыл атакующим. Прежде чем альбигойцы въехали в предместье, они были уже отрезаны. Сперва де Фуа не мог понять, кто и откуда сражается с ним. «Как пыль, гонимая ветром на широких полянах» рассеялись крайние ряды альбигойцев от стремительного удара крестоносцев, налетавших с флангов. Смещение началось и между альбигойцами, которые скоро были вытеснены из предместья; победители, преследуя их, помчались к арагонскому центру, где по знамени можно было приметить короля.

Здесь их встретило сильное сопротивление. Началась беспощадная сеча. Гром оружия, стук и шум ударов был столь же силен, рассказывает летописец, слышавший об этом бое от очевидцев, как шум, производимый падением целого леса под ударами множества топоров (56).

Сопротивление альбигойцев и арагонцев было отчаянным; прорвать неприятельский центр крестоносцы не могли, но де Марли успел произвести смятение на левом крыле. Король примчался на поддержку своим, он хотел сомкнуть разорванные ряды; началась борьба насмерть. Сражающиеся знали, что от этого момента зависит успех и слава битвы, а может быть, и судьба крестового похода. Под стук мечей и ржание коней раздавались крики: «Aragon, Toulouse, Foiz, Comminges!»; девизом их противников было страшное слово «Montforte». Скоро все перемешалось. Бились один на один, не думая о товарищах. Облака пыли не позволяли различать

^{*1} На самом деле этот прием известен еще с античных времен и имеет своей целью уберечь вождя от неприятеля, который всегда направляет свои ударные отряды против человека с царскими знаками отличия.

предметов и сражающихся.

В густых толпах арагонцев, которые спешили поддержать своих, виднелась статная фигура воина в золотых доспехах, с позолоченным щитом; на шлеме его сверкала корона из драгоценных камней. По всему вероятно, думали французы, это был король. Два рыцаря, Ален де Руси и Флоран де Билль, давно прорывались к нему, одолевая все препятствия. Ударом палицы мнимый король был вышиблен из седла. Легкая победа и упавший шлем вывели рыцарей из заблуждения. Дон Педро был близко: он искал Монфора, но не находил его между сражающимися. Увидав своего друга в опасности, он поспешил ему на выручку.

— Король перед вами! — воскликнул он, поднимая забрало и вызывая противников. Но, попав в самое жаркое место боя, он со свитой был увлечен в сторону.

Два рыцаря между тем не переставали следить за ним. Лишь только свита его отделилась, несколько всадников с опущенными забралами приблизились к нему. Между ними были Руси и де Билль. Король не смутился перед столькими мечами, занесенными над его головой. Скоро центр боя оказался в этом месте. Сюда съехались храбрейшие французы и славнейшие арагонцы. Король отбивался спокойно и удачно; броня его была непробиваема. Он изрубил нескольких человек, но в самую решительную минуту, когда удары ожесточенных врагов стали учащаться, меч и истомленные силы короля отказались служить ему; секира выпала из его рук. Острием меча хотел он заколоть де Билля, однако Руси положил его насмерть. Король упал на трупы крестоносцев. Знатнейшие арагонцы дрались за своего короля, давно лишались они товарищей; теперь остальные дрались из-за его трупа.

Смятение начало распространяться между альбигойцами еще с той минуты, как пронесся слух, что всадник с короной опрокинут. Не все в армии знали, что дон Педро переодет, и альбигойцы не могли утешать себя этой мыслью. Когда погиб король и когда вокруг его трупа пали храбрейшие рыцари, думавшие защитить его, альбигойская армия была поражена. Раймонд Тулузский и Роже де Фуа оказались неспособны оживить дух войска.

Они скрылись, за ними бросилась бежать вся альбигойская армия. Всякий спешил спастись, никто не защищался. Французы ожесточились до того, что альбигойцы, оставшиеся в живых, приписывали свое спасение чуду. Арагонцы, тулузцы, каталонцы, рыцари пиренейских графств представляли пеструю смесь бегущих (57).

В Тулузе с нетерпением считали каждую минуту; галеры и лодки стояли на Гаронне. Те, которые были догадливы, укладывали на них свое имущество. Вот беглецы стали показываться — и в городе начались плач, стоны, ужас.

Между тем тулузская пехота, отделенная от остальной армии, делала напрасные попытки овладеть замком Мюрэ. Два штурма было отбито, и тулузцы готовились к третьему. Тогда епископ Фулькон из-за крепостных стен стал увещевать свою бывшую паству обратиться ко Христу, для чего прислал свою епитрахиль. Еретики отослали ее назад, исколов копьями. Третий приступ был также отражен. Вдруг прискакали гонцы с роковой вестью о поражении, а следом за ними показались конные отряды крестоносцев. Альбигойская пехота в паническом страхе пустилась бежать без оглядки, минуя город.

Многие в отчаянии думали найти спасение только за Гаронной и, не дожидаясь переправы, хотели теперь же переплыть реку, большая часть таких смельчаков утонула. Едва удалось восстановить некоторый порядок и начать переправу на судах. Но всякий порядок исчез, когда подоспели крестоносцы. Остатки армии сдались в плен. Немногие успели достигнуть благополучно стен столицы.

Во время сражения сам Монфор едва избежал опасности. Какой-то арагонский рыцарь нанес ему такой тяжелый удар, что чуть не вышиб из седла. В то же мгновение один альбигоец рассек его шлем, но секира не задела голову. Какая титаническая сила была у этого человека, видно из того, что Монфор, отбиваясь мечом, зажатым в правой руке, латной перчаткой левой раздробил челюсть нападавшего альбигойца (58). Вождь показался во главе крестоносцев, когда победа уже была решена. Лагерь и обоз тулузский остались на поле сражения. То была не победа, а разгром. Монфор отдал неприятельский лагерь на разграбление пилигримам.

Наступила ночь. В Тулузе царило зловещее молчание. Кто не находил возможности бегства, заперся в доме, будто боясь движением указать на присутствие жизни. Между тулузцами не было никого, кто не потерял бы в этот день друга или родственника. Ни Раймонда, ни его верных друзей не было видно. Но вот группа всадников, обрызганных кровью, остановилась у капитула. Консулы, с важностью сановников великой общины, не прекращали даже в эти страшные часы своих заседаний. В залу капитула вошел Раймонд, его сопровождали графы де Фуа и Комминг.

Раймонд был в слезах. Он переживал страшные минуты. Ему было совестно перед этими почтенными людьми, повелителями этого города, который он привел к гибели своими обещаниями, своей опрометчивостью. Теперь оставалось проститься со всеми мечтами, и, собрав все присутствие духа, граф произнес роковое слово:

— Друзья мои, мы погибли, покоряйтесь Монфору, а я, будь что будет, паду к ногам папы и скажу ему, что всего лишился из-за него. Печаль моя хуже лезвия меча (59).

Капитул Тулузы принял предложение графа. Действительно, при настоящих критических обстоятельствах это казалось единственным исходом. Страшный Монфор был под стенами; крестоносцы, гордые своей блистательной победой, могли поступить как хотели с несчастным и бессильным городом. Быть может, все было бы не так, если бы в армии не присутствовали легаты. Только они мешали осуществлению политических расчетов Монфора, особенно в последнее время.

Из города была отправлена депутация в лагерь крестоносцев с предложением покорности. Депутации поручено было именем города отречься от Раймонда и обещать перед лицом легатов послушание и подчинение католической Церкви. Легаты в залог потребовали двести заложников. Им обещали шестьдесят; это казалось мало для такого большого города.

«Наконец прелаты, — рассказывает Петр Сернейский, — дабы лишить всякого предлога уличить их в пристрастии, ответили, что охотно согласятся и на шестьдесят заложников, которых им предлагают, и что даже при этих условиях они примут тулузцев в Церковь и даруют им мир ради единства католической Церкви» (60).

Но когда тулузцам оставалось только вручить заложников, произошло непредвиденное затруднение. У капитула появилась смелость отказать в утверждении заключенных условий. Легаты не получили ничего; переговоры были прерваны. Настоящие победителей не уважает... Откуда такая смелость взялась у погибавшей Тулузы? Вероятно, первая паника прошла; стены царственного города, выдавшие врагов более страшных, были крепки по-прежнему, а у городских сановников проявилось римское присутствие духа. Во всяком случае, произошло нечто малопонятное.

Во время этих переговоров главнокомандующий объезжал радостные ряды крестоносцев. Он уже знал о смерти дон Педро. Герольды, монахи и лекари еще с ночи искали труп короля. Монфор сам принимал в том участие, чтобы оказать телу героя должные почести. Среди груды убитых, обезображенных и обнаженных тел трудно было признать кого-либо. Сброд бродяг из разных стран жил в лагере крестоносцев только для грабежа; они всегда ждали лишь окончания сражения, как знака начинать свой промысел; их рук не миновал и король.

«Наши пехотинцы, — простодушно рассказывает очевидец, — лишь только увидели победу рыцарей, выбежали из замка и ограбили все, что только нашли на земле».

Король еще дышал, когда эти злодеи добились его и раздели донага. Труп признали только по величественному росту славного воителя. Подъехав к трупу своего врага, с которым ему не довелось встретиться в честном бою, Монфор сошел с коня и преклонился перед телом королевским, «как второй Давид перед Саулом» (61). Он оплакивал павшее величие знаменитого короля.

Дон Педро не был отлучен от Церкви, он далеко не питал сочувствия к религиозным убеждениям еретиков, сражаясь за них, он думал рыцарски защищать угнетенных и гонимых. Монфор велел с честью похоронить тело короля и передал его на руки госпитальеров. Те привезли его в Арагон и похоронили в сиксенском монастыре. В 1555 году крышку гробницы вскрывали; тело короля сохранилось, только нос был несколько поврежден. Сын его, знаменитый Иаков Завоеватель, очевидец битвы под Мюрэ, посвятил страницу своих воспоминаний личности своего отца.

«Мой отец умер героем и в день битвы явил себя с такой славой, как все мои предки; его девизом было победить или умереть».

Воин, поэт, страстный поклонник женщин, он и на последнюю свою битву смотрел весело. В то время, как его счастливый противник проводил ночь в молитвенном бдении, король от неумеренных чувственных наслаждений был наутро так утомлен, что на мессе не был в состоянии стоя слушать Евангелие (62).

Оплакав короля, победитель весьма любезно обошелся с пленным ребенком, сыном покойного, и распорядился пока отправить его в Каркассон. Потом он велел продать своего боевого коня, все доспехи и оружие, какое было на нем, а деньги раздать бедным на поминовение душ. Затем с обнаженной головой он отправился в церковь возблагодарить Бога за такое

неожиданное счастье. Тысячи душ надо было замолить этому человеку. Но он не забыл наградить помощников. Так, Балдуин получил все домены в Керси (63).

А между тем граф тулузский в это время был уже на пути в Прованс, имея намерение отправиться в Рим. Послы же его пробирались к английскому королю, его зятю, прося у него помощи. По одному свидетельству, король впоследствии явился в Аженуа и, взяв под свою защиту отложившиеся города, одним грозным появлением внушил Монфору некоторые опасения (64). Тулуза отказала в капитуляции после того, как первое потрясение прошло, и Симон, несмотря на прибытие французских подкреплений, не находя достаточных средств взять ее силой, пошел к Роне, будто преследуя одинокого Раймонда, предварительно опустошив замки графа де Фуа.

Здесь его встречает неожиданное противодействие. Города Прованса решаются на новую борьбу. Горькое положение Раймонда только придало им новые силы. Нарбонна затворила перед Симоном ворота; ее примеру последовал и Безьер. Лишь Монпелье не решился на такую смелость. Им был взят штурмом под тем предлогом, что на основании актов принадлежал некогда каркассонскому графству. Это обстоятельство впоследствии, как увидим, возбудило негодование Иннокентия на насилия Монфора. Теперь Монфор силен был разве одним впечатлением, которое привык производить на альбигойцев и вообще провансальцев. Крестоносцы покидали его с наступлением зимнего времени, при нем остались только немногие бароны, служившие у него на жаловании. Правда, герцог бургундский Оттон заявил о сочувствии крестоносцам, но для католического дела от того, что он вместе с бароном лионским и архиепископом вьеннским явился в лагерь Монфора, пользы было мало. Его прибытие стало предлогом к брачным переговорам. Он был братом герцога Дофинэ, с дочерью которого Симон, умевший закреплять династические связи, собирался обручить своего сына.

В начале 1214 года силы Монфора стали настолько слабыми, что он был не в состоянии защищаться от нападения арагонских отрядов, мстивших за дону Педро. Когда Симон вернулся под Тулузу, то арагонцы своей искусной партизанской назойливостью до того озлобили его, что он велел своим бандам опустошать окрестности столицы.

Арагонцы требовали выдачи молодого Иакова, своего короля, но Монфор распорядился отправить его к французскому двору. Однако потери, наносимые неприятелями, глубоко печалили Монфора, так же как известия о плене и казни его друга, Балдуина Тулузского, изменившего своему брату и отечеству. Всякий провансальски и рыцарь, кому было дорого национальное дело, искал головы Балдуина; знали, что Раймонд будет беспощаден к нему — иначе и не могло быть.

Однажды, а это было на второй неделе поста, Балдуин с небольшим отрядом остановился в замке Ольме. С ним был французский воитель Гильом д'Энконтр, их свита была незначительна. Барон замка принадлежал к альбигойской партии. Он дал знать о гостях в соседний замок Мон-Леонард, где стояли альбигойцы. Подозрения Балдуина постарались усыпить, а ночью в ворота были пущены альбитом цы во главе со злейшим врагом Балдуина Ратьером де Кастельно. Барон сам предложил ключ Ратьеру и повел его к спальне Балдуина. Чтобы убийство не приняло вид откровенного злодеяния, по данному знаку в городе был поднят шум, дабы разбудить французов и приготовить их к бою; на каждый дом, занятый французским постоем, бросались провансальцы и вооруженные жители.

Произошла резня, среди которой Балдуина удалось схватить живым. Сердечно исповедуя католичество, он прежде всего попросил священника приобщиться, ему хотелось умерить себя голодом, но до этого его не допускали. Он знал о своей участи. Раймонду сообщили о пленнике, которого привезли в Монтобан.

Туда поспешили Раймонд, граф де Фуа с сыном и арагонский предводитель Бернар де Портелес. Как изменник, советом рыцарей Балдуин был приговорен к виселице; Раймонд велел исполнить приговор. Осужденному не дали католического священника. В те дни, если духовенство альбигойское не рисковало показываться, то тем не менее между разгромленными провансальцами господствовало равнодушие к вере. Балдуин, по словам крестоносцев, идя на казнь, заявлял свою преданность Монфору.

Скоро Монфору пришлось перенести еще большее огорчение. Амори, барон Нарбонны, поднял против него оружие; граждане отозвались на его призыв и оказали ему усердную поддержку. Они пустили к себе так называемых рутьеров, которые состояли теперь преимущественно из арагонцев и каталонцев. Примеру нарбоннцев последовали окрестные замки. Восстание охватило всю страну. Монфор собрал крестоносцев и пошел на Нарбонну тремя колоннами; сам он был в авангарде. В узком и малодоступном дефиле его поджидали лучники. Стрелы,

выпущенные из засады, пронзили круп его лошади. Симон упал на землю; закованный в железо, он не мог подняться. Около него началась схватка. Копья смельчаков уже доставали до него, когда оруженосцы помогли ему встать. На ногах Монфор был снова страшен и недосыгаем благодаря своей секире. Гильом де Бар стремительно ударил на нарбоннцев, которые, будучи не в состоянии выдержать бурного натиска рыцарей, отступили в город (65).

Особые обстоятельства не позволили Монфору теперь же овладеть Нарбонной. Эти обстоятельства были новым папским легатом, будущим деятельным помощником государя-графа.

Кардинал-диакон Петр Беневентский получил политическое воспитание в Риме, при папском дворе; он вырос среди борьбы партий. Его способности развились путем политической практики; он привык к государственным делам с легкостью итальянского дипломата Возрождения, когда он был бы более к месту. Про него говорили, что нет препятствий, которых бы не одолело его итальянское искусство; нет людей, самых упорных, которые устояли бы против его убедительного, лукавого красноречия; нет противников, которые не последовали бы его доводам и не принесли бы собственные интересы в жертву его, по видимости простодушным, настояниям. При нем не было ни одной лиры, ни одного рыцаря; но, прибыв с неограниченным полномочием в качестве легата а латере, он не преминул тотчас же доказать нарбоннскому виконту, что его спасение — в немедленной перемирии с Монфором, а начальников арагонских отрядов убедил в том, что, выручив своего короля, они должны непременно очистить провансальские области.

Архиепископы Арля, Э и Нарбонны должны были повиноваться в силу папских предписаний; следовательно, сам всемогущий Арнольд должен был временно склониться перед новым светилом (66). Инструкция, данная Иннокентием кардиналу Петру в январе 1213 года, показывает, что подозрения, под знаком которых составлялись январские распоряжения прошлого года, в папе не исчезли. Симон должен был повиноваться новому легату, относиться к нему с уважением, соответствующим его высокому сану. Иннокентий предписывает Монфору теперь же возвратить малолетнего Иакова, наследника арагонского, которого тот незаконно держал пленником. В противном случае «легат примет меры против тебя, — писал папа, — сообразуясь с теми указаниями, какие мы ему на сей раз словесно дали» (67).

Из этого можно заключить, что Иннокентий в это время склонен был отлучить Монфора. Жалобы Раймонда Тулузского, графов Комминга и Беарна уже достигли слуха Иннокентия через послов; военные действия изменили планы Раймонда, желавшего отправиться лично жаловаться в Рим, и потому папа приказывает разрешить от отлучения графов Комминга и Беарна. Новый легат имел сверх того повеление защитить город Ним от несправедливых притязаний Монфора, как виконта безьерского, властвовавшего самоуправно, а между тем ссылавшегося на Римскую Церковь. Несчастливая Тулуза опять обратила на себя взоры Иннокентия. Послы от капитула ясно представили ему интриги и цели легатов, рьяно поддерживавших Монфора. Папа склоняется на сторону тулузцев, которых велит, по приобретении достаточного ручательства, приобщить к Церкви, так как они много раз просили о том, несмотря на многие их преступления; «ибо нельзя отталкивать тех, кто униженно стучатся во врата церковные» (68). Дело же Раймонда требовало особого рассмотрения.

«Город Тулуза, который будет таким образом принят в лоно Церкви и изъят впредь от угнетения графа Симона или других каких-либо католиков, умиротворенный будет взят под покровительство апостольского престола, где и пребудет, пока не перестанет находиться в вере католическом и мире церковном, — обещает булла. — Если же жители откажутся дать удовлетворение и не отстанут от своих заблуждений, то мы предписываем тебе снова поднять крестоносцев и других верных, возобновить индульгенции и уничтожить эту язву как в самом городе, так и в среде всех иных укрывателей и защитников, которые еще опаснее, чем самые еретики» (69).

Перед распоряжениями папы Монфору оставалось только повиноваться. Он без всяких отговорок выдал пленного арагонского короля; то, чего Арагон не добился войною, было достигнуто одним словом папы. Епископ Сеговии, посланник арагонский при римском дворе, мог сказать, что речи Иннокентия острее меча рыцарей русильонских и испанских. В Нарбонну за своим королем прибыла депутация из знатнейших дворян, здесь Монфор передал ребенка из рук в руки. Вильгельм де Монтредон, магистр арагонских тамплиеров, взял на себя его воспитание. Часть его прав на Прованс, по причине малолетства, была потеряна. Монпелье, например, не хотел признать его государем; но, в то же время опасаясь и Монфора, город отдается французскому королю, который и принял коммуну под свое покровительство со всеми ее правами в апреле 1214 года (70). Коммуна по возможности получала гарантии; король объявлялся только ее протектором,

и то на пять лет, но мы знаем, какой политики Филипп держался относительно общин. А принимая в свою державу Монпелье, он прямо высказался, что будет смотреть на горожан «как на прочих своих буржуа».

Тем не менее, не действуя в этом случае помимо крестоносцев, на этот раз он тесно примкнул к римской курии. В его уме уже созрел план приобретения Юга и уничтожения провансальской национальности, а в крестовом походе он видел наиболее удобное средство к достижению своих целей. Он боялся оскорбить Иннокентия своим вмешательством в арагонское дело.

«Если папа, — пишет он в хартии, — в продолжение этого времени известит нас своими грамотами, что Иаков, сын покойного короля арагонского, должен наследовать Монпелье с его доменами, то жители этого города воспользуются всеми своими правами, не лишаясь нашей защиты и покровительства. Если же случится, что Петр, который теперь исправляет обязанности легата в тех провинциях, передаст город возлюбленному и первородному сыну нашему Людовику, как бы завоеванный крестоносцами и от их имени, то в таком случае мы будем считать себя освобожденными от всех обязательств, которые заключили с депутатами этой коммуны» (71).

Смысл последней фразы очень ясен. Ясно и то, что если бы судьба позволила Филиппу занять место Монфора, то Лангедоку не было бы от того ни лучше, ни хуже. Так или иначе, он неминуемо попал бы под ту же французскую власть. Филипп при первом же дележе добычи выступает с претензиями неограниченного монарха.

Казалось, альбигойская драма близилась к завершению. Получив в свои руки малолетнего Иакова, новый легат достиг вместе с тем и других целей своего посольства. Он имел свидание с Раймондом VI и его гонимыми друзьями, феодалами Юга. К общему удивлению, кардинал своим дипломатическим искусством, путем компромисса, примирил их с Церковью. Никто не полагал, что все это лишь жестокое коварство кардинала, смело злоупотреблявшего авторитетом папы. Нарбонна и даже неодолимая Тулуза изъявляют ему покорность. Тот граф тулузский, который имел столько причин ненавидеть Церковь и крестоносцев, который в последнее время, казалось, мог быть более всего несговорчивым, преклонился пред судьбой. Разгадка отчасти лежала и в том, что красноречие легата было поддержано слухами о приближении со стороны Лиона и Пенни чуть не стотысячной армии крестоносцев, поднятой на ноги проповедью известного нам Якова Вигрийского и предводимой кардиналом Робертом, легатом французским, и Гюи, епископом Каркассона (72). Тон актов отчасти объясняется этим обстоятельством; в них, однако, гонимый государь Лангедока не отказывается от своих прав.

«Я, Раймонд, божией милостью герцог нарбоннский, граф тулузский и маркиз провансальский, — так гласил договор его с легатом, — не будучи вынуждаем ни угрозами, ни обманом, по доброй воле, вручаю вам, господин кардинал, мое тело со всеми доменами, которыми я владею теперь ли или когда-либо прежде и которые желал бы передать сыну моему Раймонду. Если бы последовало ваше приказание, то я обязан даже отказаться от всего имущества моего и удалиться к королю английскому или в какую-либо иную землю и прожить там до тех пор, пока будет позволено мне приблизиться к престолу апостольскому и испросить там благодати и милосердия. Сверх того, я согласен передать вам или вашим посланным все земли, которыми владею, и тем предоставить все мои домены в полную власть господина первосвященника, Церкви Римской и вашей. Если же кто-либо из тех, кто чем-либо владеет от меня или для меня (то есть из вассалов тулузских), не согласится на вышесказанное, то, в силу повелений ваших и моей сюзеренской власти, я отрекаюсь от него. Наконец, я поручаю вам моего сына со всеми его доменами и вассалами, полагаясь на милосердие и повеления господина папы и ваши, господин легат, обещаюсь, со своей стороны, употреблять все усилия, чтобы склонить к таким условиям советников сына и чтобы заставить их повиноваться такому решению» (73).

Примеру Раймонда должны были последовать и его друзья. Они боролись с Церковью больше из-за него, так как собственно альбигойский, религиозный интерес постепенно исчез. Наконец, можно было надеяться что-нибудь выговорить этой своевременной покорностью. С такой целью капитул послал к легату семерых консулов, снабдив их договорными условиями и поручив им присягнуть от имени своих товарищей и всего города. Присягу эту легат принимал в Нарбонне, где он представлял собой повелителя провансальских государей, окружавших его раболепной толпой, как наместника того халифа христианского мира, который именовал себя Иннокентием III. Условия, на которых присягали тулузские консулы, были унижительны: город отказывался от всей своей прежней политики, от прозелитизма альбигойства, даже от своего графа, становясь одним из орудий католической теократии. Но что же было делать, когда самые

напряженные усилия не вели ни к чему, когда новая сотня тысяч крестоносцев шла почти на явный грабеж? К чему была борьба теперь, когда виновник ее склонялся в прахе у ног посла Иннокентия? Униженные консулы несчастного города думали выиграть дело полной покорностью.

«Мы проклинаем всякую ересь и торжественно отрекаемся от всякого исповедания, которое в чем-либо несогласно со святой католической Церковью, — говорили они, — и принимаем и одобряем учение этой Церкви Римской. Мы добровольно, на святых мощах, на Причастии и древе креста Господня, положив руки на святое Евангелие Его, без обмана и всякой дурной мысли, клянемся, что впредь ни мы, ни сограждане наши не будем ни еретиками, ни сектантами, ни покровителями, ни единомышленниками, ни защитниками еретиков и что всем таковым, а также наказанным Церковью Римской рутьерам или другим врагам ее, мы никогда ни окажем помощи, совета или защиты».

Они поклялись никогда, без особых папских приказаний, не занимать и не отнимать земель, приобретенных крестоносцами. Они отказались от права войны и мира. Они обязались слушаться только повелений римского правительства. Они предоставляли в распоряжение папы и легата заложников, уже не шестьдесят, как прежде, а сколько угодно будет кардиналу; издержки на их содержание город принимал на свой счет, а легату предоставлял держать их, сколько заблагорассудится. Наконец, консулы обещали, что они принудят каждого из тулузцев свыше четырнадцатилетнего возраста порознь принести такую же присягу (74).

Чего недоставало для полной покорности? Развенчанная Тулуза отказывалась от всякой самостоятельности, признавая себя побежденной. Риму оставалось праздновать победу. Но крестоносным легатам этого было мало. Легатам нужны были богатства жителей, а Монфору слава государя и повелителя Тулузы.

Графы Фуа и Комминга также полагали, что все бедствия их кончатся, если они примирятся с Церковью и изъявят эту покорность перед лицом легата. Каждый из них клялся в тех же выражениях, но по разным документам, обещая повиноваться легату во всех делах, касающихся веры, мира и общественной безопасности. Они с соблюдением всех должных обрядов поклялись не оказывать какого-либо покровительства еретикам и отказались от союза с врагами Церкви и рутьерами, обязавшись вести беспощадную войну с ними. Граф де Фуа теперь же отдавал кардиналу Петру в залог Фуа, а коммингский граф — замок Салье; оба обещали на будущее время уступить легату все, чего он потребует, хотя бы даже в собственность Римской Церкви. Вместе с покорившимися графами клялись в такой же покорности их наследники. Граф коммингский обязался, кроме того, дать легату в заложники одного из своих сыновей, по выбору кардинала (75).

Нарбонна принесла такую же повинную, отказавшись от всяких прав на замки, которые будут находиться в руках крестоносцев. Она искала того же мира, необходимость которого признавал весь Лангедокский Юг.

Но все эти трактаты, заключенные так торжественно, были не чем иным со стороны католиков, как кощунством над святыней, над которой присягали побежденные. Крестоносцы хотели только выждать время, когда подойдет новая стотысячная армия, и потому предоставили легату право заключать какие угодно трактаты. Может быть, и сам кардинал Петр не был чужд такого коварства.

По крайней мере, участник и историк похода, апологет Монфора, монах Петр Сернейский разделяет такие мысли. «О неистощимое обилие благодати божественной! -воскликает он с иезуитским простодушием. — По признанию многих, ни крестоносцы не сделали бы ничего важного без легата, ни он без них». Вся эта проделка была не чем иным, как... «благочестивым обманом» (76), этим верным средством к достижению политических целей вождя крестоносцев, т. е. к порабощению Юга.

Ни Раймонд Тулузский, ни граф де Фуа, ни граф коммингский не хотели понять, что Монфору и его французам нужно не укрощение их, но свержение и уничтожение. Неужели ни Нарбонна, ни развенчанная Тулуза не осознали еще, что составляют для Монфора слишком ценную добычу?

Как только новые десять тысяч крестоносцев, возбужденные фанатизмом и проповедью Якова Витрийского и Вильгельма Парижского, стали приближаться к Роне, а с другой стороны к Аженуа, легаты попрали мир и война началась снова. Требовалось добить умирающего.

Для летописей теперь уже теряет интерес личность Раймонда. Один из современников глухо замечает, что Раймонд с сыном и семейством избрал местом жительства Тулузу, но поселился не во дворце, а в частном доме. Он был, следовательно, по договору лишен престола, по крайней

мере временно (77). Легат Петр уехал умиротворять Арагон, считая, может быть, дела Лангедока оконченными. Но они еще далеко не закончились.

Лангедок не воспользовался даже тем незначительным промежутком спокойного времени, которое один историк называет перемирием (78). Легат, может быть с коварством, а может быть с искренним желанием дать покой стране в ожидании утверждения мира, распорядился, чтобы крестоносцы не занимали силой тех городов, которые им еще не принадлежат, и чтобы всадники ездили не в полном вооружении и не на боевых конях. Все это не исполняли, да и исполнять было некогда.

Как только открылась возможность начать кампанию, Гюи и Монфор получили приказание ехать в Руэрг и принять там начальство над прибывшими из Франции войсками, с тем чтобы осадить замок Марильок. Видя многочисленность неприятеля, замок сдался в первый же день осады. Крестоносцы замучили и сожгли там «с превеликой радостью» семерых вальденсов, которые отказались отречься от своей веры.

Мы заметили уже, что католики смешивали их с альбигойцами-катарами. В то же время Симон Монфор бросился на земли Ратье де Кастельно, чтобы «опустошить их, в возмездие за казнь Балдуина». Во время военных действий Симон успел побывать со своим сыном Амори при бургундском дворе. Как ни молода была невеста, но Монфор дорожил временем и спешил закрепить свои связи с Бургундией. Беатриса была отпущена, и в Каркассоне молодые были обвенчаны под шум военной тревоги, хотя невеста еще долго не могла быть способна к брачной жизни (79).

Теперь Монфор пошел на Аженуа. Уже давно ходили слухи, что английский король Иоанн намерен поддержать своего племянника, тулузского графа. Но те подчиненные отношения к Риму, в которых привык находиться этот бесхарактерный государь, несколько успокоили Монфора. В последнее время король действительно прибыл в Аженуа и открыто начал поддерживать Раймонда. Это обстоятельство было в связи с переменой, совершившейся в прихотливой политике Иоанна. После унижительной для короля сцены в Дувре 15 мая 1213 года папа снял с Англии отлучение. Прелаты, изгнанные Иоанном, возвратились, и Лангтон занял архиепископскую кафедру в Кентерберии. Иоанн догадывался, до чего дойдут требования светской и духовной аристократии. Бароны готовились вынудить короля дать гарантию гражданской свободы. Иоанн понимал, что исходной причиной его унижения является Иннокентий III, который так тяжело дал ему почувствовать свою силу.

В 1214 году король старался своими поступками доказать папе, что он снова может сопротивляться Риму. Известно, что летом Иоанн оказывал материальную поддержку провансальской армии и еретикам Аженуа. Имея враждебные отношения с французским королем, он лично высадился в Гиенни. Французам в Аженуа пришлось иметь дело с английскими рыцарями.

Но Монфор, завладев многими местами, хотел запугать страну террором; он опустошал и жег феодальные замки мелких вассалов, которые попадались ему в руки. Он остановился под городом Мармандом, занятым английским гарнизоном, и начал его осаду, несмотря на английское знамя, выкинутое над башней. Крестоносцы смело пошли на штурм. Жители уже в самом начале свалки стали перебираться через Гаронну. Англичане и еретики не выдержали напора и, сбитые со стен, заперлись в главной башне Монфор дозволил своим воинам грабеж. Засевшие в башне не могли сопротивляться долго; получив уверения в сохранении жизни, они сдались победителю. Монфор, распорядившись разрушить часть городских стен и укрепить сам замок с башнями, удалился в Ажен, откуда скоро двинулся на осаду Кассенеля, города, «переполненного еретиками и клятвopреступниками» и расположенного на самых границах Керси. Этот город, по его выгодному местоположению, осаждать было трудно.

Потому Монфор вместе с главными силами расположился в соседних долинах, а ведение осады предоставил своему сыну Амори и епископу каркассонскому, исполнявшему обязанности полководца (80). Стенобитные машины наносили сильный вред городу; гарнизон все надежды строил вокруг прибытия короля, который уже подходил к Перигору. К Иоанну большими толпами стекались его аквитанские вассалы; силы его были весьма значительны. Он мог бы с успехом действовать против крестоносцев; но, по обыкновению, в решительную минуту на него нашла робость и то уничтожение духа, которое всегда губило его бесхарактерную натуру. Он думал испугать отважного и искусного неприятеля одними маршами и диверсиями. Конечно, такая тактика не могла воздействовать на Монфора. Узнав, что крестоносцы не намереваются снять осаду, Иоанн отступил. Это происходило в июле 1214 года, почти в те самые дни, когда его

англичане вместе с немцами были разбиты французами под Бувином, о чем нам еще придется говорить.

Между тем Монфор, при всем сопротивлении граждан Кассенеля, не думал прекращать осады. Прервать сообщения города он не мог; горы и реки представляли для того неодолимые препятствия. Для тогдашней военной истории особенно интересны действия Монфора. Он, сам приняв начальство над осадным корпусом, пустил в ход с замечательной настойчивостью все инженерное искусство того времени. Штурм был невозможен; рвы глубоки и полны водой. Несмотря на град стрел, крестоносцы имели терпение построить мост из сплоченных бревен; но его снесло течением. Тогда велели строить другой на деревянных лодках; но от тяжести он не мог держаться сам по себе. Кардинал Роберт де Курсон, прибывший в армию из Франции, где он был легатом и рьяным бичом еретиков, потерял терпение. Он решил оставить армию, но, уезжая, хотел на бумаге завершить альбигойское дело.

Вспомним, что в этот момент альбигойцы потеряли всякую поддержку в Европе; их друзья по политике потеряли свое счастье под Бувином. Филипп, сюзерен Монфора, оставшийся победителем, влиял тем на дальнейшие судьбы Лангедока, на самое существование ереси. Папа, друг Иоанна и враг Оттона, странным образом выигрывал от результата той же битвы. Страдали только одни альбигойцы. И, как бы с целью довершить и узаконить их политическое поражение, легат французский, не миновавший чар «атлета веры и столпа католичества», то есть Симона Монфора, своей властью провозглашает его государем Юга.

Сочувствовал или нет Иннокентий Монфору, хотел он или нет подтвердить такое самоуправство, — кардинал Курсон этим мало интересовался. Он знал только, что косвенно папа будет непременно замешан в этом акте, и составил его. Симону Монфору по сему акту уступаются, в полное владение его и его преемников, все земли, завоеванные им от еретиков и их покровителей, и все таковые, имеющие быть впоследствии завоеванными, «ибо всякое такое приобретение дается от Бога». В силу грамоты постороннего легата (тогда Арнольд стал заметно сходиться со сцены) граф Симон Монфор титулуется государем Альбижуа, Аженуа, Руэрга и Керси (81). Но что в Лангедоке такое титулование было мало уважаемо, видно уже из того, что жители Кагора заперли свои ворота перед легатом. Вооруженные альбигойцы хотели приветствовать кардинала стрелами, но, по-видимому, католическая партия взяла верх и муниципалитет должен был за такое оскорбление легата торжественно извиниться перед ним, принести ему клятву в верности и, кроме того, заплатить полторы тысячи серебряных марок штрафа в пользу Монфора.

Что альбигойство уже умирало в стране после крестоносных погромов, видно из того, что власти кагорские, несмотря на все свое унижение, еще продолжали бояться гнева папы, через нарочных уполномоченных отдавали себя его милосердию и жаловались на разбой людей графа Яс Фуа, который из ненависти пленил нескольких кагорцев; а Кагор, столица Керси, как читателям известно, прежде был одним из центров альбигойской ереси.

По отбытии щедрого кардинала Петра Монфор еще деятельнее стал трудиться над осадой Кассенеля. Копая мосты не оправдали ожиданий, инженеры крестового лагеря после совещания придумали особую машину, которая должна была уничтожить все надежды осажденных. Это была высокая деревянная башня в пять ярусов, поставленная на широкий деревянный помост с колесами; по своей наружной отделке она была неуязвима для не приятеля. Сверху и с боков она была обшита плетенками, которые всегда поливали водой. На случай пожара в башне имелся достаточный запас воды; со стороны же не приятельской башня, кроме того, предохранялась сырыми бычьими кожами. В верхних ярусах сидели отборные стрелки, которые с достаточной высоты свободно могли обстреливать город; в нижних помещались отважные охотники, преимущественно из рыцарства. В таком виде гигантскую башню подкатили к стенам замка. Тучи камнем полетели на нее из неприятельских орудий. Из нижнего яруса стали забрасывать рвы турами и фашиником; из верхних началось губительное действие лучников, у которых ни одна стрела не пролетала мимо. Вдобавок ко всему этому крестоносцы приблизили к крепости лодку, наполненную зажигательными снарядами. Осажденные сумели залить ее и тем отвратить опасность. Наконец достаточная часть врага, перед башней была до того завалена фашинами, что образовала плотину, по которой башня подкатила почти вплотную к самим воротам.

Тогда Монфор велел войску готовиться к штурму; епископ каркассонский совершал молитву. Колонны штурмующих стали проходить через башню и свободно перешагивали через ее второй ярус на стену. Зловещими казались для защитников Кассенеля двери башни, когда из них бесконечным узким потоком текли крестоносцы. Под их копьями гарнизон очистил стену. Между тем настала ночь; штурмовых лестниц было мало. Крестоносцы сочли нужным очистить занятый

пункт и провели ночь между стеной и оврагом; они воспользовались временем и разрушали неприятельские завалы и бойницы. На другой день рабочие из крестового лагеря изготовили множество лестниц для штурма, который был назначен на следующий день. Гарнизон, узнав о предстоящем штурме, выдержать который он не надеялся, счел за лучшее удалиться, оставив жителей на произвол судьбы. Начальник его пошел при этом на хитрость, сказав консулам, что отправляется в обход на вылазку. Местность благоприятствовала подобному отступлению; в тылу Кассенеля крестоносцев не было. Преданный город должен был отдаться великодушью Монфора, который между тем распорядился преследовать гарнизон. Заняв город после шестинедельной осады, Симон не пощадил его стен, которые сравнял с землей (82). Это было 18 августа 1214 года. Крестоносцам после перенесенных при этой осаде трудов победа казалась тем отраднее.

Падение Кассенеля было сигналом вторичного покорения Аженуа французами. Вместе с еретическими баронами и замками Монфор уничтожил разбойничьи притоны некоторых местных феодалов вроде Бернара де Касенака, который совершил множество злодеяний и по справедливости заслуживал наказания. Монфор лишил его владений и отдал виконту Тюренна, которого имел на своей стороне. Как государь, он не склонен был допускать местного самоуправства феодалов.

Между тем, пока Монфор приводил под французскую власть Аженуа и истреблял там ересь, римские легаты пеклись о его непосредственной пользе. Кардиналы один за другим и Роберт де Курсон из Реймса объявили по южным епархиям сбор 17 декабря 1214 года на собор в Монпелье. Сюда должны были прибыть архиепископы Бурже, Нарбонны, Оша и Бордо с их епископами, аббатами и архидиаконами. Председательство принял на себя кардинал Петр Беневентский, возвращавшийся в то время из Арагона.

Заседание открылось 8 января 1215 года. Пяти архиепископов, двадцати шести епископов, множества аббатов было достаточно для местного собора. Тридцать канонов, постановленных на соборе, касались разных предметов церковной дисциплины; но исходным пунктом было политическое положение Лангедока. У членов собора последнее обстоятельство было обдуманно заранее. Они решили, что графство тулузское, т. е. главная часть Лангедока, будет принадлежать завоевателю, сделается французским леном. Насколько это было сообразно с местными условиями, можно было видеть из того, что жители Монпелье не соглашались допустить в город своего будущего государя, который потому должен был приютиться в соседнем замке. Легаты и епископы должны были для совещания ездить к нему, как к изгнаннику, за город. Он был, следовательно, душой собора, хотя и не присутствовал на нем.

Однажды кардинал попробовал было привезти Монфора в город; он благополучно привел его на заседание, происходившее в церкви Богородицы. Но лишь только французские рыцари показали на улицах, как народ поднял тревогу; до того были ненавистны эти северяне. Одни толпы бросились к церкви, где был сам Монфор, другие торопились занять улицы, по которым он должен был возвращаться. Предупрежденный, Симон хитростью избегнул опасности. Ни легат, ни собор не думали обращать какое-либо внимание на подобный способ манифестаций.

— Я вас заклинаю,— говорил кардинал прелатам собора, — именем будущего суда и всеми вашими обязанностями перед Римской Церковью, подать мне добрый совет: по вашему разумению, без всякого пристрастия и личной ненависти, относительно вопроса: кому лучше и полезнее, в честь Господа и святой матери Церкви, для мира этих стран, уничтожения и искоренения еретической заразы, уступить Тулузу, которой владел граф Раймонд, а также и другие земли, покоренные крестоносцами.

Тогда, рассказывает католическая летопись, архиепископы и епископы стали долго совещаться, сперва между собой, потом каждый из них с аббатами своего диоцеза и своими личными секретарями. Позже каждый написал свое мнение на особом листе.

Только такому историку, как Петр Сернейский, может казаться предметом удивления и даже чудом, что Монфор был избран единогласно государем и монархом лангедокской земли.

Ревнуя о Монфоре, прелаты друг перед другом настаивали на том, чтобы легат теперь же дал ему инвестицию на владение. Это превышало власть кардинала. Он объявил, что пошлет все протоколы к папе вместе со своим донесением. Собор отправил от себя депутацию из одного архиепископа с несколькими духовными лицами. Он должен был просить у папы дать Югу государя и монарха в лице Симона Монфора (83).

Но и Иннокентий не решался на такое дело, 2 апреля 1215 года он послал с той же депутацией нерешительный, чтобы не сказать уклончивый, ответ. Он писал легатам и лангедокским епископам, а также и самому Монфору, что признает его государем всех бывших

тулузских доменов и всех земель, завоеванных крестоносцами, но с условием, что его избрание должно быть утверждено собором, который должен собраться в ноябре следующего года. В продолжение же этого времени, в качестве временного государя или лучше папского викария, Монфор может пользоваться всеми доходами с тулузских доменов, творить там суд и расправу (84).

Что касается легата, то такой ответ должен был произвести на него впечатление тем более неприятное, что в последнее время он сделался рьяным патриотом Монфора. Он приказал епископу Фулькону занять город Тулузу вместе с крепостью от имени Церкви и графа Монфора. Во дворце Раймондов был поставлен караул крестоносцев, прибывших вместе с Фульконом. Несчастный Раймонд, делаясь частным человеком, должен был перебраться к дворянину Давиду Роэ, который не побоялся приютить знаменитого изгнанника (85). Впрочем, законодательные акты продолжали вершиться его именем.

Как допустила столица такое насилие над собой? Куда в минуту опасности исчезла ее отвага, ее былая неустрашимость? В католических и провансальских летописях этот вопрос остается неразъясненным. Поэтому провансальская анонимная эпопея считает, что подчинение Тулузы было непосредственным результатом битвы при Мюрэ. Это было бы вероятно, но в противоречии этому мнению находится молчание Петра Сернейского, который никогда не мог бы упустить такого важного факта. Не подлежит сомнению, что «коварнейший из епископов», Фулькон, вытребовал двенадцать заложников из числа членов капитула. На советников развенчанного Раймонда было поднято гонение; все прежние чиновники были сменены; город сделался чисто католическим. Ересь скрылась.

Народ и граждане встречали наступающую реакцию тупым молчанием. «Друзья, — говорили друг другу тулузцы, — будем переносить все с кротостью; все это Бог посылает нам. Только Бог — спаситель наш, только Бог поможет нам» (86).

Искренни ли были эти слова? Нет причины отвечать отрицательно. Их говорили альбигойцы, всегда слепо веровавшие в волю Божью. Они составляли пока главным элементом тулузского населения. Они могли быть подавлены страхом, но совершенно искоренить их в продолжение каких-нибудь шести лет войны было невозможно. Для этого требовалась целая государственная система, именно такая, какую принесло Тулузе правление католическо-французское.

Победителей страшили стены и укрепления Тулузы, многочисленность ее населения. Но и они не решались ни то дело, на какое решился тот государь, потомкам которого судьба принесет в конце концов корону Юга, благодаря политике пап, легатов и всяких Монфоров. Надобно заметить, что около того времени прибыл в Лангедок сын и наследник французского короля Луи, словно с целью воспользоваться готовой добычей, приобретенной усилиями крестоносцев; это было большее, что решился сделать. Филипп для крестового дела, препятствовавший сыну приехать три года тому назад, когда исход войны еще трудно было предвидеть.

Война с Иоанном Английским не давала возможности Филиппу пойти навстречу требованиям папы и его легатов, требованиям, заявленным еще в 1209 году в Вильневе Милоном. Читатель видел, как часто принужден был Филипп отказывать приказам, исходившим из Рима. Знакомый с характером этого государя поймет, что не одни политические обстоятельства обуславливали нерешительную медлительность французского Августа. Как сухой практик и искусный политик своего века, он считал за лучшее предоставить другим укрощать свой номинальный лен, дабы после погрома воспользоваться жертвами и кровью других, чем самому тратить свои средства. Это был тот самый король, который, имея надобность в деньгах, спокойно приказывал среди белого дня обирать евреев и поднимал, против них страсти черни, с тем чтобы после получить с них выкуп. Если не был он так ребячески прихотлив, как Иоанн Английский, который за двести кур, пару соколом и даже за пять лошадей соглашался нарушать законы, зато он не останавливался перед преступлениями великими, которые вели, по его мнению, к последствиям и целям не менее великим.

И теперь, отправляя на альбигойцев своего сына, Филипп не переставал быть тем же холодным политиком, тем же практическим человеком. Он приказал ему держаться осторожно, не восстанавливать против себя ни легатов, ни крестоносцев, признать существующий порядок и быть в Лангедоке не чем иным, как простым крестоносцем. Этого требовал легат Иннокентия. Людовик вынужден был оказать такую покорность по отношению к Церкви, но скоро обнаружилось, что он не имел ни гения отца, ни его частных свойств. Монфор почтительно встретил принца во Вьенне. Он вместе с легатом сопровождал Людовика, и нельзя сказать, чтобы

оба остались довольны обращением и личностью будущего государя. Кардинал Петр склонил принца на свою сторону; Монфор понял, что Людовик, видимо, недоволен им.

Действительно, сам Филипп II не совсем был расположен видеть на Юге такого сильного государя, каким был, хоть и временно, Симон Монфор. Людовик не смущался открывать чувства своего отца. Но с первых же дней своего пребывания в Лангедоке он успел возбудить против себя недовольство южан, даже католиков. Галло-римская муниципия не привыкла видеть в странах своих франкских королей. А Людовик, со своей стороны, понял, какой сильной оппозицией может быть муниципальный дух южных городов. Потому, прибыв в Тулузу, он дал совет крестоносцам срыть славные городские стены, на которые прежде не посмели подняться разбойничьи руки бродяг и полудиких фанатиков крестоносного лагеря.

Но даже этого показалось ему мало. Он думал поступить еще ужаснее. Мы имеем одно прямое указание о его намерениях, но из такого источника, который показывает, что на Юге с именем принца Луи соединяли представления о каком-то личном враге Тулузы, о человеке, перед которым сам Симон Монфор мог быть символом кротости. Таков был голос народный.

«Сын короля французского, — говорит большая провансальская хроника, — был склонен к такому злу; господин Симон, кардинал Петр и Фулькон — все вместе тайно решили разграбить город, а потом сжечь его. Но Симон понял, что это дело опасное и ужасное, понял, что если он разрушит город, то это будет к его же вреду, что для него же лучше, если "езде будет золото да серебро". Наконец они постановили на том, что следует засыпать городские рвы, дабы жителей лишить оружия и всякой возможности защиты; потом все башни, укрепления и стены должны быть срыты до основания и сровнены с землей».

Так было решено, и решение оказалось приведено в волнение, — лаконически заключает хроника. Граф тулузский с друзьями был лишен своего наследства, а королевский сын вернулся во Францию (87).

Несчастному графу тулузскому оставалось искать защиты у того, во имя кого производилась вся борьба с его подданными. Он решился ехать в Рим и там у ног Иннокентия в последний раз молить о справедливости. Конем но, он еще не оставил некоторой надежды на государей Запада. Отвергнутый и преданный французским королем, он надеялся, хоть и не сильно уже, на короля английского, приходившегося ему родней. Свою жену и невестку, двух принцесс арагонских (отец и сын были женаты на родных сестрах), сестер погибшего дона Педро, он отослал в Прованс, а сына отправил к английскому двору.

Но читатель знает, что за человек был Иоанн. К тому же те затруднительные политические обстоятельства, и которых он находился, его вассальные отношения к папе, не давали ему возможности развернуться. Раймонд VI дол жен был знать все это и потому вряд ли смотрел серьезно на свою попытку и вряд ли решился лично ехать к Иоанну, как уверяет один английский хроникер (88). У Иоанна появилось желание самостоятельности, желание восстать против папы, но стоило последнему только приказать легату поддерживать баронов, волновавшихся из-за Великой хартии, как король понял, что все его существо опутано Римом. Тут мы должны прервать рассказ и взглянуть на политическое состояние Европы.

Ход важнейших политических событий в тогдашней истории Запада влиял на обстоятельства альбигойской крестовой войны. Как относились к ней народы? Почему империя осталась равнодушной зрительницей крестовой войны, столь оригинальной, прежде неслыханной в Европе? Где была та уравнивавшая все сила императора, которая недавно составляла предмет страха римской курии? Отчего Оттон, в силу старой вражды, не поддержал Раймонда, раскаявшегося в ереси, и дал Монфору возможность воцариться в Тулузе и Лангедоке?

Взглянув на тогдашнее положение империи, мы нам дем ключ к объяснению политических событий во французском и английском королевствах; последние были известным образом связаны с первыми. Мы говорили уже, что Иннокентий считал выгодным для папства поддерживать кандидатуру вельфа Оттона на императорский престол. В нем он думал видеть государя надежного, удивляющего тем представлениям о светской власти, какие составил себе Иннокентий. Папа искренне был расположен к нему. Иннокентию казалось, что его теократия создалась и что настает тот желанный вечный мир, о котором в своих интересах мечтали властители каголичества; думал, что наступало время осуществления его идей о примирении великих властей Запада.

«И вот, мой любезный сын, — с искренним порывом чувства писал папа Оттону, — наконец-то душа наша соединяется с твоей, сердца наши сливаются; мы начинаем ощущать присутствие одного духа. И что будет из того? Перо не в состоянии изобразить, язык высказать и

ум понять всех грядущих следствий этого примирения. Двоим нам вручено теперь верховное управление над вселенной. Если мы будем жить в согласии, если мы соединимся, чтобы делать добро, тогда сбудутся слова Пророка: солнце и луна придут в свой порядок, все правое будет прямым, все неровное сгладится для того, чтобы мы, под покровом Божиим, не встречая препятствий и сопротивления, властвовали, владея этими двумя мечами, о которых апостолы говорили Господу» (89).

Обнадеженный при коронации, Оттон сделал уступку папе, отказавшись от императорского права регалий. Угодив папе, новый император примирил с собой и враждебную ему швабскую партию женитьбой на гогенштауфенке Беатрисе^{*1}. Поэтому встреча Оттона в Италии была самой пышной. У него было много горячих приверженцев в Ломбардии; веронцы добровольно передали ему замок и построили мост через Адидж. Его встрегил граф Аццо д'Эсте и Эсселин II ди Романо; тосканцы признали его своим главой. Все соединилось, чтобы уверить его в невозмутимом политическом счастье. Но, коронованный, он изменил свою политику и тем проиграл свое дело. Он слишком понадеялся на собственный гений, тогда как сила его заключалась всегда в поддержке со стороны Церкви, брошенный ею, он легко мог потерять свою звезду.

Так и случилось. Он захотел возобновить императорские претензии на южную Италию — и погому напал на сицилийские владения Фридриха, сына императора Генриха VI, еще несовершеннолетнего государя, находившегося под непосредственным покровительством Иннокентия. Опираясь на свою игальянскую партию, он начал завоевания на полуострове. Не обращая внимания на замечания и увещания своего могущественного друга, он овладел почти всей Апулией. Он захватил и папские земли — в его руках был даже город Витербо. Таким образом, дружба с Иннокентием не продолжилась и года. После бесполезных убеждений папа в конце 1210 года отлучил Оттона — и счастье стало быстро покидать развенчанного императора. Умерла Беатриса, а немецкие князья задумались о молодом Фридрихе Роджере.

Вскоре по отлучении Оттона два швабских вассала тайком пробирались через итальянские земли с посланием к сицилийскому королю (90). Это было посланное от имени многих немецких князей, собравшихся в Нюрнберге, приглашение прибыть на престол славных гогенштауфеновских предков.

Юноша, о котором послание говорит, что он, «наделенный великими дарами природы, молод лишь по летам, а стар по уму и по опытности», получил свое воспитание под надзором и особенным попечением Иннокентия. Его главный наставник был кардинал Ченчио, родственник дома Конти, после известный под именем папы Гонория III. У Иннокентия не было каких-либо личных, а тем более своекорыстных целей в деле воспитания Фридриха. Он виделся с ним первый раз 30 мая 1208 года в Палермо, здесь он предложил ему жениться на дочери того же Альфонса II Арагонского, который дал жен обоим Раймондам Тулузским. Тут же была приведена в порядок администрация Обеих Сицилий, запуганная и расстроена отсутствием политической власти. Папа повелел, чтобы все сицилийцы хранили между собой мир. Если кто будет оскорблен, гог должен искачь суда у графа, а не прибегать к собственной расправе, в прогивном случае грозила опала.

В этом постановлении сказался государственный взгляд Иннокентия, опередившего распоряжения других государей Европы. Обручив юношу, папа дал ему возможность получить самое полное для того времени образование. Развитие Фридриха было действительно многосторонне. В нем как бы совместились три цивилизации. Он был грек, араб, германец. Богатое образование развило в нем те высокие побуждения, с какими он приступил к исторической деятельности, столь блистагальной и в то же время для него столь несчастной. Он жаждал простора, славы, мечтал о власти, дающей право единоначалия, и планировал преобразования у себя в Италии, когда явились к нему послы швабских друзей. Их предложение подстегнуло Фридриха. Иннокентий не возражал. Он рассчитывал, что питомец всегда сохранит признательные чувства к своему опекуну и воспитателю. Эти ожидания не обманули Иннокентия.

Вместо непокорного Оттона папство получило в лице Фридриха, казалось, преданного друга и даже клиента. Действительно, таким был юный император до самой смерти Иннокентия III. Он будто из чувства благодарности затаил в себе ту ненависть к духовной власти, к ее политическим

^{*1} Речь идет о событиях, происходивших после 1208 года, года смерти соперника Оттона Филиппа Швабского. Браком с Беатрисой он временно примирился с Гогенштауфенами, из рода которых происходил Филипп. Регалии — доходы с вакантных епископских мест, поступавших в императорскую казну, однако обещанные Оттоном папе.

и умственным влияниям, к папству вообще, какую он приносил с собой на престол Германии и за какую он погиб после геройской, симпатичной и правой борьбы.

Будущий император приехал в Рим в апреле 1212 года и признал не только папский протекторат над Сицилией, но отказался от королевства в пользу своего сына Генриха. Рим теперь мог спокойно довериться Фридриху. Трудно было только добраться до Германии: дорога вплоть до Майна кишела вельфами. Фридриха сторожили. Проходы в горах представляли вместе с опасностью еще и большие неудобства. Свита его была незначительна. Только он успел прибыть в Констанс, как три часа спустя перед городом показался Оггон (август 1212 года).

Три года еще предстояло Фридриху бороться с Оттоном. Это время прошло в ряде битв и мелких схваток. Фридрих силой огривал себе императорский престол, но во многом ему помогла поддержка французского короля. Фридрих имел личное свидание с принцем Луи (ноябрь 1212 года); король прислал двадцать тысяч марок. Первым в Германии протянул ему руку сильный чешский король Оттокар II Пржемыслид. Сеймы в Майнце и Франкфурте в конце 1212 года дали швабской армии много надежных приверженцев. Через три года за Фридриха была почти вся Германия. По крайней мере, уже не было явного противодействия его деятельности.

Фридрих уже тогда ожидал коронации, но Оттон предпринял последние усилия, чтобы не допустить ее. Диалогическое искусство вельфа приготовило некоторые затруднения для Фридриха, но все сооружения Оттона обрушились на его же голову. Он видел явное нерасположение к себе Филиппа Августа, хотя не сознавал и не понимал, что сам постепенно становится причиной того. Время его борьбы с папой совпадает с теми годами, когда Иоанн Безземельный попал под гнев Иннокентия; естественно, они должны были сочувствовать друг другу. Рим, как читатель знает, поднял против Англии силы Франции, и потому Филипп из личных соображений должен был самым течением событий приведен во враждебные отношения к Иоанну и к сочувствию его сопернику, Фридриху, которого он начинает поддерживать. Общие интересы организовали на тогдашнем Западе две великие коалиции. Уже Иннокентий подчинил себе Иоанна; уже он приказывал Филиппу прекратить свои вооружения против Англии, но страсти, возбужденные ожиданиями нескольких лет, укротить было трудно. Филипп отвечал на убеждения и даже угрозы легата Пандольфо, что издержки, затраченные на сбор ополчений и флота (а их было шестьдесят тысяч ливров), должны быть окуплены добычей.

Иоанну удалось отклонить от Филиппа его фландрского вассала, который отказался идти в поход^{*1}. Но в результате получилось так, что сам легат благословил поход. Разгадка в том, что во Фландрии было много еретиков. Это были те альбигойские катары, с которыми мы еще встретимся в следующем томе. Вообще духовенство не расположено было к фландрским католикам, которые, как, на пример, в Генте, умели оградить себя от духовного иммунитета.

В 1213 году армия Филиппа обрушилась на Фландрию. Гравелин, Кассель, Ипр, Брюгге и богатый Гент с товарами целого мира сдались королю. Но как только прибыл из Англии огромный флот из пятисот кораблей, то триста транспортных французских судов было потоплено, другие корабли десантной армии сожжены. Против Филиппа поднялись все феодалы нынешних Нидерландов, то есть, кроме фландрского графа, герцог брабантский, граф булонский и другие. Зато сухопутные французские силы, впервые соединенные под знаменем патрона Франции, имели успех.

Погром Лилля французскими рыцарями внушил некоторый страх союзникам. За фландрского графа поднялись бароны Лотарингии, опасавшиеся потерять самостоятельность. Берега Рейна и Мозеля были объаты ужасом. Бедные, но гордые феодалы, привыкшие считать себя неприкосновенными в своих крепких замках, с вершин своих башен презиравшие всякую власть и в последние годы увлекаемые проповедниками катаров, переполошились, думая, что настал час новой франкской империи Карла Великого, о которой стали даже ходить слухи, поддерживаемые клириками и поэтами французского двора. Граф булонский Рено возбуждал гордый дух нидерландского дворянства; даже детей он призывал на защиту свободной родины от французского тирана. Иоанн Английский, победоносный на море, последние свои средства, грабежом и насилием добытые от баронов, употребил на наем немецких войск. С этой целью он дал Оттону сорок тысяч серебряных марок.

Поднялись массы немецкой и французской милиции; вся северо-западная Германия пришла в движение. Аристократию Нидерландов и Лотарингии волновал энтузиазм, солдат Оттона — надежда добычи. Съезд в Бурже, где Оттон видел себя окруженным всеми союзниками

^{*1} В это время графиней Фландрии была Иоанна Константинопольская.

(английского короля заменил его посол граф Солсбери), был как бы вызовом оппозиции, обращенным к Риму. В это самое время Иоанн высадился в Ла-Рошели, на юго-западе Франции, и овладел Пуатье, возбудив тем ряд напряженных ожиданий в альбигойской партии. Но он был разбит наголову принцем Луи на берегах Луары и постыдно уплыл, гонимый сграхом. Надежды провансальских патриотов оказались развеяны. Аженуа было очищено от англичан.

Монфор торжествовал здесь над ними в те самые дни, как его король пожинал лавры на севере, в Геннегау, под Бувином (27 июля 1214 года).

Битва под Бувином

Если верить местным фландрским хроникам, то на полях Бувина сражалось до трехсот тысяч человек с обеих сторон — сто тысяч ополченцев французских коммун с одной и двести тысяч оттоновых наемных немцев, брабантской и фландрской милиции с другой. Здесь шестнадцать коммун, по преимуществу северной Франции, спасли Филиппа и создали королевскую власть. Если бы союзники выиграли битву под Бувином, если бы они уничтожили коалицию общин, то этот удар отразился бы и во Франции, которая в этот момент и на эту карту ставила все свои шансы, все будущее, и в Риме. Вызов был брошен и Филиппу, и Иннокентию, так как предметом распри становится императорский престол. Не без понятных оснований союзники, собравшиеся под председательством Оттона, в ожидании победы распределили будущие ее плоды. Оттон по этому плану получил бы императорские права над всей Францией, терявшей свою целостность; части ее раздробились бы между ним, графом булонским, фландрским и Бовэ.

Что же касается прелатов, клириков и монахов, то, как ненавистные слуги папы, они должны были пострадать более всего; их бенефиции должны быть распределены между рыцарями-победителями, а сами они вместе с монастырями должны довольствоваться лишь частью десятин или скорее милостыней.

Этот импровизированный дележ в достагочной степени показывает все значение Бувинской победы. Торжество союзников, в рядах которых не было ни одного прелата, было бы торжеством всякой тогдашней оппозиции, действовавшей против Иннокентия; оно было бы вместе с гемм торжеством альбигойцев, а следовательно, и Лангедока.

Может быть, ни один человек из многочисленного воинства Оттона не думал об альбигойцах и не сочувствовал им, но таков был ход событий. Может быть, воины немецкие были фанатически набожны, но тем не менее ни одно духовное лицо в Европе не пожелало бы им победы. Поражение французов на Севере было бы сигналом удаления Монфора. На Бувинское поле должны были быть направлены последние надежды погибающих альбигойцев. Потому можно судить, как грустно отозвалась в сердцах альбигойцев и даже всех провансальцев весть о победе Филиппа

Здесь, в противоположность мюрэйской битве, опасное положение короля вызвало энтузиазм ополченцев его армии, хотя бароны французские мало сочувствовали делу Филиппа (91). Недаром после битвы только их лица не сияли радостью на этом общем празднике, где король французский сблизился со своими верными городами. Король, опершись на горожан, государь, обязанный всем этим ненавистным коммунам, не мог возбуждать их симпатии. Первая народная победа пророчила первую народную монархию, в которой кастовость должна была искорениться после веков борьбы.

Филипп, счастливый, торжествующий, истинным августом возвратился в Париж. Он не высадился, правда, на английских берегах; он не завладел королевством Иоанна, о чем думал прежде; но выиграл больше, чем полагал, — судьбы своего королевства, привязанность французского народа. Король английский получил пятилетнее перемирие. Союзники рассыпались и должны были ждать мест поодиночке. Графы фландрский и булонский, главные агитаторы коалиции, были в плену у короля и находились уже в заключении. Оттон скрылся.

— Вы никогда не увидите его лица, — сказал король, и это была правда.

Из Кельна за деньги его выпроваживают горожане, что бы очистить место его сопернику. В следующем году Фридрих коронуют в Ахене 25 июня. Это было торжеством папской политики. Империя была у ног Иннокентия. Оттон умирает в неизвестности чегыре года спустя.

Французский король мог бы после победы свободно броситься на Юг и тем завершить свое счастливое царство вание; но он был слишком осгорожен для обширных предприятий, если они не вызывались необходимостью. Видимого сопротивления в Лангедоке не было, но Филипп понимал, что эго лишь загишь, навеянное первым впечатлением великого народного сграха. Ересь скрылась, но тем стала опаснее; она влилась в кровь народной жизни и заразила ее той же враждой

к французам, какую альбигойцы должны были питать к католикам. Филипп был так расчетлив, что всегда предпочитал тайную и легкую борьбу явной и рискованной. Он подготовил своим наследникам материальные и духовные средства к покорению Юга, а сам упорно отталкивал от себя добычу. События оправдали его расчеты. На Юге таились еще те патристические силы, которые дали впоследствии (в двадцатых годах) Лангедоку возможность и средства свергнуть иноземное владычество. После Бувины Филипп не хотел пытаться счастья на непокорном Лангедоке, опасаясь проиграть такую умную игру, какой была вся его жизнь, и по-прежнему отвечал молчанием да денежным пособием на римские предложения принять крестовое предводительство.

Тем решительнее обозначились последствия Бувинской битвы на внутренних событиях английской истории. Они отразились на усилении средств и козней многочисленных врагов Иоанна в Англии. Еще во время Эдуарда Исповедника феодалы английские могли опираться на привилегии, данные им от имени короля. Генрих I подтвердил их^{*1}.

Деспотизм же Иоанна не признавал ничьих прав. Церковь искусно пользовалась этим элементом оппозиции, пока имела в нем надобность. Но когда Иннокентий восгоржествовал над королем и некоторым образом сменил в стране его авторитет, то не мог продолжать прежнюю политику. Он решился поддерживать исключительно тот порядок, который мог быть выгоден для королевской власти. В свою очередь, и прежний клиент Церкви, личный друг Иннокентия кардинал Стефан Лангтон, лишенный при внезапном обороте дел всяких надежд на прежнее влияние и могущество, поертвовал дружбой папы ради интересов целого феодального сословия, поддерживаемого владетелем Уэльса и королем Шотландии^{*2}. Интерес городов скоро совмесгился с феодальным. Общине было обещано участие в плодах победы над королевской властью. Бароны поклялись не прекращать войны до тех пор, пока не вынудят у тирана-короля подтверждения стародавних привилегий. Стефан Лангтон был одним из тайных вождей этого движения. Иоанн, по пятам преследуемый баронами, не мог сопротивляться перед столь единодушной коалицией. Девизом ее было восстановить старую свободу и преобразовать Церковь; предлогом же — присутствие всяческих рутьеров и иностранных солдат на английской земле и постоянные войны беспокойного короля.

Тем не менее в «Magna Charta Libertatum», данной Иоанном в июне 1215 года^{*1}, отразились следы особенности и той исключительности интересов, которая присуща была светской и духовной аристократии средневековых государств. В сущности, эта хартия подтвердила те феодальные права, которые имели английские бароны и которые отнимались нормандскими королями. Редакция шестидесяти трех статей этой знаменитой хартии может отчасти служить кодексом некоторых феодальных инстинктов, одним из истомников к изучению гражданского феодального права.

Иннокентий с самого начала движения стал к нему в оппозиционное отношение. «Ты всегда найдешь апостольскую нашу помощь», — писал он к королю (92). Папа прямо высказал свое неудовольствие депутации баронов. Он слишком преувеличивал силу и цели революции, тогда как тезисы хартии оказались позже санкционированными ею легатом Пандольфом, примасом Англии, магистром английских тамплиеров, архиепископом дублинским и восемью епископами, осенившими ее покровительством Божиим. Последняя статья хартии если и предписывает свободу англиканской Церкви, то тут же прибавляет, что «ни тех началах, на каких существовала она до настоящих недоразумений и какие были уступлены нам (королю) и утверждены грамотой нашей, а также согласием господним папы Иннокентия III и каковыя намерены хранить как сами мы, так и завещать всегда хранить наследникам нашим» (93).

Основная статья хартии, по которой король не имеет права назначать налогов без согласия своего «совета», и также — «каждый да будет судим судом ему равных»^{*2} — не противоречили интересам Церкви и Иннокентия (94). То же надо сказать о местных комиссиях «двенадцати» по

^{*1} Эдуард Исповедник, король англосаксов в 1042—1051 годах. Боролся с датскими нашествиями, опираясь при этом как на местную знать, так и на нормандцев (воспитывался в Нормандии). Именно нормандские феодалы, окружавшие его, и получили целый ряд привилегий. После норманнского завоевания Англии в 1066 году Вильгельм Завоеватель не подтвердил эти привилегии. Зато еще более расширил их, даровав баронам первую Хартию вольностей, Генрих I из нормандской династии (1100—1135 гг.).

^{*2} Гегемоном Уэльса в те годы был правитель независимого Северного Уэльса Ллевелин-ап-Иорверт (1194—1240 гг.). Королем Шотландии являлся вассал Иоанна Безземельного Александр II (1214—1249 гг.).

^{*1} Была дана Иоанном на лугу Раннимед, находящемся близ Виндзора.

^{*2} Отныне баронов можно было судить лишь судом из равных им по положению.

наблюдению за течением дел и о суде «двадцати пяти»^{*3}. Но папа понимал, что теократии противодействует уже то влияние, тот дух, в силу которого произошло самое движение. Ни нокентий сейчас должен был бы убедиться в непрочности системы, указанной ему его предшественниками. Она оказалась неприменимой при первом же освободительном движении в стране.

Была еще и другая причина: получив английское коры девство, Иннокентий смотрел на него как на великий церковный феодал и считал себя обязанным поддерживать там своего наместника, то есть короля. Потому он не мог признать законности революционного движения баронов, тем более что Иоанн иначе изложил ход дела, лживо и превратно изложив законные стремления баронов. Надо вспомнить также, что в лице Иоанна папа видел будущего крестоносца, изъявившего желание биться с неверными по его слову, ради блага Церкви. Становясь, таким образом, на сторону абсолютистских стремлений, Иннокентий предпочитал видеть в легальных требованиях баронов от их взбалмошного государя нарушение королевских прерогатив, а следовательно, и своих лично (95). Иоанн, прежде всего отдав приказ распустить иноземные банды, снова пригласил на службу известного нам Савари де Молеона. Мирный порядок в стране нарушился вопиющими злодеяниями. После геройской защиты крепости Вустера бароны нашли нужным обратиться к другому тирану. Сын французского короля, тот же принц Луи, вопреки запрещению папских поверенных стал готовиться к высадке в Англии, которая произошла почти через год после провозглашения Великой хартии. В июне 1216 года французский принц в самом Лондоне короновался английским королем, чтобы через четыре месяца позорно покинуть остров^{*1}.

Иннокентий уже не получил этого известия; ни его, ни Иоанна к тому моменту не стало. Приготовления к освобождению святой Земли и борьба за своего вассала с английскими баронами были предметом последних помыслов Иннокентия — он уже был свидетелем торжества всех других своих планов, когда вспыхнуло революционное движение в Англии. А это еще больше побуждало его противодействовать последнему.

Четвертый латеранский собор

Иннокентий наслаждался своим торжеством, председательствуя в сонме католического духовенства и послов от государей всей Европы, прибывших в Рим на поклон своему вождю. То было высшее и последнее торжество теократии, воплощение этой грандиозной и ненормальной идеи. Происходили заседания так называемого четвертого Латеранского собора.

Открывая заседания этого собора, Иннокентий был наверху своего счастья. Он пока не знал о восстании в Англии, будучи уверен в непоколебимости своего авторитета. Будто предвидя скорую кончину, ему хотелось привести и исполнение главнейшую мечту своей жизни. Он думал о новой войне с неверными, которая должна быть решительна и губительна для врагов Христа. Еще двенадцать лет тому назад он имел право рассчитывать на успех этого предприятия, но оно разрешилось странным и неожиданным обстоятельством — покорением христианского народа Византии, основанием новой империи, тогда как дело христианства в святой Земле было в плачевном положении.

Теперь Иннокентий ждал от созванного им собора тою, в чем он обманулся в первые годы своего правления.

В самом деле, этот собор был истинным апофеозом Иннокентия. В какой бы конец Европы он ни бросил взор, он видел осуществление своих замыслов. Даровитейший из германских императоров был его питомцем и преданным другом; Вельфы были подавлены; король французский смирился; Англия составляла удел римской короны; Арагон и пиренейские государства были под опекой легатов; Византия была покорена, а европейская часть Восточной империи разделена между латинскими баронами и венецианскими патрициями; ересь альбигойская, некогда страшная для католичества, была разгромлена; могущественный го сударь

^{*3} Создавался комитет из двадцати пяти баронов, имевший право начинать войну против короля в случае невыполнения им условий Хартии.

^{*1} Людовик VIII, тогда еще принц Луи, был женат на внучке Генриха Плантагенета, отца Иоанна Безземельного. Следовательно, он имел определенные права на английский престол. В 1216—1217 годах с ним боролись сторонники абсолютистской власти, поддерживаемые Римом. Формально во главе их стоял Генрих III, сын Иоанна (тогда ему было только девять лет). Позже он проводил последовательную антибаронскую политику, что привело к гражданской войне 1263—1267 годов, где во главе восставших стоял сын Симона де Монфора.

Лангедока, граф Тулузы, был лишен владений; прочие бароны провансальской речи были под той же опалой; непокорные общины Юга, имевшие смелость приютить еретиков, трепетали за свою безопасность; на далеком Севере, у берегов балтийского поморья, прививалась, хотя и насильственно, католическая проповедь^{*1}. Счастье, удивительное торжество шло в след каждому проблеску мысли Иннокентия. И теперь он созывал католическое духовенство, чтобы создать в его присутствии не только последние каноны латинской Церкви, но и окончательно сформулировать ее догматику. Он завершает этим собором здание католицизма.

И собор вполне соответствовал величию дела. Такою многочисленного и блистательного собрания никогда не видали стены Латерана. Приготовления к нему производились еще с начала 1213 года. Монфор торжествовал тогда над альбигойцами и на полях Мюрэ поражал их пылкого союзника. Манифесты, разосланные тогда, говорили, что целью этого двенадцатого вселенского собора, задуманного по обычаю древних отцов Церкви, будет: искоренение всяких пороков, насаждение добродетелей, преобразование нравов, уничтожение ересей, укрепление веры, прекращение раздоров, закрепление мира, ограждение свободы. Наконец, Иннокентий собирался подвигнуть христианских князей и народы на завоевание св. Земли и произвести должные изменения в быте высшего и низшего клира. Последние две цели были главнейшими (96).

Срок в два с половиной года был достаточен, чтобы прелаты заблаговременно обдумали все, что необходимо для улучшения положения их паств и епархий; большая часть должна была лично прибыть в Рим. В каждой провинции оставалось только по два епископа, но и им велено было присылать за себя аббатов (97).

Одной из главных мыслей, воодушевлявшей членов собора и самого папу при открытии заседаний, были те же еретики Лангедока; настоящий собор должен был провозгласить и узаконить их уничтожение, которое, как ошибочно всем тогда казалось, фактически уже было достигнуто оружием. Но, — прихотливо распорядилась судьба, — от этого же собора гонимые феодалы Юга и даже сами альбигойцы ожидали облегчения своей участи. Монфор ждал одобрения своих подвигов и распоряжений; Раймонд здесь же искал защиты от них.

В день святого Мартина, 11 ноября 1215 года, под сводами церкви святого Иоанна Латеранского открылось первое заседание достопамятного собрания. Запад и Восток прислали своих представителей. Тут присутствовало четыреста двенадцать епископов, девятьсот аббатов и приоров и большое число прочего духовенства и монахов всех орденов (98).

Рим был тогда в полном блеске и отчасти напоминал дни своей старой славы. Тут сидел сам патриарх Иерусалимский, вытесненный из своей столицы и просивший защиты Иннокентия. Тут были послы патриархов Антиохии и Александрии и католический архиепископ Константинополя. С цветным духовенством мешались рыцарские доспехи герцогов, князей, баронов, мантии и кресты госпитальеров и тамплиеров. Тут были послы императоров германского и константинопольского, королей французского, английского, арагонского, кастильского, наваррского, леонского, португальского, венгерского, датского, иерусалимского и деспота эмирского. Тут были рыцари из армии Монфора с крестами на рукавах, вместе с его братом Гюи, под эгидой всесильных легатов и пышных епископов Лангедока, — всеми уважаемые, всех интересовавшие и от всех скрывавшие свои нерыцарские подвиги в стране, которую они опустошили. Тут же были гордые горожане богатых итальянских республик; тут же искал милости скромный посол развенчанного Оттона.

И между всем этим множеством лиц уединенно сидели, в простых одеждах, как бы ожидая ужасного приговора, два Раймонда Тулузских, отец и сын вместе с осужденным виконтом; с ними было несколько лангедокских феодалов, лишенных родины и наследства. Этим людям чурались все, кроме нескольких горожан, соединенных с ними одними чувствами, — депутатов некогда царственной, а теперь опальной Тулузы, посланных разделить участь своих государей и, если возможно, — защитить их и свой род от нападков легатов и Монфора, перед которым Тулуза с горечью сердца недавно принуждена была склонить свою голову. Среди этого подавляющего блеска патриархов, прелатов и князей всех концов света, ожидавших реформ и Церкви, как-то затерялись Раймонд и провансальцы, как то умалились их альбигойские интересы с их собственной Церковью. Но эти отверженные сознавали, что их не столько презирают, сколько опасаются как заразы, хотя они, бывшие католиками по обрядности, виноваты были только тем, что сочувствовали горькому положению альбигойцев, их земляков.

С первых же звуков папского голоса они поняли, что они, ничтожные, призваны играть здесь

^{*1} Речь идет, напомним, о католическом завоевании Прибалтики.

не последнюю роль, что их родина не уходит из мыслей Иннокентия, появившегося в храме и открывшего речью торжественный собор. Раймонд Тулузский, участь которого, может быть, зависела от этого дня, стал слушать с напряженным вниманием.

Иннокентий говорил на текст Евангелия от Луки по поводу слов Спасителя, сказанных на тайной Вечери: «Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания...» (XXII, 15). Грустным предчувствием смерти отзывается начало папской речи.

«Так как Христос есть дух мой, — говорил Иннокентий, — а смерть — благо мое, то я не откажусь испить чашу страданий, если Всевышнему угодно излить их на меня в своих неисповедимых предначертаниях. Я должен принять эту чашу, которая вручена мне для защиты веры католической, освобождения Святой Земли и свободы нашей Церкви. Может быть, много бы еще мне хотелось пожить между вами, до тех пор, пока увижу плоды того дела, которое Господу угодно было возложить на меня. Но да ис полнится Его святая воля, а не мое мирское желание. И теперь снова повторяю вам: я пылаю искренним желанием вкусить с вами грядущую Пасху, прежде нежели оставлю этот мир... Призываю Всевышнего во свидетели, что желаю ние это духовное; я хочу вкушать пасху между вами не ради удовлетворения земного, не ради славы мира сего, а для блага Церкви, особенно же во освобождение Земли Святой...»

После объяснений значения пасхи еврейской и христианской Иннокентий провел перед слушателями аналогию настоящего празднования с одним из событий еврейской истории.

«В книгах Царств мы читаем, что храм иерусалимский был восстановлен в восемнадцатый год царя Иосии и что тогда, по причине этого события, праздновалась пасха с такой торжественностью, что подобной не видали со времен судей. Не служит ли это напоминанием того, что должно сейчас произойти здесь, между нами? Не знак ли это того, что в этот восемнадцатый год первосвященства нашего храм Господень, то есть Церковь, будет восстановлен и что мы вместе будем праздновать пасху, то есть святой собор, который знаменует эру наступления добродетели, собор народа христианского, собор князей и владык католических, это зрелище невиданное со времен св. Отцов? Я твердо полагаюсь на того, который дал такой завет своим верным слугам, сказав: "где двое или трое из вас соберутся во имя мое, там и я посреди их", верю, что Он теперь находится в этой самой базилике среди нас, собравшихся во имя Его и ради великого дела Его».

Затем, в изящно отделанных оборотах, папа перешел к объяснению аллегорического понимания троякого смысла Пасхи: телесной, духовной и вечной, где между прочим сравнивал и себя с тем слугой, который, бодрствуя, должен ожидать своего господина и блюсти чистоту паствы. Он намекнул собравшимся пышным прелатам на их пороки, не скрыв, что сама римская курия не безупречна от них. Его обязанность не только лечить эти пороки, но и карать, разить их. Иначе горе земле, горе народам... Тогда и вера исчезнет и умрет, религия станет одной формой, свобода погибнет в развалинах, правосудие будет попрано ногами. Еретики выплывут на поверхность, злые выкажут всю свирепость свою, а сыны Агари (так назывались мусульмане) восторжествуют. Под конец речи папа сменил тон. Он говорил, «что теперь, если планы его на наступающем соборе осуществляются, настанет то время, когда мир должен перейти от труда к покою, от порчи к исправлению, от печали к радости, от страданий к счастью, от смерти к жизни» (99).

В последних словах этой обширной речи проявилась средневековая теократия, заговорили ее надежды и замыслы. Никакая оппозиция, никакая самобытность, как греческая Церковь, хранившая нерушимо святое учение и более христианская, не принимались во внимание в этом системе, рассчитывавшей охватить весь мир, под формулой, столь резко и безапелляционно провозглашенной здесь: Римская Церковь есть мать всех Церквей.

Тем ужаснее грозила быть судьба альбигойских еретиков. Еретики были не последним предметом многочисленных распоряжений собора. Семьдесят соборных канонов, в большинстве исходивших от папы, охватывают всю организацию Римской Церкви, начиная с учения, причем первый из них объясняет догмат о пресуществлении. Тот же канон, под видом обязательного вероисповедания, в сущности исключительно направлен на альбигойских еретиков. Всякое уклонение от того, что предписывалось на этом соборе, было нечестием.

Невидимое, но всевидящее папское око через посредство духовенства должно было оцепить весь мир одной со тью, подчинить его своей власти. Каноны, занимающие нас, являются не только литературным памятником, но и государственным документом теократии (100). Достаточно того, что почти весь протокол трех заседаний латеранского собора 1215 года вошел в знаменитое «Corpus juris canonici clausum» и составил его существеннейшее основание.

Каждый католик обоого пола должен был непременно избрать себе духовника и исповедовать перед ним все свои грехи по крайней мере раз в год, соблюдая установленное покаяние (по канону XXI). Каждый, если на нем не лежи: духовного запрета, должен по крайней мере раз в год приобщиться к святым Таинствам под опасением отлучения от Церкви и лишения достойного христианина погребения. Каждый должен советоваться в делах совести со своим духовником. Сами духовники должны исповедоваться или у своих старших, или у священника постороннего прихода Родство, даже в четвертой степени (по канону L), признавалось препятствием к браку.

Принимая на себя чисто государственные обязательства, папа на этом же соборе подготовил основания для инквизиционного судопроизводства, вошедшего впоследствии в светский, гражданский и уголовный кодекс (канон VIII).

Вместе с тем папа хотел, чтобы католическое духовенство при той безграничной деятельности, которая пред назначалась ему, было достойно своей жизнью обязанностей, возлагаемых на него. На епископах отныне лежал долг улучшать нравственное состояние клира, безапелляцион но им подчиненного; в наказаниях они пользуются неограниченными правами (канон VII). Поведение духовных лиц расписывалось со всеми подробностями (каноны XIV и XIX) — для них был воспрещен пестрый цвет одежды, они отрекаются от всяких удовольствий, в обязанностях богослужения они должны быть особенно искусны (канон LIX). При кафедральных церквях для проповеди должны быть особые ученые магистры, которые учат клириков богословским наукам, а при епархиальных церквях — доктора богословия, которые учат самих священников «Писанию и душевному спасению» (канон XI).

Иннокентий, мало расположенный к монахам, запретил им брать в руки деньги без разрешения аббата (канон VI). Он не только не хотел утвердить новых монашеских орденов — доминиканского и францисканского (вопрос об утверждении которых в то время был насущным), но даже постановил, что никто впредь не может основывать особого ордена, а всякий новый монастырь должен подчиняться одному из прежних уставов (канон XIII).

Сохранив за собой право вмешиваться в светскую юрисдикцию, духовные лица не должны произносить смертных приговоров, им было запрещено присутствовать при казнях. Они не должны ни под каким видом делать хирургических операций, в которых приходится прибегать к прижиганиям и ампутациям, они должны избегать одного вида человеческой крови.

Стараясь поставить духовное сословие вне влияния дурных человеческих страстей, собору следовало обратить внимание на симонию, особенно сильную в женских монастырях. Она была запрещена во всех ее видах (каноны LXIII— LXV). Цены, придуманные епископами за посвящение и за раздачу мест, были строго запрещены, так же как и торговля при монастырях священными предметами, особенно мощами и таинствами (каноны LXII LXV, LXVI).

Епископы отныне могли пользоваться отлучением лишь в силу самых крайних причин, и притом с особою осмотрительностью (канон XLVII). Зато духовенство не подлежало светской юрисдикции (канон XLII), оно не приносит мирянину присягу верности, иначе как за земли (канон XLIII), в своих бенефициях оно может не исполнять приказаний сюзеренов (канон LXIV).

Доходя до всех мелочей церковной и практической жизни, проникая в частный быт семейств, предписывая, например, особые одежды евреям и сарацинам в отличие от христиан (канон LXVIII), в то же время снисходительно позволяя евреям занимать общественные должности, если только эти должности не подчиняют им христиан (канон LXIX), собор был беспощаден только относительно еретиков, то есть альбигойских дуалистов, составлявших большинство в тогдашней оппозиции.

Мы заметили, что первый канон намеренно приводит ортодоксальное исповедание католической веры, чтобы тем дать средство предотвратить заблуждение и увлечение альбигойством, о котором не упоминается здесь ни единым словом, с целью показать, что собор считает для себя унизительным вступать в полемику с еретиками. Вся эта полемическая статья имела скрытый смысл, каждая ее фраза была направлена против известных положений дуалистического богословия. Тут говорится о трех лицах единого Бога: Бог — единое начало всего существующего, мира, духа, тел, ангелов, людей, дьявола, демонов. которые если некогда и были равны с ангелами, то погубили себя по собственному произволу; далее о воплощении Сына, о двух природах его, о его крестной смерти, воскресении, вознесении и втором пришествии, о будущем суде живых и мертвых, о Церкви и таинстве причащения, о Крещении, которое имеет такую силу, что впавший в грех после совершения таинства, исполненного с раскаянием, может снова обратиться к Церкви; наконец, о том, что не только девы и целомудренные, но одинаково и

состоящие в браке, истинной верой и доброю жизнью угодившие Богу, могут достигнуть вечного блаженства (101).

Не вступая в полемику с альбигойцами, собор в следующей же статье опровергает заблуждение калабрийского монаха Иоахима Флорского, этого мистика и визионера XII века, учителя Томаса Мюнцера и всех современных ему немецких утопистов, увлекшегося пантеизмом и религией чистого духа. Его ересь не имела ничего общего ни с альбигойской, ни с рационализмом вальденсов; ее даже нельзя назвать ересью в смысле учения систематического, так как она была плодом напряженных мечтаний порывистого, недовольного формальностью и буквой религии ума, в туманных видениях грезившего о будущем царствии, ожидавшего после всемирного пожара золотой эры счастья и свободы.

Собор напал на этого мечтателя по поводу его сочинения «О единстве или троичности Церкви», направленного против Петра Ломбарда, сторону которого принял Иннокентий, открыв в учении Иоахима четвертое лицо Троицы (102). Открывая таким образом мнимое противодействие там, где его вовсе не было и где оно, во всяком случае, не могло быть опасным, собор из какого-то чувства гордости не хотел вспоминать про учение альбигойцев, которое между тем не переставало занимать его более всего.

Это обстоятельство показывает, какую магическую силу продолжало иметь альбигойство, представляя собой что-то демоническое даже в то время, когда на Лангедок уже обрушились все грозы Рима.

Зато в третьем каноне собор предписывает ряд карательных и предупредительных мер против еретиков вообще, и уже одни эти меры показывают, что опасность существовала, что оппозиция еще грозила Риму из Лангедока и что относиться к ней тоном победителя было несколько несвоевременно.

«Все подозреваемые в ереси, — так гласит соборный канон, — лишаются своих светских прав, и бальи (королевские наместники) облагают их штрафом». Если они из духовных лиц, то предварительно лишаются своего сана. Имущество единомышленников ереси конфискуется, если они лица светские; если же духовные, то оно отдается той церкви, собственности которой оно составляло прежде. Тот, кто заподозрен в ереси, отлучается и, если в продолжение года он не может оправдаться, будет признан еретиком. Светские власти должны принести присягу в том, что откажут в покровительстве законам тем, кто будут признаны еретиками; иначе их следует принудить к тому мерами церковной дисциплины. Епископы отлучают таких непокорных государей и князей и доносят папе о тех, кто будет упорствовать в продолжение года, тогда папа объявит их вассалов освобожденными от вассальных обязанностей и принадлежащие им земли отдаст первому католику, который захочет ими воспользоваться. Новый владелец будет владеть новоприобретенными землями без всяких препятствий, он обязан только очистить свои владения от еретиков. Те, кто примет участие в крестовой войне с еретиками, получают отпущение, какое постановлено за походы в Палестину. Все альбигойцы, так называемые «верные», их соучастники и защитники отлучаются, если в продолжение года не принесут покаяния; тем самым они объявляются неспособными к общественным должностям, к свидетельству и судебным делам, они не могут составлять завещаний и получать наследства. Никто не должен защищать их — если они из рыцарей, то их честь не признается, если из судей, то их приговоры не имеют силы, если из духовных лиц, то лишаются всех прав своего сана и своих земель. Лишение всех гражданских прав для них настанет с того времени, как обнародованы их имена, и если кто тогда будет иметь с ними общение, тот тоже отлучается; священники ни в каком случае не должны давать им святых Тайн, не допускать к церковному погребению; запрещается уделять для них милостыню. Запрещается публичная и частная проповедь светским лицам, которые незаконно, без разрешения католического епископа, под видом благочестия, присвоили себе это право, — в этом заключался намек на обычай вальденсов, никому не возбранявших проповеди.

С целью предотвращения ереси каждый епископ должен был посещать разные местности своей епархии и если не успевал, то отправлял доверенного викария. Трое искусных и знающих лиц должны сопутствовать ему — они-то и выведывают места убежищ еретиков. Обвиненных приводят к епископу, и он вынуждает их сознаться. Тот, кто отказывается принять требуемую присягу, признается за еретика. Наконец, епископы, мало ревностные в исполнении обязанностей относительно еретиков, теряют свои кафедры.

В три заседания (11, 20 и 30 ноября) была создана эта полная редакция канонического права. Уже только поэтому трудно поверить, что она была делом исключительно собора, который должен был, кроме того, заняться другим важным делом: разбором тяжбы государей. На одном из

заседаний в качестве подсудимых явились перед синклитом соборным наши старые герои — граф Раймонд, его сын и граф де Фуа. Представителем Симона Монфора был его брат Гюи. Дело вышло так, что защитником провансальцев явился... сам Иннокентий.

Провансальская поэтическая летопись довольно долго останавливается на этом споре, где одна сторона защищала стародавние права и обычаи, другая же была представительницей силы. Стихотворцу-хроникеру, самому ревнителю старины, казалось, что лучшим людям собора нельзя было не сочувствовать и не поверить знаменитым графам Тулузы и Фуа и прекрасному юноше, сыну первого.

Предупреждаем, что будем держаться слов певца Тулузы и провансальских феодалов.

Папа, говорит певец, взглянул на отрока, на его грустное лицо. Он знал благородное его происхождение, знал про все обиды от Церкви и от ненавистных прелатов, которые вытерпел он. Сердце папы было так тронут жалостью, что он вздохнул, а потом слезы потекли из его глаз. И не было бы оказано на этом соборе ни права, ни веры, ни справедливости, если бы не папа, который всегда был мудр и рассудителен. Перед всем двором своим, собором и баронами он доказал документами и засвидетельствованными словами, что за графом тулузским нет таких преступлений, за которые он должен был бы лишиться государства своего, доказал, что находит его добрым католиком, и что в силу всего этого он хочет заключить с ним договор, по которому граф удерживает свои земли и управляет ими, пребывая в вассальной зависимости у виконта Монфора, без согласия которого пока не будет распоряжаться своими землями. Таково было искреннее желание Иннокентия, и на такое условие Раймонд согласился с большой охотой. Но тому не суждено было осуществиться.

Граф де Фуа, продолжает рассказчик, услышав папское решение, также стал надеяться на счастливый исход. Со свойственным альбигойцам лицемерием он говорил папе, этому «истинному отцу, который также наполняет весь мир своею славой, как город святого Петра и свой собственный удел», что напрасно считали его неверующим и еретиком, что он таким никогда не был. Он говорил, что «его государь, граф тулузский, отдал милосердию святого Престола себя и свое государство, Прованс, Тулузу и Монтобан, а между тем все граждане были преданы казням и истязаниям и отданы злейшему из врагов, коварнейшему из людей — Симону Монфору, который их заковывал и вешал, уничтожал и беспощадно тиранил. И потому с тех пор, как мы попали под покровительство вашего святейшества, — продолжал граф де Фуа, — к народу нашему пришли бедствия и тяжкое ярмо». Он сослался на кардинала-легата Петра, который действительно подтвердил его слова. Аббат, в свою очередь, засвидетельствовал, что граф «послушно ходит перед Богом и папой». Тогда смутился Фулькон, епископ тулузский. Он с решительным видом поднялся со своего места и посыпал на графов обвинения.

— Господа, — начал он, — вам говорили сейчас, что граф де Фуа не причастен ереси, а я вам должен сказать совсем иное. В его-то земле ересь и пустила свои корни. Он уважаем и любим еретиками, все графство его ими переполнено. Замок Монсегюр построен именно с той целью, чтобы прикрывать и защищать их. Все знают, что сестра его сделалась еретичкой с тех пор, как овдовела; в Памьере, где она провела более трех лет, она совратила множество людей в свое нечистое верование. Не он ли, наконец, разбил, рассеял и умертвил шесть тысяч тех несчастных пилигримов, которые шли служить Богу и кости которых покоятся теперь на полях Монжуа и которых Франция и по сие время еще оплакивает? Может быть, и сейчас в воротах Памьера раздаются стоны и крики истерзанных и ослепленных пилигримов. Нет, тот, кто убивал, мучил, тиранил, не должен более владеть христианской землей. Это будет ему лишь законное возмездие.

При последних словах неожиданно поднялся один провансалец, Арнольд де Виламур, из свиты тулузского графа. Он не мог терпеть насилий крестоносцев. Он не мог умолить о чувствах даже здесь, в нем заговорила ненависть.

— Господа, — сказал он, — если бы я знал, что слух об этом происшествии дойдет до Рима, то еще больше бы носов и ушей потеряли эти разбойники крестоносцы!

— Этот смельчак — сумасшедший! — раздалось со всех концов залы.

Но граф де Фуа не дал обрушиться мести на голову своему неловкому защитнику и продолжал свое оправдание.

— Меня защищает моя совесть, — продолжал он. — Если бы только суд был справедлив, то, конечно, я вышел бы из него оправданным. Я никогда не любил еретиков, ни их «верных», ни «совершенных». В монастыре больбонском меня всегда знали за благочестивого человека и за друга; там похоронены все мои предки. Что же касается до замка Монсегюра, то я должен сказать вам, что этот замок вовсе не принадлежит мне. А если моя сестра прелестница и грешница, то не

должен же я погибнуть из-за нее. Если она и жила на моей земле, то имела на то полное право, ибо отец мой умирая указал, что каждый из его детей может вернуться в свою родную страну, где воспользуется ласковым приемом и всем необходимым. И я клянусь вам, господа, что никогда добрый пилигрим или богомолец, направлявшийся ко святым местам, не бывал ограблен, оскорблен, никогда не трогали его мои люди. Но что касается до разбойников, не имеющих ни чести, ни веры, но носящих крест, для нас столь тяжелый, то сознаюсь в том, что ни один из них не миновал рук и расправы моих слуг, и я радуюсь душевно, если кто-нибудь из них убит или замучен, и это понятно: избавляясь от них, я защищал себя от зла... Что же касается до епископа тулузского, здесь присутствующего, то не ему бы говорить обо мне. Этот епископ убил более десяти тысяч человек больших и малых, и сказать по истинной правде, он своими делами, словами и поведением походит более на антихриста, чем на римско го легата. Легат обещал, что государь-папа возвратит мне мое наследие, и если это сбудется, то клянусь именем Божиим, что впредь соблюду Его закон. Кардинал, господин мой, засвидетельствует, что я заслуживаю того, а если мне не возвратят того, что надлежит, то значит хотят нарушить всякую правду и закон.

При этих словах папа прервал графа.

Провансальский поэт, пользуясь этим случаем, влагает в уста Иннокентия речь, которая выражает отношение друзей альбигойского дела к знаменитому вождю католичества.

— Граф, ты благородно говорил, но, вступаясь за свои права, ты старался умалить наши. Я сам знаю все, что надлежит делать с тобой и чего ты заслуживаешь. Если будет доказано, что ты прав, ты получишь твой замок в том виде, как передал его. Хотя святая Церковь осудила тебя, тем не менее ты найдешь снисхождение в ней. Церковь должна изречь всякого грешника, заблудшего, потерянного, как бы он ни был преступен, если только он искренне раскаивается и подчиняется ей. И вы все, здесь присутствующие, внимайте словам моим — я хочу, чтобы все знали волю мою, желаю всегда видеть моих учеников поступающими законно, желаю, чтобы они несли прощение с убеждением, как воду с огнем, чтобы снисхождение, кротость и смирение не оставляли их, чтобы судили они мудростью, а не одним мечом и крестом, чтобы шли по стезе справедливости, следуя внушениям истинной чистоты и не делая ничего, что запрещено Богом. Всякий, кто проповедует что-либо иначе, не исполняет моих приказаний и не следует моей воле.

Еще один человек порывисто поднялся в защиту юного виконта безьерского. Монфора гласно уличали в убийстве старого виконта, со смертью которого пропала половина благородства и куртуазности.

— Если ты, святой Отец, не возвратишь наследственной земли виконту, — сказал поднявшийся барон, — то грехи жертвы падут на твою голову. Возврати ему теперь все, ибо в день последнего суда никто не избегнет возмездия.

— Какая гордая речь! — слышалось между баронами.

— Друзья, — сказал папа, стараясь потушить общее волнение между прелатами, — справедливость будет восстановлена.

С этими словами Иннокентий оставил собрание, в котором напряжение дошло до крайности. За ним стали расходиться остальные. Заседание было закрыто.

Папа удалился в аллеи своего дворцового сада, рассказывает провансальская летопись. С ним были его приближенные, которые успели сдружиться с прелатами Юга. И те и другие стали, по обыкновению, жестоко обвинять провансальцев вообще, и особенно альбигойских графов.

— Если ваше святейшество возвратит им земли, — говорили прелаты, — мы совсем пропали. А если государем будет Монфор, то мы спокойны за себя и за веру.

Но Иннокентий не имел личных интересов ни в системе, которую проводил, ни в тулузском деле. Он не был фанатиком, подобно прелатам, и не позволял тщеславию заглушить голос справедливости.

— Как я могу без оснований, без причины совершить такую ужасную несправедливость, лишиться наследства графа, который считается истинным католиком, отнять у него всякие права? — отвечал Иннокентий. — Нет, это было бы незаконно, и я не могу согласиться, чтобы Симон владел всем тулузским государством. Кроме доли сирот и вдов, я исключаю оттуда всю сторону от Пюи до Ниорта и землю еретиков от Сен-Жилля до Порты.

Казалось, всякий должен бы согласиться с таким решением, которое стремилось примирить обе партии. Недовольна была только крайняя партия легатов и Фулькон, епископ тулузский, действовавший с последними заодно.

— Государь-папа, — начал он, — как ты можешь столь несправедливо лишиться владений графа Монфора, который считается вернейшим сыном святой Церкви, лучшим подданным и

твоим другом? Сколько бедствий и трудов перенес он, чтобы уничтожить еретиков и всяких разбойников, и вдруг, когда цель достигнута, ты отнимаешь у него все плоды завоеваний, отнимаешь земли, города, крепости, завоеванные крестом и мечом. Ты отнимаешь у него таким образом Монтобан и Тулузу вместе с землями заклятых врагов. Никогда не было суда столь несправедливого, приговора столь безжалостного! Над графом Монфором производится насилие. Если графы тулузский, коммингский и Фуа — истинные католики, то прекрасно, за что же лишать их того, что они имеют? Тогда отдай им Прованс, отними у Монфора все его завоевания. А я тебе, святой Отец, прямо скажу по истинной совести, что между этими «невинными» нет ни одного католика, ни одного верного клятвам. И если ты осудишь Симона, то пред всем миром покажешь, что презираешь настоящие заслуги и не имеешь благодарности.

Архиепископ Оша, со своей стороны, поддержал эти смелые слова.

Папа хотел знать мнение всех прелатов собора. Он вернулся в церковь и возобновил заседание. Многие настаивали на наказании Раймонда. Протестовал только архидиакон лионский.

— Братья, — начал он, — эти обвинения не угодны Богу. Известно, что граф Раймонд одним из первых поднял крест на еретиков. Он защищал Церковь и исполнял ее повеления, и если теперь Церковь вместо того, чтобы защищать его, начинает преследовать, то поступает несправедливо, и каждый из нас должен огорчаться в глубине души такому поступку. А вы, государь-епископ, — продолжал он, обращаясь к Фулькону, — вы своими яркими проповедями и жестокой речью возбудили кровопролитие, в котором погибли сотни тысяч людей, которых нельзя не оплакать. Государь-папа милостив и справедлив, он не допустит, чтобы такой благородный человек, как граф Раймонд, лишился всего, оплакиваемый всей землей.

Арнольд, заклятый враг Раймонда, постарался загладить неблагоприятное впечатление, произведенное этой благородной речью:

— Великий государь, святой Отец, не верьте этим словам, крепитесь, не уклоняйтесь с прямого пути, не увлекайтесь лестью и сомнением, судите смело и повелевайте!

Иннокентий долго не позволял себе увлечься общим настроением прелатов. Но он понял, что теперь трудно не исполнить обещанного. Провозгласить Раймонда правым значило со стороны прелатов отказаться от всего прошлого, идти против себя. Папа также зашел слишком далеко, чтобы повернуть назад. Одна несправедливость влекла за собой другую. Такое положение было тем неприятнее, что в душе своей папа сознавал правоту дела провансальцев — так, по крайней мере, думает провансальский историк. Его мнение, конечно, было распространенным в то время голосом народа, следовательно, оно не было лишено оснований, как и все словопрения на соборе, записанные им.

— Церковь должна прощать кающихся, — продолжал утверждать папа. — И если бы граф Раймонд был действительно виновен или сделал дело, негодное Богу, я должен помнить, что он пал к ногам моим с раскаянием и с готовностью повиноваться. Потому послушайте мое мнение. Я объявляю графа Раймонда истинным католиком. Я не могу согласиться на то, что вы от меня требуете. Я не могу отдать Монфору тулузскую землю, ибо не вижу к тому достаточной причины.

Известный нам Феодосий, бывший легат, перебил Иннокентия:

— Государь, великие заслуги Монфора, изгнавшего ересь и защитившего Церковь, дают ему право на обладание покоренной страной.

— Но, отец Феодосии, мы знаем, что Симон действовал без разбора, он истреблял и католиков, как еретиков. Каждый месяц я получал сведения о великом плаче той земли.

Тогда несколько южных прелатов вступились за Монфора.

— Хорошо ли известно вашему святейшеству все происходившее в Лангедоке? Известно ли, что Монфор для того так долго пробыл в Каркассоне, чтобы уничтожить нечестивых и изгнать еретиков, альбигойцев, разбойников и вальденсов и заселить страну католиками, норманнами и французами? После, с крестом в руке, он покорил Аженуа, Керси, тулузскую область — все, кроме столицы, Фуа и Монтобана, и все это он повергнул в руки святой Церкви. После этого нет причин лишать его и Церковь всего приобретенного. И мы объявляем, что будем защитниками его против кого бы то ни было.

Иннокентий еще пытался устоять на законной почве:

— Я не могу, друзья мои, скрыть сожаления о том, что между вами поселились несправедливые и гордые. Мы должны поступать в каждом случае по справедливости, а вы хотите, чтобы мы забыли ее и последовали злым внушениям. Если граф тулузский заслуживает осуждения, то чем же наконец виноват его сын, почему он должен лишиться своего законного наследства? Иисус Христос сказал, что сын не повинен в грехах отца. Вспомните, прелаты и баро-

ны, — когда первые крестоносцы шли на Лангедок и взяли Безьер, отрок был еще так юн, что не мог отличить хорошего от дурного. Кто же посмеет произнести над ним смертный приговор, когда закон и справедливость за него?

Тогда со всех сторон раздались крики:

— Государь, не бойтесь: пусть и отец и сын идут куда хотят и куда им назначите. Государство же отдайте графу Симону, пусть он будет государем.

Слабого голоса епископа Озмы и провансальских рыцарей никто не мог расслышать. Папе пришлось быть защитником обвиненного. Ввиду решительного настроения собора он опасался идти наперекор и успел отстоять только одно — оставить за юным Раймондом Венессен и имперское вассальство, а если он будет любить Бога и Церковь и не встанет перед Ним ни мятежником, ни изменником, Бог передаст ему Тулузу, Ажен и Бокер. Напрасно было также заступничество английского посла, представлявшего письма своего государя. Мы знаем, каким слабым авторитетом пользовался Иоанн между тогдашними теократами.

— Аббат, — с горьким чувством сказал Иннокентий послу, — я не могу сделать ничего. Все прелаты восстают против меня, и я должен скрывать свои чувства и не давать никакого повода, дабы молодой граф не нашел во мне ни друга, ни покровителя. Но я уверен, что молодой человек с его благородным сердцем сумеет терпеть и страдать, и если будет достаточно смел, то возвратит и свое наследство. Пусть только он будет благочестив, и Господь поможет ему, пусть всегда помнит, что камень падет на главу грешника (103).

Эти слова относились к Монфору, который тем не менее был признан государем Тулузы. Несправедливость была возведена в закон. Все вышеизложенное показывает, насколько виновен в том Иннокентий, и оно же объясняет, что система, за которую обвиняют Гильдебранда и Иннокентий III, обязана существованием своим не им, а духу времени, — они только восприняли ее идеи и пошли во главе их. Если бы приведенные слова в действительности не были сказаны Иннокентием, то одно то, что так думает современный ему трубадур, патриот Юга, друг коммуны, феодалов, писатель, снисходительный к ереси, дает право утверждать, что Иннокентий разделял мысли, высказанные выше.

Против личной воли Иннокентию выпало на долю сформулировать соборное решение и подписать грамоту, незаконно завершающую первый и важнейший акт альбигойской борьбы, которым мы завершаем первую часть нашего труда. Вот ее содержание:

«Целому миру послужит то, что предпринято проповедниками и крестоносцами для истребления еретиков и мятежников в провинциях нарбоннских и в соседних землях. Милостью Божьей, успех сопутствовал нашим попечениям. Теперь еретики и разбойники изгнаны, в стране царит католическая вера и господствует братский мир. Но так как эта новая лоза должна быть орошаема на той же почве, то мы решили, по совещании с собором, принять к тому надлежащие меры.

Граф тулузский Раймонд, виновный в тех двух статьях, с давних пор и по разным причинам признанный неспособным управлять страной в интересах веры, должен быть навсегда исключен от государственной власти и жить вне земли своей, в приличествующем ему месте, и там, принеся достойное покаяние по грехам своим. Ежегодно он будет получать на содержание четыреста серебряных марок. Жена же его, сестра покойного короля арагонского, которая, согласно общему свидетельству, женщина добрых нравов и чистая католичка, может пользоваться вполне и беспрепятственно деньгами, которые даны ей в приданое, под условием, что управлять ими она будет согласно предписаниям Церкви и притом так, чтобы дело мира и веры не терпело никакого ущерба, иначе ей дадут вознаграждение, какое заблагорассудится престолу апостольскому.

Все же домены, какие крестоносцы отняли от еретиков, от «верных», их соумышленников и укрывателей вместе с городами Монтобаном и Тулузой, которые более всего повреждены ересью, должны быть предоставлены, с сохранением прав католических мужчин, женщин и церкви, графу Монфору, мужу храброму, более всякого другого содействовавшему успеху этого дела.

Остальная же часть страны, не завоеванная крестоносцами, должна быть отдана, согласно велению Церкви, на охрану людям, способным соблюдать и защищать интересы мира и веры, с тем чтобы после передать ее единственному сыну графа тулузского, когда он достигнет законного возраста и будет заслуживать владения всей этой землей или только частью ее, как будет признано лучше» (104).

Владения графа де Фуа другим актом признавались под покровительством и властью Церкви впредь до особого распоряжения. Графа коммингского постигла, вероятно, та же участь.

Отсюда можно судить, какие перемены грозили наступить на Юге и какую роль суждено было играть в них альбигойству. Ересь самым папой провозглашалась уничтоженной. Цель крестового похода достигнута. Католичество насаждено и представляется на Юге «новой лозой».

Из лотерейной игры с сильным врагом Раймонд, снаружи католик, в душе друг и вождь альбигойцев, вышел несчастным изгнанником. Победенный, лишенный родовых земель, он должен был довольствоваться пенсией. Чуждый барон овладевает большей частью его государства. Монфор царит от пределов Безьера до океана, его владения граничат с Пиренеями. Ничтожный клочок достается сыну Раймонда. Чуждые нравы, характеры вторглись в Прованс.

Все это было накануне появления нового завоевателя, который уже давно сторожил альбигойцев и крестоносцев. Четвертый латеранский собор подготовил формальное завоевание Юга французскими королями, заранее узаконив офранужение страны.

По окончании заседаний собора Раймонд испросил у папы прощальную аудиенцию. Иннокентий принял его вместе с графом де Фуа. Позже Раймонд передавал содержание этой беседы, воспроизведенной провансальской поэмой. Раймонд начал жаловаться папе на насилия и описывать свое ужасное положение:

— Кто не удивится, когда увидит графа тулузского в таком положении, графа, у которого нет ни города, ни замка, куда он мог бы приклонить голову. Надеюсь на тебя, я покорился, передал тебе свой город — и что же вышло? Твои слова и мое доверие сделали теперь то, что я не знаю, куда идти. Страшно подумать, что я, который привык одалживать других, теперь должен довольствоваться чужою милостью. А сын мой? Он даже не умеет грешить, ты же лишил его наследной земли. О ты, который должен служить олицетворением благородства и справедливости, вспомни Бога и правду. Твоя вина в том, что на всем свете нет теперь пяди земли, куда бы я мог бы ступить своей ногой.

Папа выслушал его, он был задумчив и грустен.

Граф, — ответил он, — ты не должен терять смелости. Я знал, что делал. Жди, надейся, — и, может быть, я буду в состоянии возратить твои права и исправить совершившееся. Если я лишил тебя наследства, Бог пошлет тебе другое, потерянное. Он может возратить тебе. Сети, опутывающие тебя, Он может разорвать, мрак — прояснить. Так как все во власти Божьей, ты не должен отчаиваться в Нем, и если Господь продлит дни мои, чтобы восстановить Церковь правды, то я возвышу права твои так высоко, что тебе не придется обвинять ни Бога, ни меня. А что касается клеветников, которые восстанут на тебя, то скоро ты увидишь, как я намерен поступить с ними. Иди, и если ты прав, то Бог поможет и защитит тебя. Но оставь мне твоего сына, я поговорю насчет его и, может быть, что-нибудь сделаю для него.

— Государь, — сказал растроганный граф, — твоему святому покровительству поручаю я сына, себя самого и всю судьбу мою.

Папа благословил его в последний раз в своей жизни, и они расстались. Раймонд VI выехал из Рима. В Витербо его нагнал граф де Фуа, которому папа прямо обещал возратить его замок (и сдержал обещание). Проезжая через итальянские монастыри, оба графа казались искренними католиками — они везде принимали Причастие и пользовались всяким случаем лобызать мощи.

Иннокентий между тем через пятнадцать дней после закрытия собора, когда большая часть прелатов разъехалась, издал грамоту на имя епископа Нима, архидиакона Вильгельма из Конфлана, в которой спешил изменить соборное постановление относительно графа де Фуа. В ней говорилось, что Монфор и его люди несправедливо разоряли лангедокские замки и деревни, что крестоносцы поступали незаконно и бесчестно. Упомянутым духовным лицам было поручено через три месяца представить в Рим подлинное донесение о всем происходившем с графом и исследовать, почему именно он лишился своих владений. Пока город Фуа должен охранять аббат Тибери, под верховной властью папской, а после папа укажет, как с ним поступать. Если же владения будут возвращены графу де Фуа, то Монфор обязан жить с ним в дружбе и никогда не предпринимать войны ни с ним, ни с его племянником Роже Коммингским (105).

В конце декабря Иннокентий пригласил к себе молодого Раймонда, которому все время оказывал постоянное внимание и расположение. Юноша не мог умолчать о своем несчастье и в слезах жаловался папе, возлагая на него свои надежды.

— Дитя мое, — отвечал Иннокентий, — если ты будешь соблюдать мои советы, ты не погибнешь ни в этом мире, ни в том. Старайся любить, почитать и благодарить Бога; исполняй святые постановления Церкви, внимай богослужению и совершению святых таинств. Преследуй ересь и соблюдай мир, не разоряй монастырей и не давай оскорблять путников. Никогда не бери чужого добра для своего обогащения. Не обижай баронов и мудро властвуй над подданными,

снисходи к побежденным. Но ты можешь защищать свое право против всякого, кто хотел бы обидеть или ограбить тебя.

— Но, государь, — сказал Раймонд, — бедность и нужду тяжело переносить. Где мне думать о завоеваниях, когда негде приклонить голову.

— Не делай ничего противного Богу. Господь, если ты правдиво послужишь ему, обильно наделит тебя землями. Ты знаешь, что я даю тебе Венессен, Аржанс и Бокер, пока этого будет достаточно тебе. Монфор же будет государем над остальными землями, до тех пор пока Церковь не признает должным восстановить тебя во всех твоих правах.

— Государь, — возразил Раймонд, по словам провал сальского патриота, — горько слышать мне о дележе между чужеземцем и мною. Если так, то кто-либо, один из нас, живым или мертвым, должен владеть всей землей безраздельно. Все это решит меч, и я осмеливаюсь просить у вас только одного, государь, чтобы вы позволили мне отвоевать мою землю оружием, если я в том преуспею.

Папа посмотрел на него, тяжело вздохнул, потом поцеловал юношу и благословил.

— Делай как знаешь и помни, что нечистое дело всегда выйдет наружу. Пусть Господь Бог даст тебе силы хорошо начать и хорошо закончить все, что бы ты ни задумал (106).

С этими словами они расстались. Раймонд уехал из Рима, в Генуе он нагнал отца и графа де Фуа.

Законный, но развенчанный государь Юга плыл в Марсель, где ему готовилась торжественная встреча. Весь город был на берегу — народ приветствовал с энтузиазмом графов, которые были близки ему по отчизне и несчастьям. Здесь же Раймонда известили, что в Авиньоне, на берегу Роны, его ждут четыреста провансальских рыцарей, между которыми, конечно, могло быть много альбигойцев. Напутствуемые благословениями и теплым изъявлением сочувствия, графы оставили Марсель.

В это самое время Монфор стал готовиться к новым операциям. Он понимал, что значат эти манифестации, эти изъявления преданности, быстро заявленные на всех концах Юга. Этот энтузиазм был как бы народным протестом на решения латеранского собора, протестом горячим и неподдельным. Протестом массовым и потому опасным.

И понятно, почему Раймонд и де Фуа возбуждали своим появлением энтузиазм в Марселе и далее, при своем появлении в Авиньоне, Бокере; почему их имя было так популярно во всех концах Юга, и особенно популярно именно теперь, когда Церковь поработила Юг. С их именем соединялось понятие о национальности, о цивилизации, о просвещении, о всей прелести местной жизни. Монфор же и его французы были олицетворением победителей, насилия, жестокости и алчности.

Если бы подчинение Лангедока французам совершилось путем мирным, (например, браком), то не было бы той причины к ненависти и национальной вражде, следы которой можно открыть еще по настоящее время. Эта вражда обрекла побежденных оказывать долгое, но бесполезное сопротивление, а победителя презирать все, составлявшее достоинство и блеск местной цивилизации. Тогда бы южные гуманные нравы, высокая степень общежития, провансальская образованность, промышленность, торговое движение Лангедока могли бы скорее оказать благотворное влияние на северную Францию. Тогда бы от тесного взаимодействия жизни, от мирного общения культур Франции и Прованса значительно ускорился бы ход истории. Сирвенты и горькие стансы южного трубадура поставили обе нации в недоверчивое, подозрительное и враждебное отношение друг к другу.

Следствия этой враждебности в ее политических и литературных фактах, пронизывающие всю позднейшую французскую историю, проявятся в свое время, при дальнейшем изложении «Истории альбигойцев», во втором томе этого труда. Но и теперь, не забегая вперед, можно продемонстрировать эту национальную оппозицию, вошедшую в кровь провансальцев после походов Монфора.

По смыслу и содержанию событий, ненависть провансальцев (безразлично — альбигойцев или католиков) должна была столько же, если не более, обращаться против французов, сколько против римского католического духовенства, управлявшего крестовым движением. Насколько сильно было оппозиционное движение между трубадурами, видно из того, что легат Арнольд еще в самом начале походов оказался вынужден официально запретить писать стихи против папы и крестоносцев. Несмотря на то, Бернар Сикар не может скрыть чувств патриотической скорби в самую ужасную для южан минуту, в дни безьерского погрома.

«Не проходит часа, — поет он в 1209 году, — чтобы озлобление не овладевало мной; ночь

проходит в вздыханиях, во сне и наяву те же стоны. Куда бы ни обратились глаза мои, везде я вижу куртуазность, низко попанную французами. О, Боже! Есть ли какая жалость в этих людях? Они яростно кидаются грабить; есть ли у них какое право на это? О Тулуза, о Прованс, о земля Ажена! Безьер, Каркассон! Чем вы были и что стали теперь?»

Со злой иронией тот же поэт обращается к духовенству:

«Прелаты Франции, чудную правду я должен поведать о вас, и если бы можно, то я готов дважды подтвердить ее. Вы избрали выгоднейший путь и прекрасно поучаете нас. За такие хорошие примеры мы вознаграждены по заслугам. Не правда ли, ведь вам ничего не надо для себя; вы жертвуете всем; у вас нет никаких желаний; самые тяжелые лишения кажутся нипочем вам; ведь вы не знаете грязной гнусности разврата... Да хранит нас Бог от того, чтобы высказать про вас всю правду!» (107).

Торжество Монфора было торжеством клерикальной партии. И потому правы были голоса трубадуров-обличителей, когда они горячо говорили:

«Попы теперь хватают все своими руками, хотя бы это им самим стоило несчастий. Вселенная в их руках, они едят лались ее властителями. Грабители относительно одних, щедрые к другим, они пускают в ход индульгенции, лице мерят; одних оболяют Богом, других дьяволом» (1080).

Но какова участь несчастных феодалов-рыцарей? Не когда люди сильные, они позволили себе сочувственно смотреть на альбигойцев и потому теперь лишились всего. Они дорого заплатили за свои религиозные убеждения или, точнее, за свой религиозный индифферентизм. Оставленные под подозрением, они должны были считать милостью со стороны легата Петра (кардинала капуанского) само пребывание в отечестве. Легат отнял у них замки и дозволил им избрать свободное местопребывание, с тем чтобы они не въезжали в укрепленные города и не носили оружия. Для отличия от простолюдинов им дозволялось иметь одну шпору и ездить только на ослах. Но люди, столь униженные, тем не менее оставались самыми популярными.

Вид страны в 1216 году переменился. Наступило мрачное затишье, обычной веселости не стало. Везде обоюдное недоверие, монастырские уставы, предписанные памьерскими статутами, сделались обязательными, куртуазность забыта, торговля пришла в упадок. Экономический кризис оказывал самое губительное и решительное влияние на жизнь граждан; трубадуры молчат, как бы ожидая случая призвать народ к восстанию. Тулуза, до сих пор спасавшаяся от разорения, порабощенная, теперь замерла в бессилии. Ее новый граф пока не приносил присягу — она была дана лишь в августе 1216 года. Некоторые города, множество замков и деревень претерпели все ужасы штурма и расправы жестокого победителя.

Государем этой страны был Монфор. Как один из баронов французских, он считал своим сюзереном короля Франции, которому в апреле 1216 года принес формальную присягу. Филипп Август пока довольствовался феодальным правом, предоставляя своим наследникам быть непосредственными государями Юга. Он, не принимавший участия в крестовом походе и довольно равнодушный к интересам Церкви, признавал земли «своего возлюбленного и верного графа» отнятыми от еретиков и врагов Церкви Христовой. (109)

Необходимо заметить, что эта присяга была результатом происков местного французского духовенства. По настоянию последнего, на съезде новых духовных и светских феодалов Лангедока было решено просить инвеституры у французского короля, дабы она стала порукой в прочности нового государства, опасность для существования которого неожиданно обнаружилась в самом лагере победителей. Это государство Монфора, отчасти представлявшее собой образец теократической державы, могло быть прочно только равновесием своих элементов и непременно при преобладании главного, то есть духовного начала.

Но едва только вселенский католический собор успел признать совершившийся факт, как победители рассорились из-за добычи. Знаменитый Арнольд, архиепископ нарбоннский, возвращаясь из Рима, торжественно въехал в свой город в конце января 1216 года. Церемониал был совершен с царской пышностью, так как архиепископ никого не знал в Нарбонне выше себя. Объявляя, что все должны принимать его за герцога, так как этот титул он получил в Риме, вместе с тем он приказывал виконту Эмерику отказаться от присяги, данной им Монфору, как недействительной. Он принял меры, чтобы жители Нарбонны построили за собственный счет два замка: один в городе, другой в крепости, а город обвели стенами.

Велико было удивление Монфора, когда он получил известие о действиях архиепископа. Он тотчас же обратился с жалобой в Рим, напоминая, что город Нарбонна, его законный домен, находится под покровительством папы.

В свою очередь, Арнольд писал в особой грамоте, предупреждая всех вассалов Монфора:

«Если граф Симон осмелится присвоить герцогство Нарбонну или хотя бы часть его или если окажет какое-либо сопротивление сооружению стен вокруг города, то тогда я отлучаю его со всеми его сообщниками, а также и тех, которые окажут ему совет и помощь».

От угроз Арнольд всегда быстро переходил к исполнению. Произошло необычайное явление: легат отлучил главного воителя Церкви.

Теперь личные побуждения заставляли обнажать истинную причину побуждений и действий крестоносцев. Так Монфор наказывался собственным же оружием. Арнольд наотрез отказался от всяких сношений с графом Симоном, если последний вооруженным образом займет Нарбонну. Два раза Арнольд последовательно произносил отлучение над Симоном. Монфор не обращал на него внимания. Таково было взаимное раздражение противников. Архиепископ грозил силой воспротивиться Монфору, а последний объявил, что непременно займет Нарбонну.

Арнольд расположился в воротах города; Монфор приближался. Прежде чем архиепископ успел распорядиться запереть ворота, французы бросились на него с обнаженными мечами. Монфор сдержал обещание, и знамя его взвилось над герцогским дворцом Нарбонны в то самое время, как архиепископ в присутствии всего кафедрального духовенства торжественно предавал его анафеме. Во всех церквях нарбоннских и в самой придворной капелле было решено богослужение на все время пребывания Монфора в пределах герцогства. Но граф, презирая эти распоряжения, заставил священнослужителей у себя во дворце, где по-прежнему раздавался колокольный звон.

Даже Монфор понимал, сколько лицемерия и своеволия заключалось в поступках папских легатов и особенно его прежнего покровителя и патрона аббата Сито. Продолжая разить своего врага, Арнольд снова жаловался в Рим; Монфор не оставался в долгу.

Смерть Иннокентия III

Из Рима целый год не приходило решения по этому делу, в Нарбонне долго не могли объяснить причины мелкительности. Между тем Монфор, узнав, что Арнольд очень решительно настаивает перед папой на его отлучении, и припоминая обстоятельства, при которых сам Иннокентий иногда становился к нему в неблагоприятные отношения, стал хлопотать о примирении с архиепископом. В начале марта он предложил посредничество и разбор недоразумений епископу нимскому с обещанием подчиниться решению третейского суда.

Иннокентий получил известие об отлучении Монфора весной, среди обширных приготовлений к новому предприятию — в то время курию всецело занимал вопрос об освобождении святой Земли. Для этого требовалось прежде всего восстановить мир и дружбу между государствами Европы. Ввиду этого в Риме под страхом отлучения думали остановить волновавшихся английских баронов. Иннокентий путем убеждения хотел добиться скорейшего примирения итальянских республик.

Без участия Генуи и Пизы трудно было осуществить восточные походы — а между этими государствами шла война. Иннокентий старался примирить их — и неудачно; тогда он решил на последнее средство: личным участием прекратить раздоры и водворить мир в северной Италии. С этою целью в начале мая он выехал из Рима с несколькими кардиналами. Дорогой его свалила лихорадка. Он должен был остановиться в Перудже. Больной, он не переставал заниматься делами, что еще вреднее отразилось на ходе его болезни. Врачи дурно лечили его недуг. Неблагоприятные вести между тем сильно раздражали больного и причиняли ему постоянные беспокойства, что и было причиной угрожающего хода болезни.

Особенно досадовал Иннокентий из-за вестей из Англии и Прованса. Если помнить, что папа только по необходимости должен был поддерживать вопиющие жестокости Монфора, то очень могло быть, что он воспользовался бы представившимся случаем и подтвердил бы отлучение, произнесенное Арнольдом. Но силы оставили его. За несколько дней до смерти он впал в беспамятство и оставался недвижимым. Только редкое дыхание напоминало о слабом присутствии жизни.

17 июля 1216 года Иннокентия не стало. Тело его похоронили в Перудже. Ныне лишь простая гробница скрывает кости человека, «слава которого некогда наполняла целый мир». (110)

Наличный состав кардинальского конклава собрался в Перудже. Он избрал преемником умершего кардинала Ченчио Савелли, бывшего воспитателя Фридриха II. Он назвался Гонорием III.

Известие о смерти Иннокентия решительно подействовало на ход политических и церковных дел всей католической Европы. Крестовый поход опять сделался маловероятным. Государи Германии, Франции и Англии могли изменить свою политику и из слуг Рима сделаться его соперниками. И действительно, 1215 год был высшим годом в истории папства и последним в истории западной теократии.

Альбигойцам смерть Иннокентия обещала новую эру. Самым смелым из них казалось, что тот человек, который, может быть против своих убеждений, сделался бичом их родины, навсегда уносил с собой в могилу былые несчастья Лангедока. Но их ожидания оправдались только отчасти. Альбигойский принцип восторжествовать не мог потому, что в будущем он представлял своей религиозной формой мало прогресса для истории. Рационализм вальденсов действительно мог влить новые силы в жизнь тогдашнего человечества; но последователи этой религии составляли меньшинство между средневековыми протестантами Лангедока. Умозрения же альбигойцев, презиравших и игнорировавших все материальное, отклонявших брак, блага и радости жизни, могли оказаться в противоречии с развитием цивилизации.

Экономический расцвет Лангедока, совпавший с распространением альбигойства, коренится все-таки в муниципальных формах жизни Юга; падение южной цивилизации есть следствие не уничтожения альбигойского вероисповедания, а гибели местной государственной жизни, замены ее новыми политическими порядками.

В вопросе о превосходстве тогдашних католических церковных институтов над альбигойскими исторически верен взгляд Маколея. Он смотрит на альбигойцев с протестантской точки зрения.

«Но, — замечает знаменитый историк, — просвещенный и умеренный протестант едва ли согласится, что успех альбигойцев мог вообще возвысить счастье и нравственность человеческого рода. Как ни была испорчена Римская Церковь, тем не менее есть основания полагать, что, если бы Церковь эта была ниспровергнута в XII или даже XIV столетии, место ее заняла бы другая, еще более испорченная система» (111).

Не всякая оппозиция прогрессивна сама по себе только потому, что она есть оппозиция.

Зато не без влияния альбигойцев сложилась легенда о загробном суде над Иннокентием III. В хоре современных летописцев, почти единогласно прославлявших знаменитого первосвященника, ставивших его на первое место среди римских иерархов, едва заметным диссонансом пробегает сказание о том, как душа папы из чистилища приходит на землю, преследуемая демонами. Склонившись у подножия креста, она призывает в заступничество молитвы праведных (112).

В этой легенде может скрываться месть побежденной оппозиции еретиков Юга, как и радостное чувство католической духовной партии, которой не нравились суровые меры покойного папы, клонившиеся к исправлению нравов клира, — это справедливо тем более, что и все духовное сословие скорее обрадовалось, чем опечалилось смерти Иннокентия, как замечает Вильгельм Бретонский. Эта легенда отчасти справедливо обвиняет папу в пренебрежении умеренностью в действиях.

Такой характер политики Иннокентия особенно заметен в последний год его жизни. Множество дел и замыслов, постоянные успехи в них, а также разочарование в близких людях, так злоупотреблявших его именем и доверием, наконец, пошатнувшееся здоровье были причиной такой перемены. Иннокентий изменил своему обычному спокойствию и беспристрастию.

Заключение

Что касается главной цели жизни Иннокентия III — утверждения независимости папской власти и духовного подчинения ей всякой другой, то такое стремление входило в систему, которая составляет жизнь и дух средних веков.

Человек не отвечает за такую систему. Политические и социальные системы вырабатываются и слагаются целыми веками. Потребность в папском всевластии была осознана гораздо раньше Иннокентия III. На нем только лежал долг поддерживать и развивать ее. Иннокентий имел все данные для такого назначения, но таковы были свойства западной теократии, что она губительно отражалась на их личном характере. Действуя Иннокентий с той же энергией, с тем же гением на другом посту, ради других целей, — его исторический образ остался бы чистым от той грязи, которая теперь омрачает его.

Содержание настоящей книги, смеем думать, показало, как несправедливо возводить на

Иннокентия всю ответственность за ужасы крестового похода на альбигойцев. Папа не всегда даже узнавал о них и, насколько было в его власти, устранял всякие несправедливые притеснения. С его смертью радикально изменяется папская политика и в характере, и в целях. Тогда она отжила свое время; она миновала период, в который могла быть полезна. Протест из Лангедока переходит на императорский престол. Папы, современные Фридриху II, отстаивают невозвратимое — и тогда историческое оправдание оставляет их.

Альбигойская ересь, как опасная и целостная церковная оппозиция, была побеждена.

После смерти Иннокентия III борьба в Лангедоке изменяет свой характер. Весть о кончине славного папы будто придала силу альбигойцам и всему Провансу. Утесненные снова восстали.

Уже с января 1216 года Монфор был занят осадой замка Монгреньера, соседнего с Фуа. Этот город, прекрасно защищаемый природой, в последнее время стал убежищем гонимых альбигойцев. Взять его штурмом было невозможно. Несмотря на ропот своих подчиненных, Монфор простоял под замком два месяца и дождался наконец истощения припасов у осажденных. Замок сдался в день Пасхи 1216 года. Но и теперь даже альбигойцы выхлопотали себе свободный пропуск. Роже Бернар, граф де Фуа, обязался не воевать с Монфором в продолжение года, но не сдержал обещания. Раймонд VI искал помощи в Арагоне, а между тем национальное движение обнаружилось в Лангедоке. Сен-Жилль, Ним, Бокер составили клятвенный союз. Монфор пошел на них войной. Восстание вспыхнуло сильнее...

Умирающие силы воскресали; больной напряг свою последнюю мощь, поднялся и устранил врага. Муниципальный дух Тулузы творил чудеса. Клич свободы и независимости в последний раз пробежал по городам Юга.

С 1216 года наступает для альбигойцев и Лангедока несколько счастливых лет. Страшный Симон де Монфор потерял жизнь при подавлении восстания, молнией охватившего провансальцев. Преемники его бегут из Лангедока, передавая свои права французской короне. Слабый граф тулузский борется с сильными королями Франции за независимость и, побежденный, покоряется.

Правда, инквизиторы жгут и карают еретиков во Франции еще целое столетие, но правда и то, что еще и после этого альбигойцы не исчезли в Европе. Так, в Боснии катары существовали до XVI века — только ислам с турецким владычеством сломили их на самом пороге новой истории. Но после первой четверти XIII столетия, альбигойцы перестали быть национально-религиозной индивидуальностью, хотя в Лангедоке война религиозная слабо продолжилась и после Парижского мира 1229 года.

Этим миром тулузское государство отказалось от политической самостоятельности и само прокляло альбигойцев. Еще полстолетия, до смерти графа Альфонса Валуа в 1271 г., оно имеет признаки самостоятельности. В 1361 году исчезнет и самый титул тулузских графов. Политикой Людовиков VIII и IX, Филиппов III и IV Юг слился с Севером древней Галлии.

История этих событий — то есть внезапное возобновление альбигойско-провансальской оппозиции и войны с Францией за свободу, падение независимости Лангедока, судьбы гонимых инквизицией еретиков в разных странах Европы, вместе с влиянием и историческим значением альбигойских сект — составит содержание второго тома сочинения.

Первый том имел дело с альбигойцами, как с особой Церковью, боровшейся против Римской Церкви. В год смерти Иннокентия III такая борьба заканчивается.

Но, не забегая вперед, можно и на этом рубеже подметить влияния альбигойцев и крестового похода против них. Не надо было обладать особой политической дальновзоркостью, чтобы убедиться в необходимости перехода от господства Монфора к господству французского короля. Мы исследовали значение и влияние памьерских постановлений. Внесенные крестоносцами, они возвестили новые французские порядки. Крестоносцы были в большинстве своем французы, и потому французы, прибывшие позже с королем, были отождествлены с воинами Монфора. Они вызывали между южанами ненависть, доходившую до отвращения; подчинение еще более усилило это чувство. Трубадуры срывали свою ненависть злыми стихами, провансальцы не произносили имени француза без прибавки к нему какого-либо оскорбительного эпитета, вроде пьяницы, лгуна, коварного и тому подобного выражения. Местные поэты молили небо, чтобы Раймонд VII с помощью короля арагонского отвоевал Тулузу и сделал себе мост из трупов французов (113).

При таких неблагоприятных обстоятельствах готовятся походы французского короля, имевшие целью полное покорение Юга и уничтожение его индивидуальности. Они были предприняты как раз в то время, когда, после смерти Иннокентия III и Симона Монфора, оружие

крестоносцев оказалось бессильным и когда сами победители поневоле должны были подарить другому свою военную добычу.

Но, кроме политических последствий, начинает выявляться и духовное влияние, оказанное альбигойцами. Мы не можем пока исследовать этого вопроса в такой степени, в какой требует его всемирная важность. Теперь мы должны только наметить этот вопрос. Заявление самостоятельности в делах веры неразлучно с расширением простора этой самостоятельности. Право, заявленное в такой запретной области мышления, как религиозная, и притом высказанное ценой уничтожения национальности даровитого народа, не могло не вызвать дальнейших попыток.

Правда, такая смелость была жестоко наказана; за нее целая нация поплатилась своим политическим существованием, целая нация потеряла самое дорогое на свете — независимость. Но если нация и была обессилена, то не была подавлена; она скрылась в лучших преданиях этого народа. Свою ненависть к Риму южные трубадуры разносят по всей Европе. Им запрещено было петь в родной стране, и они эмигрировали, кто куда смог.

Один поэт под влиянием раздражения провозгласил, что вселенная досталась в руки «духовным лицам, людям, которые готовы служить дьяволу».

Ум, права свободной мысли теперь протестовали против клерикального гнета. Развитие скептицизма будет, следовательно, непременно следствием холодного отношения к вере. Уже со второй половины XIII столетия такое явление делается довольно частым.

В то же время идея папского всевластия, еще прежде скомпрометировавшая себя, а после окончательно опозорившая светскими претензиями и мирским, часто мелочным, честолюбием, ниспадает со своей высоты. Такое падение в сущности начинается с кончины Иннокентия III, но в силу инерции, данной этим человеком, папство продолжает пользоваться своим историческим правом до середины XIII столетия.

Судьбы папства связаны с поступками легатов Прованса и крестоносцев Монфора. Разгадку событий, совершившихся с Бонифацием VIII в замке Ананьи^{*1}, надо искать в погроме Безьера и кострах Лавора. Папское могущество так резко рухнуло в XIV столетии потому, что не поддерживалось более общественным мнением, которое после альбигойских войн было против него.

С точки зрения религиозной мысли, катары XII и XIII века были вероисповеданием малопрогрессивным, но тем важнее было их косвенное влияние на дух Реформации. Своими страданиями они открыли путь протестантизму. Мученичество заразительно и обаятельно, — а кто больше альбигойцев пострадал за веру? Альбигойцы-катары погибли и потеряли связь с дальнейшей историей протестантизма, но тем большую веру в самих себя, тем большее подвижничество к страданиям они внушили вальденсам, с которыми жили одной судьбой и с которыми были связаны узами общей родины.

Изгнанные из родных сел и городов, лишенные отечества, эти младшие сверстники альбигойцев сохранили свои религиозные убеждения для будущего, тяжело пострадавшим за них в долинах Пьемонта, которые после были прозваны юдолью печали и слез.

Примечания автора

К главе первой книги первой

1 Petrus Vallium Cernay. *Historia Albigensium*; с. 12. *Processus negotii Raymundi comitis Tolosani apud Migne. Patrologia*; t. CCXVI, p. 89—98. *Vaissete. Histoire de Languedoc, cont. par du-Mege*; V, 114-116.

2 Hurter. *Geschichte Papst Innocenz des Dritten*; 1834; erste Buch, Anmerk. S. 3, 8, 15.

3 У Конти были владения в Риме и окрестностях; им же могло принадлежать графство Сеньи в Кампанье.

4 В письме к Филиппу II Французскому Иннокентий вспоминает с признательностью о Парижском университете (Нее. 1пп.; I. II, ep. 17).

^{*1} В 1303 году Гильом Ногаре, ближайший советник Филиппа Красивого, захватил Бонифация VIII в его резиденции в Ананьи и избил папу. Вскоре Бонифаций умер, после чего наступил ряд слабых пап, находившихся под влиянием французских королей и, более того, местопребыванием имевших Авиньон (так называемое «Авиньонское пленение пап»).

- 5 См. «Деяния» Иннокентия. 5. 3.
- 6 Bohrbachei; XVII, 24-25. — Reg. Inn.; I. I, ep. 15, 230 etc.
- 7 Reg. Inn.; I. XVI, ep. 77. - Migne; CCXVI, 878-879.
- 8 Gesta Innocentii; c. 120.
- 9 По-прежнему «codex Vallicelanus» b Gesta; c. 121 h Reg. Inn.; I. VII, ep. 229 (Migne; CCXV, 551). у Raynaldi напечатано по другому варианту (Annales ecclesiastici; I, 199).
- 10 Migne; CCXIV, 280-282 etc.
- 11 Известно, что Роман Мстиславич Галицкий отвечал послу Иннокентия указанием на собственный меч.
- 12 Помечена в Витербо 7 октября 1207 года. Migne; CCXV, 1232-34. Reg. Inn.; I. X, ep. 138.
- 13 Raumer. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit; 1 Augs. III, 247.
- 14 См.: Guizot. Collection des memoires; t. XI, notice sur Rigordus, p. 10. Ригор первый дал Филиппу II прозвание Augustus, от глагола augege — увеличивать владения. Это слово могло также служить напоминанием счастья Октавиана.
- 15 Rigordus. Philippi-Augustivita; p. 1 12 (Collection de Guizot).
- 16 Reg. Inn.; I. I, ep. 171. — Migne; CCXIV, 150.
- 17 Таково деление Гизо и Тьерри. К средней полосе епископских городов с характером самостоятельной магистратуры, но без политического значения, принадлежали; Орлеан, Гатинэ, Мен, Анжу, Тюрени, Берри, Нивернэ, Бурбоннэ и Бургундия (villes de simple bourgeoisie). Остальные причисляются или к югу (villes de consulat), или к северу (villes de commune). Augustin Thierry. Monuments, prefaces; I, 26; II, 3—70. — Guizot. Civ. en France; V, 150-186. — Warnkoenig. Franz. Rechtsesch; I, 260-318.
- 18 Matthaеus Paris. Historia major Angliae; a. 1205.
- 19 Трубадурам приписывалось преимущественно лемузенское происхождение. Маркиз Сантильяна, писатель XV века, повторяет выражение Нунеса де Лианьо, португальского историка, о подражании поэтам «Оверни и Лемузена» (Baret. Espagne et Provence, etudes sur la litterature du midi de l'Europe. 1857; p. 54). Под общим именем лемузенского подразумевался также и валенсийско-каталонский язык.
- 20 Sauvage. Dictionnaire languedocien; 1 ed., p. 217.
- 21 Записан у Nithardus-historiarum libri quatuor; I. III, c. 5 (Pertz.; II, 665). — Специальная оценка его в соч. Fr. Dietz. Altromanische Sprachdenkmale, berichtet und erklart nebst einer Abhandlung uber den epischen Vers. 1846.
- 22 Mary-Lafon. Histoire du Midi de la France. 1842; I, 436. Там же указаны места источников. О выборных епископах авиньонских сохранилось 4 изв. — Rayn. Dr. mun.; I, 182.
- 23 Такой документ, например, был заключен в 1204 году рыцарем Бернардом д'Орбессоном с городом. Первое условие — это обязательство перед консулами и всеми мужчинами и женщинами города и замка Тулузы, нынешними и будущими, что он «не причинит никакого грабежа и никакого зла...».
- 24 Compayre. Etudes historiques et documents inedits sur l'Albigeois. Du-Mege. Additions et notes; VI, 61, 67.
- 25 Catel. Memoires de l'histoire de Languedoc; p. 603.
- 26 Papon. Histoire generale de Provence, 4 v., 1777—86; Par. Preuves, II, 14.
- 27 Gaufredus Lemovic. Chronicon; c. 73—74.
- 28 «Per sola leys cui hom so — Dei aver franc cor e bo — Per tolas domnas honrar». Mary-Lafon. Midi; II, 379.
- 29 Bernard de Ventadour, — noMemeHO у Raynouard. Choix des poesies des troubadours; III, 83. Pons de Capdueil, там же; III, 174. В переводе полагаемся на авторитет издателя; см. его Des troubadours; эта книга служила нам руководящим пособием.
- 30 Raynouard. Choix; III, 16.
- 31 Bernard de Ventadour. — Там же, 84.
- 32 Guillaume de Cabestaing. — Там же, 115.
- 33 Raymond lorda. — Там же, appendix.
- 34 Pierre de Barjac. — Там же, 213.
- 35 Там же, 447.
- 30 Там же, 342.
- 37 См. Des troubadours; 34.
- 37 См. Des troubadours; 34.

- 38 Roger. Arch. hist, de l'Albigois; 246.
 39 Fauriel. Histoire de la poesie provencale; III, 316.
 40 Pons de la Garda: «De la gleisa». Raynouard. Choix; IV, 278.
 41 Raynouard; IV, 335.
 42 Raynouard. Choix; IV, 284.
 43 Opanu. nep. y Mary-Lafon. Midi; II, 384. «A! per que vol clerics beia vestidura» etc.
 44 Mary-Lafon; II, 384, 388. «No m'laissarei per paor» etc.
 45 Apud Gieseler. Kirchengeschichte; 4 Ausg. B. II, Th. II. S. 248.
 46 Baluzius. Miscellanea (P. 1768); V, 63.
 47 Polycraticus seu de nugis Curialium; I. VI, c. 24. Gieseler; TaM xe. Cave. Scr. eccl. hist. Hit. 1745.
 48 Waltherus Mapes apud Flacium; 420.
 49 La Bible de Guiot de Provins; v. 666-674 et v. 765-774.
 50 Apud Gieseler; II. II, 353.
 51 Gaufredus Lemovic. Chronicon; c. 74.
 52 Iacobus de Vitriaco. Historia orientalis seu hist, hierosolymitana abbreviata; I. II, intr., c. 4, 6 (Guizot; p. 280, 282-283, 290).
 53 Там же, I. II, (Guizot; c. 7; p. 291) — типичные сцены во время крестовой проповеди священника Фулько Нельи, сделавшегося в Париже бичом разврата.
 54 См. следующие источники: Reg. Inn.; I. XV, ep. 202. — Migne; CCXVI, 731; Hurter. Gesch. Papst Inn. III, 450. Reg. Inn.; I. VI, ep. 78, 209. - Migne; CCXIV, 181. Reg. Inn.; VIII, ep. 151. - Migne; CCXV, 726. Reg. Inn.; I. XI, ep. 264. - Migne; CCXV, 1576-1578. Regesta; I. V, ep. 54, — дело об архидиаконе Ричмондском (у Migne; CCXIV, 1021 — 1025), обвиняемом во множестве самых ужасных преступлений и, между прочим, в вооруженном насилии, поджогах и святотатстве.
 55 Innoc. sermones de tempore, s. XII, — Migne; CCXVII, 368-369.
 56 5, 7 и 8 постановления авиньонского собора 1209 г.— Schmidt. Hist, des Cathares; 1, 192.
 57 Reg. Inn., I. III, ep. 21 (Migne; CCXIV, 903-906); I. X, ep. 68 (Migne; CCXV, 1165).
 58 Histoire litteraire de la France; XVII, 498.
 59 Guileimus de Podio Laurentii. Chronicon super historia negotii Francorum seu historia Albigenium; prologus (Bouquet. Scriptorum; XIX, 194).
 60 Письмо Иннокентия III к архиепископу нарбоннскому от 5 июня 1204 года. — Migne; CCXV, 355—357. Тут же указания на пороки духовенства. Почему еретики распространены и публично проповедают свое учение? «Гибельные аргументы» против церкви, по мнению Иннокентия, еретики находят в жизни самих церковных иерархов.
 61 Schmidt. Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois; II, 237.
 62 Reinerus. Contra Wald.; c. 3.
 63 Peire Vidal. cm. Raynouard. Choix des poesies des troubadours; IV, 105.

К главе второй книги первой

- 1 Eiphanii, contrahaereses; Ordine XXIII. cm. Oehler. Corpus haereseologicum. 1859; II, 133—145.
 2 Лучшее и удобнеее издание: Corpus haereseologicum Oehleri, где в первом томе (1856 г.) сведены т. н. Minores, «малые», — писавшие по-латыни, — Philastrius, Augustinus, Praedestinatus, Pseudo-Tertullianus, Pseudo-Hieronimus, Isidorus, Paulus и Honorius Augustodunensis.
 3 Филастрию надо доверять менее прочих; он довольно небрежен в изучении предмета, верит сказкам, самаритян ведет, например, от царя Самария, неточен и преувеличивает число ересей повторением одних и тех же под различными именами. О нем см.: Matter (Hist, du gnosticisme; I, 41) и Cave (Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria. 1741; I, 277).
 4 Isidori Hispalensis Originum sive Etymologiarum. I. XX; I. VIII, c. 6 (oto. H3fl. c npHM. Vulcanii, Bas. 1677), — apud Oehler; I, 309.
 5 Augustini de hacresibus, c. 38 (Oehler; I, 203). — Praedestinati de haeres., c. 38 (I, 244).
 6 Philastri de haer., c. 82, — apud Oehler; I, 78.
 7 Praedestinati de haer., c. 38.
 8 Eiphanii, LXIV, — apud Oehler; II, 302-304; срв. p. 222. - Origenes. Peri arxon (rpen); I. II, c. 8.
 9 Philastri de haer., c. 62 (I, 63); Augustini c. 61 (I, 215); Isidorus (I, 307).

- 10 Philastri c. 79 (I, 74); Augustini c. 63 (I, 215).
- 11 Исайя; ХБУ, 7.
- 12 Амос; III, 6.
- 13 Бытие; I, 31.
- 14 Philastri c. 57 (I, 59); Augustini c. 66 (I, 215); Isidorus, Paulus, Honorius (I. cit).
- 15 Об источниках манихейской системы см.: Beausobre. *Histoire critique de Manichee et du Manicheisme* (1734—39, 2 v); I, 26.
- 16 Eriphanius; LXVI. См.: Oehler; II, 398-554, Augustinus (с. 46; I, 206—211) и Praedest. (с. 461, 247—251) приводят весьма важное для нас указание, что другим наименованием манихеев было катары: «Они, собственно, себя называют катарами...»
- 17 Евангелие от Иоанна; I, 5.
- 18 См.: Augustini de haeres., с. 70 (I, 317) и спец.соч.его *Contra Priscilianistas*. — Praedest., с. 70 (I, 259).
- 19 Cave. *Script, escl. hist. litt.* I; 363, 367.
- 20 Petrus Siculus. *Hist. Manichaeorum*; 32 (ed. Gieseler).
- 21 Боссюэ, например, безосновательно смешивает их с манихеями, приписывая им отрицание креста, Евхаристии и Богородицы; «les anciens Manicheens avoient les memes sentimens», а манихеи, как мы убедимся, были прямыми учителями альбигойцев. См.: Bossuet. *Histoire des variations des eglises protestantes* (изд. 1817 г. b 4 t.); II, 93. см. ТаКхе: Moneta Cremonensis. *Adversus Catharos et Waldenses* ed. Ricchini; diss. de Catharis, XIV. Muratorius. *Ant. ilal. medii aevi* (1741, 5 f.); V, 83. Mosheim. *Versuch einer unpartheyischen Ketzergeschichte* (1746); 369. Gibbon. *Hist. de la decadence de l'emp. rom.* (1819); XI, 26. Hann. *Gesch. der neumanichaischen Ketzerei*; 51. См. Новицкий. *О духоборцах* (Киев, 1832); 110. Maitland. *Facts and documents illustrative of the history of the ancient Albigenses and Waldenses* (1838); 83.
- 22 Vossius. *Historia Pelagiana* (Amst. 1655); I, II, с. 11.
- 23 *L'art de verifier les dates*; 181, 183.
- 24 Rogerus de Hoveden. *Annalium Anglicanorum libri duo usque ad annum 1201*.
- 25 Sandius. *Nucleus historiae ecclesiasticae seu historia Arianorum et Socianorum* (Col. 1676); 386, 396.
- 26 *Gesta episcoporum Leodiensium*; с. 59. см. Martene et Durand (*Veterum scriptorum amplissima collectio*, 9 f.); IV, 898.
- 27 Ekbertus. *Adversus Catharos sermones* (Bibliotheca Patrum maxima. Lugd. XXIII, 602).
- 28 Ughelli. *Italia Sacra*; VI, 564, 676; VII, 802.
- 29 Moneta. *Adversus Catharos*; 411. De origine Catharorum; I, V, с. 2. Автор указывает также на гностиков как на источник еретических воззрений.
- 30 Schmidt. *Hist. des Cathares ou Albigeois*; II, 239.
- 31 Guibertus S. Novigenti. *Opera* ed. d'Achery (1651). De vita sua sive Monodiarum libri tres; 520.
- 32 D'Argentre. *Collectio judiciorum de novis erroribus* (3 f., 1728); I, 9.
- 33 Mansi. *Conciliorum collectio*; XXI, 843.
- 34 D'Argentre. *Collectio judiciorum*; I, 90.
- 35 Lucas Tudensis. *Libri tres de altera vita fideique controversiis adversus Albigensium errores* (oto. usa. Mapnaiiw, 1612); p. 94.
- 36 Vaissete. *Hist. gen de Languedoc*; I, 188, но то же сочинение производит альбигойцев и от манихеев, как позже Гизелер и Ган (IV, 52, 221), и от павликиан Армении (IV, 219). Видно, что у авторов не сложилось определенного мнения в этом вопросе.
- 37 G. Cedrenus. *Synopsis historiarum* (ed. Goar et Fabret, 1647; Bonn, 1832). АхаКхе: M. Psellus. *De operatione daemonum* (Nur. 1838).
- 38 Annae Comnenae Alex.; I, XV (ed. Niebuhr, 1839).
- 39 Schnitzer. *Die Euchiten im XI Jahrhundert* (Studien der Geistlichkeit Wurtemberg's; B. XI, Ne 1, 3. 1839). Gieseler. *Untersuchungen uber die Gesch. der Paulicianer* (Theologische Studien und Kritiken. J. 1829, Ne 1). Petri Siculi *hist. Man. et Paulic.* F. Schmidt. *Hist. Paulic. orientialium*. 1826. *hctomhhkom cjivxht: Euthymius Zygabenus. Triumphus de secta Messalianorum qui et Bogomili, nec non Euchitae, Enthusiastae, Eucratitae et Marcionitae appellantur* (Bibl. Max. Patrum; XIV, 293 etc. graece et latine).
- 40 С. П. Палаузов. *Век болгарского царя Симеона*; 92.
- 41 Petri Siculi *hist. Man.* 2, в письме к архиепископу Болгарскому, которому предназначалось все сочинение; он узнал о посольстве от павликиан армянского города Тефрики.

42 «Слово святого Козьмы преевритера на еретики препрение», в редакции XVI века по рукописи Московской Духовной Академии. Напечатано в: Arkiv za povjestnicu jugoslavensku (v Zagrebu); odgpd 1857, knjiga IV; 72. Cps. 69.

43 Maciejowski. Pierwotne dzieje chrzescianskiego kosciola u Slowian ohysa obrzadku. В Pamietniki o dziejach etc. Slowian (Pet. 1839; t. 1,41 — 193). Русский перевод отдельным сочинением: Евецкого (История первобытной христианской Церкви у Славян, 1840), стр. 17-18.

44 См. А. Ф. Гильфердинг. Письма об истории Сербов и Болгар; II, 60.

45 О. М. Бодянский. О времени происхождения славянских письмен; 370.

46 Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae; I, 14-15 (1855). — Папа позволял читать апостол и евангелие по-славянски, но только в виде перевода после латинского чтения. Он даже писал князьям чешским: «Если кто из собранных вами является учителем и вы слышите, что он отвращает от истины ко лжи, начнет же он, тем не менее, развращать вас, используя зло книг языка вашего, да будет отлучен».

47 Мефодий вернулся из Рима, куда вызывал его папа, оправданным от всех возводимых на него уклонений. Иоанн VIII соглашался на условиях Адриана II; ЕгЪеп. I, 17—18. По поводу суда над Мефодием см. разыскание Лавровского (Кирилл и Мефодий как православные проповедники. 1863; 413—416) и Бильбасова (Кирилл и Мефодий, II. 1868; I, 88-92).

48 Farlati. Illyricum sacrum; III, 93-96.

49 Artic. X в постановлениях этого собора. Farlati; III, 97. См. также статью в Православном Собеседнике о сербской Церкви; 1866г. 11,36.

50 Erben. Regesta; I, 29.

51 Венелин. Древние и нынешние Болгары (М. 1829—41); II, 151-152.

52 Там же; II, 154.

53 Helmholdus. Chronicon sive Annales Slavorum; I. 1, с. 52. В другом месте (1, 24) он признает у славян единого Бога на небесах, повелевающего другими, всемогущего Бога богов, заботящегося только о небесном (И. И. Срезневский. Языческое богослужение др. славян; срв. стр. 2 и 19). Такое сочетание представлений издревле способствовало устранению крайностей дуалистического направления. См. Gieseler. Ueberden Dualismusder Slavcn (Theolog. Studien und Kritiken; 1837; II, 357).

54 А. Афанасьев. Поэтические воззрения Славян на природу (М. 1865); 1, 112 и вообще 1, 89-113.

55 И. И. Срезневский. Языческое богословие древних славян, 13. — Афанасьев. Поэтические воззрения Славян. 1, 93. Воспоминания о геогр. местностях России: урочище Белые боги за Москвой, Троицко-Белбожский монастырь в Костромской губ. и Чернобожье. В Бамберге был найден идол Чернобога в виде волка — как мифологического представителя ночи, туч и зимы, с рунической надписью.

56 Густинская летопись под 1070 годом. См. Полное Собрание Русских Летописей; II, 273.

57 Приведено в книге А. Ф. Гильфердинга. Письма о Серб, и Болг. 1, 172.

58 Euthymius Zygabenus. Victoria de Messal. secta apud Schmidl. Hist. des Cathares; 1, 13.

59 И. И. Срезневский. Древние письмена Славянские (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1848 г.; ч. LIX, стр. 60). А также С. Палаузов. Век Симеона; 130. Мысль, что судьбы глаголитской азбуки соединены были с гонением богомилов (у Сербов назв. Бабунами), принимает В. Я. Григорович. О древней письменности Славян (Каз. 1852), стр. 13.

60 Reinerus. Contra Wald. с. 6. см. Gretser; XII, II, 35.

61 Кроме «Слова Козьмы» источниками для богомильской ереси служит: Euthymius Zygabenus (Panoplis dogmatica; pars II. titul. XXIV), специально исследованный в диссертации Chr. Wolfii (1712, Witt.). Пособия: Oeder. Hist. Bogomilorum critica. (Gott. 1743). Engelhardt. Die Bogomilen (Kirchengeschichtliche Abhandlungen. 1832; 152—206) и монография сербского автора, имеющая полемическую направленность: Nicetas Acominatus. Thesaurus orthodoxae fidei, fragmenta ex. I. XIX, — apud Montfaucon. Paleog. graeca.

62 Напечатано в «Православном Собеседнике» за 1864 г.; ч.1,П.

63 Слово; II, 202. Опровержения Козьмы опираются на тексты посланий апостола Павла.

64 Monuments historise pateriae (Turin. 1836),— chartarunr I, 562, 741, 794.

65 Landulphus Senior. Hist. Mediolanensis, apud Muratori. Scriptorum; IV, 88-89.

66 Поводом к имени патаренов, «тряпичников», послужило случайное обстоятельство. То была реформа Гильдебранда. Сто-ронники ее в Милане, с диаконом Ариальдом во главе, громко требовали уничтожения браков в духовенстве. Преследуемые народом, новаторы скрылись в

грязном городском квартале, называвшемся «Pataria», обыкновенном убежище бродяг, ветошников и нищих. Народ в насмешку прозвал их Патаренами, и имя врагов женатых священников было перенесено на ненавистников брака вообще, на всех последователей дуализма в Италии, так как эта сторона их учения скорее всего поражала воображение толпы. См.: Ducange. *Glossarium mediae latinitatis* (1840); V. 1,37.

67 Benoist. *Hist. des Albigeois*; I, 296. Cneu. com. Venedey. *Die Pataria im XI und XIX Jahrh.* 1854.

68 Land. Senior. *Hist. Med.* (Muratori; IV, 89).

69 Gregorii Magni *Regest*; I. IX, ep. 105 (Migne; LXXVII, 1027).

70 Gerbertus (Bouquet; X, 409); ep. 75.

71 Kadulphus, 1 m asjice.

72 См. Bouquet. *Scriptores*; X, 38, 159, 498. Hefele. *Conciliengeschichte* (1860); IV, 642-645.

73 Hefele. *Conciliengeschichte*; IV, 693. Gfrorer (*Kirchenge-schichte*; IV, 513, 524)

несправедливо считает здесь осужденными последователей Беренгария Турского.

74 Schmidt; I, 37, — из рукописей городского архива.

75 Chron. episc. Alb. (d'Achery. *Spic.* III, 572).

76 Hefele. *Conciliengesch.*; V, 309, 390-392.

77 Hahn. *Gesch. der neu-manich. Ketzer*; 439—465.

78 Hefele; V, 456-457.

79 Schmidt; I, 48.

80 Там же; II, 280.

81 Bouquet. *Scriptores*; XII, 448. Поход легата Генриха «contra haereticos Albigenes».

82 Акты собора у Mansi. *Concilia*; XXII, 157 etc. Срв. Schmidt (*Cathares*; I, 71-73) и Hefele (*Conciliengeschichte*; V, 570-572).

83 Bouquet. *Scriptores*; XIV, 448.

84 Bouquet. *Scrp.*; XIII, 187; XVIII, 92. (Radulphus de Diceto, Radulphus Coggeshale). См. специальную монографию по этому поводу: Tueslin. *De fanaticis saeculi XII in Anglia repertis* (Bern. 1701).

85 Dobrowsky. *Ueber die slavische Uebersetzung des Neuen Testaments*; 159, 161. — Schmidt. *Cathares*; II, 274.

86 Lucas Tudensis (*Adversus Albigeos*; 156) говорит о них следующее: «Они не опровергали священные писания, но сами говорили, каким образом Бог создал небеса и землю...; мы, мол, объясняем, как там это происходило».

87 Это евангелие служило главной опорой для большинства еретиков, т. е. последователей умеренного толка. Его происхождение объясняется пометкой в конце: «Это есть секретное Евангелие секты Конкореды, привезенное из Болгарии...» Оно найдено в лат. переводе в архивах каркассонской инквизиции, а в марцианской библиотеке, в Венеции, хранится греческий оригинал его, которым пользовались византийские еретики, не изданный по настоящее время. Лат. текст напечатан у Benoist (*Hist. des Albigeois*; I, 283-296) и Thilo (*Codex apocryphus Novi Testamenti*; L, 1832; I, 488-896).

88 Moneta. *Adv. Cath.* 124 (I. 2, c. 3, § 1).

89 «Были две женщины, дочери одной матери, И блудили они в Египте, блудили в своей молодости; там измяты груди их, и там растлили девственницы сосцы их. Имена им: большой — Огола, а сестре ее — Оголива. И были они Моиими, и раждали сыновей и дочерей; и именовались — Огола Самарию, а Оголива Иерусалимом» (Прор. Иезекииля; XXIII, 1—4). У Петра Сернейского, который приводит эту легенду к альбигойцам, ошибочно приписывается супружество с ними доброму Богу (Мщпе; ССХІІ, 546).

90 Они приводили в подтверждение своего взгляда места из посланий к Римл. (VII, 15; X, 16), Первого к Кор. (III, 7) и к Филипп. (II, 13)*¹.

91 Moneta. Там же; 44-46 (I. 1, c. 4, § 1).

92 См. Schmidt; II, 30, пота.

93 Moneta. Там же; 234-240 (I. 3, c. 3); особенно р. 238: «Однако иной есть тот, кто отправлен, и иной — тот, кто отправил. Следовательно Отец и Сын — иные...»

94 Moneta. Там же; 5, 96, 221 etc.

95 «Еретики воображают иную, новую и невидимую землю, и в этой прифантазированной

*¹ Смотри наиболее характерное место из послания к римлянам: «Ибо не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю...» (VII, 15).

- земле благой Христос получил рождение и крестные страдания». Petr. Cern. I. cit.
- 96 Evang. apocr. Ioannis apud Benoist; I, 290.
- 97 Schmidt; II, 42, п. 3.
- 98 По P. Cern. таких существований 7 (с. 2); Alanus Magister знает 10 и 16; по Actes de l'inquis. — 32, из которых последнее возвышает душу до чистоты апостола Павла, поставленного весьма высоко еретиками в ряду ангелов и сил небесных.
- 99 Ebrardus. Contra Waldenses; с. 18 (Gretser; XII, II, 164-165).
- 100 Boas. Actes de l'inquis. см. Schmidt; II, 68.
- 101 Посл. к Филипп. II, 7; к Римл. VIII, 3. См. Moneta. Там же; 247-248 (I. 3, с. 3, § 4-7).
- 102 Moneta. Там же; 382 (I. 4, с. 11).
- 103 Еретики старались найти подтверждение в различных местах Нового завета. См. Матф. V, 21-22, 38-39; XXVI, 32. К Галат. У, 20-21. Посл. Иоанна III, 15.
- 104 Еванг. от Луки; XX, 34, 6. Moneta; 315-317. — В своем апокрифе от Иоанна они читали: «Необходимо жениться и выходить замуж подобно ангелам на небесах...»
- 105 Evervini epist. (Mabillon. Vet. anal. III, 454).
- 106 Liber sentent. inquis. Tolosanae. см. Schmidt; II, 96, II, 5.
- 107 Reinerus. Contra Waldenses; с. 3. (Gretser; XII, II, 27).
- 108 Muratori. Antiquitates italianae medii aevi; V, 122.
- 109 Liber sent. inquis. Tolosanae. см. Schmidt; II, 102-103.
- 110 «Et oportebat eum iterum reconcolari» (P. Cern.; p. 548). — Moneta; 275.
- 111 Doat. Arch. de l'inquisition de Carcassonne, — apud Schmidt; II, 130.
- 112 P. Cern.; с. 2, М. 547.
- 113 «Сектанты имеют жрецов (священников), имеют и прочих прелатов, как и мы» (Martene et Durand. Vet. script. collectio; I. 776). См. Moneta; 313 (I. 4, с. 6, §2).
- 114 См. Православный Собеседник. Статьи о «Людях Божьих»; 1858 г. I, 363; II, 371.
- 115 См. Schmidt; II, 145.
- 116 См. Evervinus. Epistola ad S. Bernsrdum (Mabillon. Vetera analecta; III, 457): «Не говорю уже о том, что [они] имеют своего апостола и папу...» См. также: Ioachim. Expositio in Apocalypsim (Schmidt; II, 146).
- 117 Lami (Delia eresia de Patarni in Firenze) замечает по этому поводу: «Насколько мне знакомы все обряды наших братьев, я не нашел в них ничего, что бы показывало, что еретики тосканские из секты Сополати прибегали к чему-либо постыдному и чтобы между ними совершалось что-либо чувственное, особенно между мужчинами и женщинами» (Lezioni di antichità Toscane. 1766, Fig. 2 v., II, 550).
- 118 Стихи на патаренов, напр. — Bernardus Morlacensis. Много свидетельств подобного рода собрано у К. Шмидта; II, 155, п. 1.
- 119 Sermo LXV.
- 120 Ioachim. Expositio in Apocalypsim. см. Schmidt; II, 162, nota.
- 121 Muratori. Ant. ital. diss. V.
- 122 См., например, Leger: Egl. valdoises; I, 17-18. Abadie: La verite de la religion reformee; 1718, Rott. I, 338. Du-Tillet: Hist. belli contra Albigenses, издана только в 1845 г. в Берлине. Schmidt: Der Kicismus des Mittelalters; 1824, S. 387. Blair: Hist. of the Waldenses; Ed. 1833. Stanley Faber: An inquiry into the history and the theology of the ancient Valdenses and Albigenses; L, 1838.
- 123 См. Migne; CCXIII, 546-551, 554, 555, 686.
- 124 Collection des mem. par Guizot; XV, 346. Guilelmus de Podio Laurentii. Chron. inpref.
- 125 La cansos de la crozada contr els ereges d Albeges, v. 3502 (Fauriel; p. 248).
- 126 Hahn. Man. Ketz. 410.
- 127 Источниками служат Petri Venerabilis epistola adversus Petrobrusianos (Bibl. Pair. Lugd. XXII 1033 sq.); Heribert, ep. de haereticis Petragoricensibus (Mabillon. Vetera analecta; III, 467 sq.), направленное против перигорского последователя Генриха по имени Понс.
- 128 Epist. 224 Neander. Der heilige Bernard; 264-266.
- 129 Muston. L'Israel des Alpes; avert. XXXIII (прим. с заметкой К. Шмидта из его письма к автору); I, 3. В первой половине XII века о «вальденсах» говорит Evrard de Bethune h Bernard de Fontcaud, писавший книгу: contra Valdenses et Ananos, за 30 лет до появления Вальдо.
130. Jean Leger. Hist. gen. des Eglises evangeliques des vallées de Piemont ou Vaudoises. div. en 2 livr. (Leyde, f-1669); I, 21-117. I. P. Perrin, lionnais. Hist. des Chrétiens Albigeois (Gen. 1618); 225-333.

- 131 См.: из Катехизиса вальд., у Perrin. Hist. des Alb., 163, Payre eternal, v. 16, 25. - Herzog, 9; Nobla Leucon, v. 71. Payre eternal, v. 58, 140 — Herzog, 10.
- 132 По этому поводу перечисляются даже те, которые считались апокрифами Ветхого Завета, а именно: 3 и 4 книга Ездры, книги Товии, Юдифь, Премудростей, Екклезиаст, Баруха с посланиями Иеремии, Эсфирь с 10 главы до конца, Песнь 3 отроков в печи. История Сусанны, история дракона, 3 книги Маккавеев.
- 133 Напечатано у Leger. Hist. gen. des Eglises vaudoises; I, 92-95.
- 134 Leger; I, 28-30.
- 135 Ch. Mathurin. Les Albigeois; 4 v., есть русский перевод (СПб., 1835).
- 136 De la Disciplina; с. IX. см. Perrin; 240-249.
- 137 De la Disciplina; с. X. см. Perrin; 219-250, 311-312.
- 138 Leger; I. 1-4.
- 139 Perrin, 222—223
- 140 См.: Roger de Hoveden. Annales; a. 1178. - Vaissete. Hist. gen. de Languedoc; I. XIX, с. 73 (IV. 274-276).
- 141 Vaissete; I. XIX. с. 75, 74; IV, 276-279.
- 142 См. Mansi. Concilia; XXII, 231.
- 143 Preuves de Hiisi. de Languedoc apud Vaissete; IV, 340, № CCXLV.
- 144 Philoideos- I I v. 407 (Bouquet, XVII; Coil.de Guizot, XII).
- 145 См.: H. Gautier. Hist. de la ville de Nismes ct de ses Antiquites; 32 etc.
- 146 См.: Vaissete; I. XIX, с. 80; IV, 282-283.
- 147 Gaufredus Lemov. Chr. apud Boquet; XII, 448.
- 148 Источником служат места из Ann. Cisterciens. Maurici, с. 2 h Guil. de Pod. Laur.
- 149 Stephanus Tornacensis; ep. 73, 75, 90, 92 (cd. de Moulinet, 1679. Bibl. Patr. Colon.; XII, II, 509, 510).
- 150 Напечатано у Hahn. Neuman. Ketz.; 489-490.
- 151 Bernardus, abbas Fontis-Calidi. Contra Vallenses et contra Arrianos, apud Gretser; XII, II, 198-221.
- 152 Catel. Hist. des Comtes de Toulouse; 216.
- 153 Mansi. Concilia; XXII, 667.

К главе третьей книги первой

- (1) Innocentii III papae setmones de diversis; s.II, in consecratione pontificis (Migne; CCXVII, 654-660).
- (2) См. между прочим документ о низложении и заключении нивернского аббата за принятие альбигойского учения. Reg. Inn. I. II, ep. 99. - Migne; CCXIV, 647-650.
- (3) Innoc. serm. de tempore, XII, CCXVII, 370. Ту же точку зрения он высказывает в своих письмах: II, ep. 63; VI, 239; VII. 70.
- (4) Reg. Inn. I. I, ep. 81. CCXIV, 71.
- (5) Reg. Inn. I. I. ep. 397. CCXIV, 374-375.
- (6) I, I, ep. 94; CCXV, 81--83.
- (7) Reg. Inn. I. II, ep. 122, 123.
- (8) Ibid. I. II, ep. 1. - CCXIV, 537--539. Дела в Витербо см.: I. VIII, ep. 85, 105; IX, 258; X, 105, 130, 139. Gesta Inn. с. 123.
- (9) Petri Cern. Hist. Albig. с.4. Migne. CCXIII, 552-553.
- (10) Catel. H. des comtes de Toulouse; 236.
- (11) Reg. Inn. I. VI, ep. 79.
- (12) Preuves de l'hist. de Languedoc; apud Vaissete; V, 559-560; № XLI.
- (13) L. IX, 60.68. Приведенное донесение Петра де-Кастельно - у Barrau et Darragon. Hist. des Croisades; I, 11-12.
- (14) Langlois. Hist. des Croisades contre les Albigeois: 75-77.
- (15) Между множеством биографий св. Доминика остается обширнейшею: Fern. de Castillo y J. Lopez. Historia general del Santo Domingo y de su orden de Predicadores. Vallad. 5 f. 1612-22.
- (16) Theod. de Apolda. Vita S. Domenici; с. 35.
- (17) Petrus Cern, с. 6. Срв. Guil. de Podio Laur. с. 8.
- (18) Guil. tie P. Laur, с. 9; Petr. Cern. с. 3.

(19) Barrau et Darragon. Croisades; 1, 25-27.

(20) Reg. Inn. 1. X, ep. 69; CCXV. 1166-1168.

(21) Источниками для этих сцен Петра служат места из Reg. Inn. I. XI, ep. 20; CCXV 1354-1358; Petr. Cern c. 3. См. также Robertus Altissiodorensis (Malchetus). Chronologia seriem temporum ab orig. usque ad a. 1211; a. 1208 (Bouquet, Scriptorum: XVIII. 248-390) Другое, противоположное свидетельство о смерти Петра встречаем в провансальской анонимной полупоэтической хронике, может быть даже современной событию, автор которой всегда сочувствует графам тулузским (см. Guizot. Coll. XV, notice, p. IX). "Когда легат (аббат Арнольд) жил несколько дней в Сен-Жилле, Петру де-Кастельно пришлось иметь горячую перебранку по поводу ереси с одним дворянином из свиты Раймонда. Их спор дошел до того, что дворянин поразил кинжалом Петра де-Кастельно и тем убил и умертвил его. Это обстоятельство было причиной великого зла, как увидим ниже, и легат Арнольда и все спутники его были тем чрезвычайно поражены и опечалены. Петр был погребен в монастыре Сен-Жилльском (через год, по приказанию папы, труп из часовни был перенесен в монастырскую церковь и торжественно погребен рядом с гробницею св. Эгиды). Что же до дворянина, который совершил убийство, то, как рассказывает история, он бежал в Бокер к своим родным и друзьям, и если бы граф Раймонд мог захватить его, то совершил бы над ним такой суд, от которого легат и все духовные лица были бы совершенно удовлетворены. Граф был так сильно опечален и истерзан этим убийством, совершенным одним из его людей, как никто на свете не бывал так опечален подобным обстоятельством. И когда легат убедился, каким образом убит Петр, он немедленно уведомил об этом событии святейшего отца и прочих." (См. Preuves de l'hist. de Languedoc, Chron. prov. Vais. V, 456, № 1). Основной источник этой летописи, стихотворная альбигойская хроника, приписывает убийство конюшему графскому, родом из Бокера, куда он и ускакал, заколов монаха.

(22) См. Petrus Cern. c. 8; M. CCXIII, 556-560. Срв. CCXV, 1354-1358, - другой вариант буллы. У Петра выкинуто начало и имеется подложное окончание, заключающее в себе воззвание к крестоносцам. Несомненно, что вариант, помещенный в переписке, как документальный, заслуживал бы предпочтения; но на этот раз подлог слишком очевиден, хотя историки по сие время не замечали того. Мнимое окончание скомпилировано из другой буллы, обращенной к Филиппу-Августу французскому, где оно очевидно имеет свой смысл и гораздо более на месте (См. Reg. Inn. 1. XI, ep. 28; p. 1358-59). При всем том многие слова, обороты, даже фразы принадлежат изобретательности фанатичного компилятора.

(23) Migne, CCXV, 1359-1360; 1. XI, ep. 29. См. прим. 40.

(24) L. XI, ep. 28.

(25) Gallia Ghristiana; III, 378. См. Preuves. Vaissete: V, 569, № LI.

(26) Sansos de la crozada contr els ereges d'Albeges; VI-VIII; v. 124-147, 163-181.

(27) Petr. Cern. c. 9. В большой провансальской эпопее (X. X, v. 229-231) приводится другой перечень послов, который и ввел в заблуждеше Barrau et Darragon (1.42). Эти послы те же, что и в провансальской прозаической хронике (p. 457) - аббат Кондом же, знатный клирик, Раймонд де Рабастен, щедрый рыцарь и приор госпитальеров, искусный законник, могли быть отправлены непосредственно к императору.

(28) Reg. Inn. 1. M. ep. 232,- Migne; CCXV, 1516.

(29) Sansos; XI, v. 230-245. -P. Cern. c. 9.

(30) Migne; CCXV, 1546-1547.

(31) L. XI, ep. 156, 157, 158; p. 1469-1470.

(32) L. XI, ep. 229, 230

(33) Cans. v. 281.

(34) Вместе с иноземными крестоносцами, провансальская поэма насчитывает 20 тысяч рыцарей разного оружия, не считая горожан и духовных лиц. См. Sansos; v. 280,282. По другим известиям крестоносцев было 30 тысяч и даже полмиллиона. Срв. Guil. Bret (Philippides; 1. VIII) и Vaissete (Hist. gen. 1. XXI, c. 53).

(35) Processus negotii Raymundi. См. Migne; CCXVI, 89.

(36) Processus, c. 2; 89-91. Вассалы были следующие: Вильгельм де-Бо, принц Оранский, и его брат Гуго, а также Раймонд де-Бо, их племянник; Драгоне де-Бокайран, Вильгельм д'Арно, Раймонд д'Агу, Рикард де-Карниумио, Бертран де-Лоден и Вильгельм, его брат, Бертран д'Андуз и Петр Бермон, его сын, Ростин де-Покьер, Раймонд владетель д'Узеса и его сын Декон, Раймонд-Жоселин и Понс-Жоселин Люнельские.

(39) Ibid., статьи 4, 6, 9, p. 91-95.

- (40) Ibid., статьи 5, p. 92, 93.
- (41) Cansos de la cruzada; XIV, v. 283-335.(42) Cansos; XV-XVII.
- (43) P. Cern. c. 16. Так же: Cansos; XVIII-XXII.
- (43) Cansos, v. 500.
- (44) P. Cern. c. 16; p. 556. Срв. для осады Везьера документальный и главный источник Reg Inn. 1. XII. ep. 108 (CCXVI, 137-141). Что касается знаменитой фразы, произнесенной-де здесь Арнольдом или другим легатом: "бейте всех; Господь узнает своих верных", то уже по самим обстоятельствам, по тону этого рассказа можно заключить о ее несостоятельности, вымысленности.
- (45) См. Cansos; XXIII-XXV, v.530- 596, 625-652, 670-677.
- (46) Chron. provençal; p. 465 (Vais. preuves); p 114 (ed. du-Mege).
- (47) См. Cans. XXXI-XXXIII; P. Cern. c.17; Malchetius seu Rob. Altissidorensis. Chronologia, a. 1209; Guil. de Nangiaco; a. 1209; Guil. de Podio Laur. c. 14; Praecl. Franc, facinora; a. 1209.
- (48) Chron. prov. p. 466; Cans. XXXIV.
- (49) См. о Симоне: Hist. gen. des grands officiers; VI, 71. Срв.: P. Cern. c. 17, 18, 34, 56, особенно 19, 20, 84. 86; Guil. de P. Laur. c. 14, 27,30; Chron. prov. p. 467; Cansos de la cruzada; XXXV.
- (50) Она помещена в Preuves de l'hist. de Languedoc в прил. V, 571. 1.
- (51) См. P. Cern. c. 21-24.
- (52) См. P. Cern. c. 24.
- (53) Chron. prov. 468; Cans. XXXIX.
- (54) Reg. Inn. 1. XII, ep. 106; Migne, CCXVI. 124-126.
- (55) Reg. Inn. 1. XII, ep. 106, 107.
- (56) Chron. prov. p. 469.
- (57) Chron. prov. 469; Cans. XLIII; P. Cern. p. 581-582.
- (58) Reg. Inn. 1. XII, ep. 102.
- (59) Ibid. L. XII, ep.136.
- (60) Ibid. L. XII. ep. 119.
- (61) Chron. prov 470; Cans. XLV.
- (62) Petr. Cern. c. 27.
- (63) Reg. Inn. 1. XII, cp. 109,-Migne; CCXVI, 142.
- (64) См.: L. XII, ep.122, ep. 123; p. 153, ep. 124; p. 151., ep. 125, ep. 120, ep. 129, 136, 137.
- (65) "Там же в то же время... виконт Безьерский, который удерживался в Каркассонском дворце, пребывает в слабости дезинтерии". См. P. Cern. c. 26; p. 577.
- (66) См. P. Cern. c. 32.
- (67) Ibid. c 34; p. 583.
- (68) Cans. XLVII - Guil. de Pod. c. 15
- (69) P. Cern. c. 37; p. 586.
- (70) Ibid. 587. По другим известием сожжено 180 человек (Rob. Altissid.).
- (71) Inn. Reg. XIII, ep. 86. Срв. I. XII, ep. 122., ep. 87;
- (72) P. Cern. c 40.
- (73) Langlois. Croisades; 174-175.
- (74) См. P. Cern. p. 592.
- (75) Cans. LVII; v. 1291, 1297-98.
- (76) Chron. prov. 472-473. Срв.: P. Cern.c. 42.
- (77) L, XIII, ep. 188.
- (78) Mansi. Concilia; XXII, 813; XXII, 886.
- (79) P. Cern. c. 47.
- (80) Chron. prov. 474. Видимо автор пользовался подлинным документом; в его дурно обработанной редакции 14 условий; некоторые из них таковы, что или не могли быть помещены или были гораздо лучше выражены в подлинном договор.
- (81) Cans. LIX; Chron. prov. 475.
- (82) L. XIV, ep. 36 (M. CCXVI, 410).
- (83) См. L. XIV, ep. 31, 32, 33.
- (84) См.: Migne; CCXVI, 410.
- (85) Cans. LXI; Chron. prov. 475.
- (86) Cans. v. 1434.

- (87) Cans. v. 1437-1439.
 (88) P. Cern. c. 18, 26; Cans. LXIV.
 (89) P. Cern. c. 52. Согласно Chron. prov. (p. 476) осада продолжалась 6 месяцев.
 (90) См.: Chron. prov. p. 478.
 (91) Cans. v. 1556-1620.
 (92) Chron. prov. 477.
 (93) Chron. prov. 478; Cans. v. 1634-39.
 (94) См.: Chron. prov. 477; P. Cern., c. 50.
 (95) См.: Cans. v. 1590, 1597. В обоих местах говорится про "vilan della terra", принимавших участие в битве, что очень важно.
 (96) См.: P. Cern. c. 53; Guil. de Pod. Laur. c. 18
 (97) Cans. v. 1642, 44.
 (98) Первое известие - Chron. prov. 478. Автор темн говорит о переговорах, к которым будто прибегал Раймонд. О том же говорится в письме тулузцев к королю арагонскому (Guizot; XIV, 378), но последнее, как увидим, написано с известной целью. Второе известие - P. Cern. c. 51.
 (99) P. Cern. c. 54.
 (100) См.: P. Cern. p. 610. Срв. с. 50, 53.

К главе четвертой книги первой

- 1 P. Cern.; c. 51,54.
- 2 Chron. prov.; 479.
- 3 Chron. prov.; 480.
- 4 P. Cern.; c. 55.
- 5 Chron. prov.; 481.
- 6 См.: Lettre des habitans de Toulouse. В подлиннике — в Preuves de l'hist. de Languedoc (Vaissete; V, 583, nq LXVII), а в переводе: у Guizot (Coll. des mem.; XIV, 313).
- 7 P. Сегп.; с. 56.
- 8 О битве под Кастьельнодарри сохранились известия очевидцев. P. Cern., с. 56-57; Cansos, v. 2067-2072; Chron. prov., 483.
- 9 См.: P. Cern., с. 57; Cansos, CIII — CIV. И было столько добычи у французов, что ею «можно было обогатиться на весь остаток жизни», V. 2254-2356.
- 10 P. Cern.; p. 623.
- 11 см.: P. Cern.; p. 626.
- 12 Reg. Inn., I. XIV, ep. 163; Migne, CCXVI, 524. Срв. по делу Раймонда: I. XII, ep. 39, 152, 153; I. XIII, ep. 190, 191.
- 13 P. Cern.; с. 60.
- 14 Reg. Inn.; I. XV, ep. 102.
- 15 P. Cern.; p. 631.
- 16 Там же.
- 17 P. Сегп.; с. 62.
- 18 Cansos, CXIII; P. Cern., с. 63; Chron. prov., 484. Все они замечают, что в Сен-Антонине не осталось камня на камне, что там не пощадили даже священников.
- 19 P. Сегп.; с. 63.
- 20 Chron. prov.; 485. См. также: P. Сегп.; с. 63.
- 21 По поводу этой казни мы можем найти лишь краткие упоминания, вроде Cansos; CXV1. Но Barrau et Darragon воссоздают эту сцену аналогично другим подобным событиям (Crois.; I, 338— 331); потому приведенные подробности могли быть достоверны. Мы в точности следовали французским авторам.
- 22 Vaissete; I. XXII, с. 41.
- 23 Письмо это помещено в подлиннике у Preuves (Vaissete; V, 587, № LXIX) и в переводе у Guizot. Coll. des mem. XIV, 383-385.
- 24 Из письма папы видно, что Симон сам предложил дар Иннокентию: «Знаем о твоём достойном благодарности деле выплаты, как о том сообщает наш любезный брат отец Константин...» См.: Migne; CCXV1, 693.
- 23 Источником для знакомства с папским бюджетом того времени служит счет, составленный папским казначеем Ценцием, родственником Целестина III, помещенный у Muratori

(*Antiq. ital. mediæevi*; V, 851-910). Папы с давних пор вели подобные счета; в них помещались списки церквей, монастырей, замков, городов, земель, баронств, плативших какую-либо дань Риму. Реестры Ценция, его система были приняты в основу дальнейших работ по этой части. Он делит все епископства на вносящие и не вносящие плату в папскую казну. Из 633 епископств платила почти половина — 330. Из них многие вносили натуральными повинностями; с одних трибуты были определены навечно, с других временно, с третьих — как чрезвычайные. Все зависело от отдаленности места, от тех или других экономических условий страны. Богатые монастыри, как монастырь св. Дионисия, Вестминстерское аббатство, в то время совершенно освобождались от взносов. В эти годы платило 375 монастырей, преимущественно итальянских. Датские монастыри, польские и чешские церкви вовсе ничего не платили. Кабинетные деньги папы получали с собора св. Петра и Павла, Иннокентий III ничего не брал из этой суммы, предоставляя свою долю нищим и бедным. Самый значительный финансовый источник составлял доход с Англии (при Иннокентии III — тысяча марок; в 1213 г. итальянская марка равнялась 5—30 солидам), равный нескольким пудам золота; со Скандинавии — 300 марок; с Арагона — 250 золотых оболгов; с острова Сицилия — 12 тыс. денариев; с Апулии — 1000 зол. монет. Ценций не приводит итога папского валового дохода, так как в то время в столице западного мира были в ходу всевозможные деньги. Определить каждую статью папских расходов нельзя, по известно, что в Риме сберегались большие суммы. Преемники Иннокентия III не довольствовались своими средствами; они ввели новые, незаконные сборы, которые и послужили позже одной из главных причин великой Реформации (Acosta. *Hist. de l'origine et du progres des revenus ecclesiastiques*; Franc, fac. a. 1684).

26 Cansos. v. 2645; P. Cern., p. 63.

27 См.: Cheruel. *Hist. de l'administration monarchique en France depuis Pavenement de Philippe-Auguste jusqu'a lamort de Louis XIV. Introduction.*

28 P. Cern.; p. 647.

29 Помещено у Martene et Durand. *Thesaurus novus anecdotorum*; I, 381 sqq. Лучшее издание у Dressel; Jean du-Tillet. *Hist. belli contra Albigenes* (B. 1845); 20 sq. В переводе см.: Catel. *Comtes de Toulouse*; 267. Compayre. *Etudes hist. sur l'Albigeus*; 496. Barrau et Darragon; *Crois. I*, 358—376. Шмидт делает такое заключение по поводу памьерских статутот: «Несомненно, эти кутюмы служили не столько разрушению ереси, сколько южной национальности и независимости южан». (См. *Hist. des Cathares*; I, 252.)

30 P. Cern.; с. 70.

31 Reg. Inn.; I. XV, ep. 214. см. Migne; CCXVI, 744.

32 Reg. Inn.; I. XV, ep. 213; p. 741-743.

33 Там же; ep. 212, p. 739-740.

34 Reg. Inn.; I. XV, ep. 215, 245.

35 P. Cern.; с. 66.

36 Reg. Inn.; ep. 648.

37 Этот документ помещен у P. Cern., с. 66; Keß. Iпп., ep. 649.

38 Все было не совсем так. См. гл. III этого сочинения. Тот самый Петр Сернейский, который теперь (с. 66) приводит такие показания, прежде (с. 43) говорил иначе. Легат предлагал Раймонду воспользоваться, кроме его доменов, четвертой или третьей долей его ленов или, точнее, его сюзеренных прав на них, и больше ничего. Теперь же, кроме того, что все это вполне признается бескорыстным, прибавлена новая статья, никогда легатами не предлагавшаяся и неестественная в их устах («Сверх того о тех замках... которые не находятся в твоём владении... то третья или четвертая их часть подпадают в твоё исключительное владение», p. 650). Очевидно, что Арнольд хотел похвастаться своим излишним великодушием.

39 Этот документ помещен у P. Cern.; с. 66. h b Reg. Inn.; I. XVI, ep. 42. см. Migne; CCXVI, 840—842. Он помечен только двумя днями позже (XV kal. Febr.) арагонского меморандума, в ответ на который он и предназначался.

40 Reg. Inn., I. XVI, ep. 43; P. Cern., с. 66.

41 Все документы по делу о передаче Тулузы королю Петру- у Migne; CCXVI, 845-849.

42 Reg. Inn.; I. XVI, ep. 47. *Consulum Tolosae juramentum*, p. 846.

43 Сапоз; V. 2744—45. Перед этим заканчивается первая часть поэмы, вероятно принадлежавшая особому автору. С этого места внутренний характер поэмы изменяется. Об этом см. в приложении.

44 P. Cern.; с. 67. Сра.: Barrau et Darragon; I, 403-404.

45 См. у нас, стр. 26. В конце этой главы мы опять вернемся к ходу политических событий на Западе в последние годы жизни Иннокентия III.

46 46 Reg. Inn.; I. XVI, ep. 44. см.: P. Cern.; с. 66; p. 654-656.

47 Reg. Inn.; I. XVI, ep. 40, 42.

48 Там же; ep. 44.

49 Reg. Inn., I. XVI, ep. 48; P. Cern., с. 66. От 18 мая 1213 года.

50 Cansos, CXII-CXIV, особенно V. 2863-70; P. Сегп., с. 70.

51 Петр Сернейский в конце описаний зверств альбигойцев над пленными говорит между прочим и следующее: «Особенно в больших количествах вешали священников и тех, кто исполнял божественные обряды... Они (даже) распарывали (им) животы до половых органов...» (с. 64, p. 647). Автора особенно поражает обхождение еретиков с лицами духовными, но понятно, что религиозная ненависть альбигойцев главным образом и должна была сосредоточиваться на католических священниках, в которых они видели идолопоклонников и слуг Люцифера. Примеры жестокости альбигойцев и их вождей перечислены у Р. Сегп., в след, главах: 16, 26, 27, 32, 44, 45, 46 (преимущественно святотатство графа де Фуа, совершенно согласное с его убеждениями), 55, 63, 64, 70, 75, 80, 83. Все эти подробности могут быть и преувеличены; но в большинстве случаев они согласны и с условиями, в которых находились борющиеся стороны, и с духом века. Многие из них представляются особыми и исключительными только такому ультракатолику, каким был сернейский монах.

52 Cansos; v. 2871-2886.

53 P. Cern., с. 71; p. 668.

54 P. Cern., с. 72; Cansos, v. 3051.

55 Guil. de Pod. Laur.; с. 21.

56 Guil. de Pod. Laur.; с. 21-22.,

57 См. о сражении: Chron. prov., p. 489-490; P. Cern., с. 73; Guil. de Pod. Laur., с. 22; Cansos, CXI и т.д. Потери арагонцев и провансальцев были, судя по всему, огромны; они показаны в провансальской хронике неопределенно: погибло множество тулузцев, спасся только тот, кто успел убежать. Петр Сернейский называет цифру в 20 тысяч; Вильгельм (из Пюи-Лорана) — 15 тысяч человек; Вильгельм Бретонский — 17 тысяч; тогда как у крестоносцев пали, по Ланглуа, рыцарь и не более 8 пилигримов, что, конечно же, неправда.

58 P. Cern.; с. 72. Rigordus (Vita Ph. Aug. a. 1213) замечает, что Симон получил семь ран в день битвы под Мюрэ.

59 Cansos, v. 3103-3108; Chron. prov., p. 490.

60 Chron. prov., p. 490; P. Cern., с. 74.

61 P. Cern.; с. 72.

62 Cronica del rey en Jaime I.; с. 8. Mariana. Hist. Hispaniae; I. XII, с. 2.

63 Albericus Trium Fontium. Cron. a. 1213; P. Cern., с. 72.

64 Albericus (Chron. a. 1214) говорит, что сам Раймонд ездил лично просить английского короля; Barrau et Darragon соглашаются с тем (II, 55), но это маловероятно. Граф, отправляясь за Рону, мог отправить послов к Иоанну на север или через Гиеннь.

65 P. Cern.; с. 76.

66 Reg. Inn.; I. XVI. cp. 167.

67 Там же; ep. 171.

68 Там же; ep. 170.

69 Reg. Inn.; I. XVI, ep. 172; p. 952-960.

70 Preuves de l'hist. de Languedoc; V, 588, Ne LXXI.

71 Charte du roi etc. Vaissete; V, 588.

72 P. Cern.; с. 78.

73 Catel. Contes de Toulouse; 301. Есть две редакции этого акта. Замечательно, что Петр Сернейский вообще умалчивает о нем.

74 Preuves de l'hist. de Languedoc, V, 590, no LXXIV; Guil. de Pod. Laur., с. 24.

75 Preuves; V, 588, M LXXII. - Guil. de Pod. Laur.; с. 25.

76 P. Cern.; с. 78, p. 685.

77 Guil. de Pod. Laur.; с. 25.

78 Guil. de Pod. Laur.; с. 25. Во время этого перемирия все провансальские изменники и сторонники Монфора стали требовать наград от победителей за свою службу. Один из таких некоторое время был главным советником Раймонда Тулузского. Он просил себе у епископа

Фулькона в подарок дом госпитальеров, обещая посвятить остаток дней своих Богу. Епископ основательно заметил ему, что, убив графа своими советами, он просит себе награды за убийство, подобно тому безумцу, который, умертвив камнем своего приятеля, встал между нищими и просил подаяния на поминование души; когда же получал отказ от проходящих, то со злобой доказывал: «Вы не хотите мне ничего дать, мне, тому, кто все это устроил». Об этом много говорили в то время.

79 P. Cern.; с. 79.

80 P. Cern.; с. 79.

81 Preuves de l'hist. de Lang.; V, 59-2, no LXXVI.

82 P. Cern., с. 79; Praecl. Franc, fac. a. 1214.

83 P. Cern.; с. 81.

84 Переписка Иннокентия III прерывается августом 1213 года; дальнейшие документы не сохранились в оригинале. Поэтому от источника мы должны снизойти к пособиям. См. Vaissete; I. XXII, с. 82. Впрочем, у Migne. Patr. в 217 т. из разных изданий собраны документы, относящиеся к церковной и политической деятельности Иннокентия, в виде Supplementum (Дополнения).

85 Guil. de Pod. Laur., с. 24; P. Cern., с. 81.

86 Cansos; v. 3120-25.

87 Cansos; CXLI, v. 3 122 etc.

88 Radericus Coggeshale apud Bouquet in Martene et Durand. Veterum script, et munum, amplissimacollectio (9 f., p. 1724—33); V, 873.

89 Registrum de negotio Romani Imperii: Migne; CCXVI, 1162.

90 Это послание приводит Pfister, Pragm. Gesch. von Schwaben; 1803—27; I, 286 с ныне затерянного венского манускрипта. См. Nigler; II, 407. О почти вассальных обязательствах Фридриха при избрании: у Migne; CCXVII, 301 и Pertz; Leg. II, 224.

91 О национальном и политическом значении этого боя для французов, равно как и о самой битве, см. Philippide; chans.X, XI. Срв. Guil. Armoricus (De gest.Philippi Aug.), который в летописи сам обличает поэтические вольности своей поэмы.

92 Полуистлевшее послание это сохранилось в архивах Тауэра. См. Pauli; III, 415, п. 6.

93 Линкольнский текст Magnae Chartae помещен у Райн; III, 897—909. Толкование ее там же, 425—36. Спец. исследование о ней писали Thomson и Blackstone.

94 M.Chartae; art. 21,39-40.

95 «Безбожно против своего господина безрассудно направлять оружие...» Булла помечена: Ferentini. XIV Kal. Inn. (Pauli; III, 441); следующие буллы у Raynaldi (Ann. eccl.; I, 384) и Migne (Ad Inn. reg. suppl. Ns 215-218; CCXVII, 245-248).

96 О соборе извещался, между прочим, Саладин (Reg. Inn.; I. XVI, ep. 36), которого папа убеждал, во избежание напрасного кровопролития с той и с другой стороны, добровольно уступить гроб Господень христианам, напоминая, что: «Пророк Даниил указал, отчего Бог на небесах, кто открывает мистерии, изменяет времена и переменяет царей... и почему Церковь владевает над королями...» (р. 831).

97 Циркулярно это послание было разослано к двум императорам, ко всем королям, архиепископам, епископам, аббатам, начальникам и провинциалам рыцарских и монашеских орденов; см. Reg. Inn.; I. XVI, ep. 30. Особый текст был направлен к французскому духовенству (ep. 31), королю французскому (ep. 32), патриарху александрийскому (ep. 34), иерусалимскому легату (ep. 36) и венецианскому дожу (ep. 35).

98 Raynaldi. Ann. eccl.; I, 373.

99 Inn. serin, de diversis, s. VI; CCXVII, 673-680.

100 Каноны собора напеч. у Mansi. Concilia; XXII, 982 e1c. См V, 783-804.

101 Mansi; XXII, 982.

102 Иоахим Флорский был обвинен в том, что помимо Троицы он говорит об особой сущности, субстанции или природе См. Raynaldi. Ann.; I, 377 (VIII).

103 Все приведенные словопрения заимствованы нами из Cansos; CXLIII — CL. Заметим, что важна не подлинность слов, о которой не может быть и речи, а их историческая истина. См. также Chron. prov.; p. 492—494.

104 Из Vaissete; I. XXII, с. 97.

105 Preuves de l'hist. de Languedoc; t.V, N° LXXXI.

106 Cansos, CLII; Chron. prov., 495.

107 Raynouard. Choix des poesies; IV, 192.

108 Fauriel. Hist, de la poesie prov.; II, 217.

109 Preuves de l'hist. de Lang.; V, 598, N° LXXXII.

110 Fulgent splendida facta ejus in urbe pariter in orbe.

111 Маколей. Сочин.; VI, 46 (Англия до Реставрации). Но нельзя согласиться с мыслью Маколей, что «власть, дотоле принадлежавшая духовенству Римской Церкви, перешла бы к наставникам гораздо худшего рода».

112 Cherrier. Hist, de la lutte des papes; I, 481. Это сказание вошло в Vita sanctae Liutgardae Virg. apud Acta Sanctorum.

113 Cansos m Raynouard; IV, 314.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛАНГЕДОК В 1216 – 1229 ГГ.

Основатели нищенствующих орденов. Подъем патриотического сознания в Провансе и Лангедоке. Осада Бокера. Первое восстание в Тулузе и его подавление. Второе восстание в Тулузе, осада Тулузы и смерть Симона Монфора. Слабость власти Амори Монфора. Политика Филиппа II и пап по отношению к Лангедоку и альбигойцам. Походы Людовика VIII. Покорение Лангедока французами; изъявление покорности графом тулузским. Парижский договор 1229 года. Тулузский собор и опыт трибунала

Основатели нищенствующих орденов

На восточной окраине старой Тулузы долгое время сохранились следы античных стен Нарбоннского замка. Этот укрепленный замок, проживший вместе со страной всю историю, некогда служил местом пребывания римских сановников, цитаделью вестготских королей, дворцом герцогов Аквитании и резиденцией графов Тулузских. К одной из наружных стен этой крепости, со стороны, обращенной к Гаронне, в 1214 году приютился монастырь, котором временно поселились первые последователи испанского проповедника и подвижника Доминика.

Осыпавшиеся двойные арки, разделенные белыми мраморными колоннами, серые кубические кирпичи, — все показывает, что католическая обитель воздвигалась на римских руинах. Архитектура свидетельствует о древности постройки, постепенно подновлявшейся. Главный фронтон этого монастыря, расположенный напротив нынешнего Дворца правосудия, принадлежит в настоящем виде XVI веку.

Вид здания мрачен и тяжел, как и то, что некогда совершалось за его стенами. Над воротами его крупными буквами было написано: DOMUS INQUISITIONIS — дом квизиции. Эти слова, некогда столь страшные для горожан, уже сгладились временем, но еще недавно можно бы ч видеть прочие надписи и украшения фронтона. TUA RURA — «Твои селения» — так гласит надпись, видимо взывающая к небу и окружающая герб с изображением голубя, который несет в клюве масличную ветвь мира. Середину фриза украшают соединенные вместе герб доминиканского ордена (пальма и звезда на белом с черным фоне) и герб Франции (лилии с королевской короной). По обеим сторонам гербов было изображено: SIMUL IN UNUM, DIVES ET PAUPER — «Вместе воедино, богатый и бедный». На тимпане читались многозначительные слова: «Един Бог, одна вера».

Небольшая галерея с дугообразным сводом, на который опирается портал, ведет во двор здания. Прежде и ней помещались статуи святого Доминика и Петра-мученика. Стены крытого дворика и плафон были разрисованы картинами, изображавшими жизнь и чудеса Доминика. Сухая и болезненная фигура святого, со звездой на челе, имела вид грустный и несколько суровый. Недалеко от монастырской церкви путешественнику укажут келью, в которой, по преданию, первое время жил святой Доминик.

Это здание было подарено основателю ордена богатым тулузским гражданином Петром Челлани в 1214 году. Когда спустя два года после утверждения братства первые последователи Доминика оставили это тесное убежище и переместились в новый, более просторный монастырь, то инквизиционный трибунал сделал его местом своих собраний. Титул великого инквизитора тулузского существовал почти до самой Великой французской революции. В 1774 году здание было куплено одним тулузцем, который завещал своим наследникам хранить дом инквизиции на память поколениям. В последнее время здесь помещалась капелла одного религиозного общества. Историки полагают, что именно здесь святейший отец Доминик задумал будущие меры для

истребления альбигойской ереси, из-за которой война в земле Лангедока тянулась уже почти десять лет.

Старые католические летописцы не стесняются награждать основателя доминиканского ордена, этого братства проповедников, далеко не лестной славой первого инквизитора в христианском мире. Один из них начинает свой длинный перечень великих тулузских инквизиторов Домиником и помечает первые отправления инквизиционного учреждения 1209 годом (1)*. В его глазах доминиканский орден и инквизиция почти тождественны. Другой писатель — монах Мачедо — идет гораздо далее и, сочиняя панегирик инквизиции, относит ее к отдаленнейшим временам, ставя во главе этого учреждения уже не Доминика, а самого Господа (2).

«Сам Иегова, — восклицает этот фанатик, — исполнял обязанности инквизитора, когда громил возмущившихся ангелов. Он продолжал поступать так и здесь, на земле, когда наказывал нашего прашура Каина и тех безумцев, которые созидали башню Вавилона. Он передал это дело святому Петру, который впервые применил такую кару против Анании*¹. Первосвященники римские, непосредственные преемники этого князя апостолов, перенесли впоследствии свои права на святого Доминика и его орден».

Такой преемственностью объясняется, по мысли автора, святость инквизиции.

Но, оставляя в стороне фантазии Мачедо, следует ли возложить на Доминика ответственность за изобретение первого инквизиционного трибунала? Справедливо ли объединять в неразрывное целое личность Доминика и век инквизиции — эти позорные для католичества страницы?

Может ли подобное церковное учреждение явиться плодом творчества одного человека? Не коренится ли оно и более глубоких причинах и в более существенных условиях? Имя этого человека сделалось известным в Лангедоке о первых годах XIII столетия. Мы рассказывали уже о начале его деятельности*¹. Причина его необыкновенной популярности в средние века заключалась в мнимом даре чудотворства, который видели в нем склонные к сверхъестественному современники. Если бы историк захотел собрать и изложить бесчисленные легенды о его подвигах и чудотворстве, он имел бы неисчерпаемый источник в трудах католических монахов.

Никому из католических деятелей, кроме святого Франциска, не посвящено столько страниц в летописях и исторических трудах, сколько Доминику. Первые доминиканцы тщательно собрали все мельчайшие подробности о деятельности своего патрона, разукрашивая их по собственному разумению. А то поколение, которое видело собственными глазами подвижничество Доминика, спешило скрепить своим речательством все легенды, которые принято было рассказывать о знаменитом человеке, искусство и заслуги которого признавали даже альбигойцы. Вскоре после его смерти стали составляться подробные жизнеописания Доминика. Мч авторами были такие небеспристрастные авторы, как сю последователь второй генерал ордена, Иордан, и доминиканские духовные лица: Бартоломей Тридентский и Теодорик де Апольда, страстные поклонники своего учителя (3).

Ореол кротости и святости, который они пытаются придать основателю проповеднического братства, решительно противоречит тем рассказам о жестокости и кровожадности, которые, по мнению протестантских историков, были характерны для мнимого изобретателя страшной инквизиции. Естественно, что фантастичность католических сказаний далеко в силах сколько-нибудь умалить той понятной ненависти, которую питали к торжествовавшему католицизму и его представителям первые жертвы религиозного свободомыслия.

Рожденный в Кастилии, где каждая пядь земли напоминала о борьбе христианских рыцарей с неверными за дело и торжество креста, Доминик де Гусман был более какого-либо другого способен поддерживать католическую веру в Лангедоке, где духовенство, изнеженное и

* Примечания автора имеют сквозную нумерацию в пределах главы и приведены в конце тома.

*¹ См. Деяния апостолов V, 1 — 10. Анания и жена его Сапфира, вступая в первоначальную христианскую общину, утаили часть денег от проданного имущества. Обличенные ап. Петром, оба они в тот же миг умерли.

*¹ См. том 1, глава 3.

бездеятельное, было бессильно перед крепкой организацией противников, перед влиянием и чистотой жизни их вождей, перед молодой силой новаторских религиозных убеждений.

Согласно католическим легендам самому рождению Доминика предшествовали видения и чудеса. Он был родом из местечка Каларнога. Отца его звали Феликсом, мать — Иоанной. Семейство д'Аца, известное в округе благочестивой жизнью, было в родственных связях с местными епископами. Брат Доминика также приобрел некоторую известность благочестивыми делами, но она была затенена славой основателя доминиканского ордена, который уже родился со звездой на челе — как бы с печатью избрания. Еще до рождения этого избранника матери казалось, что она носит в утробе щенка, который лаем всегда напоминает о себе; а иногда ей виделось, что она родила младенца, который зажжет весь мир своим светильником. Воспитывал ребенка дядя-епископ, который вместе с матерью наставлял его на путь смирения и благочестия, умудряя чтением Библии.

Отправленный учиться в Паленсию, в этот «museum», из которого позже возник Саламанкский университет, Доминик первым делом продал свои уже прочитанные книги, чтобы раздать деньги бедным. Он чуждался общества сверстников, не шутил, не смеялся, вел жизнь затворника, не ел мясной пищи, спал на камнях или на голой земле. Его видели только в церквях, где он со страстным вниманием вслушивался в проповеди. Книга Кассиана «Сравнение отцов» оказала на него большое влияние и привела к духовному совершенствованию; он слепо подчинился ее наставлениям (4).

Когда богословское образование юноши было завершено, Диего, так звали епископа, предложил Доминику духовную карьеру, исключительно подходившую к одностороннему аскетическому складу его натуры, и тогда же сделал его каноником в своей церкви, посвятив в августинский орден. Душа молодого августинца не могла удовлетвориться тесным кругом проповеднической деятельности в какой-нибудь Паленсии. По выражению поклонника Доминика, Апольда, слова его зажигали слушателей, подобно светильнику Илии.

«Он готов был, — говорит Бартоломей Тридентский, — разорвать тело свое на куски из ревности к вере, а любви божественной в нем было так много, что для выгод христианства он готов был пожертвовать собой, продать себя, если бы то потребовалось» (5).

Сама судьба привела Доминика в Лангедок в свите донна Диего. Где, как не там, предстояли подвиги ревности католических подвижников! От катаров, от этих гонимых еретиков, Доминик предлагает заимствовать чистоту жизни, их воздержание, их презрение к плоти. Известно, с какими словами он обратился к легатам и к сопровождавшим их священникам (смотри том I, глава 3); испанская миссия на этот раз несла с собой не поучение, а живой пример.

Какими поступками, как не мнимою способностью к чудотворству, можно было завоевать симпатии и известность в тот суеверный век? Только на них могла опираться прочная сила и популярность человека, замыслившего грандиозное обновление католического общества. И действительно, куда бы ни приезжал этот человек, он везде производил сильное впечатление на людские массы своей личностью, огненной речью и особенно обаянием чудес.

Шли слухи, что он обладает тайной исцелять самые разнообразные болезни, своими молитвами ставит на ноги умирающих, излечивает сумасшедших, изгоняет нечистых духов, которые повинуются одному его мановению, Утверждали даже, что он, подобно Христу, может век крешать умерших. После его смерти одна женщина, которая, не доверяя этим слухам, злобно посмеиваясь над чудесами святого, была наказана жестокими язвами и болезнью, от которой не могли помочь никакие усилия тогдашних медиков; только одно раскаяние перед образом святого, в день его праздника, сразу и совершенно исцелило больную (6). По кончине Доминика в теле его, как известно, сохранилась та же таинственная целительная сила, помогавшая верующим, какую он имел способность обнаруживать при жизни. В приложении к житиям обыкновенно помещаются целые списки чудес. Они подписаны более чем тремястами свидетелей: доминиканцы, инквизиторы, посторонние мужчины и женщины под присягой свидетельствуют достоверность сказанного ими и записанного с их слов.

Насколько условна такая достоверность, видно из свидетельства некой Беренгарии, бывшей еретички, обращенной Домиником в католичество. Она собственными глазами видела беса, который сидел в девяти еретиках и вышел из них по мановению святого, причем Беренгария успела тщательно определить размеры этого загадочного существа. По ее словам, вылетевший бес величиною был с собаку, похож на кота, глаза как у быка, весь красный, как в пламени, язык у него с полфута, а хвост с пол-локтя.

Некоторые из чудес, совершенных молитвами Доминика, уже после его кончины, были довольно странного свойства. Одна девушка, желая посвятить себя иноческой жизни, отказывалась от замужества, вопреки настояниям отца. Когда всякое дальнейшее сопротивление стало бесполезным, она обратилась в молитвах к святому Доминику и, в канун назначенного брака невеста проснулась с таким обезображенным лицом, что жениху оставалось отказаться от свадьбы и позволить девушке идти в доминиканский монастырь.

Легенды гласят, что своему желанию Доминик мог менять органы человеческого тела. Так случилось с одним испанским юношей, который матерью был предназначен в доминиканцы, но который от рождения нес на себе печать уродства: вместо мужского полового органа он имел женский; молитвами святого этот недостаток был исправлен, и женский орган быстро превратился в мужской (7).

Личное подвижничество Доминика также было засвидетельствовано очевидцами. Он подвергал себя тяжелому изнурению, носил вериги, власяницы. В двух-трех местах он назван «преследователем ереси, упорным гонителем ее и словом и примером», но всюду его личность представляется кроткой, щедрой, радушной, скромной, готовой на всякие жертвы для блага всех христиан, чуждой сует нашего мира(8). Его девственность, которую он сумел сохранить в продолжение всей своей жизни засвидетельствовали, по католическим обычаям того времени, три женщины, безуспешно пытавшиеся совратить Доминика.

Слава подвижника и необычайного человека была приобретена Домиником с первых лет его пребывания в Лангедоке. Вместе с Диего он обдумывал план духовного воздействия на ересь. Назидание и христианское воспитание обращенных согласовались с помыслами тогдашнего папы Иннокентия III. Монашеское братство, состав и характер которого он уже представил, думая о том еще на родине, могло, по его расчетам, соответствовать стремлениям первосвященника. Прежде чем просить духовного разрешения на утверждение общества, собиравшегося охватить своей деятельностью весь католический мир, Доминик желал сперва проверить некоторые свои предположения.

Как известно, он основал, по благословию Диего, свой монастырь, неподалеку от Монреалья, на земле тулузского епископа. Он предназначался для укрепления в вере обратившихся еретиков, преимущественно из известных провансальских фамилий; на первое время там он набрал одиннадцать девиц. Учащимся Пруллианского монастыря (de Prouille) было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось разгонять скуку работой.

По инициативе Доминика возникли и мужские школы, питомцы которых готовились к проповедованию слова Божия и к обращению еретиков. Мало-помалу стали открываться монастыри общества «бедных католиков», предшественника доминиканского ордена. В этих монастырях собирались поклонники Доминика, его первые последователи. Описанный нами в начале этой главы тулузский монастырь, позже превратившийся в дом инквизиции, был одним из таковых. Братия и ученики жили милостыней.

Иннокентий III принял эти монастыри под свое покровительство (9), но еще не учреждал доминиканского общества, не утверждал особой конгрегации, так как дал обещание не разрешать их ввиду многочисленности прежних орденов. Диего не суждено было дожить до осуществления мечтаний своего питомца. Он вернулся в Кастилию, где вскоре умер. Доминик остался один и стал бороться с ересью.

Когда он частным образом основывал свое братство, желая служить примером для небольшого кружка истинно благочестивых католиков, то вряд ли тогда в его голове носились картины допросов, пыток, казней, костров и всего того, что сделало столь страшным инквизицию. Напротив, есть причины думать, что он имел в виду исключительно духовное назидание. Два года он хлопотал об учреждении регулярного братства для содействия церковным делам в Лангедоке. Как ни трудно было получить такое разрешение от Иннокентия III, Доминик выхлопотал его на том же латеранском соборе, на котором, между прочим, было постановлено не допускать создания новых духовных орденов.

Доминик со своим обществом должен был подчиниться какому-либо прежнему уставу. Он избрал новейший августинский, к которому принадлежали преимущественно духовные ученые, но добавил к нему несколько строгих аскетических правил. Так как целью братства была проповедь и разнообразных местностях, то орден не должен был приобретать недвижимости для своего обеспечения, а довольствоваться сборами и подаянием. Когда с этим желанным разрешением, осуществлявшим первую половину его мечтаний. Доминик вернулся в Тулузу, то город,

по настояниям епископа Фулькона, предложил в его распоряжение особую церковь с монастырем по имени S. Romain .

В это приорство, названное впоследствии инквизиционным домом, в 1216 году перебрались шестнадцать доминиканцев.

Но этим прообразом ордена, этим полузаимствованием, не мог удовлетворяться человек, считавший себя призванным свыше создать особое, самостоятельное учреждение в Римской Церкви. Он боялся, что умрет, не завершив своих начинаний. В том же году он опять пошел в Рим, дабы у ног Гонория III вымолить разрешение на создание особого проповеднического братства. Доминик, очевидно, со всей готовности к самопожертвованию не чужд был тщеславной мысли оставить свое имя в истории церковно-католических учреждений. Он усердно молился в церквях вечного города, прежде чем предстать перед первосвященником.

Однажды ночью, после напряженного бдения, ему было даровано видение, которое записали набожные биографы: Доминик увидел Сына Божия, восседавшего в пределах горних на высоком троне по правую сторону от Бога-Отца. Он сидел гневный, раздраженный, у ног Его были толпы грешников, склонившихся перед ним. В Его руках было три копья, предназначенных для истребления прегрешивших, — одно для гордых, другое для скупых, третье для развратных. Пресвятая Мать обнимала Его ноги, умоляя о милосердии к падшим, о смягчении их участи. «Разве не видишь?— отвечал Ей Иисус, — сколь неправды они соделали мне? Моя справедливость не потерпит столько безнаказанного зла». Тогда Пресвятая Дева сказала ему: «Ты ведаешь, Господи, каким путем надо направить их. Я знаю верного слугу, которого ты пошлешь в мир, дабы он возвестил твоё учение. Тогда все познают и обрящут тебя. Я дам ему в помощники еще другого слугу, который совершит то же дело». По желанию Господа, которого смягчили Ее просьбы, Она подвела Ему монаха, в чертах которого Доминик узнал самого себя. «Он способен исполнить то, что сказала ты», — изрек Господь. Следом за ним Она подвела другого монаха, который предназначался в соратники Доминику. Лицо его было незнакомо, Доминик никогда не видел его прежде.

Но, придя на другой день в церковь, он нашел его между молящимися и тогда, смело обратившись к нему, воскликнул:

— Ты — товарищ мой, ты пойдешь вместе со мной. Мы будем действовать вместе, и никто не одолеет нас!

Нового знакомца звали Франциском (10). Это был другой фанатик собственных убеждений.

Он жил в Риме с той же целью, что и Доминик. Он имел с ним удивительное сходство по желанию подвижничества, по склонностям. Его помыслы стремились к тому же пробуждению католического духовенства от долгой апатии, к тому же нравственному обновлению общества, но идеалы Франциска были исключительно аскетического свойства. Познакомиться с этой личностью весьма важно для изучения той эпохи.

Франциск (в миру Джованни Бернардоне) был сыном богатого купца из итальянского города Ассизи (11). Он с детства почувствовал свое призвание. С самой молодости он удерживал вырученные за товары деньги ради бедных и больных. Раз, когда в храме читали об евангельском отречении от всех земных благ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно подготовленная к тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Он отка зался от отцовских богатств и, приняв имя Франциск, и рубище, босой, стал ходить по городу, питаясь милостыней. У него начались галлюцинации: ему являлись странные видения, он слышал пение ангелов, беседовал с Богом. Отец через епископа прибег к уговорам вернуться к нормальной жизни, а потом и к строгим мерам — семья с презрением изгнала его.

Франциск расторг все связи с родственниками и стал проповедовать необходимость строгого покаяния, суровой жизни и отречения от мирских благ. Он притупил свои чувства и тело. Перед этим аскетическим героизмом начали преклоняться. Один ассизский богач смеялся над Франциском, но однажды, после его страстной проповеди, распродал свои богатства и пошел за этим человеком, оригинальным, но магнетически притягательным. Тогда к нему присоединилось еще шесть человек. Все они поселились у ручья, в тесном шалаше, в окрестностях города; попеременно они ходили на проповедь.

В 1208 году Оттон IV короновался в Риме; Франциск послал письмо, где напомнил императору о суете мирской и о том, что вся слава его пройдет как сон.

Его страстная натура не могла успокоиться на самоуглублении и созерцании, он всячески истязал свое тело. Трижды в ночь он бичевал себя: один раз за свои грехи, другой — чп живущих,

третий— за души в чистилище. Чтобы притупить телесные ощущения, он, нагой, кидался в снег, и, даже умирая, распростертый на сырой земле, оставался тем же героическим аскетом, каким всегда был при жизни.

Добиваясь неведомых подвигов, Франциск, напрасно выпрашивая у Иннокентия III разрешения открыть братство «нищенствующих францисканцев», обошел всю южную Италию и отправился в Палестину. Он был в Сирии и Египте; всюду его сопровождала молва о чудесах. Говори ли, что его жизнь напоминает жизнь Спасителя от самого рождения, что он даже превосходит Христа своими подвигами. Его миссионеры распространяли идею отречения от мира в Испании и в северной, и южной Франции, однако в Германии их постигли неудачи. «Германия не для нас, — повторяет Франциск, — избавь нас Господь от немцев».

Вторично он явился в Рим в конце 1216 года, одновременно с Домиником, но опять потерпел неудачу. Доминик был счастливее его. Орден «проповедников» наконец был утвержден Гонорием III. Необходимость бороться словами с ересью альбигойцев и вальденсов, которые не переставали беспокоить Церковь, была, вероятно, причиной того, почему папа двадцать второго декабря 1216 года — с целью учреждения общества на началах «Божиих и правилах святого Августина» — дал «брату Доминику, приору S. Romanis в Тулузе», утвердительную буллу, оставив разрешение вопроса о францисканском братстве до этого времени.

Франциску суждено было увидеть исполнение своих заветных мечтаний лишь спустя шесть лет, когда число его «миноритов», этих «меньших братий», действительно стало поразительным, когда они удивили Церковь своей готовностью отречься от благ мира, которые они старались не видеть из-за капюшона своей убогой одежды, и своей способностью воздействовать проповедями на простой народ. Но и сейчас за Франциском стояло уже несколько тысяч последователей. Во многом именно им был обязан Доминик своими успехами в Риме. Франциск бескорыстно поддерживал его перед папой и кардиналами, забывая на время свое собственное дело.

Новое доминиканское братство имело мирные, не воинственные цели. Проповедь, и только проповедь, была его непосредственным назначением. Самое название «проповедническое» вытекало из обращения, какое сделал к Доминику Гонорий III в своем послании: «Брату Доминику и его проповедникам в тулузской стороне» (12).

«Принимая во внимание, — так начиналась папская булла, — что братья вашего ордена всегда будут защитниками веры и истинными светочами мира, мы утверждаем орден со всем его имуществом и правами».

Другая грамота содержала в себе четырнадцать статей. Папа брал под свое покровительство церковь святого Романа и соглашался, чтобы орден каноников, который там находился, существовал на вечные времена. Он предоставлял братству обладание его церковным имуществом и всем, что оно приобретет впоследствии, освобождая братьев от платежа десятины с земель, которые они обрабатывают своими руками или на свой счет, а также и от натуральных церковных повинностей. Братство должно обращаться к местным епископам за святым мирром и приглашать их для освящения алтарей и церквей и для посвящения клириков. Приоры в монастырях должны выбирать ся монахами свободным голосованием, без всякого постороннего влияния (13).

Первоначально орден еще не был нищенствующим — это было братство обыкновенных каноников. Обеты нищеты, целомудрия и послушания сформировались впоследствии, пока что определилось только непосредственное назначение братства — проповедь и обращение еретиков в истинную веру. Гонорий III не решался так скоро уничтожить формальное запрещение своего предшественника.

Учреждение нищенствующих орденов знаменует довольно приметный перелом в нравственном настроении того дашнего общества. Это была реакция на успехи ереси, которая доселе проявлялась в массах.

Мы имели случай заметить, что с 1216 года, когда начались заседания четвертого латеранского собора, альбигойская ересь теряет то значение знамени патриотических интересов, какое имела доселе, и существует, скорее, как внутреннее верование отдельных личностей. Что реакция была сильна, что идеалы нищенствующих коренились в самом обществе, что на них отзывались сильно — видно из той изумительной быстроты, с какой увеличивалось число последователей Доминика и Франциска. Не прошло и двадцати лет со дня утверждения первого ордена, как в Западной Европе насчитывалось четыреста доминиканских и тысяча

францисканских монастырей. Между тем, чтобы быть францисканцем того первого времени, от человека требовалось много энергии и самоотвержения.

Всякий, поступавший в орден миноритом, уже тем самым отказывался от настоящей и будущей собственности. Никто из францисканцев не мог иметь собственных денег; самая одежда, серая или коричневая ряса, прикрывавшая тело, принадлежала всему ордену, который обязался не приобретать имений и чего-либо свыше необходимого. Церкви францисканцев, без каких-либо украшений, были тесны от люда; пища едва удовлетворяла чувство голода.

По степени подвижничества и по образу жизни францисканцы разделились позже на конвентуалов, спиритуалов, бо соногих и прочих. Из них вышли также и капуцины^{*1}.

И доминиканский, и францисканский ордены управлялись каждый своим «*minister generalis*»; отдельными провинциями заведовал «*minister provincialis*»; непосредственная власть была у «*minister guardianus*». Терциаты, кающиеся, составляли первую ступень отречения; они жили в свете, хотя и принадлежали к францисканскому братству. Не связанные всей строгостью монашеских обетов, они были необходимы для целей ордена; живыми примерами они указывали испорченным современникам образец простой, умеренной жизни, чуждой крайностей того и другого направления.

Так формировалось новое воинство для борьбы с ересью.

Многие историки, старые и новые, католические и протестантские, с удивительной простотой приписывают учреждение инквизиции тому самому Доминику, который был основателем братства проповедников; они склонны даже смешивать доминиканский орден с инквизиционным трибуналом. Подобное заблуждение происходит из поверхностного взгляда на историю, из стремления объяснять сложные исторические явления мелкими причинами. Для таких историков самое главное — придумать изобретателя системы, будь то Луций III, Иннокентий III, Доминик, Гонорий III, Григорий IX, Иннокентий IV. Весьма распространенное, особенно в старой литературе, мнение об инквизиторстве Доминика ошибочно. Полицейская система допросов, розыска по церковным делам, с их известными всякому последствиями, постоянное применение светского меча — все это развивается из сущности римско-католических воззрений, подкрепленных их историей. Эта система не входила, конечно, в католическое учение непосредственно, но привилась к нему в то время, когда в ее применении чувствовалась надобность, когда католическая Церковь начинала грозить опасность, когда слов убеждения становилось мало и ощущалась потребность в содействии той темной силы, которая извращенному пониманию казалась способной возместить силу духа и убеждения.

Такую опасность почувствовало католичество в эпоху альбигойства. Для земли языка провансальского первые шестнадцать лет XIII столетия были годами борьбы за торжество той или другой веры. Новое учение исповедовали там не отдельные личности, а целый народ. После первого периода войн некогда торжествовавшее под покровительством Раймонда VI, из политических целей выдававшего себя иногда за ревностного католика, альбигойство сделалось гонимым.

Альбигойское учение для так называемых верных допускало коварство и обман в вопросах веры и далеко не предписывало страданий за религиозные убеждения. То сливаясь с католиками, то снова выделяясь из них, альбигойцы-катары не давали выследить себя католическому духовенству. Часто оказывалось, что умиравший католик был в душе заклятым врагом той веры, ярмо которой он осмеливался сбросить только на пороге могилы.

Потому-то со времен первого подавления ереси потребовалось отдельное учреждение, которое давало бы возможность отличать католиков по политической необходимости от католиков искренних. Новые гражданские власти стали бы оказывать ему деятельное содействие, так как благодаря ему узнавали бы сторонников прежнего порядка.

Вся предыдущая история католицизма давала богатый материал и целый ряд примеров, который освящал прошлым обычность если не самого учреждения, то основной идеи

^{*1} Разделение направлений внутри ордена началось уже в 30-х годах XIII столетия. Спиритуалы и босоногие призывали к отказу от какого-либо имущества, конвентуалы считали, что данное положение необходимо смягчить. Орден капуцинов (название — от латинского слова *sarrisio*, «капюшон») основан в 1525 году как ветвь францисканцев и наряду с конвентуалами и миноритами. Первоначально основной их целью была антиреформаторская проповедь.

нетерпимости, положенной в ее основание. Такие побуждения были причиной организации первой инквизиции, легальную необходимость которой католические отцы старались мотивировать свидетельствами Библии.

Первая инквизиция, учрежденная над альбигойцами, — так мы называем ее в отличие от позднейшей, испанской, — находилась в зависимости от хода политических событий в главном центре ереси, в лангедокской земле. Только полное торжество католической власти способно было вызвать инквизиционный трибунал с казнями и заточениями, и только падение или даже ослабление ее устранило возможность существования инквизиторских преследований. Муниципальные власти, стесненные феодалами-завоевателями, оказывались сторонниками двух противоположных религиозных направлений; они были то альбигойцами, то католиками, то снова альбигойцами. Они то карают ересь, то предоставляют ей послабления. Инквизиция устранилась бы, если бы французское завоевание было способно утвердить в стране католическую веру. Всякий взрыв ереси находился в непосредственной связи с ходом политических дел.

Подъем патриотического сознания в Провансе и Лангедоке

Понятно, что весть о передаче папой и отцами латеранского собора земель тулузского графа французам и ненавистному Симону Монфору должна была произвести на все провансальское население страшное впечатление. До сих пор еще надеялись на прощение, на снисхождение. Раймонд VI, симпатичный уже одними своими несчастьями, был искренно любим в стране. Его династия была вполне национальная.

На французов смотрели как на пришельцев-истребителей, как на варваров. Народные певцы разжигали эту ненависть пламенными стихами; стансы трубадуров оплакивали несчастья павшего государя, «развенчанного попами». Быть или не быть новому учению — это зависело от той или другой династии. Раймонд VI отличался если не сочувствием к ереси, то самой широкой веротерпимостью. Издавна между графами Тулузскими и их подданными существовала неласная договоренность — одна сторона не выдавала другую во время опасности.

В тяжелые минуты для альбигойства, когда Рим грозно и публично карал Раймонда VI за равнодушие к успехам ереси, последняя тем не менее существовала, скрывшись под пеплом общего гонения. Промышленность и торговля развивались в тулузских землях с большим успехом, чем в других пределах Галлии. Здесь земледельцы были или свободны, или, прикрепленные к земле, спокойно переносили не тяжелую зависимость от местного феодала. Рыцарство видело в падшем графе своего лучшего и благороднейшего представителя.

Так все элементы, все сословия на тулузском юге соединились в одном сочувствии к угнетенному государю. Его унизило и карало римское духовенство, а оно было всегда непопулярно в этой веселой стране. Горесть общин и рыцарей усиливалась еще тем, что отныне их судьба оказалась в руках ненавистного Монфора. Надо было приложить последние усилия, чтобы спасти династию, а с ней и свою национальность.

Несколько рыцарей с их вассалами решились первые выразить народное настроение. Они собрались в Авиньоне приветствовать возвращавшихся из Рима Раймонда VI и его сына. Давно знали, что оба графа отправились из Рима в Марсель морем. Лишь только они ступили на марсельский берег, как на них посыпались народные благословения и выражения общей радости. Консулы города поднесли им ключи. Старый Марсель был свободной купеческой общиной; он никогда не принадлежал тулузской династии, имел номинального сюзерена, титуловавшегося графом Прованса, но город чувствовал кровную связь с общей землей провансальского языка, а Раймонд VI всегда представлялся единственно сильным из провансальских феодалов. Дело, за которое он сражался, было делом свободы и независимости провансальцев вообще. Монфору нужны были не только трупы альбигойцев; его французы приносили с собой ненависть к местным свободным учреждениям. Марсельцы были добрыми католиками, но католики-французы казались поработителями.

Через три дня после прибытия графов в Марсель к ним явился герольд из Авиньона и, поздравив с приездом, сообщил радостную весть, что триста рыцарей ждут их с нетерпением в Авиньоне, обещают содействие и приносят клятву не покидать их правого дела. Раймонд и не думал отказываться от таких услуг. Тотчас же отец и сын отправились в Авиньон, который тоже не принадлежал Тулузе. Там, неподалеку от городских стен, на берегу Роны, один из рыцарей, Арнольд Одегар, торжественно приветствовал приезжих.

— Весь Авиньон, — сказал он, — отдается вам, жизнь и имущество каждого гражданина отныне ваши. Говорим это без лжи и гордости. Тысяча храбрейших рыцарей и сто тысяч других храбрых и добрых людей обязались клятвенно восстановить вас в ваших владениях, государь. Вы получите все ваши права над Провансом, все доходы и налоги, которые вам принадлежали. Мы займем теперь же все переправы на Роне и клянемся предавать огню и мечу все, пока вы обратно не получите Тулузы и всего вашего графства.

Граф был глубоко тронут.

— Господа, — отвечал он им. — Вы делаете дело великой доблести и благородства, принимая меня под свою защиту. Во всей земле языка провансальского и во всем христианстве не будет людей более славных, если вам удастся восстановить торжество нашего дела, а с ним храбрости, счастья и благородства (14).

Этими словами, вложенными поэтической хроникой и уста Одегара и старого Раймонда, обрисовывается популярная ность графа и той идеи, что возвращалась с ним. В авиньонской ратуше граждане с увлечением присягали на верность графу.

«Авиньон поднимается в Провансе, несмотря на свое изнеможение и на последствия войны. Молю Господа, чтобы он помог городу, потому что им движет восторг и великодушие. О, могучий и изящный народ, твоя отвага — гордость провансальцев...» — писал Томьер.

Но хотя граф и утвердился в Авиньоне, однако без обладания Тулузой он не имел прочной опоры в своем государстве. Между тем ехать в Тулузу ему было нельзя. Там стояли французы и жило семейство Симона де Монфора. На башнях Капитолия и Нарбоннского замка веяло знамя Монфора — белый лев на красном поле. Раймонд VII, поручив свое дело храбрости приверженцев, вернулся в Марсель и поселился неподалеку от города в ожидании дальнейшего развития событий.

Однако его сын хотел попытаться счастья. Оставив отца, он вернулся к рыцарям в Авиньон. Бароны провансальские и тулузские не щадили слов для выражения негодования по поводу торжества надменных французов. Юный Раймонд, выступавший теперь самостоятельно на политическую сцену, был средоточием их надежд. Он вторил им и напоминал былые дни их славы, все, что было дорого для них.

— Благодаря Монфору, Римской Церкви и ее проповедникам, — говорили ему, — куртуазность попорана и подверглась поношению; рыцарство так унижено, что если вы не поднимете его, то все будет потеряно навсегда.

— Если Христос сохранит моих дорогих друзей и меня, — было ответом, — если он возвратит мне Тулузу, чего я так сильно желаю, то куртуазность и рыцарство не пострадают никогда. Во всем свете не нашлось бы человека достаточно могущественного, чтобы сокрушить меня, если бы не Церковь.

Эти страстные слова дышали благородной отвагой, но говоривший их не обладал такими дарованиями, которые были необходимы, чтобы соответствовать высоте задачи. Впрочем, для народа было довольно и одних слов. Граждане Авиньона встретили молодого государя с выражениями самой горячей преданности. «Из всех домов, на всех улицах, — говорит летописец, раздавались крики: "В Тулузу, за отца и за сына, да здравствует победа!" Народ кидался на колени перед графом. "Господи Иисусе, дай нам силы и помоги возвратить законное наследие", — молились на площадях. Приходилось разгонять толпу угрозами и ударами» (15).

Все ликовали, точно после великой победы. На этот раз радовались не одни альбигойцы. Католики шли в кафедральный собор слушать молебен о даровании торжества в правом деле. Постепенно стали съезжаться в Авиньон бароны и владетели, желавшие под знаменами Раймонда драться с французами и грабителями-крестоносцами. Свободные коммуны Марселя, Тараскона, Оранжа и других провансальских городов, понимая, что победа над Монфором послужит и их собственному спасению, со своей стороны, наняли отряды и предложили их Раймонду. Весь Прованс восстал. Нет ничего трогательнее в истории того времени, как это благородное сочувствие городов к национальной династии, вызванное ее несчастьем.

Со своими союзниками молодой Раймонд собирался вторгнуться в Лангедок в конце мая 1216 года. Отряд был на походе, когда к графу прибыли послы из Бокера. Граждане звали его к себе, посылали ему клятвы в верности и обещали предать французский гарнизон, который занимал бокерский замок. Раймонд принял предложение. Дорогой к нему прибывали отряды из приронских коммун.

Осада Бокера

Гарнизон Бокера командовал Ламберт Лемузенский, человек стойкий и отважный. Он, не ожидая нападения противников, пытался сделать вылазку из замка, но безуспешно. Раймонд начал осаду по всем правилам тогдашнего военного искусства. Его воины пробрались под самые стены, засыпали ров и готовились поджечь ворота. Гарнизон вступил в переговоры, требуя свободного пропуска. В этом было отказано.

Осажденные готовились погибнуть голодной смертью. Они отразили первый приступ, хотя тем несколько по облегчили своего положения. Но они не знали, что в эти самые дни к ним на помощь спешит сам Монфор.

Вождь крестоносцев только что прибыл из Франции и завоеванную им страну. Он с негодованием узнал о восстании своих подданных, как он называл провансальцев, и об осаде бокерской цитадели. С ним было много новых авантюристов, много знатных баронов, ожидавших себе наград и земель, — но у него почти не было пеших воинов. С ним были и оба его брата.

В Ниме, в верстах пятнадцати от Бокера, Монфор собрал свои отряды, исповедался, приобщился к святым Таинствам и пошел на Раймонда. У него уже нет, как прежде, безусловной уверенности в успехе своего дела. Он не с прежней смелостью идет на противника, который между тем окрылен успехом. Это видно из тона хроник той и другой стороны (16).

Счастливый доселе вождь потерял долю той несокрушимой веры в себя, которая прежде приводила его к победам. Он словно предчувствовал, что счастье может со временем изменить и ему. Он видел общее раздражение против французов, переходившее постепенно в восстание. Гордые феодалы Франции презирали коммуны на своей родине, хотя почти всегда терпели неудачи в борьбе с ними. Но они никогда не видели такого единодушия рыцарей и горожан, как в Лангедоке. Вместо того чтобы тяготеть к своему сословию, как всегда бывало в средние века, провансальские бароны, к удивлению французов, стояли в одних рядах с презренными торгашами и вилланами.

Раймонд Юный, как его теперь называли, спокойно ждал приближения Монфора. На полях Бокера и произошло сражение. С обычной своей горячностью провансальцы бросились в бой. Битва была кровопролитная, но с довольно неопределенным исходом.

Монфор вынужден был к вечеру отойти в Бельгард и потому может считаться побежденным. Раймонд вошел в Бокер. На следующий день французы обложили город, но без каких-либо надежд занять его. Между тем провансальцы по-прежнему держали в блокаде замок и сохранили свои сообщения с Тарасконом, Монтобаном и другими городами, откуда могли получать припасы и вспомогательные отряды. Раймонд был настолько силен, что мог не только с успехом отбивать нападения Монфора, но в то же время стеснить бокерский гарнизон до последней крайности.

Сам Монфор скоро оказался в оборонительном положении и относительно Раймонда, которого он хотел принудить к сдаче: он должен был укрываться от назойливых вылазок провансальцев двойными палисадами. Ожесточение с обеих сторон было дошло до предела — провансальцы вешали, душили и четвертовали пленных, а части их трупов выставляли на городских стенах (17).

Бокерский гарнизон выкинул большое черное знамя, которое должно было известить Монфора, что скоро голод вынудит осажденных к сдаче, если он не выручит их в самое ближайшее время. Вождь приказал набранным крестьянам строить большую подвижную башню, которая должна была громить город. Сделанную наспех башню подвели к стенам города, но прежде, чем она стала действовать, ее зажгли, а тех, кто пробовал перейти на стену, обливали кипящим маслом. На штурм Монфор не решился, а между тем в замке прибегнули к последнему, отчаянному средству, рассчитывая пробиться, но безуспешно. Честь не позволяла сдаться этим храбрецам. Изможденные от усталости и недостаточной пищи, они геройски отбивались от нападений провансальцев и тоже сожгли их стенобитную машину.

В таких тяжелых для себя обстоятельствах Симон Монфор собрал военный совет из баронов и рыцарей. Он был слишком горд, чтобы предложить отступление, позорное для его герба. Но того требовала необходимость. При общем молчании встал Гюи Монфор и высказал то, что было в мыслях у каждого. Два месяца осады не привели ни к чему. Неудачи крестоносцев только усиливают общее недовольство и грозят восстанием. Спасти гарнизон, очевидно, не возможно, остается одно — отдать замок Раймонду и просить у него свободного пропуска гарнизона. Как бы для довершения впечатления в совет был введен воин, пробовавший вылазку из замка. Он объявил, что гарнизон уже второй день без съестных припасов, но не сдается.

С Раймондом вступили в переговоры. Он с провансальской галантностью оказал самый любезный прием неприятельским парламентарам и, к удивлению, скоро принял предложенные условия, со своей стороны желая освободиться от Монфора, который после того вернулся в Ним.

Впервые побежденный, Монфор увидел, что почти вся страна объята восстанием. В Тулузе, этой столице Юга, все еще развевалось его знамя, но трудно было рассчитывать на сочувствие ее населения. Действительно, оно полнялось при одном слухе о неудаче крестоносцев. Граф Симон очень рассчитывал на свое личное присутствие, среди граждан, на обаяние своего грозного имени. Только; оно одно, полагал Монфор, могло смирить «эту неверную и презренную породу», как честил он тулузцев. Оставив свою конницу в Ниме для наблюдения за окрестной страной, он поспешил в Тулузу.

Первое восстание в Тулузе и его подавление

Одна сторона говорит, что тулузцы первые поступили коварно, захватив передовых воинов, посланных Монфором, вследствие чего последний велел жечь окрестные города. Другая утверждает, что Симон первый поступил вероломно, арестовав городских депутатов, отправленных к нему для изъявления покорности (18). Во всяком случае, движение на Тулузу сильных отрядов Раймонда Юного, получившего подкрепления из Каталонии, было несомненной причиной похода Монфора.

В трех лье от столицы (то есть за тринадцать верст), именно в Монгискаре, полчища крестоносцев остановились. Когда опасность разгрома казалась неминуемой, тулузцы отправили к своему ненавистному государю депутацию для переговоров, которая должна была принести изъявления покорности и просить прощения. Симон вначале отказался принять ее, но потом допустил к себе и, осыпав депутатов оскорблениями и бранью, неожиданно объявил, что самые зажиточные из них должны остаться его заложниками. К такому поступку побудили его советы изменника Фулькона, епископа тулузского, бывшего в рядах крестоносцев. Указанных немедленно схватили, связали и отправили в Нарбоннский замок, несмотря на возражения и просьбы многих крестоносцев, и даже самого Гюи Монфора. Если даже это насилие и было ответом на захват передовых крестоносцев, то тем не менее Монфор не мог сделать ничего более бестактного, более вредного для своих собственных интересов. Направляясь в свою резиденцию в качестве законного государя, утвержденного высшей папской санкцией, он делался теперь в глазах тулузцев и всех провансальцев вероломным разбойником.

Муниципальный дух Тулузы восстал, старые силы пробудились, патриотический энтузиазм моментально охватил все население, словно вспыхнул от искры стог сена. Все поднялись на защиту дорогого города. В крепости находился неприятельский гарнизон, но у граждан были руки, чтобы защищать свои дома. Всякий взрослый мужчина стал на эти дни воином. Тулузцев было много, но рыцари Монфора, прославившиеся на турнирах, закаленные в боях, готовые броситься в бой по одному мановению знаменитого вождя, презрительно относились к противникам, которые готовились умирать под их мечами.

Тулузцы надеялись, говорит их поэт, что Бог не оставит их, поддержит правых. Они знали, что борются с ложью и коварством, так как то и другое было постоянным оружием их врага.

Монфор не соглашался ни на какую сделку с гражданами. Он неизменно отвечал тулузским посланным, молившим о пощаде:

— Я войду в Тулузу во что бы то ни стало, с оружием или без оружия. Прежде я не трогал вас, но вы между тем не переставали сноситься с бокерцами. Вы меня и без того когда не любили — вы клялись повиноваться не мне, а графу Раймонду да его сыну... (19)

Тот самый Фулькон, по совету которого были задержаны парламентары, придумал, как французам взять столицу даже без борьбы. Епископ смело поехал в город, окруженный многими рыцарями и оруженосцами; он был уверен, что его влияние на католическую паству еще не исчезло. Он явился в городское собрание и заявил, что единственное спасение горожан в немедленной покорности; лицемерно он скорбел об участи своего бедного стада.

— Всякий, кто дорожит своей семьей и имуществом, должен сейчас же оставить город и идти в лагерь французов, — говорил Фулькон, — может быть, почетнейшие из граждан своей покорностью смягчат гнев властителя.

Несчастный народ поверил коварному прелату. Многие из влиятельных и богатых граждан решились идти первыми к Монфору. Южане были замечательно легковверны; их не научил пример сограждан, уже сидевших в оковах под стражей. Длинной вереницей тянулись тулузцы во

французский лагерь; их встретили воины Монфора. Как и следовало ожидать, всех их тотчас же схватили и связали. Оставшиеся позади кинулись бежать и распространили в городе общее смятение. Теперь настал час народной мести.

Крестоносцы первые начали резню с католиками же. Воины, бывшие в свите епископа, оставшись в городе, схватились с горожанами. Они совершали насилие даже над женщинами и детьми. «Было ужасно видеть, — замечает летописец, — сколько зла в короткое время успел сделать, епископ для своей паствы».

Но горожане не собирались уступать свой город — всякий, кто мог еще владеть оружием, вооружился, и началась битва в улицах. В разных местах вдруг выросли баррикады. Приходилось силой овладевать каждой преградой, и из-за каждой нещадно били врага.

Через несколько часов рыцари были утомлены такой непривычной для них борьбой. Тогда, в свою очередь, горожане перешли в наступление. Они бросились вперед с неистовством, точно «львы голодные и разъяренные. Они решились лучше умереть, чем жить в рабстве,» — говорит их историк (20).

Опытные и воинственные рыцари не выдержали напора и побежали от плохо вооруженных горожан, потеряв убитыми более половины бойцов. Горожане ретиво преследовали бежавших, загораживали отступление и гнали по главной улице к Нарбоннскому замку. Здесь французы думали укрыться в ожидании прибытия своего вождя, который замешкался.

В этот самый момент в Тулузу въехал вспомогательный отряд Гюи Монфора. Он хотел остановить бегущих, но, увлекаемый общей паникой, вместе с бегущими скрылся к Нарбоннскому замку. Наступила ночь.

Симон наконец прибыл в замок, но дело было уже проиграно. Со свойственной ему жестокостью он, в порыве мести, велел поджечь город. С этой целью в разные части столицы направились особые отряды. Но жители были настороже. На площади святого Стефана произошла жестокая схватка, французы были опять разбиты: одни спешили укрыться в кафедральном соборе, другие — и епископском дворце; следом за ними туда ворвались граждане. Тогда Симон Монфор сам пошел выручать своих, но безуспешно. Напрасно он разил своим мечом направо и налево. Численность горожан брала перевес над воинским искусством. Такова была ярость и храбрость народа, что опытные рыцари должны были признать себя побежденными.

Была минута, когда Монфор боялся за собственную жизнь. Он укрылся в кафедральном соборе; кровь текла по стенам этого величавого здания, площадь устилала трупы и раненые. Рыцари напрягли последние силы и с Монфором во главе прорвались через толпу, оставили город и вернулись в Нарбоннский замок, где у Монфора было много пленников в качестве заложников. Вzbешенный постыдным поражением, он объявил им, что если город не сложит сейчас же оружия, то они погибли, все без исключения. Но город, опьяненный победой, был на таком подъеме патриотического чувства и в такой безначалии, что невозможно было и думать об успехе каких-либо переговоров.

Казалось, что древняя муниципия счастливо спасла себя от порабощения. Но злой гений Тулузы в лице ее епископа опутывал ее новыми сетями. Вместе со старым приором кафедрального собора Фулькон поехал по улицам города, заклиная жителей сложить оружие. Он обещал им своей епископской митрой, от имени Монфора, полное забвение прошлого; в противном-де случае погибнут все их лучшие люди, находящиеся в плену. Опять новая борьба в сердцах горожан и сановников. Влиятельные лица собрались на совещание. Мнения решительно разделились: одни, наученные опытом, видели обман; другие, беспокоясь о судьбе пленников, соглашались на сделку. Епископ и аббат в соседнем шомещении нетерпеливо ожидали решения. Прения продолжались долго.

Чувство жалости и любовь к землякам одержали верх. Тулуза соглашалась покориться.

С радостью поспешил прелат к Монфору. Вождь велел благодарить капитул и просил передать, что завтра он лично прибудет в Капитолий для подписания договора и приглашает туда всех должностных граждан, носящих оружие, то есть местных рыцарей. Монфор прибыл, окруженный своими баронами. В город между тем вступили его войска и подошли к Капитолию. Когда заседание в присутствии графа было открыто, то первое слово было дано аббату святого Сатурнина. Он говорил о той счастливой дружбе, какая настала теперь между новым государем и тулузцами.

— Всем этим вы обязаны ходатайству вашего епископа, — прибавил он.

В честь изменника раздались восхваления.

— Может быть, между вами есть недовольные, — продолжал аббат. — Они могут свободно удалиться из города. Оставшимся же не будет причинено никакого насилия. Я и епископ в том порукою.

Нельзя было лицемерить с большим искусством. Прелатам были хорошо известны намерения Монфора насчет города. Он не был тронут покорностью и смирением победителей. Неблагодарно явившиеся на собрание стали жертвой его гнева. Все присутствовавшие, окруженные его войсками, вынуждены были сложить оружие, а рыцари и знатнейшие горожане были заключены в оковы. Все главные пункты и башни города были немедленно заняты. И страхе и в предчувствии новых бедствий расходились обезоруженные граждане. Скорбь была написана на лицах Но тулузцы не знали еще всей той ненависти, какую способен был питать к общине французский вельможа того времени. К Тулузе же Монфор питал теперь особенную ненависть, так как она глубоко уязвила его самолюбие.

Он собрал своих баронов и сделал предложение, кото рое должна была утратить даже средневековых феодалом. Он объявил, что хочет разрушить город до основания и сровнять его с землей. Любимый город древних кельтов, столица тектосагов^{*1}, крепость римлян, Тулуза должна была окончить свое историческое существование от руки свирепого франка и предводимых им крестоносцев.

Первым восстал против такой меры брат вождя — Гюи; он видел в ней покушение отчасти и на свое достоинство.

— Тулузцы и без того жестоко наказаны, государь, говорил он. — Если, увлеченный жестокостью, ты разрушишь город, то приобретешь дурную славу в христиане ком мире. Ты берешься защищать имя Христово между еретиками, а между тем делаешься ненавистным Церкви (21).

Даже Фулькону не могло понравиться такое намерение. Симона с трудом уговорили ограничиться большой контрибуцией, которой тулузцы выкупили существование своего славного города. Монфор велел консулам и советникам собраться в церкви Святого Петра; туда же были приведены пленники из замка. Победитель объявил здесь городу свою волю. Тулуза должна уплатить ему тридцать тысяч марок серебром. Для ограбленных жителем это была огромная сумма. Но эта же мера послужила и к спасению Тулузы.

Добыть такие деньги можно было только или открытым грабежом, или невыносимыми вымогательствами. Ответственность за уплату была возложена на особых сбор щиков, выбранных из состоятельных лиц. Последние но платились большей частью своего имущества, и их ном висть к французским порядкам могла лишь усилиться.

Долго пересказывать те жестокости, которые совершались при сборе налога. «Народ стонал в рабстве», — лаконически выражается католический историк альбигойской войны, близкий к описываемым событиям. «Слуги Монфора, — рассказывает очевидец, тулузский патриот, — стали чинить всякие насилия, оскорбления и несправедливости. Везде они стали появляться угрожающие, свирепые; спрашивали и брали что хотели. Во всякое время и повсюду можно было встретить в Тулузе и мужчин и женщин, одинаково печальных, неутешных и негодующих, слезы лились у них из глаз и сердце сжималось от боли. Иностранцы хозяйничали в городе, скупая все у жителей, так что им самим не оставалось ни муки, ни зерна, ни порядочных одежд».

«О благородный город Тулуза, так глубоко униженный, каким позорным людям Бог предал тебя!» (22)

Воспоминания о старом, прирожденном графе и его сыне, этих несчастных скитальцах, было единственным утешением в великом народном горе. С изгнанниками тулузцы установили тайные связи, и, лишь только Монфор выступил из столицы для покорения графства Фуа, агитация против иноземного господства снова усилилась.

На этот раз она прошла далеко не бесследно. Приближались дни хотя и временного, но довольно продолжительного торжества национального дела в Лангедоке. Вместе с этим торжеством должно было усилиться альбигойство.

Второе восстание в Тулузе, осада Тулузы и смерть Симона Монфора

^{*1} Одной из ветвей кельтского племени вольков.

Монфору уже не суждено было больше увидеть город, которому он принес столько зла. Оставляя Тулузу, он не одозревал, что целым рядом событий и даже небесславных для него успехов, он постепенно отдаляется от главной цели крестового похода.

Владетель графства Фуа, Раймонд Роже, лишенный своего наследия Иннокентием III, обратился с мольбой к новому папе, Гонорию III, об оказании справедливости. С этой целью он отправил к нему посольство. Со всех сторон слышал Гонорий предостережения против еретика, но, желая ознаменовать первые дни своего правления актом правосудия, приказал двадцать седьмого ноября 1216 года местному легату ввести графа де Фуа во владение его землями, в последнее время управляемыми Римской Церковью. Извещая об этом Раймонда Роже, он писал ему между прочим:

«Многие лица не советовали мне возвращать тебе самый замок Фуа из опасения, что, получив его, ты снова смутишь мир и оскорбишь веру, но мы решились привести в исполнение наше решение, так как ты поклялся перед кардиналом Петром Беневентским верно служить Церкви, почему этот легат и дал тебе разрешение. Мы не хотим навлекать нарекания на Римскую Церковь, что она не держит своих обещаний. Но если ты откажешь нам в повиновении, то будь уверен, что наша рука всегда простерта над тобой, дабы немедленно наказать тебя».

Тут же папа сообщает, что такая милость сделана отнюдь не даром и не оплошно, что сам граф Роже Бернар, его сын и граф Коммингский, его племянник, дадут прочное обязательство, что не нарушат более мира и «не станут мутить веру». Они должны были обещать, что при первой таковой попытке замок Фуа навсегда перейдет к Римской Церкви. Сверх того Раймонд Роже должен заплатить пятнадцать тысяч солидов Церкви за охрану Фуа.

Исполнив все эти обязательства, граф надеялся получить свою столицу. С такими мечтами он ехал из Каталонии, где жил изгнанником. Он рассчитывал, что невзгоды его прошли. Он был уже стар; энергия оставляла его. Никто из провансальских князей не отличался никогда такой ненавистью к Риму, как Раймонд Роже, но теперь он чувствовал, что новая вера не может продолжать борьбу с тиарой. Вряд ли он был способен на какую-либо инициативу. Им сцену выступало новое поколение. Те герои Прованса, которые проявили себя на заре альбигойства, пережили столько бедствий за ересь дуалистов и за учение Вальдо, что могли со спокойною совестью передать продолжение борьбы своим детям.

Чем был Раймонд Юный для Тулузы, тем для Фуа стал Роже Бернар. Отцы оставались зрителями подвигов своих детей, когда последние с юношеской отвагой рвались в неравную борьбу. Отцы, конечно, готовы были разделить радость торжества, — оно было чаем их жизни, — но и теперь и впредь они предпочтут оставаться пассивными участниками.

Монфор очень хорошо понимал это. Он знал, что местные династии — центр притяжения для населения, и потому поставил себе целью искоренить их. Он понимал, что ересь погибнет лишь тогда, когда его крестоносцы водворятся в Лангедоке как землевладельцы, на феодальных отношениях к нему одному. А для этого надо было уничтожить представителей прежних династий. Потому ему было весьма неприятно снисхождение, оказанное Гонорием III Раймонду Роже. Но как обойти всемогущую папскую буллу, как попытаться вторично изгнать графа из его областей? Он искал предлог и нашел его.

В последнее время около замка Фуа был возведен укрепленный городок Монгреньер. Он был построен с удивительной быстротой. В Лангедоке при счастливых экономических условиях это бывало нередко. Монгреньер находился на вершине горы, доступ на которую был очень затруднен. Полагали, и небезосновательно, что новая крепость станет крепким орешком для тех, кто попытается овладеть ею. Там-то, по словам Петра Сернейского, поселились «возмутители и гонители» истинной веры; там было убежище врагов Римской Церкви (23).

Крепость занимал Роже Бернар. Слова хроникера дают достаточное основание причислить молодого графа к главам вождям альбигойского движения. Монфор знал, какое население жило в Монгреньере. Совершенно неожиданно, шестого февраля 1217 года, он явился со своей армией и встал перед крепостью. Роже Бернар считал, что находится в совершенной безопасности. В горах лежал снег; зима в этой местности была всегда суровее, чем в окрестностях. Всадники Монфора привыкли преодолевать бури и непогоды — чего нельзя было достичь силой, они достигали терпением.

Вопреки ожиданиям жителей, их город скоро оказался в плотной блокаде. Французы пресекли все пути сообщения; в городе истощались припасы продовольствия.

Пока сын находился в такой опасности, отец не решался вернуться в Фуа, потому что того не желал Монфор. Напрасно он ссылался на папскую буллу, гарантировавшую ему мир.

Духовенство вняло было его представлениям, и в Перпиньяне депутация клириков явилась в лагерь Монфора. Но Симон решительно заявил, что не уважит их просьбы, что он не собирается допускать возвращения династии Рожеров и что намерен занять и укрепить замок Фуа. Духовенство не хотело менять Монфора на бывшего друга еретиков и дозволило вождю крестоносцев нарушить папскую буллу до прибытия нового легата, кардинала Бертрана, назначенного папою в январе 1217 года.

Между тем положение Роже Бернара становилось опасным. Воинов у него было немного, на вылазку он не решался, а помощи от отца ожидать было невозможно, поскольку французы уже заняли Фуа. Он принужден был заговорить о капитуляции Монгреньера, требуя свободного выхода с оружием для себя и пропуска для осажденных еретиков. Едва ли Монфор принял бы такие условия, если бы не вести о новых волнениях в нарбоннском диоцезе. Он согласился на пропуск, взяв при этом обязательство с Роже Бернара не поднимать оружия на французов в продолжение года.

Снова обреченный на скитальчество, Бернар поехал к отцу на каталонскую границу. В Монгреньере и Фуа были оставлены французские гарнизоны.

Восстание в нарбоннском диоцезе и лига нижних приронских городов показали французам, насколько непрочна власть завоевателей на все еще враждебной территории. Монфору удалось погасить мятеж, но против лиги, душой которой был город Сень-Жилль, усилия крестоносцев оказались бесполезными.

Бывший свидетелем позора Раймонда VI, Сень-Жилль ревностно стоял за эту династию. Дошло до того, что сен-жилльцы явно возмутились против духовенства, с которым были связаны воспоминания о насилиях чужеземцев. Со святыми дарами в руках, босые, местный аббат и его клир вышли из Сен-Жилля торжественною процессией, предварительно произнеся проклятие над еретическим городом. Только этого и хотели горожане. Они тотчас же провозгласили над собой власть Раймонда как законного государя.

Монфор начал свои подвиги на Роне убийствами и резней в замке Бернис, где, «сообразно заслугам», вздернул на виселицы тех, «кого следовало» (24). Эти казни произвели то действие, что альбигойцы стали сосредоточиваться в цитаделях Сен-Жилля и Бокера. В лагере Монфора находился только что прибывший легат, кардинал Бертран. Дорогой он едва не попался в руки еретиков. Его наблюдению поручались провинции Эмбрен, Вьенна, Арль, Нарбонна, Ош и диоцезы Менд, Пюи и Альби с правом вершить в них все «дела мира и войны». Провансальские прелаты безусловно должны были исполнять сю распоряжения, а для духовных назиданий он выписал и тулузский край из Парижа нескольких молодых богословов. Он готовился быть свидетелем окончательного и прочного водворения католичества на берегах Роны. Рыцари Монфора уже подошли к Сен-Жиллю. Легат остался выжидать в Оранже после того, как получил от сен-жилльцев решительное запрещение входить в город, он заявил, что достигнет того силою.

Между тем Раймонд Юный, этот живой дух страны, приносивший повсюду свежую энергию, побывав в Сен-Жилле, учредил свою резиденцию в Авиньоне. Он вел отсюда сношения с тулузцами, производил между ними агитацию и, считая себя независимым государем, издавал грамоты, в которых титуловался: «Раймонд, Божиею милостью, молодой граф Тулузы, герцог Нарбонны и марки Прованса» (25). От своего имени он давал разные льготы городам Прованса, как, например, Марселю и Бокеру, актами утверждая их самоуправление и содействуя тем развитию их промышленности и торговли.

Старый дух свободы живительно повеял на эти древние общины. Те узы, которыми Раймонд привязал себя к местной коммунальной жизни, были настолько прочны, что отряды Монфора терпели поражения везде, где только ни появлялись. Крестоносцы отступили от Сен-Жилля для спасения легата, которого марсельцы, авиньонцы и бокерцы осадили в Оранже. Разогнав одним появлением пехоту общин, Монфор по совету легата сосредоточил все свои силы в Вивьере для перехода через Рону. Во всех других пунктах переправа была невозможна, поскольку городские дружины укрепили местность и неусыпно наблюдали за берегом, а авиньонцы пустили несколько судов по Роне, чтобы препятствовать переправе крестоносцев.

Наконец, преодолев упорное сопротивление, Монфор перешел Рону под Вивьером. Вешая и предавая огню всех, кто попадался ему на пути, он остановился ненадолго в Монтелимаре, жители которого изъявили ему покорность, но отказали в подчинении легату. Видимо, Монфору это даже понравилось. По намекам летописи, здесь жило много еретиков, но Симон неожиданно смягчился, когда получил от владельца замка ленную присягу. Он готовился к нападению на замок Крест, в диоцезе Валенции, который принадлежал Адемару де Пуатье, графу

Валентинуа, другу Раймонда Юного. Вероятно, этот замок представлял выгодную позицию и был хорошо укреплен, ибо для его осады потребовались почти все силы Монфора и еще сто французских рыцарей, присланных королем Филиппом. То был первый факт прямого участия французского правительства в крестовом предприятии и в истории завоевания страны.

События под Крестом показали, насколько чужд был Монфор делу непосредственного служения Римской Церкви. Всегда отважный и неуступчивый, он, невзирая на присутствие легата, вступает в переговоры с графом Валентинуа, даже предлагает ему свою дочь в замужество с тем только, чтобы ему уступили этот драгоценный замок и чтобы граф Адемар впредь не нападал на крестоносцев. Об альбигойцах в договоре не было и помину. Предложение было принято, и вот друг Раймонда Юного делается другом вождя крестоносцев и даже связывает себя с ним родственными узами.

Но это был последний успех Монфора. Он думал, что заключил выгодную сделку, что его соперник обессилен отделением от него сильного союзника, что Раймонды теперь удалятся из Прованса, что французы восторжествуют... Но тут-то и постигло его разочарование. Думая достигнуть тихой пристани, он попал в новые бури, которые на этот раз сокрушили его.

Когда переговоры с графом Валентинуа были окончены, в лагерь пришла весть, что «коварная» столица возмутилась снова и что она провозгласила государем Раймонда, своего старого графа.

Тулуза не переставала поддерживать постоянные сношения с Раймондом VI. Лишь только все было приготовлено к восстанию, графа известили. Он набрал армию арагонцев с каталонцами и перешел Пиренеи. Граф Комминга Бернар и Роже Бернар де Фуа со своими верными вассалами также присоединились к нему. В его рядах были католики вместе с еретиками и их покровителями. Не доходя нескольких верст до столицы, под Сельветатом, граф Бернар, шедший впереди, встретил значительный отряд всадников тулузского гарнизона, которые занимались грабежом в окрестных селениях. Быстрым натиском французы были смяты и рассеяны, но, убедившись в малочисленности нападавших, они снова построились и теснили их, в свою очередь, до тех пор, пока не подошли главные провансальские силы. Тогда крестоносцы обратились в бегство, оставив множество трупов на месте боя (26).

«Бог покровительствует вам, граф!— так приветствовал своего дядю Раймонда, Бернар де Комминг. — Так бу дет со всеми вашими врагами, если небо поможет нам!»

Действительно, победа, неважная сама по себе, имела огромное значение. Надо заметить, что в это время Тулуза не была укреплена. Раймонд расположился на ночлег перед столицей; огни его лагеря были видны в Тулузе, его воины разъезжали вокруг города. Бежавшие крестоносцы принесли ли радостную для горожан весть, а беспорядочные остатки отряда навели панику на товарищей, торопившихся покинуть город. Тулузцы готовились завтра же идти навстречу своему графу в праздничных одеждах.

Ночь прошла для крестоносцев в тревоге. Не решаясь ни на что, они ожидали мести от жителей Тулузы. Француз было слишком мало, чтобы перед сильным неприятелем держать тулузцев в прежнем страхе. Оставить город означало наткнуться на провансальцев и во всяком случае подвергнуться их преследованию, а рассчитывать удержаться в городе до прибытия самого Монфора было невыносимо. Они были отрезаны также от цитадели, где, соединившись с товарищами, могли бы еще продержаться длительный срок. Поэтому они вошли в переговоры с гражданами, рассчитывая получить свободный пропуск в Нарбоннский замок. Но население не было расположено выпускать живыми людей, которые своим поведением и всегдашней надменностью навлекли на себя столько ненависти и раздражения.

Лишь только занялось утро, как на улицах Тулузы началось кровопролитие. Провансальцы стали входить в город. Горожане загородили доступ французам в цитадель; на каждого крестоносца нападали порознь и убивали беспощадно. Началась погоня за воинами креста и их истребление. Народ вооружился «камнями, дубьем, ножами и стал избивать людей Монфора», выразительно говорит летописец. Большая часть гарнизона погибла от рук озлобленных тулузцев. Ничтожное число пробралось в замок. Там графиня Алиса, жена Монфора, решила вместе со своими защитниками не сдаваться живой; она уже разослала вестников ко всем начальникам крестоносцев, занимавших города Лангедака.

Между тем в тот же день, то есть восемнадцатого сентября 1217 года, в лагере Раймонда происходили иные сцены. Навстречу ему веселыми толпами стремились тулузцы. Прием, оказанный графу, по выражению поэта Прованса, был «воплощением радости, увенчанной цветами». Раймонд VI переправился через Гаронну и вступил в город среди восторженных криков

освобожденного народа. Капитул и цехи со значками приветствовали его как законного государя. Шляпы летели в воздух везде, где появлялся старый граф. Простолюдины падали на колени и цеплялись за стремяна его коня. Всякий теснился к освободителю, чтобы поцеловать его руку, край его одежды. Незнакомые друг с другом тулузцы лобызались на улицах. «Наш добрый граф вернулся» — это приветствие переходило из уст в уста в продолжение нескольких дней.

Принимая знаки горячего сочувствия народа, Раймонд должен был обезопасить себя от нападений своего заклятого врага. Сколько раз ему приходилось в последнее время покидать свою родину и столицу предков. Он смотрел на ее разрушенные стены и хорошо сознавал, что Монфор с такой же легкостью вытеснит его, с какой ему посчастливилось овладеть городом. Следовало безотлагательно укрепить столицу. Восстановление старых стен отняло бы много времени. Со дня на день надо было ждать приближения крестоносцев. Решили сделать укрепления на скорую руку. Стали рыть канавы и устраивать широкие валы, укрепляя их палисадами. Граждане вызвались рыть и носить землю. «Никогда и нигде, — верно замечает летописец, — не было видано таких богатых и знатных работников. Здесь работали графы и рыцари, буржуа и их жены, богатые купцы, взрослые и дети, а вместе с ними мальчики и девочки, слуги и маклеры» (27).

Благодаря энергии граждан в скором времени были возведены достаточные укрепления для отражения нападений. В этом убедился Гюи Монфор, который, не ожидая встретить перед собой тулузских укреплений, спешил из Каркассона со своими французами.

В те времена, которые мы описываем, Тулуза занимала только один, правый, берег Гаронны, тогда не было гранитной набережной, которая теперь украшает этот берег; город более распространялся к западу. Нарбоннский замок, теперь не существующий и на месте которого находится, между прочим, здание судебных мест, уединялся к востоку. Перед замком простиралось обширное плато, представляющее теперь, напротив, лучшую и наиболее заселенную часть города.

В страхе перед Монфором тулузцы должны были обезопасить себя от вылазок из замка и в то же время укрепить западную, северную и северо-восточную линию города, для отражения нападений. Гюи Монфор подошел из Каркассона и напал на город из долины Монтолье, но неудачно. Он, правда, ворвался в улицы, разгоняя все на пути, его воины даже успели поджечь несколько строений, но его встретил Роже Бернар, всегда искавший боя. Рыцари Бернара прошли через толпы народа, дружно и внезапно ударили на французов и нормандцев с криками «Тулуза и Фуа!». Вид развешивавшегося знамени воодушевлял провансальцев. Роже Бернар сошел с коня, встал на возвышенном месте и лично управлял боем. Между тем пехота коммунаров обошла французов с тыла; со всех сторон и с крыш домов на них сыпался град камней.

Теснимые отовсюду, крестоносцы не знали, где искать спасение. С трудом и с большими потерями они вырвались из города и едва успели укрыться в Нарбоннском замке. Пленные французы были повешены народом. «Нас победили безоружные горожане, французское имя опозорено, лучше бы нам не родиться на свет», — говорили французы.

Между тем к Раймонду один за другим прибывали лангедокские рыцари. Тут были синьоры из Гаскони и Керси, из Альбжуа и из прилуарских земель. Около Раймонда собрался цвет провансальской аристократии.

«Настало наше счастье, пришло наше время, да здравствует Тулуза» — такие клики раздавались в столице.

Симон Монфор и не предполагал ничего подобного. Вестник, посланный к нему от Алисы, нашел его на берегу Роны. Он изумился его словам. Не доверяя посланному и наградив его несколькими отборными проклятиями, он позвал капеллана и велел прочесть письмо жены, так как сам не владел «книжной мудростью». Письмо подтвердило ужасную для него истину.

На минуту им овладело страшное бешенство, но он сумел взять себя в руки и обрести прежнее хладнокровие. Сомневаться было невозможно. Оставалось только обдумать план действий. Передать эту весть войску значило произвести в лагере панику. Всю страну охватило восстание. Все долгие труды, вся кровь крестоносцев, видимо, не благословлялись Богом, не приносили плодов. Все завоеванное было снова и позорно потеряно. Дух французов должен был пасть от частых неудач; крестоносцы могли разойтись по домам и в эту решительную минуту оставить вождя одного против сильных противников.

Монфор прибегнул к хитрости как к единственному средству удержать войска. Под страхом смерти он запретил вестнику и капеллану разглашать правду, которую некоторое время должны были знать только он сам да они во всем лагере. Капеллану было обещано епископство, вестнику — начальство над сотней копейщиков, в противном случае Монфор пригрозил отдать их

в руки палача. Они должны были рассказывать всем об очередных победах. Этими вымышленными успехами Монфор обрадовал рыцарей, когда они, узнав о прибытии вестника, собрались в его палатку.

— Воистину, — говорил он им, — великое благодарение должен я воздать Господу за те благодеяния, которые ниспосылает на нас. Мой брат Гюи и моя возлюбленная супруга Алиса извещают меня, что отныне во всем Лангедоке нет ни одного мятежника и что уже забыли и думать о Раймонде Старом. Теперь, господа, и я и вы можем насладиться отдыхом и спокойно отправиться в Тулузу в обществе наших дам и товарищей, которые готовят нам почетный прием.

Французские рыцари поверили этим словам, сказанным самым спокойным тоном. Монфор был весел, шутил; но когда смеялись его губы, он болел сердцем. Поспешно снялся лагерь, и крестоносцы Монфора в самом радостном настроении поспешили усиленными переходами в Тулузу. Толковали о предстоящих обещанных удовольствиях, забавах и турнирах. Но общее веселое настроение сменилось изумлением, когда в Басьеже вождь стал строить свое войско в боевой порядок, готовясь к атаке. Только сейчас он решился объявить истину:

— Рыцари, готовьтесь колоть и рубить, — произнес он своим громовым голосом пред их рядами, — вот настало время отомстить нашим врагам. Раймонд взял у меня Тулузу. Когда мы отнимем ее, то клянусь Господом, что на этот раз, если Раймонд попадется мне в руки, я сдеру с него кожу заживо.

Крестоносцы были так поражены неожиданностью, что, вопреки обыкновению, не ответили вождю боевыми кличками.

«Монфор под Тулузой!» — для горожан это было страшное известие. Теперь он не шел, как прежде, искоренить дворянскую куртуазность, он хотел явно поработить столицу Юга, если не стереть ее с лица земли.

Легат предлагает Монфору умертвить графа и перевешать мужчин. Епископ Фулькон умерил такую ревность Бертрана, он советовал пощадить правоверных католиков.

— Нет, — решил кардинал, — не слушайте его, граф. Если я вам предал тулузцев, то Бог не потребует у вас отчета в них и не будет мстить вам (28).

Но желания кардинала не сбылись. На этот раз гонимые восторжествовали. Неудача постигла Монфора при первом же нападении на тулузские валы. Он был вынужден отступить, его кавалерия была жестоко побита народом, к которому в решительный момент боя подоспели графы Комминга и Фуа. Вождь едва успел скрыться в Нарбоннском замке. Он убедился, что ему предстоит вести серьезную осаду.

Это было в конце сентября 1217 года. Алиса поехала ко двору короля Филиппа Августа просить его содействия, а известный проповедник Иаков Витрийский вместе с епископом Фульконом отправился в Германию поднимать новые пополнения крестоносцев.

Монфор понял, что снова предстоит начать покорение Лангедока и истребление ереси. Он видел, как восстание разливалось по всему Югу. Реакция на французское владычество приняла патриотический характер; всякий феодал, говоривший на провансальском языке, спешил принести свой меч на защиту святого дела. Было некоторое сомнение в славном Раймонде Роже, графе де Фуа, который долгу оставался равнодушным к делу Тулузы, но вот и он появился с наваррцами на помощь братьям. Религиозный характер движения был мало заметен, но торжество национальных династий, несомненно, приносило с собой некоторую веротерпимость. Альбигойцы могли свободно собираться на свои *consolamenta*, на свои службы; им не было надобности запасаться теперь на целые месяцы заготовленным хлебом и тайно разносить по деревням этот символ альбигойского единства. Все обряды стали совершаться торжественно при свете огней. Вальденсы теперь также цели возможность свободно молиться, не опасаясь темницы.

Но в любом случае сектанты составляли меньшинство населения, и только ненасытная корысть могла выдавать восстание угнетенной национальности за посрамление христианства. Подобным людям все представлялось в мрачном свете, тем более что, окидывая взорами всю Европу, они нигде не ожидали встретить содействия своему делу. Неутомимый гонитель ереси, великий боец католицизма, Инокентий III сошел в могилу. Гонорий III не обладал его энергией.

Крестоносцы под видом защиты католической веры в сущности заботились о феодальных приобретениях на Юге и о подчинении себе местных баронов. Хотя они не теряли веры в счастье Симона Монфора, однако не переставали звать о помощи к Европе, а особенно к Франции. Впрочем, прием этот несколько устарел — им так часто злоупотребляли на глазах одного и того же поколения. Крестовая идея вообще перестала вызывать сочувствие, поскольку давно утратила

свою чистоту и святость. На зов проповедников никто не откликнулся. И бароны, и вилланы Франции стали понимать, что осада Тулузы — личное дело Симона Монфора.

Монфор был предоставлен самому себе, а укрепления Тулузы росли на его глазах. Он хотел бы обложить столицу со всех сторон и выморить ее защитников голодом, но для этого у него не было достаточных сил. Он попытался для начала прервать сообщение тулузцев с Гасконью через Гаронну, в том самом месте, где было перекинута два моста, подступы к которым были хорошо укреплены. Симон расположился на этой дороге, оставив сына Амори у Нарбоннского замка, но отряды последнего стали подвергаться частым нападениям тулузцев. Отец боялся за него. Разъединив свои силы, он таким образом облегчал действия осажденных. Не принося никакого вреда им на своем наблюдательном посту, Симон готовился обратно перейти Гаронну. Его биограф, говоря о добровольном удалении Монфора с этого пункта, скрывает поражение, которое могло быть нанесено непобедимому вождю «коварными и низкими тулузцами» и которое принудило его к отступлению (29).

Милиция предместья Сен-Субра, вооружившись кольями, вероятно ночью, неожиданно кинулась на французов, отряды нападающих проникли в центр лагеря. Может быть, схватка с рыцарями окончилась бы не в пользу еретиков, если бы граф де Фуа с конными наваррцами не подоспел в решительную минуту. Он смял французов, вытеснил их из окопов и преследовал до Мюрэ. Здесь, на берегу Гаронны, беглецов охватила паника. Кто спешил вскочить в судно, чтобы уйти от наваррцев; кто бросался в воду вместе с конем. Монфор, который не мог удержать бежавших, был среди последних. Его закованный конь и тяжелая кираса увлекли его ко дну; казалось, что на этот раз никому будет его спасти, как за четыре года перед тем на том же самом месте. Но он опять счастливо избежал опасности, его и на этот раз спас один из телохранителей.

В то время, когда граф де Фуа, этот «цвет рыцарства», приветствуемый тулузцами после победы, объезжал с триумфом улицы города, Монфор, приведя в порядок остатки своих войск, спешил к Нарбоннскому замку. Роже Бернар стал героем и идолом народа — ему удалось победить самого Монфора; это было неожиданное счастье для тулузцев. Когда Раймонд созвал баронов под своды храма святого Сатурнина, чтобы толковать о мерах защиты Тулузы, то обратился с благодарностью к победителю, при зывая и других «баронов города», — как провансальские феодалы называли себя (30), — не оставить его помощью и защите наследия предков. Граф де Фуа, отвечая от лица всех синьоров, говорил, что каждый из них готов умереть за Раймонда, что все они будут помогать ему до конца борьбы, что они умрут вместе с ним, но не покинут его. Потом стал говорить один из почетных мужей капитула; это был красноречивый доктор Бернар. Он объявил, что граждане Тулузы клянутся принести свою жизнь и свое имущество в эту торжественную минуту на алтарь спасения отечества, что все, чем они владеют, отныне принадлежит их природному государю и его воинам; от имени города он горячо благодарил рыцарей и баронов за то, что они оказали содействие графу Раймонду и единодушно защищают права Тулузы (31). Тогда было принято решение выступить против Нарбоннского замка, где держался Монфор.

Тотчас выкатили камнеметные орудия, стали увеличивать рвы между городом и замком, заставляя их фальшивыми фашинами (ггаби^иегг). Стены, срытые Монфором, стали возводить на глазах французов, прикрываясь бастионом и защищаясь стрельбой из мортир. И теперь, как и в начале осады, женщины и дети помогали мужчинам в сооружении укреплений. Дело было закончено так скоро, что французы, которые продолжали бездействовать, чувствуя свое бессилие, не успели опомниться. Тулуза готовилась повторить пример Нуманции^{*1}. Муниципальный дух столицы творил чудеса.

Когда укрепления города с этой стороны были завершены, то роли переменялись: осаждавшие превратились в осажденных; стрельба из тулузских мортир так усилилась, что от тяжелых камней старые стены Нарбоннского замка стали осыпаться. Французам стало небезопасно оставаться в замке.

Монфор, безуспешно пытаясь казаться равнодушным, приказал накануне выступить из замка и расположился в долине Монтолье. Здесь он собрал совет из рыцарей и прелатов. Епископ Фулькон предлагал дожидаться прибытия новых крестоносцев, которых давно вызывал кардинал-легат.

^{*1} Нуманция — кельтиберийский город на реке Дуэро, который сопротивлялся римлянам в течение десяти лет (143—133 гг. до н. э.).

— Тогда, — предсказывал он, — погибнут под острием меча мужчины и женщины и даже грудные дети тулузские, а оставшиеся в живых будут разосланы по монастырям.

На этот хищный вызов ренегата последовал благородный протест одного французского крестоносца.

— Ваш совет пагубен, — говорил Роберт де Пекернэ. — Графу Раймонду улыбнулось счастье — война разгорается все серьезнее. Мы, которые завоевали эту землю, не могли привлечь сердца жителей. Всегда, лишь только победитель начнет господствовать, становится возможным потерять завоеванное; счастье изменчиво. Француз всегда имеет успех в начале борьбы, но когда он достигнет цели, то становится надменным: гордость губит его и с высоты опрокидывает в пропасть. Все, что он приобрел некогда храбростью, теряет теперь управлением. Так, от французской надменности погибли в Испании Роланд и Оливье^{*2}. И если теперь граф наш лишается этой земли, то потому, что мы были плохими властителями. Он завоевал страну крестом и мечом от ворот Реола до Вивьера, он владел всем, кроме Монпелье. Он получал отовсюду доходы марками и денариями. Но он отдал страну в управление ненавистных людей, которые возбудили против себя народ своим произволом. И вот Бог, который всегда справедлив, услышал их вопли, увидел ежедневные наши несправедливости и теперь послал нам новых врагов. Тулуза терпела столько невыносимых мучений, что неудивительно, если она возмутилась. Из-за того, что мы посадили правителями лакеев и негодяев, теперь приходится расплачиваться нам всем; на наших земляков стали смотреть как на разбойников. Конечно, барон, который преследует, грабит и убивает своих подданных, должен всегда быть наготове, чтобы с огнем и мечом отражать их возмущение. Вот почему, господа, наступил конец нашим успехам (32).

Смысл этой речи объясняет точнее всяких описаний как побуждения французов, разноразличивших крест и меч по Лангедоку, так и характер их господства в завоеванной стране. Сомнительно, что Роберт де Пекернэ произносил именно эти слова, но это и не особенно важно. Для нас интересно то, как понимали дело современники и очевидцы событий, и речь, вложенная эпической поэмой в уста француза, кто бы он ни был, приобретая особенный смысл и значение, освещает истинным светом эти знаменательные события. Конечно, подобные убеждения оставались исключением; их не могли разделять рыцари в лагере Монфора на глазах вождя, который всегда был настороже против недовольных.

— Всекие разговоры в таком случае — потерянное время, — заключил один из крестоносцев на речь де Пекернэ. — Осадой мы наживем себе беды на десять лет. Завтра, лишь только взойдет заря, а тулузцы еще будут погружены в сон, мы кинемся к воротам, перережем часовых и произведем страх и смятение в полках и в городе. Там же — будь что будет, лучше смерть в честном бою, чем позор.

Это предложение было принято. Широкое плато перед воротами Монтолье делилось между французами и тулузцами, сторожившими свои укрепления. Чтобы пробраться к воротам, надобно было занять эту линию и опрокинуть передовую стражу. Граждане, впрочем, ревностно соблюдали сторожевую службу. Лишь только забрезжил свет, крестоносцы кинулись из засады, заняли передовые укрепления и понеслись к воротам. Но тулузская пехота уже была на ногах: не успевшие одеться, они тем не менее держали в руках оружие.

Однако натиск крестоносцев был столь силен, что близ ворот тулузцы были смяты и побежали. Они падали в овраги, наполненные водой, и тонули без счета. Французы наносили страшные удары и устилали свой путь трупами. Молодой Амори, сын Симона, был впереди. Он ворвался в город. Раздались крики народа и вопли: «Святая Мария, спаси нас!» Пешее войско обратилось в нестройную толпу. Но вот Роже Бернар с провансальскими рыцарями явился защищать народ. Красные кресты приостановились, как бы готовясь плотной стеной принять врага. Произошла схватка грудь в грудь; резались беспощадно. Долго ни те ни другие не подавались.

«С той и другой стороны наносили столько ударов, что стук мечей был слышен по всему городу и отдавался в поле и даже в замке».

Наконец провансальцы одолели; французы отступили. Их преследовали с такой быстротой, что теперь уже они, израненные, летели в овраги; там многие из них нашли смерть. В открытом

^{*2} Герои «Песни о Роланде» — Роланд, граф бретонский, и его друг граф Оливье. См. строки 1723—1737, где Оливье обвиняет Роланда в том, что его гордость погубила французов.

поле расстройство было довершено. Но новый отряд французов, вышедший из замка, поспешил на помощь.

Через несколько дней подобная же попытка была повторена против ворот Сен-Субра. Она была также неудачна.

— Счастье отвернулось от меня, — говорил Симон Монфор. — Тулузу, которую я покорил крестом, отнимают у меня мечом (33).

В довершение своих неудач он стал получать частые известия о выходе из под его власти завоеванных городов Лангедока. Хроники не указывают, какие именно города свергнули на этот раз французское владычество, но надо полагать, по многим косвенным данным, что национальное движение становилось общим. Неудача патриотов в Монтобане указываются летописцем как исключение. Это был единственный успех французов со времени восстания.

В Монтобане стояло восемьсот человек католического гарнизона с сенешалем Аженуа, но коммуна, несмотря на это, надеялась избавиться от пришельцев. В этой общине было много альбигойцев. Здесь даже консулы были из еретиков. К Раймонду VI был послан гонец. Он доносил, что три тысячи граждан готовы поднять оружие за графа тулузского и перерезать французов, если только он окажет свое содействие. Раймонд благодарил общину и обещал прислать пятьсот арагонских копейщиков. Ночью этот отряд достиг Монтобана и тайно был впущен городскими властями. Думали застать крестоносцев спящими и избить их. Уже сделано было распоряжение захватить начальников и католического епископа. Но консулы не догадывались, что среди заговорщиков есть предатель. Сенешаль знал о заговоре и предупредил гарнизон. Стройная рать ждала арагонцев на указанном месте. Такая неожиданность изумила нападавших. Они бросились бежать; месть обрушилась на жителей и мятежный город. Заготовленные на некоторых улицах баррикады с рассветом были взяты французами, и утром последовала жестокая расправа с заговорщиками. Ряд казней заставил большую часть жителей спасаться бегством в Тулузу. Крестоносцы, по их собственному свидетельству, разграбили и сожгли город (34).

Между тем к Монфору стали прибывать огромные подкрепления из Оверни, Родеса, Бургундии и Фландрии. Численность новых крестоносцев трудно было определить даже с приблизительной точностью. Некоторые историки утверждают, что их пришло до ста тысяч. Во всяком случае, ревность и искусство проповедников еще раз оказали услугу французскому завоеванию. Им помогли молодые доминиканцы своим увлечением и проповедями, они-то, главным образом, и вербовали эти легионы. С таким многочисленным ополчением нельзя было оставаться в выжидательном положении, поэтому осаждающие опять разделились на два лагеря, из которых второй расположился у Мюрэ. Время проходило в мелких стычках на аванпостах. Некоторые вылазки осажденных были весьма удачны. Крестоносцы громко роптали — продолжительная осада была тяжким испытанием для их терпения.

Монфор в последнее время становился все более равнодушным к религиозным интересам; он имел чисто практические расчеты. Он не прочь был бы, во избежание случайностей долгой борьбы, войти в сделку с Тулузой, вступить в переговоры с Раймондом VI. Но он далеко не все значил в лагере крестоносцев; там была другая сила, которая в таких вопросах значила столько же, как и сам Монфор, если не больше.

Папский легат пришел в страшное негодование, лишь только ему намекнули о переговорах с осажденными. Кардинал бросил в глаза Монфору обвинение, которое было невыносимо для его гордости. Он задел его военные дарования и личную храбрость, которая притупилась годами и неудачами — это означало уязвить средневекового рыцаря в самое чувствительное место. Монфор объявил на совете в Нарбоннском замке, что он не отступит от Тулузы живым.

Две башни перед городскими укреплениями, занятые провансальцами, были взяты осаждающими и разрушены ими же при отступлении, так как удержать их под тулузскими выстрелами не было никакой возможности. Но Монфор надеялся заставить замолчать осажденных новым орудием, которое стали строить по его приказанию; оно должно было действовать греческим огнем.

— Это сарацинское изделие даст себя знать во всей Тулузе, — говорил Монфор. — Завтра с рассветом мы подкатим его к городским стенам и зажжем город греческим огнем: умрем вместе или победим. Надеюсь, что вы будете пировать в Тулузе и разделите поровну и честь, и добычу.

Это обещание вызвало в большинстве восторг, но в нем которых зародило сомнение. К числу последних принадлежал граф Амори де Крюн. Он резко заметил, что Тулуза изобилует защитниками, что только голодом и жаждой можно принудить столицу к сдаче. За такое сомнение

кардинал тут же сделал ему строгое внушение и в виде епитимьи наложил на него однодневный пост: граф был осужден на хлеб и на воду. Крюн был не из покорных и не трусливых католиков, он резко протестовал против образа действий легата.

— Никто и ничто не дает вам права лишать кого-либо наследия предков. Если бы я дома знал ваши тайные умыслы, то никогда ни я, ни мои люди не были бы здесь.

Монфор вмешался в спор. Он, со своей стороны, напомнил графу о необходимости безусловного повиновения легату.

— Этим вы покажете свою преданность Церкви, — добавил он.

Но расчеты Монфора не сбылись. Его снаряд с греческим огнем был подбит удачными выстрелами из тулузской катапульты. Большая часть прислуги, которая была при снаряде, погибла. Монфор привык к неудачам и уже не смущался их, его характер окончательно закалился. Он велел исправить машину и изобретал новые средства сжечь город. Над машиной работало множество воинов. На этом громадном орудии, а уже не на личной храбрости, основывались последние надежды Монфора. Он предчувствовал, что события принимают роковой для него характер.

— Клянусь вам, — сказал он однажды епископу Фулькону, — клянусь Святой Девой, что я или возьму Тулузу через восемь дней, или погибну при ее штурме (35).

И в Тулузе сознавали, что решительный час наступает. Повреждения, сделанные в укреплениях, быстро заделывались; строились новые. Члены капитула на своих плечах носили кирпичи и камни, необходимые для построек: дамы, девушки и дети, распевая кансоны и баллады, также принимали посильное участие в работе. На них летели камни и снаряды из лагеря крестоносцев, но все они уже привыкли к опасности. Многие из них погибали на стенах, но гражданам не приходила и мысль о возможности сдачи. Напрасно предполагать, что осажденными руководили альбигойские интересы, — большинство южных баронов, рыцарей и их воинов оставалось католиками. Они не отказывали в повиновении папе, но не забывали, что в прелатах, особенно французских, имеют непримиримых врагов; они верили, что Бог дает «мудрость, смелость, умение следовать по пути правды и средства поразить чужеземцев, которые пришли для завоевания и для того, чтобы погасить свет, уничтожить куртуазность и с нею доблести рыцарские».

Когда был созван совет для окончательных распоряжений, то в него вместе с баронами были приглашены консулы, все члены магистрата и даже многие буржуа. Здесь собравшиеся были вдохновлены речью того же доктора Бернара, к которому не раз в трудные для себя времена город обращался за советом.

— Вы идите первые на орудие Монфора, — говорил он баронам, — а мы будем следовать за вами. Или умрем вместе, или победим. Лучше честная смерть, чем позорная жизнь.

Провансальские бароны отвечали громким криком восторга. Они дали обещание биться, по обычаю предков, вместе с гражданами, так как всегда куртуазность и Тулуза были неразлучны. Решено было ночью спуститься со стел по лестницам в неприятельский лагерь, овладеть машинами Монфора и сжечь их.

Это предположение было исполнено на заре двадцать пятого июня 1218 года. В то же время, в другом направлении, со стороны Мюрэ, с целью отвлечь внимание неприятеля, также было решено произвести вылазку (36).

Лагерь крестоносцев спал крепким сном. Священники пели раннюю мессу; Монфор уже проснулся и слушал обедню. Вдруг послышались крики: «Тулуза или смерть!» Они становились громче и громче. Им стали вторить другие: «Монфор, Монфор!» Битва загорелась в двух противоположных местах, но главные силы тулузцев были сосредоточены за палисадами, вблизи зажигательного снаряда. Здесь их позиция была почти неприступна; из-за палисадов они поражали врага меткими выстрелами и шаг за шагом подвигались вперед, намереваясь завладеть машиной. Этим отрядом командовал граф де Фуа. Не сколько далее, по той же линии, на плато Монтолье, шла отчаянная кавалерийская схватка. Не прошло и часа, как земля была покрыта трупами и окровавленными членами; закованные в железо всадники уже изнемогали от жары и усталости. В густых рядах провансальцев виднелось множество арагонских и каталонских знаков. Рога и трубы не умолкали. Сам Раймонд Тулузский руководил боем и ободрял рыцарей собственным примером. Обе стороны дрались с одинаковой храбростью, и ни одна не поддавалась. Но чему удивлялись французы, так это отсутствию своего вождя. Гораздо хуже для них шло дело около машины — спасти ее от огня не было возможности, увезти также; ее защитники были покрыты ранами.

Между тем Симон Монфор не появлялся. К нему бы послан оруженосец, он нашел его в церкви; обедня еп̄ продолжалась, хотя крики сражавшихся и трубные звуки достигали до молящихся. Взволнованный оруженосец сообщил вождю о неблагоприятном ходе битвы и просил его скорее прибыть на место сражения. Но Монфор оставался невозмутим:

— Ты видишь, что я стою у Святых Тайн. Прежде чем уйти, я должен вкусить этот залог искупления.

Не успел он произнести этих слов, как вбежал другой вестник.

— Спешите, граф, — сказал он, — битва стала опасной. Нашим не устоять.

— Я не выйду отсюда, пока не увижу моего Искупителя, — повторил Монфор с таким же благоговейным спокойствием. Наконец Святые Дары были вынесены. Симон преклонил колена и произнес, простирая руки к небу: — Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром. — Он приобшился и воскликнул: — Идем, и, если надо, умрем за Него, как Он умер за нас (37).

Между тем по его приказанию со всех сторон прибывали резервные отряды, еще не участвовавшие в битве. Появление вождя во главе их придало последние силы уже расстроенным французам. Стремительно ударил Монфор на графа Тулузского; провансальцы стали отступать под прикрытие своих укреплений. Натиск свежей конницы был подобен урагану, который сметал со своего пути всех сопротивляющихся.

Тулузцы, не успевшие пробраться через мост, падали в овраги; все плато было очищено. За рыцарями спешили пилигримы со своими посохами; они думали, что крестоносцы уже ворвались в Тулузу. Действительно, Монфор рассчитывал на полное торжество. Он перестроил свои ряды.

— Еще один натиск, воины Христа, и Тулуза наша! — воскликнул он и отдал приказ овладеть укреплением.

В этот момент тулузцы успели оправиться от страха. Их пехота подбежала к своим камнеметным машинам, заняла снова палисады, виноградники и встретила нападавших градом камней и стрел.

Гюи, брат Симона, находившийся впереди, был ранен в бок стрелой. Симон поспешил к нему. Он не видел, что встал прямо под машиной, которая осыпала французов камнями. Один камень ударил ему в голову с такой силой, что пробил его шлем и почти раздробил череп (38). Вождь упал мертвый, весь черный. Два рыцаря поспешили прикрыть его лицо платком. Последний конвульсивным движением умирающий ударил себя два раза в грудь и испустил дух.

Скрыть смерть Монфора было невозможно. Лишь только его труп понесли с места боя, как между рядами французов стало распространяться страшное волнение. Нападавшие забыли, что стоят под враждебным городом, что почти достигают цели долгой борьбы, и бросились бежать, преследуемые выстрелами.

Скоро в лагере французов услышали вопли и плач. Таково было влияние этого человека на крестоносцев, что все дело всегда держалось им одним. Теперь, когда его не стало, то первое время никто и не думал о Тулузе, как будто столица была нужна ему одному. Во французском рыцарстве и в толпах пилигримов проливались слезы. Зато радость и крики торжества царили между тулузцами. Монфора видели, когда целили в него, — он стоял как раз под стеной; он упал, его унесли, и сомневаться в его смерти было невозможно. С понятной быстротой распространилась такая желанная весть по всей столице. Все горожане торжествовали, что он умер. Но благородный Раймонд Тулузский, как истинный рыцарь, не выказал такой радости; он всегда чтит в Симоне твердость, спо̄ собности, храбрость и все качества, которые приличествуют государю (39).

В Тулузе, где имя Монфора вызывало такой ужас, о нем сохранилась память в народной песне. Она воспеваем̄ смерть волка, убитого в долине Монтолье. Свиристого вождя крестоносцев предание уподобило хищному зверю. Под аккомпанемент рожков народ повторяет припев: «Монфор умер; да здравствует славная Тулуза, могучий город, честь и доблесть восстанут, Монфора нет». В городе Кастельно дарри пастухи еще и теперь наигрывают этот марш в день городского праздника, как бы отгоняя тем самым страшное воспоминание.

Старший сын Симона, граф Амори, по предложению кардинала-легата был провозглашен вождем крестового ополчения. Епископ Фулькон, все французские бароны и рыцари разделяли мнение легата и обещали молодому наследнику защищать и оберегать земли, которыми владел его отец. Кастеляны и бароны принесли ему феодальную присягу. Кардинал благословил его на подвиги отца. Знали также, что папа не откажет признать его во всех отцовских правах.

Но если всякий из присутствовавших понял, что смертью Симона половина дела уже проиграна, то были в католическом мире люди, которые шли дальше и полагали, что все дело Римской Церкви посрамлено, что ересь восторжествовала со смертью Симона, который сделал Церкви столько добра благодаря своей отваге.

Святой Доминик жил тогда в монастыре. Заснув после долгого бдения, он за несколько дней до смерти Монфора видел во сне, как роскошное дерево, покрывавшее землю своими ветвями, усыпанное поющими птицами, пало вдруг от одного удара и разбило все, что укрывалось под его тенью. По словам легенды, Доминик тогда же стал предсказывать скорую кончину Симона. Но фанатичный дух его не унывал. Доминик считал себя призванным продолжать дело, за которое погиб вождь крестоносцев. Ему слышался во сне и наяву голос, взывавший как с неба: «Иди и учи».

Слабость власти Амори Монфора

Молодой Монфор считался отважным рыцарем, но никогда не выделялся военными способностями. Он был известен как человек мягкого и доброго характера, и в этом он составлял полную противоположность своему знаменитому отцу. Ему недоставало того воздействия силой духа, которое производил покойный Симон на рыцарство и на крестоносцев.

Воспитание Амори получил исключительно военное, но оно состояло лишь в физических упражнениях; постоянное наблюдение сурового отца не давало ему встать на ноги, развиваться, действовать самостоятельно. Оттого он казался каким-то забитым, покорным советам других и рабом людей энергичных. Он не был способен возвыситься над событиями силой духа, подчинить их себе, и, понятно, обстоятельства нуждались не в таком человеке.

Первое известие, которое он получил с поля битвы, только приняв командование, было для него неприятным. Лагерь крестоносцев против предместья Сен-Субра подвергся нападению тулузцев уже через несколько часов после того, как штурм Монфора был отбит. Крестоносцы, напуганные известием о смерти вождя, бежали, победа восставших была легкая, поскольку рыцарей в тот момент в лагере почти не было; лагерь был взят и разграблен. Множество пленных воинов и пилигримов было приведено в Тулузу, богатые палатки со всем имуществом и оружием достались победителям.

Гордому французскому рыцарству пришлось впервые переговариваться с еретиками о выкупе пленных; тулузцы разбогатели в этот несчастный для крестоносцев день. Амори решил поправить беду решительным нападением на Тулузу. Он торжественно поклялся, что возьмет непокорную столицу и примерно накажет ее. Он торопился, чтобы не дать времени крестоносцам разойтись. Но это уже не первый штурм, громкие приготовления к которому могли бы испугать горожан. Были заготовлены повозки, наполненные доверху соломой, валежником, засохшей лозой; эти повозки подвезли к самым укреплениям и подожгли хворост в надежде, что пламя перекинется в город. Но тулузцы видели все: в то время, когда воины сделали вылазку против крестоносцев, горожане с бочками воды бросились тушить пламя и бить людей, охранявших тележки.

В той же долине Монтолье, которая пропиталась кровью французов и тулузцев, произошла новая битва, которая, по словам летописцев, превосходила кровопролитием все прежние. Кончилось тем, что крестоносцы отступили, а провансальцы вернулись в город с пленниками и добычей⁴⁰. Это было месяц спустя после смерти Симона Монфора.

Постоянство неудач придало смелости искренне высказаться самому влиятельному лицу в лагере крестоносцев. Пои Монфор, один из братьев Симона, мог не бояться, что его уличат в трусости или предательстве. Он кровью не раз доказал свою преданность делу Церкви. Теперь он видел, что крестоносцы, эти «лукавые отступники», большими отрядами покидают лагерь, что счастье придало столько бодрости осажденным, что они сами начинают теснить французов. Поэтому он откровенно предложил рыцарям снять осаду и вернуться в более благоприятное время с новой армией. Амори оказал некоторое сопротивление, но многие бароны поддержали Гюи, решительно заявив, что постоянные непогоды, недостаток припасов (окрестная страна была опустошена), наконец, невозможность одолеть возрастающего численностью неприятеля, не позволяют им оставаться больше возле Тулузы и что они разойдутся по домам, несмотря ни на что (41).

Увещевания епископа и легата не помогли. Амори должен был уступить. В день Святого Иакова лагерь стал быстро сниматься, бараки и другие строения были подожжены. Унылые

крестоносцы потянулись от стен города Тулузы, забрав все, что смогли; удаляясь, они зажгли Нарбоннский замок. Амори взял с собой то, что являлось самым дорогим для него, — он вез тело своего погибшего отца.

Он привез его в Каркассон, а оттуда отправил во Францию. Здесь, вблизи родового замка Монфоров, и монастыре, мирно покоится тело Симона Монфора, этого божьего бича Юга, покрывшего кровью и пеплом благословенные долины Лангедока и Прованса. Над готической гробницей сделано его горельефное изображение с сложенными руками пред алтарем. В Каркассоне, где напрасно отыскивали его могилу, Людовик Святой и его преемники заказывали ежедневные мессы на поминание души Монфора, как бы желая почтить тем самым его кровавые дела.

По прибытии в Каркассон легат стал увещевать Амори не терять бодрости духа, он предложил ему занять гарнизонами некоторые важные пункты. Тогда же епископ Фулькон был отправлен ко двору французского короля просить его прибыть в мае следующего года в Лангедок со всеми войсками, чтобы отомстить за смерть Симона Монфора. Извещая папу о несчастье, легат просил его святейшество о новой крестовой проповеди против еретиков.

Рим никогда не отчаивался в неудачах. Упорная и величаявая политика пап, преследуя одну и ту же цель, не поддавалась и при более важных несчастьях. Легат действовал энергично. Он беспощадно отстранял всякую мысль о переговорах. Когда граф Сакс предложил ему помириться с Раймондом Тулузским, кардинал с волнением ответил:

— Прежде чем входить в переговоры с Тулузой, надо содрать кожу с живых тулузцев, отомстив за смерть графа Монфора (42).

Граф Сакс после этого разговора оставил войско.

Но Тулуза не думала ограничиться одной обороной, давая опомниться неприятелям, Раймонд Юный пошел следом за ним, а граф Комминг выступил в другом направлении с целью отвоевать свои владения. И тот и другой преуспели в своих целях. Граф Комминг возвратил себе все, что хотел, француз Жори, который сидел в его синьории от имени Монфора, был взят в плен и убит. А Раймонд занял Кастельнодарри, наполненный альбигойцами, и гнал перед собой мелкие французские гарнизоны.

Амори поспешно собрал свои силы и осадил Кастельнодарри, но в одной из схваток потерял брата Гюи и отступил.

К весне 1219 года Раймонд владел большей частью своих родовых синьорий и деятельно готовился к весенней борьбе. Он теперь смело мог сразиться с Амори Монфором, поскольку граф де Фуа и другие бароны разрознили и ослабили силы крестоносцев. Но Раймонд опасался вмешательства французского короля.

Его опасения оправдались. Филипп Август, всегда державшийся выжидательной политики, понял, что час его торжества приближается. Крестоносцы обессилены, фигура Монфора как независимого государя на Юге, успевшего собрать под свою руку мелкие владения, больше не пугала его. Теперь можно было, отстранив фанатиков креста, самому воспользоваться плодами их трудов, их крови. Редкий государь представлял собой такой прозаический контраст идеальным устремлениям века, как Филипп II Французский. Он в этом смысле опередил свое время. Расширение владений короны каким бы то ни было способом было его заветной целью.

Со стороны Рима напрасно было бы ожидать протеста. Гонорий III не отличался ни энергией, ни особыми дарованиями. В свою бытность кардиналом он приобрел известность как хороший финансист. Родом из римской патрицианской фамилии Сабелли, он со времени Целестина III заведовал хозяйством курии. Он привел в порядок папский бюджет и издал его в 1192 году под названием «*Liber censuum Ecclesiae Romanae*» (Книга имущества Римской Церкви); тогда он был еще простым каноником. Получив титул кардинала Ченчио, он стал трудиться над церемониалом римского двора (43). Папой он был избран не за особые таланты, а за угодливость конклаву и кроткий характер. Он не принес на папский престол никакой новой мысли, и для него было довольно, если бы он оказался в силах поддерживать начинания предшественников. Он видел, что Церковь на Юге погибает и что она может возродиться только при условии, что сильный французский король поднимет там свое знамя. Понятно, что последний будет действовать в личных интересах, характер Августа в Риме был хорошо известен. Но он по крайней мере подавит ересь и возвратит заблудших к истинной вере.

В ожидании вооруженного вмешательства французского короля Гонорий рассчитывал на успех убеждения. Братство проповедников, основанное Домиником, соответствовало такому

назначению. За полтора года до описываемого события, когда альбигойство едва решалось поднимать голову, папа так писал приору и проповедникам святого Романа:

«Полные огня милосердия, вы распространите ту небесную благодать, которая утешит неиспорченные сердца и оживит страждущих в вере. Как добрые врачи, вы внушайте им поучение, которое предохранит от гибели и посеет между ними Слово Божие силой святого спасительного красноречия... Непобедимые воины Христовы вы смело несете щит веры и шлем спасения, не опасаясь тех, кто умерщвляют тело, великодушно обращаясь к врагам веры со словом Божиим, проникающим глубже, чем самый острый меч. Но так как конец борьбы венчает дело и только постоянство собирает плоды всех добродетелей, то мы просим и увещеваем вашу любовь этим апостольским посланием во искупление ваших грехов распространять Евангелие неуспешно и во всякое время, дабы исполнить достойно долг священства. И если на этом пути вы встретите какие-либо неудачи, то не только переносите стойко, но радуйтесь и торжествуйте с Апостолом, так как удостоитесь тем выносить бесчестие за имя Иисусово. Ибо эти легкие и короткие огорчения ведут к неиссякаемому источнику славы, с которым несравнимы бедствия нашего времени» (44).

Возлагая большие надежды на Доминика, Гонорий III тогда же воздал ему и его братству особые почести и собственно для него учредил постоянный сан «магистр святых небес». Права этого сановника были обширны. Он стал папским авторитетом в богословии; он был верховным цензором сочинений, которые писались в Риме, и всех богословских трактатов; только он мог возводить в докторскую степень, и только по его указанию могли произноситься проповеди в присутствии папы. Эта должность присвоена исключительно братьям-проповедникам. Из этого факта, конечно, нельзя заключить об инквизиторском характере ордена. Скорее подобное направление можно видеть в словах, сказанных Домиником при расставании с братьями и сестрами монастыря Пруль. Тут присутствовали окрестные прелаты, многие крестоносцы и сам Монфор. После обедни Доминик произнес слово на текст: «И есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами ради Царства Небесного»^{*1}. Расставаясь со своими братьями, Доминик говорил им о необходимости неустанной борьбы с ересью, и, обращаясь к толпе народа, в которой, как он полагал, было немало альбигойцев, он призывал их к скорому покаянию. Взывая еще раз к своим питомцам по духу, он заключил:

— Я создал ваше братство, я питал вас молоком поучения, но я возлюблю вас лишь за труды и опасности, которым вы подвергнетесь при служении. Никто из вас да не презрит этот орден благочестия, и никто да не уклонится от торжества борьбы. Не людям, а Богу вы посвящаете ваши души, вы воюете во имя творца всех. Ваша борьба такова, что тот выйдет из нее победоноснее, кто больше претерпит. Спешите, братья мои, прежде всего к стезе бессмертия (45).

Действительно, мирное создание Доминика стало облекаться воинственным характером, сообразно ходу политических событий на Юге. В дни неудач для крестоносцев Доминик как бы на себе хотел вынести дело Церкви.

В тот самый год, когда при папском дворе был учрежден особый сан для Доминика, его же именем было осенено новое, уже церковное воинствующее братство — этот орден прямо назвался воинством Иисуса Христа (*ordo militiae Jesu Christi*) и предназначался для создания и упрочения Северной Церкви и для борьбы с «ливанцами, варварами, русскими и другими неверными»^{*1}. Из этого видно, как в короткое время забыли в Риме планы и расчеты Иннокентия III и его понимание дел на Востоке Европы. Ордену была присвоена белая одежда с черным крестом.

Но тем не менее основная деятельность Доминика была направлена на словесное убеждение. С этой целью он в не удачный для крестоносцев год с удивительной быстротой основывает свои монастыри. С посохом в руке, принужденный оставить Юг, где стало усиливаться влияние еретики, он задался мыслью учредить свои общества в столицах Запада. Три города тогда властвовали над Европой: Рим, Болонья и Париж. Рим — своим первосвященником, Болонья — своей школой права, Париж — своими профессорами. В этих трех городах были основаны центры ордена. Перед отправлением в Италию Доминик располагал только шестью проповедниками разных национальностей: двое остались в прулланском монастыре, двое в тулузском Сен Романе, семеро, и между ними Матвей Французский, в Париже,

^{*1} Евангелие от Матфея XIX, 12.

^{*1} Имеется в виду орден меченосцев, официально именованный «Братями Христового воинства», основанный еще в 1202 году и освященный Гонорием именем Доминика (что, впрочем, особенно не отразилось на его истории).

в монастыре Святого Иакова, четверо были назначены в Испанию. С одним только Стефаном из Меца отправился Доминик в Рим и основал там монастырь и честь святого Сикста.

Через три года в Риме насчитывалось более ста братьев и проповедников. Отсюда поклонники Доминика распространились по Германии и Польше. Известно также, что Бонья, куда прибыл Доминик без всяких спутников, была долгое время главным центром ордена. Ее доминиканский монастырь стал богатейшим и многочисленнейшим; там, как известно, Доминик завещал похоронить себя.

Узнав о смерти Монфора, Доминик опять совершил путешествие в Тулузу, по обыкновению пешком, босом, с сумой на плечах, подпоясанный веревкой. Обувь он надевал, только входя в города и селения. Оба монастыря, пруллианский и Святого Романа, он нашел в совершенной безопасности благодаря надзору духовенства, а не епископа, как полагают биографы Доминика; известно, что Фулькон был в лагере крестоносцев и что ему, как изгнаннику, нельзя было показываться в Тулузе. Если такому неукротимому проповеднику, каков был Доминик, можно было свободно проживать в Тулузе зимой 1218 года, во время торжества патриотической и альбигойской партии, то можно судить, как слабела пропаганда ереси и с ней численность сектантов. Но тем не менее Доминик весьма недолго прожил в Тулузе. В конце того же 1218 года мы встречаем его уже в Испании, где он основал столь прославившиеся впоследствии своим диким фанатизмом монастыри в Севовии и Мадриде. Оттуда он предпринял странствие в Париж. Здесь его не мог не обрадовать быстрый рост монастыря яacobитов.

Пребывание в Париже знаменитого подвижника, наполнившего Запад славой своей жизни, оказало влияние на политику французского короля. В Париже Доминик выбрал нескольких учеников для проповеди и тем положил основание прочим монастырям во Франции. Кто пошел в Реймс, кто в Мец, в Пуатье, в Орлеан. Тулузец Петр Челлани был отправлен в Лимож. Узнав о поражении Амори Монфора, Доминик не решился возвращаться в Италию через Тулузу. Вероятно, альбигойцы стали смущать и тревожить его. Обратное путешествие его в Италию с немногими спутниками было продолжительно; погода была холодная и сырая, он шел около полугода, питаясь милостыней и останавливаясь на ночлег в монастырях или чаще под открытым небом. Он спал не раздеваясь, острые камни и скалы язвили до крови его ноги, реки и ручьи странники переходили вброд. Больной Доминик не позволял себе вкушать мяса и питался всю тяжелую дорогу кореньями и плодами. За всякое подаяние странники благодарили с умилением, становясь на колена.

Враг всякой собственности и роскоши, Доминик, придя в Болонью, с негодованием узнал о том, что тамошнему монастырю подарены большие земли. Он собственными руками разорвал дарственный документ. Даже в церквях он не терпел богатого убранства и не допускал ни серебряных, ни золотых сосудов. В то время, когда западная Европа покрывалась сетью его монастырей, нельзя было предполагать, что орден радикально изменит свой характер и назначение, почти тотчас после смерти своего знаменитого основателя. Ересь могла бы быть побеждена одним примером самоотвержения сподвижников Доминика без костров и тюрем инквизиции. Из болонского монастыря Доминик наблюдал с напряженным участием за ходом дел в Лангедоке, куда влекло его все, что еще только привязывало к жизни.

Но историческое значение альбигойства носило не один только церковный характер. Если для Доминика оно представлялось заблуждением, которое следует уничтожить примером и убеждением, то, для французского короля оно являлось не чем иным, как средством выгодно увеличить в благоприятный момент владения короны...

Филипп Август, не желая принимать непосредственного участия в походе на еретиков, не препятствовал попытке счастья своему сыну. Но, по обыкновению, он все пользовался сбором доли доходов с церковных имуществ, разрешенным папой. Король и его сын принц Луи уже получили папские послания от тринадцатого августа 1218 года, в которых Гонорий III убеждал их поднять крест на альбигойцев. Он обещал полное отпущение грехов принцу и всем тем, кто примет участие в походе (46).

Напрасно Раймонд VI употреблял все усилия, чтобы остановить поход и уничтожить королевскую инвестицию на имя Монфора. С ним даже не вступали в переговоры, как видно из папского послания от пятнадцатого мая 1219 года.

До Парижа доходили слухи, что провансальцы действительно становятся опасными. Вильгельм Красивый, принц оранский, друг Монфора, отправился в поход на Авиньон, который признал власть Раймонда Тулузского. Вильгельму не повезло — он был разбит и взят в плен: с него живого авиньонцы содрали кожу, а тело изрубили и куски. Соседняя раса, видимо,

питала самые ненавистные чувства к французам. Кроме того, сам французский принц хотел попытаться военного счастья. Под знамена Людовика с разрешения короля собрались графы Бретонский и Сен-Поль, архиепископ Оша, двадцать французских епископов, тридцать три барона, шестьдесят рыцарей и десять тысяч стрелков, кроме того, было, может быть, столько же копейщиков и разного сброда, шедшего будто бы с благочестивой целью. Летописец насчитывает в этой армии двадцать пять тысяч человек (47), но строевой силы было наполовину меньше. Людовик направился через Аквитанию. Дорогой он отнял у англичан Ла-Рошель. В Аженуа под стенами замка Марманд, он соединился с Амори Монфором. Здесь крепко засели альбигойские бароны, поджидая помощь от молодого Раймонда.

Один Амори со своим ничтожным отрядом долго бы возился с этой крепостью, но огромная королевская армия быстро решила дело: наружные укрепления были взяты в первый же день. Ночью осажденные вошли в переговоры и просили сохранения жизни и имущества. Но прими-отверг эти условия, требуя безусловной сдачи и грозя истреблением города. Осажденные принуждены были согласиться. С поникшими головами, под стражей явились провансальские пленники перед богатой ставкой королевского сына. Их положение было весьма неловкое. Надо заметить, что незадолго перед тем Амори узнал, что под Басьежем, после поражения французов, Раймонд Юный распорядился повесить одного из пленных, барона Сегюрэ, а других держит в Нарбоннском замке (48). Об этом событии папа извещал всю Европу особыми посланиями, взывая к мести. На такой же виселице могли оказаться и провансальцы: граф Сентул и его товарищи.

Интересно проследить по свидетельствам современников эту первую сцену встречи северян и южан после победы. Пленные увидели принца во всем блеске. Он сидел на шелковых подушках и играл своей золотой перчаткой. Вокруг него находились бароны и прелаты. Епископ Сента прервал молчание, обращаясь к принцу. Именем Церкви, которой его христианнейший отец считался покровителем, он просил его немедленно повесить еретиков без всякого суда.

— Марманд наполнен еретиками, их также следует истребить огнем и мечом, — взывал епископ. — Они вдвойне преступники — и против Церкви, и против своего государя Амори, и потому их следует всех предать позорной смерти.

Эта кровавая речь вызвала резкий протест со стороны графа Сен-Поля:

— Вы говорите слишком резко, государь епископ. Если принц поступит согласно вашему совету, то Франция будет навсегда обесчещена.

Его поддержал граф Бретонский. Людовику, видимо, хотелось поступить, как следует верному крестоносцу, и оправдать на первых же порах ожидания папы.

— Я, господа, послан сюда Церковью, потому не могу забывать ее. Этот граф боролся с Церковью, как и сам Раймонд Тулузский; пусть же она поступит с ним, как и со всеми отступниками.

Но архиепископ Оша, старший из прелатов в свите принца, остановил юного воина.

— Государь, — прервал он, — граф Тулузский не еретик и не преступник. Напротив, было время, когда он сражался в рядах воинов Христа. Точно так же мы не имеем доказательств в отступничестве пленников. Если отпустить их, то они будут верными христианами. Не надо забывать, что в руках тулузцев — Фуко и другие знаменитые бароны, если вы умертвите пленников, то Господь попустит великое зло. Тогда граф Тулузский велит перевешать всех своих пленников.

Принц согласился со словами архиепископа. Пленные были спасены. Но страшная досада овладела крестоносцами Амори. Заняв город, они тотчас же принялись за жителей. Без всякого разбору, они стали вешать мужчин и женщин. Людовик и его рыцари пришли в негодование и остановили кровопролитие. Вскоре же принц двинулся со всей своей армией на Тулузу.

Новая и на этот раз еще более серьезная опасность грозила столице: французское ополчение обложило Тулузу, заняв все предместья и обогнув город полукругом, концы которого опирались на Гаронну. Тут были французы из Фландрии, Нормандии, Анжу, Шампани — с тамплиерами, монахами и священниками.

В Тулузе, конечно, давно знали о цели похода Людовика и приготовились. С разных концов Лангедока шли на помощь столице — провансальцы прекрасно понимали, что речь идет о судьбе их национальности, о политическом подчинении Франции. Несколько тысяч добрых рыцарей стояли под знаменами графа Тулузского. Многочисленная пехота от коммун и баронов наполняла город. Раймонд мог не бояться войска Франции. Ему предлагали объясниться с Людовиком еще на походе, спросить, что за цель этого нашествия, почему король французский, родственник с тулузским государем, вместо того чтобы защищать старого графа, королевского

друга, идет на него войной. Если он хочет взять вассальную присягу. как сюзерен Лангедока, то пусть придет в Тулузу с не большой свитой, и тогда граф не откажется получить от него свои владения. Такой голос раздался на народном собрании тулузском.

Но гордость Раймонда Юного не могла мириться даже с изъявлением подчинения. Он не хотел стать вассалом Франции, пока был в силах.

— Наш город надежен и крепок, нас охраняют храбрые воины, чего нам бояться? — говорил он. — Я не стану просить у короля милости, он первый начал войну. Я не могу признать его сюзереном, когда он идет на меня с разбойниками. Посмотрим, что они станут делать. А вместо того, чтобы тратить время на переговоры, мы позаботимся лучше об укреплениях, чтобы искуснее отразить этих пп лигримов в случае, если они нападут на нас».

Эти слова пришли по сердцу всякому тулузцу. К молодому Раймонду явилась депутация от капитула.

— Все, что будет необходимо для баронов, мы дадим им добровольно, — пообещали они. — Для наемных сол дат мы приготoвим спокойные помещения и хорошую пищу.

Глашатаи стали сзывать со всего города воинов к го; вым столам, обильно уставленным яствами и вином.

— Если королю захотелось драться, то мы не прочь, — говорили защитники Тулузы. — Мы можем защищаться хоть пять лет.

Для ободрения католиков были выставлены мощи одного святого; альбигойцев же ободрять не было необходимости — вопрос стоял о самом их существовании. Опять знатные и простые женщины пошли работать на укрепления и рыть землю. Дети не отставали от матерей. Город был вполне готов к встрече врага, когда тот приблизится к стенам. Рыцари, граждане, все, начиная с самого графа, были за делом; все разделяли опасности битв; каждого и день и ночь заставляли за оружием. Тулуза вступила в борьбу «с гордыней Франции» (49).

Между многочисленными провансальскими баронами были разделены пункты защиты по всему протяжению крепостной ограды. Особенное внимание было обращено на бойницы и ворота. Нарбоннский замок теперь входил в оборонительную систему. В длинном списке военачальников читаем большинство имен, которые неоднократно встречались в истории альбигойства, такие, как владетели Монтегю, Карамана, Минервы, Пенни, Журдаина, Ламота, Вильмура и многие другие. Предосторожность была принята и на реке, чтобы неприятель не спустил на нее каких-либо судов. Когда все отдельные начальники получили назначение, то они дали клятву, каждый по обычаю, что не оставят своих постов, пока живы, что даже раненые будут оставаться на местах до смены. В свою очередь, городское ополчение тулузской коммуны составило резервные отряды, которые должны были спешить на помощь по первому требованию.

При такой организации обороны и при горячем патриотизме жителей, готовых на самопожертвование, принцу Луи было трудно рассчитывать на успех. Ничтожны стали и угрозы кардинала-легата предать город истреблению, если он будет упорствовать. Это могло только придать большую энергию жителям. Легат грозил не пощадить никого, ни старого, ни малого, ни мужей, ни дев, ни женщин, обещая всех казнить на костре, как еретиков.

«Но неповинная кровь не может быть пролита, ибо святой Сатурнин предохраняет свой народ от гибели, а Бог, правота, сила, святые заступники и молодой граф спасут Тулузу», — этими пророческими словами обрывается, к крайнему сожалению историка, великолепная эпопея о подвигах Тулузы. Никакой источник не может заменить поэтического рассказа очевидца, этих прочувствованных строк, полных жизни и правды.

Летописи той и другой стороны вкратце сообщают о неудаче Людовика. Он осадил город 9 июня, но французы, встреченные выстрелами из разных метательных снарядом, не решились даже показываться в открытом поле. Понят но, что недостаток припасов в опустошенной стране под сказывал необходимость отступления. Еще с месяц Людо вик пытался удержаться, но когда, следуя обычаю, войско стало расходиться, то 1 августа и он снял свой лагерь, счи тая свою крестовую службу на этот раз оконченной. Он возвратился во Францию, не сделав ничего, но имея основания ссылаться на то, что встретил неожиданное и герой ское сопротивление (50).

Тогда Раймонд Тулузский довершил окончательное возвращение всех своих владений. Его отряды рассыпались по графству и дошли до Роны. Он разгонял и истреблял шайки разбойников, грабивших несчастную страну.

Два года не было слуха о французах. Амори ушел следом за королевской армией, оставив гарнизоны по замкам.

Раймонд брал один замок за другим. Восторженные они ции раздавались в его честь в Ниме и Безьере. В некоторых местах он встречал энергичное сопротивление, но везде имел успех. Он, видимо, не расположен был щадить крестоносцев. Гарнизон Лавора был умерщвлен; начальник Монреалья Ален де Руси пал от руки графа де Фуа во время штурма.

Раймонд щадил из чувства рыцарской любезности только воинственных дам. Вдова разбойника Фуко Эрменгарда, сидевшая в Пюи-Лоране, получила свободный пропуск с детьми и гарнизоном; вежливый граф снабдил ее даже конвоем до французских пределов. Это снисхождение заслуживает тем большего внимания, что муж ее возбудил против себя справедливое чувство ужаса и отвращения. Между всеми разбойниками он отличался особенной свирепостью. Он морил в своих подземных тюрьмах пленников, которые медлили с выкупом, голодом и жаждой, мертвых выки дывали на съедение зверям. Люди из его шайки публично насиловали женщин. Однажды, недовольный незначительным выкупом, он велел отцу собственными руками повесить сына (51). Раз великодушно отпущенный на свободу Раймондом, он был разбит и взят вторично. На этот раз ему отрубили голову, возили его труп по улицам Тулузы и куски тела выставили на воротах. Надо заметить, что Фуко принадлежал к числу рьяных крестоносцев и сподвижников Монфора.

Летом 1221 года Лангедок почти везде был очищен ш подобных разбойников и мародеров-крестоносцев, а дела приняли такой вид, какой имели в 1206 году до убийства легата Петра де Кастельно. Но развалины в городах и селах, воинственный вид жителей, запустение, деморализация, какая-то бездеятельность всех сословий, особенно духовенства, свидетельствовали, что страна не может успокоиться и только что пережила ужасы неприятельского нашествия.

Альбигойцы не составляли уже столь могущественного элемента; и понятно, их число сильно уменьшилось вследствие поголовного истребления населения в некоторых местах кострами и виселицами.

Но Рим не мог оставить дело в таком виде. Неутомимая курия хотела достигнуть цели, поставленной Иннокентием III. Ее одушевляла безусловная вера в несомненный успех крестового дела. Римская канцелярия не уставала писать. Она писала королю французскому и его сыну, Амори Монфору и епископу Фулькону, французским и немецким епископам, наконец Раймонду и общинам Лангедока.

Новый легат, кардинал Конрад, епископ де Порто, бывай аббатом Сито, был послан сменить Бертрана, которому не везло. Его заботам «были вверены жители стран провансальских». Папа наивно убеждал провансальцев помогать легату в делах веры. Легату было, между прочим, дано специальное назначение оказывать содействие графу Оранскому через посредство архиепископа руанского в его борьбе с городом Авиньоном, который признал власть Раймонда Тулузского. Он получил власть сменять по своему желанию всех провансальских епископов, которые окажутся неблагонадежными, так как они держат сторону Раймонда. Он имел поручение взять со всего духовенства и мирян лепту на дело церкви. Гонорий III извещает, кроме того, консулов и граждан тулузских, нимских и авиньонских, что если они, по истечении известного срока, не изъявят перед легатом покорность Церкви и не получат права избавиться от тяготеющего над ними отлучения, то их епископства будут уничтожены, а имущества жителей, по взятии городов, будут навсегда конфискованы, в силу соборных постановлений (52).

Но папа не ограничился этим — он тогда же разослал окружные циркуляры по французским епархиям, приказывая поднимать поход против еретиков. Наконец, он пытается усюветить возмущившихся графов, вернуть заблудших к единой Церкви. Он приказывает Раймонду оказать беспрекословное повиновение распоряжениям легата Конрада, «иначе, да будет тебе известно, что мы лишим тебя твоих заронских владений, которые остались за тобой. Не радуйся твоим счастливым успехам, не кичись, что можешь бороться с Господом, ибо ты владеешь землей, буду чи лишен наследства, а никогда отлученный не может долю владеть землей. И тебя тем легче свергнуть с твоего престола, что ты не по праву владеешь им». Папа намекал на его рождение от отлученного отца, проклятого Церковью с потомством. Такую же угрозу лишить всех владений Гонорий послал графу де Фуа.

Какой смысл могли иметь все эти препирательства, отлучения, угрозы и тому подобные меры, когда они стано вились обычаем и прихотью римского двора; когда они сделались просто дисциплинарными, а не действительными мерами, размер которых зависел от прихоти сановников курии!

Что касается расчетов короля французского, то он прямо смотрел на крестовые замыслы папы как на выгодную финансовую операцию. Папа назначил новый сбор полудесятины, Филипп обещал Риму идти на Юг, но, получив желаемое, он спокойно обратил свои силы на английскую королю, французские владения которого всегда привлекали его взоры.

Конечно, Филипп понимал, что не он, так его наследники овладеют Югом рано или поздно, так как вопрос о собирании земель французской национальности вокруг Парижа был поставлен им прочно. Свободный Лангедок, имевший особую национальность с особыми правами, обычаями, культурой, не мог, по незначительности своей территории и по своим многообразным политическим формам, продолжать самостоятельное историческое существование без ассимиляции с другими племенами. Сильный сосед давил на него с севера. Поскольку этот сосед был сильнее провансальцев и поскольку последние были разделены, нация, так расцветшая, должна была погибнуть. Ей не присущ был тот дух завоевания, который на некоторое время дает могущество молодым государствам и способствует их созиданию. Слабые должны погибать в борьбе за преобладание, особенно и век господства грубой силы. Лангедок, по самому географическому положению, не отделенный ни высокими горными хребтами, ни широкими реками от остальной Галлии, был нужен для округления границ французского государства.

Теперь, казалось, час для этого наступил. Все крестовые походы, начатые Церковью, были для французской политики рекогносцировками местности. В июле 1222 года с армией Амори Монфора на юг двинулись архиепископ буржский, епископы клермонский и лиможский. Они шли прямо на Альбижуа и осадили Клермон на Гаронне.

Раймонд Тулузский действовал в Аженуа; в этом году ему почти не приходилось снимать походную одежду. Он взял Ажен и торжественно вступил в него. Жители просили у него муниципальную хартию, он беспрекословно исполнил их волю. Подобная хартия университету, то есть общине, в то время могла быть написана рукой только провансальского государя. В ней есть многое, что разъясняет ту горячую преданность тулузской династии, ту готовность умереть за своих графов, которую обнаруживали в эти времена города Юга.

«Пусть знает всякий, что мы, Раймонд, сын государя Раймонда, — божиею милостью герцога Нарбонны, графа Тулузы, маркиза Прованса, и королевы Иоанны, обещали общине Аженской, всем жителям вместе и каждому порознь, быть справедливым синьором, что никакая обида городу не будет сделана ни нами, ни людьми нашими, ни советом нашим, и если кто другой это сделает, то мы будем защищать общину всем телом и имуществом нашим со всеми друзьями нашими. Пусть жители Ажена и его пригородов считаются нашими верными друзьями. Мы обещаем им, что если какой-либо враг, Монфор или кто другой, станет осаждать их, то мы войдем в город и будем защищать его и всех жителей города, не щадя своей жизни, имущества, друзей и издержек. И, кроме того, мы извещаем их, что если городу потребовался бы гарнизон, то мы обязуемся дать ему за наш счет двадцать вооруженных всадников, тридцать конных воинов и десять конных стрелков, а если обстоятельства потребуют больших сил, то мы со своей стороны сделаем, что можем, введем еще больше воинов и будем содержать их за свой счет, выговаривая в свою пользу только налог на соль. Мы желаем также, чтобы никто из жителей Ажена не был обложен податями в наших владениях, какое бы ни было ремесло его и род занятий» (53).

Эта хартия, помеченная 22 августа 1221 года, была скреплена печатью графа и тулузского капитула, который этим как бы гарантировал ее силу и прочность.

Надо заметить, что Амори очень рассчитывал на покорность Ажена. Незадолго до того он сам дал хартию жителям, оговорив подданство себе и наследникам и получив обещание не впускать в ворота никого из своих врагов и вообще из провансальцев, «людей этого языка». Поэтому внезапная капитуляция сильного города смутила его.

Он окончательно растерялся, когда Раймонд двинулся на него со всеми силами, так как прелаты, бывшие в его лагере, видимо, потеряли всякую энергию, встречая общую ненависть жителей к пришельцам. Священники, отправившиеся с Монфором, думали, что поход обойдется им дешево, что они займутся только ловлей еретиков, что города, напротив, радостно откроют им ворота. Один за другим они стали оставлять Амори, не желая подвергать свое войско случайностям серьезной битвы. Сам по себе Амори был слаб; Раймонд наносил ему удар за ударом, гнал его из места в место и наконец запер и Каркассоне.

Больше пятидесяти городов и замков один за другим беспрекословно сдались Раймонду; их отряды увеличили собой войско освободителя. Раймонд VI, уже как независимый государь, отдает теперь от своего имени повеления и законы, устанавливает пошлины и налоги. Для того что

бы хоть чем-нибудь залечить язвы страны, разоренной французами, он строит новые города у стен замков, содействуя исправлению и заселению старых (54).

Освобождение страны принесло с собой веротерпимость. Альбигойцы смело открывали свои соборы; в архивах инквизиции под 1222 годом записано об одном из них. Он происходил в Разесе, в городе Пьессане, на него собралось около сотни человек альбигойского духовенства, тулузский епископ Гильберт председательствовал на нем. Разесцы просили себе особого епископа — их желание было исполнено. Простым возложением рук был посвящен в эту должность Бенедикт из Тереса; он сам избрал себе по обычаю двух «сынов» — старшего и младшего. Публичному совершению альбигойского и вальденского богослужения теперь никто не препятствовал. Местное католическое духовенство настолько привыкло к веротерпимости, что не высказывало даже протеста.

Ввиду этого Рим, конечно, напрягал всевозможные усилия к достижению цели. Оба Раймонда подверглись новому проклятию. В начале 1222 года была получена такая папская булла:

«Наш возлюбленный сын, кардинал Бернар, легат Апостольской Церкви, принимая во внимание, что Раймонд, сын Раймонда, бывшего графа тулузского, не только подражает злодеяниям своего отца, но даже превзошел его в них, лишил его права на владение всеми доменами, которые принадлежали его отцу и которыми в бытность вышеназванного кардинала он владел. Мы же нашей апостольской властью вполне подтверждаем его решение как справедливое, произнесенное в том виде, как оно изложено в его повелениях» (55).

Если это, в сущности, не особенно пугало Раймонда то иначе отразилось на нем новое предложение папы, сделанное Филиппу Августу в феврале 1222 года — возродить дело Церкви, погибшей в стране альбигойской (56). Веротерпимость Раймонда делала его предметом ужаса и отвращения для Рима. Там решили, как видно из хроники Рейнальди, что католическая Церковь в Лангедоке не господствующая, а гонимая, что правоверных всячески преследуют, мучают, что оскорбляют поношениями святые иконы: пачкают, оскверняют, топчут ногами. Напуганной курии представлялись страшные сцены языческих гонений и мученичества, в головах римских священников находили место самые нелепые слухи. Из Раймонда делали вождя еретиков, слугу сатаны, и все это благодаря одному невмешательству графа в дела церковные, которое он унаследовал от своих гуманных предков.

Посреди такого переполоха Гонорий III сообщил Амори, что теперь не время думать об его утверждении в наследстве отца, что он, прогнанный и побежденный Раймондом, не может ничем помочь ни себе, ни Церкви, что крестоносцы напуганы неудачами и что только один могучий король французский может спасти святую веру в Лангедоке. Фанатичное рыцарство, как всегда, готово было посвятить свои силы на служение Церкви, готово было жертвовать своими личными интересами более великому делу. Король, сюзерен, верный своему слову, иначе не пойдет на завоевание Лангедока, как после приобретения права на эту страну от Монфора. Амори предстояло отказаться от отцовского наследия в пользу французской короны. Счастье повернулось лицом к врагу, и он, повинувшись обстоятельствам, оставленный в эту минуту даже Римом, которому так ревностно служил его отец, отдал свой меч и владения в распоряжение короля Франции и сошел с исторической сцены, на которой был так несчастлив. Его утешало одно — чувство мести. Он был уверен, что его ненавистный соперник не дольше его будет торжествовать в Лангедоке, что оружие французов жестоко отомстит ему, и он ждал скорого поражения противника.

Политика Филиппа II и пап по отношению к Лангедоку и альбигойцам

14 мая 1222 года Гонорий III послал Филиппу Августу грамоту, существенно важную для истории Франции. Папство в средние века присвоило себе право раздачи народов, скипетров, ссылаясь на волю Господа. И на этот раз, руководимый ложным опасением гибели веры, первосвященник санкционировал полное и нераздельное обладание французским королем прелестной страной, которая своими идеями, поэтическим духом, роскошной почвой, богатством и промышленностью жителей стала драгоценным украшением. Феодалные обязательства, чувство государственной чести были забыты; королю показали славную добычу и пригласили овладеть ею по новому праву, по праву сильного.

«Ты знаешь, возлюбленный сын наш, — писал папа, — как сильно потрясена по грехам нашим в настоящее время Церковь Христова, особенно в стране альбигойской, на границах твоего королевства. Еретики одолевают ее, публично учат в школах неверию и рядом с нашими еписко-

нами ставят своих. Кто не знает тех усилий, которые употребляла Римская Церковь для уничтожения этой язвы в государстве твоём, и ее мероприятий не только духовных, но и гражданских! Тебе известно, возлюбленный сын, что светская власть имеет право употреблять меч вещественный, когда духовный не в силах остановить нечестие, что государи должны изгонять дурных людей из своих владений и что Церковь, в случае их нерадения, имеет право отнимать их достояния. Если мы обращаемся к другим владельцам с просьбой очистить их земли от еретиков и эта язва между тем вновь преуспевает в твоём государстве, так что враги веры видимо гордятся силой и торжествуют над верными, то тем более подобает твоей светлости, если ты неравнодушен к твоей чести и к спасению души твоей, сражаться всеми силами и со всей скоростью против еретиков твоего государства и их соумышленников, дабы от медлительности не погибла вера вместе с остальной страной, которая пока во власти католиков, чтобы заблуждение не проникло в соседние страны, чего следует особенно опасаться. Без сомнения, твоему благоразумию небезызвестно, какая опасность грозит Церкви Господней и Твоему государству.

Потому, дабы впредь не было повода приписывать на дение веры ни твоим ошибкам, ни нам, которые обязаны взывать к тебе об извержении еретиков, в недостатке чего нас уже неоднократно упрекали, мы просим твою светлость и увещеваем именем Господа, со всем благорасположением нашим, обещая тебе за то прощение грехов, с общего обсуждения и согласия наших братьев, присоединить к твоим владениям все земли, по которым граф Монфор состоял твоим вассалом, ибо граф этот не в силах более их защищать. Он обещал их тебе еще через епископов нимского и безьерского, а также в своих недавних письмах ко мне, из которых я усмотрел, что ты получаешь их в твое потомственное вечное владение и можешь владеть ими ненарушимо. Итак, трудись неустанно и дружно вместе с нами, как и подобает королевскому великолепию, для ускорения этого дела, дабы кто другой не отнял эту землю от тебя или от детей твоих».

Приводя постановление латеранского собора, по которому Раймонд был лишен своих владений, законно переданных Симону Монфору, папа успокаивает совесть короля:

«Будь уверен, что мы уже давно отлучили Раймонда, бывшего графа тулузского, его сына и друзей их, что мы увещевали их с кротостью, но они не хотели обратиться и упорствовали в своем коварстве. Мы обещаем всякое содействие и помощь с нашей стороны на все время, пока ты добродетельно будешь служить этому делу, которое есть дело Христово, как относительно полудесятины, собираемой для этой цели, индульгенций, предназначенных тем, кто ополчится на альбигойцев, так и относительно покровительства и защиты земли твоей, если бы кто-либо захотел напасть на тебя в твое отсутствие» (57).

Но Филипп Август, всегда сдержанный, не обнаружил своей радости. Он давно ожидал такого предложения. Он смотрел на завоевание Юга как на дело весьма серьезное. Более осторожный, чем когда-либо, он, видимо, это тяжелое альбигойское дело хотел предоставить времени и своим преемникам. Занятый английскими делами, он придерживался своей постоянной политики, не мешая никому из своих сильных вассалов вступить в борьбу с графом Тулузы. Он понимал, что это — великодушное средство к ослаблению и Лангедока и феодализма в одно и то же время. Он не прочь был, чтобы долины и горы Прованса сделались могилой для буйных и непокорных владельцев, недавно еще считавших своего короля не кем иным, как первым между баронами. Когда Тибо, граф Шампани, побуждаемый легатом, вызвался попытать счастья в Лангедоке, король отвечал, что он не препятствует, если это ничем не повредит прочим обязательствам графа перед короной.

«Мы, — пишет Филипп, — пока не хотим себя связывать никакими обещаниями в этом деле, потому что у нас на руках война с королем Англии^{*1}, а перемирие, с ним заключенное, продлится не более как на год до будущей Пасхи. Не след нам заниматься какими-либо предприятиями, которые могли бы отвратить нас от защиты самих себя и нашего государства, ради чего мы должны оставить все прочие дела» (58).

Со своей стороны, и Раймонд Юный думал подействовать на великодушие Филиппа Августа. При одинаковых обстоятельствах он хотел повторить маневр своего отца. Он простоудушно рассчитывал тронуть короля и склонить его и свою пользу:

«Я прибегаю к вам, государь, как к моему единственному покровителю, как к старшему господину и, если смею так высказаться, к моему единокровному родственнику. Я униженно вас

^{*1} В это время Филипп воевал с Генрихом III, за несколько лет перед этим одолевшим, как мы помним, его сына Людовика.

прошу и умоляю сжалиться надо мною и помочь мне, пред очами Божиими, возвратиться к единству Святой Церкви, дабы тем, освободившись от позора быть лишенным своего наследства, я бы мог получить мое достояние от вас.

Государь, я призываю Бога и Святых во свидетели, что употреблю все старания исполнять вашу волю и волю ва ших доверенных. Я весьма охотно поспешил бы предстать пред Вами, но при всем моем горячем желании я не могу этого сделать именно в настоящее время. Я бы просил Ваше Величество благосклонно верить тому, что скажут Вам ел меня податели этого письма, Гвидон Кавальоне и Иснард Альдигарий» (59).

В этих строках слышалась неподдельная мольба вас сала, который не хотел бы навлекать на дорогой для него народ бедствий неприятельского нашествия. Он писал это письмо на глазах хилевшего отца — Раймонд VI в последнее время не принимал никакого участия в политических делах. Он был стар и дряхл, ему шел шестьдесят седьмой год. Переживший столько, сперва счастливый, потом публично опозоренный и униженный, влачивший дни в изгнании среди чужих, насильственно принужденный стоять в рядах врагов своего народа и бороться с теми, которых так любил, он наконец испытал редкое счастье — видеть хоть кратковременное торжество своего правого дела и в конце дней своих вкусить высокую для изгнанника отраду — возможность умереть на родной земле, в своей наследственной столице, среди дорогих для него друзей. Ненавидевшая его Церковь хотела сделать из него еретика, но этот еретик набожно пишет завещание, где отдает доходы со своих тулузских имений госпитальерам и тамплиерам для раздачи между бедными под наблюдением его душеприказчика и кузена графа Комминга и молодого графа де Фуа. Все свои владения и имущество он завещал сыну Раймонду, на попечение которою оставлял второго сына Бертрана. В другом документе он изъявил желание принять посвящение в духовный орлей госпитальеров.

Чувствуя приближение смерти, Раймонд VI просил тулузского командора этого ордена Кабанеса не отказать ему в последнем месте успокоенья среди братьев. Столько послуживших Христу, если бы он умер, не успев принять посвящение. Командор тогда же принял его в братство именем приора Сен-Жилльского.

Смерть постигла его почти внезапно, он никогда не испытывал тяжелых болезней. В один из июльских дней, возвращаясь из церкви от обедни, он зашел в дом знакомого гражданина Гюи Дежана, в приходе святого Сатурнина. Почувствовав предсмертные страдания, он поспешил послать за кафедральным аббатом, человеком глубоко религиозным и пользовавшимся его полным расположением и доверием. Умиравший уже десять лет находился под церковным отлучением. Он давно в душе примирился с Церковью. В такой торжественный час он надеялся получить прощение у своих врагов и думал, что на пороге могилы его не осмелятся лишить Святого Причастия и общения с верными.

Аббат долго не появлялся; между тем с больным началась агония. Среди страданий он спрашивал, отчего нет священника. Графа томила тяжелая неизвестность, он страшился умереть отлученным. Раймонд шевелил губами молитвы, со слезами на глазах. Когда прибыл аббат, он уже не владел языком, хотя был еще в памяти и сознании. Знаками умирающий просил аббата подойти ближе, протянул ему руку и крепко пожал ее в знак примирения с Церковью. Над ним была совершена глухая исповедь, но аббат не имел разрешения приобщить отлученного.

Даже в эту всепримиряющую минуту Церковь не отказалась от своей вражды. Потухавшими глазами, полными слез, Раймонд как бы молил о чем-то аббата. Руки графа лежали в его руках. Умиравшего окружали госпитальеры; они были свидетелями раскаяния и этой предсмертной борьбы. Один из них снял с себя мантию с красным крестом и прикрыл ею Раймонда. Аббат хотел сорвать ее, но, прежде чем испустить последний вздох, Раймонд конвульсивным движением ухватился за нее, притянул к себе и благоговейно поцеловал ее крест. В ту же минуту его не стало.

Слух о смерти графа быстро разнесся по городу. Густая толпа окружила дом, где лежал труп человека, столь дорогого для нее. Аббат вышел к народу, известил о смерти графа, сказал, что он умер как приличествует христианину и что теперь надо молиться об успокоении его души. Он убеждал народ не давать тело графа госпитальерам, как просили те в силу завещания, а похоронить его у святого Сатурнина, в приходе которого он скончался. Но госпитальеры уже завладели телом покойного, отнесли его в свой дом, хотя не решились похоронить без разрешения, так как Раймонд умер отлученным (60).

Ожидаемого разрешения не последовало. Ни Гонорий III, ни его суровые преемники не хотели простить человеку, имевшему некогда смелость восстать против их всемогущего

предшественника во имя веротерпимости и решившегося протестовать против гнета совести. Папы не могли не знать, что человек, провозглашенный ими еретиком, никогда не принадлежал к альбигойской общине, что он всегда и везде оставался католиком, старательно соблюдавшим все обязанности истинного христианина, что, по крайней мере в последнее время, на глазах всех своих подданных он был и в домашнем быту ревнителем католического культа.

По настоянию Раймонда VII через двадцать пять лет после смерти его отца, когда страна, взволнованная великими событиями, несколько умиротворилась, папа Иннокентий IV назначил инквизиционную комиссию, имевшую целью исследовать жизнь отлученного и определить, заслуживает ли он христианского погребения. Комиссия, состоявшая из лионского епископа и двух инквизиторов, доминиканца и францисканца, начала свои заседания в здании тулузских храмовников в марте 1247 года. Она, приняв к сведению жалобу и доводы Раймонда VII и защиту его покойного отца, сочла нужным допросить сто десять свидетелей, духовных и светских, монахов и монахинь. Это были лица, лично знавшие покойного и бывшие с ним в более или менее близких отношениях. Из этих допросов оказалось, что мнимый еретик, боровшийся с жадными крестоносцами Монфора, принадлежал к числу самых ревностных и религиозных католиков. Он, воюя с Монфором, строил великолепный собор святого Стефана, который сохранился по настоящее время, и во время торжества альбигойцев благодаря покровительству, оказываемому им монахам и священникам, ни одна церковь, ни один монастырь, никто из духовенства не подверглись нападению или оскорблению. Никто во всех делах тулузских владений не делал таких пожертвований и монастырям и монахам, как он. Под его защитой в Тулузе утвердились первые минориты. Священники бедных церквей могли всегда обратиться к нему за пособием. За его столом ежедневно кормилось тринадцать бедных. В страстную пятницу он питался только хлебом и водой. Капелла не оставляла его даже в походах, и он ежедневно слушал мессу. Казалось бы, невозможно винить в отступничестве католика, если такие поступки были засвидетельствованы сотней надежных свидетелей и искренним сознанием самих инквизиторов. Но Рим и на этот раз не дал разрешения.

Труп Раймонда истлел без погребения, обезображенный, ограбленный, наполовину изъеденный крысами (61). Еще в начале XVI века показывали около кладбища тулузских госпитальеров деревянный ящик, в котором дотлевали кости героя альбигойской эпохи. Череп сохранился неповрежденным, и современники видели на затылке его небольшую, но очень отчетливую лилию красноватого цвета, походившую очертаниями на лилию французского герба. Этот френологический признак в глазах наблюдателей служил предзнаменованием присоединения Лангедока к королевской короне Франции (62).

Национальность провансальская должна была прекратить свое существование: невидимая рука как бы начертала иероглифические письмена о ее судьбе на челе последнего представителя независимости Лангедока.

Почти в одно время с Раймондом VI Юг лишился другого, столь же славного борца своей независимости. Раймонд Роже, граф де Фуа, был старше своего друга несколькими годами, но ему суждено было увлечь с собой в могилу своего сюзерена, с которым он провел всю жизнь под одними знаменами, защищая одно и то же равно святое для них дело. Последние могикане свободы Лангедока, они умерли почти в один день. Старый граф де Фуа также считался отлученным, также подозревался в ереси и, подобно Раймонду VI, в своем завещании оставил значительные сокровища аббатству Памьер и монастырю больбонскому, куда предназначил ренту в полторы тысячи солидов на содержание бедных в помин своей души. Он умер, считаясь одним из братьев больбонского монастыря. Его прощание с жизнью было трогательно. Один сын был при нем, другой в плену у Монфора — граф запретил платить за выкуп сына более пятисот марок. Граф мало в чем мог упрекнуть себя, оглядываясь на прожитое. Умирая, обремененный летам, окруженный народным уважением, он призвал к себе Роже Бернарда, своего старшего сына и наследника.

— Живи доблестно, дорогой сын мой, — сказал он ему. — Управляй твоим народом, как отец, и будь первым вассалом наших законов; подавай пример справедливости, милости и великодушия. Будь благоразумным государем, храбрым воителем, добрым мужем, терпеливым отцом, бережливым хозяином и беспристрастным судьей (63).

Роже Бернард II старался вполне следовать совету отца. Обладая честным и отважным характером, он стал для Юга же национальным героем, каким был его товарищ Раймонд VII. Он приобрел от почитателей даже титул «Великого». И сюзерену и вассалу в начале их самостоятельного поприща одинаково улыбалась судьба. От отцов они получили уже

освобожденные от иноплеменников владения. Война с Филиппом Августом, которую они наследовали, затягивалась, и некоторое время они утешали себя мыслью, что гроза вовсе минует их.

Французский король оказывал видимое равнодушие к крестовой войне и к выгодам, которыми думали соблазнить его папские легаты.

— Я знаю, — говорил он епископу Фулькону, — что духовенство употребит все усилия, чтобы вмешать моего сына Людовика в альбигойские дела. Но Луи слаб здоровьем и хилого сложения, он не вынесет этой войны и скоро умрет. Я предвижу, что королевство попадет в руки женщины и детей и подвергнется большим опасностям.

Что касается до Амори Монфора, то он нимало не беспокоил альбигойцев. Его собственное положение сделалось оборонительным. Он опустошил было альбийский диоцез, но оба графа оттеснили его на берега Гаронны и заставили принять мирные условия. Он видел себя покинутым и принужден был унизиться пред счастливым соперником. Положение крестоносцев, окруженных провансальцами, было таково, что, по выражению легата Конрада в послании к Филиппу Августу, они готовились «с каждым днем к смерти перед врагами веры».

Пока было заключено перемирие; одна из сестер Амори была предназначена в супруги Раймонду VII, чтобы тем приличнее мог Монфор возратить свои завоевания. Несколькими годами раньше подобный союз был бы немислим. Но и теперь он был неосуществим; оба враждебных дома разделяли потоки крови. Для определения подробных и окончательных условий была назначена конференция в овернском замке Сен-Флор. Жена и дети Монфора остались заложниками. Войска обеих сторон стали расходиться.

Амори сохранил за собой на некоторое время Каркассон. Здесь его навестил Раймонд; перед глазами толпы оба врага показывались вместе; одну ночь Раймонд даже провел во дворце Монфора. Это последнее обстоятельство было поводом к фальшивой тревоге и волнению жителей, кото рые, опасаясь за жизнь графа, стали вооружаться и кинулись к замку выручать мнимого пленника (64).

Папа должен был признать реальность происходящего Со свойственной курии гибкостью и со всегдашним умением пользоваться обстоятельствами Гонорий III приказывает своему легату позаботиться о выгодах епископов при заключении мира. Он теперь называет Раймонда «благородным мужем» и не имеет ничего против собрания собора в Сансе, куда были перенесены и заседания из Сен-Флора. В Сане съехались шесть архиепископов и двадцать епископов; от Тулузы был только один Фулькон. Король Филипп Август изъявил желание присутствовать на соборе.

Король прибыл в город, но чувствовал себя весьма дурно. Он уже десять месяцев боролся с лихорадкой, и его крепкое здоровье стало слабеть. Он просил, чтобы его скорее увезли в Париж. Но ему не суждено было еще раз увидеть свою луврскую башню. Дорогой, в городе Манте, королевский поезд должен был остановиться. Здесь 14 июля 1223 года Август скончался. Перед смертью он хотел сделать уступку духовенству. По завещанию он оставлял двадцать тысяч ливров Амори Монфору на пользу альбигойского дела, «чтобы вырвать из рук врагов его жену и детей».

Впрочем, такой пункт завещания не может иметь исторического значения. Король был не в силах выйти из-под влияния духовенства; и по обстоятельствам и по своему мировоззрению в последнее время он был орудием корысти духовенства и рабом суеверия. В том же завещании он отдает в распоряжение своих душеприказчиков пятьдесят тысяч ливров и отписывает громадную сумму в триста четырнадцать тысяч ливров в пользу тамплиеров, госпитальеров и короля иерусалимского^{*1}, с тем чтобы снарядили триста рыцарей на борьбу за морем с сарацинами; двадцать одну тысячу ливров он завещал бедным, сиротам и вдовам и только десять тысяч своей жене, забытой Ингеборге (65).

Из этих данных можно заключить, как смотрел король на свое пожертвование. Роль «великого покровителя Церкви», как называет его официальный хроникер, применима к нему весьма условно; Филипп Август прежде всего имел политическую задачу — укрепить французское королевство, собирая соседние земли и рассчитывая возвести его со временем на высоту монархии Карла Великого. Его тридцатилетний сын вступил на престол уже по

^{*1} Титулярным, то есть номинальным, иерусалимским королем во время составления завещания был Жан де Бриенн.

праву наследства, а не избрания^{*2}. Таким образом, он был первый из Капетингов, кто решился презреть старый обычай, ставший одним воспоминанием.

Походы Людовика VIII

Могущество нового короля побудило духовенство возобновить дело об альбигойцах. Из Рима опять посылались буллы.

Едва успели опустить в склепы Сен-Дени тело Филиппа, как легат Конрад уже побуждает Людовика VIII оказать содействие прелатам французским в войне с еретиками. Он сознавался, что без личного вмешательства короля теперь нельзя вести наступательной войны. Дела в таком положении, что надо стараться спасти как-нибудь остатки крестоносцев, стоявших в некоторых замках. На этот предмет король велел отпустить половину суммы, назначенной в завещании отца, но отказал в личном участии, так как хотел заняться покорением Шаранты и Пенни^{*1}. Даже просьба папы — «посвятить Господу начало своего царствования и очистить государство от язвы, которая пятнает французское королевство»⁶⁶ — не была уважена Людовиком VIII. Однако пособие, выделенное королем, было так значительно, что Амори поехал в Каркассон со светлыми надеждами. Он вел за собой множество наемников: срок перемирия истек и провансальцы возобновили войну.

Первый удар Раймонда VII был направлен на Каркас-сон. Он явился под стенами этого города вместе с графом де Фуа, который, как опекун шестнадцатилетнего Трен-кавеля, виконта Безьерского, считал себя обязанным возвратить Каркассон своему вассалу. Амори нашел Каркассон осажденным. Французские наемники превосходили численностью провансальцев, и Раймонд снял на время осаду, рассчитывая, что весь этот сброд скоро разбредется и Монфор снова будет слаб. Этот расчет оказался верным. Когда у Амори не хватило денег, наемники большими отрядами стали оставлять его и возвращаться на родину, по дороге опустошая несчастную страну. Напрасно Амори и последовавшие за ним рыцари предлагали в залог уплаты свои земли во Франции — ответом был холодный отказ. Напрасно даже самого себя он объявлял заложником, напрасно некоторые прелаты из друзей его поступали так же. Дошло до того, что у Амори в Каркас-соне осталось не больше двадцати рыцарей. Французы покидали Монфора не из трусости, а из корысти и рав нодушия к его делу.

Один из таких отрядов в шестьдесят человек, возвращаясь домой, геройски сражался с войсками Раймонда VII. Французы сумели победить противника и прорваться; но в этой борьбе они считали себя не слугителями крестовой идеи, а простыми наемниками.

Между тем народ поднял знамя восстания в тех немногих городах, в которых еще сидели французы. Страна была против крестоносцев. Надежды не оставалось никакой. Пришлось войти в переговоры с графом тулузским и просить его условий.

Раймонд и граф де Фуа въехали в Каркассон. 14 января 1224 года при посредничестве архиепископа нарбоннского, они заключили с Монфором трактат, который сохранился в подлиннике в документах города Фуа (67). Амори обязался содействовать заключению общего мира между Францией и графом тулузским и не позже Троицы дать окончательный ответ по этому вопросу. В течение этого времени все провансальские церкви останутся *status quo*; священники и прелаты сохранят свои владения; Нарбонна, Агд, Пеннь (в Альбижуа), Ларок (в Руэрге) и замок Терм (в Аженуа) признаются нейтральными на два месяца со дня подписи трактата; графы тулузский и де Фуа обязуются не занимать эти города, если даже будут побуждены к тому желанием самих жителей. Впрочем, в случае если это понадобится, они могут войти в Нарбонну и Агд, но только под условием не стеснять права церквей и жителей этих городов, не причинять им никаких насилий и не заявлять своих феодальных прав. Каркассон, Минерва и Пеннь (в Аженуа) теперь же передаются в руки Раймонда и графа де Фуа. Последние соглашаются объявить амнистию и возвратить конфискованные имущества тем жителям Безьера, Нарбонны и Каркассона, которые держались стороны Монфора и оставались ему верными. Наконец, они обязываются уплатить Монфору десять тысяч серебряных марок, если он выхлопочет им мир с Церковью.

^{*2} До настоящего момента все короли из династии Капетингов обязательно (пусть чисто формально) избирались на престол высшими феодалами государства.

^{*1} Районов, все еще занятых англичанами.

На другой день после подписания этого трактата Амори с ничтожным числом верных друзей и сторонников оставил Каркассон. Он уносил с собой общую ненависть провансальцев, над которыми в продолжение четырнадцати лет тяготело суровое владычество Монфоров.

Но провансальцы не могли предаваться радости по случаю освобождения. Новые тучи собирались над ними. К непримиримой ненависти римской курии присоединяются теперь политические расчеты французского двора.

Судьбы католической Церкви в Лангедоке складывались так, что давали новую пищу этой ненависти Рима. Католический мир был поражен известием, что в Болгарии, этом источнике альбигойства, появился новый папа. Теперь никто не хотел верить, что альбигойцы просят для себя одной терпимости.

Антипапа грозил поколебать все основы католической Церкви. Теперь появился повод всякому верному католику опасаться за свою веру. Альбигойство складывалось, таким образом, в стройную и сильную Церковь. Носились слухи, что сторону папы и его еретического учения принимает множество католиков, между ними даже указывали на нескольких епископов.

Можно судить, как напугался легат Конрад, когда до него дошли эти зловещие слухи. Прежде всего он простодушно принял нового папу за антихриста.

«Мы не можем удержать наших слез и рыданий, — пишет он архиепископу руанскому. — Мы говорим лишь то, что видели, и утверждаем лишь то, что знаем. Человек погибели, который должен восстать против всего святого и того, кто именуется Господом, послал уже своего предтечу ересиарха, которого альбигойские еретики именуют своим папой и который обитает в Болгарии, Кроации и Далмации, по соседству с народом венгерским. Еретики альбигойские стекаются к нему, спрашивают его советов и толкуют ответы. Один из них, Варфоломей, родом из Каркассона, епископ еретический и викарий этого антипапы, в ознаменование своего нечестивого почтения к последнему, уступил ему в качестве резиденции Порлос, а сам переселился в тулузские пределы. Этот Варфоломей пишет письма, которые распространяет повсюду, и титулуется в начале их так: "Варфоломей, слуга слуг святой веры". Между прочими бесчинствами он назначает епископов и, нечестивый, осмеливается совершать духовные посвящения» (68).

По поводу этого антипапы шли прения на упомянутом соборе в Сансе, куда съехались все французские прелаты для поиска средств к подавлению альбигойской ереси. Хотя страшный антипапа вскоре умер, Гонорий III постоянно находился под впечатлением его тени. Папа решительным образом действует теперь на французского короля.

Людовик VIII, как мы замечали, по своей пылкой и вместе с тем набожной натуре, всегда был способен подчиниться влиянию крестовой идеи. Однажды он уже пробовал свои силы в Лангедоке. Его советники видели и завоевании Юга цель французской политики. Королевская власть сильно возросла при нем: с первых же дней своего правления он нанес тяжелый удар пэрам и феодалам. Простым указом, изданным королем, было возведено, что королевские чиновники наравне с великими вельможами Франции имеют право по воле короля заседать в суде пэров. Рядом с герцогом бургундским и графом Шампани теперь сидели канцлер, кравчий и мергер короля; они судили тех самых пэров, которые прежде относились к ним не иначе как с презрением. Это было началом падения феодализма и знаменем роста королевской власти.

Пока Людовик VIII воевал в Пенне, папа, прелаты и легат готовили его к предприятию, в их глазах славнейшему. Возбуждая религиозное рвение, они не забывали действовать и на корысть короля. В феврале 1228 года Амори Монфор по прибытии ко двору в Париже составил формальную передачу своих владений уже от своего лица в такой форме:

«Ведайте все, что мы, Амори, синьор Монфора, оставляем нашему дражайшему господину Людовику, славному королю Франции, и его наследникам на вечные времена все привилегии и даяния, которые Римская Церковь принесла Симону, нашему отцу, блаженной памяти, в полное его распоряжение, — касательно графства тулузского и других альбигойских стран, но под условием, что папа исполнит все предложения короля, сделанные ему через архиепископа буржского и епископов лангрского и шартрского. Иначе, да будет ведомо, что ничего и никому не уступаем из владений наших» (69).

Последнее условие было пустой оговоркой. Кто больше самого папы мог стремиться к скорейшему осуществлению предприятия? Когда прелаты прибыли к королю, обещая от имени папы и кардиналов предоставить в его распоряжение все сокровища Церкви на дело, которое они имели претензию считать святым, то король, собрав свой совет, великодушно просил папу о самых легких для Рима услугах. Он желал прежде всего получить индульгенцию на крестоносцев, для себя и для тех, которые пойдут с ним в Альбижу. Архиепископы буржский, реймский и

санский должны были получить власть отлучать от Церкви и налагать интердикт на земли тех, кто осмелится напасть на владения или на лиц, ополчившихся во имя креста. Сам же король получит благословение поступать так со всяким бароном Франции и королевским вассалом, который лично не пойдет в поход на альбигойцев или который, не будучи в состоянии идти, не заплатит достаточной суммы на истребление врагов веры; ибо бароны обязаны верностью и присягой служить королю против всех, кто нападет на королевство, а государство не имеет более опасных врагов, чем еретики.

Все эти отлучения и интердикты предполагалось снимать лишь после полного удовлетворения. Король требовал от папы издания буллы, по которой Раймонд VII и вассал его, виконт безьерский, лишались графства тулузского и других своих владений, а также лишаются владений все те, кто будет противиться этому предприятию или станет противодействовать силой. Все эти земли даются на вечные времена королю Франции, его наследникам или кому он прикажет, за сохранением своих сюзеренных прав.

Король желал иметь при себе в качестве легата архиепископа буржского, с правами и властью кардинала Конрада, чтобы он проповедовал по всему королевству о помощи земле альбигойской.

Папа обязался также ходатайствовать перед императором Фридрихом II, чтобы король не встретил какого-либо препятствия из земель, смежных со страной альбигойской, то есть с Лангедоком^{*1}. Известно, что граница империи была на Роне, но король выговорил себе право перейти эту реку и внести оружие в Прованс, для окончательного искоренения ереси. Папа взялся хлопотать о продлении на десять лет перемирия, заключенного с английским королем, так как война с альбигойцами грозила продлиться много лет и требовала большой затраты людьми и деньгами.

Наконец, король требовал у папы существенной услуги: платежа в течение десяти лет ежегодно по шестьдесят парижских ливров на военные издержки. Сбор полудесятины в его пользу производился по распоряжению папы уже давно.

— Если мне пообещают исполнение этих условий, — добавлял король, — то я лично пойду в Альбижуа и верно буду служить этому делу. Римская курия предоставит мне и моим наследникам право утвердиться в этой стране, пойти туда и возвратиться, когда нам будет угодно. Если же наши предложения не будут приняты, я не обя зуюсь идти в Альбижуа или пойду, когда найду это возможным (70).

Но в действительности эта решительная борьба Франции и Лангедока состоялась лишь через два года.

Раймонд, перед угрозой нашествия, пустил в ход все свое дипломатическое искусство. У него явились ходатаи перед папским престолом. Король английский Генрих III был его близким родственником по матери. Он приказал своему послу в Риме, епископу лигфельдскому, приложить все усилия в пользу графа тулузского. Со своей стороны, Раймонд униженно склонился перед первосвященником. Папа смягчился и обязал Раймонда немедленно изгнать еретиков и войти в переговоры с Амори. К тому же другие обстоятельства влияли на Гонория. Фридрих II затевал поход в святую Землю. Индульгенции и расходы, предназначенные для альбигойцев, понадобились теперь для Палестины. Папа, видя, что Раймонд готов смириться из одного страха перед французским оружием, счел его добрым католиком.

Но когда известие об этом пришло в Париж, то Людовик VIII возмутился, задетый за живое, и торжественно протестовал пред лицом всех баронов и прелатов Франции. Он объявил, что папа заодно с Раймондом.

— Мы убедились, что Римская Церковь, которой принадлежит суд в делах веры, соглашается с Раймондом и судит его уже иначе. — Король негодовал на римский двор. — Мы объявили легату, чтобы он впредь никогда не говорил нам об этом деле, от которого мы совершенно отказываемся (71).

Отказ был притворный. Жажда добычи слишком сильна была в короле.

Раймонд явился на собор прелатов в Монпелье. Здесь председательствовал Арнольд, архиепископ нарбоннский, этот ветеран альбигойской войны, на глазах которого выросла ересь. Раймонд хотел купить независимость своей страны покорностью. Он принял все условия. Графы Фуа и безьерский присоединились к нему. Они обязались оберегать католическую веру на всем

*1 'Ибо земли на другом берегу Роны входили во владения германских императоров.

пространстве своих владений, очистить свои государства от еретиков и конфисковать их имущества, восстановить Церковь и духовенство во всех их правах и заплатить двадцать тысяч серебряных марок вознаграждения в разные сроки. Раймонд выговорил только одно: чтобы папа заставил Амори Монфора отказаться от всех прав на владения его и его союзников; что ему будут возвращены все документы по этому предмету, выданные папой, королем французским и его отцом, графом тулузским (72).

В присутствии своих вассалов и всего высшего провансальского духовенства Раймонд 25 августа 1224 года принес присягу перед Арнольдом в соблюдении всех упомянутых условий и даже дал от себя письменный акт, на котором вместе с ним подписались оба его союзника и друга. В знак сближения было послано в Рим торжественное посольство с местными архиепископами и епископами.

Если бы от Раймонда зависело подавить ересь, то все эти соборы имели бы значение. Но при самом искреннем расположении его к католикам совершить такое дело было невозможно. «Совершенные» отказались бы от своей веры лишь вместе с жизнью. Раймонд обманывал и папу, и своих провансальцев. Послы Раймонда застали в Риме Гюи Монфора, присланного от Людовика VIII. На них смотрели с недоверием, а Монфору оказывали всевозможные почести. Их государь являлся в положении отступника, и они должны были скоро вернуться, не успев внушить к нему доверия. Жадные прелаты, обиженные при дележе владений, с успехом клеветали на Раймонда. Он готов был принести всякие жертвы, как бы они ни были тяжелы для него, а его обвиняли в лукавстве и новом предательстве. Папе оставалось решить дело так или иначе. Для разъяснения недоразумений и для окончания дела был послан во Францию новый легат— кардинал Святого Ангела Роман. Он вез лестные письма к Амори Монфору и имел поручение снова сговориться с французским королем (73). От личности легата, от его воззрений зависела судьба Раймонда и Лангедока. Кардинал считался за человека решительного. К тому же он имел обширные полномочия. По одному его слову полки Франции могли двинуться на Юг.

Легат нашел короля в Туре среди своего парламента. Решено было созвать в день Святого Андрея собор в Бурже, куда пригласить Амори Монфора и Раймонда. Буржский съезд был национальным собором всей Франции. Шесть архиепископов, сто епископов, депутаты капитулов и прочие духовные лица собрались судить Раймонда. Граф тулузский униженно просил принять его в лоно Церкви, обещал исправиться, если был в чем виновен, и впредь строго поступать с еретиками. Он ручался, что скоро все его подданные изъявят покорность Римской Церкви, что мир будет восстановлен и что церквям будет возвращено все отнятое от них. Когда он замолчал, то Монфор предъявил свои права на тулузские владения, так как папа Иннокентий III и король Филипп Август лишили Раймонда большей части владений в пользу покойного Симона Монфора вследствие ереси альбигойской. Раймонд возразил на это, что он готов исполнить перед королем и Римской Церковью все свои обязанности в качестве наследника этих земель. Тогда Монфор потребовал суда двенадцати пэров Франции:

— Пусть король примет мою вассальную присягу; я готов подчиниться его суду, потому что иначе он не согласится считать меня пэром.

Ссылаться на эти права надо было раньше. Ни Иннокентий III, ни латеранский собор не могли лишить графа тулузского его владений без суда пэров. Как герцог нарбоннский, он слыл первым между светскими пэрами, а они вряд ли поддержали бы Рим. Случилось так, что это оружие указал враг Раймонда. Легат прервал спор подсудимых и сказал, что одних обещаний графа весьма недостаточно, но что во уважение послушания, оказанного Раймондом, он передает его дело суду архиепископов, которые порознь, тайно друг от друга, передадут легату свое мнение, следует ли отлучать графа тулузского. Большинство голосов оказалось за Раймонда. Но это не помешало легату через два месяца торжественно провозгласить отлучение Раймонда и его провансальцев. Граф тулузский был объявлен «осужденным еретиком» (74).

Поведение легата ничем не оправдывалось. Но и Раймонд должен был предвидеть подобный исход дела. Между соперниками лежала целая пропасть, плод двадцатилетней войны. Легат хорошо понимал, что все соборы, уверения, клятвы останутся фразами даже при искреннем желании Раймонда. Он определил французскому королю церковную десятину на пять лет и уверил Людовика, что папа запретит Генриху III Английскому под угрозой проклятья нападать на французские замки в его отсутствие.

28 января 1226 года в Париже проходил съезд духовных и светских нотаблей^{*1}. Король спрашивал их мнение об альбигойском деле. Его предприятие одобрили и дали в том письменные уверения. Вассалы обещали помогать ему как государю в течение всей войны. На третий день король принял из рук легата крест. Проповедники пошли по всем концам страны поднимать народ и вербовать дружины крестоносцев, чтобы вконец опустошить многострадальный Лангедок.

Положение Раймонда и его друзей было ужасным. Они привыкли разгонять толпы крестоносцев, но им нельзя было рассчитывать выдержать борьбу с регулярным войском Франции, закалившимся на полях Нормандии, Пуату и Гиенни.

В Европе Раймонд видел двух преданных друзей; оба они были могущественными государями. С королем Англии у него был заключен тайный трактат об оборонительном союзе (75), но из страха римского проклятия или по нерешительности Генрих III не оказал содействия в решительную минуту. Папское послание застигло его во главе армии. Говорят, что он хотел идти на помощь Раймонду, но астролог, бывший при войске, предсказал неудачу похода.

Другой друг Раймонда, тогда позволявший себе изредка посмеиваться над верой и курией, молодой император Фридрих II, не мог не питать к Раймонду живой симпатии по радушию и впечатлительности своего характера. Но эта симпатия тоже не обратилась в дело. Император хворал и лечился в Италии, собираясь совершить паломничество в Палестину, и подтрунивал над усердными приготовлениями папы. Но симпатии современников перешли к потомству, и сент-олбанский монах (Матвей Парижский) занес эти чувства в свою великолепную летопись.

«Многим поистине казалось великим злоупотреблением объявить войну верному христианину, тем более что всем было известно, как граф настоятельно просил легата на буржском соборе лично посетить его город и осведомиться, исповедует ли он католическую веру. Что касалось лично его, то он обещал в случае, если в чем прегрешил (хотя он не чувствовал себя ни в чем виновным), оказать полное удовлетворение Богу и Церкви; как следует верно му христианину, ответить на все вопросы о вере, о которой легат найдет нужным его спросить. Но легат пренебре! всеми этими обещаниями, и графу, католику, нельзя было найти пощады у него иначе, чем навсегда отказавшись о: всех своих владений» (76).

Раймонд, как во всякое тяжелое время, надеялся на преданность своих подданных, хотя понимал, что им ж устоять против соединенных сил Франции. Он поспешно объезжает страну, подтверждает и раздает привилегии го родам, слушает везде уверения и клятвы в верности. Его сопровождает общая симпатия горожан; католики на его глазах клялись над Евангелием умереть вместе с ним.

— Если король французский, крестоносцы или другие люди ворвутся в земли нашего господина графа, — клялаа, вся община города Ажена со всеми консулами, — то мы без него, без его совета, без его воли, не заключим мира и соглашения и никогда не откажемся от его синьории и ш соблюдения верности к нему; все время мы останемся вер ны и покорны его власти. Если бы даже Церковь или кто либо из прелатов захотели разрешить нас от клятвы п обязанностей к господину графу, то мы сами не будем счп тать себя разрешенными и избавленными от заключенных с ним условий (77).

Увлечение было искреннее, всеобщее, но в нем было немало легкомыслия. Перед наступлением огромной армии была бессильна эта благородная преданность общин своему государю, представлявшему такой редкий в истории пример умеренности, гуманности обхождения и уважения свободы. Раймонд тем менее мог надеяться на обещания южан, так как знал по опыту их невоинственность.

Французская армия способна была произвести трепет в городах Лангедока одним своим появлением. Людовик УШ вел пятьдесят тысяч одних рыцарей и оруженосцев; пехоты было столько же, если не больше. Короля сопровождали опытные полководцы. Амори, удостоенный сана коннетабля Франции, и его дядя Гюи Монфор были в королевской свите. Французы пошли на этот раз иным путем — они собирались двинуться с восточной границы герцогства нарбоннского, а не с северной. Для этого следовало овладеть богатыми городами по Роне.

В Лионе было приготовлено множество транспортных судов. Обоз, машины и припасы спустили вниз по Роне, а армия пошла берегом. Лишь только французы подошли к владениям тулузского графа, ближайшие коммуны стали высылать депутации в их лагерь. Ним первым подал пример. Он принес присягу на верность короне через посредство своего епископа, обязуясь

^{*1} То есть высших светских, духовных феодалов и мэров городов. В отличие от Штатов, его участники не избирались, но приглашались самим королем.

удовлетворить все королевские требования. Диоцез нимский был тогда же присоединен к коронным владениям. То же было с Пюи-Лораном и Кастром в Альбижуа. Королевские бальи сменяли городские власти, хотя армия была довольно далеко. Один за другим сдавались отряды провансальских рыцарей.

Авиньонцы, которые, как подданные императора, должны были бы чувствовать себя в безопасности, со своей стороны отправили депутацию к Людовику и легату с просьбой о снятии отлучения и с изъявлением покорности. Они не желали, чтобы в город вступила вся французская армия; они хотели принять одного короля с его свитой. По требованию короля в лагерь было представлено пятьдесят заложников. Легат требовал безусловной сдачи, а община боялась мести за преданность тулузскому графу.

Город мог хорошо защищаться благодаря своему расположению. Несмотря на это, французы подошли к берегу Роны в огромных массах и стали переправляться через мост. Граждане заперли ворота; с какой-либо другой стороны они были недоступны. Французов, которые были в городе, убивали. Когда же авиньонцам удалось сломать мост на Роне, сообщения армии прервались. Легат проклял город и обрек его мести крестоносцев, как зараженный ересью. Король решил приступить к правильной осаде, но его нападения во всех местах были отбиты. Осада должна была затянуться. Прелаты, опасаясь, что император вмешается в войну, если узнает о нападении на Авиньон, советовали предупредить Фридриха об этом обстоятельстве. Императора извещали, что французы осаждают Авиньон как простые пилигримы во имя любви Божией, для спасения католической веры, так как в этом городе живут еретики, их укрыватели и соумышленники, что права императорские не будут ни в чем нарушены. Особое посольство должно было отвезти это письмо к императору (78). В ожидании императорского ответа король не терял время даром. Удерживая Авиньон страхом оружия, он действовал на Лангедок страхом своего имени. Надо ли удивляться той панике, которая охватила эти всегда пылкие южные общины при приближении французской армии.

Лангедок точно прочел свою судьбу, он видел бесполезность сопротивления. Одного объезда и увещевания архиепископа нарбоннского было достаточно, чтобы замки и «добрые города» на всем широком пространстве от Гаронны до Роны склонились под ярмо Церкви и Франции. Сеньоры, консулы шли в стан короля с повинной головой. Даже сильный Каркассон прислал свои ключи Людовику. Граф Комминга Бернар VI, один из союзников Раймонда, прибыл лично в авиньонский лагерь и присягнул королю, обещая помогать против врагов, особенно против графа тулузского. Роже Бернар, граф де Фуа, положил оружие, не поднимая его, если верить летописцам, и просил мира; но его просьбы не приняли.

Можно было бы заподозрить в пристрастности и лжи хронику, написанную офранцузившимся провансальцем из Пюи-Лорана, если бы мы не видели в Национальной библиотеке Франции документов о сдаче самых больших городов — Безьера (3 мая), Альби, замка Арена, города Нима (3 июня) и Каркассона (14 июля).

Только Тулуза стояла, по-прежнему гордая, непреклонная, отвергая всякую мысль о сделке с врагом. Какова бы ни была несоразмерность сил, но Лангедок первый раз так позорно склонил голову перед ярмом. Отдавать без боя крепкие замки и города, не видя даже в лицо вооруженного неприятеля, падать ниц пред католическим епископом — это со стороны полуеретических общин, из которых каждая имела свою историю, было низкой слабостью. Трудно было бы подыскать хоть одно смягчающее обстоятельство для объяснения этого грустного и во всяком случае странного явления. Впечатательность провансальцев, их способность быстро переходить от радости к отчаянию, присущая им в большей степени, чем французам, была бы недостаточным мотивом.

Должно заметить, что в альбигойский стан проникла измена. Прованс, то есть заронский край, в такой же степени был приютом новой веры, как и самый Лангедок. Борьба могла быть ведена только при общем единодушии городов обоих берегов Роны. Людовик своим движением по Роне удачно разделил союзников, и, прежде чем Лангедок мог взяться за оружие, граф Прованса Раймонд Беренгарий заключил союз с Людовиком. Он обязался помогать королю против Раймонда Тулузского и защищать те приронские земли, которые король завоеует (79). Следом за своим графом слабые провансальские вассалы в числе пятнадцати «отдали себя, всех баронов и людей своих и всю землю свою в полную волю возлюбленного господина своего Людовика, преславного короля французов» и принесли ему свою вассальную присягу по французскому обычаю (80).

Альбигойство наказывало само себя. Оно не давало твердых нравственных принципов; оно допускало даже по догматике отступничество от убеждений и тем самым уничтожало себя. Какое бы ни было это учение, но оно могло храниться лишь в отдельных личностях твердого характера, не будучи способным одушевлять собою массы. Французское завоевание подавило ересь в народе; инквизиция приступила к своему делу с целью искоренения ереси из религиозных убеждений отдельных личностей. Оттого тот и другой факт, завоевание и инквизиция, имеют между собою неразрывную связь.

Одна Тулуза действительно решилась сопротивляться. Раймонд озаботился опустошить окрестности так, чтобы неприятелю не было ни хлеба, ни фуража. Из города удалили стариков, женщин, детей, лишний скот и укрыли в дальних и безопасных местах. С небольшими верными дружинами выступил Раймонд к Авиньону.

Он мог вести только партизанскую войну со своими сравнительно ничтожными силами. Маневрируя около французского лагеря под Авиньоном, он отхватывал неприятельские обозы, что было для французов гораздо хуже поражения в открытом поле, потому что стотысячная королевская армия существовала реквизициями. Припасы, привезенные из Франции, давно были уничтожены. В лагере короля начался голод, а машины и камни с авиньонских стен производили свое действие. Стояло жаркое время. Мертвые люди и лошади лежали кучами, не зарытые, от чего началась эпидемия. Большие черные мухи, питаясь трупами, потом попадая в напитки и пищу, распространяли яд. Истребить этих насекомых не было никакой возможности; их укус приводил к мгновенной смерти, как говорит летописец (81).

На французов напало уныние. Король, чтобы поднять дух армии, велел произвести приступ. Авиньон был укреплен рвами, башнями и обнесен толстой стеной; ему впервые приходилось выдерживать штурм. С сухопутной стороны город был недоступен; тысячи французов двинулись с противоположного берега по вновь устроенному мосту. Мост не выдержал и рухнул; с ним вместе три тысячи французских кавалеристов упали в Рону.

Но Людовик не терялся от неудач. В то время как легат и прелаты занимались бесплодным проклинанием Раймонда и авиньонцев, он готовился к долговременной осаде. Между лагерем и городом он велел выкопать ши рокий и глубокий ров, дабы прервать всякое сообщение с Авиньоном. Трупы уже не хоронили; их кидали в Рону. В самом французском лагере обнаружился разлад. Сила крупных феодалов еще не была сломлена; они могли по меритья с королем своим могуществом. Тибо, граф Шампани и другие пэры не хотели угождать прихотям короля и, отслужив свои феодальные сорок дней, думали о возвращении. Король отказал, но Тибо уехал со своими баронами, не обращая внимания на запрещение Людовика.

Если король и достиг своей цели, то лишь благодаря упорству и энергии. Он потерял двести баронов и двадцать тысяч воинов во время этой осады, но наконец овладел городом. Три месяца храбро защищались авиньонцы, показав благородный пример, но из опасения го лода 12 сентября 1226 года вынуждены были сдаться. Триста лучших людей были взяты в заложники. Город обязался повиноваться приказаниям Церкви. В наказание за сопротивление городские стены и укрепления были разрушены. На жителей были наложены и другие наказания (82).

Когда город сдался, император прислал гневное письмо папе с жалобой на дерзость Людовика VIII, покусившегося на пределы империи. Легату было приказано снять отлучение и смягчить участь города. Но тот был сильнее Гонория III: он снял отлучение, обложив город новым побором в семь тысяч марок в пользу Церкви и короля. Вдобавок в городе было скрыто триста домов, а ходатайство Фридриха поправно.

Так пал Авиньон, занимавший одно из первых мест и ряду провансальских городов. Он на восемьдесят лет станет резиденцией папы^{*1}, по никогда уже не окажется на таком высоте промышленного и духовного развития, как до нашествия Людовика VIII. Некогда он был прекрасным и всесторонним представителем провансальской национальности, теперь же низошел до степени остальных мелких французских городов, слава которых заключается в климате и обаятельных исторических воспоминаниях.

Авиньон не имел возможности продержаться еще шестнадцать дней, а между тем именно через этот срок река Дюранс вышла из берегов и затопила то место, где стоял французский лагерь. Сомнительно, чтобы король, принужденный отступить с армией, упавшей духом, решился продолжать вторжение внутрь страны. Теперь же, напротив, ему оставалось только торжествовать.

*1 На самом деле Авиньонское пленение пап продолжалось 68 лет: с марта 1309 года по январь 1377 года.

Почти без отдыха, запасшись припасами, он пошел через Лангедок по прямой дороге на Тулузу. Как победитель, он давал волю своим капризам в стране, обессиленной и лежавшей у его ног. Город Лимукс он велел перенести с холма в долину и наложил на жителей значительный штраф. В Безьере, Каркассоне, где останавливался король, к нему являлись с поклонами и присягой разные владетели со своими вассалами. Один из таких, барон Кабарета, попался на обратной дороге в руки графа тулузского и был посажен им в темницу, где и умер через два года.

В Каркассоне король поставил своего сенешаля, власть которого простиралась на окрестные земли, известные своим еретичеством; оттого его преемники долго назывались «сенешалями королевскими в землях Альбигойских».

Перейдя Гаронну в Каркассоне, король прибыл в Памьер. Здесь происходило торжественное совещание епископов и баронов. Между прочим, легату пришла мысль обложить отлученных штрафами, так как отлучение церковное стало в это время для Лангедока пустой формальностью. Каждый оставшийся отлученным после трех увещаний должен был платить девять ливров, а если через год он не будет принят Церковью, то лишится своего имущества. Провансальские епископы воспользовались на этом соборе случаем присягнуть своему государю.

Король был уже рядом с Тулузой. Столица ждала новой осады. Но судьба ненадолго отсрочила ее падение.

Людовик уже давно чувствовал себя больным, однако превозмогал себя. Теперь, когда он достигал исполнения своих желаний, силы изменили ему. В его лагере после авиньонской осады свирепствовала зараза. Несколько важных лиц двора уже стали ее жертвой. Король боялся заразиться и решил немедленно оставить армию, надеясь вернуться к будущей кампании. Но, покидая Лангедок, он уносил с собой зародыш смерти.

Через Кастельнодарри, Лавор и Альби король со всем двором спешил в Овернь. Из Альби, этого центра ереси, где жителями ему была принесена торжественная присяга, он назначил своим наместником в завоеванной стране Гумберта Боже, который был, таким образом, первым французским наместником в Лангедоке, а после сделался великим коннетаблем Франции. Амори Монфор остался в качестве его помощника. В распоряжение Боже была предоставлена большая армия, раскинутая по городам.

Но Людовику VIII не суждено было больше вернуться в покоренную им страну. В последних числах октября он переехал старую границу Лангедока, но, миновав Клер-мон, не мог продолжать путешествие. В замке Монпансье силы окончательно оставили его, и он слег в постель. Придворные не знали причины страданий короля, но тем не менее пытались предложить оригинальные средства излечения. Аршамбо де Бурбон, его приближенный и любимый вельможа, нашел для короля молодую и красивую девушку, которая научена была пожертвовать своей честью для мнимого исцеления короля. Увидев рано утром в своей спальне эту девушку, король, как новый Иосиф, отказался от соблазна и сказал, что лучше умереть, нежели совершить смертный грех. Он тогда же заставил жениться на ней услужливого Бурбона (83).

За пять дней до смерти, 3 ноября, он призвал к себе прелатов и главных вассалов, заклинал их присягой, которую они дали, верно служить своему старшему сыну Людовику, повиноваться ему как королю и господину и короновать его как можно скорее, чтобы не произошло беспорядков в государстве.

Так замечательно точно исполнилось предсказание Филиппа Августа. Людовик VIII стал жертвой происков духовенства и поднял французов на Лангедок. Он расстроил свое здоровье в этом походе, не столько прославившем его оружие, сколько унижившем провансальцев, и погиб от последствий своего предприятия, оставив госу дарство в руках двенадцатилетнего сына и своей молодой жены.

Но дело, им начатое и почти заверщенное, не могло погибнуть. Судьбы Лангедока были решены. Со смертью короля Людовика VIII провансальцам мудрено было стряхнуть с себя французское владычество. В Альби и Каркассоне были не только французские войска, но была прочная французская гражданская власть наместников и сенешалей, которая пускала свои ветви по всей стране и крепкими узами собиралась притянуть к Парижу и воле королевской каждый городской лен и каждого провансальского рыцаря. Гумберт Боже распоряжался самовластно. Он велел сжечь живым известного альбигойского епископа Петра Изарна, осужденного архиепископом нарбоннским, и тем самым открыл казни инквизиции.

В дальнейшем мы подробно рассмотрим характер французской власти и механизм нового управления, что гораздо важнее и гораздо интереснее самого завоевания, а теперь поспешим досказать о последних годах независимости Лангедока.

Покорение Лангедока французами; изъявление покорности графом тулузским

Раймонд Тулузский, узнав о смерти своего врага, стал льстить себя надеждой, что счастье снова улыбнется ему. Он рассчитывал на малолетство Людовика IX, на естественное расстройство в управлении государством, на слабость регентства ввиду коалиции некоторых вассалов. Он собирал вокруг себя рассеянных провансальцев, но голос его уже не достигал площадей городов, которые были под гнетом французской власти. Он подтвердил прежний союз с графом де Фуа. Он дал ему в феод большую часть земель, которыми фактически не мог уже располагать, а также владения виконта безьерского в случае смерти последнего. Раймонд VII полагал, что отнять завоевания у французов при помощи Роже Бернара будет легко. Оба графа обязались не заключать мира с Церковью и с королем французским иначе как по обоюдному соглашению. Все подобные трактаты имели теперь одно фиктивное значение.

Гораздо более надежды внушили Раймонду вести из Парижа о восстании, которое подняли графы Бретани, Шампани и Ла-Марша против регентши Бланки Кастильской^{*1}.

Вдове Людовика VIII предстояло действовать в самых затруднительных обстоятельствах, но она не потерялась рядом с тронном. Обладая замечательными политическими талантами, она была способна защищать наследие Филиппа Августа. У нее было много осторожности, предусмотрительности и энергии — тех качеств, которые составляли славу Филиппа. Натура гордая, призванная к власти, она предалась своему делу всецело, страстно. До смешных выходок ревности любя своего сына, она выдержала его в суровой домашней школе. Она вселила в него то стремление к аскетическому идеалу, которое впоследствии стало основной чертой его характера^{*1}.

— Я соглашусь лучше видеть своего сына мертвым, хотя люблю его больше всего на свете, — говорила она, — но не позволю ему иметь связь с посторонней женщиной и тем совершить смертный грех.

Тогдашние школьные приемы, несмотря на проповеди святого Ансельма, не отличались мягкостью. Суровые воспитатели позорным образом били и терзали королевских детей ради внушения им дисциплины и страха Божия. Так воспитывался и Людовик IX под зорким наблюдением матери, предоставив дела государства в ее полную волю.

Не усмиренные, все еще могущественные феодалы должны были оскорбиться, видя себя в руках иностранки, энергия которой доходила иногда до упорства, а твердость до деспотизма. Они не привыкли и в королях встречать такую старинную франкскую силу характера. Бланка доказала ее в день коронации Людовика IX. По старому французскому обычаю, такой день был знаменует делами милости — в применении к заточенным преступникам. Уже двенадцать лет томилась в королевских тюрьмах графа фландрский и булонский и другие бароны, посаженные туда Филиппом^{*2} вопреки привилегиям феодалов, которых должны были судить свои пэры. Земли их были конфискованы Филиппом. Друзья требовали теперь их освобождения и возвращения земель.

Бланка, поддерживаемая папским легатом кардиналом Романом, с которым она находилась в самых дружеских отношениях, решительно отказала в этой просьбе и совершила обряд коронации в присутствии всех значительных пэров Франции. Королеве-матери была принесена такая же присяга, как и ее сыну. Уже после коронации она освободила графа фландрского, но в то же время подтвердила сильному графу Шампани Тибо запрещение строить новые крепости. Это возмутило и Тибо, и его друзей.

Скоро на западе Франции, начиная с Бретани, возникло волнение против короны. Недавнее владычество английского короля, свергнутое Филиппом Августом, казалось баронам гораздо легче господства и тирании женщины. Герцог Гиеннский, брат Генриха III Английского и граф де Ла-Марш находили выгодным поддерживать восстание в этих провинциях. Английские агенты появились в Нормандии, Бретани, Анжу и Пуату и давали обещания вольности баронам, надеясь снова склонить их на сторону Англии.

^{*1} Регентша до 1236 года. В последние годы жизни управляла Францией, пока ее сын Людовик IX участвовал в VII крестовом походе (1248—1252 гг.). Умерла в ноябре 1252 г.

^{*1} Людовик IX был канонизирован как святой в 1297 г.

^{*2} После сражения при Бувине, где они были его врагами.

Королева лично повела королевские войска и подавила восстание в самом начале. Граф Тибо не устоял против давнишней страсти и под влиянием своего чувства сам явился в лагерь королевы.

— Мое сердце и вся моя земля в вашей власти; нет ничего, чего бы я не сделал согласно вашему желанию, — говорил он ей с рыцарской любезностью.

Его поступок склонил успех на сторону Бланки. Проклиная его, графы Бретани и де Ла-Марша сдались. Один за другим являлись в ее лагерь за прощением гордые графы и бароны. Казалось, лига распалась, но она возро-пась снова. Граф Филипп Булонский составил заговор, чтобы захватить короля и его мать в Орлеане, и только верность Тибо и живая преданность парижского населения, которое выступило вооруженной массой по орлеанской дороге при первом слухе об опасности, спасли монархию во Франции.

Бланка торжественно вступила в Лувр, окруженная торговцами, студентами и ремесленниками (84). Но угроза из Бретани не прекращалась. Бланка, прибывшая туда без войска для переговоров, едва было не попала в руки графа Пьера Маклерка, регента Бретани, и снова Тибо спас ее своим внезапным появлением, как рыцарь волшебных сказок. Он же помог королеве смирить гордого графа Бретани, заставив его сдаться и просить милости. Такая преданность к ненавистной «чужестранке» вызвала в высшем дворянстве недоверие, а потом явную вражду к Тибо. Пустили слухи о его связи с королевой, о насильственной смерти покойного короля, сведенного-де отравой в могилу руками изменницы и любовника.

Интрига создала целую лигу. Пэры и бароны изъявили желание мстить за Людовика VIII. Они оставили королеву и самовольно, но единодушно кинулись на Шампань, с севера, кто с юга. Шампань была страной по преимуществу демократической благодаря своей промышленности и торговле вином. Там графы «больше делали для буржуа и крестьян, чем для рыцарей», говорит местный хроникер, и понятно, что они были там популярны. Графу стоило только стать во главе своих городов, и они принесли ему все требуемые жертвы. Чтобы не доставаться неприятелю, три города погибли в пламени. Жители великодушно их покинули ради спасения своего графа, который после геройской защиты своей страны дождался наконец прибытия верных королевских войск.

Феодальная сила, таким образом, была сломлена; мятежные вассалы принуждены были оставить Шампань, рассчитывая осуществить свои замыслы при других обстоятельствах и в другом месте. Все французские города оказывали в этой борьбе с лигой искреннее содействие королевской власти. В конце 1228 года магистраты всех коммун Франции торжественно клялись защищать короля, его мать и братьев против всех и всякого (85). Это показывало, насколько созрело национальное чувство во Франции. Городское сословие далеко опередило в нем феодальное. Это чувство было тем выше, что обнаружилось в одну из минут испытания; оно свидетельствовало об историческом назначении Франции, так как вокруг королевского знамени неожиданно возникла новая сила, составившая по своему духу прогресс в сравнении со средневековыми идеями, — сила национально-патриотическая.

Через два-три года король благодаря искусству своей матери и поддержке добрых городов, плативших, со своей стороны, услугой за услугу, мог спокойно властвовать не только во Франции, но и в Лангедоке.

Раймонд видел, как пали его надежды на лигу. В неудаче своих собратьев он видел гибель собственного дела. Оглядываясь на Рим, он еще более падал духом.

Там после смерти кроткого Гонория III на престоле первосвященников воцарился человек необыкновенной энергии, твердой воли и замечательно предприимчивого ума. Это был родной племянник Иннокентия III, остийский епископ Уголино, сын графа Тристана Конти. Как бы желая напомнить католическому миру былью времена, он провозгласил своим образцом Гильдебранда и принял имя Григория IX. Он пользовался общим уважением даже у врагов, по своим дарованиям и высоконравственной жизни. Император Фридрих II отзывался о нем как о человеке безукоризненной славы, чистой жизни, высокого благочестия, замечательных знаний и красноречия. Он не запянул себя ничем в продолжение своей пятидесятилетней деятельности в разных церковных должностях. Он всегда счи тался «образцом святости». В то время деморализации вые шего духовенства такой отзыв мог казаться исключительным. Он был уже стар, когда, 18 марта 1227 года надел папскую тиару. Но в крови его была энергия его знамени того дяди, который когда-то облек его в кардинальский пурпур.

Понятно, что, всегда вдохновляясь политикой Иннокентия III относительно Юга, Григорий IX старался быть его подражателем. Но в своей ревности он далеко перешел те пределы, которые

оправдываются историей и духом времени. В душе этого гордого и неуступчивого старика никогда не находили места мягкие человеческие чувства. Он посвятил себя беспощадной борьбе с духом новизны, которая стала проявляться в католическом мире, и так закалил в этой борьбе, что сделал своей страстью истребление. По своей натуре он неспособен был к сделке, к примирению. Он был рожден для борьбы и кровавых предприятий. На первосвященнический престол такие люди приносили мирские страсти. Он не хотел умереть, не вернув папство и Церковь в то положение, какое они занимали при Гильдебранде. Он стал бороться во имя прошлого, пренебрегая всякими средствами, но обнаруживая в себе замечательные силы.

По характеру политики он был полной противоположностью своему предшественнику, Гонорию III. Даже в делах ереси последний, в силу учения христианского, хотел действовать «более убеждением, чем строгостью». Гонорий, правда, иногда произносил отлучения, но с готовностью снимал их; они никогда не были в его руках орудием угнетения и насилия.

Григорий IX был не таков: он не остановился бы ни перед какими насильственными мерами для торжества воинствующей Церкви. Потому-то после Гонория III сочувствие покидает римских первосвященников и ту Церковь, во имя которой они совершили столько преступлений.

Григорий IX, вступая на престол, видел перед собой две цели; та и другая были одинаково дороги для него, и за обе он ревностно принялся в первые же дни папствования. Императора Фридриха II он поднимал против сарацин за Святую Землю, а короля французского — против еретиков альбигойских за святую Церковь. Он мог указать на некоторые успехи Раймонда VII после смерти Людовика VIII как на следствия нерадения нового правительства.

Но успехи эти не были опасны для французской власти. Раймонду удалось зимой 1227 года овладеть замком Готрив, в четырех лье от Тулузы, занять Кастельнодарри, Лабеед и Сен-Поль. Обладание первым имело довольно важное значение по его положению. Желание освободиться от французов проявлялось и в других городах, но французские комитанданты подавляли его в самом начале (86). В то время как Гумберт Боже готовил свою армию, чтобы возобновить военные действия, овладеть Тулузой, этим последним центром агитации, и уничтожить Раймонда, духовная власть принимала свои меры против ереси, Лангедока и графа Тулузы.

На нарбоннском соборе, состоявшемся весной 1227 года, Раймонд был предан церковному проклятию. Этот обряд прелаты собора постарались совершить со всею торжественностью. Заседание собора происходило в церкви. В урочный час раздался погребальный колокольный звон, прелаты встали со своих мест и, опрокинув свечи, потушили их в ознаменование мрака, постигающего отныне душу отверженного. Собор приглашал верных провозглашать это отлучение во все воскресные и праздничные дни при звоне колоколов и при погашенных свечах (87). Участь Раймонда разделили граф де Фуа и виконт безьерский. Вместе с тем объявлялись отлученными еретики-тулузцы, подданные бывшего графа, их защитника, укрывателя и единомышленника, особенно жители Лимукса и других мест, которые, поклявшись в верности королю, отпали от Церкви — со всеми теми, которые им помогают чем бы то ни было. Отлученные не признавались больше членами человеческого общества. Их личности и имущества передавались в руки всякого, кто пожелает тем воспользоваться.

Собор издал на этот раз двадцать канонов, обязательных для Лангедока. Это были те меры, которые имели целью сгладить прежние нравы, веротерпимость, свободу совести и обратить веселый Лангедок в мрачный, скучный и покорный воле прелатов монастырь.

Собор начал с евреев. Им было запрещено брать большие проценты, иметь христианскую прислугу и совершать открыто свое богослужение. Они должны были вместе с католиками воздерживаться от мяса в известное время и оказывать уважение к христианским праздникам. В отличие от христиан, они должны были носить красный знак на спине и платить перед Пасхой ежегодно шесть денариев с семейства в пользу приходских церквей (каноны 2—4). Далее было постановлено, чтобы при со ставлении завещаний непременно присутствовали священник и свидетель, иначе завещатель будет лишен христианского погребения, как еретик (канон 5). Той же участи подвергаются те, которые, будучи старше четырнадцати лет, не являлись ежегодно к причастью, и потому священник должен вести список своих исповедуемых (канон 7). Все клирики избавлялись от налога лично и имущественно, а гражданским властям за подобные взимания грозили наказанием (канон 12). Консулы и другие городские власти должны были дать ручательство в своем ксенофобии; они обязывались преследовать еретиков и не допускать ненадежных лиц на какую-либо общественную должность (каноны 15—16). Наконец (канон 14), велено было назначить в каждом приходе особых синодальных надсмотрщиков по назначению

епископов. Они должны были наблюдать за появлением ереси и за другими церковными преступлениями и нарушениями.

Известно, что в этом постановлении многие историки видят начало инквизиции. Мы убедимся, что ее организация появилась несколько позднее, когда французы сделали полными властителями в стране, а доминиканцы захватили в свои руки всю духовную полицию.

Теперь же, после собора, прелаты сочли своим долгом принять личное участие в окончании дела, предпринятого для торжества Церкви. Архиепископ нарбоннский и Фулькон, епископ тулузский, прозванный провансальцами «епископом дьяволов», явились в распоряжение Гумберта Боже, осаждавшего замок, отнятые Раймондом в то время, когда граф лично проник в Альбигуа. В одном из взятых замков попался в плен альбигийский диакон Жерар де ла Мот и с ним пятнадцать еретиков. Все они были сожжены живыми (88).

С переменным счастьем боролся Раймонд с французами в продолжение года. Он никогда не решался вступать в открытое сражение с Боже. Его тактика заключалась в истомлении противника. Он держал его в постоянном напряжении своими внезапными появлениями; отвлекая его от Тулузы, он исчезал при первом же серьезном преследовании. Проигрывая одно, он приобретал другое.

Между тем французы раздробляли и теряли свои силы и даже вождей. Так, при осаде замка Варейль был убит Гюи Монфор, брат Симона. Он не дождался скорого торжества своего дела в стране, где его имя имело такую печальную известность. Иногда Раймонду удавалось овладевать сильными городами; так, зимой 1228 года он захватил Кастельсарран. Тогда Гумберт Боже, получив подкрепление из Франции крестоносцами и церковной десятиной, данной, впрочем, весьма неохотно, решил в середине мая нанести решительный удар Раймонду, и именно в этом пункте. Он пошел к городу, решившись после взятия его идти на Тулузу.

Раймонд, следуя своему всегдашнему обыкновению, вертелся вокруг неприятельской армии. В одном месте, в горах, проход был тесен и затруднителен. Местность благоприятствовала засаде. Раймонд не преминул этим воспользоваться, дав последний раз разгуляться своим рыцарям. Французы понесли тяжелые потери. Множество было убито, и немало попало в плен к озлобленному неприятелю. Провансальцы знали, что их самих в случае несчастья не пощадят. Пленных разделили по их значению. Простые пехотинцы были отданы в распоряжение победителей. С разрешения Раймонда их подвергли истязаниям: одним отрезали носы, другим уши, третьим выкололи глаза. В таком виде, полунагие, они были отправлены на родину, чтобы служить внушительным примером (89). Что касается пленных рыцарей, то их Раймонд взял под свое покровительство, не помешав, впрочем, ограбить их.

Такая бесполезная жестокость была роковой для Раймонда. Он дал новую пищу фанатизму. Архиепископы Бордо и Оша привели новые когорты крестоносцев, нанятых во Франции. Гумберт Боже после своего поражения бросил прежний план и вместо того, чтобы тратить силы на мелкие замки, хотел нанести более существенный удар. Добившись голодом сдачи Кастельсаррана и оставив в руках провансальцев другие замки, Боже решил захватить центр национального движения. Тогда Раймонду пришлось бы сдаться или покинуть страну. Боже понял, что только обладание Тулузой может упрочить французское владычество в Лангедоке.

Обойдя замок Сен-Поль, французский главнокомандующий неожиданно появился пред столицей неприятеля и занял позицию на расстоянии одного лье к востоку. Здесь к нему подошли крестоносцы, прелаты, бароны Гаскони и подневольные ополчения некоторых южных коммун. Тулузцы готовились к обороне. Гумберт Боже увидел, что укрепления столицы неприступны. Высоты, на которых стояли французы, были покрыты виноградниками, служившими источником богатства Тулузы. Эти виноградники были потоптаны и уничтожены. Один отряд был отправлен на опустошение окрестностей, другом на фуражировку. Но французы этим не удовлетвоались. Сатанинский гений Фулькона, недаром носившего прозвище «епископа дьяволов», придумал новый способ войны с тулузцами.

Все широкое пространство между городскими стенами и французской позицией было усеяно красивыми за городными домиками, расположенными в густой зелени садов. Эти домики для вида были укреплены башенками и окопаны рвами. Они несколько затрудняли доступ к городу. Жители их оставили, но французы также не решались их занять, чтобы оставаться вне выстрелов с тулузских машин. Зато каждое утро, отслушав мессу, с рассветом осаждавшие отправлялись отдельными отрядами, вооружась ломами и топорами, под прикрытием этих укреплений, с регулярными солдатами впереди, и на глазах тулузцев стирали с лица земли все, что

хотели. Подходя к самым стенам и встревожив осажденных, они возвращались назад другим путем, продолжая уничтожать сады, деревья, ломать виноградники и разрушать дома.

Скоро вся эта живописная местность, возделанная трудом и искусством долгих лет, представляла собой голую степь. Потом подобные же операции переносились на другие окрестные пункты. Таким занятиям предавались эти благородные воины в продолжение трех месяцев, «пока дело было вполне сделано», как выражается один из друзей крестоносцев (90). Благочестивый епископ с иронией говорил об удобствах своего плана.

— Мы торжествуем над нашими врагами чудом; мы побеждаем их, бегая от них.

Когда опустошать более было нечего и только обнаженные развалины представлялись взорам на протяжении нескольких лье, французская армия снялась, рассчитывая, что истощенному и голодному городу придется покориться. Гасконские отряды воротились, а Гумберт Боже отошел к Памьеру, сберегая своих солдат и беспощадно опустошая земли графа де Фуа.

Действительно, дело было сделано. Судьба Тулузы решилась.

Раймонд видел себя оставленным всеми. Жажда мести была подавлена несчастьями. Пыл его энергии охладел, и он сам не узнавал себя. Будущее было темно; оно ничего не обещало ему. Тулузцы приходили в ужас, увидав страшные для них последствия войны. Их благосостояние рушилось. Плоды долгих трудов исчезли; в случае дальнейшего сопротивления для большей части населения были неминуемы нищета и голод. Для них все восемнадцать лет войны не принесли такого вреда, как эти три месяца осады. И государю и столице приходилось покориться, и на этот раз навсегда.

Вместе с ними рушилась судьба альбигойцев. О них теперь думали меньше всего. Нельзя бороться за идею веротерпимости, когда отнимают последний кусок хлеба.

Бланка Кастильская и кардинал Роман поняли теперь, их час настал. Раймонд склонил голову, но еще не просил пощады.

Тогда легат послал к нему для переговоров Грандсельва, аббата цистерцианского монастыря. Он нашел Раймонда в Басьеже. Здесь им были беспрекословно приняты общие условия мира, определившие подчинение его родины Франции. Раймонд привез аббата в Тулузу. Он чувствовал потребность разделить горе со своими верными гражданами. Он мог утешить их одним тем, что, делаясь рабом, он по условию договора, пока жив, предоставляет себе право не расставаться со своей столицей, для которой сделает все, что еще сможет. Он просил аббата похлопотать о том, чтобы переговоры велись на нейтральной земле, в городе Мо, во владениях его друга графа Шампани, которого он приглашал быть посредником. Прежде всего Раймонд должен был отказаться от своих имений, отдаться милосердию короля и уже от него получить то, что ему заблагорассудят дать, на особых условиях. Эта была исходная точка переговоров.

10 декабря 1228 года Раймонд написал в Тулузе и вручил аббату послание к королю о мире, где говорил, между прочим, что «желая от всего сердца вернуться в единую Церковь и жить в своих доменах, храня верность и исполняя службу своему господину-королю Франции и госпоже-королеве матери, своей кузине, он, Раймонд, посылает им, так же как и кардиналу легату святой Церкви, аббата Грандсельва, чтобы обсудить с ними условия мира, ради которого этот аббат долго и много потрудился. Он объявляет его своим уполномоченным и обещает, с согласия баронов и особенно консулов Тулузы, ратифицировать все, что будет постановлено с совета и согласия его возлюбленного кузена Тибо, графа-палатина Бри и Шампани» (91).

Той же зимой в Мо происходил многочисленный съезд прелатов и светских лиц. Папский легат играл на нем первую роль, присутствовали архиепископ нарбоннский и вес лангедокские епископы. Раймонд VII явился в сопровождении скромных депутатов от города Тулузы. Они также должны были принять участие в переговорах, так как представляли собою враждующую сторону, но случилось так, что Раймонд должен был даже за себя самого предоставить вение переговоров цистерцианскому монаху, агенту легата. Ему и общине тулузской предоставляли только скрепить своим согласием условия, весьма невеликодушно данные по бедителем.

Папа еще до сдачи Раймонда предлагал в послании к легату сделку о браке между одним из королевских братьев и дочерью Раймонда, чтобы через это Нарбонна и Тулу и перешли к короне. Это основное условие было включено и тот же трактат и принято обеими сторонами как скорейшее средство к сближению двух наций, долго находившихся во враждебных отношениях. Действительно, если бы только условие было выражено не так настоятельно, а несколько иначе, оно могло бы смягчить горечь Раймонда VII и его нравственное принижение.

Так как все существенное было условлено раньше, то договор мог быть подготовлен быстро, в январе 1229 года. Но в следующем месяце пришлось перенести заседания в Париж, так как король должен был просмотреть трактат и утвердить его своей подписью.

Последняя редакция в Париже была сделана несколько иначе, но с сохранением прежних оснований. Мирный договор, закончивший долгую и опустошительную войну, был наконец переписан окончательно в двух экземплярах, из которых один был за подписью Людовика IX, другой — Раймонда VII.

Парижский договор 1229 года

12 апреля 1229 года, в четверг на страстной неделе, Париж с утра пришел в необычное движение. Народ густыми толпами стекался в Сите, стараясь пробиться к тесной площади перед собором Богоматери. Процессии крестным ходом из разных церквей направлялись туда

Королевский кортеж прошел небольшое расстояние, отделяющее от кафедрального собора нынешний дворец юстиции, где тогда помещался двор. Молодой король со своей свитой, имея около себя Раймонда Тулузского, занял место у великолепного портала, недавно построенного его дедом.

Три кардинала, из которых двое были легатами апостольского престола, два архиепископа, нарбоннский и санский, епископы парижский, тулузский, отенский, нимский, магеллонский и множество монахов и каноников сидели на скамьях возле собора. Посреди площади возвышался помост, на котором стоял аналой, а на нем лежал готический манускрипт Евангелия. Толпы народа теснились около площади, окруженной копейщиками, и густо унизывали крыши соседних зданий.

Когда король прибыл, было уже двенадцать часов. Все затихло, и королевский клерк, поднявшись на ступени помоста, развернул длинный пергамент, на котором красовались печати Франции и Тулузы, и стал читать его громким голосом.

Это был мирный договор, подписанный Раймондом VII, в котором он клялся в следующем:

«Быть верным и послушным слугой короля и Церкви до самой своей смерти, сражаться с еретиками, их единомышленниками и укрывателями в землях, которыми мы владели и будем владеть, не щадя наших близких, вассалов, родственников и друзей; очистить вполне нашу землю от ереси, а также помочь очистить от еретиков земли, которыми владеет король.

Обещаем произвести без замедления должный суд над еретиками и приказать нашим бальи тщательно разыскать как их, так и их единомышленников и укрывателей, согласно распоряжениям, какие сделает господин легат. Для облегчения же такого розыска обязуемся платить в продолжение двух лет по две серебряные марки, а потом по одной всякому, кто представит еретика, осужденного епископом диоцеза или теми, кто имеет право суда. Что же касается тех, кто не окажется явным еретиком, а будет признан лишь подозрительным, то относительно их обязуемся исполнять то, что укажут легат и Римская Церковь.

Также обязуемся хранить мир во всех наших владениях, изгонять и наказывать рутьеров, покровительствовать церквям и духовенству, сохранять за ними их права, иммунитеты и привилегии и побуждать поступать так же наших подданных, уважать приговоры над отлученными и таковых избегать, как предписывается канонами; побуждать тех, кто пробыли отлученными в продолжение года, обращаться к Церкви под страхом конфискации их имуществ; обязать, в свою очередь, наших бальи исполнять все вышесказанное; наказывать тех, кто небрежен в исполнении этой обязанности, и назначать на эти должности католиков. Если же еврей или заподозренный в ереси ошибочно попадет в эту должность, то немедленно удалить его и наказать. Бальи должны также наблюдать, чтобы никто из евреев и подозреваемых не покупал земель и не приобретал ренту с городов и вилл.

Обещаем восстановить теперь же недвижимые имущества и права церквей и духовенства вполне на всем пространстве земель, какими мы владеем, а именно те, которыми церкви и духовные лица владели до прихода крестоносцев; о прочих же будет решено по праву легатом, его посланными или делегатами апостольского престола.

Обязуемся заплатить десятину и уплачивать ее впоследствии; не позволять, чтобы ее захватывали рыцари и другие светские лица, а предоставлять ее церквям. За ущерб же, причиненный мной и моими людьми церквям и духовенству, за разрушение домов, вилл, не принимая и расчет недвижимого (что должно быть, как сказано выше, восстановлено), мы

обязуемся уплатить десять тысяч серебряных марок, предназначая их в распоряжение легата, который справедливо и сообразно разделит эту сумму между заслуживающими.

Также обязуемся заплатить аббатству Сито две тысячи марок, аббатству Грандсельв тысячу марок, аббатствам Клерво, Бельперш и Кандейль по триста, как на украшение последних обитателей, пострадавших от нас, так и ради спасения души нашей. Также мы должны будем уплатить шесть тысяч серебряных марок на укрепление Нарбоннского замка и других замков, которыми государь-король будет владеть в продолжение десяти лет для личной и церковной безопасности. Перечисленные двадцать тысяч марок должны быть уплачены в пять сроков, по четыре тысячи ежегодно.

Обязуемся еще уплатить четыре тысячи марок на содержание в продолжение десяти лет в Тулузе четырех магистров богословия (по пятьдесят марок ежегодно), двоих магистров канонического права (по тридцать марок) и двух преподавателей грамматики (по десять марок), которые будут читать лекции в Тулузском университете.

После получения нами отпущения обязуемся принять из рук легата крест и пять лет служить за морем против сарацин, для искупления наших грехов, и отправиться в этот поход после августа, в срок не позже одного года.

Тех из наших подданных, кто во время войны держались стороны Церкви, отца государя-короля, графов Монфоров и их приверженцев, мы не будем утеснять, а, напротив, будем обходиться с ними благосклонно, как с друзьями, будто они никогда не были враждебны нам, — если только между ними не будет еретиков. В свою очередь, церковь и король так же будут относиться к тем, кто были на нашей стороне, против Церкви и короля, за исключением тех, которые не согласились с нами на заключение этого мира.

Король, снисходя к нашему унижению и надеясь, что мы пребудем верны Церкви и ему, и соизволяя оказать нам милость, отдаст нашу дочь, которую мы предаем на его волю, в супружество одному из братьев своих, по назначению Церкви, и предоставляет нам все епископство тулузское, исключая земли маршала Левиса, которыми маршал сам будет владеть от короля. После же нашей смерти Тулуза и епископство отойдут к брату господина-короля, женатому на чей дочери, и их детям. Если же брат королевский умрет бездетным, то Тулуза с епископством отходят к королю и наследникам; дочь же наша или другие дети никакого права на эти владения заявлять не могут. Если же дочь наша умрет без потомства от брата королевского, то Тулуза и епископство отходят к королю и его наследникам. Так что во всяком случае Тулуза и епископство отойдут к господину королю и его наследникам после нашей смерти, и никто не может заявлять на них никакого права, кроме сыновей и дочерей, рожденных от брака брата королевского и нашей дочери, как сказано выше.

Государь-король предоставляет нам также епископства: Аженуа, Руэрг и часть Альбийского, лежащую по сию сторону Тарна; город же Альби и все то, что за рекой к Каркассону, король удержит за собою; одна половина реки принадлежит королю, другая нам; права и наследия тех, кто будет оказывать должное королю в части королевской и нам в части нашей, сохраняются. Епископство Кагорское король предоставляет нам, кроме города Кагора, феодалов и других доменов, которыми владел перед своей смертью король Филипп, дед господина-короля. Если мы умрем без детей от законного брака, то вся упомянутая земля переходит к нашей дочери, которая будет за братом королевским, и к ее наследникам. Мы сохраняем за собой пожизненно полное право и власть в сказанной земле, которая предоставляется нам на упомянутых условиях, как над городом и епископством тулузским, так и над другими землями, и можем, по обычаю всех баронов французского государства, перед смертью уделить из нее на дела благочестия. Король все это предоставляет нам, сохраняя права церковей и духовенства.

Город Верфейль и деревню Ла-Бордэ с приписанным к ним мы предоставляем епископу тулузскому и сыну Одона Лильерса, согласно с даром, какой сделали король Людовик, отец короля, и граф Монфор, под тем условием, что епископ тулузский будет оказывать нам за Верфейль то же, что делал Монфору и его сыну, а Одон то, что должен был делать покойному королю Людовику. Все же прочие жалования, сделанные королем, его отцом или графами Монфорами, не считаются нами за действительные и не будут иметь никакого значения в стране, в которой мы остаемся. За все же предоставленное нам мы принесем королю присягу на лен и на верность, согласно обыкновению баронов французского государства.

Всю остальную землю, которая лежит во Франции по сию сторону Роны, и всякое право, которое мы имеем или могли бы иметь на нее, точно и положительно предоставляем государю королю и его наследникам на вечные времена. Ту же землю, которая лежит в империи за Роной, со

всеми правами, которые мы имеем или могли бы иметь на нее, решительно и положительно предоставляем на вечные времена Римской Церкви через посредство легата. Все жители, которые были изгнаны из этих земель Церковью, королем, его отцом и графами Монфорами и были вызваны или по доброй воле вернулись, не будучи ни обличены в ереси и ни отлучены от Церкви, вполне восстанавливаются в прежних владениях и наследиях.

Если кто-либо из тех, кто поселится в нашей земле, не захочет подчиниться приказанием Церкви и короля, особенно, например, граф де Фуа или другие, то мы будем вести с ними упорную войну и не заключим мира и перемирия без согласия Церкви и господина-короля. Домены, которые мы отнимем у них, по разрушении укреплений и стен, останутся за нами, если король не захочет сам удержать их ради своей и церковной безопасности в продолжение десяти лет с сохранением взимаемых с них доходов.

Мы распорядимся разрушить стены Тулузы и засыпать рвы, следуя приказаниям, воле и указаниям легата. Также мы разрушим до основания стены и засыплем рвы тридцати замков и городов, а именно: Фанжо, Кастельнева, Лабецеда, Авиньонета, Пюи-Лорана, Сен-Поля, Лавора, Рабастена, Гальяка, Монтегю, Пюисельза, Вердена, Кастельсаррана, Муассака, Монтобана, Монкука, Ажена, Кондома, Савердена, Готрива, Кассенеля, Пюжоля, Овильяра, Пейрюсса, Лорака и еще пяти других по выбору самого легата. Стены и укрепления этих городов не могут быть восстановлены без разрешения короля. Мы не будем также впредь строить новых крепостей, но предоставляем себе право строить по нашему желанию новые города без укреплений в доменах, которые остаются за нами. Если тот город и замок, в котором надлежит сломать стены, принадлежит нашим вассалам и если они откажутся от исполнения этого условия, то мы объявим им войну и не заключим с ними ни мира, ни перемирия без согласия Церкви и короля до тех пор, пока стены не будут разрушены и овраги засыпаны.

Мы клянемся и обещаем легату и господину-королю верно и честно соблюдать все эти условия и побудить к тому же наших людей и вассалов; мы заставим в том поклясться всех тулузских граждан и других людей нашей земли, а к присяге их будет прибавлено, что они, со своей стороны, будут настоятельно стараться побудить нас исполнять эти условия, так что если мы не исполним всех или одного из этих условий, то они тотчас же этим самым освобождаются от присяги в верности, которую принесли нам. С тех самых пор мы их избавляем от верности вассальному долгу и всех других обязанностей, и они могут присоединиться к Церкви и господину королю против нас, если мы не исправимся в продолжение сорока дней. Когда же мы откажемся признать суд Церкви в делах, которые ее касаются, и суд королевский, то все земли, которые теперь предоставлены нам, переходят в распоряжение короля и мы остаемся в том самом положении, в котором находимся теперь вследствие отлучения, подвергаясь всему, что было постановлено против нас и нашего родителя, на общем латеранском соборе и после него.

Наши подданные к своей присяге нам присоединят еще, что будут помогать Церкви против еретиков, их единомышленников и укрывателей и против всех, кто будет враждебен Церкви по причине ереси или пренебрежения отлучением в наших землях, а также королю против его врагов, и что они не положат оружия до тех пор, пока восставшие не подчинятся Церкви и королю. Такая присяга, по приказанию королевскому, будет возобновляться каждые пять лет.

Для гарантии всех наших обязательств мы предоставляем, ради полной и лучшей безопасности Церкви и короля, в руки господина-короля замок Нарбоннский, который он удержит на десять лет и укрепит, если признает то необходимым. Мы предоставляем ему также замки Кастельнодарри, Лавор, Монкук, Пеннь (в Аженуа), Кордес, Пейрюсс, Вердес и Вельмур. Он будет оберегать их десять лет, и первые пять лет каждый год на этот предмет мы будем платить полторы тысячи турецких ливров, помимо тех шести тысяч марок, о которых уже упоминалось. Вторые пять лет король будет держать там войска, если признает то нужным, уже за собственный счет. Король может разрушить укрепления Кастельнодарри, Лавора, Вельмура и Вердена, если того пожелают он или Церковь без вычета из суммы, определенной на гарнизон. Доходы же и выгоды от владения этими замками принадлежат нам; король же будет оберегать лишь укрепления их, а также замок Кордес. Мы же озаботимся, со своей стороны, чтобы наши бальи и чиновники, творящие суд и собирающие доходы и пошлины, не были из людей, опасных для Церкви и короля. По прошествии десяти лет король возвратит нам укрепления этих замков с соблюдением вышесказанных условий, предполагая, что мы сдержим свои обязательства относительно Церкви и короля. Что касается до Пенни в Альбигуа, то мы обязуемся предоставить его королю в срок до первого августа на десять лет, если же этого мы сделать не успеем, то осадим город и не отойдем до тех пор, пока не возьмем его; если же этой осадой замедлится отъезд

наш в святую Землю, то мы принесем этот город в дар тамплиерам или госпитальерам, или, наконец, другим монахам, а если никто из них не захочет принять его, то город будет разрушен.

Господин-король освободит граждан тулузских и других людей наших от всех обязанностей, которыми связаны они относительно его самого, его родителя, графов Монфоров и других, а также от наказаний, которым за то они должны были бы подвергнуться, и от присяги, с сохранением всех вышесказанных условий.

В засвидетельствование того, что все это имеет постоянную силу, мы велели утвердить этот лист приложением ашей печати» (92).

Когда чтение трактата кончилось, Раймонд Тулузский показался на помосте. Он был очень взволнован. Одну руку положив на Евангелие, а другую на грудь, он сказал прервавшимся голосом, обращаясь к присутствующим:

— Перед вами, бароны, прелаты и представители города Парижа, клянусь над святым Евангелием исполнять во всех пунктах договор, который прочтен был сейчас.

Теперь началась позорнейшая часть церемонии. С Раймонда сняли оружие, доспехи, обувь, платье и оставили в одном белье. Тяжелые медные двери кафедрального собора растворились. Легат подошел к графу, взял его за руку и бил пучком розог, пока вел по длинному нефу собора. Здесь, у подножия главного алтаря, настал конец истязаниям, которые могли видеть зрители, так как освещенный храм оставался открыт. Перед большим распятием Раймонд пал ниц.

— Граф тулузский, — воскликнул легат, — в силу власти, дарованной мне святым Отцом, я снимаю с тебя и с твоих людей отлучение, которое в разное время было произносимо против тебя.

— Аминь, — отвечал Раймонд.

Он примирился с Церковью, но стал из сильного государя рабом монахов и короля. Тяжелый камень лежал на его совести. Против убеждений, скрепя сердце, он должен был любить теперь то, что ненавидел, и ненавидеть, что любил. Он являлся в собственных глазах предателем тех, кому обещал защиту, человеком, который отдал во власть чужеземцев свою родную землю и своих подданных, так любивших его, для того чтобы спасти себя.

Альбигойцев, которым он прежде покровительствовал, по своей терпимости и по своему индифферентизму в делах веры он предавал в полную власть озлобленной Церкви, которая не преминет теперь жестоко отомстить за всякое бывшее оскорбление католичества и с корнем, огнем и кровью вырвет страшную для нее ересь.

Условия мира были крайне тяжелы, форма их выражения жестока для самолюбия Раймонда. Но укоры совести были для него еще тяжелее.

Французская корона приобретала цветущую природой и промышленностью страну. Домены, теперь уступленные ей, давали по крайней мере шесть тысяч тогдашних ливров чистого дохода. Юг преуспевал в виноделии, обогащавшем его, в искусстве выделывания тканей и предметов роскоши, что было унаследовано им у мавров; теперь эти богатства и изделия сделались своими во Франции. Города, подпавшие под военное управление сенешалей, несли плоды трудов своих рук к ногам короля и вельмож Парижа. Центр тяжести Галлии окончательно перешел на север. Трактатом 1229 года Юг отыграл свою историческую роль. Проиграв свое дело, он должен был жестоко поплатиться за смелую ставку.

Его религиозный протест не удался. Церковь, воинствующая и победоносная, взяла себе львиную долю после победы. Она не ограничилась каким-нибудь графством Магеллон — в распоряжение Рима досталась область, которая немногим уступала самой Церковной области, а по экономической производительности и богатству жителей превосходила ее. В ее пользу Раймонд отказался от своих прав на маркизатство Прованс, прекрасную страну, лежавшую между Роной, Изерой и Дюрансом. Римский двор, понимая, что издалека трудно управлять новым завоеванием, оставил за собой только графство Венессен, а остальную часть, в которой было до семидесяти шести замков, отдал в лен графу Адемару Валентинуа, уроженцу Пуатье, с обязательством военной службы (93).

Через пять лет Григорий IX, видя католическую ревность и преданность Риму Раймонда, сжалился над ним и возвратил ему пожизненно маркизатство Прованское, рассчитывая, что ему недолго теперь придется влачить свое жалкое существование. Дня Церкви было важнее проникнуть под покровом его имени в семьи тулузцев и провансальцев и подчинить каждую из них строгому авторитету монахов, прелатов и легатов. Зачем нужен ей Прованс, когда она имела полное основание владеть всем Югом и беспрекословно властвовать мерами совести и страха над новым, теперь уже безмолвно покорным стадом!

Побежденный, униженный и публично опозоренный Раймонд все еще казался в глазах Церкви и слуги ее Людовика IX недостаточно наказанным. Его лишили всего, кое-что оставили из милости — и то так, что всегда могли отнять. Будто сжалившись, брали его дочь в жены королевскому брату. Но все эти выгоды, приобретенные так легко и блистательно, были столь важны, что потеря какой-либо из них была бы весьма прискорбна для победителей. Раймонд должен был послужить личной гарантией исполнения условий. Он поклялся перед Церковью, присягнул как простой барон королю, — а ему после того предложили идти в тюрьму и просидеть в ней до приобретения ручательства в исполнении обещанного...

Граф тулузский с готовностью осужденного испивал до конца чашу оскорблений.

Он объявил, что пробудет в добровольном заключении в Лувре до тех пор, пока будет в состоянии дать достаточные гарантии Церкви и королю, а именно пока исполнит главные условия, то есть пока король не будет иметь в своих руках его дочери Иоанны и пять крепостей (Нарбоннского замка, Пенни, Пейрюсса, Кордеса и Вердена) и пока тулузские укрепления, столь неприятные для французов, не будут уничтожены. Такое обещание Раймонд дал на другой день после церемонии и тогда же просил отвести себя в Луврскую башню (94). Там он провел праздники Пасхи, один со своими тяжелыми думами, и получил свободу лишь через несколько недель, когда французы уже безопасно утвердились на его родине и когда он сам стал совершенно не опасен.

Его единственная дочь, девочка восьми лет, была привезена ко двору в июне того же года. Регентша предназначила ей в женихи своего второго сына Альфонса; он приходился сверстником невесте. Легат разрешил брак, хотя между обрученными существовало некоторое родство. Обручение происходило тогда же, в присутствии легата, но свадьба могла состояться только через восемь лет, когда оба ребенка достигли совершеннолетия.

Эта юная чета, в которой как бы примирялись представители северной и южной национальности старой Галлии, должна была мирно сплотить то, что было решено раньше силой оружия.

Во имя этого сближения Римская Церковь, взяв под свое ведение Лангедок, на глазах бессильного Раймонда производила в нем то очищение веры, которое осталось и всегда останется в ее истории позорной и темной страницей. Король Франции оказывал ей живое содействие и прокладывал дорогу ее мерам. Он давал в пользование Раймонду небольшую часть его прежних владений, освобождал ее жителей от прежних присяг и пока от личного подданства себе, но подтверждал своему вассалу приказание изгнать еретиков, преследовать их, восстановить духовные имущества, отнятые от католических церквей и конгрегации, неуклонно платить в их пользу десятины своих доходов и внести условленные десять тысяч марок в распоряжение легата. Своим ордонансом, изданным на другой день после церемонии, он указал тот способ действий, которого должны держаться его наместники, сенешали, вассалы, бальи и добрые города прелатской (сенешальство Бокерское) и нарбоннской (сенешальство Каркассонское) провинций и диоцезов Родеца, Кагора, Ажена и Альби.

Всякий, чем-либо отступивший от правил и уставов святой католической Церкви, должен быть немедленно наказан светской властью, по осуждению его епископом диоцеза или другими духовными лицами, которые получали такое право. Всякий был обязан остерегаться таких людей и не доверять им, а тем более воспрещалось помогать им, укрывать или защищать их. Нарушивший такое запрещение лишался почестей, достоинства, права наследования; его имущество конфисковывалось навсегда. Бароны, бальи и все подданные обязаны были оказывать содействие к разысканию еретиков и предавать их в руки духовных судей; за каждого еретика бальи из отпущенной им на этот предмет суммы должны были платить по две серебряные марки первые два года, а после по одной.

Для приведения страны в порядок было велено произвести поиски отлученных; не успевшие получить отпущения лишались имущества. Все правительственные чиновники, вассалы и городские власти должны были принести присягу в соблюдении этих правил.

«Мы хотим, — предписывал король, — чтобы эти постановления уважались и исполнялись; наш брат также принесет клятву соблюдать их и наблюдать за исполнением их, когда вступит в обладание страной» (95).

Когда почва была таким образом приготовлена и светская власть была предназначена на всем Юге служить орудием духовной, легат вместе со своим новым помощником Петром де Кольме, сопровождаемый большим вооруженным отрядом крестоносцев, начал обращать ко Христу города Лангедока. Меч был всегда наготове. По прибытии в города кардинал снимал с них

отлучение — если все условия были выполнены, то есть если крепости, где нужно, скрыты, если принята присяга от народа и от вассалов. Несчастные ту-лузцы своими руками заносили над собой нож; они спешили умиловить нового господина и сами помогали повсюду сносить укрепления и засыпать овраги.

Когда оба легата и крестоносцы въехали во владения графа де Фуа, то Роже Бернар, оставшись одиноким в трудной борьбе, тоже решил покориться. Раймонд уже давно писал Роже под диктовку легата о необходимости сдаться, причем прославлял милосердие Церкви и короля, давших ему такой «выгодный для него мир», о котором он и помышлять не мог, и рекомендовал ему Петра Кольмье как «справедливого, мудрого, благочестивого и доброго мужа». Перед этим мужем, за которым стояли тысячи воинов, приходилось невольно смириться и только покорно выслушать его условия. Роже Бернар обещал в присутствии баронов очистить страну свою от еретиков, восстановить все церковные имущества, отдать королю в залог замки Лордат и Монгреньер. Потом он поехал ко двору короля и в сентябре присягнул Людовику IX как простой вассал, получив тысячу марок за землю, уступленную в пользу Раймонда (96). Но последний, как старый друг, не хотел пользоваться несчастьем. Он отказался от своих прав на земли графа де Фуа и возвратил их Роже Бернару, которому осталось разрушить укрепления и стать гонителем людей, к которым всегда был привязан.

Ему вместе с Раймондом предстояла еще одна душевная пытка. В ноябре 1229 года легат назначил собор в Тулузе для принятия мер к истреблению альбигойцев. Оба графа должны были присутствовать на соборе. Тут блистали три архиепископа из Нарбонны, Бордо и Оша, множество епископов, вассалов и баронов, сенешали; рядом с ними помещались два скромных консула тулузской общины, которые тут же вместе со своим графом снова поклялись в соблюдении договора. Тогда собрание занялось делом.

Тулузский собор и опыт трибунала

На тулузском соборе впервые заговорили об инквизиции, правда, не о такой жестокой, какой она после перешла в историю.

«Хотя легаты святого престола неоднократно делали постановления против еретиков, — так начинается знаменитый статут тулузского собора, — но, принимая во внимание, что эти провинции после долгих волнений только теперь умиротворены, как бы чудом, мы признали нужным приказать, с согласия архиепископов, епископов, прелатов, баронов и рыцарей, принять необходимые меры, чтобы очистить эту новообращенную страну от яда ереси и поселить в ней мир».

Светская власть подала здесь руку духовной, и потому при дружном и точном исполнении «необходимые меры» должны были увенчаться успехом. Уже два с половиной года тому назад, на нарбоннском соборе, в силу семнадцатого канона, было постановлено иметь в приходах особых надсмотрщиков за благочестием паствы. Теперь же этот вопрос обстоятельно развит.

В каждом приходе была учреждена комиссия из приходского священника и двух или трех выборных прихожан; они присягали в том, что будут тщательно разыскивать еретиков и их единомышленников, осматривая для этого все дома от чердака до погреба и даже подземелья, и в случае поимки будут доносить владельцам тех мест и их управителям для строгого наказания еретиков. Всякий синьор обязан разыскивать еретиков в деревнях, домах и лесах, и если кто дозволит за деньги или даром проживать еретика на своей земле, тот лишается ее, а сам предается в руки властей (каноны 3—4). Дом, где жил еретик, должен быть скрыт, а место конфисковано (канон 6). На епископа или уполномоченного им для этого духовного лица возлагается определение: подлежит суду еретик или нет (канон 8). Дозволение еретика проживать на чьей-либо земле после суда влечет за собой упомянутое строгое преследование.

Всякий католик может быть добровольным сыщиком еретиков, и местные бальи получили приказание под страхом лишения должности содействовать им в том всеми мерами (канон 7). Королевский бальи может свободно проникать с такой целью во владения графа тулузского и других вассалов (канон 9). Еретики, отказавшиеся от ереси перед судом, делятся на две группы: отказавшиеся по убеждению и отказавшиеся от страха. Первые выселяются в католические города из своего местопребывания и там носят в знак прежних заблуждений на груди два креста цвета, отличного от цвета платья; их называют «крестоносцами по ереси»; они не могут занимать ни общественных должностей, ни гражданских мест без особого разрешения папы или его легата

(канон 10). Еретики второго рода содержатся в заключении за счет тех, кому досталось их имущество, а за неимением его — на иждивении епископа (канон 11).

Кроме таких мер были приняты предохранительные средства от заразы ересью. В каждом приходе будет произведена перепись. Всякий юноша, достигший четырнадцатилетнего возраста, и девушка двенадцатилетнего — должны были давать клятву: хранить католическую веру, доносить об еретиках и преследовать их; эту клятву следовало возобновлять каждые два года (канон 12). Всякий дол жен исповедоваться и приобщаться три раза в год: на Рождество, Пасху и Троицу, кто этого не соблюдает, подозр вается в ереси (канон 13).

Мирянам запрещалось держать на дому книги Ветхого и Нового Завета (это первое запрещение иметь дома Евангелие), за исключением богослужебных книг и псалтыря, и то не иначе как на латинском языке (канон 14).

Тот, кто был уличен или заподозрен в ереси, не мо жет заниматься медициной и лечением. Если больной при общем из рук священника, то его следует тщательно оберегать от приближения посторонних, до самой кончины или до выздоровления, потому что в подобных случаях встречались совращения (канон 15). Завещания должны писаться в присутствии священника или, за неимением его, другого духовного лица — иначе они недействительны (канон 16).

I* Священникам вменено в обязанность присутствовать при погребении. По воскресеньям и праздникам главы семейств в приходах должны непременно быть в церкви, выстоять мессу и выслушать проповедь (канон 25). Несоблюдение этого правила влечет штраф в двенадцать денариев, одна половина которого идет в пользу синьора.

Давая такое значение духовенству, делая его правящим сословием в «новообращенной стране», собор не забыл обеспечить его экономическое положение. Для того были восстановлены все иммунитеты и привилегии церкви; с клириков вообще было запрещено брать налоги, если они не купцы и не женаты; духовные лица были обеспечены десятинным сбором. Ради подавления феодалов, которые опозорили себя в глазах Церкви союзом с ересью, собор распорядился внести в каноны воспрещение строить новые укрепления и поддерживать старые и, между прочим, положил пределы возвышению дорожных поборов. Лиги были воспрещены; суд должен производиться безвозмездно (97).

Теперь легат пожелал научить присутствовавшее духовенство производству церковного розыска в делах ереси. Это должно было произойти на примерах, которые в то время находились скоро. Вильгельм, синьор Пейрпертюз, овладевший одно время Пюи-Лораном, и барон Нэро де Ниорт были заподозрены в ереси. Улики были слишком шатки, но достаточны, как всегда, чтобы оставить их под подозрением. Оба барона присуждены были покаяться через пятнадцать дней, под страхом отлучения и конфискации.

Это пустое само по себе дело замечательно тем, что в нем впервые были применены формы инквизиционного процесса. Они попали даже в одну из современных им хроник (98), вероятно потому, что удивляли даже привыкших к насилию людей XIII века. Внешне приемы судопроизводства были, казалось, великолепно соблюдены. Допрашивали множество свидетелей. Самый главный из них был некто Вильгельм Солье, некогда альбигийский священник, потом сумевший вовремя отступить, покаяться перед легатом и стать его доверенным лицом по «розыскам» других еретиков. Его католическая репутация стала безупречной, так как в нем легат приобретал смелого доносчика и искусного шпиона. На каждого епископа возложена была обязанность допросить отдельно одного или нескольких свидетелей; свои протоколы они представляли легату, который взял на себя лишь руководство делом. Сперва допра-шивали надежных свидетелей, в благоприятных показаниях которых были уверены; потом переходили к прочим. Очные ставки воспрещались. Предлагая вопросы новым свидетелям, легко запутывали их в показаниях и тем их самих ставили в положение заподозренных и подсудимых. Запуганные торжественностью допроса, некоторые из них спешили выпутаться из затруднительного положения принесением раскаяния во всем, в чем теперь стали уличать их, и получили прощение легата; другие, не успевшие попасть в требуемый тон, запутывались еще больше; третьи, весьма немногие, которые были посмелее, чувствуя, что оклеветаны доносчиками и из католиков сделаны еретиками, потребовали у легата обыкновенного, прямого суда и указания обвинителей, между которыми могли быть их личные враги. Они неотступно преследовали легата своими настояниями даже в Монпелье. Кардинал отказал им, но показал общий список свидетелей и обвинителей, из которого они, конечно, ничего не могли понять.

Так, в этой первой, робкой попытке инквизиционного процесса присутствует вся дальнейшая система инквизиции — систематическое умение сделать человека из правого

виноватым, опутать его каверзными вопросами, заставить перенести тяжелые душевные муки, видеть везде предателей, невольно предать даже близких себе — и все это только одним обманом и казуистикой судей. Такое умение было возведено в принцип.

Новоизобретенные юридические тонкости легата возмутили католиков в Тулузе. После отъезда кардинала в городе поселились общее недоверие и подозрение друг к другу. Всякий боялся доносчика. Люди умеренной партии должны были или видеть личных врагов в ярых католиках, в этих ловцах еретиков, или соединиться с ними. Заподозренные искали тех, кто их оклеветал.

«С возвращением епископа Фулькона точно злой дух поселился в столице», — говорили тулузцы. На улицах нача лись столкновения, а потом дело дошло до убийств. Убийства стали повторяться. Однажды в пригородном лесу нашли истерзанный труп королевского сенешаля, рыцаря Андрея Калве. Убийство такого лица, как и прочие беспорядки, едва было не навлекли на Раймонда тяжелой ответственности перед королем. Но Людовик IX на этот раз не послушал наветов; он жалел и щадил графа.

Раймонд VII стал покорным рабом короля. Прежняя энергия более не одушевляла его. Он делает две-три патрп отические попытки, но безуспешно. Французская администрация успела сковать Юг крепкими цепями. Подданные графа тулузского находились в руках духовенства, а он сам едва смел возвысить свой слабый голос, чтобы стать миротворцем в своей стране. Одинокий, постепенно погружаясь в апатию, он доживал эти тяжелые для него годы. В единственной своей дочери он видел что-то чужое, ожидавшее его смерти, — она принадлежала не ему, а семейству и династии, исторически враждебной его дому.

Одновременно с этим перестало греметь на Юге ненавистное имя Монфоров. Этот зловещий для Лангедока род, с которым было связано столько ужасов и крови, сдал несчастную страну с рук на руки власти более твердой, которой под иной формой суждено было осуществить дело Симона. Амори Монфор в дальнейшем повел жизнь авантюриста. Он искал счастья в Палестине, но под стенами Газы попал в плен к мусульманам, просидел в Вавилоне, был выкуплен и, возвращаясь в Европу, умер в Отранто в 1240 году, оставив сына Жана, дочь которого породнилась позже с домом Дрё. Второй сын Симона, Гюи, граф Бигоррский, умер при осаде Кастельнодарри вскоре после смерти отца. И он, и третий сын, Роберт, не оставили мужского поколения. Четвертый, соименный отцу, приобрел громкую известность в английской и вообще европейской истории. Своим невольным служением свободе он осветил некоторым блеском герб Монфоров, опозоренный злодействами. По жестокой энергии он напоминал своего отца; по уму и государственным способностям значительно превосходил его. Он покинул Францию, озлобленный против регентши, которая расстроила его брак с графиней фландрской. Удалившись в Англию, он получил от Генриха III титул великого сенешаля и руку сестры короля Элеоноры. Когда он впал в немилость, то стал во главе недовольных и, призвав на помощь народ и города, победил и пленил короля. Он положил начало английскому парламенту, будучи вызван к тому ходом событий. Потом он попал в новые бури и погиб вместе со своим сыном в битве при Ившеме 4 августа 1265 года. Другой его сын, Гюи, скрывался у сицилийского короля от преследований врагов, но его потомство снова вернулось на службу Франции, где Монфоры играли не последнюю роль в рядах вымиравшего рыцарства до прекращения этого рода при Людовике XII.

Последний представитель династии графов тулузских, которую судьба обрекла на столь гибельное столкновение с Монфорами, то покорно склоняется под опеку духовенства, то решается неоднократно, но всегда неудачно свергнуть французское иго. С подданными его продолжают связывать общие несчастья.

В 1233 году Раймонд VII должен был подписать статут, которым приказывал хватать и наказывать еретиков, лишать их имущества, срывать их дома. Он настоятельно запрещал своим баронам и рыцарям делать оскорбления или даже оказывать неуважение аббатствам и монастырям, особенно цистерцианским.

На альбигойцев теперь охотились как на зверей; их искали в лесах и, измученных, вели к беспощадному суду. Они были изолированы. Серьезной оппозиции на Юге уже давно не существовало. Тем легче было проявляться мстительности духовенства и тем шире был простор для деспотизма нового правительства, которое иногда становилось тождественным с инквизицией. В доменах короля и в доменах Раймонда инквизиционный дом делался тогда центром власти, одновременно духовной и гражданской.

Интерес истории Франции этой эпохи сосредоточивается на той темной реакции, выражением которой была инквизиция.

Мы должны рассмотреть зарождение, первые проявления, развитие, устройство и деятельность этого учреждения. Мы начнем с того момента, когда зародилась сама идея инквизиции, выразившаяся в нетерпимости к иноверцам.

Протоколы инквизиции, документальные памятники того времени, послужат нам для изучения истории последних альбигойцев.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕТЕРПИМОСТЬ и ИНКВИЗИЦИЯ

Общий очерк истории нетерпимости Западной Церкви с первого ее проявления до упреждения инквизиционных трибуналов. Законы Фридриха II против еретиков и Римские законы против патаренов 1231 года. Начало доминиканской инквизиции и повсеместные восстания против трибуналов. Очерк инквизиционных распоряжений против еретиков Иннокентия IV и его преемников до Евгения IV. Учреждения первой инквизиции: права инквизиторов, подразделение подсудимых, допросы, пытки, наказания, обращения, епитимьи, обряды, тюрьмы; предупредительные меры. История собственно провансальской инквизиции. Попытки Тренкавеля и Раймонда VII к восстанию; убийства в Авиньонете; вмешательство Генриха III; Лориский договор; взятие Монсегиора и новые процессы. Протоколы инквизиции до 1248 года; смерть Раймонда VII.

Общий очерк истории нетерпимости Западной Церкви с первого ее проявления до учреждения инквизиционных трибуналов

Старые католические богословы, защитники инквизиции, считают ее святым учреждением, ниспосланным самим небом для поддержания чистой веры и для борьбы с ересью. Инквизиция, по их словам, носит в себе зачатки и признаки своего божественного происхождения, поскольку никакая человеческая мудрость не могла бы изобрести средства обороны, столь спасительного для Церкви. Внушенная божественной инициативой, она именуется святой, а ее трибунал — святым домом.

Не довольствуясь заявлением такого дикого утверждения, казуисты стараются привести доказательства глубокой древности инквизиции (1). Тогда как сам термин «инквизиция» (в его общепринятом смысле) впервые стал известен в XIII столетии, католические богословы смело уверяют, что инквизиция вовсе не новое учреждение, что она неразлучна чуть ли не с самим существованием мира.

С этой целью они с любовью останавливаются на книге Бытия и на тех местах Ветхого Завета, где закон Моисеев дает гневные повеления касательно израильтян, преступивших завет Иеговы и потому обреченных к смерти (2). Толкуя VII и XVII главы Второзакония, направленные против идолопоклонников, упомянутые богословы видят в них непоколебимый аргумент в пользу древности, достоинства и святости инквизиции, и даже самое название учреждения, то есть розыск, считают заимствованным из четвертого стиха главы XVII этой книги (3).

Исходя из условий древнеиудейской жизни, католические доктора богословия стремятся найти поддержку сию им нечистым идеям и в книгах Нового Завета. В Евангелии, этой скрижали милосердия, они на каждой странице прочли бы беспощадный приговор инквизиции, но если бы они не могли встретить никакого оправдания своей проповеди, то по поводу истории обращения апостола Павла казуисты имели дерзость приписать Христу свойства карающего, а уж потом утешающего и поучающего. Папские декреталии официально установили такое оскорбительное для христианства мнение.

Протестантские писатели в справедливом негодовании против инквизиции клеймили позором и кощунство ее апологетов, и низость тех римских первосвященников, которым так или иначе они приписывали ее изобретение, и саму организацию. Не касаясь достаточно глубоко этого вопроса, они считали пап виновниками появления того духа нетерпимости в Западной Церкви, который в сущности сам собой породил инквизицию в вопросах верующей совести.

Таким образом, и те и другие ошибались.

Инквизиция в широком смысле как система гонения на свободу совести действительно была современна христианству. Скажем более: христианство унаследовало ее от языческого мира. С каким-то болезненным предчувствием древний Рим боялся всякой новой веры.

«Всегда и везде почитай богов по обычаю отцовскому, — говорил Меценат императору Августу, — и других принуждай почитать их. Приверженцев новизны преследуй всяческими наказаниями, ибо отсюда происходят заговоры, тайные общества и политические секты. Все это вредно для государственного единства».

Такой консервативный дух в религиозном вопросе древний Рим преемственно передал средневековому.

И религиозная свобода, то есть право открыто исповедовать по собственному выбору ту или иную веру, и свобода совести, то есть право иметь те или другие религиозные убеждения, установлены как принципы человечества лишь в новейшее время. В ту далекую эпоху, когда учение Христа стало все более и более распространяться по областям римского мира, эта религиозная свобода уважалась настолько, насколько не вредила политическим интересам, спокойствию и безопасности империи. Но христиане должны были войти в столкновение с божествами империи и их могущественными покровителями, с императорами.

Как граждане первые христиане были образцом покорности. Они были бы вполне безопасны для империи, если бы не жили в своих особенных, частных общинах. Смирненно склоняя голову перед земной властью, воздавая Цезарю все то, что предписывалось его положением, христианин твердил слова Учителя: «Царство мое не от мира сего».

Христианин не мог исполнить только одного, из-за чего готов был перенести ужаснейшие истязания и погибнуть на костре. Он не мог поклониться идолу Пантеона^{*1} и принести ему жертву. Когда преемники великого Цезаря обоготворили себя и потребовали богопочитания, они увидели в этих доселе спокойных и тихих людях злейших и неукротимых врагов, стойко принимающих смерть за свою веру. Тут-то языческий мир и подал пример христианскому. Пример, которому следовали после весьма усердно. Известны страшные гонения, поднятые на христиан и иудеев в I столетии. При Тиберии их изгнали из городов, при Нероне-стали жечь, кидать зверям на съедение, распинать на крестах и «к мучениям присоединяли осмеяние», — как говорит Тацит^{*2}.

Но что значили для этих людей все мучения и самая смерть, когда смерть представлялась для них счастливым освобождением от уз земных, а жизнь не чем иным, как переходом к лучшему, блаженному миру.

Сын Констанция Хлора^{*3} понял, какую выгоду для империи и династии может принести религия, предписывая шая покорность власти, равнодушие к политическим правам и к земным благам, религия, уважавшая монархические формы в государстве и искавшая идеалов в загробном жизни. Когда христиане получили право беспрепятственно исповедовать свою веру и когда вскоре эта вера была объявлена господствующей в государстве, светская власть взяла под свое особенное покровительство служителей христианского культа. Из гонимых последние сделались гонителями. Конфискация, смертная казнь грозила тем язычникам, которые осмелятся мешать собраниям христиан.

Между тем церкви умножались и богатели; духовенство составляло особенную касту, мало-помалу отстранившуюся от гражданской жизни, касту, свободную от юрисдикции обыкновенных судов и подчиненную особым духовным судилищам, юрисдикция которых становилась все шире и шире. Зато епископы, всемогущие при дворе, верно и ревностно служили императорам, считая их представителями божественной власти и стремясь к осуществлению высокой идеи создать единую Церковь в единой империи.

Нельзя сказать, чтобы епископы первое время были довольны светской властью. Они имели основание роптать против Константина, который, благоприятствуя христианству, в то же

^{*1} Пантеон (букв. — «храм всех богов») — храм, в котором осуществлялось поклонение божествам рода Юлиев. После перестройки его Адрианом включал в себя изображения большинства богов империи. Поклониться идолу Пантеона — в данном случае означает выражение почтения по отношению к божественному императору.

^{*2} См. «Анналы», книга XV, 44.

^{*3} Константин Великий.

время торжественно даровал своим народам свободу совести и право веровать по желанию) каждого. Он был равнодушен к непонятным ему препираниям внутри новой Церкви. Была минута, когда на несколько лет древний языческий мир восторжествовал над христианским^{*1}, но это было последнее проявление угасавшей жизни.

Вновь укрепившись, благодаря сочувствию и покровительству императоров, христианское духовенство изменило свою тактику. Оно объявило язычеству войну не на жизнь, а на смерть. Законы Иеговы, взятые из книги Второзакония, были услышаны с высоты императорского престола, как наставления неба. Церковь, как бы отстраняя новые опасности, стала вдруг воинствующей и крайне нетерпимой. Она запрещала, буквально следуя словам Моисея, щадить идолопоклонников, вступать с ними в родство, повелевала разрушать их жертвенники, сжигать идолов и даже истреблять все народы, которые предадут Господа. Из Бога милосердного и всепрощающего она сделала Бога «сташного».

Почти все императоры IV века подчинялись этому голосу и объявляли гонения на иудеев и язычников, оставляя пока в покое тех из последних, которые вели тихую жизнь и не смущали своим примером христиан. Жрецы языческие были лишены всех привилегий; богатства языческих храмов были конфискованы. Язычники мало-помалу теряли политические преимущества и права, которые переходили к христианам.

Иудеям под страхом костра было воспрещено совращать в свою веру христиан и, также под страхом казни, вступать в брачные союзы с христианами (4). По закону Константина служить на военной и гражданской службе могли только христиане. Язычники не могли иметь рабами христиан, они были лишены прав усыновления.

Потом всякое снисхождение было отложено в сторону и законом 341 года христианство приняло принудительную систему. Язычество императором Константином было признано преступлением — жертвоприношения были воспрещены, все должны были отказаться от обрядов языческого культа: «всякий ослушник будет поражен мечом» (5).

Жрецы, лишённые средств к существованию, должны были под страхом казни стать последователями ненавистного им Христа, так как удалиться из всемирной империи было некуда. Их храмы были разрушены или обращены в церкви, очищенные крестом. Философские школы Александрии и Антиохии закрылись, всякое обучение в нехристианском духе было запрещено. Свободы совести более не существовало.

Так развилась идея нетерпимости на заре средневековой христианской истории. В IV столетии было посеяно семя инквизиции. В нем мы видим ее принцип, ее начала, ее приемы, сам дух ее. Светская власть обречена была служить ей. В ту эпоху раздельного существования Церквей, император, по признанию Евсевия Кесарийского, являлся как бы общим епископом, поставленным над всеми самим Богом. Церковь же владела лишь мечом духовным, не поражающим, а оживляющим.

Уже первый христианский император должен был оказать ей такую услугу, когда смуты, посеянные Арием, начали раздирать Церковь. Арианство обрело популярность, оно стало религией целой массы христиан. Константин, всегда опиравшийся на епископов, принял их сторону и объявил исповедание антиарианское — католическим; он желал, чтобы одна эта религия была исповедуема всеми народами империи. В законе, изданном на следующий год после никейского собора, проходившего в 326 году, император лишил еретиков всех привилегий, которые стали доступны одним католикам.

Если не в духе Константина было принимать суровые меры — будь то против еретиков или против язычников, — то все же вместе с Никейским Собором он осудил еретиков на изгнание и издал эдикт, по которому все книги, написанные Арием, должны быть сожжены и под страхом смерти всякому подданному запрещалось иметь и скрывать их. В этих мерах им, без сомнения, руководило духовенство. Оно перестало следовать и наставлениям евангельским, и практике первых трех веков, допускавшей и свободное хождение еретических сочинений и свободу совести.

Иисус некогда повелел Петру обращать и увещевать каждого в заблуждении не семь, а седмижды семьдесят раз, явно тем воспрещая всякую насильственную меру, а апостол Павел советует только отвращаться от еретика, уклоняться от него, и то после первого и второго вразумления, продолжая смотреть на него как на брата и предоставляя ему казниться самоосуждением (7).

^{*1} Имеется в виду правление Юлиана Отступника (361—363 гг.).

Этому кроткому совету, достойному святости и нравственности евангельского учения, следовали духовные власти первого времени. Святой Дионисий, епископ коринфский, говорил, что если еретик склонен обратиться к Церкви, то надо воспринять его с кротостью, избегая всякою повода, могущего раздражить его и сделать упорным в своем заблуждении. Ориген согласен допустить в личности некоторую самостоятельность в религиозных воззрениях, если она не касается существенных положений догматики. Было время, когда ересь умели побеждать убеждением, славным состязанием. Так Святой Юстин спорил с Трифоном, Родон с Маркионом, Кай с монтанистом Проклом, Ориген с арабским епископом Берилой, он же с арабами, отрицавшими бессмертие души, александрийский собор 235 года с Аммонием, наконец, Архелай с Мани, который даже спас последнего от рук раздраженной толпы. Эльвирский собор 303 года был весьма строг к доносителям, а касательно еретиков постановил принимать их в лоно Церкви, согласно их желанию, не подвергая иному наказанию, как только церковному десятилетнему покаянию (8). Никогда Церковь первых трех веков не преследовала еретиков, предоставляя им полную свободу. Она увещевала тех только, кто сам обращался к ней за словом объяснения, и если ее увещевания были безуспешны, то ограничивалась отлучением.

Годы ее торжества омрачили ее историю. Они сделали ее нетерпимой и к своим, и к чужим.

Императоры Диоклетиан и Максимиан, ради спокойствия империи, издали эдикт, осуждавший на костер агитаторов манихейства и тех последователей Мани, которые не отрекутся от своих убеждений.

Раскрывая так называемый «Кодекс Феодосия», принадлежавший императорам IV и V века, с удивлением встречаешь ряд драконовских законов против ереси, готовый материал для монахов XIII века. Император Феодосий (379— 95) написал пятнадцать из них, положив этим основание позорному зданию инквизиции. Он протянул дружескую руку римскому олигархическому духовенству и, боясь усиления последователей Ария, омрачил позором насилия и преследования христианскую Церковь, назначение которой было действовать словом убеждения. Всякий так называемый католический император считал своей государственной обязанностью следовать его примеру. Это стремление вначале проявилось смутно, слабыми попытками; Константин издал лишь два подобных закона; Валентин I — один, Грациан — два. Но преемники Феодосия I на Западе усердно следуют его примеру. Аркадий издает двенадцать постановлений против ереси; Гонорий, соединивший обе империи, — восемнадцать; Феодосий II — десять; Валентиниан III — три (9).

В свою очередь, арианин Констант II мучил и преследовал католиков.

В продолжение этих ста лет, когда, по выражению Марцеллина, христиане свирепствовали друг против друга неистовее диких зверей (10), не только созрела идея нетерпимости, но и принесла кровавые плоды. Страшные законы против язычников теперь были применены против христиан-некатоликов. У них отняли право собрания. Префекты, преторы, начальники диоцезов получали приказание убивать еретиков, если они не восстановят католических церквей, разрушенных ими. Сперва, а именно в 381 году, грозили еретикам преследованием императорских судей, если они добровольно не отрекутся от своих заблуждений. Вскоре их объявили подлежащими преследованию и суду особых лиц, которые тогда уже назывались инквизиторами и судили по тайным показаниям доказчиков. Такой суд ввел Феодосий I законом 383 года против манихеев (11).

Этот закон останется первым историческим фактом в истории инквизиции, если под ней понимать всякое гонение на ересь вообще.

До сих пор секретный донос принимался только в делах о высших государственных преступниках, где шел вопрос о безопасности империи. Феодосий применил его к тем, кто мыслил иначе, чем господствующая Церковь. Преступления против католической веры были объявлены государственными преступлениями. Это особенно от носилось к манихеям. Их имущества конфисковывались, у них были отняты все гражданские права. Им запрещено было наследовать, продавать, вступать в договоры. Даже по смерти их преследует инквизиция, так гласит закон 407 года. С другими еретиками поступали мягче: подозреваемого в заблуждении увещевали покаяться, и если достигали цели, то ограничивались церковным дисциплинарным наказанием. Иначе угрожало изгнание с огромными штрафами, коп фискация, наказание плетью и ссылка на незаселенные острова. Иногда, как замечено, местная власть могла присудить и к смертной казни. Исполнение декрета лежало ни ответственности начальников провинций и диоцезов, судов,

дуумвиров, декурионов; в случае, если они будут делать послабления, им самим грозили огромные штрафы и различные конфискации (12).

Исторические факты являются отражением идей, господствующих в той или другой сфере жизни. Если к таким печальным последствиям пришла практика древней Церкви, то какое было сознание внутри ее самой по вопросу веротерпимости? Шли ли эти грустные факты рука об руку или в разлад с теорией?

Исходя из евангельского учения, отцы и богословские писатели первых трех веков, преемники апостольских учеников, стояли на его высоте. Они предписывали невозмутимую терпимость не только к иноверцам в христианстве, но даже к язычникам. Одна молитва о заблудших бы к единственным орудием их пропаганды.

Святой Игнатий, патриарх антиохийский, который учился христианству у апостолов, предписывает ефесеянам молиться за язычников. «Они одержимы бременем идолопоклонничества, но надо надеяться, что раскаянием они снимут его и искренне обратятся ко Христу. Страдайте за них и заставьте поучаться примером ваших дел». Он велит остерегаться еретиков. «Вам остается только молиться за них, чтобы они покались. Хотя их обращение и покаяние весьма трудны, но Господь наш Иисус Христос, истинная жизнь наша, имеет власть совершить это». «Убеждай всех о спасении, — пишет он Поликарпу Смирнскому. — Выполняй служение твое, не щадя ни телесных, ни духовных трудов. Заботься об единстве, выше которого ничего. Переноси присутствие всех, как и тебя переносит Господь; терпи всех во имя любви; терпи тех и других с кротостью, если хочешь, чтобы Господь терпел тебя».

Тертуллиан, сам борющийся с ересью в лице Марциала, на этот счет высказывался еще определеннее: «Свобода следовать той или другой вере основывается на праве естественном и человеческом, так как образ исповедания одного лица не может причинить ни зла, ни добра другому. Вера не имеет надобности противодействовать кому-либо, поэтому надо, чтобы она была свободна, а не внушена силою, ибо принесение жертвы должно быть по своей природе действием свободной воли. Если вы принудите нас священнослужить, то не доставите тем ничего приятного вашим богам; они не только не могут возлюбить вынужденные жертвы, но делаются недовольны и сварливы, а сварливость не есть качество божественное».

«Надо обратить внимание на то, — писал святой Киприан Карфагенский, — что Господь не осуждал и не угрожал, а только обратился к своим Апостолам и сказал им: "Не хотите ли и вы идти". Так соблюдал Он закон, дающий человеку свободу идти по пути жизни или смерти».

«Мы никого не удерживаем против воли, — пишет Лактанций, умерший в 325 году, — ибо тот, кто не имеет ни веры, ни благочестия, бесполезен для Бога. Веру должно защищать не убивая, а умирая за нее, не жестокостью, а терпением. Словами, а не насильно возбуждают волю, а ничто не требует столько доброй воли, как религия. Она перестает существовать, как только исповедующий ее лишен воли» (13).

Ничего нельзя сказать более убедительного против насилия над совестью и против системы инквизиции.

Арианство, в лице императора Констанция (351—361 годы) и особенно вандалских королей Гейзериха и Гундериха, первое подало пример гонения на католиков. Не было жестокости, которой не пробовали и не испытывали бы духовенство и арианские государи над ненавистными им католиками. Должно заметить, что никогда в годы своего торжества, последние, по признанию самих ариан, до подобного изуверства и ожесточения не доходили. Церкви и католические монастыри жгли; людей истязали, кому отсекали руки и ноги, кого убивали; девиц, женщин жгли медленным огнем и потом клеймили; непокорных толпами отправляли в африканские степи, предварительно изувечив. Вандалские истязания вошли в пословицу; героями их были ариане^{*1}.

Об этих гонениях епископ Виктор написал целую книгу, рассказывая, как король Гундерих кидал в ямы сотни живых людей. Епископы арианские, Георгий, Север, Люций, были главными начальниками и агитаторами.

Афанасий Великий высказал свой смелый протест против дикого насилия. «Где может быть свобода убеждения, — спрашивал он, — когда все управляется страхом перед императором? И какую силу может иметь голос убеждения, когда за противоречие ссылают или казнят?»

^{*1} В реальности настоящие гонения против православных происходили при короле Гундерихе (477—484 гг.). При последующих королях вандалы ищут компромиссы с православными.

Святой Иллариус, бывший епископом Пуатье, сам страдавший от ариан, подает высокий пример прощения и терпимости. Он пишет по поводу своей фригийской ссылки арианскому императору, что «мир не может быть водворен иначе, как ежели все, освободясь от всякого рабства, получают возможность жить по своему убеждению. Если и ради истинной веры будет применяться ваша власть, то неужели не воспротивятся вам епископы и не скажут: Бог — творец мира, Он не нуждается в вынужденном послушании и не ищет его» (14).

В это же время святой Мартин Турский уговаривал в Туре императора Максимиана пощадить жизнь Присцилла, предлагая осудить его только на низложение и изгнание; его ходатайство, как известно, не увенчалось успехом. Присциллиан был казнен в отсутствие епископа (15). Эту казнь духовенство встретило общим негодованием; она шла вразд с духом терпимости. Было делом новым и неслыханным, чтобы светские судьи брались за церковные дела.

Святой Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст также проповедовали в годы торжества Церкви с кафедр прощения и кротость:

«Следует опровергать и отстранять от Церкви все нечестивые догматы, распространяемые еретиками, но людям должно прощать их заблуждения и молить Бога об их обращении. Христианам не дозволяется уничтожать эти заблуждения принуждением и силой; они могут вести людей к спасению только убеждением, разумом и любовью»

Таких воззрений единодушно держались отцы и учителя Церкви до IV века.

Но в начале V столетия в Западной Церкви повеял новый дух. От одного из христианских богословов послышалась проповедь гонения и насилия. Факты, уже существовавшие на практике, нашли себе незаконные оправдания в теории. Этот новый голос принадлежал Августину. Римская Церковь канонизировала этого богослова и сопричислила его к числу своих отцов.

В молодости Августин был манихеем. В тридцать два года он обратился в католичество и стал преследовать всякую ересь с ревностью неопита. Были годы, когда и он был сторонником терпимости. Но в своей гиппонской епархии он должен был вступить в борьбу с фанатичными еретиками, которые всюду окружали его. Между ними особенно выделялись сперва донатисты, а потом пелагиане. На тех и других он после мер увещевания поднял гонение, призвав на помощь светскую власть. Августин был фанатичен и самолюбив, успех слишком пленял его, чтобы епископ не стал на сторону тех решительных мер, которые легко ведут к его достижению. Он стыдился своей прежней умелости и терпимости.

«Я был неопытен и не понимал, какая от этого может произойти безнаказанность зла, и не догадывался, какое обращение к лучшему может произвести применение дисциплины» (17).

Вот первые звуки проповеди насилия. Августин в глубине души своей не потерял сознания позора таких мер и предпочитал слова убеждения, но тем не менее решился допустить в Церкви новый принцип, так успешно и блистательно усвоенный Римом (18). Он не советовал проконсулу казнить донатистов, но лишь потому, что вследствие больших казней поднимется ропот против духовенства, как против доносчиков и виновников истребления, что оно будет в сильной опасности и что, наконец, некого уже будет привлекать к суду проконсула (19).

Он стал казуистически оправдывать насилие: отцы наказывают своих детей, поучая их, Бог в своем милосердии так же поступает с людьми. Строгость — та же любовь. Любить надо и друга, и врага. Еретик — враг, но он погибает, тонет, христианское учение требует спасти его; конечно, лучше прибегнуть к силе и удержать его на краю пропасти, чем допустить до гибели. Гибель духовная еще ужаснее — она преследует и в загробной жизни. Зло не в насилии, а в допущении равнодушия и снисхождения к судьбе погибающего. Наказать, истязать еретика, — значит воздать ему любовью; оставить его в заблуждении, хотя бы после бес полезных усилий, предоставить самому себе, — значит на нести ему зло, вопреки евангельскому учению.

Так, гонение явилось заветом Евангелия; терпимость — преступлением против веры. Если не на всех действуют на казания, если иные до самой смерти остаются при своих убеждениях, то не следует же отказываться от излечения болезни, если есть несколько неизлечимых. Оружием так же излечения служит светская власть, умеющая владеть светским мечом.

«Власть, вверенная Цезарям, должна служить прежде всего на защиту дела Божия, — вторил Августину его друг Амвросий Миланский, — и на очищение людям пути к небу. Только единая истинная вера может быть исповедана во владениях христианских государей. О терпимости к язычникам, евреям, еретикам и врагам Церкви не можем быть и речи. Если люди, власть предающие, не преследуют преступников, то они их соучастники, а какое же преступление может быть важнее того, которое совершается против Высшего Существа? Эти меры

преследования и наказания если не уничтожат зла, то воспрепятствуют ей дальнейшему проявлению и, во всяком случае, подавят соблазнительный пример».

Августин в знаменитом споре с пелагианами отнял у человека всякую свободу воли. Мир в его «Граде Божьем», где в жертву логике приносилось все остальное, представлялся разделенным на праведных и неправедных. Одних Бог предопределил к бесконечному блаженству, а других осудил на вечную смерть. Исключения не может быть: один наследники благодати, другие сыны осуждения. Не кат-лики, и тем более язычники, не могут быть добродетельны и никогда не попадут в первую категорию. Их добродетель греховная, лучшие из язычников — служители славе, следующие злему побуждению; они от мира, а «всяко еже но от веры, грех есть»; они навсегда лишены благодати, а без нее не может быть добра, даруемого только Господом.

Такое учение служило прекрасным подспорьем оправданию нетерпимости, делавшейся благодетельным средством спасения, целительным лекарством, которое приводит человека, хотя бы против его воли, к духовному здоровью, причисляет его к тем, на кого может снизить благодать.

«Позволяет ли Евангелие такое понуждение личности против ее воли?» — спрашивал сам себя Августин. И отвечал... положительно. Он основывался на притче Спасителя о гостях званых и избранных, в которой господин приказывает рабу идти по дорогам и изгородям и, кого встретит, убедить прийти к нему, чтобы наполнился дом его, так как оставалось еще свободное место^{*1}. Выражение «убедить прийти» было с намерением неверно переведено: «compellere intrare» — заставить, понудить войти. На этих словах, как на священных, окончательно утвердился Августин в своих доводах. Видимо, переводчик руководился в своем переводе тем духом нетерпимости, который успел проявиться тогда в Римской Церкви, но это знаменитое выражение «compellere intrare» обречено было сыграть свою историческую, печальную роль. Оно стало как бы моральной опорой инквизиции, ее аргументом, исходным мотивом ее апологетов.

Замечательно, что эта теория созрела одновременно с фактом гонения еретиков. Августин считается у католиков величайшим богословом. Он, можно сказать, создал, изложил, если не завершил католическую догматику. Он считается в Западной Церкви высочайшим авторитетом. Его суждения и воззрения — изречения оракула; отступить, уклониться от них — значит быть близким к ереси. Он оказал такие великие услуги католицизму своей борьбой, жизнью и своими замечательными сочинениями, что связал неразлучно с ним свое имя. Понятно, какое обаяние оказывала на позднейшие поколения, потерявшие основы цивилизации, эта талантливая защита нетерпимости, достойная по своей энергии лучшего применения. Сотни лет она продолжала воспитывать их. Понятно, что святейшая инквизиция Лангедока и Испании всегда искала в сочинениях Августина главную основу своих доводов.

Светская власть, в свою очередь, следуя примеру Феодосия, прозванного Великим, этого императора половины вселенной, знаменитого законодателя и устроителя государства, спешила оказать требуемую поддержку духовенству. Папа Лев I провозгласил, что «власти нужны в среде Церкви для того, чтобы то, чего священник не может сделать проповедью учения, они выполняли страхом наказания» (20). Римская Церковь брала на себя обязанность судить, а властям предлагала быть палачами.

В этот-то решительный момент в Церкви проявляется внутреннее, еще малозаметное разделение на две половины. Восточная Церковь не стремится к созданию внешнего выражения единства, подобно Римской; она довольствуется единством внутренним, основанным на духе любви и веры. Она не знала классической традиции единообразия форм, традиции глубоко древней, и не намеревалась организовать политической корпорации из общества верующих духом; она не стремилась к государственным идеалам. Между тем как Римская Церковь усваивала воинствующий тип и, встречая на пути светскую власть, старалась подчинить ее себе как орудие для личных целей, ревниво наблюдая за ее силой. Восточная, занимавшаяся разработкой догматов, бросила из рук всякое оружие, еще задолго до фактического разделения, и добровольно предоставила императорской власти охранение своего внешнего единства. В то время, как римские первосвященники старательно и даже резко делили обе власти, в Византии они смешивались. Восточные императоры, смело издавая церковные законы, мало помалу подчинили себе патриархов, затмили их в блеске своего добра. И хотя власти не вмешивались в вопросы богословские, но ход событий вынуждал их быть покровителями и защитниками веры — тем самым

^{*1} См. Евангелие от Луки XIV, 23.

они уничтожали возможность образования на своих глазах особой воинству ющей церковной силы, которая могла бы выступить против кого-либо под знаменем креста.

Поэтому на Востоке не было ни почвы для инквизиции, ни данных для ее осуществления. В Восточной Церкви развился иной дух, нежели в Римской; ее императоры, правда, продолжали жечь мятежников даже в IX столетии, но сама она не была способна предпринимать крестовых походов в дальние страны во имя Христа, не решалась обращать чужеземцев в своих слуг силой меча. Зато, отказан шись от господства над событиями, она и не имеет блестящей истории католицизма. Различные по духу, обе Церкви, естественно, должны были разделиться, особенно ког да папы приняли наступательное положение и заговорили тоном властителей.

Отчего возможно было появление факта инквизиции в Римской Церкви? В чем сила и опора этого учрежде ния? Для уяснения этих причин надо бросить сжатый взгляд на рост папской власти. В продолжение трех столетий, современных самой печальной эпохе истории чело вечества, влияние римских первосвященников, а с ними и западного духовенства успело окрепнуть. Но это не значило, что у них была какая-либо власть. Папство крепло, когда народы волнами сметали друг друга, коиш Европа обливалась кровью во всех своих пределах, коиш пылала и разрушались ее города, когда гибла образован ность и исчезали с лица земли памятники античной ми вилизации, когда молитва и предсмертное покаяние стали единственным утешением, а монастыри единственным и безопасным приютом. Сам бич Божий с почтением неког|да остановился пред папой. Папы под маской духовного надзора захватили правительственное влияние в Италии и отстранили восточных императоров, владевших ею с VI века. Назвавшись первосвященниками, римские епископы получили от варварских королей множество привилегий вместе с независимой юрисдикцией, включавшей гражданские отношения. Общее невежество присвоило им столь могучее влияние на западное христианство, что в VIII столетии папа стал в глазах государей и народа действительным наместником Святого Петра и властвовал не только в церковных делах, но и в мирских.

Светская власть, с готовностью предлагавшая священникам свои услуги, между прочим, неосторожно занесла меч сама на себя. Это обстоятельство важно для истории инквизиции.

Пипин Короткий просил папу Стефана II освободить французов от присяги последнему Меровингу*¹. Папа исполнил и другое желание франка, в 754 году короновав его в Сен-Дени. Пипин даже не предвидел, какую жалкую участь он готовит своим преемникам и европейским государям, отдавая их в руки и в опеку Риму. Отныне князья должны были стать усердными слугами папского престола, слугами его идей, исполнителями его повелений — все это из опасения повторить судьбу Хильдерика. Страх разрешения от присяги подданных не раз впоследствии уничтожал всякую энергию королей и делал их простыми орудиями западной Церкви, ратоборцами ее терпимости.

История альбигойцев переполнена такими примерами. Католики чуждались каждого отлученного, как зачумленного. Повиноваться ему казалось грехом. Анафема церковная прежде назначалась за одну ересь, и потому на вского отлученного государя подданные смотрели как на еретика.

Должно заметить, что немаловажное значение в этом слепом страхе галло-франков имело старое друидическое поверье. Еще кельтские жрецы воспитали галлов в этом чувстве отвращения к отлученному (21). На него смотрели как на нечестивца, покинутого богами, с ним нельзя было иметь никакого сношения или тем более общения из опасения навлечь гнев неба и лишиться сообщества людей. Покинутый на произвол судьбы, словно зараженный, отлученный являлся живым примером зла, происходящего от неповиновения духовной власти. Это поверье, перешедшее из языческого мира в христианский, было тщательно охраняемо духовенством как подспорье, поддерживавшее его влияние. Запасшись столь прочным и столь широким пра вом отлучения, папство редко имело повод применять его в религиозных делах. Оно всецело воспользовалось этим ору жием уже во времена альбигойства.

Первосвященники, современные Карлу Великому, держались самой кроткой политики относительно светской власти. Папы, заручившись обладанием территорий, казалось, не обещали узурпации в будущем. Всем обязанные личной дружбе императора, папы терпеливо сносили его прихоти, притеснения и величали его самыми льстивыми эпитетами. В свою очередь, император в 789 году на народ ном собрании в Ахене издает церковный капитулярый, где, обращаясь к

*¹ Хильдерик III (743-751 гг.).

священникам, предлагает им «усовещевать, убеждать и даже принуждать всякого, чтобы он следовал твердой вере и правилам отцов» (22).

Храбрый завоеватель, Карл Великий плохо понимал, что говорили эти отцы. Смутно предчувствуя появление иноучителей, он грозил им адом, а духовенству предписывал поучения. Принужденные лстить ему, папы знали, что не все время на престоле будет этот страшный, ими жг венчанный император. Время оправдало их предположения, и папство тотчас переменяло тон после его смерти. Наследник могучего Карла — раб Церкви, и вот Григорий IV в 838 году смело и громко провозглашает независимость духовной власти от светской. Друзья франкского вождя освободились от всякого надзора; им сопутствует успех, а от успеха растет их авторитет. Их могущество, как часто бывает в жизни, скоро становится крепким одной традицией; к могуществу пап начинают привыкать.

А Николай I, не разбиравший средств, пускает в ход так называемые лжеисидоровские декреталии, где говорится, что папа — единый наместник Христа на земле, общий вла дика всех Церквей, что лишь от него возможно законное назначение и отречение епископов, что лишь ему подсудны все духовные чины, что лишь он может созывать соборы, самая власть которых исходит от него же.

Стройными и резкими формулами начинает создаваться каноническое право Римской Церкви; упрочивается положение и неподсудность духовенства мирянам.

При Иоанне VIII Рим смело вмешивается в политические события. Обещанием короны Карлу Лысому от светской власти, которая так высоко была поставлена Карлом Великим, добиваются торжественного заявления, что императорская корона переходит не по праву наследства, а по воле святейшего отца — папы. Эта важная грамота, подкрепившая идею римской нетерпимости, подписана днем Рождества 875 года. Тот же Карл Лысый после своего коронования, признает за римским епископом именование «*papa universalis*» (отец вселенский), подчиняя ему этим все другие Церкви и номинально даже восточные патриархии.

Но одного такого заявления было недостаточно, чтобы идея, торжественно высказанная, привилась к жизни. Для этого требовалось время и великие люди, способные поднять ее и осуществить. Чем более папство поднималось на такую политическую высоту, тем нетерпимые делалось оно к проявлению всякой самостоятельной мысли, несогласной с догмой, переданной Августином и другими ее отцами. Когда бенедиктинский священник Готшалк осмелился высказать иное воззрение на предопределение, то архиепископ реймский сперва старался обратить его, а после собрал собор в Керси на Уазе в 849 году из восемнадцати духовных лиц, и на нем отлучил виновного, как упорного еретика. Готшалк лишился священства, на основании правил его ордена, и постановлением агдского собора был наказан сотней ударов плетью и заключен в темнице аббатства Отвилльер. Карл Лысый, бывший тогда еще франкским королем, лично присутствовал при экзекуции и приказал сжечь сочинения осужденного (23). Это было в то время, когда политический мир, погруженный в ужасный хаос, представлял собой военный лагерь и когда на свете, по искреннему выражению Нитгарда, «не было ничего, кроме бедствий и несчастий» (24).

Понятно, что впоследствии, когда войны, возмущившие страдавшую Европу, несколько улеглись, когда уровень образования невежественного высшего духовенства несколько поднялся, а авторитет папства упрочился в умах, Римская Церковь получила гораздо большую возможность управлять движением мысли среди своих паств и карать за уклонения в области религиозной.

Памятники не оставили нам фактов касательно развития инквизиционной идеи в X столетии. Риму было тогда не до вопросов и не до интересов веры. Могучая власть людей, назвавших себя наместниками Христа, стала ничтожна и долгое время даже не проявлялась. С 891 года наступает самое тяжелое время Римской Церкви, — какое только она переживала в христианский период. Графы тускуланские и князья Крешенци, укрепившись в своих домах, дерутся за обладание замком Святого Ангела и произвольно распоряжаются народным собранием, а через него и папским престолом; пап то сажали, то сталкивали. Ужасное состояние курии, а через нее и всего духовенства, обуславливалось в это время самим положением пап, как номинальных государей своей области. Целый ряд нравственно развращенных личностей в продолжение полутора столетия сидит на первосвященническом престоле.

Тиароносцы как бы готовились подорвать тогда всякое доверие к папскому авторитету, только что утвердившемуся в умах варваров-победителей. Мрачные картины азиатских деспотий развертываются в христианском Риме. Короткие заметки летописцев превращаются в ужасающие сцены под пером протестантских историков. Редкий папа не погибал тогда от интриг, над редким

первосвященником политические враги не совершали самых диких истязаний, даже трупы не избегали посягательства. Владычество наглых женщин, коварство, оргии мести, убийства, яд, святотатство, кощунство были обыкновенными явлениями в эту эпоху.

«Латеранский дворец, — говорит современник, — был местом публичного разврата и вместилищем порока» (25). Понятно, что распущенность нравов и чувств всего латинского духовенства была полнейшая. Духовенство было тесно связано своими землями с бытом других сословий; в руках его, по духу времени, был посох и меч. «Добрый воин в походе и лучший пастор в народе», было даже идеалом, но в действительности прелаты не думали о своих духовных обязанностях. «Это не епископы, а тираны, окруженные войском; с руками, запятнанными неприятельской кровью, они приступают к совершению таинств».

Епископские должности на всем Западе продавались с публичного торга. Император германский назначал торги и своим дворце, даже во второй половине XI столетия; желающие набавляли цену один перед другим.

«Продавец иногда и не мечтал о том, что предавалось ему покупателем; реки богатства, сокровища Креза были в руках монахов». До церковных ли догматических вопросов было тем людям, которые заняты были лишь тяжбами да прибытком, драли проценты, продавали церковную утварь, продавали самое отпущение грехов. Не все они знали даже «Верую», не все понимали то, что читали, многие ограничивались только чтением по складам. Епископ бамбергский, например, не мог даже перевести латинского псалма, а не то чтобы разъяснить по смыслу (26).

В разнузданности и грубейших удовольствиях протекала жизнь духовенства и в холодной Англии, и в теплой Италии. Их жилища, по их собственному сознанию, считались домами разврата и вместилищем всяких нечистот; сами церковные алтари не были избавлены от того. Бенедикт VIII на соборе публично говорил, что служители Божий «безумствуют в изнеженности».

Но это повальное зло, которое возмущало честную душу клюнийского монаха Гильдебранда, исходило из соблазнительного примера Рима. Когда продавались аббатства и епископства, продавался папский престол, а с ним и вся Римская Церковь (28). Мы привели факты, от которых не отпираются и католические историки. Последние смущаются, говоря об этой эпохе.

Пользуясь этим временем, альбигойская ересь из юго-восточных пределов Европы, пройдя Италию через посредство патаренов, показалась в южной Галлии. Она шла под знаменами манихейства, за которое прежде жгли и на Востоке, и на Западе. Это было в последние годы X столетия. После изложенного понятно, что дуализм встретил на Западе самые благоприятные условия. Учителей в господствующей Церкви почти не существовало. Ее великие богословы давно вымерли. Почти некому было вступить в серьезные дискуссии с сектантами, которые, будучи фанатически убеждены в своей правоте, проповедовали с пылкостью, увлечением и талантом. Сердце на фоне общего разврата искало веры в лучшее и надежды. Католические священники не могли поучать первой и не были способны внушить вторую. Из-за этого многие из французского духовенства, введенные в сомнение, смутно понимавшие догму, сбитые с толку, сами стали адептами дуализма. Потому, например, в реймской епархии при посвящениях было постановлено давать клятву, что посвященный не разделяет убеждения еретиков. Это была единственная административная мера против ереси. Целых тридцать лет католическое духовенство было в каком-то онемении. Фактически в это короткое время существовала терпимость, но причинами ее были не осознание, не принцип, а внутреннее и внешнее бессилие, результат условий, изложенных выше.

Но вот в первой половине XI столетия черная картина состояния духовенства проясняется. Клир просыпается, будто чувствуя близкую опасность. Его болезненный, летаргический припадок начинает проходить. Наступил кризис. Тогда первым движением этого больного было взять в руки меч и грубой силой внушить страх дерзким, потревожившим этот вековой сон. Лиможский епископ Геральд первый принимает карательные меры против еретиков. Но он не имеет успеха. Он кидается на евреев и троих из них обращает силой и убеждением в христианство; множество остальных ссылает. В 1020 году или около того, в первый раз на площадях Тулузы разводили огонь для еретиков. Современный хроникер, лемузенский монах, довольно спокойно занес этот факт в свою летопись (29). Он не предвидел, что с того дня началась вековая история инквизиции с ее ужасами и с ее роковым влиянием на авторитет Римской Церкви.

Эти первые альбигойские еретики погибли геройски; они не отреклись от своих убеждений. Но история не сохранила их имен; известно только, что их было много. Через два года

те же сцены происходят в Орлеане. Мы имели случай описать их подробно. Тут пострадали лучшие люди Орлеана, но что всего замечательные, все тринадцать сожженных раньше были католическими священниками. Один из них был даже духовником королевы. В ту эпоху энергичные натуры делались или мистиками или развратниками. Талантливейшие из духовных лиц, не встречая удовлетворения сердечной потребности в условиях и обстановке своей религии, смело и с большим самоотвержением предавались тому учению, которое в своих основаниях требовало подвига аскетизма и взирало на земную жизнь как на со здание дьявола.

Потому-то с таким достоинством Лизой, Гериберт и их товарищи держались пред судьями и с таким геройством умирали, внутренне наслаждаясь своими мучениями. Про чие последователи катарства в Орлеане, тогда же привлеченные к следствию и отрекшиеся, подверглись менее же стоким наказаниям. Произвели суд и над мертвыми; труп одного, оказавшегося еретиком, был выкопан и выкинут с территории христианского кладбища.

Костры и наказания не могут уничтожить заблуждения Огонь только гонит его по другому направлению. Раз встань на эту дорогу, Римская Церковь должна была надолго, если не навсегда, обречь себя на служение мечу и нуждаться в услугах палачей. Ересь, подавленная в Орлеане, проявилась одновременно по всей Галлии, особенно в Шампани и Лангедоке. Епископы чуть ли не ежегодно должны были собирать соборы и произносить свои обычные формулы отлучения.

Во всей Римской Церкви нашелся только один голос, требовавший снисхождения к заблудшим, по учению Евангельскому. Это был лютихский епископ Вазон. «Бог ищет не смерти еретика, — писал он шалонскому епископу, — а его жизни и покаяния, он не спешит судить, а выжидает терпеливо. Епископы должны подражать примеру Спасителя, который был кроток и смирен сердцем и который, не отмщая, вынес козни врагов своих. Вместо того чтобы казнить еретиков, надо ограничиваться их исключением из общества верных и изыскивать в то же время возможность и средства вернуть их к познанию истины» (30). Вазон следовал двум замечательным примерам: своего предшественника Регинальда и Герара, епископа Камбрэ, которые в 1015 году мерами кротости сумели подавить ересь в своих епархиях.

Дуализм частью был принесен во Фландрию итальянскими миссионерами, частью проник сам собою через ткачей, которые приходили партиями во Фландрию и обратно. Последние, трудясь изо всех сил, всегда испытывали горькую нищету; они были удобной жертвой всякого сильного, предметом отвращения для феодалов и их дружин. Их обирал и бил всякий, кто хотел. Они и сами, вследствие безысходной бедности, могли дойти до мысли, что этот несчастный, так гнетущий их мир, создан дьяволом. В Аррасе их появилось довольно много.

Как бы то ни было, но власти напали на след альбигойских миссионеров. Главного из них звали Гундульф. Они хотели скрыться из Арраса, но их схватили, посадили в тюрьму, пытали и ничего не узнали. Только признания малодушных последователей несколько приподняли покров с этого темного доселе альбигойского учения. В ближайшее воскресенье епископ Герар решил сделать публичный суд; сопровождаемый всем городским духовенством, он пришел с крестным ходом на площадь пред церковью и велел привести еретиков. Сказав проповедь народу, он стал вслух расспрашивать еретиков об их учении. Он понял из их исповеди, что новая религия враждует с католической и богослужебным культом, с почитанием святых и икон, но объяснить свою догматику виновные были не в состоянии. Они проявляли склонность к аскетизму, что было в глазах епископа непредосудительно. Должно заметить, что люди из низкого сословия только недавно сами познакомились с катарством. Их наставники были тут же, но умели скрыть свои истинные убеждения. Епископ стал доказывать подсудимым их заблуждения; они, видимо, убедились и просили прощения. Они отреклись от ереси и без всякого наказания тут же были отпущены и объявлены прощенными (31). Это вряд ли заставило Гундульфа сделаться католиком.

Необходимо отметить, что эти два примера терпимости известны как исключения.

Папский престол, который только что был пробужден реформаторскими мерами Гильдебранда, отнесся также довольно мягко к ереси Беренгария Турского. Престарелый архидиакон анжерский, этот праотец протестантизма, своим учением о пресуществлении сильно смутил Рим. Он писал, что хлеб и вино есть лишь изображение тела и крови Христова; он восставал против брака и крещения детей. Во французских монастырях он имел множество приверженцев. Знали также и то, что за ним готово идти много священников. В другое время Рим при бегнул бы к крутым мерам, теперь же Лев IX ограничился одним осуждением Беренгария на соборах в Риме и Верчелли в 1050 году. Виктор II, через пять лет, в Туре, заставил Беренгария дать письменное отречение. Когда же он продолжал проповедовать, то в 1059 году в Риме

принудили его дать новое отречение, произнесенное им с большою торжественностью. Отказавшись от убеждений, он сохранил свою жизнь.

Возвеличение папского престола при Григории VII не могло не остаться без решительного влияния на идею нетерпимости. До сих пор она в своем применении не обнаруживала никакой системы. Судьбы еретиков и их учений зависят, как видели, от личного характера прелатов, которые приходят с ними в столкновение. Сами папы казались новичками в деле борьбы. Они отвыкли от сознания своей силы. К концу XI столетия картина поразительно меняется.

Григорий VII застал духовное и светское общество в полном нравственном падении, а оставил преобразованное духовенство и с ним примеры нравственной крепости и живительной веры в добро для тех, кто стал бы искать новой жизни. Папский престол, бывший доселе игрушкой нобилей, он возвел на небывалую высоту; он сумел стать жестоким судьей над царями. Можно сказать, что он построил теократическое государство, насколько оно вообще было возможно в Европе. Самым могучим и гениальным его преемникам оставалось только следовать живому примеру.

Каковы бы ни были цели Григория VII, он заботился не о личных интересах. В то время только один теократически-религиозный принцип мог властвовать над порядком вещей. Он был уже не на месте, уже ненормален, например, в конце XIII века, когда развились другие институты, когда благотворные силы, силы порядка и мира заключались в коммунах, в королевской власти, в началах классического права, в преобладании экономических мотивов, наконец, в той образованности, которая уже стала заявлять себя в литературных памятниках. Папская диктатура исторически подходила под условия IX—XII столетий; только начало авторитета, опиравшегося на заветы евангельские, могло ладить с развращенными людьми того времени. Нельзя сказать, чтобы Григорий VII ратовал за нетерпимость Церкви, но что она была присуща его духу, доказывает его мысль о крестовом походе, который был тем же насилием.

Преемники Гильдебранда не могли удержать духовенства на высоте его воззрений и тем допустили новое развитие и обновление ереси, которую думали подавить насилием. Напрасно раздавались голоса святого Бернара и святой Хильдегарды, требование убеждать, а не принуждать еретиков — светские князья в Лангедоке и в других местах принимают сторону еретиков, не позволяют сажать их в тюрьму и предоставляют прелатам довольствоваться анафемой на еретиков с покровителями и укрывателями вместе. Церковь сама позорит себя в глазах светской власти. Она прихотливо стала налагать отлучения уже вовсе не за церковные преступления, не за ересь, а за чисто светские проступки, так что голоса против такой узурпации раздавались внутри самой Церкви (32).

Стремясь исключительно к господству над государствами, ведя светскую жизнь, папы и прелаты снова лишились всякого уважения в глазах народа. Они давали индульгенции не только крестоносцам, которые часто позорили самое имя христианства своими «подвигами» в Азии, но и тем людям, которые могли оказать им личные услуги.

Самый факт крестовых походов поселял в неразвитых умах идею о необходимости меча в делах веры. Между тем свою догму Церковь ревниво оберегала, вмешиваясь в философскую борьбу номинализма. Так, она осудила в 1121 году трактат Абельяра о Троице и определила сжечь его по примеру арианских книг.

С падением католического авторитета в Лангедоке и Италии ересь усилилась до крайности. В Германии случаи ереси были одиночные, хотя костры с катарами пылали и в Кельне (1146 и 1163 годы) и в Бонне. В Альби папского легата еретики встретили шутовской процессией и оригинальной музыкой; они сидели на ослах и звонили в колокольчики. Только тридцать человек присутствовало на его мессе. Святой Бернар в 1147 году нашел церкви на Юге в запустении, а священников в презрении и ссылке.

Реймский собор 1157 года издал суровые постановления против еретиков; альбигойские духовные лица осуждались на вечное заточение, а их последователей было ведено клеймить раскаленным железом. Те подсудимые, которые хотели бы доказать свою невинность, должны были подвергнуться огненному испытанию (33). В позднейших столетиях это стало бычной инквизиционной практикой.

В Италии лучше знали мирские стремления и слабости римской курии, чем где-либо в Европе. Потому протест против светской власти священников начал зарождаться в самом Риме.

Папа Адриан IV был изгнан. Десять лет владычествовал в Риме Арнольд Брешианский, ученик Абеяра. Но он был еретик. Император явился на помощь папе, и Арнольд погиб в пламени^{*1}.

В Милане еретиков оказалось больше, чем католиков; городские власти, будучи патаренами, не позволяли принимать против них карательных мер. Сам архиепископ погиб в соборе во время проповеди, как думают, от руки еретиков (34). В Витербо все население приняло ересь, а в контраст тому благочестивые жители Сполето кричали во время битвы: «Смерть патаренам и гибеллинам!».^{*2} В Орвието одно время еретики даже овладели управлением, но в городских междоусобицах были побеждены католиками. Позже, там же, две женщины явились проповедницами ереси и снова увлекли многих. Они спаслись, но в 1163 году схватили их последователей и присудили кого к виселице, кого к изгнанию (35). Однако явился новый пророк и снова посеял ересь.

Во Флоренции ересь также сделалась знаменем политической партии с 1173 года; обыкновенно именно туда эмигрировали гонимые катары. Короче, в итальянских городах успех ереси и меры к ее подавлению определяют ход борьбы городских партий. Духовенство часто бывало просто бессильно. Все, что оно делало, делало урывками, приспособляясь к духу правительства, народа, курии, папы. Его действия были лишены системы.

Но в эти самые годы начинают появляться первые попытки к утверждению такой системы. Они начались с проповеди поголовного истребления. В 1179 году на третьем латеранском соборе, созванном папой Александром III (тем самым, который таки победил непобедимого Барбароссу) по поводу провансальских дел, между прочим было сказано, что хотя Церковь, по мысли папы Льва Святого, отвергает употребление кровавых мер против еретиков, но все же она не должна отказываться от того содействия, которое стали бы оказывать ей светские государи для наказания еретиков, ибо страх наказания может служить спасительным лекарством для души, как думал святой Августин. Потому папа и собор, как бы упреждая последствия своего решения, постановили отлучить теперь же всех еретиков и их защитников. У католиков прерываются с ними всякие сношения; свободные от своих обязательств и клятв, они могут поднять оружие против них; им обещано было полное прощение грехов. Синьоры могли обращать в рабство своих вассалов и овладевать их имуществом, если последние были еретики.

Папа давал индульгенции на два года тем верующим, которые поднимут оружие против еретиков, предоставляя им грешить это время; епископы могли увеличивать этот срок по своему разумению. Погибшие в той войне заранее получили привилегию быть разрешенными от своих грехов на Страшном Суде. Воители и каратели ереси нашивали на свои одежды тот же крест, как те воины, которые шли на мусульман. Защитники Церкви, те и другие, были под одинаковым ее покровительством (36).

Крестовая война с еретиками была в сущности политическим завершением развития идеи нетерпимости. С того момента, как нетерпимость чужого мнения была признана необходимостью для существования Римской Церкви, когда жгли даже книги Абеяра, ей оставалось увенчать эту идею войной. Запад делился по религиозным убеждениям на две стороны; жребиею оружия было предоставлено решить правоту той и другой. К тому же в умах людей и правителей тогда созрело понятие о необходимости вмешательства светской власти в дела совести. Приводили обыкновенно четыре довода, странные теперь для нас, но весьма убедительные для людей того времени. Они опирались на историю и на пропаганду католицизма. Во-первых, всякое правительство обязано предупредить раздоры, междоусобия и беспорядки, которые почти всегда порождают в государствах религиозные несогласия. Во-вторых, христианский государь должен блюсти за чистотой веры, следовательно, не относиться к ней с позорным равнодушием, а устранять еретическую заразу и даже неправильные толкования религии и ее обрядов, наконец, неуважение

^{*1} В 1143 году в Риме была установлена республика неимущих. В 1145 году во время междоусобной брани был убит папа Луций II. В период правления Евгения III (1145—1153) и Анастасия IV (1153-1154) Рим был фактически независим, управляясь нововыбранным сенатом, находившимся под влиянием Арнольда. В 1154 году новый папа Адриан IV был изгнан и вернулся в Вечный город вместе с войсками Фридриха Барбароссы.

^{*2} Это происходило при папе Александре III (1159—1181). В то время патаренов и гибеллинов (сторонников императорской власти) действительно часто отождествляли ввиду их оппозиции Риму.

ее, с той же энергией и теми же мерами, как если бы все это было нарушением государственных законов. В-третьих, если закон преследует поношение величества и оскорбление государства, то не следует ли с гораздо большей карой относиться к тем, кто поносит и оскорбляет Бога и святую веру, ибо Божие величество бесконечно выше императорского и королевского. В-четвертых, благотворная строгость законов против еретиков и разнообразные наказания против них служат побудительной мерой для того, чтобы они обратились к Церкви и познали истину; без того, может быть, они никогда не оставят своих убеждений.

Известно, что первые походы, предпринятые на Лангедок кардиналом Генрихом, епископом Альби, во главе значительной армии, не достигли цели. Еретики между тем владели целыми городами в Италии, на глазах папы. Когда Луций III, прогнанный римлянами в 1184 году, думал наши прибежище в Вероне, то увидел этот город переполненным патаренами. С ним прибыли все кардиналы курии, сюда же съехалось множество прелатов. Это несколько не обеспокоило еретиков. Папа воспользовался случаем открыл, собор. Здесь-то и была сделана попытка возложить на дух о венство чисто полицейские обязанности. Епископы дол ж ны были два раза в год объезжать свои епархии, высматривать еретиков, в городах и деревнях, брать присягу с зажиточных лиц в том, что они будут доносить на тех, которые будут чем-либо заподозрены в исполнении требований. Все эти обязанности епископы могут возлагать на архидиаконов и на надежных священников. Уличенных в ереси веле ли предавать светскому суду для казни; вместе с тем светской власти предписывалось точное и неуклонное содействие к разысканию еретиков, князьям под страхом отлучения и лишения земель, городам — под страхом лишения их привилегий.

Если в широком смысле инквизиция давно уже существовала как фактическое выражение религиозной нетерпимости, то как систематическое учреждение она в 1184 году еще не получила общих очертаний своей организации. Луций III предоставил полицейские обязанности епископам, тогда как в основании инквизиции лежит фактическое отстранение епископов. Формы судопроизводства тогда так же несколько не определились.

В Италии светская власть пришла на помощь папству. Гибеллины заключили союз с гвельфами. Император Генрих VI велел издать грозный эдикт против еретиков; он обрекал их поголовно на заточение и лишение имущества, а жилища их, как оскверненные, на уничтожение. Итальянским изгнанникам оставалось спасаться в свободной флорентийской земле. Но в Лангедоке до походов Симона Монфора ересь процветала.

Иннокентий III первый понял, что епископы, получавшие перстень от Раймонда Тулузского, — плохие помощники в деле подавления ереси, покровительствуемой их государем. Поставленные в некоторую зависимость от светской аристократии Лангедока, родом провансальцы, они не могли в точности исполнять постановлений веронского собора. Поэтому Иннокентий отправил в Лангедок двух легатов и двенадцать проповедников. Странно было бы видеть в этой «частной компании» начало инквизиции. Не только отсутствием организации, но и способом своих действий она не походила на то, что разумеют под именем инквизиционного трибунала. История не имеет никакого права предвосхищать затаенные мысли исторического лица и уверять, например, что Иннокентий III разделял в душе то, что создали его преемники. Мы не знаем, что он думал, а знаем только то, что он делал и чего не делал.

Иннокентий III не участвовал в создании инквизиционного трибунала. Соборные каноны, им предложенные и утвержденные, так обильно расточавшие анафемы и отвергавшие еретика из общества людского, согласно правилам и практике католицизма, представляли собой лишь совокупность всего, что дала история Римской Церкви, воспитанной со дня своего рождения в духе нетерпимости.

В тесной связи с этим ложным взглядом находится другой, по которому Доминику приписывалась и теперь часто приписывается роль первого инквизитора. Доминик начал действовать при Иннокентии III; если последний изобрел инквизицию, то, конечно, Доминик был первым из инквизиторов. Самые противоположные между собой историки сходятся в последней мысли, рано занесенной из поля полемики в учебники и справочные книги. Но лишь в буллах Сикста V по поводу канонизации инквизитора и мученика Петра Доминик был назван курией основателем инквизиции. Дело в том, что этот документ, опоздавший на столетие, не может иметь серьезного значения. Под влиянием историко-оптического обмана дела посредственных католиков перенесены на знаменитых предков.

В действительности мы имеем два документа о деятельности Доминика. Оба они в позднейших копиях. В первом от 1209 году Доминик предписывает меры покаяния обращенному

еретику Понсу Роже, объявляя себя простым исполнителем воли легата Арнольда. В другом, от 1214 или 1215 года, он позволяет бывшему еретику носить одежду кающегося, до прибытия кардинала Петра Беневентского (37).

Из одного этого уже видно, что Доминик не имел ровно никакого самостоятельного положения в Лангедоке, что он всегда оставался частным проповедником и подвижником. Он был уполномочен легатами налагать церковные епитимьи и исполнял это дело с замечательной пунктуальностью, доходившей до комизма, в чем, вроятно, не уступали ему и остальные одиннадцать проповедников, между которыми он титуловал себя «малейшим». Вся разница в том, что от последних не дошло никаких документов. Оттого они и не удостоились занять почетного места во главе списка великих инквизиторов, всецело предоставленного одному Доминику, тогда как все его инквизиторство заключалось в том, что он гонял под розгами голых обращенных, что делали всегда и папы, и легаты, и прелаты.

Чтобы фактически и документально разъяснить этот вопрос, важный для начала инквизиции, мы приведем обе упомянутые грамоты Доминика.

«В силу власти, данной аббату Сито, — говорит он в первой из них, — легату апостольского престола, которого мы служим представителем, мы возвратили в лоно Церкви предьявителя сей грамоты, Понса Роже, оставившего по милости Божией секту еретиков. Так как он дал нам клятву исполнять наши приказания, то мы велели ему три следующие воскресенья являться в церковь, причем священник, обнажив его, будет бить розгами на всем расстоянии от городских ворот до церкви. Для покаяния мы налагаем на него на всю жизнь пост и запрещаем ему есть мясо, яйца, сыр и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Тро ицы и Рождества, в которые он может есть все; в знак отвращения от своей прежней ереси, три поста в году он должен воздерживаться даже от рыбы; три раза в неделю, пока жив, воздерживаться от рыбы и вина, допуская облегчение только в случае болезни и изнурительных работ. Он должен будет носить церковное платье и по покрою и по цвету, с двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякий день он будет слушать мессу, если то окажется возможным, а по праздникам и воскресеньям — вечерню. Он в точности должен исполнять утренние и вечерние правила, читать "Отче наш" семь раз утром, десять раз ве чером и двадцать в полночь, жить целомудренно и на стоящую грамоту вручить своему приходскому священнику (в местечке Церера), которому приказываем наблюдать за поведением Роже. Понс Роже должен исполнять в точности все, что ему предписано, до тех пор, пока господин легат не изъявит своей воли. Если же означенный Понс того исполнять не будет, то мы приказываем смотреть на него как на клятвопреступника, еретика, отлученного и удалить его от общества верных».

Документ этот важен тем, что послужил кодексом сип тимий за ересь, которого рабски держались в трибуналах инквизиции, считая его писанным едва ли не перстом Божиим. Что такие грамоты раздавались всем обращенным и всеми «апостолами», это не подлежит сомнению, так как они писались по одному рецепту, освященному практикой Церкви.

В другой грамоте Доминика, где он называет себя «смирненным деятелем проповеди», дается, напротив, облегчение епитимьи.

«Сим извещаем всех, что мы дозволили Раймонду Вильгельму Альтарипе носить дома такое же платье, как и все христиане, так же как и Вильгельму Угунье, который, как нам известно, продолжает носить одежды обращенных еретиков. Эта мера продолжится до тех пор, пока господин кардинал прикажет иначе, нам или Раймонду. Прибавляем, что это распоряжение не должно причинять Вильгельму никакого бесчестия или ущерба».

Тогда Доминик уже имел многих последователей и жил в Тулузе в монастыре Петра Челлани. Он собирался идти в Рим просить разрешения основать новый орден проповедников. Громадный авторитет, который он тогда приобрел между католиками Лангедока своими трудами в обращении еретиков, связи со всеми прелатами, покровительство архиепископа Арнольда, благоговейная дружба к нему Симона Монфора и епископа Фулькона дали ему некоторое фактическое право наблюдать за еретиками и обращенными. Но что никто не уполномочил его на то, видно из слов грамот. Самое обращение и епитимья названных лиц могли принадлежать ему, и тогда он мог произвольно изменять ее силу и качество.

Известно, что двадцать второго декабря 1218 года Доминик получил от Григория III разрешение основать два общества — мужское и женское. Последнее фактически существовало еще с 1206 года в Пруллианском монастыре. Доминиканкам должно было вести иноческую жизнь и молить Бога за торжество католической веры и за искоренение ереси. В следующем году приор Доминик и его последователи получают благодарственное послание от папы за свою

деятельность. Гонорий просил их при этом неустанно проповедовать слово Божие, так как не борьба, а результат венчает дело. Здесь нет ничего обрекающего новое братство на инквизиторскую обязанность, напротив, ему предписывалось «страдание за веру и готовность умереть за дело проповеди».

Доминик посылал своих монахов в Испанию, Италию, но не для кары, а для убеждения. Известно, что ему же приписывается основание частного общества, назвавшегося «милицией Христовой» и посвятившего себя уже не духовной, а физической борьбе с ересью. Оно состояло из мужчин и женщин, благочестивых и горячих к вере католиков, разных сословий и состояний; их не могло не волновать то, что еретики в последнее время сильно оскорбляли и поносили Церковь и католическое духовенство; они видели это оскорбительное для них унижение священников, но, не понимая причины, полагали, что могут отстранить, ее физической силой. Мужчины предложили свой меч для услуг духовенству, а женщины свои владения и деньги. Такая склонность к решительной борьбе с ересью проявилась в Лангедоке еще раньше организаторских действий Доминика. Доминик только стал центром этого движения; его имя придавало силу обществу «воинов» и увеличивало его численность.

В «милиции Христовой» долго не было никакого устава. Но оно быстро распространилось под покровительством Доминика в Лангедоке и Италии. В этой организации не требовалось от ее членов соблюдения тех тяжелых условий, которые были необходимы для доминиканцев. Она держалась преданиями и обычаями. Одним словом, это была частная ассоциация. Членами были семейные люди, но овдовевшие; они отказывались от вступления в новый брак. Доминик позволял им носить на их светских платьях крест; допускалось только два цвета одежды: белый и черный; они обязаны были дома ежедневно читать часослов. Они стали как бы хранителями веры в городах и в военное, и в мирное время. Мужчины носили оружие. Большая часть их сражалась под знаменами Монфортов и королей французских. Но это оружие дало необоснованный повод думать позднейшим историкам, будто они исполняли должность инквизиторов. Дело в том, что история этого общества весьма смутная и темная; свет на нее пролился только исследованием Раймонда Капуанского, двадцать второго магистра доминиканского ордена. Он доказал, что, когда инквизиция открыла свой трибунал, уже не существовало «Милиции Христовой». Братство видело, что цели их общества достигнуты друши путем— вмешательством королевской власти. Ересь бы подавлена, теперь с еретиками не сражались, а их ловили и судили. Тогда воинственное братство спрятало свои мечи; оно стало сражаться уже не с еретиками, а с самим собой, своими греховными страстями, стремясь «очиститься покаянием».

Потому общество изменило свое название: с 1234 года оно назвалось «третьим орденом покаяния», и в 1285 году Заморра написал устав ордена (38) для братьев и сестер, существующий и по сие время. Его члены могли жить в монастыре и в частных домах; по характеру своей жизни они немногим отличались от мирян. Это общество даже умнейшие из старых церковных историков часто смешивали с третьим орденом покаяния святого Франциска, который просто назывался в бумагах «*fratres de Poenitentia*», так как оба братства пользовались сходным уставом, одинаковыми привилегиями, одинаково, по папскому разрешению, избавлялись от платежей, налогов и десятин.

Итак, ввиду имеющихся документов история не имеет основания считать инквизитором основателя проповеднического ордена. Ей пришлось бы, задавшись подобными целями, возвращаться в области фантазий, предположений и вымыслов. Радикальное изменение во внутреннем характере доминиканского братства, которое стало позже главным агитатором инквизиции, представителем принципа насилия, которое взяло на себя несвойственную обязанность судей, цензоров, даже доносчиков, шпионов и палачей, не уполномочивает возлагать на знаменитого подвижника ответственность за извращение указанной им системы. Доминик был полным выражением внутреннего перерождения Западной Церкви. Пора отказаться от пристрастий и ненависти, усвоенных давностью. Доминик думал об убеждении словом, а его фанатичные ученики, скудные духовными дарами и насквозь пропитанные традиционной римской нетерпимостью, мечтали о каре огнем и мечом.

Миродержавный Рим из глубины веков как бы заражал своим стремлением к единообразию в области религиозной и государственной те элементы, которые были призваны впоследствии участвовать в исторической жизни. Люди самых свободных воззрений на дело совести приобретали новую, противоположную закалку, когда им приходилось познакомиться с тем взглядом на вопросы, которые выходили из Латерана.

Законы Фридриха II против еретиков и Римские законы против патаренов 1231 года

Молодой германский император, внук Фридриха Барбароссы, был питомцем Иннокентия III. В бытность свою сицилийским королем, с годов детства и юности, он привык видеть себя под надзором духовенства. Кардинал Ченчио Савелли, он же впоследствии Гонорий III, пребывая легатом в Сицилии, издавна находился в близких отношениях к Фридриху. Под его руководством будущий император получил разностороннее для того времени образование. Он далеко не отличался клерикальным характером, хотя был верен духовенству; Фридрих с признательностью называет своих учителей «наши кормильцы». Должно заметить, что Иннокентий III и легат не стесняли развитие его духа, даже позволяли проводить время в обществе арабских ученых, которые познакомили его со своим языком, философией и религией. Фридрих II, став королем, приступил к делу правления с горячей энергией, с запасом новых идей. Эти-то идеи и дают трагическое значение его исторической личности; они осветили его особенным симпатичным блеском, но ему самому принесли одни несчастья, гонения и горькое сознание напрасно растратченных сил.

Природа щедро наделила Фридриха богатыми дарованиями; как государственный человек, он далеко опередил свою эпоху и занимает в XIII столетии в этом отношении одинокое место. Современники во многом не понимали его и не могли ему сочувствовать, но что касается его взглядов на религиозный вопрос, то здесь он ничем не выделялся от окружающих. Были ли то впечатления детства, воспоминания ли прежней дружбы, политический ли расчет, крутой ли от природы характер, способный с одинаковой силой проявлять себя и в добре, и в зле, только во всяком случае не искренние побуждения поставили Фридриха II Гогенштауфена в ряд гонителей свободы совести. Памятники не дают обстоятельных сведений о таком неуловимом вопросе, как личное религиозное настроение Фридриха в те годы, когда Гонорий III решился короновать его в Риме римским императором, после того как он был уже провозглашен и коронован в Германии. Его индифферентизм в делах веры, симпатия к магометанскому культу, тогда еще не были известны. Но подозрения в ереси, кощунстве и даже атеизме, которые десять лет спустя Церковь бросала ему в глаза, его явное пренебрежение к исполнению католических обязанностей — все то, что после приписывали Фридриху с более или менее достаточным основанием его враги, не могло проявиться внезапно в короткий промежуток времени.

Напротив, упомянутые явления коренились в условиях его воспитания, среды, в которой он получал первые впечатления, его положении в качестве государя страны, значительная доля населения которой состояла из потомков арабов и греков, где мусульмане и евреи открыто совершали свои обряды и где катары и всякие еретики были весьма многочисленны в начале XIII столетия. Казалось бы, несомненно, что Фридрих, не будучи воспитан в католической исключительности и впечатлительный по натуре, должен был с молодых лет относиться спокойно к различию религиозных культов и привыкнуть к терпимости. Тем хуже для него, если из порывов самовластия и непонимания своих истинных политических выгод он явился в обширных пределах империи гонителем того принципа, представителем которого был сам.

Как бы то ни было, но законы, принятые Фридрихом II, по своей суровости не уступают эдиктам Феодосиева кодекса. Император не только развязал руки католическому духовенству накануне открытия инквизиционных трибуналов, но дал ему сильную нравственную и физическую поддержку. Доказательством того, что на Фридрихе лежит тяжелая ответственность за пособничество введению инквизиции, служит то, что впоследствии, в 1243 году, Иннокентий IV не нашел ничего лучшего, как предписать папстве исполнение этих готовых законов. Папа прикрылся щитом императора и мог с притворной гуманностью сложить позор за изобретение бесчеловечных мер трибуналов на «атеиста и мусульманина». Политика римского императора послужила для Церкви удобным средством достигнуть одновременно двух важных целей: побудить светскую власть вступить в борьбу с магометанами и приступить к истреблению еретиков. При этом имелось в виду оградить личные интересы духовенства.

Тотчас после обряда, совершенного двадцать второго ноября 1220 года, Фридрих II принял крест из рук кардинала Уголино, будущего папы Иннокентия IV, обещая через полгода лично выступить в поход, и тут же, не выходя из храма, подписал эдикт, составленный по указанию папы и имевший целью обезопасить духовенство и Церковь от всех врагов в Империи. Тогда же папа, с высоты престола, произнес анафему против еретиков обоюбого пола, их укрывателей и защитников. Еретикам полагались следующие наказания: за издание статутов против так

называемой свободы Церкви, то есть в сущности ограничивавших свободу злоупотреблений этой Церкви, — бесчестие и уничтожение таких распоряжений, а через год императорское преследование и передача владений в другие руки. Ущерб, нанесенный духовному лицу, должен быть вознагражден втрое. Привлечение духовного лица к светскому суду, по гражданскому или уголовному делу, угрожает обвинителю потерей всех прав, а судье лишением места. Далее идут законы против еретиков. Катары, сперонисты, леонисты, арнольдисты и другие еретики объявлялись бесчестными, бесправными перед законом и изгнанными; их имущества конфисковывались; их дети лишались права наследства.

Вместе с тем этим императорским законом подтверждались в шести пунктах все постановления латеранского собора против еретиков (39). В конце грамоты Гонорий III писал, между прочим, от себя: «Если кто в дерзости своей, по внушению врага рода человеческого, осмелится преступить сие в чем-либо, то пусть знает, что тем навлечет на себя негодование Всемогущего Бога, а также блаженных апостолов Петра и Павла».

Фридрих при всей личной гуманности, какую обнаруживал позже относительно сарацин, этим эдиктом задержал дальнейшее развитие ереси в обширных пределах, подчиненных его влиянию. Он ограничил ее одной Францией, точнее Лангедоком, где кипела тогда горячая борьба. Напрасно думать, что его личные убеждения служили гарантией свободы совести. Вместе с честолюбием он наследовал от Гогенштауфенов родовую черту их характера — стремление к насилию, неразлучное с крутостью нрава, которой славился его отец. Своей жестокостью он не раз напоминал Генриха VI. Свободу самостоятельных отношений к религии и право смеяться над догматом он предоставлял лишь себе и строго возбранял своим под данным всякое свободное проявление религиозных убеждений. Он был другим, когда обстоятельства поставили его во враждебные отношения с папами. Он пытал и мучил тех духовных лиц, благоговение к которым предписывал несколько раньше.

Руководимый этими побуждениями, четыре года спустя, поскольку все еще многочисленные патарены существовали в Италии, Фридрих уже по собственной инициативе издает против этих людей законы, достойные Нерона. Ирония истории заставила полуатеиста составить кодекс жестоких наказаний за преступления против веры. Непосредственным побуждением к их изданию служило желание Фридриха чем-нибудь вознаградить Церковь за неисполнение обещанного им похода в Палестину, к идее которого относился не без внутреннего отвращения. Он справедливо рассчитывал более выгодно для Европы дипломатическим путем и с большим тактом выжидая разгара и исхода междоусобий, которые тогда охватили мусульманский мир от Гибралтара до Вавилона. Между тем в каждом послании папа напоминал ему об обещании.

В начале 1224 года магистр Тевтонского ордена Герман прибыл из Палестины в Палермо, любимую резиденцию Фридриха, и, в ярких красках представив унижение христианских владений в Палестине, вновь возбудил в нем мысль о походе. Печальные вести, приходившие из Палестины, волновали души всех ревностных католиков; император должен был удовлетворить общественное мнение. Он назначил отъезд в Германию, а оттуда в Палестину, но дела с сицилийскими сарацинами опять удержали его. Тогда он, поручив Герману ехать в Рим, и желая в то же время успокоить Церковь относительно ереси, написал свои конституции против еретиков. Несомненно, что он приблизил инквизицию, дав ей средства к существованию и узаконив ее идею. Других его побуждений мы не знаем.

Император давал знать всем духовным и светским судьям и должностным лицам, что еретики, как «змеиные сыны вероломства, дерзающие оскорблять Бога и Церковь, как бы изгрызая тем утробу матери своей», должны быть предаваемы судам и юстиции. Он высказывает общее убеждение, что таких людей не должно оставлять живыми. Всякие еретики, где бы они ни были осуждены Церковью, должны быть этими судьями преданы наказанию, сообразно их преступлению. Те, которые лишь из страха смерти присоединятся к Церкви, будут присуждены к покаянию по каноническим постановлениям и к пожизненному заключению, в котором они удобно могут совершить это покаяние. Если в каком-либо месте империи будут выявлены еретики, то инквизиторы, назначенные апостольским престолом, и другие православные ревнители (40) могут заставить судей схватить их и держать в крепком заточении до тех пор, пока, отлученные Церковью, они не будут осуждены и казнены. Все лица, имеющие какую-либо власть в округе, со своей стороны должны указывать упомянутым инквизиторам на подозрительных; те, кто оказывает покровительство и поддержку еретикам, также подвергаются смертной казни, а равно и те, которые к тому лукаво подстрекают других, подготавливая таким образом защитников

ереси. Такой же смертной казни подлежат и те, кто раньше отреклись от ереси, но после, сохранив жизнь, опять впади в нее.

Император велел строго следить за теми, которые, будучи возвращены в лоно Церкви, выселяются в другие места, дабы там они не разлили яд заразы, и позволять им это переселение после получения свидетельства в их надежности. Он изъявил свою волю, чтобы во всех пределах империи существовала только одна истинная вера и чтобы ересь всеми мерами была искоренена. Если виновные в оскорблении величества наказываются в лице их самих и в лице их потомства, то тем справедливее поступать так против поносителей имени Божьего и разрушителей католической веры, с той разницей, что здесь наказание должно быть сильнее.

«Бог вымещает преступления отцов на детях» — так решил этот богослов в императорской порфире. Потому еретики отныне даже до второго колена лишаются своих владений и объявляются неспособными к занятию каких-либо общественных должностей. И они, и дети их не могут пользоваться никакими почестями, хотя бы последние были сами по себе верными католиками; исключение делается только для тех детей, которые станут доносчиками на своих отцов. Далее Фридрих извещал, что он принимает под свое покровительство братьев-проповедников, которые отправлены в империю по делам веры против еретиков, а также всех, кто станет судить еретиков, будут ли они пребывать в одном городе или будут переходить от одного в другой. Он предписывал, чтобы все власти оказывали им всякое содействие и благосклонно принимали каждого из таких лиц, когда бы и кто бы из них ни обратился. Власти так же должны были защищать их личности от оскорблений еретиков и возможных покушений, давать им советы, указания и деньги ради совершенных дел, столь важного пред Господом. Арестовывая еретиков по их указанию, держа их в тюрьмах, совершая над ними определения церковного суда, светская власть должна знать, что служит Богу, приносит пользу госу дарству и заботится совокупно с этими братьями на, искоренением ереси.

«Если же кто окажется недействительным и слабым в исполнении этой обязанности, следовательно, бесполезны относительно Господа, тот в глазах наших может оказаться виновным» (41).

Так заканчивался этот первый статут. Остальные, подписанные тем же 22 февраля 1224 года, содержат несущественные дополнения и пояснения к первому. Второй весь почти состоит из подбора бранных выражений на еретиков. Они были, впрочем, в духе времени; впоследствии теми же словами Фридрих щедро обменивался с папами, для которых так усердно работал сейчас. Но эта брань особенно странна в его устах.

Он объявлял, между прочим, что всякая ересь есть сударственное преступление. Он обязывал своих подданных быть шпионами и доносчиками; преступников также следовало испытывать в вере и после допроса в случае сомнения предавать в распоряжение духовных лиц. «Еретиков следует сжигать живыми в присутствии зрителей». За них запрещается ходатайствовать кому-либо пред императором под страхом опалы. Третий статут был не что иное, как IV канон латеранского собора. Четвертая конституция предназначалась преимущественно для Италии, потому могла быть издана несколько позднее: она вошла в знаменитую Конституцию королей Сицилии, этот замечательнейший юридический памятник XIII века. Здесь синьорам, подестам и консулам предписывается старательно следить за ересью, искать подозреваемых лиц. Если какой феодал окажется в этом деле неисполнительным, то через год лишается своей земли, которая отдается надежным католикам. Дома, где жили еретики и лица, сопричастные им, где они поучали и совершали свои обряды, повелевалось уничтожать и впредь не восстанавливать. Фридрих добавлял, что все отлученные по подозрению в ереси лишаются по прошествии года всех гражданских прав и покровительства законов; они оказывались в положение рабов, которые сами были бессильными и неправыми, а ими мог повелевать всякий.

Замечательно, что через пять лет Фридрих сам был объявлен отлученным и проклят папой, и тоже по подозрению в ереси. То была расплата за его религиозное лицемерие, за желание служить в одно и то же время двум божествам. Мы старались обнаружить его побуждения. Для Фридриха II нельзя найти обыкновенных оправданий исторических лиц. Он не платил дань своему времени. Как человек близкий к гениальности, он сам руководил эпохой и указывал ей новые идеалы.

Издав грозные законы против врагов Церкви и фактически преследуя их, он в то же время своим поведением относительно Церкви сам становился в ряды ее врагов. Он страшил Церковь своим светским могуществом, величием своих владений — от Балтийского моря до Средиземного, от Вислы до Роны. Его светский меч мог поспорить с духовным. Таким образом,

столкнулись две страшные силы: одна — всерасполагающая Церковь, другая — материальное могущество императоров. Последнее грозило еще более усилиться вследствие честолюбия молодого государя.

Унитарные и завоевательные стремления Фридриха были громадны. Они развивались последовательно. Восстановить старое римское имя во всем его величии, овладеть всеми землями прежних Цезарей и сбросить с себя иго пап с их претензиями на светское господство — были мечты его лучших лет, мечты понятные, но не осуществимые для того века и его средств. Он со странным для его гения тщеславием иногда называл себя наместником Христа, а своего канцлера Петра делла Винье — апостолом, сына Конрада — божественным отпрыском крови Цезарей, а жену Констанцию — божественной матерью.

Рим понимал, что крестовый поход — только предлог к началу папско-императорской борьбы. Смертельная борьба должна была произойти потому, что она была завещана преданиями Григория VII и что наконец два лагеря получили к тому необходимые условия. Гонорий III, опираясь на обман Фридриха II, уже решил отлучить его от Церкви, но внезапная смерть остановила исполнение его намерения. Он передавал это заветное папское право своему энергичному преемнику, старшему Уголино, ко торый прежде был столь же другом Фридриха, как Доми ника и Франциска, а, надев тиару, стал заклятым врагом императора. Он не замедлил разразиться отлучением по чти в то самое время, когда император после первом неудачи вторично садился на корабль для отправления и Палестину (двадцать девятого сентября 1227 года).

Папа привел весьма основательные доводы против Фридриха: его видимое равнодушие к походу, нарушение решений верельского, флорентийского и сан-джерманс кого съездов, его бегство и притворную болезнь^{*1}. Император вознегодовал. Тот самый человек, который грозил костром еретикам за то, что они поносят Церковь и духовенство, теперь в окружном послании к христианским государям резко нападает на римские пороки и предсказывает Церкви «скорое разрушение». Через четыре года после своих церковных статутов он сам выдал прежних друзей.

«Уже не говорим, — замечает император, — о симонии и о множестве различных немислимых в наше время поборов, которыми римский двор обременяет своих же духовных лиц. Не скажем ничего, как эти духовные явно и тайно занимаются ремеслом ростовщиков, которое до них было неизвестно миру и которое так портит мир. Речи их слаще меда и нежнее масла... ненасытные кровопийцы» (42). Тут он указал Европе на Раймонда Тулузского, тогда боровшегося в последней агонии с чужеземным завоеванием, «с которого курия не снимет отлучения, пока не обратит в рабское подчинение».

Каково бы ни было озлобление императора, оно нисколько не оправдывает желания папы всячески вредить предводительствуемым им крестоносцам, погубить и даже изменнически убить Фридриха II на Иордане, во время его пилигримства, как записано в одной летописи, — факт, весьма характерный для духовенства того времени (43).

Десятилетнее перемирие, заключенное Фридрихом с египетским султаном, довольно выгодное для христианства^{*2}, подверглось злобному порицанию первосвященника, «свирепевшего более и более». Но для борьбы за идею необходима поддержка, если не в средствах, то в общественном мнении. А существенная историческая заслуга Фридриха II в том и состояла, что он своим обращением к Европе создал эту силу и на первый раз склонил ее к себе. Личное озлобление Григория IX было слишком заметно, так как нельзя было затмить услуг императора крестовому делу. Симпатия преобладала на стороне Гогенштауфена. Папа принужден был уступить; он изъявил келание войти в переговоры. Фридрих тоже искал прощения и снятия отлучения для осуществления своих новаторских планов.

Противники увиделись первого сентября 1230 года, три дня беседовали и вновь заключили в Сан-Джермано письменный договор. Здесь Фридрих не имел желания указать на возможность иной политики относительно ереси. Инквизиция уже была решена в уме папы. Фридрих же объявил себя его сыном, составляющим с ним чуть ли не единое существо. Тяжелой иронией

^{*1} В 1226 году, после переговоров в Сан-Джермано, Фридрих II обязался следующим летом отплыть в Сирию. Однако, когда летом 1227 года в Бриндизи собралось несколько десятков тысяч крестоносцев, флот был готов еще не полностью и к тому же открылась чума. Заболел и сам Фридрих, вынужденный покинуть лагерь.

^{*2} Христианам был возвращен Иерусалим с выходом к морю.

отзывались слова императора, что «тучи миновали и солнце снова занялось над христианским миром».

Лучи этого солнца прорезались для многих тысяч провансальцев того времени смертельными ударами молнии. Духовенство усаживало их по тюрьмам и тянуло к допросу, а после него благословляло и вело к костру. С 1229 года, под шум борьбы папы и императора, инквизиция уже фактически существовала; ее система была оформлена на тулузском соборе. Мы указали на этот важный момент в первой главе этого тома. Но ей недоставало папской санкции. Начало истории инквизиции скрывается, таким образом, не столько в документах, сколько в обычае. Документы только узаконивали ее, но и они не замедлили появиться.

Около 1231 года ересь имела неосторожность проявиться в Риме. Курия всполошилась. Папа вышел из себя. Буллой 1231 года Григорий IX подтвердил все прежние папские и императорские постановления против еретиков и предписал усилить карательные и предупредительные меры. Он велел выкидывать из могил трупы еретиков. На мирян легло запрещение вступать в богословские рассуждения друг с другом под страхом отлучения (44). Эта булла была подтверждена Иннокентием IV, Александром IV, Николаем III и внесена в канон «О еретиках», но и в ней пока ничего не говорилось об учреждении инквизиционных судов. Однако за них уже хлопочет тогда перед папою его приближенный, ученый юрист Раймонд де Пеньяфорте, принадлежавший к доминиканскому ордену. Римский сенат, слабый отпрыск своих державных предков, поспешил тотчас же, со своей стороны, распорядиться об уничтожении ереси.

Плебисцит 1231 года издан от имени сената и народа. Всякий сенатор должен был делать распоряжение об аресте еретиков, по указанию «назначенных Церковью инквизиторов и других мужей католиков», предавать их церковному суду и через восемь дней исполнять приговор (45). Имущество осужденных в тот же срок описывалось. Оно делилось на три части: одна доставалась донесшему на еретика, другая — сенатору, третья шла на постройку и поправку городских стен. Всякий из горожан, кто знал про еретика и не представил его, подлежал штрафу в двадцать ливров, и в случай неуплаты объявлялся бесчестным, пока чем-либо не заслужит прощения. Кто укроет еретика или окажет ему какое-либо покровительство, а тем более защиту, тот ли шалея третьей части имущества. Каждый сенатор перед вступлением своим в должность обязан давать присягу и исполнению законов против ереси; отказываясь от того, он лишил бы все свои акты законной силы, и никто не дол жен ему повиноваться. Если бы впоследствии он и согла сился на требуемое, то все-таки считается клятвопреступником и лишается права занимать какую-либо должное п., хотя должен внести штраф в двести марок (46).

Григорий IX удовольствовался этими законами. Сравни вая их с постановлениями Фридриха II, нельзя не заметить их относительной мягкости, сразу видно, что их пн сало перо людей, понимавших смысл свободы, — для еретиков была возможность свободно оставить Рим на плачах христианского первосвященника. Тем не менее папа реки мендовал их для исполнения архиепископу миланскому и прелатам Лангедока.

Это некоторым образом задело самолюбие Фридриха II. Он желал превзойти римских сенаторов; это ему было нетрудно, стоило только возобновить свои прежние указы. Но тем он не ограничился. В 1231 году император издал новый закон, который грозил новой карою еретикам и по некоторым причинам не был принят даже самой инкип зицией.

«Так как мы, — писал он своему наместнику в Ломбардии, архиепископу магдебургскому, — самим Богом поставлены в хранители и защитники церковного спокойствия во вверенной нашему правлению Империи, то неужели мы можем терпеть в справедливом и искреннем удивлении, как растет вражеская ересь и позор в самом Ломбардии, в которой многие безнаказанно хулят Церковь и веру католическую? Или мы должны притвориться, или будем небрежно слушать, как нечестивые хулят Христа и веру, и не выйдем из своего спокойствия? Конечно, Бог уличит нас в неблагодарности и небрежении. Он, который дал против врагов его веры меч материальный и всю полноту власти... и потому, ревнуя быть достойным того, настоящим эдиктом нашим ненарушимо постановляем во всей Ломбардии, что если кто городским начальством или диоцезным, на месте своего проживания, после основательного испытания, будет открыто уличен в ереси и осужден как еретик, то подестой ли, собранием ли, или просто католическими мужами города диоцеца должен быть немедленно поставлен перед начальником и нашим именем присужден к огненной казни и сожжен в пламени, или если признают возможным оставить ему жалкую жизнь в пример прочим, то вырвать ему язык, дабы он не мог впредь кощунствовать на католическую веру и имя Господне».

Император повелевал наместнику распорядиться обнародованием этого закона по всей Ломбардии, а всем властям исполнять его под страхом изгнания (47). Таким образом, всякий мог врываться в чужой дом, отыскивать что ему нужно и в случае удачи подвергать жилище и имущество конфискации. Все это стало для Милана печальной действительностью.

На этот раз Фридрих II делает попытку захватить суд над еретиками в свои собственные руки, вручив его своим наместникам. Тогда он смотрел на еретиков с точки зрения римских императоров — как на мятежников против власти, как на нарушителей спокойствия. При этом он далеко не был чужд идеи подчинения Церкви государству, которая была существенной причиной его борьбы с папами, грозившей возобновиться в этот самый год. Григорий IX благодарил императора за его ревность, за меры подавления ереси в Неаполе, но отрезание языков не вошло в практику его духовных судов.

Начало доминиканской инквизиции и повсеместные восстания против трибуналов

Мы дошли, таким образом, до того момента, когда инквизиционное преследование, по идее присущее Римской Церкви с самого ее начала, но проявлявшееся лишь случайными порывами, одобряемое то конунгами, то императорами, то папами, то соборами, получившее в 1229 году особый юридический тип в его производстве, до тех пор исполняемое епископами, готовилось стать обязанностью особых полицейских лиц, набранных из духовенства. Эта мысль всецело принадлежит Григорию IX и его любимцу, доминиканцу Раймонду де Пеньяфорте. Оба они были фанатиками своей веры, и оба были друзьями Доминика; они воспитались в духе той реакции, которая чудесно охватила весь католический мир и осо бенно духовное его сословие в первую четверть XIII века, благодаря примеру и замечательно самоотверженной деятельности Доминика и Франциска. Оба они носили в себе иные идеалы Церкви. Для достижения их хороши были все средства, и между прочим то судопроизводство, которое было введено легатом Романом на тулузском соборе.

Но они видели из своего латеранского дворца, что на разных краях Запада ересь еще живет, несмотря на кос тры, строгие законы, изгнания, конфискации, отлучения князей. Они не без основания видели причину зла и епископах, которым множество разнообразных занятий и известная зависимость от государей не позволяли сосредоточить особенное внимание на преследовании и суде еретиков. Иннокентий III также понимал это и с этой целью поручил дело ереси легатам. Но легаты были скорее духовными государями в обширных странах, чем чиновниками и сыщиками. Пеньяфорте искал последних и остановился на братьях своего ордена. Они принадлежали к числу образованнейшего духовенства; они имели большое влияние на высшее и городское общество; в их ряды вербовались замечательные таланты. Они в своей любви к делу Церкви напоминали фанатизм основателя их общества.

Молодой орден тогда уже имел до ста монастырей, щедро поддерживаемых дарами благотворительности. Доселе доминиканцы занимались проповедью и обращение еретиков. Пеньяфорте сделал из них судей, предписав им практику судопроизводства тулузского собора.

Григорий IX разделял эту мысль своего друга. Ему оставалось документом узаконить то, что и тут и там существовало на практике. Подлинник этой грамоты не сохранился; она не вошла в римские булларии и вообще малоизвестна. Поэтому точная дата начала инквизиции не может быть определена. Для одних она — явление слишком раннее, для других — слишком позднее. Привыкшие к факту преследования, и католические и протестантские историки мило интересовались этой датой и грамотой, упрочившей за доминиканцами инквизицию. Они склонны переносить эту дату на двадцать лет назад. Даже Рейнальди, официальный историк Римской Церкви, проглядел истинное начало инквизиции.

Действительно, важное в специальном историческом исследовании, оно теряет особенное значение при другой программе изложения. Но вообще вопрос о точном начале инквизиции самый темный и запутанный. Тем не менее мы старались и постараемся разрешить его на основе исторических фактов.

Инквизиция, повторяем, развилась незаметным путем. В силу того, что фактически она существовала всегда, и притом отражалась на многих весьма чувствительно, все позднейшие документы касательно ее организации и устройства имели лишь теоретическое значение. Она шла не из бумаг в жизнь, а обратно. Потому мы относительно долго рассказывали о ее первоначальном периоде. Мы хотели показать, каковы были корни этого учреждения, почему оно было так живуче,

почему все деятели Римской Церкви, после отцов ее, сходились в сочувствии к нему, почему самые передовые люди эпохи только способствовали его торжеству. Мы не отличаем жертв первой инквизиции, эпохи собственно альбигойской (XIII столетия), от жертв нетерпимости вообще, где бы они ни были, потому что на исторический взгляд оба эти понятия сходны, потому что нисколько не легче было страдать прямо от грубой силы или от той же силы, лицемерно прикрытой законом.

Но что подразумевается под первой инквизицией? Этот термин выражает совокупность двух понятий: особого судопроизводства и участия в нем так называемых нищенствующих монахов. Самый принцип наказания, участие светской власти — все это вырабатывалось ранее той историей, течение которой мы пытались представить читателям. Первое понятие сделалось фактом в 1229 году; второе, особенно спорное, в 1233 году.

В рукописях королевского испанского архива, в сборнике документов католических соборов, имеется окружная булла Григория IX от 8 ноября 1235 года. В ней предлагается соблюдать относительно еретиков известные законы 1231 года, направленные против римских патаренов, и ввиду того, что доминиканцы особенно успешно ведут борьбу с еретиками, им предписывается исполнение буллы. При этом делается ссылка на бреве 20 мая 1233 года, обращенное к доминиканскому приору Ломбардской провинции, в которой действовали способнейшие из проповедников.

Надо было ожидать, что доминиканцы постараются сохранить это драгоценное для них бреве, в котором только они одни пред глазами всей Церкви призваны быть искоренителями ереси, не уничтоженной оружием крестоносцев Монфора и рыцарством Франции. Действительно, после тщетных поисков в фолиантах папских булл и церковных грамот, встречаем у доминиканского историка тулузского монастыря текст этого документа, правда, не совсем полный. Он начинается негодованием папы на дьявола, который заразил тулузские пределы.

«Не будучи достаточно сильны, — продолжает Григорий IX, — остановить такое поношение Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душ заблудших, мы просим тебя, убеждаем и приказываем сим апостольским посланием, под страхом божественного суда, дабы ты тех из братьев, вверенных тебе, которые научены закону Господню и которых ты признаешь склонными к этому делу, разослал по разным сопредельным местам твоего надзора, дабы они поучали клир и народ общей проповедью, где сочтут ее удобной. Для основательного неполнония этого дела они изберут себе разные местности и за и мутся с особенным старанием еретиками и отлученными. Если виновные и отлученные, будучи допрошены, не за хотят вполне подчиниться приказаниям Церкви, то братья станут исполнять относительно их наши справедливые статуты против еретиков, направленные на укрывателей, защитников и покровителей еретиков, действуя, однако, и пределах этих статутов».

Те, кто, отрекшись от ереси, захотят обратиться к Церкви, могут получить общение и отпущение по церковным обрядам и воссоединиться с нею, если того заслуживают, смотря по степени их заблуждения и по статутам. Папа да вал двадцатидневную индульгенцию тем, кто будет при существовать при проповеди доминиканцев; самим же братьям-проповедникам, которые возьмутся за это дело, давал полную индульгенцию во всех грехах, в которых они принесут покаяние (48).

В то же время, и даже несколько раньше, французские прелаты получили от папы извещение о предпринимаемой им мере. Григорий IX понял, что делает решительный шаг, отнимая от епископов право, которым они весьма дорожили. Папа обошел этот щекотливый вопрос довольно искусно. Он постарался накинуть покров на сущность дела, представить его мягче и при этом задабривал, льстил прелатам, не желая из понятных расчетов поселить раздор в администрации Церкви накануне предстоявших ей усилий, требовавших непременно единодушия.

Но Пеньяфорте, начавший тогда составлять собрание церковных канонов и декретов, достаточно хорошо изучил их, чтобы допустить возможность мысли о каком-либо протесте или противодействии епископов, уже четыре столетия закабаленных наместником Христа. Но тем не менее булла написана ловко. Так как доминиканцы давно и успешно посвятили себя проповеди Слова Божия, особенно зротив еретиков, а епископы, погруженные в разнообразную деятельность, едва могут вздохнуть под тяжестью обременяющих их занятий, то папа, находя нужным, чтобы бремя их было разделено с другими, и указывая на пример Спасителя, который избрал не только двенадцать апостолов, но и семьдесят два ученика, послав их проповедовать по двое, — назначает доминиканцев действовать против ереси во Франции и прилежащих к ней провинциях. Епископам

предлагалось благосклонно принять их, оказывать им помощь, давать советы и вообще относиться со всем вниманием, дабы они могли исполнить свое назначение, а папа мог достаточно и по заслугам оценить искреннюю ревность епископов (49).

Через месяц в Латеране были написаны подобные же сообщения баронам Франции и Аквитании, графу де Фуа, графу Раймонду VII и капитулу Тулузы. Но, совершив действие, Рим не придавал ему широкого значения. Он смотрел на него как на временное дело. Решительные буллы, обобщавшие инквизицию и заносившие ее навсегда в историю, последовали лишь в 1254 и 1261 годах.

Во всяком случае, с 1233 года могли открыться действительные специальные суды по делам ереси. Доминиканцы разъехались по всей Италии и Лангедоку. Их инквизиторы с папскими полномочиями в руках даже опередили лангедокских собратьев в Кастилии, Наварре, Арагоне, Португалии, Франции и Германии. Средоточием и опорой их действий были монастыри, к тому времени достаточно многочисленные.

Насколько можно достичь точности при отсутствии актов и по поздним данным, первый трибунал был устроен в испанском городке Лерида по распоряжению тамошнего епископа дона Бертрана и архиепископа арагонского дона Эспарраго (50). Есть известие, что новый архиепископ Вильгельм Монгриу испытывал сомнения относительно новых судов, спрашивал объяснения и что ему 30 апреля 1235 года Григорий IX послал инструкцию для инквизиторов, отредактированную тем же Пеньяфорте. Она носила частный характер.

Но первые действия испанских доминиканцев оказались неудачны. В Каталонии, в городе Ургеле, в том же году, жители возмутились против инквизитора, монаха Петра, и убили его. Он скоро был причислен к святым, как мученик, а труп его по сие время покоится в кафедральном соборе города. Новый инквизитор Понс д'Эспира был отравлен еретиками в 1242 году.

В Лангедоке доминиканцы действовали осторожнее. Но и там трое человек также пострадали в эти годы от тайных убийц из Кордеса. Хотя Раймонд VII против воли оказывал инквизиторам всякое содействие, они не сразу открыли свои трибуналы, и первый раз протокол тулузского инквизиционного суда подписан 26 мая 1237 года. До сих пор постоянного трибунала не существовало, а если он и был, то о деятельности его мы можем судить только по трем случайным постановлениям.

Трудно было бы объяснить причину такой медленности, не зная истории провансальских альбигойцев. После каждого погрома тамошние катары вдруг исчезали. Часто и Тулузе, вчера едва не поголовно еретической, на другой день католическое духовенство не встречало сопротивления при исполнении своих треб. Погром 1229 года был самый ужасный: он одновременно уничтожил в стране национальную политическую и религиозную. Альбигойцы, в массе равнодушные к своей вере, не высказывались до тех пор, пока Лангедок не успокоился от военной бури и не поправил несколько своего материального благосостояния. Только тогда, в конце тридцатых годов XIII века, ересь стала выходить наружу, но она не была уже теперь знаменем оппозиции. Это было гонимое, но сердечное верование, которое во многих крепких натурах не могло изгладиться совершенно.

Теперь же преследование приобрело систематический, безжалостный характер. Доминиканская организация уничтожала всякую надежду на какое-либо снисхождение, сделку и отступление; она была направляема самыми энергичными людьми, основательно знавшими альбигойскую догматику, одинаково ненавидевшими и ересь и еретиков. Альбигойство, в ком оно не скользило, а действительно существовало, должно было скрываться; высказавшись, оно не только не могло победить таких искусных судей, но не могло и существовать. Ему оставалось только умереть.

И вот начинаются длинные ряды сентенций инквизиции, которые только в извлечении занимают десятки фолиантов Национальной библиотеки Франции и которыми мы займемся, когда завершим фактическое изложение истории инквизиции и когда проникнем в ее заседания.

Очерк инквизиционных распоряжений против еретиков Иннокентия IV и его преемников до Евгения IV

Начало существования инквизиции, как мы заметили ознаменовалось гибелью ее служителей. Это был не одиночный факт. Причина скрывалась в производстве процесса. Народ на всем Западе слишком привык к старым римским формам судопроизводства. Сама Церковь это понимала. В силу канонического права, при Иннокентии III и Гонории III, обвинительные

процессы производились на основании римского кодекса, чем бы процесс ни возбуждался: донесением, следствием или розыском.

Еретики, как и прочие подсудимые, могли знать имена своих обвинителей и свидетелей, имели защитников и судились гласным судом. О тайном судопроизводстве не имели понятия вплоть до тулузского собора 1229 года.

Теперь же, в то время как душегубы, закоренелые преступники и отъявленные негодяи имели право защиты, заподозренные в ереси, без различия происхождения, лишались ее, отдаваясь полностью в руки судей, относившихся к ним заранее с затаенной ненавистью или, при самых пагоприятных условиях, с нерасположением. Отсюда уже оставался всего лишь шаг до пытки, как средства принудить обвиняемого согласиться с неизвестными и заочными свидетелями, часто подставными. Наказания, налагаемые доминиканскими инквизиторами, не были вначале особенно тяжелы, но одно изменение форм уголовного судопроизводства, сделанное ими так внезапно, было достаточным, чтобы вооружить против них население. Оно задевало самые дорогие права, и народ думал отстоять их, если убьет того или другого инквизитора. Прежде чем тулузские доминиканцы задумали открыть свой трибунал, они получили известие о гибели знаменитого немецкого инквизитора Конрада Марбургского. Эта весть, естественно, задержала открытие суда в Тулузе.

Конрад принадлежал к числу первых последователей Доминика. С 1214 года он своими проповедями в Германии пытается созвать дружины крестоносцев в поход на альбигойцев. Его ревность к делу была страстной; талант церковного красноречия замечательный. Его оригинальную речь слушали тысячи, и так как в городах не оказывалось достаточно обширных площадей и церквей, то Конрад уходил с народом в поля и там под открытым небом поучал и зажигал своими идеями сотни людей. Он обладал сильным влиянием на впечатлительные натуры. Ландграфиня тюрингская Елизавета именно ему обязана своим мистицизмом. Суровый аскет в душе и на деле, он не знал пощады к слабостям и увлечениям. Когда Елизавета умерла, он посвятил себя истреблению ереси. В 1222 году он сжег одного нераскаившегося катара, приора Генриха Гослара.

В то время штедингеры во Фрисландии стали проявлять геройский дух оппозиции против Римской Церкви и феодализма; они отказывались платить десятину, воевали с князьями и прелатами, — и этого было довольно для Григория IX, чтобы уничтожить их^{*1}. Конрад был один из тех кому было поручено исполнить это решение. Он пришел в страну, когда князья и рыцари дрались с этими отважными поселянами. После войны он бывал во многих больших немецких городах. Богатые способности этого человека направлялись на преследование себе подобных. Всюду он приносил с собой проклятие и безжалостный суд. Попасться в его руки значило или проститься с жизнью, или навсегда опозорить себя.

Его примеру подражали прочие инквизиторы. Он прощал еретиков не за признание вины, а за донос на друзей; отказ грозил костром, приговор исполнялся в тот же день. Суд вершился быстро и беспощадно, не требуя признания и не разбирая звания подсудимых. В глазах его палачей все были равны. Он начал поселянами, а окончил баронами.

Второпях, в этой «ревности не по разуму», он действительно сжег много знатных людей, и даже многих совершено напрасно. Апелляции не допускалось, так как не было защиты, а личные протесты не принимались. Архиепископы кельнский, трирский и майнцский пытались остановить его свирепость, но Конрад не только не слушал их, но, оскорбленный их вмешательством, объявил крестовый поход.

Неизвестно, чем бы окончилось это столкновение, если бы Конрад не пал от руки неизвестных убийц. Его убили 30 июня 1233 года люди, к которым он сам никогда не имел никакой жалости и терпение которых превзошло всякую меру (51). Марбург, а затем вся Германия радовались; освобожденные от тирана торжествовали. Поместный собор немецкого духовенства

^{*1} Штедингеры (букв. «береговые жители») — фризские свободные крестьяне, жившие в нижнем течении реки Везер и в начале XIII столетия вышедшие из-под власти феодалов (в частности — бременского епископа, которого они разбили в 1229 году). Имели собственную организацию — «Сообщество штедингов»; возможно, склонялись к учению, подобному учениям вальденсов. В 1230 году Григорий IX объявил их еретиками и призвал к крестовому походу. Поход начался в 1232 году и лишь спустя два года сопротивление фризов было сломлено.

под впечатлением радости постановил прекратить инквизиционные следствия в Германии и закрыть трибуналы.

Но это не продолжалось и года. В 1235 году в бреве от 31 июля Григорий IX велел возобновить их и снова завести духовные суды по всей империи.

Для того чтобы поощрить доминиканцев, папа подтвердил канонизацию знаменитого основателя их ордена. Перед лицом всего католического мира, 3 июля 1234 года он снова и более торжественно заявил о великих заслугах Доминика, назвал его пастырем и вождем народа Божьего, свидетельствовал об его даре чудотворства, которое осталось присущим и его телу, и предписал включить усопшего в число святых, праздновать его память 4 августа, объявив при этом, что за посещение его гробницы дается индульгенция, прощение грехов всем верующим на один год (52). Все это должно было возвысить доминиканцев в глазах прочего духовенства, которое относилось к ним с понятной ревностью. Их опора и авторитет скрывались в обаянии все еще живых воспоминаний о Доминике, ходивших в народе, но для остального духовенства они оставались новыми, еще начинающими и неопытными деятелями.

Особенно были недовольны новой инквизицией епископы. Они оказывали ей глухую оппозицию. В этой оппозиции замечалась одна из причин трудности и медлительности введения инквизиции. К столкновению были поводы не потому, что о новых правах, предоставленных домини-канцам, не было оповещено официальным порядком, как то бы следовало. Факт существовал, опираясь лишь на частные документы, данные ломбардским, лангедокским испанским доминиканцам, но еще не прошел обычным порядком. Епископы, не имея формальной окружной буллы, которую Рим все еще опасался издавать, мог-законно отстранять инквизиторов от исполнения их (юных) обязанностей. По канонам и преданиям духовный суд всецело принадлежал епископам. В новом распоряжении, в котором им предлагали молодых монахов, они винили деспотическое нарушение их прав и привилегий. Если папе было почтение к папскому престолу, то пастыри не менее уважали и епископский сан, который влиял на них в посредственном. С понятием о соборе как высшей власти церковной и народной связывалось представление о высшем смысле этого сана, в действительности потерявшего свое прежнее значение.

Другое препятствие учреждению инквизиции заключалось в государственной власти. Нельзя было лишить светских судей их права участвовать в процессах еретиков, признанного за ними последними законами Фридриха II и практикой всех государей. Светской власти пришлось бы делиться с молодым орденом верховным правом жизни и смерти, подобно тому как епископы делились с ним своим значением и привилегиями.

Встретив такую двойственную оппозицию, всякий друг папы, менее энергичный, отказался бы от риска такого предприятия. Но не таков был Григорий IX и его друг Пеньяфорте, люди, никогда не отступавшие от раз поставленной задачи.

Пеньяфорте употребил все свое искусство, чтобы осуществить задуманную мысль, ловко провел новый корабль через все подводные скалы и крепко поставил его на якорь. Епископам внушили, что они ничего не теряют, что они имеют право судить совместно с инквизиторами, когда того пожелают. Их утешили игрушкой права, так как хорошо знали, что при многочисленности их занятий и их склонности к почестям, а не к действительным привилегиям они сами никогда не придут в суды. Они стали поэтому тенью судей, а вся сила, знание и право остались за инквизиторами, которые со временем могли совершенно их вытеснить и действовать не только вполне самовластно, но даже, как безапелляционное учреждение, независимо от римского престола. Что касается светской власти, то одной анафемы, которая безгранично расточалась папами в то время, было бы достаточно, чтобы заставить непокорных государей привести в исполнение всякую меру римского двора. Но, не пользуясь своим историческим могуществом, папство хотело с обоюдного согласия провести новую меру.

Светским судьям предоставили также мнимое участие в трибунале. Правительство и город назначали своих заседателей и других членов в трибунал, которые постепенно лишались всякого голоса в канонических делах, им малознакомых, и которые, опасаясь невольного, но легко возможного, перемещения на скамью подсудимых, должны были подтверждать приговоры инквизиторов. Третья часть конфискованных имуществ шла в вознаграждение за такую сделку правительству.

Преодолев эти препятствия, инквизиция встретила новые. Они заключались в отсутствии средств к существованию трибуналов. Надо было платить светским судьям, содержать инквизиторов, тюрьмы, кормить пленников, с достаточной церемонией исполнять постановления

инквизиции. Для этого придумывали разные источники, но, не желая нагружать народ новыми десятинами, сошлись на том, чтобы город содержал трибуналы на свой счет, а г. вознаграждение пользовался долей конфискаций и штрафов. Заручившись правом на существование, скоро став вполне самостоятельной, инквизиция через четыре столетия стала не только грозой тех же епископов, но и императора, и даже самого римского престола, который подчинила своему контролю. Она совершала безнаказанно всякие злодеяния, потому что убеждение в ее силе и даже святости укоренилось в умах.

Она назвалась «Служба святого следствия». Уже первые восстания против нее окружили ее ореолом какого-то страдальчества за правду. Протест, который сопровождал ее первые, робкие шаги, происходил даже от самых ревностных католиков. Он вырывался как вопль негодования средневековой общины, которая видела, что теряет свои существенные привилегии, первой из которых было право всякой личности судиться гласным, более или менее гуманным и независимым судом. Впервые после введения христианства религия явилась для людей откровенным гнетом. Уничтожение ереси не могло искупить всего зла, какое приносил с собой этот чуждый, азиатский юридический принцип. Либеральные римские и германские формы суда успели пустить глубокие корни на Западе; вырвать их могли лишь после сопротивления и только авторитетом религии. Взрывы негодования проявились во всех странах и нельзя не подметить в них борьбы за старое право против нового. В пример можно привести историю Роберта Бугра.

Во Франции, Людовик IX принял под свое покровительство страшного доминиканца, инквизитора Роберта, прозванного позорным именем «Bougre»^{*1}. Его происхождение неизвестно, может быть, он действительно был из Болгарии. В 1215 году (по словам хроникера Альберика) он прибыл в Милан и был ревностным катаром и проповедником ереси. Двадцать лет жизни в Милане изменили его. Сквозь деятельность Доминика он не мог не подметить внутреннего обновления католической Церкви. Он сделал Доминика своим идеалом. Мы не знаем, по искреннему ли убеждению или ради выгод он отступил от ереси - первое вероятнее. Он вступил в общество доминиканцев. С всегдашней ревностью отступников он гнал своих прежних собратьев. Его знание ереси и красноречие приобрели ему большой авторитет между доминиканцами и сделали из него опаснейшего врага альбигойства. Ему поручили миссию во Фландрии и северной Франции около 1236 года. Там его неистовства не знали пределов. Отличаясь от природы жестоким характером, он теперь полностью оправдал возлагаемые на него ожидания. По выражению Матвея Парижского, он был и «обвинителем и палачом». Раз он присудил к костру сто восемьдесят три еретика в одном местечке в Шампани. Когда он в жестокости своей перешел всякую меру и все чаще и чаще стал жечь невинных ни в чем католиков, то из Рима решились напомнить ему об осторожности. Но он не унимался. Те полномочия, которые он имел сами собой увлекали сурового доминиканца. Его суд сделался судом сатрапа, руководимого какой-то бессмысленной ненавистью. Наконец папским распоряжением было велено посадить обезумевшего монаха в тюрьму, где он и закончил свою жизнь (53).

Подобные же факты случались в Италии. Во Флоренции ересь долго существовала безнаказанно. Там, по обычаю, первые два воскресенья рождественского поста архиепископ торжественно вразумлял приоров в церкви Санта-Мария-Новелла, чтобы они преследовали ересь и изгоняли еретиков, но безуспешно. Законы существовали им присягали, но ересь, по видимости задавленная в Лангедоке, только усиливалась во всей Тоскане и Ломбардии вплоть до тридцатых годов XIII столетия Альбигойский архиерей Филипп Патернон был задержан доминиканцами, но отрекшись для вида, получил свободу. Вместе со своим помощником он стал действовать вновь. Некоторые из его учеников страдали безумием. Так один проповедовал с закрытыми глазами, будто во сне он толковал, что часто бывает на небе около божественного престола вместе со своими товарищами. Новый архиепископ флорентийский, Ферабоски, принял более решительные меры. Он устроил инквизиционный трибунал в монастыре Санта-Мария-Новелла. Фра Руджеро де Калка-ньи, из купеческого семейства, был первым инквизитором. Город дал ему нотариуса и советников. В его руках дело пошло быстро — началось штрафами, кончилось казнями. Еретические проповедники бежали в Милан. Там пока не было инквизиции. Один из допросов навел флорентийскую инквизицию на целую политико-религиозную ассоциацию. Ее приверженцы были кавалеры и дамы с аристократическими именами Барони, Пульче, Каваль канте, Убальдини... По политическим убеждениям они были гибеллины, считали себя не подлежащими

^{*1} «Бугр» то есть «болгарин» стало позорным прозвищем как синоним имени «богомил». См. I том, глава 2.

судам флорентийским, имели свои собрания и за городом даже выстроили свою крепость, чтобы иметь возможность укрыться в случае преследований инквизиции.

Руджеро имел смелость схватить некоторых из них в том числе нескольких женщин из семейства Пульче и Поппи. На допросе Пульче смело говорила, что Христос не воплощался, что Дева Мария была не женщина, а один из ангелов, что в евхаристии нет тела и крови Христовой. Между тем Барони произвел нападение на тюрьму и освободил пленников. Флоренция разделилась на две партии, за инквизицию и против нее, вооруженные дружины той и другой стороны дрались между собой на улицах. Папа просил синьоров внушить горожанам уважение к закону. На помощь Руджеро был прислан из Милана тамошний инквизитор Петр Веронский. В молодые годы он был альбигоец, а в зрелых годах отрекся от ереси и стал, подобно Роберту, фанатичным доминиканцем. В Риме возлагали на него большие надежды и поручили ему инквизицию в Милане.

Прибыв в 1244 году во Флоренцию, он произвел фурор своими проповедями. На площади кафедрального собора не хватало места для желающих слушать его. Синьория, по его желанию, расширила площадь. Антиинквизиционная партия была побеждена народным оратором. Теперь он проявил также талант организации. Он создал во Флоренции несколько обществ, которые должны были охранять инквизицию. Много дворян вызвалось по очереди держать стражу около монастыря доминиканцев; другие должны были исполнять их распоряжения.

Это общество называлось «Священная милиция капитула Санта-Марии». Оно получило от Петра белое знамя с красным крестом, которое цело еще по сие время и хранится в Santa Maria Novella. В этом новом обществе Петр хотел воскресить доминиканскую «милицию». Тогда же появился во Флоренции орден слуг, который отдался инквизиции и члены которого исполняли разные поручения и службы при инквизиторах. Вместе с тем усилились аресты и начались казни. Из процессов, большая часть которых еще не напечатана, не видно, чтобы инквизиторы прибегали к пыткам. Не желавших клясться они просто передавали в руки синьории.

Несколько дам из фамилии Поппи были казнены. Петр Руджеро привлекли к трибуналу и самих Барони, но те протестовали против суда, объявили его решения незаконными и бесчеловечными, апеллируя к императору. В те годы борьба между Фридрихом II и папою стала смертельною. Иннокентий IV, преемник Григория IX, этот злой гений Фридриха II, должен был бежать из Рима со всей курией. Император принял участие во флорентийских делах — так к смутам религиозным присоединились политические.

Императорский подеста во Флоренции, бергамец Пезаньола, приняв Барони под свое покровительство, в свою очередь, протестовал против постановлений инквизиции и велел выпустить заключенных на свободу. Здесь Фридрих II впервые встал на ту высоту, которая была достойна его гения. Он единственным из государей явился в этот момент благородным сторонником терпимости и защитником гонимых, хотя действовал таким образом не по искреннему влечению, а по политической необходимости.

Дело далеко не кончилось смелым поступком подесты. Оно от этого только разгорелось. Инквизиторы торжественно отлучили Пезаньолу. Это вызвало еще больший раздор. Враги новых порядков встали на ноги; они опирались на императорские силы.

Раз, во время воскресной проповеди Петра, в кафедральный собор ворвались еретики, и началась свалка. Петр послал за своей милицией, а сам скрылся. Побоище перешло на площади Санта-Феличита и Треббио. Инквизиторская партия одержала в нем верх.

Когда же пришло известие из Лиона об анафеме императора и о том, что он лишен престола, то соперники инквизиторов должны были уступить, чтобы навсегда покориться силе, хотя и с болью в сердце. С 1245 года инквизиция восторжествовала и упрочилась во Флоренции. Петр возвратился в Милан.

Здесь его суровая энергия искала новой борьбы; он рассчитывал на новую победу. В его отсутствие в Милане появилась та же враждебная оппозиция против инквизиции и даже против религии, как и во Флоренции, хотя в городе было несколько доминиканцев. Еретики, соединившись с гибеллинами, наносили оскорбления Церкви, мешали богослужению, переворачивали кресты. Петр вновь открыл трибунал и для примера передал нескольких человек консулам для казни. Это подействовало, хот и не уничтожило жестокой вражды миланцев к их гонителю.

Пять лет продолжался этот террор. Что Петр в своем фанатизме переходил известные пределы, предоставленные инквизиторам, видно из следующего факта. В 1251 году, после кончины Фридриха II, начались политические волнения в ломбардских городах с видимым

участием альбигойцев. Папа Иннокентий IV нашел необходимым послать Петра в Кремону, а в другие города и места Ломбардии — прочих доминиканцев, «для уничтожения еретической заразы». При этом папа делает некоторое поставление Петру. Он предоставляет действовать ему само стоятельно, но опираться и на епископский совет. Когда найдутся виновные и они после допроса не захотят повиноваться приказам Церкви, то против них, их соучастников и покровителей Петр, указав предварительно последствия их упорства и прибегнув к угрозам, должен поступать сообразно каноническим постановлениям, призвав против них, если то потребуется, содействие светской власти. Тех же, кто вполне и искренне отречется от ереси, он может принимать в лоно Церкви, согласно канонам, но посоветовавшись с епископом, наблюдая при том, чтобы не прокрались волки под наружностью агнцев.

Это ограничение епископской волей является поворотом назад; оно могло быть вызвано только крайней жестокостью и самовластием Петра, так как не применялось к другим инквизиторам. Города, общины, начальства, вельможи за сопротивление должны быть отлучены, и против них поручается начинать крестовый поход, как бы дело шло о завоевании святой Земли. В заключение папа предоставлял Петру раздать по его желанию и выбору двадцати-и сорокадневные индульгенции тем, кто придут на его проповедь и принесут покаяние (54).

Петр поехал в Кремону и навел там такой же страх как и в Милане. Он объехал еще несколько мест, был в Комо, и, возвращаясь на другой год в Милан, получил назначение инквизитора по всей Ломбардии. Но там сами католики не желали переносить его жестокости и самовластия. Уже давно там составилась против него заговор и подкупили убийц; Петр, вероятно, об этом знал. По крайней мере он всегда ожидал насильственной смерти и предсказывал ее. Раз он в Милане, на площади Sant Eustorgio, в присутствии громадной толпы прямо сказал:

— Я знаю, что еретики оценили мою голову и что уже приготовлена плата моему убийце, но пусть будет им известно, что на том свете я буду страшнее, чем здесь.

На этот раз убийца нашелся. Двое миланских вельмож, Альлате и Онтроне, заплатили ему сорок ливров. Он пошел навстречу Петру и встретил его на полдороги. Он подошел под его благословение, долго шел с ним рядом, потом нанес ему смертельный удар в голову и скрылся. Петр, видимо, долго боролся со смертью. Он один лежал на пустой дороге. Истекая кровью, он твердил последнюю молитву, потом прижал к груди своей крест и, мертвешою рукой написав на земле «sciedo», как бы свидетельствуя тем свою искренность, испустил дух. Прохожие узнали его, подняли и принесли в монастырь.

Доминиканцы похоронили его с торжеством. Римская Церковь признала его святым и наименовала мучеником. На том месте, где он погиб, соорудили храм, а на площади Eustorgio, в память о его кровавых подвигах, красуется арка, один из древнейших памятников средневековой скульптуры. На ней доминиканцы написали латинскую эпитафию, поучая потомство, как надо «мечом истреблять катаров» (55).

Ходил слух, что убийца бежал в Форли и, мучимый совестью, стал вести подвижническую жизнь. Он принял схиму и был известен под именем блаженного Маркелино. Горожане при жизни почитали его святым.

Иннокентий IV пришел в страшное негодование получив весть о мученической смерти Петра. Он поклялся с этой минуты не давать никакой пощады ереси. Инквизиционные преследования, которые он сам прежде сдерживал и которые были причиной убийства, он решил отныне не смягчить, а усилить. Это было тем легче для него что он освободился теперь от другого, более страшного еретика. Курия уже не боялась Фридриха II.

Нам следует несколько оглянуться назад, чтобы оценить то положение, в котором находилась Римская Церковь в 1251 году, и описать последние фазы папско-императорской борьбы. После кончины Григория IX на папском престоле воцарился человек со столь же несокрушимым упорством, с той же силой воли. Стоит только кинуть беглый взгляд на характер Иннокентия IV и его борьбу с Фридрихом II, чтобы понять, как он смотрел на Ломбардию и Лангедок.

Иннокентий IV принял тиару в минуту крайней опасности. Император был отлучен, но торжествовал над папой. Мы упоминали, что Григорий IX проклял Фридриха но ничем не мог подкрепить своей анафемы. Бестактностью буллы 1239 года он отвратил от себя общественное мнение в Европе. Папские крестоносцы оказались бессильны. Запылали села Церковной области, сдавались папские города и замки. Богатые монастыри не спаслись от грабежа. Григорий не уступал. Ежедневно с религиозными процессиями он обходил свою столицу с колокольчиком в

руках и звал епископов со всех концов католического мира на римский собор. Но сообщения были прерваны. Проезжих духовных лиц задерживали и наказывали.

Фридрих II смотрел теперь на всех монахов, священников и епископов как на своих личных врагов, уничтожал их привилегии и не стеснялся поступать с ними как с мятежниками. Если бы он вопреки своему веку выиграл борьбу, то Церковь лишилась бы светской власти. Дряхлому и бессильному папе, все еще сохранившему непреклонный дух, грозил позор плена.

Григорий IX не дождался такого унижения. Этот сто летний старик умер двадцать второго августа 1241 года и самую страшную для него минуту и свою ненависть унес с собою в могилу.

Фридрих II нарочно поддерживал внутренний беспорядок в самом Риме, думая воспользоваться следующим избранием в своих интересах. Дряхлый Целестин IV правил только один месяц. Полтора года папский престол был вакантен. Иннокентий IV был избран лишь в июне 1243 года. Казалось, он мог потушить борьбу. Он считался личным другом Фридриха II и товарищем его детства. По родовым убеждениям он принадлежал к партии гибеллинов. Генуэзский дом Фиеско, из которого он происходил, в течение трех столетий верно служил императорам. Синнивальд Фиеско был сыном императорского фискального начальника в Италии. Он с самых молодых лет избрал духовную карьеру. В Болонье он читал каноническое право. Первые шаги его духовной карьеры были успешны. Григорий IX сделал его кардиналом. Тогда-то Фридрих II понял, что потерял в нем лучшего друга, так как никогда папа не станет гибеллином. Тиара ревниво требовала служения только одной себе. Так случилось и теперь. Иннокентий IV тем же гордым тоном повторил отлучение Фридриха и потребовал, чтобы император или оправдался в взводимых на него обвинениях, или оказал покорность Святой Церкви. Иного примирения и быть не могло.

Фридрих ответил новым вторжением в папские владения. Иннокентий IV из города Сутри, где чуть было не попал в плен сарацинам и еретическим наемникам императора, бежал в Геную, а оттуда в Лион. Здесь был созван собор, на который пригласили и Фридриха II. Но он отказался признать его авторитет и послал своего легата Фадея Суезского. Красноречие последнего было бесполезно. В присутствии сто сорока духовных лиц, императора Константинопольского^{*1}, и Раймонда VII Тулузского, папа 11 июля 1245 года торжественно объявил Фридриха еретиком. Вместе с теми, кто оказывает ему содействие, он лишил его престола, разрешив подданных от присяги, и повел избрать нового императора (56).

Так порознь поражала Церковь светских государей, ловко разделяя их силы и могущество. Раймонд Тулузский был теперь отомщен самой судьбой. Фридрих II, который некогда предал его, казнился тем же оружием.

Этот решительный удар был не только слишком чувствительным, но и роковым для императора. «Этот день гнева», как воскликнул Фадей Суезский, печально осветил все будущее несчастного Фридриха II. Сперва император хранил притворное спокойствие.

— Кто дерзнет тронуть корону на моей голове? — говорил он. — Какой это папа смеет отлучить меня? Нет, не потеряется моя корона, только пролив реки крови, папа и собор отнимут ее от меня.

Но он с отчаянием погибающего в тот же год увидел, как все, кто некогда был преданным ему, стали покидать его, точно зачумленного. В Германии императором избрали ландграфа Тюрингии, Генриха Распе. Этот поповский король действовал, правда, недолго, но вся империя была охвачена волнением. В Германии настала анархия кулачного права. В Италии города Ломбардии приняли сторону папы, который награждал их за это инквизиторами. Фридрих II должен был поспевать везде, но он не мог быть всегда в местах опасности, а там, где его не было, сейчас же начиналось отложение.

Глава христианского мира проповедовал тогда крестовый поход, но не против мусульман, а против императора. Он обещает сотни индульгенций тем, кто поднимет оружие на Фридриха; им простится всякое преступление, и не только им, но даже их отцам и матерям. Напротив, страшные наказания ожидают ослушников, всех тех, кто сохранит хоть малейшую привязанность к императору. Вес ужасы ада обрушатся на дерзновенных, и все такие города теряют свои привилегии, свои права; такие бароны лишаются своих ленов, духовные лица своих мест и степеней (57).

Подобные документы показывают лучше всего, как нравственно вырождалось папство с того года, когда вступило в борьбу с Фридрихом II. Оно ничем не могло скорее подорвать своего

*1 Имеется в виду император Латинской империи Балдуин II (1238-1261).

авторитета, как сделав эту злобу дня делом всей Церкви. Отсюда понятно, на что в чаду борьбы способна была Церковь против еретиков. Их оставили в покое, пока не уничтожили Фридриха, но логика события связывала судьбу императора с судьбами еретиков.

Император в унижении просил мира, ему отказали. Папа требовал войны. Ходатайство Людовика IX за императора было отвергнуто Иннокентием. Церкви был нужен труп Фридриха II. Ходило темное подозрение, что враги не остановились перед ядом и что орудием Рима, хоть и неудачно, стал любимец императора, его канцлер Петр Винецкий (58). Известно только, что канцлер был казнен около того времени и, вероятнее всего, пострадал невинно, пав жертвой придворной зависти. Несчастья обильно сыпались на голову Фридриха II. Томительно грустно прошли для него эти последние годы. Умирая 13 декабря 1250 года в апулийском замке Фиорентино на руках своего любимого сына Манфреда — такого же поэтического энтузиаста, каким некогда он был сам, — Фридрих, в одежде цистерцианского монаха, исповедался и приобщился из рук архиепископа палермского. Пыл молодости охладил; страсти успокоились. Смерть его была мучительна. К страданиям недуга присоединилась тяжкая душевная боль. На одре смерти он скорбел за проигранное дело светской власти, за попранные Церковью его законные права. Он умер с безнадежным взором в будущее.

«Этот еретик и богохульник» завещал своим детям и будущему императору Конраду «неизменную покорность Святой Римской Церкви». Но чем отплатила эта всепрощающая Церковь своему побежденному, униженному и уже мертвому сопернику? Ее безграничное озлобление дошло этот раз до цинизма.

«Как небеса не возрадуются, — со всей свойственной ему оригинальностью восклицает Иннокентий IV, извещая Европу о смерти Фридриха II, — как земля не возвеселится! Молнии и бури, так долго гудевшие над нами, наконец утихли, благодаря неизреченному милосердию Господа; теперь свежая роса и сладкие зефиры. Исчез тот, который терзал нас гнетом мучений» (59).

Самая смерть ненавистного императора не успокоила курию; она оставила ее в каком-то мрачном сомнении. Монахи не верили его смерти, они боялись воскресения Фридриха. Этот страх, напущенный на Рим загробной тенью врага, скоро найдя осуществление в появлении самозванцев, питался еще тем положением дел в Германии, которое не могло не быть благоприятно и еретическому движению. Ужасные междоусобицы, полная анархия, затеянная папой, долго продолжались в ней после смерти Фридриха II. Швабия и Рейнские земли были особенно потрясены. В одной их хроник читаем по этому поводу:

«В Церкви Божией стали появляться странные и бездельные еретики, которые созывают колоколами баронов и владельцев в швабском Галле и публично проповедуют, что папа — еретик, епископы и прелаты — симонисты и еретики, низшее духовенство и священники, подверженные человеческим порокам и грехам, не имеют власти вязать и разрешать, что все они лишь морочили и морочат людей... Богохульствуя, эти грешники приказывают молиться за императора Фридриха и его сына Конрада, так как они-де оба добры и справедливы» (60).

Обе стороны пострадали в этой тяжелой борьбе, и обе достаточно опозорили свой нравственный авторитет, обе вышли с тяжелым уроном, одна с победой, но с потерей нравственного обаяния, другая побежденной, но посеяв в мире великий принцип обновления и освобождения от клерикального гнета. К сожалению, Фридрих не хранил должного спокойствия для совершения своего великого дела. Он не всегда держал свое знамя на должной высоте и только смутно, и то впоследствии, осознал свое назначение.

Вместо того чтобы опереться на враждебные Церкви элементы в форме ересей, к которым он лично не питал вражды, и тем усилить их и создать действительную оппозицию, которая всегда стала бы за него, он действовал бессознательно, порывисто. В нем то бурно проявлялись дикие, старые начала нетерпимости, то оказывалось слишком мало любви, мало пощады к современности. Это зависело от его личности. Итальянский гуманный дух слился в нем с варварской жестокостью и восточными нравами. Являясь по идеям представителем нового времени, он по характеру оставался средневековым человеком. Неудача постигла его потому, что он не встретил в современниках достаточного сочувствия ни к себе, ни к тем идеям, которыми он хотел загладить свои прежние ошибки.

Победив его, Церковь осталась вполне независимой, самостоятельной в своих действиях. Только Фридрих мог бы остановить ее инквизиционные стремления, если бы решительно оперся на гонимых за религиозные убеждения и объявил себя их покровителем. Теперь папство могло сосредоточиться на окончательном подавлении всякого сопротивления. Год убийства Петра

Веронского как раз совпадал с этим моментом. Мы заметили, что это убийство только более ожесточило Иннокентия IV. Как нарочно, приходили вести о новых мятежах против инквизиции.

Республиканский дух ломбардских городов, которые некогда так радушно приветствовали папу, как своего освободителя от императорского деспотизма, не мог выносить наглого нарушения вечного права со стороны папы и его агентов. Скоро пострадал в Кремоне за свою свирепость Фра Роландо. В Вальтелине положительно нельзя было учредить трибунала. Явившиеся туда инквизиторы Фра Пагано да Лекко и его товарищи были тотчас убиты. В Милане убийство повторилось. Два влиятельных и богатых патарена удушили минорита Петра д'Арканьяго. Но все это отчаянное сопротивление способствовало лишь окончательному упрочению инквизиции. Пролитая кровь была бесполезна.

В мае 1252 года Иннокентий IV подтвердил всем ломбардским властям, что причастные к делам ереси должны быть немедленно изгнаны и имущества их конфискованы. Приговоры, постановленные над еретиками, предписывалось неуклонно приводить в исполнение (61). Через четыре дня последовали более подробные указания тем же лицам. В них впервые читаем устав инквизиции, намеченный рукой папы. В нем содержатся тридцать восемь постановлений; они, собственно, предназначены служить руководством для баронов и городских властей, регулируя их ношение к инквизиторам. Все законы, изданные относительно ереси, были для них обязательны, за малейшее уклонение взыскивался штраф в двести марок в пользу коммуны, и виновный, само собой, объявлялся клятвопреступником и бесчестным. Как друг ереси, заподозренный в чистоте своей веры, он лишался своей должности и всех почестей; навсегда возбранялось его допущение к исполнению общественных обязанностей. Все еретики обоого пола и их дети подвергались поголовному изгнанию, о чем в городе предписывалось объявлять на народном собрании.

Папа понимал, что эта мера исполнена быть не может, так как гонение имело свою одинаковую силу во всей католической Европе, он знал, что его врагам деться некуда, — только мусульманские страны могли бы дать приют еретикам.

На третий день по вступлении в должность всякий подеста или правитель города должен был избрать двенадцать католиков незапятнанного поведения, двух нотариусов, которые вместе с двумя доминиканцами и двумя францисканцами составят инквизиционный трибунал; при нем имеется несколько служителей. Епископ может присутствовать в нем, если пожелает. Подеста назначает от своего имени в трибунал асессора, угодного епископу или инквизитору. Власть трибунала простирается на весь дистрикт диоцеза. Каждый из его членов может распоряжаться над еретиками порознь. Светские члены трибунала, называемые официалами, могут смениться через шесть месяцев, но власть их может быть продолжена. Они избавляются от исполнения всяких других обязанностей. Трибунал содержится третьей частью конфискации и штрафов. В случае отлучки из города по делам веры члены его официально получают от правительства восемь или десять императорских ливров. Все должны помогать инквизиторам и содействовать им всеми способами под страхом пени с дома десять ливров, с города — сто, с селения — пятьдесят. За личное сопротивление со стороны арестовываемых, за искушение освободить еретика и еретичку из рук служителей, за недопущение агентов инквизиции в какой-либо дом или башню на основании законов Фридриха II назначены конфискации, вечная ссылка и срытие дома; если же там найдутся еретики, то двойные штрафы против показанных. Городское начальство обязано наблюдать за тюрьмами, где заключены еретики, иметь для последних особое помещение, где бы они были отделены от разбойников, и содержать их за свой счет. Через пятнадцать дней арестованные приводятся к допросу епископа, викария или инквизитора. Осужденные за ересь передаются для наказания в руки светской власти, которая поступает с ними согласно существующим постановлениям не позже как через пять дней. Подеста или правитель города должен на своем суде пыткой или ужасом смерти заставить еретиков («как разбойников и убийц душ человеческих») выдать имена их единомышленников, покровителей и защитников, подобно тому как заставляют прочих преступников выдавать имена участия коз злодеяния. Но здесь была та разница, что еретики на пытке должны были указать и имущество своих собратьев. Три особых свидетеля из надежных горожан по особому назначению асессора под клятвой обязывались тайно следить за еретиками дистрикта, указывать на их имущества и тайные собрания.

Относительно пособников ереси было списано падуанское постановление Фридриха II. Имена осужденных велено хранить в особой книге, которой иметь четыре экземпляра: для города, епископа, доминиканцев и францисканцев, и читать их торжественно три раза в год на народных собраниях. Штрафы должны взиматься не позже трех месяцев; тех, кто не может заплатить в срок, держать в тюрьме до уплаты. Эти пени и конфискации имущества делятся на три части: одна в

пользу городском общины, другая идет официалам, а третья на образование фонда для искоренения ереси и прославления веры хранящаяся по указанию епископов и инквизиторов в безопасном месте. Если кто-либо осмелится делать изменения и облегчения в этих постановлениях без согласия апостольского престола, то светская власть обязана счест, такого за защитника и друга ереси, подвергнув его позору и штрафу в пятьдесят ливров, а за неуплату — изгнанию, которое может быть заменено лишь двойной пеней. На народных собраниях необходимо иметь этот документ чтобы не могло последовать каких-либо несогласных с ним постановлений, а также сделать его известным и между сельским населением. Новые постановления вместе со всеми прежними законами и статутами, когда-либо утвержденными святым Престолом, иметь в четырех экземплярах, подобно списку еретиков.

Из приведенного изложения буллы 1252 года можно вывести, что она вводила только два новых пункта и инквизицию. Она разрешала пытку, а в трибунале уравнивала францисканца с доминиканцем. Иннокентий IV не был расположен усиливать преимущества доминиканцев; оба ордена были в его глазах одинаковы по своему назначению.

Скоро опыт показал, что монахи-инквизиторы, ревнуя о славе и чистоте святой веры, не чужды земной корысти и выгод, хотя Доминик на смертном одре произнес анафему против тех своих последователей, которые внесут в орден соблазн собственности. Папа разрешил итальянским доминиканцам и инквизиторам вообще пользоваться вознаграждениями из штрафных денег, предполагая тот же размер, каким довольствовались светские члены трибунала.

Так, учреждение, искавшее прежде одних духовных задатков, постепенно изменяя свою организацию, получило чисто фискальные атрибуты. Папа затронул самые чувствительные струны и скоро достиг цели. Он возбуждал алчность, корысть, соблазн, пороки, устроил систематический грабёж, облек его священной целью, чтобы только уничтожить всякую оппозицию. Народный голос и на легенда называли не без основания Римскую Церковь эпохи Иннокентия IV и его преемников меняльной лавкой.

Через несколько лет, 9 марта 1254 года, Иннокентий IV счел нужным дополнить свой устав и сделать его общеобязательным не только для одной Италии. Он смело вводил в закон то, что утвердила практика еще с 1229 года и что стеснялся предписать Григорий IX. Полагая, что обнародование имен доносчиков и свидетелей было бы скандально и опасно, он строго запретил его. Тем не менее, оговаривался папа, эти лица должны пользоваться полным доверием (62). Но постановление соборов уже давно предписывало такое правило. Так, в Нарбонне еще в 1235 году двенадцатым каноном было запрещено открывать имена свидетелей, а двадцать четвертым каноном лангедокское духовенство предупредило желания самой курии; оно постановило принимать в свидетели и обвинители даже преступников и обесчещенных, даже, наконец, сопричастных преступлению, которым, естественно, ничего не было терять (63). Все это было подтверждено последующими соборами.

Императорский престол утверждался ценой гонения еретиков. Конрад был последним императором из дома штауфеновских герцогов. Конрадин^{*1} был еще ребенком, и его преследовала Церковь. Авантюрист Ричард Корнуэльский получил от папы Александра IV^{*2} приглашение занять вакантный немецкий престол. Конечно, среди анархии, объявшей Германию, Ричард мог быть только номинальным государем. Никто из немецких князей его не знал и не признавал. Он не успел даже короноваться. Но тем не менее он спешил отблагодарить папу и в 1257 году подтвердил смертную казнь за ересь, а имущество еретиков сделал достоянием императорского фиска. За каждое богохульное слово, сорвавшееся с языка, следовало отдельное наказание, как и за суетную божбу. Судья дистрикта должен неуклонно следить за такими людьми и не только облагать их штрафом, но и щадить их тела и даже жизни. За злобное кощунство, как за ересь, полагалась смертная казнь. Не донесшие виновны перед законом. Можно представить, что произошло бы в Германии в руках этого человека, если бы он утвердился на престоле. Подобного же государя искал Александр IV и для Сицилийского королевства. После падения Гогенштауфенов заветной целью Рима было не допустить соединения южной Италии и Германии

^{*1} " Конрад умер в 1254 году, однако его брат Манфред, король Сицилийского королевства, продолжал борьбу с папой до 1266 года (когда был побежден Карлом Анжуйским и взят в плен). Конрадин — внук Фридриха II.

^{*2} '2 Преемник Иннокентия IV.

в одних руках. Урок был слишком тяжел для папства. Фридрих II мог теснить Рим с двух сторон. Его сына Манфреда Церковь не признавала, и он был под отлучением.

Внук Иннокентия III, Александр IV, решил поправить ошибку своего великого деда. Судьба дала ему роль раздавателя престолов. Но в бессильных руках эта роль стала призрачной. Тот самый Манфред, побочный сын Фридриха, которого папа так презирал, возбудил против него интриги в Риме и заставил его бежать в Витербо. Оттуда папа посылал свои буллы. Раздаватель тронов умер в изгнании.

Сын французского плотника из Труа, даровитый Урбан IV, призвал против Манфреда сурового Карла Анжу брата Людовика IX, женатого на Беатриче, дочери последнего графа Прованса. Французскому принцу суждено было на полях Беневенто и Тальякоццо погубить последнего представителя Гогенштауфенов^{*1}, кровью и казнями устранить всякое сопротивление и воцарить в Италии ту же страшную нетерпимость, которая систематично водворялась тогда его братьями во Франции и в Лангедоке. Французский папа торжествовал, не думая о будущем.

Климент IV, преемник Урбана IV, уроженец Лангедока, один из легистов Людовика IX, только недавно принявший духовное пострижение и прославившийся своим инквизиторством в качестве архиепископа нарбоннского, был свидетелем осуществления всех пылких мечтаний курии. Германия была бессильна и, казалось, погибала в крови своих детей; король Франции был его другом; призрак Гогенштауфенов уже не мог пугать; Церковь попраля всех своих врагов; ее инквизиторы истребляли с корнем последних ертиков.

Такими, можно сказать, ужасными успехами Рим был обязан наследственной энергии и талантности целого ряда первосвященников, занимавших престол с самого начала XIII столетия. Рим был вторично в зените своего могущества. До такого величия папство не доходило ни раньше, ни позже. Но, по непреложным законам истории, тогда же началось его падение. Видимые успехи заключали в себе Иачало разложения; последнее коренится в первых. Инквизиционные трибуналы, гибель Фридриха II, водворение французов в Италию — все эти признаки торжества были вместе причиной постепенного падения папской силы. Тот же самый Карл Анжуйский, получивши престол на вассальных условиях от пап, скоро снял маску ложной покорности, противопоставил физическую силу угрозам духовенства, прогнал папу из Рима и сделал прежних властителей Запада своими орудиями.

Жалкое состояние застало вождей католического мира на другой день их полного счастья и торжества. Обводя торжествующим взором Европу, они не могли даже догадываться, что их страшная сила грозит сделаться лишь славным преданием минувшего. Но созданную ими инквизицию уже нельзя было поколебать. Ее необходимость чувствовалась тогдашним обществом сознательно. Она могла развиваться помимо пап, потому что причины ее скрывались вне их воли.

В Лангедоке, во вместилище ереси, всякое равнодушие к исполнению желаний святой инквизиции принималось за сочувствие к ереси и за защиту ее. В этом смысле отозвались соборы в Альби в 1254 году и в Безьере в 1255 году. Они предписывали относиться к решениям инквизиторов со всем рвением. Инквизиторы представляли свое дело даже на суд народа, уверенные, что он выскажется в их пользу.

Александр IV в последние годы своей жизни из места своего изгнания не уставал снабжать инквизиторов предписаниями. Он сделал инквизиторов совершенно самостоятельными и предоставил им право обвинений и наказаний без совета с епископами и их викариями. Еще 1 декабря 1255 года он предписал провинциалу доминиканцев в Париже и начальнику французских миноритов преследовать истреблять еретиков по всей Франции, кроме Лангедока, которым специально заведовала тулузская инквизиция. В январе 1257 года такое же неограниченное право было вручено ломбардским инквизиторам, а в декабре того же года — тулузским (64).

Последние получили даже уверение, «что никакой папский легат и субделегат, никакой из папских уполномоченных никогда не может произнести над ними и над их четырьмя нотариусами отлучения или исполнить какое-либо церковное наказание, пока они занимаются карой ереси».

Только одному папе стали подчинены теперь инквизиторы, только его подпись могла решить их участь. Епископы были умалены в своей силе.

Не разделяя ложной мысли об исключительных способностях к инквизиции доминиканцев, Александр IV те же полномочия предоставил францисканцам. На практике это существовало уже

^{*1} При Тальякоццо в 1268 году Карл подавил последнее сопротивление Гогенштауфенов. В 1282 году на Сицилии поднялось восстание против власти Карла, и этот остров отошел под власть Арагона.

давно, например в Тулузе, где состав инквизиции был смешанный. В противоположность Григорию IX, Александр IV питал особенное расположение к ордену святого Франциска. Почти все его буллы обращены к миноритам. Но францисканцы, получив теперь возможность открывать отдельные трибуналы по собственной инициативе, оказались не столь опытными в своем деле. Они обратились за указаниями к папе по многим ему щавшим их вопросам. Разрешая их, Александр IV, между прочим, отстранил от подсудности инквизиторам все дела о волшебстве и ложных пророчествах, предоставив их светским судам. Отпавших духовных лиц он предписывал подвергать пожизненному заключению после предварительного расстрижения. Тех же духовных лиц, которые входили в какую-либо сделку с еретиками, инквизиторы могли сами, помимо духовного начальства, хватать, судить и присуждать к наказанию, имея в виду, что наказания над духовными лицами должны быть строже (65). Касса, принадлежащая инквизиции, должна храниться под печатью епископа и трех надежных лиц, но расходоваться трибуналом, который дает епископу отчеты. Рекомендую всем светским властям францисканцев, папа даровал духовным членам трибунала полную индульгенцию, а светским — на три года. Наконец, он предложил, чтобы в городах и общинах ере тики получали наказания в народных собраниях.

20 марта 1262 года Урбан IV снова обратился к домини канцам. Он подтвердил ломбардским инквизиторам постановления своих предшественников относительно ереси, но робко прибавил к тому несколько пунктов. Он пытался воскресить значение епископов, предлагая никого не присуждать к наказанию без совещания с ними. В случае спора он предлагал избирать посредниками двух духовных лиц для нового допроса свидетелей, показания которых записывает нотариус. Тайна показаний должна быть сохраняема всеми, если того пожелает трибунал, но имена свидетелем; могут быть преданы гласности, если не предвидится дурных последствий. Во всяком случае, Урбан вполне одобрил строгие законы Фридриха II и предоставил в распоряжение инквизиторов индульгенции.

Инквизиторы по-прежнему были подчинены только папе. В Испании, в силу его буллы, инквизиторство было предоставлено только доминиканцам. Им были переданы все инквизиционные дела, начатые другими. Конкретных исполнителей назначали и сменяли по своей воле провинциалы доминиканского ордена, в руках которых в конце XIII века оказались, таким образом, громадная власть и влияние.

Впоследствии почти каждый первосвященник свидетельствовал о мудрости Григория IX и Иннокентия IV, оставляя нерушимыми их постановления, и признавал законы Фридриха II образцовыми. Климент IV, и особенно Григорий X, некогда славно подвизавшийся в броне рыцаря под стенами Птолемаиды^{*1}, вполне одобряли воинственную деятельность нищенствующих братьев, но уже не могли вносить в нее никаких изменений. Да и сама по себе инквизиция уже упрочилась и не нуждалась в папских указаниях, развиваясь вполне самостоятельно. Она опиралась на общественное сознание. Мы видели, что самое существование ее было невозможно, пока проповедь мира и любви еще находила слушателей. Если инквизиция упрочилась, то лишь потому, что эти голоса более не раздавались и что самые замечательные люди эпохи, ее мыслители, были на стороне нетерпимости. Даже голос святого Бернара был для них непонятен. Со спокойной совестью, попирая всякую истину, новые богословы весьма развязно уверяют, что и Ветхий, и Новый завет, и все Отцы Церкви повелевают истребление заблудших.

«Потому не должно щадить ни отца, ни сына, ни жену, ни друга, если в них присутствует яд еретический... Тот, кто убивает нечестивых, не совершает человекоубийства» (66).

В середине XIII века появилась даже особенная философия убийства. Епископ парижский Вильгельм взялся по-своему объяснить притчу Спасителя о плевелах и пшенице (67).

«Иисус Христос не велит сберечь плевелы, но только пшеницу; когда нельзя сберечь первых, не вредя последней, то лучше и не щадить их. Отсюда следует, что там, где нечестивые распространяются в ущерб народу Божьему, не следует давать им размножаться, а надо их истреблять с корнем, и, конечно, телесной смертью, когда нельзя искоренить иначе... Потому убивают здесь по необходимости. Тот, кто уверяет, что сегодняшние плевелы могут после стать пшеницею, потому что могут обратиться к стезе истинной, совершенно прав, но такое обращение не есть факт. А то, что пшеница становится плевелом от общения с ним, это ясно и несомненно...» (68)

*1 Во время VII крестового похода (1249—1250 гг.).

Величайший из схоластиков и замечательнейший ум средних веков, Фома Аквинский, отказавшийся от всяких почестей и гордившийся одним именем «доктора», высказался так же чистосердечно и решительно за необходимость гонений, хотя и не сочувствовал многому в образе действий инквизиции.

И это было высказано не в силу симпатии к делу братьев его ордена, а лишь по комбинации тех отвлеченных соображений, среди напряжения которых провел всю жизнь этот человек. Его смущает противоречие факта с евангельским учением, и он прибегает к приемам схоластики, отречься от традиций которой ему было невозможно, оставаясь деятелем тогдашнего католицизма.

«Еретики, — говорил он в своем Богословии, — прежде чем презрели Церковь, дали известные обеты относительно ее, и потому их следует принуждать физически сдерживать обеты. Принятие веры есть, конечно, акт доброй воли, но поддерживать ее — дело необходимости. Можно ли терпеть еретиков? Вопрос этот представляется с двух сторон: по отношению к самим еретикам и по отношению к Церкви. Еретики, взятые сами по себе, грешат, и потому они заслуживают не только быть отдаленными от Церкви отлучением, но и изъятыми из мира смертью. Разрушать веру, которой живут души, преступление гораздо более тяжелое, нежели подделывать монеты, которая способствует только жизни телесной. Если же фальшивомонетчики, так же как и прочие злодеи, по справедливости присуждаются к казни светскими государями, то тем с большею строгостью следует относиться к еретикам, которых после отречения от ереси можно не только отлучать, но не несправедливо убивать. Что касается до Церкви, то она, исполненная милосердия к заблудшим, желает их обращения; потому она осуждает не иначе, как после первого или второго увещевания, согласно учению апостола. Если и после этого еретик упорствует, то Церковь, не надеясь более на его обращение и в заботе своей о спасении остальных, отлучает его от Церкви своим приговором, предает его впоследствии светской власти для исполнения смертной казни... И ест будет так, то это не противно воле Господней» (69).

Даже в XV столетии, когда истребляли последние остатки катарства в Боснии^{*1}, в дни начинавшейся зари Возрождения, папа Евгений IV в доктринальном тоне уверял своего легата в Боснии, что преступление ереси искупается только смертью (70).

Светская власть, веруя в ту же идею, со своей стороны, продолжала оказывать всевозможное содействие инквизиции. Реакция именно теперь дала папству таких коронованных слуг, которые фанатично были преданы ему, католицизму и Церкви. Это был контраст первой половине XIII столетия. Людовик IX и Фердинанд III Кастильский, эти иноки на престоле, были признаны святыми за свою католическую ревность. Последний даже сам приносил дрова на эшафоты, приготовленные для еретиков. Людовик IX всегда был готов жертвовать Церкви всеми земными интересами и даже самой своей жизнью. Он был счастлив, умирая за ее дело в песках Туниса, у стен древнего Карфагена^{*2}. Он выражает собою только идеалы средних веков; в его облике не отразилось ни одной черты нового времени. Он не внес ничего нового в историю человечества вообще, ни в государственную жизнь Франции в частности. Причиной его известности, обаяния его имени в потомстве было то, что он в замечательной гармонии воплотил в себе много лучших сторон минувшего. Он не обладал организаторскими способностями и ради небесного воздаяния жертвовал земными выгодами Франции. Он не скрывал этого от народа.

— Ты не король, а священник и монах, — сказала ему одна женщина.

— Да ниспошлет Бог лучшего государя Франции, — ответил ей король и приказал наградить ее.

Последний могоиканин средневековой идеи, Людовик IX бился, как рыцарь, во славу веры и Мадонны, пытаясь на своих слабых плечах поддержать феодализм. Он был последним государем, который питал сочувствие к нему вопреки династическим интересам; он никогда не хотел да и не способен был служить самому себе. Его доблесть отличалась также вполне средневековым характером. Самопожертвование, аскетизм, страх греха были стимулами его существования. Его талантливый жизнеописатель передает свой разговор с королем на пути в Египет.

— Сенешаль, что бы ты предпочел, — спросил его Людовик, — быть прокаженным или совершить смертный грех?

«Я, — вспоминает Жуанвиль, — никогда не обманывал его и не мог. Я сказал ему, что предпочел бы скорее тридцать смертных грехов, нежели быть прокаженным».

*1 Так называемую «боснийскую церковь».

*2 Во время последнего, VIII крестового похода в 1270 г.

Король обиделся и сделал строгое внушение Жуанвилю:

— Такой нет проказы, которая стоила бы одного смертного греха.

Но если Людовик IX презирал эгоизм и хотел жить для ближних, то нельзя согласиться, что он евангельски понимал это учение. Воспитанный в эпоху торжества узких римских идей, он в своей кроткой и любящей натуре затаил одну ненависть, которая терзала его всю жизнь, постепенно развиваясь. Прощая личные поношения, он не мог простить поношений веры. Сперва он надеялся, что вынужденного содействия Раймонда VII будет достаточно для подавления ереси. Он принял под свое покровительство нищенствующих монахов и определил, как мы знаем, в 1229 году плату за приводимых еретиков. Для; него ересь стала более, чем государственное преступление, уже за недонесение полагался штраф. Эта политика, естественно, должна была смениться истреблением непокорных. Знаменитые Постановления Святого Луи, изданные в 1270 году, являются самым крупным памятником нетерпимости и исключительности в вопросах совести. Они во многом опирались на местные парижские кутюмы, которые также обрекали смертной казни еретиков (71).

Такова была мораль средних веков: даже самые чистые ее представители, кроткие духом, как Фома Аквинский и Людовик IX, заражались злобой и местью, не присущими их натурам, когда шел вопрос о религии, ни душу не могла утолить одна внутренняя борьба. Людовик IX считал себя и своих подданных призванными метин, Бога. Ни он, ни они не должны сами спорить с врагами и еретиками.

«Но обязанностью всякого мирянина, — читаем у Жуанвиля, — в случае оскорбления христианской веры, прибегать к своему мечу и вонзать его в тела хулителей и неверующих так глубоко, как он войти может».

Странно было бы объяснять эту свирепость Людовика IX влиянием на короля его друга святого Фомы Аквинского, который долго жил в Париже в яковинском монастыре на улице Сен-Жак. Строжайший принцип мести и насилия в делах веры проводился и парижскими кутюмами и ассизами иерусалимскими. В Людовике IX принцип насилия совести должен был воплотиться более, чем в ком-либо из современников, по искренности его природы и по его способности фанатично отдаваться идее. Он три раза в неделю по постам жестоко бичевал себя плетью и три раза каждую ночь поднимался на молитву, как рассказывает его доминиканский духовник. Он хотел быть королем по писанию, судьей и царем ветхозаветным. Он считал себя обязанным давать отчет Богу в своем правлении. Он не лицемерил, подобно Фридриху II; не считал ересь государственным преступлением, и не мог владеть собой от злобы, услышав, гуляя по улицам Парижа, как кто-то вслух оскорблял величие Божие.

Однажды он велел схватить дерзкого богохульника и заклеить раскаленным железом его губы. Когда за это против короля пошел ропот, то он сказал:

— Я лучше бы сам позволил заклеить себя, чем допустить, чтобы подобные кощунства произносились в моем королевстве (72).

Папа Климент IV часто должен был удерживать короля от излишней жестокости и строгих мер, предпринимаемых во имя Бога. Вместе с евреями и еретиками король изгонял католических ростовщиков и банкиров. Проценты были для него выражением личного интереса, а по его высоконравственной философии эгоисты были неуютны Богу. В 1268 году он изгнал таким образом сто пятьдесят банкиров и конфисковал у них имущества на восемьсот тысяч ливров. Он сам ни во что не ставил личное оскорбление королевского достоинства, и, когда в 1243 году в Лангедоке вспыхнуло возмущение, он ничем не мстил Раймонду VII, обязав его только оказать содействие в изгнании еретиков. Он простодушно думал, что и духовенство руководится тем же бескорытием. Он полагал допускать католиков до владения землями и замками еретиков, издал даже об этом в 1250 году особый ордонанс, но инквизиторы тотчас стали противодействовать ему. Король уступил.

По «Уложению» 1270 года определено только движимость отдавать католическим наследникам, а недвижимую конфисковывать. С целью разъяснить права той и другой стороны короли назначали своих прокуроров во французские трибуналы. Они не имели влияния на самое производство дел. Лучшие статьи уложения Людовика IX касательно судопроизводства — например, сообщение всех документов подсудимому, арест обвинителя в уголовных делах наравне с обвиненным, необходимость показаний крайней мере двух свидетелей для допущения пытки — не применялись к духовным судилищам. Ложное обвинение в уголовном преступлении вело на виселицу; для инквизиции оно часто бывало необходимо. Костер, на который обрекало еретиков

«Уложение», приравнивал их в юридическом смысле к развратникам и содомитянам. Все прочие преступления беспощадно наказывались виселицей, либо увечьем, но не огнем.

В согласии со своими идеалами французский король хотел реформировать современное ему общество. С самоотречением и энергией, но с удивительным заблуждением он стремился осуществить на земле Царство Христа, чистых подвижнических нравов и хотел заставить развратников, убийц и обманщиков петь хором вечную молитву благодарения Творцу. Он преследовал эту цель до самой смерти. Для достижения ее он имел одно орудие — устрашение, средство, которое могло только развить зло, а не уничтожить его. Думая служить благу общества, Людовик IX служил своим личным чувствам и ненависти, сам не замечая того.

Его преемники унаследовали его систему. Филипп III подтвердил в 1271 году уставы своего отца касательно инквизиции. Филипп IV Красивый вступил в борьбу с Римом, но тем не менее предписывал ордонансом своим баронам, сенешалям и вассалам оказывать содействие инквизиции, обещал это под присягой инквизиторам и неуклонно исполнял постановления трибуналов. Лукавый и жестокий дипломат, далеко не благочестивый и вовсе не ханжа, ценивший людей настолько, насколько пользы они приносили своим достоинством, он пугается грозного призрака свободной мысли. Играя презрительно папским престолом и нанося непоправимый удар доселе непобедимому Риму, уничтоживший самого Бонифация VIII. Филипп Красивый остается слугой инквизиции. Он полагает ее разыскивать и казнить не только врагов католической Церкви, но даже врагов позорно униженной им папской власти.

Новая французская династия Валуа в лице Филиппа VI также объявила себя на стороне инквизиции. В 1329 году были возобновлены все прежние постановления относительно еретиков и инквизиции. По-прежнему под старыми сводами святого Стефана в Тулузе великий инквизитор принимал присягу членов наместнического управления и тулузского капитула в том, что они будут защищать святую Римскую Церковь, доставлять и обвинять еретиков, повиноваться Богу, Римской Церкви и инквизиторам.

Когда в 1340 году Людовик де Пуату, новый королевский наместник, прибыл в Тулузу, то, не въезжая в городские ворота, сошел с коня, преклонил колена и над Евангелием поклялся соблюдать права и привилегии инквизиции и, уже после того, хранить вольности города (73).

Папство наконец обессилело. Первосвященники находились в руках французских королей. Но авиньонское пленение пап ничем не отразилось на инквизиции. Ее сила на столетия пережила силу ее творцов.

В XIV столетии все прежние статуты инквизиции свято соблюдались французскими королями. Только в 1378 году королевские чиновники отказались исполнять распоряжения инквизиторов о срытии домов еретиков, что было весьма несущественно для дела. Папа Урбан VI согласился с ними, но инквизиторы удержали за собой самое право.

Тулузская инквизиция, эта предшественница испанской, раньше и дольше последней влияла на гражданскую власть. В XV и XVI столетиях она держала в своих руках членов капитула; она вычеркивала из списка тех, кто для нее был подозрителен. Напрасны были протесты; парламент склонялся перед ней.

С удивлением читаем в протоколах инквизиции, как еще в 1549 году консулы французских городов обязаны были присягать в том, что будут преследовать, доносить об еретиках господину инквизитору, содействовать и уважать власть, права и привилегии святой инквизиции (74).

Сам Людовик XI, железной рукой подавлявший всякое сопротивление, должен был пойти на сделку с инквизиторами. В 1463 году он выговорил себе у альбийского епископа половину пеней и конфискаций с имущества жертв инквизиционных трибуналов.

Такая живучесть заключалась в прочной организации инквизиции. В XVII веке она была так же сильна, горделива, спокойна среди бурь протестантизма, как прежде, и смотрела на кальвинистов, словно это были прежние альбигойцы и вальденсы.

Впоследствии, когда новая инквизиция обагрила кровью Испанию, дело старой инквизиции было уже завершено. Она сделала все, что могла, и своей историей служит живым примером и поучением. Она более не встречала жертв; она стала одной мумией. Но титул ее служителей был уничтожен лишь перед Великой французской революцией. Завершая этим историческую часть, мы должны обратиться к изложению обрядов производства и к практике инквизиции. Потом мы остановимся на ее жертвах в Лангедоке и их грустной истории, что составляет нашу непосредственную задачу. Войдем сперва внутрь инквизиционных трибуналов.

Учреждения первой инквизиции: права инквизиторов, подразделение подсудимых, допросы, пытки, наказания, обращения, епитимьи, обряды, тюрьмы; предупредительные меры

Учреждения первой инквизиции, в сравнении с учреждениями позднейшей, известной под именем испанской, отличались умеренным характером. Самые заклятые враги католицизма, энциклопедисты XVIII века, сознавали это и находили, что испанцы далеко превзошли итальянцев в этом деле и что они радикально изменили мысль и цель системы. Если ломбардская и тулузская инквизиция домогались обращения тех, кого называли еретиками, то испанская, руководимая исключительно национальной историей, безусловно требовала их истребления.

В любом случае итальянское духовенство было изобретателем целой системы, хотя не развило ее до диких крайностей и не отрешило от почвы некоторой легальности. Если принуждать мечом к исповедованию истинной веры есть дело благочестия и великой заслуги пред Богом, если это дает венец мученичества, то насколько благочестивее, полезнее и даже труднее действовать путем постоянного надзора, искоренять в душах грешников их заблуждения, принуждать их к тому наказаниями, предупреждать строга примером распространение страшного греха и соблазна. Если грешнику и не познавшему Бога предстоит вечное осуждение в той жизни, то не лучше ли заставить его, хотя бы строгостью и силой, покаяться или познать истинную веру. Так как общество нечестивых может увлечь других, то духовная полиция после суда отделяла осужденного от Церкви, изгоняла из стада на время или навсегда. Она ду мала оказать тем спасительную услугу ближним и угодить Богу.

Гражданское воинство, всегда готовое на борьбу за Римскую Церковь, то есть доминиканский орден, оказалось самым удобным орудием для целей инквизиции. Сам Доминик не предчувствовал, что его братство вступит на такую дорогу, и никак не полагал, что потомство легкомысленно сочтет римские курганы могильными насыпями, воздвигнутыми им над пеплом еретиков (75).

Инквизиторы были совершенно независимы от епископов и легатов, для них не существовало ничего запрещенного; они проникали всюду. Они были тогда тем, чем после стали иезуиты; на них они походили богословской ученостью, искусной казуистикой, житейской ловкостью, ораторским талантом, влиянием на государей и вельмож. Подобно иезуитам, они, после смерти основателя ордена, ревностно заботились о земных благах. Францисканцы, собратья доминиканцев по должности, действовали на простой народ своим подвижничеством и жизнью.

Инквизитор мог взять подозреваемое им лицо даже в церкви, нарушая право убежища. Всякий католик, светский и духовный, под страхом отлучения был обязан содействовать им. Феодалы должны давать им конвой, городские магистраты — полномочия. По установленным понятиям инквизиторы приравнивались своей властью к епископам, но в сущности они были могущественнее их. Все живущие в пределах его дистрикта, начиная с государя страны, подсудны инквизитору, в случае преступления против веры. Только папа, легаты, нунции, кардиналы, епископы, лица, близкие к папе, были несколько независимее. О них инквизитор сообщал священнику секретно. Если бы инквизитор сам подал повод к подозрению в чистоте его веры, то епископ мог принять на него донос, но судить мог только другой инквизитор.

Инквизиторы имели особую свиту, которая исполняла их приказания и в то же время составляла постоянную стражу; в Лангедоке и Франции она называлась «близкие»; в Италии — «гонители катаров». Впрочем, в истреблении еретиков им с удовольствием помогал каждый фанатичный католик, так как убийство еретика было возведено католическим учением в богоугодное дело.

Чтобы спастись от внезапного нападения на улице, людям, малоизвестным в городе, следовалошивать на своем платье крест. Оттого еще Доминик советовал обращенным ради безопасности иметь на одежде два креста, в отличие от католиков, которые большею частью носили один крест. Это было подтверждено на безьерском соборе 1233 года, когда для всего Лангедока стал обязательным особый костюм для обращенных. По такому костюму можно было признать в человеке бывшего еретика. На широком и длинном платье плебея и на узкой одежде дворянинашивались два больших, широких желтых креста, один на груди, другой на плече. Более преступных еретиков можно было узнать по капюшону, который закрывал голову, на этом капюшоне виднелся третий крест; женщины носили густую черную вуаль с желтым крестом. Отступникишивали на кресты поперечную желтую полосу. Сосланные на острова в

продолжение изгнания и на обратном плавании могли ходить без этих знаков. Иначе, где бы ни жил обращенный, его неотступно преследовали желтые кресты.

Насколько можно видеть из ненапечатанных документов инквизиции, подсудимые пред судом трибунала разделялись на шесть довольно отчетливых групп, сообразно коим следовали различные наказания.

1) Еретики в прямом смысле, как преимущественно называли катаров, то есть собственно альбигойцев — в отличие от вальденсов. Трибунал старался определить характер заблуждений подсудимого: была ли в нем ересь сознательным убеждением или проистекала от неполного знакомства с католической догматикой. К последним подходили так называемые богохульники, легкомысленно поносившие Господа, не признававшие всемогущества или других свойств Божиих.

2) Подозрительные, которые давали повод сомневаться в искренности своей веры или тем, что необдуманно говорили о предметах религии, или тем, что присутствовали при обрядах еретиков. Трибуналы называли последних сильно подозрительными, и притом в следующей градации: присутствовавшие при проповеди, склонявшие в собрании колена для молитвы или для благословения, наконец, называвшие себя добрыми христианами. Под этими словами, как под лозунгом, скрывалось обыкновенно полное сочувствие к патаренству или к альбигойству.

3) Соумышленники, к которым причислялись укры ватели и защитники ереси. Они обыкновенно не разделили ли еретических убеждений вполне, но оказывали явное и тайное содействие распространению ереси, исполняя приказания и просьбы еретиков. Они часто делали преследования деятельности трибуналов и всегда отказывали инквизиторам в содействии; они, конечно, не доносили об еретиках и покрывали их; они оказывали содействие их бегству и тайно посещали их в тюрьмах; они говорили, что осужденные наказаны несправедливо, или высказывали сожаление об их заточении и смерти и благоговейно собирали их пепел после казни. Если, будучи обвинены во всех таких преступлениях, подсудимые не могли доказать, что руководились лишь чувством христианского сострадания к ближнему, то переводились во вторую категорию подозрительных, где наказание было несравненно строже.

К соумышленникам же относились феодалы, которые, вопреки обещанию, не изгоняли еретиков. Те независимые, коронные или выборные светские власти, которые не заявляли решительного содействия инквизиции, опасаясь народных восстаний, и не защищали инквизиторов, причислялись ко второй категории подозрительных. Феодалы и муниципалитеты, не отменявшие по приказанию трибуналов тех своих распоряжений, которые были вредны для успеха инквизиции, тоже часто считались подозрительными. Если адвокаты, нотариусы и служащие лица скрывали документы, процессы, даже адреса еретиков, то они подлежали преследованию, как соумышленники.

Сюда же относились те, кто во время производства дела отказывался приносить присягу, или допускал церковное погребение на кладбище лиц, осужденных трибуналами, или заведомо известных еретиков.

14) Раскольники, хотя и признававшие вполне католическую догму, но отрицавшие главенство папы и не считавшие его видимой главой христианской Церкви и викарием Иисуса Христа на земле. Схизматики, в смысле последователей восточного православия, на практике не подлежали суду инквизиции, но принцип требовал и их осуждения, поэтому в документах находим форму отречения от греческой Церкви, сходную с формой отречения от альбигойства.

5) Отлученные, действительно пробывшие под отлучением более года и не успевшие получить отпущения за это время. Церковь полагала, что никакой искренний католик не может жить вне ее так долго и что если он не чувствует всей тяжести своего положения, то, следовательно, не представляет собою в будущем ручательства за твердость своей веры, оставаясь равнодушным к церковному наказанию; между тем, не испрашивая прощения, он легко может быть соvrращен еретиками, и потому его дело должно подвергнуться рассмотрению трибунала.

б) Неверные, то есть евреи и мавры, когда они подстрекают католиков к соvrращению в свою веру словами или письмами. Хотя они не подлежат законам церковным и никогда не принадлежали к обществу христиан, но самое свойство их преступления подчиняло их суду трибуналов; государи не могли противиться этому, потому что только согласие и одобрение папы давало им известные права над такими отверженными.

Даже мертвые не избавлялись от преследования инквизиции. Если следствие обнаруживало что-либо касательно ереси покойных, то их трупы, по определению суда, тогда же вырывали и жгли рукой палача; их имущество отбирали у наследников и конфисковали, а их имя

торжественно предавали бесчестию. Так, ратуя за идею нетерпимости, которая могла бы поколебать в своем развитии римскую систему, папство и инквизиция преследовали не только факт, но и самую идею протеста, проявлялся ли он в живом человеке, в трупе или хотя бы только на бумаге.

Мы должны остановиться на последнем, только что упомянутом проявлении протеста. Когда состав деятелей инквизиции увеличился, то при главных трибуналах, вроде римского, миланского, тулузского, на некоторых членов была возложена обязанность просматривать еврейские и латинские сочинения, появившиеся в публике, особенно богословские. Если при прочтении открывалось что-либо еретическое, темное или подозрительное, а в еврейских книгах кощунство над Христом, Богородицею и католической Церковью, то цензор передавал книгу в трибунал. Там ее просматривали снова, и почти всегда этот просмотр заканчивался цензурным постановлением. Оно было трех родов: книга воспрещалась безусловно, допускалась с некоторыми исключениями и тогда следовало подробное перечисление не пропущенных мест, или допускалась к обращению после исправления.

Каждый год в Риме составляли список книг, осужденных где бы то ни было. Во всех городах, на публичных местах, вывешивали этот список, и если кто осмеливался после того иметь одно из поименованных сочинений, то ему нельзя было миновать знакомства с инквизиционным трибуналом. Конечно, автору прежде всех грозила эта участь, с самыми тяжелыми последствиями, но до этого доходило редко. Книги чаще всего были анонимные. В противном случае автор скрывался куда-нибудь от зорких взоров местной инквизиции и менял имя.

Трогательная забота инквизиции о чистоте веры простиралась даже на Отцов Церкви; и из них, определением трибуналов, часто вырывали целые страницы, особенно если они не были благоприятны святому учреждению или порядкам, господствовавшим в известной стране. Первая инквизиция преследовала по сохранившимся сведениям только в пределах одной Ломбардии: Талмуд, сочинения францисканца Раймонда Луллия, доминиканца Раймонда Тарраги, обратившегося из иудейства и толковавшего о вызывании духов, каталонского врача Вилланова, визитера Гонзальви де Куэнца и Николая Калабрийского, лично видевших дьявола не один раз, и Бартоломея Женевеса, предсказывавшего пришествие Антихриста. Некоторые из авторов пострадали лично. Трудно было лишить инквизицию книжной цензуры. Понятно, как она дорожила этим правом. Государственная власть долго боролась за цензуру с инквизицией и получила ее себе в наследие. Но еще в 1605 году кардинал Бароний писал королю Фридриху III, что папа и инквизиторы единственные законные судьи книг...

Все приведенные категории преступлений судились трибуналом тем способом, который в своих основаниях и последствиях губил всякую идею права и лишь внушал целым поколениям страх к так называемому инквизиционному процессу, особенно тогда, когда он, не ограничиваясь церковной средой, стал применяться ко всем уголовным преступлениям.

Трибунал был двух видов — постоянный и подвижный. Скажем сперва несколько слов по поводу последнего. Вот ересь проникла в небольшие города и селения. К священнику прихода, где появились еретики, являлся с предписанием орденского провинциала монах. Он чаще всего был доминиканцем, иногда францисканцем; обыкновенно — человек средних лет, с замечательным даром слова. Его сопровождают секретарь, два мирянина в черном платье и иногда несколько вооруженных людей, тоже с крестами на груди. Он велит священнику собирать прихожан. В своей проповеди он говорит о высоком значении Римской Церкви, об обязанностях истинных католиков перед самим собой, Святейшим отцом и Богом. Он объявляет себя инквизитором и читает текст присяги, которую должны повторять за ним все присутствующие. Они обязываются защищать Римскую Церковь и доносить об еретиках. Увещание монаха действует на трусов и фанатиков, которые в тот же день делаются доносителями на подозреваемых лиц. Инквизитор сперва расспрашивает доносчиков порознь, а потом велит привести обвиненных. Каждого без свидетелей спрашивают об его религиозных убеждениях. Допрашиваемый или путается, или откровенно заявляет свою ересь. Его показания записывает нотариус. Если обвиненный отказывается говорить, то после угроз прибегают к пытке, к которой искусно приступают те самые люди, которые с ним прибыли....

Гораздо торжественнее появление инквизиторов в столице или большом городе, где они учреждали свою постоянную резиденцию и откуда распускали свои сети на прочие местности. Их обыкновенно двое: один доминиканец, другой минорит. Доминиканец пользуется некоторым преимуществом. Оба имеют папские полномочия. Они начинают свою деятельность тем, что отправляют письмо к самому государю или местному феодалу и представляются архиепископу

или епископу. Последний обыкновенно закрывал свой судебный трибунал с прибытием особых судей и становился номинальным председателем инквизиционного трибунала. Он, конечно, обещает утверждать своей скрепой их приговоры (76). Вступать в борьбу с такими гостями было бы и бесполезно и небезопасно. Король обыкновенно велит написать циркуляр всем своим наместникам, чиновникам, магистратам с приказанием содействовать инквизиторам, арестовывать всякого, на кого они укажут, наказывать, как они определят, и ссылать всякого туда, куда они назначат. Магистраты городов обязаны готовить им помещения и снабжать всеми удобствами в случае переездов их самих или их помощников. Наместник королевский или начальник города лично являлся к прибывшим, приносили Евангелие, и, склоняясь в прах пред могуществом Церкви, он клялся над ним, что будет исполнять приказания инквизиции, — иначе ему грозило отлучение и отрешение от должности. Инквизитор предлагал ему пригласить нескольких выборных и благонадежных горожан для присутствия в трибунале и дать стражу, если в городе нет ассоциации или «Воинов Христа». В ближайший праздник в кафедральном соборе происходило торжественное богослужение.

Скромный доминиканец всходит на кафедру и со страстным убеждением, с каким-то фанатизмом взывает покаяться всех неверующих и заблуждающихся, пока есть время. Потом читают присягу доноса. Инквизитор объявляет, что если еретики или уклонившиеся в чем-либо от истинной веры явятся добровольно в трибунал и искренно покаются, то будут подвергнуты лишь простому церковному покаянию, но что если в продолжение месяца на них последуют доносы, то с ними поступят по всей строгости инквизиционных законов.

Целый месяц таким образом принимались доносы от всякого, кто желал погубить или оклеветать своего врага. Подсудность преступлений была широкая. Нельзя было ручаться, что самые благочестивые католики свободны, например, от обвинения по третьей статье. Для ненависти существовало непочатое поле. Наставало время сикофантов, и никогда в городе не развивалась в такой степени деморализация, как в эти дни. Даже лучшим людям приходилось лицемерить и лгать. Какая-то свинцовая тяжесть чувствовалась в воздухе. Все показания записывались в книгу с обозначением доносчиков. Если кто-либо из обвиненных являлся раньше истечения месяца и сознавался в ереси или в сочувствии к ней, то донос не имел значения. Но вот прошел установленный срок. Всех доносчиков приглашали в трибунал, каждому из них объявляли, что процесс по доносам может производиться двояким образом: обыкновенным обвинительным порядком и инквизиционным, и предлагали выбрать один из них. В первом случае, в случае неосновательности обвинений, грозило наказание, по законам римским и обычным при суждаемое клеветникам. Надо было иметь несомненную уверенность в правоте своего обвинения и в силе наличных фактов, рассчитывая погубить врага без собственного риска. Потому немногие соглашались на такой процесс. Большинство всегда предпочитало инквизиционный путь. Обыкновенно обвинители отвечали, что они не могут ручаться за достоверность всех имевшихся у них обвинений, что обвиняемый, может быть, и не еретик и слухи, которые ходят про него, может быть, и несправедливы, что главным побуждением к их доносу было не что иное, как боязнь не исполнить повелений святого престола, что лишь потому они передали такие слухи, что они не желают рисковать своею участью, и потому просят скрыть свои имена. В подтверждение же своих обвинений они могут представить свидетелей.

Заседания происходили в определенные дни и часы. В Тулузе, например, по средам и субботам, с двух до четырех часов. Но большие дела нарушали такой порядок. В каждом крупном городе Европы непременно был доминиканский монастырь. Одну из зал его очищали для заседаний трибунала. В Тулузе орден имел даже особый дом, бывший некогда прародителем всех доминиканских монастырей. Такой же дом был в Каркассоне, чей богатый архив служит источником для истории инквизиции. При таких монастырях, в подвальных этажах, окнами обращенных во двор, часто устраивали тюрьмы с железными дверями и решетками. Если в каком монастыре тюрьмы не было, то город обязан был или приготовить особое помещение для церковных преступников в своей темнице, или выстроить особую тюрьму.

При входе в монастырь и в зал трибунала стояла инквизиционная стража. В низенькой, но большой комнате, в которую едва прорывался слабый свет из маленьких окон, невзрачной, как все помещения того времени, с узорчатым деревянным потолком, за длинным столом, на широкой лавке сидели инквизиторы в белых и коричневых сутанах, с шапочками на головах, подпоясанные веревками. Около них помещался архиепископ, епископ или архидиакон в парадном костюме, за ними несколько священников и человек десять или двадцать черных заседателей трибунала. На стене висели булла и крест, эмблема инквизиции. На особом месте помещался нотариус,

секретарь, чаще всего тоже из духовных лиц, а иногда один из консультантов, к которым судьи обыкновенно обращались. Сперва приглашали свидетелей и записывали их показания. Таким образом составлялся целый акт, который снова прочитывался вслух свидетелям, причем спрашивали их подтверждения. По этому акту постановляли приговор об аресте обвиняемого. В тот же день его сажали в тюрьму. На следующее заседание стража вводила подсудимого. Ему прочитывали обвинения неизвестного лица, где рядом с истинными подробностями, естественно, примешивались ложь и клевета. Немногие имели смелость сразу и прямо назвать себя еретиками. С ними дело кончалось скоро или обращением, соединенным с наказанием, или казнью в случае упорства.

Обыкновенно главный инквизитор начинал допрос подсудимого, искусно испытывая его в вере. Для этого у инквитора имелась особая инструкция. Допросы по пунктам варьировались лишь по качеству обвинения. Но количество вопросов оставалось почти всегда одинаковое. Записав показания, инквизитор сравнивал их со словами доносчиков и допрошенных свидетелей. В случае, если подсудимый начинал сбиваться, противоречить самому себе, обвинять в клевете неизвестного доносчика, то снисходительный инквизитор мог показать ему копию доноса, но с пропуском имен. Он мог спросить его, нет ли у него личных врагов, давно ли и почему они питают злобу к нему и кто именно. Он также будто случайно напоминает ему имена лиц, причастных обвинению, интересуется, в каком отношении он находится с ними, а если оказывалось, что подсудимый не имеет против них ничего, то уже не могло быть места оправданию. Продолжая упорствовать, он одинаково навлекал на себя или осуждение, если попадал в руки снисходительных, или мучения пытки, если имел несчастье стать жертвой какогонибудь сурового фанатика.

По двадцать шестому канону нарбоннского собора 1233 года для осуждения не требовалось даже допроса. До статочно было одного показания свидетелей, чтобы обвинить; всякое отпирательство было напрасно и не имело никакого значения. А в свидетелях никогда не было недо статка. По двадцать четвертому канону того же собора даже преступники, обещанные люди и лишенные всяких прав, могли быть свидетелями. Даже сами еретики могли пригодиться для такого дела с пользой. По буллам они никогда не могли свидетельствовать ни против католика, ни за еретика, но всегда могли показывать против своих братьев (77). Жена, дети, домашние и прислуга подсудимого не могли говорить за него, но всегда имели право показать против него. Потому в большинстве случаев не было иного исхода, кроме осуждения и наказания. Личному произволу открывался полный простор. Подсудимый везде видел обвинителей и нигде не встречал защитников.

Наконец, извратилось самое положение суда. Однажды архиепископ нарбоннский, председатель суда, явился одновременно обвинителем еретика Бернарда Ото, его братьев и матери. Это было большое дело с тридцатью пятью подсудимыми. Один из последних сказал в глаза архиепископу, что лучше знает и понимает веру, чем он сам и все прелаты на целом свете (78). Нередко подсудимый мог в самом трибунале в лице инквизиторов столкнуться с палачами.

Еще до введения инквизиции на всем Западе прибегали к испытанию огнем и водой, как к средству дознания истины. Такой обычай господствовал и в варварские, и в темные века. По древним германским преданиям еще языческой эпохи, всякий, выдержавший такое испытание, считался оправданным. Суд огнем и водой был коротким и правым в глазах людей, не вышедших еще из дикого кочевого состояния. Этим людям могло казаться, что само божество вмешивается в дело человека правосудно и посылает слабому смертному могучие силы выдержать страшное испытание.

Введение пытки в процессах религиозных было одним из наследий, переданных германским язычеством христианскому миру и Церкви. Испытание, в сущности, было пыткой; зато вынесший то и другое одинаково являлся оправданным. Но служители христианского Бога оказывали несравненно меньшее сострадание к вынесшему пытку, чем язычники; они не признавали его правым, если бы он продолжал отрекаться от ереси и если бы на их глазах оказал чудеса геройства, потому что эти люди не могли примириться ни с какою уступкой, не нарушив своих основных принципов. Понятно, что ордалии первобытных людей, грубые сами по себе, являлись чем-то благородным в сравнении с пыткой, введенною в трибуналах инквизиции. Развившись из языческих ордалий, пытка сперва и носила такой характер.

Известия о первых пытках в религиозных делах тщательно занесены в летописи. В 1144 году в Суассоне в первый раз подвергли испытанию водой найденных там катаров, потом в Арассе в 1182 году (79). На реймском соборе 1157 года было решено пытать еретиков раскаленным

железом. В Безансоне в 1209 году и в Страсбурге в 1212 году эта пытка была применена к вальденсам (80). Это привело в негодование папу Иннокентия III, который сделал строгий выговор епископам и на латеранском соборе 1215 года в восемнадцатом каноне запретил это варварство. Но после его смерти злоупотребления епископов возобновились. В 1217 году пытали еретиков в Камбре. Но тогда выдержавший пытку мог еще надеяться получить оправдание. Когда инквизиция упрочилась с 1233 года, то она эксплуатировала эту наивную веру германских племен в ордалии. В ее руках испытание сделалось лишь принудительным средством к сознанию.

Так как инквизиция юридически не нуждалась в признании подсудимого, то пытка являлась не чем иным, как орудием жестокости. Впрочем, необходимо заметить, что она была заимствована из светских судов. Один из инквизиторов наедине руководил истязаниями, ему нужны были только служители и иногда секретарь; последний был тоже из духовных лиц.

Конрад Марбургский отличался особенной изобретательностью в пытках, добываясь для оправдания своей совести признания. Но личности вроде Конрада Марбургского или Петра Веронского были исключениями даже между инквизиторами. В сравнении с испанской эпохой инквизиция Лангедока и Италии употребляла пытки весьма редко. Тогда как в Испании инквизиторы почти все дело производили в пыточной камере, доминиканцы первого времени, за ничтожными исключениями, относились в ней с внутренним отвращением. Они старались действовать не на тело, а на дух подсудимого. Они никогда, правда, не стеснялись обмана и лукавства, хотя действовали вообще кротко. Большинство инквизиторов рассчитывало на свою итальянскую ловкость и на красноречие (81). Они пугали подсудимого страхом смерти, рисовали ему ужасы ада. В темнице грозили ему дать очную ставку со свидетелями, что само собой исключало всякое сил схождение. Наконец в каземат являлись бывшие знакомые и друзья несчастного, подсланные инквизицией. Они уговаривали его во всем сознаться, чтобы избежать смерти. Тот уверял их, что обвинение вымышлено, что он честный католик, наконец клялся в том. Тогда инквизитор приказывал привести жертву в пыточную камеру. Страшные орудия, хотя не доведенные еще до позднейшего усовершенствования и позднейшей утонченности, непри ветливо выглядывали с разных концов. Жертва была не преклонна. Инквизитор говорил подсудимому, что его клят ва ложная, что он напрасно клеветет на себя и навлека ет тем на инквизицию тяжелую обязанность (82). Пытки, одна за другой, следовали по их тяжести: дыбой, водой и огнем. Немногие могли дотянуть до третьей.

Это разнообразие и методичность истязаний могли появиться только после буллы Иннокентия IV, изданной в 1152 году, где пытка скрывалась под словами «умаление членов». Инквизиция взяла от светских судов готовые формы пытки и ее орудия. Постоянное вздергивание по блоку, от которого растягивались мускулы и хрустели кости в обыкновенной пытке испанских инквизиторов, несколько подходило к смыслу этого выражения, но это ничем не напоминало германские ордалии. Палачи были одеты в длинную черную одежду кающихся; их голова была закрыта капюшоном, в котором прорезаны были только отверстия для глаз, носа и рта. Они связывали назад руки подсудимого, поднимали его по блоку на воздух за веревку, некоторое время держали в таком положении на воздухе и потом резко кидали на землю. Ужасные крики, которые издавала жертва, никто не слышал, так как пытки производились обыкновенно ночью, зачастую под землей, откуда не проникал ни один звук. Дав пытаемому прийти в себя, приступали к нему тотчас же или немного спустя с новыми допросами, за которыми могла последовать пытка водой. Подсудимого опаивали, вливали воду в нос, в уши до онемения. Это сопровождалось еще наружными истязаниями, страшной болью от гвоздей, которыми была истыкана скамья и которые впивались в тело. Еретик истекал кровью, но его могли подвергнуть новой ужаснейшей пытке: разводили огонь, клали ногами к пламени и палили подсудимого медленным огнем (83).

Каждая пытка продолжалась около часа. Но, повторяем, разукрашенные подробности пыток, которые связаны с памятью об инквизиции, относятся преимущественно к испанской эпохе, к временам истребления мавров, евреев, колдунов, ведьм, к XV—XVI столетиям. В XIII и XIV веке в Ломбардии, Лангедоке, Франции и Италии пытка применялась редко, орудия ее были грубее и проще, системы и изоощренных приемов почти не существовало. Личная жестокость какого-нибудь инквизитора значила здесь столь же, как всякий факт свирепого насилия, деспотизма, и имела смысл частного явления. В 1311 году Климент V если не мог возбранить пытку, то по крайней мере ограничил ее приложение. Для нее требовалось непременно согласие епископа.

Так или иначе, но признание от подсудимого добывали. Защитить его никто не мог. Трибунал был учреждением закрытым; проникнуть в него постороннему без приглашения было

почти невозможно. Всякая дружба, преданность, энергия замирали на его пороге. Но в свободных городах Италии и Лангедока, издавна привыкших к суду гласному, с присяжными и защитниками, не могло не появиться попытки внести защиту и в духовный трибунал.

Вероятно, вследствие этого Григорий IX издал буллу, в которой запрещал светским судьям, адвокатам, нотариусам оказывать какую-либо защиту подсудимым под опасением лишения должностей. Это было, между прочим, подтверждено собором в Альби 1254 года, который подобную попытку считал преступлением, предусмотренным в статье о соумышленниках. Единственное, что допускалось, и то, вероятно, для лиц высокопоставленных в духовной и светской иерархии, — это апелляция к папе. Тогда все документы, протокол и приговор, посылали в Рим. Там, согласно каноническому праву, папа утверждал или изменял приговор. Инквизиторы лично ездили в Рим оправдываться и давать объяснения. Только папа мог взять под свое покровительство обвиняемого (84). Кардиналы изредка являлись разбирать жалобы на инквизиторов.

Так продолжалось до середины XIV столетия. Но потом и эта слабая узда была снята. Пользуясь тогдашним авиньонским пленением пап, инквизиторы избавились от всякого надзора, и в таком ореоле непогрешимости застаёт их эпоха королевы Изабеллы, время их господства над мини-страми и народами.

История собственно провансальской инквизиции

Провансальская инквизиция не всегда была беспощадна — она знала оправдательные приговоры. Тогда трибунал выдавал подсудимому копию со своего постановления, в котором имя обвинителя, конечно, не упоминалось. Тень подозрения все-таки оставалась, подсуди мый был близок к преступлению по убеждению инквизиторов, и легкое каноническое наказание, как то: усиленная молитва, земные поклоны, считалось необходимым. В то же время оправданный получал от инквизитора отпущение от всякого дальнейшего преследования за свои мнимый проступок.

Разбирая громадную массу протоколов, чаще всего встречаешь приговор, объявлявший подсудимых в положении подозреваемых. При многочисленности подсудимых, при том характере процесса, когда малейшего желанья всякого лица было достаточно для привлечения кого угодно к ответственности, это было весьма естественно. Улики были ничтожные, свидетель твердил одни стереотипные фразы: «Я слышал, как говорили...» и тому подобное. Подсудимый оказывался истинным католиком, но раз закравшееся подозрение нельзя было уничтожить никакими доводами. Подозрение формулировалось тройко: слабое, тяжкое и сильное.

Но должно заметить, что даже для права быть в подозрении требовалось все-таки оправдание от обвинения, а следовательно, казалось бы, и от всякого подозрения. За сим следовало полное клятвенное отречение от всяких видов ереси, которой прежде, может быть, вовсе и не знал подозреваемый. Тогда с него снимали отлучение и принимали в лоно Церкви как обращенного, но присуждая все же к церковному наказанию на три года. Это значило оставить в самом легком подозрении.

Тот, кто после всех вопросов, даже пытки, отказывался дать отречение от ереси, может быть не чувствуя за собой никакой вины и не желая клеветать на себя, а может быть и по упрямству, наказывался собственно по категории подозреваемых. Такие считались находящимися под тяжким и сильным подозрением. Они оставались под анафемой и если в продолжение года не приобретали права освободиться от нее, то считались еретиками упорными, хотя бы против них в этот год не было представлено никаких обвинений. Тогда их снова приводили в трибунал и бесповоротно решали их участь, передавая в руки светской власти. Весь срочный год они были лишены общества; всякий, кто случайно садился за один стол с ними, лишался права ходить в церковь в продолжение месяца. Конечно, они не могли занимать никаких должностей; даже умирая, они не могли пригласить врача, и позднейшие соборы в Безьере (1246) и в Альби (1254) осуждали такого врача, как соучастника.

Явившись в трибунал раньше года, такой человек свободно получал разрешение и присуждался к церковному наказанию на пять лет и в случае тяжелого подозрения на десять лет. Вполне отрекшийся и получивший прощение, но после снова ввавшийся в ересь или заподозренный, уже не получал никакого снисхождения, а признавался отпавшим. Ему был один исход — смерть на костре, судьба еретика нераскаявшегося и необращенного. Обратившийся к трибуналам, с раскаянием раньше года, получал прощение, снятие отлучения, но с условием особых, весьма

тяжелых дисциплинарных предписаний. Он должен был носить покаянную одежду темного цвета, сшитую на манер сутаны с большим крестом на груди и на спине, — мешок, в который просовывалась одна голова. Он должен был публично бичевать себя и примириться с путешествиями к святым местам, бдением, постом, истязаниями и постоянной молитвой в продолжение определенного времени.

Сам обряд отпущения по истечении срока епитимьи торжественно совершался в главной церкви города, в присутствии экс-еретика. Какой-нибудь доминиканец говорил с кафедры перед народом о тяжести обвинений, которые лежат на каявшемся. Теперь святая инквизиция соизволила совершенно простить его. Склоняя колена, клялся каявшийся, за ним клялись двенадцать человек поручителей, которые знали его жизнь в продолжение трех, пяти или десяти лет, смотря по степени подозрения. Только получив такие гарантии, Церковь отпускала на свободу того, кто хоть раз попал в ее трибуналы.

Первая инквизиция несравненно более дорожила жизнью человека, чем испанская. Казней было мало. Это происходило не столько от духа ее законодательства, хотя после оно стало значительно суровее, сколько от личного характера альбигойцев. Большая часть последних предпочитала обращение и покаяние, хотя и притворное; не только подозреваемые соумышленники, даже прямые еретики в большинстве случаев сознавались при начале допроса, многие являлись добровольно, рассчитывая на снисхождение.

Мы знаем, что альбигойство, по самому принципу своей веры, не любило и не ценило мученичеств. И потому к нескольким фолиантах протоколов передача в руки свету кой власти, то есть смертный приговор, встречается весь ма редко, как исключение. Зато в больших городах редкое воскресенье в доминиканских монастырях и в кафедральных соборах не было обращения какого-нибудь еретика и подозреваемого, а по улицам провансальских и ломбардских городов постоянно сновали взад и вперед люди с двумя крестами на груди, а нередко с опущенными на лицо капюшонами, а также женщины с желтыми крестами ни черных вуалях.

Так как казни были редки, то акт веры (аутодафе), как единственный публичный обряд инквизиции, привлекал к себе все внимание публики и потому совершался с некоторой торжественностью. По воскресеньям обыкновенно в церквях читали, кого, где и когда будут принимать в лоно католичества, и приглашали народ слушать проповедь такого-то отца-инквизитора. Если обращенный был из числа сильно подозрительных, то во всех церквях в назначенный день не допускали проповеди, чтобы сосредоточить все внимание на одном месте. Как на праздник, народ устремлялся в собор смотреть на еретика. По большей части это был человек, ничем не причастный к альбигойству, а такой же католик, как и другие, имевшие счастье быть оставленными в слабом подо зрении. Он стоял на особом помосте, босой, в простой черной одежде. Начиналась обедня. После Апостола отец инквизитор велеречиво громил еретиков. Потом он переходил к предмету торжества. Он рассказывал, как было дело, скрывая имена, и заключал, что подсудимому дозволено отречься в присутствии всех предстоящих. Тот клялся над крестом и Евангелием, подписывал акт отречения, если умел писать, инквизитор разрешал его и внятно прочитывал то каноническое наказание, которому он подвергался.

Аутодафе разнообразилось по степени подозрения кающегося и по прихотливой изобретательности различных соборов. Приведенные нами постановления Доминика служили основой всякой епитимьи. Но костюм и другие условия покаяния различались. Простые еретики и подозреваемые носили два желтых креста, но бывшие «совершенными» и альбигойскими духовными лицами носили третий крест: мужчины на капюшонах, а женщины на вуалях. Капюшон спускался на лицо, в нем были прорезаны отверстия для глаз и губ. В таком наряде обращенный беретик походил на фигуру восточного схимника. Носить кресты было обязательно, под страхом конфискации имущества. Сам Раймонд Тулузский позаботился об этом (85). Всякое украшение на платье из золота, серебра, а также шелковые уборы воспрещались. По воскресеньям и праздникам, кроме Богоявления и Вознесения, каявшийся обязан был являться в церковь и приносить с собой пучок розог. Во время чтения Апостола он снимал с себя обувь и платье, брал в руки крест и предлагал себя бить священнику. Этот обычай шел с X века, когда священники секли присужденных к покаянию, как господа своих рабов. Он имел целью унижение со стороны грешника, которое способствует спасению.

Все каявшиеся должны были присутствовать при каждой церковной процессии. Вместо свечей они несли розги. По окончании крестного хода они подходили к священникам для получения следуемых ударов. Раз в месяц они должны были являться с такой же странной просьбой в те дома, где прежде они виделись с еретиками. Они три раза в году приобщались; дома

и в церкви клали учащенные поклоны. Они не могли пропускать ни одной службы соблюдали посты. В этом отношении каявшимся предлагалась целая диета, тщательно определявшая, в какой день какая им следовала пища. Во время поста они стояли за церковной дверью до Великого Четверга. Им предписано было обойти замечательные храмы и монастыри Франции, Италии и Испании, славные или своими мощами, или воспоминаниями. Эти богомолья бывали большие и малые; к первым причислялись храмы святого Петра в Риме, Иакова Компостельского, Фомы Кентерберийского, Кельнский трех царей; к малым — святой Эгидий в Сен-Жилле, святой Дионисий, святой Марциал, святой Леонард в Лиможе (86).

Лангедокские инквизиторы посылали и в Сен-Дени, в Сито, в Клюни и к Иакову Компостельскому, и, конечно, прежде всего следовало посетить знаменитые церкви тулузские, такие как кафедральный собор святых Стефана и Сатурнина. Каявшийся обязывался также сражаться по назначению Церкви против мусульман и против еретиков. Из опасения, что ересь может путем пилигримства осквернить святую почву Палестины, собор нарбоннский в 1235 году запретил каявшимся странствия за море (87).

Местный священник обязывался наблюдать за каявшимися своего прихода и подавать о них трибуналу точные и подробные донесения.

Церковное покаяние было не единственным для тех, преступление которых было чем-либо важно или которые долго упорствовали в признании. Такие лишались всех прав состояния. Они изгонялись со всех должностей. Часто им даже запрещалось жить в местах их прежнего пребывания; их переводили в католические города, где они ни для кого не могли быть опасны. В Безьере в 1246 году их подвели на основании восьмого канона под категорию отлученных, не принимали к засвидетельствованию их завещаний и не допускали к ним врача, даже во время смертельной болезни.

Но гораздо беспощаднее относилась инквизиция к тем, кто перед ее лицом сохранял упорство в ереси и, горделиво не отрекаясь от нее, провозглашал свою веру святой или кто только на пытке сознавался в ереси.

Первое влекло к костру, второе — к пожизненному заключению в государственной тюрьме.

То и другое сопровождалось проклятием. Каждое воскресенье повторялась эта анафема на страх всем верным. Во время чтения похоронного списка молящиеся тушили свои свечи, а колокола погребально звонили.

Государственная власть, со своей стороны, бралась был. орудием исполнения приговора и вознаграждение брала большую долю из имущества осужденного. Обыкновенно ком муна, инквизиция, епископ одинаково были наследниками всего достояния казненного. Коммуну сменил впоследствии королевский фиск, когда Лангедок стал принадлежать королю французской короне, а в Италии — местные принцепи, когда пала независимость городов. Описанная подвижность шла на тюрьмы и на содержание служителей трибуналов. Дома, в которых жили еретики, не доставались никому. Они, как оскверненные, должны быть разрушены; на то место, где они стояли свозили нечистоты. Всякий, кто стал бы строиться тут или предполагал очистить и культивировать такое место, подвергался отлучению (88).

Инквизиция в точности опиралась на законы Фридриха II. Раймонд VII Тулузский до того простер свою ревность к истреблению альбигойских жилищ, что даже озаботился сносить отдаленные хижины в лесах и горах. Интересно наблюдать в документах эту сделку. За сколько продавали себя инквизиторам католические государи?

Во Франции могущественная королевская власть целые столетия служила инквизиторам своими прокурорами и нотариусами для производства дела. С течением времени, в XIV столетии, когда последние встали под наблюдение прокурора, тот предписывал им наблюдать, чтобы не было злоупотреблений и грабежа монахов в трибуналах. Нотариусы, чиновники прежде весьма незначительные, стали теперь более чем секретари; они назначались из легистов с учеными степенями докторов и бакалавров. Они сами и их помощники должны были непременно присутствовать при каждом процессе. Они скрепляли, подписывали приговор и прикладывали к нему печать. Все легаты заботились лишь о выгоде королевского фиска, и им было выгодно подобное учреждение, которое легко могло найти источники доходов.

Мы знаем, что позже короли довели свою законную треть до половины. При канцеляриях инквизиции открылась особая канцелярия нотариуса. Королевский прокурор просматривал все процессы, которые нотариус обязан был препровождать к нему под опасением штрафа в сто солидов. Прокурора интересовал собственно доход, а вовсе не юстиция, потому что он на каждой

странице видел ее посмеяние. Нотариус должен был, кроме того, иметь у себя две белые книги: одну для ведения протокола, другую для регистрации конфискации, штрафов, уплат в пользу фиска. Об этих последних следовало извещать прокурора на другой день под страхом штрафа в сто солидов. Нотариус хранил дела инквизиции в специальных шкапах, вместе с инквизитором он имел ключ от них, но королевский или наместничий казначей имел также свой ключ, чтобы при случае свободно проверить свои приходы. За свои труды нотариус брал двадцать солидов за протокол, пять солидов за сентенцию и несколько меньше за отлучительную копию. За произвольный подбор он платил двойной штраф. Администрация за розыск свидетелей брала два солида и шесть денариев с человека (89).

Обе стороны жили в тесной дружбе. Одна из другой извлекала всевозможные выгоды. Нотариус и никто из светских лиц не могли касаться духовных дел без полномочия инквизиторов. Никто не мог быть арестован по какому бы то ни было церковному делу без приказа инквизиторов, а это была обширная подсудность, так как сверх всего трибунал наблюдает еще за благочинием и жизнью священников, церковным благочинием и порядком богослужения. Что могло избавить и обезопасить от знакомства с застенками инквизиции, особенно при таких отношениях к ней светской власти? Последняя за все свои услуги требовала одного: чтобы ей сообщали об арестах и осуждениях. Таким удовлетворением личного самолюбия довольствовалась монархическая власть.

Все правила были вывешены публично на досках в трибунале инквизиции и у нотариуса, чтобы никто не отговаривался их незнанием. Трибунал, готовясь изречь свой страшный приговор заточения или смерти, в исключительных случаях мог созывать легистов и проверял дела их судом, но с соблюдением тайны; понятно, что к этому средству почти никогда не обращались, хотя буллы на этот счет существовали. Никакая гражданская власть не могла освободить из тюрьмы человека, заключенного инквизиторами. Такая попытка судилась бы наравне с еретичеством. Бонн фаций VIII подтвердил это своими декреталями (90). Заточенный был собственностью инквизиции или, лучше сказать, одного папы.

На вечное заточение обрекались те подсудимые, которые отреклись от ереси только после крайних угроз и пытки. Таковой вынужден был дать клятву отречения, обязывался защищать католическую веру; с него снимали отлучение и, после всей церемонии, из церкви отправляли в тюрьму на пожизненное заключение для того, чтобы он мог достойно искупить свой грех. Инквизиция плохо верила клятвам, при сягам и отречениям. Она знала, что вынужденное согласие не может внушить доверия. Если отрекшийся был искре нен, то его заточение будет удовлетворением правосудию; если нет, то это будет наказание.

Осужденный сидел в отдельном каземате; он не знал и не видел своих соседей. Только муж и жена могли быть посажены вместе. В Италии тюремщики были снисходительнее французских и провансальских. Там посетители имели доступ к заключенным. Сперва осужденных помещали в государственные тюрьмы, потом стали строить особые, в центре города, по указанию епископа. Опасных преступников держали в темных подземных казематах, куда не про ни кал свежий воздух.

В 1311 году Климент V первым позволил надевать на заключенных кандалы на руки и на ноги. Об этом всегда с точностью и с указанием причины обозначалось в определении суда. Пища состояла из хлеба и воды. Хлеб, по соборным толкованиям, обозначал печаль, вода — несчастье. Содержание малоимущих арестантов шло из остатков их конфискованного имущества, прочих — за счет сумм инквизиции. В некоторых испанских трибуналах осужденных перед заточением клеймили.

Заточение могло быть временным, если преступник обнаруживал признаки искреннего раскаяния. Но это было исключением и нуждалось в особом утверждении епископа. По освобождении обращенный сам был обязан преследовать еретиков. Просидевший в заточении определенное время всегда мог быть снова привлечен к наказанию, если того требовала польза веры, а поводов к тому всегда бывало достаточно.

Еретики, от которых суд не мог вынудить отречения, так называемые упорные и вторично отпавшие присуждались к смертной казни сожжением. Но рука духовной особы не могла подписывать смертный приговор. Трибунал в таких случаях постановлял: передать виновного в руки светской власти. Последняя знала, что скрывается под этими лаконичными словами. Так повелось с веронского собора 1183 году. В свою очередь, светским властям нельзя было не совершить казни над осужденным, ибо это равнялось ослушанию воли и распоряжения трибунала.

Должно заметить, что инквизиторы вообще избегали этой формулы. Они употребляли все искренние усилия, чтобы одолеть нераскаянного и не допустить его до костра. Они понимали, что казнь за убеждения не есть уже ни исправление, ни наказание, что она осеняет преступника венцом мученика и делает его пример привлекательным для многих. Они высоко ценили жизнь человека. Они использовали все, что внушало им благоразумие, диалектика, искусство их убеждений; они всеми мерами строгости и кротости старались подействовать на нераскаявшегося, чтобы вернуть его к Церкви. Ему давали время одуматься. Родные, друзья, ловкие проповедники навещали его в тюрьме и беседовали с ним. Наконец, приходил сам епископ. Еретик уже требовал казни; он, видимо, горел нетерпением погибнуть на костре. Но инквизиторы тоже не уступали, и удваивали свои просьбы и свою мягкость. Ему обещали по возможности облегчить заключение. Когда ничто не помогало — назначали день казни и снова отдаляли его. Иногда приговор сменялся заключением накануне траурной церемонии.

Так как казни случались довольно редко и были событием, то они обыкновенно волновали всю округу. Народ к дню казни стекался в город. О ней сообщали во всех церквях епархии. На площади готовили подмости со связками дров. Осужденного проводили в одной рубашке, окруженного служителями инквизиции. В его руке был факел; перед ним несли распятие. Духовенство с хоругвями открывало процессию, потом шел главный инквизитор, окруженный клиром, певшим духовные гимны, и знаменосец инквизиции.

За ним по два в ряд шествовали члены трибунала. Толпы, без различия званий, падали ниц пред страшным знаменем. Когда процессия останавливалась на месте казни, то секретарь читал краткое извлечение из дела и приговора инквизиции. Тогда инквизитор всходил на трибуну. Он говорил об ужасах и нечестии ереси, передавал осужденного, как нераскаянного, в руки светского правосудия и произносил над ним проклятие. Тогда к нему подходили королевские солдаты; один из королевских чиновников читал, что в силу закона еретики предаются сожжению. Палачи связывали осужденного и костер поджигали.

Тот, кто раз обманул доверие инквизиции и снопа был приведен пред трибунал, как уже вторично отпан ший, не мог надеяться ни на какую пощаду. Отречение, как бы он охотно ни давал его, более не помогало; его предавали анафеме и светскому правосудию. Единственное снисхождение, которое могли сделать ему, — это повесить и задушить на эшафоте и уже потом кинуть на пылавший костер.

Бегство из тюрьмы равнялось сознанию в ереси. Оно не избавляло от заочной казни, хотя бы бежавший по своему преступлению заслуживал простого канонического наказания. С такой же церемонией приходили к костру; вместо самого осужденного присутствовала его деревянная статуя в колпаке и одежде осужденных. Ее держали на высоком древке и обходились с ней как с живым человеком. После заочного прочтения приговора статую кидали в огонь. Правосудие было удовлетворено.

Так как фанатичные еретики, не ожидая пощады, сами умерщвляли себя, то инквизиционная бюрократия выра ботала акт об особом осуждении тех еретиков, которые наложат на себя руки (91).

Если агенты инквизиции нигде не находили еретика и он не являлся по вызову, то, как ослушный, он тем самым объявлял себя нераскаявшимся еретиком. Поэтому заочный приговор составлялся обыкновенно в таком же смысле, с той только разницей, что вместо отсутствующего ю рело его изображение, деревянное или бумажное. Дети м внуки погибшего на костре еретика были лишены всех гражданских прав; они не могли получить никакого граждане кого и духовного места, даже если оставались католиками. Над ними тяготело проклятие отцов.

Если во время следствия трибунал открывал, что обвиненный в ереси уже скончался, то ничто не останавливало судей потревожить могильный сон покойного. Еще Иннокентий III в 1207 году разрешил эту месть мертвым, предписывая удалять из христианского кладбища трупы еретиков (92). Но позднейшие соборы требовали сожжения этих трупов, чтобы еретик знал, что самая смерть не избавит его от воздаяния. Трибунал решал в таких случаях вырыть кости из гробницы и сжечь их, дабы опозоренная память еретиков потерялась в потомстве.

Трибунал с приором доминиканцев, королевским наместником или его чиновником, окруженный толпой народа, отправлялся на кладбище, где вырывали трупы. Процессия тем же порядком возвращалась назад в город, в открытом ящике волокли потревоженные кости, а герольд, : ехавший впереди, громким голосом кричал:

— Кто так поступит, так и погибнет (93).

Потом на площади публично жгли останки. Иногда без всякого постановления трибунала предпринимали очистку кладбищ, где лежали кости еретиков. В этих могилах, как оскверненных, нельзя было более хоронить умерших. Трупы еретиков сносили на особое место вдали от города, туда же, куда выкидывали падаль и всякие нечистоты.

На христианских кладбищах могли покоиться только истинные католики, потому при смерти свидетельство священника было необходимо. Кто похоронил еретика или заподозренного, тот должен был вырыть его собственными руками. Сверх того он подвергался отлучению от Церкви.

Во всех приведенных случаях трибунал еще строже преследовал преступления лиц духовных. Мера наказания была для них несравнимо выше. Так как инквизиция наблюдала за порядком церковного культа, то нарушение его преследовалось как ересь. Так, например, священник, который вторично окрестит неправильно окрещенного, присуждался к низложению и заключению. Могли наказывать за любое посягательство на богослужение. Понятно, что таких преступников было много. Когда в XIV столетии появился протест против узурпации пап и духовенства в самой среде нищенствующих монахов, то поводы к обличению священников монахов являлись еще чаще.

Между альбигойцами, как мы уже знаем, встречались и бывшие католические духовные лица. Прежде чем предать виновного в руки светского правосудия, его следовало лишить духовного сана и, испросив разрешение местного епископа, низложить.

Обряд низложения совершали публично у того же эшафота, но с большим торжеством, в присутствии легата, кардинала и высшего духовенства. Осужденный стоял в полном священническом облачении; вокруг него теснились инквизиторы. После прочтения приговора старший инквизитор, сказав небольшую речь, произносил формулу отлучения. Он обращался к осужденному:

— Именем Бога Всемогущего, Отца, и Сына, и Святого Духа, властью апостольскою и нашей, мы, посланные в эти страны, снимаем с тебя твой духовный сан и отрешаем тебя от священнической и других обязанностей. Мы низлагаем, лишаем и исключаем тебя от всех церковных бенефиций, духовных прав и привилегий. В силу всего этого мы просим присутствующего здесь благородного сенешаля взять тебя в свое распоряжение и настоятельно предлагаем ему при исполнении наказания поступить с тобою согласно приговору.

Тогда к осужденному подходил старший по сану из присутствующих прелатов и приказывал разоблачить его до исподней одежды. При этом он лишал его последовательно всех знаков и достоинств священнического или диаконского звания, чаши и блюда, священнических одежд, далматики, Евангелия. Каждая вещь отрешалась от него торжественно, что сопровождалось всякий раз произнесением особой латинской формулы, в которой разъяснялось символическое значение каждого предмета. Даже чтец и церковный сторож осуждались с большей церемонией, чем всякие бароны и герцоги. От чтеца отбирали его книги, от сторожа церковные ключи. Уже после окончания обряда военная стража брала виновного и поступала с ним со гласно приговору, то есть или отводила его в темницу, или возводила тут же на костер. Инквизиция не имела пристрастия к своему сословию. Она старалась мерами строгости поднять духовенство и отвратить соблазн.

«Что ужасно и возмутительно в каждом христианине, то, несомненно, относительно человека духовного или пресвитера читать и слушать еще ужаснее и потому должно быть подвергаемо наказанию более тяжкому» (94).

Но такой цели, то есть очищения и возвышения нравов духовенства, инквизиторы никак не могли достигнуть, руководствуясь своей системой. Средства, избранные ими, помогали не истине, а страстям. Меньше всего можно было ожидать справедливости там, где побуждением было служение не любви, а ненависти. Страшные жертвы, принесенные инквизицией во имя религии, послужили не на пользу, а во вред ей. Церковь в них не нуждалась, потому что они опозорили ее.

Скоро и сами инквизиторы, хранившие долго бесстрастность и руководствовавшиеся одной фанатической ревностью к своему делу, испытали соблазн и стали злоупотреблять своей безотчетной и громадной властью. Уже в XIII столетии раздался обвинительный голос против злоупотреблений.

«Почему отказывают обвиненным в законном их праве защищать себя? — спрашивал один из католических богословов. — Зачем обвиняют в ереси честных женщин единственно за то, что они отказываются удовлетворить беспутным предложениям некоторых священников, тогда как в

то же время отпускают без покаяния богатых еретиков, которые могут заплатить судьям и откупиться?» (95)

Эти слова открывают такие тайны трибунала, которые никак не могли попасть в ее официальные протоколы. Значит, позднейшие инквизиторы, которые насильствовали еретиков и мнимых ведьм после осуждения или покупали их расположение ложными обещаниями спасения их жизни, имели пример в делах трибуналов прежнего времени. Пылкая ненависть, которую всегда внушало к себе католическое духовенство в Лангедоке, бывшее гасителем культуры и цивилизации, ненависть, художественным памятником которой служат вечно свежие стансы провансальских трубадуров, обязана своей силой более всего деятельности инквизиторов, системе насилия, которую они приносили с собой, их методичной жестокости, особенно лицемерию, корыстолюбию и низости врага и без того ужасного и могущественного.

Эту власть можно было смело назвать всемогущей, и оттого она легко могла стать позорной. Особенно обнаруживались корыстные цели инквизиции относительно так называемых соумышленников. Трибунал привлекал к своему суду всякого, кого кто-либо из его членов желал осудить, опозорить, обобрать, изгнать, заключить или казнить. От него зависело обличить любого католика в соумышлении и подвергнуть наказанию. Если мы видели, как трудно было определить границы так называемому подозрению, то в вопросе о соумышлении инквизиция не встречала никаких пределов в подсудности. В самом деле, что не подлежало сжато, но в сущности столь широкому определению? Кто не знал про ересь, кто мог избежать знакомства с еретиками, когда последние одно время даже превосходили численностью самих католиков, и кто в душе, отстраняясь от всякой солидарности с ними, по букве закона, формально не подходил под категорию соумышления? Между тем соумышленники были поставлены рядом с защитниками. Они преследовались как настоящие еретики.

Относительно их надо отличать две эпохи: до и после 1250 года. В первый период их сперва отлучали заочно, но через сорок дней (а позже через год или два) они должны были являться снова и в случае откровенного сознания, если притом трибунал ничего не имел особенного против их личности, присуждались к церковному покаянию. В противном случае они становились предметом позора и источником дохода. Каждый месяц, в продолжение которого виновный не получал разрешения, он должен был платить пятьдесят солидов, которые шли в пользу епископа или правительства. Он не мог иметь голоса на выборах, не мог быть адвокатом, нотариусом, лишался права свидетельства, права завещания, права наследования. Четвертую часть своего имущества он вносил в виде пени, Лишенный покровительства законов, он не мог жаловаться ни на кого, а его мог преследовать всякий; его защита на суде не имела силы, так как он считался обесчещенным. На раскаявшихся лежала тяжесть общественного позора и презрения. Покаяние за соумышление продолжалось от пяти до десяти лет. Осужденный оказывался в положении обращенного еретика. Подобно ему он должен был усиленно молиться, поститься, в известное время выходить из храма и стоять за дверьми, носить покаянную одежду с крестом, не пропускать религиозных церемоний, крестных ходов, быть публично битым каждое воскресенье пред порталом церкви.

В 1253 году последовал указ Иннокентия IV заменять покаяние обесчещенных соумышленников деньгами. Это было нечто вроде индульгенций, которые старательно раздавал этот папа. Потому в легенде Матвея Парижского о сновидениях, бывших одному кардиналу, Церковь в образе плачущей женщины говорит Господу, что Иннокентий IV обратил ее в меняльную лавку, поколебал нравы и веру и уничтожил справедливость. Папа предназначал этот новый ис точник, странно переводивший веру на деньги, для содержания трибуналов. Преемник его поддерживал такое распоряжение. Так как исполнение приговоров лежало на правительстве, то светская власть во Франции распорядилась поднять эту плату, чтобы получить долю и за свои труды. Впоследствии французский король почти совсем присвоил этот источник дохода и отдавал инквизиции лишь ничтожную долю. Наконец, сбор этот стал торговлей и принял чисто коммерческий характер. Например, в 1310 году одному каявшемуся было дозволено избавиться от позорных крестов за тридцать ливров, которые пошли на постройку моста и его родном городе.

Ослушники римских приказаний и святой инквизиции в глазах трибуналов также были соумышленниками. На них ложилась иногда более тяжелая ответственность. Так, тот, кто позволил поселиться на своей земле еретика, лишался своих владений в пользу сюзерена. Всякий, кто откажется воевать с еретиками, в силу буллы того же Иннокентия IV от 1254 года, кто будет противиться крестовой проповеди и в продолжение года не окажет достаточных оснований для разрешения, — сам считается соумышленником; в этих случаях наказание сопряжено с лишением

всяких прав на владение. Церковь благословляет его врагов, освобождает его вассалов от обязательств, каждый может отнять его достояние и владеть им под условием истребления еретиков и исполнения обещаний относительно Церкви.

Римский двор всегда хорошо сознавал, как мало помогают всякие внешние средства к уничтожению ереси. Гильдебранд целью своей клерикальной ревности поставил искоренение причины и поводов зла. С этого времени лучшие люди громко требовали реформы нравов клира, распространения поучений и расширения проповеди. В вопросе об еретиках многие из них если и стояли за инквизицию, то далеко не за такую, какая осуществилась на практике; сознательно они предпочитали слова убеждения и высокий нравственный пример. Когда облагородится духовенство и поймет свое истинное призвание, улучшатся его нравы, тем самым уничтожатся и предлоги к нападкам на католицизм. Такую мысль, между прочим, проводил Доминик.

Подобные меры требовали подвига и много идеального самопожертвования; исполнители в массе, а не в отдельных личностях должны были обладать самоотречением, редкой нравственной высотой характера, одним словом, теми духовными свойствами, которых никак не могли воспитать века бесправия и насилия. Лучшие и благороднейшие силы уходили на служение личному спасению, сосредотачивались в себе, отрешались от этого бренного мира; в тиши монастырей и в ученой келье они стремились к иному, лучшему, безуспешно занимаясь разрешением заманливых тайн бытия. Они являли высокие примеры бескорыстия и нравственной чистоты, но всегда имели в виду узкую личную цель, а не дело общечеловеческого спасения. И потому втуне, неведомо никому и без пользы пропадали благородные примеры этих людей, живших не земными интересами, а идеальными помыслами.

Средневековый рыцарь, бившийся за сирых и убогих, во славу креста и Мадонны, был продуктом уже сложившихся исторических обстоятельств, слугой людей, руководивших обществом, естественно дававших ему тон и пример, потому что они обладали относительной образованностью и ученостью, а тем и другим всякое общество направляется и движется. Эти люди эксплуатировали его и поставили в такое противоречие с его прямым призванием и личными стремлениями, выпутаться из которого ему было невозможно. Тем менее было ему возможности возвыситься до идеальных стремлений. Потому в некотором смысле инквизиция была прямым и безысходным результатом условий тогдашнего нравственного состояния общества, законным, хотя и плачевным порождением времени. Она объясняется отсутствием образовательных сил, закованной в богословскую ферулу^{*1} мыслью, преобладанием схоластического богословия, отсюда — односторонним предпочтением богословия и философии всякому другому знанию, решительной невозможностью при таких интеллектуальных данных подняться до нравственной высоты целым тысячам людей, корыстолюбием рыцарского сословия, понятным в людях, которые в большинстве жили для тела и дрались из-за обогащения, и, наконец, быстротой распространения ереси, подавить которую могла только война.

Из двух средств — убеждения и инквизиции — было выбрано легчайшее. Примириться с ересью, возвыситься до терпимости было невозможно для тех веков, когда само христианство было еще молодой религией и когда служение католицизму давало духовенству, то есть руководителям, источники и прелести существования. Доходы аббатств, епископств, которые увеличивались конфискациями, представляли неодолимые соблазны, были экономическими побуждениями инквизиции. Из-за куска хлеба люди сознательно идут на преступление. Если спустя столетия, когда экономические соблазны устранились, инквизиция еще была прочна, то тем понятнее ее появление и дальнейшее развитие в XIII и XIV веках.

Нельзя сказать, чтобы служители религии, которые опозорили ее созданием инквизиции, не ведали, что творили. Это были вовсе не злодеи в душе и по натуре. Вне трибунала большинство доминиканцев были люди кроткие, готовые прийти на помощь ближнему, способные даже на подвиг; они боготворили знаменитого основателя своего ордена и с прискорбием сознавали, что он не благословлял их дела. Нравственность имеет вечные принципы. Напрасно бы было объяснять помрачение ее существенных оснований религиозным фанатизмом. Убеждение в злом мотиве инквизиции не могло не мучить честных первосвященников. Потому те же папы и соборы рядом с инквизицией приняли и такие меры, какие могли бы предохранить общество от заразы. Они особенно сосредоточились на этих мерах, когда убедились в невозможности преобразовать самих себя и своих собратьев по служению.

^{*1} То есть розгу.

Так, мы говорили, что в Лангедоке четырнадцатилетние мальчики и двенадцатилетние девочки должны были давать клятву в том, что они будут верны католической Церкви. Видимо, переполошенный Рим и прелаты не могли придумать ничего, на чем не лежал бы след воинственного переходного положения, но при этом забывали существенное. Юноши должны были ежегодно возобновлять эту клятву, но их не учили, как надо отличать истинную веру от ереси. Напротив, подобные разговоры, а тем более диспуты между мирянами были даже воспрещены под страхом отлучения, чтобы не подать повода критически отнестись к догмату. Дабы люди не имели повода заблуждаться в Писании, им с 1234 года вовсе запретили знать это Писание и дозволили читать Библию только по-латыни, на языке, недоступном ни для народа, ни для горожан, ни для рыцарей. Потом запретили и латинскую Библию в частных руках, а позволяли читать только Псалмы и Часы. Мало того, им запретили даже иметь какие-либо богословские книги на понятных языках. Эти книги следовало принести к епископу через восемь дней и сжечь как преступные. На религию, желая поставить ее недосыгаемо, стали смотреть так, как смотрели подданные Дариев и Ксерксов на своего монарха, не решаясь опозорить его своим рабским словом. Когда религия стала предметом слепого страха и ужаса, она могла легко стать предметом ненависти. Католиков силой загоняли в храмы каждое воскресенье. Они должны были три раза в год исповедоваться и приобщаться; несоблюдение этого условия давало повод заподозрить в ереси. Из служителя алтаря сделали полицейского сыщика. Это было решено тем же тулузским собором 1229 года, который установил инквизиционный процесс. Приходской священник должен был доносить епископу о прихожанах, а иначе его самого низлагали и лишали прихода и бенефиции. Тот, кто не бывал в храме в воскресенье, платил штраф двенадцать денариев: половину Церкви, половину своему сеньору (96). Было неудивительно, если из религиозного чувства казначейства сумели извлечь известный доход. Гораздо непостижимее и характернее для эпохи было подозрение в ереси на всякого католика, имеющего у себя Библию (97), и предание его за суду инквизиции.

До такого способна была дойти нетерпимость! В этом сложении идея инквизиции произнесла сама себе суровый приговор. Действительно, инквизиция должна была изгонять Библию. В ней она могла найти свое осуждение. Евангелие, во имя которого она хотела бороться, оказалось ей враждебным, и она поняла это.

Попытки Тренкавеля и Раймонда VII к восстанию; убийства в Авиньонете; вмешательство Генриха III; Лориский договор; взятие Монсегюра и новые процессы

Переходим к изложению истории гонений на последних альбигойцев, к фактам, в которых проявилось действие инквизиции.

В судьбах альбигойства можно отличить четыре периода.

Вначале ересь с удивительным успехом сокрушала господствующую веру, проникала в хижины и дворцы, гонимая, уходила в леса, переносилась с крайней быстротой на огромные расстояния, оставляла следы своего пути почти в каждом замке, увлекала за собой женщин и знать, находила в последней покровителей и поклонников и благодаря этому снова распространялась в массах; тогда еретики имели своих епископов, своего папу, свои соборы.

Во второй период Римская Церковь приступает к духовной борьбе с ней. Ее легаты при всех усилиях не могут достичь успеха— они вступают в словопрения с учеными альбигойцами, часто терпят поражения и прибегают к мщению, к мерам насилия, которые не помогают, а вызывают более сильное негодование и закаляют ненависть еретиков. Доминик действует несколько счастливее своими проповедями, но находит мало подражателей, а он не можс! быть всегда и везде.

Когда один из легатов пал от руки альбигойцев, то папство ополчило крестоносцев и начало кровавую войну с еретиками, которая составляет третий период, сокрушим ший политическую силу альбигойства, уничтоживший вмс сте с тем национальность Лангедока, но не искоренивший сердечных верований в каждой отдельной личности. Громадная армия была разбита — она более не существовала как целое. Целые полки погибли в страшной битве, прочие скрывались от плена.

Но многие воины были еще живы, они могли собраться снова к своим частям; их вожди могли увеличить их численность новыми наборами и выставить новые силы. Надо было тщательно устранить всякую возможность подобной случайности. Для этого надо было

обезоружить всех разрозненных, сделать их покорными, прибрать их к рукам, учредить военные суды во всех покоренных местностях, пленить и наказать вождей, действуя везде малыми отрядами с особым назначением. Инквизиция выполняет эти задачи, что составляет четвертый период альбигойства. Людей в шлемах и кирасах сменили судьи в белых и коричневых рясах.

Завоеватели, то есть французская королевская власть, получили немало от содействия инквизиторов. Инквизиция вела внутреннюю борьбу, не столь шумную, но упорную и постоянную, отчего и достигла более прочных и решительных результатов. Борьба велась целое столетие, поэтому четвертый период — самый продолжительный. Как предприятие медленное, но систематическое, имевшее в виду прочные цели, а не временное торжество, инквизиция опиралась на дружескую и верную поддержку светской власти. В Лангедоке она имела надежную опору в Раймонде VII и Людовике IX. Пока не замолкло национальное чувство в провансальцах, положение инквизиторов, этих ужасных, хотя и безоружных воинов, было опасно; они были предметом патриотической ненависти.

Мы оставили тулузцев в полном негодовании и озлоблении по поводу суда над синьором Пейрпертюзом и бароном Ниоргом. Хотя страна была обезоружена, однако негодование проявилось в убийстве королевского сенешаля. Тем не менее новый епископ из доминиканцев, Раймонд, вместе с самим графом разыскивал по ночам еретиков. Можно было ожидать, что и сами судьи не избегнут руки тайного убийцы. Три тулузских проповедника были убиты в окрестностях Кордеса еще до введения трибуналов; их трупы бросили в колодец (98).

В 1233 году доминиканцы, получив инквизиторскую миссию, все еще медлили действовать в Лангедоке. Ересь будто скрылась. Но когда в следующем году Арнольд Каталонский вместе с Вильгельмом Пеллисом и магистром Вильгельмом из Ломбера хотели открыть трибунал в Альби, главном центре ереси, то, не успев еще исполнить своего полномочия, пострадали от мести населения, озлобленного слухами о насилиях в новых инквизиторских судах. Арнольд начал свои действия тем, что вместе с доминиканцем Вильгельмом Пеллисом присудил к казни двух еретиков, а двенадцать послал служить за море вместо покаяния. Но не прошло и нескольких дней, как ему пришлось убедиться в своей бессилии.

Дело происходило летом 1234 года, в четверг после Троицы. В Альби недавно скончалась еретичка Бессейра. Ее любили в городе и католики, и альбигойцы. Тихо похоронили ее на католическом кладбище святого Стефана. В это время Вильгельм, не заручившись еще поддержкой капитула и не показав своей силы и власти, приказал очистить католическое кладбище от еретиков. Епископ имел по этому делу со-квешание с городским духовенством в кафедральном соборе. Доминиканцы, присланные приором для розыска с буллой в руке, требовали содействия. Епископской страже и городскому балью ведено было идти и разрывать могилы. Те отказались; трибунал, еще не организованный, даже не был открыт, не имел членов от правительства и города, которые могли бы дать ему действительную законную силу, ни собственной стражи, которая могла бы исполнить его приказания. Арнольд действовал пока в качестве проповедника. Вынужденный сам идти на кладбище, он пригласил с собой нескольких капелланов. Там его уже ждала большая толпа. Арнольд просил указать ему могилу Бессейры, которая недавно умерла. Он взял заступ и начал раскапывать могилу. Тогда среди толпы, в которой было двести-триста человек, послышался громкий ропот. Один, который был посмелее, кинулся на инквизитора. Он ударил его, воскликнув:

— Вон из города изменников! Смерть ему!

Это подхватили остальные, кинулись на Арнольда, смяли его и начали колотить кулаками. Некоторые старались убить священника кинжалами, другие, не допуская того, били его по лицу, таскали за капюшон, рвали в клочки его рясу. Собрав последние силы под сыпавшимися на него ударами, доминиканец мог еще воскликнуть:

— Благословен Господь Иисус Христос! — И, обращаясь к толпе: — Бог да простит вам!

Кто-то закричал:

— В реку его, в Тарн!

Инквизитора поволокли по земле. Народ кричал:

— Смерть ему, не следует на земле жить такому палачу!

Прошли одну улицу, повернули в другую, к берегу Тарна. Уже оставалось несколько шагов до реки, доминиканец прощался с жизнью, как военный отряд освободил его. Он бросился бежать прямо в церковь святой Цецилии, в которой еще продолжалось заседание, со страхом скрываясь от новых преследователей. Вслед он слышал возгласы толпы:

— Смерть изменникам, свернуть головы тем, кто не кинет его в реку!

Кричали человек двести. Окровавленный, истерзанный, в присутствии епископов и всего духовенства Арнольд перед алтарем торжественно произнес над Альби проклятие (99). Страхивая прах от ног своих, он оставил отверженный город. Граждане только теперь поняли свое положение. Они просили монаха о прощении. Сперва он был непреклонен, но потом к просившим присоединился сам епископ. В уважение его настояний Арнольд сказал, что он смягчил свой приговор, что охотно прощает и забывает все обиды, нанесенные лично ему, но не может простить оскорблений, сделанных мятежниками Церкви и папе. Альбигойцы попали под отлучение.

В 1235 году такую же неудачу потерпели первые попытки ввести инквизицию в Тулузе. Там было готово помещение для трибунала в доминиканском монастыре. Петр Челлани, увлеченный проповедью Доминика, бросил свои богатства, подарил свой дом новому братству, а сам пошел в монахи. Ему суждено было быть первым инквизитором в Тулузе. В том самом доме, где некогда он же устраивал гражданам свои праздники, теперь открылся суд, на котором, отрешившись от мира, вельможа призывал к ответу своих бывших друзей. Папское полномочие делало его, в сущности, судьей и государем страны. Он, таким образом, не проиграл ничего, сделавшись нищенствующим доминиканцем. Вместе с ним получил полномочие другой современник Доминика, монах Вильгельм Арнальди.

Первое заседание вовсе не носило инквизиционного характера — оно было публичным, собралось много народа, был приглашен графский наместник, потому что Раймонд VII находился в Италии. Обвиняемых еретиков было много. Между ними особенно выделялся некто Иоанн; против него выставили свидетелей, дали очную ставку и произвели перекрестный допрос. Таким образом, процесс был вовсе не инквизиционный, поскольку последний еще не успел выработаться. Тем не менее тут же над Иоанном торжественно произнесли смертный приговор. Его передали наместнику. Тот уже приказал распорядиться казнью, но народ не позволил. В толпе говорили, что будут во что бы то ни стало защищать осужденного; громко ругали монахов и викария. Иоанна перевели в епископскую тюрьму. Дорогой он называл себя добрым христианином и католиком. Это еще более вооружило горожан против незваных судей. Вся Тулуза была в волнении. Но доминиканцы тактично дали время успокоиться народу. Потом они начали снова судить заключенного и опять публично. Они убедили присутствующих в его еретичестве. На этот раз они одержали верх. Те, кто прежде защищали осужденного, теперь стали легкомысленно проклинать его и не мешали совершению казни (100). Вместе с ним сожгли многих еретиков, приведенных из Лавора. Но этим не кончилось сопротивление инквизиции со стороны тулузцев.

Оба инквизитора отправились в Керси. Они пока не имели возможности открыть трибуналы и действовать на правах легатов. В Кагоре они без сопротивления со стороны народа вырыли несколько трупов на кладбище, долго волочили их по улицам и после сожгли. В Муассаке они поступили так же. Один из альбигойцев думал скрыться под монашеской рясой и удалился в соседнее аббатство, но инквизиторы и оттуда вытребовали его. Он бежал в Ломбардию и был осужден заочно, то есть сожгли его чучело.

В присутствии Челлани аббат святого Сатурнина в Тулузе при содействии наместника посадил в тюрьму одного гражданина из предместья по обвинению в соумышлении. Народ ворвался в тюрьму и освободил его. Когда инквизиторы вернулись, они возобновили дело. Они требовали виновных на суд.

Между тем приехал граф Раймонд VII из Рима. Он был вынужден позволить монахам хозяйничать в своей столице. Он просил об одном, чтобы простили тех, кто сознается и расскажет всю правду. Ему обещали это. Между тем инквизиторы приказали вырыть с кладбищ нескольких заведомых еретиков. Когда стали производить эту операцию в таком людном городе, как Тулуза, то это грозило не уличным беспорядком, а настоящим мятежом. Капитул обратился к Раймонду, тот — в доминиканский монастырь. Распоряжение шло от Челлани. Надо заметить, что этот монах некогда был пажом во дворце Раймонда VI; там он имел ссору с молодым графом и с тех пор был его личным врагом. Теперь перед ним унижался жалкий государь Тулузы.

Как ни больно это было в душе Раймонду, но он так любил свой народ, так чувствовал себя виновным перед подданными, что решился ради них снести личное оскорбление. Челлани отверг его просьбу. Тогда Раймонд обратился к легату, архиепископу вьеннскому. Ему он особенно жаловался на Челлани, ссылаясь на его личную злобу к нему и предсказывал, какой вред будет для апостольского престола, если этот человек будет сделан постоянным инквизитором в Тулузе.

Легат согласился удалить Челлани в Керси. Доминиканцы снова обиделись на такое распоряжение легата. Но тулузцы от этого ничего не выиграли. Вильгельм Арнальди (или Гильом Арно, как его называли французы) был ни чем не лучше. Он вырыл двадцать трупов и сжег их.

Вместе с тем он осудил двадцать еретиков; между ними был Арнольд Роже, считавшийся у альбигойцев архиереем. При помощи друзей все приговоренные успели бежать из Тулузы и заперлись в Монсегюре. Тогда Арнальди обвинил в соумышлении многих знатных граждан, вероятно членов капитула, и потребовал их в трибунал. Те отвечали ему, что не пойдут, и советовали впредь быть осторожнее с ними, если ему дорога собственная жизнь. Арнальди не унижался и обратился за содействием к консулам, но они приняли сторону преследуемых. Ему заявили, что он должен или перестать мучить Тулузу своими преследованиями, или убираться из города.

Это не смутило неустрашимого монаха. Вместо ответа он снова вызвал к суду нескольких лиц. Тогда консулы, не решаясь нанести личное оскорбление папскому уполномоченному, обрушились на тех приходских священников, которые взялись быть исполнителями приказаний Арнальди. Консулы изгнали их из города своей властью, а прочим духовным лицам грозили казнью, если кто-либо из них будет служить трибуналу. Теперь капитул принялся за инквизиторов. Ему пришли на память те добрые старые годы свободы, когда он был всевластен и когда не он, а ему давали присягу.

При звуках набата герольды поехали по всем улицам и от имени консулов и графского наместника объявляли, что впредь всякие сношения с доминиканским монастырем воспрещаются, что не позволено ни продавать, ни давать ничего монахам. К монастырю приставили стражу. С братьями стали обходиться по-солдатски; за сопротивление и дерзости били. Их хотели голодом принудить к уступке.

Когда епископ Раймонд вступился за доминиканцев, то и с ним поступили так же. Консульская гвардия заняла его дворец, взяла его бумаги и объявила его арестованным. Он в это время был болен и не мог сопротивляться. Несколько его слуг было ранено. Напуганный, он просил позволения оставить город; его не пустили и держали как заложника.

Старая ненависть к духовенству выплывала наружу. Альбигойцы надеялись, что как бы чудом вернутся дни их торжества. Если верить жалобам папы, то не только епископу, но и всему духовенству было запрещено проповедовать, капелланов за ослушание били в церквях. Потом и прочих духовных задержали под домашним арестом. Несмотря на то что старались прервать всякое постороннее сообщение с монастырем, нашлись люди, которые тайно, вероятно при содействии стражи, сумели помочь доминиканцам, так что последние не нуждались ни в чем.

Инквизитор Арнальди оставался непоколебимым и по-прежнему зывал к виновным. Он знал, что всякий может убить его из-за угла, но что в силу его полномочий никакая власть не смеет задержать его. Впрочем, по совету доминиканцев, которые опасались за его жизнь, он, получив согласие консулов, решил оставить город. Он вышел из Тулузы 5 ноября 1255 года торжественным образом. Его провожали монахи, пока консулы не запретили дальнейшие проводы, которые принимали вид манифестации, и грозили, что вернут Арнальди в монастырь. Вместе с тем инквизитору объявили от имени графа Раймонда VII, что он должен совершенно оставить пределы его владений.

Вильгельм почувствовал себя свободным лишь в Каркассоне; с ним был только один послушник. Но, оставляя Тулузу, он поручил кафедральному приору вызвать к суду оскорбивших его лиц, с тем чтобы они передали повестки приходским священникам. Последние пытались исполнить поручение; об этом узнали консулы и в ту же ночь арестовали священников. Утром их привели к суду и велели немедленно оставить город, а прочим духовным лицам под страхом смертной казни запретили принимать подобные повестки (101).

Между тем четыре доминиканца в тот же день осмелились потребовать самих консулов к ответу перед трибуналом в Каркассоне. Убедившись, что доминиканцы не думают покориться или уступить и что монастырь будет постоянным источником враждебных агитаций, капитул постановил изгнать немедленно из города всех доминиканских монахов, не исключая и епископа.

6 ноября сорок доминиканцев потянулись из города, по два в ряд, они остановились в загородном доме кафедрального духовенства. Епископ Раймонд прибыл в Каркассон и 10 ноября издал вместе с Арнальди и каркассонским епископом отлучение над капитулом. Сентенция обвиняла одиннадцать консулов в соумышлении с ересью и в неуважении предписаний его святейшества. О Раймонде VII не говорилось ничего, но знали, что изгнание монахов произошло не без его одобрения. Впоследствии легат, сообщая об этих происшествиях папе, обвинял и прямо указывал на графа как виновника всех гонений. В отсутствие доминиканцев минориты должны были вынести на себе весь гнев капитула. Они, не боясь опасностей, смело распространяли отлучение, произнесенное Арнальди. Их монастырь подвергся нападению; несколько

францисканцев были избиты до крови, когда они отказались повиноваться капитулу. За все это должен был ответить несчастный тулузский граф. «Мы не можем обойти молчанием все эти злодеяния против веры», — писал Григорий IX Раймонду VII.

Папа слышал все подробности от самого тулузского епископа, который для этого ездил в Рим. Папа припомнил теперь и другие провинности графа: как он не платил обещанного жалования профессорам богословия в университете, как вследствие этого прекратилось преподавание ряда предметов, как он отказывался ехать в Палестину прослужить обещанные пять лет, как дозволил осажденным жить на его земле. как держал при своем дворе подозрительных лиц. Теперь пап; требовал полного удовлетворения за все и прежде всего возращения доминиканцев и инквизиции. В ожидании же руча тельств отлучил Раймонда VII от Церкви и приказывал везде «каждое воскресенье и по праздникам читать это отлучение во всех церквях легатства при звоне колоколов и погашенных свечах, до снятия его по распоряжению легата».

Когда это отлучение пришло в мае 1236 года в Тулузу Раймонд VII уже был под двойным проклятием. Он был отлучен архиепископом нарбоннским и инквизитором Арнальди за мнимое сочувствие нарбоннским еретикам. Жители Нарбонны обошлись с доминиканцами еще хуже тулузцев. Они напали на монастырь, овладели им, захватили книги инквизиции и сожгли их (102).

Раймонд VII был менее всего виновен в этом новом оскорблении инквизиции. Прошло несколько дней, и его требует к новому ответу епископ Комминга, которому было поручено разобрать его спор с аббатом Муассака за права над этим городом. Граф не явился на суд и был отлучен епископом в присутствии архиепископов Оша и Бордо; 16 марта 1236 года по всем церквям в Гиенни, Лангедоке и Аженуа приказано было читать это проклятие.

Вероятно, не надеясь на последствия отлучения, папа и прелаты пожаловались на Раймонда VII Людовику IX. Папа просил короля принудить непокорного графа ехать за море, а «вместо него послать брата Альфонса управлять тулузским графством» (103). Ради того, чтобы скорее и окончательно закрепить за французской короной и надежным королем бурный Юг, Григорий IX прислал разрешение венчать Жанну и Альфонса, хотя они были в дальнем родстве по четвертой степени. Известно, что в следующем году брак состоялся; молодым было по семнадцать лет. Не оставалось сомнения, что король, узнав о поношении духовенства, прибегнет к силе для законного возмездия.

Раймонду VII оставалось покориться, хотя это было сопряжено с унижением. Его не мучило то, что он был отлучен: это вошло для него в привычку. Но он не хотел подвергнуть дорогой для него народ ужасам новой войны и новых опустошений. Он согласился ехать в Каркассон для переговоров с изгнанными доминиканцами и жестоким Арнальди; там же он нашел легата.

Между тем Арнальди прекрасно устроился со своим трибуналом в Каркассоне и успешно работал во славу веры. Он заседал вместе с легатом, с приором францисканского монастыря святой Марии и королевским сенешалем в Каркассоне — Гюи де Левисом. Это был трибунал и по составу, и по характеру судопроизводства. В каркассонском архиве сохранились три протокола того времени, один за февраль 1236 года и два — за март (104). В первом деле доносчиком явился сам епископ тулузский. Он обвинял Бернарда Ото, барона де Корта, в том, что последний ел с еретиками, слушал их проповеди, принимал от них поцелуй мира и утверждал, что спастись можно только в альбигойской вере. Оба его брата Вильгельм и Жеральд вместе с матерью судились за дружбу с еретиками. Вильгельм был виноват в том, что терпел еретиков на своей земле. Подсудимые приговорены к пожизненному заключению «для покаяния» и искупления их греха.

Епископ и Арнальди, вероятно, выговорили себе в будущем свои права, когда обещали вернуться в Тулузу. Туда они прибыли осенью 1236 года. В день святого Августина граф Раймонд водворил их в монастыре — уже навсегда. Но он не искупил этим своего отлучения.

С возвращением Арнальди в Тулузу открылся настоящий свирепый трибунал. Первые заседания этого судилища в его полном составе последовали не раньше 7 июня 1237 года. По крайней мере, до того дня мы не имеем протоколов. Прошел почти год; Арнальди не имел возможности обнаружить свою прежнюю энергию и неутомимость. С одной стороны, альбигойцы притаились и, напуганные, не давали повода инквизиции преследовать себя; с другой, даже Людовик IX жаловался папе на личную злобу доминиканцев вообще против Раймонда VII, которая не содействует, а только вредит делу Церкви.

Вероятно, вследствие подробных указаний папы легат сделал распоряжение, чтобы в трибунале, кроме доминиканцев, заседали минориты, «дабы смягчить суровость» первых. Вместе

с тем инквизиторы должны были сами обходить города и селения, чтобы не отрывать жителей своими повестками от занятий и работ. В силу того двое доминиканцев отправились в окрестности Тулузы. В Кастельнодарри они не узнали ничего — никто из еретиков и еретичек не выдавали друг друга, доносчиков не нашлось. В Пюи-Лоране предварительного заговора не было никакого, а свидетелей также не оказалось.

Открывая тулузский трибунал, легаты назначили в товарищи к Арнальди провинциала францисканцев в Провансе, но так как последний был обременен делами по своей администрации, то и вручил свое место минориту Стефану Сен-Тибери (105). Челлани тогда был избран приором доминиканского монастыря в Тулузе; он сохранил свое влияние на инквизицию, тем более что от него зависел выбор лиц в окрестные места. Стефан и Арнальди имели одинаковые права. Пощады ереси теперь ждать было нельзя. Лишь только начали дело по верным следам против одного лица, как появился целый ряд подсудимых и с тем вместе ряд сентенций, который продолжается с редкими промежутками в XIII и XIV столетиях.

Один из первых вызовов был обращен к графу де Фуа, Роже Бернарду II. Он славился своими громкими военными подвигами в минувшую войну и истинно рыцарским, самоотверженным и честным характером. За это он был при жизни прославлен именем «великого». Все знали о его симпатиях к альбигойцам, о той готовности, с какой он всегда являлся на защиту гонимых, и что всегда был оплотом несчастных. Тулузский трибунал вызвал его к суду. Он долго не отвечал, но, когда вызов был повторен доминиканцами, прибывшими в его резиденцию, он велел сказать им, что сам требует их к ответу, как дерзких вассалов и своих подданных.

К сожалению, мы не знаем, чем кончилось это дело, о нем не упомянуто в протоколах. Хотя явных улик не было, тем не менее тридцать два года спустя барселонские инквизиторы приказали выкинуть из общей графской усыпальницы тело Роже и его дочери, как заподозренных в ереси (106). Известно, что один из этих инквизиторов скоро погиб от руки тайного убийцы.

Первое дело, которым началась постоянная деятельность тулузского трибунала, разбиралось 7 июня 1237 года. На нем присутствовали: тулузский епископ, аббат Муассака, приор Челлани, графский наместник и назначенные депутаты от капитула. Трибуналу кто-то сообщил, что Аламан де Роэкс, знатный вельможа, не исполняет возложенной на него епитимьи. Роэкс принадлежали к древнейшим фамилиям графства Ларагуэ. Во время еретических движений они явились сторонниками новых доктрин. Альбигойские проповедники находили у них убежище, а когда Церковь открывала их след и они бежали в леса, скрываясь в пещерах, то и там находила их дружеская помощь Роэкса. Вместе с тем Роэкс питали семейную привязанность к династии Раймондов. Гонимый Раймонд VII, лишенный своих владений и не найдя даже места, где склонить голову, всегда встречал благородное гостеприимство во дворце Аламана Роэкса. Один из легатов, подозревая Аламана в ереси, обязал его принять крест и идти воевать в Палестину. Будучи действительно еретиком, Роэкс нисколько не желал исполнять приказаний кардинала. Он оставался в Лангедоке и на вызов суда не явился. Трибунал осудил его заочно как еретика.

Вероятно, графский наместник и капитул не оказали должного содействия розыскам Роэкса и пяти других подозреваемых рыцарей; поэтому 9 августа последовало отлучение Петра Тулузского и консулов (107). Об этом было про-Тено на церемонии в церкви святого Стефана.

Стоило только начать одно дело, чтобы поощрить доносы и впутать других. На этот раз привлечены были к ответственности люди среднего сословия, и преимущественно женщины. Так, 9 сентября было осуждено десять женщин и трое мужчин (108). Через две недели узнали, что умиравший рыцарь Понций де Умберти прогнал священника, явившегося с причастием перед его кончиной. Сентенцией трибунала была осуждена его память и умерший признан еретиком. Осужденных в следующие месяцы было только четверо: двое мужчин и две женщины, и из них одна немка. После частых сентенций всегда наступала тишина; ересь опять трудно было обнаружить.

Примеры наказания являлись как бы действенным средством, хотя в сущности они нисколько не уничтожали ереси, а лишь заставляли еретиков предпринимать меры предосторожности. Нигде так не отпечатывается подвижность, эластичность альбигойства, как в датах протоколов инквизиции. Только через пять месяцев сказались еретики, в деле 11 марта 1238 года. В тот день судились представители знатных рыцарских домов, как, например, Журдан Вильнев и Бертран Роэкс вместе с адвокатами, купцами, их женами и сестрами. Всех подсудимых было двадцать три. Вильневы принадлежали к самым древним и могущественным домам провансальской аристократии. Они пролили много крови за независимость своей родины. Они

были рыцарски преданы законной династии. Многие из них попали в список еретиков, иные даже в качестве проповедников, «совершенных» и архиереев альбигойских. Вообще это была самая ненавистная фамилия для инквизиторов вместе с Вил-леями, Роквилями, Сент-Андрэ и Роэксами, так как привязанность к ереси и новаторству в Лангедоке возрастала сообразно богатству, положению и древности рода.

Бертран Роэкс сознался и отрекся. Журдан Вильнев был весьма важным преступником в глазах инквизиторов. Он уже был один раз осужден на покаяние и мог быть судим как отпавший. Теперь он защищался, но улики были слишком явны, если не в ереси, то покровительства альбигойцам. Иные женщины уже по пять лет сочувствовали ереси, пуская еретиков к себе, давая им помощь и советы. Когда все подсудимые принесли раскаяние и произнесли клятву в католической вере, то для спасительного покаяния их самих, для отвращения соблазна другим, все подсудимые, мужчины и женщины, были осуждены на вечное заключение (109). Для достижения покаяния тогда же решено было устроить особую тюрьму для осужденных и обращенных еретиков.

Напрасно думать, что промежуток в протоколах, наступивший после марта 1238 года, служит доказательством закрытия трибунала до 1241 года. Никаких папских распоряжений относительно этого не было. Напротив, мы имеем ряд документов, доказывающих присутствие деятельности в трибуналах в 1238 и 1240 годах. Гораздо проще объяснить дело не догадками и вымыслами мнимых грамот, а обыкновенным характером альбигойства, которое всегда искусно скрывалось от преследований. Такие явления повторялись и будут повторяться не один раз.

Известно, что в 1238 году Григорий IX писал сенешалям и бальи в провинциях Нарбонны и Альбигуа, что до него дошло, как они присваивают себе конфискованные в пользу Церкви феоды и бенефиции еретиков, как они препятствуют исполнению приговоров против значительных лиц, как лишают католиков достоинства их осужденных мужей, как не отдают долга кредиторам и отказываются от содержания заключенных по делам ереси. Он советует им воздержаться от всех враждебных действий, а иначе грозит церковным преследованием. Это показывает, что трибуналы были в действии в разных местах, кроме Каркассона и Тулузы, где преследование прекратилось по недостатку материала, а если и там производились дела, то реестры их за это время не сохранились.

Но мы нашли в протоколах, как в 1240 году два раза в марте и два раза в мае было сделано четыре показания в трибунале о монсегюрских еретиках. Тут были замешаны громкие фамилии Делилей, Сен-Мартенов, Манзо, Фанжо, Полерма, Мирепуа. Некоторые обвиненные перед смертью получили «consolamentum», другие тайно провели в Монсегюр во время осады альбигойского епископа Гильберта де Кастра, слушали и лобызали его в доме Бертрана Мартена, другого епископа (110). Доносчицей была, между прочим, жена рыцаря Равата, которая доносила на своего отца Раймонда Переллу, будто последний вместе с Рожером Мирепуа принимал у себя в доме Бертрана Мартена и слушал его. Такие доносы на родителей были нередки.

Надо заметить, что Доа, копировавший протоколы целыми связками без хронологической последовательности, без всякой группировки и оценки памятников, только вследствие случайности сохранил так мало процессов, записав, между прочим, несколько разрешений на покаяние, как факт деятельности трибуналов этих годов. Наконец, вспомним, что в XVII веке архивы Каркассона и Тулузы были далеко не в прежней целости, дела за некоторые годы легко могли затеряться.

Папа не мог питать особенного доверия к Раймонду, чтобы пойти навстречу его просьбе и устранить трибунал, только что начавший свои действия. Граф по сие время не исполнил своего главного обещания: он все еще не шел в святую Землю. Год за годом давались ему отсрочки из Рима, а он уклонялся по-прежнему и прибегал ко всевозможным уловкам. Наконец он делал такие заявления, которые не могли быть одобрены ни в Риме, ни в Париже. Он желал присвоить Монпелье и тем еще более затянул узы, в которых епископ Лангедока держал этот город. Раймонд затеял также борьбу с баронами Прованса, взял несколько замков и нашел в марсельцах деятельных союзников. Пылкий Тренкавель, последний виконт безьерский, хотел свергнуть иго французов и возвратить то, что отняли у него Монфоры. После изгнания Амори он было занял свои владения; но французы завоеванием лишили его всего. В 1229 году он уехал в Испанию. Одиннадцать лет о нем не было слышно. Он жил при арагонском дворе. Вдруг после одиннадцатилетнего отсутствия он появился, окруженный каталонцами. Кроме монахов и духовных лиц, все сословия встречали его восторженно и готовы были биться за него. Раймонд также агитировал в его пользу и легкомысленно подстрекал своих подданных на возмущения,

очень хорошо зная, что возвращение прошлого невозможно. С замечательной быстротой Тренкавель завладел почти всем, что прежде принадлежало его отцу. Он занял Каркассон, несмотря на проклятия нарбоннского архиепископа и тулузского епископа. Но на этом его успехи прекратились.

Из Франции прибыла армия под начальством Жана Бомона; она оттеснила виконта в Монреаль. Здесь он должен был сдаться превосходящим силам противника. Ему предложили свободный пропуск со всеми приверженцами. Он удалился в Каталонию, оставив любивших его подданных на произвол французских начальников.

Что положение каркассонцев было тяжелое — показывают пять прошений королю о насилиях, которые они терпят от его епископов; жаловались даже женщины, называя себя несчастнейшими существами (111).

Тем более было непростительно увлекать этот несчастный и преданный народ. Тренкавель не ограничился одной попыткой. Он скоро опять вернулся. Опираясь на обещание и слабое содействие королей Кастилии, Наварры и Арагона и заключив союз с графом де Ла-Марш он, очертя голову пытал счастье. Пять лет он делал набеги на свои родовые земли, но закончил тем, что уступил Франции свои права на Безьер и Каркассон, отказался от титула, а сам в качестве простого рыцаря пошел в 1247 году за Людовиком в крестовый поход. Он отказался от присужденной ему ренты в шестьсот ливров. Это все, что оставалось от богатых владений Безьера, Каркассона, Нима, Альби и Агда. Его потомство приняло частную фамилию Безьеров, и скоро последние следы знаменитой династии исчезли. За все такие неудачные попытки национальных государей Юг расплачивался народ с сенешалями и инквизиторами.

После долгого молчания тулузский трибунал разразился в декабре 1241 года рядом протоколов над множеством подсудимых (112). Каждое воскресенье в течение Рождественского поста читались в кафедрале длинные постановления, целыми днями тянулся церемониал над обращенными. В первое воскресенье осудили на покаяние сто двадцать человек и облачили их в особые наряды; между ними, как всегда, половина была женщин. Некоторые из последних были осуждены только за то, что встречали еретиков у своих знакомых; другие за то, что принесли из Константинополя какие-то священные пальмовые кресты и носили их на платье. В следующее воскресенье обратили сто четверых, из них одну женщину за то, что она два раза имела несчастье увидеть еретика. Вслед за этим девяносто и еще пятьдесят делов; между ними одних за то, что приняли и накормили двух вальденсов, уверившись, что они «добрые люди».

Впрочем, под последними словами хотели видеть всегда целый круг преступлений против веры. К оговоркам, что подсудимый называл себя добрым христианином или знался с еретиком, прибегали тогда, когда не находили других более веских и точных обвинений. Так, в этом же процессе на одного показали, как он говорил, что Бог не творил ни человека, ни хлеба, ни вина, ни прочих злаков, — но виновный отделался лишь покаянием, странствиями и богомольем.

Всем этим далеко не ограничился список жертв трибунала. Для дня Спасителя было осуждено двести четыре человека. А сверх того отправленные с нарочной целью доминиканцы осудили в Монпелье и в Альтамонте по двадцати одному, в Кастельнове — одиннадцать и в Муассакке — восемьдесят восемь человек.

Вот ответ, который дала инквизиция на легкомысленные попытки Раймонда и Тренкавеля. В несколько недель было осуждено семьсот жертв. Что осуждения и приговоры трибуналов имели отношение к политическим движениям, подтверждается осуждением многих рыцарей, оруженосцев и людей влиятельных, обвиненных в покровительстве ереси (113).

И не только на этот раз, но и позже на судьбах инквизиции отражалось политическое состояние Лангедока. Это показал дальнейший ход событий.

Последние носители славных воспоминаний независимости Юга, покинутые счастьем и друзьями, но сохранившие любовь своих подданных, сходили в могилу. Два доблестных старца, представители знаменитых династий и громких имен, Роже Бернар II, граф де Фуа, и Бернар, граф Комминг, умерли в один год и оба внезапно. На них покоились последние надежды патриотов, но они были обессилены, разорены; французские гарнизоны держали их в постоянном плену, выжидая их смерти. Их беззаветная храбрость, боевое искусство были бесполезны при отсутствии единства.

Раймонд VII не обещал многого по причине уступчивости своего характера. Измученный в долгой борьбе, он, казалось, предавался наслаждениям, отдыху после позора и, как говорили, ласкал свои цепи. Но никто не знал, что в этом с виду спокойном, равнодушном человеке по временам закипает неутомимая душевная буря, плод сознания своего позора, что это сердце пылает

ненавистью к завоевателям. Он не был, подобно двум своим предкам, сторонником альбигойства, сочувствовал суровым мерам против еретиков, но мучители в рясах возбуждали в нем наследственную злобу. Стремление вернуть потерянную независимость он скрывал так искусно, что простодушный Людовик IX всегда видел в нем верного друга. Между тем в тиши он готовил средства к возмущению.

Инквизиторы своими судилищами давно возбуждали общую ненависть. Трибунал был живым поводом к восстанию. Графу нужен был хороший союзник вне Лангедока, который мог бы парализовать силы французского правительства. Феодализм еще гордо носил голову. Мы помним, как Бланка одолела феодальную оппозицию лишь с помощью интриги и измены. Дружескую руку Раймонду протянул граф де Ла-Марш. Может быть, он первый возбудил в нем мысль о возможности вернуть прошлые времена, столь счастливые для феодалов. Он рассчитывал на поддержку английского короля Генриха III, который был его зятем. Граф де Ла-Марш опирался в своем восстании против французской короны не на феодальные принципы, а на нечто более серьезное. Жители графства Пуатье, его подданные, питали к французам ту же национальную вражду, что и провансальцы.

Чтобы удобнее сноситься с Ла-Маршем, Раймонд VII поехал в Аженуа и искусно не обнаруживал перед французами ни своей враждебности, ни своих приготовлений. Приехав в замок Пеннь, он почувствовал приступ болезни. Может быть, это было хитростью с его стороны, чтобы отвлечь от себя всякое подозрение и получить предлог помириться с Церковью накануне великого дела. Повсюду разошлись слухи, что граф близок к смерти.

Так как он состоял под несколькими церковными отлучениями, то не мог быть приобщен без крайней необходимости. Местное духовенство озаботилось справиться о состоянии больного. Врач графа, профессор медицины к Тулузе, объявил, что больной безнадежен. Официал епархии, священники и капеллан замка вошли в комнату умирающего. Раймонд просил их благословения и разрешения перед близкою смертью. Он обещал, если останется в живых, удовлетворить Церковь во всех ее требованиях и содействовать уничтожению ереси. На нем лежали, кроме прежних проклятий за ересь, четыре отлучения за ущербы, понесенные в разных епархиях во время последней его войны с Провансом, в Арле, Кавальоне и Везоне; даже церковные лица Аженуа имели к нему претензии. Выслушав исповедь, официал снял отлучения и приобщил больного. Через несколько дней Раймонд был уже на дороге в Тулузу. Его известили, что Ла-Марш поднял восстание.

В апреле 1242 года Раймонд созвал в Тулузу феодалов Лангедока. Каждый из них знал, зачем ехал. Слезы текли из глаз и восторг сиял на лицах, когда Раймонд напомнил им, что они были и чем они стали. Старый государь, так симпатичный своими несчастьями, тронул в сердце каждого самые живые струны. Роже, граф Фуа, сейчас же написал акт клятвенного союза, в котором с увлечением говорил:

«Давно знаем, граф, скольких земель лишил вас король Франции. У нас есть средства для войны, мы рассмотрели внимательно все, что относится к этому делу, мы видим, что время настало. Клянемся над святым Евангелием служить вам верно в этой войне, мы все соединимся с вами, как с законным государем, все будем помогать вам против короля и всеми силами будем защищать вас».

Графы Комминг, Арманьяк, Родец, виконты Нарбонны, Лотрека, Ломаня, Люнеля, наконец, депутаты Альби и других городов обещали содействовать Раймонду. Военных действий еще не начинали, но уже не скрывали цели восстания. Раймонд поехал в Аженуа.

1 мая 1242 года он был в Ажене, и здесь-то обнаружился истинный характер его стремлений. Не во имя свободы совести готовились феодалы воспользоваться народной кровью. Опыт несчастий научил их, как опасно быть на стороне людей, гонимых Церковью; они сознали, что все бедствия их самих и их отцов произошли от солидарности альбигойцами, и теперь, перед новой и вероятно последней попыткой, они отреклись от своих прежних друзей, продали их тем же монахам и тем же инквизиторам, думая вымолить поддержку или хоть немое содействие Церкви. Они хотели порвать все связи с прошлым, как выскочки, думающие о выгодных новых связях и презрительно чуряющиеся старых, но ненужных и обедневших друзей.

В этот день Раймонд подписал такой договор, от которого отшатнулся бы с ужасом любой из его предков. Все его старое благородство исчезло. С дерзким равнодушием, твердой рукой он, узнав о цене, подписал акт продажи духовенству всех альбигойцев, их единомышленников, защитников, всех недругов Церкви, которые живут и будут жить под его властью. От него ничего не просили; напротив, он сам навязывал свое содействие инквизиции. Он предоставил трибуналам

полную свободу действий, в их власть он отдал еретиков или, лучше сказать, всех подданных. Этот акт хранился в архивах каркассонской инквизиции.

«Светлейший граф тулузский пришел к нам, — пишет епископ Ажена в присутствии многих светских и духовных свидетелей, — пришел к нам и настоятельно просил нас с умилением сердечным, заверяя, что искренне хочет уничтожить во всех своих землях еретическое нечестие, чтобы мы поступали против еретиков в диоцезе нашем по инквизиционному обычаю и искореняли всеми силами ересь, предназначив для этого или миноритов, или доминиканцев, или других хороших людей, которые сумеют все это совершить, как следует, во имя Бога и справедливости» (114).

Казалось бы, нет надобности внушать епископам пользу инквизиции, но Раймонд явился на этот раз усердным ходатаем трибунала, адвокатом его достоинств. В этом документе он назойливо предлагал свое содействие и все средства к услугам инквизиции, к преследованию и наказанию еретиков, и особенно — двум инквизиторам в Ажену, Бернарду де Канчио и Иоанну, если только они будут действовать не от имени провинциала. Раймонд не забыл одного — оскорбления, которое лично ему сделал Челлани. Он заявлял в конце документа, что не отказывается от своей прежней жалобы на тулузского приора и на действия доминиканцев.

С таким детским легкомыслием, стоя почти у гроба, накануне важных предприятий, этот идол обманутого им народа продавал все, что было благородного в его деятельности, ради своего личного честолюбия; он оговорился только в одном, чтобы не трогали его мелочной, личной вражды. Мог ли быть какой-либо успех в национальной войне, когда из нее отстранялся целый элемент, едва ли не самый сильный и существенный, потому что им двигала вера? Вся история тулузской династии показывала, что ее сила заключалась лишь в союзе с церковной оппозицией.

Теперь был редкий случай опереться не только на остатки альбигойства, но на все народное отвращение к трибуналам и на множество безвинных жертв инквизиции. Раймонд не воспользовался ими и снова, уже навсегда, проиграл дело.

А между тем несчастные альбигойцы думали, что действительно им будет легко жить, что монахи и варварские суды не станут их мучить. Они поддались на обман и очертя голову первые кинулись на своих врагов. Пока Раймонд сражался с французскими вождями, они рассчитывались с инквизиторами.

В области Ларагуэ есть Авиньонский замок; теперь он называется Сен-Папуль. За несколько дней до праздника Вознесения, в 1242 году, во дворце этого замка остановился одиннадцать путешественников. Восемь из них были монахами. Один монах в белой рясе наводил особенный страх на жителей. Скоро узнали, что он из Тулузы и приехал в Авиньонет с целью карать жителей за ересь. Его особенно боялся городской балы Раймонд Альфаро. 27 мая, накануне праздника, приезжих навестил приор Авиньонета и беседовал с ними до самой ночи. Разговор действительно шел об открытии инквизиционного трибунала в этом небольшом городке. Завтрашний праздник был удобным предлогом. Два монаха, которым все прочие оказывали особенное почтение, были известные инквизиторы Арнальди и Стефан. С ними был их постоянный сотрудник в Тулузе архидьякон Лезата и новый инквизитор, доминиканец Раймонд Писатель; при каждом из них был послушник. Нотарий и два прислужника тулузского трибунала, прибывшие вместе с ними, ясно показывали, с какой целью путешественники посетили Авиньонет. Альфаро имел основания опасаться стать первой жертвой трибунала. Назначенный на свою должность графом Раймондом, он знал, в каких отношениях был последний к Арнальди и вообще доминиканцам. Он рассчитывал одним ударом спасти себя и угодить своему государю. В день прибытия инквизитора он только что вернулся от графа.

Недалеко от Авиньона, в отрогах пиренейских гор лежит посреди скал замок Монсегюр. Он не был занят французами. Почти неприступная местность и предания прошлого делали его даже и теперь местом убежища еретиков и гонимых. Не только альбигоец, но и всякий преступник, даже разбойник, спасшийся в Лангедоке от рук правосудия, считал себя свободным в Монсегюре. Его владетель, старый синьор Роже Мирепуа, гордился тем, что он один, не склоняет своей головы пред королем и по завету предков поддерживает баронскую честь. Монсегюр был единственной крепостью еретиков. В таком городе, наполненном беглецами, было много пострадавших лично от инквизиции и пылавших особенно ненавистью к Арнальди. Мирепуа одобрил предприятие балы (115) и послал в его распоряжение своих воинов.

Альфаро расположил в роше этот небольшой отряд. Из него было отобрано двенадцать добровольцев, которым роздали топоры и мечи. Была ночь на Вознесенье. Рыцарь Видаль привел двенадцать человек ко дворцу. Он встретил на улицах нескольких вооруженных горожан, у

которых, видимо, было одно с ним намерение. Послали узнать, что делают монахи. «Они ложатся», — был ответ. Видаль пополнил свой отряд всеми встречными и тихо вошел во двор. Тут его ждал Альфаро. Оба поднялись на лестницу. Приор также ночевал у инквизиторов. Все двенадцать человек спали в одной длинной комнате — и все были убиты. Одни не успели открыть глаз, другие проснулись, но не могли защищаться. Альфаро первый замахнулся тяжелой палицей и убил Арнальди, прежде чем он успел промолвить одно слово. Запертые изнутри, монахи и прислужники кричали в смятении, но напрасно. Слабый свет освещал жуткую сцену. Последние жертвы, обреченные смерти, собрались в кучу и начали петь «Te Deum»; они падали под топорами и ножами один за другим. Убийцы приговаривали: «Очень хорошо, очень хорошо». У мертвого Арнальди Альфаро отрезал язык. Двух слуг бросили за окно. Бумаги, деньги и вещи убитых растащили. Факелы замелькали на улице; сбежались те, кто сочувствовал убийству. Альфаро рассказал, как было дело. Обращаясь к своим сотоварищам, он прибавил:

— Теперь все вы будете счастливы!

Убийцы вернулись в лес, сели на лошадей и ускакали. В Авиньонете все были довольны, немногие если и жалели кого из погибших, то одного приора. Синьор Мирепуа был недоволен только тем, что ему не прислали головы Арнальди; из его черепа он собирался сделать чашу.

Тулузские монахи пришли в ужас, когда узнали о гибели своих братьев. Но мстить было опасно. Восстание уже начиналось; Раймонд VII вел войну с французами. В Авиньонете более не боялись угроз.

Доминиканцы и минориты требовали только выдачи трупов. Они получили их и похоронили в своих монастырях, а архидиакона — в церкви святого Стефана.

Но убийцы нимало не помогли Раймонду своим преступлением. Напротив, многие союзники, опасаясь последствий убийства, тотчас отвернулись от тулузского графа (116). Папский престол был вакантен, но кардиналы, жившие во Франции, письменно изъявили доминиканцам свою скорбь о случившемся и утешали их. Каркассонская инквизиция произнесла проклятие над убийцами и предписала Раймонду преследовать их под страхом анафемы. Епископ тулузский запретил богослужение и требы во всем городе, и под этим интердиктом, лишённые всех религиозных обрядов, жители пробыли сорок лет (117).

Иннокентий IV особенной буллой велел причислить убитых к числу мучеников. А Раймонд VII в письме к королеве Бланке обещал примерное наказание убийцам. Но через месяц сам граф поднял мятеж против французского правительства.

Между тем Генрих III, исполняя свое обещание, внезапно начал войну с Францией в Пенни на Шаранте и расположился лагерем под Тейльбургом. Людовика IX такая неожиданность изумила. По обыкновению он стал допрашивать свою совесть, можно ли ему воевать с Генрихом, когда его отец клятвенно обещал двадцать пять лет тому назад жить в мире с Англией.

— Король английский обманут ложными обещаниями изменника Ла-Марша и еретика Раймонда, и мне очень прискорбно, что он презрел меня, — говорил Людовик.

Но придворные вывели его из недоумения, и вместо войны с неверными пришлось пожинать лавры над католиками. Людовик IX очень счастливо избавился от опасностей. Англичане были плохо подготовлены к войне. У союзников не было выработано плана действий, Ла-Марш обманул Генриха III. Союзников было легко уничтожить по частям.

В замке Фронтнэ Людовик взял в плен сына графа Ла-Марша и сорок рыцарей. Их советовали повесить.

— Сын неповинен смерти, — сказал король. — Он покорно должен был исполнить волю отца. Вассалы также, они до конца верно служили своему сюзерену.

В двух сражениях под Тейльбургом и под Сентом Генрих должен был уступить поле битвы французам и удалился в Бордо. Симон Монфор стяжал под Сентом военную славу. Людовик кинулся теперь на Ла-Марша, отнял у него владения и заставил просить мира. Ла-Марш бросился к ногам короля. Он уступил часть своих владений и обязался воевать против Раймонда за Церковь.

Все это совершилось тогда, когда восставшие лангедокские феодалы с Раймондом и Тренкавелем внесли войну в домены короля; они успешно действовали около Нарбонны, так что город готов был свергнуть французскую власть. Французский гарнизон вышел из него. Заручившись сочувствием населения, виконт Амальрик ввел в Нарбонну Раймонда и признал его своим законным государем. Граф ненадолго поселился во дворце своих предков. Он прежде всего стал вымогать суммы с духовных бенефиций на военные издержки.

Архиепископ нарбоннский Петр Амелий удалился в Безьер и здесь произнес отлучение над Раймондом, называя его нарушителем мира, разбойником, грабителем церковного достояния,

клятвопреступником против Церкви и короля Франции, со всеми его сообщниками и заговорщиками, графом Коммингом, лжевиконтом безьерским, баронами Терма и Клермона, их детьми и братьями. При этом он повторил отлучение каркассонской инквизиции над Раймондом.

Не обращая на это внимания, Раймонд официально принял титул своих предков и, пользуясь отдыхом французов после побед, тайно отправился в Бордо для заключения нового союза с королем английским. Генрих III обещал сепаратно не мириться с Людовиком IX и защищать Раймонда VII даже после церковного проклятия. Есть сведения, что граф тулузский получил от Генриха III большую денежную субсидию.

— Не отчаивайтесь, брат мой, — утешал короля Раймонд. — Помните, что вы могущественный государь и что вы в силах одолеть французского короля. Припомните, как я отразил его один, хотя сам папа помогал ему. Как только я прогоню с моей земли этих изменников, то быстро явлюсь к вам на помощь (118).

Но все эти обещания были слишком легкомысленны; Раймонд не мог положиться ни на одного из своих союзников. Вернувшись в Нарбонну, он увидел в своем лагере полное разложение.

Людовик IX между тем овладел областью Пуату, которую постыдно оставили англичане, и только чума во французском лагере остановила его успех. По словам Матвея Парижского, в армии умерло восемьдесят рыцарей и около двадцати тысяч пехоты. Сам король заразился. Он тяжело заболел, и французами овладел ужас. Однако хилое телосложение Людовика пересилило болезнь. Но при страшных потерях в людях продолжать войну с Англией было нельзя. 7 апреля 1245 года Людовик принял пятилетнее перемирие, предложенное Генрихом, небезвыгодное для Франции, и больным вернулся в Париж. К тому времени восстание в Лангедоке было уже подавлено и Раймонд, снова униженный и побежденный, был у ног своего короля.

Французское правительство, руководимое умом королевы-матери, успело отделить от Раймонда графа де Фуа. Вопреки всем клятвам последний воспользовался первым же предложением противников и не только отстал от союзников, но даже согласился сражаться против Раймонда. Он выговорил себе право быть прямым вассалом короны. Эта измена, совершенная с удивительной легкостью, показывает, как нравственно вырождалась провансальская аристократия и как угасал гордый дух времен ее независимости. Чувство чести и долга исчезло; каждый из владетелей заботился прежде всего о своей выгоде. Замечательно, что при этом один узнавал себя в другом.

Чем объяснял Роже де Фуа свое отступничество? Он перелагал всю ответственность на того же Раймонда. Измена обыкновенно молчит. Здесь же она любит себя и выставляется напоказ. Роже указывал на судьбу своего отца, который был подобным же образом покинут Раймондом VII перед заключением парижского трактата.

«Мой отец тогда заключил не такой мир, какой хотел, — писал он Раймонду, — а такой, какой мог; он связал тем себя и своих наследников. Тогдашние обязательства помешали на этот раз нашим добрым желанием относительно вас. Потом вы не забыли, конечно, того, как обещали нашему покойному отцу, что будете жить в ладу с Церковью и с королем и что в противном случае добавляли его от всяких обязательств к вам самим». Далее Роже посмеивается над положением своего друга. «Вы сами настаивали, чтобы мы принесли присягу на верность и подданство королю Франции; мы же осыпаны от него благодеяниями. Теперь король настоятельно убеждает скорее помогать ему против вас — не исполнить этого значит быть виновным и клятвопреступником и лишиться доменов. И ваше высочество сим извещаетесь, что мы решились верно служить королю и Церкви, давать ему и помощь и совет, и вы убедитесь, что мы тем самым уже избавляемся от всякой верности и обязательств относительно вас. Потому не удивляйтесь, если мы когда-нибудь пойдем на вас войной. Мы с вами впредь ничем не связаны в войне, которую поведем на пользу короля и Церкви» (119).

Трудно представить себе падение более бесстыдное и безнравственное в людях, отцы и предки которых служили для народа образцом политических доблестей. Такие факты, как договор с епископом Ажена и письмо Роже, отвращают всякое сочувствие историка от этих лицемерных патриотов несчастного Юга, спокойно торговавших своими народами и собственной совестью.

Раймонд получил роковое для него известие во время осады Пенни в Аженуа. Он поспешил обязать присягой бывших в его лагере вассалов де Фуа. Напрасно он думал усостыдить Роже, припоминая все, чем обязан дом де Фуа своим сюзеренам.

«Вспомните, как вы часто говорили мне, что откажетесь от ваших доменов, когда увидите, что я лишился своих».

Для Роже подобная фраза была ребяческой наивностью.

Раймонду невольно приходилось покориться. Со дня на день сильная армия из Гиен ни могла прийти в Лангедок и раздавить его слабые отряды. Посредником явился епископ тулузский. Граф уполномочил его вести переговоры с королем от лица всех феодалов, участвовавших в мятеже. Епископ был любезно принят королем, но предложения, привезенные им, передал в свою курию. Там решили, что Раймонд должен покориться без всяких условий, доверившись милости королевской. Чтобы поддержать такое решение, Роже и епископ клермонский отделились от главной армии и придвинулись к границам Керси.

20 октября Раймонд и его друзья сдались на милость короля, при этом с их стороны было условлено, что альбигойцы и все причастные к делам ереси не имеют права пользоваться этой амнистией.

«Исполненный стыда и печали за все, что произошло, не из страха, а из других побуждений, вам известных, — писал он королю, — я обещаю всецело предаться вам, верно служить для вас против всех и каждого, защищать и почитать Церковь согласно вашим желаниям, покровительствовать католической вере, очистить страну от еретиков и совершить наказание над теми, кто позорно умертвил инквизиторов».

Тот же Раймонд писал королеве Бланке, прося ее быть посредницей и обещая постоянную верность (120). Епископ, ходатай его, видел, что многие мятежники уже упредили Раймонда, своего союзника, и искали себе пощады ценой измены общему делу. Они согласились даже, если им прикажут, обратиться против Раймонда. Епископ не встретил ни в Людовике IX, ни в курии доверия к обещанию и клятвам графа тулузского. Понадобилось ходатайство Бланки, которая приходилась кузиной Раймонду. Она оказалась к нему очень милостива, так что многие при дворе остались недовольны.

Король из снисхождения к его раскаянию согласился простить мятежника на условиях парижского трактата. В Лорисе, 14 февраля 1243 года Раймонд подписал договор, по которому он сам, его союзники и все владения рабски передавались милосердию короля. Три королевских комиссара отправились принять клятву Раймонда. Саверден, Пеннь и еще четыре других замка были уступлены королю в ручательство клятвы. Жители Альби и Нарбонны были освобождены от присяги, когда-то принесенной ими с таким увлечением Раймонду.

Чтобы угодить Бланке, Раймонд немедленно дал приказ повесить всех, кто принимал участие в убийстве инквизиторов в Авиньонете. Впрочем, его воля после Лорисского договора не значила ничего. Можно сказать, что он даже существовал из милости.

В Тулузу королевские комиссары прибыли 23 февраля 1243 года и обязали капитул следующей присягой:

- 1) соблюдая парижский трактат, оставаться верными королю и Церкви в случае, если граф Раймонд возмутится снова;
- 2) помогать Церкви против еретиков и их единомышленников;
- 3) стоять за короля, если граф восстанет против него.

Все жители Тулузы старше пятнадцатилетнего возраста были приведены к этой присяге.

Два месяца объезжали комиссары города и области Раймонда до последнего селения и каждого кастеляна, барона, рыцаря, оруженосца, горожанина и виллана, который был старше пятнадцатилетнего возраста, привели к присяге королю, хотя номинальный государь Раймонд был еще жив и даже рассчитывал оставить после себя потомство, торжественно празднуя в эти самые дни свой брак с принцессой де Ла-Марш. Свадьбу праздновали через неделю после Лориса. В радостном самозабвении, с заздравной чашей в руке похоронил последний представитель Раймондов независимость и свободу своих подданных и приветствовал наступление години рабства. Он, как дитя, или ни во что не ставил свое горе, смеясь над скорбью поработанного народа, или думал утопить в вине и в празднествах свою великую печаль.

Когда такие явления возможны, не может быть более речи ни о провансальской национальности, ни о возрождении самостоятельности Юга. Судьба его была решена.

Католическое духовенство на поместных соборах, со своей стороны, достаточно способствовало скорейшему уничтожению национальности. 18 апреля 1243 года происходило заседание в Безьере. На нем присутствовал Раймонд VII. Он привез с собой декларацию против доминиканцев, так как не имел ничего против самой инквизиции.

«Доминиканцы Феррьер и Вильгельм Раймонд, считая себя судьями над еретиками в моих землях, — жаловался Раймонд, — произнесли против меня приговор отлучения. Я законно апеллировал на это святому Престолу, так как нахожу их суд пристрастным и несправедливым —

такой приговор не только бесчестит меня, но он постановлен вопреки всякому праву. Так как апостольский престол теперь вакантен, то я обращаюсь к собору как относительно приговора доминиканцев, так и моей апелляции. Я надеюсь, что собор окажет мне заслуженную справедливость, в уважение моей личности и репутации» (121).

Через два дня Раймонд имел особое свидание с епископами лангедокскими, а именно Тулузы, Ажена, Кагора, Альби и Родеца. Он просил их или принять на себя инквизицию, или поручить ее от своего имени цистерцианцам, францисканцам и доминиканцам, кому угодно, но под условием, чтобы эти судьи действовали от лица епископов. Тогда он вызывался помогать им всеми силами, исполнять их постановления через своих вигуэров и бальи, казнить и заточать виновных. Прелаты не могли дать ему никакого ответа, так как Церковь и не имела в это время верховного представителя, который один мог решить подобный вопрос. Но в принципе католицизм не мог сойти с однажды избранного пути.

Что искренности Раймонда в делах веры не доверяли, это было ясно. Людовик IX, заключив с ним мир, находил нужным делать сбор с духовенства и монастырей на искоренение ереси, который обуславливал недоверчивостью к графу тулузскому, как к старому еретику, недавно умертвившему нескольких проповедников (122).

С избранием в папы Иннокентия IV, друга святого Доминика, инквизиторы на нарбоннском соборе в конце 1243 года получили разъяснительные инструкции в двадцати девяти канонах. Здесь были определены подробности покаяния еретиков, которое по седьмому канону инквизиторы могли усиливать или уменьшать. Здесь выработалась та практика инквизиции, с которой мы познакомились в общем очерке. Здесь же была сделана попытка возвысить ее авторитет устранением денежных пеней. Но эта попытка имела в виду собственно не самую инквизицию, а доминиканцев, — денежные пени предоставлено было налагать епископам и папским легатам. Значит, инквизиция не облагораживалась и с этой стороны; корысть оставалась ее существенным стимулом. Чтобы гарантировать справедливость приговора, оба инквизитора должны делиться между собой сведениями и мнениями о подсудимых. Запрещалось осуждать без явных документов и без собственного сознания подсудимого, ибо лучше оставить безнаказанным преступление, чем осудить невинного.

Если бы принцип двадцать третьего канона был осуществлен, то дух инквизиции должен бы радикально измениться, так как до сих пор трибуналам не возбранялось осуждать вместе с виновными безвинных, во избежание вредного для веры снисхождения. Но это начало так дисгармонировало с общим унисоном всяких беззаконий, проявившихся в учреждении инквизиции, что устранилась всякая возможность его осуществления.

Не далее как рядом с этим двадцать третьим канонам был поставлен другой, который допускал быть обвинителями и свидетелями всех преступников и бесчестных. Прелаты знали, что одно дело говорить, другое — действовать.

Ко всему этому нарбоннский собор заявил в заключение, что своими наставлениями он не хочет связывать инквизиторов, что его каноны — лишь дружеский совет и что ибунал во всем сообразуется с папскими указаниями. Это было сказано в первые дни папствования Иннокентия IV, мы знаем, как он отнесся к трибуналам. Он усилил их строгость, поставив их выше себя, и окончательно установил здание, стоявшее до сих пор на непрочном основании. Теперь его могло опрокинуть одно время, а не люди.

После политического движения инквизиция могла найти в Лангедоке новую пищу. Всякая попытка, враждебная французскому владычеству, отражалась немедленно на религиозном вопросе, так как встречала ревностных приверженцев в альбигойцах. Во время мятежа инквизиция не могла уследить за еретиками, их проповедниками и так называемыми «совершенными». Преследуемые в одном месте, они появлялись в другом. Они находили себе приготовленные убежища. Когда опасно было поместить альбигойского священника или диакона в замке, ему давали приют в лесных хижинах, куда стекались ученики, стремящиеся выслушать поучение. Сцена альбигойства в эти годы переносится в леса, как в ранние времена катарства. Замок Монсегюр был центром, откуда расходились еретические проповедники, пуская в этот момент новые корни альбигойства.

Замок окружали лесные массивы, покрывавшие склоны ущелий и отроги Пиренеев. Современные протоколы обнаружили, какая усиленная агитация производилась здесь, помимо феодальных руководителей политического движения. В лесу Лагард учил Вильгельм Ричард; к нему собирались слушать и вкушать благословенный хлеб Роваль, Понс, Фабри, Аламан, Гитар и другие; тут же происходили состязания Ричарда с католиком Петром Бруни. Подобный же приют

был в соседних лесах. В лесу Лабастид раздавались речи Лагета, Гроса и Бонафоса. Аламаны, Вельмуры и Мервили, принадлежавшие к известным рыцарским родам, теснились около них. Около Сан-Жермьера учил Бернар Гастон. В окрестностях Кассера, в роше Ла-Гизола альбигойцы поселились целой общиной. Им в изобилии приносили пищу, восхищались их учением; их всегда заставляли за пряжей льна. Недалеко от них поселились в хижинах брат Сикр и Америк с товарищами. К ним приходили просить мира и приносили дары.

Некоторые фанатики не хотели жить на одном месте и выжидать там посетителей. Они ходили из места в место разносить свои идеи. Об их прибытии скоро узнавали; когда было возможно, то из леса их торжественно вводили в город, и зажиточные люди городка или селения считали за честь поместить их у себя, накормить и снабдить всеми средствами для путешествия. Их проповедь сохраняла свои прежние начала: альбигойская догма остановилась и перестала развиваться. Отшельники предписывали те же требования воздержания. Часто они разводили супругов, как было, например, в Ланитаре. Некто Бернар Брус первый стал делать это.

Не все проповедники и проповедницы с их спутниками отличались нравственной чистотой и соблюдением того воздержания, какому они поучали. Некоторые из них находились между собой в интимных отношениях. В одном показании говорится, что верная Вильеметта Компан была при посвящении своего любовника; свидетелями обряда были его большая сестра, ее мать и много посторонних значительных лиц. У нее же братья Сент-Андрэ, исповедовавшие альбигойство и не вступавшие в брак, всегда могли находить к своим услугам альбигойских диаконов. Преимущественно у последних любили останавливаться проповедники и даже сами еретические епископы. С некоторыми они находились в более прочной связи. Так, архиепископ Мартен отбил у одного еретика красавицу и стал жить с ней. К некоторым альбигойским духовным служителям привязывались и католички, жены и дочери знаменитых фамилий. Они не щадили для них ничего, повергали к их ногам свое достоинство и честь. Между собой они, не краснея, называли себя их любовницами. Они прислуживали им, кормили, одевали и любили их. При таких условиях странствующие проповедники легко находили награду своих трудов; воспрещая роскошную жизнь и увеличение населения правильными браками, альбигойская догма не возбраняла даже духовным тайные ласки прекрасных дам, с тем чтобы они не освящались узам брака. Бесплодие женщины, вопреки обыкновенным понятиям, стало считаться священным. Разрушая семейные узы, указывая на бесплодных развратниц, как на лучших жен, альбигойство подрывало все основы человеческого общества. Разврат приходилось поощрять, и еретички, удостоенные внимания своих священников и епископов, по грубому пониманию своей веры, считали себя выше прочих женщин и требовали особенного почитания.

Строй альбигойской Церкви, ее иерархия, догматика, обряды, обычаи, нравы — все это раскрылось по доносам и допросам, произведенным в те самые годы. Первый из допросов, важный в этом отношении, помечен 1 мая 1243 года (123). Строгие аскетические требования, обязательные для последователей ереси, поразили в этот день самих инквизиторов. Трудно было догадаться, что под наружной чистотой скрывается столько лицемерия и нравственного противоречия, уничтожавшего альбигойский протест. Доносчик рассказывал трибуналу про то, что он видел в Монсегюре у Переллы, когда там ночью поучал архиепископ альбигойский Госелин и в присутствии многих благородных рыцарей совершал обряд посвящения. Посвященный падал перед ним на колени, обращался к присутствующим и просил их молить Бога, чтобы Господь сделал из него доброго христианина и ниспослал благой конец. Госелин учил, как альбигоец должен стоять на высоте своего призвания; ему предписывалось строгое воздержание, между прочим запрещалось вкушать мясо, яйца, сыр, масло и рыбу. Ему запрещалось клясться, лгать, предаваться всяким страстям. Всю жизнь он должен был поступать так. Страх смерти, сам костер не должны страшить его. Умирая, он должен исповедовать свои убеждения. Речь Госелина увлекла присутствующих; они плакали. Лотом к обращенному каждый стал подходить по очереди, его лобызали и называли братом. Затем все друг у друга просили благословения и мира; мужчины целовались друг с другом, женщины между собой.

Трибунал обнаружил, что в Мирепуа альбигойские обряды совершаются так же открыто, как и в Монсегюре. Тяжелобольной просил принести себя в собрание верующих и к получал посвящение, что было поводом к большому торжеству. Так сделал один из баронов Мирепуа Петр Роже, Сейсак в Каркассоне, Гильберт де Сен-Поль в Пюи-Лоране и многие другие. Умирающих собратьев альбигойцы навещали и напутствовали, невзирая ни на что. Врачи не боялись легчить; близкие и неблизкие женщины ухаживали за больным с одинаковым рвением. Утешенный умирал на руках дам, оруженосца и совершенного.

Это было в то время, когда шпионство сделалось ремеслом, когда страх за жизнь разрывал всякие узы. Например, в деле Арнольда Вильнева и его жены дочь выдавала сразу своего отца барона Ла-Барда в том, что он держал у себя открытый дом для еретиков, и свою мать, что она такой же дом имела в Тулузе. Дочь доносила, что мать ее развелась с мужем и умерла на попечении еретиков; она была у матери в самый день смерти, но ее не допустили, потому что умирающая уже лишилась языка. Разговорившись, она не забыла прибавить, что сам граф тулузский вместе с виконтом безьерским и бароном Пюи-Лорана некогда были в еретическом доме ее матери.

Находились дочери, которые во всех своих увлечениях, из страха наказания, обвиняли матерей, как поступила, например, пред трибуналом Адальгиза Моссабрак. Она была дочерью одного из баронов Мирепуа, в которых альбигойство переходило из рода в род. Мать ее, бывшая в разводе с мужем, воспитывала дочь в Авиньонете. Здесь она заставила подсудимую принять ересь; и вместе с матерью Адальгиза присутствовала при всех церемониях и богослужении еретиков, даже выйдя замуж. Когда епископ клермонский прибыл в Авиньонет для розыска, то она поспешила укрыться в Монсегюре и там невольно должна была слушать поучения Бертрана Мартена, к которому собиралась ее родня, а также Раваты, Конгост, Делили, Перелла и других.

Понятно, что это признание не избавило подсудимую от заключения. Однако примеры не действовали. Оговаривали с большим усердием, точно шла домашняя болтовня. Один обвинял своего побочного брата, распространяясь с подробностью, когда и как тот кланялся при встрече и как ему отвечали на поклоны, говорил о том, что было вовсе не нужно для дела, хотя пустейшим намеком привлекались к суду новые, ни в чем не повинные жертвы.

Особенно не любили молчать пред судилищем женщины. Они в большинстве случаев не скрывали того, что видели, и были в этом отношении весьма полезны для трибуналов. Они приплетали к одному лицу другое, к нему целое семейство, там близких и знакомых, навещавших и встречных. Все это делалось так легко, игриво и незаметно, что под конец под подозрением оказывались целые родства и фамилии, которые нотариус едва успевал вмещать на десяти — двадцати страницах, чтобы со временем разыскать и вызвать их (124).

Иные обвиняли из страха, скрывая свои преступления. Некая Консгран обвинила целое семейство Вельмур, которое якобы принимает у себя знаменитого еретика Ламота. В этом доме, по ее словам, жило будто до ста еретиков. Сама она была недолго тайной еретичкой, но уже давно епископ Фулькон обратил ее в католичество. По выходе замуж она не была в еретическом обществе, но Ламот сам зашел к ней, принес долг в пятьдесят солидов и снова ввел ее в запрещенные кружки. Тут она кстати заметила, что встретила здесь одного монаха, с виду цистерцианца, и рассказала, что слышала на поучениях: Бог не сотворил видимого; гостия не есть тело Христово; брак и крещение не ведут к спасению. Это так увлекло ее, что и она сама стала думать, как еретики, вследствие чего ей пришлось поплатиться заточением.

Сведения об альбигойской догме значительно пополняются этими показаниями, часто брошенными вскользь, оформленными, но потому весьма интересными и характерными. В протоколе догму можно проследить по впечатлению, какое она производила на умы массы. В 1243 году инквизиторы собрали особенно много сведений на этот счет. Они слышали из уст подсудимых темные апокрифические предания и легенды, посвященные тайнам мироздания, носившие восточный гностико-манихейский колорит.

Редко кто имел смелость взять на себя такое богохульство; всякий спешил выгородить себя, хотя прибавлял, что прежде и сам заблуждался. Одна слышала от жены своего знакомого, как Бог с диаволом делали человека и как Бог отсоветовал диаволу лепить человека из земной грязи, а велел сделать его из морской тины и тогда лишь вдунул в новое творение душу, сказав: теперь прекрасно, он не будет ни слишком силен, ни слишком слаб.

Другой показал, что десять лет тому назад слышал подобную легенду от Фабри. Бог видел, сколько без него зла делает диавол на земле и нечистые духи. Он призвал двоих ангелов и предложил им вызов: кто из них желает быть его сыном? Тогда один, по имени Христос, бывший его опорой, сказал, что хочет быть его сыном и что он пойдет повсюду, куда его пошлют. Тогда Бог послал его в мир, чтобы проповедовать свое имя.

Небесный мир представлялся в устах подсудимого аналогичным с земным; еретик полагал, что там также пахнут быками. Христос, по другим показаниям, не был зачат святой Девой, а только заслонен, укрыт ею. Он никогда не устраивал мессы, которая есть изобретение кардиналов и духовных ради прибытка и доходов. Он не может вечно присутствовать в гостиях, иначе его

тело при всевозможной громадности было бы съедено. При каждой подобной фразе указывали на лиц, которые могли слышать ее.

Показания нескольких женщин навели на подробности убийства в Авиньонете. Тут был сильно скомпрометирован Раймонд VII, и он был счастлив тем, что трибунал более не придавал его личности большого значения и потому оставил его в покое. Этот процесс начался в апреле 1244 года. Из показания одной подсудимой обнаружилось, что граф тулузский в день отъезда инквизиторов в Авиньонет поделал туда же своего приближенного Раймонда д'Альфарио, занимавшего при нем должность бальи. Последний имел в замке хорошего приятеля де Планта. Дорогой Альфарио съехался с рыцарем Манзо и узнал, что Планта недавно отлучился из Авиньонета в замок Брен, но что дома осталась его жена. Альфарио почему-то не решился въехать в хорошо знакомый замок, а остановился в пригородном лесу и, расставаясь с Манзо, просил его вызвать к нему жену Планта. Альфарио знал ее лично; она была сестрой Отгона де Моссабрака. Она старанием диаконис была посвящена в альбигойство; и брат, и муж принадлежали к страстным приверженцам ереси. Она неоднократно присутствовала на собраниях и проповедях еретиков и, между прочим, слушала Бертрана Мартена, о чем заявила перед трибуналом 15 апреля 1244 года, припомнив кстати всех тулузских граждан, которых видела там. Была уже ночь, когда к ней постучался Манзо. Рыцарь сказал, что синьору ждут в антиохийском лесу по очень важному делу, касающемуся ее мужа. Смелая женщина отправилась туда одна. Альфарио потребовал прежде всего под клятвой соблюдения тайны, потом он сказал, что его господин, граф тулузский и Петр де Мазероль хотят убить приехавших инквизиторов, что для этого нужны люди барона Мирепуа, которого следует сейчас же известить о предприятии. Альфарио показал своей собеседнице привезенное им письмо к барону Мирепуа; он рассчитывал, что никто лучше ее мужа не устроит дела. Она предложила услуги своего брата, в ожидании возвращения мужа, взяла письмо, благополучно вернулась в город и ночью же передала поручение Моссабраку. Тот согласился ехать в Монсепор с охотой; барон Мирепуа явился лично и с собою привез двадцать пять головорезов. Как было дело, подсудимая не знает, но слышала от мужа, что в убийстве принимал участие он и ее брат, которые к этому времени скончались. Она также ничего не может показать насчет вальденсов.

В следующем месяце о том же деле сообщали новые лица, задержанные инквизицией. Допрос произвели итальянские доминиканцы Феррариус и Дуранти. Между подсудимыми был один из участников убийства, воин Монсегюра, альбигоец Арнольд Роже. Спрошенный об еретиках и вальденсах, он в трех заседаниях рассказывал о публичных собраниях у барона Мирепуа, на которых и сам он присутствовал и получал обычные благословения от Бертрана Мартена. По его показанию, сам де Планта привез письмо барону, и когда Мирепуа прочел его, то призвал своих воинов, и между ними подсудимого, и сказал, чтобы они готовились к поездке и что будет богатая пожива (125).

То же, слово в слово, показывал другой из воинов барона, Имберт де Салас, вспоминая все мельчайшие подробности поездки в Авиньонет и ожидания в лесу. Барон дважды посылал тихонько наведаться в замок выяснить, что делают инквизиторы, которые между тем нисколько не подозревали опасности. Этот последний процесс интересен как образец тщательности инквизиционного производства, не терявшего из виду ни малейшей мелочи. Нотариус кропотливо вносил в свои свитки все хождения и столкновения действующих и сопричастных лиц с полными именами. Трибунал позволял говорить даже то, что не относится к делу, надеясь извлечь для себя из этой болтливости немалую пользу. Так узнали, что Альфарио проговорился Равату, что если бы на этот раз ему не удалось исполнить поручение, то есть убить Арнальди, то для инквизиторов он распорядился устроить засаду: двадцать человек ждали монахов в лесу между Кастельнодарри и Сен-Мартеном (126).

Тулузская инквизиция видела, что во всех процессах замок Монсегюр играет первую роль. Только здесь еретики жили свободно, открыто совершая свои службы, публично собираясь на молитву, слушание поучений и принятие *consolamentum*. Только здесь находили свободный приют ересиархи. Монсегюрцы славились гостеприимством к своим братьям. Сюда со всех концов Лангедока тайно привозили больных альбигойцев, и сам свирепый барон Мирепуа смягчался, когда присутствовал при трогательном обряде посвящения умирающего. Этот обряд часто происходил в его доме или на его дворе. Трибуналу поименно были известны лица, которые слушали Ламота или Мартена, но взять их из твердыни было невозможно.

Значение Монсегюра в эти годы было такое же, как Монтобана и Нима триста тридцать лет спустя или Ла-Рошели спустя почти четыре столетия^{*1}. Подобно им, Монсегюр был последним крепким оплотом гонимой веры и резиденцией ее патронов, людей храбрых, отважных, по-своему благочестивых, но в частной жизни мало отличавшихся от разбойников. При таких условиях Монсегюр был бы Государством в государстве, если бы не входил в удел, оставленный Раймонду VII. Последний жил в тесной дружбе его владетелем. Духовенство и инквизиция, правда, давно указывали ему на зловредную агитацию из Монсегюра, но неприступное положение замка среди пиренейских отрогов, на крутой и высокой скале, служило для графа достаточным поводом не принимать мер.

В начале крестовой войны этот замок с большим трудом был взят Симоном Монфором, но барон Мирепуа вместе с Переллой скоро прогнал крестоносцев и сам засел в нем. Петр Роже Мирепуа считал себя вассалом виконтов безьерских, был партизаном Тренкавеля и дрался за него; так как его сюзерен был теперь в изгнании, то он более никого не хотел знать над собою. Он разбойничал по дорогам и делал набеги на домены епископов и аббатов. Процессы 1243 года обнаружили все значение замка для ереси. Прелаты Нарбонны и Альби, в интересах «мира и веры», собрали наконец ополчение и решились положить конец подвигам барона. Сенешаль Каркассона помог им французским отрядом, чтобы одолеть «синагогу сатаны» и водворить мир в стране. Несколько провансальских баронов также присоединились к ополчению, которое двинулось на Монсегюр в марте 1244 года.

Альбигойцы поняли, что наступают на их последний приют; отдать его — значит проститься с мечтой о возможности возрождения их веры и с той ничтожной независимостью, которой они пользовались благодаря диким скалам Монсегюра, будто затерявшимся в море французского владычества. Так называемых «совершенных» оставалось в пределах Лангедока уже немного, но все они в этот год собрались, словно нарочно, в Монсепоре, поскольку в других местах им было куда более опасно. Своим неустранимым духом они внушили геройство прочим единоверцам. Альбигойцы боролись за существование, а их последний защитник хотел отстоять свою феодальную гордость. Потому прелаты встретили удвоенное, отчаянное сопротивление.

Самая местность представляла для нападавших страшные препятствия. Всякие машины были бесполезны при высоте скал. В скалах пролегли тропинки, неизвестные осаждавшим; потому время от времени в Монсегюр доставлялись припасы, хотя и в незначительном количестве. Осажденные не жаловались на голод, и женщины, забывши провансальскую галантность, делили вместе с мужчинами все тяжести и труды. Во время осады Монсегюр был чисто альбигойским городом. Только в лучших своих мечтах ересиархи катарства думали о появлении такой общины. Католические церкви были закрыты, и никто не жалел о том. Раненых в схватках приносили в частные и общественные дома. Огромное большинство жителей хотя и не получило посвящения, однако ело благословенный хлеб. По обычаю, посвящение откладывалось до приближения смерти. Дамы приходили ухаживать за больными, родными ли, посторонними ли. Когда больной был безнадежен, являлись «добрые люди», спрашивали его согласия, читали апокрифическое евангелие Иоанна и требуемые молитвы и приобщали к своей Церкви умирающего, который обыкновенно жертвовал в пользу бедных альбигойцев известную сумму. Так умерли, покрытые ранами, Манзо и Моссабрак, известные по делу об убийстве в Авиньонете. На закате истории альбигойства осуществилась, хотя и ненадолго, на небольшом пространстве, та мечта, за которую погибли в бою, на виселицах и кострах тысячи людей. Как в фокусе, сосредоточилась в Монсегюре вся жизнь угасавшей веры с небывалой силой. Но в сравнении с долгой историей альбигойства это было лишь несколькими мгновениями.

Взятие Монсегюра можно объяснить только изменой, хотя летописец умалчивает о том (127). Из неясного рассказа надо заключить, что осаждавшие привлекли к себе много искусных горцев, хорошо знавших местность, следовательно людей, которых у них прежде не было. Они вызвались ночью взобраться на ближайшую скалу к Монсегюру, туда, куда прежде не решались пройти днем. С ними, преодолевая все опасности, взобрались рыцари с отборными пехотинцами. Наутро добровольцы, если верить летописцам, сами испугались той отвесной позиции, которую они занимали благодаря ловкости проводников. Как можно было ночью пробраться по незнакомым скалам, которые были недоступны днем, остается непонятным.

*1 Автор называет твердыни французских гугенотов, за стенами которых они укрывались от католических войск.

Здесь врагов не ожидали; они передушили стражу, ударили на ближайшее укрепление и овладели им после страшного побоища. По этой тропе пришли остальные французы. Заняв предместье, они были теперь почти у стен Монсегюра и стали каждый день энергично теснить осажденных.

Барон Мирепуа начал думать о капитуляции. Он с немногими приближенными получил право свободного отступления, так как для духовной и светской аристократии он все же оставался человеком близким, из феодального сословия, к слабостям и грехам которого причастны были; более или менее все победители. Ценой собственного спасения он продавал инквизиции богатый клад.

Совсем другое дело — еретики, которым он оказывал покровительство. Они принадлежали ко всем сословиям. В Монсегюре было до двухсот альбигойских «совершенных» и духовных лиц. Когда прелаты заняли город, то прежде всего поспешили перехватать их. У победителей были готовые списки из инквизиционных трибуналов. Скрыться было нельзя. Архиепископ нарбоннский Петр Амелий импровизировал суд. «Совершенные» и духовные лица не хотели отречься от своей веры; они единодушно, и мужчины и женщины, требовали смерти, и все двести человек были приговорены к сожжению. Тут были рыцари, их жены и дочери. На обрыве соседней горы устроили большую загородку из высоких кольев, в середину накидали дров и привели связанных осужденных. Не пощадили и дочь Передылы, бывшего владельца Монсегюра, позорно преданную палачам другом ее отца.

Осужденные радовались, что их не разлучили в эту торжественную минуту. Никто из них не издал ни одного крика. Священники и диаконы укрепляли слабых и женщин последней речью. Знаменитый Бертран Мартен, поучения которого были причиной гибели стольких людей, сгорел вместе со своими друзьями и учениками (128). Альбигойская община, со зданная его мрачным гением, погибла вместе с ним.

Такой праздник устроили себе католические прелаты в великом посту 1244 года. Инквизиция, считавшая казнь делом богоугодным, была довольна этим совпадением. Разорив гнездо ереси и Сатаны, прелаты, не доверяя провансальским феодалам, передали такой сильный замок и руки французов. Гюи, новый маршал Мирепуа, вступил в обладание Монсегюром от имени французского короля.

Теперь инквизиция могла свободно находить свои жертвы. Они старались укрыться в Ломбардии, но там их встречали судьи не менее ловкие и беспощадные. Энергичные розыски начались тотчас по взятии Монсегюра. 1244 год особенно богат процессами. Сыпались доносы на матерей, мужей, отцов и родных (129). Осенью этого года можно насчитать, более тридцати процессов в одном тулузском трибунале. Чаше всего упоминается имя Бертрана Мартена, на поучениях у которого довелось побывать тем или другим лицам.

Старик Перелла вместе с сыном были пойманы и приведены перед Дуранти и Феррариусом. С низкой робостью старик, который в Монсегюре бросил палачам героиню дочь, оговаривал теперь и мертвых и живых, думая спасти себя. Он сказывал, как на поучениях Мартена и Камбитора присутствовали вместе с ним Мирепуа, Раваты, Конгосты, Моссабраки и многие другие из разных местностей. Он насчитывал всего более пятидесяти семейств. Двое других ссылались на тех же и постоянно на него самого. Одна женщина насчитала еще пятьдесят лиц, однажды слушавших Мартена (130).

Виновные теперь большей частью раскаивались в ереси и наказывались заточением.

Иннокентий IV при самом вступлении на престол предоставил инквизиции самую широкую власть. В доминиканцах он видел надежных друзей; в первые дни своего папствования он вручил им заведование инквизицией, предписал прелатам оказывать им помощь и содействие и предоставил им исключительную привилегию совершать, богослужение даже в тех местах Прованса, на которых лежало церковное запрещение. С самого начала он осадил епископов и даже своего легата, когда те хотели вмешаться в дела трибунала. Легат вздумал было по представлению авиньонского епископа освободить заключенных вопреки воле инквизиторов, но ему был прислан из Рима выговор. Епископ каркассонский хотел облегчить интердикт, наложенный инквизицией, — ему велено было отменить свое распоряжение и более не вмешиваться в подобные дела. Только инквизиторы своей властью могли усиливать или облегчать постановления (131).

Протоколы инквизиции до 1248 года; смерть Раймонда VII

При таком папе, как Иннокентий IV, судьбы еретиков определились бесповоротно. Кто успел — бежал в Ломбардию, где образовалась особая французская Церковь; в ней насчитывалось тогда более ста пятидесяти «совершенных». В Лангедоке, в непроходимой глуши, их было очень немного. По свидетельству Саккони, современного им инквизитора, который прежде сам был еретиком и хорошо знал их дела, в епархиях Тулузы, Альби, Аженуа и Каркас-сона около 1250 года могло быть не более двухсот, а во всей Европе около четырех тысяч еретиков, которые были приписаны к шестнадцати еретическим церквям (132). Но сюда же входили вальденсы, названные у него лионистами, от города Лиона, которые, в свою очередь, подразделялись на ломбардских и загорных. Альбигойцы и вальденсы могли бы жить свободно в Провансе, на другом берегу Роны, где богатые республиканские города часто бывали во вражде с духовенством и где вследствие того трибуналы инквизиции, не имея твердого оплота, встречали противодействие. Торговый дух этих городов, ценивший прямую выгоду, а не веру, веселая жизнь, свободные нравы — все это могло бы быть опасным для инквизиции, царившей над всем в Лангедоке, если бы судьба не распорядилась отдать Прованс в это самое время тому же французскому королевскому дому, который один только обладал достаточной материальной силой, чтобы оказывать когда нужно поддержку инквизиции.

Злой гений провансальской национальности Бланка Кастильская, эта предшественница Людовика IX, Екатерины Медичи и Ришелье, испанка, посвятившая себя всецело служению славе Капетингов, сделала теперь с графством Прованским то же, что прежде сделала с Лангедоком. Это случилось в 1245 году, когда торжествовавшая инквизиция стала беспокойно поглядывать на Прованс. Раймонд Беренгарий, последний граф Прованса, в первое время был полноправным феодальным государем в своей богатой, свободной земле. Он ничем не нарушал старых традиций своего дома. Он довольствовался почетом, присягой, доходами от своих вассалов и городов, а во всем прочем предоставлял их самим себе. Иначе нельзя было и поступать с такими городами, как, например, Марсель и Арль, которые снабжали полудикую Францию и даже Англию мануфактурными изделиями Италии и Востока, хлебом, пряностями и оружием. Капиталы со всех сторон стекались в эти общины, корабли которых составляли целые флотилии, выработавшие морское право для всей Европы, и консулы которых были богаче могущественных государей.

Симон Монфор загнал Раймонда Беренгария в Арагон. Беренгарий вернулся в Э и снова объявил себя государем. Но его характер уже изменился, он стал заносчивым, надменным с подданными. Желая войти в доверие к французам, Беренгарий вместе с ними осадил Авиньон. И с феодалами, и с консулами он начал обходиться иначе. Он, видимо, задался целью централизовать свое государство, чтобы приобрести большую силу и защититься от новых Монфоров. В борьбе с первыми он был счастлив потому, что его феодалы были разрознены и ссорились между собой, но общины оказали ему решительное сопротивление. Они поняли, что их государь хочет быть неограниченным господином, что несчастье испортило его. Они составили лигу, куда вошли Марсель, Арль, Тараскон, Тулон, Ницца. Их при случае могли поддержать итальянские города — стародавние союзники, издавна жившие одинаковой с ними политической жизнью.

Раймонд Беренгарий потребовал покорности; ему отказали и дали понять, что государь для них только почетное лицо, что добрые города дают ему средства для существования в вознаграждение за то, что его предки некогда проливали кровь за их отцов, что, купив себе свободу за деньги, они отстают ее оружием. Но у городов не было войска, каждая община должна была защищаться отдельно. Раймонд Беренгарий, вступив в сделку с Арлем, кинулся на Ниццу и изменой овладел ею. Потом он осадил Марсель. Но не с его силами было сладить с такими горожанами, дух которых закалился в морских опасностях и которые еще не знали, что такое рабство. Пока граф осаждал Марсель, Арль отложился от него, послал марсельцам помощь, а Ницца прогнала его гарнизон.

Раймонд VII рад был воспользоваться этими стеснительными обстоятельствами своего соседа. Он объявил ему войну и заставил снять осаду Марселя. Чтобы помириться. Раймонд Беренгарий обещал графу тулузскому в супруш свою дочь Беатриче. Она была блестящей партией для Ран монда VII. По завещанию ей предназначалось все наелся ство ее отца. Но Раймонд VII только недавно женился на Маргарите Ла-Марш, сестре короля Генриха III. Впрочем отказываться от живых жен, сажать их в монастырь и выдавать за вассалов было не редкостью в рыцарские века; тулузской династии это было даже довольно обыкновенно. Раймонд VII уже удалил от себя свою первую жену Санчию за бесплодие, которое так мучило его после парижского договора. Нашли предлог и для второй — какое-то родство в четвертом колене, воспрещенное латеранским собором. Стоило только поклониться перед папой.

А Иннокентий IV был теперь близко; в Лионе, бежав из Рима от императора Фридриха II, он собирался отлучать его под защитой французских рыцарей. Оба графа, тулузский и прованский, поехали на собор, чтобы поделиться своими голосами с кардиналами. За это Иннокентий IV благодарил Раймонда VII расторжением его брака. Дело разбиралось на соборе. Сперва был задан естественный вопрос: как мог состояться подобный брак? Но Раймонд представлял на это оригинальные доводы, которые хорошо характеризуют нравы эпохи и крепость семейных уз. Он объявил собору, что вступил в брак со своей женой под условием развестись через год, если святой отец не разрешит брака, а по сие время такого разрешения не последовало. Отцы собора удовлетвоались этим оправданием и предоставили Маргарите искать другого мужа, чего она не преминула сделать. Тогда же папа разрешил дальнейшее родство между Раймондом VII и Беатриче Провансальской, которая тут же в присутствии папы и Балдуина, императора константинопольского, бывших свидетелями, была объявлена невестой графа тулузского (133). Свадьба была делом решенным.

С веселыми мыслями возвращался Раймонд VII из Лиона. Судьба улыбалась ему на старости лет. Вместе с молодой женой он приобретал права на Прованс, где его имя было так популярно. Может быть, его династии суждено будет возродиться снова, может быть, жена подарит ему наследника, может быть, Раймонды со временем вернут себе Лангедок, достояние своих предков, и слава их дома загремит снова в Европе! Эти сладкие мечты скоро потревожило одно известие.

Курьер из Прованса примчался в Тулузу с сообщением, что 19 августа граф Беренгарий скончался. К этому посол прибавил, что и пред смертью Беренгарий подтвердил свое распоряжение о Беатриче, и что графу необходимо поспешить с прибытием в Прованс и там немедленно устроить свадьбу. Он предупреждал графа не брать с собой воинов и вассалов, а ограничиться небольшой свитой; так, по крайней мере, желали регенты. Но ни посол, ни сам Раймонд не догадывались, что их обманывают, что регенты тайно ведут переговоры с матерью невесты, которая из честолюбия желала отдать Беатриче за одного из братьев французского короля. Бланка Кастильская давно работала над этим планом, она давно искала расположения матери невесты и смотрела на своего угрюмого Карла, четвертого сына, как на будущего владельца Прованса. В то время как Раймонд VII спешил в Прованс на свадьбу, его невеста уже была предназначена другому.

Раймонд приехал в Прованс без войска и без денег. Слабохарактерный, доверчивый как ребенок, он мог стать игрушкой в руках всякого хитрого человека. Своим политическим поведением он не имел права требовать, чтобы ему верили. Он не догадался заручиться симпатиями в регентах, от которых зависело теперь так или иначе направить судьбы Прованса, отдать его графу тулузскому и тем продолжить его независимость или вручить Карлу Анжу, через посредство которого рано или поздно графство составит часть владений французского королевского дома.

Регентами были Ромео де Вильнев и Альберт де Тараскон; первый принадлежал не к тем Вильневам, которые были патаренами и даже диаконами альбигойцев: он был испанского происхождения. Нет сомнений, что регенты-феодалы не могли доверять слабому и лицемерному характеру Раймонда VII, которого обстоятельства изменили к худшему. Известно, что бароны не желали его. Никакая сторона не могла на него положиться ни в чем, как доказало его отношение к ереси. Его легкомыслие и непостоянство и в политической и в семейной жизни приобрели ему печальную известность. Регенты скрывали от графа свои переговоры с Бланкой и между тем не отказывали ему. Он обратился к невесте, но старик не мог внушить никакой симпатии молодой и пылкой девушке. Он заискивал у ее родных и также бесполезно. Против него интриговали все коронованные женщины Запада; сестры Беатриче просили папу расстроить брак Раймонда.

Кроме старости, графу вредила бедность. Оказалось, что у жениха нет средств отпраздновать свадьбу. Ему посоветовали обратиться за деньгами к Бланке, его кузине. Но кузина и король в это самое время занимались переговорами с папой в аббатстве Клуни о браке Карла с Беатриче; тем не менее Бланка, играя всю жизнь своим кузенком, не преминула еще раз обмануть его и обнадежить. Но когда Раймонд VII послал к ней второй раз, чтобы благодарить ее за любезность и получить деньги, то его послу объявили при дворе, что он разъехался с принцем Карлом, который по главе французской армии отправился за рукой Беатриче. Мы знаем, как выиграла Франция и Капетинги от этого брака. Французский принц не только стал государем Прованса, но и королем Неаполя; французская политика в этот момент начинает влиять на события в Италии.

А бедный Раймонд VII, покинувший двух живых жен, в надежде получить потомство от третьей, осмеянный, обманутый, со стыдом покинул двор Беатриче. Он не мог мстить, если бы и хотел, потому что был бессилён. Но в нём так иссякла всякая энергия после стольких поражений неудач житейских, что он даже не чувствовал обиды и с примерной незлобивостью вскоре после того в угоду французскому королю и папе принял заседать в инквизиционном трибунале. Им помыкали как слугой и вдобавок народили нужным его же осмеивать. Он судил на этот раз Человека, который, кроме рыцарской преданности, ничего лично ему не сделал, но который был деятельным агитатором альбигойцев несколько лет тому назад. Это был Аламан Роэкс, которого трибунал уже осудил заочно. В 1245 году был осуждён его брат Петр. Но его самого долго не находили, хотя знали, что он часто посещал Лангедок. Весной 1246 года взяли его жену Иоанну и 4 мая поставили перед тулузским трибуналом. Ее также обвиняли в ереси. Она видела многих еретиков и слушала поучения их проповедников, присутствовала на службах и совершала их у себя в доме, поклонялась «совершенным» или, как тогда выражались, обожала их, посылала им пищу, была за их трапезой, ела благословенный хлеб, побуждала мужа к оказанию покровительства еретикам, даже давая на это средства, и всегда считала их добрыми людьми.

Она, видимо, наговаривала на себя, чтобы несколько смягчить преступления своего мужа и тем облегчить его участь. Она знала, но молчала, что муж ее не только еретик, но вождь, архиерей и пророк их, что он ведет скитальческую жизнь, проповедуя в потаенных местах запретное учение. Аламан Роэкс бросил свои богатства и дворец и в плебейском облачении «совершенного» стал служить своей вере и скоро сделался епископом альбигойской Церкви. Но за него пострадала Иоанна; она была осуждена на вечное заточение. Тогда Роэкс был не в состоянии более переносить своего положения. Совесть укоряла его за жену. Он представлял себе суд над ней, ее страдания в тюрьме, в которую она пошла, думая оправдать его, готовая даже на пытку, воспоминания неотступно преследовали Аламана, когда он поучал в лесу неофитов. Наконец он не выдержал, сбросил свою черную рясу и добровольно явился в трибунал, 14 февраля 1247 года.

Его государь, для славы которого он жертвовал жизнью, был в числе его судей. Такая неблагодарность проистекала из благочестивого лицемерия графа; это был тот предел, когда бесхарактерность близится к нравственному преступлению. Инквизитором был фанатичный и суровый аскет Бернард де Канчио, занимавший этот пост с 1243 года и подписавший за свою жизнь несколько сотен протоколов, и Иоанн из Сан-Пьетро. Про архиерейство Аламана в трибунале еще не успели получить сведений, так как он только недавно принял священнический сан.

Аламан не хотел отпираться, что был в общении с еретиками. Он сознался, что был и на трапезах, и на службах альбигойцев, что верил в двух богов, доброго и злого, что добрый не мог творить ничего видимого, что брак и крещение не ведут к спасению, что тела не воскресают, что спасаются личным воздержанием и прочее. Тридцать лет он исповедовал эти убеждения и теперь покаялся, думая разделить участь своей жены. Он скрыл свой сан и то влияние, какое имел между альбигойцами. Трибунал, не принимая во внимание его бегство и не усиливая наказания, определил заточить его на всю жизнь в тюрьму при церкви святого Стефана.

Эта тюрьма поглотила в те годы многих из видных людей Тулузы, занимавших подобно Роэксам места в капитуле. Не все они держали себя перед трибуналом благородно. Вместе с Аламаном Роэксом на собраниях еретиков неразлучно бывали Вильневы. Журдан Вильнев уже сидел в заточении с 1237 года, Бертран Вильнев оговорил своего брата Арнольда еще до ареста Аламана и тем избежал наказания. Он стал шпионом при инквизиции и среди прочих дел участвовал в процессе жены Роэкса. Арнольд в июле 1245 года, стараясь выпутаться, показал, что вместе с братом он слушал альбигойских проповедников Гроса, Бонфиса и Лагета, но что никогда не верил их учению, не принимал их у себя и что даже и в том каялся перед отцом-инквизитором Арнальди.

Стефан и Арнольд Вильневы были осуждены на покаяние, пилигримство с посохом в руках и постройку темниц для осужденных. Но замечательно, что этот ряд осуждений, постигший фамилию Вильневов, несколько не опорочил ее. Инквизиционные сентенции, обрекавшие на легкое покаяние, встречались так часто, посещения трибунала горожанами правыми и заподозренными стали так обыкновенны, что осуждение в трибунале уже теряло свой прежний позорящий характер. В тулузском архиве хранится современный манускрипт протоколов, который разделен на столбцы со списком почти всего городского населения одной общины, которое поодиночке допришивал приехавший инквизитор. Потеря чести не ложилась пятном на род и

семейство. Потому в XIII столетии между рыцарями, консулами и членами муниципалитетов на Юге по-прежнему попадают Вильневы.

Иные рыцари, как Эстольд де Роквиль, старались указать на большое число своих единоверцев, ошибочно думая тем облегчить свою участь. В Сен-Пуелле Роквиль принимал архиепископа, исходившего почти весь Лангедок. Тут бывали на службах Манзо и Конгосты. То же самое было в замке Кассер и Монгискаре, где Роквиль позна-рсомился с проповедником Баконией. В Тулузе он был близок с Ламотом, который однажды сопутствовал ему в странствиях (134). Но ему было тем труднее оправдаться, что, по собственному его признанию, на его руках были ; склады одежды и припасов для еретиков. Жена разделила его участь. Она указала на Мазеролея, Кастельново и .Арнольда Вильнева.

Гораздо важнее было показание Б. Мира в мае 1245 года. Он жил постоянно в Фанжо и поучал ереси в доме Мерсье, с которым рано сошелся. Но интересно то, что в его дом приходили слушать еретические поучения трое клириков: Гугон, Лантар и Гозберт, бывший капелланом Амори Монфора. Все они обожали «совершенных», склоняли пред ними колена и брали благословение. В Фанжо и позже в Кастельнодарри, куда перебрался их кружок, появлялись и другие проповедники с диаконами, как то: Гильберт де Кастр, Бордас, Коломб, сестры Вильмет и Лонгбрюн. К ним присоединился графский балли Понс Вильнев.

Это было двадцать один год тому назад, но мы видим участие духовных лиц в еретичестве впервые после орлеанских казней. К сожалению, неизвестно, чем кончилось это дело, так как протоколы сохранились в беспорядочных неполных копиях и не вошли в общую коллекцию.

Что касается каркассонской инквизиции, то ее протоколы от этих годов, хранившиеся долго, как в безопасном убежище, в архиве доминиканского монастыря, в Монпелье, были истреблены кальвинистами во время религиозных войн вместе со старым монастырем, сгоревшим дотла. Случайно сохранился лишь один инвентарный перечень этих документов. Этот инвентарь сам по себе обширен, представляя полного перечня дел и имен подсудимых, он освещает, как искра среди мрака, сущность и последствия решений.

Из него видно, что в 1244 году дела были в трех связках, в 1245 году — в трех, для 1246 года — в одной. В 1244 году многие были осуждены на костер за непризнание в ереси и много костей было выкинуто из кладбищ; другие были осуждены за неявию заочно; третьи наказаны заточением. Составилась особая связка о тех, кто ходили по нарбоннской и каркассонской провинциям утешать больных и умирающих и совращали их в ересь под предлогом обращения к Богу и Евангелию. В следующем году инквизиция действовала в Альби, осуждала на заточение, покаяние и пеню. Наконец, в 1246 году поприще действий было перенесено в Фуа и направлено против «живых и мертвых». Трибунал встретил здесь редкую энергию и стойкость убеждений. Эти люди смело смотрели в глаза инквизиторам и вызывали их на бой. На допросах большинство альбигийцев смело показало, что они считают своих единоверцев добрыми людьми, правоверными и заслуживающими спасения. Подсудимые заявляли свою догматику, дуализм, свои сомнения о пресуществлении, таинствах и затем сказали, что Бог не мог сотворить ни мужчину, ни женщину, ни какую-нибудь тварь и что они верят в то, чему их учили.

Известно, что такая исповедь вела на костер, если преступник не раскаивался.

Чем далее, тем более находила себе пищи деятельность трибуналов. Недаром некоторые доминиканцы гордились, что инквизитор тех лет Бернард Канчио исписал такое множество пергаментов одними сентенциями, когда его братья проводили бессонные ночи над фолиантами во славу той же католической веры. Тулузские дела 1246 года, которые имеются в парижском сборнике, представляют ту же связь с движением в Монсегуре, как и процессы, им предшествовавшие.

Новое оскорбление, нанесенное инквизиции в Нарбонне, тщательно скрытое летописями, но обнаруживающееся из булл Иннокентия IV (135), не могло умалить ревность трибуналов. Надо предполагать, что в Нарбонне в инквизиционные книги попало слишком много горожан, чувствовавших вполне свою правоту. Придирчивость приехавшего трибунала, его подозрительность превосходили всякую меру терпения. В Нарбонне трибунал был едва ли не впервые. Католики произвели нападение на дом инквизиции — стражу, которая пыталась защитить его, переранили, а двух убили, между ними пострадал один клирик. Потом толпа кинулась на книги, чтобы их уничтожить; их вынесли и сожгли. Это не принесло никакой выгоды горожанам, а только породило новые розыски.

Папа распорядился восстановить книги по другим экземплярам, оставить те же наказания и преследовать мятежников, а равно власти, которые безмолвствовали и не приняли должных мер.

Все это пришлось ему вторично под тверждать через год, что показывает, какое неэнергичное содействие инквизиции оказывала светская власть в неко торых городах. Но где трибунал, как, например, в Тулузе, водворялся прочно, там он имел свойство напускать на город какое-то оцепенение, подчинять все своему темному, но неодолимому влиянию.

Два-три возмущения не удались, и Тулуза склонила свою непокорную голову пред ненавистной ей поповской властью. Скоро тулузцев трудно было узнать. Братство между ними исчезало, трибунал вооружил друга против друга. Одни отпирались, другие, напротив, не только сознаваясь, но старались привлечь еще кого-нибудь к делу.

Граф де Фуа и его семейство были обвинены по доносу некоего Арвиньи, который, впрочем, не пощадил свою мать и прочих родных. Он же рассказывал, как самые знатные из альбигойских духовных лиц посвящали в ересь брата аббата де Фуа в Памьере перед его кончиной. Относительно самого графа де Фуа дал подтверждение его собственный бальи в Гарасконе. Бальи уверял, что граф сидел за трапезой еретиков вместе со своей матерью. Семейство рыцаря де ла Канна акже назойливо уличало графа в дружбе с еретиками, ссыпаясь на его пребывание в Э.

Против других подсудимых доносы были слишком обычны и часто слишком ничтожны. Иные еще двенадцать лет тому назад блуждали в ереси, сиживали в собраниях еретиков, падали вместе с другими на колени при входе и выходе старших. Другие только имели случай слышать мысли альбигойцев, гонимых католиками, но веривших, что спасение наследуют лишь они, да имели неосторожность поддать денарий одному нищему, оказавшемуся после вальденсом (136).

Можно ли было остеречься от этого, когда по показаниям католиков в некоторых городах ересь недавно исповедовалась публично? Поэтому понятно, что запрещение священникам хоронить трупы еретиков на христианских кладбищах не исполнялось.

Альбигойские священники были настолько самоуверенны, что вступали в спор с францисканцами; это было недавно, как читаем в одном деле за 1247 год. Шесть тулузских миноритов свидетельствовали об этом в трибунале — брат Гарсия взялся дискутировать с альбигойцами; это было негласно, хотя и в самой Тулузе. Такой способ действия со стороны францисканцев был лучшей услугой для католицизма. Эти еретики высказались вполне в духе крайнего дуализма: Бог ветхозаветный был злой. Христос, Дева Мария и Иоанн Креститель низошли с неба и не имели человеческой плоти; последний был величайший из диаволов, какие только бывали на земле. Христос никогда не сходил в ад, никого не освобождал оттуда. Брак — то же наложничество; мужчина, имевший союз с женщиной, не может быть спасен, что символически выражено в древнем предании о яблоке. Последняя истинная месса была совершена во времена святого Сильвестра; все так называемые богослужения католической Церкви, которые исполняются после того времени, ничего не значат, а в те времена Церковь не имела понятия о собственности.

К этому были добавлены весьма интересные для нас сведения об альбигойцах. Еще в эти годы они доказывали, например, что смертная казнь не должна существовать, что человек ни под каким видом не должен обречь себе подобных на смерть. Так думать показалось не только странным, но даже греховным (137). Одна эта идея, возвещенная альбигойцами, снимает с них много ответственности за другие, мало симпатичные или вовсе не историчные стремления. Читая эту страницу преступлений еретиков, трибунал не предвидел, что осуждает благороднейшую мысль, самую священную и самую христианскую идею, которую одинаково безуспешно будут высказывать с трибун и в литературе пятьсот лет спустя образованнейшие и передовые люди Европы,

Нет ничего отраднее для историка, как после долгих исканий в пыли архивов открыть среди тысячи бесполезных, скучных и утомительных документов эти две строки, показывающие, что есть вечные истины, современные древнейшим цивилизациям, что всегда находится кружок людей, которые их оберегают, какова бы ни была культура общества.

Альбигойцам также казалось странным, как может человек телесными очами видеть какое-либо чудо. Святой Франциск и ему подобные не могли творить чудес, да и Бог никогда бы не наградил их таким даром за одну их свирепость относительно так называемых катаров. Они также не могли понять, как крест, знак унижения и позора христианства, может быть признан христианством не только священным знаменем, но даже водителем к победам. Доносчики слышали, как в Альтавилле, в большом собрании, где было человек семьдесят, громко говорили, что неприлично с крестом ополчаться на Фридриха или на сарацин. А если христиане считают его святым, то как священное знамение может нести за собою смерть и истребление в роде

Монсегюрского? Сам по себе крест остается деревом. Что касается обречения одних на спасение, а других на осуждение, то подсудимый высказался об этом с патетическим озлоблением, прибавив, что он оплевал бы такого Бога, так как он тогда не стоит и капли морской! (138)

Гонимая и уничтожаемая Церковь альбигойская была в эти годы в таком внутреннем процветании, которое по закону всех общественных явлений предшествует падению. Деморализацию мы уже видели в греховных слабостях «верных»; одно следственное дело дает нам и другие данные. Подобно католическому духовенству, альбигойское эксплуатировало религиозные чувства и облагало поборами свои обряды и требы. Жена Арнальди Серена рассказывала, что еретические священники требовали сто солидов за с:опзoлатепит над ее больным мужем и что он вместе с племянником аббата де Фуа Аньелом дал им эту сумму, после чего оба они были приняты в ересь (139). Конечно, этот случайный факт, который мы нашли в груде протоколов, мог быть изолированным, но тем не менее появление его имеет значение, особенно ввиду громадного количества несохранившихся документов.

Этот процент тем значителен, что, например, с 1247 до 1273 года мы не имеем ни одного протокола тулузской инквизиции. По крайней мере, Доа не нашел их уже при Людовике XIV, хотя известные нам папские буллы и их подтверждения, наконец, политическое положение страны, управляемой французским принцем, — все это обнаруживает существование инквизиции. Персеи в истории тулузских доминиканцев пробегают мельком эти годы за неимением материала.

Таким образом, нить внутренней истории инквизиции прерывается, а с нею вместе прерывается и история альбигойства в указанный период.

Так как протоколы каркассонской инквизиции, которая была младшей сестрой тулузской, также исчезли, то мы не имеем никакой возможности восстановить этот пробел. Из первой графы инвентаря можно заключить, что в Каркассоне производились дела непрерывно от 1248 по 1274 год. В них говорилось о показаниях против тех, которые принимали еретиков, ели с ними и слушали их. Для 1247 и 1248 годов имелся даже особый портфель, в который входили преимущественно процессы еретиков области Мирепуа. Также особые дела за этот год были об еретиках Альби, которые отреклись и были осуждены на покаяние и приняли католицизм.

Позднейшие допросы еретиков в Тулузе семидесятых и восьмидесятых годов XIII столетия, сохранившиеся в целости, служат свидетельством того, что альбигойство держалось прочно и непрерывно во все предшествовавшее время, то есть, что политические обстоятельства не имели на него того уничтожающего влияния, которое должно бы было предполагать. Если тогда находили кого судить и притом чуть не ежедневно, значит катарство, питавшееся влиянием из Ломбардии, имело возможность и средства существовать, хотя и тайно. Ему готовилась поддержка в самом духовенстве, в той его среде, которая восстала против гнета римского папы. Для ереси теперь ничего не значит, поддерживает ли ее светская власть. Альбигойцев слишком часто обманывали, чтобы они могли верить в вельмож и князей. Их взоры были устремлены к небу. Они давно простились с политическими мечтами и доживали свой век, сосредоточившись в себе. Их пропаганда была малозаметна.

На Раймонда VII они смотрели как на изменника и равнодушно отнеслись бы к известию об его смерти. А она близилась.

Граф тулузский, подобно другу своему Фридриху II, был слишком несчастлив в предприятиях в последние годы своей жизни. Он был в положении человека, который своим характером никому не внушает доверия. Церковь, которая гнала его, теперь была в мире с ним, но не оставляла своих подозрений. Ему напоминали его обещание идти в крестовый поход, который он давно откладывал под разными предлогами. В душе он теперь не мог не питать полного сочувствия к этому предприятию, его прежний скептицизм исчез с годами борьбы; под старость он стал прекрасным католиком и, можно сказать, ревностным слугой папы.

Мысль о крестовом походе была любимой идеей короля, поэтому Людовик IX, со своей стороны, напоминал графу и торопил его. Так же поступала и Бланка. Раймонд VII забыл недоброжелательство, какое недавно оказали ему в Париже. Ловкие люди из него могли делать что угодно. Он приехал к королю в марте 1247 года. Людовик IX уже собрался в Египет — нашивая в это время на всех кресты, он надел крест и на графа. Раймонд намекнул, что у него нет денег; ему обещали тридцать тысяч ливров на расходы и, кроме того, посулили восстановление нарбоннского герцогства.

Всякий бы догадался, что это обман, но легкомысленный Раймонд был в восторге. Папа похвалил его и тоже обещал десять тысяч марок, что еще более польстило Раймонду. Иннокентий IV брал на себя приятный труд — наблюдать за Тулузой в его отсутствие. Раймонд поблагодарил

и за это; в припадке восторга от любезности папы он чувствовал себя его другом, которому, конечно, не будет отказа в такой законной просьбе, как, например, в разрешении предать земле кости своего отца. Он хотел отдать долг памяти отца пред отправлением в поход. Он уже давно начал это дело и получил уверение от имени Иннокентия IV в том, что препятствий не будет и что необходимо только ручательство французского короля. Раймонд просил о том же Людовика IX.

Между тем в Тулузе, в доме храмовников, два инквизитора, де Канчио и де Брив, вместе с епископом Лодевы две недели в июле 1247 года занимались исследованием жизни Раймонда VI и обстоятельств его смерти. Они допросили сотню свидетелей, решили дело в благоприятном смысле и уведомили папу.

Раймонд торжествовал. Но каково было его изумление, когда папа отвечал, что очень удивляется, как могли начать подобное дело без него, что никаких обещаний он не давал. Иннокентий IV, видимо, не хотел ослаблять силу церковных проклятий и разрушать кары своих предшественников. Он не постыдился отпереться от собственных слов и извещал графа, что, вероятно, его обманули и злоупотребили его именем, но что, впрочем, он не имеет ничего против того, чтобы начать розыск заново, для чего назначал особую комиссию. Ему нужны были услуги Раймонда VII, но он знал, что достигнет их без всяких уступок со своей стороны.

Раймонд VII уже потерял способность чувствовать обиды и понимать насмешки. Он просил не возобновлять дело об отце, и совершенно основательно, так как новая комиссия трех епископов Оша, Пюи и Лодевы иначе взглянула на работы инквизиторов и потребовала более веских доказательств. Так труп Раймонда VI и остался непогребенным. Его сын наконец согласился с мыслью, что, вероятно, Богу угодно, «чтобы он более не женился и не пытался хоронить отца», так как оба эти дела ему не удавались (140).

Замечательно, что после жизненных неудач последнего времени Раймонд VII в каком-то непонятном ослеплении вымещал досаду на альбигойцах и жадно принялся жечь их. В ответ на оскорбительную выходку папы он почувствовал потребность отблагодарить его и потому изъявил желание уничтожить у себя всякие остатки нечестия. Об этом он извещал папу, за что тот очень похвалил его. Граф не преминул скоро оказаться достойным этих похвал. Людовика IX уже не было во Франции — он отправился в крестовый поход, сопровождаемый рыцарством Франции, Тренкавелем Безьерским и двумя Монфорами. Раймонд VII, не успев снарядить свой корабль, отложил поездку до следующей осени и, больной, жил в Ажене. Вместе с ним должны были отплыть все провансальцы, осужденные инквизицией на покаяние и получившие от папы милостивое дозволение заменить покаяние походом, что, впрочем, их обрадовало.

Но Раймонд, вероятно, не желал общества таких ненадежных товарищей; по крайней мере, он отнесся к ним иначе. В местечке Берлег, недалеко от Ажена, трибунал напал на след ереси. Восемьдесят человек были схвачены, граф присутствовал при допросе и суде над ними. Они принадлежали к числу «верных» и скоро отреклись от своих заблуждений. Их следовало обречь на покаяние и заточение. Но на этот раз все они были сожжены, и именно по настоянию и приказанию Раймонда (141).

Сожжение восьмидесяти альбигойцев было последним событием в тревожной жизни этого несчастного человека, боровшегося в одно и то же время и с собой, и с ходом событий. Он начал свою деятельность рыцарской защитой гонимой ереси, а кончил тем, что перешел на сторону самых жестокосердых ее гонителей. Лично он не мог питать злобы к людям, с которыми были связаны лучшие дни его жизни, но он не обладал достаточно сильным характером, чтобы не подчиниться тому принципу религиозной нетерпимости, который систематически распространялся из Рима по всему Западу, покоряя себе умы государей и народов. Раймонд VII был болен с осени 1248 года. В июле 1249 года он узнал, что в Египет отправился с войском его зять Альфонс, что его сопровождает Иоанна. Раймонду хотелось посмотреть последний раз на свою дочь, которой суждено было принять его воображаемое наследие. Собрав остатки своих сил, преодолевая с каждым днем мучившие его лихорадки, он прибыл в Эг-Морт, откуда обыкновенно отправлялись французские крестоносцы. Он сам уже не мог привести в исполнение любимой мысли последних годов, но дал обет осуществить ее, когда почувствует облегчение. Во всяком случае, это святое дело он поручал своему наследнику.

Раймонд благословил детей, когда они сели на корабль, он с грустью следил за ними, пока суда крестоносцев не скрылись с горизонта. На обратном пути в Ажен, где он хотел поселиться на осень, Раймонду постепенно становилось все хуже. Наконец около Родеча, в местечке При, он должен был остановиться.

Он чувствовал, что силы покидают его и что подходит время, когда надо спокойно проститься с жизнью. Ему хотелось успокоить свою совесть. В окрестностях спасался отшельник, считавшийся святым у народа за свое подвижничество; его звали брат Вильгельм Альбароньер. Граф просил призвать его. Схимник не отказался, пришел в местечко, исповедал больного, успокоил его сомнения, но не мог причастить его. Раймонду стало немного легче.

Между тем слухи о его болезни, самые разноречивые, быстро распространились по Лангедоку. Прелаты, вассалы, консулы из Тулузы спешили в бедное При, чтобы застать своего графа живым. Ближе всех был альбийский епископ. Он привез ковчег со Святыми Дарами. Когда граф услышал звон колокольчика, он поднялся с постели, с трудом добрал до порога спальни и опустился на колени. Он приобшился с сердечным умилением и после того погрузился в долгую дремоту.

Так прошло несколько дней. Когда он мог владеть собою, то вокруг него собиралось много приближенных. У них шли совещания о том, куда перевезти больного теперь же, пока возможно. Тулузские консулы желали, чтобы граф провел последние дни жизни во дворце своих предков, в том городе, судьба которого столько веков была связана с судьбою Раймондов и который только один должен быть местом успокоения. Они прощали ему все зло, какое он наносил стране и столице, и помнили только, что в его лице имеют последнего представителя национальной династии. Бароны и прелаты согласились с ними. Но Раймонд умолял, чтобы его отвезли куда-нибудь поближе, так как чувствовал себя не в состоянии совершить дальнюю поездку. Действительно, в городке Мильо, расположенном на реке Тарн, поезд принужден был остановиться.

Здесь, 23 сентября Раймонд продиктовал свое завещание. Он приказывал возвратить кому следует все то, что неправильно приобрел, и завещал десять тысяч серебряных марок на аббатство Фонтевро, где просил похоронить себя. Объявляя Иоанну наследницей и отдавая тем свою страну в руки французского правительства, он утешал себя мыслью, что по крайней мере его вассалы сохранят свои права и привилегии, что они не потерпят впредь никакого ущерба и не будут обременяемы новыми поборами, так как они служили ему своими средствами по доброй воле, а не по обязанности. Он не хотел уносить в могилу вражду священников и проклятие монахов; он возвращал им и их церквям, как милость, все, что у них отнято было по суду. До прибытия Альфонса он поручал управление государством Ричарду Аламану, которого просил исполнить свои приказания.

На другой день, в присутствии регента, он сделал дополнительные распоряжения относительно крестового похода. Его преследовала мысль, что он незаконно присвоил себе деньги папы и короля, которые уже давно были получены им для похода. Он завещал своим наследникам возвратить их кому следует и на словах велел вручить папе те сокровища, которые тот дал ему на борьбу с неприятелями Церкви, императором и герцогом савойским и которыми он не успел воспользоваться.

Он был в эти дни в полной памяти, но чувствовал крайнее истощение сил. Прелаты совершили над ним миропомазание. Смерть приближалась быстро.

27 сентября Раймонд VII скончался. Его тело положили в ящик и отправили по Гаронне; его везли через Тулузу в монастырь Парадиз в Аженуа. Покойник, таким образом, объехал все свои родовые земли, половина которых уже не принадлежала ему при жизни. Народ стекался к городам, через которые тянулась погребальная процессия. Он оплакивал в покойном некогда любимого государя и, забывая все его недостатки, помнил одно — что с ним вместе он хоронит в одной могиле свою независимость и свою национальность.

Патриоты сознавали, что каковы бы ни были личные слабости Раймонда VII, он заслужил симпатию уже тем, что вытерпел за народ весь позор побежденного, что пал после долгой, но бесполезной борьбы за независимость страны. Жертвы его напрасной жестокости были у всех на памяти, но каждый знал, что граф был поставлен в самое безвыходное положение и, гнетомый каким-то роком, делал то, что противоречило побуждениям его сердца. Как было его не любить народу, когда их связывало общее несчастье.

Из монастыря Парадиз весной 1250 года его тело перевезли в аббатство Фонтевро. В этом готическом Пантеоне рыцарского времени покоились Генрих II Плантагенет, Ричард Львиное Сердце и Элеонора Аквитанская. Рядом с ними была приготовлена свежая могила для последнего потомка династии Раймондов. Его положили, согласно завещанию, в ногах матери и Львиного Сердца, который был его дядей. Над гробницей была изображена из мрамора его распростертая фигура с руками, сложенными на груди. В XVII столетии все гробницы были перенесены в другое

место, где можно еще теперь видеть статую Раймонда VII, который молится стоя на коленях, как бы вымаливая прощение за провансальский народ, погибший вместе с ним для истории и для цивилизации.

Патриоты Лангедока, которые плакали над этой многоговорящей гробницей, не могли удержаться от вопля:

— Отчего он не оставил наследника!

Благочестивый католик объяснял такое несчастье Раймонда VII, ставшее орудием гибели целой национальности, наказанием Божиим за поущение еретического нечестия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДСТВИЯ ЕРЕСИ И ЗАВОЕВАНИЙ

Упрочение административных связей Франции и Лангедока. Начало централизации; деспотизм Альфонса. Выражение национального чувства в литературе, направленной против Франции и Рима. Филипп III и уничтожение ереси в народных массах. Судьба страны при Филиппе IV. Распад францисканского ордена. Последние альбигойцы.

Упрочение административных связей Франции и Лангедока

Лишь только Раймонд VII испустил последний вздох, сенешаль Каркассона поспешил известить о том королеву Бланку. В отсутствие детей она быстро сделала необходимые распоряжения. Два рыцаря, Гюи и Эврэ Шеврезы, и капеллан Альфонса Филипп были посланы принять наследство покойного. Через двадцать дней после смерти Раймонда французские послы принимали в нарбоннском замке присягу от консулов на имя графа де Пуатье, который теперь стал графом Тулузы и маркизом Прованса.

Этим фактом началась французская эра Лангедока. Акт завоевания свершился. Через брешь, пробитую крестоносцами, в эту страну вошли французы, но они далеко еще не сделали ее своей. Начинается более интересный и более важный период— офранцуживания страны, упрочения внутренних связей завоевателей и покоренных.

Мы можем избавить себя от хронологического изложения правления Альфонса. Не выходя из пределов нашей задачи, мы должны объяснить силу и качество французского влияния, чтобы убедиться в изменениях, которые были произведены в Лангедоке завоеванием. Такое изложение послужит этюдом о политическом значении и государственном результате альбигойского движения в истории Франции.

Административная история французской монархии довольно полно разработана, но только в последнее время обращено внимание на тот процесс слияния северной Франции с южной, который совершился централизацией, правительственным искусством Альфонса, при содействии ему трибуналов инквизиции. Архивы всех областей, входящих в нынешнюю Францию, собранные в знаменитой Сокровищнице Хартий, находящейся в государственном архиве Франции, дают к тому богатый материал.

Было бы весьма ошибочно предполагать какую-либо солидарность Франции и Лангедока в каком бы то ни было отношении в течение всего XIII столетия. Напротив, мы встречаем факты враждебности обеих национальностей и внутреннюю противоположность их государственных организмов. Для историка интересно изучить, как административная система, управляемая умными и энергичными личностями, одержала победу над преданиями прошлой вековой истории и совершила завоевание не оружием, а пером, внутренними и потому более прочными мероприятиями. Через столетие после смерти Раймонда VII его страну и его подданных нельзя было узнать.

Трудно найти в истории более решительное доказательство торжества законодательного принципа над разнообразными историческими элементами. В процессе офранцуживания Лангедока видно появление новых идей в политической истории: духа единения вместо областного партикуляризма, монархии вместо общинных, республиканских начал. А все такие идеи служат выражением духа новой истории. Таким образом, изучая эту систему, мы исследуем

отдаленнейшие корни новой истории. Взглянем же, что было при Альфонсе и что стало после него на Юге.

К 1250 году южная половина нынешней Франции, лежащая за линией Луары и Роны, или коренной Юг, говорившая на провансальском языке, представляла собой тринадцать независимых частей, из которых каждая имела своего государя в средневековом, феодальном смысле. Самые значительные части составляли земли «двух королей», то есть владения Генриха III и Людовика IX. Владения первого шли между Шарантой и Адуром, обнимая Сентонж, Перигор, Лемузен и западную часть Аженуа до устья Адур. Французской королевской короне собственно принадлежала широкая, но неправильная полоса от английской границы на Адуре до Узеса, Нима и Средиземного моря. Домен Иоанны, жены принца Альфонса, окружал дугой английские земли. Обнимая Пуату и Онис, собственный удел Альфонса, эта дуга прерывалась владениями графа де Ла-Марш; она возобновлялась в Оверни, включала в себя Велэ, Руэрг, Керси, восточную часть Аженуа и шла вниз по правому берегу Гаронны до графства Фуа. Наследство Беатриче простиралось между Роной, Средиземным морем и Гаценсэ. Гуго Лузиньян имел Ла-Марш и Ангомуа; граф Гастон Беарнский — часть Гаскони между Адуром, Пиренеями и Арманьяком. Далее, к океану, страна басков принадлежала наваррскому королю. Король арагонский владел Руссильоном и Монпелье. Дофинэ имела своего герцога. Граф де Фуа фактически был во французских руках, так же как и граф Арманьяк, правивший как бы ничтожным островком во французском море. Граф Перигора и виконтесса Лиможа приносили вассальную присягу английскому королю.

Каждый из этих тринадцати владетелей был в сущности титулярным государем: под ним были сотни вассалов и подвассалов, связанных с государем честью, но имевших более действительную власть. Некоторые прелаты по-прежнему считали свои резиденции городами, принадлежащими им по праву избрания, как в Арле, Нарбонне, Альби, Магеллонне, Пюи, Кагоре, Гэпи и Карпентре, хотя эта претензия оставалась номинальной, ограничиваясь присягой консулов. Феодалы, даже «оба короля», не могли считать себя обладателями городов.

Каждый город знал только своих сановников, продолжая называть себя республикой. Города ссорились и мирились между собой, независимо от своих князей, заключали торговые и политические договоры через посредство избранных властей и только по доброй воле вмешивались в феодальные распри, помогая посильно деньгами и людьми своим государям.

Но ни города, ни князья Юга не приносили прежде вассальной присяги французскому королю. Он был один из тринадцати же владетелей, как и три других короля, как графы и прелаты. Стремления французского правительства на главенство, на историческую миссию в Лангедоке, будто завещанную и начатую Мартеллом и Карлом Великим, тогда не высказывались. Об этом главенстве и миссии вспомнили, как видно из архивов (1), спустя два столетия королевские прокуроры. Тогда же стали утверждать, что граф Тулузский был в давней вассальной зависимости от французских королей.

Гораздо откровеннее и честнее генеральные прокуроры Франции поступили бы, если бы ссылались на акт завоевания, а не на бумажные хартии.

В середине XIII столетия, и при Альфонсе и раньше его, города того и другого берега Роны говорили на провансальском языке. Они не испытали еще на себе французской правительственной системы. Мы застаем там те же порядки в пятидесятых годах XIII века, как и столетием прежде. До нас дошли факты из истории городов в доменах Карла, графа Прованского, мужа Беатриче, которые для нас имеют то же значение, что и собственно лангедокские города.

Например, в 1248 году город Арль произносит грозный интердикт на своего архиепископа; он не хочет его более знать. При звоне в вечерней колокол капитул читает следующее: «Запрещается на будущее время всякому гражданину Арля обращаться хоть за одним словом к господину архиепископу, ходить к нему в дом, оказывать какую-либо услугу ему или его семейству, продавать или менять у него кого-либо». Подеста встает и просит избавить его от подписания такого постановления, так как воля большинства и ез того — закон, и что решение будет обнародовано, как всегда, от его имени.

Через семь лет Монпелье говорил все тем же гордым языком с виконтом нарбоннским. Виконт обязался служить общине своим оружием за себя и за своих наследников, в чем поклялся над Святым Евангелием перед консулами и синдиками. Он обещал защищать город и его права от всяких нападений, взамен чего консулы обещали не заключать без него мира и покровительствовать его личности и достоянию. Обе стороны чувствовали себя равными; если

одна нуждалась в помощи другой, то оплачивала ей, не признавая никаких иных обязательных отношений.

Потому французские комиссары, прибывшие в Лангедок в 1249 году для принятия наследия Раймонда VII, в своей попытке отнестись к южным городам по обычаю, королевства, потерпели поражение. Капеллан Филипп подробно описывает свою поездку в донесении к Альфонсу, которое дошло до нас в подлиннике (2). В Тулузе их Встречали любезно, хотя придворный капеллан немного польстил, когда прибавил, что там очень желали господства принца. Когда на следующий день комиссары собрали горожан в Капитуле и потребовали присягу, то получили ответ, что граждане ничего не могут ответить до возвращения депутации, посланной к королеве-матери, что прежде они должны иметь от нее ручательство в соблюдении городских вольностей. Комиссары ждали более двух недель. Наконец ответ был получен. Вольности подтверждались, но в формулу присяги было внесено важное изменение, хотя оно первое время прошло незамеченным; казалось, сделали только перестановку имен, но эта перестановка определяла все настоящее и будущее страны. Велено было присягать Альфонсу и его жене Иоанне с их детьми, «соблюдая права короля и его наследников, согласно условиям парижского договора».

Этим нарушалось завещание Раймонда VII. Покойный оставил престол своей дочери, как прямой наследнице. В завещании имя Иоанны было поставлено раньше ее мужа; Бланка же приказала поместить Альфонса раньше его жены. Собственно говоря, французское правительство делало политический подлог в довольно смелых размерах. Оно нарушало принцип, а это имело огромное значение. Раймонд VII никогда не обязывался завещать свой удел французскому принцу или короне; он обещал только отдать свою единственную дочь и наследницу за одного из братьев короля. Графство оставалось ее достоянием, ее приданым, которое она по силе римских законов, действовавших в этой стране, могла отдать после смерти мужа и за неимением детей кому ей угодно, например, королю английскому или императору германскому. Последние приобрели бы в таком случае наследие Раймондов *de jure* в силу дара и с гораздо большими юридическими основаниями, чем это сделал французский король, брат или племянник Альфонса. Это понимали в Париже; там искренно желали, чтобы у Иоанны не было детей, но еще более заботились о том, чтобы отстранить дочь Раймонда VII от прямого права на престол в силу отцовского завещания.

Пока юристы обдумывали этот вопрос, комиссары успели принять присягу от тулузцев, от множества баронов и вассалов, бывших в столице, начиная с графа Комминга, и отправились с такою же целью по добрым городам и областям Тулузы, Альбизуа и Керси.

Их везде принимали, рассказывали они, не особенно охотно, но в Ажене положительно отказались присягать. Воспоминания о вольностях города и любовь к старой династии всплыли наружу. Бароны и рыцари Аженуа заговорили в том же тоне. Французам все это слышать было очень прискорбно, и они поехали дальше. Проезжая мимо Гиенни, они заехали к ее наместнику Симону Монфору, графу Лейчестеру, сыну знаменитого крестоносца. Симон был женат на сестре своего нового государя^{*1} и был у него в большой чести. Человек решительный, он держал в страхе свою страну; все повиновались ему, так что французы не могли не прийти в восторг от такого «добраго порядка». Услуги Монфора им понадобились — комиссары заключили с ним трактат о взаимной выдаче преступников, и ночь, проведенная в замке Лейчестера, прошла не бесследно для упрочения французского влияния в Лангедоке.

В Ажене посланники просто напугались. На обратном пути буржуа выслали депутацию к капеллану и предложили ему свою присягу. Но он уже не согласился, так как находил ее не совсем приличной и выгодной. Внушения Монфора не прошли даром. Рыцари Аженуа сразу пали духом, покорились и присягнули так, как от них требовали.

Консулы же с упорством своих предков пошли искать правды у королевы-матери. Они нашли ее в Милане и присягнули перед ней в верности Альфонсу, «который отсутствует ради службы Христовой»^{*2}. Они предоставили себе права потребовать лично у графа подтверждения их привилегий.

Между тем комиссары объехали все земли Раймонда VII и везде приняли присягу. Они не были только в Венессене, то есть маркизатстве Прованском, так как Церковь оспаривала права графов Тулузских на эту область и предоставила им там один лишь титул. Там города тем более привыкли жить вполне самостоятельно.

^{*1} Английского короля Генриха III.

^{*2} Вместе с Людовиком Святым он участвовал в VI крестовом походе.

После смерти Раймонда VII общины Арль и Авиньон провозгласили себя республиками и выбрали трибуном Баралья де Бо. Арль принадлежал Карлу; Авиньон — Альфонсу и Церкви. Бараль прибыл в Милан к королеве-матери, чтобы прийти к соглашению, но из разговоров с нею убедился, что, кроме безусловной присяги, он не может выхлопотать для своих сограждан ничего. Даже и он, как ни был решителен, дал письменное обязательство быть в «воле и послушании» французских принцев и, кроме того, принужден был, подобно мятежнику, просить прощения.

Так с первых же дней французская корона принесла строгий монархический дух и порядок, который противоречил историческим преданиям и обычаям Лангедока и Прованса. Республиканские начала при новом правительстве не могли быть терпимы. Альфонс велел описать все свои приобретения и составить счет доходов. Капеллан собрал большие суммы тогда же и послал в Акру к Альфонсу с письмом, которое послужило нам источником сообщенных сведений.

Совершенно чужой для своих новых подданных, Альфонс смотрел на них как на простую статью дохода. Когда после плена и неудачного похода под Акру он вернулся во Францию в сентябре 1250 года для поиска средств помощи крестоносцам, то, занятый поручениями короля, не поинтересовался даже взглянуть на свое наследство и проехал прямо в Лион к папе, думая уговорить его помириться с Фридрихом II, а после — к английскому королю, рассчитывая на сочувствие последнего к крестовому делу. Только после всего он вспомнил о своих подданных и решил поехать к ним.

Весною 1251 года Альфонс вместе с женою прибыл в Авиньон. Здесь республиканская община отказала ему в повиновении; в союзе с Карлом, графом Прованса, он хотел принудить ее повиноваться силой. Авиньонцы смирились и покорились, ограничившись присягой Альфонса их старым вольностям. Двадцать третьего мая граф торжественно въехал в Тулузу, где, собрав жителей, подтвердил клятвой их вольности, но тут же объявил себя государем не по завещанию, а в силу парижского договора.

Таким образом, французы явились обладателями лучшей и богатейшей части Юга по тому же праву завоевателей, по которому они приобрели домены 1227 года, с той, впрочем, разницей, что образ действий правительства на этот раз был гораздо безнравственнее. За завоеванием последовал подлог, а там дойдет дело и до яда. Прежде победители утвердились в стране насильственно, острием меча, предводимые вооруженными монахами, теперь же опирались на ложь и в политическом подлоге искали средства и опору для своего водворения. Нет ничего более прискорбного, чем наблюдать, как Альфонс, будучи орудием своей матери, хотел придать насилию и попранию справедливости вид законности.

Мы замечали уже, что королевское правительство досадовало на завещание Раймонда VII, которое отделяло богатый домен от короны: Альфонсу отдано было приказание уничтожить завещание. Но так как оно было уже обнародовано, то следовало доказать его незаконность.

Здесь выступает на сцену новая сила. Крестоносцев сменили на этот раз юристы. Им поручено доказать, что совершенно верный документ не верен и не имеет значения, а что подложная ссылка на парижский договор — как нельзя более справедлива. Если они вполне достигли своей цели, то история не может не признать, что повествование о подробностях уничтожения провансальской национальности увеличилось еще одной темной страницей. Не было документа более совершенного формально и законно, как завещание Раймонда VII. Оно было написано в здравом уме, в присутствии нужного числа свидетелей и скреплено двадцатью одной печатью; завещатель не нарушал прежних договоров и, как добрый католик, почти все свои капиталы отказал на богоугодные цели.

Лучшие французские юристы должны были высказать немало дерзости, чтобы отвергнуть эти данные; более двадцати легистов занялись этим делом. Между ними был ученый провансалец Гвидо Фулькодий, который после стал папой под именем Климента IV. Он продал себя и судьбу своей родины французскому двору ради блестящей карьеры. Юристы решили, что для действительности завещания не соблюдены условия, требуемые гражданскими римскими законами, так как не имеется свидетельства, что завещание прочтено перед завещателем и свидетелями и что сам завещатель не объявлял об этом; другие придирались, что печати, приложенные к документу, не заменяют подписей и что свидетели не удостоверили их, что завещание было вскрыто в отсутствие наследников и свидетелей. Подтверждением того, что все такие толкования были произвольны и имели одну цель — закрепощение страны за французскими принцами, служит признание законности дополнения к завещанию, по которому король и папа должны были получить обратно свои деньги, данные на крестовые предприятия, и которое с большим основанием следовало бы отвергнуть, как составленное без всяких формальностей.

Юристы, конечно, получили внушение, что двору вовсе не желательно отказаться от такой значительной суммы.

Французам невыгоден был один документ — решили, что он незаконен; им был полезен другой — нашли, что он вполне легален.

Как бы то ни было, завещание Раймонда VII было объявлено недействительным. Иоанну устранили от престолонаследия, и брат французского короля или, точнее, сам французский король, стал государем Тулузы и ее областей.

Но в Париже забыли, что в завещании заинтересован весьма влиятельный элемент — церкви и монастыри, которые получали в силу его значительные дары. С ними ссориться было опасно, а они протестовали. Альфонс предложил им сделку, но жадность духовенства не допускала ущерба. Аббатство Фонтевро особенно домогалось завещанных драгоценностей покойного. С трудом сумели сойтись на обоюдных уступках, на уплатах и бенефициях, и то только благодаря тому, что Альфонс опирался на свой безупречный католический авторитет и на услуги, оказанные Риму. При этом граф указывал на мнимую незаконность документа, которая уничтожала всю силу записей. Он хотел казаться великодушным, даже распоряжаясь чужой собственностью.

Подчинение всей восточной половины Юга французской короне надо начинать с года смерти Раймонда VII, потому что Альфонс был лишь номинальным государем. Приняв присягу, он тотчас же оставил Лангедок, чтобы никогда больше в него не возвращаться. Его скоро разбил паралич, и он был не в состоянии тронуться с места. Больной, из своего Венсеннского замка, а после из своего парижского дворца у ворот Сент-Онорэ, он управлял страной, собирал с нее доходы и неуклонно вводил те реформы, которые указывало ему парижское правительство. Последнее даже не стеснялось распоряжаться доменами Альфонса, как своими собственными; оно брало, отдавало и меняло его земли, не спрашивая согласия. Другим доказательством парижского государственного влияния было то, что земли провансальского языка получили такое административное преобразование, которое сгладило в них местные политические и социальные особенности и приблизило по внутреннему устройству к землям северным, коронным.

Подтвердим фактами и то и другое.

Начало централизации; деспотизм Альфонса

В 1258 году Людовик IX заключил в Карбейле договор с Иаковом I Арагонским и в Аббевиле — с Генрихом III Английским, который должен был прекратить вражду между тремя королевствами, приводившую к частым опустошениям на Юге. В Карбейле король арагонский отказался от своих прав на некоторые припиренейские домены и на несколько кантонов в Оверни, удержав за собой только сюзеренство в Монпелье. Здесь не было даже и речи о правах Альфонса, может быть потому, что эти владения были спорны. Но иное дело в договоре с Англией. Людовика IX преследовало довольно благородное, но не совсем государственное желание, поправить «великую несправедливость» своего деда Филиппа II, который отнял у английского короля Пуату и другие земли на Юге. Генрих III не в состоянии был бы вернуть их оружием, но благодушие Людовика IX помогло — стоило только указать французскому королю, что его отец когда-то в Лондоне обязался вернуть Англии эти земли^{*1}, и Людовик IX чувствовал себя не вправе их удерживать, хотя позже Генрих III, нарушив свои обязательства и подняв оружие, тем самым освобождал французского короля от нравственной ответственности. Но получив соответственные гарантии от Генриха III, Людовик IX возвратил и уступил вместе со своими доменами и то, что входило в удел Альфонса и в наследство Иоанны, нимало не спрашивая согласия графа, графини и их народа. В Ангулеме, Лемузене, Керси и Перигоре Людовик IX не имел прямых доменов, но только права на присягу разных феодалов, которые в большинстве не любили английского короля, хотя впоследствии начали враждовать с Францией, так как английская власть оказалась более гуманной к их национальности. Из доменов Альфонса Людовик IX уступил Англии доходы Аженуа, а также с нижнего Керси и с области Кагора.

Таким образом, приданое жены Раймонда VII отходило назад к Англии распоряжением французского короля. После смерти графини де Пуатье, то есть Иоанны, Англия должна была получить также южный Сентонж. В вознаграждение за это Генрих III и за себя, и за наследников

^{*1} *' В 1216 году, когда Людовик VIII, как мы видели, претендовал на английскую корону.

отказывался от всяких прав на Нормандию, Анжу, Мен, Турень, северный Сентонж, Онис, Пуату и сверх того признавал себя вассалом французского короля за все английские владения на материке, прежние и новые, вместе с Пеннью и Бордо. Последнее условие должно было удовлетворить самолюбие французских вельмож и самого короля, хотя и не давало никаких материальных выгод. В самом деле, средневековым французам, всегда тщеславным и самолюбивым, было лестно иметь своим вассалом беспокойного соседа и одного из могущественнейших государей.

По многим косвенным доменам Франция ничего не теряла, по другим теряла доход, власть в городах, но сохраняла королевский авторитет, который простирался теперь на вдвое большие пределы. Французские королевские сенешали по-прежнему оставались в уступленных областях рядом с английскими, а в Перигоре появился новый, который напоминал собой верховную власть в Гиенни. Парижский парламент, как видно из документов, принимал по-прежнему апелляции на решения английских сенешалей и приводил в исполнение свои приказания. Но ежегодная уплата трех тысяч семьсот двадцати ливров за Аженуа, добровольно возложенная на себя Людовиком IX, естественно, раздражала французский народ, так как напоминала даннические отношения и не могла загладиться тем, что Генрих III в Луврской башне преклонил колени пред королем Франции, чего не было уже пятьдесят лет.

В любом случае Франция получила довольно выгодный мир, а главное, спокойствие и уверенность за свои границы, хотя это достигалось нарушением самостоятельности провансальской национальности. Желаний не только населения, но даже баронов уступленных земель не спрашивал. Своему великодушию и личному спокойствию король, вопреки справедливости, приносил в жертву законные интересы Юга. Замечательно, что он думал сделать этим прекрасное дело.

Ответом на это было общее недовольство и в Лангедоке, и в самой Франции, проявившееся даже среди собственного двора короля. Впечатлительное рыцарство не хотело спокойно взвесить выгод трактата. Оно не понимало, что гористый Перигор и бедный Лемузен стоят четырех лучших провинций Франции.

— Государь, нам кажется, что вы потеряли, когда уверяете, что выиграли, — сказали ему в совете.

Выходило, что потеряли обе стороны. Замечательно, что договор, не удовлетворив французов, одинаково раздражал и английских баронов. Он был предлогом к восстанию вельмож и городов в Англии, и Генрих III едва не заплатил за него короной. Существенной причиной революционного движения была зависть гиеннских и английских вельмож к богатым бенефициям, захваченным итальянцами. Ненависть к римскому владычеству дошла до того, что образовались общества для убийства папских гонцов во главе с йоркширскими рыцарями. Побужденный баронами, предводимыми Симоном Лейчестером, сыном Монфора, который не хотел подчиниться французскому правительству за свое наместничество, и взятый в плен, Генрих III должен был покориться в Оксфорде воле первого парламента и водворить в Англии начала ее конституционной свободы. Король был стеснен опекой двадцати четырех баронов.

После шестилетней борьбы король и бароны предоставили решить спор третейскому суду Людовика IX. Французский король, опираясь на Библию, провозгласил, что надо повиниться верховной власти, и вместе с папой кассировал оксфордские статуты. Но этим он только вызвал новую борьбу. Монфор предложил городам место в парламенте и, призвав их к участию в политической жизни, склонил счастье на свою сторону. Симон погиб в этой благородной борьбе, но его дело восторжествовало.

Лангедокцы после аббевильского договора могли понять, что отныне ими распоряжаются по произволу, как завоеванными, что даже не желают видеть разницу между подданными короля и графа. Личность Людовика IX не могла внушать им симпатии. Когда короля канонизировали, то во многих местностях Юга отказались признавать его праздник. Для выражения злобы против его братьев не находили слов.

В самом деле, французское управление, хотя и приносило с собой порядок, не могло внушить симпатии ни в одном слое населения. Французы начали ломать самые дорогие начала самоуправления. Легисты, которые появились тогда в королевском совете, вынесли из университетов Италии глубокое уважение к государственным принципам Римской империи, то есть централизации и возвышению монархического сана. В Германии и Англии проявились те же идеи, но там их постигла другая участь. Во Франции они победили; Империю и Англию же эти попытки обессилили.

На территории Лангедока и Прованса были сотни муниципий. Ураган альбигойских походов смыл некоторые из них, но во время мира они возродились снова, и звук вечевоего колокола получил свою прежнюю привлекательность. Французские сенешали под влиянием легистов противодействовали ему. Они решительно не допускали новых общин. Они уничтожали и старые общины, но не прямо, а подыскивая предлоги, которыми служило возмущение, неисполнение обязательств и прочее.

Так, в 1254 году сенешаль бокерский запретил выборы в Ниме. Горожане пожаловались королю. Людовик IX отправил для расследования дела комиссию из архиепископа д'Э, одного доминиканца и двух юристов. Действительно, на этот раз, в уважение старинной свободы города, самоуправление осталось. Но когда в том же году подобного же пожелал город Лимукс, то ему французские полномочные послы, наведя справки, отвечали так:

— Ваш город сражался с синьором Монфором во время первых крестоносцев, за это Монфор приказал вам сойти с горы и построиться в долине. Немного спустя вы еще раз вооружились против Монфора, снова поставили город на горе и дали убежище диакону альбигойскому, Изарну Иордану, графу де Фуа и множеству других еретиков. Во время осады Авиньона, вы поднялись против короля, соединились с его неприятелями и начали жестокую войну. За это вас опять выселили в долину, и в наказание вы были обложены пеней в двести ливров, которую платили в продолжение двадцати восьми лет, а сверх того земля, на которой вы жили, была конфискована. Но это наказание не помешало вам, вопреки клятвам, поднять оружие против короля за Тренкавеля и осадить Каркассон. За это последнее злодеяние вы потеряли и те свои права, которые еще имели. Возвратить вам свободу теперь, после всего сказанного, было бы весьма дурным примером (3).

Некоторые общины в Провансе должны были отказаться от своих привилегий в пользу Карла. Так в 1257 году случилось с Аптом, который предоставил графу Анжуйскому как бы в дар свой консулат, свои права и выборы. Это делалось для «блага города» несколькими людьми, которые вошли в сделку с графом. Через два года такой же документ был заключен от имени общины Рейлан одним из ее сановников, который уступил графу навсегда право консульства, сохранив пожизненное отправление должности исключительно за собой.

Такой тактикой, напоминавшей узурпации римских императоров, начали свою политическую деятельность французские принцы. Они переносили на себя где можно республиканские должности, то есть фактически уничтожали их. Стараясь подавить местную свободу, Карл хотел вознаградить провансальцев славой завоевателей Сицилийского королевства, куда, как мы уже говорили, он пошел вместе с ними и французами.

В таких стремлениях французского правительства выразился рост новых идей, враждебных партикуляризму и самоуправлению. Но им трудно было взрасти на средневековой почве; такой рост требовал слишком много времени. Пока же легисты, перед которыми было будущее и история, искали благоприятные условия для успеха своего дела. Не разбирая средств, сокрушая на пути препятствия, точно озлобленные на современников, презирая их мольбы и вопли, они в поте лица работали над сокрушением старины, терпя поношение, подвергаясь на каждом шагу опасности, но продвигаясь вперед с сознательной уверенностью в победе. Новые люди, они создавали новые государственные формы осторожно и постепенно.

Посмотрим, в чем они состояли. Начнем с положения центральной администрации Лангедока во второй половине XIII века.

Подобно Людовику IX, Альфонс имел при себе в Париже Совет или парламент, который вместе был и высшей судебной инстанцией. Он состоял из духовных и светских лиц. Церковными делами заведовал в нем казначей аббатства Святого Илера (в Пуатье), который был вместе с тем и капелланом графа. При Альфонсе их сменилось три, и каждый из них одинаково сносился с Римом и был посредником в столкновениях светских и духовных властей. Это был министр духовных дел, который самостоятельно работал на своего государя.

Двое провансальских вельмож были главными деятелями закрепощения страны за Францией и сторонниками новых порядков. Сикард Аламан, переживший Альфонса, пользовался большим влиянием в Лангедоке благодаря своему юридическому образованию и блеску своего имени. Он оказал графу неисчислимые услуги. Замечательно, что он действовал сознательно, ради своих принципов, не брал наград и титулов. В наследии Раймонда VII ему принадлежала светская администрация и внутренние дела. Он должен был следить за бальи и сенешалями, давать им советы и руководить ими. Другой провансалец, Понс д'Астуад, наблюдал за юстицией. Двое духовных лиц, заведовавшие финансами и составлявшие ежегодный бюджет, французы родом,

которые позже перешли на те же должности в королевский Совет, дополняли организацию, близко подходящую по определенности обязанностей каждого министра и вместе по коллективности и единодушию действий кабинета к высшей администрации нашего времени. Средневековый характер этому совету придавало, собственно, одно лицо — это Жак Дюбуа, наблюдавший за фискальными делами инквизиции и прилежно обогащавший казну графа конфискацией имущества еретиков и евреев.

Обязанности этого лица имеют самую близкую связь с историей первой инквизиции. Потому мы впоследствии остановимся подробно на фактах его деятельности по отношению к евреям и еретикам, а теперь заметим только, что на тех и на других при Альфонсе смотрели лишь как на источник дохода. Трибуналы действовали усердно, но заточения все чаще и чаще заменялись пенями, и каждое дело приносило графу новую лепту. Евреи редко являлись перед инквизиторами, так как они без того во владениях Альфонса были обложены поголовным и чрезвычайным побором. Можно сказать, что их кошельки были в распоряжении графа. Вообще Дюбуа существенно пополнял финансовые источники правительства, пользуясь религиозным чувством народа, научившегося после горьких примеров питать ненависть к осужденным инквизицией. Вследствие этого Дюбуа был в Совете довольно крупным лицом. Исполнителями воли Совета в областях были сенешали. История этих сановников имеет несколько периодов. Когда-то они имели наследственную власть на Юге, как и во Франции, назначали себе помощников, собирали доходы и вершили судебные дела. Филипп Август из опасения увидеть новых палатных мэров уничтожил эту должность и вверил управление своих провинций бальи с властью, близкой к власти английских сенешалей в Гиенни. Это учреждение Филиппа имело громадное значение для всей истории Франции, так как бальи должны были уничтожить феодальную аристократию и своей администрацией сгладить все местные особенности. Оно было перенесено Альфонсом в его владения.

Бальи Филиппа II имели широкие обязанности: следить за тяжбами, заботиться о приведении в исполнение постановлений двора и королевских приказаний, покровительствовать церквям, управлять собственными доменами короля, вести счет доходов и расходов своей области и командовать ополчением в военное время (4). Они были королевскими чиновниками, правили, пока было угодно королю, и потому иногда назывались министрами. С теми же правами и обязанностями, какие указал Филипп II, их застают и XIV столетие. Альфонс искусно прививал это нивелирующее учреждение, смертельное для феодализма и самоуправления, к своим пестрым владениям. В Пуату он назвал бальи прево. Вообще он действовал постепенно, но так, что его учреждения сохранились в сущности до самой Революции. Он застал в Лангедоке шесть сенешалей, но ничем не походили на тех, которых посадил Альфонс или, точнее, его Совет. То были сенешали Тулузы, Аженуа, Керси, Руэрга, Альбижуа, Венессена Альфонс сократил их число, присоединив Альбижуа к Тулузе, а Аженуа к Керси и снабдил сенешалей такой же властью, как во Франции. Каждое сенешальство делилось на бальяжи, управляемые бальи, но с другими задачами.

Новые сановники, назначенные из французов, получавшие четыреста-пятьсот ливров жалованья, стали глазами графа и легистов. Сенешали блюли интересы Альфонса, как свои собственные, и считали свою службу— службой Франции. Они сами определяли бальи, тоже большей частью из французов, но места эти, как доходные, отдавали с торгов. Тогда пожалели о временах Монфора, который не трогал внутреннего управления страны и, уважая старые обычаи Юга, сохранил даже печать Раймондов, на которой графы изображались в платье горожан с мечом, мирно покоившимся на коленях.

Теперь же с методичной последовательностью преследовали процесс преобразования национальности. Сенешали Альфонса получили в руководство тот же наказ, что и сенешали Людовика IX в его знаменитом Уложении. Общая политика готовила общность политической жизни северных и южных областей. Все важные акты редактировали оба Совета. Везде старались устранить всякую возможность сделки сенешалей с подчиненными. Сенешали не могли жениться в той области, где начальствовали, а в случае смещения должны прожить еще сорок дней после сдачи дел, чтобы дать ответ на те жалобы, которые могли бы возникнуть против их управления. Им предписывалось беспристрастие к народу без различия сословий, в чем они присягали; чтобы не отрывать население от домов, они должны были созывать его только в критических случаях и тюремное предварительное заключение заменять по возможности поруками и залогом, и только в делах самых важных, как в преступлениях против Церкви, арест становился необходимостью: это было нечто вроде французской *Magpa Charta*. Далее следовал ряд наставлений о

судопроизводстве. Допрос и следствие во Франции носили инквизиционный характер даже в светских судах, в Лангедоке документы сообщались подсудимому.

Для судебной функции сенешальство было разделено на вигуэрства и судейства. Вигуэры существовали давно, они остались в качестве помощников сенешаля, по одному в сенешальстве; судьи же были введены Альфонсом в каждом участке. В южных доменах короля их везде заменяли вигуэры. Они и вигуэры присягали в верности графу и представляли собой решительное воплощение монархических порядков. Ниже их стояли бальи, которых было по несколько в сенешальстве, для собирания налогов и исполнения полицейской обязанности и иногда зного предводительства. При трудности сбора податей и пошлин правительство с охотой продавало права сбора желающим занять эту должность. Таким образом, бальи из графских сановников скоро стали откупщиками. По приказанию Альфонса велено было продавать эти места непременно с торгов, и притом как можно дороже; для выгоды короны велено было сменить бальи, назначенных сенешалями, и их места также перепродать. Понятно, какой тяжестью ложились на население эти кровопийцы из французских мелких дворян с их беззастенчивостью и алчностью.

Насилия и злоупотребления были естественны. Каждый, заплативший вперед сумму положенного сбора, старался вернуть ее с лихвой и произвольно увеличивал податную тягость земель, городов и замков. Другой, кто купил только одну должность, искал хорошей награды за труды по управлению и сбору налогов. Бывали примеры, что в одно время вместо одного имелось два бальи⁵. Случалось, что несколько лиц составляли компанию на известном участке и эксплуатировали его как могли. И Людовик IX, и Альфонс одинаково старались устранить излишние злоупотребления этой системы, но допускали сам факт. Так было тогда во всей Франции с той разницей, что в Пуату и других провинциях бальи назывались прево, в отличие от верховных сановников Филиппа II. Одна эта мера уничтожала всю долю пользы, какую приносила народу система централизации, введенная на Юге французским правительством. На заре своего появления в истории централизация имела патологические формы.

Когда вопль провинций, сдавленных самовластием сенешалей и бальи, дошел до двора, то регентство^{*1} в 1270 году приняло ничтожные предупредительные меры. В каждом бальяже предоставлено было избирать лицо из нотаблей, которое наблюдало бы за бальи, и в случае его гнета и грабежа жаловалось бы сенешалю. После второй жалобы последний мог обложить виновного пеней в пользу графа. Строго запрещено было допускать более одного бальи на участке. Тогда же были сделаны наставления сенешалям, что служит доказательством их самовластия и вымогательства. Оказалось, что они, вопреки наказу, сажают в тюрьмы совершенно невинных, продают бальяжи своим родственникам и тому подобное.

Хотя Совет старался уверить, что Альфонс ценит правосудие и счастье подданных выше всего, но его система грешила и в самой себе, и в способах применения, потому что гналась не за благосостоянием народа, а прежде всего за приобретением средств для достижения личных целей во что бы то ни стало, как, например, для того же крестового предприятия, за которое готовился погибнуть его брат (Людовик Святой) и которому он отдался вместе с ним в последние годы своей жизни.

Надо заметить, что на местную администрацию и на местный суд провинции могли жаловаться членам парламента, то есть Совету и даже самому графу. Парламент всегда следовал за графом, но ежегодно в день Всех Святых его можно было найти в Париже. Разбор дел брал на себя каждый из членов отдельно. Граф часто назначал для того монахов, которых очень любил. Чаше с жалобами на сенешалей обращались прямо к Альфонсу. Прежде он судил терпеливо и внимательно, но наконец утомился и в 1270 году запретил такое нарушение правильной юстиции и образовал, как настоящий монарх, из себя третью инстанцию, стоящую над парламентом.

В общем заседании парламент служил первой инстанцией для важных гражданских дел между феодалами, общинами, прелатами и для претензий правительства. Его решения приводились в исполнение сенешалями без апелляции. К тому времени граф убедился, что за его сановниками необходим непосредственный надзор. С этой целью он иногда отправлял в провинции членов Совета, в большинстве же случаев, по примеру Людовика IX, так называемых следователей. Обьезжая области, они должны были выслушивать жалобы населения на сенешалей

^{*1} После смерти Людовика Святого во время крестового похода в Тунисе престол перешел к Филиппу III (Смелому).

и сановников и даже на самого графа; иногда они производили следствие по делам, обжалованным в парламенте.

Учреждение института следователей приносило много чести уму и сердцу Альфонса, но особенно Людовику IX, которому принадлежала мысль о нем. Рассказывают, что короля возмущали насилия и конфискации, которым подвергались на Юге люди, случайно замешанные в дела ереси, хотя имущества наказанных шли в пользу его казны. Чувствуя угрызения совести за такие несправедливые приобретения, облитые слезами ограбленных, он думал о возвращении отнятого. К тому присоединились усиленные жалобы на грабежи и притеснения местных властей во время регентства Бланки. Поэтому, собираясь в поход, король, желая примириться с совестью, разослал честных и верных людей из монахов выслушать жалобы народа и восстановить справедливость. Это было в 1247 году (6). Следователям не должно было стесняться принимать жалобы и на самого короля, и на его Совет. Они вели дела открыто по средневековому обычаю и, в большинстве своем будучи доминиканцами, чуждались тем не менее инквизиционного судопроизводства. Они обстоятельно записывали все подробности притеснений, вынесенных народом от королевских сборщиков и властей, и достойно сожаления, что эти документы сохранились далеко не все. По их приказанию виновные или их наследники возвращали неправильно приобретенное имущество. Епископы должны были оказывать содействие; сенешали и бальи повиновались им. Их слово бывало словом любви и истины. Будто чуждые земных страстей и интересов, они произносили, когда следовало, приговоры, направленные даже против короля, их пославшего, и весьма часто вопреки желанию парламента. Но их инспекции были периодическими — такая благотворная власть, как акт верховной справедливости, вступала в свои права только тогда, когда ропот народа требовал ее содействия, проявление ее было непостоянным.

Альфонс, во всем подражая королю, попытался привить и в своих владениях эти порядки. Но это значило влить в новые формы старое содержание. Доминиканцы привыкли смотреть на альбигойские области как на источник нечестия; они часто не исцеляли зло, а усиливали его. Они не забывали, восстанавливая справедливость, устанавливать наказания для еретиков, которых главным образом и порождало насилие и угнетение. По характеру Альфонс мало походил на своего брата. В нем не было величавой кротости духа, идеальных стремлений, самопожертвования и бескорыстия Святого Людовика. Он не мог допустить, чтобы подданные судили его. В этом он опередил средневековое время. Его посланцы должны были восстанавливать его права, а не нарушать их. Их обязанностью было разбирать, между прочим, претензии на него самого и его предшественников и жалобы на его слуг, и если они получили право произносить свой приговор, то всегда почти номинально. Собрав на месте все сведения, они, как высшая полиция, представляли все дело Совету или графу для окончательного решения.

Почти каждый год назначались следователи, но в сущности для того, чтобы подписать на своих трудах: «Возвращено господину графу», или «Граф оправдал». Только неважные дела они осмеливались решать сами, а что касалось восстановления имуществ и наследств, а не только других, более серьезных, дел, то в них они не переходили рамок юридической практики графа. Так радикально извратилось это учреждение в применении к несчастному наследию Раймондов, которое, следовательно, проигрывало, не попав прямо во власть такого короля, каким был Людовик IX.

Воспитанный идеями новых законников, Альфонс, не чуждый гордости и ограниченного честолюбия, любил самовластие. Он приучил своих подданных к мысли, что он их глава по праву завоевания и по праву рождения, что договор не имеет места в его отношениях к ним. В этом состояло политическое воспитание лангедокцев под властью французов. Он окружал себя монархическими формами правления. Властвуя издали, он правил бумагами, на составление которых пошла вся его энергия. Может быть, болезнь помешала обнаружиться его деспотизму во всей полноте и жестокости. Советники для него значили немного; он росчерком пера изменял решения Совета. Он никогда не допустил бы судебных преследований, невыгодных для его казны, хотя бы и сознавал их справедливость. Он усвоил в решениях формулу самодержавного государя: «Угодно господину графу», давая тем знать, что считает в пределах Лангедока свою личную власть источником всякой другой.

Если бы эта власть при помощи следователей успела предохранить население от притеснений, водворить в стране порядок и дать гарантию сохранения личности и имущественной безопасности, то она заслужила бы право быть уважаемой, так как принесла бы с собой новую эру для страны. Но этого не произошло. На сенешалей и бальи по-прежнему сыпались жалобы.

Под предлогом взыскания имуществ еретиков, подлежавших всецело конфискации, — что было на их ответственности, — они совершали различные злоупотребления, кого притесняя, кому послабляя, смотря по личным отношениям. Так как деньги, отданные когда бы то ни было осужденными в рост или на сохранение, составляли собственность казны, то администрация сурово взыскивала их со всякого с полными процентами, которые иногда доходили до ста в год.

Подобное случилось с одной церковью, приор которой занял на один год у ростовщика, осужденного впоследствии трибуналом, под условием заплатить вдвойне. Администрация требовала уплаты у его преемника по обязательству, хотя по законам и на практике обязательства с еретиками были недействительны, если только дело не касалось фиска церковного, королевского и тому подобного, дело перешло к следователям.

В одном графстве Венессен в 1266 году было представлено парламенту до пятидесяти жалоб. Решение последовало через два года, так как следователи объезжали провинции не каждый год. А между тем множество злоупотреблений делалось в это время не только самими бальи, но даже их писцами и слугами. Один писец не хотел платить за дом, который купил; другой тащил у сироты последнего осла. Иные бальи бесцеремонно приказывали собрать у кого спелый виноград, у кого хлеб с полей, видимо, считая себя лолными хозяевами имущества обывателей. На такой грабеж смотрели снисходительно, виновного наказывали небольшой пеней в шесть солидов.

Коннетабль в Оверни просто грабил, брал поборы с бальи и продавал их места столько же себе на пользу, сколько в пользу графа; он сошелся с епископом клермонским, позволяя ему всякие насилия, а сам приказывал угощать себя в церковных домах и монастырях. Скоро в Оверни исчез всякий порядок, власти делали что хотели, никто не находил себе защиты. И феодалы, и вилланы оставляли эту область, что было сопряжено с огромными убытками для графа; они обращались к покровительству монастырей; графская власть была в опасности.

Свидетели при следствии показали, что коннетабль не любит давать суд маленьким и бедным людям, грозит, наказывает и выгоняет, так что нет охоты приходить жаловаться в другой раз. Себе он предоставил только одно занятие: брать с тех, кто может что-либо дать; он не презирал никакого даяния, брал лошадами и ястребами. В лихоимстве этому администратору усердно помогали его советники и клерки, их любовницы и жены.

Подобные насилия могли случаться и в прочих областях. Они, естественно, отталкивали народ от тех преобразований, весьма полезных по идеям, которые Альфонс желал ввести в своем государстве и которым принадлежит большое значение в истории.

Что общего между таким состоянием общественного и административного строя в преобразованном Лангедоке и тем духом особенности, самоуправления, самостоятельности, о котором мы говорили в первой главе первого тома и который, оживив и окрылив страну, сделал из нее в свое время один из лучших уголков земного шара? Нет сомнения, что Альфонсу принадлежит первая после Фридриха II попытка осуществления монархических идеалов и форм, что он руководствовался историческим стремлением создать порядок из хаоса, единство из разнообразия направлений, единодушие и силу из борьбы элементов. Что он, как государственный человек, хотел опередить в этом свое время и даже отчасти преуспел в этом, — но можно спросить, неужели только через одну централизацию, через одно подавление личности, через одну суровую монархическую школу Европа могла дойти до известной высоты цивилизации?

Каждый город и домен в Лангедоке представлял до альбигойской резни такое богатое разнообразие правительственных учреждений, судебных порядков, обычаев, экономических и сословных отношений, что беспощадное уничтожение их лишило историю края и вообще цивилизацию тех путей, которые, может быть, скорее привели бы ту и другую к одинаковым целям и результатам. В большей части Европы феодализм пагубно отражался на населении, хотя некоторое время и он оказывал пользу. Но в Лангедоке феодалы издавна вошли в соглашение с городами и народом; они понимали свою зависимость от них и всю выгоду дружбы и согласия. Бароны там пользовались популярностью и были не только защитниками сирых, к чему они везде обязывались долгом, но действительной аристократией, лучшими людьми в глазах народа. Их власть и без таких качеств была бы легче, потому что они все же оставались своими.

Завоеватели, предлагая устроить порядок среди побежденных, в сущности стремились задавить всякую возможность проявления религиозной мысли и политической свободы. Городскому самоуправлению осталась незначительная власть; на суды и общины была апелляция, выгодная для всех изменников национальному делу. На копье и мече был принесен в страну новый язык, с которым долго не могли свыкнуться провансальцы и на котором не везде говорят

еще и по настоящее время. Французский язык сделался официальным в новой администрации, для того чтобы перейти в города и стать книжным, а позже простонародным.

Город Тулуза предлагал правительству исправить положение государства учреждением в каждой области апелляционного верховного суда с тем, чтобы он вместе преследовал и устранял беспорядки и злоупотребления управления. Благодаря ходатайству Сикарда Аламана эта мера была приведена в исполнение. Такой же совет был учрежден в Пуатье; но прочие области обошли. Аженским баронам, например, совсем отказали, ссылаясь на то, что их просьба основана не на обычае и не на праве, как будто на старые

Зычаи опиралась вся новая система. Но новый тулузский Парламент — как этот суд был назван — не соответствовал Ожиданиям; жалобы и просьбы об изъятии имуществ он возвратил сенешалям при первом же заседании для производства дознания. Парламент взял на себя только выдачу Привилегий и хартий, но и тут постановлял только принцип, а подробности условия и платежей зависели от администрации. Последняя должна была совещаться с опытными людьми и инквизиторами, если в деле встречалась какая-либо связь с ересью.

У провансальцев оставалась еще одна возможность искать правду и защиту. Они имели право апеллировать на графские советы и даже на него самого в парижский королевский парламент, так как Альфонс в силу договора 1229 года считался непосредственным вассалом короля, а парижский парламент признавался высшей верховной властью по всей Франции. Но в Париже не приходилось разбирать подобных апелляций, так как подданные Альфонса потеряли веру в возможность получить защиту и слишком были утомлены судебной процедурой, которая после многих хлопот не приносила им удовлетворения.

«Я вижу, как легисты совершают тяжелые проступки, — поет трубадур Понс де ла Гарда. — Они искусны обманывать и соблазнять. На их языке обида называется справедливостью. Они губят и свои души, и чужие. В ад им дорога, и они будут там. Не на человеческие мучения, а на бесконечные терзания осуждены они».

Мы заметили, что Альфонс более всего наблюдал за неприкосновенностью личных интересов и своей казны. В финансовой организации он подражал системе, установленной в королевских владениях еще при Филиппе II. Обыкновенные доходы составляли три статьи: ленная подать, доходы с доменов деньгами и натурой с прямых и вассальных владений, пеня. Знакомство с последними интересно и важно еще тем, что дает возможность судить о нравах времени и о злоупотреблениях администрации, так как в счетах обыкновенно отмечалось само преступление и проступок.

Пени были общеупотребительным наказанием и вытесняли все другие; даже за убийство можно было отплатиться штрафом в пятьдесят ливров. Из такой таксы на преступления, которая сохранилась в оригинале в Архиве, можно заключить, например, что правительство считало оскорбление действием монаха в четыре раза важнее оскорбления дворянина, облагая первое штрафом в сто солидов; слуга графский считался выше дворянина (тридцать солидов). Можно догадаться также, что судья за взятку облегчал приговор, что за деньги возводили в дворянство даже не благородных, по открытии чего возведенный должен был уплатить большую пеню в двадцать ливров. За брак с девушкой, бывшей под опекой графа, без его разрешения полагался штраф в двести солидов, так как это нарушало уважение к графу. Большие пени налагались за угрозы графским чиновникам (сто солидов), за прелюбодеяние (четырнадцать ливров), за укрывательство убийц (двадцать ливров, в чем повинны были даже госпитальеры), за порчу товаров и подмешивание в вино воды (двадцать пять ливров), за обман тяжущихся сторон (двадцать ливров), за принятие в заклад краденой церковной чаши (тридцать пять ливров) и постоянно — за нарушение общественного мира и порядка, которое строго было воспрещено ордонансом Людовика IX. В этом случае бальи уже не стеснялись переходить за границы графских доменов, а хозяйничали и у феодалов. Община Пор-Сен-Мари уплатила за свои междоусобия двадцать ливров, а аббат Сен-Мориц за войну с бароном Тезаком внес в казну девяносто ливров — самая большая пеня, которую мы встретили (7). Нельзя не видеть, что одно это делает правление Альфонса полезным и прогрессивным для Лангедока.

Но нельзя сказать того про его фискальную систему при взимании чрезвычайных налогов, которая сильно вооружала против него население, так что некто Виталий Кара был выразителем общественного мнения, когда перед судом высказал, что с тех пор как французы пришли в страну, в ней не стало больше справедливости и правосудия. Это было признано за кошунство против графа, и виновный был наказан штрафом в четыре ливра.

Для крестовых предприятий граф часто нуждался в экстренных ресурсах. По средневековым порядкам это было весьма обыкновенно, но нововведение состояло в установлении особой системы сбора, которая, будучи вначале временной, стала впоследствии постоянной. Альфонс не мог удовлетвориться внезапным удвоением налогов в своих удельных землях; это вызвало там уже при первом применении сопротивление, так как походило на грабеж. Оппозиция побудила Альфонса созвать в Пуатье баронов, чтобы склонить их просьбами на субсидию; граф стал ухаживать и за городами с той же целью. В Пуату, Сентонже и Оверни общины давали субсидию, оговариваясь, что это добровольное даяние с их стороны, и получили в этом форменную грамоту от графа. Рошель, на пример, вытребовала за шесть тысяч ливров привилегию своим купцам. Тем не менее Альфонсу приходилось и в своем уделе разрешать истязания над жителями, которые отказывались платить, как, например, в Ниорте. Но Лангедок был более несчастлив; он должен был испытать всю тяжесть поборов, которые высасывали его благосостояние на крестовые цели.

О так называемом подымном налоге там не знали до 11247 года, когда Раймонд VII, собираясь в поход, сделал слабую попытку его введения. Альфонс же в 1263 году открыл в нем богатый источник для своей казны, который исчерпывали до XIX столетия.

«Дым» не означал собою печи, дома, семейства — это было отвлеченное представление о податном участке, количество и пределы участков не соотнобразывались ни с пространством, ни с населением; обычаи и старые условия имели в распределении главное значение. В 1263 году Керси, Альбжуа и Аженуа были обложены первый раз подымным побором, который производился сперва изредка, а потом постоянно. Первое время подымной податью облагались семейства, имевшие какую-либо оседлость и собственность; потому ей не подлежали сервы и работники. Альфонс облагал податью и собственные, и вассальные домены, но, к сожалению, счета, которые могли бы служить богатыми статистическими документами, не сохранились. Впоследствии в единицу дыма вошло несколько семейств, и таким образом составилась маленький участок, дым, который в известное время и в известной местности, но в XIII же столетии — о чем мы не имеем точных сведений — был обложен определенным налогом, а этот налог принят за нормальный для всей области, для всех прочих дымов. Администрация обязана была наблюдать за увеличением населения и сообразно с тем увеличивать число дымов. Но из финансовых расчетов не видно уменьшения дымов. Казна всегда требовала полной уплаты налогов с области, и притом в прогрессивном размере. Потому часто выходило, что община или поземельные соседи владельцев обязаны были на началах круговой поруки платить за выбывших. Это было иногда не по силам; жители жаловались, но безуспешно. Проверка дымов производилась очень редко. В XV столетии после вековой борьбы целые общины были в нищете от платежей, не соответствовавших производительности опустошенной страны. Карл V после проверки пришел к мысли уничтожить этот вредный и нецелесообразный налог, но его преемники восстановили подымный сбор.

Его количество определяли особые комиссары по своему усмотрению на известный период до следующей ревизии. Чаще всего величина сбора определялась в десять су в год и почти никогда меньше. Но в иных местах она доходила до двадцати четырех су с дыма, как, например, в общине Боллен в Венессене. Это данные для позднейшего времени. Вначале, как мы сказали, брали с каждого семейства, и притом сообразно состоянию. В 1263 году Альфонс дал наставление сенешалю, как облагать таким сбором (8); этот документ найден только недавно.

Прибыв в город, сенешаль или другой чиновник, отправленный для этой цели, приказывал явиться к себе двенадцати горожанам и, внушив им, как необходим сбор и что-де все государи и графы, начиная с короля Франции, нуждаются в деньгах, просил определить состояние каждого человека в городе, его движимость и недвижимость. Эти горожане делают свои показания под присягой и сами прописывают, сколько можно взять с каждого, но так, чтобы составила требуемая сумма. Копии передают сенешалю и графу. Никакая община не избавлялась от этого сбора, даже подвассальная церквям, монастырям, прелатам. Если же город изъявляет добровольное желание внести известную сумму взамен подымной и если притом такая сумма немногим меньше последней, то в случае согласия сюзерена она может быть принята. В 1267 году подымный сбор стал обязательным для всего Лангедока и старых тулузских владений.

Провансальские феодалы, конечно, не препятствовали сборам со своих вассалов, потому что были обессилены и довольствовались тем, что, как «благородные», не подвергались лично такому же налогу. Общины, пользовавшиеся иммунитетом, должны были вносить добровольные

даяния, которые не обязывали ни к чему. Клирики постановлением парламента в 1270 году были также избавлены от подымного сбора.

Интересно узнать, что в уме Альфонса зародилась мысль о подоходном налоге, который один только мог облегчить положение населения. Время тому благоприятствовало. От итальянской и восточной торговли накапливались капиталы и расширялись обороты. Бедные от введения новой системы не чувствовали бы тяготы. В своих указах сенешалям Альфонс предписывает руководиться доходом и брать солид с ливра. Но естественно, что богатые и себялюбивые буржуа оказали сопротивление, тогда как прочие готовы были воспользоваться предложением. С не меньшей охотой общины предлагали уплачивать валовой налог, вроде субсидии, и часто даже в большей сумме, чем та, которая приходилась по расчету с города Так, Тулуза давала шесть тысяч ливров, Ажен— две тысячи. Они боялись вмешательства власти во внутреннее хозяйство, опасались допустить агентов правительства до изучения быта и доходов каждого семейства, вероятным последствием чего было бы уже никак не уменьшение, а увеличение налога, на что французская-администрация была очень падка.

Интересно наблюдать в этот начальный период борьбы исторических элементов, отмечаемый второй половиной XIII столетия, как средневековые принципы свободы отбиваются от монархическо-централизаторского веяния нового времени, по возможности сопротивляются, отступают тихо, шаг за шагом, входят с ними в сделку, постоянно требуя себе уважения от противника, пока не скроются от наплыва новых людей и стремлений. Людовик IX руководствуется благородными и какими-то теплыми чувствами к старым формам; он вводит подымный налог, незнакомый прошлому, требует с городов субсидий для похода, но хочет сделать так, чтобы ему дали то и другое «по доброй воле и милости». Зарождающееся третье сословие котирует субсидии и налоги по городам, первые скрипя сердце, вторые с готовностью, так как они были в обычае времени. Французский король желал, чтобы соблюдены были старые формы, но если его добрые города начинали шуметь, то он тотчас внушительно просил их не забываться и давал знать, что обойдется без их согласия. Став одной декорацией, согласие со временем перестало даже быть формой.

По отрывочным сведениям, которые дошли до нас, можно убедиться, в какой сильной арифметической прогрессии возрастал подымный сбор. В Тулузской области в 1267 году собрали до десяти тысяч подымного налога, через некоторое время уже двадцать с половиной тысяч; Керси, Альбиджуа и Аженуа дали в 1263 году около тридцати двух тысяч ливров, а Руэрг — до двадцати двух тысяч. Понятно, что города вроде Тулузы старались внести предварительно солидную сумму, которая иногда стоила подымной, чтобы только избавиться от появления правительственных агентов и неизбежных с тем надбавок.

Сборщики действовали еще в XIII веке так, как это было после, при Людовике XIV. Плохо было не платить, но невыгодно было также платить поборы аккуратно; это показывало бы цветущее состояние края.

На случай экстренных надобностей у Альфонса был под руками неиссякаемый финансовый источник — евреи и еретики. Граф смотрел на них только со стороны их доходности. Их убеждения его мало беспокоили. На евреев всегда было легко напустить народ; иные города даже были готовы заплатить за позволение сорваться с узды порядка и закона. Четыре су с христианского дыма валовым счетом — и дозволение выгнать евреев было готово. Потом можно было взять столько же, если не больше, с самих евреев, и снова водворить их, как, например, в Пуату, за тысячу ливров. Этими действиями Альфонс показал дорогу Филиппу IV Красивому — тот без тени смущения торговал спокойствием и собственностью евреев.

Евреи должны были носить желтые знаки на спине, но за деньги граф давал им льготу уклоняться от исполнения этого обязательства. Буллами Климента IV им было веле-но, между прочим, в вербное Воскресенье и в Великую пятницу открывать настежь двери и окна своих домов и всю Страстную неделю быть зрителями религиозных процессий католиков. Их Талмуд и другие книги велено было представить на цензуру доминиканцев, с тем чтобы она невредные возвратила, прочие удержала. Цензура должна была руководствоваться советами доминиканца Христиана, обратившегося из иудейства (9).

Собираясь в поход, в 1268 году Альфонс поднял целое гонение на евреев: на всем пространстве его владений они были арестованы и их имущества конфискованы. Вследствие того, что этим распоряжением были нарушены привилегии отдельных феодалов, произошло некоторое столкновение. Бароны считали себя собственниками евреев, и так как получали с них отдельный побор за существование, то требовали за последнюю незаконную меру долю конфискованного

имущества. Альфонс уступил, исполнил желание феодалов, отдал им рухлядь, а сам занялся переборкой пленников. Оказалось, что жертвы ему нужны были для того, чтобы вытянуть с них все, что можно. Больные, бедняки и все дети моложе четырнадцати лет были отпущены сразу как неподходящие. Прочим предложили определить их богатства; показавшие высокую цифру и уплатившие требуемый выкуп были отпущены; остальные с женами остались в тюрьмах. Их пытали о спрятанных сокровищах. Приходилось объясняться прямо с графом; два богача просили отвезти их к нему, но условия, вероятно, были невыгодны. Кто-то из заключенных открыл властям, за обещанное освобождение, что громадные богатства зарыты в известных им местах. В двух домах действительно нашли золото и драгоценности; о такой радости граф извещал своих сенешалей и после оказывал покровительство доносчику.

Наконец пленники сошлись с Альфонсом в цене выкупа — ради свободы и, может быть, спасения жизни они отдали все свое состояние. Одни еврейские обитатели Тулузы заплатили три с половиной тысячи ливров, а областные — девять тысяч ливров, вдвое более условленного; в Пуату — восемь тысяч, в Сентонже — шесть тысяч, в Оверни — две тысячи, в Руэрге — тысячу. Евреи сверх того должны были простить долги своих должников-христиан и возвратить заклады; следователям было приказано наблюдать, чтобы они впредь не занимались ростовщичеством.

Их обобрал граф, но многое досталось и на долю местных властей. Расчетливый Альфонс, не желая терпеть ущерб в своей казне, начал следствие и повелел принимать показания евреев под присягой, хотя в другое время в их устах она значения не имела. Правительство становилось все более и более алчным. В 1270 году было второе гонение на евреев; предложением стали их проценты. В каждом диоцезе был установлен особый трибунал над израильтянами под председательством доминиканца. Каждый мог привести туда еврея и обвинить под присягой в ростовщичестве. Проценты по парламентскому решению брали с имущества кредитора.

Для нас важно заметить только одно, что даже в минуты озлобления к французским евреям относились вообще мягче, чем к еретикам. Против еврея не мог показывать обесчещенный, а также его домашние и родные. Еретиков же, как нам известно, мог обвинять всякий преступник и разбойник, и это вменялось даже в богоугодное дело. Не было человека на свете, который не имел бы права и возможности сделать из подозреваемого еретика. Если евреи составляли предмет фиска, то альбигойцы служили статьей дохода для Альфонса и жертвой инквизиторов. Они заняли в его бюджете место рядом с другими источниками чрезвычайных доходов. Архивы, не сохранившие еретических процессов того времени, сберегли документы о постоянно дружеских отношениях Альфонса к трибуналам. Граф тщательно заботился, чтобы заподозренного и еретика поместить куда следует, а также чтобы для казны его имущество не пропало. Он и его Совет не уставали напоминать вигуэрам и сенешалям о каждом осужденном рыцаре, об его земле и доходах. Когда инквизиторы сменялись, то неутомимый Альфонс обращался с воззванием к прелатам и приказывал своим вассалам, административным и муниципальным властям принести немедленно присягу трибуналу (10).

Мы знаем, что при Альфонсе состояло особое лицо, в обязанности которого входило преимущественно приобретение в казну имуществ осужденных на костры. Жак Дюбуа был кем-то вроде министра, так как он давая приказания сенешалям по данной специальности; он имел большую переписку с провинциями. Из огромных доходов его ведомства назначались пенсии и награды тем, кто оказывал содействие к увеличению подобным образом доходов казны. С точки зрения фиска, осуждение на смертную казнь было выгодным: оно избавляло от издержек на содержание заключенного или кающегося; оно делало графа законным собственником значительной доли земли и имущества. Таковым способом при хорошей жатве на ересь прямые домены графа быстро округлялись и росла сила государства, а следовательно, и сила родственной французской короны. Преданные слуги Альфонса в областях старались почаще доставлять ему такое удовольствие. Для этого они, руководимые Дюбуа, не только хлопотали у инквизиторов о смертных приговорах, но даже втайне сами совершали их.

О таких возмутительных фактах свидетельствуют подлинные документы. Тулузский инквизитор Рено де Шартр, вступив в свою должность, принимая дела, увидел, что несколько осужденных за ересь были снисходительно приговорены трибуналом к пожизненному заточению, но что светский судья распорядился их сжечь. Прежние инквизиторы, вероятно, не обратили на это внимания. Но Рено восстал против такого самоуправства и написал графу послание, где, вступаясь за верховные права трибунала, высказывает более великодушия к еретикам, чем французская администрация. Он разделяет лично ту мысль, что наказания, налагаемые трибуналом, должны быть исправительными, а не карательными. Но все же его одолевали сомнения.

«Некоторые думают, — пишет Рено, — что если мы не будем в точности следовать практике своих предшественников, то наши труды будут бесполезны и земля эта не очистится от еретической язвы, которая, напротив, укрепляется и снова проявляется с такой силой, какая не обнаруживалась с давних пор. Ревнители веры могут, пожалуй, сказать, что мы разрушаем дело инквизиции, действуя мягче, чем прежние инквизиторы» (11).

В ожидании разрешения папы, как поступать впредь с еретиками и можно ли облегчать их участь, новый трибунал, имея дело с несколькими отпавшими, посадил их в тюрьму.

Это был не единственный пример усердия сановников Альфонса. Сенешаль руэргский извещал в 1253 году графа, что он не отстает от трибунала, чтобы угодить интересам правительства. Как хищная птица, он выискивал жертвы, и в своем письме сенешаль выступает именно в таком виде. Благородный сенешаль не стесняется скрывать свою любовь к «актам веры» инквизиции, которую он возымел лишь в результате тех выгод, которые они доставляют графской казне.

«Епископ родецкий, — пишет он, — продолжает заниматься инквизицией в своем диоцезе; в Наяке он представил мне одного упорного еретика, Гуго Парайру, которого я поспешил сжечь, конечно, взяв все его движимое и недвижимое имущество, бумаги и книги. После того епископ потребовал в родецкий трибунал еще шесть граждан из Наяка. Так как все уверяли, что они еретики, то я последовал в Родец, чтобы присутствовать на суде, дабы вы не сделали жертвой какого-либо обмана. Монсиньор епископ сказал мне, что все они действительно еретики и что вы приобретаете от их имуществ тысяч до ста солидов. Но вдруг он же сам и несколько других судей начинают просить меня, чтобы я сделал снисхождение, предоставил долю имущества осужденным или по крайней мере оставил что-нибудь их детям. Конечно, я отказался это сделать. Тогда, на другой день, следуя, вероятно, дурным советам, епископ осудил всех шестерых вместо смерти на покаяние, явно вас обманывая. Пишу вам откровенно, не преувеличивая и не скрывая ничего. Несмотря на такую проделку, я, однако, захватил все имущество осужденных и оставил только то, что необходимо на существование их самих и семейств. И добыл я таким образом движимости и недвижимости приблизительно на тысячу тулузских ливров, никак не меньше. При этом замечу, что так как епископ продолжает судить еретиков, то не мешало бы вам, если заблагорассудится, посылать от себя в трибунал полномочного следователя; это было бы не дурно, так как вы избегли бы возможности терпеть дальнейший ущерб и быть обманутым касательно имущества еретиков».

Как хорошо это лаконичское «явно вас обманывая...» в драгоценном письме сенешаля. Альфонс в самом деле полагал себя законным владельцем всего имущества осужденных, правых и неправых. Он старается, чтобы осужденных было как можно больше и чтобы по большей части их подвергали смертной казни, так как это гораздо выгоднее для казны. Правосудие для него последнее дело. Для деспотических целей ему нужны деньги и домены, и потому он со спокойной совестью торгует кровью и имуществом населения, которое досталось ему стечением исторических обстоятельств.

Разве преувеличен после этого отзыв одного подсудимого, что с прибытием французов в стране исчезло правосудие?

Мы можем привести еще несколько фактов из истории деятельности трибуналов при Альфонсе, кроме тех, которые по другому поводу указаны в предыдущей главе. Самые отрывочные сведения мы находим по этому вопросу в регистрах инквизиции и по необходимости должны ограничиться ими.

Из документов видно, что Альфонс поощрял ревность трибуналов и министров, наблюдавших за ними; за деятельные услуги в пользу казны граф не оставлял их наградами. Так, своему министру финансов, клирику, он дает сто тулузских ливров ежегодной пенсии из конфискованных в Сен-Феликсе земель, а потом и совсем отдает ему эти земли. Эта награда слишком значительная, и по делам видно, что Эгидий Камеллини отличался особенной деятельностью. Граф в тех же видах фиска продает дома и имения осужденных и отдает их в аренду своим подданным с посрочней уплатой. Не успевая напоминать епископам и всем должностным лицам об их обязанностях по отношению к еретикам, он оставил за собой полное распоряжение имуществом, так как взял на себя содержание трибуналов. Он не прочь утвердить распоряжение Раймонда VII относительно передачи в чужие руки имущества еретиков, если оно было незначительно. Вероятно, ввиду того, что лучшая доля всегда оставалась в руках графа, а трибуналы не всегда были довольны своим содержанием, — тулузская инквизиция стала заменять покаяние уплатой известной суммы, которая уже шла в пользу трибунала.

Так, альбигойский рыцарь де Подио был приговорен «за грехи своего отца» к пени в сто пятьдесят ливров, из которых пятьдесят шли в пользу городских церквей; это называлось «искупать грехи». При этом происходили столкновения с местными епископами, так как прежний епископ Дюранд, нуждаясь в деньгах, продал свою долю в частные руки по двум формальным квитанциям, сперва в сорок ливров, потом в пятьсот солидов. Когда сами прелаты смотрели на ересь со стороны ее доходности и некоторым образом радовались ее появлению, то тем извинительнее подобное корыстолюбие в Альфонсе, который нуждался в средствах для упрочения монархии. Чтобы более увеличить его ресурсы, папа Александр IV, как нам известно, решился допустить в свидетели даже соучастников ереси (12).

Все это делалось в тулузских владениях в то время, когда король французский, пылавший к еретикам самой искренней ненавистью, к какой он только был способен, заботился о смягчении фискальных законов против них. Что для Альфонса в ереси было первым вопросом, то для Людовика IX — последним. Ему не нужно этих неправедных доходов, облитых слезами и кровью. Людовик заботился, чтобы жены не лишались имущества из-за их осужденных мужей, кредиторы — их долгов; ему нет дела до тех, кто некогда сражался против Монфора, он не позволяет касаться их имущества и делает исключение только для тех, кто участвовал в государственном мятеже Тренкавеля и графа Тулузского.

В последние годы своей жизни Альфонс, желая замолить свои грехи, становится щедр на раздачу еретического имущества клирикам, церквям и монастырям. Впрочем, немногие из клириков покупали конфискованные земли на значительные суммы; но большая часть получала их в дар. Мы имеем восемь дарственных записей Альфонса, из них четыре в мае и июне 1270 года. Несколько раз Альфонс утверждает продажи, сделанные его министром Камеллини в более надежные руки (13). Он строит церкви, назначает сто ливров дохода тулузским монахам и определяет по представлению Камеллини пенсию главному инквизиционному фискалу Жаку Дюбуа в триста двадцать пять ливров, и все с конфискаций имущества еретиков.

Дочь Раймонда VII не только не препятствовала таким богоугодным делам, но настаивала на них. Так, по ее ходатайству шартрский каноник получил большое имущество вдовы Аламана, осужденного за ересь (14).

Вместе с тем документы сохранили одну сентенцию, которая имеет значение в истории инквизиции. Местные епископы, продолжая отстаивать свои права, пытались отстранить монахов от трибунала. Это удавалось ненадолго, вероятно потому, что постановления белого духовенства были одинаково невыгодны как для светской, так и для церковной власти. Какими идеями руководствовались эти судьи на своем посту? В Альби один раз городской инквизицией заведовал не монах, а два каноника из Лодевы. Некто Мария де Марзак был уличен в том, что был весьма близок с еретиками, принимал их у себя, водил к больным, считал их за добрых людей и тому подобное. Для монашеского трибунала таких обвинений было достаточно, чтобы осудить виновного на вечное заточение, но каноник, приняв раскаяние подсудимого, присуждает его к церковному покаянию, притом весьма необременительному. Подсудимый должен был посетить могилу Иакова Компостельского, поститься по пятницам, оказывать содействие в преследовании «вальденсов» и заплатить епископу шесть ливров на сооружение капеллы. Гражданская власть, со своей стороны, распорядилась не допускать виновного к должностям и, конечно, не осталась довольной снисходительным приговором белых священников (15).

Если Альфонс позволял себе делать подарки монастырям и духовенству из конфискаций, то гораздо чаще употреблял с этой целью свои доходы. В бюджете для этого имелась особая статья. Он пользовался и при жизни, и по смерти расположением духовенства, наравне со своим старшим братом. В Ключни каждый день молились за него и жену; цистерцианцы справляли везде его память; доминиканцы, францисканцы соперничали с ними; то же было в других французских и заграничных монастырях. Все это не делалось даром и стоило громадных денег. Альфонс действительно прослыл «великим милостивцем» за счет еретиков и провансальцев вообще. Он основал до пятисот капелл. Список тех церквей и монастырей, которые пользовались его пожертвованиями, громаден. На французские церкви, как более близкие его сердцу, граф тратил больше всего. Особенную щедрость после них испытали тулузские монахи и капитулы — на тулузское сенешальство отпускалось с этой целью ежегодно до ста тридцати ливров; доминиканцы и францисканцы нигде не получали менее двадцати ливров в год ежегодной субсидии. Кроме капелл, Альфонс основывал целые аббатства у себя и во Франции, содержал множество церковных братств, но наблюдал, чтобы под видом последних не организовывались политические общества.

Действительно, существует документ, который глухо указывает на существование таких попыток, где под внешностью богоугодного дела проводилось патриотическое стремление освободить Юг от французского ига. В 1270 году все подобные национальные братства были строго воспрещены, как «непозволительные и вредные».

Так как на инквизицию стали смотреть со стороны ее доходности для государства, то естественно было сократить по возможности издержки на взимание такой статьи, то есть на содержание трибуналов и тюрем. Альфонс по тогдашнему мировоззрению рассчитывал вернее спасти свою душу при помощи хорошей государственной казны и пожертвований; всякие издержки потому следовало сокращать. Оттого в 1268 году он жалуется, между прочим, Жаку Дюбуа, что тулузская инквизиция в столице стоит слишком дорого, и предлагает перенести ее куда-нибудь по соседству, например, в замок Лавор, где жизнь гораздо дешевле. Интересно, что граф, в письме к инквизиторам, скрывая истинную причину перенесения трибунала, говорит о больших удобствах лаворского замка для заседаний (16). Между тем содержание заключенных еретиков было весьма недостаточным; самые богатые из них получали по шесть денариев в сутки из собственного же имущества.

Нельзя сказать, чтобы правительство чувствовало недостаток в доходах от еретиков. К 1270 году альбигойская церковь была еще в силе; она сохраняет свою организацию, имеет епископов, диаконов, хотя ее знаменитые проповедники и скрывались в изгнании. Изредка, рискуя свободой и жизнью, они пытаются навестить своих верных в Лангедоке, По-прежнему преобладают епископы; Бернард Олива в это время считался епископом Тулузы, Эмерик дель Коллет — в Альби (17) В Роквидале и Сен-Поле проповедовали публично. Все это обнаружилось позднейшим розыском, о котором мы будем вскоре говорить.

Проповедники и духовенство еретиков жили в лесах, в пустых фермах, недоступных скалистых пещерах, но иногда они по-прежнему появлялись и в замках. Кто мог оказывать существенную поддержку этим людям, как не провансальская аристократия? Народ был напуган преследованиями и казнями, он обнищал и с прежним рвением готов был служить католическому культу, который гарантировал ему свободу и жизнь. Последняя оппозиция таилась в аристократии — она была образованнее, сильнее чувствовала позор рабства и потерю независимости.

И вот парижское правительство предлагает принимать меры и против светской аристократии. Альфонсу не довольно было того, что ее численность сократилась кровопусканием во время двух войн. Инквизиторские гонения также главным образом направлялись на нее. Целые роды на Юге прекратили свое существование — кто погиб в тюрьме, кто на костре. Кроме того, бывшие под судом и оставшиеся в живых нисходили в разряд горожан, так как лишались имущества. Каждое восстание в какой бы то ни было области влекло новые жертвы. Результаты же французского завоевания на феодалах отразились различно, смотря по близости к центру французской власти. В Пуату, после движения 1242 года, множество синьоров было лишено собственности, конфискованной в пользу графа. В остальных доменах феодальные связи были только в Сентонже закреплены сильнее; граф стал не средневековым сюзереном, а государем, который по милости лишь оставлял за тем или другим владение, предоставляя себе право удалить барона по первому желанию; феодал был, как называлось, в воле сюзерена. Так как в некоторых местностях Пуату (как, например, в виконтстве де Туар) наследство передавалось, вопреки феодальной системе, по праву первородства, как в наших удельных княжествах, то при междоусобицах графу было тем легче уничтожить мелкие феоды.

В Лангедоке еще с 1212 года стали обязательны для феодалов французские кутюмы из Иль-де-Франса, поневоле принятые на собрании трех сословий. Из документов видно, что чужие кутюмы упрочились в графстве Кастрском и в сенешальстве Каркассонском, но отсутствие прямых указаний не позволяет заключить, что они не привились в остальных местностях.

Вспомним, что на Юг переселилось множество французских баронов, что им доставались земли после конфискации, что новые начала внедрялись насильственно, что французский язык стал языком официальным даже в сношениях баронов между собой. Чтобы по возможности уничтожить старую аристократию, растворить ее среди новых элементов, Альфонс допускает продажу рыцарского звания за деньги, что особенно часто случалось в Пуату (18), и признает дворянство нисходящим даже по женскому колену. Фискальные цели Альфонс умел преследовать везде. Горожанин по-прежнему мог купить феодала, но под условием большого взноса. В конце столетия и провансальские горожане стали искушаться прелестью и привилегиями рыцарского сана, хотя в силу прежних социальных условий феодал не возбуждал в горожанине зависти. Многим льстило носить рыцарские перевязи, другие покупали грамоты.

Следует заметить, что по отношению к феодализму французское завоевание было благотворно в интересах водворения порядка. Альфонс поставил целью смирить феодалов, и его администрация, прекрасно устроенная, достигла этой цели. Местная власть говорила со знатью решительным языком; парламент, сенешали, вигуэры, бальи требовали вельмож к суду за любое самоуправство, что было весьма благотворно для страны. Если приговор не приводился виновным в исполнение, то сенешаль прибегал к оружию, овладевал замком и облагал побежденного огромными пеней. Для сенешаля были равны все; если доносили, что барон похитил девушку и держал ее в замке, то он приказывал схватить виновного и заточить его в тюрьму.

Конечно, прежде всего порядок зависел от исполнителей. Законы Людовика IX против междоусобий и дуэлей были применены и на Юге. Альфонс пытался даже, вместе с Людовиком, запретить носить оружие на всем пространстве королевства (19). Есть сведения, что некоторым баронам лишь по особой милости было дозволено носить оружие. Подобный авторитет граф мог получить лишь вследствие деятельности новой административной машины, которая разбивала, как таран, старые феодальные стены.

Парламент, учрежденный Альфонсом, был особенно ненавистен для феодалов; он был наполнен легистами, новыми и опасными людьми, такими же, из которых состояла вся ненавистная администрация, требовавшими точного исполнения закона и часто позволявшими себе злоупотребления и явные насилия. Засев за судейским столом, нарядясь в красные шапочки и длинные мантии, эти люди вызывали к себе то в Венесен, то в Париж, то в Тулузу представителей знаменитых домов, имена которых гремели на Востоке и на Западе.

Эти «ябедники и крючки», как их называли, осмеливались нарушать древние привилегии знати. Бароны Пуату решительно отказались являться к такому незаконному судилищу и отстаивали свое древнее право судиться у себя дома или у равных себе пэров. Не признавая суда крючкотворов, феодалы хотели преобразовать парламент в учреждение представительное, а не коронное. Такое мнение взялись высказать бароны Аженуа. Они заимствовали свои планы из Англии; конституционные английские идеи впервые оказывали влияние на материк.

Момент этот весьма важен для судеб Франции. Упрочив тогда представительный принцип на Юге, она, может быть, избавилась бы от долгой внутренней борьбы, от тяжелых опытов централизации, от долгой нищеты, от ряда революций. Бароны желали, вероятно, участия в парламенте одних рыцарей, но веяние демократического духа, присущее Югу, не могло бы не заразить собой это учреждение; горожане при своей старой дружбе с феодалами непременно и вскоре же получили бы те же права, как и английские города.

Документ, к сожалению, не распространялся о подробностях плана: он так ужаснул тулузских легистов в 1270 году, что они даже не записали его. Известно только, что бароны требовали постоянного рыцарского парламента, с четырьмя ежегодными определенными сессиями, и притом с тем, чтобы этот суд был апелляционным. Это учреждение из судебного могло сделаться законодательным. Понятно, что граф не согласился, ответив, что такое требование не опирается ни на обычай, ни на право (20).

Это было совершенно справедливо. Просьба опережала первое, но не согласовывалась и с римским правом, которое требовало прежде всего документальности и ратовало за начало повиновения единой власти во имя порядка, служившего для него синонимом справедливости. Королевская власть, едва только приобрела некоторую силу, стала дорожить этим правом, как своим законным наследием от древнего мира. Лишь с этим лозунгом легисты могли создать государство. Тот же тулузский парламент спешил провозгласить превосходство того, что разумелось под словом «право» в противовес обычаю.

«Право должно быть уважаемо, потому что оно записано, определено и заключено и ведет к общественному благу, тогда как обычаи сомнительны и неопределенны. Уже с давних времен в графстве Тулузском справляются во всех случаях с письменным правом. Оно всегда было уважаемо, и ему не переставали следовать, хотя правительство столь же ценит известные и справедливые обычаи, если они засвидетельствованы исследованием и показанием почетных и достойных доверия лиц».

Но если идея этого права разрешала подавление феодалов, всегда склонных к самоуправству, если ее понимание возвеличивает историческое значение Альфонса, то она не оправдывала его политики по отношению к горожанам. Мы уже знаем, как отразилась французская власть на общинах Юга вообще и в частности на самоуправлении городов Прованса. Альфонс утверждал старые политические вольности городов, когда это было необходимо, но не

давал новых, делая частые попытки отнять прежние хартии. У Капетингов создалось убеждение, что общины — не что иное, как выгодное оружие в руках королевской власти против феодализма.

Политика Альфонса, между прочим, состояла в том, чтобы ссорить баронов с городами. Сокрушая аристократию на Юге, Альфонс имел целью подавить вместе с ней и муниципальный дух старых общин, которые и без того поколебались от новых судов, централизации и образа действия администрации с ее парламентами и «следователями». Граф долго боролся с недовольством Тулузы. Древнейшая из европейских республик, гордая своим прошлым, она не желала склонить свою непокорную голову перед французским принцем, который был в ее глазах не более как бароном. Издавна она отвоевала кровью свободу, но счастье оставило ее, и она теперь была бессильна сопротивляться. Когда столица давала присягу Альфонсу, то каждый тулузец прибавлял, что «этой клятвой мы не потеряли — ни я, ни прочие граждане, ни буржуа тулузские, — ничего из наших обычаев и привилегий».

И вот к тулузцам стали применять те же деспотические приемы. Альфонс хотел лишить их права выбирать консулов, права, которое они имели еще за двести лет до Рождества Христова. Добиваться этого силой значило поднять против себя весь город поголовно, и потому граф осторожно заявляет свои права. Альфонс не обладал воинственными наклонностями — человек кабинета, он не хотел вступать в решительную борьбу с подданными за монархическую идею. Он предоставил все дело времени и настоял только на одном: чтобы городские налоги не назначались без согласия сенешаля, который стал просматривать городские счета. Его парламент в ответ на просьбу жителей Марманда — где бальи также не допускал выбора консулов — отвечал заявлением, что графу принадлежит законное назначение консулов и что все лангедокские общины отреклись от этого права в пользу покойного графа Раймонда, о чем имеются акты.

Действительно, сохранились подобные документы от Муассака и Кастельсаррана, но они были плодом каких-нибудь мелких коммунальных революций и не могут иметь обобщающего значения.

Так как замыслы Альфонса по поводу преобразования старых общин не удались, то он, озабочась приобретением надежных элементов в стране, основал в Лангедоке до тридцати пяти небольших общин. Он снабжает их хартиями, на них также написаны разные вольности, и притом в большом количестве, но надо знать, что это за вольности. Все грамоты составлены по одному образцу, как вообще делалось в подобных случаях в средние века, и из их содержания видно, каков был идеал Альфонса и к чему стремилось французское правительство. Горожане могут жениться, составлять завещания, конечно не нарушая церковных установлений, продавать свое имущество, но им предписывается повиновение графу, сенешалю, бальи и даже городским сержантам. Всякое преступление против этих лиц судится как уголовное, влечет потерю имущества, и виновный осуждается на заточение.

При прежних порядках это не могло бы считаться преступлением со стороны вольных людей. Альфонс предоставлял ежегодный выбор восьми консулов своему бальи, но из таких лиц, «которые более других способны служить графу», они клянутся соблюдать его права.

Но в чем же их обязанность, каков ее характер?

Консулы по наставлению Альфонса должны быть почти тем же, чем его городские сержанты. Они обязаны наблюдать за улицами, дорогой, садом, фонтаном и мостами с той разве разницей, что им предоставлено вводить налоги сообразно состоянию каждого, но не иначе как с утверждения сенешаля и с участием совета двенадцати граждан, которым принадлежало самое распределение налогов. Короче, консулы были простыми, мелкими чиновниками графа. Альфонс дал новой должности дорогое имя, с которым страна связывала столько воспоминаний, но лишил его всякого содержания. К такому ничтожеству он хотел привести консулов всех городов вообще, прежде лишив их значительной доли влияния, но когда подобное предприятие оказалось невозможным без применения силы, то он ограничился подчинением городского хозяйства своему контролю. Последнее было весьма полезно, потому что богатые люди, захватившие муниципальную власть, часто эксплуатировали своих сограждан и всюду вели счета слишком небрежно, так что вмешательство власти могло бы пробудить прежнюю энергию.

Сам внешний облик городов изменился при французском владычестве. Прежний их блеск исчез, как исчезла галантность и куртуазность вельмож и рыцарства. Роскошь, с которой боролось альбигойство и которая тем не менее в силу веяния свободных идей в начале столетия была предметом зависти других стран, теперь исчезла. С ней уменьшились и удовольствия. Монахи, или зловеще молчавшие или проклинавшие, все больше наполняли города и приносили с собой омертвление. Игры и песни запрещались. Над горожанином тяготела суровая регламентация — от

одежды с головы до ног, от количества блюд до количества сна. В уставах некоторых тогдашних общин жизнь стоит не более чем съестные припасы.

В этом проглядывало еще другое побуждение, коему невольно силой событий подчинялись общины. Аристократический принцип отныне начинает преобладать в стране над городским, и в этом заключается одно из последствий завоевания. Но это та аристократия, которая уже прошла через горнило постороннего влияния; в ней нет ни прежнего национального духа, ни гордого сознания независимости, ни радушного чувства к другим сословиям. Она слилась с вельможными завоевателями, приняв многие черты из их типа, а этот тип был совершенно нов для Юга.

Городские документы того времени, местные постановления консулов и собраний, объясняют нам, какой дух начинает веять в больших общинах. Горожане забыли, что они когда-то превосходили феодалов блеском и удобствами жизни. Они были теперь забыты, принижены; их помыслы наполнены скорбью о родине. Долго им не принять прежний веселый вид, и долго они будут помнить старые счастливые дни. Завоеватели принесли им идею о превосходстве дворянина, о том, что ему по одному происхождению его следует оказывать больший почет, что эльке для него предназначена изысканность жизни, что только он и его семья умеют пользоваться роскошью и аслуживают право иметь дорогих коней, пышные шелковые и бархатные одежды, горностаи, золотые и серебряные украшения на шее, на груди и на платье и тому подобное. Горожанам это не только бесполезно, но даже ртеприлично и непозволительно, так как иначе буржуа нельзя будет отличить от рыцаря и вельможи, а жену его от знатной дамы, вследствие чего знатные будут лишены должного почета.

В таких понятиях французский феодал рос с детства, и с удивлением увидел, что у провансальцев нет точного отличия знатного от гражданина.

Городам, напуганным оружием завоевателей, приходилось подчиняться новым идеям и порядкам, и вот в Монтобанае в 1274 году издают следующий устав касательно нарядов горожан.

«Никакая женщина не должна носить ни на верхней, ни на нижней одежде, ни на головных уборах украшений из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней; равным образом не дозволяется употреблять парчовых или шелковых одежд и мехов; вместо них носить простые суконные с отделкою из красной кожи. Женщины не должны носить серебряных цепочек и застежек, фермуаров и запястий и уж тем более никогда не показываться в них на улицах. Мужья, граждане Монтобана, обязаны наблюдать за тем, чтобы жены их не носили запрещенных вещей. Гражданки не должны носить булавок и застежек на платьях и корсетах; взамен их нашивать пуговицы, количеством не превышающим десять и ценой не более трех солидов. Городские портные не должны шить длинных дамских платьев, шлейфы пускать не более фута; за несоблюдение положен штраф в двадцать солидов и исключение из цеха» (21).

Такие распоряжения нельзя объяснить бережливостью горожан, заботливостью консулов об экономии. Напротив, прежде монтобанцы любили блеснуть, показать себя. Мы не знаем более ранних документов подобного содержания. Доказательством того, что этот устав явился под французским давлением, служит его предисловие. Из него видно, что вече на этот предмет было созвано вигуз-ром, по приказанию короля, торжественно, при звуке труб, и постановления его признаны обязательными навсегда.

Подобные же статуты можно найти в архивах других городов. Такие стеснения не могли быть одиночным явлением, а, напротив, стали общими на Юге. В Марселе, например, предметы роскоши получались из первых рук. Там до эпохи завоевания вместе с роскошью были сильно распространены всякие дозволенные удовольствия. Богатые купцы жили открыто. Обеды, пирушки, гулянья, праздники, жонглеры, спектакли фокусников и актеров составляли постоянный предмет городских толков. В отсутствие мужей жены продолжали вести светскую жизнь и не скучали в своих покоях, как француженки.

Новой верховной власти это не могло нравиться. Государь Прованса, граф Карл, очень не любил шумных забав — суровый, угрюмый, всегда погруженный в честолюбивые замыслы, он мало говорил, почти никогда не улыбался; он не понимал, как люди могут восхищаться подобными бреднями, как сказки трубадура, или такими глупостями, как кривляния жонглера. Он презирал даже охоту и еще ниже ценил музыку, без которой не могли жить на Юге; мандолина и арфа была в его глазах ничтожнее сломанной прялки. Мог ли этот «черный человек», как выражается о нем Виллани, «никогда не спавший», изображавший собой тип алчного крестоносца, погубивший впоследствии мучительными пытками и казнями сотни семейств в Неаполе и Сицилии за одну преданность прежней династии, мог ли он равнодушно видеть, как веселятся в

его Провансе? Образом жизни он походил на монаха, и был настолько энергичен, что мог заставить и подданных жить по его идеалу.

Духовенство и инквизиторы видели в этом дело богоугодное, они, конечно, желали, чтобы веселые города Прованса и Лангедока постепенно обратились в монастыри. Им надо было загнать в жесткие рамки и тело и душу паствы, которая только недавно изведена была из пропасти нечестия, как они выражались. Для них не было разницы между знатными и буржуа.

За отсутствием прямых документов мы не знаем, в какой степени осуществились их желания в Марселе, но нам известна замечательная перемена нравов в Монтобане. Действительно, Монтобан, начавший с упрощения костюмов, вводит у себя, хотя ненадолго, монастырский устав. В одном из статутів города конца XIII века читаем следующее: «Никакая дама, живущая в Монтобане и на его территории, под страхом штрафа в пять солидов, не должна ходить в гости к соседкам, если они не состоят с ней в близком родстве до второго колена и не приходится ей кузинами или кумами, и то не иначе как по воскресеньям. Исключение делается для шутих и публичных женщин. На свадьбу и домашние праздники нельзя приглашать более четырех человек; иначе могут поступать только женщины .рного поведения. Глава семейства и хозяйка не должны делать приглашений на вечер и ужин, тем более обручальный и свадебный, не сходяв предварительно в церковь. Жонглеры и скоморохи, провансальские или чужеземные, не смеют являться на праздники или на свадьбы в продолжение рождественского поста и в рождественские праздники. Тот, кто будет противиться этому постановлению, навсегда изгоняется с городской территории» (22).

Сам Савонарола в своих фанатичных проповедях не рисовал таких идеалов частной жизни, хотя жил в эпоху полной разнузданности и ревностно стремился к очищению нравов.

Можно представить себе это тяжелое удушливое состояние, в которое впали южные города под двойным гнетом ханжества и шпионства. Мрак и скука стали обязательными, попытка отворать то и другое считалась преступлением.

Святость домашнего очага была нарушена; неприкосновенность старых привычек не была уважена. Если французская власть вторглась грубо в быт семей, стремясь содействовать инквизиции, то тем яснее характер и цели ее действий в политической области. И на том и на другом пути обе власти, духовная и гражданская, действовали дружно и обе возбуждали против себя одинаковую вражду. Государственные реформы сопровождал прочный успех. Сословные права и вольности можно было вернуть ненадолго, например при Людовике X, снова попользоваться ими, но лишь на короткое время^{*1}; против них была история. Попытки моральных преобразований в конце концов не достигли цели, зато подавили народный дух, его свободный полет; потому они являются гораздо более возмутительными и с исторической, и с нравственной точек зрения. Это было неприличное и бесполезное разрушение старых начал. Аскетических идеалов жизни хотели достигнуть безнравственным путем.

Народ искренне ненавидел то и другое. Всякому племени свойственно оберегать свою национальность, то есть учреждения, нравы, обычаи. Так откуда бы провансальцам знать, что централизация, вводимая Альфонсом, является одним из важнейших вкладов в историю, что она своим значением превосходит прочие элементы их прежней государственной жизни? До будущего им не было дела; они со слезами на глазах смотрели, как у них отнимают все дорогое, — что значило для них суждение позднейших поколений?!

Их не могло утешить то, что централизация произведет над ними свой первый опыт на Западе. Притом в самой системе Альфонса, если даже не принимать в соображение страшные жертвы, необходимые для полного ее проведения, далеко не все было полезно и с исторической точки зрения. Он подавил самоуправление, дал правильную организацию и поднял авторитет власти, устроил полицейский порядок и суды, близкие к полицейским,— но надо ли было в выгодах истории относиться враждебно к общинному самоуправлению? В строгом смысле он вовсе не враг феодализма, он даже друг его, но он только хочет переделать его по своему образцу; к тому же во всех поступках он руководился прежде всего денежным и только потом государственным интересом; изо всего и изо всех он старается извлечь доход, не щадя ни знать, ни горожан, ни народ. Этого нельзя было скрыть от провансальцев.

Наконец, имеем ли мы право считать несомненным принципом ту теорему, что централизация — безусловно необходимая ступень для достижения народного благосостояния?

^{*1} Людовик X действительно пошел навстречу желанию сословий вернуть свои вольности. Однако он правил очень недолго (1314-1316 годы).

Отчего бы не могло образоваться в пределах Юга, при живучести, обилии и разнообразии общественных сил, особой и самостоятельной цивилизации, способной при национальных условиях создать те же основные элементы, какие достигнуты централизацией, направляемой завоеваниями? Во всяком случае, покорение и неразлучное с ним применение насилия способны были очернить собой даже чистые стремления, а известно, что Альфонс не принадлежал к тем государственным людям, которые руководятся идеалами и сеют благо лишь для будущих поколений.

Как бы то ни было, тогдашние народные памятники провансальской поэзии, к которым мы должны теперь обратиться, исполнены ненависти к французскому владычеству. Народ потерял вместе с независимостью политическую и религиозную свободу, свободу действовать и свободу мыслить. Нельзя потерять большего. Потому он считал себя вправе негодовать. К злобе присоединилось отчаяние, которому нельзя не сочувствовать. И содержание, и характер провансальской поэзии решительно изменяются.

Вместо описаний турниров и праздников встречаем мрачные повествования о кровавых бойнях, казнях, эшафотах. Вместо любви к дамам трубадуры воспевают ненависть к французам и монахам. Их негодующая муза во вторую половину этого столетия обращена на Церковь и государство в одинаковой степени. Трудно сказать, что им было противнее — французы или папа. Завоевание долго представлялось хищническим набегом, а монах — разбойником. Можно заметить только, что ненависть к католическому духовенству была прочнее и сохранилась дольше, потому что оно было главной причиной народного несчастья. Плач о потере независимости льется в горячих, неудержимых стихах по всей земле от Тулузы до Марселя.

«Отныне провансальцы облекутся в траур, — восклицает Аймери де Пегвилья. — Вместо власти доброго синьора они подчинились королю... О, Прованс, Прованс, какой стыд и поношение! Ты потерял радость, счастье, славу, спокойствие, веселье и попал под иго французов. О, лучше бы умереть всем нам... Разорвем скорее наши знамена, разрушим стены городов наших, сломаем башни замков наших. Горе, мы стали французскими подданными! Мы не должны носить более ни щитов, ни копий. Какие мы воины?» (23)

«И это называется помогать Церкви: наводнять нашу землю французами, — поет тулузец Анельер, — привести их туда, где быть они не имеют никакого права по тысяче своих нечестивых дел; мечом они губят христиан, несмотря на их происхождение и язык; они хотят одолеть свой век. Духовенству это нипочем; вместо проклятия они посылают французам благословения и дают им целый мир в награду за злодеяния» (24).

«С горьким чувством пишу я эту сирвенту, — плачет другой патриот. — Сам Бог не знает про те мучения, какие испытываю я. Кто может передать их! Я страдаю дни и ночи, во сне и наяву одна мысль томит меня... Французы обирают донага провансальцев — это жалкое и несчастное племя, они им не оставляют ни медяка. Они отнимают у них земли и не платят ничего. Рыцарей и воинов пленными ссылают как разбойников, а когда те умрут, то берут все их добро. Но кто убивает, от меча и погибнет... Куда ни оглянусь, везде мне слышится, как придворные рабы твердят: "Господин, господин", низко кланяясь французам и увиваясь за ними. Французы везде; они завоеватели и в этом все их право. О Тулуза, о Прованс, о земля Ажена, и вы, о Безьер, Каркассон — чем вы были и чем стали теперь?» (25)

Каждую попытку свергнуть французское иго трубадуры восторженно приветствовали; они с трепетом ждали исхода восстания и своими стихами возбуждали воинский дух тех, кто боролся за независимость. Идя в бой, рыцари и горожане пели эти стансы Пернаса:

«У меня есть лук и дубина, я пушу стрелу, чтобы она достигла самых далеких пределов. Позор английскому королю, который допустил выгнать себя из своих земель; на него должно пасть первое мщение. Смертельно я ненавижу Иакова Арагонского, который постыдно изменил и бросил нас одних без помощи. Арагонцы не хотят оставить своей борьбы с маврами, чтобы отнять у французов их завоевания. Вот Эмерик Нарбоннский поступает иначе, как следует храброму человеку, — и я люблю его. О если бы только кто-нибудь помог нам, мы бы освободились; французы рассеялись бы тогда, а граф (Раймонд VII) уверовал бы в себя, и не пошел бы ни на мир, ни на сделку. Сильные люди спокойно переносят свой позор, и вот лучшая часть земель порабощена оружием французов. Но не удастся же им счастливо владеть тем, что они злодейски отняли у стольких доблестных баронов. Война, война, я люблю тебя больше жизни, больше, чем свою возлюбленную; ты даешь пищу и праздник веселью; тобой наполнены песни; ты делаешь из виллана рыцаря. Да и как не любить тебя? Дождемся, кто начнет эти битвы и истребления! Скоро

послышатся удары мечей, будут развеиваться конские хвосты и гривы; падут стены и башни, а замки сравняются с землей»".

Но восстание не удалось. Юг покорно склонил свою голову. Он безмолвен пред грозной силой. Однако мысль о свержении ига долго не покидала его.

Вот один марсельский поэт передает в плавных стихах свою грустную беседу на берегу тихого ручья с бедной пастушкой; в образе последней легко узнать олицетворение погибающей национальности Прованса. Она была прекрасна и, склонив голову, сидела одна под зеленым дубом, забыв про своих ягнят, которые паслись в стороне. Скромно она отвечала на приветствие поэта:

«Бог да хранит вас от всякого зла, синьор».

Поэт вступает в разговор.

«Скажите, — спросила она, — почему наш граф купается в крови провансальцев; зачем он делает столько зла, когда мы в ответ не делаем ему ничего плохого? Он пошел на войну с Манфредом^{*1}, за что же он хочет обидеть его и лишиться наследства, когда тот никогда не был его вассалом и не обязывался ему ничем?»

«Гордость ослепила анжуйского графа, — отвечал поэт, — оттого он так безжалостен к провансальцам. Клирики для него как лук для стрелы, они послали его ограбить короля, который истинно доблестен и любит подвиги. Меня утешает только одна надежда, что доблесть никогда не даст одолеть себя честолюбию. Если только воины Манфреда сплотятся вокруг его знамени, то французы наверное погибнут».

«Но что же думает славный юноша арагонский (Иаков); что он не возвращает себе того, что принадлежало его отцам? Он храбр и любезен; о, как бы я хотела, чтобы он пришел к нам и прогнал этих французов с нашей земли. Как бы рада я была, если бы этот благородный юноша соединился с молодым Эдуардом Заморским (то есть английским принцем^{*1}). Оба они одного происхождения, этот дом славился храбростью».

«Да, да, — соглашается трубадур, — эти принцы благородны и храбры. Не следует им спокойно смотреть, как лишаются они своего законного наследия. Скорее бы пустить в дело наши шлемы и искристые кольчуги» (26).

В Провансе соглашались скорее приглашать арагонского или даже английского принца, чем выносить иго французов. Так мало были симпатичны те идеалы, которые приносили с собой завоеватели, оскорблявшие национальное чувство на каждом шагу. Манфред был любимым героем провансальцев, потому что он боролся с ненавистным Карлом. Эдуард I прославился своим благородным характером и своими подвигами в Палестине и в войне со страшным Лейчестером^{*2}; довольно было этого, чтобы считать его хорошим государем. В нем провансальцы видели человека куртуазности и поклонника галантности, благородной отваги. Ни он, ни Манфред не прятались за монашеские рясы, не жгли свой народ, не убивали из-за угла, не мстили побежденным на поле чести. Карл же оставался для них совсем чужим.

Французы долго не могли утвердиться в завоеванном крае; им приходилось иметь дело с систематическими враждебными проявлениями и народными восстаниями. Великая англо-французская война^{*3} показала, на чьей стороне симпатии южан. Лангедок и Прованс оказывали всевозможное содействие англичанам, когда те проходили эти области. В 1379 году Лангедок объят восстанием. Борьба арманьяков (орлеанцев) и бургундцев в сущности есть борьба южан и северян — эхо альбигойской крестовой войны^{*4}.

^{*1} Речь идет о походе Карла Анжуйского против Манфреда Гогенштауфена в 1266 году, о котором мы уже упоминали.

^{*1} Будущий король Эдуард I.

^{*2} Эдуард участвовал в защите последних крепостей, принадлежавших крестоносцам в Палестине, и в войне отца против коалиции баронов, возглавляемых, как мы видели, Симоном Лейчестером, сыном Монфора.

^{*3} Столетняя война.

^{*4} Арманьяки и бургиньоны — противоборствующие группировки во Франции начала XV столетия, во время правления безумного Карла VI. Арманьяки — сторонники герцога орлеанского (названы по титулу графа Бернара, владыки графства Арманьяк). Бургиньоны — сторонники бургундских герцогов Иоанна Бесстрашного и Филиппа

Провансальцы и гасконцы старались всячески уязвить тех северных французов, над которыми им приходилось торжествовать; в эпоху междоусобий они варварски вымещали на парижских поселенцах жестокости крестоносцев Монфора, вынесенные некогда их предками. Сами парижане должны были молча сносить насилия южных дворян, вступивших в столицу с арманьяками и оглашавших ее провансальскими победными криками. Демократическое движение, охватившее Францию после смерти короля Карла V^{*1}, столько же было возбуждено фландрскими, сколько провансальскими традиционными идеями.

От продолжительной, но напрасной борьбы за сохранение народности, а также под влиянием старых общинных воспоминаний, крепко укоренившихся в Лангедоке и Провансе, их обитатели, уже вполне потеряв свою национальность, продолжали всегда сохранять республиканский дух более, чем остальные французы. Южный народ обладал в высшей степени подвижным, впечатлительным характером. Радикализм его, не находя деятельности в политической области, проявился в духовных и социальных стремлениях. В Реформации и в Великой революции останутся незыблемые следы влияния провансальского духа. И то и другое явление приняло бы иной вид под влиянием одного лишь северного элемента, иначе текла бы тогда и вся французская история. Жирондисты именно с Юга приносят свои республиканские теории. Дух национальной особенности невидимо присутствует в исторических явлениях даже тогда, когда сама национальность теряет самостоятельное политическое существование и более не представляет собою единого целого. Таковы были результаты альбигойства и французского завоевания в политической области.

Выражение национального чувства в литературе, направленной против Франции и Рима

Взглянем теперь, как относились вообще на Юге к католической Церкви, после насильственного водворения ее при помощи трибуналов.

Там католицизм никогда не был прочен. На Юге мало жили сердцем — жизнь чувства преобладала. Внутренние томления о неведомом не могли долго занимать лангедокцев, вследствие впечатлительности народного характера. Красивая женщина в глазах трубадуров была часто выше Мадонны. Земные наслаждения были знакомее и потому дороже небесных, которые не поддавались чувству. В красоте форм провансальцы были знатоки, они унаследовали понимание: и вкус своих греческих предков. Каким-то античным характером, переносящим под портики древней Эллады, дышат некоторые строфы христианских поэтов Прованса XIII века, написанные после альбигойской резни. Трубадур воспекает чувственное наслаждение и отдает за него все, что было бы дорого для другого католика.

«Не надо мне ни империи римской, ни папского престола, счастье я мог бы найти лишь около моей возлюбленной. Когда я смотрю на ее чудные косы, на это прекрасное и юное тело, я чувствую себя счастливее, чем если бы получил целые города в обладание. Я готов твердить мессы, жечь Богу свечи и лампы, чтобы наконец склонить ее уступить моим мольбам и победить суровость моей дамы. Но если Бог не поторопится услышать меня, то любовь, которая горит в моем сердце, кончит тем, что испепелит его» (27).

Такие люди не пойдут в бой за веру, им чужды религиозные интересы. Над религией и святыми трубадуры иногда посмеиваются, они и прежде ненавидели духовенство за его блеск и безнравственный образ жизни.

Теперь, после войны, эта ненависть усиливается в страшной степени, что вполне понятно. Не было пороков, которые бы не приписывали духовенству. Священники и монахи считались «лжецами, вероломными, клятвопреступниками, ворами, развратниками». Теперь хотели воспитывать совесть оружием.

«Но истинная вера, — говорили трубадуры, — не носит кинжалов, чтобы разить, умерщвлять и совершать человекоубийства».

Насмешки и остроты градом сыплются на монахов и духовенство.

«Если Бог спасает тех, кто умеет только хорошо поесть и искусно соблазнять женщин, то черные и белые монахи, тамплиеры, госпитальеры и каноники непременно попадут в рай. Святой Петр и Святой Андрей были слишком глупы, что вынесли столько мучений из-за рая, который так дешево достается другим. Черными да белыми рясами не спастись, — гремит Монтаньягу. —

Доброго. Во время новой вспышки англо-французской войны бургиньоны пошли на соглашение с англичанами, арманьяки же отстаивали суверенитет Франции.

^{*1} Карл V Мудрый уже в конце своего правления (1364-1380) должен был подавлять народные движения в городских центрах Севера и Юга королевства.

Надо отказаться от суеты и пиршеств. Надо перестать красть чужое достояние. Тогда только поверят вам. Их послушать, так они ничего не хотят, а посмотреть, так они тащат все» (28).

Пьеру Кардиналю принадлежат самые смелые и блестящие сирвенты. По положению автора, они служат отражением мыслей высшего общества. Он обладал высоким поэтическим дарованием и до самой смерти, то есть до 1306 года, будучи столетним стариком, сохранил презрение к духовным лицам и прямо называл их хищными зверьми. С того дня, как он родился, он выучился ненавидеть несправедливость и любить добро. В себе он носил грехи других и мучился их заблуждениями.

«Коршун и ворон не вьются с такой радостью над добычей, как клирик и доминиканец над своей жертвой, — начинается одна из его сирвент. — Они следят за ней неуклонно, и когда удар грянет, то будь уверен, что все достояние жертвы окажется в их руках, а близким не достанется ничего. Французы и монахи зло считают честью. Они погрузили вселенную в глубокий мрак, теперь всякая новая вера будет знать свою участь. Знают ли они, куда пойдут награбленные сокровища? Придет другой суровый грабитель, который разоблачит нас донага. Для смерти, которая всех ждет, не надо этих сокровищ — она нагих столь же удобно уложит в четыре ольховых доски».

Кардиналь не щадит и высшее духовенство. В сатире на архиепископа нарбоннского он говорит, что те, «кто носит митры на головах и белые одежды на плечах, несут на устах низость и измену, как волки и змеи» (29).

«Кто хочет слышать сирвенту из печали, проникнутой гневом? — спрашивает он же в другом месте. — Люблю честных и храбрых, чуждаюсь злых и клятвопреступных, потому удаляюсь от незаконных клириков, которые совмещают в себе всю гордость, все обманы и всю алчность нашего века. Они торгуют изменой и своими индульгенциями, они отняли у нас все, что осталось. Не думайте излечить поповское племя, чем выше стоят они, тем больше в них обмана, тем меньше веры, меньше любви и больше жестокости. А рыцари, как унижены они теперь! Жизнь их хуже смерти, священники их попирают, короли грабят. Они — поповские подданные по смерти, и еще более при жизни. Между тем лукавые священники, обобрав церкви, завладев всем остальным, стали властителями мира. Тех, кто должен управлять, они попрали своими ногами. Карл Мартелл накинуд на них узду, но они скоро убедились, что нынешние короли — глупцы. Они заставили их делать все, что хотят, и поклоняться тому, что надо позорить» (30).

«К своим порокам они присоединяют измену, — продолжает Кардиналь. — Они приказывают слушаться французов, этих куропаток, этого низкого и изменнического племени. А французы с каждым часом приносят нам свои обычаи, свою привычку уважать только тех, кто может широко попить и поесть, и презирать бедняков. Они стремятся богатеть и ничего не давать, они возвышают измен пиков и унижают честных людей. Да есть ли нынче хоть один человек, который бы не думал только о своем желудке, только те и счастливы! Тот, кто любит справедливость и негодует против дурного, будет опозорен, кто начнет вести светскую жизнь, того будут преследовать. Теперь всякий обманщик торжествует». Священники же превосходят их всех. «Вы никак не сосчитаете, когда они грешат, потому что это происходит целый день и целую ночь. В остальное время они прекрасные люди, не ненавистники, не симонисты, и ничего не берут насильно».

Инквизиционный трибунал при всем ужасе, который он наводил, не избежал насмешек Кардиналя. Доминиканцев он называет пьяницами.

«У якобинцев нет другой заботы, как судить о достоинстве вин, — им надо спорить, которое лучше, которое хуже. И вот они составили совет. Кто осмелится порицать их, тот вальденс. Смелые инквизиторы, ревностно стараясь проникать в наши тайны, они становятся все страшнее и все ненавистнее» (31).

«Что осмеливаются делать все эти люди, я не смею даже передать», — часто дополняет Кардиналь, рисуя самые возмутительные картины из жизни духовенства, ненавистного ему и его сословию.

В противоположность Кардиналю, Вильгельм Фигвейрас, столь же даровитый, как и он, выросший среди простого народа, служит выразителем настроения масс. Его произведения потому именно и драгоценны для нас. Сын тулузского ремесленника, бедный портной, он вместе с Пегвильей в молодые годы вращался в кругу рабочих, мелких торговцев, жил в трущобах бродяг и публичных женщин. Он хорошо знал, что думает народ, ему можно верить потому, что он искренен. Никто из поэтов Прованса не был так популярен, как он. В его тен-сонах и сирвентах провансальская поэзия решительно изменяет свой характер.

Фигвейрас наносит удар рыцарской лирике. Поэзия, некогда пышная и чопорная, облачилась в грубые деревенские одежды и посвятила себя службе мести. Она уже никогда не получит прежнего приятного светлого колорита. Но если в ней не видно больше прежней грациозности, то она стала более существенной и искренней. Эта муза так же сумрачна, так же печальна, как то несчастное отечество, которое она оплакивает. Ее преследуют, но певцы изгнания распространяют свои бичующие сатиры с той же энергией.

К чему приведет их месть? Враги их так сильны, певцов так немного — кажется, что они избрали самое слабое орудие. Главный враг их была римская тиара. Она была всемогуща и, казалось, могла раздавить их, как пигмеев. На Риме сосредоточивалось все чувство горечи и ненависти, которое кипело в этих наболевших сердцах. Из-за Рима забыли французов. Перед последними народ должен был склониться; он признал французского короля, он забыл о Раймонде, но тем больше возненавидел ту страшную силу, которая была действительной причиной уничтожения национальности. И что же? Стоило только раздаться этим негодующим звукам, как страшная сила заколебалась, стала подозрительно оглядываться вокруг себя, потеряла опору, почву под ногами, лишилась своего обаяния, лишилась прежней энергии и с недостижимых высот стала быстро спускаться в бездну. Ее унизили теперь те самые, которых некогда она сама унизила. Она была освистана общественным мнением, и в первый раз национальная литература в лице Фигвейраса выступила как двигатель событий, как историческое орудие судеб.

Чтобы познакомить с характером этой новой исторической силы, приведем одну из лучших сирвент Фигвейраса, проклявшего Рим за двести пятьдесят лет до Лютера. Она имеет всемирно-историческое значение.^{*1}

«Я хочу написать сирвенту в том же тоне, как пишу всегда. Я не хочу более молчать. Я знаю, что наживу себе врагов, так как пишу сирвенту о людях, исполненных лжи, о Риме, который причина всего падения и одно прикосновение которого разрушает все доброе.

Рим, я не удивляюсь несколько тому, если весь мир заблуждается, ты повергнул наш век в тяжкие опасности и войну, ты мертвишь и истребляешь достоинство и добро детей. Вероломный Рим, тобою был предан добрый аш-лийский король^{*2}, — ты вместилище и источник всех зол.

Лживый Рим, алчность увлекает тебя; ты стрижешь слитком коротко своих овец. Но Святой Дух, принявший плои, человеческую, да услышит мольбы мои и сокрушит клюк твой. Я отрекаюсь от тебя, Рим, ты несправедливо и жестоко поступаешь как с нами, так и с греками^{*3}.

Рим, ты сокрушаешь плоть и кости невежд, а ослеплен ных ты ведешь с собою в пропасть. Ты уже слишком преступаешь повеления Божий. Твоя алчность так велика, что ты отпускаешь грехи за денарии. Ты навлекаешь на себя страшную ответственность.

Знай же, Рим, что твоей низкой торговлей и твоим безумием погибла Дамьетта^{*4}. Ты преступно царствуешь, Рим; да разрушит в прах тебя Господь, потому что ты лживо властвуешь. Ты низкой породы, Рим; ты клятвопреступен.

Рим, нам хорошо известно, что глупостью одурачив народ, под видом ложного снисхождения, ты повергнул в несчастье баронов Франции и народ французский. Даже добрый король Людовик погиб от твоей руки, потому что лживым предсказанием ты удалил его с родины^{*1}...

Рим, сарацинам ты нанес мало вреда, но ты вконец уничтожил греков и латинян. Рим, твое место в пламени ада....

^{*1} Литературный перевод данного произведения, воспроизводящим сложную систему рифм и строфики см. на стр. 444.

^{*2} Имеется в виду Иоанн Безземельный.

^{*3} Имеется в виду захват крестоносцами Константинополя.

^{*4} В 1219 году крестоносцы взяли Дамьетту — город в дельте Нила. Однако папский легат кардинал Пелагий рассорился со многими вождами крестоносцев и к тому же отклонил выгодные предложения египетского султана, готового обменять Дамьетту на Иерусалим, что вскоре привело к катастрофе.

^{*1} Доминиканские монахи сообщали Людовику Святому, что султан Туниса аль-Мостансир готов перейти в христианство, что стало решающим основанием для выбора направления последнего крестового похода.

Рим, я хорошо вижу множество злоупотреблений твоих, о которых неудобно говорить. Ты смеешься над мученичеством христиан; в какой книге написано, Рим, чтобы ты убивал христиан? Истинный Бог, который посылает мне насущный хлеб, да поможет мне увидеть от римлян то, что я желаю видеть от них.

Теперь ты, Рим, слишком занят твоими предательскими проповедями против Тулузы. Ты с низостью кусаешь руки и сильных и слабых, подобно бешеному змеям. Но если достойный граф проживет два года, Франция почувствует всю горечь твоих обманов.

Моя надежда и утешение в одном, Рим, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье к германскому императору^{*2}, пусть только он поступит как следует с тобой, тогда, Рим, увидим, как сокрушится твое могущество. Боже, владыка мира, соверши это скорее!

Рим, ты так хорошо забираешь в свои когти, что от тебя тяжело отнять то, что захватил ты. Если ты вскоре не лишишься твоей силы, то это значило бы, что мир подчинен злему року и что он погиб окончательно.

Твой папа тогда сделал бы чудо. Рим, папа занимается дурным делом. Он ссорится с императором и продает его корону. Он прощает его врагов, а такое прощение, безосновательное и несправедливое, не заслуживает похвалы, потому что в корне своем оно мерзко.

Рим, ты развращен до такой степени, что презираешь Бога и его святых, — вот до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Рим. Вот почему в тебе скрываются, гнездятся и развиваются пороки мира сего; так велика твоя несправедливость относительно графа Раймонда.

Рим, Бог помогает этому графу и дает ему власть и силу, ему, который режет французов, сдирает с них кожу, вешает их и делает из них мосты при осадах, когда их много. А я, Рим, мне сильно хочется, чтобы Бог вспомнил о твоих злодеяниях, чтобы вырвал он графа из твоих рук, то есть из объятий смерти...

Рим, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто бреешь; я думаю, что тебе и не надо много мозга, потому что ты властвуешь дурно, как и цистерцианцы; в Безьере вы произвели страшную резню.

Рим, своими лживыми соблазнами ты ставишь сети и пожираешь много дурных кусков, раздирая на части нуждающегося в утешении. Ты носишь личину кроткого агнца, но внутри ты бешеный волк, порождение ехидны; ты змея коронованная, оттого-то дьявол называет тебя своим творением» (32).

Это — перечень преступных деяний Рима, здесь ничего не забыто. Редко сатира доходила до такой резкости — сердце поэта накалило до того, что он не мог сдержать своих порывов. Можно сказать, что эти строчки написаны кровью. Поэт к небу взывает об отмщении, и мщение для него самое высокое наслаждение. Его в ответ назвали еретиком; ему до того не было никакого дела. Он с тем же огнем, с той же отвагой продолжает бичевать «венчанную змею» и ее слуг, которые своими лукавыми речами похитили у мира свет.

И так говорил не один, не десяток певцов, а почти все представители тогдашней провансальской национальности. Трубадуры насчитывают до трехсот шестидесяти; между ними только один опозорил себя содействием крестоносцам и агитацией в пользу Монфора. За то он пал под тяжестью отвержения и проклятия всего народа. Лишившись даже куска хлеба, умирая с голоду, презираемый всеми, он искал спасения в стенах монастыря (33). На него смотрели как на прокаженного.

Литература провансальская в своих лучших представителях приняла обличительное направление. Немногие допевали песни о походе короля в Тунис. Третий и последний период ее, время ее блеска и вместе падения, имеет: потому самое существенное значение. Дело не в красотах этих последних произведений, не в их частностях, а в том громадном влиянии, какое они своими идеями оказали на отечество и на всю Европу. Грамотные попадались редко; не все трубадуры умели писать. Они наизусть разучивали сирвенты и через жонглеров разносили их повсюду. Сирвента соответствовала нашим газетам; она стала нравственной силой, общественным мнением.

Перейдя за пределы Лангедока, она вооружила против папства и другие народы, привила им смертельную ненависть к Римской Церкви и средневековому духовенству. Она познакомила другие страны Запада с Провансом, всем повествовала скорбное, полное ужасов сказание об альбигойской резне и о тирании французских королей. Сирвента трубадуры приняла участие в подготовке народов Запада к восприятию Реформы. В этом — высокое историческое значение провансальской литературы.

*2 Фридриху II.

Но, если в истории падения папства сирвента должна занимать одно из влиятельных мест, то ее непосредственное влияние на развитие национальной литературы было пагубно. Поэзия Прованса погибла вместе с нею. Такое радикальное изменение содержания было ей не по силам. Новой эпохи она не могла принять. Прежняя история ее была так богата. Теперь нечему было радоваться, нечего было воспевать. Разрушенные замки, ограбленные города и села, пепел еретиков, тысячи людей, заточенных по тюрьмам, изгнанные патриоты, падение свободы, новый суровый порядок, продажная администрация — все это могло возбудить лишь негодование, а когда относительно проявлений даже безмолвной оппозиции были приняты строгие меры и страна была офранцузена, то и ему не было места.

Потому, когда замолкла последняя сирвента, провансальская литература прекратила свое существование, став достоянием истории. Последние лучи ее осветили розовым светом память святого короля, каким считали Людовика IX даже на Юге, где ненавидели французов. Он был гордостью не одной страны, а всего христианского мира, и когда он погиб за дело веры, то те же трубадуры на время перестроили свои лиры. Они чувствовали, что с королем уходит в могилу многое, что было близко их сердцу. Можно сказать, что с Людовиком IX исчез дух средних веков.

Филипп III и уничтожение ереси в народных массах

Преемник Людовика IX, Филипп III, прозванный современниками Смелым, являлся сторонником новой системы; он не мог питать снисхождения к покоренным. Он ждал увеличения своих владений, которые должен был унаследовать с кончиной Альфонса и Иоанны. Желание короля быстро исполнилось. Смерть обоих супругов не заставила долго ждать себя.

Альфонс и Иоанна сопровождали Людовика IX в последнем походе; они приняли последний его вздох. Чума, господствовавшая во французском лагере, не пощадила и их, но они перенесли ее. Здоровье супругов не могло быть крепким после тяжелых душевных потрясений, свидетелями которых они были, и после страшной болезни, их постигшей. Потому они рассчитывали подкрепить его итальянским климатом. Зимой они провели в Сицилии и весной из Неаполя морем отправились в Геную. Одна итальянская летопись говорит, что уже в Сицилии граф и графиня почувствовали себя дурно и спешили на родину, боясь умереть на чужой земле. Провансальские источники умалчивают о подробностях (34).

Супруги не доехали до Генуи, они остановились в Савоне. Здесь, двадцать первого августа 1271 года, Альфонс скончался. Ввиду того, что граф остановился в Савоне, следует принять, что он действительно тяжело хворал в дороге. На третий день после его смерти с Иоанной начались мучительные припадки, и, прежде чем успели оказать помощь, последняя представительница династии Раймондов скоропостижно скончалась.

Филипп III был в это время в Париже. Прошло уже три месяца, как он вернулся из Африки. Смерть дяди и тетки крайне обрадовала его, но внезапность кончины Иоанны навлекла на короля подозрение в отравлении графини. Об этом долго говорили на Юге, несмотря на запрещение. Слухи сильно были распространены в Италии и даже были занесены в официальную генуэзскую летопись (35).

Нет сомнений, что смерть Альфонса была на руку молодому и пылкому королю, питавшему весьма честолюбивые устремления, но она не вполне соответствовала его желаниям. Она не успокаивала его. Можно догадаться, что Филипп опасался Иоанны, и для подозрений у него были весьма существенные поводы. Тогда как Альфонс перед отъездом в Африку составил совершенно частное завещание, не имевшее никакого официального характера, ибо в нем ни слова не говорилось о судьбе государства, его жена поступила иначе. В последние годы в ней пробудилось сознание, что она — законная государыня в Тулузе и что она если не имеет права в силу договоров распоряжаться своим наследием вполне, то может по крайней мере наградить своих обиженных родных хоть чем-нибудь. Она завещала формальным порядком Альбизуа, Аженуа, Руэрг и Керси своей кузине Филиппе, племяннице виконта Ломань; Венессен она отдавала Карлу, королю сицилийскому.

Документ этот цел и хранится в архивах, он составлен на самых законных основаниях, с соблюдением всех правил, подписан семью свидетелями и скреплен их печатями. О завещании французское правительство знало давно и было им крайне недовольно. В завещанных ви-Тконтессе областях было сорок восемь балляжей; в Венессене — двенадцать. Иоанны стали опасаться. Она обладала крепким здоровьем, и никто не поручился бы, что она вторично не выйдет замуж. Как правительница, она не давала доказательств своей преданности французским

интересам. От нее могли ожидать чего-либо смелого и энергичного. Фанатичная католичка, она все-таки оставалась кровной провансалкой.

Вот почему предположение о насильственной смерти Иоанны согласуется с обстоятельствами и не кажется абсолютно нелепым.

Недоставало только этого преступления для окончания грустной повести о завоевании Лангедока.

Вероятное отравление несчастной дочери Раймонда VII завершает ужасы альбигойских войн.

«Итак, — говорит один новый историк Юга, — незаконная конфискация доменов Иоанна Безземельного, несправедливый поход против графа Ла-Марша, крестовая альбигойская резня, парижский договор и, наконец, отравление последней отрасли тулузских графов — вот средства, которыми приобрела Франция свои южные земли» (36).

Завещание тотчас же было признано недействительным. Ажен в силу аббевильского договора отдала английскому королю. Венесен был оставлен за Святым Престолом. Принцессе Филиппе и королю Карлу I парижский парламент наотрез отказал в их претензиях. Впоследствии, в 1283 году, было постановлено государственным законом, что все уделы во Франции, по прекращении мужского колена, как выморочные, отходят к короне.

Тулузские владения были торжественно приняты в вечное подданство короля французского, но они продолжали составлять особое графство до 1361 года. Пять дней, в январе 1272 года, тянулась присяга. В Тулузу съехались тысячи вассалов, баронов, рыцарей, воинов со всех областей графства, консулы со всех городов. Все по очереди клялись над святым Евангелием, перед лицом двух королевских посланцев, быть в подчинении у господина-короля и его преемников, хранить и защищать его власть и его права, его людей и достояние, и всегда быть верными ему против всех и каждого. Городские и замковые нотариусы сверх того обязывались содействовать к уничтожению ереси, а также представить администрации все акты и документы времени Раймонда VII, в которых заключаются какие-либо отчуждения тулузских земель и другие «обманы» против короля (37).

Какой характер примет королевская власть в отношении к своему новому приобретению, Филипп III показал в том же году. Роже Бернар, граф де Фуа, позволил себе сделать нападение на замок Гэпи, предоставленный короне ее владетелем Казобоном, и разрушил его. Но времена феодального самоуправления прошли. Королевский сенешаль с неожиданной быстротой кинулся на него, овладел его землями, так что к приезду Филиппа III все было кончено.

Напрасно граф де Фуа думал выставить свой поступок патриотическим делом в глазах населения, напрасно он пытался взволновать народ, напомнить ему прежнюю независимость. Напрасно он взывал к тени Раймонда и обещал восстановить старые права баронов и городов. Провансалцы, наученные несчастьем, оставались глухи к воззваниям, а граждане Савердена даже не пустили его к себе, как опального. Он должен был сдаться на милость короля, который конфисковал его владения, а его самого посадил в тюрьму, откуда освободил только по ходатайству короля арагонского (38).

Так же поступил английский король Эдуард I с виконтом беарнским, который должен был молить его о прощении на коленях с веревкой на шее. Таким образом, бароны и горожане на всем Юге должны были покориться силе. Сокрушив последний оплот феодализма в лице графа де Фуа, последнего борца за независимость, король царствовал как неограниченный монарх. Он оставался ревностным слугой инквизиции, так как в ней видел лучшее средство, после собственного оружия, для закрепления за собой Лангедока. Последняя попытка к восстанию, сделанная графом де Фуа, и конфискация его владений вызвали за собой немедленное усиление деятельности трибунала на новоприобретенной территории.

До нас сохранилось в копиях огромное количество следственных дел, произведенных в этой области в период с 1273 по 1289 год. Они занимают два толстых фолианта. Председателем трибунала был Райнульф де Галиако, главный инквизитор. Заседание производилось в кафедральном соборе города Фуа. Еретики и многие из опасавшихся привлечения к ответу по религиозным и политическим делам бежали в Ломбардию. И понятно: они не находили более покровительства у напуганных и прижатых феодалов, за которыми зорко смотрели сенешали.

Альбигойские «совершенные» имели друзей только в среднем и низшем сословии, но что могли для них сделать бедные ткачи, плотники, брадобрее, жонглеры, рыбаки, небогатые купцы, едва находившие скудные средства к существованию. Только по ночам выползали альбигойцы из своих берлог в города: духовенство совершать свои необходимые требы, прочие на

соплатеплит. Многие, скрывшиеся от преследований судов, могли путешествовать только ночью, они пускались до рассвета в путь по ; околным дорогам, в ожидании встретить новый приют на следующий день в какой-нибудь покинутой хижине. Где сочувствовали им, там провожали и приносили в лес хлеб, плоды и соленую рыбу. Человек в черном, живший в лесу, , был непременно еретик. Они стремились к итальянской границе, за которой хотя и существовала инквизиция, но благодаря республиканским учреждениям, продолжавшим там существовать, правда, не с прежней силой, она не могла получить действительного значения.

Война Церкви с «безбожным» Эццелином д'Эсте благоприятствовала эмиграции в Ломбардию и Романью^{*1}; еретики могли в нем найти вождя и друга. Но любовь к родине чаще всего оказывалась сильнее любви к вере. Из документов видно, что в Лангедоке, особенно в графстве Фуа, жили тайные еретики, которые не отказывали в помощи своим несчастным братьям, делали для них складчины и посылали эмигрантам более или менее значительные суммы. Считаясь за католиков, они иногда ходили к своему духовенству, куда-нибудь в Александрию, Павию или Милан, принять от них благословение или присутствовать на их службах. Так делали Морелли из Авриака, Гальярды, Саикки из Карамана, который при этом донес на своего отца. В этом же обвиняли монаха Жерара Бон пиана, из тулузского братства Святого Креста. Встретившись с одним священником в Ломбардии, он говорил, между прочим, что исповедь излишня, что в папской церкви одна гордыня, что спастись можно только между еретиками, у которых епископы и диаконы издавна посвящаются преемственно. Говоривший изъявлял желание пострадать и даже умереть за свои убеждения 39.

Между прочим, инквизиция задержала в Фуа одного престарелого еретика де Ривали. Он был в сношении с Давидом, Растелли и Пенсом де Фуа, альбигойскими диаконами. Ему было шестьдесят пять лет; его долго держали в заточении, пока дошла до него очередь. Нотариус пошел к нему в тюрьму, чтобы сделать предварительный допрос. Ривали знал, что от него будут выпытывать, где находятся еретические духовные лица. Чтобы не изменить себе, он решился покончить с жизнью. Когда он услышал шаги на лестнице, то ударился головой о каменную стену. Удар был силен, но не смертелен. Тотчас же отворились двери тюрьмы, и вошло четыре человека. Ривали был жив. Через несколько дней его вылечили и привели к судьям. Он открыл только одно, что во время осады Монсегюра диакон Понс де Фуа хотел передать должность другому лицу, что с тою целью Аламан был посредником и носил какую-то шифрованную табличку из воска, и что больше, из прежней своей жизни, он ничего не помнит. Вероятно, пытка, которой он так боялся, постигла его.

Между еретиками Фуа были и альбигойцы, и вальденсы. В конце XIII века в протоколах довольно часто упоминается о вальденсах. На одного доносили, что в бытность в церкви он смеялся над образами святых, пострадавших за Христа. Он говорил, что это в порядке вещей, если злые преследуют добрых. Прежде гнали и терзали святых мучеников, а теперь альбигойцев. Францисканцы и доминиканцы — это те самые, о которых в Писании сказано: «И представили ложных свидетелей»^{*1} (40). Если этот еретик уверял, что тело людей есть дело злых демонов, а души их созданы на небе, то другой, Дюранд де Россиак, совершенно отрицал существование души и утверждал, что душу человека заменяет кровь^{*2}. Он прибавлял, что если бы истинное тело Христово было в причастии, то клирики давно бы съели его, хотя бы величиной оно было даже с гору. Когда Дюранд раз на Пасхе наблюдал, как стремятся в церковь его знакомые, то сказал, что они ничего не найдут там, что это все равно, как если бы им вздумалось отыскивать апостолов Петра и Иоанна и других учеников Христа. Он при этом отвергал достоинство и пользу молитв (41).

Рядом с такими радикалами в религии трибунал осуждал тех, кто уверял, что не следует ни клясться, ни лгать, или того, кто осмелился утверждать, что хлеб и другие растения рождаются от труда земледельца и от качества почвы и что странно бы полагаться исключительно на доброту и благословение Божие (42). Таким образом, безобидные воззрения признавались за отступничество от Евангелия; то, что не согласовывалось с суеверием, было преступно.

^{*1} Эццелин (Аццо) VII д'Эсте (умер в 1264 году) был подестой Феррары и возглавлял североитальянских гвельфов.

^{*1} Смотри: Деяния VI, 13.

^{*2} Что, к слову, укладывается в Ветхозаветную символику.

Сомнительно становится иногда, кто был прогрессивнее, кто был впереди, невежественный альбигоец или ученый доминиканец?

Хотя сторонники ереси в последнее время были преимущественно люди среднего и низшего класса, лишенные средств тогдашнего образования (впрочем, некоторые прекрасно изучили альбигойскую догматику (43); тем не менее и они не оставались в стороне от пропаганды против завоевания. Жена одного тулузского плотника ссы-: далась на соседку Фабрицию, которая учила, что, когда Люцифер сотворил человека, то лишил его дара слова, но Бог, узнав, что человек не может говорить, дунул ему в рот, и он вдруг заговорил. За это Фабрицию с дочерью привлекли к ответственности. Они в свою очередь сослались на Мореля, агитатора из Ломбардии, агитировавшего против французского владычества, которое-де так же тяжело, как поповское. Он утешал своих слушателей, что в случае, если они пострадают за правду, то станут святыми мучениками (44).

От графа де Фуа ждали во всей области поддержки аль-бигойства; узнали, что он пошел бы по следам своих предков и дал бы полную свободу совести, если бы дело его восторжествовало. Потому победа короля поразила в корне всякие надежды на восстановление альбигойства. Но это не успокаивало трибунал; ему везде казались еретики. Боязливо оглянуться на улицах, одеться в черное, наконец, призывать во время родовых схваток Святого Духа, а не Христа и не Деву Марию, как это сделала одна женщина (45), — всего этого было достаточно, чтобы заподозрить в альбигойстве. Беда была сказать, что с изгнанием еретиков и появлением доминиканцев в стране остановилось течение торговых дел, как заявлял один нотариус (46), — это тоже было религиозное преступление.

Под влиянием гонений и строгого полицейско-инквизиторского надзора, отсутствия постоянных руководителей и учителей религиозная мысль альбигойцев начинает принимать фантастические образы. Из двух богов стало три; некоторые не ограничивались этим, а признавали шестерых богов, которые произвели седьмого, и прибавляли, что все боги произошли от пшеничного зерна, а не сами по себе (47).

Когда мысль, развивая исторические традиции, доходит до таких ребяческих вымыслов, то это показывает, что она потеряла уже всякое значение и способность к дальнейшему органическому развитию, что в ней уже не было жизненных элементов. Последние альбигойцы слушали лишь отголоски прежней речи, схватывали на лету, что могли, потеряли тайну целого и уродливо комбинировали свои ничтожные данные. Катарство теперь уже не могло оживить никого; оно отжило свое время и умирало, потому что ему не дана была истина. Его последние adeptы бредят, как умирающие, в тяжелой агонии.

Вальденсы стояли на более прочной почве; как рационалисты, они имели перед собой громадное будущее. Их могли уничтожить, сжечь, но их идеи должны были снова возродиться. Их имена в семидесятых годах встречаются в процессах все чаще и чаще, хотя они эмигрировали вместе с альбигойцами, избирая для этого Пьемонт и недоступные альбигойские ложины. Их доктрина высказывается не в прежней чистоте — она смешана с мифологическими представлениями катаров; часто можно предполагать, что их именем называли смягченное катарство. Они бредили переселением душ на небо, куда закрыт доступ только Богородице и Предтече; они думали, что в этом мире существует какой-то приют для душ, и это видно из жизнеописания Святого Брандина, которое было распространено в Лангедоке.

Зато убеждения некоторых подсудимых отличаются близостью к лютеранству, кальвинизму: только добрые дела, а не молитва могут быть полезны для судьбы умершего (48). Тех и других соединяло одно, что тело Христово не присутствует в гостии. Учителя одних были святы в глазах других. Страшные опасности, которым они подвергались, стараясь из Италии пробраться в Лангедок, делали их мучениками в глазах всех еретиков. После семидесятых годов немногие «совершенные», и между ними епископы еретиков в Тулузе и Альби, бежали за границу. В 1277 году мы находим братьев Олива в Ломбардии, где они учат навестивших их провансальцев своему «Отче Наш». Там же были другие епископы из Лангедока. Павия и Сермионе стали их главным убежищем. Паства провансальских еретиков осталась без пастырей.

Между тем в то время, когда инквизиция допрашивала еретиков, в среде католического духовенства она могла наблюдать такие стремления, преследовать которые было одной из ее обязанностей. Аббаты и епископы советовались с гадалками, вопреки строгому запрещению трибуналов. От них узнавали время избрания, получения бенефиций, осведомлялись о делах в Риме, и даже высокопоставленные духовные лица справлялись о вопросах первой важности, касавшихся папства. Тем простительнее было подозреваемым в ереси держать у себя гадальные книги и тем

безнравственнее было со стороны инквизиции преследовать с беспощадной строгостью подсудимых, когда в их ряды с одинаковым основанием могли встать они сами.

Имеются сведения, что трибуналы в это время отличались большею суровостью, что они чаще прежнего прибегали к пытке.

Судьба страны при Филиппе IV

Король Филипп IV ознаменовал в 1287 году начало своего царствования изданием ордонанса о пытке по церковным делам. Более самого Альфонса он думал о выгодах своего фиска. С этой целью он торговал евреями и не останавливался ни перед какими безнравственными средствами. При нем инквизиция свирепствовала по всей Франции. Бернанд Кастанет, епископ и инквизитор вместе, отличался жестокостью в Альби; доминиканец Симон де Балле — в Каркассоне. Де Балле дошел до того, что вооружил против своих мер местного архидиакона вместе с консулами, когда задумал сжечь книги трибунала и давал за это двести ливров добровольцам, так что дело дошло до папы. На архидиакона Марлана донесли, что он участвует в молитвах еретиков; Гонорий IV не поверил этому; он требовал, чтобы оклеветанный прислал в Рим свое исповедание веры. Конечно, все оказалось клеветой. В 1270 году Симона сменил Иоанн Галанди, а его — Николай д'Аббевиль, который приобрел вскоре громкую, но печальную известность.

Всякий протест против жестокостей считался доказательством ереси и наказывался. В Каркассоне никто больше не чувствовал себя в безопасности, даже самый ревностный католик. Однажды были схвачены два профессора римского права по обвинениям в ереси. Это вызвало волнение, но оно было подавлено содействием военных властей. Жители решились написать просьбу королю. Нотариус, который сочинял просьбу, был схвачен по приказанию Аббевилля и брошен в тюрьму инквизиции; тем и окончилась попытка.

Король рядом ордонансов предписывает повиновение инквизиции, потому что это было ему выгодно. Управы не было никакой; инквизиторы делали в эти годы что хотели. Гонорий IV вместо расследования предписывает наказание мятежников. Из документов можно убедиться, что папе Николаю IV принадлежит честная попытка устранить самоуправство судей, смягчить строгие статуты трибунала, обеспечить правосудие. Пользуясь одним сложным делом, которое было представлено на его рассмотрение, он показывает пример основательного расследования и в особой инструкции велит впредь руководствоваться тем юридическим принципом, которым он сам пользовался. Он определил срок действительности обвинения, хотя и продолжительный — от сорока семи до шестидесяти двух лет после совершения преступления, — и ввел, таким образом, хоть какой-то закон вместо полного беззакония. Для достаточности обвинения необходимо свидетельство известного числа лиц; так, например, из четырнадцати свидетелей, необходимо обвинение девяти лиц, и притом чтобы уличавшие сколько-нибудь согласовались в подробностях; противоречие в обозначении времени, даже на год, не имело значения (49). Папа определил все подробности и случаи, когда можно принимать показание свидетелей; на собственной следственной работе, которая занимает тридцать страниц, он указал все юридические соображения, «дабы при определенной верности показаний свидетелей, добиться беспристрастного суда».

Отрадно среди дикого голоса разнузданных, кровожадных страстей слышать голос умеренности и законности, идущий из Рима.

В своем образцовом обвинительном акте против восемнадцати подсудимых, папа разбирает дело до тончайших мелочей, взвешивает показания множества свидетелей, pro и contra относительно каждого. Ввиду общего раздражения против свирепости инквизиторов он не решился внушать прямо сильным людям умеренность в поступках; он старается оправдать мятежников перед трибуналом и приказывает считать такими только тех, кто действует с корыстолюбивой целью или питает ненависть к католичеству.

Николай IV правил недолго — с 1288 по 1292 год. Законность и умеренность, которую он завещал инквизиции, плохо прививалась в развращенной и корыстолюбивой, воспитанной на насилии среде. И в Италии, и во Франции продолжается прежнее самоуправство в трибуналах.

Жители Пармы не в силах были больше терпеть. Когда тамошний трибунал осудил одну немку на костер, народ кинулся на дом инквизиции, разорил его и выгнал доминиканцев. Но власти пошли следом за ними и убедили их вернуться, обещав уплатить пеню и наказать виновных (50).

Примеру Пармы последовали Безьер и Каркассон. Кар-кассонцы вышли из себя от жестокости и самовластия Аббевиля. В начале 1297 года они возмутились, дружной толпой пошли на доминиканский монастырь, разорили его дотла, сожгли книги и разогнали испуганных инквизиторов. Брат Николай успел спастись от ярости народа и наложил на город проклятье. В консулах проснулся старый дух. Они запретили горожанам посещать доминиканскую церковь. В то же время они послали жалобу королю.

Даже Филипп IV отказался далее помогать инквизиции. Но надо знать, что в это время он начинал борьбу с Бонифацием VIII и даже грозил казнью за всякие сношения с Римом. Под влиянием такого враждебного настроения, но вовсе не в интересах человеколюбия, которому он всегда оставался чужд, удовлетворяя лишь своей личной страсти, король издает указ сенешалям. Он запрещает им заключать в тюрьму тех, кто не заведомый ереик, предписывает вести дело осмотнительно, а в случае настояний инквизиторов, предьявлять им королевский приказ (51).

Но поневоле отлученный Каркассон должен был смириться перед Аббевилем, и через два года страшный «брат» простил его. Обязав горожан выстроить в знак раскаяния капеллу в монастыре, а двенадцать городских сановников осудив на епитимью, он снова стал поступать как террорист. Казни и конфискации пошли своим чередом.

В Тулузе действовал столь же жестокий инквизитор Фулькон де Сен-Жорж, а в Альби по-прежнему — епископ Кастанет, в качестве «наместника инквизитора». В сообществе двух доминиканцев епископ устроил чисто домашний суд, сажал в тюрьму самых зажиточных и уважаемых людей. Его дворцу и жизни не раз угрожала опасность. Так как частные просьбы и восстания не удавались, то три общины собрались подать коллективную просьбу и получили уверение в поддержке от многих епископов, баронов и даже самой администрации; они воспользовались прибытием в Лангедок королевских комиссаров, или «реформаторов», как они были названы официально.

Это было в августе 1301 года. Прибывшие сановники, в честность которых на Юге верили, были амьенский викарий Жан де Пекиньи и архидиакон Ричард Ленево. Они должны были исследовать дело епископа памьерского и при этом осмотреть провинции, узнать желания народа, обнадежить подданных королевской милостью. Едва только они прибыли в Тулузу, как представители Каркассона, Альби, Кастра, Кордеса и Лимукса осадили их жалобами на инквизицию. Все они прямо называли инквизиторов тиранами. Видно было, что чаша страданий переполнилась. Вместе с депутатами от общин к викарию прибыли в большом числе матери и жены жертв инквизиции. Лишенные куска хлеба преследованиями, доведенные до нищеты алчными монахами, они поведали викарию о мучениях голодом и пытках, которым подвергаются их ближние в недоступных тюрьмах инквизиции. Устроено было так, чтобы общими силами произвести на комиссаров сильное впечатление и побудить их употребить власть именем короля против тех, кто был страшнее самого правительства. Душой этого заговора, прекрасно подготовленного, является молодой францисканский монах — Бернар Сладостный.

На личности этого замечательного человека, связанного со всеми интересными для нас событиями в Лангедоке, мы должны остановиться особо.

Бернар был родом из Монпелье. По зову сердца он в 1284 году пошел в францисканцы. Жизнь его протекла в странствиях; он имел страсть к проповеди и, путешествуя по Франции и Италии, составил себе громкое имя сладостью и увлекательностью речи. Он далеко не был фанатиком — его образование не допускало того. Теплая дружба, которую он свел в Милане с Раймондом Лулли-ем и с врачом Вилланова, из которых один считался еретиком, а другой кудесником, всегда компрометировала его. В нем было много самых светлых сторон провансальского духа. Он отличался сильной энергией характера, верностью своим убеждениям, за которые не раз жертвовал жизнью. Порабощение родины вызывало слезы на его глазах, а свирепость инквизиторов приводила его в негодование, которым он делился со всеми.

Потому Николай Аббевиль имел с ним частые столкновения и понимал, что в нем встретил врага более опасного и непримиримого, чем все жертвы, сидевшие в доминиканских темницах. Когда инквизитор потребовал у Бернара выдачи трупа гражданина Кастельфабра, похороненного в монастыре и подозреваемого в ереси, то получил решительный отказ, так как память Кастельфабра не заслуживала осуждения и незаконно нарушать сон покойника. В ответ на настояния трибунала Бернар написал протест в защиту Кастельфабра, называл процесс незаконным, лживым и противным папским постановлениям; не ограничившись тем, он прочитал его среди белого дня в Каркассоне и прибил к дверям трибунала.

Авторитет инквизиции был решительно подорван этим актом даже в глазах самых преданных католиков. Францисканцы в борьбе со своими противниками вызывают к общественному мнению. С тех пор вся страна смотрела на Бернара как на будущего своего спасителя от инквизиции.

Лишь только королевские комиссары прибыли в Тулузу, Бернар поспешил к ним и постарался не оставлять их. Он сблизился с ними; в нем они видели ум, основательное знание страны, наконец, сан и рясу, которая ручалась за его правоверие. Он явился ходатаем за все жертвы инквизиции и представил викарию целый список преступлений и насилий, совершенных одним Фульконом.

«Такая инквизиция, — говорил он, — способна не уничтожить, а распространить ересь; даже духовенство ропщет на жестокости, но все наши увещания бессильны. Теперь даже вовсе нет надобности в инквизиции, но пока без короля нельзя ничего сделать, а успеха в свержении ее ждать трудно, потому что духовным отцом у него является доминиканец».

Викарий склонился к жалобам и воплям, которые доходили до него отовсюду, и велел каркассонцам подать обстоятельную жалобу на Аббевиля; ее он отдал разобрать Бернару.

Между тем наступал срок отъезда комиссаров из Лангедока. Они обещали передать обо всем королю. Значительнейшие граждане от общин по наущению Бернара просили и получили позволение ехать к королю в качестве жалобщиков. Бернар вызвался быть во главе их. Кар-кассон отправил Илью Патриса, который действительно был «маленьким царем» города, чего совершенно заслуживал своими умственными и нравственными качествами. Он был необычайно смел, деятелен и энергичен. От Альби поехало трое: консул Франса, магистр Гарсиа и Кастанет, родственник и заклятый враг епископа; от Кастра — Проби, родня которого сидела в тюрьме. Альбийские консулы также снарядили в Париж одну женщину, пострадавшую от Фулькана, — ей дали десять ливров на дорогу и коня.

Но инквизиторы, зная, что делается у их врагов, также приняли меры и отправили к королю свою депутацию с тулузским инквизитором Фульконом во главе. Они надеялись, что противники уйдут с позором, и много рассчитывали на королевского капеллана и своих придворных друзей. Но они слишком мало ценили Бернара, на котором лежало все дело. В Париже он завел обширные знакомства, двери его кельи не закрывались.

Подготовленный викарием, король скоро дал провансальцам аудиенцию. Бернар говорил за всех. В ярких красках он представил пред Филиппом IV всю жестокость трибуналов, алчность судей к чужому имуществу, их грабительство среди белого дня по судебным формам, осуждение при помощи подставных свидетелей и пытки. Далее Бернар доказывал полнейшую бесполезность инквизиторов в настоящее время. Если они уничтожили ересь, значит, они не нужны; если же нет, то, значит, неспособны продолжать дело. Это показывает, что следует изменить систему, отказаться от жестокостей с заточениями, от самовластия, которое вопиет к Богу, — а доминиканцы никогда не в состоянии отрешиться от своих привычек. В Риме также согласятся на изменение старой системы, потому что папа завален жалобами на беззакония его судей.

— А если бы его Святейшество отказался от этого, — продолжал Бернар, — то король так силен, что может привести в исполнение свою волю и закрыть на некоторое время трибуналы или по крайней мере передать их в другие руки.

В это время растворились двери приемной залы, и показались белые рясы доминиканцев; впереди выступал придворный капеллан, за ним шли инквизиторы тулузские, каркассонские и памьерские. Они хотели оправдываться, но Филипп IV замахал рукой и подал им знак удалиться.

— Этот честный человек говорит правду, — сказал он, обращаясь в окружающим. — Якобинцы каждый день надоедают мне своими рассказями и сновидениями, они думают прикрыть баснями свои измены.

Напрасно доминиканцы употребляли все свое искусство и влияние; инквизиторы не смогли оправдаться. По совету Бернара король велел сместить Аббевиля и Фулькана, а на Кастанета наложил пеню в две тысячи ливров. Свою волю он изложил в грамоте к епископу тулузскому, бывшему тогда в Париже.

«Его обязанностью, — писал он про Фулькана, — было искоренять заблуждения и пороки, а он только более распространял их. Под покровом дозволенной кары он осмеливался делать вещи совершенно недозволенные. Под видом благочестия он делал бесчестные и бесчеловечные поступки. Под предлогом защиты католической веры он совершал ужасные и гнусные злодеяния».

Вместе с сим король 7 декабря 1301 года формально запрещал лангедокским инквизиторам сажать в тюрьмы кого бы то ни было без разрешения сенешалей и без согласия местного епископа.

В случае разногласия их с трибуналом требовалось вмешательство особой комиссии из доминиканских приора и лектора. Король запретил своим чиновникам повиноваться инквизиторам, если они требуют незаконного.

«Мы не хотим, — писал Филипп IV, — чтобы жизнь и смерть наших подданных зависела от произвола и фантазии одного человека, может быть, невежественного и руководимого одной слепой страстью» (52).

Все это было сделано по желанию Бернара. Но инквизиторы дорого хотели продать свои права. Они решились вступить в борьбу с королем, хотя обстоятельства были крайне неблагоприятны для них. На улице Сен-Жак собрались парижские и приезжие доминиканцы. Через тулузского епископа они ответили королю, что находят полезным оставить Фулькона в его должности и что советуют королю согласиться на это.

Взбешенный Филипп IV отвечал, что он не спрашивает их советов, а приказывает повиноваться.

«Нам кажется, — писал он, — что братия ищет случая оскорбить нас и угнетать народ, а вовсе не преследовать пользы Церкви и не наказания преступлений. Согласиться на продолжение службы Фулькона — значит делать несправедливость за несправедливостью и нисколько не думать о тяжелых опасностях, об общественном позоре, которое оно навлекает в будущем. Кто смеет подумать, чтобы провинциал ордена с его монахами в наши дни имел дерзость, вопреки нашей воле, требованию целого народа, удержать человека столь гнусного, обремененного таким бесчестием, столькими преступлениями» (53).

Но доминиканцы, верные себе, не уступали. Пришлось прибегнуть к силе. Король приказал сенешалю тулузскому, каркассонскому и аженскому приставить свою стражу к тюрьмам инквизиции, не допускать заседаний трибунала и прекратить субсидии. Народ вздохнул свободнее, хотя ненадолго, и где мог спешил выразить свою ненависть притеснителям.

В Альби доминиканцам не стало прохода. Во время одной процессии пришлось выслушать угрозы от народа; они не раз опасались за жизнь. Консулы, со своей стороны, также старались оскорбить их. Инквизиторы поставили на ближайших городских воротах статую Святого Доминика^{*1}. Власти сняли ее.

Уступая королевским настояниям, провинциал доминиканцев назначил вместо Фулькона Морерия, приора из Альби, а смещенному дал повышение. Король был удовлетворен, но снова начались старые сцены насилия; они происходили везде.

Новые законы при старых исполнителях были недействительны.

В Альби разом казнили двадцать пять католиков, как отступников⁵⁴. Готфрид Аблузий сменил в Каркассоне Аббевиля, но принес ту же тиранию на всю обширную территорию.

К Бернару и викарию, которые прибыли в Каркассон, опять потянулись плачущие жены и родственники заточенных. Бернар мог помочь им только одними утешениями. Во множестве они теснились вокруг него и просили защиты, так как больше не чаяли ее ни от кого. Напрасно он думал остановить палачей увещаниями. Он стал проповедовать в монастыре миноритов и громил инквизицию. Весь город спешил услышать его. Он стал своего рода трибуном Каркассона, и тогда-то в нем родилась патриотическая мысль поднять народ в одно время и против инквизиции, и против французской власти, которая оказалась такой ничтожной сравнительно с тиранией трибунала.

— Когда Иисус приближался к Иерусалиму, то, увидев его, заплакал, — начал он одну из своих проповедей. Помолчав немного и окинув долгим взглядом слушающих, продолжал: — Так плачу я над вами, каркассонцы, я, посланный к вам Иисусом уже несколько лет, чтобы оберегать честь вашу и защищать от клеветы изменников, облеченных в рясы проповедников.

И он начал говорить о преступлениях и жестокостях инквизиторов.

— А что мы станем делать в ответ им? Братия, на это я вам расскажу притчу о баранах, когда эти животные еще умели говорить. Их было большое стадо, они паслись привольно в пышных и зеленых лугах, около холодных, прозрачных ключей. Каждое утро повадились их навещать из соседнего города два палача, которые таскали то по одному, то по два барана, выбирая по преимуществу тучных. Видя, что число их каждый день уменьшается, бараны стали совещаться между собою. «Эти палачи будут продавать наши шкуры и есть наше мясо, а у нас нет ни покровителя, ни защитника, который бы защитил нас, но разве у нас нет на лбу рогов?»

^{*1} Над воротами вывешивали обычно головы убитых врагов, казненных преступников и тому подобное.

Кинемся на них дружно, пустим в работу наши рога и прогоним кровопийц с поля — только тем мы и спасемся». Что вы думаете об этом? Я растолкую вам. Бараны — это вы, жители Каркассона; прекрасные луга — это римско-католическая вера, которая дышит вечной святостью и которая орошается ручьями счастья духовного и мирского. Тучные бараны — это богатые граждане Каркассона, которых убивают палачи, чтобы воспользоваться их достоянием. Разве это не тучная жертва, человек столь значительный, как господин Капель, которого изменники доминиканцы обвинили в ереси? А мессир Горрик, он также не еретик ли, потому только, что от него хороша пожива? А Брунет, а Казильбак и множество других замурованных в тюрьмах, ограбленных и лишенных всего, потому что не нашлось никого, кто бы защитил их от палачей? (55)

При этих словах в церкви пробежал из уст в уста сдержанный вопль ненависти к инквизиторам, грозивший бурей. Окончание проповеди Бернара и его воззвание к мужеству жителей довершило впечатление. Буря разразилась.

Взволнованные каркассонцы прямо из церкви бросились на дома тех консулов, которые были в дружбе с инквизицией, и разрушили их. «Но что делать дальше?» — спросили они себя и остановились.

Бернар сам не ожидал мятежа, не приготовился к нему и вовремя сдержал его. Он чувствовал себя плохим трибуном для народных движений. Он удалился в Альби в ожидании прибытия викария, всегда стоявшего на его стороне, но и там не переставал возбуждать недовольство народа против инквизиции.

Когда в Каркассоне узнали, что викарий Пекиньи возвращается, постарались устроить ему радушный прием. С ним были Бернар и архидиакон. В воротах кроме властей его встретила толпа женщин и детей. В то время, как одни приветствовали викария, другие окружили его и остановили коня.

— Милосердия, милосердия, во имя Господа, защити нас от изменников! — кричали они.

Чем далее ехал он по улицам, тем громче раздавались мольбы и стоны, заглушая крики радости. Вдруг заметили в его свите адвоката, Гальярда, члена трибунала. Толпа черни кинулась на него, стащила с коня и готовилась растерзать, если бы не заступничество викария. Подъехали к францисканскому монастырю; здесь правителей ждали депутаты из Альби и других городов. Высказав викарию всю истину про инквизицию, они требовали вмешательства королевского правительства и освобождения заточенных.

Викарий не мог обещать первого, так как того не допускали прямые законы, но относительно второго промолчал, предоставляя вывести отсюда заключение. В другом собрании городских выборных он слышал то же самое: народ сам распорядится с инквизиторами и не посмотрит на запрещение. Власти не могли допустить в городе беспорядка и медлили.

Однажды толпа женщин из Альби, предводимая Бернаром, остановила викария на улице; с воплями рассказывали несчастные, что их мужья похоронены заживо в каркассонских темницах, что уже несколько лет ничего не известно об их участи. Они просили только взглянуть на них. Викарий обещал разобрать дело, но Бернар уже принял свои меры. Все враги инквизиции сходились к нему в церковь с самым разнообразным оружием: долотами, ломом; они готовились разрушить инквизиционные тюрьмы. Таких охотников набралось человек восемьдесят. Между ними были самые зажиточные люди, родовые члены капитула. Бернар их не удерживал, а поощрял. Вдруг явился викарий. Не сознавая себя в силах подавить волнение и разделяя в душе чувства мятежников, он решил стать во главе этих людей, чтобы по крайней мере управлять ими и отстранить тем политическое движение. Он пошел вперед их, по направлению к доминиканскому монастырю.

Там, если не могли защититься, то решились протестовать. Доминиканец Блуман стоял у окна тюрьмы, как бы желая загородить своим телом достояние и честь ордена. Викарий приказывал отворить ворота и грозил иначе разломать их.

— Остановитесь, — кричал Блуман, — не оскорбляйте святыни! Здесь кончается власть короля!

Над ним смеялись. Сломали ворота и вошли во двор. Но в двери самой темницы было трудно проникнуть. Горожане усердно работали ломом. Викарий, хотя и был духовным лицом, поощрял их. Тогда Блуман протянул ему из окна бумагу, в которой содержался протест против дерзкого насилия. С протестом в руках викарий, со-путствуемый Бернаром, Гарсиа, Проби, главными агитаторами волнения, спустился в темницы. Они спросили факелов, так как ничего не было видно, кроме черных нависших стен подземелья; следом ворвалась толпа народу — каждый искал своих родных и друзей. Двойные двери летели с петель. Освободители не упускали из виду

ни одной темницы, в которых были погребены заживо жертвы. Главные казематы, в которых сидели осужденные, были расположены под землей; свет не проникал в них, они были заражены скоплением нечистот и извержений; вторая дверь, которая вела в эту темную берлогу, никогда не отворялась; пища подавалась через отверстие, сделанное в этой двери из первой, выходившей в коридоры. Толщина стены была пять футов. По обеим сторонам коридора тянулись эти страшные темницы.

Такое заточение стоило всякой казни, было даже ужаснее ее; оттого на него милостиво обрекали самых заклятых альбигойцев, оставляя им жизнь, от которой они бы восторженно отказались. Когда замурованных вытащили на свет, то они окончательно обессилели — это были живые трупы, грязные и ужасные в своих лохмотьях. Их хотели нести по домам, но викарий приказал отправить всех в государственную тюрьму, которая после инквизиторских гробниц показалась раем.

Трибунал собрался на другой день после такого небывалого разгрома. Неужели уступят буйной толпе и их вождю-отступнику люди, которые сжились со своей властью и считали святотатством всякое покушение на нее? Готфрид, главный инквизитор, произнес торжественное церковное проклятие над викарием и всеми участвовавшими в злодействе (56). Он известил о нем по всей стране, а капитул написал обо всем папе.

Викарий апеллировал в Рим и донес королю, прося заступничества. Общины, для которых так много сделал Пекиньи, со своей стороны отправили жалобу к папе на бесчеловечные поступки инквизиции, вынудившие народ к насилию. Извиняясь, они прославляли викария как благочестивого человека и благородного правителя, цветущего добродетелью и справедливостью.

Так как при римском дворе без денег нельзя было сделать ничего, то по предложению Бернара вместе с жалобой было послано три тысячи ливров; из них полторы тысячи дал Каркассон, тысячу — Альби и полтысячи — Кордес. На такое благородное дело всякий без исключения готов был жертвовать, сколько потребуют. В то же время деятельный Бернар, не зная, как взглянет на все дело Филипп IV, заискивал при королевском дворе.

Разносится слух, что викария уволят. Это было бы ударом для всех надежд. Но как противодействовать? Вспоминают, что у королевы духовник — францисканец, а это было находкой при нынешних обстоятельствах. Через него королеве было подано письмо от граждан Альби, сочиненное, вероятно, Бернаром:

«Против викария и архидиакона известные люди строят низкие козни, их хотят обесчестить и внушают королю лживые наветы на них. Куда нам обратиться за помощью, если не к вашему обычному милосердию? Все просим вас единодушно, мужи и жены, старцы и дети, люди всех возрастов, все взываем к вам, последнему сильному прибежищу наших надежд с мольбой о ходатайстве пред королем, чтобы он сохранил нам этих достойных его представителей».

Пекиньи следовало ехать в Париж. Викария решили не выдавать и крепко за него стоять. Бернар и прежняя депутация из граждан сопровождали его, чтобы защитить пред королем. На этот раз было много и новых лиц; это живые улики, жены, отцы и братья заточенных, слезы которых сделались причиной волнения. Королева была тронута рассказом этих людей; король сохранил всегдашнее спокойствие. Так как с другой стороны ему надоедали доминиканцы и неотвязный духовник, то он изъявил желание лично посетить свой Лангедок со всем семейством и убедиться на месте в положении дел.

Бернар и в Каркассоне, и в Альби внушил, как надо встретить царственное семейство. В церквах он начал было утешать народ, что настал последний день инквизиции, но он жестоко ошибся в своем восторге. Впрочем, чтобы лучше подействовать на правительство, он организует лигу и собирает деньги. Выборные от народа научены идти навстречу королю и слезами внушить сострадание. В Каркассоне, на старом бенедиктинском кладбище, ночью, он созвал горожан и убеждал их примкнуть к лиге.

— Нечего бояться, будьте смелее. Что делает инквизиция? Отлучит? Но разве это так страшно? Про меня же они говорят, что я антихрист, но пусть верят тому; над этим только можно смеяться. Викарий отлучен, но он не боится, потому что инквизиторские отлучения уже двадцать лет ничего не значат.

Так говорил Бернар, возбуждая граждан своими словами. Но он слишком надеялся на короля, он не понимал, что Филипп IV ищет везде выгоды своей короны, что для него усиление личного могущества важнее тех или других принципов.

В день Рождества 1303 года король прибыл в Тулузу с женой и детьми. Его сопровождал, между прочим, знаменитый Гильом Ногарэ, доктор права, из легистов ставший рыцарем, который прославился на всю Европу, кроме своей преданности королю, еще тем, что избил папу Бонифация VIII. Когда Филипп IV, приветствовав консулов, въехал в город, то прежде всего он услышал крики:

— Справедливости, справедливости!

Громадная толпа заступила путь королю.

В день приезда он выслушал жалобы на инквизицию. Первым хотел говорить его же представитель, викарий; но едва он начал, как один из придворных доминиканцев отстранил его, как отлученного. Тогда стали говорить депутаты. Пробо рассказал, как недавно альбийский епископ посадил в тюрьму тридцать честных и зажиточных граждан, лукаво обвиняя их в ереси, к которой они ничем не причастны (57).

Арнольд Гарсиа, другой депутат от Альби, рассказывал о пытках, которым подвергаются жертвы трибунала, и прибавил, что короля долго обманывали на этот счет и клеветали на народ.

— Господин Арнольд, — перебил его Бернар, — скажите, кто говорил так, назовите клеветника! Скажите его величеству, что это брат Николай, его духовник. Прибавьте, — продолжал он, — что государь не должен верить изменнику, который передает фламандцам все, что говорят о них в Совете.

Гарсиа повторил это и продолжал среди общего смущения рассказывать про злоупотребления инквизиции. Он просил у короля решительных мер. За ним говорил судья из Альби, Гальярд Этьен, о Фульконе, об его насилиях, роскошной и развратной жизни, затем, теми же красками описав его товарищей, высказал удивление, как мог народ по сие время выносить такое иго.

Король обещал принять к сведению все дело и произнести свое решение после личного посещения Альби. Через несколько дней он потребовал к себе Бернара. Он был недоволен им, как агитатором, и, может быть, даже поставил под сомнение его верность своему правительству. Но францисканец не устранился. Его допрашивали в присутствии королевского совета. Он сообщил королю новые факты, отстраняя и себя, и провансальцев от его подозрений.

— Они верные подданные и прекрасные католики. Недавно уверял короля сам провинциал доминиканцев, что еретиков нынче на всем Юге сорок или пятьдесят человек и что страна спокойна. Стоит ли для такого ничтожного числа поддерживать инквизицию и напускать на всех страх? Но и это неправда — теперь во всем Альбизуа нет ни одного еретика. Для трибунала все еретики, его нельзя насытить. Если в настоящее время к ним привести апостолов Петра и Павла, то и этим святым трудно бы было оправдаться в ереси (58).

Но король уже принял меры против злоупотреблений, сказали Бернару в Совете в ответ на его представления, люди, ненавистные народу, такие как Фулькон, Аббевиль, Галандий, удалены из трибуналов.

Но монах продолжал твердить свое:

— Вы слышите, плач и стоны еще не умолкли. Значит ли это, что королевский Совет, при всем своем благоразумии, нашел средства к исцелению зла?

Филипп IV не обратил на эти слова внимания. Он не мог уничтожить учреждение, которое служило для него источником могущества и обогащения. Указом из Тулузы 13 января 1304 года он объявил, что трибуналы должны действовать на всем пространстве его владений для пользы веры и что судить их злоупотребления — дело папы, которому сообщено обо всем. Известно, что через год он еще усилил меры строгости против еретиков. Инквизиция была упрочена безусловно, подозреваемым в ереси возбранялось занимать общественные должности, а всякие заговоры и лиги против инквизиторов строго запрещены, как преступные.

К этому побудило его впечатление, вынесенное из путешествия по Лангедоку. Его деспотическую натуру крайне раздражили протесты и решительные выражения неудовольствия, которые сопровождали его повсюду. Они укрепили его в мысли, что уничтожить инквизицию — значит снять последнюю узду с провансальцев и пробудить в них старый дух. В Каркассоне, например, его по началу встретили радушно: жители украсили флагами свои дома и готовили праздник. Но когда известный патриот, Илья Патрис, обратил внимание короля на жестокое обращение трибунала с этим городом, то получил в ответ от Филиппа приказание удалиться и впредь не показываться на глаза за дерзкую назойливость. Тогда Илья поскакал по улицам города, везде просил снимать флаги и распорядился об отмене праздника, так как прибытие короля — день печали.

Король, в свою очередь, не принял дара, предложенного городом; и когда узнал, что королева не отказалась взять две урны, наполненные серебром, то велел ей возвратить подарок бунтовщиков.

В Безьере Бернар в присутствии Гарсиа и Патриса имел объяснение с Ногарэ, всесильным при королевском дворе. Тут он узнал, что бесполезно ожидать внимания правительства к жертвам инквизиции. Ногарэ отказал ему наотрез:

— Королю теперь не время думать об этом — у нас на руках дела поважнее. Наши отношения с римской курией весьма щекотливы. А новый папа Бенедикт XII сам из доминиканцев, он питает благоговение к своему ордену и никогда не коснется его привилегий, не осудит ни одного из своих. Ждите более благоприятных обстоятельств (59).

Ногарэ, конечно, не имел никакого пристрастия ни к папству, ни к инквизиции, он поклонялся одному королю, и следовало послушаться его совета, совета человека, опытного в политических делах. Но Бернар и его друзья были нетерпеливы:

— Папа предаст нас палачам, король забыл про нас. На что нам надеяться? — спрашивали они друг друга с отчаянием.

— На Провидение, — отвечал им Бернар.

Скоро ему представился повод утешить себя мыслью, что Провидение действительно печется о стране. Вместе с друзьями народного дела он сопутствовал королю в Монпелье и Ниме. В последнем городе патриотам довелось столкнуться с принцем Фернандом, одним из сыновей арагонского короля Иакова, который с детьми приехал видеться с Филиппом, своим сюзереном по Монпелье.

Дону Фернанду было едва двадцать пять лет; при всем легкомыслии он был честолюбив и любил прихвастнуть. Не надеясь получить корону Арагона, он мечтал о приличном домене; этой слабостью страдало большинство молодых рыцарей. Он знал, что Лангедок не может быть доволен французским владычеством, что провансальцы хранят старинные симпатии к своим запиренейским соседям, с которыми имеют много общего и в нравах, и в обычаях, и в языке, и в преданиях прошлого. Он очень обрадовался, когда проведал о тех неудовольствиях, какие возникли в Лангедоке по поводу инквизиции. Ему известны были также влияние и популярность Бернара. Он увидел его в королевском дворце в Ниме, познакомился, разговорился и довольно ясно дал заметить, что сделал бы то, от чего отказывается Филипп.

Бернар вострепнулся при этих словах, в нем мгновенно пробудился ряд мыслей; воображение его вдруг разыгралось и нарисовало радостные картины, но он сумел сдержаться, притворившись, что не понимает намека принца. Он просил Фернанда пожаловать завтра в келью, где будут почтенные люди, с которыми ему будет приятно побеседовать.

Фернанд застал Илью Патриса и Вильгельма Сен-Мартена, консулов Каркассона, в келье минорита. Здесь созрел заговор, которому не суждено было принести плодов и который остался последней попыткой немногих патриотов сохранить погибшую национальность Прованса, но который стоил им всем свободы и жизни. Молодой принц согласился на все условия, а консулы обещали склонить на свою сторону всех товарищей и впоследствии образовать лигу городов, центром коей будет Каркассон. Весь заговор будет храниться втайне. Бернар будет сообщать принцу о ходе дела.

Патрис повел свое предприятие со всею энергией. При первом свидании с Гарсиа и Проби, синдиками и агитаторами Альби, он сообщил им об обещаниях дон Фернанда. В ответ последовало живое заявление восторга. Южане легко поддавались всяким упованиям, как бы они ни были призрачны. Они не думали о том, что будущий государь их бессилен, как ребенок, что он не имеет никакого значения даже в своей стране, что он во всем зависит от отца и что он ничем не показал еще ни своих способностей, ни своего характера. Но как действовать? Отец Гарсиа говорил, что для освобождения от врагов можно прибегнуть ко всяким средствам, призывать к помощи Божьей или дьявола. Отец Бернар не одобрял только последнего, впрочем, согласился идти во всем за отважным Патрисом, уступая ему в этом деле первую роль. Это и было одной из причин того, что заговор не удался в самом начале.

Патрис своей горячностью испортил дело, которое и без того было слишком непрочное. Ему недоставало осторожности и сдержанности своего друга. В каркассонской ратуше он говорил людям, не подготовленным к делу, в присутствии пятнадцати горожан речи против французского правительства. Его замысел вначале показался слишком смелым. В то же время Бернар со своей трибуны говорил публично, что если папа не согласится на требования викария и его ходатаев, то в стране найдутся мученики, готовые постоять за дело правды. А однажды, проповедуя у себя в

церкви, решился заявить, что король не исполняет своих отеческих обязанностей по отношению к народу.

Между тем в Альби заговор не прививался. Только три консула согласились с Гарсиа, остальные не одобряли его замыслов. О лиге нельзя было и думать. Ее можно было создать примером решительного, скорого восстания. Для этого нужен был смелый вождь. Дону Фернанду следовало не медлить и встать во главе восстания. Бернар вызвался переговорить с ним об этом и отвезти грамоту от каркас-сонских консулов.

Сопровождаемый одним молодым миноритом, он в самое ненастное время года, подвергаясь постоянным опасностям, отправился по снежным тропинкам Пиренейских гор в замок Пла-де-Корс, где тогда проживал арагонский двор. Подъезжая в замок, Бернар, раздумав подавать принцу грамоту, которая могла бы впоследствии послужить уликой, сошел с коня, пробрался в лесную трущобу, разорвал на мелкие куски это опасное для него послание и остатки раскидал по земле (60). Он не решился остановиться во дворце, хотя имел на то право, а, чтобы отстранить подозрение, заехал к капеллану и через него получил аудиенцию у принца. Он сказал Фернанду, что Каркассон готов присягнуть ему, если принц в силах прогнать французов из страны.

С детским самохвальством дон Фернанд, не спросив ни о средствах защитников, ни о настроении страны, ни о силах неприятеля, объявил свое согласие на этот легкий, по его мнению, подвиг. Бернар тут же понял, с каким человеком имеет дело, он в душе не мог не рассмеяться над своей доверчивостью и влечением своих товарищей, он уже собирался в обратный путь, но получил от короля приглашение немедленно явиться к нему.

Иаков проведал о прибытии францисканца и о его тайных переговорах с сыном. Он не мог не заподозрить этих сношений, зная про ссору Бернара с инквизицией, которая в его глазах была святейшим учреждением. На вопросы короля, какова цель его приезда и о чем он говорил с принцем, Бернар молчал. Не получив от него никакого ответа, король велел ему дожидаться, а сам отправился к сыну. Этот разболтал, как было дело, и в вознаграждение получил от патриархального родителя такое внушительное наставление, что выбежал из комнаты с раскрасневшимся лицом и с взъерошенными волосами. Бернару было велено через канцлера немедленно удалиться из арагонских владений. Довольный тем, что его отпустили живого, он скакал без оглядки в Каркассон.

Этим закончились все сношения заговорщиков с Фернандом. О продолжении их нельзя было и думать, а дело между тем разгласилось. Бернар хорошо понимал, что его похождения известны и правительству, и инквизиции. Потому, когда его товарищи пали духом и старались забыть произошедшее, он искал своей гибели. Не стесняясь в выражениях, он с прежней силой гремит против доминиканцев с церковной трибуны. 3 мая 1304 года он решился взойти для этого даже на кафедру тулузского собора Святого Са-турнина.

Столица Юга в начале XIV столетия была вполне католической, она привыкла к французской администрации и к доминиканской полиции. Потому проповедь минорита там могла встретить лишь слабое сочувствие. Заметив непривычное для него равнодушие и даже изумление на лицах слушателей, Бернар прервал свою речь, окинул негодующим взором собрание и заявил:

— Я вам многое хотел сказать, но между вами я вижу шпионов, которые готовы, может быть, схватить меня.

Он отряхнул прах от ног своих и ушел из Тулузы. В Альби его не ждали, ходили слухи, что он повешен на той самой веревке, которая дорогой служила ему поясом.

— Вот я пред вами, — сказал он альбийцам, живой и невредимый, — по-прежнему всегда готовый свидетельствовать против вашего епископа и против ваших инквизиторов, всегда готовый доказывать, что они несправедливо заточают ваших сограждан в тюрьмы. Не бойтесь, я не оставлю вас, друзья мои, я не убегу от вас и готов самую мою жизнь отдать на службу вашему делу, я не отрекусь от вас даже тогда, когда меня потребует папа на суд, как всегдашнего противника ваших преступных преследователей. Я жду этого... Наши общие враги сказали вам, что я воспользовался вашими деньгами. Отчасти это правда — своего я ничего не имею, я путешествовал на ваш счет. Но ради вашего дела, я все, что имел, распродал, даже свои последние книги. Говорят, что я требовал от вас большие жертвы. Так! Теперь я буду просить у вас еще большей: я вас прошу оставить ваши ремесла, ваши лавки, ваши дела, идти на все четыре стороны и везде кричать как можно громче против гнусных людей, которые остервенились против вашей страны.

Ожидание Бернара сбылось скорее, чем он предполагал. В то время, как он говорил эти слова, уже состоялось повеление об его аресте. Бенедикт XI по настоянию доминиканцев подписал

в Витербо, 15 апреля 1304 года буллу на имя провинциала аквитанских миноритов, в которой приказывал взять и представить Бернара на суд папской курии за сопротивление инквизиции, за возбуждение народа к восстанию против королевской и духовной власти (61). Если бы преступник ослушался, то велено тайно схватить его и привести под надежную стражей. Об этом пришли слухи раньше, чем в Альби было поручено формальное предписание.

Бернар мог бы легко спастись, но он не хотел бежать. Он желал в последний раз побеседовать с своей паствой. Он сказал, что пришел его час, и просил тех, кто любит его, молиться за него и за папу, чтобы Бог склонил первосвященника к правому суду. Народ перед монастырем толпился целый день, как бы желая защитить собой своего заступника. Духовные власти не знали, что делать. На следующий день были те же волнения; горожане по очереди сторожили Бернара от всяких покушений на его свободу. Это внушило отважному францисканцу мысль о сопротивлении, о котором он прежде и не думал. Однажды, когда спустя месяц викарий провинциала вошел в его келью и приказал ему следовать за собой, Бернар отвел его руку и решительно сказал, что он не пойдет. Викарий мог только произнести над ним отлучение, на которое Бернар не обратил никакого внимания. На его счастье, через несколько дней было получено известие, что Бенедикт XI, который намеревался быть его судьей, скончался в Перудже.

Бернар ликовал. В церкви среди большого стечения народа он известил о смерти папы как о великой радости. С замечательной смелостью, играя остротами и шутками, он говорил о покойнике, заявляя надежду, что вместо доминиканца сядет другой папа, более справедливый (62). Вскоре узнали о вступлении на папский престол Климента V, крестуры французского короля.

Бернар теперь окончательно не предвидел для себя никакой опасности и только скорбел об одном, что его старый покровитель и друг, викарий Пекиньи, скончался вслед за папой. Так как, по слухам, он умер без причастия, то францисканцы отслужили по нему заупокойную обедню, к новой досаде доминиканцев.

Но если Бернар легко отделался от одной беды, то трудно было предотвратить новую грозу. Филипп IV из письма Иакова Арагонского узнал об интригах патриотов и о похождениях Бернара за Пиренеями. В первое время он так был поражен этим, что не хотел верить. Он привык считать свой Юг довольным и счастливым. Он долго совещался со своими приближенными, что делать с преступниками, а между тем сенешаль арестовал Патриса и воспретил Бернару пребывание в Каркассоне. Вместо того чтобы скрыться, Бернар стал уговаривать консулов Альби и Кордеса послать депутацию к королю просить о прощении и сам поехал в Париж.

Король, конечно, вместо того чтобы принять просителей, велел задержать их, а о Бернаре написал к папе Клименту V, предлагая взять и судить дерзкого францисканца, как преступника против божеской и королевской власти. Папа был недалеко и с удовольствием исполнил эту просьбу, так как с давнего времени Бернара считали соучастником кружка так называемых «лжеапостолов», который распространился тогда в францисканском ордене.

Бернар был арестован в парижском монастыре миноритов, монахам не велено было оставлять его одного. Скоро его повезли в Лион, где папа собирался короноваться, а оттуда возили, как арестанта, следом за папским двором, по разным городам Лангедока, не назначая никакого суда.

Вдруг 25 ноября 1307 года в Пуатье с согласия короля Бернар получил свободу и позволение возвратиться в Каркассон, но уже без звания лектора. Папа был равнодушен к борьбе орденов и беспристрастно смотрел до времени и на тех, и на других. Король спустя три года успокоился.

Не такова была участь друзей Бернара. Некоторые, и притом главные, агитаторы успели спастись благодаря своим богатствам, такие, как Проби, Гарсиа, Франса, и вернулись, когда гнев короля утих. Другие были схвачены. Следствие тянулось не больше месяца. Илья Патрис и с ним четырнадцать каркассонцев были повешены. Через два месяца повесили еще сорок человек из Лимукса, знавших о заговоре. Сенешалю Жану д'Онэ был предоставлен полный произвол; одинаково с участниками он вешал людей ни в чем не виновных. Кто был побогаче, легко мог откупиться.

Когда д'Онэ собрался ехать в Альби, чтобы продолжать следствие — хотя король был вполне доволен поведением этого города, — то консулы, чтобы отвратить неприятное посещение, предложили ему пятьсот ливров, обещая позже прибавить столько же. Но сенешаль отвечал, что правосудие не полагается на обещание, и потребовал через пять дней доставить ему всю тысячу ливров. Его требование было исполнено.

Так кончилась эта последняя, отважная, но легкомысленная попытка освободиться от французского владычества.

Бернар был на свободе, но он не отказался от своего дела. Руководимый идеальными устремлениями, он сознавал, что борьба с насилием, в чем бы оно ни проявлялось, есть его назначение. Он искал новых опасностей, потому что не мог выносить, как тирания монахов, которая временно утихла над его родиной, воскресла снова, лишь только Климент V принял сторону доминиканцев. Мы застанем его скоро опять среди самой порывистой деятельности, с той только разницей, что он теперь разорвал всякие связи с окружающей его духовной кастой и, следуя влечению своего открытого характера, явно стал на сторону оппозиции, которая сформировалась тогда против римского двора в среде францисканцев, вообще питавших нерасположение к своим соперникам доминиканцам.

Эта коллизия введет нас в новый аспект истории инквизиции, для уяснения которого необходимо оглянуться немного назад.

Распад францисканского ордена

Напрасно думать, что возмутительная жестокость инквизиторов когда-либо достигала цели и ослабляла ересь.

Напротив, в таких случаях она встречала более и более материала. Допросы и следствия продолжались почти ежемесячно, например в течение 1279—81 годов, и с каждым делом открывались все новые центры еретиков в Италии и во французских городах. Некоторые процессы тянулись по девять лет, и все это время подсудимые сидели в тюрьмах.

Процессы этого времени имеют то значение, что и них чаще и чаще привлекаются к суду духовные лица. Это связано с появлением и распространением нравственной реакции в среде духовенства и монахов, которая римским двором была сочтена за ересь. Стремление водворить в жизни строгие правила Святого Франциска и сделать апостольскую бедность обязательной даже для папы, поднятое лучшими людьми тогдашнего католического духовенства и вышедшее из среды францисканцев, клеймилось «лжеапостольством», признавалось оскорбительным для достоинства Римской Церкви и, что всего курьезнее, приравнивалось к альбигойству. Оно стало подведомственно той же инквизиции, которая с последних годов XIII столетия начинает привлекать к своему суду преимущественно священников и монахов, называвших себя «бедными во Христе».

В развращенном сословии чувствовалась потребность нравственного обновления, но не многие имели дар точно определить ее, ясно осознать свое стремление, не многие могли примирить католическую обстановку с зарождавшимися в них идеями. В них это явилось только впоследствии, а вначале всякий недовольный обращал взоры на готовую и оформленную оппозицию и, не затрудняясь искать новых форм, ни догматических, ни нравственных, удовлетворял своему чувству ненависти к Риму союзом с альбигойцами.

«Лжеапостольство», носившее в себе живительные начала обновления, заклеяло себя союзом с ересью; оттого-то началось впоследствии такое суровое преследование бегинов, как можно называть всех протестовавших францисканцев^{*1}.

Из протоколов инквизиции в Фуа видно, как на скамье подсудимых начинают появляться новые лица: монахи в коричневых сутанах и священники.

Приходский священник присутствует на сборищах и принимает посвящение⁶³. Очевидно, он нашел не то, чего искал, но он не был способен высказать нечто новое, хотя его томило чувство ненависти к своим властителям, — и он поэтому присоединился к готовым и многочисленным врагам Римской Церкви другого лагеря, один он не может растворить эту все еще плотную массу и становится таким же альбигойцем, как и другие.

Ровно через год после этого факта явился донос на Жеро, престарелого аббата Монтолье, который пред смертью принял посвящение в альбигойство из рук «совершенного» Пагесия в самом аббатстве, чему свидетелями было четверо монахов, которые равным образом преклонялись пред еретиком и лобызали его⁶⁴. Только в минуту смерти осознал старый аббат свое преступление

^{*1} Бегины — члены полумонашеских мужских общин, впервые возникших в Нидерландах, чья идеология была близка миноритам, а главным в ней была оппозиция Церкви.

и, не видя вокруг себя достойных пастырей, которые были грешны гораздо более его, ищет утешения у гонимых.

Осенью 1284 года раскаивается один нотариус и доносит, что вместе с ним на беседах у Пагесия были многие бароны, как, например, Аллемани, Мирепуа и также католические священники, которые, подобно им всем, благословлялись у альбигойского учителя. Еще через год подобный же факт имел место в Каркассоне.

Вообще «лжеапостольство», являясь реакцией на гонения, было следствием альбигойства. Более того, гонения возбуждают протест в среде самих гонителей. Мы имеем в виду движение так называемых «духовных францисканцев», о котором вкратце поговорим.

В конце XIII столетия одним из наиболее красноречивых францисканских учителей был Петр Иоанн Олива. Родом из Прованса, он в 1259 году вступил в монастырь Бе-зьера. Он напоминал собой основателя ордена, с той лишь разницей, что в его характере было больше мягкости и глубины. Народ почитал его за святого.

Олива стремился восстановить христианство апостольских времен, образец чего видел в уставе обожаемого им Франциска. Между тем эти правила перетолковывались различными иерархами, некоторые даже отвергались.

Так, Николай III разъяснял их особой буллой. По его толкованию получалось, что «минориты, соблюдая Евангелие, должны жить в послушании, целомудрии и всегда отказываясь от собственности — не владеть ни домом, ни доменом, ни чем бы то ни было... Добровольное отречение от всякой собственности вообще и в частности в глазах Господа, было заслугой и делало святым. Так учил Иисус Христос и словом и примером, а апостолы, идя по следам учителя, старались об осуществлении этого на деле» (65).

Это постановление было объявлено каноническим, внесено в декреталии, и потому неудивительно, что из него Олива вывел мысль о том, что устав Святого Франциска носит евангельский характер и что братья-францисканцы не должны иметь собственности, призваны жить подаянием для удовлетворения необходимых потребностей. Оскорбительного в этом для католицизма не было пока ничего, но, сравнивая жизнь современного ему духовенства с таким евангельским идеалом, Олива в комментарии на Апокалипсис не мог не назвать Римскую Церковь вавилонской блудницей, а Святого Франциска — ангелом обновления духовной чистоты христианства. Он предсказывал также скорое пришествие Святого Духа для восстановления на земле царства божественной любви (в то самое время, когда в Италии о том же учил Сегарелли, прямо назвавший папскую Церковь вавилонской блудницей).

Для исследования сочинения Оливы была назначена комиссия из семи богословов. Она нашла в нем шестьдесят еретических положений. Олива вступил в полемику и защищал свое правоверие, но перед смертью сам усомнился в себе и отрекся от большей части своих идей. Он скончался в 1297 году; народ считал его святым и верил в чудеса над его могилой; Церковь не препятствовала этому, а между тем через три года жгла на костре Сегарелли, который не многим отличался в своей деятельности от Оливы.

Но идеи того и другого крепко привились ко многим безьерским монахам, а от них стали расходиться по другим францисканским обителям. С именем Оливы связывалось понятие о духовном совершенстве и о стремлении к евангельскому идеалу. Многие францисканцы отделились и составили особое братство, которое хотело жить в мире со всеми, даже с еретиками, посвятить себя молитве и мечтаниям о небе, а для поддержания тела довольствоваться самым необходимым подаянием.

Аскетический Целестин V признал это братство, которое получило наименование «отшельников папы Целестина». Они поселились на одном из островов Архипелага, так как на Западе им не было житья от роя других монахов, которые не хотели допустить рядом с собой такого невыгодного для их репутации соседства. Они клеветали на них пред Бонифацием VIII, который свергнул ограниченного Целестина V, но интрига была безуспешна.

«Я не вижу никаких причин возбранить этим добрым людям стремления к духовному совершенству, и знаю очень хорошо, что они гораздо лучше исполняют условия, чем их надоедливые преследователи» (66).

Тогда папе напомнили, что эти отщепенцы — ревностные сторонники покойного Целестина V и что они его избрание считают неправильным. Этого было довольно для подозрительности Бонифация VIII, и он приказал уничтожить и рассеять братство. Многие из отшельников добрались до Лангедока, и здесь назывались то бегинами, то духовными, то «братьями строгого чина» в противоположность францисканцам-общинникам. Своим

постничеством, строгой жизнью, бедной одеждой, едва прикрывавшей тело, длинными бородами, бегины привлекали к себе расположение народа и сочувствие всех людей, которых томила мысль о возвышении нравственного уровня в стране. Народ приходил в негодование, видя, как преследуют этих святых.

Они между тем оборонялись от нападений пером, укоряя Римскую Церковь за светские устремления, прелатов за разврат, а своих собратьев-общинников за то, что они носят одежды не по уставу и едят слишком сытно и не по-монашески. Их главой был красноречивый и суровый мистик, Убертин де Казаль.

Так шло дело до 1312 года. Число «духовных» отщепенцев увеличивалось быстро, и притом людьми самыми энергичными и даровитыми. Под их знаменем могли укрываться и политические идеи, и реформаторские стремления к обновлению Церкви.

Бернар Сладостный встал в их ряды. Он давно был склонен заявить чем-либо решительным свой протест против злоупотреблений властью со стороны духовенства. Идеи «отшельников» как нельзя больше удовлетворяли его.

Он видел, что инквизиция начинает свирепствовать по-прежнему. Климент V еще в начале своего правления сам явился ходатаем за каркассонцев. Относительно поступков инквизиции он назначил следствие, так как коллегия кардиналов получила жалобы не только от каркассонцев, альбийцев и кордесцев, но даже от священников города Альби и от монахов аббатства Гальяк, которые свидетельствовали, что население вполне католическое, что инквизиция ведет страну к падению и гибели и что правление епископа Бернарда невыносимо. Папа послал в Лангедок двух кардиналов, Петра де ла Шапелля и Беренгария Фредоля.

Везде получая жалобы на инквизиторов и на епископа, они на первых порах должны были оказать свою защиту и покровительство двум каркассонцам — Благи и Эймеру, которые особенно агитировали против трибунала. Они проникли в инквизиционные тюрьмы Каркассона и застали в жестоких мучениях сорок скованных пленников. Это были большею частью старики, некогда привыкшие к роскоши, теперь в рубище, казавшиеся при последнем издыхании; они заплакали, когда увидели свет божий. Тут же были и женщины, изнуренные болезнями и душевными страданиями. О многих дело даже не начиналось, потому что не доставало улики, а между тем их богатство было привлекательно.

Кардинал велел очистить тюрьму и перевести арестантов в другое помещение; главного тюремщика он тотчас сменил, назначив от себя монаха. Несчастные жаловались, что, отнявши у них все, им не дают даже постели и пищи. То же самое кардиналы увидели в казематах Альби. Следствие открыло, что трибунал прибегал к подставным свидетелям и обвинителям для своих осуждений, что таким лицам платились деньги. Тем же, кто хотел показывать в их пользу, грозили тюрьмой и даже костром. Светские чины трибунала обязывались присягой не открывать под страхом сожжения этого секрета судопроизводства.

Что оставалось делать кардиналам? Прежних жертв воротить было нельзя. Они сделали все, что могли, — отрешили временно епископа альбийского и впредь запретили заключать кого-либо в тюрьму под видом ереси без приказа папы и без участия местного епископа. Наконец стороны должны были явиться на суд Климента V в Бордо (67). Вместе с тем своей властью кардиналы сняли отлучение, наложенное некогда Аблузием на викария Пекиньи и, очистив этим память народного любимца, приобрели большую популярность.

Казалось, самой курией был положен предел узурпации доминиканцев, но прежде, чем общины успели воспользоваться своим торжеством, обстоятельства круто переменились.

В Италии появился новый ересиарх, который ненадолго смутил спокойствие Климента V. Петр Дольчино, уроженец Милана, мечтатель, долго живший одним внутренним созерцанием, стал учеником Герарда Сегарелли. Дотоле подвижник никому не известный, он, после смерти своего учителя, совершившейся на его глазах, вдруг ощутил в себе страшные силы и пошел на проповедь. Он был отражением того бурного времени, когда церковь, величавое учреждение, которое держало на своих раменах весь Запад, потрясалась в своих основаниях. Папство представлялось для Дольчино порождением Антихриста, той же вавилонской блудницей, которой оно было в глазах альбигойцев, вальден-сов, бегинов, Сегарелли и всех позднейших протестантов. Но, отвергая его авторитет, он искал руководящих начал в темном мистицизме, в котором трудно было уловить то новое, что он хотел положить в основание учения. Могучий демагог, он не обладал знаниями и идеями. Он имел предания и опору в проповедях Оливы и Сегарелли, которые еще пятьдесят лет тому назад на той же самой почве требовали немедленного покаяния ввиду наступающего царства Божия, и Дольчино решил быть продолжателем Сегарелли и развивать

его учение. Сжигая Сегарелли медленным огнем, Церковь наживала в Дольчино врага более энергичного и опасного⁶⁸.

Воспитавшись в стороне от лангедокского движения, незнакомый с учением Оливы, он повторял основную идею последнего, сам не подозревая того. Замечательно, что одинаковое движение возникло одновременно и в Лангедоке, и в Италии; оно исходило из разных и самостоятельных источников, но причина, руководившая этой реакцией, была одна, так как заключалась в общей деморализации нищенствующих орденов и в стремлении поднять последние до прежней высоты.

Дольчино сам не понял своего предназначения: он счел себя провозвестником нового порядка. Он унесся в мир утопий, в видения Апокалипсиса, тогда как создан был для практической деятельности. Он видел четыре периода в жизни человечества (смутное отражение идей бегинов) — ветхозаветный век патриархов и пророков, апостольский, современный и будущий. Современный, начавшийся с папы Сильвестра и Константина Великого, был причиной унижения Церкви, увлекшейся земными благами, соблазненной имуществами; из него Церковь выйдет только самоотвержением и уничтожением своих вождей, не пап, которые к тому не способны, а подвижников — постников, героев духовной силы вроде Доминика и Франциска. Для того чтобы быть достойным служителем Церкви и духа, надо отказаться от всякой собственности и маммоны.

«Папа будет свергнут, — пророчествовал Дольчино в 1300 году, — а король Сицилии, Федерико Арагонский, через три года освободит Церковь»^{*1}. Пророчество отчасти сбылось, хотя желание Дольчино исполнил не тот король, на которого он рассчитывал^{*2}.

После этого должно было начаться духовное Царствие, весь мир преобразоваться в великую братскую общину, управляемую Святым Духом, который вселится на этот случай в него самого, следовательно, ему будет принадлежать духовная власть над миром. Вместе с тем он считал себя шестым Ангелом Апокалипсиса^{*3}. Дольчино скоро стал главой общины, если далеко не столь значительной, как он предполагал, то и не особенно аскетической. У него нашлись сотни преданных людей, искавших нравственной чистоты и ради нее всегда готовых обнажить меч, но не отказывавших себе в удовольствиях брака. В Цебелло^{*4} он видел новый Фавор, который был для его геройских последователей тем же, чем некогда Монсегюр для альбигойцев. Благородные мечтатели долго защищались здесь от крестоносцев Климента V, предводимых доминиканцами, но голод вынудил их сдаться (69). Страшные пытки и костер покончили с пророком. Его сестра во Христе или, точнее, жена сгорела вместе с ним.

Беда Дольчино была в том, что он не сознавал своего истинного призвания, не мог встать на настоящую дорогу и растратил богатые силы на мистицизм и визионерство. Это был полный контраст практической натуре Бернара Сладостного, который в эти самые годы так ловко и с таким успехом боролся за ту же идею терпимости, которая в сущности подвинула Дольчино на его подвиг.

Исход дела Дольчино невыгодно отразился на провансальцах и их отношениях к инквизиции. Доминиканцы оказали столько услуг в Италии делу папства под Цебелло, что

^{*1} После «Сицилийской вечери» 1282 года, когда местные сицилийские бароны свергли власть анжуйских феодалов, королем Сицилии был провозглашен Педро 111. После его смерти в 1285 году его сын и преемник на Сицилии Джакомо передал остров в непосредственное владение папы. Однако в 1296 году сицилийцами был провозглашен королем брат Джакомо Федерико II, который много лет воевал против папы и анжуйского дома. Права арагонской династии (младшей ветви королей Арагона) на Сицилию были признаны папой в 1302 году.

^{*2} Папу Бонифация, как мы помним, сверг французский король Филипп Красивый.

^{*3} Смотри: Откровение от Иоанна XVI, 12: «Шестой ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы был готов путь царям от восхода солнечного...»

^{*4} Гора на границе долины реки Сезии, фактически захваченной восставшими, где Дольчино и его последователи в 1305 году выдержали осаду крестоносцев и даже нанесли им поражение. Но новый крестовый поход против них в 1307 году закончился падением общины на горе Цебелло.

Климент V отныне стал видеть в них своих верных друзей. Потому, инквизиторы, которые сожгли Дольчино и его жену, стали снова опорой папского престола.

Распоряжения кардиналов были уничтожены, и папа особой буллой воспретил всякое препятствие и помехи инквизиции при исполнении ею своих обязанностей. Те, кто некогда боролись с ней, были объявлены еретиками. Под эту категорию подпали, между прочим, и те, которые спаслись от королевских преследований по делу о доне Фернанде. Знакомые нам Проби, Гарсиа, Франса, Караман и другие горожане из Каркассона, Альби и Лимукса щедро платили в Лионе деньги при папском дворе разным кардиналам и родственникам Климента V, надеясь откупиться от наказаний. Кардинал Сайта-Кроче взял две тысячи ливров, племянник папы столько же, — но тем не менее виновные должны были подчиниться церковным наказаниям, положенным трибуналом.

Бернар оставался на свободе, пока его соучастие в обществе бегинов не сделалось слишком явным, чтобы не повлечь к преследованиям со стороны папы.

Климент V смотрел на оппозицию францисканцев как на нарушение дисциплины и возмущение среди ордена. В булле «Исходя из рая» он, не осуждая духовенство, тем не менее требовал их примирения с орденскими властями (70). Он упускал из виду своеобразность их богословских воззрений, которые, впрочем, не выработались в стройную форму, а только смутно бродили в умах этих отшельников. То, от чего отказался Олива, сделалось верой его последователей, за которую они готовы были пострадать; некоторые прибавили к тому свои собственные измышления.

История Церкви представлялась их воображению в семи периодах. Сошествие Святого Духа, побиение Святого Стефана, Никейский Собор, Павел Самосатский, Карл Великий, Святой Франциск и, наконец, умерщвление Антихриста, который народился в лице пап, отвергающих апостольский устав, — вот знамения этих периодов (71). Франциск в мистических выражениях признавался первым после Христа и его Матери; он воскресил Церковь в Его духе; он был Апостолом Апокалипсиса и когда нисходил для властвования в шестом и седьмом периодах Церкви, то прямо называл себя обновителем ее великолепия и ее хранителем. Плотская Церковь должна пасть и замениться Церковью Святого Франциска.

Одно из положений Оливы, за которое продолжал ратовать де Казаль и его братья, было признано уже не мистическим, а явно еретическим и «ужасным». Папа, по учению де Казалья, грешил, если покушался менять устав Святого Франциска или давал право собственности миноритам. Наконец, Римская Церковь устами бегинов была провозглашена преступной, великой блудницей, потому что удалась от истинного служения, чистой любви и утех Христа, супруга своего, прильнула к миру земному, его богатствам и прелестям — а потому служит дьяволу, королям, вельможам, прелатам и другим поклонникам этого царства.

Смерть Климента V и наставшая после него неурядица среди курии^{*1} были причиной усиления бегинов. Они приобрели покровительство Федерико Сицилийского и поглотили в себе сходных с ними по проповеди итальянских последователей Сегарелли и Дольчино. В Лангедоке был центр оппозиции. Бернар Сладостный стал вождем ста двадцати братьев, живших в разных городах. Он решился употребить это воинство на борьбу за терпимость. Многие из них были схвачены и посажены в тюрьму. Каркассонский и безьерский монастыри францисканцев сделались открытыми центрами оппозиции против инквизиторов и вообще доминиканцев. В Каркассоне народ кинулся на доминиканский монастырь, овладел им, открыл тюрьмы и освободил пленных миноритов. Подобные же беспорядки в том же 1314 году были произведены в Нарбонне и Безьере — здесь напали на францисканские монастыри^{*2}, сменили в них начальство и ввели порядки новых «апостолов» (72).

Новый папа Иоанн XXII, открывший собой ряд авиньонских первосвященников, в самом начале своего правления принял ряд строгих мер против лжеапостолов. Он приказал королю Федерико изгнать из Сицилии тех францисканцев, которые не желают подчиниться своему генералу и общим постановлениям ордена. Буллой «К чему требуешь...» он предписывает всем отпавшим немедленную по-корность духовному начальству.

^{*1} В течение двух лет, вплоть до избрания Иоанна XXII в 1316 году, папский престол был свободен.

^{*2} На монастыри «умеренных» францисканцев.

«Нищета — дело почтенное, целомудрие еще выше, но послушание есть высшая добродетель», — писал он.

Провинциал Аквитании, Бертран де ла Тур, хотел привести в исполнение распоряжение папы, но встретил решительное сопротивление. Он приказывал сменить короткие рясы на обыкновенные — ему отвечали, что этот костюм установлен самим Франциском. Когда тот стал настаивать, они апеллировали на папу несправедливого папе беспристрастному.

Их протест был покрыт сорока шестью подписями, Иоанн XXII велел пригрозить подписавшимся отлучением.

Тогда они потребовали суда и пошли в Авиньон. Все они были из Нарбонны и Безьера. Дорогой к ним присоединилось несколько других, так что набралось семьдесят четыре человека. Их вождями были Убертин де Казаль и Бернар Сладостный; вместе с ними приобрели известность Франциск Санций, Вильгельм Сент-Аманд и Анжелик Кларен.

Прибыв в Авиньон, бегины не захотели остановиться во францисканском монастыре и расположились ночевать на лестнице папского дворца.

Иоанн XXII встретил их ласково и стал уговаривать, но когда увидел в них непоколебимую стойкость, то ввел в залу нескольких францисканцев, которых стал осыпать порознь беспощадными обвинениями. Бернар Сладостный, Вильгельм Сент-Аманд, Франциск Санций защищались так резко, наговорили Иоанну в глаза столько правды, что папа вышел из себя и с досады велел заключить их троих в тюрьму, прочих же держать под стражей до окончания суда.

Напрасно бегины зывали к справедливости — их больше не слушали. Инквизитор, францисканец Михаил, начал процесс, который продолжался два года.

Между тем Иоанн XXII издал буллу, в которой суждения бегинов были объявлены еретическими. Узнав об этом, сорок девять подсудимых немедленно заявили повинование, но двадцать пять долго стояли на своем. Впрочем, из них только четверо сохранили до конца свои убеждения и изъявили готовность умереть. Это были Иоанн Барро, Михаелис, Вильгельм Сантон и Понс Роча. Что касается Бернара, то он, к удивлению, отрекся, думая сохранить свободу и жизнь. Для него не устав Святого Франциска был вопросом первой важности — своим призванием он считал борьбу с инквизицией и нетерпимостью. Он рассчитывал принести еще какую-нибудь пользу своей стране, но ошибся.

Четверо упомянутых бегинов были привезены в Марсель; здесь их поставили перед трибуналом инквизиции. Они проявили истинное геройство. Их процесс имеет исторический смысл, что обыкновенно упускают из виду. Важно не то, что они защищались, а та идея, которая двигала ими. Они были первыми, кто, будучи правоверными католиками, бесстрашными борцами своей веры, решились высказаться против гнета папства и отказались признать авторитет одного человека, какую бы степень в иерархии он ни занимал. Католики до мозга костей, они погибли за тот самый принцип, какой руководил позднейшим протестантизмом.

Из протокола этого процесса видно, как подсудимые отрицали право папы определять ту или другую степень бедности и подвижничества, какую кто хочет возложить на себя лично или на все братство, что он не может разрешить монаху, священнику или епископу свободы в образе жизни, которой прежде не допускалось, а равно возбранить говорить и действовать против нововведений апостольского престола. Равным образом папа не может кассировать устав Святого Франциска или какой другой; это явно противоречило бы власти апостольской, так как равнялось бы уничтожению и исключению ордена из среды других. Папа не может допускать, чтобы орденские власти и казначеи по своему произволу наполняли житницы и погреба братии необходимыми продуктами; такое толкование права первосвященников влечет к несообразности и не согласуется с апостольской властью (73).

В сущности бегины просили немного. Они хотели обязать себя уставом более строгим, который всякий папа при других обстоятельствах счел бы себя счастливым утвердить своей подписью. Они отрицали авторитетность буллы «К чему требуешь...», опираясь на ее противоречие с прежними. Но инквизиция понимала, что мотив, руководящий движением бегинов, при логическом своем развитии, может повести к результатам весьма опасным для папства. Потому-то инквизиция смотрела на этот по видимости ничтожный протест как на самое тяжелое преступление. Объявленные нераскаянными еретиками, четыре францисканца были осуждены на низложение, которое было поручено привести в исполнение марсельскому епископу. Окруженный духовенством, он с торжественной церемонией совершил этот обряд седьмого мая 1318 года. Одну за другой снимали с осужденных все принадлежности духовного сана, произнося при этом положенные формулы. Еще раз убеждали их отречься, и они еще раз заявили свою

правоту (74). Тогда им обрили головы и передали в руки светской власти. Они сгорели живыми и до последнего дыхания не могли упрекнуть себя ни в чем.

Друзьям и вождям их дела не доставало душевной энергии, чтобы доблестно отстоять ту идею протеста против папских притязаний, которую они приносили с собою. За это они сохранили жизнь и свободу, хотя не избавились от церковного покаяния, благодаря «справедливости и благосклонности» святейшей инквизиции.

Но между тем был человек, еще не переставший казаться опасным для Римской Церкви. Он осмеливался восставать против учреждения, которое оказало ему столько услуг. Он неоднократно наносил инквизиции такие удары, воспоминание о которых исчезнет не скоро. Папа, простивший Бернара, с целью успокоить волнение его примером, теперь должен был отдать его в жертву врагам. Над Бернаром тяготело столько старых грехов, что за уликами дело не стало. Его вызвали в Авиньон. Он чувствовал, что на этот раз ему не избежать наказания, и составил завещание, в котором распорядился своим скудным имуществом, состоявшим из книг.

Папа лично объяснялся с ним, и два дня спустя, 24 мая 1318 года, Бернар был арестован. Епископу труаскому, аббату Святого Сатурнина было поручено произвести следствие (75). Обвинительный акт состоял из шестидесяти статей, читая которые можно подумать, что подсудимый принадлежит к числу отъявленных злодеев. В сущности Бернар обвинялся: 1) в покушении против безопасности инквизиции, 2) в защите, которую он оказывал еретикам, и 3) в попытке к мятежу против короля.

В последнее время он не производил никаких волнений против трибуналов и не защищал еретиков, а что касается до его политической деятельности, то правительство в настоящее время ничего не имело против него. Политические обстоятельства так переменились, что подобное обвинение не имело уже значения. Для уяснения этого стоит только кинуть взгляд на предшествовавшие политические события, и, пока судят нашего героя, посмотрим, какое положение застигло в это время французское правительство.

Филипп Красивый сошел в могилу^{*1}, оставив государство накануне бури. Перед смертью он, всегда так прозорливый, подозревая вокруг себя все, не питал никаких подозрений относительно Бернара. Лангедок привык к ярму, и когда в северных провинциях королевства, изнуренных налогами и бедностью, произошли восстания против административного гнета во имя старых привилегий, Юг был вполне спокоен, хотя там, как казалось, было куда больше горячих материалов.

Филипп не увидел падения системы, насажденной его предками. Он чувствовал себя в силах бороться с феодальной и коммунальной оппозицией, для которой его смерть была счастливым событием. Он передал взволнованное государство неспособному сыну^{*2}, который был далеко ниже своего положения. Руководимый своим дядей, Карлом Валуа, воспитанный во вражде к легистам, он сделал все, чтобы восстановить старое феодальное время, к которому имел личные симпатии. Он видел, как аристократия соединяется с коммунарами, чтобы вместе действовать против него, и как Франция покрывается мелкими лигами. Вместо того чтобы опереться на преданных легистов, создавших монархию, король сам принес их в жертву оппозиции и ревностно заявлял себя другом рыцарства.

Напрасно объяснять успех феодальной реакции, наставшей после смерти Филиппа Красивого, только личностью нового короля. Механизм, созданный искусственно и слишком рано, вопреки всем экономическим законам, не мог упрочиться сразу: он жил крайним напряжением государственных элементов, которые наконец истощились. Когда погибли творцы системы, прорвались прежние искусственные плотины и Франция на несколько лет вновь объята духом партикуляризма, который два века искореняли короли. Вешая министров своего отца, Людовик X заносил нож на самого себя и губил дело, которое создано такими талантами и с такой традиционной энергией. Обессиленный, он отдался течению. Все сословия и области просыпаются после долгого сна и требуют возвращения того, что у них было отнято коварными королями. Редко в столь короткий срок было сделано так много; 1314, 1315, 1316 года погубили то, что создавалось веками.

Казалось, Франция грозила снова рассыпаться на отдельные области. Но в это время, когда провинции одна за другой приобретали себе хартии свободы, когда феодалы Пикардии, Нормандии, Бургундии, Шампани выговаривают все старые привилегии и даже право чеканить

*1 В 1314 году.

*2 Людовику X (правил в 1314-16 годах).

монету, освобождаясь от обязательной службы под королевскими знаменами в случае необходимости, когда местные суды отстраняют надзор парижского парламента, а население, возвратившись к сословному и феодальному суду присяжных, избавляется от пыток, введенных леги-стами и инквизицией, когда восстанавливаются поединки и частные войны, — что предпринимает в это время Лангедок? К удивлению, он, прежде отличавшийся духом независимости, отстаёт на этот раз от прочих провинций.

Южное духовенство и отчасти аристократия принимают участие в реакционном движении, но не по самостоятельному побуждению, а следуя готовому примеру. Города же мало заявляют о себе. Каждое сословие отстаивает свои особенные права. Благодаря политике Альфонса Лангедок так офранцузился, что не думал в этот удобный момент о возвращении своей национальности. Силы страны были разъединены.

Если верить Лафайлю, то еще при жизни Филиппа IV тулузцы ходатайствовали об установлении более постоянной монеты, так как частые изменения ее ценности при упорном возвышении налогов совершенно истощили горожан (76). Король отвечал согласием, так как был стеснен на севере.

Еще более должен был задабривать южан его сын. Но так как южане просили о немногом в их длинных, но малосодержательных хартиях, то легко получили желаемое. Они рядом ордонансов избавлены от платежа денег на фландрскую войну. Вместе с тем прекращены иски небольших сумм, должных евреям, и подтверждены привилегии, данные Людовиком IX и Филиппом IV, то есть замена предварительного заключения денежной поруккой и право судиться собственным судьей. Налоги оставлены те же — единовременные взносы с каждого сенешальства при вступлении на престол доведены до десяти тысяч ливров. Апелляции в парижский парламент сокращены, смотря по важности дел, но не уничтожены; притом в Лангедоке по-прежнему дело вершил сенешаль — и о восстановлении старых судов в грамотах не упоминается. Право чеканить монету получили только некоторые прелаты, но не безусловно, а определялись ее форма и вес. Феодалы получили право частной войны и право отчуждения недвижимости, которое разрешал Альфонс только под условием уплаты пошлины.

Все это в сравнение не идет со знаменитой Нормандской Хартией (март 1315 года), с восстановлением старинных «добрых кутюмов» в Оверни (декабрь 1315 года) и с возрождением самостоятельности феодальных дворов в Бретани (март 1316 года). Между тем последние страны далеко не имели богатой национальной истории Лангедока и Прованса.

Известно, чем кончилась реакция. Она установила идею индивидуальной свободы каждого сословия, но упустила из виду государство. В этом достоинства и недостатки движения. Французская аристократия доказала в такой редкий момент полное свое неумение воспользоваться выгодами положения; она не умела стать единым политическим телом и не хотела протянуть руку другим сословиям, чтобы выработать единодушными усилиями из множества частных грамот одну хартию свободы и встать на конституционный путь. Она заботилась только о себе; все сословия были разъединены, и королевская власть должна была поневоле взять управление государством из рук феодальной партии и вступить в свои старые права.

Это случилось при Филиппе V, когда легисты снова принялись исправлять ошибки феодалов^{*1}. Прямо из темниц они встали у кормила власти. Аристократия, польщенная сохранением своих сословных прав, без борьбы возвратила королям свои политические права. Старая тирания Филиппа Красивого уже не могла вернуться после опыта 1315 года, но принцип самодержавной власти и нераздельности монархии был провозглашен решительно, и теперь уже бесповоротно направил судьбы Франции.

Право чеканки монеты, в истории которого можно прочесть историю монархической власти, было отнято от феодалов в июне 1317 года. Парижский Совет или парламент получил наряду с королем важнейшее значение в государстве; его организация и пределы власти были усовершенствованы. Тем не менее средневековые государственные идеи, которые клонились к гибели, благодаря феодальной реакции, на некоторое время продлили свое существование.

Мы позволим себе заметить, что действия инквизиции также отразились на возникновении реакции; это подтверждается тем, что в годы ее проявления трибуналы подвергались безнаказанным и смелым оскорблениям со стороны бегинов и народа и что со дня новой победы королевской власти ее могущество было снова упрочено распоряжениями гражданских властей,

*1 После 1316 года.

которые клялись ей вместе с консулами в повиновении, заключали с ней союзы и поспешили ознаменовать правление Филиппа V церемонией аутодафе.

Только указанными обстоятельствами объясняется процесс Бернара. Его судили полтора года, когда вздумали возбудить вопрос о тех преступлениях, за которые он уже поплатился заточением. Так как ограничиться одним возобновлением обвинения было неудобно, то отыскивали такую вину, о которой Бернар даже и не думал. Его обвинили в смерти Бенедикта XI при помощи колдовства и отравы, тогда как он не имел случая даже видеть этого папу. Подобные обвинения при Иоанне XXII были особенно распространены и давали немалый материал для деятельности трибуналов, — вопреки своему первоначальному назначению взявших в свое ведение процессы о волшебниках, ведьмах и некромантах.

В таких преступлениях феодальная партия обвиняла, между прочим, министров Филиппа IV, Энгеррана Мариньи, епископа шалонского, Петра де Латильи и генерального адвоката Рауля де Пресля, из которых все последние выдержали пытку и были освобождены, а Мари-ньи и некромант Делор с его женой были повешены за то, что делали восковые фигуры короля и баронов, с целью извести их.

Обвинение же, взведенное на Бернара, не было даже достаточно прилажено — и в этом отношении довольно характерно. В процессе значится, что он «послал к римскому двору вестника и с ним ящичек, обитый в холст, запертый замочком, наполнив его разными снадобьями, питьями и порошками; в него же он положил письмо, писанное собственною рукою, и при помощи всего этого сократил жизнь папы Бенедикта XI». Сказывали, что он «в проповеди перед альбигойцами говорил о смерти папы в самый день его кончины» и что он, наконец, «имел книгу, исписанную разными кружками и непонятными изречениями, по которой и занимался предсказаниями» (77).

Прискорбнее всего то, что прежние друзья Бернара, вызванные по этому делу, дали показания, самые благоприятные для инквизиции. Патриоты вроде Кастанета и Франса простодушно верили в чудесничество своего вождя; они говорили, что Бернар посылал их за воском и холстом, в который завернул кожаный ящичек, отправленный им в Италию к доктору Вилланова, его приятелю, для передачи папе. Свидетели думали, что посылаются письма, но совпадение внезапной смерти папы и этой таинственной посылки навело их на мысль о колдовстве. Теперь совесть этих людей была спокойна — то могущественное влияние, которое производил на них Бернар, они могли легко объяснить его сношениями с нечистым духом.

Из Авиньона Бернара повезли в Кастельнодарри, где были назначены заседания особого верховного судилища, состоявшего из лиц светских и духовных. Дорогой он узнал о сожжении в Марселе четырех бегинов. Он писал, что та же судьба постигнет и его. Он осуждал вслух незаконный суд и называл этих страдальцев святыми мучениками. Эти слова послужили после фактом для нового обвинения в ереси.

В сентябре 1319 года сперва в Кастельнодарри, а потом в Каркассоне, собрался верховный трибунал по делу Бернара. Его процесс не носил на этот раз инквизиционного характера. Председателем был назначен архиепископ тулузский, но он удалился со второго заседания, оставив вместо себя двух суффраганов. Представители светской власти именем короля предложили относиться к делу беспристрастно и не медлить с его окончанием. Подсудимому были представлены все протоколы, и он признал их подлинность.

Бернар открыто, с некоторой торжественностью, сознавался в той глубокой ненависти, которую он питает к инквизиции и к доминиканцам, ее орудиям. Он считает лучшим делом своей жизни эту борьбу с тиранами города Альби, и если он не смог достичь цели своих желаний, то об этом душевно и искренно скорбит. Он добавлял, что не может считать себя ответственным перед собственной совестью за такое честное дело. Допрошенный о сношениях с принцем Фернандом, он скрыл некоторые факты против своих прежних показаний. Инквизиторы потребовали пытки, причем постановили, чтобы палач сообразовался с его летами и не довел бы подсудимого мучениями до смерти или лишения членов, но, впрочем, палача не стесняли в выборе и продолжительности истязаний. Бернара, в сопровождении нотариусов и актуария и одного инквизитора, повели в пыточную камеру. При всей слабости природы он выдержал страшные истязания — он стонал от боли, не произнося ни одного слова. Вероятно, он упал в обморок. Подобные явления случались часто, пытка в большинстве случаев обманывала ожидания судей. С истязаемыми обыкновенно происходил обморок, и вместо ответов, которых от них добивались, они издавали пронзительные крики, бессвязные восклицания и после мучений долго не могли прийти в себя, чтобы понять, чего хотят от них мучители.

Но на другой день Бернар показал уже всю правду о заговоре. Он удерживал от него товарищей и никогда не одобрял такого способа действий. Во всяком случае, как дело политическое, оно было уже давно закончено и он в свое время дал в нем ответ перед королем, который простил его. Что касается обвинения в отравлении Бенедикта XI, то Бернар даже отказался отвечать на навет столь нелепый, для которого нет даже сколько-нибудь действительных улик. Инквизиторы опять прибегли к пытке. Бернар геройски выдержал новые мучения. Даже из страха смерти, на дыбе, он не хотел возвести на себя клевету.

Как ни старались палачи и судьи, нотариусы не могли записать в протокол ни одного точного показания. Нотариус объявил суду, что подсудимый не сознается. Как известно, это обстоятельство не служило бы гарантией подсудимому, тем более что на нем висели и без того достаточные обвинения, «бездны зла», как выразилось судилище. На Бернара возвели также обвинение в некромантии, вызове духов, наконец, в чтении запрещенных книг, между которыми на первом месте стояли сочинения Оливы и комментарии на его трактаты (78). Он не хотел оправдываться в этом, потому что сочувствие к стремлениям «истинных миноритов» было не чуждо ему, а к вождю нового направления он питал даже глубокое сочувствие. Суд был окончен.

8 декабря 1319 года Бернара вывели на каркассонскую площадь. В присутствии всего городского и приезжего духовенства и несметной толпы народа, прочли длинный приговор. Его преступления состояли в том, что он осмелился поносить инквизицию, которую неоднократно оклеветал-де в несправедливости и жестокости, кощунственно выражаясь о ее мнимой готовности осудить даже святых апостолов, что он возмущал народ против нее и заставлял не раз прибегать к насильственным действиям, что он изменнически сносился с принцем Фернандом, желая предать ему город Альби и Каркассон, что он держал, читал и комментировал книгу по некромантии о вызывании духов, о приношениях им, о кудеснических заговорах, о колдовстве и всяком зле. За все это судилище в неизреченной милости своей приговаривает его к лишению церковного сана, монашеского чина и к пожизненному заточению в оковах в инквизиционной тюрьме, в продолжение которого он не может ничего вкушать, кроме хлеба и воды.

Народ, за свободу и счастье которого Бернар боролся так бесплодно, так долго и ради которого он пострадал, не шелохнулся ни одним движением, слушая чтение сентенции трибунала. Епископ приблизился к осужденному и расстриг его. С него сняли все священнические одежды, произнося следуемые по обряду формулы. Королевские судьи изъявили свое согласие с приговором. Затем Бернара отвели в тюрьму. Ему не суждено было долго страдать в страшном каземате. Он умер спустя год с небольшим...

Французское правительство продолжало поддерживать и усердно поощрять инквизицию. Оно считало приговор судилища над Бернаром слишком мягким. Королевский прокурор заявил судьям, что они были слишком милостивы к преступнику, злодеяния которого так громадны, что они не должны были принимать оправданий его в отраве папы Бенедикта, что заточение для убийцы наказание весьма снисходительное. «Интересы правосудия нарушены, королевское достоинство оскорблено»,— писал прокурор (79).

И чего домогалось правительство? Бернар не имел никакого имущества, чтобы завещать его королевской казне; каземат он охотно променял бы на эшафот. Прокурор хотел отличиться в документальной преданности Церкви. По его мнению, монах, покусившийся на жизнь первосвященника, должен был «несколько раз умереть». Он апеллировал к папе на трибунал, настаивая на смертной казни францисканца. Но Иоанн XXII был спокоен и доволен. Усердие прокурора оказалось излишне, но для отношений того времени оно осталось характерным.

Последние альбигойцы

Казнь четверых бегинов и заточение Бернара было началом целого ряда подвигов инквизиции над францисканцами, державшимися учения Оливы. Сведения о процессах альбигойцев становятся редкими, притом в них почти всегда замешаны францисканцы, обвиняемые в лжеапостольстве. Бегины и вальденсы, говоря в целом, начиная со второй четверти XIV столетия сменяют альбигойцев.

Из этого не следует, чтобы катары совершенно исчезли; они в такой степени слились с альбигойцами, что было бы слишком смело оставить в стороне инквизиционные преследования, которыми так богат 1319 год и жертвой которых были в одинаковой степени все протестанты, то есть бегины, вальденсы и собственно альбигойцы. Тогда же обрушилось преследование на французских евреев вместе с прокаженными.

Евреев жгли повсюду по двести человек разом благодаря указам Филиппа V, который получил от такой операции сто пятьдесят тысяч ливров (80). В продолжение периода времени от 3 марта 1308 до октября 1319 года, только в одной Тулузе было шесть больших инквизиторских съездов, которые вежливо назывались публичными назиданиями. Эти оригинальные беседы влекли за собою те же костры. В Кабестане, Лодеве, Люнеле, Безьере, и особенно в Нарбонне, казни совершались непрерывно до 1324 года. Они были вызваны процессом Бернара и оппозицией францисканцев.

Мы имеем подробные сведения о подвигах Бернарда Гвидона и Иоанна де Бонь, председательствовавших на тулузском съезде 1319 года. Заседания суда происходили в кафедральном соборе. Особенно торжественно было заключительное заседание (81). Инквизиторы разобрали множество дел, старых и новых. Епископы окрестных диоцезов дали Гвидону полномочия судить и карать от их имени. Муниципальные власти Тулузы, королевские судьи и чиновники поклялись оберегать Римскую Церковь, преследовать еретиков, доносить на них и исполнять повеления инквизиторов. Присутствовавший здесь же архиепископ произнес проклятие против тех, кто будет оказывать препятствия и помехи делу инквизиции. Тогда инквизитор стал читать помилования по старым делам и сентенции по новым, — по-провансальски и по-французски. С двадцати человек была снята епитимья; пятьдесят шесть человек освобождены от заключения с обязательством носить покаянную одежду; двадцать пять за сношения с альбигойцами и вальденсами осуждены были на пилигримство и разновременные заточения. Затем было прочитано сознание двадцати семи подсудимых. Они каялись в том, что покровительствовали еретикам; за раскаяние они получили разрешение от проклятия, но тем не менее осуждены были на тяжелое пожизненное заточение. Это были по большей части бургундские ремесленники. В их числе был один отпавший, перекрещенный еврей. Вероятно, в глазах инквизиции альбигойство было преступнее иудейства, потому что осужденному сохранили жизнь.

Затем следовали сентенции о десяти умерших в продолжение процесса, имущества которых были конфискованы в пользу инквизиции. Трое умерли, исповедуя ересь, и этим избавились от мучительной казни; их кости были вырыты из могил и сожжены. Наконец, был прочтен приговор о нераскаянных и отпавших. Их всего было восемнадцать человек: из них четырнадцать бежавших и осужденных заочно. Один бургундский священник Иоанн Филиберт, уже раз получивший прощение, снова стал последователем вальденсов; его передали в руки светской власти для исполнения над ним казни и предоставили ему милость перед смертью исповедаться и приобщиться, если того он сам пожелает. Другой раскаялся на суде, но потом заявил, что его раскаяние было вынуждено пыткой и что он не хочет оправдываться и каяться; ему было дано пятнадцать дней на размышление. Все четверо были сожжены, на прочих кострах сожгли чучела четырнадцати бежавших.

В следующем месяце тот же инквизитор Иоанн де Бонь, по своем возвращении в Нарбонну, сжег еще трех еретиков. Замечательно, что эти жертвы послужили поводом к недо- разумению между инквизицией и светской властью. Каждая хотела присвоить себе право исполнить казнь. Спор кончился в пользу короля. Королевский наблюдатель, граф Форец, внушительно заявил, что исполнительная власть исключительно во всех подобных случаях принадлежит ему.

Папство не могло тогда найти человека более ревностного для исполнения обязанностей великого инквизитора в Лангедоке, как Бернарда Гвидона. Родом из лемузенского рыцарства, он надел рясу доминиканца, чтобы стать инквизитором. Он обладал известностью писателя и среди своих полицейских занятий не переставал посвящать часы досуга историческим трудам. Пятнадцать лет он был великим инквизитором и в продолжение этого времени (1307—22 годы) осудил шестьсот тридцать семь еретиков на различные наказания. Тут были последователи всех тогдашних сект: вместе с евреями — альбигойцы, вальденсы, бегины.

После казней 1319 года, Бернард Гвидон пробыл некоторое время в Тулузе, потом предпринял поездку в Памьер. Там ему предстояло много такой работы, которой он привык отдаваться с увлечением. Быстро окончив ее, то есть учинив несколько «публичных заседаний» и «актов веры», Бернард вернулся в Тулузу, успев снова заявить свою ревность к Церкви, и в вознаграждение получил место епископа Лодевы.

В период, следовавший непосредственно за 1320 годом, основные преследования инквизиции сосредоточиваются на бегилах. Мы не будем перечислять подробно все процессы, потому что не хотим наводнять книгу каталогом собственных имен. Мы сообщим только те интересные данные, которые могла почерпнуть провансальская и ломбардская инквизиция об

убеждениях бегинов, лжеапостолов и бедных братьев. Что прежде было известно намеками, теперь уяснилось вполне.

«Эти люди исходили из того, — говорит неизданный протокол трибунала, — что Христос был беден, а апостолы не имели ничего». Что вернуть Церковь к истинным ее основам взялся Святой Франциск. Этот подвижник не только после апостолов, но даже после самого Христа и его Матери, служит высшим выражением евангельской высоты; он обновитель последнего, шестого периода Церкви, современного бегинам. Наставления Франциска представляют истинное евангельское учение, поэтому никакой папа не может ни в чем изменять его предписаний, то есть обетов нищеты, послушания и целомудрия, данных последователями Франциска. Облегчая их, изменяя, уничтожая, папа поступил бы против Евангельского учения. Францисканец должен сохранять их свято, даже на папском престоле.

Мы знаем, что бегины питали страшную ненависть к учреждениям плотской, то есть Римской Церкви. Они предрекали, что эта вавилонская блудница будет разрушена, как некогда еврейская синагога. Федерико, король Сицилийский, этот друг бегинов, будет содействовать ее разрушению. Ни французский, ни неаполитанский король не спасут папу. Римского первосвященника эти францисканцы называли хищным волком, лживым пророком, Каиафой, осудившим Христа, Иродом и тому подобное. Он со своей Церковью погибнет от руки Антихриста, который родился в мире с тех пор, как начались преследования на истинных францисканцев; это было около 1325-35 годов. Все монашеские ордена погибнут от руки Антихриста, кроме францисканцев, и притом только тех из них, которые будут принадлежать к общинникам, братьям и духовным^{*1}. Собственно, только последние доживут до кончины века, ибо так Господь обещал блаженному Франциску.

Все подробности, сопровождающие пришествие Антихриста, носят фантазмагорический, мифологический характер, навеянный библейскими воспоминаниями. С Антихристом восстанут сражаться двенадцать колен израильских, в каждом двенадцать тысяч ангелов, то есть сто сорок четыре тысячи духов со знаменем Бога. Победа будет одержана, но ценой избиения всех христиан, кроме бегинов. Духам-победителям после великого побоища явятся Илия и Энох. И не останется тогда на земле мужей христианских; жены будут обнимать в отчаянии деревья. После того придут сарацины. Войдут они в землю христианскую через Нарбонну и уведут всех оставшихся жен и станут жить с ними. Так сказал сам Господь брату Оливе. Новая Церковь по примеру первобытной будет иметь также двенадцать апостолов, которые обратят весь живой мир в новую веру. Все зацветет тогда: настанут блаженные времена. Люди станут братьями: все у них будет общее и потому им не будет надобности враждовать между собою. Грех исчезнет из мира; одна любовь будет царствовать между людьми. Это будет продолжаться сто лет, потом зло опять малопомалу станет вселяться в людей.

Здесь пророчества бегинов обрываются. Они верили в слабость и бессилие человека, в непрочность всего земного. Они полагали, что Христос снизойдет тогда снова совершить свой суд (82).

Вальденсы в глазах инквизиции почти ничем не отличались от бегинов. Их отдельная история, не подлежащая нашему изложению, начинается той поры, как они выселились из Лангедока и Прованса в долины Дофинэ, Швейцарии и Пьемонта. Там, где Альпы соприкасаются с отрогами Юры, они сохраняют свои верования до настоящего времени, несмотря на все тяжелые гонения, которые они претерпели.

Несколько альбигойских семейств выселились вместе с ними и жили общей жизнью, пока разгром 1387 года, а именно приезд инквизитора Антония де Савильяно, не уничтожил, как надо полагать, остатков альбигойства на Юге. Провансальские эмигранты занимали преимущественно укрепления: Салюццо, Пиньероль, Сузу, Шери (в Пьемонте); Барселонету, Кейрас, Фрейзиньер (в Дофинэ); альпийские ущелья: Ангронью, Сан-Мартино, Люцерн, Праджелу, Валь-Жирон и другие.

В некоторых местностях, как, например, в Фрейзиньере, протестанты жили еще до Вальдо и туда гнев римской курии направлен был издавна. Папские буллы то и дело предписывали истребление тамошних еретиков. Один инквизитор, явившийся туда в 1238 году, клеймил вальденсов раскаленным железом. Через сто лет с небольшим, в 1344 году, вальденсы принуждены были из Фрейзиньера перебраться в Пьемонт. Им предлагали или отречение или по-

*1 Перечисляются направления внутри францисканства, в различной степени оппозиционные папству.

головную ссылку. Редко, как, например, в Ангронье, вальденсам удавалось вооруженной рукой отстоять свою веру от инквизиции. Но напрасно: на помощь инквизиции являлось, по обыкновению, содействие гражданской и военной власти.

В Дофинэ, в долине Валь-Жирон, один балль объявил награду за голову вальденса в восемь солидов и тридцать денариев золотом. Это не осталось без последствий. В конце XIV столетия над вальденсами усиливается надзор, а с ним и преследования.

Неосторожные монахи, такие, как Антоний де Паво и Бартоломей де Червере, погибли от рук еретика, но общинам от того не легче. Страшным предчувствием отразилось в сердцах французских и итальянских вальденсов известие о приезде верхнеломбардского инквизитора Савильяно в Пиньероль и Киери, старые прибежища еретиков в северной Италии.

До нас дошли протоколы этого процесса целиком, со всеми подробностями (83). В них, собственно, интересны те обстоятельства, которые указывают на постоянную и взаимную дружбу между альбигойцами и вальденсами. Инквизитор часто становился в затруднение, к какой ереси отнести своих подсудимых. От постоянного общения догматы одного исповедания смешались с другими, так что катарство в его первоначальном виде исчезло.

Но, во всяком случае, пиньерольские еретики, которых явился карать Савильяно, в 1387 году были менее вальденсы, чем катары. Они, конечно, сами могли называть себя вальденсами, так как жили в одинаковых политических условиях с обитателями других соседних долин, но их дуализм и воспоминания о манихеях ясно показывали существенное направление их религиозных убеждений. У них было видно также знакомство с воззрениями бегинов. Пиньероль был, одним словом, сборищем последователей всех учений, враждебных Риму⁸⁴.

Впрочем, строй церковной общины продолжал оставаться чисто альбигойским — с диаконами, старшими и младшими сыновьями. Существенное сходство с вальденсами, не обманувшее инквизитора, состояло разве в том, что его подсудимые в одинаковых с ними выражениях осуждали Римскую Церковь, называя ее блудницей, отвергали посты и осуждали светскую власть католических государей.

В марте 1387 года инквизитор верхней Ломбардии, Антоний да Септо ди Савильяно, проведая, что число еретиков в Пиньероле и в соседних с ним селениях Сан-Мартино, Нерозе, Люцерне и Асти не уменьшается, явился перед пиньерольцами со всем трибуналом. Он имел целью произвести, между прочим, следствие по поводу убийства монаха Паво, в котором прямо обвинялись жители Перозы. Савойский герцог предписал своему канцлеру, а также и пиньерольскому судье оказывать содействие инквизитору. По водворении в Пиньероле трибунал прежде всего воспользовался одним священником по имени Галозна да Сан-Рафаелло, который был заподозрен в сочувствии к ереси и который, испугавшись пытки, согласился стать доносчиком на горожан. Священник был заключен в тюрьму, где ему пришлось просидеть более года до окончания следствия. Городской нотариус стал делопроизводителем трибунала. В одну ночь было разобрано дело четырех главных подсудимых. Первым привлечен зажиточный горожанин Иоанн Фовр. Его привели в капеллу. Вопросы, которые предлагали ему, сходны по существу с допросом прочих подсудимых (85). Его обвиняли, что он присутствовал при проповеди и благословении хлеба и вина, то есть при *consolamentum*. Он сознался, что пробыл всю ночь на сходке, прибавив, что когда погасили огни, то все присутствующие кинулись на женщин и что подсудимый выбрал себе девушку по имени Маргарита, с которой совокуплялся два раза. Двое других, женщина и мужчина, изложили догматы своей веры. Они отрицали Бога-Сына, Духа Святого, молитву за умерших, чистилище. Они сознались, но не с первого раза; господин инквизитор остался недоволен и погрозил пыткой. Но до нее не дошло дело, второй допрос был снят без пытки; обоих подсудимых даже не вводили в пыточную камеру.

Благодаря признанию все трое были осуждены только на пожизненное заточение. Снисхождение было оказано также за то, что подсудимая Матерна назвала поименно до ста подозрительных лиц, которых встречала на сходках. По своим убеждениям подсудимые принадлежали к альбигойцам.

Не такова была судьба Лаврентия Тальярето из Люцерны, который посещал еретических учителей уже после отречения от ереси, каялся у них и получил разрешение, хвалил их образ жизни, пил и ел с ними. Он был осужден, как отпавший, на смертную казнь. Этот человек, вероятно, пользовался большим уважением в общине: он способен был возбудить к себе фанатическую преданность. За его казнь одна женщина неустрашимо назвала инквизитора палачом — при полном заседании трибунала (86). Это была некая Бруинаско, за свою благородную смелость она

поплатилась двойной пыткой — в ее протоколе два раза повторяется страшное и лаконическое: «Господин инквизитор не доволен».

Рядом с действительными еретиками привлечена была к процессу не одна сотня оговоренных; некоторые не могли ничего ответить, когда спрашивали, например, была ли лет двадцать тому назад в таком-то месте конгрегация вальденсов. В Пиньероле Савильяно пробовал вызывать иногда целые деревни.

В продолжение марта и апреля к суду привлекались почти исключительно альбигойцы; изредка встречаем нечто похожее на верования вальденсов; но вот с июня или, точнее, с 29 мая, выступает на сцену и другой элемент церковной оппозиции. То были отложившиеся францисканцы. Брата Антония Галазну прежде всего сочли нужным допросить о том, какое платье он носил, будучи францисканцем; назвав третий орден, он сам выдал себя; четырнадцать лет он принадлежал к обществу бегинов. Он рассказывал об обряде Вечери, который тогда выработали у себя бегины. Некто Мартин призвал к себе двух францисканцев; перед ужином он взял хлеб и преломил его на пять равных частей: две гостям, третью жене, четвертую себе, пятую служанке. Потом пили вино все из одной чаши поочередно. За трапезой Мартин говорил, что нынешние духовные по наружности кажутся благочестивыми, а в душе хищные волки. Он не признавал Бога в Евхаристии, потому что Господь всегда пребывает только на небесах, называл Римскую Церковь домом лжи, прибавляя, что ни папа, ни священники не могут разрешать от грехов, если они только не принадлежат к бегинам. Отвергая чистилище, он допускал вместе с тем, что братья, например, восемьдесят или девяносто процентов не является грехом (87). Подсудимый горько каялся в своем двуличном общении с такими еретиками и предпочитал быть растерзанным волками или погибнуть в страшных мучениях, чем лишиться надежды на спасение.

Но и бегинство не могло повлиять на искоренение альбигойских суеверий (88); проповедь разврата находила много поклонников. Последние следствия были произведены над бегинами из Киери, на которых, в свою очередь, повлияло альбигойство. Приговор инквизиции был торжественно прочтен в Турине и утвержден туринским архиепископом. Иаков Бек, главный подсудимый, был в близких сношениях с упомянутым еретиком Мартином. Он уже тридцать лет носил рясу так называемого третьего ордена; всю свою жизнь он провел в странствиях и несколько раз был в Риме.

Для нас важно, что Иаков Бек имел сношение со славянскими землями; отсюда не переставали приходиться проповедники, хотя боснийская Церковь клонилась уже к падению и носила только политический характер. Трое дуалистов видоизменили бегинство Иакова в смысле смягченного дуализма; между ними был один славянин.

Бог не творил мира видимого, то было делом дьявола, считал Иаков. Мужчина и женщина состоят не из духовного и телесного начала, а суть порождения демона, и те только, кто спасаются на земле, имеют душу ангелов небесных. За тем следовало отрицание таинства и Символа веры, креста и присутствия Спасителя в таинстве Евхаристии. Он не хотел и слышать о таинстве воплощения.

Восставая против папы и его главенства, альбигойцы не понимали необходимости запрещения работы по праздничным и воскресным дням. Они отрицали чистилище и ад: «То и другое и без того видим в повседневной жизни». Не крещение, а обращение в альбигойскую секту очищает человека и избавляет от власти дьявола; для этого требуется полное сознание и зрелые лета. Для женщины, например, срок определен двадцатью пятью годами. Все чтимое иудейской Церковью отвергается, начиная с патриархов и Моисея, кончая святыми и мучениками. Моисей, этот великий грешник, получил свой закон не от Бога, а от дьявола (89). Ни Страшного Суда, ни воскресения мертвых не будет; потому излишни молитвы и подаяния за умерших.

Вот какое учение проповедовалось в Киери. Славянское влияние продолжало действовать в конце XIV столетия. Это было катарство в том самом виде, в каком оно было известно еще три века тому назад.

В пьемонтских ущельях и городах застаем те же обряды между еретиками, какие знакомы читателям из первого тома нашей книги. Традиция не замирала; религиозный обряд совершался с той же точностью и правильностью, как в старые времена. Между прочим находим интересную и новую подробность касательно *consolamentum*. Больного спрашивали, хочет ли он стать мучеником или исповедником. Вероятно, естественная смерть не всегда была последствием болезни, но и другой выбор представлял мало утешительного. Принявши *consolamentum*, больной должен был на трое суток отказаться от пищи и питья и на всю жизнь от своего имущества в

пользу посвященного (90). Случалось, что больной не выдерживал такой суровой диеты и умирал, но наследники уже не могли рассчитывать на его имущество.

Полагаем, что этот факт был одним из явлений деморализации, постигшей альбигойскую Церковь в период ее заката. Пьемонтские альбигойцы называли тогда себя Газарами. Обыкновенно инквизитор обращался к ним с вопросом: «Являешься ли ты Газаром?» Если подсудимый принадлежал к числу «совершенных», то обыкновенно прямо отвечал утвердительно, как бы вызывая тем на бой своего судью. Но в массе своей, как известно, еретики имели наставление не сознаваться для пользы своей веры.

Процесс 1387 года был вызван общим тревожным настроением римской курии. Но если ей легко было выместить тревогу на пьемонтских дуалистах, опиравшихся на отвлеченные принципы, то труднее было победить практическое протестантское движение, которое проявилось тогда в Англии.

Прошло пять лет с тех пор, как на Лондонском Соборе были осуждены положения Джона Уиклифа; уже три года, как не было в живых его самого, но его тень и плоды его учения не переставали тревожить папство^{*1}. Могущественное заступничество короля Ричарда II спасло английского реформатора от казни, — и тем неистовее обрушился Рим на тех протестантов, которые были у него под руками. У уиклифистов и альбигойцев были общие идеи: непримиримая ненависть к римской блуднице, восстание против светской власти пап, монашества, духовных имуществ, десятин и тому подобное.

Возможность высказать такой протест в пределах Франции и Италии объясняется только анархическим состоянием курии. Но и при этом смелость не проходила даром. В 1393 году в Эмбрене сожжено восемьдесят вальденсов, а вслед за ними в Вальдуизе сто пятьдесят человек; это была половина местного населения.

Окончание авиньонского пленения и прекращение папской схизмы^{*1} стало сигналом к истреблению остатков катарства и к гонению на последних вальденсов. Серьезного значения альбигойству более на Западе не придавали.

В Риме знали, что ересь, покидая Запад, приняла обратное движение к Востоку Европы; она спешила возвратиться в то лоно, которое вскормило ее. В славянских землях Балканского полуострова она еще сохраняет жизненность. Там она выражала патриотические стремления, была символом церковной и политической самостоятельности славянских племен. Там, как ни слаба была ее духовная сила, она все же продолжала иметь политическое значение, как в былые времена в Лангедоке.

В Сербии ересь, прежде почти господствовавшая в форме богомилства и павликианства, уже к концу XII столетия стала гонимой. Династия Неманичей выказывает ревность к восточноевропейскому православию. Святой Савва снова водворил православие и дал прочное устройство местной греческой Церкви. Когда ересь хотела возродиться снова, опираясь на «благородных», то встретила с судилищем инквизиции. По просьбе короля Милутина папа Гонорий IV временно отправил в Сербию францисканцев, которые после были сменены постоянным трибуналом, учрежденным для славянских земель. Но «бабунска речь» не угасала в Сербии до конца XIV столетия; иначе законник Душана не определил бы гражданской смерти за ересь.

^{*1} Джон Уиклиф (1320-1384)— профессор Оксфордского университета, доктор богословия, плодовитый автор, переводчик Библии на английский язык. Реформаторское учение Уиклифа заключалось в рассмотрении всех живущих как должностных лиц и воинов армии Бога, причем каждая из душ владеет чем-либо лишь до тех пор, пока она служит своему сюзерену— Богу. Папа — лишь духовный глава духовенства, король же имеет куда больше власти и значения. Лишь в 1382 году собор английских епископов обвинил его учение как еретическое, а на Констанцском Соборе 1415 года он был посмертно объявлен еретиком.

^{*1} После смерти в 1378 году авиньонского папы Григория XI в Риме был избран Урбан VI. Одновременно часть кардиналов избрала Климента VII, сторонника французского короля. «Двоепапство» (и даже «троенапство») продолжалось в течение сорока лет (до 1417 года).

Казалось, в Болгарии ересь имеет более прочные корни существования. Там она была знаменем национальных интересов. Она была символом самобытности Болгарии, теснимой в одно время греками и латинянами. Венгерские

короли, которые хотели поработить Болгарию, приносили с собой ненавистный папизм. Царь Асень I опирается на богомилов. Его положение — самое ужасное; он с двух сторон окружен латинянами, которые идут на него с крестом и мечом в руке. Он устоял в борьбе с венграми. Но когда миновала опасность, то богомильство уже не могло найти себе прочной защиты, хотя оно не оскудело проповедниками и мучениками. Но у тех и у других не было каких-либо идей, они были скорее изуверами и юродивыми, чем еретиками.

Те болгарские катары, которые стали подданными венгерских королей, были обращены в католичество огнем и мечом в начале второй половины XIV века^{*1}. Две тысячи францисканцев работали над этим делом; многие из них, правда, погибли от народной мести, но начало католического влияния было положено.

Православное духовенство было менее счастливо в борьбе с богомильством. Но когда турки покорили Болгарию и разрушили византийскую империю, то фанариоты, имея защиту в лице султана, уже не стесняемые прежней опекой императорской власти и действуя более самостоятельно, уничтожили следы богомильства. Если где они встречали затруднение, то это было в округах, пограничных с Боснией, в которой богомильство долгое время было почти господствующей религией.

Труд сербского историка Петрановича достаточно раскрывает историю и строй так называемой боснийской Церкви (91). Для нас важно указать аналогию между Церковью альбигойской и боснийской, хотя должно заметить, что боснийские богомилы по религиозным убеждениям несколько отличаются от болгарских богомилов. Богомильство в Боснии укрепилось в результате напора католицизма; оно послужило такой же опорой патриотическим интересам, как в Болгарии и Сербии. Лучший из боснийских государей Бан Кулин в конце XI века открыто принял сторону богомилов, и его преемники ведут постоянную борьбу с папами и католическим духовенством. Бан называл их «добрыми христианами». Питая уважение к монашескому житию, богомильские иноки называли себя крестьянским чином, хотя по образу жизни они едва ли были иноками. Эти монахи считались проповедниками и наставниками боснийской веры. Их глава называл себя господином дедом боснийским, что соответствовало католическому папе; его избирали настоятели монастырей. Он жил в городе Крешеве; его окружали двенадцать лиц, называвшиеся «стройниками»; это были *ministri* альбигойские из священнослужителей; между ними старцы соответствовали диаконам епископа, а гости старшим и младшим сыновьям при особе епископа.

Богомильство до того охватило всю Боснию, что католический дубровницкий архиепископ посвящал в XIV и XV столетиях в епископы Боснии еретиков (92); тогда дед и официальный епископ совмещались в одно лицо. Вся династия боснийских Котроманичей (1273-1463 годы.) исповедовала богомильство, и казалось бы, только здесь могли найти приют и защиту гонимые альбигойцы. В действительности было не так; альбигойцы покорялись силе и не хотели менять своего прелестного Прованса на балканские ущелья.

Обыкновенно боснийские баны не крестились, и к этому обряду побуждало их только опасение крестовых нашествий. Зато когда баны поддавались внушениям из Рима, то теряли всю популярность в народе; их патриархальные связи с подданными становились натянуты и, наконец, совсем прерывались; против них начинался мятеж (93). Католические миссионеры, приносившие крест и крещение, встречали вооруженное противодействие, если не имели с собой внушительной силы. И в этой земле, как в Болгарии и Сербии, только турецкое завоевание могло уничтожить ересь; и православная, и католическая пропаганда в своих действиях встречала поддержку в мусульманах. В Крешеве, на том месте, где некогда красовался дворец богомильско-го деда, был сооружен францисканский монастырь, который и ныне с прежней силой пытается католизировать всю окрестность.

Боснийцы, потеряв свою особую веру, став мусульманами, католиками и православными, потеряли и свою национальность. Слабое воспоминание о крестьянском чине, может быть,

^{*1} При Иване Асене II (середина XIII века) Болгария была самым крупным государством на Балканах, затем она постепенно начинает терять отдельные территории. В частности, к Венгрии отходит принадлежавшая ей часть Валахии, где и разворачивается деятельность францисканцев.

сохранилось в звуке «крштяне», как называют себя католические босняки в отличие от «рштяне», босняков греческой веры. Не есть ли это признак католического торжества в истории уничтожения богомилства? Закоренелая ненависть к латинству, или, что то же самое, к потере самостоятельности, выразилась в том, что потомки еретиков скорее соглашались отурчиться, чем стать католиками.

В то время как катарство погибло в своей метрополии, оно не могло уже существовать в Западной Европе. Чем меньшую оппозицию встречал католицизм, тем с большей жестокостью он относился к дерзким и враждебным ему проявлениям. Он уже не жил внутренней жизнью и, казалось, сам клонился к падению или преобразованию.

Начинался XV век, богатый историческими событиями, но бесцветный для Рима. Католицизм был тогда в крайне деморализованном положении. Авиньонское пленение, схизма и анархия в курии, грязный разврат первосвященников и кардиналов — все это благоприятствовало протесту и как бы узаконивало его пред лицом общества.

Учение Яна Гуса и Иеронима гремело по всей Чехии и возбуждало внимание Запада и особенно Лангедока, где были распространены сочинения реформатора. Вдобавок чума и голод производили недовольство в народе и внушали недоверие к господству духовенства. Но инквизиция стояла на страже порядков. Потому всякое стремление католицизма внутренне переродиться парализовалось проявлением насилия.

Одним из таких моментов был Констанцкий Собор. В осуждении Гуса папство следовало преданиям своей истории и всему направлению деятельности инквизиции, охранявшей существование папизма*¹.

В то самое время, когда Европа была занята толками об ереси чехов, а Франция, потрясенная несчастной войной, готовилась к гибели*², в благочестивом городе Монпелье, вдали от театра войны, 15 ноября 1416 года совершалось одно из таких католических торжеств, которые были вообще не редки. Громадный кортеж из духовенства и народа продвигался с пением церковных гимнов к женскому загородному монастырю. Морские консулы предводительствовали процессией. Впустив в обитель женщину под покрывалом, они заперли ее в келью; процессия пошла назад в том же порядке: народ разошелся в особенно набожном настроении. В добровольной заключенной рассчитывали увидеть впоследствии святую. Но скоро настало общее разочарование. О будущей святой стали ходить невыгодные слухи.

Ее звали Екатерина Сов (94). Она была родом из Лотарингии; городок Тон был местом ее рождения. Эта местность, пограничная с Шампанью, не лишена была еретических традиций. Читателям известно, какое вообще значение имела Шампань в истории альбигойцев. Как ни успешно старалась инквизиция искоренить следы ереси в этой области, она не могла даже через два века ручаться, что кое-где не проявятся прежние воспоминания и сим-патии.

Екатерина долго думала об этом темном, старом альбигойском учении. По прибытии в Монпелье она не могла встретить поддержки своим мечтаниям, но также не могла получить ответа на мучившие ее сомнения. В XV веке горожане Монпелье отличались вполне католическими чувствами и фанатизмом. Среди них постоянно жил викарий главного каркассонского инквизитора, отец Кабесс. Сам главный инквизитор навещал Монпелье, и тогда город принимал его с подобающим почетом. В 1409 году консулы поклялись перед ним, стоя на коленях, положить руку на Евангелие, изгонять еретиков и их покровителей из общины, если и другие окажутся в ней. Но уже давно не приходилось прибегать к подобной мере.

И вот до викария доходит почти невероятная новость, что схимница Екатерина, принимая у себя в келье своих почитателей, внушает им весьма странные учения: ни более ни менее как еретические выдумки. По ее словам, младенцы, умершие вскоре после крещения, не могут быть спасены, потому что не понимают догматов христианской веры. С тех пор как чудеса перестали посещать избранников на пер-восвященническом престоле, не стало истинных пап, кардиналов, епископов и священников. Католическая Церковь должна состоять только из лиц, ведущих

*¹ В 1414 году Ян Гус был вызван на Констанцкий Собор, где его вначале арестовали (несмотря на охранную грамоту императора Сигизмунда), а затем после семимесячного заключения осудили и сожгли. Тот же собор осудил на сожжение и Иеронима Пражского, друга Гуса.

*² В 1415 году англичане победили французскую армию при Азенкуре. после чего их войска начали занимать территорию за территорией в северной Франции.

достойную, апостольскую жизнь, которые были бы согласны скорее принять смерть, чем оскорбить божество. Все прочие не признаются христианами. Обряд Крещения, совершенный дурными священниками, не ведет к спасению; эти лица не способны совершать какое-либо таинство; в их руках хлеб остается хлебом, а не телом Христовым. Вообще, по ее словам, нет надобности исповедоваться у священника; всякий мирянин способен заменить его. Плотский грех всегда останется грехом; потому сожительствоющие муж и жена не могут наследовать вечную жизнь. Чистилище не существует для людей умерших; настоящая земная жизнь есть сама по себе Чистилище.

В таких восьми положениях заключалась новизна учения монпельерской отшельницы. Легко узнаем в них старую догматику альбигойцев. Напрасно вальденсы считают Екатерину мученицей своей Церкви (95). Она восстает против крещения водой, ненавистного для катаров. Она требует высокой нравственной жизни от духовенства, готовности к самопожертвованию, — это идеал «совершенных». Если прочие положения делают ее учение родственным всякому рациональному протестантизму и дают некоторым историкам основание считать ее за предшественницу Лютера и Кальвина, то ее мнение о брачном сожительстве несет на себе все признаки крайнего катарства. Ее мысль о чистилище заподозривает знакомство с учением катаров о метемпсихозе.

Учение Екатерины вызвало внимание властей гражданских и духовных. Она договорилась до того, что в ее келью пожаловал отец Кабесс, вместе с магеллонским епископом, сопровождаемый консулами, ректором, профессорами и студентами университета. Начался допрос; подсудимая созналась (96). Она не думала отречься от своих убеждений, и потому была обречена на сожжение живой.

2 октября 1417 года ее привезли к эшафоту. Толпы наводняли площадь, открыто высказывая сожаление об еретичке. Чувство враждебности к инквизиции было унаследовано монпельерцами еще от прежних веков. Когда сожгли Екатерину и ее пепел развеяли по воздуху, то эта сцена подействовала на жителей иначе, чем ожидали. Во всех классах народа заговорили, что схимница погибла напрасно. Ропот дошел до того, что духовные власти должны были принять меры.

Через восемь дней после совершившейся казни тот же инквизитор, отслужив торжественную мессу, вззошел на кафедру и убеждал католиков, что еретичка, она же и колдунья, погибла за великую ересь и неискупимые свои прегрешения. Неизвестно, как подействовали эти уверения на публику. Знаем только, что место казни мнимой колдуньи стало после с легкой руки инквизиции лобным местом Монпелье, а ближние ворота в народе прозвали «Въездом чародеек».

Так как документы по процессу Екатерины не дошли до нас, то мы не имеем данных для знакомства с характером судопроизводства провансальской инквизиции в XV столетии. Нельзя сказать, чтобы оно было аналогично с испанским, потому что один документ, правда несколько ранний (от 1357 года), но тоже относящийся к деятельности монпельерского трибунала, освещает более благоприятным светом способ действий местных судилищ.

Инквизиторский викарий не решился взять на себя одного осуждение памяти священника Петра Торнамира, подозревавшегося в бегинстве и тридцать лет тому назад умершего в тюрьме до суда, тотчас после предварительного следствия. Известно было только то, что покойный знал еретиков и перед смертью не приобщался (97). Инквизиция пригласила для решения этого вопроса известных городских богословов, юристов, духовных и светских докторов и бакалавров из университета. Всего набралось таким образом двадцать семь человек. Магеллонский епископ отказался председательствовать, так как предложение сделал ему не сам инквизитор, а его наместник; он поручил заменить себя своему викарию. Трибунал, составленный таким образом, смотрел на свою задачу с чисто ученой точки; он не решился осудить память не осужденного судом. Почти все, начиная с председателя, высказались против осуждения, настроенные благородною речью профессора и легиста Троше. Оратор заявил, что он не рискует стать подозрительным в своем правоверии, если скажет, что симпатия к еретикам и самая ересь — вещи различные; что можно не гнушаться общества еретиков, но не разделять их убеждений. Покойный был истинным католиком, исповедовавшим символ веры, хотя ел и пил с ними.

Даже для той эпохи такие мысли были смелыми и прогрессивными. Замечательно, что члены трибунала отозвались на них сочувственно. Только два голоса оказались на противной стороне; они принадлежали доминиканцам, которые упорно следовали назиданиям своего ордена. Представители инквизиции не вмешивались в продолжение прений; они как бы отстранились от дела, предоставляя его решить воле призванных лиц.

Напрасно думать, что такие примеры повторялись часто; документально нам известны только еще два подобных случая, несколько ранних (98). Но так как в своем портфеле мы имеем целый ряд приговоров над беги́нами без всякого ограничения верховных прав инквизиции, и притом современных упомянутому случаю, то можем не согласиться, чтобы указанные факты не были исключением. Для нас важно было показать только одно, что со временем епископская юрисдикция взяла верх над инквизиторской и во всяком случае уравнилась с нею и что инквизиция, вследствие крушения папского престола, потеряла большую долю прежнего могущества и прежней исключительности. Так было, по крайней мере, на Юге Франции. Бури Реформации снова пробудили энергию инквизиции, но не дали ей всевластия.

Деятельность инквизиции стала сосредоточиваться более на волшебстве, вопреки первоначальному ее назначению. Ей, видимо, хотелось и из еретиков сделать волшебников и магов, чтобы более очернить их. Так она относилась к еретикам северной Франции. Постепенно слово «альбигоец» исчезает, и всякие еретики называются вальденса-ми; их истребляют еще неистовее, потому что их мало и потому что они считаются колдунами. До нас дошло несколько подобных фактов, рассеянных в памятниках XV века.

Если вальденсы в своих недоступных альпийских лощинах сохранили независимость, то в северной Франции они, будучи единицами, должны были постоянно опасаться за свою жизнь. Они считались в народе друзьями дьявола. Согласно хроникам, они совершают ночные оргии с дьяволами и собираются на шабаш убивать детей. Стоило только назвать кого-либо вальденсом, чтобы завтра его осудили на более или менее жестокую казнь.

Еретики еще встречаются в Аррасе, и там их усердно ищет инквизиция. Доктор богословия Гильом д'Олив за сношения с дьяволом пожизненно осужден как вальденс в 1463 году. Трудно становится разобрать, с кем имела дело инквизиция Арраса. Некоторые намеки и характер народных легенд заставляют думать, что под именем вальденсов скрываются дуалисты. Они то не сознавались в ереси, то лишали себя языка, чтобы не отвечать. Их пыткой вынуждали давать письменные показания. Те, которых казнили, умирая, говорили о своей невинности. Многие действительно погибли по одному нелепому подозрению.

Издredка за осужденных вступались епископы; так, в Амьене и Туре они освободили арестованных. Дружественные и определенные отношения между инквизицией и церковной иерархией начинают колебаться. Верховная и государственная власть, чувствуя свою силу, вооружается, в свою очередь, против самовластия трибуналов и особенно против главного инквизитора Франции и Бургундии Жака Дюбуа. Парижский парламент и бургундский герцог Филипп Добрый иногда протестуют против его образа действий.

Но надо думать, что Дюбуа был исключением. Он умер, как полагают, отравленным; сами католики считали его мучительную смерть небесным возмездием. Время могущества инквизиции для Франции миновало. Сама Реформа не возродила его. Парижский парламент в 1491 году отказывается утверждать постановления трибуналов, а из конфискованных имуществ велел составлять капитал для поминовения их душ в кафедральных соборах. Внешние почести и декоративность остались за инквизицией. Трибунал Тулузы назывался по-прежнему (с 1331 года) королевским судом, а безумный Карл VII в 1442 году дал главному инквизитору титул королевского советника. Скоро инквизитор Тулузы стал называться инквизитором всей Франции. Но существенного значения трибуналы не имели. Королевская власть успела подчинить их себе.

В других странах общественное мнение и власти продолжали гораздо сочувственнее относиться в деятельности инквизиции. Нетерпимость имела своей союзницей всю Европу. Римский двор даже в эпоху реорганизационных попыток, как при Евгении IV, в 1441 году внушает нарбоннскому архиепископу покорность распоряжениям инквизитора Петра Тюрлюра и уничтожает все, что сделано местной иерархией против его желания. Папа заявляет, что инквизиция должна по-прежнему охранять католическую Церковь, расширять ее пределы, покорять ее врагов и уничтожать ересь (99).

В Германии вплоть до Реформации существовало мнение, что поголовное истребление таких врагов Церкви, как жидов, — занятие вполне благочестивое, а отсюда уже один шаг до подобной же расправы с еретиками. Там в 1462 году было заявлено маркграфом бранденбургским, что император при коронации должен во всех своих владениях отнять у жидов их имущество и убить их всех, оставив весьма немногих, и то лишь «для напоминания» о христианской ревности. Бамбергское уголовное уложение 1507 года в сто тридцатой статье удержало смертную казнь за ересь, постановив, что всякий, признанный духовным судьей, то есть инквизитором, за еретика и представленный светскому судилищу, должен погибнуть на эшафоте (100).

Великая Реформация далеко не принесла с собою терпимости; протестанты даже воспользовались оружием своих врагов, несмотря на уроки истории. Если Лютер сомневается, чтобы «палачи были самыми учеными богословами», то Кальвин рекомендует меч как вразумительнейшее средство для покорения тех, кого он считает еретиками; «суд мечом сдерживает еретиков» — стало лозунгом его последователей.

Между тем менее чем за полвека до его проповеди тех самых людей, которые были его предшественниками и которых он искренно называет своими братьями, истребляли как диких зверей, во имя той же искомой истины и тем же «судом мечом». Вальденсы Пиньероля, гонимые за свою веру жестокой Иоландой (Violente, «Свирепой», как ее прозвали), герцогиней савойской, достойной сестрой Людовика XI, дождались после ее смерти еще худших времен.

Папа Иннокентий VIII, отец восьмерых детей, исполняя просьбу ее сына герцога Карла I, приказал в 1486 году поголовно истребить вальденсов, их жен и детей, и с этою целью сделал облаву на их ложины. Широковещательной буллой он сзывал полчища крестоносцев и писал слово в слово, как его предшественник триста лет тому назад: для вечного Рима не существует разницы во времени. Он разрешал от обетов и грехов тех, кто ополчится, и тем более тех, кому удастся умертвить еретика; явные насилия и злодеяния переставали быть преступлениями. Все обязательства с вальденсами недействительны; их имуществами может овладеть всякий, кто пожелает (101).

Благодаря таким обещаниям восемнадцать тысяч французов и пьемонтцев окружили неприступные ущелья Пи-ньероля и Кавура, от савойской деревни Биолето до французской границы. Казалось, что при падении средневекового мира одним ударом хотели сокрушить слабые остатки и средневековых протестантов.

Таким образом, Новая история начинается крестовым походом на новых альбигойцев, во многом аналогичном с погромом Лангедока. Легата Арнольда заменял более свирепый, архидиакон кремонский, Альберт Каттанео, который послал перед собой доминиканских проповедников, конечно не достигших желаемой цели. Монфору соответствовал черный и страшный наемник де Мондови.

Крестоносцы в один день начали атаку со всех сторон. Положение несчастных вальденсов было критическим — у них не было ни пороха, ни ружей. Они молили, чтобы им сохранили жизнь и веру в этом единственном их приюте, но напрасно. Тогда они спрятали в недоступные тущобы бессильных стариков, женщин и детей, а сами заняли вершины родных гор, сосредоточившись на главном пункте. Страшный лес копий встретил врага, побуждаемого надеждой поживы. Мондови был впереди, он снял с себя шлем, как бы презирая ничтожных поселян. В это время стрела, пущенная одним молодым вальденсом, поразила его в лицо. Смерть вождя расстроила крестоносцев. Вальденсы спустились с гор и ударили на врага, бежавшего в смятении. Победители прозвали себя израильтянами Альп. Со стороны Ангронской горы вальденсам помогла самая местность. При первых попытках взобраться на вершину католики полетели с крутизны в пропасти и котловины. В долине Праджела вальденсы отбивались от нападающих камнями и гранитом, который они отрывали от скал и спускали на крестоносцев.

Короче, всюду Каттанео потерпел поражение. Удовольствовавшись немногими пленниками, он отправился на новые подвиги во Францию, в Бриансон.

Здесь ему посчастливилось. Со своими громадными силами в 1488 году он обложил деревню Фрейзиньер, пленил всех ее жителей и под ножом обращал их в католичество. Потом он направился на Вальдуизу, население которой в продолжение ста лет дошло до трех тысяч человек. Вальдуизцы собрали свои стада и ушли всеми семьями на один из альбигойских отрогов Пельву, который поднимался еще на шесть тысяч футов выше Вальдуизы. Тут они расположились на широкой скале, поместив женщин и детей в пещерах. Но крестоносцы обошли их и истребили после страшного побоища. Те, кто хотел спастись от меча, погибли в пещерах от пламени со своими женами и детьми.

К началу XVI века вальденсы, эти могики средневекового протестантизма, были сокрушены. Среди развалин дымящихся селений гордо стоял только один Пиньероль, который стал центром погибающей оппозиции и ее твердыней. Казалось, что и эта последняя опора не устоит в море католицизма. Тайком пробирались в Пиньероль на совещания барбы вальденсов. Но герои Пиньероля, столько выстрадавшие за свои убеждения, скоро дождались, как высшей награды, более счастливых дней. В 1519 году до них дошла весть, что в соседнем Дофинэ, в Барселонете, явился проповедник, который учит тому, что они и их предки привыкли давно считать святым. Это был Форель, предшественник Кальвина. Они услышали, что его учение во

всем населению встречает восторженный прием и что пред ним немеют самые смелые католические пастеры.

Тогда последователи древнего учения вальденсов протянули братскую руку борцам нового протестантизма. Те и другие не видят существенной разницы в своих религиозных убеждениях. Если не последовало полного слияния, то более потому, что вальденсы имели основание гордиться своей чистой и старой историей. Первое время большинство гугенотских пасторов было из Пиньероля.

Реформация сменила в более благородной и живой форме разные виды средневековой церковной оппозиции. Альбигойство к тому времени в чистом виде жило только в преданиях. Его непосредственная история прерывается задолго до Реформации. Как незаметно слагалось оно, так незаметно и кончилось. Отголоски катарства редко слышатся на широком пространстве двух столетий, и в них едва можно подметить звуки старого учения катаров. Их собратья, не по идеям, а по борьбе, бегины, подобно вальденсам, имеют более правильную историю.

Тулузской инквизиции XVI века, вместе с лютеранами и кальвинистами, в то же время приходилось иметь дело с францисканцами. Один из них, Жан Ескалье, в 1554 году был осужден архиепископом нарбоннским и тулузским инквизитором на позорную и мучительную смерть. Его лишили сана, потом привязали к высокой повозке, обвязали шею веревкою, уцепились за нее и так таскали в сопровождении громадной толпы по всему городу, останавливаясь на площадях и перекрестках; потом приволокли его искалеченный труп на лобное место и сожгли [02]. За что погиб этот монах — протокол умалчивает; он не упоминает его в кальвинизме. Может быть, Ескалье был последним представителем лжеапостолов, может быть, он, следуя их убеждениям, оказал изменническую снисходительность протестантам. Во всяком случае, им прерывается связь нового протестантизма со средневековым. Его процессом заканчиваются тяжелые страницы протоколов тулузской инквизиции.

Духовные трибуналы в решительный момент оказались, как и следовало ожидать, бессильны удержать развитие протестантизма. Они были сокрушены в этом бурном потоке. Вместе с собой они увлекали к гибели Римскую Церковь, которая некогда призвала их на помощь. Удар за ударом наносили ей великие проповедники нового учения. Каждый день она несла громадные потери. Чтобы устоять, она обратилась не к трибуналам, а к иным, не средневековым средствам.

Тогда все люди были в каком-то величаво-восторженном настроении. Казалось, весь мир готов был обновиться. С небывалым энтузиазмом кинулся Запад к источнику новых идей.

Оправдала ли Реформация всеобщие ожидания современников, постигли ли ее вожди тайну истинного успеха религиозных движений, прозрели ли они из горького примера католичества все зло нетерпимости, — это достаточно известно из ее истории.

Обзор источников и пособий для книги первой

Предметом этого обзора будет критическое рассмотрение источников, указаний и пособий, послуживших к составлению первого тома предлагаемого сочинения.

Нельзя сказать, чтобы источников к ознакомлению с альбигойскими верованиями, крестовыми походами на Лангедок, а тем более с современной им эпохой, было недостаточно; каждая сторона нашего исследования имеет для себя собственный запас источников. С большей основательностью такой упрек можно отнести к пособиям: весь имеющийся по нашему предмету материал не был исчерпывающим. Так, достаточно подробно отображены источниками крестовые походы на альбигойцев. И тем более историк должен воспользоваться имеющимся по этому вопросу материалом, что характер его двойкий, так как эти источники исходят из враждебных между собой лагерей.

Основных, притом непосредственных, источников для изучения альбигойских крестовых походов при Иннокентии III и далее до 1218 года имеется два, из которых один противоположен другому по направлению, содержанию, характеру и изложению. Один принадлежит перу фанатичного католического монаха и написан на латыни в духе апологии Монфора; другой, написанный в форме поэмы, принадлежит трубадурам, питавшим сочувствие к несчастьям Прованса. Такая случайность особенно драгоценна для науки, когда сам вопрос такого свойства, что не может не быть извращен личными чувствами летописцев. Подсудимые той и другой стороны представляют своих адвокатов перед историческим трибуналом.

Относительно непосредственно исторического достоинства предпочтение надо отдать католической летописи. Petrus Sarnensis seu monachus coenobii Vallium Cernaii (Pierre de Vaux-Cernay, P. Cern, Петр Сернейский) был участником крестовых альбигойских походов, которые описал в восьмидесяти шести главах, под общим заглавием: *Historia Albigensium et sacri belli in eos anno 1209 suscepti duce et principe Simone de-Monteforti* — от легатства Петра де Кастельно до смерти Монфора (1203—1218 гг.)*. Главный герой его — Монфор, смертью которого (1218 г.) заканчивается летопись; вокруг этой личности сосредоточивается весь интерес изложения. Петр сопровождал в походе своему дяде Гюи, аббату цистерцианского монастыря Во-Сернэ (в парижском диоцезе). Аббат Гюи был одним из главных агитаторов крестовой идеи; он участвовал также в походе 1204 года на Царьград (P. Cern., с. 20). В альбигойской завоевании Гюи получил долю: в 1212 году он был избран в епископы Каркассона (P. Cern., с. 60); Гюи исполнял также обязанности легата и не без успеха участвовал в военных предприятиях, как, например, при завоевании Кассенеля (*ad expugnationem et captionem castris instantissime atque efficacissime laborabat*, с. 79). При нем-то всегда неотлучно находился и цистерцианец Петр (с. 62, 63, 78), имевший возможность обстоятельно изложить походы крестоносцев; об этом он упоминает очень часто, отмечая с точностью: видел ли он (напр., с. 20 о лаворском соборе, с. 43, 60, 63, 65, 72) или слышал описываемый факт (с. 7, 37, 41, 45, 53, 64, 71). В прологе он справедливо определяет фактическую достоверность своего труда: *nihil unquam apposuerim, nisi quod viderim oculis meis vel audierim a magna auctoritatis personis et plenissima fide dignis*. Из посвящения его труда Иннокентию 111 можно заключить, что Петр начал составление своей летописи еще при жизни этого папы; может быть, он вел ее в форме дневника, по крайней мере с 1212 года, с которого изложение значительно расширяется. Странно, что на это обстоятельство исследователи не обращали внимание. Хотя автор и обещает писать просто, наследуя одну истину (*non studuerim superfluis verbis ornare codicem, sed simplicem exprimere simpliciter veritatem. prf*), тем не менее его летопись может послужить образцом пристрастия и раздражения, воплощением тех свойств, которые не должны быть в сочинении исторического рода.

Католический фанатизм автора доходит порой до самозабвения. Со стороны католика и монаха понятно находить, что крестоносцы «освободили Прованс от пасти львиной и когтей звериных»; апологету Монфора может быть позволительно находить героя похода великим образцом человеческих достоинств, не только «атлетом веры», но и «героем добродетели» (с. 18), своеобразно понятой. С оригинальной точки зрения автора летописи, резня, совершенная крестоносцами в Лангедоке, может представляться святейшей войной (с. 20); подвиг Монфора, как думает его цистерцианец, уравнивает его в мученичестве с Христом, также пораженным пятью ранами и «в сообществе с которым этот храбрейший воитель, этот славнейший мученик, счастливо соприсутствует в жизни вечной» (с. 86).

Но увлечение и религиозная нетерпимость Петра идет далее: он во имя веры гласно признает всякое злодеяние, всякий обман. Рассказав, как легат искусно обманул альбигойцев, он (с. 78) в диком восторге восклицает: *O legati fraus pia, o pietas fraudulentia*. Для него эта *fraus pia* имеет особую прелесть и доставляет ему такое же наслаждение, как костры еретиков, которых везде «пилигримы сжигают с превеликой радостью».

Летопись сернейского монаха изобилует рассказами о чудесах, нарочно для крестоносцев совершаемых небом. Ему кажется чудом даже такое обстоятельство, что камни, пролетая мимо, не убивают его любимого героя, как случилось, например, при осаде замка Терма (с. 42). Видение, чудеса от мощей записываются даже и тогда, когда они не имеют отношения к предмету

* Два манускрипта т. 4. в библиотеках Реймса и Сен-Омера. — Летопись Петра Сернейского впервые появилась в свет во французском переводе в 1568 году. Латинский оригинал ее был издан только в 1615 г.: *Hist. Albigensium etc.... Simone a Monte-Forti, dein Tolosano comite, rebus strenue gestis, auctore clarissimo Petro coenobii Vallis — Sarnensis ord. Cisterciensis monacho, cruceatae hujus militiae teste oculato*. Это издание было сделано в Труа т. 8. городским каноником Nicolas Camusat. Второе — N. Rousset в 1617 г. с франц. переводом в Труа 2 V. т. 8. Третье — Du-Chesne в 1649 г. в «*Historiae Francorum scriptores coetanei*; V, 554-665. Четвертое — B. Tissier в 1669 г. в *Bibl. Cisterc.*; VII, 1—72. Пятое — у Bouquet. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*; XIX, 1 — 113. Шестое — Migne в 1855 г. в *Patrologiae cursus completus*, CCXIII, 543—712. — Кроме двух последних изданий, тексты неудовлетворительны. Мы цитируем по изданию Migne.

изложения (с. 38). Шапка крестоносца может гореть, но автор был свидетелем, что то место ее, на котором умещается крест, недоступно для огня (с. 53). Автор летописи слышал также от очевидцев, что над трупами мучеников-крестоносцев столбом стоит пламя, среди которого отражаются их просветленные лики (с. 53). С неба раздаются голоса, уверяющие, что Монфор будет принят в число праведников, и это так верно, что молитвы за него даже излишни (с. 57). Автор верит в историческое возмездие (с. 16, 30, 61) и сердечно восхищается, когда небо отмщает кровь католическую. Тогда у него вызывается из глубины сердца непритворное чувство радости: *O justum iudicium, o aequa divinae dispensationis mensura* (с. 30). В случае неисполнения ожиданий, что случается очень часто, Петр заканчивает объяснение бранью, в подборе которой автор неистощим (напр., с. 46, 56): *hominem apostasiae principem, crudelitatis artificem, perversitatis actorem! O hominem malignorum participem, o perversorum consortem, o hominem opprobrium hominum, o virtutis ignorum, o hominem diabolicum, imo totum diabolium*. В таких случаях автор не избегает и игры слов (*o virum, imo virus pessimum*, — говорит он про изменника Савари де Молеона). Все это не мешает католическому историку полагать, что альбигойцы боятся больше пения священников, чем оружия крестоносцев (с. 52).

Летопись Петра переполнена риторическими фигурами речи; примером того может быть каждая глава. Но необходимо заметить, что автор прибегает к риторике и напыщенности только при заявлении своих чувств и заключений по поводу рассказанного события. Сам же факт он излагает с полной обстоятельностью и достаточной простотой. Он не считает нужным передавать факты изо дня в день, позволяет себе некоторые отступления, пояснения, чем значительно облегчает чтение своей летописи, про которую нельзя согласиться с Vaissete, слишком строго заключившим про Петра, что: *il est difficile d'en soutenir pstemment la lecture*» (V, ау. 6). Взгляд Гизо потому гораздо справедливее: *«Il en est peu de plus partiales que la sienne et que doivent etre lues avec plus de mefiance; mais aucune peutetre n'est plus interessante, plus vive, et ne fait mieux connaitre le caractere du temps, des evenemens et du parti de l'historien»* (Coll., XIV, not. 9).

Действительно, приемы изложения сернейского пилигрима при описании сражений, осад и тому подобных событий заслуживают наилучшего отзыва. Таким образом, выделив личные воззрения автора, его суждения, навеянные цистерцианской средой и фанатическим характером, можно прийти к заключению, что сочинение Петра Сернейского составляет не только единственный в своем роде, но и точнейший памятник для ознакомления с альбигойскими войнами второго десятилетия XIII века. Сам фанатизм автора, его сердечная ненависть к альбигойцам, этот апологетический тон, доходящий иногда до забвения обыкновенных понятий, — все это не без пользы служит для исследования истины.

Если, вследствие такого характера своей летописи, Петр скрывает или извращает все благоприятное для Раймонда Тулузского и его партии, то он же обнажает все бесчестные проделки легатов и местного католического духовенства, простодушно думая послужить тем интересам Церкви. Собрав все, что может компрометировать альбигойцев и лангедокских феодалов, он же, сам того не замечая, в порыве религиозного экстаза записал все, что опозорило Монфора, легатов и крестоносцев.

Имея рядом такого апологета, Монфор мог бы быть освещен совсем иным светом, если бы неизвестные трубадуры не оставили памятника, излагающего те же события с точки зрения провансальского патриотизма. Эта обширная стихотворная хроника в манускрипте названа («Вот поэма и т. д.»): *Aiso es la cansos de la crozada contr els ereges dalbeges**. Она содержит в себе девять тысяч пятьсот семьдесят восемь стихов (сгруппированных позже в двести четырнадцать глав) и при всем своем объеме не закончена; изложение прекращается 16 июня 1219 года, прерываясь на самом интересном месте — на приготовлениях к отражению французской осады, породивших то патриотическое движение, то сознание южной особенности, которое составляет основной тон, живую струю всей поэмы.

* Манускрипт этой поэмы — в Париже, в *Bibliothèque impériale*; № 91. Он написан во второй половине XIII столетия. Отрывки поэмы были пропущены в *Lexique Romain Renuara* (I. 1). Первое и образцовое во всех отношениях издание ее сделал Fauriel для *Collection de Documents medils* (P. 1857, и отдельно в 1852) с французским прозаическим переводом, которым мы пользовались. Это же предисловие вошло в третий том его *Hist. de la poesie prov.* В 1868 г. вышел франц. вольный перевод в стихах, занявших 20 лет труда переводчика: *Mary-Lafon. La croisade centre Ics Albigeois, eropee nationale. Par. in 8.*

Изложение, с обычными для эпопеи приемами, всегда особенно подробно и драматично. Время от 12 сентября 1213 года до апреля 1215 года пропущено — признак составного характера поэмы.

Исследование поэмы совершил Fauriel, хотя последнее время Schmidt (H. des Cathares; II, 298-303), Du Mege (b Add. et notes de l'hist. de Vaissete) h Mary-Lafon (предисловие к стихотворному переводу) несколько поколебали непреложность доводов знаменитого филолога, доводов, поддержанных Вильменом и Гибалем. Мы, ко всем упомянутым исследованиям, имеем от себя сделать только несколько замечаний. Опровержения Шмидтом (II, 301—302) доводов Фориеля относительно трубадура Вильгельма де Туделе, как автора поэмы, малоосновательны. Возражения Шмидта опираются только на текст первой части (кроме v. 7133), не задевая вторую, которую исследователь а priori и совершенно некритически приписывает тому же Вильгельму. Но и Фориель натянуто объясняет раздвоенность поэмы (p. 158). Что Вильгельм не мог быть автором всей поэмы, это явствует уже из текста, где (v. 20) говорится, что Вильгельм сочинил книгу от начала до конца, тогда как она совершенно не окончена. Наконец, ранее чем на середине поэмы изменяется ее характер; во второй части она становится радикальнее и решительнее в проявлении патриотических чувств автора. Что автором первой части не мог быть упомянутый Вильгельм (v. 8), доказано Фориелем, в опровержение Ренуара. Кто бы ни был этот автор первой части, он достаточно сочувствует крестовому делу. Можно думать даже, что он был не чистый провансалец, хотя он мог писать ее в Монтобане в мае 1210 года (v. 205). Это выдает язык его стихов. Филологическое исследование предмета открывает в этих стихах много французского, и потому мысль Фориеля, упустившего из вида такое обстоятельство, теперь не может иметь права на исключительность. Так, в главе СХУП целый ряд французских рифм из *infinitif*: *durcr, escaper, vendemier, denier, center, tuer, trier, blasmer*. Подобным же образом составлен в главе С куплет из *part, passe: fu, vertu, venu, vencu, perdu, retenu, cofondu, issu, descu, defendu*. Слова в СХХIХ: *pris, gocus, mis, amis, pris, ris*. Далее, французское: 3 pers. de *passe defmi: fermerent* (v. 2187), *desrauberent* (v. 2191), *escrierent* (v. 2192); французские формы и слова: *dresser* (v. 1172), *cuir* (v. 1790, вместо *sierr*), *levera* (y. 2093, вместо *levara*). Если последние формы и еще некоторые другие (заметим — по возможности исправленные Фориелем в его издании) можно было бы перетолковать в пользу провансализма, то в устах южного трубадура менее всего понятны слова: *nostrī baro frances* (v. 2192), *nostra gens de Fransa* (v. 2253), наши крестоносцы (*nostrō Crozea*, v. 2466). Слишком наивно было бы думать вместе с Фориелем, что это происходило из симпатии певца к делу завоевателей (*chacune est un manifestation de sa sympathie pour eux*, p. 56), так как де в то время автор не видел еще прямой цели нашествия крестоносцев, а дышал вместе с ними католическою ненавистью к еретикам. Знаменитый филолог забывает, что тогда уже совершились страшные злодеяния Монфора и французских крестоносцев, что Бе-зьер лежал в развалинах, что пепел альбигойцев смешался с костями тех патриотов, которые боролись за дело графа де Фуа, что после поэма прославляет не только Раймонда, де Фуа и других гонимых феодалов Юга, соболезнуя о них, с искренним патриотическим чувством, и что, наконец, автор второй части был лично обязан сыну того самого графа де Фуа (*Rotgiers Bernatz quern dsura e esclarzis*, v. 7133). Потому из приведенных примеров мы решаемся заключить, что первая часть написана в северных пределах провансальской речи, что она создана под воздействием труверов. Лицо духовное, как думает Лафон (p. 31), не могло быть автором ее, потому что в то время оно высказалось бы о событиях иначе. Из того, что французское влияние проявляется кусками, можно вывести, что и сама эта часть состоит из отдельных песен. Рассказ о подвигах Гильома д'Энконтра, которым отделяется первая часть, — явная вставка; в нем много северных галлицизмов и нет прежней силы изложения. Историк катаров, сам противореча себе, приводит свидетельства из поэмы в пользу ее составности. Составитель первой части пользовался противоречивыми источниками, что не вяжется с приемами тогдашних трубадуров и ровностью их гражданского и личного чувства. Так, источниками послужили: поэмы же (v. 185, 974, 1579), книги (v. 1445, 1619), деяния (566, 806), поэт дон Изарн, приор из Мюрэ (v. 1887), какой-то большой друг автора, магистр Николай, очевидец (v. 2157), Понс де Мела (y. 112), наконец, одно должностное лицо из крестоносного лагеря (v. 2525—27, *lo comte Baudois... aisi com o contet sos bailes el prebost*). При таком воззрении на составность поэмы объясняется и упомянутый полуторагодичный пропуск в довольно обстоятельном пересказе событий, который должен был войти во вторую часть.

Трубадуры занимали более всего рыцарские подвиги, блеск и шум сражений вместе с изливаниями личного чувства. Поэма блистательными красками изображает битву под Мюрэ, и с этого описания чувствуется влияние новой сферы, присутствие нового смелого духа. Чем далее,

тем суждения автора или, лучше, авторов становятся смелее, ближе, понятнее нам, отдаленным от той великой драмы почти семью веками истории. Начинается вторая часть поэмы.

По объему она почти вдвое обширнее первой. По внутреннему содержанию она, в свою очередь, распадается на две части. В одной преобладают интересы феодализма, в другой — тулузской общины (см. разбор издания Лафона в *Revue des deux mondes*; 1868, I. БХХУШ). Начало второй части, очевидно, должно быть на сто тридцатом куплете поэмы (на р. 196 по изданию Фориеля), там, где похвалы крестоносцу Гильому д'Энконтру, «храбрее и лучше которого никого не было между бургундцами», внезапно сменяются рассказом о симпатичной автору личности дон Педро Арагонского. Стих 2739: «но я обращаюсь к прерванному повествованию» (*a ma gazo men torni que nos laise de la*) может служить связкой составителя или компилятора, так же как и дальнейшие бессвязные стихи до 2746. Через несколько стихов в том же куплете читаем: «И мы, если проживем, увидим — кто победит, и запишем в этой истории все, чему будем свидетелями (*qae nos membrara*), и также все, что придет на память, постепенно, как дело будет продолжаться, и пока война окончится» (v. 2746-50). Из этих строк можно вывести два заключения: 1) автор прямо заявляет, что этим начинается его работа, и 2) автор записывал событие на походе, тогда же, с легкостью импровизации трубадура, переключая записанное в стихи.

Действительно, весь литературный талант автора долгое время сосредоточивается на живописном изображении военных сцен, в которых он всегда заявляет свои лангедокские и, быть может, альбигойские симпатии. Это говорит друг южных галантных баронов. Вдруг место действий внезапно изменяется (со 147 главы). Рыцарь-феодал превращается в буржуа и с точностью фотографа изображает внутреннее положение города Тулузы в период с 1216 по 1219 годы. Он говорит про родной город не только со стороны военной, но и изображая его внутреннюю жизнь. Смерть Монфора не вызывает лично со стороны поэта никаких лирических излияний: «Камень упал на его шлем и ударил так сильно, что глаза, мозг выскочили, а череп, лоб и челюсть разбились в куски; граф упал на землю мертвый, окровавленный и почерневший» (v. 8451-55). Крестоносцы оплакивают его, а тулузцы радуются; обе стороны высказывают свои чувства короткими фразами. «Граф был нечестивец и убийца, потому и умер без покаяния, пораженный камнем» (v. 8476); «его смерть была счастливой случайностью, из мрака соделавшей свет» (v. 8493), — вот взгляд певца Тулузы на вождя крестоносцев. Эта последняя часть поэмы и дала основание заключить, что героем эпоса было не одно лицо, не Монфор, не Раймонд, а весь народ Юга, герой собирательный.

«Благородные усилия этого народа, — говорит Гибаль, — свергнуть чужеземное иго — воспеты и прославлены поэтом; это тот народ, который, сперва подавленный многочисленностью противника, впоследствии развернулся, чтобы отвоевать свою свободу и независимость, выказав при этом энергию, достойную удивления».

Народный эпос требует бесхитростного рассказа и верного изображения. Авторы разбираемой поэмы обладают тем и другим свойством, а особенно тот из них, на долю которого выпало воспеть борьбу тулузских граждан с Монфором и принцем Луи за свободу родного города. Литературные достоинства сводной провансальской поэмы положительно высоки. Они делают ее важнейшим памятником средневековой романской литературы вообще и в своем роде, то есть в группе стихотворных исторических хроник, первым. Особенно выигрывает этот памятник при сравнении с другими подобными произведениями. Так, французская литература имеет стихотворную хронику Кювелье о Бертроне дю Геклене (издана Шарьером в 1839 году в тех же *Docum. de Guizot*). Она не без замечательных достоинств; но эта хроника теряет всю свою силу при сопоставлении с провансальской, как со стороны исторической, так и художественной. Искусство одного автора естественно притупляется при обширности предмета; однообразие картин лишает его поэму жизни и интереса. Наконец, она часто становится утомительной, художественные силы автора истощаются. Тем большее удивление вызывает искусство авторов провансальской поэмы облечь в форму драмы и живого интереса исторически верный рассказ о критической поре существования Лангедока.

Вследствие самого строя поэмы, она должна облекать в образы исторические факты, чувства деятелей всех сословий, положений, партий, целого народа. События проходят перед нами блестящей панорамой. Так как этим процессом творчества занимались очевидцы и участники событий, то позднему историку следует особенно дорожить источником со свойствами, столь драгоценными. Мы потому при всяком случае обращались к образам этой поэмы, сопоставляя их с критикой предмета и прочих источников.

Так, например, происшедшее на четвертом латеранском соборе представлено нами согласно с изложением его в поэме; по словам испанского критика, одно это место поэмы могло бы обессмертить ее автора.

«Если бы этот драгоценный памятник, — замечает тот же критик, — выделялся только живостью рассказа, возвышенностью мыслей и той суровой истиной, с которой он судит людей и факты, то, несмотря на высоту свою в глазах науки, он не перешел бы пределов исторической хроники. Но никогда эпическая поэзия не блистала столь яркими красками...» (в перев. у Lafon; 39). Так судит романская критика, и мы нарочно привели это место, чтобы показать, с какой точки зрения глядят на этот памятник почти на месте действий.

Для южан, привыкших во всякой науке к живости и драматичности рассказа, Сапкой же *la sgozайа* представляется не поэтическим произведением, весьма пригодным для истории, а, напротив, исторической хроникой, очень хорошо и поэтически написанной. Самая точная аналогия, самое тщательное сравнение с летописями не только поддерживают ее исторический авторитет, но заставляют отдать ей преимущество перед другими не за одну живость, но за более верное понимание происходившего и оценку значения совершавшихся событий. Синтетический взгляд — важное достоинство ее авторов.

Между тем при всех таких качествах этот памятник провансальской литературы оставался неизвестным в продолжение шести столетий. «Книги тоже имеют свою судьбу», — сказал по этому поводу Фориель на лекции в Сорбонне. Поэтому лучший историк альбигойских крестовых войн, бенедиктинец Вессэ, не мог пользоваться текстом поэмы, отчего его работа потеряла много в живости и интересе рассказа. Лишенный самого текста, он должен был довольствоваться прозаическим изложением поэмы, которое долгое время считали за отдельное произведение. Это: *Chronique (cronica) provencale*, написанная на нижнепровансальском наречии, которым еще и теперь говорят в окрестностях Тулузы. Она без заглавия, и французские издатели называют ее: *Chronique romane sur la guerre des Albigeois*. Долгое время знали только два манускрипта этой хроники, позднейший в *Bibl. imper.* № 9646 и ранний в Карпентра; оба они XVI века. Недавно в Тулузе, в *Bibliothèque de la ville, du-Mege*, открыл рукопись, письмо и даже язык которой древнее карпентраской; так, по крайней мере, думает сам *du-Mege*. В доказательство такого мнения он приводит деление своего манускрипта по книгам и главам. Но, не говоря о том, что это деление не всегда точное, оно-то и не служит доказательством ее *l'avantage de l'antériorité*. Достоинство ее скорее заключается в полноте двух мест, не имевшихся в прежних манускриптах (существенное в главе об освобождении Тулузы от французов, стр 145—150, по изд. *du-Mege* в приложении к пятому тому *Vaissete. Toul. 1842*).

Так как эта хроника есть не что иное, как весьма удачное по отделке, хотя не полное в фактическом отношении прозаическое сокращение *Cansos de la Crozada*, то большая или меньшая полнота ее — дело условное и маловажное. Вессэ не знал основного источника своего «Апопуге», как он называет хронику, изданную им впервые в приложении к третьему тому «Истории Лангедока» в 1737 году. При новом выходе знаменитого труда бенедиктинцев это издание повторено (в томе пятом), и его мы цитируем в нашем сочинении.

Впоследствии она была издана в XIX томе сборника *Bouquet*. Катель уже знал, высоко ценил ее и приводил из нее отрывки, называя автора: *l'historien du comte de Toulouse*. Вессэ так отзывался о ней: «Il renferme plusieurs choses qu'on ne trouve pas ailleurs, et qu'il paroît que cet Auteur, quoique postérieur, étoit bien informé, et qu'il a puisé dans de bonnes sources». Составитель ее не был альбигойцем, так как еретиков он резко порицает, везде заявил свою ортодоксальность. Он был южанин, но не был особенно привязан к личностям своих государей; подвиги крестоносцев он разоблачает, потому что пришельцы часто бывали кровожадны, но короля их Филиппа II он называет Богом данным (р. 455). События излагаются у него в пределах большой поэмы, то есть от проповеди де Кастельно до 1219 года. Он снабжает рассказ введением о пользе истории, «которая служит поучением для злых и утешением для добрых». Свою работу, почти единственный источник которой составитель тщательно скрывает, он предпринял для прославления «величайшего, славнейшего и знаменитейшего города Тулузы».

Вессэ основательно полагал, что хроника принадлежит не современнику и составлена не ранее XIV столетия. Он приводил для подтверждения своей мысли три доказательства. В ней встречается слово «Лангедок» в смысле географического термина, что вошло в употребление только в начале XIV века; к хронике приложен парижский трактат 1229 года, в котором между прочим упоминается о великом магистре госпитальеров на Родосе, который мог быть там только после 1309 года; наконец, в хронике говорится о епископе Кастрской епархии, открытой только в

1317 году. Возражения Гизо (сделавшего перевод этой хроники в XV томе мемуаров) против доводов Вессэ были бы, может быть, убедительны сами по себе, если бы впоследствии не обнаружилось, что составитель хроники не мог быть современником событий, потому что он сократил уже готовые, лежавшие перед ним сказания очевидцев крестовых походов. Потому-то в его обработке и есть те свойства, которыми восхищался Гизо, не знавший тогда о поэме: *le ton meme de l'ouvrage, les details qu'il contient et que l'auteur semble avoir vus en personne ou recueillis de temoins oculaires, enfin la vivacite de ses propres sentimens et la chaleur de son recit me portent a croire qu'il etait contemporain, ou du moins tresrapproche des evenemens qu'il raconte* (Coll. des mem. notice; p. 9). Прибавим к доводам Вессэ, что сам язык хроники, обильный северными этимологическими и синтаксическими галлицизмами, обнаруживает ее составление в позднейшее время, когда после гонений на провансальскую национальность местный язык стал поддаваться влиянию языка победителей. Это же торжество Франции обнаружилось и в общем направлении письменности Прованса, в уничтожении ее национального характера и замене провансальского исторического языка языком латинским. Это был губительный шаг назад. Расцветшую народную хронику, обещавшую состязаться со знаменитыми испанскими и итальянскими образцами, сменяет безжизненный латинский рассказ.

Такому влиянию подчинился *Guilelmus de Podio Laurentii Chronicon super historia negotii Francorum sive bellorum adversus Albigenses ab a. 1092—1271, sen historia Albigensium*. Издание с древнейшего манускрипта Парижской Библиотеки (№ 261) у Catel (*Hist. des comtes de Tolose*, 1623, p. 49. app.), у Duchesne (*Scrp. rer. franc.*; V, 666—705) и позже у Vouquet, с поправками собственных имен, по обыкновению разбросано (XIX, 193-225, с 1230 года XX, 764-776). Автор жил в эпоху подавления провансальской национальности и потому, занимая обеспеченное место католического капеллана при несчастном и офранцузенном графе Раймонде VII, имел самое ничтожное понятие о старых гражданских интересах страны. Он весь на стороне французского правительства. Родом провансалец из города Пюи-Лоран, он жил в таких исторических условиях, что не мог писать иначе, как с французской точки зрения. Он был современником только последнего периода борьбы Прованса с Францией за независимость и потому послужил нам существеннейшим источником уже только для второго тома, когда мы будем анализировать его труд в связи с другими современными источниками. О крестовых походах он пишет по воспоминаниям других (с. 8, 9) и потому кратко, нефактично и довольно бессвязно. Так, например, об осаде Терма, описанной у Петра Сернейского в главах 40-42, у Вильгельма не рассказано. Привыкший к новым порядкам, он сохраняет в себе столько беспристрастия, чтобы видеть в альбигойских ересьях наказание, заслуженно постигшее католическое духовенство за развращенность, о которой он говорит в первых главах. Насколько он дорожит интересами и самостоятельностью своей родины, видно из его рассказа о падении последнего графа де Фуа. Это событие было решительным сигналом уничтожения свободы Лангедока, и оно не только не вызывает у автора хотя бы капли сочувствия и сожаления, а, напротив, необычную радость.

«Король Филипп III, — рассказывает Вильгельм, — действовал с мудростью и предусмотрительностью, опасаясь, чтобы не стали его презирать, если он на первых порах не покажет смелости в подавлении восстания... Чтобы справедливый суд Божий мог обнаружиться, грешник пойман на месте своих преступлений» (с. 52). Желая придать некоторый прагматизм своей «истории», написанной, впрочем, языком довольно трудным, Вильгельм касается связи политических событий истории Прованса с событиями других стран, но в этом случае впадает в анахронизмы, ошибки в местностях и хронологии. В изложении нет живописности, и вообще было бы слишком дилетантски сказать вместе с Daunou (*Letat des lettr. en Fr.* 222), что его летопись дает полное понятие о Провансе XIII века. Тем не менее по непосредственной приложимости его труда к предмету нашей работы Вильгельм представляет собой ценность, намного превосходящую ту, которую имеют источники второстепенной важности: летописцы северной Франции, вскользь или даже специально трактующие о походах на Юг.

Несравненно большее значение, чем такого рода источники, о которых мы скажем несколько ниже, должны иметь государственные акты того времени. *Registrum curiae Franciae*, а также договоры мы имели в *Preuves de l'hist. de Lang.* Вессэ — и на них везде указываем в своем месте. Но в нашем распоряжении был материал более богатый. Так как та эпоха была временем господства над Западом папы Иннокентия III, то его буллы, распоряжения, письма приобретают смысл существенного источника и для нашего исследования. Действительно, *Registris Innocentii III* были для нас драгоценным материалом. Эти письменные указы Иннокентия III имеют значение неоспоримых государственных актов. Часть сокровищ Ватикана — письма папы и ответы,

получаемые на них, — приобретают проясняющий смысл для всей политической и государственной истории того времени. «Послания» Иннокентия III — это дипломатические и вообще архивные бумаги того времени. Все дипломатические сношения изложены нами по этим документам, количество коих вызывает удивление перед неутомимой деятельностью папы. Конечно, многие из них составлялись в его канцелярии. Они распределены по годам его нахождения у власти (1198—1216), по книге на каждый год; таким образом, всех книг должно бы быть девятнадцать, между тем мы имеем только шестнадцать. Слишком неровное количество документов в каждой книге, даже в последних изданиях (в первой, например, пятьсот восемьдесят три, в иных нет и ста), заставляет предполагать, что множество писем затерялось.

Первое издание *Guilielmi Sirleti* (Opera, 1543, Roma) смогло собрать документы только на две первые книги. Второе, в Кельне, *Maternus Cholinus* (1575); третье, в Венеции; четвертое и пятое — *Bosquetus* (1627, 1635); шестое — *Baluzius* в Париже (1682, 2 f.) — постепенно обогащали число документов. Последнее, тоже не полное, подало Гуртеру мысль написать его известный труд. В конце прошлого столетия французские издатели *Brequigny* и *La-Porte du-Theil*, имевшие случай сделать некоторые открытия, напечатали письма в той полноте, какую мы имеем теперь (*Diplomata, Chartae, Epistolae et aliadocumentaad res Francicas spectantia. Pars altera, quae epistolas continet. Tomus primus Innocentii 111 papae epistolas anecdotas... exhibens; Par. apud Nyon, 1791, f.* — довольно редко). Здесь впервые были помещены документы для 1203—1204 годов и пятьдесят сень писем III книги; прочие книги так же значительно пополнены. В последнее время известный издатель Патрологии *Migne* снова напечатал переписку Иннокентия без особых дополнений с вариантами в трех томах, предпослав *Gesta Inn. (Baluzii)*, а в особом томе собрал все богословские сочинения Иннокентия и его проповеди (*Patrologiae cursus completus, ser. secanda, Par. 1855, t. CCXIV—CXVII*). Мы пользовались этим последним изданием. Материал прерывается на августе 1213 года. Таким образом, главнейшая заслуга по разбору переписки Иннокентия III принадлежит предшествовавшим французским издателям. Они же произвели беспристрастный суд над личностью папы, которого перед тем или славословили, или позорили.

Дю-Тейль, рационалист и республиканец, верными красками очертил характер Иннокентия. Его суждение практически верно; он замечает, что глазами строгого моралиста нельзя мерить историческую личность (*Il n'a pas ete celui, dont l'ambition ait en le moins de palliatifs et d'excuses*), что к суду призвано лицо, а не система.

«Имя Иннокентия III, — продолжает издатель, — всегда будет навевать воспоминание о человеке, который действовал на сцене мира с сильным блеском и в котором беспристрастная философия всегда сумеет различить добродетель и недостатки. Когда я говорю о недостатках, то думаю о тех, кто читал полемические и исторические сочинения, где этот папа так решительно обвиняется в преступлениях». Признавая, что лишь тенденциозность и радикализм могут держаться такого убеждения и что подобный прием не имеет права быть авторитетным в философских и исторических вопросах, Дю-Тейль дает справедливую оценку достоинствам папы (*une fermete d'ame a l'epreuve, une Constance inbranlable dans les projets, une zele infatigable pour la chose publique, une purete des moeurs sans reproches*).

Новый издатель переписки Иннокентия III снабдил большую часть писем кропотливыми примечаниями и указаниями, а также поместил свои и Балузиевы ссылки при *Gesta*. Известно, что в трех кодексах содержатся папские жизнеописания. Древнейший принадлежит папскому архивариусу Анастасию, который дошел лишь до Николая I (*Muratori. Scrp. ger. ital. III, pars I; 93-277*), использование которого облегчают диссертации *Ciampini* и *Blanchini*, приложенные там же (*id. 33-55, 55-93*). Со Льва IX до Иоанна XXII довел жизнеописания кардинал Николай Арагонский (*id. 277-685*). Цельный кодекс другой редакции, но с той же узкой папской точки зрения свел из мелких биографий до Сикста IV включительно *Amalricus Augcius*, что занимает особый фолиант у *Muratori* (*Act. Pont. Rom.*). Для Иннокентия III здесь имеются два списка: краткий *Bernard Guidonis* (*Mur. t. III, pars II; 480-486*), которым мы могли подтвердить один факт из битвы под Мюрэ, и обширный *St. Baluzii* (*id. 486-568*). Новейшее издание всех папских биографий сделано в Германии *Ваттерихом* (*Pont. Rom. vitae; Leipz. 1862*); мы цитируем Балузия по тексту Патрологии (*Migne*), а *Гвидона* по *Muratori*. Нам пока не было надобности прибегать к *Bullarium Romanum*, так как настоящий том кончается Иннокентием III, для которого мы имели богатейшее издание документов.

Общей церковной историей для XIII столетия можно считать сочинение доминиканского приора и епископа *Ptolomaei Lucensis (de Fiadonibus) Historiae ecclesiasticae I. XXIV a Chr. nato usque ad 1313* (*Muratori; XI, 153-1242*), богатого фактами и не без некоторой критики для конца

XIII столетия. Он умер в 1327 году; для начала века он не представляет достоинства источника, так же как и церковные хроники Nicolai de Syghen (жил в конце XV века) и Ioh. Stellae (в XVI ст.). Chronicon ecclesiasticum Зигена издал Wegele в Иене (в 1855 г.); De vita ac moribus pontificum Romanorum, usque ad a. 1503 Стеллы, изданное в Венеции (1507 г.), представляет собой в отношении Иннокентия III повторение известных фактов. Подробное изложение церковной истории по ватиканским архивам предпринял в последние годы XVI века кардинал Baronius — Annales ecclesiastici a Chr. nato ad annum 1198 (лучшее отдельное издание в Майнце, 12 т., 1605, просмотренное самим автором) по поручению римского правительства. Естественно, оно не может быть причислено к числу беспристрастных: тут есть и фактическое извращение, и фальшивые документы, и стихотворные повествования, а также саги, легенды, записанные с полной верой в них.

Те же свойства и у его продолжателей, поставленных в такие же условия, кардиналов Raynsldi (ум. 1670), дошедшего до 1565 г. (9 т.), Laderchi, добавившего еще шесть лет, и Paghi, составившего несколько критических статей и указатель. Все вместе это составляет в лучшем лукском издании тридцать пять томов текста и три тома индекса (1738—59). Составители помещали в извлечении и отрывках буллы и соборные постановления; в этом отношении их издание всегда будет довольно ценно, так как заменяет Bullarium и лучшую коллекцию соборов Mansi. Время Иннокентия III занимает две трети первого тома Райнальди (1747).

Те французские летописцы, которые не были современниками крестовых альбигойских войн, не могут быть рассматриваемы как основные источники, так как они черпали свои сведения из прежних летописей. Это надо сказать и про Praeclara Francorum facinora variaque ipsorum certaminapluribus in locis tarn contra orthodoxae fidei, quam ipsius Gallicae gentis hostes non impigre...gestas ab 1200-1311, ab ill.principe Montisque Fortis comite (Hsa. Gatel, comtes, p. III; Duchesne, scrp. V, 764—792 и отдельно, sine I. et a.). Часто эту анонимную летопись называют хроникой Симона Монфора, и уже по одному этому можно судить о ее характере, хотя она далеко не может служить чьей бы то ни было биографией. Ее известия кратки и сухи. Неизвестный составитель — сторонник самого кровавого фанатизма. Он апологет крестоносцев Лангедока, Монфора, атлета веры (а. 1211, 1214 etc.) и всех пап XIII столетия. Под 1250 годом он записывает известие об умерщвлении императора Фридриха II, его текст почти дословно сходен с текстом присяжного папского биографа. Не это ли место побуждает французских ученых считать автором хроники Бернара Гвидона (Bouquet. Recueil; XXI, 691). Катель приписывает ее Петру, епископу Лодевы. Во всяком случае, несомненно, что составителем было духовное лицо. Компилятор довольно бестактно пользуется Петром Сернейским, сокращая важное, останавливаясь на неважном и многое пропуская (а. 1209—Р. Сегп., с. 88, 60-63; а. 1210-Р., с. 98; а. 1213 -Р., с. 72); впоследствии он слишком усердно пользуется Guil. de Pod. Laur. (напр.: а. 1228 — Guil., с. 39; а. 1250 - Guil., с. 49). Там, где Петр Сернейский ошибется или просто совершит опisku, анонимный летописец списывает не исправляя; так, принц Луи отправляется в крестовый поход в 1212 году, согласно с Р. Сегп., с. 68, вместо февраля 1213 года, что следует и из Петра Сернейского. Несмотря на такое плохое историческое значение, на сухость, краткость, ошибки, эта католическая летопись имела многих читателей. Она была издана в 1562 году в Тулузе, во французском переводе, отдельной книгой (Jean Former de Montauban. Hist. des guerres faites en plusieurs lieux de la France etc.); другой, более точный перевод сделан в собрании Гизо (Coll. des mem., t. XV, 1824). Мы могли пользоваться этой хроникой только для подкрепления чужих известий.

Тем реже нам приходилось цитировать французских летописцев, даже современных альбигойским войнам. Rigordus seu Rigotus (Gesta Philippi Augusti) не дошел до начала крестовых войн; он описал события французской государственной истории с 1179 до 1207 года включительно. Аббат святого Дионисия, историограф французского короля, не мог сколь-нибудь верно отнестись к религиозному и политическому движению, проявившемуся на Юге Франции к началу XIII столетия, хотя сам и был родом из Лангедока. Неизвестно, что побудило его покинуть родину и изменить ей, переселяясь в пышные палаты аббатства Сен-Дени (смотри о нем Lacurne de S. Palaye. — Mem. de l'Acad. des inscr.; VIII, 528—548). Во всяком случае, такое отступничество лишило Юг довольно способного, хотя и фанатичного историка. Он посвятил свой труд, который уже хотел было уничтожить, тому самому принцу Луи, с именем которого связано столько враждебных воспоминаний для Тулузы (Изд. Pithoeus; Hist. Franc, scrp. I. XI; Duchesne; V, 3-67; Bouquet; XVII, 1—62). Он сохраняет значение для событий конца XII века, хотя и не полное. О вере альбигойцев он имел смутные представления и как католический аббат дышал к еретикам

искренней ненавистью. Смерть прервала его труд на самом интересном для альбигойства месте, в котором нельзя не видеть изуверства, обычного, впрочем, между тогдашними французскими монахами.

«Папа, — начал рассказывать Ригор, — писал к королю Филиппу и его вассалам, поручая им немедленно с многочисленным воинством истинных католиков и верных слуг Христовых идти опустошать Тулузу, Альби, Кагор, Нарбонну и Бигорр, чтобы там уничтожить всех еретиков, наполнивших страну. Если смерть постигнет крестоносцев в этом путешествии или в предстоящей войне с неверными, папа именем Господа и властью апостолов Петра и Павла, так же как и собственной, даст им отпущение всех грехов, совершенных ими со дня рождения, в которых они исповедуются, даже если бы они и не успели принести за них покаяния». Этим летопись Ригора обрывается. Ее продолжал *Guilelmus Brito seu Armoricus*, как он сам себя называет по месту происхождения. Он был капелланом Филиппа Августа, ходил вместе с королем в походы, вместе опустошал Фландрию в 1213 году и участвовал в битве под Бувином, подробно и талантливо им описанной. В Риме он в качестве королевского посла хлопотал о разводе Филиппа с Ингеборгой. Преданный своему государю, он не был честолюбив и не домогался высокого духовного сана, какого мог бы достигнуть, и умер уже при Людовике IX в звании простого священника. Его «*Historiade vitae gestis Philippi Augusti regis Galliae*» доходит до 1219 года, с продолжением неизвестного монаха до 1223 года (издание Duchesne; scrp. V, 68-93. Bouquet; XVII, 62—116). Эти деяния предприняты с целью изложить в самом «бесхитроном рассказе все подвиги добродетельного и славного короля», так как без лжи, без украшательства они говорят сами за себя. Понятно, что если Вильгельм касается альбигойских войн, современником, но не участником которых он был, то весьма кратко и с патриотически-французским взглядом.

Тем менее нашим целям может служить латинская напыщенная эпопея «*Philippidos*» 1. XII, тоже названная: *gesta Philippi regis Franciae* и доведенная до 1223 года. По отношению к Франции ее значение и сравнить нельзя со значением провансальской «*Cansos*». Как произведение в своем роде национальное, поэма Вильгельма выдержала много изданий (полное у Duchesne; V, 93—259; перевод Guizot; coll. t. XII). Здесь не место распространяться о достоинствах этого памятника, для альбигойства незначительного, так как он весь направлен к прославлению французского величия и важен как первое заявление французского национального чувства и единения. Заметим только, что по этому предмету существует обширное критическое исследование Гаспара Бартиуса (Zwickau, 1697), в котором со всей эрудицией уличены поэтические вольности поэмы сопоставлением их с хрониками того же времени.

Официальным продолжателем Вильгельма Бретонского можно считать его соименника *Guilelmus de Nangiaso* — *Chronicon ab anno 1112 ad a. 1301*. Монах аббатства святого Дионисия, он вел государственные анналы Франции обыкновенным способом средневековых хроникеров. Современник событий гораздо позднейших (умер в 1302 г.), Нанжис будет важен для нас своими специальными историями французских королей (Людовика IX, Филиппа III); упомянутая же хроника, начатая с сотворения мира, для альбигойских крестовых войн служит лишь третьестепенным источником и по краткости и по характеру изложения; весь ее смысл в официальной воззрениях автора, который в фактическом отношении держался Ригора. Интерес к ней увеличивается разве с 1226 года (изд. d'Achery; *Spicilegium*, t. XI. Bouquet; XX, 725—763). По своей слабой приложимости к занимающему нас предмету она приравнивается к общим летописям по XIII столетию, составленным и поздно, и поверхностно, которые, касаясь всех исторических событий Запада, упоминают и об альбигойстве, почему могут служить разве для синхронистского обзора эпохи.

Здесь мы имеем в виду, например, Родольфо де Дичето, декана лондонской церкви св. Павла (умер в 1210 г.). Его «Сокращенные хроники», охватывающие период между 598—1198 годами, и «Исторические образы» от 1148 до 1200 года (манускрипт XIII века в Кентербери, издан в отрывках, у Bouquet; XIII, 183-205; XVII, 616-660) отражают взгляд на дуалистическую ересь, известную также и в Англии. Как и все средневековые хроникеры, вначале он списывает своих предшественников, ругаясь лишь за те годы, которых он был очевидцем в Англии из стен своего аббатства. По отношению к той же Англии большую важность имеет начало летописи *Matth. Par.*, принадлежащее собственно Роже Вендоверу, родом из Нормандии, хотя долгое время его труд и приписывали тому же Матфею Парижскому, под именем которого известна вся знаменитая «*Historia major Angliae*» (решение этого вопроса у Спехе в его издании Вендовера — *English Historical Society*, 5v., 1841-44). Вендоверу принадлежит, собственно, начало этого обширного труда, от 1066 до 1235 г. Матфей подавил его своей известностью, и потому названному Мюпа

цитируют обыкновенно под его именем (изд. Wats, L. 1684. Отрывок у Bouquet; XVII, 679-768). Для Англии же мы иногда ссылались на Rogerus de Hoveden, продолжателя Беды Достопочтенного с 732 года, — *Annalium Anglicanorum* I. До 1148 г. его хроника слишком поверхностна; с 1170 до 1192 г. он повторяет *Magistrum Benedictum* (аббат Петерборо); далее же он подробен и самостоятелен вплоть до 1201 года, которым кончается хроника (изд. Bouquet; XVII, 546-615; XVIII, 164-189). Его положение в придворной сфере (он долго был капелланом Генриха III) давало ему возможность пользоваться документами, которые он помещает в большом количестве, чем его летопись особенно драгоценна. Он служил источником для Вендовера.

Соответственное значение для Германии начала XIII столетия имеют *Annales Colonienses Maximi* (ab 576 usque ad a. 1237), преимущественно с 1198 года. Долго их ошибочно приписывали монаху Готфриду (S. Pantaleonis), поэтому летопись называлась *chronica regia S. Pantaleonis*. Ваттенбах думает, что часть анналов принадлежала Бурхарду, приближенному императора Фридриха I (*Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, 2 Ausg. Berl. 1866, S. 500). Имя продолжателя неизвестно; по своим политическим убеждениям он должен быть горожанином, приверженцем императорской партии; он на стороне то Оттона IV, то Фридриха II, преследуемых папами. Так как об альбигойских делах эти анналы не говорят, а для борьбы за германское престолонаследие мы имели в руках *Reg. de neg. Imp.* в переписке Иннокентия, то у нас не было надобности цитировать *Ann. Colon.* Несколько ссылок мы сделали на *Albericus Trium Fontium* (как обыкновенно, но неверно называют его по монастырю близ Шалона, тогда как он жил в другом монастыре — *Neuf-Moustier*), который много касается Германии (см. в отрывках у Bouquet; XVIII, 744-796; XXI, 594-630). Его *Chronicon ab orbe s. usque ad a. 1241* написана не без сказок и путаницы в фактах. В двух-трех местах мы указали еще несколько специальных летописей, разбор которых был бы здесь еще более неуместен.

Переходим к источникам по другому вопросу, к материалу, служащему для знакомства собственно с альбигойскими верованиями. В большей части этих свидетельств вальденсы смешаны с альбигойцами. Имея в руках издание Гретсера (t. XII, pars. II h Ratisb. 1738) и Монету Кремонского, мы пользовались всем известным материалом. У иезуита Гретсера, полемизировавшего с протестантизмом и потому ошибочно приписывавшего все вальденсам, помещены с примечаниями в последовательном порядке, после его собственной статьи (*Prolegomenain scriptores contrasectam Waldensium*): *Reinerii, ord. Praedic. liber contra Waldenses haereticos* (p. 25—48) с вариантами по Ламбахскому манускрипту. Издание Гретсера не из точных, и это издание отличается от французского (*Msrt. et Dur. Thes. nov. anecd.*; V, 1759. *D'Argentre. Coll. ne nov. erg.*; 1, 48 и в рукописной коллекции *Doat. Par. Bibl. imp.*). По Мартеню, Райнер Саккони писал в XIII столетии, по Экхарду (*Scrp. ord. praedic. I, 154*), позже 1300 года. Можно принять вместе с Гизелером, сделавшим самое лучшее издание (*Rainerii Sacchoni Summum de Catharis et Leonistis, Gott. 1834*), что подлинный текст был дополнен в Германии (как у Гретсера) неизвестным лицом (*Kircheng.*; II, II, 613-614). Следующие обличения служат источниками для вальденсов. *Petri de Pilichdorf tractatus contra haeresim Waldensium* (p. 50-81) и его же *Contra Pauperes de Lugduno* (p. 82-87) имеют полемическое значение по отношению к лангедокским реформатам и не представляют данных для дуалистической религии. *Ebrardus Contra Waldenses* (p. 118), собственно же — *Liber antihaeresis*, направлено против тех же последователей де Брюи и Вальдо. *Bernardus, abbas Fontis-Galidi — adversus Waldensium sectam* (p. 198—221), позже нарбоннский архиепископ, близко знакомый с вальденсами, населявшими его епархию. Он имеет целью в двенадцати главах опровергнуть новаторские воззрения вальденсов, защищая права папы, прелатов, нападая на светскую проповедь, в особенности женскую, на их учение об Апостолах, о молитвах и поминовениях усопших, о чистилище. Памятник, заслуживающий внимания, почему-то упущенный Шмидтом. *Ermengardus, contra Wald.*, собственно же — *Opusculum contra haereticos, qui dicunt et credunt mundum istum, et omnia visibilia non esse a Deo facta, sed a diabolo* (p. 223-241), направлен против альбигойцев-катаров. Оставляя в стороне сочинения монахов: *Luca Tudensis (Adversus Albigenium errores. Ing. 1613)*, *Bonacursus (d'Achery.; Spicil. I, 208 — Manifestatio haer. Cath.)*, *Alanus (Bibl. scrp. Cist. Col.)* и *Isarn* (фр. пер. у Millot. *Hist. litt. des troub.*; II, 43 etc.), из которых последнее замечательно разве только тем, что написано на провансальском языке, но против альбигойцев, остановимся на главном источнике для дуалистического верования. Это — *Ven. patr. Monetae Cremonensis ord. Praedic. Summa adversus Catharos et Valdenses; I. V.* Подробности его биографии неизвестны; ее отсутствие не соответствует значению его замечательного труда. Неизвестно даже, откуда он родом, а между тем его труд оказал великую услугу католической вере. Один из первых доминиканцев (с 1219 г. *Galv. Fiamma*), друг и собеседник св. Доминика

(Ant. Flaminius. Vita S. Dom.; I. III), Монета был главным пропагандистом его идей в Италии. В ней он положил начало доминиканским монастырям. В 1228 г. он поселился в Кремоне и основал доминиканскую конгрегацию; в 1233 году он тем же делом занят в Мантуе. В эти же годы он принялся за составление своего громадного обличения против катаров. Болонские источники полагают, что он умер в 1235 году, но два места из его сочинения убеждают, что обличение закончено не ранее 1240 года (I. III, с. 3, §2; I. V, с. 1, § 4). Труд его отличается блистательным знанием богословия, Библии и канонических книг; аргументы автора убедительны. После Боссюэ Монета — самый опасный враг протестантизма вообще. Тем более замечательно, что современные католические писатели, хором прославляющие его, не оставили подробностей об его жизни. Гальвано Фламма называет его «super omnes Mngistros Mundi f3mosissimus» (Chr.). L. Albertus говорит о его труде: «Contra quos (hsereticos), et praecipue Cstharos et Valdenses, volumen maximum confecit, quod Summa Monetae Cremonensis vocstur contra haereticos, cujus archetypus adhuc in nostra Bibliotheca cernitur, quo Viri peritiam et eruditionem lacile quisquis intueri potest. Fuit hie Vir venerandus, magni consilii, Fidei pugil egregius, maximis fulgens miraculis». «Прежде, — продолжает он же, — Монета считался в нашем ордене великим философом, потом сделался славным богословом» (I, V, histor. in Mon.). Упомянутый нами Гретсер в своем издании обличений замечает и о Монете, которого он не мог напечатать по причине громадности его труда, — «volumen grande contra Valdenses in quinqus Libros distinctum, quod cum his jam foras extrusissem, nisi Operis prolixitas et magnitudo me absteruisset; sed alia dabitur, ut spero, Auctoris hujus e tenebris in lucern vindicandi occasio» (Proleg. contra Wald.; с IX). Манера изложения автора часто становится диалогической; иногда он ведет полемику в вопросах и ответах, предлагая в заключении статьи свои выводы. Этот оживленный способ не только облегчает понимание книги, трудной по самому предмету, но делает ее кодексом столь же альбигойской и вальденской догматики (они отчетливо различаются Монетой), сколь и католического богословия. Строгая система обличителя дает его аргументике логичность и обстоятельность. Он, не стесняясь, приводит самые щекотливые верования еретиков, за них же выставляет тексты Библии, ими перетолковываемые, и опровергает эти тексты на основании других. Манускрипты его находятся в Регенсбурге (в мои. S. Emmeromi), в Париже, Болонье, Неаполе и Ватикане (из Нарбонны, где он служил главным и действительным орудием борьбы). По трем последним рукописям итальянский доминиканец Th. Aug. Ricchini издал Монету в Риме в 1743 г. (f. p. XLVIII, 560), думая послужить тем католицизму против лютеран. Риччини предпослал тексту две свои диссертации, о катарах и о вальденсах, которые служили для нас полезным пособием. В них ясно говорится о происхождении катаров, их распространении, ответвлениях, догматах (в виде конспекта, р. XXI-XXIII), нравах, обрядах, Церкви и соборах против ереси. Такой же стройный порядок и в диссертации о вальденсах, имя которых он принимает общим названием всех протестантских сект до Лютера (р. XXXII). Указания, имеющиеся на страницах XXI-XXIII и XL-XLVIII Риччини, избавляли нас от частой выписки и сличения ссылок (тщательно сведенных Риччини) при нашем изложении догматики ересей. Для вальденсов, впрочем, мы имели их собственные богословские сочинения, помещенные в книге Jean Leger (Histoire generale des Eglises evangeliques des vallees de Piemont ou Vauldoises, divisee en deux livres; Leyde, 1669) и в извлечении у Jean Paul Perrin (Hist. des Albigeois), уже указанных нами в тексте. Эти провансальские сочинения надо предпочесть Пилихдорфу, Эрменгарду, Эбрарду, Бернару, Райнеру, даже Монете. Пособия и монографии собственно для вальденсов здесь не могут быть указаны, потому что истории последних мы еще не касались и ограничились пока вероучениями. Для альбигойцев же в наших руках была большая часть литературы предмета, но, имея источники, мы по возможности старались избегать постоянных указаний на пособия, что без надобности утяжеляло бы книгу.

За немногими замечательными исключениями, вся эта литература в ученом отношении слаба. Никто из немецких ученых не занялся специальной историей альбигойцев; воззрения немецкой науки надо искать в общих сочинениях по церковной истории. Мы только тогда указывали то или другое пособие, когда оно поднимало вопрос, заслуживавший внимания, разбора, возбуждавший сомнения или касавшийся факта, не встреченного в источниках. Такой же системы мы держались и по отношению к сочинениям более общего характера и объема. Литература нашего предмета исходит из двух противоположных лагерей, католического и протестантского. Не вдаваясь в разбор и подробную оценку каждого пособия порознь, укажем полные заглавия монографий по истории альбигойцев в хронологическом порядке их появления.

I) Jean du Tillet. Sommaire de la guerre faite centre les heretiques slbigeois (Par. 1590). Автор, регистратор парижского парламента, пользовался документами королевских архивов. Он посвятил

свой труд Екатерине Медичи, с мыслью указать ей, как следует поступать с протестантами. Труд его важен благодаря текстам документов (например, памьерских постановлений). Лат. пер. Н. Albert был послан папе и издан уже в 1845 г. в Берлине Дресселем: *Hist, belli contra Albigenes initi compendium*.

II) Jean Chassanion. *Hist, des Albigeois, touchant leur doctrine et religion, centre les fsux bruits qui ont este semes d'eux, et les ecris dont on less 3 tort diffsmes; et de Is cruelle et longue guerre qui leur 3 este faite, pour ravir les terres et seigneuries d'autrui, sous couleur de vouloir extirper l'heresie, en 4 livres* (Par. 1595, in 16). Посвящено принцессе Екатерине Наваррской, сестре Карла IX. Автор был протестантским проповедником из Монистроля. Сам вальденс, он с понятным энтузиазмом относится к еретикам Прованса, которых считает за мучеников истины. Цель похода для него была чисто политической. Факты часто заменяются поэтическими сентенциями. Книжка составляет библиографическую редкость.

III) Jean Paul Perrin. *Hist, des chrestiens albigeois, contenant les longues guerres, persecutions qu'ils ont souffert a cause de la doctrine de l'Evsngile; le tout fidelement recueilli des historiens qui en ont escrit, et des memoires, qui nous ont este fournies psr personnes dignes de foy* (Gen. 1618, in 16). Посвящено Генриху де Фуа, герцогу Кандалю, наместнику Лемузена, потомку альбигойского героя. «Jesus souscrivant a leur doctrine seule, — говорится в посвящении, — vous avez encor dequoу vous glorifier en Dieu, de ce que vos auculs Paternels et Maternels ont soustenu votre croyance il y a plus de quatre cens ans». Автор родом из Лиона, гугенот по вере, был пастором в Нионе (в Дофинэ). Для него не существовало разницы между катарами и реформаторами; те и другие казались ему вальденсами. Но книга его, составленная довольно тщательно, тепло написанная, в отношении знакомства с источниками оставляет далеко позади памфлет Шассаниона. Перрен пользовался P. Cern., Guil. de Pod, и особенно: Holagaray (*Hist, de Foix*). Свои источники он отмечает на полях книги. Наконец, у него были рукописи, которые в иных случаях поднимают его работу до степени источника.

IV) Benoist. *Hist, des Albigeois et des Vaudois ou Barbels* (2 v. in 12, 1691, Par.). Посвящено Людовику XIV, преследовавшему протестантов после отмены нантского эдикта. Автор, доминиканский проповедник, полагал своим сочинением оправдать жестокие меры короля, которого он простодушно ставит выше самого Монфора, употребившего годы на завоевание и истребление, тогда как христианнейшему королю удалось все это устроить гораздо скорее. Источники указаны не везде. Важность книги заключается в большом количестве документов, приложенных в конце каждого тома. Так, заслуживают внимания: письмо арагонского короля (I, 269), допрос инквизиции (I, 271), отрывок из подложного дуалистического евангелия, приписываемого святому Иоанну (1, 283), присяги, документы на передачу владений, генеалогии местных владетельных домов. Многие документы в переводе, но ограниченное количество их не может идти в сравнение с богатыми приложениями при истории Вессэ. Автор видит в альбигойстве столько же политическое движение, сколько религиозное.

V) J. Bapt. Langlois. *Hist, des croisades centre les Albigeois, divisee en VIII livres* (Par. in 12. 1703). Автор, иезуит, писатель старательный, но далеко не талантливый. Он восхищается всякой коварной политикой, если она пригодна для торжества католицизма; он говорит, что в Риме: «scait si bien convsincre ceux svec qui Ton traite» (p. 327), но по возможности избегает всяких личных заявлений. После смерти Монфора его изложение значительно сокращается.

VI) Blair. *History of the Waldenses and Albigenes* (Ed. 1833, 2v. in 8). Это был первый ученый, который положил начало выяснению вопроса об отношении альбигойцев к вальденсам и тем поставил исследование по этому предмету на настоящую дорогу.

VII) G. de Parctelaine. *Hist, de la guerre centre les Albigeois* (Par. 1833, in 8). Либерального направления, но неверное по отношению к вероучениям и их истории, что разбирается весьма поверхностно; зато щедро рассыпаны политические фразы.

VIII) las. *De Waldensium secta ab Albigenibus bene distinguenda*. (Leyde. 1834, in. 4). Это исследование амстердамского ученого блистательно разрешило вопрос об истинных отношениях альбигойцев к вальденсам. Богатое эрудицией и тонкой критикой, незаслуженно забытое, оно было самым ценным вкладом в науку. Им пользовался Шмидт.

IX) J. Barrau et V. Darragon. *Hist, des croisades centre les Albigeois* (Par. 2 v. in 8, 1843) представляет собой расширенное сочинение тех же авторов, вышедшее тремя годами раньше и также в 2 томах (*Montfort et les Albigeois*. Par. 1840). Барро — поборник провансальской национальности; Даррагон — профессор в Париже. Сочинение может служить пособием для крестовых походов, оно быстро заканчивается после смерти Раймонда VII. Предназначенное

непосредственно для публики, оно достигает своей цели, хотя фантазия часто перевешивает истину. О верованиях и различии сект почти ничего не говорится. Драматическое изложение, сила воображения и художественных красок (впрочем, весьма резких) блистательно угождают вкусу французских читателей. Поэма *Cansos de la crozada* вошла в это сочинение, но без должного уважения к ее тексту. Авторам вообще знакомы средние века, и наиболее удачными их красками мы пользовались в двух-трех местах. Но ученого значения книга иметь не может. Как бы в противоположность Риччини, авторы под словом «альбигойцы» подразумевают вальденсов. Для них нисколько не знаком Монета или кто другой из католических обличителей; дуалистов они называют чистыми манихейцами; о богомилах молчат. «Si le manicheisme pur, — замечают они, — s'eclipsa, l'albigisme (?) se transmit dans les families, et, epure par le temps et par les mximes toutes libersles de Luther et de Cslvin, il reprsut au XVI siecle sous la denomination qu'on lui connait maintenant» (II, 480). Взгляд на политическое значение альбигойства верен. Кроме *Cansos*, авторы не хотят знать никаких источников; вся католическая литература ограничивается для них историей Вессэ, которой они пользуются слишком усердно, доходя до простого перефразирования, а иногда до списывания, как, например, I, 206. Там, где ошибается бенедиктинский историк (что, впрочем, случается весьма редко), авторам приходится повторять его промахи (I, 189, 388), они списывают иногда то, чего не понимают (I, 193). То, что авторы не читали даже Петра Сернейского, видно из I; 42, 174, 189.

X) Maitland. *Facts and documents, illustrative of the history, doctrine and rites of the ancient Albigenses and Waldenses* (L. 1838, in 8). Солидный труд по церковной истории, но не без одностороннего понимания павликианства. Документы заимствованы из обличений. Автор усвоил разницу между двумя направлениями тогдашних провансальских сектантов.

XI) Stanley Faber. *An inquiry into the history and the theology of the ancient Valdenses and Albigenses* (L. 1838, in 8). Автор уклонился от истинного пути, указанного голландцем Ясом, и, деля из альбигойцев реформаторов, стал на манер устарелых Шассаниона, Перрена, Лежера защищать первых от обвинений в дуализме. Этим трактат его лишился научного значения.

XII) C. Schmidt. *Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois* (2 v. in 8, Par. 1849). Первый том содержит обзор общей истории катаров; второй — их учение. Помимо множества пособий, у автора была рукописная коллекция ОоаГ. Это капитальное сочинение по значению его в литературе предмета превосходит все предыдущие. Автор — профессор страсбургской протестантской семинарии — относится к делу с невозмутимым философским взглядом. Работу Шмидта облегчали английские сочинения и ученая диссертация Яса, но ему принадлежит предвзятая мысль об особом зарождении катарства в славянских пределах. Взгляд его на историческое значение альбигойцев формулируется в словах: «Pour nous le catharisme est line erreur, tant sous le rapport philosophique, que sous le rapport religieux; mais nous le respectons comme line proteststion de la raison et du sentiment individuels centre l'autorite exterieure en matiere de foi, comme un effort hardi de resoudre un des problemes les plus difficiles qui pesent sur l'esprit de l'homme, et de ramener la vie a une purete plus parfaite au milieu des desordres du moyen age» (IX, срв. I, 362; II, 154, 171, 179, 270). Автора можно упрекнуть за недостаточно серьезное отношение к личности и деятельности Иннокентия III и за пренебрежение тогдашними дипломатическими документами. Для нас был полезен второй том его труда.

Не перечисляя всех специальных и общих пособий, чем-либо послуживших нам по разным вопросам излагаемого предмета, остановимся на двух замечательных сочинениях — Вессэ и Гуртсера. Первый был для нас главным пособием. Обширная «История Лангедока», составленная бенедиктинцами, в ученой французской литературе занимает бесспорно одно из первых мест. Она не отличается привлекательным изложением и потому во Франции имела только два издания; мы пользовались последним из них, вышедшим с дополнениями и с редакцией провансальского ученого дю-Меже (*Histoire generale de Languedoc, avec des notes et les pieces justificatives: composee sur les auteurs et les titres originaux, en enrichie de divers monumens, par Dom Claude de Vie et Dom Vaissete, 1730—45, 5 f; commentee et continuee jusqu'en 1830, et augmentee d'un grand nombre de chsrtes et de documens inedits, par. Al. du-Mege, Toul. Paya, 1840 etc. 10 v. in 4*). Труднейшие вопросы феодальной истории Лангедока распутаны в этом массивном труде, на который положено было тридцать лучших лет жизни вместе с удивительным терпением и огромными знаниями двух талантливых монахов.

Тщательнейшее изучение источников, печатных и множества рукописных, с кропотливейшим анализом места и времени событий, с особенным блеском обнаруживается в том отделе, где исследуются альбигойские крестовые войны и который выпал на долю Вессэ. Была

особенная причина, которая побуждала Вессэ к тщательному изучению этих событий. Он сам был родом из той местности, которая преимущественно была ареной погромов и кровопролития. Всякое место несчастного Лангедока было дорого ему, и под официальными строками католического монаха он едва скрывает горькое чувство озлобления на Монфора и крестоносцев. Его дед был генеральным прокурором в области Альбижуа. Жозеф Вессэ предназначался к тому же званию. Но он предоставил свои права и значительное состояние сестре, а сам отказался от света и пошел в бенедиктинцы ученой конгрегации св. Мавра. К историческим трудам он был подготовлен занятиями в тулузском университете. Он посвятил себя с двадцать шестого года жизни написанию истории своего отечества. С первого же года монастырской жизни он стал работать над прошлым своей родины. За тридцатилетний труд свой он поплатился здоровьем. Он работал без отдыха, то за подробной историей, то за *Abrege* (6 v. in 8) ее, которое предназначал для публики, то за *Geographic historique*, то за *Description de Languedoc*. Он скончался в Париже 10 апреля 1756 года.

По принятому авторами плану, *Hist. gen.* состоит из трех отделов: текста, *notes* и *preuves*. Огромное количество последних в оригинале всегда будет, помимо текста, придавать важность сочинению. Взгляд автора беспристрастный, но уже одно такое чувство способно было вызвать недовольство клерикальной критики (*Journal deS TreVOUX*. август 1740 г.). Новый продолжатель «Истории Лангедока», католик же, должен был еще далее развить патриотический взгляд, неблагоприятный завоевателям. Заявляя, что он порицает за ересь и альбигойцев, и графа тулузского, который им покровительствовал, *du-Muge* продолжает: «*Mais nous nous sommes eleve aussi centre les fanatiques, qui, sans pitie, ont porte la desolation, le ravage et la mort dans ces contrees, sous le fallacieux pretexte d'y poursuivre les fauteurs de l'heresie: nous avons rappele tous les crimes de ces hommes qui, infideles au mandat qu 'Ms avaient recu, et meconnaissant les ordres du Saint Siege, parurent ignorer que le Pere commun des fideles ne voulait ni l'exheredation de la noble dynastie de Toulouse, ni la mort de ceux qui s'etaient involontairement engages dans les sentiers de l'erreur*» (*avert*, t. V. p. 14. I. V. p. 14). Вессэ не знал поэмы *Cansos de la Crozada*. О религии альбигойцев он говорит весьма мало; отличая манихейский элемент ереси (I. XXI, с. 2) от реформатского, он довольствуется *P. Cern.* и *Guil. de Pod. Laur.* и, ограничиваясь несколькими фразами, не имеет в виду никаких других источников. Значение труда Вессэ — для чисто политической истории. Он первый верно определил то положение, какое занимал папа в альбигойской борьбе. Тот же взгляд на Иннокентия III, какой проводил Вессэ и какой после поддержал другой провансалец, развил *Fr. Hurter* в известной: *Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen* (Hamb. 4 v. 1834—42; собственно биография заключается в двух первых томах, а последние могут назваться особым сочинением — *Kirchliche Zustande zu Papst Innocenz des Dritten Zeiten*).

Этот труд протестантского пастора неотрывно связан с историографией папства; по обширной эрудиции, знанию эпохи, по ученым достоинствам он занимает в ней самое видное место. Но личность Иннокентия III подкупила историка; Гуртер сделался апологетом знаменитого папы. Он даже не ограничился этим. Готовясь к избранному труду с юношеских лет, весь занятый той эпохой, он сжился с ней и, до фанатизма увлеченный своим героем, смешал человека с системой. Пораженный величием излагаемых явлений, Церковью в ее апофеозе, предводимой даровитым вождем, Гуртер сделался верным учеником папства; идеализация облекла предмет особым ореолом. Католицизм, изучаемый автором в его истории, увлек пастора до того, что сам он сделался католиком, когда завершал свою книгу летом 1841 года. Но он не представляется в «Истории Иннокентия» таким рьяным клерикалом, каким сделался в своих дальнейших трудах. Для истории XIII столетия эта книга замечательнейшая и весьма полезная. Автор пока не становится защитником теократии. Но если Гуртер серьезно понимает обязанности историка, то, безусловно преклоняясь перед Иннокентием, он не отделяет гения папы от тех средств, к каким прибегал тот в пылу борьбы. Понятно, впрочем, что религиозная вражда была существенной причиной нападков немецкой критики на Гуртера.

Шафгаузенский пастор, обратившийся в католичество, должен был восстановить против себя протестантских немецких историков, хотя подобного рода антипатия не должна бы была доходить с их стороны до отрицания всякой талантливости в авторе одного из ученейших сочинений по средним векам, как делает, напр., *Helbig* в статье о Гуртере (*Sybel's Historische Zeitschrift*; 1860, № 4). Он отзывался о Гуртере как о писателе вполне бездарном, лишенном всяких ученых качеств, и все это из религиозных принципов и вражды к клерикально-австрийской партии. Зато католики превозносят Гуртера даже за последние его труды, которые приняли совершенно полемический характер. Мы можем не обращать внимания на немецкие вопли, и

иначе отнести к работе Гуртера, и отделить достоинства его труда от тех или других религиозных убеждений. Его сочинение, хотя и тяжело написанное, будет всегда руководящей книгой для той эпохи и одним из лучших сочинений по истории католических средневековых институтов.

Из общих сочинений мы обращались ко всему литературному материалу, касавшемуся нашего предмета, как, например, к трудам по истории Франции — Sismondi, Michelet и Henri Martin и другим. Двое последних по избранному вопросу не имеют значения, зато изложение альбигойских войн у Сисмонди (I, VI) самое спокойное, подробное и обстоятельное; оно было отдельной книгой переведено на немецкий язык (Leipzig. 1829). Общие церковные истории были для нас весьма важным пособием при изложении догматической части — такие, как известное сочинение Неандера, труды Дамбергера (*Synchronistische Geschichte der Kirche im Mittelalter*, Regensb. V. IX) и, особенно по своим цитатам, Гизелера (2 Aufl.).

Мы не будем приводить список разнообразных исторических сочинений, общих и частных, которыми мы пользовались и которые не служили непосредственными пособиями. Все такие книги указывались нами по необходимости. Та часть летописного материала и пособий, которая касается эпохи, следующей за 1216 годом, будет исследована в приложении ко второму тому этого сочинения.

Обзор источников и пособий для книги второй

В приложении к первому тому нашего труда был рассмотрен весь летописный материал, непосредственно касающийся истории альбигойцев. Такие источники, как хроника P. Cern., Guil. de Pod. Laur., Cansos de la Crozada, Chron. prov., были исследованы в целостном виде, и на основании их существенным образом построена первая глава предлагаемой книги. Потому для критики этих памятников отсылаем желающих к первому тому нашей истории.

Критика же отдельных мест сопровождала всегда наш текст, когда того требовало дело. Guil. Brito, летописец Филиппа II Августа, как и Guil. de Nangiaco (Chron.), не могут быть здесь специально разбираемы, что можно сказать и про жизнеописания Людовика IX, составленные тем же Нанжисом, Буалье и Жуанвилем.

Мы, впрочем, остановимся на Нанжисе, чтобы оценить точку зрения французских источников. Каков характер политических и религиозных воззрений Нанжиса, каковы его взгляды на факт завоевания, ясно из его хроники, в которой под 1215 годом, говоря об известном Латеранском Соборе, он самоуверенно считает Раймондов VI и VII еретиками и признает их вполне достойными «меча анафемы», а под 1218 годом прославляет личность Симона Монфора, «героя, как в вере, так и в битвах, достойного вечной славы». Все это вполне понятно со стороны бенедиктинца, приора Святого Дионисия, который проникнут монархическим идеалом: графа Тибо он называет мятежником за восстание 1221 года и полагает, что Людовик IX только законно принял Юг под свою власть, как вассальную землю.

Конечно, о нашем предмете Нанжис даже и в своих специальных трудах говорит мельком; вообще от французских летописей мы и не могли ждать каких-либо полезных сведений. Известно, что для первой половины правления Филиппа IV Красивого Вильгельм Нанжис — единственный и главный источник; потому эпоха 1285—1300 годов у него рассказана обстоятельнее по отношению, конечно, к чисто французской истории; ранее он просто компилирует факты из сочинений Ригора, Сигберта Гембургского и других.

Совершенно иное следует сказать о значении *Gesta Ludovici VIII regis*. Имя автора неизвестно, но он был француз, вероятно монах, и писал, несомненно, в конце XIII века, что мы заключаем как из названия сочинения, так и из других данных. Этот источник не столько рассказ, сколько сборник документов. Ввиду того значения, какое имеют походы Людовика VIII в истории завоевания Лангедока, эти *Gesta* были для нас почти единственно существенным материалом из ряда печатных исторических памятников французского лагеря. Анонимный автор может верить в басню о происхождении франков из Трои, считать признаком падения страны оскудение церковных приношений и тому подобное, но ему пришла прекрасная мысль поместить в своем небольшом труде целиком акты, относящиеся к истории до Людовика VIII. Даже официальные французские летописцы, такие как хроникеры Святого Дионисия, у которых одинаково напрасно стали бы мы искать сведений касательно водворения новой гражданственности в Лангедоке, пренебрегают государственными актами.

Chronique de S. Denys, которая считается продолжением труда Нанжиса, более предпочитает нанизывать свои философские измышления, чем излагать факты. Впрочем, монашеская ряса не мешает автору быть противником папских притязаний на французское золото; официальный хроникер — сторонник галликанской Церкви, насколько это согласно с его правоверием и насколько требуется «безопасностью королевства». Все это не позволяет ему относиться к провансальцам иначе как к мятежникам, а к альбигойцам — как к нечестивцам. Он и по положению своему — апологет французского королевского дома. Даже Карл Валуа, который имеет такую печальную известность в итальянской истории и который заклеймен презрением и проклятием Данте, обрисован в розовом свете: он был призван искоренять врагов в своем законном тосканском наследии. Хроникер не любит тамплиеров, хотя полагает, что суд необходим для исследования нечестивых деяний ордена. О характерном повелении Филиппа IV — об одновременном изгнании евреев из государства — сообщается мимоходом одной фразой рядом с записью о большом наводнении 1306 года; неизвестно, какое событие больше потрясло автора. Так как мы не имели в виду касаться истории Филиппа Красивого, то и не цитировали хронику Святого Дионисия. Только в одном месте мы обращались к ней для пояснения ереси Дольчино, суть которой схвачена в ней очень удачно. Касательно действий инквизиции хроника записывает немногие процессы обращенных евреев, чего мы избегали в нашем сочинении, сосредоточившись на альбигойцах. Тем не менее два факта 1307 года довольно характерны.

Из хроники мы узнаем, что в трибунал приглашали ученых и что верили тем показаниям, которые отягчали участь подсудимого. Донщик, брат подсудимого, отрекается от своего обвинения и говорит, что был побужден к тому корыстью, неполучением долга, но трибунал тем не менее судит его как отпавшего; но когда заключенный выразился в тюрьме, что он не хочет быть христианином, а остается иудеем Самуилом и что христиане едят своего Бога, то по решению ученых докторов был обречен на смертную казнь. С другим, также отрекавшимся от христианства, поступили гораздо снисходительнее. Его приговорили только к епитимье, когда он сослался на душевное расстройство и легкомыслие. Второй рассказ малодостоверен, а первый показывает в хроникере недостаточное знакомство с уголовным кодексом трибуналов, — чем он лишает себя веры в вопросах этого рода, если бы даже ему вздумалось распространиться о гонениях на альбигойцев, чего, впрочем, в рукописи не находим. Хронист полагает, что отпавших осуждали только на пожизненное заточение. Этому противоречат протоколы инквизиции, к которым мы перейдем сейчас.

Если мы остановились на официальной хронике, то чтобы показать, какой ничтожный и недостоверный материал мы имели бы на руках по избранному предмету, если бы ограничились летописным запасом. Если уж хроникер Святого Дионисия не обращает внимания на процессы альбигойцев и вообще на еретиков, то тем бесполезнее были бы заметки других летописцев.

Настоящий том не появился бы на свет, если бы нам не представилось возможности воспользоваться рукописной коллекцией протоколов лангедокской инквизиции Тулузы, Фуа и Каркассона и вообще разнообразными актами, хранящимися в Париже в Национальной библиотеке и в Государственном архиве Франции.

Описание последнего, этой «Сокровищницы Хартий», можно читать у Мишле в его приложении к третьему тому *Histoire de France*; историю накопления документов и актов у Du-Puy (*Droits du roy*. 1655) и Вопату. В архиве собирались из разных провинций по мере их завоевания все местные хартии; особенно ценились те, которыми закреплялись владения короны над провинциями. Сокровищница ведет свою историю с самого Филиппа Августа, первого собирателя галльской земли. При Филиппе Красивом уже имелся инвентарь грамот; Дю-Тилле, Дю-Пюи, Гodefруа работали над приведением архива в порядок. Дону суждено было достойно завершить громадный труд; одно время парижский государственный архив был действительно бумажным некрополем западного континента.

Только здесь можно изучать действительную историю Франции. С водворением критико-дипломатической школы во Франции наука будет черпать из этих бесчисленных манускриптов интересные сокровища. Уже теперь Boutaric показал, сколько нового света можно пролить вообще на средние века, работая на улице *Marais*. Великолепная монография этого ученого (*S. Louis et Alfonse de Poitiers*), вышедшая одновременно с нашими занятиями в Париже и служащая одним из образцов работы по архивным грамотам, избавила нас от необходимости отдельной разработки политической части нашей задачи, была нашим руководителем по изучению административного вопроса (начало III главы этого тома) и дала возможность сосредоточиться на самостоятельном изучении протоколов инквизиции, на занятиях в другой сокровищнице исторической науки —

Национальной (а тогда императорской) библиотеке. В этом разделе нашего труда мы не имели ни предшественников, ни руководителей. Фолианты громадной коллекции Доа, ради их самих, почти не изучали; Шмидт проглядел их мельком, так как писал историю катаров, оставляя деяния инквизиции на втором плане.

Ни одна библиотека в мире не представляет такого богатства манускриптов для изучения средних веков, как парижская Национальная. Со времен короля Карла V копился в ее стенах этот бесценный запас памятников всемирной цивилизации по всем отраслям знания. Восток и Запад снесли сюда свои сокровища в том самом девственном виде, в каком они просвещали человечество; станок отпечатал главнейшие памятники, более или менее имеющие общий интерес, но большая часть не может быть издана и в силу своей узкой специальности и по своему исключительно научному значению. Материалы, интересовавшие нас, имеют характер только что упомянутый. Мы обращались к так называемой Collections, fonds latin, fonds italien.

Коллекции, то есть многотомные фолианты переплетенных рукописей на разных языках, составляют шестой отдел гигантской секции манускриптов. Рукописи в них имеются преимущественно в старых копиях. Коллекции озаглавлены то по провинциям, то по именам редакторов сводов. Некоторые поражают громадностью (Clairambault: тысяча двести томов королевских грамот; Могеаи: тысяча восемьсот тридцать четыре тома правительственных документов; Colbert: девятьсот двадцать три тома и так далее), одолеть которую тем труднее, что иные сведения и мелочи попадают в той коллекции и в том фолианте, где менее всего ожидаешь их встретить.

Мы сосредоточились на коллекции Ооаг для Лангедока в двухстах пятидесяти восьми томах, собственно на томах XXI—XXXVII, содержащих копии с протоколов провансальских трибуналов, переданные то в латинских подлинниках, то во французских извлечениях, сделанных по распоряжению Кольбера и с разрешения Людовика XIV. Доа и отправленные с ним агенты списали все, что захватили, что не успело погибнуть в доминиканских монастырях. Поэтому почти все то, что не было известно этим копиистам, останется навсегда пробелом в истории первой инквизиции. Немногое после них можно найти в отдельных протоколах, попавших в Национальную библиотеку иным путем, или в старых печатных изданиях (а именно, Processus insignis contra Bern. Del. № 4270, f. 1. и Liber sent. inq. Tol. из Limborch).

Процессы переписывались не в хронологическом порядке; вообще у Доа нет никакой системы. Он пользовался тем, что попадалось под руки, списывая целиком тот сверток, который был в его распоряжении, не согласуясь ни с предыдущим, ни с последующим материалом. Оттого так трудно пользование его коллекцией.

XXI том начинается отрывочными приговорами, не имеющими отношения к делу буллами, позднейшими декретами соборов, и только со сто сорок третьего листа исключительно переходит к сентенциям, отмечая первую из них Vil Kal. jun. 1227 и продолжая их с перерывами сообразно имевшемуся материалу и без всякой хронологической последовательности в следующих томах. Тома XXII—XXIУ — сентенции тулузской инквизиции за 1243—47 годы, но также без соблюдения точной последовательности. Том XXV — свиток протоколов инквизиции Фуа за 1273—78 годы. Том XXVI — за позднейшее время до 1289 года. На последнем листе скопированы печати нотариусов и пометка: списано в Альби шестнадцатого октября 1669 года под редакцией Grat. Sarot. С XXVII тома крутой переход к процессам в Фуа над альбигойцами и бегинами, взятым из архива каркассонской инквизиции за 1318—29 года. Доа смешивает альбигойцев и бегинов. Последний протокол помечен первым марта 1326 года, хотя ранее встречаются процессы 1329 года. XXIX и следующие тома посвящены документам по истории судопроизводства в каркассонских трибуналах против еретиков и евреев; тут папские буллы, бланки всякого рода, инструкции инквизиторам. Затем идет трактат о ереси лжеапостолов и наставления для допроса еретиков разных учений. С XXX тома начинаются так называемые мелкие документы, полезные для изучения истории крестовых походов на альбигойцев, и за ними — основательный сборник папских булл по делам ереси (двадцать пять — Иннокентия IV, двадцать семь — Александра IV, два — Урбана IV и четырнадцать — Климента IV), затем следуют донации Альфонса, письма французских королей до Филиппа IV включительно, буллы Бонифация VIII и Иоанна XXII. В последних томах XXXV—XXXVII позднейшие документы инквизиции до второй половины XVI века, а в иных вопросах даже до XVIII столетия.

Кроме коллекции Доа: мы могли располагать еще сборником Decamps (Collection pour l'histoire de France, 127 v.), часть которого посвящена документам к подтверждению прав королевской власти на Лангедок. Существенные акты по этому предмету находятся в латинском

отделе, № 9042, 9813, 10932, 12810, 13868, 17057, 17700, 18345; там же рукописные приобретения, сделанные Д'Агессо и Будоном в Каркассоне в 1869 году (№ 4270, по списку XVII века и факсимиле с манускрипта XIII века, — *Registre, de l'inq. de Carc. de 1249 a 1257*, в копии у Доа, f. 1. nouv. acq. № 139), еще не рассортированные, между которыми оригинальные хартии для Гиенни и Лангедока XIII—XVI века.

Итальянский отдел познакомил нас с Paulo Servita. *Historia della sacra inquisizione* (№ 137, т. 4, 120 Г.), который писал по поручению дожа, обращая главное внимание на венецианские духовные трибуналы. Манускрипт важен в том отношении, что показывает итальянский взгляд на инквизиторов, воспитанный италийской историей. Автор не допускает их вмешательства в светскую юрисдикцию (§ 20, 2) и устраняет от подсудности им колдунов и последователей других христианских исповеданий (§ 25, р. 9). Гражданские депутаты должны присутствовать даже в процессах против духовных лиц. Почти все тридцать девять положений книги направлены против злоупотреблений, могущих быть со стороны инквизиторов. По возможности стесняя их юрисдикцию, Сервита отстраняет от них дела о двоеженстве (§ 22), о ростах (§ 23), о кощунстве иноверцев, о чем инквизитор должен делать предложения светскому суду (§ 24).

Необходимо заметить, что в Венеции «консилии» немногим уступали трибуналам. Впрочем, автор одушевлен гуманными идеями, он советует лучше пропустить виновного, чем казнить невинного. Причиной появления ереси он признает падение нравов духовенства (р. 18) и политические обстоятельства, а потому странно, что в видах отстранения ее оправдывает введение инквизиции. Он полагает, что в греческой Церкви инквизиция раньше существовала, «так как в ней издавна исполнялись императорские декреты», всегда поддерживавшие права духовенства. Фридрих II повторял их в истории Римской Церкви: он принял инквизицию под свою защиту, он виновник введения жестокого наказания за ересь.

Обращаясь к печатному материалу, к пособиям, мы должны отметить, что во всей европейской литературе нет ни особого сочинения по истории провансальской инквизиции, ни специального исследования о начале трибуналов, вытекших как естественное последствие нетерпимости. Общие работы по инквизиции, из которых имеют серьезное значение только труды Лимборха и Льоренте, для наших целей стояли на втором плане. Старая и весьма поверхностная статейка *De l'inquisition en France* (помещенная у Leber. *Coll. des meilleurs dissert.* 1838, III, 286—307) и дилетантское сочинение Lamothe-Langon (*Hist. de l'inq. en France*) — вот все, что прететавляет литература по нашей специальности, да и тут началу инквизиции уделено ничтожное место.

Вообще в трудах по инквизиции всегда обращалось, да и теперь все внимание обращается, на энергичное повествование об ужасах, происходивших в трибуналах, что передается протестантскими, иногда и католическими историками, не без сентиментальности, — а научные вопросы игнорируются. Доминиканские и иезуитские патеры останавливаются на юридической и апологетической стороне. Оттого собственно историческая часть оставалась неразработанной, а без изучения протоколов провансальской инквизиции никакое исследование немислимо. Старые историки предпринимали такие попытки; они были знакомы с протоколами; Limborch (*Hist. inq. Amst.* 1692) даже издал часть протоколов (394р.).

Но их воззрения, как современников учреждения, продолжавшего долгую жизнь, никогда не отличались объективностью — католики считали инквизицию заветом Господним, протестанты преувеличивали жестокость судопроизводства. Книга реформата Лимборха посвящена архиепископу Кентерберийскому; высказываясь с благородным негодованием против злоупотреблений христианства, замечая, что «учение Иисуса Христа возражает против любых религиозных преследований», автор своим крайне пристрастным отзывом о Доминике лишает свой труд истинно научного значения, как ни богата его эрудиция. Он не становится выше мнений толпы и не думает отнестись к началу инквизиции сколько-нибудь критически. Лимборху знакомы: N. Eumericus, Fr. Pegna, *Lucerna inquisitionis* (R. 1584). I. a Royas Zanchini Ugolini, Conradus Brunus, L. de Parano, Anth. de Sousa, Caes. Caerena (оба последних сочинения, вышедших в 1669. Lugd., посвящены наставлению инквизиторам), P. Servita etc., — печатные и рукописные пособия для инквизиции, все произведения католические. Следом за ними его внимание обращено главным образом на позднейшую инквизицию. Все же его книга бесконечно превосходит католические труды XVI века, которыми он пользовался.

Приступая к изучению нашего предмета, необходимо было прежде всего отрешиться от старого католического хлама. Только Percin (*Monumenta conventus Tolosani*, ТЫ. 1693) заслуживает исключения, да и то потому лишь, что он пользовался актами своего монастыря,

которые поместил в извлечении. Так, только у него находим важное ломбардское бревне, первый исторический памятник трибуналов. Но из его трудов имеет значение только история доминиканского тулузского монастыря и статья о первых деятелях инквизиции (*de primus martyribus etc.*). Происхождение инквизиции для него совпадает с происхождением доминиканского ордена.

Из всех историков инквизиции для нас полезнейшим был знаменитый Liorente (*Hist. critique de l'inq. d'Espagne*, I. 1-2, 1818), хотя о нашем предмете он не говорит специально; в массе его рукописных источников напрасно будем искать тулузские протоколы. Но все же только у него одного из прежних писателей была идея о разнице между первой и второй инквизицией*.

Приведенный нами в первом томе обзор пособий мы можем пополнить весьма немногим. Нам хотелось бы передать в извлечении интересную и малодоступную рецензию на известную книгу Шмидта, рецензию замечательную не по важности, а оригинальности мыслей. Это статья *Cucheval-Glarigny*, помещенная в 1832 году в *Bibl. de l'Ecole des Chartes* (3 serie, III, 80-90).

В приливе патриотического чувства рецензент крайне заблуждается в понимании и характеристике северной и южной Галлии в средние века. Первую ему угодно ставить выше, потому что там действовал Святой Бонифаций и что она была-де духовным очагом Европы, что она будто оказывала влияние на скудный Юг и даже на Италию (!). Но дело не в этих фантазиях, за которые ответственна разве только редакция почтенного издания; у рецензента рядом с невежеством есть оригинальные мысли. Он пытается доказать, вопреки Шмидту, что северная Франция была источником катарства, ибо в ней ересь проявляется еще в 991 году в Реймсе, а в двадцатых годах XI века — в Орлеане, Аррасе, Суассоне, тогда как в Болгарии только в 1015-м, а в Италии в 1016 году. Север жил религиозной идеей и старался развить ее, из чего и вышла реформа.

На основании легенды о Фортунате автор делает Шампань источником ереси; там стоял замок Монтвимер, из которого, по преданию, сильно распространенному между еретиками XII столетия, ересь распространилась во все концы света. Катарство и манихейство для Шмидта, как известно, не имеют связи и часто противоположны: в катарстве он не видит участия гностицизма. Все это дает рецензенту оружие восстать против восточного происхождения альбигойцев, ибо богомилы, мотивирует он, были тесно связаны с христианами, а альбигойские катары заимствовали много языческого. «*Le catharisme ne serait-il pas plus vieux que ne l'a fait M. Schmidt?*» — спрашивает он и выводит, согласно с нашей теорией, что альбигойство было результатом взаимодействия всех сект. Катарство создавалось в эпоху невежества, когда само христианское учение еще не сформировалось в богословие. Ариане, манихеи, присциллиане, павликиане действовали в Галлии и оставили следы своего учения. Таким образом, все ереси имели там своих представителей.

Конечно, оговаривается рецензент, западное происхождение катарства не исключает восточного влияния. Греческая Церковь была в общении с Римской до IX века. В высшем духовенстве Германии и Англии попадаются греки. Наконец, вера в Чернобога не была принадлежностью одних славянских воззрений; она видна в старых католических преданиях. По теории, или, лучше, гипотезе рецензента, очень просто и легко ересь могла обнаружиться на берегах Рейна, ранее, чем где-нибудь. В V веке процветали школы в Трире, Кельне, Меце, Туле. Нашествие варваров уничтожило их, что повлекло упадок христианской образованности. В VII—VIII веках было сильное гонение на христиан в Тюрингии и Фрисландии. Дело обращения приходилось начинать сызнова, но уже с гораздо более скудными средствами богословского знания. Святой Колумбан нашел много язычников в Австразии. Вот причина извращенного и неумелого толкования христианских истин и начало ереси. Несчастья и великие бедствия галльских и германских христиан поселили между ними веру в дьявола. Язычество варваров-победителей смешалось с изуродованным христианским богословием. Святой Бонифаций в VIII столетии знал манихеев на Рейне; он пишет об еретиках, которые питаются молоком, зеленью и воздерживаются от мясных яств. Непросвещенные священники легко забывали истинную веру.

Но странно, что наряду с этим рецензент допускает образование смягченного толка ереси под непосредственно греческим влиянием. Богомилы-де выработали его, а пленники, отпущенные

* Эта книга издавалась на русском языке: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции. В двух томах. М., 1936. Из современных изданий укажем на исследование, посвященное именно «первой инквизиции»: Dossat I. *Les crises de l'inquisition toulousiane au XIII-e siècle*. Bordeaux, 1959.

в Венгрию, принесли с собой это верование с Дуная на Запад, а к XII веку оно охватывает громадное пространство от Болгарии до океана.

Приведенная теория, крайне смелая и оригинальная, иногда и опрометчивая, тем не менее подрывает некоторые основы сочинения Шмидта, потому что в своей гипотезе рецензент исходит из преемственной связи ересей, начиная с их первого появления в истории. Гипотеза, во всяком случае, заслуживает внимания, и, сожалея, что мы поздно узнали о ней, рекомендуем дополнить ею наши замечания в первом томе.

Считаем также нелишним дополнить наши заметки о Вессэ указанием на специальное исследование о написании его *Hist. gen. de Lang.*, появившемся в 1853 году в *Publications de la Societe archeol. de Montpellier*, № 21.

После выхода нашего первого тома во французской литературе появились два сочинения, относящиеся к предмету нашего изложения. Мы говорим о трудах Бутарика и Пейра. Имя первого пользуется прочной известностью во французской исторической науке. Читатель видел, что в III главе мы часто обращались к его монографии об Альфонсе (*S. Louis et Alfonse de Poitiers. 1870*), разработанной по неизданным документам французского государственного архива. Свежесть материала, ясная группировка фактов, точные и новые выводы — делают эту книгу одним из замечательнейших явлений в ряду исторических трудов последнего времени. Автор не чужд некоторого пристрастия к Альфонсу; он даже идеализирует его, как и самого Людовика IX, которого основательно считает образцом для графа Тулузского. Он требует слишком немногого от средневековых централизаторов, чтобы увенчать их именем покровителей либеральных учреждений. Он делает даже бездоказательный вывод, говоря, что Альфонс более покровительствовал среднему сословию, чем аристократии, желая в идеальном свете представить первые дни государственной централизации. Мы, как видел читатель, во многом не соглашались с Бутариком в статье о политическом положении Юга после завоевания и, со своей стороны, отчасти пересмотрели документы, которыми он пользовался, отчасти дополнили его материалы.

Гораздо меньшее научное значение имеет сочинение N. Peyrat (*Histoire des Albigeois, t. I—II, P. 1870*), неоконченное и по настоящее время. Мы получили его, когда наш труд был близок к окончанию, и если бы мы даже вовсе не пользовались им, то не думаем, чтобы потеряли от этого. Пейра начинает свою работу смертью Симона Монфора, и доходит до падения Монсегюра, следовательно рамки его труда близки к нашей работе. Он также сопоставляет инквизицию с историей Юга, но он не ставит перед собой задачи заниматься историей первой инквизиции специально. Его труд предназначен непосредственно для публики, и автор часто злоупотребляет внешностью в ущерб истине. Его изложение было бы блестяще, если бы не впадало в риторику и пафос. Автор разбивает книгу на отдельные рассказы, в которых играет красками с полным произволом. Он сравнивает Раймонда V с Периклом, Гильберта де Кастра с Иоанном Богословом и тому подобное. Протестантский пастор, он восторгается смелостью учения катаров и верит в несуществующую связь между альбигойцами и бегинами; подобно Барро и Даррагону, с которыми Пейра имеет много общего по литературному таланту и по задачам, он не выделяет вальденсов из среды еретиков того времени. Он довольно поверхностно знаком с протоколами коллекции Доа, хотя неоднократно пользуется ими. Факты он часто дополняет воображением, особенно там, где прибегает к диалогу. Он очень редко указывает на источники, чуждается всякой критики и гонится только за эффектным рассказом и образными сценами.

Все это лишает сочинение Пейра ученого значения; оно может быть полезно для исследователя только в одном: автору хорошо известна топография страны до всех мелочей, так же как и феодальная история. Если у него нет ученых приемов, то ему нельзя иногда отказать в удачных и полных вдохновения характеристиках. Так, он смотрит на Доминика взглядом, весьма снисходительным для протестантского писателя. Он верно понимает его историческое значение и его личность. Он категорически различает первых доминиканцев от тех, которые посвятили себя служению инквизиции; с учениками Доминика стало то же, что с детьми Лойолы — они изменили своему первоначальному назначению и этим обязаны Риму, фатально поработавшему своих слуг. Сам же Доминик был не кто иной, как «ортодоксальный альбигоец»; его проповедь требовала нищеты, воздержания и целомудрия, а его последователи жили в огне, подобно саламандре. Но, как часто у Пейра, и этот взгляд не выдержан вполне. Автор, подчиняясь вдохновению минуты, считает Доминика не только инквизитором по природе, но даже основателем инквизиции, что утверждает довольно решительно. Он ненавидит дух папства.

Мы не считаем необходимым делать разбор тех разнообразных монографий, исследований и специальных статей, которыми мы пользовались и на которые указывали в своем месте.

Указатель важнейших персонажей

д'Аббевиль, Николай — инквизитор Каркассона. Отличался невероятной жестокостью и цинизмом, вызывавшими смущение даже у его коллег по ремеслу. Был заменен Готфридом Аблузием.

Абеляр, Пьер (1079—1142) — один из представителей ранней городской культуры. Как философ и магистр свободных искусств приобрел всеевропейскую славу, но вызвал враждебное отношение со стороны католической церкви. В 1119 году поступил в монастырь. Оставил большое количество философских и богословских сочинений, в которых высказал взгляды, подвергшиеся церковному осуждению. Стронник так называемого концептуализма в центральном для средневековой интеллектуальной культуры вопросе об универсалиях.

Абу-Юсуф Якуб аль-Мансур — халиф альмохадов. Разбил кастильскую армию в битве при Аларкосе в 1195 году.

Август (44 год до нашей эры — 14 год нашей эры) — римский император с 27 года до нашей эры. Внучатый племянник Юлия Цезаря. Вел многочисленные войны. Был основателем политического режима, называемого принципатом. В его руках была сосредоточена вся реальная власть. Его материальной опорой являлась армия. Правление Августа совпало с расцветом римской культуры в целом.

Августин Блаженный (354-430) — епископ Гиппона, богослов, один из крупнейших представителей патристики на Западе. Система взглядов Августина сложилась в борьбе с манихейством, до-натизмом, пелагианством и язычеством. Выступал защитником аскетизма, презрения к плоти. Своим учением о предопределении и о благодати оказал влияние на Уиклифа и Лютера. Важнейшие его сочинения— «Исповедь» и «О граде Божьем».

Авсоний (310—395)— знаменитый поэт и политический деятель позднего периода Римской империи.

Аделаида — жена Роже II (смотри). Во время инквизиционного процесса проявила удивительное мужество и стойкость. Отлучена от церкви.

Адемар Иордан— рыцарь, еретик, комендант Сен-Антонина. Пленен Симоном де Монфором.

Адольф — граф Монса, участник похода против альбигойцев.

Адриан (76—138)— римский император с 117 года. Преемник Траяна. Занимался централизацией государственных учреждений; при нем была укреплена императорская власть. На границах империи создал систему мощных оборонительных сооружений, так называемые адриановы валы.

Адриан II— римский папа в 867—878 годах. Небезуспешно боролся с Лотарем II и Карлом Лысым за упорочение папской власти.

Адриан IV (1100-1159) — римский папа с 1154 года. Стронник папской теократии. При поддержке Фридриха Барбароссы вел борьбу с республиканским движением в Риме, которое возглавлял Арнольд Брешианский. За выдачу последнего короновал Фридриха императорской короной.

Аймерик — альбигойский проповедник.

Александр II— король Шотландии в 1214—1249 годах.

Александр II — римский папа в 1061—1073 годах. Первый папа, выбранный коллегией кардиналов без вмешательства немецких императоров. Его канцлером и преемником был Григорий VII Гильдебранд.

Александр III (умер в 1181 году) — римский папа с 1159 года. Стремился утвердить папскую теократию. Вел борьбу против Фридриха I Барбароссы и Генриха II Английского. Добился признания пап верховными сюзеренами английских королей.

Александр IV— римский папа в 1254—1261 годах. Не смог закрепить положения пап относительно Гогенштауфенов, занятого его предшественниками. Изгнанный из Рима, умер в Витербо.

Алексей I Комнин (1048-1118)— византийский император с 1081 года, основатель династии Комнинов. Крупный полководец, захвативший путем переворота трон императора. Подавил многочисленные мятежи крупных феодалов, стремился подчинить Церковь императорской власти. Его жизнь описана его дочерью Анной в «Алексиаде».

Альбароньер, Вильгельм — отшельник, еретик, считавшийся лангедокцами святым за свое подвижничество.

Альберик— кардинал остийский. Легат папы Евгения III в южной Франции.

Альберт [фон Аппельдерн]— епископ Ливонии (1199—1229), при котором совершилось завоевание ливонскими рыцарями Прибалтики.

Альберт Великий (около 1193-1280) — граф фон Больштедт, немецкий теолог и философ-схоластик, доминиканец. Преподавал в Кельне и Парижском университете. Его учеником и продолжателем был Фома Аквинский.

д'Альгэ, Мартин — комендант замка Бирон. Воевал сначала на стороне Монфора, а затем альбигойцев. Впоследствии крестоносцами взят в плен и повешен.

д'Альфар, Гуго— комендант замка Пеннь. Родственник Раймонда VI.

Альфаро, Раймонд — приближенный Раймонда VII, бальи Ави-ньонета.

Альфонс — сын Бланки Кастильской. Впоследствии граф Тулузский. Жестоко преследовал еретиков и евреев на Юге Франции.

Альфонс I Воитель (Батальдор) — король Арагона и Наварры в 1104-1134 годах. Предпринимал ряд походов против мавров, а также в Андалусию и на Юг Франции. В 1118 году отвоевал у арабов Сарагосу.

Альфонс II — король Арагона в 1162-1196 годах. В 1180-1181 годах вел войну с Раймондом V Тулузским.

Альфонс VIII — в 1185—1214 годах король Кастилии. В 1195 году разбит мусульманскими войсками.

Альфонс IX (1188—1230) — король Леона и Астурии. Пытался объединить христианские государства на Пиренеях. Установил свой сюзеренитет над Фуа, Коммингом, Монпелье.

Альфонс X Мудрый (1221—1284) — король Кастилии и Леона. В союзе с Арагоном вел успешную войну с арабами. В 1257 году, будучи сыном Филиппа Швабского, пытался быть выбранным в императоры. В 1282 году под давлением феодальной знати был низложен кортесами. Умер в разгар борьбы за престол.

Альфонс Иордан (1112—1148)— сын Раймонда IV, тулузский герцог, погиб в крестовом походе.

Андрей II Венгерский (умер в 1235 году) — венгерский король с 1205 года из династии Арпадовичей. Принимал участие в V крестовом походе.

де Апольда, Теодорик — ученик Доминика.

Арий (умер в 336 году) — александрийский священник, по имени которого названо течение в христианстве в IV—VI веках, основные положения которого были сформулированы Арием в 318 году.

Аркадий — император Византии в 395—408 годах, издавший двенадцать постановлений против ересей.

д'Арканьяго, Петр — инквизитор. Удушен патаренами в Милане.

Арнальди, Вильгельм — современник Доминика. Получил полномочия инквизитора вместе с Петром Челлани. Отличался жестокостью и непримиримостью по отношению к еретикам.

Арнольд— настоятель главного цистерцианского монастыря, папский легат с 1204 года. Пользовался огромной славой как ученый и искусный проповедник.

Арнольд Брешианский— знаменитый средневековый проповедник, возглавлявший республиканское движение в Риме. Был выдан римскому папе германским императором и в 1155 году казнен.

Арнольд Каталонский — инквизитор, доминиканец. В 1234 году вместе с инквизиторами доминиканцами Вильгельмом Пелли-сом и магистром Вильгельмом из Ломбера безуспешно пытался открыть трибунал в Альби.

Арнольд Роже — альбигоец, защитник Монсегюра.

Артур— владетель Бретани, племянник Иоанна Безземельного, убит в 1203 году.

д'Астуад, Понс — провансалец, наблюдавший в Парижском совете Альфонса Тулузского за юстицией.

де Баймиак, Раймонд — еретик, преданный анафеме.

Болдуин — брат Раймонда VI Тулузского. Обороняя замок Монферран, заключил союз с Симоном де Монфором и перешел на сторону последнего. Пленен альбигойцами, не простившими ему предательства, и повешен.

Болдуин II — император Латинской империи в 1238—1261 годах, свидетель на объявлении невестой Раймонда VII Беатриче Провансальской.

Бон Кулич — боснийский государь. В конце XI века открыто принял сторону богомилов.

Бар— граф, предводитель крестоносцев из Лотарингии.

Барро, Иоанн— францисканец. Объявлен нераскаянным еретиком, осужден на низложение сана и сожжен.

Бартоломей Тридентский — ученик Святого Доминика.

Бата — епископ, посланник папского легата Петра в Альбижуа (1178).

Беренгария— жена Альфонса VIII Кастильского.

Бернар Клервоский (1090—1153)— теолог-мистик, с двадцати трех лет монах цистерцианского ордена. С 1115 года настоятель основанного им монастыря в Клерво. Участвовал в создании ордена тамплиеров, был вдохновителем II крестового похода. Активно боролся с еретическими течениями.

Бернар Сладостный — францисканец, вступил в братство бе-гинов, проповедовал нетерпимость к злоупотреблениям властью со стороны духовенства, к ее роскоши и разврату. Заключен в тюрьму по приговору инквизиционного трибунала. Умер в 1320 году.

Бернард — в 865—875 годах в качестве государя Тулузы — граф, как наместник марки Септимании — маркиз, как владетель части Аквитании, то есть Альбижуа и Керси, — герцог; один из крупнейших южнофранцузских феодалов второй половины IX века.

Бернард — инквизитор, автор произведений, обличающих еретиков.

Бернард IV Коммингский — граф, вассал Раймонда VI, воевавший против северофранцузских крестоносцев.

Бернард Раймонд— еретик, преданный анафеме.

Бернард Сикар — провансальский трубадур начала XIII века.

Бертран — епископ Лериды. По его распоряжению совместно с архиепископом арагонским доном Эспарраго был устроен первый инквизиционный трибунал.

Бертран— инквизитор, свирепствовавший в Аженуа.

Бертран — сын Раймонда IV, тулузский герцог, умер во время крестового похода.

Бертран Мартен— альбигойский епископ, пребывавший в Монсегуре во время его осады.

Бланка Кастильская (1188—1252)— королева Франции, жена Людовика VIII, регентша при несовершеннолетнем короле Людовике IX (1226—1236 годах). Управляла Францией и во время его пребывания в VII крестовом походе. В 1229 году заключила завершающий Альбигойские войны Парижский договор.

де Бо, Бараль — трибун Арля и Авиньона после самопровозглашения последних республиками.

Богомил (Богоумил) — болгарский монах, основатель богомилства, религиозного движения X—XIV веков в Болгарии, Сербии и Боснии, испытавшего влияние павликианства и манихейства.

Бозо — родственник итальянского короля Гуго (IX век). Король Бургундии, пользовался поддержкой папы и симпатией вассалов и епископов.

Бонавентура (Джованни Фиданца) (1221—1274)— кардинал, биограф и ученик святого Франциска, глава францисканского ордена, преподавал в Парижском университете.

Бонифаций VIII (1235—1303) — римский папа с 1294 года, один из наиболее крупных представителей папской теократии. В столкновении с Филиппом Красивым потерпел поражение, приведшее впоследствии к Авиньонскому пленению пап.

Бонтиан, Жерар — монах из тулузского братства Святого Креста. Обвинен в связях с еретиками.

де Борн, Бертран (около 1140 — около 1215) — знаменитый ак-витанский трубадур. Все его стихотворения были написаны между 1181 —1194 годами.

Бозций, Аниций Манлин Северин (около 480—524) — знаменитый теолог и философ, автор «Утешения философией», переводил на латинский язык сочинения Аристотеля и Евклида. Приближенный остготского короля Теодориха; был обвинен в подготовке заговора и казнен.

Брус, Бернард— еретик и отшельник, один из ересиархов.

де Брюи, Пьер— альбигойский ересиарх, начал действовать около 1105 года, сожжен в 1125 году в Сен-Жилле.

Бугр, Роберт— неистовый инквизитор, доминиканец. Отличался бессмысленной ненавистью и жестокостью по отношению ко всем подсудимым. За свое изуверство папским распоряжением посажен в тюрьму, в которой и умер.

Бурбон (Бельвиль), Стефан — доминиканец, инквизитор около 1250-1260 годов.

Бэкон, Роджер (1214—1292) — английский философ и ученый, францисканец, профессор в Оксфорде, один из представителей средневекового натурализма.

Валентиниан I (321—375) — последний государь единой Римской империи, правил с 364 года. После него произошло раздробление державы на Византийскую и Западно-Римскую империи.

Валентиниан III— император Западно-Римской империи в 425—455 годах. Именно при нем удалось остановить нашествие гуннов (в сражении на Каталунских полях в 452 году). Преследовал еретиков (издал три постановления против ереси).

Вальдо, Петр — знаменитый проповедник, основатель учения вальденсов, широко распространившегося на юге Европы. Подвергся вместе со своими многочисленными последователями репрессиям и гонениям. Его судьба после 1197 года неизвестна.

Василий — во времена византийского императора Алексея Комнина выдавал себя за Христа; являлся проповедником богомилства. *Виктор*— североафриканский епископ, автор книги о жестокостях короля вандалов Гундериха (V век).

Виктор II— римский папа в 1055—1057 годах. Возведен на папский престол Генрихом III. Боролся против симонии и браков духовенства.

де Виламур, Арнольд— провансалец, находился в составе свиты графа Тулузского Раймонда VI на четвертом Латеранском Соборе, один из основных обвинителей Монфора.

де Билль, Флоран — крестоносец.

Вильгельм I Благочестивый — представитель овернского дома, получивший владения Райнульфа II.

Вильгельм I Завоеватель (около 1027—1087) — английский король с 1066 года. Разбил в битве при Гастингсе войска короля Гарольда и стал английским королем. Опирался на нормандских рыцарей и церковь. Установил прямую вассальную зависимость всех феодалов от короля.

Вильгельм II Юный — представитель овернского дома, сын Вильгельма I Благочестивого.

Вильгельм III— граф Тулузский (950—968). Воевал с Гуго Великим, королем Франции, но был побежден.

Вильгельм IV Благочестивый— граф Тулузский (1060—1088). Умер, не оставив наследников.

Вильгельм V— граф Тулузский (996—1030), прозванный Великим. Сын Вильгельма IV. Удачливый воин, правитель и политик; закончил свою жизнь в монастыре.

Вильгельм VI— сын Вильгельма V, граф Тулузский (1030— 1037). Неудачно воевал с графом анжуйским Жоффруа. Был взят в плен последним и выкуплен своей женой Евстахией за церковные сокровища.

Вильгельм VII— граф Тулузский в 1040—1056 годах. Вел безуспешную войну с Жоффруа Анжуйским.

Вильгельм VIII— герцог Аквитании (1058—1086).

Вильгельм IX Старый— герцог Аквитании (1086—1127).

Вильгельм X Юный — герцог Аквитании (1127—1137).

Вильгельм Бретонский — автор эпопеи «Филиппиада», посвященной Филиппу Августу.

Вильгельм Красивый — принц оранский, друг Монфора. Был послан на Авиньон, признавший власть Раймонда Тулузского. Потерпел поражение и попал в плен. Авиньонцы содрали с него живого кожу, а тело изрубили в куски.

Вильгельм, архидиакон Парижский — крестоносец, отличившийся при осаде Терма.

Вильнев, Журдан — представитель знатного рыцарского дома графства Ларагуэ. Осужден на вечное заключение за поддержку еретиков.

Вильневы, Арнольд и Стефан — еретики, братья. Осуждены на покаяние, пилигримство с посохом в руках и постройку темниц для осужденных.

Винье, Петр делла — канцлер Фридриха II.

Всеволод — двинский князь. В 1209 году попал в плен к рыцарям и стал их наместником в Герсике. В 1215 году восстал и был убит.

Галазна, Антоний — францисканец, четырнадцать лет принадлежавший обществу бегинов. Осужден на смертную казнь как отпавший.

де Галиако, Райнульф— председатель трибунала, главный инквизитор Лангедока (XIII век).

Гастон VI Беарнский — виконт, вассал Раймонда VI, воевавший против северофранцузских крестоносцев.

Гвиберт — аббат (начало XII века), автор истории города Лаона. Гвидон— цистерцианский монах, проповедовавший в Лангедоке в девяностые годы XII века. Папский легат, получивший неограниченные полномочия в борьбе против еретиков Юга.

Гвидон, Бернард — доминиканец, великий инквизитор (1307— 1322).

Гейзерих (умер в 477году) — король вандалов. В 429 году, вторгшись из Испании в северную Африку, основал свое королевство. В 455 году совершил поход на Рим и разграбил его. При нем и при короле Гундерихе (правил в 477—484 годах) арианство проводило активные

гонения на православных, умерщвляя сотни людей. дю Геклен, Бертран — знаменитый французский рыцарь, полководец (XIV век). Отвоевал у англичан большую часть их приобретений во время первого периода Столетней войны. Его подвиги воспеты во многих художественных произведениях европейских авторов.

Геласий I — римский папа в 492—496 годах. Энергично и успешно проводил политику укрепления главенства Римской Церкви. Продолжал борьбу с Константинополем, начавшуюся при его предшественнике Феликсе III. Впервые перечислил запрещенные книги, установил строгое различие между книгами каноническими и апокрифическими.

Гельмгольд — немецкий католический священник, в X веке путешествовавший среди поморских славян и оставивший подробное описание их религии и быта.

Генрих — кардинал, бывший аббат Клерво, папский легат (1180). Призывал к беспощадной войне с альбигойцами. Организатор первого крестового похода на Юг.

Генрих — проповедник, ересиарх, последователь Петра де Брюи. В 1148 году на Соборе в Реймсе осужден на пожизненное заключение.

Генрих I (1068—1135) — король Англии с 1100 года. Младший сын Вильгельма I Завоевателя. Захватил власть в обход законного наследника Роберта Нормандского, склонив на свою сторону английских баронов тем, что даровал им первую в Англии Хартию Вольностей. Вступил в конфликт с папой по вопросу о праве назначения английских епископов.

Генрих II Плантагенет (1133—1189) — король Англии с 1154 года. До этого — граф Анжуйский. Значительную часть царствования провел на материке. Проводил политику укрепления централизованного государства.

Генрих III (1017—1056) — германский король и император Священной Римской империи с 1039 года. В 1046—1047 годах, во время похода в Италию, низложил соперничавших пап, позднее неоднократно выдвигал претендентов на папский престол.

Генрих III (1207-1272) — король Англии с 1216 г. Сын Иоанна Безземельного. Пытался управлять страной, опираясь на иностранных феодалов и союз с римской курией. Был побежден в гражданской войне и взят в плен Симоном де Монфором в 1265 году. Даже последующая победа над последним и взятие его в плен не стали переломным в борьбе королевской власти с баронами и городами. Был вынужден созвать первый английский парламент.

Генрих VI (1165—1197) — германский король с 1190 года, император Священной Римской империи с 1191 года. Стремился сделать власть императоров в Германии наследственной, но потерпел поражение от германских князей и папы Целестина III.

Георгий — арианский епископ, наряду с Севером и Луцием — вдохновитель жестоких и кровавых гонений на православных (V век).

Герар — глава еретиков Оксфорда (вторая половина XII века); одержал победу над католическими ораторами на Оксфордском Соборе.

Герар — епископ Камбрэ. В 1015 году кроткой проповедью подавил ересь в своей епархии.

Гериберт — заведовал церковной школой в Орлеане (десятые годы XI века); вместе с Лизоем — духовное лицо, руководитель катарской ереси, близкий к королевскому двору. Публично отрекся от католичества, сожжен.

Герман — магистр Тевтонского ордена в двадцатые годы XIII века. Проводил политику экспансии против славян и прибалтийцев.

Гильдебранд — смотри: Григорий VII.

Годефруа — аббат Кастра. Безуспешно пытался заключить в тюрьму отлученных еретиков. Своими действиями вызвал яростное сопротивление народа (1115).

Гозберт — капеллан Амори Монфора.

Гонорий (384—423) — император Западно-Римской империи с 395 года. В его правление было издано восемнадцать постановлений против ереси.

Гонорий III — римский папа в 1216—1227 годах. Утвердил устав ордена доминиканцев в 1216 году.

Гонорий IV — римский папа в 1285—1288 годах.

Гормизд — римский папа в 524—523 годах. Помешал попыткам Византийского императора Анастасия устранить разногласия между восточной и западной ветвями христианства.

Госелин — альбигойский архиерей.

Гослар, Генрих — приор, нераскаившийся катар. Сожжен Конрадом Марбургским в 1222 году.

Готфрид — аббат, впервые применивший в 1181 году термин «альбигойцы».

Готфрид — альбигойский проповедник.

Готшалк — священник. На Соборе в Керси на Уазе в 849 году отлучен как упорный еретик. Постановлением Агдского Собора наказан сотней ударов плетью и заключен в темнице аббатства Отвилльер. Французский король Карл Лысый приказал сжечь его сочинения.

Грандсельв — аббат, представитель Раймонда Юного на перс-говорах о мире с Францией.

Грациан, Флавий (359—383) — император Западно-Римской империи с 367 года, соправитель отца Валентиниана и затем Феодосия. Решительный защитник христианства. Первым отказался от языческого титула великого понтифика. Конфисковывал земли и доходы языческих храмов и предоставлял ряд финансовых привилегий христианскому духовенству. Издал эдикты против еретиков — донатистов, ариан, манихеев. Убит взбунтовавшимися солдатами.

Григорий I Великий (540—604) — римский папа с 590 года. Активно боролся за укрепление папской власти. Заметно расширил сферу влияния Римской Церкви. Объявил о своем исключительном праве выступать верховной апелляционной инстанцией для всей Западной Церкви.

Григорий II — римский папа в 715—731 годах. Отказался подчиниться иконоборческому эдикту Льва Исавра, осуждал вмешательство светской власти в дела церкви. Объявил иконоборчество ересью. Расширил церковное влияние в Германии.

Григорий VII (Гильдебранд) (около 1020—1085) — римский папа с 1073 года, выдающийся представитель (и зачинатель) теократии. Боролся с германским императором Генрихом IV и прославился тем, что заставил того претерпеть унижения ради снятия с него отлучения.

Григорий VIII — римский папа в 1187 году. *Григорий IX (1145—1241)* — римский папа с 1227 года. В борьбе с императором Фридрихом II продолжал теократическую политику Иннокентия III. Жестоко преследовал еретиков. Превратил инквизицию в постоянный орган церкви (1232) и передал ее в ведение доминиканцев. Учредил инквизицию в ряде стран.

Гримоальд — король лангобардский в 662—671 годах, первоначально — герцог Беневенто.

Гундульф — еретический миссионер из Арраса (начало XI века). Был арестован инквизицией, подвергся пытке, после которой отрекся от ереси и был отпущен и объявлен раскаявшимся.

Гус, Ян (1371—1415) — национальный герой Чехии. Проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. Ректор Пражского университета. Сожжен в Констанце по приговору церковного суда.

Данте, Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, провозвестник Возрождения. Автор «Божественной комедии».

Деций (200—251) — римский император с 249 года. В 250 году впервые организовал повсеместное преследование христиан на территории империи.

Джерардо — проповедник воззрений альбигойских дуалистов. Проповедовал, укрываясь в замке Монтефорте, близ Турина.

Диоклетиан (243 — между 313 и 316) — римский император в 284—305 годах. Провел реформы, временно стабилизировавшие положение империи. Для укрепления централизованной власти в 286 году назначил своим соправителем Максимиана. В 303—304 годах предпринял самые знаменитые гонения на христиан.

Дольчино, Петр — ученик Герарда Сегарелли, предводитель восстания на севере Италии, подавленного с необычайной жестокостью. Казнен в 1307 году вместе со своей женой Маргаритой.

Доминик (Доменико де Гусман) (1170—1221) — основатель нищенствующего ордена доминиканцев. Принимал участие в подавлении движения альбигойцев. При поддержке французских феодалов и высшего духовенства основал в 1215 году Пруллианский монастырь, заложив основы ордена, утвержденного папой Гугоном III в 1216 году. После смерти канонизирован католической церковью в 1234 году.

Дюбуа, Жак — в Совете графа Альфонса отвечал за фискальные дела инквизиции, обогащая казну графа конфискованным имуществом еретиков и евреев.

Евгений III — римский папа в 1145—1153 годах.

Евгений IV (1383—1447) — римский папа с 1431 года. После долгих переговоров в 1439 году заключил на выгодных для католичества условиях формальную унию с православной церковью, которая не была принята ни на Руси, ни в Византии.

Евхар — инквизитор, автор произведений, обличающих еретиков.

Екатерина Медичи (1519—1589) — французская королева, жена Генриха II. В период правления своих сыновей Франциска II, Карла IX, Генриха III активно вмешивалась в управление государством. Участвовала в организации Варфоломеевской ночи.

Жеральд — епископ альбийский. Один из представителей католической церкви на состязании с альбигойскими проповедниками в Ломбере (конец XII века).

Жеральд IV Арманьяк — граф, вассал Раймонда VI, воевавший против северофранцузских крестоносцев.

Жильберт — граф Гаводана (XI—XII века).

Жиро — владельница Лавора, еретичка. Убита по приказу Монфора.

Жоселин — епископ, один из представителей католической церкви на состязании в Ломбере.

Жоффрау — граф Анжуйский (1040—1060), прозван Молотом. Предок английских Плантагенетов.

Заморра — доминиканский монах, иерарх. В 1285 году написал устав доминиканского ордена.

Иаков I Арагонский (Хайме Завоеватель) (1208—1276) — сын Педро II, король Арагона с 1213 года. Отвоевал значительные территории у мавров. В 1258 году добился отказа французского короля Людовика IX от суверенных прав на Руссильон и Барселону в пользу арагонских королей, а сам отказался от притязаний на южнофранцузские территории, кроме Монпелье. Отказался принести вассальную присягу римскому папе.

Иван Асень II — болгарский царь периода Второго болгарского царства (1218—1241). Воевал с Латинской империей, создав огромное государство, охватывавшее большую часть Балкан. По политическим расчетам временно примкнул к Риму.

Иероним Пражский (около 1380—1416) — чешский реформатор, друг и сподвижник Яна Гуса, ученый, оратор. В проповедях и выступлениях обличал злоупотребления католического духовенства и призывал к выступлению против монахов и прелатов. Боролся с немецким засильем в Чехии. Был схвачен и под нажимом Констанцкого Собора подписал отречение, от которого впоследствии отказался, и был сожжен как нераскаявшийся еретик.

Илера — казначей графа Альфонса и его капеллан.

Ингеборга — супруга Филиппа Августа, сестра датского короля Кнута IV, дочь Вальдемара I. Умерла бездетной в 1226 году.

Иннокентий II (умер в 1143 году) — римский папа с 1130 года.

Иннокентий III (1160—1216) — римский папа с 1198 года. В 1208 году выступил инициатором крестового похода против альбигойцев в южной Франции. Выдающийся представитель теократии.

Иннокентий IV (1195—1254) — римский папа с 1243 года. Ярый приверженец теории папской теократии, продолжал разгоревшуюся при Григории IX ожесточенную борьбу с германским императором Фридрихом II. В 1245 году на лионском вселенском Соборе низложил Фридриха II и призвал к крестовому походу против него. Стремясь расширить влияние папства на востоке, активно поддерживал агрессию немецких феодалов против славян и прибалтийских народов.

Иоанн I — римский папа в 523—526 годах. При нем начался закат могущества остготов.

Иоанн I Цимисхий (около 925—976) — император Византии с 969 года. Захватил престол в результате дворцового переворота. Пошел на ряд уступок византийской церкви, в том числе отменил антицерковное законодательство Никифора II Фоки. *Иоанн III* — римский папа в 561—574 годах. *Иоанн VIII* — римский папа в 872—882 годах. *Иоанн Безземельный (1167—1216)* — английский король с 1199 года. Проводил политику фискального и политического нажима на крупных феодалов. Вел неудачные войны во Франции. Вступив в конфликт с папой Иннокентием III, был вынужден ему покориться. В 1215 году под давлением баронов и городских общин подписал Хартию Вольностей.

Иоанн Златоуст (около 350—407) — один из виднейших идеологов восточно-христианской церкви, в 398—404 годах — константинопольский патриарх. Получил образование в школе языческого риторы Либания. Призывал к благотворительности. Даже умеренная критика престола вызвала недовольство византийского правительства. Иоанн Златоуст был низложен и отправлен в ссылку. Причислен церковью к лику святых.

Иоанна — сестра Ричарда Львиное Сердце, жена Раймонда VI. *Иоанна Константинопольская* — графиня Фландрии (XIII век). *Иоланда Свейская* — герцогиня савойская, сестра Людовика XI. *Иордан* — второй генерал ордена доминиканцев. Составил жизнеописание Доминика.

де Казаль, Убертин — мистик, глава бегинов. *Кальвин, Жан (1509—1564)* — деятель Реформации, основатель кальвинизма. В 1533 году отрекся от католической церкви. Главное его сочинение — «Наставление в христианской вере» (1536), в котором дано систематическое изложение нового учения.

да Канту, Эриберто — миланский архиепископ. Призвал итальянских баронов разрушить замок Монтефорте — прибежище итальянских еретиков.

де Каннио, Бернард — инквизитор с 1243 года, фанатичный и суровый аскет, во время своей деятельности подписавший несколько сотен приговоров.

Карвеас— пророк и вождь павликиан (VIII век). *Кардиналь, Пьер* — знаменитый поэт южной Франции XIII века. Выразитель настроений высшего общества.

Карл II Лысый (840—877)— король Франции, с 875 года — император Священной Римской империи.

Карл V Мудрый (1337—1380)— король Франции из династии Валуа с 1364 года. Стал регентом Франции после пленения англичанами его отца короля Иоанна Доброго в битве при Пуатье в 1356 году. Опираясь на мелких и средних феодалов и зажиточные слои горожан, провел ряд мероприятий, направленных на укрепление королевской власти. Успешно воевал против Англии, упорядочил налоговую систему, произвел военную реформу.

Карл VI Безумный (1368—1422) — король Франции с 1380 года из династии Валуа. Правление психически больного короля охарактеризовалось временным упадком централизованной власти, новыми феодальными смутами, многочисленными народными восстаниями. В 1420 году англичане добились от Карла VI, захваченного в плен их союзниками — бургундцами, подписания договора в Труа, согласно которому дофин (будущий Карл VII) лишился после смерти отца престола в пользу английского короля Генриха V.

Карл Великий (742—814) — франкский король с 768 года. По его имени стала называться династия Каролингов. Старший сын Пипина Короткого. До 771 года правил совместно со своим братом Карломаном. Значительно расширил границы своего королевства благодаря многочисленным победоносным войнам. В 800 году короновался в Риме как император Священной Римской империи. Стремился к укреплению централизованной власти в империи, провел военную и судебную реформы. Поддерживал союз как с папой, так и с местной церковной иерархией.

Карл Глупый (879-929) — король Франции в 898-923 годах. В 923 году был взят в плен феодалами и умер после шести лет заточения.

Карл Мартелл (около 688—741) — майордом Франкского государства Меровингов. Восстановил политическое единство Франкского королевства. Обеспечил переход королевской власти к Каролингам в лице своего сына Пипина Короткого. В 732 году в битве при Пуатье разбил арабов, остановив их продвижение в Европу.

Кассиан — раннесредневековый автор, один из латинских отцов церкви.

де Кассинак, Бернард— рыцарь-разбойник в Ажсуа. Лишен своих владений Симоном де Монфором.

Кастанет, Бернард— епископ, инквизитор. Отличался особой жестокостью в Альби.

де Кастельно, Петр — цистерцианский монах из аббатства Фонфруа Нарбоннской епархии. С 1203 года— папский легат в Лангедоке. Подвергал еретиков жестоким преследованиям. Его убийство послужило поводом к началу крестовых походов против альбигойцев.

де Кастр, Гильберт — альбигойский епископ, пребывавший в Монсегюре во время его осады.

Кирилл (827-869) и Мефодий (815-885) — братья, славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства. Первые переводчики богослужебных книг с греческого на славянский язык.

Климент III— римский папа в 1187—1191 годах, дядя Иннокентия III.

Климент V (около 1264-1314)— римский папа с 1305 года. Выбран папой под нажимом Филиппа IV Красивого. В 1309 году перенес папскую резиденцию в Авиньон, положив начало Авиньонскому пленению пап. В интересах французского короля передал ему на пять лет сбор церковной десятины, был вынужден согласиться на обвинение ордена тамплиеров в ереси и на его роспуск в 1312 году. Поддерживал Францию в борьбе с императором Генрихом VII.

Климентий — еретик, сожжен в Суассоне (XII век).

Кнут IV— король Дании, брат жены Филиппа II Французского Ингеборги.

дель Комет, Эмерик— еретический епископ в Альби (1270).

Конрад IV— император Священной Римской империи в 1250— 1254 годах, сын Фридриха II.

Конрад Марбургский — знаменитый немецкий инквизитор. Принадлежал к первым последователям Доминика. Необычайно жестокий по отношению к еретикам, был убит последними в 1233 году.

Константин — павликианский проповедник VIII века. Его преемники — Симеон, Павел, Иосиф.

Константин Великий (около 285—337) — римский император с 306 года. Сын Констанция Хлора. При Константине завершилось превращение империи в военно-бюрократическое

государство. В 324—330 годах столица была перенесена в Константинополь. Проводил политику веротерпимости, предоставив свободу христианскому вероисповеданию (Миланский эдикт, 313 года). Вмешивался в дела христианской церкви, поддерживал церковь в борьбе с донатистами. Лишь перед самой смертью принял христианство.

Константин Сильван— армянин, основатель движения павликиан (VII век).

Константин Хризомат (XII век) — последний из великих богомильских проповедников. Его сочинения сожжены по определению Константинопольского Собора в 1140 году.

Констанции II (317—361)— римский император с 337 года. В годы его правления арианство первое из христианских направлений подало пример гонений на православных. Он закрыл языческие храмы, запретил жертвоприношения.

Констанций Хлор (264-306) — римский император с 305 года. Выдвинулся в качестве военачальника при Диоклетиане, после отречения которого стал императором. Умер после победы над пиктами.

Констанция — жена графа Раймонда V Тулузского.

Крешенци — префект Рима, после смерти Отгона I был фактическим главой Рима. Возвел на папский престол пап Бонифация VII и Бенедикта VII. Боролся с Оттоном II, умер в 984 году. Его сын и внук также претендовали на власть в Риме.

Кромвель, Оливер (1599-1658) — деятель английской буржуазной революции XVII века. Вождь индепендентов. Лорд-прогектор Англии с 1653 года. Один из главных организаторов парламентской армии, во время гражданских войн разгромившей королевские войска. В 1649 году содействовал казни короля Карла I и провозглашению республики.

де Крюн, Амори — граф, крестоносец, участник осады Тулузы.

де Курсон, Роберт — кардинал, папский легат во Франции. Бич еретиков.

де Куртенэ, Роберт — участник похода против альбигойцев.

де Кузи, Энгерран — знаменитый рыцарь-крестоносец, участвовавший в крестовом походе против альбигойцев.

де Ла Гарда, Понс — провансальский трубадур (XIII века).

Лангтон, Стефан (1150-1228)— архиепископ Кентерберий-ский с 1207 года, друг папы Иннокентия III. Кардинал с 1213 года. В том же году признан Иоанном Безземельным примасом английской церкви.

Лев — царь Киликийской Армении Левоy I в 1187—1219 годах.

Лев I Великий (умер в 461 году) — римский папа с 440 года. Боролся за признание верховной власти римского папы над всей христианской Церковью. В 445 году добился от императора Валентиниана III рескрипта, по которому папа получал право церковной юрисдикции в провинциях Западно-Римской империи. Первый папа, принявший титул «великий понтифик».

Лев IX (1002-1054)— римский папа с 1049 года. Ставленник императора Генриха III, встал на путь самостоятельной политики. Стремясь к централизации католической церкви, активно добивался подчинения независимого епископата западной Европы. Его политика способствовала возвышению папства. При Льве IX произошло окончательное разделение западной и восточной Церквей. Содействовал Ключийской реформе.

деЛекко, Погано — инквизитор в Вальтелине. Убит еретиками.

Леопольд V— австрийский герцог, в 1192 года державший в плену возвращавшегося из крестового похода Ричарда Львиное Сердце.

Лили из Венессена— обвинен в ереси, но освобожден от пожизненного заключения по указанию римских пап.

Ллевелин-ап-Иорверт (умер в 1240году) — правитель Северного Уэльса в 1194—1238 годах. Поддерживал баронов в борьбе против своего тестя, английского короля Иоанна Безземельного. Заставил последнего признать права Уэльса в Хартии Вольностей.

Лотарь I — внук Карла Великого, король Италии с 840 года, в 843-849 годах— император.

де Луджио, Иоанн— еретик, развивавший учение о постоянной взаимной борьбе двух начал, доброго и злого.

Лука Тюиский — испанский инквизитор в Галисии.

Лукапетр — вероучитель у эвхитов (мессалиан), ветви павликиан.

Луций III— римский папа в 1181—1185 годах.

Людовик I Благочестивый — франкский император из династии Каролингов (814-840).

Людовик II Косноязычный — сын Карла Лысого, в 877—879 годах король Франции.

Людовик VI Толстый (1081—1137) — французский король, женил своего сына на дочери Вильгельма X Элеоноре Аквитанской.

Людовик VIII (1187~ 1226) — французский король с 1223 года. Женатый на дочери Генриха II Английского, претендовал на английскую корону, отвоевал у англичан Пуату, Перигор и ряд других территорий. В 1226 году начал войну против альбигойцев. Окончательно присоединил к Франции Тулузское графство и весь Лангедок.

Людовик IX Святой (1214—1270) — король Франции с 1226 года. Провел ряд реформ, способствовавших централизации государства. В 1248 году возглавил VII крестовый поход, во время которого был пленен египетским султаном. Умер от чумы во время VIII крестового похода в Тунисе.

Людовик XI (1423-1483) — король Франции из династии Валуа с 1461 года. Дофином участвовал в мятежах против своего отца Карла VII, но, вступив на престол, сам жестоко подавлял феодальные мятежи, проводя последовательную политику укрепления королевской власти, централизации и территориального объединения Франции.

Людовик XIV (1638-1715)— король Франции с 1643 года. До 1651 года регентшей при нем была Анна Австрийская, фактическим правителем до 1661 года являлся кардинал Мазарини. Период самостоятельного правления явился апогеем в развитии французского абсолютизма.

Людовик Баварский — император Италии с 855 года, не имевший реальной власти.

Людовик Немецкий — император Восточно-Франкского государства в 843—876 годах.

де Люс, Гюи — крестоносец, продавший захваченный северофранцузскими рыцарями замок его прежнему владельцу. Повешен крестоносцами за измену.

Лютер, Мартин (1483—1546)— величайший вождь Реформации в Германии. Основатель немецкого протестантизма (лютеранства). Тридцать первого октября 1517 года в Виттенберге выступил с девяносто пятью тезисами по поводу индульгенций, содержащими основные положения его нового религиозного учения. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив этим нормы общенемецкого языка.

Мани (216-276) — персиянин, около 230 года основал религиозное учение, впоследствии названное его именем (манихейство). Проповедовал в Средней Азии, Индии, Ближнем Востоке. В 273 году вернулся из прозелетических путешествий в Иран, где был взят под стражу и три года спустя казнен.

Манфред Гогенштауфен — король Сицилийского королевства, сын Фридриха II и брат наследника последнего Конрада. Продолжал борьбу с папой до 1266 года, когда был побежден Карлом Анжуйским и взят в плен.

де Марзак, Мария — уличен в близости с еретиками, судим инквизиционным трибуналом и присужден к церковному покаянию.

Мариньи, Энгерран — министр короля Филиппа IV Французского.

Мария — жена короля Педро II Арагонского.

Маркион— христианский еретик первой половины II века, сын епископа синопского. За противный церковному учению образ мыслей отлучен отцом от Церкви. Со 130 года стал открыто проповедовать свою доктрину и объединил своих последователей. По его имени ересь получила название маркионитства (основной ее тезис — в признании двух богов: Бога любви и злого творца мира).

де Марли, Букхард — друг и любимец Симона Монфора. Был взят альбигойцами в плен и шестнадцать месяцев провел в заточении.

Мартин Турский (316-397) — епископ Тура с 372 года. Прославился своими добродетелями, экзорцист. Подвергался преследованиям со стороны ариан. Строил церкви и монастыри, обращал в христианство язычников. Канонизирован. Считается покровителем Франции.

Марцеллин — римский папа в 296-304 годах (при императоре Диоклетиане). Обвинялся в отступничестве во времена гонений на христиан, в выдаче священных книг и в участии в языческих жертвоприношениях. Был замучен за веру.

Матвей Парижский (около 1200 — после 1259) — английский хронист, монах монастыря Сент-Олбанс. Главный труд Матвея Парижского, «Большая хроника», охватывает период с 1066 по 1259 годы.

де Мафери, Бернард — барон, был отлучен за бегинство в 1322 году и позже уличен вторично.

де Меран, Агнесса — дочь тирольского князя. Морганатическая жена Филиппа Августа.

Мефодий — смотри: Кирилл и Мефодий.

Меценат, Гай Цильний (между 74 и 64—8до нашей эры) — приближенный императора Августа. Никогда не занимая государственных должностей, исполнял для Августа важные политические и дипломатические миссии. Известен своим покровительством литературной жизни Рима.

Милан— папский легат, принявший в 1209 году отречение графа Раймонда VI Тулузского.

Милутин, Стефан Урош II (умер в 1321 году) — сербский король из династии Неманичей с 1282 года. Благодаря поддержке Церкви, которой он раздавал большие земельные пожалования, ему удалось существенным образом укрепить центральную власть. После успешной войны с Византией женился на дочери византийского императора и присоединил к Сербии ряд земель.

Мирепуа, Петр Роже— барон, глава клана Мирепуа, владелец Монсегиора, ставшего последним оплотом альбигойства.

Михаелис — францисканец. Объявлен нераскаянным еретиком, осужден на низложение сана и сожжен.

Михаил — папский легат. Созвал Собор в Монпелье в декабре 1195 года.

Михаил И Косноязычный — византийский император в 820-829 годах. Возведен на престол прямо из тюрьмы. С трудом отбивался от набегов славян и арабов, в результате чего потерял ряд земель империи. К религиозным вопросам проявлял индифферентность, однако подтвердил прежние законы против почитания икон.

де Мовуазен, Роберт — крестоносец, посол Симона де Монфора в Риме.

де Молеон, Савари — сенешаль, английский вассал, приведший на помощь Раймонду VI двухтысячный отряд басков. Монморанси, Алиса — жена Симона де Монфора. Монфор, Амори — сын Симона де Монфора. Активный участник Альбигойских войн. Позже воевал в Палестине. Под Газой был взят мусульманами в плен, сидел в заключении в Вавилоне. Был выкуплен и, возвращаясь во Францию, умер в Отранто в 1240 году, оставив сына Жана, дочь которого позднее породнилась с домом Дре.

Монфор, Гюи — брат Симона де Монфора. Убит при осаде замка Варейль.

Монфор, Гюи — граф Бигоррский, второй сын Симона де Монфора. Умер при осаде Кастельнодарри вскоре после смерти отца. И он, и старший сын Симона, Роберт, не оставили мужского потомства.

де Монфор, Симон (1150-1218)— граф, предводитель крестоносцев во время Альбигойских войн. Добился от папы закрепления за ним завоеванных земель. Отличался жестокостью и непримиримостью к еретикам. Погиб при осаде Тулузы.

де Монфор, Симон (1208-1265) — граф Лейчестерский, младший сын Симона де Монфора. Один из руководителей баронской оппозиции Генриху III Английскому. Став лордом-протектором Англии, в 1265 году созвал первый парламент. Был разбит королевскими войсками в битве при Ившеме и погиб.

Моран, Петр — еретик. Раскаялся и был подвергнут штрафу, бичеванию и высылке из Тулузы.

Моссабрак, Адальгиза — дочь одного из баронов Мирепуа, еретичка. Во время инквизиционного процесса обвиняла свою мать в том, что альбигойство у них в роду передавалось из поколения в поколение.

Мухаммед ан-Насир— халиф альмохадов в 1199—1214 гг.

Мюнцер, Томас (1490—1525) — немецкий революционер, идеолог народного течения в Реформации, один из главных вождей восставшего крестьянства и городского плебса в Крестьянской войне 1524—1526 годах. В религиозной форме проповедовал идеи насильственного свержения феодального строя, передачи власти народу и установления общества без эксплуатации и частной собственности. Пятнадцатого мая 1525 года в битве у Франкенхаузе-на взят в плен и после жестоких пыток казнен.

Нерон (37—68) — римский император с 54 года. Первые годы правил в согласии с сенатом, затем перешел к политике репрессий и конфискации, восстановившей против него не только сенаторскую власть, но и другие слои римских граждан. Покинутый даже преторианцами, покончил с собой.

Николай I— римский папа в 858-867 годах. Избран под влиянием Людовика II. Отличался твердой волей и независимым характером. Направлял все силы на установление господства папы над церковью и духовной власти над светской.

де Ниорт, Нэро — барон, был заподозрен в ереси. Осужден к покаянию через пятнадцать дней после приговора трибунала под страхом отлучения и конфискации имущества.

Ногарэ, Гильом — первый советник Филиппа Красивого, доктор права, бывший священник. Во время конфликта с Римом в 1303 году захватил в замке Ананьи и избил папу Бонифация VIII.

Одон — граф Парижский, одно время — претендент на французский престол.

Одон I (середина X века) — основатель династии альбийских феодалов.

Олив, Бернард — еретический епископ Тулузы в 1270 году.

д'Олив, Гильом — доктор богословия. В 1463 году как вальденс осужден на пожизненное заключение.

Олива, Петр Иоанн (умер в 1297 году) — провансалец, францисканский учитель, богослов. В 1259 году поступил в Безьерский монастырь. Его учение легло в основу бегинства. Перед смертью отрекся от большинства своих идей.

Оливье — архиерей катаров, проповедовавший в Альби в 1165 году.

Ориген (около 185—253 или 254) — христианский теолог, философ, ученый, представитель ранней патристики. Оказал большое влияние на формирование христианской догматики. Однако спустя много лет после смерти, в 543 году, его сочинения были признаны еретическими. Во время антихристианских репрессий был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам, от которых и умер.

Ото, Бернард — барон де Корт, осужден инквизицией за поддержку еретиков.

Ото, Вильгельм — один из осужденных за помощь еретикам.

Оттон IV (1175 или 1182 — 1218) — король Германии с 1198 года, император Священной Римской империи с 1209 года. Был выдвинут Вельфами в противовес Филиппу Швабскому. Отлучен от церкви.

Оттокар II — чешский король в 1253—1278 годах. Вел войны с Венгрией, укрепил могущество чешского королевства. В 1275 году имперский сейм лишил его всех земель и достоинств. Погиб в битве против Рудольфа Габсбургского. Открыл страну немецкой колонизации.

де Паев, Антоний — монах, погибший от рук вальденсов.

Пандольфо — легат папы Иннокентия III, которого заменял при торжественном сложении короны Иоанном Безземельным в Дуврском Соборе пятнадцатого мая 1213 года,

Парайра, Гуго — еретик, сожжен тулузским инквизитором Рене де Шартром.

де Певилья, Аймери — провансальский трубадур, чье творчество падает на 1195—1230 годы.

Педро II (умер в 1213 году) — король Арагона, отец Иакова Завоевателя, внук Раймонда Беренгария IV. Отказался принести вассальную присягу римскому папе. Союзник Раймонда VI Тулузского в борьбе с Симоном де Монфором.

Пейрпертюз, Вильгельм — южнофранцузский феодал. Был заподозрен в ереси. Осужден к покаянию через пятнадцать дней после приговора трибунала под страхом отлучения и конфискации имущества.

де Пеньяфорте, Раймонд — доминиканец, любимец папы Григория IX, друг Доминика.

Пенье, Герар де — крестоносец, перешедший позднее к альбигойцам. Отвоевал у крестоносцев замок Пюисергье.

Петр — граф Осера, участник похода против альбигойцев. *Петр* — кардинал с 1178 года, папский легат в южной Франции. *Петр* — монах-доминиканец, инквизитор в Ургеле (Каталония). Убит в 1235 году возмущенными горожанами.

Петр Амелий — епископ нарбоннский. В 1244 году приговорил к сожжению двести альбигойцев, в том числе Бертрана Мартена. *Петр Беневентский* — кардинал-диакон, папский легат в Лангедоке и Провансе (1213).

Петр Веронский — фанатичный доминиканец, инквизитор Милана. В молодые годы был альбигойцем, однако впоследствии отрекся от ереси. Убит по приказу миланских вельмож Альлате и Онтроне.

Петр Капуанский — кардинал, пребывавший в Париже в 1198 году.

Петр Сернейский — участник и историк альбигойских войн, апологет политики Симона де Монфора.

Пий III — римский папа в 1503 году. Выбран после Александра VI. Дряхлый и болезненный, он несколько месяцев удачно боролся с Борджиа и намеревался созвать собор для реформирования церкви. Смерть помешала ему осуществить задуманное.

Пипин III — сын Людовика Благочестивого, передавшего ему в управление Юг своей империи.

Пипин Короткий (714—768)— франкский король с 751 года. Сверг последнего короля династии Меровингов. Подчинил Аквитанию. Положил начало Папской области.

Пирр (319-273 до нашей эры) — царь Эпира в 307-303 и 296-273 годах до нашей эры. Крупнейший полководец эллинистической эпохи. Воевал против Рима. В 273 до нашей эры году убит в уличной схватке с македонянами в Аргосе.

Писсаки, Вильгельм— барон, крестоносец.

Платон (428 или 427—348 или 347) — древнегреческий философ. Один из центральных моментов философии Платона — его этическое учение, в основе которого лежит представление о душе, состоящей из трех начал: разумного, волевого и чувственного. С этическим учением Платона связан проект идеального политического устройства, который он дал в «Государстве» и «Законах».

Пенс— маркиз прованский в 1037—1060 годах.

де Пресль, Рауль — генеральный адвокат, министр Филиппа IV.

Присциллиан — последователь Мани, аквитанский епископ.

Пуатье, Адемар де — граф Валентинуа, друг Раймонда Юного. После Альбигойских войн получил в лен от римского папы мар-кизатство Прованс.

Пьер Достопочтенный — католический историк, аббат (XII века). Изложил учение Пьера де Брюи в пяти пунктах.

де Рабастен, Раймонд — епископ Тулузы (около 1200 года).

Раймонд — барон Термский, альбигоец. Был взят в плен Симоном де Монфором. Умер в заточении.

Раймонд I— граф Тулузский (852-865), сын Фределона Тулузского.

Раймонд II — граф Тулузский, с Вильгельмом Овернским в 923 году уничтожил в большом сражении силы норманнов, которых погибло до двенадцати тысяч человек; тут же пал и сам победитель.

Раймонд III Тулузский — после поражения Эбла в 932 году стал государем Пенни, Оверни и собственно Лангедока. Последний титулярный герцог Ахвитании. Умер в 950 году.

Раймонд IV(1041 или 1042-1105) — в 1088-1105 годах первый герцог нарбоннский, с 1093 года— граф Тулузский, брат бездетного Вильгельма IV Благоо заключить с Людовиком IX в 1229 году договор, который закрепил переход большей части его владений французскому королю.

Раймонд Беренгарий — граф Прованса. Брат арагонского короля Альфонса II. Был взят в плен и убит одним из католических тулузских баронов.

Раймонд Беренгарий IV — граф барселонский (первая половина XII века), присоединил брачным союзом Арагон к Каталонии, обручившись в племянницей Альфонсо Воителя, отец которой, Рамиро II, отказался от престола и ушел в монастырь. Предок Иакова Завоевателя.

Раймонд Бернард— владыка Альби с 1062 года. Браком и наследством прибавил к землям Альби и Нима графства Каркассон и Разес с виконтством Безьер.

Раймонд Капуанский — двадцать второй магистр ордена святого Доминика.

Раймонд Луллий (1235—1315) — францисканец, логик и философ, автор первой «логической машины». Его сочинения преследовались инквизиционной цензурой.

Раймонд Роже— граф де Фуа, вассал Раймонда VI, альбигойский военачальник.

Раймонд Роже— сын Роже II, виконта Безьера, Альби, Кар-кассона и Разеса.

Райнер — цистерцианский монах, проповедовавший в Лангедоке в девяностые годы XII века.

Райнульф II— герцог Аквитанский (XI век). Отравлен Одо-ном Парижским, опасавшимся его дальнейшего усиления. Земли его были переданы послушному овернскому дому (Вильгельм I Благочестивый, Вильгельм II Юный).

Рамиро II— король Арагона и Наварры. Его племянница Пет-ронилья обручилась с Раймондом Беренгарием IV, графом Барселонским. В 1137 году отказался от престола и ушел в монастырь. *Рауль* — цистерцианский монах из той же епархии, что и Петр де Кастельно, имел степень доктора. Папский легат в Лангедоке и Провансе с 1203 года.

Рауль Авеский — монах, оставивший подробное описание учения катаров (XI век).

Рауль Арденнский — капеллан Вильгельма IX Аквитанского (начало XII века).

Рауль Бургундский — король Франции, сын Карла Глупого. Умер в 936 году.

де Рекальд, Раймонд — сенешаль Раймонда VI.

Ричард I Львиное Сердце (1157-1199)— король Англии с 1189 года. Большую часть жизни провел вне Англии, управление которой передал наместнику. Вел непрерывные войны, участвовал в III крестовом походе, при возвращении из которого попал в плен к австрийскому герцогу

Леопольду V и выпущен был за огромный выкуп. Воевал с Филиппом Августом и был убит во время этой войны.

Ричард II— герцог нормандский (двадцатые годы XI века).

Ричард II (1367-1400) — король Англии с 1377 года. Последний представитель династии Плантагенетов. Принял участие в подавлении восстания Уота Тайлера в 1381 году. Установил единоличное правление, что вызвало мятеж крупных феодалов. В 1399 году был низложен и год спустя убит.

Ричард Корнуэльский — знаменитый авантюрист XIII столетия. Получил от римского папы Александра IV приглашение занять вакантный германский престол. Из немецких князей его никто не знал и не признавал.

Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — французский государственный деятель, кардинал. С 1624 года первый министр Людовика XIII и фактический правитель Франции. Стремился к укреплению абсолютизма, уничтожил политическую организацию гугенотов.

Роберт I Благочестивый — король Франции в 996—1031 годах.

Роже II— виконт Безьера, Альби, Каркассона и Разеса; в начале Альбигойских войн вынужденный противник своего сюзерена, графа Тулузского.

Роча, Понс — францисканец. Объявлен нераскаянным еретиком, осужден на низложение сана и сожжен.

де Роже, Бертран— обвинен в ереси, но освобожден от пожизненного заключения по указанию римских пап.

де Руси, Ален — крестоносец, убивший в сражении Педро Арагонского. Был назначен комендантом замка Монреаль. Убит графом де Фуа во время штурма замка альбигойцами.

де Савильяно, Антоний — инквизитор (XIV век).

Савонарола, Джироламо (1452—1498) — флорентийский религиозно-политический деятель. В 1475 году вступил в монастырь ордена доминиканцев. Требовал глубокой реформации католической церкви в духе возврата к апостольскому идеалу. В 1497 году отлучен от Церкви. По приговору флорентийской синьории повешен.

Салах-ад-Дин (1138-1193)— египетский султан с 1171 года. Возглавлял борьбу мусульманских сил против европейских рыцарей во время III крестового похода.

де Сальваньек, Раймонд— кагорский купец, банкир Симона де Монфора, получивший от него титул барона.

Самуил — царь Западно-Болгарского царства в 997—1014 годы, вел многочисленные войны.

да Сан-Рафаелло, Галозна — священник в Пиньероле. Был заподозрен в ереси и, испугавшись пытки, стал доносчиком на горожан (XIV век).

Сантон, Вильгельм — францисканец. Объявлен нераскаянным еретиком, осужден на низложение сана и сожжен.

Санчо I Земледелец — король Португалии в 1185—1211 годы.

Сегарелли, Герард (умер в 1300 году) — францисканец, известнейший бегинский проповедник, по приговору инквизиции сожжен.

Сегюрэ— барон. После поражения французов под Басьежем был повешен по распоряжению Раймонда Юного.

де Сейсак, Бертран — опекун Раймонда Роже.

Селлерье— архиерей катаров, проповедовавший в Альби в 1165 году.

де Сен-Пьер, Гуго— предводитель альбигойцев общины Ве-зелэ.

Сен-Тибери, Стефан— минорит, получивший место инквизитора Тулузы после избрания Петра Челлани приором доминиканского монастыря в Тулузе.

Сидоний, Аполлинарий (430—485) — раннекатолический поэт и писатель, с 471 года епископ Клермона.

Сикард— архиерей катаров, проповедовавший в Альби в 1165 году.

Сикард— виконт Лотрека (вторая половина XII века).

Сикард— епископ Альби. Безуспешно пытался заключить в тюрьму отлученных еретиков. Своими действиями в 1115 году вызвал яростное сопротивление народа.

Сикст V (1520—1590)— римский папа с 1585 года. В своей деятельности по управлению папским государством не останавливался перед применением самых жестоких мер. Добиваясь усиления влияния католической церкви, активно вмешивался в политику европейских государств. Финансировал экспедицию Непобедимой армады.

Сильвестр I — римский папа в 314—335 годах. Крестил императора Константина. Причислен к лику святых.

Симеон (864 или 865—927) — болгарский князь с 893 года и царь с 919 года. В результате удачных войн с Византией последняя обязалась платить дань. При Симеоне берет свое начало богомилство.

Симмах (между 345—405) — древнеримский писатель и политический деятель. В 391 году — консул.

Сисси, Пьер де — был поставлен Симоном де Монфором комендантом в Пюжолле. После осады замок был захвачен альбигойцами, Пьер де Сисси убит.

Сов, Екатерина — считалась у вальденсов мученицей их Церкви.

Солье, Вильгельм — некогда альбигойский священник, отступившийся и раскаявшийся. Активно участвовал в процессах над альбигойцами в качестве свидетеля.

де Стелла, Эон — еретик, проповедовавший в первой половине XII века в северной Франции и Нидерландах. Излагал свое, видимо дуалистическое, учение в символических формах. Был арестован и осужден на пожизненное заключение.

Стефан — духовник французского короля Роберта I Благочестивого. Объявлен еретиком и сожжен.

Стефан III — римский папа в 752—757 годах. Отстоял папскую область от лангобардов. Повторил помазание на царство Пи-пина и двух его сыновей, за что получил мощную поддержку от франков.

Стефан V — римский папа в 885—889 годах. Его торопливые выборы без согласия Карла Толстого вызвали раздражение последнего, а позже вынужденное согласие. Олицетворял победу папской власти над слабеющей светской.

Сугерий (около 1081—1151) — аббат, французский государственный и церковный деятель, советник Людовика VI и Людовика VII, регент во время участия последнего в крестовом походе.

Танхелин — еретик, проповедовавший в то же время, что и Эон де Стелла, в северной Галлии и в Бретани.

Таррага, Раймонд — доминиканец, обратившийся из иудаизма и занимавшийся толкованиями о вызове духов. Преследовался инквизицией Ломбардии.

Тацит, Публий Корнелий (около 58 — около 117) — римский историк, проконсул Азии (112—113), автор знаменитых произведений «История» и «Анналы».

Теодорих Великий (около 454—526) — остготский король. Завоевал Италию и в 493 году основал свое королевство.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (около 160 — после 220) — христианский теолог и писатель. По оригинальности и страстности мысли, по богатству языка занимает в истории церковной литературы исключительное место. Он является одним из основателей христианского богословия. Около 200 года примкнул к ереси монтанистов, в защиту которых написал треть своих сочинений.

Тиберий (42 год до нашей эры — 37 год нашей эры) — римский император с 14 года нашей эры, проводил автократичную политику, опираясь на преторианцев.

Тибо — граф Шампани, участник и вдохновитель восстания французской знати против королевы Бланки Кастильской. Позднее перешел в лагерь противника.

Томислав — хорватский князь (около 910 — около 925) и король (около 925 — около 928) из династии Трпимировичей. Значительно расширил границы Хорватии, являлся союзником Византии. В церковной политике ориентировался на католическую церковь. В период его правления в городе Сплит состоялись Соборы, которые значительно ограничили возможности богослужения на славянском языке.

Торнамир, Петр — священник, подозревавшийся в бегинстве.

Тренкавель, Раймонд — виконт Альби, Безьера и Каркассона (XIII век).

Тюрлюр, Петр — нарбоннский инквизитор (XV век).

Уиклиф, Джон (между 1320 и 1330 - 1384) — английский реформатор, идеолог бюргерской ереси. Доктор богословия. Автор многих богословских трактатов и памфлетов. Главные из них — «Трактат о власти бога» (1375—1376 годы), «О гражданской власти», «О должности короля», «О слугах и господах», «О богохульстве». Переводчик Библии на английский язык. Констанцкий Собор объявил в 1415 году Уиклифа еретиком, и по его повелению останки Уиклифа были сожжены в 1428 году.

де Фанткод, Бернард — аббат, представлявший католическое духовенство на диспуте с вальденсами в 1190 году в Нарбоннской епархии.

Федерико II — король сицилийский в 1296—1337 годах, покровитель бегинов.

Феодосий I Великий (около 346—395) — римский император с 379 года. Энергичный военачальник и ловкий дипломат. Окончательно утвердил господство ортодоксального христианства, активно преследовал сторонников арианства и приверженцев язычества. При нем было разрушено множество языческих храмов, сожжена Александрийская библиотека. В 394 году были отменены Олимпийские игры. Христианская церковь признала его «Великим».

Феодосий II (около 401—450) — император Византии с 408 года. До 428 года правил под опекой сестры Пульхерии, способствовавшей укреплению православия. Созвал Эфесские Соборы 431 и 449 годах. На первом было осуждено несторианство, на втором временную победу одержали монофизиты.

Ферабоски — архиепископ флорентийский. Основал инквизиционный трибунал в монастыре Санта-Мария-Новелла, где первым инквизитором стал Руджеро де Калканьи.

Фердинанд III — король Кастилии, объединивший Кастилию и Леон. Вел успешные войны против мусульман в союзе с Иаковом Арагонским.

Фигвейрас, Вильгельм — знаменитый южнофранцузский поэт (XIII век). Выразитель настроений плебейской среды.

Филиберт, Иоанн — бургундский священник. Получив прощение, снова стал последователем вальденсов. Был передан в руки светской власти и сожжен.

Филипп — крестоносец, брат Роберта Дре. Прославился своими рыцарскими подвигами в Палестине.

Филипп II Август (1165—1223) — король Франции с 1180 года из династии Капетингов. В его правление было положено начало присоединения к королевскому домену областей южной Франции. В 1214 году выиграл битву при Бувине. Один из предводителей III крестового похода.

Филипп III Смелый — король Франции в 1270—1285 годах.

Филипп IV Красивый (1268—1314) — король Франции с 1285 года. Нуждаясь для ведения войн и активной внутренней политики в деньгах, прибегал к принудительным займам. Обложение налогами духовенства вызвало конфликт с папой Бонифацием VIII, положивший начало Авиньонскому пленению пап. Ликвидировал орден тамплиеров. В 1302 году создал первые Генеральные штаты.

Филипп Швабский — брат императора Генриха VI, король Германии в 1197—1208 годах. Убит в Бамберге баварским пфальцграфом Отгоном Виттельсбахом.

фон дер Фогельвейде, Вальтер (около 1170 ~ около 1230) — знаменитый средневековый миннезингер.

Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) — теолог, философ, средневековый схоласт, доминиканец. Вел борьбу против сторонников светской образованности, требуя подчинения разума религиозной вере, божественному откровению. Боролся с номиналистическими тенденциями в схоластике, призывал к борьбе с еретиками, обосновывал идею всеобщего главенства папы как божьего заместителя на земле. Умер в пути на лионский вселенский Собор. В 1323 году был канонизирован.

Франциск Ассизский (Джованни ди Бернадоне) (1181 или 1182—1226) — итальянский религиозный деятель и писатель. Под влиянием ереси вальденсов отказался от богатства и с 1206 года посвятил себя проповеди евангельской бедности, при этом сохраняя лояльность по отношению к католической церкви. В 1207—1209 годах основал братство миноритов, утвержденное папой с 1216 года как орден францисканцев. Автор религиозных стихотворений. В 1228 году канонизирован.

Фределон — наместник города Тулузы при Людовике Благочестивом. Основатель Тулузского графства.

Фридрих I Барбаросса (1125—1190) — германский король с 1152 года, император Священной Римской империи с 1155 года, из династии Гогенштауфенов. В Германии стремился укрепить власть над князьями, проводил агрессивную политику в Италии, но в битве под Леньяно в 1176 году потерпел поражение от объединенных войск Ломбардии. Погиб во время III крестового похода.

Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250) — германский король с 1212 года, император Священной Римской империи с 1220 года, сицилийский король с 1197 года, король Иерусалимского королевства в 1229—1239 годах. На германском престоле утвердился, получив поддержку французского короля Филиппа II Августа и папы Иннокентия III. В 1229 году отвоевал Иерусалим. В конце жизни — принципиальный враг Рима, был отлучен.

Фулькон — епископ Тулузы (первая половина XIII века). Прежде — трубадур, друг и поклонник графа Раймонда V. После смерти последнего пошел в цистерцианцы. Впоследствии — епископ Тулузы, смертельный враг альбигойцев, инквизитор.

Хариберт — один из франкских королей, правивший в VII веке «третью» франкских земель.

Цезарь, Гай Юлий (102 или 100 — 44годы до нашей эры) — римский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Опору своей власти искал в разных слоях общества. Деятельность Цезаря вызвала сильную оппозицию представителей староримской, республикански настроенной знати и части его бывших сторонников. Против него был организован заговор. Во время заседания сената Цезарь был убит.

Целестин III (умер в 1198 году) — римский папа с 1191 года, предпринимал попытки организовать крестовый поход против альбигойцев.

Челлани, Петр — тулузский купец, одно время являлся пажом при дворе Раймонда VI. Увлечшись проповедями Доминика, оставил богатства, подарил свой дом новому братству, сам же ушел в монахи. Был первым инквизитором в Тулузе.

де Червере, Бартоломей — монах, погибший от рук вальденсов.

Эбл — сын Райнульфа II, рожденный вне брака. Временно соединил под своей властью не только родовые владения, но и земли соперника: Овернь и Велз (928). Был побежден в войне с коалицией северофранцузских феодалов и бежал.

Эд — внук Фределона Тулузского, сын Раймонда I, брат своего предшественника Бернарда. В 878 году присоединил к Тулузе альбигойскую землю.

Эд — герцог аквитанский, помогал Карлу Мартеллу в войне с мусульманами (VIII век).

Эд — граф Тулузский (1037—1040), сын Вильгельма V. Воевал против графа анжуйского Жоффруа. Вступил в обладание герцогством Гасконь и графством Бордо.

Эдуард I (1239–1307) — король Англии с 1272 года из династии Плантагенетов. При нем окончательно сложилась практика регулярного созыва парламента. Во внутренней политике стремился сохранить равновесие среди господствующего класса. Законы Эдуарда отражали курс на укрепление союза королевской власти с рыцарством и верхушкой горожан при осторожном наступлении на светскую и духовную аристократию. Умер во время очередного похода на Шотландию.

Эдуард Исповедник (1003—1066) — король англосаксов с 1042 года. С 1053 года фактически отстранен от управления. Основал Вестминстерское аббатство (освящено в 1065 году).

Экберт — немецкий писатель, хронист XII века.

Элеонора Аквитанская — жена Людовика VII, после развода с которым стала женой Генриха Анжу, будущего английского короля. Этим браком она принесла английской короне герцогство Аквитанское.

Эмпедокл (около 490—430 годов до нашей эры) — древнегреческий философ из Агригента в Сицилии. Принадлежал к так называемым «младшим натурфилософам». Помимо натурфилософской поэмы «О природе» оставил также религиозную, орфическую по духу, поэму «Очищения» (дошла во фрагментах), оказавшую значительное влияние на древние эзотерические учения.

д'Энконтр, Верль — крестоносец.

Эрменгард — инквизитор, автор произведений, обличающих еретиков.

Эрменгарда — вдова рыцаря-разбойника Фуко, владелица Пюи-Лорана, взятого войсками Раймонда Юного.

д'Эспира, Понс — инквизитор в городе Ургеле. Отравлен еретиками в 1242 году.

Юлий — граф Майенна, участник похода против альбигойцев.

Примечания

К главе первой книги второй

1 J. J. Percin. Monumenta conventus Tolosani ordinis ff. Tol. 1693. Opusculum de haeresi Albigensium, de inquisitione etc. p. I, 84; p. III, 109. Автор с замечательной ревностью старается удержать за доминиканцами славу первых инквизиторов; сразу после вынесения святым папой Гонорием III буллы против альбигойцев (от 1218 г.) он пишет: «Наши братья исправили многое из того, что ослабляло курию».

2 См.: F. Macedo. Schema congregationis Sancti Officii romani. Pad. 1676.

3 Источники для биографии св. Доминика занимают половину первого тома в Acta Sanctorum (curante J. Carnandet. Par. 1867), p. 339—654. обстоятельный разбор этого материала и

обширное критическое введение по всем частным вопросам биографии Доминика (р. 359—545) предпосланы тексту первых житий: auctore B. Jordano synchrono ex ordine Praedicatorum, et secundo ejusdem Ordinis Magistro generali (р. 541—558); Vita altera quam F. Bartholomaeus Tridentinus exord. Praed. ante medium seculi XIII breviter conscripsit; Acta ampliora quae F. Theodoricus de Appoldia, suppar Ordinis Praedicatorum scriptor, ex variis antiquioribus monumentis collegit. Теодорик, немецкий доминиканец из Эрфурта, писал в 1290 г. Далее следуют акты относящиеся к частностям жизни и к чудесам святого (628-641 е1с). В период между Иорданом и Теодори-ком писали еще другие биографы, работы которых частью помещены у Quetif et Echard (scriptores ord. praed.), частью не изданы.

4 См.: Barthol. Tridentinus, с. 1—2; Appoldia, с. 12; Iordanus, с. 6, 11.

5 Barthol. Tridentinus, с. 5; р. 556.

6 Acta Sanct; р. 647.

7 См.: Acta Sanct; р. 643, 652.

8 Epist. auth; р. 641—643. Доминику приписывают молитву за грехи всех людей: «"Господь, смилостивись над людьми! На чьем челе нет греха?!" И, терзаемый бессонницей, он плакал и рыдал над людскими грехами» (р. 642).

9 См.: Registra Innocentii III; I. VI, ep. 106, 197, 199; I. XII, ep. 17, 66—69 и др.

10 См.: Gerardus de Fracheto. Vitae fratrum; Acta Sanct, р. 441.

" Первым биографом св. Франциска был его ученик Bonaventura; к последующим принадлежат Th. Celsno, I. de Ceperano. В Acta Sanctorum (oct. t. II, 1866) помещено кроме соч. Бонавентуры (742—798) краткое дополнение к житию, приписываемое трем друзьям Франциска. Из пособий, которые почти все принадлежат к клерикальному источнику, лучшие — Ed. Vogt. Der heilige Franciscus von Assisi, biographischer Versuch. Tub. 1840; и протестантское — Carl Hase. Franz von Assisi, ein Heiligenbild. Lpz. 1856.

12 Acta Sanct; aug. 1.1, 447.

13 Bullarium Romanum, ed. 1857, Turin; III, 309.

14 Cansos; CLIII.

15 Cansos; CLIV.

16 P. Cern., с. 83; Guil. de Pod. Laur., с. 28; Cansos, CLIX.

17 Об этом упоминает только P. Сегп.; с. 83 (Migne. Patrologia; t. CCXIII, р. 701).

18 «При подходе графа к Тулузе его передовые воины были вероломно схвачены горожанами... и заключены...» См. P. Сегп.; с. 83. Этому противоречит Chron. prov., 138 (Megc); Cansos, CLX.

19 Chron. prov.; 139.

20 Chron. prov.; 139.

21 Cansos; v. 5048 etc.

22 Там же; v. 5635-46.

23 Petr. Cern.; с. 84, р. 705.

24 P. Cern.; с. 84.

25 Preuves de l'hist. de Languedoc; t. V, N 85, a. 1217-1219.

26 Cansos; CLXXXII.

27 Cansos; v. 5952-56.

28 Cansos; v. 6241-53. Срв.: Chron. prov.; р. 144. Петр Сернейский делает такой отзыв о легате Бертроне: «О, сколь часто приказ кардинала требовал предания смерти...»

29 См.: P. Cern.; р. 709.

30 Elh baro de la vila — Cansos; v. 6441.

31 Chron. prov.; 145. — Срв. Cansos; CXCI, особенно v. 6820.

32 Cansos; v. 6915-47. См. . Langlois. Croisades centre les Alb.; р. 383. На этом месте обрывается провансальская прозаическая хроника. В обоих манускриптах пропуск простирается на 12 листов. Пропущены, таким образом, события осады в продолжение полугода, от начала 1218 года до смерти Симона Монфора. В поэме начало пропуска соответствует 6911 стиху.

33 Cansos; v. 7054-55; 7288-94.

34 P. Сегп.; с. 85.

35 Cansos; v. 8230-33.

36 Сведения о военных действиях см. в Cansos; CXCVII—CCV.

37 P. Сегп.; с. 86.

38 Петр Сернейский, со своей точки зрения, уподобляет смерть Монфора кончине первоученика Стефана, также побитого камнями, и доходит в своих порывах даже до уподобления героя альбигойских походов самому Спасителю (р. 712). Предание о том, что женщина убила камнем Монфора, основывается, вероятно, на том стихе Cansos, где говорится, что камнеметная машина была своевременно притащена на укрепления «женщинами, девицами и замужними» (v. 8450)*¹.

39 Guil. de Pod. Laur.; с. 30.

40 Cansos, CCVI; Chron. prov., 146.

41 Cansos, CCVII; Chron. prov., 147.

42 Chron. prov.; 147.

43 Raynaldi. Annales eccles. a. 1216; p. 393.

44 Raynaldi, ot 25 ННВаpn 1217 г.; p. 418.

45 Percin. Monumenta conventus Tolosani, p. 20; § 47.

46 См.: Duchesne. Francorum Scriptores; V, 851. Это издание весьма редко, так как экземпляры были сожжены правительством во время Французской революции. См. у Raynaldi; под 1218 p. 447

47 Cansos; v. 9242.

48 Chron. prov., 152; Cansos, CCXI.

49 О походе Людовика 1219 г. и об осаде Марманда в летописях: Guil. Armoricus. De gestis Phil. Aug. a. 1219; Albericus. Trium Fontium. chron. a. 1219; Guil. de Pod., с. 32; см. также: Cansos, CCXII и Chron. prov., 152-153.

50 Guil. de Pod. Laur., с. 32; Chron. prov., Finis; Praecl. fee. a. 1219.

51 Guil. de Pod. Laur.; с. 33.

52 Preuves de l'hist. de Lang., V, 609; a. 1220.

53 Preuves de l'hist. de Lang; V, 611.

54 Compayre. Etudes histor. et docum. sur l'Albigeois, Albi, 1842; p. 371,390 etc.

55 Raynaldi; p. 497, a. 1221.

56 Duchesne. Francorum historiae scriptores; V, 457.

57 Raynaldi; p. 509-510, a. 1222.

58 Preuves de l'hist. de Lang.; V, 615.

59 Из Монпелье, 16 июля 1222 г. Там же; V, 614.

60 Inquisitio de Raymundo comite Tolosano apud Percin. Monumenta, 76—82, из подлинного манускрипта; hist, conv., p. 53, № 10. Допросные пункты служат существенным материалом для нашего рассказа. Дом Гюи Дежана по догадке du Mege находился на углу улиц des Banquets и du Taur; его следы сохранились. См.: Notes et 3dd. V; 96.

61 Aymrus de Peyraci, из арий Vaissete; I. XXIII, с. 63.

62 Bertrandus. De gest. Tol., там же.

63 Barrau et Darragon; II, 281, из хроники Olhgsrai.

64 Guil. de Pod. Laur.; с. 34.

65 Завещание составлено в Saint-Germain-en-Laie, в сентябре 1222 г. Оно приложено к хронике Guil. Breton, apud Bouquet. H. Martin; IV, 113.

66 См.: Raynaldi. Annales; p. 524, a. 1223.

67 См.: Preuves; V, 621.

68 Matth. Par., a. 1223. Это послание из Planium — местность неизвестная. Raynaldi; p. 323.

69 Preuves; V, 625.

70 Preuves; V, 626.

71 Gesta Ludovici VIII, a. 1234.

72 Raynaldi; 542. — Собор в Монпелье был последним делом Арнольда. Он умер в след. году. — Praecl. Franc, fac. a. 1225 и Guil. de Pod. Laur., с. 35.

73 Raynaldi; 552.

74 Gesta Ludov. VIII, a. 1225.

75 В 1225 году, 14 авг. См. Rymers. Acta publica; I, 241.

*¹ Мы можем отметить, что в качестве распространенного эпического мотива здесь могло присутствовать воспоминание о схожей смерти царя Пирра в Аргосе от рук женщины, метнувшей в него черепицу.

76 Matth. Par., a. 1226. Эта слова могут быть приписаны и Роже Вендоверу, который, как известно, был автором Большой истории Англии до 1235 года. Но Вендовер изобилует фрагментами Матвея Парижского в общих местах.

77 Preuves; V, 637.

78 Это послание шло от духовных и светских вельмож Франции за 20 печатями, из которых одна принадлежит Амори Монфору. № 133.

79 Coll. de Colbert.

80 Preuves: V. 632, 641; N 125, 136.

81 Matth. Psr. a. 1226.

82 Guil. de Pod. Laur.; c. 35. Об участии Фридриха II см. КаупаИ!; p. 573.

83 Guil. de Pod. Laur.; c. 36.

84 Joinville. Vie de S. Louis, c. 404; Matth. Par., a. 1228.

85 Tiilemont. Vie de S. Louis; I, 529.

86 Guil. de Pod. Laur.; c 37.

87 Mansi. Concilia; XXIII, 19. - Hefele. Concilien-geschichte; V, 838.

88 Guil. de Nangiaco. Chronicon, a. 1227. Эта кампания остается самой темной. Вильгельм Нанжис преувеличивает успехи французов; Матвей Парижский — успехи Раймонда; хроника Пюи-Лорана дает смутные сведения.

89 Matth. Par., a. 1228. Цифра (500) пленных французских рыцарей, видимо, преувеличена, а тем более преувеличено число пехотинцев (2000).

90 Guil. de Pod. Laur.; c. 38.

91 Preuves: V, 650; N 145.

92 Трактат помечен тем же днем 1228 года по тогдашнему счету: a. 1228 pridie idus Aprilis (12 апреля). Новый год начинался с Пасхи, а тогда Пасха падала на 15 апреля. Preuves; V, 651—655 из Thresor des chartes de roi.

93 Fantoni. Histoire d'Avignon; II, c. 1.

94 M Catel. Histoire des comtes de Toulouse; 338. — Guil. de Pod. Laur.; c. 40.

95 Du-Tillet. Historia belli contra Albigenses (Ber. 1845); p. 63-66. — Benoist. Hist, des Albigeois; II, 325-330.

96 Preuves; V, 659-661.

97 Мы пользовались статутом Тулузского Собора в сборнике Doat. Copies faites etc.; XXI, 78-88. Cps.: Mansi. Concilia; XXIII, 191-204.

98 См.: Guil. de Pod. Laur.; c. 40. Постановление о подсудимых в статуте: канон 34.

К главе второй книги второй

1 Percin. Monumenta cotiventus Tolosani; opusculum de inquis. exerc.; p. 83: «Инквизиция — не новость в Церкви, ибо в древнем Законе Моисеевом встречается это имя...»

2 Второзаконие VII; 2—6, 16.

3 «Если найдутся среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло перед очами Господа, Бога твоего, преступит Завет Его — и пойдет и станет служить иным богам и поклонится им или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел; — и тебе возвещено будет, и ты услышишь; то ты хорошо разыщи (audiensque inquisieris diligenter), и если это точная правда, если сделана мерзость сия во Израиле — то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим, и побей их камнями до смерти». Второзаконие XVII, 2—5. См. Percin, там же; p. 83.

4 Законы 315 и 339 года. В 312 г. был издан закон о конфискации против донатистов.

5 Этот знаменитый закон был повторен при Констанции, в 342 и 353 г.

6 Известный церковный историк Евсевий Кесарийский, присутствовавший на Никейском Соборе, почему-то стесняется говорить об его постановлениях, что можно читать у Сократа-схоластика (I. I, c. 9). Об эдикте против книг см.: Eusebius. Vita Const.; I, III, c. 65.

7 Ев. от Матфея; XVIII, 22. Посл. к Титу; III, 10. Второе посл. к Фессал. III, 14—15. К Римл.; XVI, 17. Та же терпимость предписывается в след. местах: Ев. Матфея; X, 13. Ев. Марка; VI, 2. Ев. Луки; IX, 56; X, 2; XIII, 8. Деяния; XXI.

8 По 22-му канону этого Собора: «Впавшего в ересь и возвратившегося после в лоно Церкви следует принять потому, что он признает грех свой; он должен каяться в течение 10 лет и затем может быть допущен к причащению. Если кто в детстве еще уловлен в ересь, то, обращаясь

к Церкви, будет принят в нее без покаяния». По 72-му канону: «Если верный станет доносчиком в церковном деле и кто-либо будет казнен смертью или изгнан вследствие его доноса, то да будет отказано ему в причащении даже перед смертью. Но в случае, если последствия его доноса не будут так тяжелы и сам доносчик покается, то через 5 лет он может быть допущен к причащению». См.: Mansi. Concilia.

9 Таким образом, в Codex Theodosianus вошло всего 64 таких закона, со включением трех Валентиниана II; см.: Gothofredi comm., VI, I, 116-122.

10 Ammianus Marcellinus. Historia; XXII, 5.

11 См. об инквизиторах, совершающих изыскания вины и объявляющих наказания: Cod. Theod. VI; 137, lex 9. Те же инквизиторы понимаются в законах 13, 15, 31, 35 и 52 этого кодекса.

12 См.: Cod. Theod.; VI, 177, lex. 32, 34, 40, 46, 53, 54, 65.

13 Прочие цитаты во множестве приводит Льоренте.

14 См.: Neander. Gesch. der christi. Religion und Kirche; II, 190.

15 Подстрекателями императора были епископы Магнус и Руфус.

16 Все приведенные и многие другие места из Отцов и Писания собраны у Неандера, Утботсн (H181. 1гщ., с. 5) и особенно Liorente. Histoire de l'inquisition d'Espagne; IV, 178—241. Вся 45 глава его знаменитого сочинения служит полемикой с апологетами инквизиции и вместе с тем красноречивой защитой терпимости.

17 См.: Migne. Patrologia; XXXII, 632.

18 Льоренте пытается, но неудачно, защитить и оправдать Августина; IV, 235. Известно, как дико ратовал Кальвин за идею Августина в «Защите православного учения» (I. II, с. 5) и в «Наставлениях в христианской вере» (I. IV, с. 12), называя нечестивыми тех, кто осмеливается утверждать, будто апостолы не требовали у властей преследования еретиков.

19 Aug. epistolae, 127, ad Donatum. — В поел. 50 и 68 Августин рассказывает о жестокости донатистов против православных.

20 Leonis Magni epistolae; 15, 29. — Migne. Patrologia; БГУ, 678— 695, 783 — против присциллиан и евхитов.

21 См.: Цезарь. Галльская война; VI, 13: «Кто отлучен друидом, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, словно с заразным...».

22 Pertz. Monumenta Germaniae (Leges; 1); III, 53—67.

23 Baronius. Annales ecclesiastici, a. 849.

24 Nithardus. Historiarum; I. IV, apud Pertz. Monumenta Germaniae; II, 672.

25 Liutprandus. Liber de reb. gest. Ottonis Magni; с. 4 (Pertz; V, 340).

26 См.: Fulberti epist. 74 (V Bouquet, scrp. rer. Gall., X, 479); Lambertus Heisfeldensis, Annales, a. 1071, 1075 (Pertz, VII, 184, 236); Ratherius Verunensis, Itinerarium Romanum (у Migne. Patr.; CXXXVI. 579-599).

27 Mansi. Concilia; XVIII, 527; XIX, 345.

28 Так торговал папским престолом Бенедикт IX. Купившего он лично посвятил, а сам оставил дворец; нобили выбрали третьего; тогда вернулся и Бенедикт. Спокойно все они разделили между собой доходы Церкви и стали править втроем^{*1}. Это было в 1045 г. Император Генрих III низложил всех троих.

29 Ademari Chronicon. cm. Bouquet; X, 159. Pertz; VI, 143.

30 Martene et Durand. Veterum scriptorum collectio; IV, 898. О Basouc см.: Hist, litteraire de France; VII, 388.

31 Mansi. Concilia; XIX, 423-425.

32 Petrus Damiani. Epist. 20.

33 Mansi. Concilia; XXI, 843.

34 Ughelli. Italia sacra; IV, 156. 3го Sbuio b 1173 г. см.: Acta Sanct; apr. II.595(Galdinus).

35 Muratori. Antiquitates italicæ; III, 143. Muratori. Scrp. rer. ital.; I, 903 (Istoria di Chiusi). Acta Sanct.; Majus, V, 86 (Parentins).

36 Mansi. Concilia; XXII, 231,-cap. 27.

37 Обе копии хранились в Екатерининском доминиканском монастыре, в Барселоне; обе середины XIV века. Оттуда они перешли в исторические сочинения и были скопированы в Doat XXXI, 2.

*1 'Сильвестр III, Бенедикт IX, Григорий VI.

38 Об этом говорится в *Vita Catharinae*; с. 8. см.: Michele Pio. *Delia nobil. progen. de Dom.*

39 Raynaldi; a. 1220, p. 475. Richardus di S. Germane. *Chronicon. Muratori*; VII, 992.

40 Из этого сопоставления инквизиторов и частных лиц видно, что под первыми следует разуметь тех почтенных граждан, или, проще, сыщиков, которые должны были с епископом обходить приход, по постановлению Латеранского Собора 1215 года, и что формальных трибуналов тогда еще не существовало.

41 *Bullarium Romanum* в приложении к итальянской энциклике Иннокентия IV 1243 г. (из Перуджи, 31 окт.), в которой он рекомендует властям и инквизиторам законы эти к исполнению; III, 503-507.

42 *Insatiales sanguines. Huillard-Breholles. Hist, diplom.*; III, 48-50.

43 *Matth. Par.*, a. 1229. Подтверждается и арабскими известиями. См.: Wilken. *Gesch. der Kreuzzugen*; VI, 474.

44 Raynaldi, a. 1231; II, 38.

45 *Catholicos viros civitatis et diocesis earumdem*, — сыщики и понятые при епископах из почтенных граждан.

46 Raynaldi, a. 1231; II, 39.

47 *Huillard-Breholles. Hist, diplom.*; II, I.

48 *Percin. Monumenta conv. Tolos. Inquisitio*; p. 92, без указания числа.

49 Нигде, кроме *Percin* (там же), мы не нашли этой буллы, и то в извлечении. Она помечена апрельскими идами (13-е число). В рукописях из тулузского архива мы нашли подобную буллу к французским прелатам об оказании содействия и о покровительстве доминиканцам. Но числа не сходятся на неделю; она 20 апреля 1234 г. (XXXI, 21—25). Если даже она, как и остальные послания, адресованные во Францию, была подделана доминиканцами, так как содержание ее было слишком важно и лестно для них, то действительность ломбардского бреве не подлежит сомнению, хотя и нет его подлинника.

50 *Fr. Diago. Hist, de los predicadores de la provincia Aragon*; 1.1, с. 3.

51 См. о нем две специальные монографии: Henke. *Konrad von Msrburg. Marb. 1861* и P. Haurath. *Der Ketzermeister K. von Marb. Heidelb. 1861*.

52 *Bullarium Romanum*; III, 483.

53 *Matth. Par.*, a. 1238.

54 Raynaldi, a. 1251; p. 448.

55 *Acta Sanctorum*, 29 апр., III, 686—727 (две биографии: вторая — Th. Lenlinus). «Глашатай лежит, боец кулачный Христа, народов, благочестия — Здесь молчит, здесь сокрыт, здесь лежит несправедливо...» Фра Томасо, автор этих стихов, в панегирике Петру Веронскому говорил, что св. Франциск получил печать святости от Бога мертвого, а св. Петр — от Бога живого. Это вызвало полемику и раздражение между францисканцами и доминиканцами и неодобрение Николая IV.

56 В первом заседании 29 июня папа произнес речь на текст: «О вы, которые переходят...» В ней он, между прочим, сравнивал свои пять скорбей с пятью ранами Иисуса Христа. Первая скорбь причинена ему бесчеловечными татарами, которые опустошают с таким зверством христианский мир^{*1}; вторая — расколом, т. е. православными церквями восточной Европы, которые давно уже горделиво отделились от груди своей матери, как бы от груди мачехи; третья — успехами новых ересей, которые запятнали много городов, особенно в Ломбардии; четвертая — св. Землей, в которой гнусные мусульмане разрушили и срыли почти все, проливая потоки христианской крови; наконец, пятая скорбь причинена владыкой мира, т. е. императором, который вместо того, чтобы быть защитником Церкви, стал домашним врагом ее, сильным противником и явным гонителем наместников Божиих. Ручьи слез текли из глаз папы, и стоны прерывали его речь. См.: *Matth. Par.*, a. 1245.

57 Raynaldi, a. 1247, II, 370; a. 1248, II, 396, 399.

58 Об этом кроме Матвея Парижского свидетельствует и сам Фридрих (*Huill. Breh.*; VI, 705-707, 708-709) в двух своих письмах. Петр Винецкий приблизился к императору с 1221 г. Его рекомендовал как способного юриста архиепископ палермский. Он был назначен одним из судей императорского суда; скоро сделался нотарием, а потом протонотарием, что соответствовало обязанностям канцлера. Он вышел, вероятно, из народа и уже по тому одному был по сердцу

^{*1} Именно в 1240-1243 годах татаро-монгольские войска совершили поход на восточную и центральную Европу.

Фридриху. Он подавал мысль к новым реформам, и все государственные акты времени Фридриха II отредактированы им. Он был заклятым врагом Рима, и потому неестественно, чтобы он вступил в секретную переписку с папою и подкупил доктора отравить императора. Жестокость в деле Петра дурно рекомендует Фридриха. Не разобрав дела, он велел пытать его и, ослепив, возил за собою по итальянским городам, — «среди оскорблений и пыток, пока над изменником не будет исполнена последняя казнь»^{*1}. Все три документальных сведения о дальнейшей участи Петра сходятся в том, что он окончил свои дни самоубийством.

59 Raynaldi, a. 1251; II, 436-438.

60 Albertus Stadensis. Chronicon. — Pertz; XVI, 371-2.

61 Bullarium Romanum; III, 551. Булла довольно сбивчива; между пунктами 24 и 31 противоречие.

62 Bullarium Romanum; III, 583, § 4.

63 Percin. Monum. conv.; p. 96.

64 Bullarium Romanum; III, 646.

65 Bullarium Romanum; III, 663, от 27 сент. 1258 г. Позднейшая инквизиция вопреки 4-му пункту этой буллы главным образом сосредоточилась на волшебниках и ведьмах, что строго возбранялось всеми руководствами инквизиторов.

66 Lucas Tudensis. De altera vita adv. Albig. ed. Msriana, 190.

67 Ев. от Матфея; XIII, 28-30.

68 Guil. Par. Opera (1672). De legibus; I, 82.

69 Summa totius Theol. (Col. 1640); II, 46-50.

70 Farlati. Italia sacra; IV, 257.

71 Etabl. de S. Louis; I. I, с. 85. Подробный разбор этого замечательного памятника средневекового права у Sismondi. Hist, des Francais; VIII, 62-97.

72 Guil. de Nangiaco. Chron., a. 1259.

73 Guil Bardinus. Historia chronologica parlamentorum Occitaniae apud Vaissete; VI, 586.

74 Percin, p. 106 и рук. сборник Doat, XXXV, 214.

75 Такой факт приводит Lamothe — Langon. Hist, de l'inq. en France; II, 67. Место это в графстве Каркассонском, около Ла-Грассе, и названо в народе Холмом жертвоприношений. Народ перенес на самого Доминика свирепость его последователей.

76 Еум.; III, 47-53.

77 См. две буллы Александра IV в протоколах Doat, XXXI, 206, 281, во Францию и в Лангедок 1257 г.

78 Этим делом открываются протоколы тулузской инквизиции (Doat. Collection; XXI, 34—50). Кроме архиепископа Петра было еще 6 духовных свидетелей и 90 других. Обвинения были по большей части голословны.

79 Цитаты у Schmidt: Hist, des Cathares; II, 183.

80 Reg. Inn., XI, 46; XIV, 138.

81 Нотариус и секретарь, выбранные из священников или мелкого духовенства в силу буллы от 9 дек. 1256 г., отнимали всякий характер правосудия и самостоятельности от трибунала. В булле не скрывали цели. Но впоследствии во Франции появились широкие гарантии для нотариусов, ставших агентами королевского прокурора; об этом у Doat; XXXI, 15.

82 Ivonetus. Tract, de haer. paup. de Lugduno; Mart. Dur., V, 1789.

83 Mem. cone. l'inq.; p. 27. Подробнее — Liorente для позднейшего времени.

84 В сборнике Doat — распоряжение Климента IV в 1268 г. о буржуа Альмарике де Кастро, по делу которого были посланы два кардинала (XXXII, 46). В деле убитого Петра Веронского папа сделал собственное распоряжение (XXXI, 201). В 1266 г. Климент IV простил де Лили из Венессена и освободил его от пожизненного заточения (XXXII, 30). Иннокентий IV освободил Бертрана де Роэкса (XXXII, 69).

85 В 1234г. Mansi. Cone.; XXIII, 266.

86 Preuves de l'hist. de Lang. у Вссс; VI, 104. Таюхе у Doat. XXI, 174, 168.

87 Hefele. Conciliengesch.; V, 979 по 2-му канону. В док. Ooal.; XXI, 104.

88 «Дуют нечистоты на (такие) убежища», — писал еще Иннокентий III. Reg. Inn.; X, 130.

89 Документы и все подробности у Doat; XXXI, 16 и далее.

^{*1} «Набожный вид у такого рода злодеев следует исправлять грубой сажей», — говорил Фридрих.

- 90 Traite sur les privileges de l'inq. — Doat; XXX, 24.
- 91 Doat; XXIX, 208-210. 93 Reg. Inn.; III.
- 93 Пример у Percin. Hist. conv. Tol.; 51.
- 94 Doat; XXIX, 183-186, 200, 249, 255.
- 95 Petrus Cantor. Verbum abbreviatum. cm.: Migne. Patr.; CCV.
- 96 Собор в Альби 1254 г., кан. 30. Doat; XXI, 103.
- 97 В 14-м каноне Собора 1229 г.: «Воздерживаться также от того, чтобы иметь Ветхий и Новый Заветы...» Через 5 лет в Таррагоне во 2-м каноне поставлена оговорка о том, что имеются в виду Заветы на романском языке (Mansi; XXIII, 329). Но Тулузский Собор был гораздо важнее, а приговоры его обязательнее таррагонского.
- 98 Percin. Conv.; 48.
- 99 Из архива каркассонской инквизиции. Doat; XXXI, 29—32.
- 100 Percin. Conv.; 48. В протоколах нет этого дела, может быть, потому, что оно не носило инквизиционного характера.
- 101 Bern. Guido. Hist. conv. Tol. (Mart. VI, 640); автор писал в начале XIV века; им пользовался Percin. Martyres Avignoneti; 199—202.
- 102 Catel. Comtes de Toulouse; 358.
- 103 Rayn.; II, 149.
- 104 Doat; XXI, 163-166.
- 105 Percin. Conv., 51; Mart. Av., 200.
- 106 Liorente; I, 74.
- 107 Мы опираемся на даты протоколов Doat (там же, Г. 146 — 149), где говорится о предварительной сентенции об осуждении Роэкса. У Вессэ по Персену приводится другое число и предполагается особое дело о 6 сожженных (I. XXV, с. 14).
- 108 Doat; г. 179.
- 109 Там же.
- 110 Doat; XXII, 250-276.
- 111 Bibl. des Charles; II, 371-379.
- 112 Doat; XXI, 185-312.
- 113 Например, в отдельном приговоре от 8 дек., 153—185.
- 114 Preuves de l'hist. de Lang.; VI, 430 — M 31.
- 115 См.: Percin. Martyres Avenioneti; с. 4, р. 202. Показания пред трибуналом свидетелей в Preuves у Вессэ; VI, 450.
- 116 Guil. de Pod. Laur.; с. 45.
- 117 Mart. Avign.; с. 5. Предание связывает со снятием интердикта чудо; колокола в одной загородной церкви сами зазвонили, когда в Риме папа подписывал разрешение. Это обстоятельство сделалось предметом эксплуатации. Пий III в 1537 г. ввел в индульгенции посещение этой чудотворной церкви.
- 118 Matth. Par., a. 1242.
- 119 Hist. gen. de Lang.; I. XXV, с. 62.
- 120 Preuves; VI, 435 — № 37. Здесь он был готов признать собственное бесчестие и рабство.
- 121 См.: Gallia Christiana; VI, 155.
- 122 Matth. Par., a. 1242.
- 123 Doat; XXII, 154-172 — донос Gathard del Congost.
- 124 См.: Ooa1; XXII и XIV.
- 125 Doat; XXII, 288—296. — Этот рассказ в некоторых подробностях, которые приводить здесь излишне, отличается от официального рассказа Персена. Сам Альфаро представляется вовсе не балы, а придворным Раймонда VII.
- 126 Doat; XXII, 108.
- 127 Guil. de Pod. Laur.; с. 46. — Согласно с нами объясняет дело в своем одушевленном рассказе Peurat (Hist. des Albigeois; II, 363), который мы прочли после составления предлагаемого труда.
- 128 На барельефах, снятых с аббатства Сен-Волизьен и перенесенных теперь в городскую библиотеку, в Фуа, видна фигура священнослужителя в митре, поддерживаемая двумя воинами с веревкой на шее. Эти барельефы изображают сцены из взятия Монсегюра, а в лице прелата ученый Де Меже, а за ним Пейра (II, 370), хотят видеть Б. Мартена, забывая, что альбигойские

духовные презирали церковные украшения. Гораздо проще принять эту сцену за казнь католического духовного как заложника.

129 Рыцарь де Сегье каялся, что говорил и ел вместе со своею матерью, которая стала еретичкой, а подсудимая Сегьервиль обвинила всех своих близких за один раз. См.: Boal; XXIV, 8, 9.

130 См. там же; XXII, 201-237; XXIII, 309.

131 Там же; XXXI, 60-75.

132 Reinerius Sacchoni. Summa de Catharis et Leonistis — из Doat et Gretser.

Guil. de Pod. Laur.; с. 47.

134 Du-Mege. Add. et no.; I. XXV, № 6—7. У него же далее приведен по возможности полный список альбигойских архиереев, диаконов и диаконис, составленный по упоминаниям в протоколах.

135 Doat; XXXI, 101, 105 — non. febr. a. IV, 2 non. febr. a. V.

136 Doat; XXIV, 244, 250, 253, 264, 265, 281, 278.

137 Doat; XXII, 90.

138 Все это дело см.: Doat; XXII, 89-108.

139 Doat; XXIV, 261, 1247 год.

140 Guil. de Pod. Laur.; с. 47 в конце.

141 Guil. de Pod. Laur.; с. 48.

К главе третьей книги второй

1 Рукописный сборник Парижской библиотеки: в конце; LIX, 226.

2 Tresor des Charles, J. 890. Помещено в Bibl. de l'Ecole des Ch. 1 s.; I, 389 etc.

3 Из архивов у Lafon. Midi; III, 51.

4 Delisle. Fragments de l'hist. de Gonesse. см.: Bibl. de l'Ecole des Charles. 4 s.; V, 116.

5 Докум. 1254 г. в Preuves; VI, 495. Ord. des reformateurs envoyes par Alfonse etc. Посланная для ознакомления со страной, комиссия дала наставления относительно еретиков и администрации.

6 Подобная гуманность проявилась и при дворе английского короля. У Matth. Par. под 1258 г. читаем: «В эти дни от короля было разослано брeve в каждое графство, к четырем рыцарям, которые были избраны в каждом графстве. Эти рыцари должны были основательно разыскать, сколько притеснений и какие именно вымогательства делали сильные над простыми людьми, сделать тщательное дознание о всех жалобах, предъявленных кем бы то ни было с самых ранних лет, и все результаты своих исканий, скрепленные печатями, представить в указанный срок баронам». Это послужило началом участия рыцарей в парламентских собраниях, так что грамота 1264 г. подтвердила уже готовый факт.

7 Рукопись Нац. библ. fond latin, Ns 9019, f. 15, 18, 24 (дела в Пуату в Вознесение 1259 г.); там же, Г. 22 (в Сентонже 1261). В госуд. архиве I, 192, № 52 (Пуату 1237 г.) и Suppl. I, 1034.

8 Рук. Нац. Библ.; Г. 1, №10918, Г. 14.

9 Doat; XXXII, Г. 4-13, а. 1267.

10 Doat; XXXI, 250.

11 Suppl. du Tr. des Ch., .1. 1024, № 7.

12 См. обо всех этих фактах: Doat; XXXI, 171 — в июне 1251 г.; XXXII, 57- январь 1269 года, а также 237, 254, 281, 292.

13 См. Doat; XXXII, 46, 53-60, 64-69, 72-85.

14 Там же; 67.

15 Doat; XXXI, 256.

16 Arch, de la Fr. apud Boutaric; 456.

17 Liber sent. inq. Tol. apud Limborch; 246.

18 Док. Нац. библ. № 9019, посвященный «Господину Годфриду де Кароль», уплатившему 20 ливров. Также в 1268 г. вместо доказательств на дворянство уплачено 200 ливров (Г. 34).

19 Этого ордонанса св. Людовика не сохранилось, но намек на него в Olim; I, 626.

20 Сессия тулузского парламента 1270 г. в архиве I. 1131, № 11 — «Насчет петиции баронов Аженуа...».

21 Из красной книги монтобанского городского архива у Mary-Lafon; II, 320.

22 Mary-Lafon; II, 322.

- 23 Ms. de l'Arsenal — «Oimais viuron Praensals a dolor» apud Diez. *Leben und Werke*; 443 и Mary-Lafon; III, 43.
- 24 «A la Gleiza falh non saber», также с рук. Арс. Там же; 44.
- 24 В. Sicard: «Ab greu cossire», — Rayn.; IV, 191.
- 25 Durand de Paernas, apud Millot (*Hist. litt. des troub.*; II, 226) — из разных сирвент. Он не надолго пережил падение независимости.
- 26 Paulet de Marseille из манускрипта Национальной библиотеки. К сожалению, оригинал не полон. См. Lafon; III, 46—47 и Diez; 584. Кроме того, 7 сирвент. Такая же ненависть к французскому владычеству дышит в протоколах инквизиции. См. Doat; XXV, 38.
- 27 Arnaud Daniel (de Bibeyraci; II, 370). Он был замечательнейшим певцом любви; ему удивлялся Данте (Baret; 90, 169).
- 28 Raynouard. *Choix des poesies*; IV, 335. Sismondi. *Litt. du Midi de l'Europe*.
- 29 P. Cardinal. *Choix*; IV, 357, 439.
- 30 См.: Fauriel. *Hist. de la poesie prov.*; II, 217.
- 31 Fauriel; II, 219. Rayn. *Choix.*; V, 306. «Mas jacopi».
- 32 Rayn.; IV, 309.
- 33 Его звали Пердийон из Лесперона; он был вассалом графа тулузского. О нем Fauriel; II, 218.
- 34 Guil. de Pod. Laur.; с. 51. *Praecl. Franc, fac.*; а. 1271.
- 35 Caffari. *Ann. genuenses*; I. IX (Muratori. *Scrp.*; VI, 553).
- 36 Mary-Lafon; III, 61.
- 37 Акт принятия владений с поименным перечнем присягавших вассалов и городов: «*Registrum de saisimento civitatis Tholosae et Comitatus*» etc., помещен в приложении к первому тому Lafaille (*Annales de Toulouse*). *De juramento notariorum*, p. 50.
- 38 Guil. de Pod. Laur.; с. 52. Этим фактом кончается его летопись; автор доволен французским владычеством и королем, что показывает, как французы успели повлиять на национальное чувство провансальцев. Даже у поэтов граф де Фуа не нашел сочувствия. В ответ на его попытку раздались стихи: «Король наш, который по храбрости не имеет равного себе, скоро распустит свою хоругвь. Теперь, на земле и на море, мы увидим развевающиеся лилии, а это так приятно мне».
- 39 Этим открываются дела в Фуа: Doat; XXV, 2. Подобные же мысли другой раз высказали монахи того же ордена: там же; Г. 241.
- 40 Doat; XXV, 15-7; там же, jul. 1273.
- 41 Doat; XXV, 20.
- 42 Doat; XXV, 27, 24. Так проповедовал Р. Виталь.
- 43 Особенно полно исповедание одного сучильщика, там же, 54—61. Он ясно сознавал все, чему учили его; в его устах был весь альбигойский кодекс.
- 44 Doat; XXV, 38-54.
- 45 Там же, 62; там же, 3, febr. 1273. К счастью для нее, это оказалось вымыслом (срв.: Г. 164); доносчица, допрошенная 14 июня, отперлась от своих показаний и признала все клеветой. Но тем не менее и такой пустой факт остановил на себе подозрительность трибунала.
- 46 Там же; 216.
- 47 Такое показание относится к 1275 г. Там же; XXV, 225.
- 48 В 1276 г. по доносу одного священника на Понса де Гарда, Г. 226. Это первый положительный факт, имеющий прямую связь с историей новой Реформации.
- 49 См.: Doat; XXXII, 134, 136-139, 141, 254, 164-240.
- 50 *Chron. Parmense*, apud Muratori
- 51 Doat; XXXII, 266-270, scrp. IX.
- 52 *Preuves de Phist. de Lang.*; t. VI, p. 648, nq CCXI.
- 53 *Preuves*; VI, 649.
- 54 Percin; p. 67.
- 55 Для всех подробностей о Бернаре и о состоянии инквизиции в Лангедоке в 1319г. сохранился большой процесс в 307 листов т 4, в Нац. библ. Г. I. № 4270: *Processus insignis contra fratrem Bernardum Delitiosj ordinis minorum qui contra inq. officium, inq. ipsos et fr. praed.* etc. Он передан из Каркассона и представляет собой позднейшую копию, засвидетельствованную нотариусом.
- 56 Doat; XXXIV, 21.

- 57 О путешествии короля см.: Proc.; I. 13, 137, 158, 166, 269, 278.
- 58 Processus ins.; f. 21, 139.
- 59 Proc. ins.; f. 112. 611 Proc. ins.; f. 26.
- 61 Doat; XXXIV, 12.
- 62 Proc. ins.; f. 81.
- 63 Р. Гайтальди; дело в марте 1284 г. Doat; XXVI, 80.
- 64 Там же; XXVI, 217.
- 65 In Sexto Decretalium; tit. XII, c. 3.
- 66 Wadding. Ann. franc, a. 1302.
- 67 Протокол осмотра и следствия от 13 мая 1306 г. Ooa1; XXXIV, 45 e1c.
- 68 См. для Дольчино католические источники у Muratori. Scrip, rer.ital.; IX, 425-460.
- 69 Hist. Dulcini haeresiarcae. См.: Muratori; IX, 440—442.
- 70 Clementin; I. V, Ш. II.
- 71 См.: Doat; XXXVII, 6.
- 72 Baluzius. Vitae pap. Avign.; II, 342.
- 73 Doat; XXXVII, 76.
- 74 Proc. ins.; f. 167, 188, 262. см.: Baluz. Vitae; II, 248.
- 75 Proc. ins.; f. 35.
- 76 Lafaille. Annales de Toulouse; I, 49. Preuvcs des Annals; 61.
- 77 Proc. ins.; f. II, 51, 86, 60.
- 78 Позднейшие бегины также постоянно обвинялись в чтении и почитании Оливы, который для них «свеча и свет, коими Бог изъявляет жалость...» (Doat; XXX, 252). Его сочинения были переведены на провансальский язык.
- 79 Baluzius. Vitae pap. Av.; I, 324.
- 80 Guil. de Nangiaco. Continuatio.
- 81 Liber sent. inq. Thol.; 208—268. Имена прочих подсудимых и привлеченных вместе с ними от 1307—23 года там же в приложении на стр. 397, где содержится общий список еретиков разных учений. После крупных дел можно поименовать процессы Эмония, его брата Гелия, Гильома де Боско и его сына Раймонда, Гильома де Бессьена (из Монтобана), Стефана де Виньи и его жены: Иоганны, супруги Петра Арагонца, Пейронеллы, жены Гелия Гарини, и ее мужа; П. Р. Доминика и его жены; Арнольда Изарна из Вельмура (из еретической фамилии), П. де Гандоне, П. Эмония и его жены; Стефана Гарини и его жены и пр. Далее попадает много бургундцев, судимых как вальденсы. Бегины судились преимущественно в 1322 и 1323 гг.: П. Домитлик из Нарбонны и Гильом Руф из Мирепуа. Последним решением Гвидона было схватить барона Бернарда де Мафери, который был отлучен за бегинство в 1322 г. и уличен вторично.
- 82 См.: Doat; XXX, 238, 242, 253, 257.
- 83 Он помещен в Archivio storico italiano b 1865 r. serie terza, t. 1, parte 1—2 под редакцией С. Аглай.
- 84 Это сознавал сам инквизитор. В начале протокола говорится: «Сподвигнемся против всех еретиков... Вальденсов, бедняков из Луджано или остальных еретиков...» Arch. st. it.; I. 16.
- 85 См.: Processus; I, 18, 21, 23.
- 86 См.: там же; I, 23, 28-29, 38.
- 87 См.: Processus; II, 4, 9.
- 88 Чистое альбигойство продолжает проявляться во второй части документов процесса: 12—14, 15, 17; видоизмененное под влиянием бегинов в деле 21 июня. Processus; II, 30.
- 89 Processus; II, 51-52, 59-60.
- 911 Processus; II, 57. Все это место вообще темно; видимо, следствие приобрело смутные сведения; сомнительно, чтобы посвящавший мог пользоваться собственностью, когда он сам был из числа confessores. Показаниями Иакова Бека, данными в туринском доминиканском монастыре, кончается следственное дело 1387 г. Участь этого главного подсудимого неизвестна.
- 91 Петранович. Богомили Цркви Босаньска и крестяни (1867, Задер); стр. 135—168. Упомянем о прекрасном труде Рачки, посвященном истории богомилства, помещ. в издаваемом им jugosl. Ak., извлечение из которого составил L. Leger (Revue des questions histor. 1870, april).
- 92 Еретиками считались епископы Мирослав, Радингост, Радослав, Радомир, Милоз (1446). Петранович, 167.

93 Такова была участь Нинослава, который в первой четверти XIII века колебался между католиками и богомилами, а также из Котроманичей Стефана (1310—58 гг.) и последних королей: Твердко Твердковича, Томаша и Стефана Томашевича (1463).

94 Crespin. Hist, des Martyrs. Gen. 1570, f. 42.

95 См.: Leger. Hist, des Egl. de Piemonte; II, 332.

96 Местная летопись Petit Thalamus, изд. археол. общ. Монпелье в 1840г., которой мы обязаны сообщением содержания учения Екатерины (р. 463), умалчивает о подробностях следствия и казни. Отрывки из нее, касающиеся описываемого дела, приведены в статье Жермена.

97 Показания двух доминиканцев о его смерти мы нашли у Doat.; XXXV, 10-18.

98 Raynaldi. Annales, a. 1322, п. 53. — Суд 1321 г. над неизвестным нарбоннским бегином; а также процесс Петра Еглейзы, нарбоннского священника, в мае 1324 г. у Doat; XXVIII, 96, в котором участвовало до 20 гражданских лиц и докторов прав.

99 См.: Doat; XXXV, 182-187.

100 Herzog. Real-Encycl. fur protest. Theologic und Kirhc; III, 839. Duldung von Jacobson.

101 Булла целиком приведена у Leger. Hist, des Egl. valdoises; II, 8-21.

102 Doat; XXXV, 204.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из «Руководства инквизитора» за 1323 год

«Что представляют собой колдуны, прорицатели и заклинатели демонов? Зло и греховные заблуждения колдунов, прорицателей и заклинателей демонов принимают в различных провинциях и областях многочисленные и разнообразные формы, будучи связаны с бесчисленными вымыслами и ложными, пустыми фантазиями суеверных людей, верящих духам заблуждения и демоническим учениям.

Каким должен быть допрос колдунов, прорицателей и заклинателей демонов? Подвергнутого обвинению колдуна, прорицателя и заклинателя демонов следует допросить о том, сколько и какого рода ему известно способов колдовства, гадания и вызывания духов и кто его им обучил.

Так же следует углубиться в подробности, учитывая личность и положение допрашиваемого, ибо допрос не должен быть одинаковым для всех. Одним будет допрос мужчины, другим — женщины. Обвиняемому могут быть заданы следующие вопросы: что он знает, чему он научился, какие он приемы применил в отношении детей, чтобы снять насланную на них порчу?

Так же в отношении пропавших и проклятых душ. То же в отношении воров, подлежащих заключению под стражу; так же для достижения согласия или несогласия между супругами; так же для избавления от бесплодия; так же в отношении снадобий, которые колдуны дают принимать внутрь; то же в отношении фей, приносящих счастье или, как говорят, исчезающих ночью; то же в отношении чар и заклинаний с помощью заговоров, плодов, растений, веревок и тому подобное. Далее: кого он этому научил? От кого наследовал? Кто учил его самого?

Так же, что он знает об исцелении больных с помощью заговоров и заклинаний? Что ему известно о собирании трав на коленях, с лицом, обращенным на восток, и с воскресной молитвой на устах?

Далее, что это за паломничества, мессы, приношение свечей и раздача милостыни по указанию колдунов?

Так же каким образом они обнаруживают украденное и узнают покрытое тайной?

Далее дознание перейдет к действиям, отдающим каким-либо суеверием, к несоблюдению и оскорблению таинств Церкви, в особенности таинства Святого Причастия, а также почитания Бога и святых мест...

Далее — об обычае крестить фигуры из воска или другого материала. Надобно расспросить о том, как производится крещение, для чего используются эти фигуры и какую пользу они приносят.

Так же задержанного следует спросить о фигурах из свинца, которые делают колдуны, о способе изготовления и использовании...

Так же верил ли он в реальность того, чему его учили другие? Какие благоденствия, подарки, награды он получал за свои услуги?..»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора

Книга первая История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III

Глава первая. ВВЕДЕНИЕ

Глава вторая. АЛЬБИГОЙСКИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ

Глава третья. ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЙНА

Глава четвертая. ТОРЖЕСТВО МОНФОРА

Книга вторая Первая инквизиция

Глава первая. ЛАНГЕДОК в 1216-1229 гг.

Глава вторая. НЕТЕРПИМОСТЬ и ИНКВИЗИЦИЯ

Глава третья. ПОСЛЕДСТВИЯ ЕРЕСИ и ЗАВОЕВАНИЯ

Обзор источников и пособий

Указатель важнейших персонажей

Примечания автора

Приложение